

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

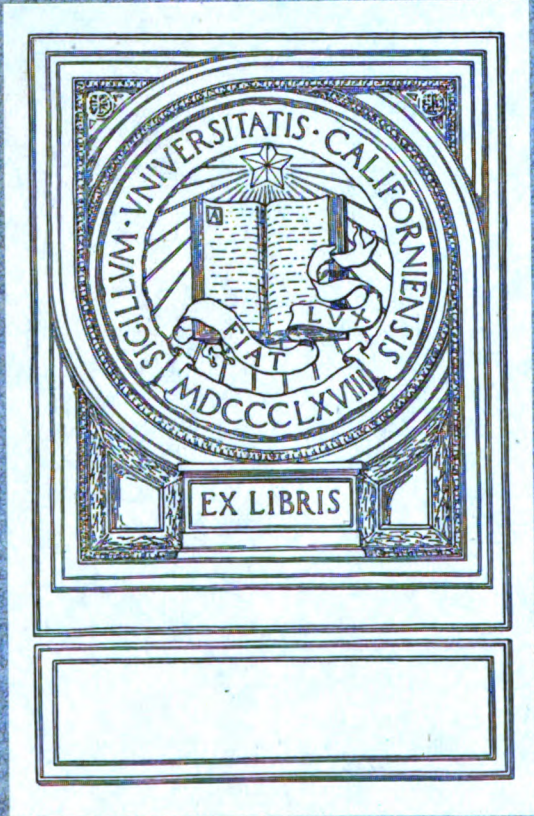
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 2 917 442

CHAPMAN

206 / 19

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССІІ.

1895.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1895.

L-451
A4
v-302

TO VNU
ABSTRACT

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (18-го августа 1895 года). *Объ опредѣленіи врача при Пинскомъ еврейскомъ начальномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 18-й день августа 1895 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на опредѣленіе при Пинскомъ еврейскомъ начальномъ училищѣ врача безъ жалованья, но съ правами государственной службы.

2. (18-го августа 1895 года). *Объ учрежденіи шести стипендій имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III-го при Житомирскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 18-й день августа 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе шести стипендій имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III-го при Житомирскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, пожертвованнаго на сей предметъ Житомирскимъ благороднымъ собраніемъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

19-го сентября 1895 года. *Назначены:* учитель Селенгинскаго городского училища, коллежскій ассессоръ *Ченцовъ*—завѣдывающимъ тѣмъ же училищемъ, учитель Троицкосавскаго городского училища, коллежскій секретарь *Коноваловъ*—штатнымъ смотрителемъ Верхнеудинскаго городского училища, помощникъ учителя Читинскаго городского училища, неимѣющій чина *Остерниковъ*—учителемъ того же училища, всѣ трое съ 15-го іюня.

Уволенъ отъ службы, согласно прошенію, учитель Верхнеудинскаго уѣзднаго училища, губернскій секретарь *Домрачевъ*, съ 15-го іюня.

23-го сентября 1895 года. *Назначены:* сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, управляющій Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, докторъ государственнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Самокусовъ*—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ того же университета по кафедрѣ исторіи русскаго права, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ по вѣдомству министерства юстиціи должности; причисленный къ министерству, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кривonosовъ*—директоромъ Зарайскаго реальнаго училища, съ 1-го сентября.

Утверждены: статскій совѣтникъ *Давидовскій* и корнетъ запаса гвардіи *Терещенко*—почетными попечителями гимназій: первый—Тобольской, съ 27-го марта, а второй—Кіевской 1-й, оба—на три года.

Уволенъ отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Зарайскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Даниловъ*, съ 1-го сентября.

Московскій учебный округъ. *Произведены,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* инспекторъ Калужскаго дворянскаго имени Александра II-го пансіонъ-пріюта *Гейеръ*—съ 22-го сентября 1894 г.; учителя: гимназій: Елецкой, *Яхонтовъ*—съ 1-го января 1895 г. и Тверской, *Бойчевскій*—съ 18-го декабря 1894 г., шестиклассныхъ прогимназій: Егорьевской: *Добровольскій*—съ 4-го декабря 1894 г. и *Зубовскій*—съ 17-го января 1895 г., Сергіевской, въ Сергіевскомъ посадѣ, *Шамонинъ*—съ 1-го августа 1893 г., и Ливенскаго реальнаго училища *Карякинъ*—съ 1-го января 1895 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* библиотечарь Императорскаго Московскаго университета *Толстойатовъ*—

съ 28-го мая 1893 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Калужской губерніи *Федоровъ*—съ 15-го сентября 1894 г.; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета *Дурдуфи*—съ 1-го августа 1894 г.; учителя: гимназій: Елецкой, *Покровский*—съ 13-го декабря 1894 г., Московской 1-й, *Сетинсонъ*—съ 20-го октября 1894 г., Орловской, *Борисовъ*—съ 4-го октября 1894 г., Шуйской, *Чернышевъ*—съ 1-го сентября 1894 г., Ярославской, *Романовскій*—съ 1-го августа 1894 г., Коммиссаровскаго технического училища, *Бажковъ*—съ 28-го августа 1894 г., Карачевской прогимназіи, *Овсянниковъ*—съ 1-го августа 1894 г., Ярославской Маринской женской гимназіи, *Лебедевъ*—съ 1-го сентября 1894 г., реального училища при реформатской церкви въ Москвѣ, *Соколовъ*—съ 17-го сентября 1893 г. и упраздненнаго частнаго реального училища И. М. Хайновскаго, въ Москвѣ, (нынѣ въ отставкѣ) *Кузьминъ*—съ 26-го октября 1892 г.; наставникъ Новоторжской учительской семинаріи *Папковъ*—съ 1-го августа 1894 г.; врачъ 2-го Московскаго городского училища *Смирновъ*—съ 31-го декабря 1893 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета при кафедрѣ общей паталогіи *Свяцилло*—съ 15-го октября 1894 г.; учителя гимназій: Орловской, *Масленниковъ*—съ 1-го августа 1893 г. и Рязанской, *Кантаржи*—съ 1-го октября 1894 г.; врачъ Ярославской гимназіи *Пирожковъ*—съ 31-го декабря 1894 г.; учителя: частнаго реального училища Воскресенскаго въ Москвѣ, *Каблуковъ*—съ 3-го ноября 1894 г., Набилковскаго училища, *Грунеръ*—съ 8-го ноября 1893 г., Усачевско-Тернявскаго женскаго училища и Московскаго Александровскаго института, *Гусаревъ*—съ 14-го января 1894 г.; учителя-инспекторы: Нижегородскаго св. князя Владиміра городского трехкласснаго училища *Соколовъ*—съ 1-го августа 1891 г. и Орловскаго городского училища, *Протопоповъ*—съ 5-го декабря 1893 г.; учитель-завѣдывающій Лукояновскимъ городскимъ двухкласснымъ училищемъ *Забѣлинъ*—съ 1-го августа 1891 г.; учитель Трубчевскаго городского училища *Минервинъ*—съ 1-го сентября 1890 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Московской 1-й, *Заринъ*—съ 1-го октября 1894 г., Московской 5-й, *Соколовъ*—съ 1-го іюля 1893 г. и *Шапошниковъ*—съ 23-го августа 1893 г., Тверской, *Воронинъ*—съ 15-го сентября 1894 г.; учителя городскихъ училищъ: 1-го Московскаго, *Тулуновъ*—съ 7-го сентября 1894 г., Александровскаго евангелическаго въ Москвѣ, *Золотухинъ*—съ 31-го августа 1894 г., Балахнинскаго, *Ферлюдинъ*—съ 11-го октября 1893 г.; учителя—завѣ-

дывающіе городскими училищами: *Кашинскимъ*, *Мамыгинъ*—съ 19-го іюля 1894 г. и *Краснохолмскимъ*, *Саврасовъ*—съ 1-го августа 1893 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Императорскому Московскому университету: сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ анатоміи и физиологіи растений *Петровский*—съ 12-го ноября 1894 г.; помощникъ прозектора при кафедрѣ оперативной хирургіи *Березкинъ*—съ 7-го декабря 1890 г., сверхштатные ординаторы при клиникѣ мочеполовыхъ болѣзней, *Богдановъ*—съ 6-го октября 1887 г., при гинекологической клиникѣ, *Секержъ-Зеньковичъ*—съ 1-го апрѣля 1888 г.; бухгалтеръ и казначей Демидовскаго юридическаго лица *Воскресенскій*—съ 8-го декабря 1894 г.; учитель-инспекторъ Карачевского городскаго училища *Мещевцевъ*—съ 26-го августа 1892 г.; врачъ Тверскаго городскаго училища *Костылевъ*—съ 29-го іюня 1888 г.; воспитатель Калужскаго дворянскаго имени Императора Александра II-го пансіонъ-приюта *Знаменскій*—съ 13-го октября 1893 г.; экономъ пансіона Московской 1-й гимназіи *Воздвиженскій*—съ 1-го ноября 1894 г., младшій надзиратель пансіона Императорскаго лица въ память цесаревича Николая, *Яворовскій*—съ 30-го ноября 1892 г.; помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Московскаго, *Наумовъ*—съ 12-го октября 1894 г., Смоленскаго Александровскаго, *Волочковъ*—съ 7-го октября 1894 г. и Тверскаго, *Крестениниковъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; учителя городскихъ училищъ: Калужскаго трехкласснаго братьевъ Малютиныхъ, *Гагаринъ*—съ 3-го ноября 1894 г., Серпуховскаго, *Федоровъ*—съ 28-го декабря 1894 г., 1-го Московскаго, *Волковъ*—съ 6-го апрѣля 1894 г. и 2-го Московскаго, *Скворцовъ*—съ 17-го августа 1894 г.; учителя: Ржевской прогимназіи, *Левченковъ*—съ 13-го октября 1894 г., Ардатовскаго уѣзднаго училища *Никольскій*—съ 13-го іюля 1891 г.; бывший учитель Новосильскаго уѣзднаго училища, *Егоровъ*—съ 1-го августа 1892 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: сверхштатный хранитель кабинета изящныхъ искусствъ Императорскаго Московскаго университета *Чичаговъ*—съ 21-го мая 1894 г.; учителя: Бѣльскаго шестиклассной прогимназіи, *Богородскій*—съ 25-го сентября 1894 г., Новоторжской женской прогимназіи, *Виноградовъ*—съ 5-го мая 1893 г., городскихъ училищъ: Горбатовскаго, *Мараевъ*—съ 1-го іюля 1891 г., Трубчевскаго, *Ельмановъ*—съ 8-го марта 1892 г., Вышневолоцкаго, *Вихревъ*—съ 1-го ноября 1891 г., Кашинскаго, *Шварбовичъ*—съ 20-го апрѣля 1893 г., уѣздныхъ училищъ: Нижегородскаго, *Макрушинъ*—съ 1-го января 1895 г. и Сергачскаго, *Самойловъ*—съ 1-го

января 1893 г.; учителя—завѣдывающіе двухклассными училищами: Бѣлевскимъ, имени поэта В. А. Жуковского, *Щелковъ*—съ 8-го августа 1891 г. и Спасскимъ, *Фаминскій*—со 2-го октября 1884 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: помощникъ экзекутора клиникъ Императорскаго Московскаго университета *Языковъ*—съ 6-го декабря 1893 г.; учителя: Шуйской гимназіи, *Зарутскій*—съ 16-го декабря 1891 г. и Васильскаго уѣзднаго училища, *Лебединскій*—съ 31-го юля 1892 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя училищъ: 2-го мѣщанскаго казеннаго начальнаго въ Москвѣ, *Вишняковъ*—съ 21-го августа 1894 г., мужскихъ городскихъ приходскихъ: Сѣвскаго, *Латинъ*—съ 6-го ноября 1892 г., Карачевскаго, *Тихоміровъ*—съ 27-го октября 1891 г., Погорѣльскаго, *Образцовъ*—со 2-го сентября 1890 г. и Ржевскаго Никольскаго, *Введенскій*—съ 27-го января 1888 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: писмоводители реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго, *Розовъ*—съ 1-го ноября 1894 г. и Нижегородскаго Владимірскаго, *Ильинскій*—съ 7-го ноября 1894 г.; учителя Жиздринскаго мужскаго городского приходскаго училища, *Макаровъ*—съ 1-го августа 1894 г., Серпуховскаго казеннаго начальнаго, въ Москвѣ, *Кузьминъ*—съ 20-го октября 1894 г.; городскихъ приходскихъ: Семеновскаго, *Васильковъ*—съ 13-го сентября 1890 г. и Нижегородскаго Благовѣщенскаго, *Лебедевъ*—съ 15-го августа 1894 г.; исправляющій должность помощника бухгалтера Императорскаго Московскаго университета *Сергій Архангельскій*—съ 26-го мая 1891 года.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*: инспекторъ народныхъ училищъ Тверской губерніи *Пажорскій*—съ 1-го марта 1888 г.; *коллежскаго ассессора*: библіотекаръ и исполняющій должность младшаго наблюдателя гимназическихъ классовъ Императорскаго лицей въ память цесаревича Николая, *Муравьевъ*—съ 30-го августа 1890 г.; учителя гимназій: Московской 2-й, *Савеловъ*—съ 1-го сентября 1890 г., Смоленской, *Немыцкій*—съ 20-го августа 1889 г., Московской шестиклассной прогимназіи, *Острейко*—съ 21-го апрѣля 1890 г. и Иваново-Вознесенскаго реального училища, *Персональный*—съ 6-го ноября 1890 г.; наставникъ Новоторжской учительской семинаріи, *Одинцовъ*—съ 1-го сентября 1890 г.; учитель-инспекторъ Арбатскаго городского четырехкласснаго училища *Борисовъ*—съ 17-го августа 1890 г.; *титულлярнаго совѣтника*: по Императорскому Московскому университету: ассистентъ психіатрическаго отдѣленія клиникъ *Сербскій*—съ 18-го января 1885 г., помощникъ

прозектора при кафедрѣ анатоміи *Карузинъ*—съ 31-го мая 1889 г., сверхштатный ассистентъ при гинекологической клиникѣ *Бобровъ*—съ 17-го ноября 1889 г., сверхштатные: старшій помощникъ прозектора, завѣдывающій музеемъ при институтѣ патологической анатоміи *Мельниковъ-Разведенковъ*—съ 27-го октября 1889 г., ассистенты: при факультетской терапевтической клиникѣ, *Бтляевъ*—съ 17-го марта 1890 г., при клиникѣ мочеполовыхъ болѣзней, *Бутягинъ*—съ 3-го февраля 1890 г., при факультетской терапевтической клиникѣ, *Лебедевъ*—съ 17-го марта 1890 г., при терапевтической госпитальной клиникѣ, *Готье-Дюбайе*—съ 6-го марта 1885 г., при клиникѣ кожныхъ и венерическихъ болѣзней, *Крахтъ*—съ 16-го августа 1889 г., при клиникѣ дѣтскихъ болѣзней, *Остроградскій*—съ 24-го января 1889 г., при акушерской клиникѣ, *Побѣдинскій*—съ 9-го февраля 1889 г., при гинекологической клиникѣ, *Норейко*—съ 6-го декабря 1889 г., при госпитальной хирургической клиникѣ, *Подпаловъ*—съ 1-го августа 1887 г., бывшій штатный ординаторъ при госпитальной терапевтической клиникѣ (нынѣ въ отставкѣ) *Остроуховъ*—съ 18-го іюля 1890 г.; врачи при учебныхъ заведеніяхъ: реальнаго училища при реформатской церкви въ Москвѣ, *Зандбергъ*—съ 25-го октября 1890 г., Серпуховской Николаевской женской гимназіи, *Витте*—съ 23-го апрѣля 1887 г., женскихъ прогимназій; Коломенской, *Лозовскій*—съ 26-го января 1891 г. и Рославльской, *Чепелкинъ*—съ 8-го іюня 1890 г., всѣ восемнадцать по степени лекаря; оставленный за штатомъ, штатный смотритель бывшаго Макарьевского уѣзднаго училища, Нижегородской губерніи, *Сирковъ*—съ 1-го іюня 1889 г.; *коллежскаго секретаря*: по Императорскому Московскому университету: сверхштатные: ассистентъ при астрономической обсерваторіи *Блажко*—съ 11-го января 1894 г.; лаборанты при лабораторіи органической аналитической химіи: *Беркетеймъ*—съ 12-го февраля 1891 г., *Рудевичъ*—съ 28-го августа 1893 г., *Дорошевскій*—съ 19-го января 1894 г., *Зерновъ*—съ 19-го ноября 1893 года, при кафедрѣ сравнительной анатоміи, *Сушкинъ*—съ 14-го октября 1893 г., всѣ шестеро по диплому первой степени Императорскихъ университетовъ; младшій надзиратель пансіона Императорскаго лицея въ память цесаревича Николая *Реманъ*—съ 10-го августа 1890 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Тульской гимназіи, *Зміевъ*—съ 1-го февраля 1889 г., Ржевской шестиклассной прогимназіи: *Введенскій*—съ 1-го января 1891 г., *Иванковскій*—съ 1-го сентября 1890 г.; учителя городскихъ училищъ: Солодовниковскаго въ Москвѣ, *Золомаевъ*—съ 1-го августа

1886 г., Кромскаго, Орловской губерніи, *Булычевъ*—съ 1-го августа 1887 г. и Брянскаго, *Лопиновъ*—съ 8-го іюля 1888 г., Бѣжецкаго, *Виноградовъ*—съ 1-го іюля 1890 г. и Осташковскаго, *Ганичевъ*—съ 23-го октября 1885 г.; учитель—завѣдывающій Калязинскимъ городскимъ училищемъ *Полетаевъ*—съ 1-го сентября 1887 г.; *губернскаго секретаря*, сверхштатный учитель Нижегородскаго уѣзднаго училища *Бушневскій*—съ 22-го августа 1890 года.

3-го октября 1893 года *назначены*: директоръ Московской шести-классной прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Войнаховскій*—директоромъ 7-й Московской гимназіи; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, докторъ русской словесности, статскій совѣтникъ *Ждиновъ*—ординарнымъ профессоромъ русской словесности, и приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ сравнительнаго языкознанія и санскритскаго языка *Буличъ*—экстраординарнымъ профессоромъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ означеннаго института, оба—съ 15-го сентября; столоначальникъ канцелярии попечителя Кіевскаго учебнаго округа, коллежскій секретарь *Шпаковъ*—инспекторомъ инспекціи народныхъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волинской; учитель Киренскаго уѣзднаго училища, окончившій курсъ наукъ въ учительскомъ институтѣ *Жаровъ*—учителемъ словесности и исторіи Якутской женской прогимназіи, съ 1-го іюля.

Утверждены, исправляющіе должность: экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ гражданскаго права *Кассо* и учителя Грушевскаго приходскаго училища, Донской области, *Миловидовъ* — въ исправляемыхъ ими должностяхъ.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, младшій консерваторъ Императорскаго С.-Петербургскаго ботаническаго сада, магистръ ботаники, коллежскій секретарь *Кузнецовъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета, по кафедрѣ ботаники, съ 15-го сентября.

Уволенъ согласно прошенію, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, инспекторъ того же института, тайный совѣтникъ *Некрасовъ*—отъ первой изъ означенныхъ должностей, съ 15-го сентября.

Уволенъ отъ службы согласно прошенію учитель исторіи Иркутской женской гимназіи *Савичъ*, съ 1-го августа.

Умершій исключенъ изъ списковъ, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ельцинскій*, съ 13-го сентября.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (24-го августа 1895 года). *Положеніе о шести стипендіяхъ Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III при Житомирскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 18-го августа 1895 г., на проценты съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, пожертвованнаго Житомирскимъ благороднымъ собраніемъ, учреждаются при Житомирскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ шесть стипендій, съ наименованіемъ таковыхъ „стипендіи Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III“.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетахъ государственной 4% ренты, хранится въ Житомирскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Житомирскаго городского училища.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе шести бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ изъ дѣтей жителей гор. Житомира, христіанскаго вѣрсноповѣданія; остающіяся же деньги употребляются на приобрѣтеніе необходимыхъ для стипендіатовъ учебныхъ пособій и одежды.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ, а равно и прекращеніе выдачи стипендій, принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Могушіе образоваться, вслѣдствіе временнаго незамѣщенія стипендій или по какимъ-либо другимъ причинамъ, остатки причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Житомирскаго городского училища въ какое-либо другое училище, капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

2. (6-го сентября 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени двѣнадцатилѣтняго статскаго совѣтника Михаила Ивановича Шипова при Нижегородской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, въ ознаменованіе исполненной 15-го марта 1895 года 25-ти лѣтней дѣятельности по управленію дѣлами парходнаго общества „Дружина“ предсѣдателя правленія Михаила Ивановича Шипова учреждается при Нижегородской Маріинской женской гимназіи стипендія его имени на счетъ процентовъ съ собраннаго для этой цѣли служащими въ названномъ обществѣ, по подпискѣ, капитала въ *одну тысячу* рублей.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ государственной 5% желѣзнодорожной непрерывно-доходной ренты, за № 115.084, въ 1000 руб., хранится въ Нижегородскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Маріинской женской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 г., назначаются на взносъ платы за право ученія въ продолженіи гимназическаго курса одной ученицы Нижегородской Маріинской женской гимназіи, заслуживающей того по своимъ успѣхамъ и поведенію, преимущественно изъ дѣтей лицъ, служащихъ или служившихъ въ парходномъ обществѣ „Дружина“.

§ 4. Право избранія стипендіатки пожизненно принадлежитъ Михаилу Ивановичу Шипову, которому гимназія ежегодно сообщаетъ объ успѣхахъ и поведеніи ученицы, пользующейся стипендіей, а затѣмъ право это переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не палагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи, а также назначаются на расходы по покупкѣ новыхъ % бумагъ взамѣнъ вышедшихъ въ тиражъ, или по конверсіи сихъ послѣднихъ.

3. (8-го сентября 1895 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Симеона и Пелагеи Федоровскихъ и Марѳы Мельниковой, при Сумской женской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, пожертвованнаго отставнымъ полковникомъ Іліею Федоровскимъ, учреждаются при Сумской женской гимназій три стипендіи имени Симеона и Пелагеи Федоровскихъ и Марѳы Мельниковой.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 4-го 4⁰/₁₀₀ внутренняго займа 1891 г., за № 1387151—1387200 и государственной 4⁰/₁₀₀ ренты 1894 г. за № 1462, серія 104, хранится въ Сумскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ названнаго капитала за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года отчисленію въ казну, должны быть выдаваемы въ стипендіи тремъ ученицамъ Сумской женской гимназій изъ числа круглыхъ сиротъ или дочерей бѣдныхъ родителей, Сумскаго уѣзда, православнаго исповѣданія и привилегированнаго сословія. Исключеніе дѣлается для слободъ: Бишкннъ, Лебединскаго уѣзда, и Тимоѳеевки, Сумскаго уѣзда, дочери жителей коихъ могутъ пользоваться этими стипендіями, хотя бы и не принадлежали къ привилегированному сословію, и при томъ соискатели стипендій изъ этихъ слободъ имѣютъ преимущество.

§ 4. Право избранія стипендіатки принадлежитъ педагогическому совѣту, но при жизни учредитель оставляетъ за собою право рекомендовать совѣту стипендіатку отъ себя лично.

§ 5. Если внукъ жертвователя Иванъ Васильевичъ Басовъ, или жена его, или дочери, будутъ ходатайствовать о принятіи дочерей принадлежащихъ къ ихъ семейству, въ стипендіатки, то онѣ имѣютъ преимущество предъ всѣми соискателями стипендій, хотя бы Басовъ жилъ или его дочери родились и не въ Сумскомъ уѣздѣ.

§ 6. Могушіе по какимъ-либо причинамъ образоваться остатки процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ основному капиталу для увеличенія стипендій.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

4. (19-го сентября 1895 года). *Циркулярное предложеніе и попечителямъ учебныхъ округовъ относительно порядка представленій о повышеніи платы за ученіе въ среднихъ заведеніяхъ.*

Нѣкоторые изъ попечителей учебныхъ округовъ во второй половинѣ минувшаго августа обратились въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о повышеніи, съ начала текущаго учебнаго года, платы за ученіе въ отдѣльныхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

Имѣя въ виду, что по силѣ Высочайшаго повелѣнія 2-го іюля 1863 г. увеличеніе платы за ученіе въ теченіе учебнаго года не допускается и что объ установленіи новаго размѣра этой платы должно быть своевременно объявлено не только родителямъ учениковъ, которые обязаны будутъ вносить возвышенную плату, но во всеобщее свѣдѣніе, долгомъ считаю покорнѣйше просить Ваше Превосходительство, въ случаѣ необходимости повышенія платы за ученіе въ какомъ-либо изъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго Вамъ округа, представлять объ этомъ въ министерство заблаговременно и никакъ не позднѣе мая мѣсяца, съ присовокупленіемъ всѣхъ данныхъ, требуемыхъ циркулярнымъ предложеніемъ министерства съ 18-го февраля 1882 г. № 2017. Вообще, въ виду крайне трудныхъ экономическихъ условій жизни лицъ, обремененныхъ семействами, желательно было бы возможно рѣже и осторожнѣе повышать плату за ученіе и прибѣгать къ этой мѣрѣ увеличенія средствъ заведенія лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Изданную Харьковскимъ обществомъ распространенія въ народѣ грамотности брошюру „Жанна д'Аркъ, дѣва Орлеанская. Изд. 2-ое. Харьковъ, 1893. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученичeskія библіотеки народныхъ училищъ.

— Изданную Московскимъ комитетомъ грамотности брошюру: „Александръ Васильевичъ Суворовъ. Е. Л. Съ портретомъ и рисун-

комъ. М. 1892. Цѣна 5 коп. — допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Сборникъ примѣровъ и задачъ для усвоенія метрической системы мѣръ и вѣсовъ. Составилъ *В. Гебель*. М. 1895. Въ 12-ю д. л., 25 стр. Цѣна 10 коп.“ (съ приложеніемъ листка „Замѣченныя ошибки и опечатки“) — допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособия, при преподаваніи ариметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Составленныя *Б. Владиміровымъ* книги: 1) „Ариметика для начинающихъ. Четыре дѣйствія въ предѣлахъ чисель 1—10, 1—20 и 20—100. Рига 1890. Въ 12-ю д. л., 75 стр. Цѣна 20 коп.“. 2) „Ариметика для начальныхъ училищъ. Часть I. Сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе простыхъ чисель. Изд. 3-е. Рига 1892. Въ 12-ю д. л., 63 стр. Цѣна 20 коп. — Часть II. Четыре дѣйствія надъ цѣлыми именованными числами. Изд. 2-ое. Рига 1893. Цѣна 25 коп. — Часть III. Четыре дѣйствія надъ простыми дробями. Тройныя правила. Рига 1890. Цѣна 25 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособия для употребленія въ низшихъ училищахъ Прибалтійскаго края.

— Составленную *Н. Босовымъ* „Памятную книжку по ариметикѣ для учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Новочеркасскъ 1895. Часть I. Стр. 27. Цѣна 7 коп. — Часть II. Стр. 46. Цѣна 15 коп. Съ приложеніемъ листка поправокъ“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособия для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Брошюру „Чтеніе для народа. Какъ и изъ чего готовится стекло? Одесса 1893. Въ 8-ку, 16 стр. Цѣна 7 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу „Изъ жизни растений. Вып. I. Какъ питается растение. *А. Курочкинъ*. М. 1894. Въ 12-ю д. л., 100 стр. Цѣна 20 коп.“ — допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ ученическія (средняго возраста) среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру „О бѣшенствѣ у людей и животныхъ (общедоступное изложеніе). Д-ра *В. Недригайлова*. Харьковъ 1895. Въ 12-ю д. л., 40 стр. Цѣна 20 коп.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для народныхъ чтеній.

— Брошюру „Откуда берется въ человѣкѣ рабочая сила, какъ

онъ ее расходуетъ и какъ пополняетъ. Д-ра *Бурды*. Изданіе Одесской городской аудиторіи. Одесса 1895. Цѣна 6 коп.“ — допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и ученическія (старшаго возраста) среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру „Прошлое и настоящее Одессы. Составлено С. Ч. и просмотрѣно профессорами Новороссійскаго университета А. И. Кирпичниковымъ и А. И. Маркевичемъ. Изданіе Одесской городской аудиторіи народныхъ чтеній. Одесса 1894. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“ — допустить въ учительскія бібліотеки начальныхъ училищъ, въ ученическія—среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ, а также для народныхъ чтеній.

— Брошюру „Біографія Де-Рибаса, Ришелье и Воронцова. Составлено проф. В. А. Яковлевимъ. Одесса 1894. Стр. 31. Цѣна 15 коп.“ — допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ ученическія среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа 30-го сентября 1895 года послѣдовало открытіе Луцкой прогимназіи при 24 учащихся въ I классѣ и 12—во II.

— По донесенію управляющаго Харьковскимъ учебнымъ округомъ 26-го августа 1895 года послѣдовало открытіе Усть-Медвѣдцкаго реальнаго училища при 40 ученикахъ въ I классѣ онаго и 7—во II.

— 17-го минувшаго сентября послѣдовало въ Нижнемъ Новгородѣ торжественное открытіе школы ремесленныхъ учениковъ Нижегородскихъ вѣчно и временно цеховыхъ при 27 учащихся. Благодарственное Господу Богу молебствіе передъ открытіемъ школы совершалъ преосвященный Владимиръ, епископъ Нижегородскій. Открытіе школы удостоили своимъ посѣщеніемъ нижегородскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Барановъ, епископъ Балахнинскій Алексѣй, нижегородскій городской голова баронъ Дельвицъ и другія почетныя лица Нижняго Новгорода.

— По донесенію начальства Казанскаго учебнаго округа, киргизы Внутренней орды, въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Импе-

раторскихъ Величествъ, ассигновали по 3.500 руб. на открытіе и содержаніе въ пяти частяхъ и двухъ округахъ 14 старшинскихъ школъ.

— По донесенію попечителя Рижскаго учебнаго округа, 27-го минувшаго августа освящено зданіе, переданное вѣдомствомъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ пользованіе Прибалтійской учительской семинаріи, для устройства интерната для приходящихъ воспитанниковъ, а затѣмъ открытъ самый интернатъ.

— По донесенію начальства Харьковскаго учебнаго округа, 17-го августа сего года въ Пензенской учительской семинаріи, послѣ молебна съ освященіемъ, въ присутствіи всѣхъ наставниковъ и учащихся, открытъ интернатъ, въ которомъ помѣщены всѣ казенные стипендіаты семинаріи на полномъ содержаніи.

— По донесенію подлежащихъ училищныхъ начальствъ, открыты одноклассныя сельскія училища сего министерства: 1) 22-го минувшаго августа при Ивановскомъ свеклосахарномъ заводѣ, Минусинскаго округа, на средства почетной гражданки Маріи Гусевой; 2) 31-го того-же августа, при 44 ученикахъ, въ с. Спасѣ—на Угрѣ, Перемышльскаго уѣзда, Калужской губерніи, на средства, завѣщанныя С.-Петербургскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Кондратьевымъ, и 3) 15-го сего сентября а) въ с. Васильевкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ., и б) въ поселкѣ Григорьевкѣ, тѣхъ же уѣзда и губерніи,—оба на средства мѣстнаго нѣмецкаго сельскаго общества.

— По донесенію начальства Харьковскаго учебнаго округа, съ 1-го августа текущаго года Краснослободское, Пензенской губ., приходское женское училище преобразовано въ двухклассный составъ и открыто 22-го того же августа, при 176 ученицахъ.

— По донесенію начальства Оренбургскаго учебнаго округа, 30-го августа сего года, Мотовилихинское одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія преобразовано въ таковое же двухклассное, при 116 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Московскаго учебнаго округа, 2-го минувшаго сентября открыто одноклассное училище сего министерства близъ села Середы-Улино, Нерехтскаго уѣзда, Костромской губерніи при фабрикѣ потомственнаго почетнаго гражданина П. Я. Павлова (бывшей М. И. Павловой), на средства фабрики, при 60-ти учащихся.

— По донесенію г. попечителя Московскаго учебнаго округа, 6-го минувшаго сентября открыто одноклассное училище сего мини-

стерства при станціи „Ряжскъ“, Сызрано-Вяземской желѣзной дороги, при 30-ти учащихся.

— По донесенію попечителя Казанскаго учебнаго округа, въ посадѣ Дубовкѣ открыто одноклассное мужское приходское училище по уставу 8-го декабря 1828 г. Училище это учреждено въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ на средства Дубовскаго посадскаго общества, ассигновавшаго 7.000 р. на устройство и приспособленіе училищнаго зданія и 2.500 руб. въ годъ на содержаніе училища. Всѣхъ учащихся поступило въ училище 80 человѣкъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Послѣдній срокъ для представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, назначенное на 1896 годъ по разряду реальныхъ училищъ, переносится, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, съ 1-го ноября 1895 года на 1-ое февраля 1896 года.

ЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ОБЪ ИНДУКЦИИ ВЪ ГЛАВНѢЙШЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ МОМЕНТЫ ЕГО РАЗРАБОТКИ ¹⁾.

2. Вильямъ Юэлль (William Whewell).

Свои методологическія воззрѣнія и Юэлль, подобно Гершелю, развиваетъ, обращаясь къ изученію явленій, относящихся къ области исторіи наукъ. Онъ только такой путь и склоненъ считать правильнымъ. Но Юэлль не ограничивается анализомъ отдѣльныхъ примѣровъ научнаго изслѣдованія. Онъ хочетъ сдѣлать полный, систематическій обзоръ историческаго матеріала. Указанія относительно индуктивнаго процесса, и вообще методологическія понятія и положенія слѣдуетъ, однако, черпать (замѣчаетъ онъ) изъ разсмотрѣнія случаевъ, гдѣ работа несомнѣнно привела къ достовѣрнымъ, яснымъ и опредѣленнымъ выводамъ. Подобный характеръ признается справедливо за науками, имѣющими объектомъ своимъ внѣшній для насъ міръ. Юэлль и довольствуется этою, очерченной нѣкоторыми предѣлами, сферою нашего знанія. Беконъ, говоритъ онъ, не имѣлъ, или почти не имѣлъ, въ своемъ распоряженіи фактовъ и долженъ былъ построить все ученіе на догадкахъ. Между тѣмъ въ настоящее время науки уже представляютъ богатый матеріалъ для изслѣдователя. А потому, еслибы беконовскому N. O. принадлежали всѣ возможныя по тогдашнему времени совершенства, теперь необходимо было бы тѣмъ не менѣе выработать „*Novum Organon Renovatum*“. Разсматривая научныя изслѣдованія различныхъ ученыхъ, Гершель готовъ часто сосредоточивать интересъ на процессѣ, благодаря которому мы приходимъ къ обобщеніямъ, а не на операциіи вывода, въ смыслѣ дока-

¹⁾ *Продолженіе*. См. сентябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

званія. Юэлли идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше: онъ прямо ставитъ себѣ задачей—изучить процессъ открытія научныхъ истинъ, на что указываютъ между прочимъ и заглавія сочиненій его: „*Novum Organon Renovatum*“ и „*On the Philosophy of Discovery*“¹⁾.

Ученіе Юэлла можно поставить въ связь съ кантовской „Критикой чистаго разума“²⁾. Нашъ авторъ усваиваетъ себѣ,—въ самыхъ, правда, общихъ чертахъ,—воззрѣнія этого мыслителя касательно апіорнаго элемента³⁾ въ человѣческомъ знаніи. Последнее, говоритъ Юэлли, предполагаетъ предметъ познаваемый, безъ котораго оно утратило бы свой реальный характеръ, и мысль, сообщающую внѣшнему для нея матеріалу единство. Но Кантъ различалъ рѣзко чувственность (*die Sinnlichkeit*), разсудокъ (*der Verstand*) и разумъ (*die Vernunft*) и, согласно съ этимъ, признавалъ у человѣка апіорныя формы чувственности, категоріи разсудка и, наконецъ, идеи разума. Юэлли подобное разграниченіе отбрасываетъ; подробности кантовской теоріи утрачиваютъ въ его глазахъ свое значеніе. Онъ утверждаетъ только, что въ составъ всякаго знанія нашего входятъ „идеи“. Онѣ — неизмѣнное его (знанія) условіе, всюду въ немъ необходимо присущій ингрѣдиентъ à priori, законы для дѣятельности ума или мысли,—отношенія, какія намъ въ объектахъ или воспріятіяхъ нашихъ обрисовываются и о которыхъ внѣшнія чувства, сами по себѣ, не могли бы дать показаній. При процессѣ наведенія идеямъ и принадлежитъ со-

1) *William Whewell, Novum Organon Renovatum. The third ed. Lond. 1858. Pref., p. III — XII. Ibid., p. 3 — 4. Book II, chapt. I, p. 28. Chapt. V, art. 3. Chapt. VI. Book. III, chapt. I, 1 — 3. On the Philosophy of Discovery, chapters historical and critical. Lond. 1860. Pref., p. V. Chapt. XXII, 1. XXIII, 1. History of Scientific Ideas. Vol. I — II. The third ed. Lond. 1858. Vol. I. (The Philosophy of the Inductive Sciences) Introduction, p. 3 — 17. Book. I, chapt. I, sect. 1 — 2. History of the Inductive Sciences. Vol. I — III. The third ed. Lond. 1857. Vol. I. Pref. to the third ed., p. VIII. Vol. III, book XVIII, chapt. VIII, p. 518—520. — Впрочемъ, когда дѣло идетъ о томъ, какое практическое значеніе можетъ имѣть ученіе о процессѣ открытія научныхъ истинъ, надежды Юэлла весьма скромны. См. ниже.*

2) Ср. *On the Philos. of Discov.*, XX, 9—10. XXIV, 1, 9—16. XXVIII, 1—5 seqq. *Hist. of Scient. Ideas.*, vol. I, book II, p. 87. Book III, chapt. III, art. 3 seqq.—Юэлли обыкновенно указываетъ (см. означенныя въ настоящемъ примѣчаніи мѣста его сочиненій) на трактатъ самого Канта—„Критику чистаго разума“. Возможно, однако, что на него вліяли и сочиненія учениковъ и послѣдователей великаго мыслителя. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ права прямо отрицать этого.

3) Самый терминъ „à priori“ Юэлли употребляетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

ответственная роль, объявляет Юэлль. Мы при дедукции исходимъ изъ опредѣлений и аксіомъ, въ которыхъ получаютъ свое выраженіе основныя наши идеи (the fundamental ideas); построивъ силлогизмы, спускаемся мы шагъ за шагомъ къ заключеніямъ, составляющимъ приложеніе общихъ истинъ къ разнаго рода частнымъ случаямъ. При индукціи же мы, знакомясь съ фактами чрезъ чувственныя воспріятія и получая такимъ путемъ необходимый матеріалъ, подыскиваемъ и распространяемъ на него идеи, съ какими онъ согласуется ¹⁾.

¹⁾ Изложенныя мысли являются для Юэлла руководящими. Онъ проводится, можно сказать, на каждой страницѣ его сочиненій.—Полнѣе и ярче всего интересующее насъ ученіе объ идеяхъ охарактеризовано въ On the Philos. of Discov. Appendix E и въ Hist. of Scient. Ideas, vol. I, book I (ср. N. O. R., book I, arhor. I—XVIII).—Если Юэлль говоритъ (Hist. of Scient. Id., vol. I, book II, p. 87): „But though I have adopted Kant’s arguments as to Space and Time, all that follows in the succeeding Books, with regard to other Ideas, has no resemblance to any doctrines of Kant or his school (with the exception, perhaps, of some of the views on the Idea of Cause)“, то дѣло идетъ у него въ этомъ случаѣ не объ общемъ взглядѣ, который онъ развиваетъ въ своемъ ученіи объ идеяхъ, а о частныхъ пунктахъ этой теоріи, что и явствуетъ изъ On the Philos. of Discov., XXIV, 1, 9—16 (когда авторъ трактуетъ вообще объ отношеніи между своей теоріей и кантовской, онъ не отдѣляетъ у себя ученія о понятіяхъ пространства и времени отъ возрѣній касательно другихъ идей. Ср. Hist. of Scient. Id., vol. I, book III, chart. III, art. 3 seqq.). — Идеи пространства, времени и числа (идею числа Юэлль склоненъ разсматривать, какъ модификацію идеи времени. См. Hist. of Scient. Id., vol. I, book II, chart. VII, art. 3. Chart. VIII, art. 8 и дальше. N. O. R., book I, arhor. XXX seqq. Book II, chart. IX, art. 2) Юэлль вмѣстѣ съ Кантомъ все же вообще выдѣляетъ и признаетъ формами, въ которыя знаніе, доставляемое чувствами, *всегда* облекается, между тѣмъ какъ прочія идеи мы распространяемъ (точнѣе — примыкающія къ ней понятія) лишь на *подлежащую область* объектовъ и явленій. См. *ibid.*, book II, chart. I, art. 1, 5. Chart. II, art. 4—5. Chart. VII, art. 1—2. N. O. R., book I, arhor. XXI, XXX.—Въ Hist. of Scient. Id., vol. I, book II, chart. III, art. 1 имѣются въ виду отношенія *между* различными объектами. Мѣсто это не противорѣчитъ такимъ образомъ 1-й главѣ 1-й книги (sect. 10), гдѣ идетъ рѣчь объ отношеніяхъ, какія обнаруживаются *въ отдѣльно взятыхъ* предметахъ или воспріятіяхъ нашихъ. — При разсужденіяхъ о томъ, что знаніе человѣческое содержитъ опытный и — съ другой стороны — апіорный элементы, Юэлль часто употребляетъ и выраженія „*пассивный и активный процессъ, пассивная и активная сила (power)*“.—Признавая во всякомъ знаніи присутствіе элемента à priori и отмѣчая его въ мыслительныхъ процессахъ, которые имѣютъ мѣсто, пока наука сосредоточивается на разсмотрѣніи внѣшняго для насъ міра, Юэлль не отрицаетъ этого ингредиента и въ знаніи, распространяющемся на внутренній міръ. См. On the Philos. of Discov., chart. XXIII. Ср. также *ibid.* XXV. — Если ваше знаніе

Въ указанномъ смыслѣ Юэзль трактуетъ объ идеяхъ пространства, времени, числа, движенія, причины, (механической) силы,

необходимо заключаетъ апіорный элементъ, то оно, съ другой стороны, всегда предполагаетъ опытъ (см. особ. *ibid.*, Append. E, art. 8 seqq. *Hist. of Scient. Id.*, vol. I, book I, chart. I, sect. 10). Лишь при участіи послѣдняго дѣлаются идеи дѣйствительнымъ нашимъ достояніемъ и получаютъ свое развитіе. — Идеи съ соотвѣствующими опредѣленіями (опредѣленія относятся не къ основнымъ идеямъ— „Fundamental Ideas“, а къ „понятіямъ“— „Conceptions“. Ср. ниже) и аксіомами можно разсматривать, какъ условія, которыя обязательны для познающей мысли и ею не могутъ быть обойдены; съ другой же стороны, онѣ составляютъ нѣкоторую часть самаго знанія. Такимъ образомъ у Юэзля понятіе объ идеяхъ оказывается какъ бы до извѣстной степени двойственнымъ, чѣмъ — *mutatis mutandis* — можно утверждать и относительно Канта. — Касательно высказываемаго Юэзлемъ взгляда, что мы приносимъ идеи наши, начиная съ самыхъ элементарныхъ познавательныхъ процессовъ и на всѣхъ ступеняхъ лѣстницы, которую разнообразныя операціи мысли составляютъ, см. ниже. — Признавая апіорныя формы чувственности, категоріи разсудка и идеи разума, Кантъ объявляетъ, что знаніе наше относительно, и мы въ него всюду вносимъ субъективную окраску. Подобной мысли Юэзль чуждъ. Онъ отмѣчаетъ апіорный элементъ въ человѣческомъ знаніи и говоритъ, что въ основу міроваго устройства Богъ положилъ идеи, одинакія съ тѣми, какія составили (или — точнѣе — могутъ при соотвѣствующей интеллектуальной работѣ составлять) достояніе нашего ума, и такимъ образомъ субъективныя условія познания все же не заставляютъ насъ уклоняться отъ объективной правды. См. *N. O. R.*, book III, chart. X, art. 6. *On the Philos. of Discov.*, chart. XXX seqq. (ср. chart. XXIX, 2—4). *Hist. of Scient. Id.*, vol. II. *Conclus.*, p. 324. — Если разсматривать во всемъ его дѣломъ то психологическое явленіе, которое представляетъ (сознанная нами) „идея“, мы въ послѣдней найдемъ и элементъ опытный. Съ другой стороны, то, чѣмъ мы называемъ „фактомъ“, заключаетъ въ себѣ и объединяющую внѣшній матеріалъ идею (или — лучше — объединяющія идеи). Но при дедуктивномъ процессѣ мы исходимъ изъ идеи (или относящихся къ идеѣ опредѣленій и аксіомъ), взятой независимо отъ фактовъ, благодаря знакомству съ которыми мы ее сознали или которые мы невольно мыслимъ, когда на ней останавливаемся, — изъ идеи, какъ она прилагается къ дѣйствительности вообще, а не къ частнымъ случаямъ (см. особ. *Hist. of Scient. Id.*, vol. I, book II, chart. I, art. I). — Когда Юэзль говоритъ о различіи между индукціей и дедукціей, онъ обыкновенно имѣетъ въ виду *методы*, по которымъ науки разрабатываются, а не отдѣльные приемы, отдѣльныя формы или случаи вывода (что касается его взгляда на приложение дедукціи въ наукахъ лидутивныхъ, см. ниже). — Нашъ авторъ настаиваетъ на различіи между опредѣленіями и аксіомами: не слѣдуетъ думать, будто мы въ аксіомѣ просто выясняемъ соотвѣствующее понятіе и утверждаемъ нѣкоторое тождество (будто — было бы, можетъ быть, лучше сказать — въ сужденіи, представляющемъ аксіому, имѣетъ мѣсто отношеніе тождества между терминами, субъектомъ и предикатомъ). Book I, chart. V, art. 6. Ср. Book II, chart. V, art. 4. Ср. также *Apelt*, 181. (Разсмотрѣнію этого пункта юзлевскаго ученія и вопроса о гипотетичности положеній геометріи посвящена, какъ

матеріи и проч. ¹⁾). Но основныя идеи являются, по его учению, источникомъ и опорой понятій низшихъ ²⁾), и при наведеніи

извѣстно, и рецензія Whewell's Mechanical Euclid въ *Edinb. Review*, № 135).— Ошибочно было бы принимать опредѣленія, которыя вмѣстѣ съ аксіомами являются исходными послылками при дедуктивномъ процессѣ, за положенія, выставляемая произвольно, или за чисто вербальныя предложенія, гдѣ дѣло идетъ лишь о значеніи словъ. Они необходимы для насъ, поскольку необходимы идеи или понятія, къ которымъ они приурочены (см. особ. book I, chart. V, 8).— Аксіомы вытекаютъ изъ идей нашихъ и въ нихъ находятъ себѣ оправданіе — доказательство своей истинности, говоритъ Юэлль, вопреки возраженіямъ Гершеля и Джона Стварта Милля (см. особ. V, 1 seqq.).—Идеи должны сознаться ясно и отчетливо, иначе и относящіяся къ нимъ аксіомы не могутъ оказаться истинами, самоочевидными для насъ. А если такъ, аксіомы предполагаютъ у человѣка соответствующую интеллектуальную работу, соответствующее состояніе ума вообще. Исторія наукъ, говоритъ Юэлль, и показываетъ, что комплексъ признаваемыхъ вообще аксіомъ нельзя разсматривать, какъ что-то законченное и замкнутое: при дальнѣйшемъ движеніи научной мысли онъ можетъ расширяться (см. особ. On the Philos. of Discov., XXVIII, 4 seqq. XXIX). Нужно при этомъ замѣтить, что въ выставляемыхъ нами опредѣленіяхъ и аксіомахъ мы всякій разъ беремъ данную идею лишь подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія (см., напримѣръ, Hist. of Scient. Id., vol. I, book I, chart. V, 9. Book II, chart. IV, 2. V, 4. Если Юэлль рѣшается утверждать это, то онъ не впадаетъ въ непоследовательность, ибо опредѣленія, какъ мы видѣли, относятся у него къ „понятіямъ“. N. O. R. book II, chart. II, art. 6 — 11). Такимъ образомъ идеи не получаютъ въ основоположеніяхъ своего полнаго выраженія.—Вытекающія изъ идей, аксіомы также представляютъ, по учению Юэлла, необходимыя условія нашего познания (см. особ. Hist. of Scient. Id., vol. I, book I, chart. V, art. 1 seqq.).

¹⁾ Ср. слѣдующее примѣч.—Перечень основныхъ идей мы находимъ у Юэлла въ его N. O. R., book II, chart. IX. Ср. Hist. of Scient. Id., vol. I. Pref. to this (the third) ed., p. V—VI. Book I, chart. VII. (Если по отношенію къ данному вопросу между N. O. R. и Hist. of Scient. Id. можно въ нѣкоторыхъ пунктахъ замѣтить разногласіе, то оно обыкновенно выясняется изъ другихъ страницъ „Исторіи“. Ср., однако, слѣдующее примѣч.). Впрочемъ, Юэлль вообще не задается цѣлью представить перечисленіе полное. Въ указаннхъ мѣстахъ Hist. of Scient. Id. дѣло идетъ лишь объ идеяхъ, постепенное развитіе которыхъ онъ старается прослѣдить въ этомъ сочиненіи. Касательно же имѣющагося въ N. O. R. при классификаціи наукъ списка слѣдуетъ замѣтить, что послѣдній, самъ по себѣ, не исключаетъ возможности у насъ и такихъ идей, которыя въ него не вошли. Мало того. Нѣтъ данныхъ утверждать, будто Юэлль вообще считаетъ комплексъ основныхъ идей величиной опредѣленной и чѣмъ-то разъ навсегда для человѣчества неизмѣннымъ. Ср. его ученіе объ аксіомахъ.

²⁾ Часто Юэлль, повидимому, предполагаетъ между „понятіями“ и „идеями“ отношеніе подчиненія (см., напримѣръ, Hist. of Scient. Id., vol. I, book II, chart. III, art. I. Book III, chart. II, art. I. Вопросъ этотъ вообще остается у него недостаточно выясненнымъ). Попадаются, однако, въ его сочиненіяхъ мѣста, которыя

мы выдвигаемъ не „идеи“ непосредственно, а подлежащая „понятія“¹⁾.

Юэлевскій общій взглядъ на апіорный элементъ въ индуктивныхъ заключеніяхъ не предполагаетъ напередъ намѣченныхъ, узкихъ предѣловъ приложенія индукціи. Выводъ не долженъ непременно заключать въ себѣ утверженіе относительно „формы“ присущаго вещамъ внѣшняго качества или, какъ у Гершеля, представлять обобщеніе причинное²⁾. Понятіемъ о наведеніи у Юэля напередъ не опредѣляется содержанія индуктивнаго заключенія. Идеи, при помощи которыхъ мы объединяемъ встрѣтившіеся намъ факты, весьма разнообразны, и индуктивное заключеніе можетъ и не опираться на ученіе о формахъ или теорію причинности. Наведеніе имѣетъ самое широкое примѣненіе: не индуктивны только чистыя науки (the pure sciences), которыя развиваютъ свои выводы исключительно и *всѣцѣло à priori*, не отыскивая для положеній своихъ опоры въ опытѣ³⁾.

При этомъ понятіе о самомъ индуктивномъ процессѣ у Юэля отличается неопредѣленностью, и область случаевъ, на которые оно распространяется, вообще не имѣетъ у него точныхъ границъ. Наведеніе характеризуется въ его глазахъ лишь какъ операція, при которой приходится обнять факты въ „понятіи“⁴⁾. Вотъ почему онъ

наводитъ и на инны мысли (см., напримѣръ, тамъ же book I, chart. V, 9. Едва ли можно говорить объ отношеніи подчиненія, если взять „понятія“, которыя приурочиваются къ идеямъ пространства и времени). Къ тому же у него самый терминъ „основная идея“ имѣетъ лишь относительный смыслъ (см. N. O. R., book II, chart. IX, 2). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если Юэль нерѣдко употребляетъ слово „conception“ (fundamental conception) даже вмѣсто— „fundamental idea“ (не говоря уже о случаяхъ, когда онъ этимъ терминомъ замѣняетъ слово „idea“—безъ прибавленія атрибута „fundamental“). См. N. O. R., book II, chart. IX. Въ сочиненіи Hist. of Scient. Id., vol. I, book II, chart. VIII, 8—9, chart. X, 4 встрѣчаемъ выраженіе the *conception* of number, и примѣровъ подобнаго рода можно найти у нашего автора очень много).

1) См. особ. N. O. R., book II, chart. IV seqq.

2) Ср. впрочемъ у Гершеля его ученіе относительно обобщеній, не принадлежащихъ къ разряду строго причинныхъ.

3) См. особ. Hist. of Scient. Id., vol. I, book II, chart. I, 1—2. Для Юэля индуктивный процессъ отличается отъ дедукціи прежде всего съ гносеологической точки зрѣнія, и въ сферѣ строго апіорной мысли онъ не допускаетъ возможности наведенія. Между тѣмъ такую область, по его ученію, и представляютъ чистыя науки.

4) Въ N. O. R. (book II, chart. V, art. 3) Юэль объявляетъ прямо, что въ этомъ можно видѣть основное значеніе термина „индукція“.

между прочимъ (вопреки возраженіямъ Джона Стюарта Милля) и утверждаетъ прямо и не пускаясь въ дальнѣйшій анализъ, будто, если Кеплеръ призналъ, что планетная орбита Марса, напримѣръ, представляетъ эллипсисъ, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть примѣръ индуктивнаго процесса. Какъ показываютъ различныя мѣста его (Юэлла) сочиненій ¹⁾, онъ и готовъ былъ понимать подъ индукціей выводъ общаго положенія, а не объединеніе внѣшняго матеріала въ *понятіи* только (эта послѣдняя операція, конечно, не совпадаетъ съ процессомъ заключенія, хотя и составляетъ часть психической работы, которая необходима для того, чтобы мы могли въ результатѣ установить выводъ, ибо общее положеніе предполагаетъ и приложимое къ фактамъ понятіе); тѣмъ не менѣе онъ, разсуждая объ упомянутомъ примѣрѣ, обращаетъ главное вниманіе не на общій выводъ, который гласилъ бы, что каждая изъ частей орбиты Марса есть часть эллипсиса, или что планета эта въ движеніи своемъ всякій разъ описываетъ названную фигуру, а непосредственно на то обстоятельство, что Кеплеръ въ орбитѣ Марса усмотрѣлъ эллипсисъ и приурочилъ къ внѣшнимъ наблюденіямъ это геометрическое понятіе ²⁾. Чтобы оставаться послѣдовательнымъ, Юэллю притомъ приходилось признать наведеніемъ и наши наиболѣе элементарные познавательные процессы. Правда, онъ подобнаго утвержденія не выставляетъ; но его ученіе должно приводить къ такому взгляду. При обобщеніяхъ высшихъ мы опираемся на низшія наведенія, которыя, представляя каждое объединенный уже благодаря „понятіямъ“ внѣшній матеріалъ, и играютъ тогда, въ свою очередь, роль фактовъ ³⁾. Такъ называемые факты составляютъ, выходятъ, нѣкотораго

¹⁾ N. O. R., book II, chapt. V, art. 2. Chapt. VI. On the Philos. of Discov., chapt. XXII, 1—12, 15 и другія мѣста. — Джонъ Стюартъ Милль, характеризуетъ индуктивный процессъ, не обращаетъ, говоритъ Юэллъ, вниманія на весьма важную черту, — что наведеніе предполагаетъ переходъ отъ фактовъ къ общимъ положеніямъ или отъ менѣе общихъ положеній къ болѣе общимъ. Лишь упустивъ изъ виду это обстоятельство, можно было бы вмѣстѣ съ Миллемъ признавать и заключенія отъ частнаго къ частному за индукцію. См. On the Philosophy of Discovery, chapt. XXII, art. 1 seqq.

²⁾ N. O. R., book II, chapt. V, art. 2. On the Philos. of Discov., chapt. XXII, 15—23 (ср. всю главу). Hist. of Scient. Ideas, vol. I, book I, chapt. I, sect. 4.

³⁾ N. O. R., book II, chapt. I, VI. On the Philos. of Discov., chapt. XIX, 6. XXII, 56—62. Hist. of Scient. Id., vol. I, book I, chapt. I, sect. 4, 10—11. Hist. of the Ind. Sciences, vol. II, book VII, chapt. II, 5. Ср. N. O. R., Pref., p.

рода лѣстницу, и, опускаясь по ней, мы не имѣемъ основанія остановиться на какой либо ступени и сказать, будто тутъ уже нѣтъ наведенія и будто того, что на этой стадіи обозначаютъ терминомъ „фактъ“, нельзя разложить на внѣшній матеріалъ и обнимающія послѣдній понятія. Въ концѣ концовъ мы признали бы за индукцію и чувственное воспріятіе,—въ его чистомъ видѣ, когда оно (предположимъ) не сопровождается никакими посторонними процессами. Да Юэлли естественно и настаиваетъ на томъ, что оно никогда не бываетъ безусловно внѣшнимъ и необходимымъ образомъ заключаетъ въ себѣ апріорный, объединяющій его показанія, идейный элементъ ¹⁾.

Изъ опыта нельзя почерпнуть всеобщихъ и необходимыхъ положеній. Сколько бы ни было предъ нами фактовъ, они, сами по себѣ, не говорятъ ничего о случаяхъ не наблюденныхъ и не убѣждаютъ насъ въ томъ, что среди послѣднихъ не встрѣтится контрадикторной инстанціи (или контрадикторныхъ инстанцій); признать же положеніе необходимымъ, наше знакомство съ внѣшнимъ матеріаломъ и подавно не можетъ дать основаній: мы этимъ путемъ узнаемъ только, что, на самомъ дѣлѣ, происходитъ, и опытъ не показываетъ, будто такъ *должно быть* ²⁾. Между тѣмъ индуктивныя изслѣдованія приводятъ къ заключеніямъ, которыя носятъ характеръ „всеобщности“ ³⁾. То, чего не даетъ одинъ изъ источниковъ

IX—X. Book I, aphor. I—XVIII. Book II, chapt. III, art. 1—3. On the Philos. of Discov., chapt. II; XV, 6—9; XVII, 3; XVIII, 2. Hist. of the Ind. Sciences, vol. I, Introd., p. 9.

¹⁾ См. особ. Hist of Scient. Id., vol. I, book I, chapt. I, sect. 10. Cp. ibid. book I. Vol. II, book IX, chapt. V, art. 14—15. N. O. R., book I, aphor. I—XVIII. Book II, chapt. III, art. 1—3. On the Philos. of Discov., App. E.

²⁾ On the Philos. of Discov, chapt. XXVIII, 11. XXIX, 2. Hist. of Scient. Id., vol. I, book I, chapt. I, sect. 2. Chapt. III, art. 1—2. Chapt. IV. Book II, chapt. II, art. 2—3. Book III, chapt. VIII, art. 1—3 seqq. Vol. II, book VI, chapt. 1, art. 1. Cp. On the Phil. of Discov., chapt. XXII, 71. XXIV, 2—3 seqq., 9 seqq. XXVIII, 5—6 seqq. XXX, 2 seqq. App. E, art. 14 seqq. App. F. Hist. of Scient. Id., vol. II, book VI, chapt. II, art. 9. The mechanical Euclid. 3 ed. Cambr. 1838. Remarks, sect. II, art. 55 и друг. мѣста разсматриваемыхъ сочиненій.—„Необходимостью“ того или другаго положенія предполагается и его „всеобщность“, говоритъ Юэлли. См. Hist. of Scient. Id., vol. I, book I, chapt. III, art. 2. Chapt. IV, art. 2.

³⁾ Что касается характера „необходимости“, то Юэлли склоненъ иногда признавать его за опытными истинами (см. напротивъ Hist. of Scient. Id., vol. I, book I, chapt. IV, art. 2), но ничего рѣшительнаго на этотъ счетъ все же не говоритъ. См. On the Philos. of Discov., chapt. XXII, 71. XXVIII, 9. App. E,

познанія нашего, восполняется изъ другаго: опытная истины оказываются универсальными, благодаря идеямъ или понятіямъ, которыми мы при наведеніи пользуемся¹⁾).

Эти понятія, какъ сказано, весьма разнообразны. Ихъ можно было бы раздѣлить на нѣсколько порядковъ, смотря по основнымъ идеямъ, къ которымъ они примыкають, и тогда выяснилось бы, что всякой области знанія соотвѣтствуетъ опредѣленная сфера понятій. Въ виду этого обстоятельства Юэалль, между прочимъ, классифицируя науки, и принимаетъ за *fundamentum divisionis* идея, которая въ нихъ является основными. Только въ таблицѣ его отведено мѣсто и наукамъ чистымъ, а съ другой стороны, онъ, вопреки принятому правилу—ограничиваться вообще разсмотрѣніемъ наукъ, изучающихъ внѣшній для насъ матеріальный міръ, включаетъ въ раздѣленіе также нѣкоторыя науки съ инаго рода объектами изслѣдованія. Въ своемъ перечнѣ онъ для каждой изъ наукъ называетъ основную ея

art. 20, 24 (Авторъ рассуждаетъ тутъ относительно нѣкоторыхъ положеній механики и химіи. Указанныя, а равно и другія мѣста его сочиненій, даютъ поводъ предполагать, будто дѣло идетъ у него при этомъ объ истинахъ, которыя добыты не индуктивнымъ путемъ. См. однако—о положеніяхъ механики—особенно *The mechan. Eucl. Remarks, sect. II, art. 55. Ср. 68*).—Необходимыми Юэалль обыкновенно называетъ истины, которыхъ мы не можемъ не признавать въ виду ихъ *самоочевидности*. Но въ XXIV-ой главѣ сочиненія *On the Philos. of Discov. (art 2—3 seqq. Ср. art. 9 seqq.)* онъ отъ этого своего понятія отступаетъ. По мнрѣ того, какъ развиваются науки, происходятъ, говоритъ онъ, идеализація фактовъ. То, что мы сначала утверждаемъ, просто какъ фактъ, какъ дѣйствительность, становится потомъ, когда мы возвысились до объясняющихъ болѣе общихъ положеній или теорій, *неизбѣжнымъ для мысли нашей выводомъ изъ добытыхъ истинъ* и въ этомъ смыслѣ утверждается уже, какъ нѣчто необходимое. А если такимъ образомъ расширить понятіе о необходимости, то окажется, что всякое индуктивное заключеніе можетъ сгать положеніемъ необходимымъ: нужно только, чтобы былъ сдѣланъ въ разработкѣ науки слѣдующій шагъ и установлено обобщеніе высшее.—Впрочемъ, положенія опытная вообще Юэалль обыкновенно противопоставляетъ истинамъ необходимымъ. См. *Hist. of Scient. Id., vol. I, book I, chapt. I, sect. 2. Chapt. III—IV* и друг. мѣста его сочиненій.

¹⁾ *Hist. of Scient. Id., vol. I, book I, chapt. III, art. 1. Chapt. IV, art. 2. Book III, chapt. VIII, art. 1 seqq. Vol. II, book VI, chapt. I, art. 3. The mechan. Eucl. Remarks, sect. II, art. 55, 62. Ср. On the Philos. of Discov., chapt. XXII, 71. App. E, art. 19—20 seqq., 24.* Сочиненія Юэалля едва ли даютъ намъ право сомнѣваться вмѣстѣ съ Беномъ (II, 412) относительно того, какъ смотреть Юэалль на источникъ, изъ котораго мы черпаемъ „понятія“ при наведеніи.—Ср. предшествовавшее примѣчаніе.

идею¹⁾ и считаетъ возможнымъ расположить науки по лѣстницѣ такъ, чтобы оказалось, что каждая слѣдующая пользуется не только понятіями, приуроченными къ ея основной идеѣ, но и относящимися ко всѣмъ тѣмъ идеямъ, которыя соотвѣтствуютъ ступенямъ предшествующимъ. Въ наукахъ чистыхъ дѣло идетъ объ идеяхъ пространства, времени, числа, условнаго знака (Sign), предѣла (Limit), движенія; механическія науки (Mechanical Sciences)—статика, динамика, гидростатика и др. пользуются идеями причины, силы, матеріи и пр.; далѣе слѣдуетъ вторая группа механическихъ наукъ (Secondary Mechanical Sciences)—акустика, оптика и др., гдѣ выдвигаются идеи посредствующаго при чувственномъ воспріятіи (Medium of Sensation), интенсивности качества (Intensity of Qualities) и пр.; аналитико-механическія науки (Analytico-Mechanical Sciences)—ученіе объ электричествѣ, магнетизмѣ и гальванизмѣ, исходятъ изъ идеи полярности (Polarity); слѣдующее мѣсто занимаетъ аналитическая—химія, для которой основными оказываются идеи элемента, химическаго средства, субстанции; аналитико-классификаціонныя науки (Analytico-Classificatory Sciences)—кристаллографія и систематическая минералогія (Systematic Mineralogy) находятъ себѣ опору въ идеяхъ симметріи и сходства (Likeness); для наукъ классификаціонныхъ (Classificatory Sciences)—систематической ботаники (Systematic Botany), систематической зоологии (Systematic Zoology), сравнительной анатоміи, руководящими являются идея ступеней сходства (Degrees of Likeness) и идея естественнаго сродства (Natural Affinity) и т. д.²⁾

Но выводы, получаемые при индуктивныхъ изслѣдованіяхъ, все же сводятся къ двоякому типу: это или „законы природы“ или же обобщенія относительно причинъ. Наука начинается съ законовъ, и лишь послѣдующей задачей ея является составленіе теорій. Аристотель прямо утверждалъ, будто наука изучаетъ причины, и подобнымъ же образомъ Беконъ безъ дальнѣйшихъ оговорокъ рекомендуетъ изслѣдователю приняться за опредѣленіе „формъ“. Надо, однако, знать факты; только тогда можно говорить о ихъ причинахъ. Чтобы перейти къ теоріямъ, необходимо въ общихъ положеніяхъ

¹⁾ Иногда впрочемъ у него въ таблицѣ два отдѣла знанія и даже болѣе соотвѣтствуютъ одной основной идеѣ и, наоборотъ, для одной науки названо двѣ и болѣе идей.

²⁾ Ср. планъ сочиненій Hist. of Scientif. Id. и Hist. of the Ind. Sciences.

(правилах—rules) формулировать, что наблюдается и каковы дѣйствія причинъ. Намѣчая вмѣстѣ съ Гершелемъ два вида научныхъ заключеній, Юэлль проводитъ такимъ образомъ между ними рѣзкую границу, чего мы въ Discourse не находимъ. Гершель относитъ выводъ къ низшему порядку, когда обобщеніемъ устанавливается вообще нѣкоторое единообразіе. Поэтому у него выходитъ, что утверждаемая въ „законѣ природы“ связь при дальнѣйшемъ изслѣдованіи нерѣдко оказывается и соотношеніемъ причиннымъ. Между тѣмъ юэллевскій „законъ“ имѣетъ болѣе опредѣленное содержаніе: это—обобщеніе относительно того, что составляетъ результатъ дѣятельности причинъ, а отнюдь не касательно звеньевъ, изъ которыхъ самыя причинныя связи слагаются. Въ виду сказаннаго надо было бы ожидать, что Юэлль подъ терминъ „законъ“ подведетъ всѣ случаи, когда понятіе, къ которому мы при индукціи прибѣгаемъ, не представляетъ модификаціи идеи о причинѣ. Но онъ склоненъ приурочить законы природы исключительно къ идеямъ пространства, времени, числа и сходства ¹⁾).

Самое понятіе причины пріобрѣтаетъ у Юэлля весьма широкій смыслъ. Пользуясь аристотелевской терминологіей, можно было бы сказать, что дѣло идетъ у него о причинахъ трехъ родовъ, и онъ отбрасываетъ только причину формальную. Главный интересъ представляютъ для науки обыкновенно теоріи относительно дѣятельныхъ причинъ,—свойствъ или силъ (quality, power or efficacy), благодаря которымъ одни явленія возникаютъ на смѣну другимъ. Но и нашъ авторъ признаетъ за одну изъ модификацій идеи о причинѣ понятіе

¹⁾ N. O. R., book II, chapt. VII, art. 1—2 seqq., 10—11. Book III, chapt. VIII, art. 8. Chapt. X, aphor. LXI. Ibid. art. 1—2. On the Philos. of Discov. chapt. V, art. 9 seqq. XV, 15. XVI. XVIII, 19. Hist. of Scient. Id., vol. I, book II, chapt. I, art. 5. Book IV, chapt. IV, art. 1. Hist. of the Ind. Sciences, vol. II, book. IX, (Introd.) p. 270. Book X (Introd.), p. 377. Ср. book III, chapt. I, p. 99—100.—Если Юэлль относитъ къ числу причинныхъ наведеній и такія, при которыхъ выдвигаются идеи субстанціи, силы и полярности (N. O. R., book III, chapt. X, aphor. LXI), то онъ при этомъ разсматриваетъ названныя понятія, какъ модификаціи идеи причины (ibid. art. 2—4). Подобнаго же рода объясненіе приложимо, надо думать, и къ Hist. of Scient. Id., vol. I, book. II, chapt. I, art. 5 (мы имѣемъ въ виду фразу:... „the idea of cause, or some of the other ideas which penetrate further into the principles of nature“).—Терминомъ „теорія“ Юэлль, очевидно, рѣшается пользоваться во всѣхъ случаяхъ, когда идетъ дѣло о причинахъ какого либо явленія. Ср. значеніе термина у Гершеля.

матеріи; а понятіе о причинѣ конечной, по ученію его, является руководящимъ въ наукахъ, которыя изучаютъ органическій міръ. При этомъ, когда мы рассматриваемъ цѣлую систему причинныхъ соотношеній и не только отыскиваемъ ближайшую причину явленія, но и причину этой причины и т. д., общій ходъ изслѣдованія и самый характеръ идеи причины заставляеть насъ подняться до понятія о Причинѣ Высшей, и мы утверждаемъ аксіоматическую истину, что необходимо должна существовать Первая Причина. Наконецъ, что касается закона причинности,—общаго положенія, на которое индуктивный выводъ долженъ, на дѣлѣ, опираться, то Юэль признаеть цѣлый рядъ приуроченныхъ къ идеѣ причины аксіомъ, которыя, подобно основоположеніямъ геометріи, принимаются нами à priori, какъ необходимыя и всеобщія ¹⁾).

¹⁾ N. O. R., book I, aphor. XVIII, XLV—XLVIII, CV, CXVI. Book II, chapt. VII, IX. Book III, chapt. III, art. 5 seqq. Chapt. X. On the Philos. of Discov., chapt. XXI, 2—4 seqq. Hist. of Scient. Id., vol. I, book I, chapt. VII. Book III, chapt. I—II, IV. Chapt. V, art. 1—2 seqq. Vol. II, book IX, chapt. VI. Book X, chapt. V. Cp. N. O. R., book II, chapt. II, art. 11. On the Philos. of Discov., chapt. XVIII, 5 seqq. XXII, 54. XXX. Hist. of Scient. Id., vol. I, book III, chapt. III, VI seqq. Book V. Vol. II, book VI, chapt. I seqq. Book IX, chapt. I seqq. Book X, chapt. I seqq.—Помѣщенный въ началѣ 10-ой главы 3-ей книги N. O. R. 61-ый афоризмъ могъ бы навести на мысль, будто юэллевская идея причины обнимаетъ и понятіе о причинѣ формальной, но это опровергается 2-ымъ пунктомъ (art. 2) той же главы.—Нельзя, говорить Юэлю, требовать, чтобы въ наукѣ принимались только verae causae въ томъ смыслѣ, какой этому термину обыкновенно придаютъ (ср. выше о Гершелѣ). Это значило бы безъ основаній ограничить свободу изслѣдованія. Причина должна быть истинной и, дѣйствительно, объяснять явленія. Рассматривая ньютонское правило въ прежнемъ его толкованіи, можно изъ него дагѣ извлечь лишь указаніе, что совпаденіе индуктивныхъ выводовъ, сдѣланныхъ при изслѣдованіи фактовъ въ двухъ различныхъ областяхъ, является важнымъ подтвержденіемъ истинности обобщенія (ср. относительно „Concurrence of Inductions“ ниже). См. On the Philos. of Discov., chapt. XVIII, 5—11. XXII, 54.—Ставя Гершелю въ заслугу тѣ замѣчанія, которыя онъ въ рецензіи „Whewell on the Ind. Sciences“ (см. выше) посвящаетъ вопросу, дѣйствительно ли причина есть нѣчто предшествующее, а дѣйствіе—послѣдующее, и не одновременны ли они, Юэль обращаетъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что рѣчь у насъ вообще можетъ идти объ отдѣльной, въ извѣстный моментъ дѣйствующей причинѣ, или же объ агрегатѣ причинъ. Въ первомъ случаѣ мы должны утверждать одновременность причины и дѣйствія. Возьмемъ, напримѣръ, стѣнные часы во время ихъ хода. Моментъ, въ который имѣеть мѣсто такое или иное отдѣльное слѣдствіе механическаго воздѣйствія, всюду совпадаетъ съ моментомъ причиненія. Но иного рода отвѣтъ возможенъ во второмъ случаѣ. Все явленіе хода часовъ въ промежутокъ между

Связывая при наведеніи факты въ понятіяхъ, представитель науки долженъ обнаружить особую проникающую способность. Онъ долженъ сумѣть остановиться каждый разъ на понятіи подходящемъ и такимъ образомъ *открыть* истину. Съ цѣлью объединить наши наблюденія, мы и выдвигаемъ различныя понятія *предположительно*. Мы строимъ гипотезы, и только дальнѣйшее изслѣдованіе показываетъ намъ, насколько онѣ состоятельны. Гершель замѣтилъ, что строгое наведеніе *обыкновенно*, на дѣлѣ, замѣняется составленіемъ гипотезъ. Въ главахъ Юэля, таковъ постоянный характеръ индуктивнаго процесса¹⁾. Задавшись цѣлью анализировать операцію доказыванія, Аристотель не обратилъ, говорить онъ, должнаго вниманія на то обстоятельство, что индукція всегда предполагаетъ фактъ *открытія*. Въ наведеніи

двумя моментами воздѣйствія механическихъ силъ (предполагая, что силы, благодаря которымъ механизмъ приводится въ движеніе, дѣйствуютъ не непрерывно), представляя продолженіе прежняго движенія, имѣть причиною весь рядъ приложенныхъ до того времени силъ, и эта группа причинъ является по отношенію къ своему слѣдствію чѣмъ-то предшествующимъ. Дѣйствіе начинается тамъ, гдѣ кончается причина (если ходъ часовъ обуславливается силою, въ строгомъ смыслѣ, непрерывно и неизмѣнно дѣйствующей, все же движеніе механизма въ любой данный моментъ является результатомъ всей предшествующей работы этой силы). См. Hist. of Scient. Id., vol. I, book. III, chapt. IV, p. 192 seqq.

¹⁾ См. особенно N. O. R., book II, chapt. IV, aphor. VIII. Ibid. art. 6—7 seqq. Book III, chapt. V, aphor. XXXVI. Ibid. art., 5—6 seqq. Cp. book II, chapt. V, aphor. X. Ibid., art. 3—4, 6—8 seqq. Book III, chapt. I, art. 2 seqq. Chapt. VI seqq. On the Philos. of Discov., chapt. V, 1—3. XV, 15; XVI; XVIII, 3; XXII, 49—55. App. D. Hist. of the Ind. Sciences, vol. I, book V, chapt. IV, sect. 1. Vol. 2, book VII, chapt. II, p. 139 seqq. и многія другія мѣста юэллевскихъ сочиненій. Нашъ авторъ замѣчаетъ даже: „Hypotheses may be useful, though involving much that is superfluous, and even erroneous“ (N. O. R., book II, chapt. V, aphor. XI. Cp. *ibid.*, art. 9).—N. O. R., book II, chapt. V, art. 6: To discover a Conception of the mind which will justly represent a train of observed facts is, in some measure, a process of conjecture.... Слова „in some measure“ прибавлены тутъ, быть можетъ, потому, что нѣкоторыя общія указанія относительно составленія гипотезъ, по Юэлю, все же возможны (cp. ниже), и ими изслѣдователь долженъ руководствоваться.—При постепенномъ развитіи науки однѣ гипотезы уступаютъ нѣмного мѣсто другимъ, пока не установится для соотвѣтствующаго комплекса фактовъ обобщеніе достаточно прочное. Нѣсколько послѣдовательныхъ попытокъ объяснить тотъ или иной рядъ явленій предпринимаетъ, быть можетъ, и отдѣльный изслѣдователь, прежде чѣмъ онъ окончательно изберетъ какое либо предположеніе. О смѣнѣ гипотезъ Юэль говоритъ, впрочемъ, въ афоризмѣ VIII (N. O. R., book II, chapt. IV) все же нѣсколько нѣрѣшительно (cp. *ibid.*, art. 7. Cp., однако, другія указанія въ настоящемъ примѣчаніи мѣста юэллевскихъ сочиненій).

„всѣ безжелчныя существа живутъ долго“ (которое, въ дѣйствительности, не имѣетъ научной цѣны) надо рѣшиться принять соотвѣтствующее понятіе или терминъ—„безжелчныя“, и наиболѣе важный шагъ заключается при обобщеніи этомъ не въ процессѣ подтвержденія добытой уже истины ¹⁾. Ту же погрѣшность допускаетъ Беконъ. Онъ даже прямо заявляетъ, что люди самыхъ разнообразныхъ дарованій могутъ съ успѣхомъ работать въ области науки, если будутъ руководствоваться новой формулой изслѣдованія ²⁾. Наконецъ, Джонъ Стюартъ Милль отрицаетъ въ обобщеніяхъ апіорныя понятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ [последнія за элементъ открытія. Самъ же онъ предлагаетъ четыре метода изслѣдованія, которые едва ли могутъ привести къ отысканію истины. Онъ принимаетъ въ своихъ правилахъ за данное или готовое то, въ чемъ, на дѣлѣ, заключается наибольшая трудность. Чтобы воспользоваться какимъ либо изъ его методовъ, мы должны имѣть предъ собою опредѣленнаго типа комплексы явленій. Между тѣмъ природа не даетъ намъ комбинацій, соотвѣтствующихъ формуламъ этихъ методовъ, такъ

¹⁾ N. O. R., book II, chapt. V, art. 3 seqq. On the Philos. of Discov., chapt. IV, p. 20—22. Chapt. V, art. 1—3. Append. D. Понятіе „безжелчныя“ играетъ у Аристотеля роль термина средняго (въ силлогизмѣ, съ которымъ у него сопоставляется индуктивное заключеніе). Задача сводится такимъ образомъ при наведеніи каждый разъ къ тому, чтобы подыскать средній терминъ. Необходимость процесса открытія при обобщеніяхъ Аристотель все же склоненъ былъ, говорить Юэлю, признавать.

²⁾ On the Philos. of Discov., chapt. V, 2; XV, 15. Chapt. XVI, p. 149—151 seqq. Ср. chapt. XV, art. 18—19. Въ виду беконовскаго общаго взгляда на процессъ научнаго изслѣдованія, неудивительно, что попытка этого мыслителя свести послѣдній къ опредѣленной технической формѣ, имѣетъ, на самомъ дѣлѣ, мало значенія. См. On the Philos. of Discov., chapt. XV, art. 16 seqq.—Когда Юэлю въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій приходится касаться ученія Бекона о прерогативныхъ инстанціяхъ (онъ между прочимъ упоминаетъ и объ *inst. absentiae in proxiimo*, какъ объ одномъ изъ беконовскихъ разрядовъ инстанцій, не прилагая, правда, въ этомъ случаѣ по отношенію къ нимъ термина „прерогативныя“. См. N. O. R., book III, chapt. VIII, art. 8), онъ указываетъ (см. On the Philos. of Discov., chapt. XXII, 40) на критическія замѣчанія, сдѣланныя Гершелемъ, ставить „основателю индуктивнаго метода“ въ укоръ, что описаніе поучительныхъ случаевъ прямо приноровлено у него къ изученію формъ и не предполагаетъ предварительнаго знакомства съ законами природы и что за основаніе раздѣленія онъ принимаетъ не идеи, какія содержатся въ инстанціяхъ, и не тѣ или иные моменты въ классифицируемыхъ фактахъ, а значеніе послѣднихъ для хода изслѣдованія (см. N. O. R., book III, chapt. VIII, art. 8. On the Philos. of Discov., chapt. XV, 18—19).

что представляется вопросъ, какимъ же образомъ искусственно сводить явленія къ требуемымъ сочетаніямъ ¹⁾).

Этотъ процессъ открытія индуктивныхъ истинъ нельзя подчинить опредѣленнымъ правиламъ. Надежды, которыя Беконъ возлагаетъ на новый методъ, неосуществимы вообще; удачныя обобщенія зависятъ прежде всего отъ личныхъ дарованій изслѣдователя. Возможно дать относительно составленія гипотезъ лишь кое-какія указанія ²⁾).

Надо пользоваться при индукціи понятіями *подходящими* (argrgrate), то-есть, брать только модификаціи той основной идеи, при посредствѣ которой явленія, дѣйствительно, могутъ быть объяснены; выдвигаемыя понятія должны входить въ составъ группы (понятій), приуроченной къ идеѣ, которая *однородна* съ фактами или—лучше—съ тѣми наиболѣе элементарными понятіями (или представленіями), на которыя въ концѣ концовъ разлагаются такъ-называемые факты. Впрочемъ вопросъ, считать ли принимаемое понятіе въ истинномъ смыслѣ слова подходящимъ, мы рѣшаемъ только послѣ операциі наведенія, когда убѣждаемся, что матеріалъ объединенъ у насъ правильно. Изложенное предписаніе слѣдуетъ понимать лишь въ самомъ общемъ смыслѣ. Имъ каждый разъ опредѣляются предѣлы той сферы, изъ которой нужно черпать понятія для наведеній. А въ такомъ случаѣ выполненіе его не ведетъ еще къ открытію истины. Тѣмъ не менѣе названное правило полезно, ибо предохраняетъ насъ отъ ошибокъ, какія мы допустили бы, еслибы стали искать при обобщеніяхъ необходимыхъ понятій въ несоотвѣтствующей области. Подобной погрѣшности легко избѣжали бы, напримѣръ, изслѣдователи, составившіе *математическую, механическую* и т. п. школы въ наукѣ физиологіи, которая изучаетъ силы *жизненныя* (the vital powers) и должна, слѣдовательно, прибѣгать къ понятіямъ иного рода ³⁾. Естественно затѣмъ

¹⁾ On the Philos. of Discov., chapt. XXII, 24—40, 49—50 seqq. Cp. *ibid.*, art. 15—23.—Cp. *ibid.*, art. 55.

²⁾ N. O. R., book II, chapt. II, art. 15, 17. Chapt. IV, aphor. VIII. *Ibid.*, art. 6, 9. Book III, chapt. I, art. 2. Chapt. V, art. 1, 5. On the Philos. of Discov., App. D., p. 456. Cp. N. O. R. Pref., p. IV—VI. *Ibid.*, p. 3—4. Book II, chapt. II, aphor. III. *Ibid.* art. 12—14, 16. Book III, chapt. V, art. 6—7, 9—10. Hist. of Scient. Id., vol. I. Introd., p. 17.—Cp. ниже примѣч. 271-е.

³⁾ N. O. R., book II, chapt. II, aphor. III. *Ibid.*, art. 18—16. Book III, chapt. V, aphor. XXXVII. *Ibid.*, art. 9. Cp. book II, chapt. II, art. 17. Chapt. IV, art. 5. Book III, chapt. V, aphor. XXXVI. Во второй главѣ второй книги N. O. R. и въ пятой главѣ третьей книги Юэаль предлагаетъ въ сущности одно и то же правило.

требовать, чтобы (основная) идея, на которой изслѣдователь при наведеніи останавливается, была провѣрена фактами. Если, пользуясь понятіями, къ ней примыкающими, мы открываемъ законъ *истинный*, это убѣждаетъ насъ, что основная идея избрана правильно ¹⁾.

Въ третьей книгѣ рѣчь идетъ о томъ, что *основная идея* должна быть *однородна* (homogeneous) съ фактами. Во второй Юэлль говоритъ о *понятіяхъ* и употребляетъ по отношенію къ нимъ выраженіе „подходящія“ (appropriate). Прибѣгая къ подобному термину, онъ, однако, хочетъ лишь указать, что понятія, вводимыя при наведеніи, должны являться *модификаціями основной идеи*, дѣйствительно объясняющей факты. При этомъ въ названныхъ двухъ главахъ подобраны примѣры различныя и—мало того—въ пятой главѣ третьей книги приведены почти исключительно случаи нарушения измѣненнаго предписанія, которое гласило бы, что, сосредоточиваясь на разсмотрѣніи понятій, къ данной основной идеѣ приуроченныхъ, мы должны останавливаться на однородныхъ съ послѣднею фактахъ (вмѣсто правила—идеи должны соответствовать фактамъ, мы имѣемъ тутъ: надо въ извѣстныхъ случаяхъ подбирать факты, которые соответствовали бы даннымъ идеямъ).

¹⁾ N. O. R., book III, chart. V, aphor. XXXVII. Ibid., art. 10. Ср. ibid., aphor. XXXVI. Ibid., art. 6, 9. По поводу этого правила Юэлль замѣчаетъ (art. 10): „This, however, can hardly be termed a Rule; for when we would know, to conjecture and to try the truth of our conjecture by a comparison with the facts, is the natural and obvious dictate of common sense“.—Если Юэлль замѣчаетъ, кромѣ того, что научныя обобщенія невозможны безъ понятій ясныхъ (N. O. R., book II, chart. II, aphor. III. Ibid., art. 12, 17. Ср. chart. IV, art. 5), то дѣло идетъ у него въ этомъ случаѣ не о томъ, какъ вести самую операцію отысканія соответствующихъ понятій, а о работѣ, которую необходимо выполнить, прежде чѣмъ процессъ открытія истины будетъ имѣть мѣсто (ср. ниже).—Общая мысль относительно возможности или невозможности правилъ для построенія гипотезъ не отличается у Юэлла опредѣленностью. Утверждая весьма рѣшительно, что предписанія подобнаго рода невозможны, онъ въ то же время сосредоточиваетъ въ изслѣдованіяхъ своихъ весь интересъ на разсмотрѣніи процесса открытія и объявляетъ, что изъ обзора историческаго матеріала все же слѣдуетъ извлечь нѣкоторыя ссображенія. Въ первой главѣ третьей книги N. O. R. онъ говоритъ (см. art. 2), будто нельзя для отысканія истины дать правилъ *всеобщихъ* и *непреложимыхъ* (universally and peremptorily applicable). Но тѣ два предписанія, которыя онъ самъ предлагаетъ, не лишены подобнаго смысла.—Трактую философію открытія, Юэлль ожидаетъ болѣе или менѣе важныхъ практическихъ результатовъ собственно не отъ указаній относительно того, какъ *съ каждымъ отдѣльнымъ случаемъ* открывать истину. Онъ разсматриваетъ процессъ научнаго изслѣдованія, намѣчаетъ моменты, на которые послѣдній разлагается, и говоритъ, что анализъ можетъ показать, на какой ступени остановилась научная работа въ соответствующей области и какого рода трудъ при наличныхъ условіяхъ всего болѣе желателенъ, слѣдуетъ ли, положимъ, сосредоточить вниманіе на наблюденіяхъ, собираніи матеріала, или же на процессѣ выясненія понятій (ср. ниже) или, наконецъ, приняться за построеніе гипотезъ (N. O. R., Pref., p. VI—VII. Ibid., book I, chart. II, art. 17. Ср. art. 18—21. Chart. IV, art. 3—4).

Юэлли предлагаетъ, впрочемъ, все же и нѣкоторыя предписанія болѣе спеціальнаго характера. Онъ описываетъ рядъ методовъ, которые нужно примѣнять, если дѣло идетъ о выводахъ количественныхъ. Между прочимъ онъ при этомъ трактуетъ и о методѣ остатковъ. Исследователь, говоритъ онъ, вычитаетъ изъ количественныхъ данныхъ, доставленныхъ наблюденіями, величины, которыя уже предполагаются тѣмъ или инымъ прежде добытымъ закономъ, и подвергаетъ разсмотрѣнію лишь остатки; придя послѣ этого къ новому закону, онъ поступаетъ подобнымъ же образомъ и сосредоточиваетъ вниманіе на вновь получаемыхъ остаточныхъ величинахъ и т. д. ¹⁾ Потомъ слѣдуютъ у Юэлли методы, употребляемые въ случаяхъ, когда при индукціи выдвигается идея сходства. Приступая къ ихъ описанію, авторъ говоритъ о законѣ непрерывности (the Law of Continuity). Принципъ этотъ гласитъ у него: зависящая отъ данныхъ условій величина не можетъ при ихъ измѣненіи обратиться въ другую, не переходя посредствующихъ ступеней, которыя соотвѣтствовали бы посредствующимъ же ступенямъ (въ совершающейся, на самомъ дѣлѣ, постепенно) перемѣнѣ самыхъ условій. Послѣдователи Аристотеля различали, напримѣръ, движеніе, согласное съ природою, если предметъ падаетъ по вертикальной линіи внизъ, и противное — ей, когда онъ движется по горизонтальной плоскости; въ первомъ случаѣ движеніе, говорили они, становится естественно все болѣе и болѣе быстрымъ, во второмъ — болѣе медленнымъ. Но если опираться на законъ непрерывности, то нетрудно доказать несостоятельность подобнаго противопоставленія. Наклоняя постепенно горизонтальную плоскость, можно дать ей въ концѣ концовъ положеніе вертикальной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе по ней изъ замедляющагося перейдетъ мало-по-малу въ ускоряющееся. Принципъ непрерывности заставляетъ насъ предположить въ этомъ случаѣ цѣлый рядъ возможныхъ ступеней и между прочимъ и такую наклонную плоскость, по которой предметъ движется внизъ со скоростью, не

¹⁾ N. O. R., book III, chapt. VI—VII. Шестая глава должна была дать „general Rules for the Construction of the Conception“ при индуктивномъ процессѣ (ср. chapt. V, arbor. XXXIV). Тѣмъ не менѣе дѣло идетъ въ ней лишь о понятіяхъ количественныхъ—объ установленіи формулъ (ср. arbor. XXXVIII. Art. 1). Авторъ ограничиваетъ при этомъ свои замѣчанія разсужденіями о случаяхъ, гдѣ опредѣляются количественныя соотношенія сравнительно общаго характера (ср. art. 8).—Что шестая глава посвящена въ сущности вопросу о составленіи гипотезъ, въ томъ окончательно убѣждаетъ читателя уже и параграфъ 2-й.

измѣняющейся, чего на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Какъ и въ приведенномъ только что примѣрѣ, мы, замѣчаетъ однако Юэлли, пользуемся вообще закономъ непрерывности не столько при процессѣ открытія, сколько для опроверженія или исправленія ошибочныхъ положеній или разграниченій. Къ нему лишь примыкають тѣсно методы, которые ведутъ къ открытію новыхъ истинъ ¹⁾. Сюда принадлежитъ методъ градаціи (the Method of Gradation). Онъ заключается въ томъ, что къ двумъ крайнимъ случаямъ, которые кажутся рѣзко отличными одинъ отъ другаго, стараются подобрать нѣсколько промежуточныхъ звеньевъ, чтобы этимъ путемъ рѣшить, дѣйствительно ли слѣдуетъ признать между данными инстанціи разнородность ²⁾. Юэлли указываетъ далѣе на методъ естественной классификаціи (the Method of natural Classification). Единичные случаи надо, говоритъ онъ, распределять не на основаніи заранѣе составленныхъ опредѣленій, а сообразуясь съ тѣми сродствами, которыя обнаруживаются въ самыхъ предметахъ или явленіяхъ. Нельзя исходить изъ напередъ избранныхъ признаковъ и предписывать ихъ вещамъ. Природа сама укажетъ намъ свойства предметовъ, и мы должны при раздѣленіи принять въ расчетъ ихъ всѣ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важныя изъ нихъ. Методъ этотъ приводитъ и къ общимъ положеніямъ: въ результатѣ мы приписываемъ извѣстныя свойства цѣлымъ классамъ и какъ бы составляемъ для послѣднихъ опредѣленія, которыя мы, однако, все же должны быть готовы измѣнить или дополнить, въ случаѣ еслибы факты того потребовали. Примѣняется методъ естественнаго раздѣленія весьма широко въ классификаціонныхъ наукахъ (Classificatory Sciences) ³⁾. Таковы методы, которыми слѣдуетъ пользоваться, когда идетъ дѣло о законахъ природы. Относительно же отысканія причинъ Юэлли даетъ весьма мало указаній. Необходимо стараться, говоритъ онъ, усвоить и примѣнять идеи ⁴⁾, которыя служатъ наведеніямъ основою, со всею ясностью и точностью. Въ посвященной вопросу о причинныхъ обобщеніяхъ главѣ N. O. R. авторъ долѣе останавливается лишь на выясненіи понятій субстанціи, механической силы, полярности и Причины Высшей. Онъ только

¹⁾ Chapt. VIII, aphor. XLIX. Ibid., art. 1—5. Art. 5: The evidence of the Law of Continuity resides in the universality of those Ideas, which enter into our apprehension of Laws of Nature.

²⁾ Ibid., aphor. L. Ibid., art. 6—11. Cp. aphor. LI.

³⁾ Aphor. LI. Ibid. art. 12—17. Cp. Hist. of Scient. Id., vol. II, book VIII.

⁴⁾ Относительно употребленнаго у Юэлли въ соответствующемъ мѣстѣ (N. O. R., book III, chapt. X, art. 1) выраженія „the Fundamental Idea“ ср. выше.

замѣчаетъ тутъ между прочимъ, будто въ идеѣ субстанціи заключается уже аксіома, что вѣсь сложнаго тѣла равенъ вѣсу вошедшихъ въ составъ его элементовъ; примѣненіе этой въ высшей степени важной „максимы“ (the Maxim) онъ и предлагаетъ назвать „методомъ баланса“ (the Method of the Balance) ¹⁾.

Выставивъ индуктивное положеніе въ видѣ гипотезы, мы должны провѣрить его и убѣдиться въ его истинности. Надо пересмотрѣть достаточное количество инстанцій,—обозрѣть всѣ извѣстныя, всѣ доступныя намъ единичныя случаи, на которые наведеніе распространяется, и пытаться примѣнить къ нимъ обобщеніе, дѣлая изъ него дедуктивные выводы (мы построимъ при этомъ нерѣдко умозаключенія сложныя и доходимъ до отдаленнѣйшихъ послѣдствій, какія вытекаютъ изъ принятаго предположенія) и сравнивая содержаніе послѣднихъ съ фактами. Понятно, что операцію эту слѣдуетъ производить со всею осторожностью; внимательное и безпристрастное, строгое и всестороннее разсмотрѣніе матеріала должно показать, что дедуктивныя заключенія въ точности подтверждаются дѣйствительностью.

Особенно доказательной становится провѣрка (утверждаетъ Юэлль вмѣстѣ съ Гершелемъ и несмотря на возраженія Джона Стюарта Милля), если мы не только объясняемъ изъ гипотезы имѣющіяся предъ нами явленія, но и предсказываемъ новыя. Наука постоянно прибѣгала къ подобному приему. Когда предсказанія оправдаются,—это не можетъ быть простой случайностью. Мы заключаемъ въ такомъ случаѣ, что предположеніе, изъ котораго мы исходили, содержитъ въ себѣ большую долю правды, что намъ удалось въ значительной мѣрѣ освѣтить сокровенное въ природѣ. Мы тогда не въ состояніи смотрѣть на дѣло иначе и сомнѣваться въ достоинствахъ испытываемаго общаго положенія. Постигнуть явленія наблюдаемыя какъ бы значить истолковать то, что природою написано, а слѣдовательно, понимать ея азбуку. Предсказывая же феномены, мы пытаемся произносить сами повелѣнія, какія даетъ природа (to use the legislative phrases of nature), и если слова наши выполняются, мы необходимо признаемъ, что намъ въ большой степени доступны строеніе и смыслъ языка ея ²⁾.

¹⁾ Chapt. X. Cp. Hist. of Scient. Id., vol. II, book VI, chapt. IV.

²⁾ Въ On the Philos. of Discov., chapt. XXII, art. 51 Юэлль подъ „a mere formula of observed facts“, вѣроятно, разумѣетъ простую суммировку того, что наблюдалось (складываніе безъ привнесенія апріорнаго элемента),—въ отличіе отъ знанія болѣе глубокаго (a truth of a deeper kind).

Далѣе, опорю обобщенія являются иногда и факты, принадлежащіе къ новому классу, сравнительно съ группою явленій, которыя привели насъ къ гипотезѣ; наведенія, получаемыя при разсмотрѣніи двухъ отличныхъ одинъ отъ другаго разрядовъ случаевъ, оказываются совпадающими (*the Consilience of Inductions*). Такъ, напримѣръ, Гюйгенсъ, чтобы объяснить законы двойнаго преломленія лучей свѣта въ исландскомъ шпатѣ, впервые предположилъ *сферическія* свѣтотворныя движенія частицъ среды; эту гипотезу развивалъ и Френель. Между тѣмъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что изъ выставленной теоріи въ той ея модификаціи, когда она истолковываетъ и направленіе двухъ преломленныхъ лучей, можно объяснить также положеніе плоскостей ихъ поляризаціи. Подобнаго рода подтвержденіе находятъ себѣ, однако, лишь лучшія теоріи. Въ исторіи наукъ, съ другой стороны, едва ли отыщется примѣръ, когда индуктивное положеніе и при названныхъ условіяхъ было бы ложнымъ. Полное сходство между обобщеніями случайностью объяснить нельзя. Можно, изучая какой нибудь классъ явленій, построить гипотезу неосновательную (или даже—неосновательныя гипотезы), и видоизмѣнять ее, лишь только встрѣтятся обстоятельства, ея не предусматривныя; но ложное предположеніе, приоровленное къ случаямъ одного разряда, не можетъ оказаться подходящимъ и для другаго класса. Если два разныхъ лица, дешифрируя двѣ различныхъ надписи, остановятся на одной и той же азбукѣ, мы съ большою рѣшительностью признаемъ ихъ догадки правильными.

Нерѣдко бываетъ, что первоначально выставленная гипотеза оказывается недостаточной для объясненія разнаго рода частныхъ или вновь встрѣчающихся явленій, и къ ней приходится дѣлать добавленія. Если теорія справедлива, послѣднія и доставляютъ ей простоту и гармонію; добавочныя предположенія тогда обыкновенно или прямо сводятся къ основному, или же заставляютъ насъ дѣлать въ немъ лишь незначительныя видоизмѣненія. Явленія поляризаціи, напримѣръ, и двойнаго преломленія свѣтовыхъ лучей удалось объяснить, исходя изъ теоріи волнообразныхъ движеній и не внося въ нее элементовъ, которые ей были бы новы и чужды.

Впрочемъ, двѣ возможныхъ особенности правильной гипотезы—сравненіе наведеній, съ одной стороны, и сравнительная простота ¹⁾

¹⁾ У Юэля употреблено въ соответствующемъ мѣстѣ (N. O. R., book II, chap. V, art. 13) выраженіе *the progressive simplification* of the Theory, но оно дальнѣйшими разсужденіями о томъ, какъ мы, соединяя два наведенія, сохраняемъ за гипотезой сравнительную простоту, не оправдывается.

теоріи, съ другой,—едва ли различны. Если мы обобщеніемъ, сдѣланнымъ при обзорѣ одного класса фактовъ, пользуемся, чтобы изъяснить и другой, выходитъ, что область приложенія гипотезы расширяется, а она при этомъ не осложняется. Сливая два индуктивныхъ положенія въ одно или приурочивая ранѣе построенную теорію къ новому разряду случаевъ, мы собственно выставляемъ новое обобщеніе, которое объединяетъ въ себѣ два наведенія, распространяется на бѣольшую (сравнительно съ каждымъ изъ нихъ) группу инстанцій и должно поэтому быть признано за высшее,—словомъ, подвигаемся на шагъ вверхъ по „лѣстницѣ аксіомъ“.

Строго говоря, провѣрка должна не только обнаружить, что изъ гипотезы выводятся во всей точности факты, на которые она распространяется, но и показать, что только изъ сдѣланнаго предположенія и возможно объяснить рассматриваемыя явленія ¹⁾. При совершенномъ индуктивномъ заключеніи условіе это и выполняется. Увѣренность въ истинности обобщенія иногда достигаетъ этихъ предѣловъ: подобный характеръ признаютъ математики за законами движенія. Но увѣренность наша, что наведеніе не только согласно съ дѣйствительностью, но и необходимо, растетъ лишь постепенно, по мѣрѣ того какъ въ (дедуктивныхъ) выводахъ приобретається навыкъ и твердость, а изученіе разнообразнѣйшихъ соотношеній между явленіями становится привычнымъ для насъ и основательнымъ. Да и тогда, когда изслѣдователь достигаетъ столь прочной увѣренности, онъ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ все же видитъ, что для рассматриваемой имъ группы инстанцій возможно и иное объясненіе. А потому намъ обыкновенно приходится суживать требованія и принимать за достовѣрное то, что лишь можетъ оказаться истиннымъ ²⁾.

Для дедуктивныхъ умозаключеній логика издавна установила

¹⁾ Насколько the Consilience of Inductions и сравнительная простота теоріи можетъ избавить насъ отъ необходимости выполнить подобное требованіе,—объ этомъ Юэлль не говоритъ ничего.—При наведеніи мы выдвигаемъ особое понятіе (или особыя понятія), въ которомъ объединяемъ внѣшній матеріалъ. На ряду съ индуктивнымъ положеніемъ и можно выставить опредѣленіе такого понятія, съ цѣлью точно выяснитъ его содержаніе. Поэтому Юэлль говоритъ обыкновенно о томъ, соответствуетъ ли взятое *понятіе или его опредѣленіе* и сдѣланное обобщеніе фактамъ.

²⁾ N. O. R., book II, chapt. VI, aphor. XIX: The inductive act of thought by which several Facts are colligated into one Proposition, may be expressed by saying: The several Facts are exactly expressed as one Fact, if, and only if, we adopt the Conceptions and the Assertion of the Proposition.

особую формулу: всякій правильный выводъ можно свести къ схемѣ законосообразно построеннаго силлогизма. Подобнаго рода формулу надо выработать и въ логикѣ индукціи, думаетъ Юэлль. Онъ предлагаетъ обратить особое вниманіе на то обстоятельство, что обобщенія наши образуютъ лѣстницу, и мы постепенно восходимъ къ положеніямъ болѣе и болѣе общимъ. Принимая это въ расчетъ, можно составить для каждой данной области научнаго изученія особую индуктивную таблицу. Перечисливъ тѣ инстанціи, на которыя непосредственно опираются выводы самаго низшаго порядка, мы отмѣчаемъ въ списокѣ скобками отдѣльныя группы наблюденій и противъ каждой изъ нихъ выставляемъ соотвѣтствующее общее положеніе; переходимъ затѣмъ къ обобщеніямъ, которыя можно разсматривать, какъ слѣдующую ступень лѣстницы, и выписываемъ каждое противъ низшихъ наведеній, послужившихъ ему основой, причеиъ включаемъ въ скобки уже комплексы наиболѣе элементарныхъ индуктивныхъ положеній и т. д., пока не дойдемъ до высшаго или высшихъ заключеній. Составленная по этимъ предписаніямъ таблица указываетъ для всякаго изъ наведеній, съ какимъ матеріаломъ (будутъ ли то просто факты ¹⁾, или же низшія обобщенія) его необходимо свѣрять; въ ней при этомъ выступаетъ на видъ зависимость однихъ индуктивныхъ выводовъ отъ другихъ, ибо высшее положеніе можетъ оказаться истиннымъ лишь въ случаѣ, если правильны тѣ низшія обобщенія, которыя составляютъ его опору. Въ подобной таблицѣ не трудно отыскать и примѣры совпадающихъ наведеній (особенно если она содержитъ въ себѣ и нѣкоторыя историческія указанія—имена наиболѣе выдающихся ученыхъ, которымъ важнѣйшія изъ научныхъ открытій принадлежатъ). Наконецъ, въ ней обнаруживается со всею рѣзкостью характерная простота правильной теоріи, ибо высшія заключенія, которыми заканчивается схема, содержатъ въ себѣ собственно истинную суть (the substance) всѣхъ низшихъ наведеній. Юэлль самъ составилъ индуктивныя таблицы по астрономіи и оптикѣ ²⁾.

¹⁾ Впрочемъ терминъ „фактъ“ имѣетъ у Юэлла относительный смыслъ; нашъ авторъ обозначаетъ этимъ именемъ и низшія обобщенія, если они сами служатъ матеріаломъ для высшихъ. Ср. выше.

²⁾ Относительно проверки индуктивныхъ выводовъ вообще см. N. O. R. Pref., p. VIII—X. Book II, chapt. I. Chapt. IV, aphor. IX. Ibid., art. 7, 11. Chapt. V, aphor. X, XII, XIV. Ibid., art. 6—13. Chapt. VI. Ind. Table of Astron. Ind. Table

Индуктивное заключение предполагает, съ одной стороны, факты, а съ другой—объединяющую ихъ идею (или объединяющія идеи). Согласно съ этимъ Юэлли и говорить о двоякаго рода вспомогательномъ процессѣ при наведеніи: 1) о „выясненіи идей или понятій“ (the Explication of Conceptions) и 2) о собираніи ¹⁾ фактическаго матеріала,—о наблюденіяхъ нашихъ.

Достоинства нашихъ обобщеній стоятъ въ прямой зависимости отъ того, насколько совершенны понятія, которыми мы при индукціи пользуемся, вполне ли они ясны и достигли ли должной устойчивости. Какъ показываетъ исторія наукъ, необходимой ясностью стали обладать понятія въ различныхъ областяхъ знанія, благодаря борьбѣ и дебатамъ между представителями разныхъ научныхъ взглядовъ, когда ученые изошрялись во всестороннемъ обсужденіи выдвинутыхъ идей. Черезъ научные споры (недавняго времени) сообщена была, напримѣръ, бѣльшая точность понятіямъ о видахъ и родахъ (Species

of Optics. Book III, chapt. I, art. 4. Chapt. V, art. 6 seqq., 10, Chapt. IX, aphor. LIII—LIV. Ibid., art. 1—3. On the Philos. of Discov., chapt. XXVIII, art. 16. Chapt. XXII, art. 49—52.—N. O. R., book II, chapt. VI, aphor. XXII: ...and if each induction in particular be sound, the highest, which merely combines them all, must necessarily be sound also (употребленное тутъ выраженіе merely combines едва ли соотвѣтствуетъ юэлевскому общему взгляду на наведеніе). Выводъ подтверждается сравненіемъ съ фактами или заключеніями низшаго порядка. Въ этомъ смыслѣ трудно было бы разсматривать провѣрку всѣхъ низшихъ обобщеній, какъ доказательство высшаго. Но достоинство вывода зависятъ и отъ достоинствъ матеріала—фактовъ или (сравнительно съ подтверждаемымъ заключеніемъ) болѣе элементарныхъ наведеній.—Значеніе предлагаемыхъ таблицъ Юэлли видятъ еще въ томъ, что онѣ содержатъ въ себѣ указанія, какъ раздѣлить трудъ провѣрки индуктивнаго положенія между многими, хотя бы и неотличающимися большими дарованіями лицами (Беконъ, какъ извѣстно, думалъ, будто его „новая формула изслѣдованія“ даетъ возможность людямъ всякихъ дарованій приняться и за самый трудъ построения обобщеній).—Со своимъ ученіемъ относительно таблицъ для провѣрки наведеній Юэлли сопоставляетъ беконовскую scilicet ascensivam axiomatum. И самый терминъ „аксіома“ у Бекона въ 19-омъ афор. I-ой книги N. O. онъ объясняетъ въ томъ смыслѣ, будто этимъ именемъ „основатель новаго метода“ хочетъ обозначить индуктивное положеніе, какъ *исходную посылку для дедуктивныхъ заключеній*. Нашъ авторъ обвиняетъ также Джона Стюарта Милля, что тотъ не обратилъ должнаго вниманія на „дѣйствицу обобщеній“. См. N. O. R. Pref., p. VIII—IX. On the Philos. of Discov., chapt. XV, art. 6 seqq., 9. Chapt. XXII, art. 56—62.

¹⁾ Дѣло идетъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ юэлевскихъ сочиненій о простомъ собираніи, а не о „связываніи фактовъ“ (the Colligation of Facts): этотъ послѣдній процессъ—уже не что иное, какъ самое наведеніе.

and Geneva), а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно подвинулась разработка ботаники ¹⁾.

Нашъ авторъ трактуетъ еще объ одномъ вспомогательномъ средствѣ при „выясненіи понятій“. Можно въ значительной мѣрѣ приучить интеллектъ, говоритъ онъ, къ яснымъ идеямъ и этимъ обезпечить правильное усвоеніе научныхъ дисциплинъ и успѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Занятія геометріей внѣдряютъ намъ ясныя пространственныя понятія; обращаясь къ механикѣ, мы вырабатываемъ себѣ привычку къ точнымъ и опредѣленнымъ понятіямъ въ этой области и т. д. ²⁾. Впрочемъ изученіе различныхъ отдѣловъ человѣческаго знанія приноситъ пользу, лишь поскольку мы знакомимся при этомъ съ понятіями выработанными и ясными.

Научные споры нерѣдко прямо приурочиваются къ вопросу, какъ *опредѣлить* извѣстныя понятія (или данное понятіе), и результатомъ долгаго и труднаго обсужденія является иногда построеніе опредѣленій (или опредѣленія). Но сколь бы важенъ ни былъ этотъ послѣдній логическій приемъ, не слѣдуетъ забывать, что суть дѣла заключается не въ его приложеніи, а лишь въ томъ, чтобы самыя понятія, на которыхъ мы при индукціи останавливаемся, были вполнѣ ясными. Можно назвать очень много случаевъ, когда выдающіеся ученые выдвинули новыя научныя понятія со всею ясностью и точностью и въ то же время ихъ не опредѣляли. Гюйгенсъ и Ньютонъ, Юнгъ и Френель не позаботились, напримѣръ, представить опредѣленіе научнаго понятія о поляризаціи свѣта. Притомъ же идеи наши находятъ себѣ выраженіе и въ аксіомахъ,

¹⁾ Юэлль настаиваетъ, что подобныя, влонящіеся къ выясненію понятій, споры слѣдуетъ считать *метафизическими*.

²⁾ Если понимать буквально N. O. R., book III, chart. III, arhog. XXX, то выходитъ, будто при знакомствѣ съ разными науками дѣло, по Юэллю, идетъ о выясненіи основныхъ идей, а не понятій, что, однако, не подтверждается послѣдующимъ изложеніемъ.—Главный интересъ сосредоточивается во всей главѣ (N. O. R., book III, chart. III) собственно не на томъ, какъ соотвѣтствующія занятія дѣлаютъ человека способнымъ устанавливать новыя истины, а на томъ, какъ они помогаютъ ему при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ научными теоріями. Авторъ притомъ утверждаетъ здѣсь, что изученіе естественной исторіи разрушаетъ неправильный взглядъ на логическій приемъ опредѣленія понятій, на его значеніе и приложимость, и доказыванію этой мысли посвященъ у него цѣлый рядъ параграфовъ (art. 12—16).—Понятно, что по мѣрѣ разработки наукъ устанавливается все большее и большее количество ясныхъ понятій, которыми можно пользоваться какъ орудіемъ для воспитанія интеллекта.

которыя отнюдь не совпадаютъ съ опредѣленіями. Самый критерій ясности идей нашихъ заключается въ томъ, усматриваемъ ли мы необходимый характеръ соотвѣтствующихъ аксіомъ или нѣтъ ¹⁾. Если прибѣгнуть къ опредѣленію, то нечего и говорить, оно не можетъ быть произвольнымъ. Нельзя ad libitum сообщать понятіямъ такой или иной смыслъ: формулируя точно содержаніе подобнаго рода выдуманныхъ понятій, мы только бросали бы лучи свѣта въ пустое пространство. Дѣло каждый разъ должно идти о томъ, какъ истолковать понятіе (или понятія), чтобы индуктивное обобщеніе, которое мы при этомъ прямо выставляемъ, или-же, по крайней мѣрѣ, молча имѣемъ въ виду и въ которомъ оно играетъ роль, оказалось правильнымъ. Въ опредѣленіи принимаются такимъ образомъ въ расчетъ факты, которые мы при индукціи объединяемъ ²⁾. Во многихъ случаяхъ мы считаемъ полученный при наведеніи выводъ надежнымъ, причемъ, однако, содержаніе его мыслится нами недостаточно точно, въ нѣсколько расплывчивой формѣ, такъ что индуктивное положеніе уже добыто, а опредѣлить соотвѣтствующее понятіе (или соотвѣтствующія понятія) представляется невозможнымъ. Только благодаря новой работѣ, усиліямъ и проницательности ума, эти понятія окончательно уясняются. Средневѣковые ученые разсматривали опредѣленіе, какъ высшую ступень въ развитіи знанія. И дѣйствительно, если ваши понятія поддаются опредѣленію, это показываетъ, что научная мысль сдѣлала въ данной области шагъ чрезвычайно важный ³⁾.

¹⁾ Впрочемъ въ N. O. R., book II, chart. II, art. 3, Юэлль говоритъ относительно случаевъ, когда борьба противоположныхъ научныхъ мнѣній разрѣшается полнымъ выясненіемъ правильныхъ понятій, не такъ опредѣленно: „The very essence of these triumphs is that they lead us to regard the views we reject as not only false, but inconceivable“.

²⁾ Ibid., art. 7: The dispute concerning the Definition thus acquires a real value, and becomes a question concerning true and false.

³⁾ Относительно процесса „выясненія понятій“ вообще см. N. O. R. Pref., p. VI—VIII. Book II, chart. I—II. Chapt. V, art. 1. Book III, chart. I, aphor. XXVII. Ibid. art. 3—4. Chapt. II, art. 28. Chapt. III—IV. On the Philos. of Discov., chart. XVIII, art. 4. Hist. of Scientif. Id. Vol. I. Pref., p. VI. Hist. of the Ind. Sciences, vol. I, book I, chart. III, sect. 2, art. 5.—Выясненіе идей имѣетъ чрезвычайно важное значеніе: это—*conditio sine qua non* правильнаго индуктивнаго вывода. Но мало того. Мы и построимъ, на самомъ дѣлѣ, обобщенія лишь по мѣрѣ уясненія понятій, такъ что разсматриваемый вспомогательный процессъ какъ бы сливается въ одно неразрывное цѣлое съ самой операцией

Что касается матеріала, надъ которымъ мы при индукціи оперируемъ, то имъ должны быть достовѣрные факты (true facts),—въ отличіе отъ нерѣдко ошибочныхъ выводовъ нашихъ и взглядовъ на явленія. Мы должны принимать за факты только то, что дѣйствительно наблюдается, вѣрить исключительно показаніямъ чувствъ. Но познание внѣшняго предмета предполагаетъ не только пассивный, но и активный элементъ; въ воспріятіяхъ содержатся, съ одной стороны, ощущенія, а съ другой—а priori внесенныя идеи; что получено нами извнѣ, того нельзя отдѣлить отъ всего остальнаго. Какимъ же образомъ свести факты къ ихъ наиболѣе простой формѣ, при которой они по возможности не порождали бы сомнѣній и ошибокъ? Нельзя исключить изъ нихъ идеи; но можно сознать, различать со всею строгостью тѣ идеи, которыя въ нихъ заключены. Невозможно наблюдать явленія, не примѣняя къ нимъ идей пространства и числа, причины и сходства; но необходимо стараться избѣгать при этомъ темноты и не спутывать одну идею съ другой. Ни одной изъ надписей, какія даетъ намъ природа, нельзя прочесть, не прибѣгая къ языку, на которомъ мы привыкли говорить; но надо хорошо знать этотъ языкъ и, пользуясь имъ, точно придерживаться правилъ грамматики¹⁾. Итакъ, мы должны заботиться, чтобы идеи, на которыхъ мы при знакомствѣ съ явленіями останавливаемся, были ясными²⁾ и примѣнялись съ должной раздѣльностью и осторожностью. Изъ этого общаго предписанія вытекаетъ прежде всего, что въ факты (или въ ту сложную психическую работу, которую мы разсматриваемъ, какъ познание фактовъ) отнюдь не слѣдуетъ вносить чувствованій нашихъ, которыя обыкновенно кладутъ на факты особый отпечатокъ. Такъ, для цѣлей науки непригодны наблюденія, въ которыхъ мы при-

наведенія. Вѣроятно, въ виду этого обстоятельства Юэлль и рѣшается въ N. O. R., book II, chart. V, art. 1 (ср. Pref., p. VII) сказать даже (вопреки другимъ мѣстамъ своихъ сочиненій. См. хотя бы book III, chart. II, art. 28), будто „выясненіе понятій“ и „связываніе фактовъ въ понятіяхъ“ *имѣютъ составляютъ индуктивный процессъ*.

¹⁾ Въ N. O. R., book II, chart. III, art. 3 Юэлль послѣ словъ „to interpret it according to the rigorous rules of grammar“ прибавляетъ „and analogy“.

²⁾ Въ N. O. R., book II, chart. IV, art. 6 нашъ авторъ говоритъ: „...the facts must be referred to Clear and Appropriate Ideas“. Такимъ образомъ онъ выставляетъ по отношенію къ идеямъ одни и тѣ же требованія, когда идетъ дѣло о наблюденіяхъ нашихъ и когда—о процессѣ наведенія. Да это и понятно, ибо съ его точки зрѣнія едва ли возможна сколько нибудь существенная разница между двумя названными процессами (ср. выше).

числяемъ феномены къ знаменіямъ и чудесамъ, внушающимъ ужасъ и предвѣщающимъ бѣдствія. Далѣе можно указать на то, что необходимо наблюдать мѣсто, фигуру, число предметовъ, движеніе ихъ и вообще прибѣгать къ подобнаго рода понятіямъ, ибо они приурочиваются къ идеямъ пространства и времени и принадлежать къ числу наиболѣе общихъ, ясныхъ и простыхъ. Но, конечно, нельзя ограничиться этой группой понятій, приложимыхъ почти ко всѣмъ фактамъ, и игнорировать особенности отдѣльныхъ инстанцій. Для каждой науки имѣютъ непосредственное значеніе понятія, являющіяся модификаціями той идеи (или тѣхъ идей), на которую (или на которыя) она, какъ на основную (или какъ на основныя), опирается. Надо только стараться довести ихъ до той же степени точности, какой обладаютъ понятія математическія. Мы такимъ образомъ разлагаемъ сложныя явленія природы и въ замѣнъ сложныхъ способовъ ихъ разсмотрѣнія пользуемся болѣе простыми, сводя факты къ элементарнымъ и яснымъ отношеніямъ времени, пространства, причины и пр. (the Decomposition of Facts) ¹⁾.

Начала наука наблюденіями непосредственными ¹⁾, когда человекъ не зналъ для этого процесса особыхъ правилъ и не обладалъ необходимыми привычками мысли. Нечего и говорить, что и въ этотъ періодъ полезными для развитія познаній нашихъ оказались лишь факты, которые были разложены на элементарные и наблюдались съ точностью. Вотъ почему отдѣлы знанія, гдѣ особенно важную роль играютъ идеи времени, числа и пространства, и были разработаны сравнительно рано. На болѣе высокой ступени развитія наука требовала отъ человека особой подготовки, особеннаго вниманія къ явленіямъ и выбора фактовъ (или по крайней мѣрѣ, видовъ фактовъ). Когда мы перестаемъ довольствоваться тѣмъ, что даетъ намъ повседневный опытъ, и обращаемся и къ другимъ инстанціямъ, это въ болѣе строгомъ смыслѣ называютъ наблюденіемъ; а если мы къ тому же сами вызываемъ явленія,—экспериментомъ. Знакомясь съ фактами, мы можемъ прибѣгать къ специальнымъ техническимъ приемамъ.

¹⁾ Когда мы беремъ такія явленія, которыя разсматриваются главнымъ образомъ съ точки зрѣнія идеи сходства, разложеніе ведетъ, замѣчаетъ Юэлль, къ составленію классификаціи, напимѣрь, если мы даемъ указанія относительно того, какъ распознавать деревья или животныхъ.

²⁾ Юэлль употребляетъ выраженіе „*common observation*“, которымъ указываетъ не столько на характеръ самыхъ наблюденій, сколько на предполагаемый составъ наблюдателей.

Желательно, чтобы наблюдение сопровождалось измѣреніемъ явленій. Юэлль и различаетъ въ собираніи фактическаго матеріала для наведеній разложеніе сложныхъ явленій на простыя и измѣреніе. Для послѣдняго процесса онъ указываетъ особые методы, которые называютъ впрочемъ просто „Methods Observation“¹⁾.

Посвящая весь интересъ свой наукамъ индуктивнымъ, Юэлль отнюдь не игнорируетъ дедукціи. Онъ признаетъ значеніе этого процесса для „наукъ чистыхъ“, понимаетъ, что, не прибѣгая къ нему, мы не могли бы провѣрять индуктивныхъ выводовъ, наконецъ, видитъ также, что дедукція является могущественнымъ орудіемъ, при помощи котораго мы пользуемся добытыми чрезъ наведеніе общими истинами, чтобы выводить изъ нихъ болѣе частныя заключенія и чтобы объяснять отдѣльныя инстанціи²⁾.

Воззрѣнія Юэлла относительно того, какъ *доказываются* индуктивныя обобщенія, значительно затемнены. Онъ обращаетъ свое вниманіе, видѣли мы, на процессъ *открытія* научныхъ истинъ, а не на то, каковы должны быть ихъ логическія основанія. Названный процессъ Юэлль хочетъ, насколько возможно, подчинить методическимъ правиламъ. Вотъ главная цѣль его изслѣдованій. Авторъ нашъ упрекаетъ Аристотеля, Бекона и Джона Стюарта Милля, что они игнорируютъ подобную задачу и непосредственно съ этой своей точкой зрѣнія и осуждаетъ миллевскіе четыре индуктивныхъ метода.

Но давая предписанія касательно открытія истинъ, мы можемъ указывать лишь на такія условія мыслительной дѣятельности, которыя въ то же время гарантируютъ истинность (насколько она вообще можетъ обезпечиваться самымъ характеромъ процесса мысли) выста-

¹⁾ Относительно собиранія фактическаго матеріала вообще см. N. O. R. Pref., p. VI. Book II, chapt. I. Chapt. III. Chapt. IV, aphor. VII. Ibid. art. 2—5. Book III, chapt. I, art. 3—5. Chapt. II. On the Philos. of Discov., chapt. XVIII, art. 4. Hist. of the Ind. Sciences, vol. I, book I, chapt. III, sect. 2, art. 4.

²⁾ N. O. R., book II, chapt. VI, art. 10, 18. Book III, chapt. I, art. 4. Chapt. IX. Hist. of Scient. Id., vol. I, book I, chapt. I, sect. 3. Chapt. III, art. 6. Chapt. V, art. 3—5 seqq. Book II, chapt. I, art. 2—3. Hist. of the Ind. Sciences, vol. I. Introd., p. 12. Vol. II, book VI, chapt. II, sect. 2. Vol. III, book XV, chapt. III. Cp. On the Philos. of Discov., chapt. XXII, art. 74. Hist. of the Ind. Sciences, vol. I, book III, chapt. IV. Book V, chapt. III, V. Vol. II, book VI, chapt. III, VI и другія мѣста этого сочиненія.—Если Юэлль возражаетъ противъ высказаннаго Джозомъ Стюартомъ Миллемъ убѣжденія, будто будущее науки принадлежатъ дедукціи (см. On the Philos. of Discov., chapt. XXII, art. 63—67), то въ полемикѣ онъ не доходитъ до взглядовъ крайнихъ.

вляемаго индуктивнаго положенія или по крайней мѣрѣ даютъ намъ нѣкоторые шансы въ его пользу. Еслибы правила наши не носили подобнаго характера, выполненіе ихъ не способствовало бы открытіямъ *справедливымъ*, такъ что они своей цѣли не достигали бы. Отсюда тѣсная связь между методами открытія (насколько они вообще возможны) и доказательства. Правда, аргументируя какое либо положеніе, мы почти всегда далеко отступаемъ отъ пути, который насъ къ нему привелъ. Да и совершались, какъ нерѣдко гласятъ показанія исторіи наукъ, открытія случайно, безъ того, чтобы изслѣдователь при работѣ своей придерживался определенной путеводной нити. Но анализъ *регламентированнаго* процесса открытія долженъ служить хотя нѣкоторымъ оправданіемъ добытой истины. Такимъ образомъ на соблюденіе методическихъ правилъ, которыя предлагаетъ Юэлль (не для доказыванія, а для процесса открытія), все же можно было бы сослаться въ подтвержденіе сдѣланныхъ индуктивныхъ выводовъ.

Для выбора понятій или идей при наведеніи Юэлль предлагаетъ два предписанія. Оставляя при анализѣ перваго изъ нихъ его взглядъ на апіорный элементъ при индуктивномъ процессѣ безъ рассмотрѣнія и прямо становясь въ данномъ случаѣ на точку зрѣнія нашего автора, мы должны были бы сказать: если основная идея, модификаціями которой мы при обобщеніи пользуемся, дѣйствительно однородна съ объединяемыми въ выводѣ фактами (или представленіями и понятіями, на которыя „факты“ разлагаются), это уже является (хотя и весьма слабымъ, но все же нѣкоторымъ) показаніемъ за его истинность. Что же касается втораго изъ юэллевскихъ правилъ, то дѣло идетъ въ немъ вообще не о самомъ процессѣ выбора идеи и открытія истины, а объ операціи, которую мы совершаемъ, послѣ того какъ выставили индуктивное положеніе и выдвинули уже какое либо понятіе (или какія либо понятія),—о провѣркѣ обобщеній.

Изъ специальныхъ методовъ, которые описываетъ Юэлль, методъ остатковъ способствуетъ лишь упрощенію имѣющагося подъ руками матеріала; прибѣгая къ нему, мы отбрасываемъ изъ величинъ, сложнымъ путемъ составившихся, количества, которыя уже предполагаются установленными ранѣе законами (или установленнымъ закономъ), чтобы такимъ образомъ видѣть искомыя количественныя соотношенія менѣе затѣненными. Далѣе, методъ градаціи ¹⁾, очевидно, слу-

¹⁾ Что касается закона непрерывности, то Юэлль, какъ мы видѣли, и самъ склоненъ разсматривать его, лишь какъ общее положеніе, на которое мы опираемся съ цѣлью опровергнуть или исправить сдѣланные уже индуктивные выводы.

жить не столько для того, чтобы *наводить на мысль* о сродствѣ или коренномъ различіи наблюдаемыхъ крайнихъ случаевъ, сколько для того, чтобы *подтверждать* однородность или разнородность инстанцій. Обращаясь къ методу естественной классификаціи и соответствующимъ образомъ распредѣляя матеріалъ при наведеніи, мы легче прійдемъ къ правильнымъ общимъ взглядамъ на изучаемые объекты (дѣло можетъ идти при этомъ и не о формальныхъ опредѣленіяхъ, а о предложеніяхъ, утверждающихъ „существованіе свойствъ“), а если пожелаемъ ихъ доказывать, будемъ въ то же время имѣть подъ руками (это прямо предполагается примѣненіемъ разсматриваемаго метода) большой рядъ фактовъ, удобно сгруппированныхъ. Наконецъ, для опредѣленія причинъ Юэлль собственно вовсе не даетъ правилъ. Требованіе, чтобы идеи при причинномъ наведеніи сознавались и примѣнялись вполне ясно и точно, можетъ—*mutatis mutandis*—быть приложено ко всякаго рода обобщеніямъ; притомъ, если оно и содержитъ указаніе относительно того, какова должна быть правильная научная мысль, то имъ не опредѣляется, гдѣ найти истину или какое направленіе принять при ея отысканіи ¹⁾).

Въ Н. О. Р. посвящена все же особая глава „логикѣ индукціи“ ²⁾. Авторъ, ожидали бы мы, хотеть тутъ намѣтить условія, при которыхъ наведеніе можно считать достовѣрнымъ. Но понятіе о логикѣ оказывается у него вообще неопредѣленнымъ ³⁾, и въ главѣ, о которой мы говоримъ, онъ только предлагаетъ „индуктивныя таблицы“ и ихъ описываетъ. Между тѣмъ къ формуламъ его одинаково сводятся какъ заключенія справедливыя, такъ и ошибочныя. Схемою индуктивной таблицы еще не опредѣляется характеръ соотношенія между данными для вывода, съ одной стороны, и самымъ выводомъ, съ другой. Обращаясь къ ней, мы лишь должны назвать для cadaго изъ обобщеній

¹⁾ „Максима“, что вѣсь сложнаго тѣла равенъ вѣсу составныхъ его частей, столько же можетъ направлять наши изслѣдованія, сколько служить посылкою, когда мы хотимъ доказать соответствующій опытный выводъ.

²⁾ Book II, chapt. VI. Ср. Pref., p. VIII—X. Book II, chapt. V, art. 3. — Юэлль утверждаетъ, будто его предшественники (исключая развѣ Бекона) не сдѣлали въ области „логики индукціи“ ничего.

³⁾ Book II, chapt. VI, art. 10: The analysis of doctrines inductively obtained, into their constituent facts, and the arrangement of them in such a form that the conclusiveness of the induction may be distinctly seen, may be termed *the Logic of Induction*. By *Logic* has generally been meant a system which teaches us to arrange our reasonings that their truth or falsehood shall be evident in their form. Ср. *ibid.*, aphor. XVII—XVIII.

всѣ тѣ данныя (внести ихъ всѣ въ таблицы, перечисленіе помѣстить противъ вывода и отмѣтить скобками), которыя ему послужили основаніемъ ¹⁾).

„Новая индукція“, въ отличіе отъ аристотелевской формальной, не довольствуется для своихъ заключеній фактическимъ матеріаломъ. Она прибѣгаетъ къ напередъ выставленному отвлеченному принципу. Если такая особенность наведенія не остается у Гершеля незамѣченной, то Юэлль ее съ большимъ стараніемъ постоянно выставляетъ на видъ, и мысль о ней какъ бы окончательно укореняется у читателей. Въ этомъ заключается главнымъ образомъ значеніе его трактатовъ для исторіи логическаго ученія объ индукціи. Но онъ не проводитъ точной границы между установленіемъ понятій и — общихъ положеній ²⁾. Для него наведеніе представляетъ вообще только процессъ объединенія внѣшняго матеріала въ *понятіи* ³⁾; а при подобной операциі можно остановиться на добытомъ понятіи (или добытыхъ понятіяхъ), не подымаясь до обобщеній, въ обычномъ смыслѣ этого слова. Согласно со своимъ взглядомъ на процессъ наведенія, Юэлль и разсуждаетъ не о метафизическомъ *принципѣ*, а объ априорныхъ *идеяхъ* при индукціи.

Для случаевъ, гдѣ дѣло идетъ объ обобщеніяхъ причинныхъ, и гдѣ мы опираемся на всеобщій законъ причинности, оказывается возможнымъ выработать особыя методическія предписанія, которыя и обуславливаются самою постановкой опытныхъ изслѣдованій подобнаго рода ⁴⁾ и содержаніемъ исходной общей посылки. Изъ всего этого, однако, не слѣдуетъ еще, будто невозможны иные разряды случаевъ когда представитель науки прибѣгалъ бы при индукціи къ напередъ выставленному принципу и пользовался бы своеобразными методическими приѣмами. Начиная съ Бекона Веруламскаго представители логики работаютъ надъ наведеніемъ причиннымъ. Можетъ быть, слѣдовало бы сосредоточиться и на обобщеніяхъ, которыя характеризуются содержаніемъ *x* (или *y*, или *z*) и въ которыхъ мы ссылаемся на всеобщій законъ $A—X$ (или $B—Y$, или $C—Z$). Мо-

¹⁾ Со 184-й стр. у Апелъта ср. N. O. R. Pref., p. VIII.

²⁾ Ср. Bain, II, 411 — 412. М. Н. Владиславлевъ, Прилож., 225. Apelt, 184. Ср. также М. М. Троицкій, II, 152. Уепп, Ind. Logic, 353—354.

³⁾ Ср. впрочемъ выше.

⁴⁾ Мы имѣемъ въ виду то обстоятельство, что въ случаяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, вообще играетъ роль посылки напередъ выставленный принципъ, — законъ причинности.

жетъ быть, и подобныя наведенія важны для науки и подчиняются притомъ особымъ логическимъ правиламъ ¹⁾. Такимъ образомъ нельзя относиться прямо съ предубѣжденіемъ къ попыткѣ Юэлла расширить область приложенія „матеріальной“ ²⁾ индукціи ³⁾. Указывая на апріорный элементъ при наведеніи, онъ трактуетъ о разнаго рода идеяхъ (съ примыкающими къ нимъ понятіями), а не о причинности только. Было бы неправильно осуждать его за это à priori. Лишь при болѣе частномъ разборѣ можетъ обнаружиться недостаточность его ученія.

На самомъ дѣлѣ, развито оно въ N. O. R. чрезвычайно слабо. Въ разсужденіяхъ Юэлла о провѣркѣ гипотезъ,—иначе говоря, объ индуктивномъ доказываніи, различіе между идеями, которыя въ разныхъ наукахъ являются основными, не принято въ расчетъ: для всѣхъ случаевъ наведенія онъ какъ бы предлагаетъ одну общую формулу. Что же касается его специальныхъ методовъ открытія истины, то если примѣненіе ихъ и должно было бы въ нѣкоторой мѣрѣ обезпечить правильность обобщеній, подобная гарантія все же оказалась бы вообще слабой; да и свою сомнительную доказательность предположенія, согласно предписаніямъ построенныя, едва ли черпали бы всякій разъ изъ соотвѣтствующей исходной посылки. Между тѣмъ сколько бы предлагаемыя въ N. O. R. специальныя правила ни помогали, на самомъ дѣлѣ, при процессѣ *открытія*, отъ этого не измѣнился бы тотъ фактъ, что *логическое* ученіе о специальныхъ случаяхъ наведенія остается у автора трактата совершенно неразработаннымъ.

Впрочемъ Юэлле, какъ мы видѣли, все же различаетъ законы природы и обобщенія причинныя. Въ его глазахъ причинныя наведенія составляютъ какъ бы совершенно особую группу; что же касается обобщеній иного содержанія, то они всѣ подводятся, на дѣлѣ, подъ общую его рубрику законовъ природы, такъ что нельзя между прочимъ не удивляться, почему онъ готовъ объявить, будто мы, устанавливая законы, ограничиваемся модификаціями идей пространства, времени, числа и сходства.

¹⁾ Возможна еще иная постановка дѣла. Можно, выдѣливъ наведенія причинныя въ особую группу, поддерживать всѣ прочія обобщенія ссылкой на принципъ единообразнаго устройства природы вообще.

²⁾ Употребляемъ выраженіе Вейча и другихъ ученыхъ.

³⁾ Строго говоря, Юэлле едва ли вообще признаетъ индукцію формальную (рядомъ съ матеріальной).

Изучая вообще процессъ открытія, а не доказательства, Юэлли при разсмотрѣніи апіорнаго элемента въ обобщеніяхъ не останавливается съ достаточнымъ вниманіемъ на вопросѣ о томъ, какую роль идея или общіе принципы должны играть въ индуктивныхъ заключеніяхъ, съ точки зрѣнія логики. Онъ только анализируетъ наведеніе, разлагаетъ его на его психологическіе ингредиенты и отмѣчаетъ одинъ изъ нихъ, какъ имѣющій апіорное происхожденіе. Если Юэлли неоднократно замѣчаетъ, что опытные выводы черпаютъ свою всеобщность изъ идей, то и тутъ возможно усмотрѣть у него лишь указанія психологическія и гносеологическія, а не логическія. Въ этихъ его словахъ дѣло идетъ объ источникѣ, изъ котораго индуктивныя положенія обрѣтаютъ всеобщность и благодаря которому мы ихъ мыслимъ, какъ всеобщія, а не о томъ, что подобный ихъ характеръ надо доказывать изъ сверхъопытныхъ идей или посылокъ. Между тѣмъ Юэлли извѣстно было ученіе Бекона; да и съ сочиненіями Гершеля и Джона Стюарта Милля онъ былъ знакомъ. Мало того. Онъ и самъ былъ весьма близокъ къ тому, чтобы утверждать если не рядъ исходныхъ, при наведеніи, принциповъ (соотвѣтственно ряду основныхъ идей, какія онъ называетъ), то всеобщій законъ причинности и видѣть въ послѣднемъ опору нашихъ индуктивныхъ заключеній. Въ *Hist. of Scientif. Id.* ¹⁾ онъ говоритъ, что мы признаемъ вообще причинность, какъ нѣчто непреложное, а потому, когда встрѣчается контрадикторная инстанція (ненормальность, исключеніе изъ установленнаго общаго положенія, не поддающійся объясненію случай), и предполагаемъ обыкновенно дѣйствіе какой либо особенной, незамѣченной, часто неизвѣстной намъ причины, а не измѣнчивость открытаго ранѣе причиннаго соотношенія (или опредѣляющаго результаты дѣятельности причинъ закона природы). Такимъ образомъ разъ построенное обобщеніе оказывается по Юэлли какъ бы подкрѣпленнымъ общей мыслью о незыблости причинныхъ связей.

Удѣливъ слишкомъ мало интереса и труда выработкѣ логическихъ своихъ воззрѣній, Юэлли забываетъ о матеріальной индукціи ²⁾, когда говоритъ о доказательствѣ гипотезъ. При провѣркѣ предположи-

¹⁾ См. vol. I, book III, chapt. VIII, art. 5.

²⁾ Впрочемъ сохранить точку зрѣнія индукціи матеріальной ему было особенно трудно, ибо онъ признавалъ цѣлый рядъ основныхъ идей (а не причинность только), къ которымъ мы при общеніяхъ прибѣгаемъ, и сообразно съ этимъ долженъ былъ бы для каждой данной области случаевъ установить особый типъ наведенія.

тельно выставленнаго обобщенія онъ избираетъ наименѣе совершенный способъ—дѣлать лишь дедуктивныя выводы изъ теоріи и свѣрять ихъ съ фактами. Мы не находимъ у него даже прямыхъ указаній на то, что обзоръ многочисленныхъ инстанцій можно было бы при подобномъ процессѣ разсматривать, и какъ (мало убѣдительную) неполную формальную индукцію ¹⁾. Впрочемъ, Юэлль дѣлаетъ попытку внести въ традиціонный способъ провѣрки гипотезъ существенное измѣненіе. Онъ говоритъ, что предположеніе должно не только объяснять факты, но и быть единственнымъ, изъ котораго ихъ можно было бы вывести. Очевидно, однако, что (если подобная постановка дѣла вообще возможна) фактическій матеріалъ самъ по себѣ, безъ общихъ принциповъ, которые его освѣщали бы, не можетъ доказать подобнаго характера гипотезы. Выставляя свое требованіе, и начинаетъ говорить не о томъ, какъ удостовѣриться, что гадательно построенное объясненіе надо для даннаго разряда инстанцій считать единственно возможнымъ, а о томъ, какъ психологически постепенно вырабатывается у насъ убѣжденность въ истинности гипотезы. Притомъ, онъ замѣчаетъ, что даже прочная увѣренность въ состоятельности сдѣланнаго предположенія часто все же совмѣщается у насъ съ мыслью о возможности иной гипотезы, и въ концѣ концовъ жалуется на шаткость нашихъ знаній. Юэлль придаетъ—частнѣе—большое значеніе оправдавшимся предсказаніямъ, относительно дѣйствительной цѣны которыхъ мы уже имѣли случай говорить. Далѣе, представляютъ, съ его точки зрѣнія, большую доказательность совпадающія наведенія. Если мы при провѣркѣ гипотезы наталкиваемся на цѣлый рядъ подтверждающихъ фактовъ и къ тому же встрѣчаемъ ихъ въ области новой, гдѣ мы ихъ и не ожидали найти, доказываніе можно считать особенно удачнымъ. Но и при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ мы не достигли бы большихъ результатовъ, чѣмъ какіе вообще можетъ дать примѣняемый Юэллемъ элементар-

¹⁾ При подобномъ утвержденіи вышло бы у Юэлла, что опытъ никогда не можетъ быть исчерпанъ и eo ipso не можетъ дать общихъ положеній, а потому необходимо признать апріорный элементъ при наведеніи, но съ другой стороны, общія положенія, содержащія апріорный элементъ, доказываются исключительно изъ факческаго матеріала.—Большое количество благоприятствующихъ фактовъ подтверждало бы гипотезу гораздо лучше, еслибы мы исходили при доказываніи изъ принципа единообразнаго устройства природы. У Юэлла мы подобной постановки дѣла не встрѣчаемъ.—Противъ юэллевскаго ученія о провѣркѣ гипотезъ возражалъ, какъ извѣстно, уже Милль.

ный способ провѣрки. Наконецъ, Юэлль объявляетъ и сравнительную простоту теоріи за нѣкоторый признакъ ея состоятельности; подобная (возможная) особенность правильной гипотезы сводится у него, однако, къ другой, — къ совпаденію наведеній, и нечего и говорить, что сама по себѣ она никакого значенія имѣть не можетъ ¹⁾).

При разсужденіяхъ о собираніи фактическаго матеріала для обобщеній Юэлль естественно удерживаетъ свою точку зрѣнія на процессъ познаванія и настаиваетъ на постоянномъ участіи въ послѣднемъ апіорнаго элемента. Отступивъ отъ матеріальной индукціи и — частіе — наведенія причиннаго, онъ между прочимъ не умѣетъ цѣнить эксперимента, въ отличіе отъ наблюденія, въ тѣсномъ смыслѣ ²⁾).

Нельзя не припомнить въ заключеніе, что Юэлль тщательно изучаетъ наведеніе и отнюдь не относится при этомъ (вмѣстѣ съ другими представителями индуктивной логики) съ предубѣжденіемъ къ процессу дедукціи.

III. Лейбнессельдъ.

¹⁾ Ср. *Fowler, El. of Ind. Log.*, p. 118—121. Оправдавшіяся предсказанія и совпаденіе наведеній нельзя, говоритъ Юэлль, разсматривать, какъ случайность. Правда, если гипотеза вообще объясняетъ рядъ явленій, это заставляетъ насъ ожидать хотя нѣкотораго сходства между закономъ, гадательно выставленнымъ и дѣйствительнымъ, между предположеніемъ и объективной истиной. Однако отсюда еще далеко до того, чтобы признавать гипотезу доказанной. — Едва ли можно согласиться съ Фовлеромъ (см. N. O., стр. 302, примѣч. 98), будто беконскіе методы „выдѣленія“ разработаны далѣе Гершелемъ *Юэллемъ* и Джономъ Стюартомъ Миллемъ. — Апелль утверждаетъ (стр. 184): „Whewell verwexelt..... die Induction..... mit der Hypothese“. Скорѣе можно было бы сказать, что Юэлль отрицаетъ обыкновенную индукцію (въ отличіе отъ построенія гипотезъ), какъ особый путь, по которому, на самомъ дѣлѣ, направлялась бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ наша мысль.

²⁾ Особое вниманіе, видѣли мы, обращаетъ авторъ нашъ на количественныя обобщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на наблюденія, при которыхъ производятся различнаго рода измѣренія.

ПЕРВЫЙ ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ ПАЛІЙСКАГО СБОРНИКА ДЖАТАКЪ.

THE JĀTAKA OR STORIES OF THE BUDDHA'S FORMER BIRTHS. Translated from the Pāli by various hands under the Editorship of Professor E. B. Cowell, vol I. Translated by Robert Chalmers. B. A. Cambridge 1895. pp. XXVI + 324 in 8°.

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о сборникѣ джатакъ палійскаго канона были впервые сообщены на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ началѣ и серединѣ семидесятихъ годовъ нынѣ покойнымъ И. П. Минаевымъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, статьи эти, весьма замѣчательныя по своей обстоятельности, особенно если принять во вниманіе, на сколько въ то время палійская литература была мало изслѣдована, не обратили на себя тогда въ достаточной мѣрѣ вниманія специалистовъ: русскій языкъ въ то время не завоевалъ себѣ еще никакихъ правъ гражданства въ востокѣвѣдѣніи, такъ какъ русскіе ориенталисты предпочитали писать по-латыни, по-французски, по-нѣмецки, но не по-русски.

¹⁾ Нѣсколько разказовъ изъ перерожденій Будды. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1871. XI. 87—133.—Нѣсколько словъ о буддійскихъ жатакахъ. *Ив.* 1872. II. 185—224. Индійскія сказки. *Ив.* 1874. XI. 68—104. 1876. II. 368—403. IV. 314—340. V. 69—97. Кромѣ этихъ статей, Иванъ Павловичъ и въ другихъ работахъ своихъ касался джатакъ. Изъ оставшихся послѣ него бумагъ видно, что онъ составилъ полный пересказъ всего сборника; эту работу онъ почему-то не напечаталъ. Нѣкоторые пересказы были напечатаны нами уже послѣ его смерти: Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ джатакъ палійскаго канона. *Живая Старина*, выпускъ III. 161—164. IV. 118—121. Всякій, кто знакомъ съ палійскимъ сборникомъ, который въ печати обниметь около 4000 страницъ большаго in 8°, пойметъ, какую трудную и огромную работу совершилъ Иванъ Павловичъ, сдѣлавъ пересказъ всего текста по *рукописи*.

Со времени выхода въ свѣтъ этихъ статей положеніе вопроса значительно измѣнилось: издано проф. Фасбѣллемъ уже пять томовъ палійскаго текста, обнимающихъ пять сотъ тридцать семь джатакъ, цѣлый рядъ джатакъ переведенъ и появился уже длинный рядъ статей и изслѣдованій, посвященныхъ данному вопросу ¹⁾).

Въ 1880 году проф. Рис-Дэвидсъ выпустилъ первый томъ перевода джатакъ, но на этомъ первомъ томѣ, исполненномъ съ обычнымъ мастерствомъ извѣстнымъ изслѣдователемъ буддизма и снабженнымъ обширнымъ введеніемъ, изданіе по разнымъ случайнымъ причинамъ остановилось. Теперь проф. Коуэлль образовалъ по своему остроумному выраженію „артель переводчиковъ“ изъ лицъ уже извѣстныхъ своими изданіями или переводами буддійскихъ текстовъ. Артель приступила къ переводу, который въ рукописи уже въ значительной мѣрѣ готовъ, и издала теперь первый томъ, причемъ переводъ этого тома исполненъ г. Чамерсомъ.

Переводъ сдѣланъ прекрасно и перѣдаетъ съ большою тонкостью всѣ оттѣнки оригинала. Литературность этого перевода въ одномъ случаѣ зашла даже немного слишкомъ далеко — г. Чамерсъ переводитъ всѣ почти собственные имена разъ они мало-мальски поддаются переводу; такой переводъ, конечно, много способствуетъ живости разказа, такъ какъ имена въ палійскомъ текстѣ подобраны весьма остроумно, но переводчикъ забылъ поставить, хотя бы въ скобкахъ, при первомъ употребленіи, переведенное собственное имя, чѣмъ онъ очень затруднилъ возможность отождествленій и удалилъ неправильно изъ своего указателя рядъ палійскихъ собственныхъ именъ.

Второе возраженіе, которое мы сдѣлаемъ — это случайность и недостаточность ссылокъ на буддійскіе и вообще индійскіе тексты-параллели; нѣсколько отдѣльныхъ указаній на произведенія другихъ литературъ не возмѣщаютъ этого недостатка. Третье и послѣднее наше возраженіе направлено противъ пропуска всего введенія къ сборнику джатакъ; введеніе это необходимо для полнаго пониманія способа составленія сборника и представляетъ одно цѣлое съ нимъ и потому не могло быть опущено безъ вреда для цѣльности перевода. Мы надѣемся, что переводчики дадутъ переводъ введенія, хотя бы при послѣднемъ томѣ.

Первый томъ перевода, который соотвѣтствуетъ первому тому

¹⁾ Библиографія джатакъ по 1891 годъ была помѣщена нами въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. VII. 25—263.

текста въ изданіи Фасбѣлля заключаетъ въ себѣ 150 разказовъ о перерожденіяхъ Будды и даетъ ясное представленіе о характерѣ всего сборника 550 джатакъ. Разнообразіе содержанія лучше всего будетъ видно изъ образцовъ; многіе изъ нихъ даны уже въ указанныхъ статьяхъ И. П. Минаева, нѣкоторые сообщены нами, а другіе мы предлагаемъ здѣсь.

Бренность мірскихъ благъ и преимущества „выступленія на путь“, то-есть отреченія отъ міра, составляетъ одну изъ любимыхъ темъ джѣтакъ. Первый томъ заключаетъ въ себѣ одну изъ версій легенды о царѣ, при видѣ сѣдаго волоса рѣшившагося отречься отъ міра; легенда эта, повторенная съ большими подробностями еще въ другой джѣтакѣ ¹⁾, перешла и въ Повѣсть о Варлаамѣ и Іосафѣ ²⁾ и вышла такимъ образомъ за предѣлы Индіи. Вотъ эта джѣтака.

Makhādevajātaka „Джѣтака о Makhādeva“.

(9).

„Нѣкогда въ царствѣ Videha, въ Mithilā былъ царь Makhādeva по имени, благочестивый, царь-покровитель закона. Восемьдесятъ четыре тысячи лѣтъ онъ былъ царевичемъ и столько же соправителемъ и столько же царемъ.

По прошествіи долгаго времени онъ однажды сказалъ брадобрѣю: „когда ты у меня, о другъ брадобрѣй, увидишь на головѣ сѣдые волосы, скажи мнѣ“. И по прошествіи долгаго времени брадобрѣй увидѣлъ однажды среди черныхъ какъ смоль кудрей царя одинъ сѣдой волосъ и сказалъ: „государь, у тебя виденъ одинъ сѣдой волосъ“. Царь сказалъ: „другъ, такъ вырви мнѣ этотъ сѣдой волосъ и положи на руку“. И золотыми щипцами брадобрѣй вырвалъ волосъ и положилъ его на руку царю.

Въ то время царю оставалось жить еще восемьдесятъ четыре тысячи лѣтъ. И хотя это было такъ, но, увидавъ сѣдой волосъ, царь смутился, какъ будто узрѣлъ царя смерти, пришедшаго и передъ нимъ вставшаго, или себя въ шалашѣ изъ пылающихъ листьевъ стоящаго. Царь подумалъ: „безумный Makhādeva, до сѣдыхъ волосъ доживъ, ты не можешь оставить этихъ вождельнѣй!“!

¹⁾ Cuillasutasomajātaka № 525. Въ нѣкоторой связи стоитъ и Susimajātaka (№ 411).

²⁾ См. Персидскій переводъ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ. З. В. О. IV, 229 слл.

И когда онъ такъ все думалъ и думалъ о томъ, что появились сѣдые волосы, началъ онъ горѣть извнутри, потъ полился съ него, платье стало мучить и онъ захотѣлъ скинуть его. Онъ рѣшилъ: „нынѣ надлежитъ мнѣ отречься отъ міра и выступить на путь“.

Царь далъ брадобрѣю помѣстья съ доходомъ въ сто тысячъ, призвалъ своего старшаго сына и сказалъ: „сынъ мой, сѣдой волосъ появился на головѣ моей, старъ я сталъ; наслажденія человѣческія я испыталъ, попытаю теперь божескія; настало время для отреченія моего отъ міра, ты прими это царство, а я выступлю на путь и буду жить отшельникомъ въ манговой рощѣ Makhādeva“.

Къ царю, хотѣвшему выступить на путь, пришли совѣтники и спросили: „Государь, какая причина твоему выступленію на Путь“? Царь положилъ сѣдой волосъ на руку и сказалъ совѣтникамъ слѣдующій стихъ:

„На головѣ моей появились эти похитители жизни.
Предстали вѣстники смерти; время мнѣ выступить на путь“.

Такъ сказавъ, въ тотъ же день покинулъ онъ царство, сталъ отшельникомъ и пребывая въ этой манговой рощѣ Makhādeva въ теченіи восьмидесяти четырехъ тысячъ лѣтъ, возбудилъ въ себѣ четыре совершенныхъ состоянія, съ не прерваннымъ созерцаніемъ, онъ умеръ и возродился въ мірѣ Брахмы, и, вновь оттуда сойдя на землю, онъ былъ снова въ Mithilā царемъ Nimi. Онъ соединилъ свой разсѣянный родъ и въ той же манговой рощѣ, ставъ отшельникомъ, возбудилъ въ себѣ совершенныя состоянія и вновь сподобился міра Брахмы“.

Среди искушеній, которыя стояли на пути монаха къ достиженію вѣчнаго блаженства, по мнѣнію самихъ монаховъ, на первомъ мѣстѣ стояла женщина; и переведенныя здѣсь три джѣтаки ярко показываютъ ту грубость, злобу и презрѣніе, которыя ученики Будды хотѣли внушить мірянамъ по отношенію къ женщинамъ.

Asātamantajātaka „Джатака-Стихи горести“.

(61).

„Нѣкогда, въ бытность Brahmadatta царемъ въ Бенаресѣ, Бодисатта родился въ Гандхарскомъ царствѣ, въ Takkasilā, въ брахманской семьѣ. Когда онъ выросъ, онъ достигъ совершенства въ трехъ Ведахъ и во всѣхъ наукахъ и сталъ знаменитымъ учителемъ.

Въ то время въ Бенаресѣ, въ одной брахманской семьѣ, въ день,

когда родился мальчикъ, взяли огонь и стали его непрерывно поддерживать. Когда юноша достигъ шестнадцати лѣтъ, родители сказали ему: „сынъ, мы въ день твоего рожденія взяли огонь и поддерживали его съ тѣхъ поръ. Если ты хочешь сподобиться міра Брахмы, то возьми этотъ огонь, пойдѣ въ лѣсъ и, служа Господу Агни, сподобишься міра Брахмы. Если же ты хочешь жить міряниномъ, то пойдѣ въ Takkasilā, выучись наукамъ у знаменитаго учителя и обзаведись потомъ домомъ“.

Юноша отвѣтилъ: „не смогу я въ лѣсу служить огню; обзаведусь домомъ“. Попрощался съ родителями, взявъ тысячу монетъ для платы учителю, отправился въ Takkasilā, выучился наукамъ и вернулся домой.

Мать и отецъ же его не хотѣли, чтобы онъ былъ міряниномъ, а желали, чтобы онъ въ лѣсу служилъ огню. Матери хотѣлось показать ему безнравственность женщинъ и тѣмъ убѣдить отправиться въ лѣсъ; она подумала: „учитель этотъ мудръ и проникателенъ, онъ съумѣетъ разъяснить моему сыну безнравственность женщинъ“. Она затѣмъ спросила сына: „изучилъ ты науки?“ „Да, мать“. „А стихи горести ты изучилъ?“ „Нѣтъ, мать, не изучилъ“. „Любезный, если ты стиховъ горести не изучилъ, такъ какую же ты прошелъ науку! Иди, выучись и тогда возвращайся“. Юноша отвѣтилъ: „хорошо“, и отправился въ Takkasilā.

У того учителя была мать старуха ста двадцати лѣтъ. Онъ самъ омывалъ ее, кормилъ, поилъ, ходилъ за нею. За это другіе его порицали. Онъ подумалъ: „отправлюсь-ка я въ лѣсъ и буду тамъ жить, ухаживая за матерью“. Въ безлюдномъ лѣсу, въ пріятномъ мѣстѣ, гдѣ была вода, онъ устроилъ шалашъ изъ листьевъ, принесъ туда масла, риса и другихъ припасовъ, взялъ мать, отправился въ лѣсъ и жилъ тамъ, ухаживая за нею.

Тотъ же юноша пришелъ въ Takkasilā и не нашелъ учителя. Онъ спросилъ: „гдѣ учитель?“ Услыхавъ происшедшее, онъ пошелъ къ учителю и поклонившись сталъ передъ нимъ. Учитель сказалъ ему: „что это ты, милый, такъ скоро вернулся?“ Юноша отвѣтилъ: „Вы не научили меня стихамъ о горести“. „А кто тебѣ сказалъ, что надо выучиться стихамъ о горести?“ „Мать моя, учитель“.

Бодисатта подумалъ: „никакихъ стиховъ о горести нѣтъ, но мать его вѣрно хочетъ, чтобы онъ научился знать безнравственность женщинъ“, и онъ сказалъ юношѣ: „хорошо, милый, я сообщу тебѣ стихи о горести; съ сегодняшняго дня ты вмѣсто меня будешь ухаживать за моею матерью, омывать ее, кормить и поить. Когда ты

будешь тереть ей руки, ноги, голову, спину, ты приговаривай: „почтенная, если въ старости у тебя такая прекрасная наружность, то какая же она была въ твоей молодости“, и когда ты будешь душить ей руки и прочее, то ты расхваливай каждую часть тѣла и что тебѣ моя мать станетъ говорить, то, не стыдясь и не скрывая, ты мнѣ сообщай. Если ты будешь такъ поступать, то узнаешь стихи о горести, если же нѣтъ, то не узнаешь“.

Юноша сказалъ: „хорошо, учитель“, и, послушавшись его, съ того времени дѣлалъ все, какъ было сказано. Когда юноша сталъ постоянно расхваливать старуху, она подумала: „онъ хочетъ насладиться со мною“, и, хотя она была слѣпа и стара, въ ней возбудилась страсть.

Однажды она сказала юношѣ, который расхваливалъ красоту ея тѣла: „хочешь насладиться со мною“? „Почтенная, я бы хотѣлъ, да учитель строгъ“. „Если ты хочешь меня, убей сына“. „Я столькому научился у учителя, какъ же я убью его изъ-за страсти“? „Ну такъ, если ты меня не погинешь, я его сама убью“.

(Такъ то женщины безнравственны, злы, презрѣнны; старуха съ такою наружностью, увлекшись страстью слѣдую, увлеченію, захотѣла убить столь заботливаго сына) ¹⁾. Юноша же это расказалъ Бодисаттѣ, Бодисатта сказалъ ему: „хорошо ты юноша сдѣлалъ, что сообщилъ мнѣ“. При этомъ онъ сталъ соображать продолжительность жизни матери и узналъ, что она въ тотъ же день должна умереть.

„Пойдемъ, юноша, сказалъ онъ; я испытаю ее“. Учитель срубилъ фиговое дерево, сдѣлалъ деревянную фигуру съ себя ростомъ, закуталъ ее вмѣстѣ съ головою, положилъ ее на свою постель и привязалъ къ фигурѣ веревку; затѣмъ онъ сказалъ ученику: „любезный, возьми топоръ, пойди къ моей матери и подай ей знакъ (что все готово). „Юноша пошелъ и сказалъ: „почтенная, учитель въ шалашѣ прилегъ на свою кровать, я привязалъ тебѣ для руководства веревку, возьми топоръ и, если сможешь, убей его“. „А ты меня не бросишь?“ „Зачѣмъ бросать?“ Она взяла топоръ и трясая встала: взявшись за веревку она пошла, пощупала рукою и убѣдившись, что это ея сынъ, сдернула платье съ лица деревянной фигуры; затѣмъ старуха взяла топоръ и, думая, что съ одного удара убьетъ сына, ударила его въ шею; по звуку она узнала, что ударила по

¹⁾ Это повидимому глосса; того же мнѣнія держится, кажется, и г. Чамерсъ, который въ своемъ переводѣ поставилъ это мѣсто въ скобки. Отчасти это вѣрно читата, на что какъ будто указываютъ прощальныя слова учителя. (См. ниже).

дереву. Бодисатта сказалъ: „что ты дѣлаешь, мать?“. Старуха поняла, что обманута, и тотчасъ упала и умерла. (Ей надлежало умереть въ то мгновеніе и въ собственномъ шалашѣ) ¹⁾.

Видя, что мать умерла, учитель сжегъ ея тѣло, затушилъ костеръ съ останками, почтя его лѣсными цвѣтами, затѣмъ онъ усѣлся съ юношей у входа въ шалашъ и сказалъ: „милый, нѣтъ такой отдѣльной книги, какъ „стихи о горести“. Это женщины, которыя — „горести“. Твоя мать, говоря: изучи стихи о горести и посылая тебя ко мнѣ, посылала тебя за тѣмъ, чтобы ты позналъ развратность женщинъ. Теперь ты имѣлъ передъ глазами безнравственность моей матери. Такимъ образомъ ты теперь будешь знать, что женщины безнравственны, злы“.

Давъ ему это поученіе, учитель отпустилъ его. Юноша преклонился передъ учителемъ и вернулся къ родителямъ.

Мать спросила его: „изучилъ ты стихи о горести?“ „Изучилъ, мать“. „Что же ты теперь сдѣлаешь: станешь отшельникомъ и будешь служить огню или будешь жить своимъ домомъ?“ Юноша отвѣтилъ: „Своими глазами я увидѣлъ развратность женщинъ, нѣтъ мнѣ дѣла до дома, стану отшельникомъ“, и, объясняя свое намѣреніе, онъ произнесъ стихи:

Дурны женщины, нѣтъ имъ удержу,
И страстны онѣ и безстыжи, подобны онѣ всепожирающему огню!
Повинувъ ихъ, стану отшельникомъ, отдавшись одиночеству.

Порицая такимъ образомъ женщинъ, поклонившись родителямъ, онъ сталъ отшельникомъ и, отдавшись уединенію, какъ самъ указывалъ, онъ сподобился міра Брахмы“.

Dugājanājātaka „Джатака о трудно понимаемыхъ“.

(64).

„Нѣкогда, въ бытность Brahmadatta царемъ въ Бенаресѣ, Бодисатта былъ знаменитымъ учителемъ и обучалъ наукамъ пять сотъ учениковъ.

Нѣкій юноша брахманъ изъ дальняго царства пришелъ къ нему и учился; онъ увлекся одной женщиной и взялъ ее себѣ въ жены; живя въ томъ же городѣ Бенаресѣ, онъ два-три раза не пришелъ

¹⁾ Въ поставленномъ въ скобки предложеніи мы опять видимъ глоссу, г. Чамерсъ включаетъ это предложеніе въ текстъ.

на занятія къ учителю: жена его была злопавная и дурная, въ дни, когда она грѣшила, она вела себя какъ раба, въ дни же, когда не грѣшила, была сердита и строга, какъ госпожа. Мужъ не могъ понять ея права и такъ онъ былъ разстроенъ и смущенъ ею, что не ходилъ къ учителю на занятія.

Когда по прошествіи семи, восьми дней онъ пришелъ, учитель спросилъ его: „что тебя, юноша, не видно?“

„Учитель, жена моя одинъ день любить и хочетъ меня и скромна, какъ рабыня, другой упряма, сердита и строга, какъ госпожа, я ея права понять не могу. Я былъ разстроенъ и смущенъ ею, оттого и не приходилъ къ тебѣ на занятія“.

Учитель сказалъ ему: „да, это такъ, юноша, женщины вѣдь въ дни, когда онѣ грѣшатъ, послушны мужьямъ и скромны какъ рабыни, когда же не грѣшатъ, онѣ, набравшись спеси, ни во что ставятъ своихъ мужей. Такимъ-то образомъ женщины безнравственны и злопавны, трудно знать ихъ нравъ. Любятъ ли онѣ или не любятъ, надо быть равнодушнымъ къ нимъ“.

Сказавъ это, учитель, въ поученіе юношѣ, произнесъ слѣдующій стихъ:

Не радуйся, думая: она любить меня; не печалься, думая: она не любить меня.

Женскій нравъ такъ же трудно узнать, какъ ходъ рыбы въ водѣ“.

Такимъ образомъ Бодисатта далъ поученіе ученику. Съ того времени юноша сталъ равнодушенъ къ поведенію жены. А жена его грѣшила: „учитель узналъ мое злопавіе“, и съ того времени больше не грѣшила.

Anabhiratijātaka „Джатака объ огорченіи“.

(65).

Нѣкогда, въ бытность Brahmadatta царемъ въ Бенаресѣ, Бодисатта такимъ же образомъ ¹⁾ былъ знаменитымъ учителемъ. Его ученикъ замѣтилъ дурное поведеніе своей жены и былъ смущенъ душою. Нѣсколько дней онъ не ходилъ на занятія и, когда учитель однажды спросилъ его, сказалъ ему причину своего отсутствія.

Учитель сказалъ ему: „любезный, женщины общее добро; зная,

1) То-есть, какъ въ предыдущей джатакѣ.

что онѣ безнравственны, мудрецы на нихъ не гнѣваются“. Сказавъ такъ, онъ въ поученіе произнесъ слѣдующій стихъ:

„Что рѣка, что дорога, что постоянный дворъ, что судьбище, что водопой
То и женщины! Не гнѣваются на нихъ мудрецы“.

Такъ Бодисатта далъ поученіе ученику. Онъ, выслушавъ это поученіе, сталъ равнодушенъ къ женѣ. Жена же его поняла: „узнана я учителемъ“, и съ того времени болѣе не грѣшила“.

Иногда предостереженіе противъ женщинъ облакается въ джатакахъ въ басню, не всегда удачную по формѣ, какъ на примѣръ „джатака о рыбѣ“.

Масчајатака „Джатака о рыбѣ“.

(216).

Нѣкогда, въ бытность Brahmadata царемъ въ Бенаресѣ, Бодисатта былъ его домашнимъ жрецомъ. Однажды рыбаки вытащили рыбу, попавшую въ сѣть, положили ее на горячей песокъ и, сказавъ, „сжаривъ ее на угляхъ, съѣдимъ“, стали выстругивать вертель. Рыба, думая о своей подругѣ, жалуюсь, произнесла слѣдующіе стихи:

1. Не мучить меня этотъ огонь и хорошо выструганный вертель.

То что думаетъ моя подруга; „съ другою пошелъ онъ насладиться“,

2. „Этотъ огонь страсти жжетъ меня и мучитъ сердце мое

Отпустите меня, вы рыбаки, не убиваютъ никогда того кто любви
преданъ“....

Въ это время Бодисатта, придя къ берегу рѣки, услышавъ жалобы этой рыбы, подошелъ къ рыбакамъ и выпустилъ рыбу.

Басни вообще составляютъ значительную часть джатакъ и среди нихъ многія, которыя извѣстны намъ и изъ *Панчатантры* и изъ *Махабхараты*, причемъ часто версія джатакъ несомнѣнно болѣе поздняя.

Джатака о Вмѣрудумѣ встрѣчается и въ Махабхаратѣ и въ Панчатантрѣ и брахманскія версія, какъ намъ кажется, только выигрываютъ отъ сравненія съ палийской джатакой.

Mitacintjataka „Джатака о Вмѣрудумѣ“.

(114).

Нѣкогда, въ бытность Brahmadata царемъ въ Бенаресѣ, въ бенаресской рѣкѣ находились три рыбы, имена ихъ были: Многодумъ (Bahucinti), Малодумъ (Appacinti) и Вмѣродумъ (Mitacinti).

Онѣ изъ лѣсу прибыли въ населенное мѣсто; тамъ Вмѣрудумъ сказалъ остальнымъ двумъ рыбакамъ слѣдующее: „это населенное мѣсто полно страха и ужаса, рыбаки, забрасывая разные невода и сѣти, ловятъ рыбъ; пойдѣмъ же въ лѣсъ“.

Остальныя двѣ рыбы по лѣности и жадности говорили: „сегодня пойдѣмъ, завтра пойдѣмъ“, и такъ пропустили три мѣсяца. Затѣмъ рыбаки бросили неводъ въ рѣку. Многодумъ и Малодумъ, хватая пищу, шли впереди и по глупости не замѣтили петли невода и вошли въ середину сѣти.

Вмѣрудумъ, идя сзади, замѣтилъ петлю невода и, увидавъ, что обѣ рыбы вошли въ сѣть, подумалъ: „дарую жизнь этимъ лѣнливымъ глупцамъ“.

Съ этою мыслью онѣ поплылъ къ сѣти снаружи и, какъ бы прорвавъ сѣть и выскочивъ, передъ сѣтью замутилъ воду и ушелъ; затѣмъ снова подошелъ къ сѣти, снова какъ бы прорвалъ ее сзади и какъ будто выскочилъ, замутилъ воду и ушелъ назадъ. Рыбаки подумали: „рыбы прорвали сѣть и ушли“, взяли и вытащили ее за одинъ конецъ, а тѣ двѣ рыбы, освободившись изъ сѣти, упали въ воду. Такимъ образомъ онѣ сохранили жизнь, благодаря Вмѣрудуму.

Учитель, разказавъ этотъ случай, ставъ буддою, произнесъ слѣдующій стихъ:

„Многодумъ, Малодумъ оба въ сѣти изловлены,
„Вмѣрудумъ освободилъ ихъ и обѣ сошлись тамъ“.

Ясный примѣръ большей древности санскритской брахманской версии сравнительно съ паліейской представляетъ „Джатака о кошкѣ“ (Vilāgajātaka 128), переведенная на страницахъ этого журнала *И. П. Минаевымъ*¹⁾. Для сравненія предлагаемъ переводъ версии въ Махабхаратѣ²⁾.

„Если у кого знамя добродѣтелей поднято какъ стягъ,
А грѣхи его сокрыты, то это обѣтъ кошачій“.

„Нѣкогда злая кошка, бросивъ всѣ дѣла, воздѣвъ лапы къ небу, стояла, о царь, на берегу Ганги. Представляясь, что очистила сердце, она говорила всѣмъ существамъ, чтобы внушить имъ къ себѣ довѣріе: „я исполняю законъ“. Спустя много времени стали довѣрять ей и всѣ птицы, сходясь онѣ прославляли, о царь, эту кошку.

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1871, № XI, 115—116.

²⁾ *Mañbhārata*, Udyāogaparvan (V, гл. 160).

Чтимый всѣми пернатыми этотъ пожиратель птицъ счелъ, что дѣло его сдѣлано и что онъ достигъ плодовъ своего поведенія.

Долго спустя въ то мѣсто пришли мыши и увидали онѣ тамъ того праведника, обѣтъ исполняющаго, великимъ обманнымъ дѣломъ занятаго, о Вһаагата. И рѣшили онѣ тогда слѣдующее, о царь: „много у всѣхъ насъ враговъ, этотъ будетъ намъ дядюшкой, пусть онъ всячески и всегда чинить намъ охрану, старымъ и малымъ“.

Затѣмъ всѣ онѣ, подойдя къ кошкѣ, сказали слѣдующее: „милостью вашею мы надѣемся жить счастливо; вы для насъ несравненное прибѣжище, вы для насъ лучший другъ: и вотъ мы всѣ пришли къ вамъ подъ охрану. Вы всегда правдою преисполнены, въ законѣ стоите. Ты насъ и охраня, о премудрый, какъ боговъ охраняетъ перуна носитель Индра“.

Когда такимъ образомъ, о царь, всѣ мыши къ нему обратились, отвѣтилъ всѣмъ мышамъ такъ мышей сокрушитель; „не вижу я связи этихъ двухъ вещей—подвижничества и охраны. Все же я, непременно поступлю для вашей пользы согласно вашимъ рѣчамъ. А вы съ своей стороны непрестанно по слову моему поступайте. Истомленъ я подвижничествомъ, тяжкій обѣтъ исполняя, и не вижу я, поразмысливъ, силъ въ себѣ для ходьбы; надо меня, любезные, носить каждый день отсюда къ берегу рѣки“.

Мыши, о лучший изъ Вһаагата, согласились сказавъ: „пусть будетъ такъ“, и поручили кошкѣ всѣхъ старыхъ и молодыхъ.

Затѣмъ эта грѣшница, злодѣйка, пожирая мышей, стала дѣлаться жирной, прекрасной, крѣпкой. Мышиная толпа сильно уменьшается, а кошка растеть въ блескъ и силѣ.

Сошлись всѣ мыши и говорятъ другъ другу: „дядюшка все растеть, а мы сильно уменьшаемся“.

Тутъ нѣкая премудрая мышь по имени Dindika сказала слово, о царь, великой мышиною толпѣ: „когда вы всѣ вмѣстѣ пойдете на берегъ рѣки, я пойду сзади вмѣстѣ съ дядюшкой“. Всѣ привѣтствовали тогда Dindika, говоря: „отлично“ и исполнили какъ слѣдуетъ мудрое слово Dindika.

Не зная однако всего этого, кошка съѣла Dindika. Тогда всѣ мыши немедленно стали совѣщаться. И тутъ нѣкая престарѣлая мышь, Koliika по имени, сказала, о царь, вѣрное слово среди своихъ родичей: „дядюшка нашъ не любитель закона и пучекъ волосъ отшельнической у него лишь для обмана: у животнаго, которое питается только кореньями, да плодами, не попадаютъ въ изверженія волосъ. У

него тѣло растеть, а толпа наша убываетъ, да и Dindika вотъ ужъ дней семь—восемь какъ не видать“.

Вysłушавъ эти слова, всё мы разбѣжались, а кошка злодѣйка ушла, какъ пришла“.

Въ джатакѣ о Gamanicanda (257) мы встрѣчаемся съ древнѣйшею пока извѣстною версіею старой повѣсти о Шемякиномъ судѣ. Въ виду ея значительнаго объема сообщаемъ ее въ подробномъ пересказѣ.

Когда въ Бенаресѣ царствовалъ царь Janasandha¹⁾, Бодисатта (то-есть будущій Будда) родился отъ его старшей жены. Лицо его было свѣтлое и блестящее точно золотое зеркало и потому его называли царевичъ Зеркальное лицо (Ādasamukha-kumāra). Отецъ его умеръ, когда ему было всего семь лѣтъ, и министры въ виду его молодости не рѣшались возвести его на престолъ. Наконецъ они рѣшили испытать его, приводя къ нему три раза переодѣтую обезьяну, которую выдавали за разныхъ довѣренныхъ лицъ покойнаго царя. Когда царевичъ удачно выдержалъ испытаніе, его помазали на царство и онъ сталъ править такъ мудро, что слава объ его мудрости распространилась по всей Индіи.

Затѣмъ слѣдуетъ разказъ о 14-ти мудрыхъ рѣшеніяхъ царя; изъ этихъ 14-ти—четыре составляютъ эпизодъ, который и есть, повидимому, наиболѣе древняя пока извѣстная версія Шемякина суда. Когда царевичъ Зеркальное лицо сдѣлался царемъ, нѣкто Sandagamaṇi, служившій при его отцѣ, рѣшилъ оставить службу, такъ какъ царь окружилъ себя сверстниками и ему старику не приходится служить у царя-юноши. Онъ сѣлъ на землю близъ города и сталъ заниматься хлѣбопашествомъ; но такъ какъ у него не было своихъ быковъ, то онъ занялъ ихъ у сосѣда и сталъ пахать. Отпахавъ, онъ пошелъ отдавать быковъ и засталъ хозяина за обѣдомъ; видя, что хозяйева убираютъ со стола и къ обѣду пригласить его не собираются, онъ поставилъ быковъ въ хлѣвъ, а самъ ушелъ домой. Ночью пришли воры и украли быковъ. Утромъ хозяинъ, не найдя ихъ въ хлѣвѣ, понялъ, что ихъ украли, но рѣшилъ требовать ихъ съ Gamaṇi; пришелъ къ нему и сказалъ: „послушай, отдай мнѣ быковъ“. „Развѣ быки не вошли въ домъ?“ „А ты мнѣ развѣ сдалъ ихъ?“ „Нѣтъ, не сдалъ“. „Такъ вотъ тебѣ царскій посланецъ, иди“. У того народа

¹⁾ См. составленный нами библиографическій перечень литературы о Шемякиномъ судѣ. *Живая Старина*. Вып. III, стр. 183—185, и *Калашъ*. Ib. II, 2, 145.

былъ такой обычай: если кто, взявъ камешекъ или какой-нибудь осколокъ, скажетъ другому „вотъ тебѣ царскій посланецъ, иди“ и тотъ, услыхавъ эти слова, не пойдетъ, то его наказывалъ царь. Поэтому Gāmaṇi, услыхавъ слово „посланецъ“, пошелъ съ владѣльцемъ быковъ къ царю. По дорогѣ онъ проходилъ мимо одной деревни, гдѣ жилъ его другъ, и зашелъ къ нему въ домъ, чтобы съѣсть что-нибудь, такъ какъ былъ очень голоденъ. Друга его не было дома, но жена его сказала: „У насъ ничего нѣтъ готоваго, погоди немного и сварю тебѣ что-нибудь и подамъ“. Съ этимъ она побѣжала въ кладовую, но оступилась, упала и такъ какъ была на седьмомъ мѣсяцѣ беременна, то и выкинула. Тутъ вернулся ея мужъ и, увидавъ случившееся, сказалъ Gāmaṇi: „Ты убилъ мою жену и причинилъ выкидышъ; вотъ тебѣ царскій посланецъ, иди“. Затѣмъ оба истца, помѣстивъ между собою Gāmaṇi, пошли. У какой-то околицы они встрѣтили конюха, который не могъ никакъ повернуть лошади, такъ какъ она все хотѣла идти съ ними. Конюхъ закричалъ: „дядюшка Caṇḍa-gamaṇi ударь-ка чѣмъ-нибудь лошадь, поверни ее“. Gāmaṇi поднялъ камень и кинулъ имъ въ лошадь. Камень попалъ въ ногу и сломалъ ее. Конюхъ схватилъ его, говоря: „ты сломалъ ногу моей лошади, вотъ тебѣ царскій посланецъ, иди“. Ведомый этими тремя, онъ сталъ раздумывать: „Они поведутъ меня къ царю, а я и за быковъ-то не могу заплатить, тѣмъ болѣе за выкидышъ, откуда же взять денегъ за лошадь, лучше умереть“. По дорогѣ встрѣтился обрывъ. Подъ предлогомъ необходимости онъ отошелъ въ сторону и кинулся затѣмъ съ обрыва. Внизу обрыва два корзинщика, отецъ и сынъ, плели корзины. Gamaṇi упалъ на отца и убилъ его. Тогда сынъ схватилъ его и сказалъ: „Ты убійца моего отца, вотъ тебѣ царскій посланецъ“. Съ этимъ онъ повелъ его; тогда уже четыре истца, помѣстивъ въ серединѣ между собою Gamaṇi, пошли съ нимъ къ царю.

Теперь въ джатакѣ идетъ третій эпизодъ ¹⁾, который прямого отношенія къ судамъ не имѣетъ и кромѣ индійскихъ версій встрѣчается лишь въ мусульманскихъ, гдѣ онъ получаетъ впрочемъ другой смыслъ. Мы его коснемся насколько возможно кратко.

Тяжущіеся по дорогѣ къ царю встрѣчаютъ десять существъ, изъ

¹⁾ Онъ касается весьма распространеннаго мотива *митартель*. Ср. напр. А. Н. Веселовскій, Слово о двѣнадцати снахъ Шахашти. По рукописи XV вѣка. С.-Пб. 1879. Стр. 38—47. (Приложеніе № 2 къ XXXIV тому Записокъ Академіи Наукъ).

которыхъ каждое поручаетъ Candagāmaṇi сдѣлать запросъ у царя: 1) *Деревенскій старшина* спрашиваетъ, почему прежде онъ былъ и красивъ и богатъ и чтимъ и здоровъ, а теперь бѣденъ и страдаетъ желтухой? 2) *Гетера* спрашиваетъ, отчего прежде она получала много денегъ, а теперь у ней еле достать ихъ на покупку бетеля и никто къ ней не приходитъ? 3) *Молодая женщина* спрашиваетъ, отчего она не можетъ жить ни въ домѣ мужа, ни въ домѣ своихъ родныхъ? 4) *Змѣя*, находившаяся въ муравейникѣ близъ большой дороги, спрашиваетъ, отчего она, отправляясь добывать себѣ пищу, голодная и худая, съ трудомъ можетъ выйти изъ норы, наполняя ее всю своимъ тѣломъ, возвращаясь же сытая и толстая сразу входитъ, не касаясь даже стѣнокъ норы? 5) *Серна* спрашиваетъ, отчего она не можетъ ѣсть никакой другой травы, кромѣ той, которая растетъ подъ однимъ деревомъ? 6) *Куропатка* спрашиваетъ, отчего, сидя у подножія одного муравейника, она можетъ приятно пѣть, во всѣхъ же другихъ мѣстахъ не можетъ. 7) *Божество дерева* спрашиваетъ, отчего прежде его почитали, а теперь оно даже не получаетъ въ даръ и горсти листьевъ? 8) *Царь нага* (то-есть змѣя) спрашиваетъ, отчего прежде вода въ озерѣ, гдѣ онъ живетъ, была чиста какъ хрусталь, а теперь грязна и смѣшана съ иломъ? 9) *Нѣсколько отшельниковъ*, живущихъ въ саду близъ города, спрашиваютъ, отчего плоды сада были прежде сладкими, а теперь стали безвкусными? 10) *Нѣсколько юношей брахмановъ* спрашиваютъ, отчего прежде все, чему они учились, запоминалось ими и было имъ ясно, а теперь оно исчезаетъ изъ памяти, какъ вода изъ разбитаго сосуда, и непонятно и неясно для нихъ?

Пришли къ царю, который творилъ въ это время судъ. Увидавъ Gāmaṇi, царь подумалъ: этотъ человѣкъ служилъ при нашемъ отцѣ и пѣствовалъ насъ, гдѣ же онъ жилъ столько времени? И спросилъ объ этомъ Gāmaṇi. Тотъ отвѣтилъ, что послѣ смерти его отца онъ удалился изъ города и занялся хлѣбопашествомъ, затѣмъ объяснилъ, какъ владѣлецъ быковъ привелъ его на судъ. Царь вызвалъ перваго истца и спросилъ его, по какому дѣлу онъ привлекаетъ Gāmaṇi. „Онъ не возвращаетъ мнѣ двухъ моихъ быковъ“. Царь спросилъ у Gāmaṇi, правда-ли это? Тотъ разказалъ, какъ было дѣло. Царь тогда спросилъ истца: „Видѣлъ ты какъ быки вошли въ твой домъ?“ „Не видалъ, государь“. „Развѣ ты не слыхалъ, что меня зовутъ царь Зеркальное лицо, говори прямо“. „Видѣлъ, государь“. „Такъ какъ ты Candā не сдалъ быковъ на руки хозяину, то ты долженъ заплатить за нихъ; но такъ какъ этотъ человѣкъ видѣлъ быковъ и со-

лгалъ, говоря, что не видѣлъ ихъ, ты какъ царскій слуга вырви ему глаза, а двадцать четыре каршананы (монета) отдай“. Съ этимъ владѣльца быковъ вывели. Тогда онъ упалъ въ ноги Gāmanī: „Что мнѣ въ каршананахъ, если у меня вырвутъ глаза; господинъ Саңда, возьми себѣ каршананы стоимость быковъ и другія, какія у меня есть“.

Затѣмъ другой истецъ сказалъ: „Этотъ человѣкъ, государь, ударилъ мою жену и причинилъ выкидышъ“. „Правда это, Саңда“? „Выслушай меня, государь“, отвѣтилъ Саңда и разказалъ все, какъ было. „Что же, ты ударилъ его жену и причинилъ выкидышъ?“ спросилъ царь. „Нѣтъ, государь“. Обращаясь къ истцу, царь спросилъ: „Что же, ты можешь поправить выкидышъ, причиненный этимъ человѣкомъ“? „Нѣтъ, государь“. „Такъ что же дѣлать“? „Мнѣ нуженъ ребенокъ“. Тогда царь сказалъ: „Саңда, возьми его жену къ себѣ въ домъ и, когда она родитъ, то отдай ее опять мужу“. Истецъ упалъ въ ноги Саңда и сказалъ: „Не разрушай, господинъ, моего дома“. Далъ ему деньги и убѣжалъ.

Третій истецъ сказалъ: „этотъ человѣкъ, государь, ударилъ мою лошадь и сломалъ ей ногу“. „Правда, Саңда“? „Выслушай царь“, сказалъ тотъ и передалъ все, какъ было. Тогда царь спросилъ конюха: „правда-ли, что ты сказалъ: ударъ лошадь и поверни ее“? „Не говорилъ, государь“; но спрошенный вторично онъ признался, что говорилъ. Тогда царь обратился къ Саңда и сказалъ ему: „Этотъ человѣкъ, Саңда, сказавъ: я не говорилъ, солгалъ, поэтому вырви у него языкъ, а затѣмъ отдай ему 1,000 каршананъ, цѣну лошади, взявъ ихъ у насъ“. Конюхъ далъ Саңда денегъ, чтобы тотъ отпустилъ его и убѣжалъ.

Затѣмъ явился корзинщикъ и сказалъ: „Этотъ человѣкъ убійца моего отца“. „Правда это, Саңда“? „Послушай, царь“, сказалъ тотъ и разказалъ все, какъ было. Царь спросилъ корзинщика: „Что же ты теперь сдѣлаешь“? „Мнѣ нужно отца“. „Саңда этому человѣку нуженъ отецъ, но умершаго не вернуть: возьми его мать къ себѣ въ домъ и будь ему отцомъ“. Корзинщикъ воскликнулъ: „Господинъ, не разрушай семьи моей матери и моего отца“, далъ Саңда деньги и убѣжалъ.

Тутъ и конецъ суда, затѣмъ слѣдуютъ отвѣты царя на передаваемые ему Саңда запросы, начиная съ запроса юношей брахмановъ, 10)¹⁾. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ, былъ прежде пѣтухъ, кото-

¹⁾ Случай съ пѣтухомъ составляетъ содержаніе особой джатаки № 119: Akā-lagavi („Не во время кричащій“).

рый кричалъ во-время, оттого они и вставали во-время и выучивали все какъ слѣдуетъ; теперь же у нихъ пѣтухъ, который кричитъ не во-время, закричитъ рано, они встають и учатся, но затѣмъ ихъ одолѣваетъ сонъ и они ложатся, не повторивъ выученнаго. Закричитъ онъ поздно, они проспятъ и опять не выучатъ того, что надо. 9) Плоды въ саду были сладки, пока отшельники были благочестивы, теперь же они оставили благочестіе и добываютъ себѣ пищу незаконнымъ образомъ, оттого плоды и стали горьки; если отшельники вернуться къ прежнему благочестію, все будетъ по старому. 8) Цари нага ссорятся между собою, оттого вода въ озерѣ мутна; какъ только они заживутъ въ мирѣ, вода опять станетъ чистою. 7) Божество дерева прежде охраняло людей, приходившихъ въ лѣсъ и получало дары, теперь оно ихъ не охраняетъ, оттого и прекратились приношенія. Когда оно снова станетъ охранять людей, то и приношенія явятся по прежнему. 6) Подъ муравейникомъ, у котораго куропатка хорошо поетъ, находится кладъ, пусть Гāmanі его отроетъ и возьметъ себѣ. 5) На томъ деревѣ, подъ которымъ серна только и можетъ ѣсть траву, находится большой улей; медъ съ него капаетъ на траву, оттого она такъ вкусна. Пусть Гāmanі сниметъ улей, пошлетъ лучшее изъ него царю, а остальное возьметъ себѣ. 4) Подъ муравейникомъ, гдѣ живетъ змѣя, находится большой кладъ. Когда змѣя выходитъ изъ норы, тѣло ея задерживается жадностью къ богатству. Когда же она найдетъ себѣ пищу, то изъ любви къ сокровищу быстро, не задерживаясь, проникаетъ въ нору. Пусть Гāmanі отроетъ кладъ и возьметъ его себѣ. 3) У молодой женщины есть любовникъ въ деревнѣ, лежащей между домомъ ея мужа и домомъ ея отца. Она все думаетъ о любовникѣ и оттого не можетъ жить въ домѣ мужа и подъ предлогомъ отправленія къ отцу идетъ къ любовнику и только потомъ заходитъ къ роднымъ, а отъ нихъ вскорѣ, подъ предлогомъ возвращенія къ мужу, идетъ опять къ любовнику. Пусть Гāmanі скажетъ ей, что есть цари и чтобы она жила въ домѣ мужа, а то будетъ наказана. 2) Гетера прежде хорошо обращалась съ тѣми, кто приходилъ къ ней, а теперь обращается съ ними худо; оттого ее больше не посѣщаютъ. Если она вернется къ старому обращенію, то она будетъ жить какъ прежде. 1) Старшина прежде рѣшалъ праведно дѣла и оттого его почитали и оттого онъ былъ богатъ. Теперь же онъ беретъ взятки и судитъ неправедно; оттого-то онъ бѣденъ, презираемъ всѣми и боленъ. Пусть опять станетъ судьей праведнымъ и все вернется къ старому.

Царь щедро одарилъ Gāmaṇi, далъ ему деревню и тотъ вернулся домой, сообщивъ всѣмъ кому нужно было царскіе отвѣты и сдѣлавъ все, что сказалъ царь. Gāmaṇi дожилъ до глубокой старости и умерши переродился согласно своимъ заслугамъ.

Джатака эта была разказана по случаю того, что ученики прославляли мудрость Будды, какъ примѣръ, что и въ прежнихъ перерожденіяхъ онъ былъ столь же мудръ: царь Зеркальное лицо—это Будда, а Candagāmaṇi—любимый ученикъ Будды Ānanda.

На-ряду съ баснями и повѣстями мы находимъ въ джѣтакахъ простыя поученія, часто довольно странныя и чрезвычайно напоминающія правоучительные разказы нѣкоторыхъ дѣтскихъ книжекъ. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить джѣтака о Sujātā, въ которой сынъ отучаетъ мать отъ грубости въ рѣчи.

Sujatajātaka „Джатака о Sujātā“.

(269).

„Нѣкогда, въ бытность Brahmadatta царемъ въ Бенаресѣ, Бодисатта родился отъ его старшей жены. Когда онъ выросъ и научился наукамъ въ Takkasila, то по смерти отца сталъ править царствомъ по закону.

Мать его была вспыльчива, сердита, груба, бранчлива, съ злымъ языкомъ. Желая дать матери наставленіе, Бодисатта подумалъ: „неприлично сдѣлать это наставленіе безъ повода“, и сталъ выискивать какое-нибудь сравненіе. Однажды онъ пошелъ въ садъ и мать его пошла туда съ нимъ. По дорогѣ закричала сорока. Спутники Бодисатты, услыжавъ эти звуки, заткнули уши, говоря: „ей ты съ грубымъ, рѣзкимъ голосомъ, не кричи“. Когда въ другой разъ Бодисатта вмѣстѣ съ матерью, окруженный плясунами, разгуливалъ по саду, то, сидѣвшая на покрытомъ цвѣтами деревѣ sāla, kokilā запѣла сладкимъ голосомъ. Слушатели, довольные этими звуками, сложивъ съ мольбою руки, говорили: „пой, пой; о ты, сладкогласная, съ пріятнымъ и нѣжнымъ голосомъ“; говоря такъ, они стояли полныя вниманія, глядя съ откинутыми назадъ головами на птицу.

Бодисатта замѣтилъ оба случая и подумалъ: „теперь я могу предостеречь мать“; затѣмъ онъ сказалъ ей: „дорогая, когда во время прогулки наши приближенные услышали крикъ сороки, они заткнули уши, крича: „замолчи, замолчи“; вѣдь никому не пріятны

существа съ грубымъ голосомъ“. Сказавъ такъ, Бодисатта произнесъ слѣдующіе стихи:

1. „Существа грубыя, хотя бы и красотой одаренныя, красивыя, прекрасныя
не бываютъ любимы ни въ этотъ міръ, ни въ томъ,
2. Развѣ ты не видишь эту kokilā, хотя и черную, некрасивую зерномъ
приманенную,
Но милую многимъ существамъ своимъ ласковымъ голосомъ?
3. Потому-то человекъ пусть имѣетъ рѣчь ласковую, мудрую, спокойную:
Пользу и законъ онъ объясняетъ, сладка его рѣчь“.

Такъ Бодисатта, разъяснивъ матери этими тремя стихами законъ, убѣдилъ ее; съ того времени она стала сдержанной въ своихъ поступкахъ. Бодисатта же, сдѣлавъ однимъ этимъ поученіемъ мать свою самоотверженной сообразно своимъ дѣламъ, родился въ новомъ перерожденіи“.

Сатиры тоже нашли себѣ мѣсто въ сборникѣ джатакъ; одну изъ нихъ, которую можно бы озаглавить „Обезьяны о людяхъ“, мы сообщаемъ здѣсь.

Garahitajātaka „Джатака о порицаніи“.

(219).

Нѣкогда, въ бытность Brahmadata царемъ въ Бенаресѣ, Бодисатта родился на Гималаѣ обезьяною. Его поймалъ одинъ охотникъ, принесъ и отдалъ царю. Долго живя въ царскомъ дворцѣ, онъ былъ весьма исполнительнымъ и вполнѣ ознакомился съ людскими дѣлами. Царь, будучи доволенъ исполнительностью обезьяны, позвалъ охотника и повелѣлъ: „выпусти эту обезьяну въ томъ мѣстѣ, откуда ты ее взялъ“. Тотъ такъ и сдѣлалъ.

Обезьянѣ стадо, узнавъ, что Бодисатта вернулся, собралось на большой скалѣ, чтобы увидать его. Поведа съ нимъ дружескую бесѣду, обезьяны сказали: „другъ, гдѣ ты прожилъ столько времени?“ „Въ Бенаресѣ, въ царскомъ дворцѣ“. „А какъ ты освободился?“ „Царь сдѣлалъ меня своей ручной обезьяной и, будучи доволенъ моею исполнительностью, отпустилъ меня“. Обезьяны сказали: „ты знаешь жизнь людей, разкажи-ка намъ о ней, намъ хочется послушать“. „Не спрашивайте меня о людскихъ дѣлахъ!“ „Разкажи, хочется намъ послушать“. Бодисатта сказалъ: „люди, и кшатрии и брахманы, говорятъ все: мнѣ, мнѣ! не вѣдаютъ они брѣньность всего

мірскаго: послушайте теперь дѣла этихъ слѣпцовъ“. Сказавъ такъ, Бодисатта произнесъ слѣдующіе стихи:

1. „Золото мнѣ, серебро мнѣ! Таковъ днемъ и ночью говорю
Глухихъ людей, священнаго закона не знающихъ.“
2. По два хозяина въ каждомъ домѣ, и одинъ изъ нихъ безбородый,
Съ висящими грудями, съ косою, съ украшенными ушами.
За большія деньги купленный, онъ бьетъ людей“.

Услыхавъ это, всѣ обезьяны заткнули обѣими руками уши, кричатъ: „не рассказывай, не рассказывай, мы услышали неприличныя слова“. „На этомъ мѣстѣ мы слышали неприличное“. Съ этими словами, порицая то мѣсто, онѣ ушли въ другіе края. А скала эта стала называться „Скала Порицанія“.

Сатирую своею авторы джатакъ хорошо пользовались и для религіозныхъ цѣлей: такъ, въ двухъ переводимыхъ здѣсь джатакахъ мы находимъ ѣдкия сатиры на постниковъ-фарисеевъ и на почитателей бога Agni, которые въ жертвахъ огню видѣли путь ко спасенію.

Vakajataka „Джатака о волкѣ“.

(300).

Нѣкогда, въ бытность Brahmadata царемъ въ Бенаресѣ, Бодисатта сдѣлался царемъ боговъ Sakka¹⁾. Въ то время на скалѣ, на берегу Ганги жилъ волкъ. Наступило время зимняго разлива Ганги и вода окружила скалу. Волкъ взобрался на вершину скалы и тамъ улегся. Нѣтъ для него пищи и нѣтъ пути къ пищѣ, а вода все поднимается; онъ и подумалъ: „нѣтъ мнѣ пищи и пути къ пищѣ нѣтъ, лучше всего, разъ я здѣсь лежу безъ дѣла, начать поститься“. Такъ думая, онъ рѣшилъ поститься и исполнять заповѣди и улегся.

Въ то время Sakka, размысливъ²⁾, понялъ слабость рѣшенія волка и подумалъ: „испытаю-ка я этого волка“. Онъ принялъ видъ козы, сталъ вблизи волка и показался ему.

Волкъ увидалъ козу и сказалъ себѣ: „въ другой день постигну постъ“, всталъ и побѣжалъ схватить козу. Коза же бѣгала и туда и

¹⁾ То-есть, Индра.

²⁾ Этимъ не вполне соответствующимъ словомъ мы передаемъ техническое выраженіе, означающее надзоръ Индры за всѣмъ хорошимъ и дурнымъ, что дѣлается въ подвластномъ ему мірѣ и по размышленіи о чемъ онъ тѣмъ или инымъ образомъ вмѣшивается въ дѣло.

сюда и не дала себя поймать. Не будучи въ состояніи поймать козы, волкъ вернулся и улегся, говоря: „постъ мой пока не нарушенъ“.

Sakka принявъ свой божественный образъ и, стоя на воздухѣ, сказалъ: „что за постъ у тѣхъ, у кого столь перемѣнчивы рѣшенія: ты не зналъ, что я Sakka и хотѣлъ поѣсть козьяго мяса“. Изобличивъ его и высказавъ порицаніе, Sakka ушелъ на небо.

Учитель, ставъ Буддою, произнесъ слѣдующіе три стиха:

Убийствомъ живущій, мясомъ и кровью питающійся
 Волкъ принявъ обѣтъ, постъ предпринялъ.
 Обѣтъ его узнавъ, Sakka явился къ нему въ образѣ козы.
 Кровопійца, подвижничество бросивъ, обѣтъ нарушилъ.
 Точно такъ здѣсь нѣкоторые люди, слабые въ принятыхъ рѣшеніяхъ,
 Легко относятся къ своимъ обѣтамъ, какъ волкъ изъ-за козы“.

Nangutthajātaka „Джатака о хвостѣ“.

(144).

„Нѣкогда, въ бытность Brahmadatta царемъ Бенареса, Бодисатта родился въ брахманской семьѣ, происходившей съ сѣвера. Въ день его рожденія родители зажгли огонь „Рожденія“ и поддерживали его. Когда юношѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, родители сказали ему: „сынъ, мы въ день твоего рожденія зажгли огонь; если ты хочешь жить въ міру, то изучи три Веды, если же хочешь войти въ міръ Брахмы, то возьми огонь, пойдѣ въ лѣсъ, служи огню и приобрѣти милость Mahābrahma, ты сподобишься міра Брахмы“.

Юноша сказалъ: „не годится для меня житіе въ міру“, взявъ огонь, пошелъ въ лѣсъ, построилъ себѣ обитель и жилъ въ лѣсу, служа огню.

Однажды въ одной пограничной деревнѣ онъ получилъ въ даръ корову; приведя ее въ обитель, онъ подумалъ: „дамъ Господу Aggī поѣсть коровьяго мяса“; но при этомъ ему пришло въ голову: „здѣсь соли нѣтъ, а Господь Aggī не сможетъ ѣсть не соленого, возьму въ деревнѣ соли и дамъ Господу Aggī поѣсть соленого“. Привязавъ онъ тамъ корову и пошелъ въ деревню за солью.

Когда онъ ушелъ, пришла въ то мѣсто толпа охотниковъ, увидали они корову, зарѣзали ее, мясо сжарили, съѣли; кости, ножки да кожу тутъ же кинули, а остатокъ взяли съ собой, и ушли.

Брахманъ вернулся, увидалъ хвостъ и другіе остатки и подумалъ:

„этотъ господь Aggī своего добра сберечь не можетъ, когда же ему меня охранить. Нѣтъ проку въ этомъ служеніи Aggī, нѣтъ отъ него ни счастья, ни выгоды“. И прошло у него желаніе служить огню.

„Ей, господь Aggī, своего добра охранить не можешь, гдѣ тебѣ меня охранить; мяса нѣтъ, удовольствуйся-ка этимъ“, такъ говоря, онъ кинулъ въ огонь хвостъ и прочіе остатки и произнесъ стихъ:

„Это еще много, негодный Jataveda ¹⁾,
 Что мы тебѣ въ жертву принесли хвостъ!
 Для привыкшаго къ мясу нѣтъ сегодня мяса;
 Примите же, господи, хвостъ“!

Сказавъ это, Бодисатта залилъ водою огонь и сдѣлался отшельникомъ. Онъ приобрѣлъ (десять) Воспріятій ²⁾ и (восемь) Достижений ³⁾ и сподобился міра Брахмы“.

Большой объемъ палийскаго сборника, почти полное отсутствіе изслѣдованій о другихъ буддійскихъ сборникахъ являются пока причиною того, что его литературная исторія еще очень мало объяснена. Теперь, когда изданіе текста близится къ концу и на-ряду съ текстомъ издается и переводъ, можно надѣяться на окончательное выясненіе судебъ палийскаго сборника джатакъ.

С. Ольденбургъ.

¹⁾ Названіе огня.

²⁾ Относятся къ созерцанію, техническій терминъ.

³⁾ Восемь послѣдующихъ ступеней созерцанія, техническій терминъ.

КЪ БЫЛИНЪ О СОЛОВЬЪ БУДИМИРОВИЧЪ.

Благодаря цѣлому ряду изслѣдованій по русскому эпосу литературная исторія нѣкоторыхъ былинь уяснилась въ значительной степени. Если первоначальныя ихъ основы въ большинствѣ случаевъ еще сокрыты отъ насъ подъ позднѣйшими слоями, то по крайней мѣрѣ позднѣйшія переработки, болѣе доступныя изслѣдованію, нерѣдко могутъ быть приурочены къ опредѣленному времени — къ періоду отъ XV—XVII вѣковъ—и опредѣленному району Россіи. Роль сѣвернаго края въ сложеніи, переработкахъ, храненіи и распространеніи былинь выступаетъ все ярче и ярче и широкое участіе скомоховъ во всѣхъ названныхъ дѣйствіяхъ представляется все болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Не имѣя въ виду всесторонняго и детальнаго разбора былины о Соловьѣ Будимировичѣ, надъ которой уже не мало поработали наши изслѣдователи — Ѡ. И. Буслаевъ, Ѡ. Ѡ. Миллеръ, А. Н. Веселовскій, М. Г. Халанскій—я въ нижеслѣдующемъ сдѣлаю о ней лишь нѣкоторыя замѣтки, поводомъ къ которымъ послужили посвященные ей страницы въ новѣйшемъ трудѣ проф. Халанскаго: „Южно-славянскія сказанія о королевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былеваго эпоса“¹⁾).

Обратимъ вниманіе прежде всего на форму былины.

Изъ десяти извѣстныхъ намъ записей ея четыре начинаются запѣвомъ или такъ называемой прибауткой (прибалуткой по олонецкому говору), не имѣющей отношенія къ содержанію былины. Такъ, сказатель Прохоровъ, пѣвшій былину о Соловьѣ Будимировичѣ Рыбникову и затѣмъ Гильфердингу, предпослалъ ей слѣдующіе стихи, на-

¹⁾ Ц, стр. 327—336.

чинающіеся широкимъ географическимъ размахомъ и заканчивающіеся плоской шуткой:

А мхи были болота въ поморской сторонѣ,
 А гольная щель въ Бѣлѣ-озерѣ,
 А тая эта заябель въ подсѣверной странѣ,
 А с...ы сарафаны по Моши по рѣкѣ,
 Да рostrубисты становицы въ Каргополѣ,
 Да тутъ темныя лѣсы что смоленскіе,
 А широки врата да чигаринскіе... ¹⁾

И затѣмъ уже, послѣ прибаутки, слѣдуетъ зачинъ:

Изъ подъ дуба, дуба сѣраго
 Изъ подъ того сподъ камешка сподъ яфонта,
 А выходила выбѣгала тамъ Волга мать рѣка
 и проч.

Въ виду того, что сказитель Прохоровъ, знавшій 10 большихъ былинь, прикрѣпилъ эту прибаутку только къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, слѣдуетъ думать, что онъ наслѣдовалъ отъ своего учителя прибаутку въ этомъ именно прикрѣпленіи, а не прикрѣпилъ ее самъ по своему произволу.

Провѣркой этому предположенію служитъ другая запись той же былины, сдѣланная Рыбниковымъ и Гильфердингомъ со словъ сказителя Потапа Антонова ²⁾ [у Рыбникова онъ названъ Потапомъ Трофимовымъ Потахинымъ]. Въ ней находимъ ту же прибаутку съ нѣкоторыми измѣненіями:

Мхи и болота къ Бѣлозеру,
 Широки раздоля ко Опскову,
 Щелья-каменя по северну страну,
 Высоки горы Сорочинскія ³⁾.

Сказывая былину Гильфердингу, тотъ же Антоновъ перенесъ прибаутку къ концу ея въ такомъ видѣ ⁴⁾:

Мхи да болота въ Поморской сторонѣ,
 Щелья-каменя Подсѣверной страны;
 Претолстыя горы высокія,
 Превысоки лѣса все дремучія.
 А рostrубисты сарафаны по Моши по рѣкѣ,
 Здуннаго Дунай про то дѣло не знай.

¹⁾ Гильфердингъ, № 53 = Рыбниковъ, I, 54.

²⁾ Гильфердингъ, № 68 = Рыбниковъ, III, 32.

³⁾ Рыбниковъ, III, 32.

⁴⁾ Гильфердингъ, № 68, столб. 371.

Просмотрѣвъ репертуаръ Антонова, мы убѣждаемся, что прибаутка прикрѣплена имъ только къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, а біографическія свѣдѣнія, сообщенныя о немъ Гильфердингомъ, объясняютъ, что онъ наслѣдовалъ свой репертуаръ отъ своего дѣда (умершаго 97 лѣтъ), который въ свою очередь перенялъ былины отъ профессиональнаго пѣвца—каликѣ Мины Ефимова. Такимъ образомъ мы имѣемъ право предположить, что въ исполненіи профессиональнаго пѣвца былинѣ о Соловьѣ предпосылалась прибаутка скоморошьяго характера, и это предположеніе снова подтверждается двумя дальнѣйшими вариантами у Рыбникова (II, 31; III, 33), представляющими ту же видоизмѣненную прибаутку передъ *зачиномъ* былины. Наконецъ въ записи, приписываемой Киршѣ Данилову (№ 1), находимъ также прибаутку, но поэтически-возвышеннаго характера и безъ юмористическаго исхода. Это знаменитое въ нашемъ эпосѣ четырестигшіе:

Высота-ли высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе ¹⁾.

Такимъ образомъ изъ десяти извѣстныхъ намъ записей былины о Соловьѣ Будимировичѣ половина, и притомъ лучшія по качеству, предпосылаютъ ей прибаутку. Она отсутствуетъ въ трехъ вариантахъ Гильфердинга, записанныхъ либо отъ плохихъ сказителей (Гришина, № 36), либо отъ такихъ, которые когда-то хорошо знали былины, но затѣмъ позабыли (Захарова, Суханова, №№ 199, 208). Нѣтъ ея въ плохомъ и сильно скомканномъ вариантѣ Анфима Савинова (у Рыбникова, IV, № 11), и только одинъ, не имѣющій прибаутки, вариантъ у Рыбникова (I, 53) можетъ быть причисленъ къ хорошимъ.

¹⁾ Однако русскій человѣкъ, неспособный выдержать слишкомъ возвышеннаго тона, и здѣсь не удержался. Нашелся шутникъ, который спародировалъ эти стихи такъ:

Высота-ли высота потолочная,
Глубота, глубота подпольная,
А и широко раздолье—передъ печью шестовъ,
Чистое поле—по подлавецю,
А и синее море—въ лохани вода.

Таково начало находившейся въ рукописи Кирши Данилова, но не напечатанной Калайдовичемъ, неприличной пѣсни Агаеонушка. — См. 3-е изданіе Кирши Данилова, стр. XIX, примѣч. 17.

Возможнымъ выводомъ изъ этихъ наблюденій представляется слѣдующій: былина о Соловьѣ Будимировичѣ была снабжена скоморошьей прелюдіей и вмѣстѣ съ нею отъ профессиональныхъ пѣвцовъ-скомороховъ—перешла къ олонецкимъ крестьянамъ.

Современныя записи былины указываютъ на ея принадлежность сѣверному былинному репертуару. Соловей Будимировичъ, какъ пріѣзжій въ Кіевѣ женихъ, неизвѣстенъ нигдѣ въ Россіи помимо Олонецкой губерніи и былъ извѣстенъ въ Западной Сибири въ прошломъ столѣтіи (во времена Кирши Данилова). Если изъ современнаго района извѣстности этого сюжета еще нельзя дѣлать безспорныхъ заключеній о сѣверномъ происхожденіи былины, то все же это обстоятельство имѣетъ нѣкоторый вѣсъ при другихъ доказательствахъ сѣверной родины этого произведенія, если таковыя найдутся. Для послѣдней цѣли обратимъ вниманіе на нѣкоторыя бытовые черты былины и прежде всего на бросающееся въ глаза ея сходство съ новгородской былинной о Садкѣ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Соловей Будимировичъ представляется богатымъ мореходомъ, собственникомъ кораблей, нагруженныхъ дорогими товарами. У него, какъ у Садка, 30 кораблей, изъ которыхъ тотъ, на которомъ онъ ѣдетъ самъ, чудно разукрашенъ.

Единый корабль передомъ бѣжить,
 Передомъ бѣжить, какъ соколъ летить;
 Высоко его головка призадыпуга,
 Носъ-корма была по звѣрному,
 А бока сведены по туриному,
 Того ли тура заморскаго,
 Заморскаго тура литовскаго;
 На томъ на череномъ на кораблѣ
 Были паруса-флаги крупчатой камки,
 Снасти и кодолы были шелковыя,
 Того ли были шелку шемаханскаго,
 Явори-то были булатніе,
 Булатъ-желѣза Сибирскаго,
 Сибирскаго желѣза, Поморскаго.
 На томъ ли череномъ на кораблѣ
 Среди корабля стоитъ зеленъ чердакъ,
 Зеленъ чердакъ муравленый;
 Въ томъ ли зеленомъ во чердакѣ
 Потолокъ обить чернымъ бархатомъ,
 Стѣны покрыты чернымъ соболемъ;
 Изнавѣшанъ зеленъ чердакъ
 Куницами и лисицами

Печерскими и сибирскими,
Ушистыми и пушистыми ¹⁾.

То же описаніе корабля съ большими или меньшими вариациями въ подробностяхъ находимъ, какъ извѣстно, въ былинахъ о Садкѣ ²⁾, причемъ и корабль самого Садка иногда называется Соколомъ, какъ, въ пересказѣ у Кирши Данилова, корабль Соловья Будимировича. Нельзя думать, чтобы фантастически разукрашенный корабль Соловья былъ скопированъ съ корабля Садка или наоборотъ. Корабль съ извѣстными признаками, повидимому, общее мѣсто (*locus communis*), старинная эпическая картинка, которая вставлялась въ былины всякій разъ, когда дѣло шло о богатырскомъ кораблѣ. На такомъ же вычурномъ кораблѣ, какъ Соловей и Садко, ѣдетъ Илья Муромецъ въ извѣстной былинѣ ³⁾. Но эта эпическая картина была создана и пошла въ ходъ въ такихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ процвѣтало судоходство, гдѣ населенію были хорошо знакомы не только лодки, но большіе суда сложной конструкціи. Покойный А. И. Котляревскій видѣлъ въ этомъ эпическомъ описаніи идеализированныя черты скандинавскихъ кораблей, какъ они изображаются въ сагахъ. Допуская возможность вліянія какого-нибудь западнаго образца, все же нужно думать, что онъ далъ только канву, по которой былъ вышитъ рисунокъ въ русскомъ вкусѣ: на украшеніе корабля пошли пушныя богатства сѣверно-русскаго края—черные соболи, печерскія лисицы и куницы и хорошо извѣстныя на Руси ткани изъ шелковъ шемахинскихъ и хрущатой камки. Подробности оснастки корабля—мачты, паруса, кодолы, реи, сходни и проч.—указываютъ на знакомство слагателей эпическаго описанія съ судоходнымъ дѣломъ, а такое знакомство можетъ указывать на предпріимчивыхъ новгородскихъ судохозяевъ и ушкуйниковъ.

Отмѣтимъ другія черты спеціальнаго знакомства съ судоходнымъ дѣломъ въ былинѣ.

Говорилъ тутъ Соловей таково слово:
„Что вы братцы дружинишка хоробрыи,

¹⁾ *Рыбниковъ*, I, № 53, стр. 318—319.

²⁾ См. напримѣръ, *Гильфердингъ*, № 146, *Рыбниковъ*, III, № 42, I, № 61 и 63.

³⁾ См. Былины старой и новой записи II, №№ 16, 17 и приложение стр. 276. Сходное описаніе корабля см. въ *свадебной пѣснѣ* Архангельской губерніи въ сборникѣ *Ө. М. Истомина*. „Пѣсни русскаго народа. С.-Пб. 1894, стр. 131—132. Сравни также пѣсню въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи“ собранныхъ *П. С. Ефименкомъ*. Часть II, стр. 112.

А хоробрѣя дружинѣя Соловьѣвыи!
 Да слушайте-тко большаго атамана-то вы,
 Да дѣлайте дѣло повелѣное:
 А взимайте-ко шестики мѣрныи вы,
 А миряйте-ко людѣя морскѣи-то эти,
 А чтобы намъ молодцамъ туда проѣхать“¹⁾.

Это щупанье людѣ, то-есть мѣсть, усѣянныхъ подводными камнями, очевидно бытовая черта сѣвернаго мореходства, опять оказывается въ новгородской былинѣ о Садкѣ, который почти съ тѣми же словами обращается къ своей дружинѣ:

Ай же, дружки-братѣя корабельщичи!
 Берите-ко щупы желѣзныя,
 Шушайте въ синемъ морѣ:
 Нѣтъ-ли луды или каменя,
 Нѣтъ-ли отмели песочныя?“²⁾.

Въ одномъ пересказѣ былинны о Соловьѣ Будимировичѣ³⁾ щупанье дна щупалами желѣзными дѣлается между прочимъ для исканія мелкаго сканнаго жемчуга. Можетъ быть, въ основѣ этой картины лежитъ что-нибудь реальное: извѣстно, что въ Россіи перловка жемчугоносная водится въ рѣкахъ губерній Архангельской, Олонецкой, Новгородской и другихъ и что ловля этихъ раковинъ снабжала, и до сихъ поръ снабжаетъ, мелкимъ жемчугомъ уборы сѣверно-русскихъ женщинъ, купчихъ, мѣщанокъ и зажиточныхъ крестьянокъ. Старинныя кокошники новгородскихъ, олонечкихъ и архангельскихъ женщинъ густо усаживались этимъ мѣстнымъ жемчугомъ.

Продолжая сравненіе былинъ о Соловьѣ и Садкѣ, находимъ сходство въ частностяхъ плана и въ личности героя. И здѣсь и тамъ отношеніе героя—торговаго гостя—къ спутникамъ одинаковое, выражающееся въ различныхъ его приказаніяхъ дружинишкѣ: обыкновенно оба обращаются къ ней со словами: „слушайте большаго братца атамана“, и значительная часть былинны занята приказаніями и исполненіемъ ихъ. Соловей Будимировичъ приказываетъ: подымать паруса, щупать луды, смотрѣть въ трубки подзорныя, кидать якоря, спускать сходни, строить терема въ саду у Запавы, и каждый разъ „дружинишка хоробрая слушаетъ большаго атамана и дѣлаетъ дѣло повелѣное“. Садко велитъ дружинишкѣ скупать всѣ товары въ

¹⁾ Гильбердингъ, № 53 = Рыбниковъ, I, 54.

²⁾ Рыбниковъ, III, № 41, стр. 242.

³⁾ Рыбниковъ, II, 31.

Новгородѣ, строить корабли и нагружать ихъ товарами; вырѣзывать и метать въ море жеребья,—и все это немедленно приводится въ исполненіе дружиной. Аналогіи постройки обѣихъ былинъ соотвѣтствуетъ и сходство въ личности обоехъ героевъ: Садко — богатый купецъ, собственникъ кораблей съ дорогими товарами и вмѣстѣ съ тѣмъ искусный гусярь; Соловей Будимировичъ сходенъ съ нимъ и въ томъ, и въ другомъ. Хотя онъ называется гостемъ торговымъ только въ былинѣ Кирши Данилова, хотя цѣль его пріѣзда въ Кіевъ не торговая, но его корабли наполнены товарами; онъ строитъ (по двумъ былинамъ ¹⁾) при теремахъ и *гостиний дворъ*, платитъ товарную пошлину въ таможнѣ со всѣхъ кораблей 7 тысячъ ²⁾, и въ той же былинѣ Кирши Данилова по отъѣздѣ Соловья Давидъ Поповъ заявляетъ князю:

„Я-де объ немъ слышалъ,
Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ Леденцѣ,
У того царя заморскаго;
Соловей у царя въ протаможье попалъ,
И за то посаженъ въ тюрьму,
А корабли его отобраны
На его-жъ царское величество“.

Такимъ образомъ пріѣзжій богатый женихъ, подносящій кіевскому князю, княгинѣ и Запавѣ драгоценные подарки со своихъ кораблей: черныхъ соболей, бурнастыхъ лисицъ, хрущатую камку съ хитрымъ заморскимъ узоромъ, мисы золота, серебра и жемчуга, благодаря именно этимъ аксессуарамъ, могъ представляться нѣкоторымъ сказителямъ торговымъ гостемъ. Съ другой стороны Соловей является искуснымъ гусяремъ: сходя по сходнѣ золоченой съ корабля, онъ беретъ съ собой свой инструментъ—гуселки яровчатя ³⁾, и когда Забава Путятична, подойдя къ построенному имъ терему, подслушиваетъ, то

Въ томъ терему стучитъ и гремитъ,
Пѣсни поетъ и гусли играетъ
Младъ Соловей сынъ Будимировичъ:
Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
Тонци по голосу налаживаетъ,
Тонци онъ ведетъ отъ Новагорода,

¹⁾ *Рыбниковъ*, II 31, стр. 190; *Гильфердингъ*, № 199 столб. 953.

²⁾ *Кирша Даниловъ*, № I.

³⁾ *Гильфердингъ*, № 68, столб. 368. *Рыбниковъ*, III 32.

А другіе ведеть отъ Еросолима,
 А всѣ малые припевки за сinya моря,
 За сinyaго моря Волинскаго,
 Изъ за того Кодольскаго острова,
 Изъ за того лукоморья зеленого“¹⁾).

Можеть быть, *тонца изъ Новгорода*, упоминаемые въ трехъ пересказахъ былины, также одинъ изъ слѣдовъ ея новгородскаго происхожденія, которое мнѣ представляется вѣроятнымъ уже по вышерассмотрѣннымъ ея аналогіямъ съ *новгородской* былинной о Садкѣ.

Если таково происхожденіе былины въ той версіи, которая дошла до насъ въ 10 вариантахъ, то прикрѣпленіе Соловья Будимировича къ Киевскому циклу не можеть быть выдвигаемо въ пользу Киевскаго происхожденія былины. Приписывать былинѣ такую глубокую древность только потому, что дѣйствіе ея совершается въ Киевѣ при князѣ Владимирѣ, едва ли возможно. Эпическое прикрѣпленіе къ Киеву не стерло въ былинѣ чертъ ея сѣвернаго, новгородскаго происхожденія, и онѣ обнаруживаются даже въ географическихъ подробностяхъ нѣкоторыхъ пересказовъ. Какъ въ былинахъ о Садкѣ, упоминающихъ Неву и Ладожское озеро, подъ синимъ моремъ, въ которое выѣзжаютъ его корабли, должно разумѣть море ближайшее къ Новгороду—Балтійское, такъ тѣ же мѣста встрѣчаются въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ:

„Исподъ дуба, дуба сыраго,
 Исподъ той березы сподъ наклапины,
 Матушка Нева широко прошла,
 Устьемъ выпадала во сине море во Вирянское.
 По синему морю корабли бѣжать,
 Одинъ то корабликъ изукрашенъ былъ“ и проч.²⁾

Въ другомъ пересказѣ³⁾ тридцать кораблей бѣгутъ по морю Веряйскому, которые, впрочемъ, тутъ же названо также Дунайскимъ. Названіе Вирянское или Веряйское, конечно, позднее искаженіе имени *Варяжское*. По эпической наивности и по малому знанію географіи, пѣвецъ былины не затруднялся путешествіемъ Соловья Будимировича по Варяжскому морю, долженствовавшемъ привезти его въ Киевъ. Вообще географія былины по отдѣльнымъ пересказамъ край-

¹⁾ *Рыбниковъ*, I 53; срав. *Рыбниковъ*, IV № 11 стр. 59; III № 33 стр. 196; *Гильбердингъ*, № 68.

²⁾ *Рыбниковъ*, IV № 11.

³⁾ *Гильбердингъ*, № 208.

не путанная и едва ли она была осмысленнѣе въ основной редакціи. Корабли Соловья прибываютъ въ Кіевъ то по Волгѣ ¹⁾, то по морю Турецкому ²⁾, то по морю Волинскому ³⁾ (искаженіе Хвалынскаго), то по какому то неопредѣленному синему морю отъ славнаго города Леденца ⁴⁾, то по морю Дунайскому ⁵⁾ (то-есть Черному). Только въ двухъ, и по странной случайности самыхъ плохихъ пересказахъ, у Гильфердинга ⁶⁾ упоминается Нѣпра, хотя все же нѣтъ ясныхъ представлений о предѣлахъ плаванья Соловья, то-есть откуда онъ выѣзжаетъ и какимъ путемъ попадаетъ въ Кіевъ. Видно, что слагатель, прикрѣпившій мѣсто дѣйствія былины къ Кіеву, имѣлъ смутное понятіе и о теченіи Днѣпра. Чтò, напр., можно извлечь изъ слѣдующихъ географическихъ указаній одного изъ обоихъ пересказовъ, упоминающихъ Нѣпру?

„Ай изъ-за то́го острова Кадойлова,
 Ай изъ-подъ то́го вязу съ-подъ черлѣнаго,
 Ай изъ-подъ того камешка съ-подъ бѣлаго,
 Изъ-подъ то́го кустышка ракитоваго,
 А пала выпадала мать Нѣпра рѣка,
 А устьемъ выпадала въ море Черное,
 Въ Черное море во Турецкое.
 А по этой матери Нѣпрѣ по рѣки,
 Вылеталъ, выѣзжалъ младъ хупавъ молодець (откуда?),
 Молодь Соловей сынъ Будимировичъ.
 Поѣзжалъ Соловей вѣдь онъ свататься
 А за славное овъ за синѣ море,
 Да ко славному городу ко Кіеву,
 А ко ласкову князю ко Владимиру“ и проч. ⁷⁾.

Здѣсь Соловей, выѣзжая неизвѣстно откуда по Днѣпру въ Черное море, попадаетъ, не поворачивая назадъ, въ Кіевъ въ полномъ противорѣчїи съ географїей. Такого противорѣчїя нѣтъ въ былинѣ Кирши Данилова, гдѣ корабль Соловья Будимировича пристааетъ въ Днѣпрѣ подъ Кіевомъ, выѣхавъ изъ загадочнаго города Леденца.

Вообще попытки объяснить географическія показанія былины до

¹⁾ *Гильфердингъ*, № 53; *Рыбниковъ*, I 54.

²⁾ *Рыбниковъ*, II 31.

³⁾ *Рыбниковъ*, I 53.

⁴⁾ *Кирша Даниловъ*, № I.

⁵⁾ *Гильфердингъ*, № 68; *Рыбниковъ*, III 33.

⁶⁾ *Гильфердингъ*, №№ 36 и 199.

⁷⁾ *Гильфердингъ*, № 199.

сихъ поръ не привели ни къ чему маломальски вѣроятному. Имя острова Кодольскаго (или острововъ Кодольскихъ) находится, повидимому, въ связи съ названіемъ *Кодолы*—толстые канаты, которое встрѣчается въ той же былинѣ: *кодольскіе* острова, можетъ быть, такіе, гдѣ запасались *кодоломи*, и мы напрасно станемъ искать ихъ на картѣ. Попытка проф. Халанскаго объяснить городъ Леденецъ въ связи съ сербскимъ и болгарскимъ эпическимъ Ледяномъ (Леѣан, Леген) градомъ мнѣ не кажется удовлетворительной. „Происхождение и значеніе эпическаго имени Ледяна—Легена—Леденца, говоритъ проф. Халанскій, становится совершенно понятнымъ въ связи съ средне-вѣковымъ германскимъ эпосомъ; въ этомъ послѣднемъ мы находимъ ключъ къ простому и понятному объясненію этого названія: Леѣан—Леденецъ есть *Islant* то-есть Ледяной городъ, а первоначально Ледяной островъ или Ледяная земля, страна ¹⁾“. Такимъ образомъ сербскій и русскій эпическій городъ представляетъ результатъ неточнаго перевода названія Исландія. Будто-бы это такъ просто и понятно? Въ пользу своего предположенія проф. Халанскій цитируетъ только одно мѣсто изъ Саксона грамматика, въ которомъ говорится объ Исландіи: *insula quae Glacialis dicitur*. Но изъ того, что Саксонъ грамматикъ въ своей латини далъ объясненіе имени острова, еще нельзя предполагать, вмѣстѣ съ г. Халанскимъ, что „вѣроятно оно (то-есть *Islant*) переводилось такимъ образомъ и въ устной средне-вѣковой поэзии германской и славянской“. Если подъ средне-вѣковой германской поэзіей авторъ имѣетъ въ виду пѣснь о Нибелунгахъ, въ которой (авентюры VI—VIII) въ разказѣ о женитьбѣ Гунтера на Брунхильдѣ послѣдняя живетъ въ *Islant*-ѣ, то здѣсь никакого перевода имени нѣтъ, такъ какъ оно и безъ того понятно и географически и этимологически. Такимъ образомъ, рѣчь можетъ быть только о славянскомъ переводѣ имени *Islant*, будто бы проникшаго къ южнымъ славянамъ вмѣстѣ съ сюжетомъ о Гунтерѣ и Брунхильдѣ, отразившимся на пѣсняхъ типа „Женитьба Душана“. Но такой славянскій переводъ крайне подозрителенъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) для перевода собственнаго имени страны столько же мотивовъ, сколько для перевода собственныхъ именъ лицъ. При обработкѣ иностраннаго сюжета слагатели народныхъ эпическихъ пѣсней обыкновенно замѣняютъ чуждыя имена своими родными, вводя сюжетъ въ свой эпическій циклъ, либо подгоняютъ ихъ народной этимоло-

¹⁾ Южно-славянскія сказанія о кравевичъ Марко, II, стр. 317.

гійей подь родныя сходныя по звукамъ слова; 2) если бы мы допустили уже сербскій переводъ имени *Islant*, то ожидали бы найти настоящій переводъ, то-есть лёдна зѣмля или лёдена зѣмля (ледяная страна), а не странное имя Леѳан. Спрашивается, почему страна стала городомъ и притомъ *латинскимъ* (У Леѳану граду латинскомѣ), почему далѣе отъ имени Леѳан пошло прилагательное Леѳанско, прикрѣпляемое въ пѣсняхъ къ какому то полю (Па он оде низ поље Леѳанско ¹⁾). Все это крайне загадочно. Но нужно еще доказать, что сербскій Леѳан имѣетъ отношеніе къ нашему Леденцу. Въдѣ имя города Леденца встрѣчается только однажды въ нашемъ эпосѣ, только въ вариантѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ у Кирши Данилова. Въ пересказѣ у Рыбникова (II № 31) вмѣсто города Леденца находимъ землю Веденецкую. „Леденецъ и Веденецкая земля, справедливо замѣчаетъ А. Н. Веселовскій, несомнѣнно стоитъ одно за другое; но въ какомъ изъ нихъ больше смысла, рѣшить трудно: можетъ быть Веденецкое вмѣсто Венедецкое? сл. въ Сказаніи о Кіевскихъ богатыряхъ (рукопись Е. Барсова): камки венецкіе, и въ нашей лѣтописи: „Корязи, Вендици, Фрягове“. Леденецъ легко бы объяснить искаженіемъ Веденца ²⁾“. Это подозрѣніе, на нашъ взглядъ весьма основательное, побуждаетъ насъ воздержаться отъ сближенія нашего Леденца съ южно-славянскимъ Леѳан’—омъ, какъ бы ни объяснялось имя послѣдняго. Не останавливаясь долѣе на географическихъ данныхъ былины о Соловьѣ Будимировичѣ, замѣтимъ въ заключеніе, что они не даютъ никакихъ доказательствъ въ пользу южно-русскаго ея происхожденія.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ тѣми признаками былины о Соловьѣ Будимировичѣ, которые указываютъ на ея сѣверное (новгородское) происхожденіе. Посмотримъ теперь, противорѣчатъ ли этому предположенію результаты изслѣдованія ея содержанія и изложенія. Академикъ А. Н. Веселовскій видитъ въ былинѣ разказъ о брачной поѣздкѣ, богато разукрашенный символиккой нашихъ свадебныхъ пѣсенъ. Такъ, Соловей просить отвести ему загонъ земли „непаханой, неораной“, въ зеленомъ саду Запавы, въ ея вишеньѣ-орѣшеньѣ; онъ хочетъ вырубить его и построить свой теремъ. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ обычно представленіе дѣвчества—садомъ виноградомъ ³⁾; игра жениха на гусяхъ, игра его съ невѣстой въ

¹⁾ См. Словарь В. С. Караджича, в. в.

²⁾ Южно-русскія былины, II, стр. 77.

³⁾ Тамъ-же, I, стр. 67.

шахматы—черты символики любви; мѣсяцъ, солнце, звѣзды въ теремѣ напоминаютъ такой же параллелизмъ колядокъ и т. п. Словомъ, говоритъ А. Н. Веселовскій, брачный характеръ сюжета былъ поводомъ пѣвцамъ—разработать его общими мѣстами пѣсенной свадебной символики ¹⁾“. Усвоивъ этотъ взглядъ, проф. Халанскій развиваетъ его дальше. „Былина о Соловьѣ Будимировичѣ стоитъ въ самой тѣсной связи съ великорусскими свадебными пѣснями. Въ сравненіи съ символикой послѣднихъ выясняются какъ общій смыслъ былины, такъ и значеніе отдѣльныхъ частныхъ ея ²⁾“. Въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ пріѣзжаетъ изъ-за моря, сваты являются купцами-корабельщиками, женихъ—соловьемъ, залетѣвшимъ въ садъ невѣсты или строителемъ терема ³⁾; иногда онъ представляется играющимъ на гусляхъ, а невѣста слушающей его игру; иногда невѣста проигрываетъ жениху свою волюшку въ шахматы; иногда женихъ увозитъ суженую на кораблѣ и т. п. Словомъ, по мнѣнію проф. Халанскаго, „связь былины о Соловьѣ Будимировичѣ со свадебной народной поэзіей такъ жива и такъ глубока, что не можетъ, кажется, имѣть мѣста мысль о литературномъ заимствованіи ея сюжета“ ⁴⁾. Однако дальнѣйшія изслѣдованія проф. Халанскаго заставили его значительно ограничить этотъ взглядъ. Въ своемъ новѣйшемъ трудѣ онъ указываетъ на замѣчательное сходство между былиной и книжной повѣстью о Василии златовласомъ, королевичѣ чешской земли, причемъ предпосылаетъ детальному сравненію слѣдующее замѣчаніе: „большое сходство между этими произведеніями едва-ли, впрочемъ, зависитъ отъ непосредственнаго вліянія перваго на вторую; по всей вѣроятности, оба восходятъ къ какому-то общему прототипу, заключающемуся въ обширномъ матеріалѣ средневѣковыхъ рыцарскихъ сказаній“. Дѣйствительно, сходство и въ общемъ, и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ бросается въ глаза ⁵⁾.

Отсылая къ подробному сравненію, сдѣланному проф. Халанскимъ, выдвинемъ лишь главныя черты сходства. Королевичъ Василій Пре-

¹⁾ Южно-русскія былины, стр. 78.

²⁾ Великорусскія былины Кіевского цимла, стр. 148.

³⁾ Въ свадебной пѣснѣ изъ Архангельской губерніи, записанной *Θ. М. Истоминимъ*, женихъ, уподобляемый Соловью, обѣщаетъ построить невѣстѣ въ саду сѣни новыя. См. Пѣсни русскаго народа, 1894, стр. 97 и слѣд.

⁴⁾ Названное сочиненіе, стр. 160.

⁵⁾ Южно-славянскія сказанія о Кравевичѣ Маргѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса, II, стр. 327.

красный, получивъ отказъ въ рукѣ дочери французскаго короля Полиметры, снаряжаетъ корабль, беретъ съ собой великіе дары и передѣтый простымъ матросомъ ѣдетъ во Францію; какъ Соловей, онъ (точнѣе: по его приказу гость Василий) проситъ у короля мѣсто построить дворець близъ королевскихъ палатъ; дворець его дивно разукрашенъ; Василий королевичъ прельщаетъ королевну игрою на гусяхъ, какъ Соловей Запаву, и побуждаетъ ее придти къ себѣ во дворець. Слѣдуетъ наказанье королевны, отвергшей раньше открытое сватовство Василья, и его отѣздъ, хлопоты обезчещенной королевны о прощеніи, вторичный пріѣздъ Василья и свадьба. Сопоставленіе обоихъ произведеній приводитъ проф. Халанскаго къ слѣдующему новому взгляду: „Иностранное происхожденіе основы великорусской былинны о Соловьѣ Будимировичѣ, при наличности столь сходной съ ней Повѣсти о Василии Златовласомъ, должно быть поставлено внѣ всякаго сомнѣнія. Былина о Соловьѣ Будимировичѣ есть, слѣдовательно, передѣлка неизвѣстнаго западнаго сказанія о свадебной поѣздкѣ заморскаго витязя, быть можетъ, царевича („Отъ того-де *царя* вѣдь *заморскаго*“, вариантъ Кирши), прельщающаго невѣсту своей музыкой и великолѣпіемъ обстановки своей жизни ¹⁾“. Приведенныя же раньше самимъ проф. Халанскимъ параллели свадебныхъ пѣсенъ къ былинѣ „теперь получаютъ иной смыслъ и значеніе. Онѣ любопытны, какъ цѣнныя откровенія изъ области явленій процесса подражательнаго творчества, который сопровождалъ усвоеніе великорусскимъ эпосомъ входившихъ въ него иностранныхъ сюжетовъ“ ²⁾.

Новое объясненіе проф. Халанскаго и мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ. Дѣйствительно, я въ своемъ курсѣ по русскому народному эпосу (1892—1893 годовъ) уже проводилъ ту мысль, что сходство въ нѣкоторыхъ деталяхъ обработки между былиной о Соловьѣ Будимировичѣ и нашими свадебными пѣснями не устраняетъ вопроса о происхожденіи самого сюжета, который въ основѣ можетъ оказаться заимствованнымъ изъ какой нибудь сказки. Вѣдь сходные мотивы въ свадебныхъ пѣсняхъ могутъ восходить въ концѣ концовъ къ тѣмъ же странствующимъ сказкамъ, въ которыхъ дѣло идетъ о добычаніи невѣсты. Слагатели свадебныхъ пѣсенъ, иногда профессиональные пѣвцы, для приукрашенія, идеализированія бытовой стороны,

¹⁾ Наа. соч. стр. 334.

²⁾ Тамъ-же, стр. 335.

могли вплетать въ изображеніе отношеній жениха и невѣсты мотивы изъ сказокъ. А въ послѣднихъ очень часто какой нибудь королевичъ приѣзжаетъ свататься на пышномъ кораблѣ, строить, иногда по требованію отца невѣсты, чудныя палаты, которыя заинтересовываютъ и привлекаютъ невѣсту, или женихъ является искуснымъ музыкантомъ, или играетъ въ шахматы, причемъ невѣста является ставкой и т. п. Можно согласиться съ словами проф. Халанскаго (въ первой его книгѣ), что „средства для созданія эпического образа (Соловьѣ Будимировича) были всѣ у себя дома, въ области символовъ свадебной пѣсенной поэзіи“ ¹⁾, но эти *домашніе* символы, представляющіе идеально житейскій бракъ, восходятъ, отчасти, по крайней мѣрѣ, къ сказочнымъ мотивамъ, носившимся въ представленіи слагателей свадебныхъ пѣсень, и поэтому все же долженъ быть поставленъ историко-литературный вопросъ, не найдется-ли такого сказочнаго сюжета, въ которомъ оказались бы въ такомъ же или сходномъ сочетаніи типичныя черты содержанія былины о Соловьѣ Будимировичѣ. Въ настоящее время такая сказка указана проф. Халанскимъ въ старинной передѣланной съ иноземнаго (польскаго?) повѣсти о Василии Златовласомъ, чешскомъ королевичѣ, и остается лишь точнѣе уяснить отношеніе повѣсти къ былинѣ. Проф. Халанскій покуда считаетъ лишь возможнымъ предположить, что обѣ восходятъ къ какому-то общему западному прототипу. Дѣйствительно, пока не выяснено отношеніе Повѣсти къ ея непосредственному оригиналу, еще не найденному ²⁾, трудно говорить опредѣлительно, легла-ли именно она въ основу нашей былины, или только нѣкоторыми чертами своими повлияла на переработку былины, которая могла раньше содержать, при родственности сюжета, другія черты, или, наконецъ, обѣ восходятъ къ одному прототипу. Вѣроятно, впослѣдствіи эти вопросы уяснятся при помощи новыхъ находокъ въ области фольклора, а въ ожиданіи этого я пока могу обратить вниманіе на нѣкоторыя былинныя данныя, указывающія на извѣстность Повѣсти о Василии Златовласомъ

¹⁾ Великор. былины Кіевскаго цикла, 166.

²⁾ До сихъ поръ *Поэты* издана по одному лишь списку XVIII вѣка изъ бывшаго древнехранилища Погодина. См. Предисловіе къ изданію ея И. Шляпникова, „Памятники древней письменности“. С.-Пб. 1882. Разборъ ея содержанія, но безъ указанія на сходство ея съ былинной о Соловьѣ Будимировичѣ, принадлежитъ академику А. Н. Веселовскому (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, I, стр. 62).

нашему сѣверному населенію, хранившему былины и вносившему въ нихъ при ихъ передачѣ нерѣдко черты изъ лубочныхъ сказокъ и рукописныхъ повѣстей. Такъ, мнѣ кажется вѣроятнымъ отношеніе былиннаго *прекраснаго* царя Василя Окульевича, похитителя Соломоновой жены, къ *прекрасному* Василю королевичу. Припомнимъ, помимо *нѣкотораго* сходства въ обстановкѣ обоихъ разказовъ, слѣдующія черты Повѣсти. Василій Златовласый королевичъ, когда пришло ему время жениться, „желая сего еже бы ему такому супружницу поняти подобну себѣ красотою и мудростію и начать спрашивать купеческихъ людей, которые ѣздятъ по многимъ землямъ и царствомъ и королевствомъ, гдѣ кто знаетъ ему подобну дѣвицу красотой и разумомъ, и нѣкто отъ гостей, именовъ *Василій*“, разказываетъ ему о дочери французскаго короля, какъ о дѣвицѣ его вполне достойной. Сравнимъ съ этимъ начало былины о Василя Окульевѣ изъ сборника Ефименка ¹⁾. *Прекрасный* царь Василій Окульевичъ на пиру спрашиваетъ, не знаетъ-ли кто изъ присутствующихъ для него невѣсты его достойной. На его запросъ откликается одинъ молодецъ по прозванію *Василій Пустоволосовичъ* и заявляетъ, что знаетъ для него невѣсту (жену Соломона). Не странно-ли такое совпаденіе? И въ повѣсти, и въ былинѣ женихъ называется Василюмъ *прекраснымъ*, и здѣсь и тамъ на вопросъ жениха даютъ отвѣтъ млодцы также Василю. Въ былинѣ второй Василій называется почему-то *Пустоволосовичъ*. Не реминисценція-ли это Василя *Златовласаго* съ неудачнымъ перенесеніемъ искаженнаго признака (волосъ) на другого Василю?

Далѣе въ *Повѣсти* идетъ разказъ о снаряженіи корабля, на которомъ ѣдутъ за невѣстой гость Василій и королевичъ Василій, первый въ качествѣ начальника, второй—переодѣтый матросомъ, но въ сущности главнымъ распорядителемъ-инкогнито. Въ былинѣ то же снаряженіе корабля для увоза Соломонида, но ѣдетъ одинъ Василій Пустоволосовичъ. Въ Повѣсти королевна Полиестра идетъ заманенная разказомъ о диковинкахъ во дворецъ Василя Златовласаго; въ былинѣ Василій Пустоволосовичъ заманиваетъ диковинками Соломониду на свой корабль.

Конечно, изъ этихъ аналогій и совпаденій въ нѣкоторыхъ именахъ мы не станемъ выводить, что въ основѣ былины о Василя Окульевичѣ лежитъ Повѣсть о Василя Златовласомъ. Но нужно думать, что

¹⁾ См. Былины стар. и пов. записи, II, № 67.

при однородности сюжетовъ между ними произошло соприкосновеніе, состоявшее въ томъ, что нѣкоторые сказители былины при сказываніи ея припоминали смутно нѣкоторыя черты Повѣсти о Василии Златовласомъ и переносили ихъ въ былину. Такъ, напримѣръ, въ болѣе раннихъ версіяхъ былины царь-похититель Соломониды могъ называться иначе и его посоль не назывался Василиемъ, какъ въ вариантѣ Ефименка ¹⁾. Но подъ влияніемъ *Повѣсти*, гдѣ дѣйствуютъ два Василія, царь и посоль одинаково получили (по крайней мѣрѣ въ пересказѣ Арханг. губерніи) это имя. Вѣроятно этимъ же влияніемъ объясняется, что и былина о сватовствѣ князя Владимира (былина о Дунаѣ), представляя по своему началу (пирь, вопросъ князя о достойной его невѣстѣ) нѣкоторое сходство съ былиной о Василии Окульевичѣ, притянула къ себѣ въ нѣкоторыхъ пересказахъ имя Василія. Такъ, въ одномъ вариантѣ у Рыбникова ²⁾, Дунай, отправляемый сватомъ къ королю Литовскому, беретъ съ собою *Василія* Казимировича, а послѣдній прихватываетъ еще *Василія паробка заморскаго*. Такимъ образомъ и здѣсь совершенно некстати оказалось два Василія, изъ которыхъ второй—заморскій—особенно напоминаетъ гостя Василія *Повѣсти*, который ѣздилъ по многимъ землямъ и царствамъ.

Такого рода слѣды вліянія книжныхъ повѣстей и лубочныхъ сказокъ на отдѣльные пересказы былинъ позволяютъ надѣяться, что при болѣе детальномъ знакомствѣ съ тѣми рукописными тетрадкама, которыя до сихъ поръ ходятъ по рукамъ простонародья въ сѣверныхъ губерніяхъ (Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, Томской) мы получимъ возможность объяснить нѣкоторыя детали былинныхъ текстовъ и составимъ себѣ болѣе отчетливое понятіе о процессѣ самого сложенія былинъ, такъ какъ намъ уже давно стало ясно, послѣ наблюденій Гильфердинга, что сказитель былины является *до нѣкоторой степени* каждый разъ ея слагателемъ. Пока же ограничимся только тѣмъ выводомъ, что Повѣсть о Василии Златовласомъ, хотя доселѣ извѣстная по одной рукописи, несомнѣнно ходила (быть можетъ ходить еще доселѣ) по рукамъ сказителей Архангельской и Олонецкой губерніи и отразилась на нѣкоторыхъ пересказахъ былинъ о сватовствѣ или увозѣ невѣстѣ.

¹⁾ Посоль по другимъ вариантамъ называется: Ивашка поверенный (Был. ст. и нов. зап., № 66 .

²⁾ I, № 31.

Возвращаясь къ былинѣ о С. Б., замѣтимъ, что изслѣдованіе историко-литературной ея стороны не противорѣчитъ нашему предположенію о ея сѣверномъ (новгородскомъ) происхожденіи, а напротивъ скорѣе подтверждаетъ его. Если въ основѣ ея лежитъ тотъ же западный прототипъ, который въ болѣе подробной обработкѣ находимъ въ переводной или передѣланной повѣсти о Василии королевичѣ Златовласомъ, то по пути съ Запада этотъ прототипъ былины вѣроятно не миновалъ того района Руси, который состоялъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Западной Европѣ. При обработкѣ этого сюжета въ былинѣ эпическіе, изстари установленные мотивы того края, гдѣ эта обработка совершилась, должны были наложить на нее свою печать. Такова выработавшаяся, конечно, въ новгородской эпикѣ картина чудеснаго корабля, пригодившаяся слагателю былины, такъ какъ въ сюжетѣ дѣло шло о морскомъ путешествіи за невѣстой. Пригодился, хотя бы только для обстановки, и другой эпическій образъ новгородскаго творчества. Это—образъ матери Соловья Будимировича, той матерью вдовы, того типа властной, самостоятельной и уважаемой женщины, который, какъ я старался показать въ другой работѣ, возникъ на новгородской почвѣ, какъ эпическій отголосокъ новгородской культуры, не обдѣлившей женщину, по крайней мѣрѣ верхнихъ классовъ, правами и вліяніемъ не только въ семьѣ, но въ обществѣ и государствѣ. Вглядимся въ фигуру матери Соловья: она надѣлена тѣми же чертами, какія характеризуютъ матерей новгородскихъ героев—Василія Буслаева, Хотѣна Блудовича ¹⁾ и Добрыни Никитича. Въ одномъ пересказѣ (Кирши Данилова) она раздѣляетъ съ ними даже имя—*Амельфи Тимофеевна*. Сынъ относится къ матери съ тою любовью и почтеніемъ, какъ буйный Васька Буслаевъ или вѣжливый Добрыня Никитичъ. Мать сопровождаетъ любимаго сына на кораблѣ, она сидитъ въ роскошно устроенной рубкѣ и до-рогой сынъ

Игралъ въ гусельшки яровчаты,
Спѣтъшаль свою родитель матушку ¹⁾.

По приѣздѣ въ Кіевъ Соловей строитъ для матери роскошный особый теремъ, чтобы его веселая дружина не беспокоила ее. Въ

¹⁾ См. мою замѣтку къ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ. 1895.

²⁾ *Гильфердинг*, № 36. Стр. 173.

этомъ теремѣ изъ уваженія къ матери-вдовѣ шепоткомъ говорятъ, ибо тамъ

„Молится матушка вѣдь Господу,
Умаливать за сына за любимаго,
За младаго сына Гудимирова“¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ мать Соловья не носить имени; въ трехъ²⁾—она называется Ульяной Васильевной или Григорьевной, въ одномъ—сибирскомъ—Амельфой Тимофеевной. Совпаденіе трехъ пересказовъ въ имени Ульяны указываетъ на его прочность по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ районѣ (Толвуѣ, Пудога, Кижѣ) и нуждается въ объясненіи, такъ какъ имя Ульяны далеко не такое распространенное, какъ Марья, Авдотья, Анна и друг. Въ видѣ догадки могу предположить слѣдующее. Если мы припомнимъ, что въ изображеніи матери Соловья особенно подчеркнуто ея благочестіе (она постоянно молится за сына), то, быть можетъ, выборъ имени для этой благочестивой матери объясняется извѣстностью въ народѣ имени Ульяны (Ульяніи) Муромской, этой идеальной жены и матери, пользовавшейся и при жизни, и по смерти высокимъ почетомъ на Руси за подвиги благочестія и беззаветной любви къ ближнимъ. Житіе Ульяніи, какъ извѣстно, подробно изложено въ книжной *Повѣсти* о ней, нерѣдко встрѣчающейся въ рукописяхъ. Ходила молва о чудесныхъ исцѣленіяхъ отъ ея гроба. Если мы вспомнимъ, что Ульяніи скончалась въ 1604 году, то получаемъ приблизительную хронологическую дату для внесенія ея имени въ текстъ нѣкоторыхъ пересказовъ: вѣроятно популярность Ульяніи, возросшая особенно послѣ ея смерти подсказала сказителямъ имя для благочестивой и любящей матери Соловья Будимировича. Болѣе раннимъ ея именемъ, быть можетъ, было общее эпическое имя Амельфы Тимофеевны, ушедшее въ Сибирь въ былинѣ, попавшей въ XVIII вѣкѣ въ сборникъ Кирши Данилова.

Введя въ былинѣ эпическую мать-вдову, слагатель по крайней мѣрѣ дошедшей до насъ редакціи былины не сумѣлъ дать ей какую-нибудь роль въ разсказываемомъ событіи.

Во всѣхъ олонецкихъ былинахъ мать Соловья только молится въ

¹⁾ *Гильфердингъ*. Столбецъ 370; ср. столбцы 287, 954, 978. *Рыбниково*. II, стр. 191, III, стр. 192.

²⁾ *Рыбниково*. I, 53; II, 31. *Гильфердингъ*, № 36.

своемъ теремѣ и не принимаетъ никакого участія въ сватовствѣ сына. Только въ одномъ пересказѣ ¹⁾ упоминается, что

„Матушка его поклонъ ведетъ
Къ молодой княгинѣ во Опракнины,
Подаетъ тую камочку узорчатую“.

Другіе пересказы не придаютъ матери никакой активной роли, такъ что является вопросъ, для чего вообще она была введена. На этотъ вопросъ, какъ на многіе другіе, дошедшія до насъ былины не даютъ возможность отвѣтить положительно. Имѣемъ ли мы здѣсь примѣръ утраты части содержанія или примѣръ непродуманности плана? Сибирская былина (Кириши Данилова) одна умѣетъ мотивировать присутствіе матери: она взята, очевидно, чтобы дать сыну совѣтъ относительно невѣсты, и когда она провѣдала о слишкомъ поспѣшномъ обмѣнѣ перстнями Соловьѣ съ Запавой, то властно вступилась и свадьбу *посрочила*:

„Създи-де за моря синія,
И когда-де тамъ расторгнешься,
Тогда и на Запавѣ женишься“.

Однако, мы не можемъ быть увѣрены, что сибирская запись прошлаго вѣка сохранила намъ былинку именно въ ея древнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ. Отъѣздъ Соловьѣ за море по желанію матери, увѣреніе князя Владимира коварнымъ Давидомъ *Поповымъ* въ несчастіи, постигшемъ жениха его племянницы, готовящаяся свадьба Запавы съ Давидомъ Поповымъ, возвращеніе Соловьѣ, его передѣванье и узнаванье невѣстой, насмѣшка надъ неудачей Попова („Здравствуй! женимши, да не съ кѣмъ спать!“)—все это такъ близко совпадаетъ съ разказомъ о предупрежденномъ выходѣ замужъ жены отсутствующаго Добрыни за Алешу Поповича, что естественно является предположеніе, не прикрѣпилъ ли сибирскій сказитель это окончаніе, пользуясь готовымъ образцомъ, просто изъ желанія распространить былинку, которая справедливо представлялась ему слишкомъ бѣдной дѣйствіемъ.

Резюмируя предложенныя выше замѣчанія, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Былина о Соловьѣ Будимировичѣ—одна изъ новеллъ новгородской эпикі, представляетъ переработку какого-то сказочнаго сюжета

¹⁾ *Рыбниковъ*. III, стр. 189.

о свадебной поѣздкѣ въ былинѣ кіевскаго цикла. На личностяхъ героя и его матери отразились черты новгородскихъ эпическихъ типовъ (Садка, Амелфы), планъ былины особенно близокъ къ былинѣ о Садкѣ, описаніе корабля взято изъ пѣсеннаго запаса, какъ передвижная эпическая картинка. Время созданія приблизительно XV и XVI вѣка, хотя имя Соловья Будимировича, быть можетъ, старинное эпическое. Наконецъ присутствіе прелюдіи (прибаутки) указываетъ на „веселыхъ людей“, старинныхъ скомороховъ, какъ на ея исполнителей и, быть можетъ, слагателей, отъ которыхъ, съ паденіемъ скоморошества былина перешла къ олонцкимъ сказителямъ.

Всеv. Шиллеръ.

КЪ ВОПРОСУ О ПРИКРѢПЛЕНИИ ВЛАДѢЛЬЧЕСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Въ послѣднее время, благодаря ряду работъ въ области экономической исторіи Московской Руси, съ особенною силою былъ выдвигнутъ вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ. При этомъ ясно опредѣлилось, что новѣйшіе изслѣдователи, во-первыхъ, отрицаютъ участіе Московскаго правительства въ дѣлѣ закрѣпощенія крестьянъ до времени уложенія царя Алексѣя Михайловича и, во-вторыхъ, усматриваютъ связь между прикрѣпленіемъ и задолженностью крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, владѣльцамъ этихъ земель. вмѣстѣ съ тѣмъ первые слѣды ограниченія правъ крестьянъ усматриваютъ въ постановленіяхъ Русской Правды. Всѣ эти выводы далеко не новы и интересъ ихъ въ настоящее время заключается въ томъ, что они нынѣ являются результатомъ тщательнаго изученія архивнаго матерьяла, отчасти вновь напечатаннаго, отчасти рукописнаго. По поводу указаннаго направленія и его выводовъ мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ. Но предварительно сдѣлаемъ краткое отступленіе, чтобы точнѣе опредѣлить нашу точку зрѣнія.

Между изслѣдованіемъ историка права и историка вообще существуетъ значительное различіе по предмету, цѣли и способу изслѣдованія. Историкъ права есть историкъ положительнаго права ¹⁾, то есть тѣхъ формъ, въ которыя вылилось правовое міросозерцаніе даннаго народа ²⁾. Онъ изучаетъ отношеніе этихъ формъ къ фактической обстановкѣ, преемство ихъ и всякій правовой институтъ для него являются ступенью, съ которой онъ рассматриваетъ факторы, создавшіе

¹⁾ В. И. Сергеевичъ, „Лекціи и изслѣдованія“ С.-Пб. 1894, стр. 4—5.

²⁾ Кунце, „Cursus d. Röm. R.“ 2 Aufl. Leipz. 1879, § 24 s. 11. Dernburg „Pandekten“ Berlin 1894 4-e Aufl. § 19 s. 44.

этотъ институтъ. Цѣль историка права изучить не законы, по которымъ развивается общество, а законы, которые развиваются въ обществѣ, то-есть то, какъ въ данное время, данный народъ понималъ, толковалъ и выражалъ свои государственные, общественные и правовые взгляды. Поэтому исторія права дѣлится не на періоды, а на системы ¹⁾, хотя бы у изслѣдователей эти системы носили иное названіе ²⁾. Въ то же время историкъ вообще совершенно не стѣсненъ формальною стороною жизни даннаго народа. Онъ изучаетъ не формы, въ которыя выливается духъ народа, а непрерывную смѣну событій, и цѣль его изучить законы этой смѣны ³⁾. Поэтому историкъ вообще можетъ дѣлить исторію на грани, не стѣсняясь системами, и даже можетъ совсѣмъ отрицать періодизацію ⁴⁾. Всякое явленіе народной жизни ему представляется въ непосредственной связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ и, касаясь правовыхъ институтовъ, онъ разсматриваетъ соприкасающіяся явленія не съ точки зрѣнія сихъ институтовъ, а самые институты для него лишь слѣдствіе быта, т. е. явленіе вторичное ⁵⁾.

Только что указанное различіе должно быть принимаемо во вниманіе при оцѣнкѣ спора историка права съ историкомъ вообще; такимъ образомъ, когда первый говоритъ только о правѣ (какъ неписанномъ, такъ и писанномъ), второй, главнымъ, образомъ имѣетъ въ виду фактъ ⁶⁾.

¹⁾ *Геритъ*, „Духъ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія“ русскій переводъ С.-Пб. 1875, I, стр. 47 sqq.

²⁾ Напримѣръ, *К. А. Невоминъ*, („Исторія Россійскихъ гражданскихъ законовъ“ С.-Пб. 1851, I, § 4 стр. 11—12) и *В. И. Сертеевичъ*, („Лекціи и изслѣдованія“ С.-Пб. 1894, стр. 34—35) дѣлятъ исторію на періоды: но ихъ періоды суть тѣ-же системы, такъ какъ въ основу ихъ дѣленія вложено народное правосознаніе.

³⁾ *Sybel*, „Ueber die Gesetze des historischen Wissens“. Bonn 1864 s. 17 sqq.

⁴⁾ *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. М. 1866, I, предисловіе.

⁵⁾ Напримѣръ институтъ кабальнаго холопства для историка права—ступень, съ которой онъ разсматриваетъ факторы ее создавшіе и о которой онъ говоритъ догматически, какъ-бы о дѣйствующемъ законодательствѣ. Для историка же вообще кабальное холопство лишь отраженіе рабовладѣльческихъ тенденцій богатыхъ и землевладѣльческихъ классовъ.

⁶⁾ Какъ образецъ увлеченія историка вообще фактической стороною, позволимъ себѣ указать на странное требованіе *Э. Фримана*, чтобы историкъ права ничего не касался, кромя факта! („Методы изученія исторіи“ русскій переводъ. М. 1891, стр. 48).

Обращаясь, засимъ, къ предмету нашей статьи, мы сперва рассмотримъ древнѣйшія законодательныя постановленія, къ которымъ относиться начало прикрѣпленія крестьянъ, затѣмъ связь крестьянской задолженности съ этимъ прикрѣпленіемъ и, наконецъ, самое прикрѣпленіе.

I.

Нѣкоторые ученые относятъ первыя попытки ограниченія свободы крестьянъ ко времени Русской Правды. Такъ дѣлаетъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ ¹⁾ и отчасти В. О. Ключевскій ²⁾. Согласно этому мнѣнію ролейный закупъ былъ крестьяниномъ, а такъ какъ закупъ до нѣкоторой степени былъ подвергнутъ *capitis deminutio* и въ случаѣ побѣга становился рабомъ, то и крестьянинъ, жившій на владѣльческой землѣ, по Русской Правдѣ, былъ-де ограниченъ въ своихъ гражданскихъ правахъ и не пользовался свободою перехода. Мы не станемъ здѣсь говорить о значеніи наименованія закупъ въ смыслѣ наймита, полагая, что это достаточно и неопровержимо доказано В. И. Сергѣевичемъ ³⁾. Толкованіе этого ученаго признается даже послѣдователями противнаго направленія ⁴⁾. Относительно внутренняго смысла слова закупъ, намъ кажется, также не можетъ быть сомнѣнія: Русская Правда говоритъ совершенно ясно; закупъ получаетъ отъ господина жалованье: это явствуетъ изъ словъ ст. 71 (Кар.): „но еже даль емоу (ролейному закупу) господинъ плоугъ и борону, отъ него-же копоу емлетъ“ и т. д. ⁵⁾. Тутъ сказано „емлетъ“, то-есть, многократно получаетъ; если еще прибавить, что Русская Правда прямо называетъ закупа наймитомъ (Кар. ст. 73), то мы получимъ понятіе о закупѣ какъ о наемномъ работникѣ. Слѣдовательно, отношенія между закупомъ и господиномъ совершенно не такія, какъ отношенія крестьянина къ господину. Въ первомъ случаѣ личный

¹⁾ „Обзоръ исторіи русскаго права“. К. 1888, изд. 2-е стр. 136.

²⁾ „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“. („Русская Мысль“ 1885, VII, стр. 14).

³⁾ „Юридическія Древности“. I, стр. 177.

⁴⁾ Н. Павловъ-Сильванскій, „Люди кабальные и докладные“ (*Журналъ Министертва Народнаго Просвѣщенія* 1895, I, стр. 225).

⁵⁾ См. толкованіе М. Ф. Владимірскаго-Буданова, „Хрестоматія по исторіи русскаго права“ в. I, К. 1885, стр. 59, пр. 99.

наемъ, во второмъ — аренда¹⁾. То-же обстоятельство, что закупъ, будучи наймитомъ, землю пашеть (Кар. ст. 71) ничего не доказываетъ, ибо мы имѣемъ случай, когда дворникъ землю пашеть²⁾. Если говорить о крестьянахъ Русской Правды, то надо говорить о смердахъ. А относительно нихъ мы не имѣемъ постановленій, ограничивающихъ свободу перехода. Встрѣчающееся въ лѣтописи извѣстіе подъ 1229 г. о томъ, что князь Михаилъ Всеволодовичъ „вда свободу смердомъ на 5 лѣтъ даній не платити, кто сбѣжалъ на чужую землю. А сямъ повелѣ, кто гдѣ живетъ, како уставили передніе князи, тако платити дань“³⁾, касается по нашему мнѣнію не перехода съ одной владѣльческой земли, а перехода изъ княженій въ княженіе. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что уже въ XIII вѣкѣ въ Новгородѣ встрѣчаемъ мы ограниченіе выхода новгородскихъ подданныхъ въ другія княженія⁴⁾. Внутри-же отдѣльныхъ княженій „свободный переходъ крестьянъ“ по словамъ *Б. Н. Чичерина* „повсемѣстное явленіе въ древней Россіи“⁵⁾. Обыкновенно время перехода отъ одного помѣщика къ другому, равно какъ и время отказа со стороны помѣщика крестьянамъ приурочивались къ опредѣленному дню: въ иныхъ мѣстахъ это былъ Юрьевъ день, въ иныхъ Филипповъ и т. д. Постепенно этотъ *modus vivendi* усваивается и законодателями. Такимъ образомъ мы получаемъ сперва Псковскую Судную грамоту (1397—1467 г.), опредѣляющую, что изорникъ могъ отказываться и помѣщикъ могъ ему отказывать только въ Филипповъ день⁶⁾. Затѣмъ отдѣльные указы по частнымъ случаямъ⁷⁾ и наконецъ постановленіе Судебника 1497 г. о Юрьевѣ днѣ⁸⁾, повторенное и Судебникомъ

¹⁾ Нѣкоторые ученые опредѣляли слово закупъ какъ самозалог (*Мейеръ*, „О правѣ залога“. Юридическій Сборникъ. Каз. 1855, стр. 225; *К. А. Неволинъ*, „Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ“. 1857, III, стр. 147) см. критику этихъ мнѣній у *В. И. Сергеевича*, „Юридическія Древности“, I, стр. 177—190. Но и самозалогъ не сходенъ съ крестьянствомъ.

²⁾ А. Ю. № 247 (1578 г.), мы еще вернемся къ этому интересному документу.

³⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 44—45, см. толкованіе этого мѣста у *В. И. Сергеевича*, „Юридическія Древности“. I, стр. 198—199 и *М. Полюдина*, „Историко-критическіе отрывки“. М. 1867, стр. 207.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д. I, № 3.

⁵⁾ „Холопы и крестьяне въ Россіи“. („Опыты по исторіи русскаго права“. М. 1858, стр. 175).

⁶⁾ Статья 42.

⁷⁾ А. А. Э. I, № 48, 1, 2.

⁸⁾ „О христіанскомъ отъѣзѣ. А христіаномъ отказыватися одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осеннего и недѣля послѣ Юрьева дня осеннего“.

1550 г. ¹⁾). Разсмотримъ характеръ приведенныхъ законодательныхъ памятниковъ: Псковская судная грамота, опредѣляя, что отказъ крестьянина можетъ происходить только въ Филиппово заговѣнье, предвидитъ случай нарушенія этого правила: въ такомъ случаѣ сторуна, нарушившая договоръ не въ срокъ, наказывается матерьяльно, а не принуждается къ продолженію договора до срока ²⁾). Постановленія о томъ, что простые доски не могутъ служить доказательствомъ обязательства помѣщика крестьянину, не есть ограниченіе, такъ какъ по Псковской судной грамотѣ вообще они не доказательство ³⁾). М. Ф. Владимірскій-Будановъ полагаетъ, что Псковская судная грамота налагаетъ на изорниковъ барщинную повинность, и именно только на *старыхъ* изорниковъ. Это выводитъ онъ изъ своего толкованія второй половины статьи 75: „А старому изорнику возы вести на государя“, объясняемой имъ какъ обязанность стараго изорника возить возы на помѣщика ⁴⁾). Трудно выяснитъ это тѣмное мѣсто. Замѣтимъ, что другіе изслѣдователи Псковской судной грамоты иначе объясняютъ это мѣсто ⁵⁾). Если признать, что ихъ толкованія довольно натянуты, то всетаки нельзя не сознаться, что и объясненіе проф. Владимірскаго-Буданова очень тенденціозно: трудно предположить, чтобы повинность, налагаемая на изорника тѣмъ, что онъ старожилецъ, была опредѣлена такъ неясно; да и сама повинность довольно неопредѣленна и врядъ-ли особенно выгодна для помѣщика. Вообще, до болѣе твердаго доказательства положенія М. Ф. Владимірскаго-Буданова надо признать справедливыми слова *Б. Н. Чичерина*: „Въ Псковѣ... крестьяне сохраняли полную свободу и считались вольными наемниками“ ⁶⁾). Прибавимъ еще, что долговья обязательства изорника помѣщику влекли за собою лишь денежный искъ, а не личный ⁷⁾): должникъ могъ уйти отъ помѣщика и помѣщикъ имѣлъ пра-

¹⁾ „А крестьяномъ отказыватися изъ волости въ волость“ — и т. д. Иначе думаетъ *Б. Н. Чичеринъ*: онъ полагаетъ, что мѣра Судебника была новою. (Ор. cit. стр. 186).

²⁾ Ст. 42 и 76.

³⁾ Ст. 14 и 75.

⁴⁾ „Хрестоматія по исторіи русскаго права“, в. I. К. 1885, стр. 159 пр. 155; „Обзоръ исторіи русскаго права“. К. 1888, изд. 2-е стр. 138.

⁵⁾ *Эмельманъ*, „Гражданскіе законы Псковской судной грамоты“. С.-Пб. 1855, стр. 133. *Устряловъ*, „Изслѣдованіе Псковской судной грамоты“. С.-Пб. 1855, стр. 134 и 176—177 пр. 143.

⁶⁾ Ор. cit. стр. 175.

⁷⁾ Ст. 51.

во только предъявить претензію на его имущество. Какъ мы уже сказали, въ ббльшей части Россіи отказъ приурочивался къ Юрьеву дню осеннему. Отдѣльные указы по этому предмету были утверждены общимъ закономъ для всей Московской Руси Великокняжескимъ Судебникомъ. Хотя, какъ общее правило и по этимъ указамъ и по Судебникамъ крестьяне могли отказываться отъ помѣщиковъ и помѣщики могли имъ отказывать, но юридическія отношенія крестьянъ къ помѣщику усложнились и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усложнились и условія отказа. Мы въ это время наравнѣ съ наименованіемъ „крестьянинъ“ встрѣчаемъ наименование „серебряникъ“. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что серебряники были крестьяне, которые взяли у помѣщика при началѣ подмогу на первоначальное обзаведеніе ¹⁾. Другіе же серебряниковъ считаютъ крестьянами, взявшими у помѣщика кромѣ подмоги деньги въ долгъ ²⁾. Затѣмъ, первые полагаютъ, что юридическое положеніе крестьянъ и серебряниковъ было различно; вторые же никакого различія между ними не видятъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ко времени перваго Судебника мы уже находимъ постановленіе, чтобы крестьяне, уходящіе отъ помѣщика, платили за это извѣстную сумму денегъ, пожилое ³⁾. Намъ теперь предстоитъ рассмотретьъ всѣ эти вопросы. И. Бѣляевъ увѣряетъ, что барщинную повинность несли только серебряники ⁴⁾. Противъ этого совершенно основательно возражаетъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ ⁵⁾. Дѣйствительно, стоитъ только обратиться къ источникамъ, мы увидимъ, что барщинную повинность несли всѣ или почти всѣ крестьяне ⁶⁾. Съ приведеннымъ согласенъ и В. И. Сергѣевичъ ⁷⁾. Затѣмъ, тѣмъ же И. Бѣляевымъ было высказано мнѣніе, что серебряники могли уходить отъ помѣщика даже въ Юрьевъ день, только заплативъ свой долгъ ⁸⁾. Это повторено было за нимъ и М. Ф. Вла-

¹⁾ *И. Бѣляевъ*: „Крестьяне на Руси“. С.-Пб. 1891, стр. 39. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*. „Обзоръ исторіи русскаго права“. К. 1888. Изд. 2-е, стр. 136.

²⁾ *В. И. Сергѣевичъ*: „Юридическія Древности“, I, стр. 203. *Б. Н. Чичеринъ*: „Холопы и крестьяне въ Россіи“. (Опыты по исторіи русскаго права“. М. 1858, стр. 183, прим. 2).

³⁾ Дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль а въ лѣсѣхъ полтина...“ и т. д.

⁴⁾ „Крестьяне на Руси“. С.-Пб. 1891, стр. 39.

⁵⁾ „Обзоръ исторіи и русскаго права“. К. 1888. Изд. 2-е, стр. 136.

⁶⁾ „Новгородскія писцовыя книги“. III. С.-Пб. 1868, стр. 32. Ср. А. Ю. № 182 1882 г.) и др. порядныя.

⁷⁾ „Юридическія Древности“, I, стр. 200—201. Ср. извѣстный разказъ *Герберштейна* „Записки о Московіи“ переводъ Анонимова. С.-Пб. 1866, стр. 85.

⁸⁾ „Крестьяне на Руси“. С.-Пб. 1891, стр. 39.

дирскимъ-Будановымъ ¹⁾). Авторъ при этомъ ссылается на два документа, напечатанные въ Актахъ Археографической Экспедиціи ²⁾). Разберемъ ихъ: обѣ эти грамоты даны Бѣлозерскими князьями. Въ первой изъ нихъ говорится, что льготы даются тѣмъ „кого къ собѣ перезовутъ людей ...изъ инога княженя, а не изъ нашеа вотчины.. или кого *откупивъ* посадятъ“. И. Бѣляевъ думаетъ, что слово „откупивъ“ указываетъ на то, что перезывать одному помѣщику отъ другаго серебряниковъ можно лишь заплативъ за нихъ долгъ. Позволимъ себѣ замѣтить, что эта грамота не говоритъ объ Юрьевѣ днѣ; если понимать „слово откупивъ“ такъ, какъ предполагаетъ И. Бѣляевъ, что весьма возможно, то мы здѣсь имѣемъ дѣло съ простымъ переводомъ долга одному лицу на другое лице. То-есть, если произошла *cessio* обязательства крестьянина, то крестьянинъ переходилъ на землю новаго своего кредитора. Но изъ приведенной грамоты не видно, чтобы крестьянинъ не могъ уйти отъ этого новаго кредитора въ Юрьевъ день, предоставивъ ему право денежнаго иска. Въ другой грамотѣ именно говорится объ этомъ послѣднемъ. Особый интересъ представляетъ первая часть этой грамоты, данной княземъ Михайломъ Андреевичемъ Ѳедору Константиновичу ³⁾). Мы позволимъ себѣ привести ее здѣсь, чтобы затѣмъ выяснить ея смыслъ: „отъ князь Михайла Андреевича Ѳедору Костентиновичу. Пришелъ ко мнѣ игумень Екимъ и старецъ Мартемьянъ Ѳерапонтовы пустыни и вся братья, старца Еустратя, а билъ ми челомъ о томъ, а сказываетъ, что являлъ имъ староста Волоцкой мою грамоту такову, что имъ примати къ себѣ въ волость, въ свой путь на Волочекъ деревень монастырскіе половники въ серебрѣ, меженъ лѣта и всегда, да кто деи выйдетъ половникъ серебряникъ въ твой путь, что деи ему платитися въ истое на два года безъ росту: и язъ пожаловалъ игумена Екима и старца Мартемьяна и всю братью, и ты бы монастырскихъ людей серебряниковъ отъ Юрьева дни до Юрьева дни не принималъ, а принималъ бы ты серебряники о Юрьевѣ дни осеннемъ, и который пойдетъ о Юрьевѣ дни монастырскихъ людей въ твой путь, и онъ тогда и денгы заплатитъ, а ту есми полѣтнюю подернилъ и игумену есми и всеи братьи отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебряни-

¹⁾ „Обзоръ исторіи русскаго права“. К. 1888. Изд. 2-е. Стр. 136.

²⁾ А. А. Э., т. I, №№ 36 и 48.

³⁾ А. А. Э., т. I, № 48, 1. Объяснить эту грамоту окончательно очень важно, такъ какъ на основаніи ея вообще строить теорію объ отличіи серебряниковъ отъ прочихъ крестьянъ.

ковъ отпускать не велѣлъ, а велѣлъ есмь ему серебряниковъ отпускать за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣли по Юрьевѣ дни; а которые будутъ вышли въ монастырскомъ серебрѣ въ твой путь, и они бы дѣло додѣлывали на то серебро. а въ серебрѣ бы ввели поруки, а осень придетъ и они бы и серебро заплатили“. Еще Б. Н. Чичеринъ, вмѣстѣ съ И. Бѣляевымъ, полагалъ, что эту грамотою требуется, чтобы серебряникъ при выходѣ отъ зевлевладѣльца заплатилъ ему деньги ¹⁾). Совершенно вѣрно: но спросимъ мы, если онъ не заплатитъ денегъ? Можетъ ли онъ уйти? Полагаемъ, что на основаніи второй половины приведенной грамоты можетъ: именно, относительно тѣхъ, которые уже ушли отъ монастыря постановлено, чтобы они уплачивали серебро, а не возвращались въ монастырь; „дѣло додѣлывали на то серебро“—не значить, чтобы они работали въ монастырѣ—а вообще, чтобы они выработали такую сумму денегъ, какую они должны. Толкованіе, недавно высказанное Н. Павловымъ-Сильванскимъ, что дѣло додѣлывать на серебро значило уплачивать проценты ²⁾) представляется намъ совершенно произвольнымъ. Авторъ говоритъ „дѣло, дѣлаемое на серебро, въ той же грамотѣ раньше названо ростомъ. Грамота эта ясно различаетъ „дѣло, дѣлаемое на серебро“, въ замѣнъ роста, отъ уплаты самого серебра—долга“. Позволимъ себѣ замѣтить, что совершенно не усматриваемъ этого. Грамота говоритъ въ началѣ, что прежде того должники уплачивали свой долгъ безъ процентовъ съ разсрочкою въ два года. Теперь требуется, чтобы этотъ долгъ былъ уплоченъ къ ближайшей осени, въ чемъ должна быть представлена порука; слова „и они бы дѣло додѣлывали на то серебро, а въ серебрѣ бы ввели поруки, а осень придетъ и они бы и серебро заплатили“, нельзя, по нашему мнѣнію, объяснять такъ, что отъ серебряниковъ требуется, чтобы они своею работою уплачивали проценты, а осенью заплатили долгъ: спрашивается, чѣмъ бы они заплатили долгъ? Грамота ни слова не говоритъ, чтобы серебряники, ушедшіе до того времени, какъ дана грамота, были возвращены на прежнія мѣста. Значить ихъ работа представляетъ уплату не натурой, а предполагается, что они выработаютъ сумму денегъ, нужную для уплаты долга. Очевидно, что еслибы у нихъ была эта сумма, они бы ее заплатили немедленно: если же ея нѣтъ, а они своею работою вырабатываютъ деньги на проценты, то къ осени они

¹⁾ Ор. cit., стр. 183—184.

²⁾ „Люди кабальные и докладные“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1895, I, стр. 232).

заплатить будутъ не въ состояніи: безъ сомнѣнія грамота не имѣла въ виду работы на проценты: да и вообще мы не видимъ, чтобы серебряники, по этой грамотѣ, работали для уплаты этой работой процентовъ своего долга. Мнѣніе же Н. Павлова-Сильванскаго всецѣло вытекаетъ изъ его взгляда на серебряниковъ: онъ говоритъ ¹⁾: „источникъ многочисленныхъ барщинныхъ повинностей, сверхъ оброка лежалъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ долговыхъ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ; трудно предположить, чтобы помѣщики давали ссуды и не взимали за нихъ процентовъ въ той или иной формѣ..... Между кабальными людьми и крестьянами серебряниками, такимъ образомъ, есть несомнѣнная аналогія“. Мы уже сказали, что барщинныя повинности нѣтъ никакого основанія приурочивать къ долговымъ обязательствамъ крестьянъ. Стоитъ только взглянуть, напримеръ, на порядную между крестьяниномъ Федоромъ, Копыловымъ сыномъ, и Вежитцкимъ монастыремъ 1556 г. ²⁾. Тутъ крестьянинъ ничего не беретъ не только въ долгъ, но даже и въ подмогу, да и не зачѣмъ, такъ какъ онъ садится на старую землю, уже разработанную. Но все-таки онъ обязуется „а на дѣло крестьянское ходити, какъ и прочіи крестьяне ходять“. Это дѣло крестьянское очевидно барщина, такъ какъ о работѣ крестьянина на себя монастырю нечего было заботиться. Позволимъ себѣ указать, что и въ Западной Европѣ, гдѣ барщина была очень развита, она вытекала не изъ экономическаго положенія крестьянъ (виллановъ, литовъ, париковъ), а изъ того разряда земель, которыя снимались арендаторами ³⁾. Весьма вѣроятно, что и у насъ на Руси барщина явилась такимъ же образомъ: нѣтъ никакого сомнѣнія, что барщинная повинность, издѣліе на господина, не составляли работъ во дворѣ господина — это были не холопскія работы, а работы на тѣхъ поляхъ, которыя помѣщикъ оставилъ за собою, не сдалъ въ аренду крестьянамъ ⁴⁾. Эти участки земли еще во время Русской Правды обрабатывались наемными рабочими. Очевидно, что эти батраки, кромѣ прямыхъ своихъ обязан-

¹⁾ Ор. cit., стр. 231 и 232.

²⁾ А. Ю., № 177.

³⁾ Ср. напримеръ, П. Виноградовъ, „Исслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, августъ, 1886 г., стр. 283) *Daresté de la Chavanne* „Histoire des classes agricoles en France“. Paris. 1858, p. 209.

⁴⁾ *Герберштейнъ*, „Записки о Московіи“ переводъ Анонимова, С.-Пб. 1866, стр. 85.

ностей на полѣ, исполняли нѣкоторыя работы и тягло для помѣщика—напримѣръ, возили его. Когда крестьяне, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ (экономическихъ и политическихъ) стали соглашаться садиться на помѣщичьи земли не смотря на довольно обременительныя условія, тогда, можетъ быть, къ нимъ были приурочены нѣкоторыя повинности батраковъ. Впрочемъ, это только наша догадка. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, между барщиною и долгомъ крестьянина связи усматривать нельзя. Замѣтимъ еще, что Б. Н. Чичеринъ ¹⁾ и В. И. Сергѣевичъ ²⁾ считаютъ также серебро въ приведенной грамотѣ не ростомъ. Что касается до аналогіи между серебряникомъ и кабалнымъ холопомъ, то эта мысль навѣяна теоріей В. О. Ключевского, по которому крѣпостное право явилось результатомъ приурочиванія къ крестьянству постановленій относительно кабалныхъ холоповъ ³⁾. Изъ того, что раньше видѣли, ясно, что не дошло до насъ никакихъ ограниченій крестьянъ, вытекавшихъ изъ факта ихъ задолженности. Чтобы разобрать теорію В. О. Ключевского, намъ надо перейти къ рѣшенію втораго вопроса о серебряникахъ, который мы себѣ намѣтили, именно къ опредѣленію самого понятія серебряника. Какъ мы уже сказали, существуетъ теорія, по которой серебряниками назывались крестьяне, взявшіе не только деньги въ долгъ, сдѣлавшіе заемъ, но и взявшіе отъ помѣщика, при поступленіи, подмогу или ссуду; позволимъ себѣ замѣтить, что ни И. Бѣляевъ ⁴⁾, ни М. Ф. Владимірскій-Будановъ ⁵⁾ не приводятъ доказательства изъ источниковъ для подобнаго распространенія понятія „серебряникъ“. Напротивъ, грамоты постоянно различаютъ безпроцентную ссуду (или подмогу) натурой или деньгами ⁶⁾ отъ процентнаго долга, займа, серебра ⁷⁾. При этомъ позволимъ себѣ указать, что проф. В. И. Сергѣевичъ ссудой называетъ заемъ, серебро ⁸⁾. П. Н. Милюковъ, напротивъ, ссудой называетъ подмогу ⁹⁾. Между

¹⁾ Op. cit., стр. 183.

²⁾ Юр. Др., I, стр. 234.

³⁾ „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“ (*Русская Мысль*, 1885, X, стр. 28—29).

⁴⁾ „Крестьяне на Руси“ С.-Пб. 1891, стр. 39.

⁵⁾ „Обзоръ исторіи Русскаго права“ К. 1888, изд. 2-е, стр. 136.

⁶⁾ А. Ю., № 182; А. о. до Юр. б., III, № 359, 2; и др.

⁷⁾ А. Ю., № 235; Доп. къ Акт. ист., I, № 51, IV, и др.

⁸⁾ Юр. Др., I, стр. 202—204.

⁹⁾ „Спорные вопросы финансовой политики Московскаго государства“. С.-Пб. 1892, стр. 86.

тѣмъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить ¹⁾, сами грамоты одинаково ссудою называютъ и подмогу и серебро. Но серебромъ они никогда не называютъ подмогу. Мы имѣемъ даже прямое указаніе, что серебряникомъ назывался именно человѣкъ, занявшій деньги за проценты — мы говоримъ о Царскомъ судебникѣ ²⁾. Такимъ образомъ мы достаточно выяснили вопросъ о томъ, что подмога по источникамъ отличалась отъ займа. Теперь намъ надо опредѣлить, какое послѣдствіе влекла за собою подмога или ссуда и какія послѣдствія заемъ, причемъ мы должны рѣшать вопросъ о способѣ уплаты процентовъ по сему послѣднему. Для выясненія дѣла позволимъ себѣ привести одну изъ грамотъ, въ которой крестьянинъ, нанимая у помѣщика землю, беретъ подмогу или ссуду ³⁾: „се язъ (имя рекъ) и се язъ (имя рекъ) порядилися есмья.... въ монастырское село въ Богородицкое на полвыти на жилюю, ржи посѣяно въ земли пять четвертей, да денегъ есмья взяли на ссуду полтину: пашня намъ пахати, земли не запереложити и вновь чистити, а въ дворѣ намъ поставити изба новая, въ двадесеть первомъ году, полутретьи сажени и старыя хоромы починивати; а дани Царя и В. Князя и оброки и всякіе Государскіе подати давати и въ монастырь хлѣбный оброкъ всякій платити по книгамъ, сполна, и издѣлье монастырское намъ всякое дѣлати, какъ и прочія крестьяне; а котораго году учнемъ мы избу ставити и имъ насъ пожаловати не велѣти намъ издѣлья монастырскаго дѣлати; а пойдѣмъ мы вонъ изъ-за монастыря, а избы не поставимъ или земля запереложимъ ино на насъ по сей записи два рубли денегъ ⁴⁾: „....се порядись у игумена Θεодосія, яжъ о Христѣ, съ братьею, крестьянинъ (имя рекъ) на старую свою деревню на обжу земли съ четвертью. А давати ему съ той деревни оброку въ домъ Святаго Николы Чюдотворца: хлѣба, ржи и овса 5 коробей, въ новую мѣру, изъ году въ годъ; и изъ лѣса пятый снопъ, а изъ Заозерья шестой снопъ; а денежная дань по книгамъ давати; а тиунски и ключничіи пошлины и посельничіи давати по старинѣ, какъ иные крестьяне даютъ; и иные всякіе розрубы давати по грамотѣ по волостной; а на

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894, августъ, стр. 432—433.

²⁾ „Хрестоматія по исторіи Русскаго права“ *Владимірскаго-Буданова*, К. 1887, в. II, стр. 165, ст. 78.

³⁾ А. Ю., 182, (1582 г.).

⁴⁾ А. Ю., № 177, (1556 г.).

дѣло крестьянское ходити, какъ и прочіе крестьяне ходятъ“.... Изъ сравненія приведенныхъ грамотъ читатель усмотритъ, что разница между ними заключается: 1) въ томъ, что по первой грамотѣ крестьяне обязывались построить избу и разработать новыя поля. За это они получили полтину денегъ, и 2) въ случаѣ не исполненія этого условія и вообще въ случаѣ неисправнаго веденія крестьянскаго хозяйства, крестьяне по первой грамотѣ должны заплатить неустойку ¹⁾. Во второй грамотѣ этихъ условій нѣтъ. Что представляетъ изъ себя полтина данная крестьянамъ: она не оплачивается процентами — о нихъ не говоритъ грамота. Издѣлье дѣлается не за нее, такъ какъ и во второй грамотѣ крестьяне несутъ барщину — на дѣло крестьянское ходятъ. Очевидно, что полтина служитъ уплатой за то, что крестьянинъ построитъ новый дворъ и расчиститъ поля.

Что же касается до неустойки, то это очевидно частное договорное усиленіе пожилаго, установленнаго судебниками и нѣтъ никакого сомнѣнія, что выходъ крестьянина безъ уплаты такой неустойки влекъ за собою обычную судебную процедуру или поле ²⁾ или свидѣтельство послуховъ ³⁾ и т. д. и въ результатѣ правезь ⁴⁾. Къ сему прибавимъ, что существуютъ грамоты, гдѣ крестьяне получаютъ подмогу, а неустойки сверхъ законнаго пожилаго не платятъ ⁵⁾. Посмотримъ, теперь, какъ заключался договоръ займа у крестьянина съ помѣщикомъ. Въ наукѣ существуетъ на этотъ предметъ два взгляда: одни изслѣдователи полагаютъ, что этотъ договоръ заключался вмѣстѣ съ порядною ⁶⁾. Другіе, напротивъ, думаютъ, что при порядной заключался только договоръ о подмогѣ (ссудѣ), а заемъ (процентный долгъ) всегда отдѣльно, въ видѣ ростовой кабалы ⁷⁾. Позволимъ себѣ, для выясненія истины, указать на слѣдующее: наши

¹⁾ Подобныя неустойки встрѣчались и въ другихъ грамотахъ: см. напримѣръ, А. Ю., № 183, (1585 г.).

²⁾ Судебникъ 1550 г. (Хрестоматія по Исторіи Русскаго Права, *Владимірскаго-Буданова*, в. II, К. 1887 стр. 122 ст. II).

³⁾ Ibid. стр. 124 ст. 15.

⁴⁾ Ibid. стр. 147 ст. 55. Ср. Р. Н. Б., т. II. № 214 стр. 972—974. (1541 г.) и № 217 стр. 976—977.

⁵⁾ А. Ю. № 178.

⁶⁾ *В. О. Ключевскій*, „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россію“ (*Русская Мысль*, 1885, X, стр. 9—10).

⁷⁾ *В. И. Сергѣевичъ*, „Русскія Юридическія Древности“, I, стр. 202. Это же признаетъ и *П. Миллюковъ*, хотя съ нѣкоторыми оговорками, о чемъ мы скажемъ ниже („Спорные вопросы финансов. исторіи Моск. госуд.“, С.-Пб. 1892. стр. 86).

грамоты постоянно смѣшиваютъ слова подмога и ссуда, а также заемъ и ссуда. Мы имѣемъ случаи, когда подмога названа ссудой ¹⁾; имѣемъ, равнымъ образомъ, документы, гдѣ заемъ названъ ссудой ²⁾. Поэтому, чтобы не повторять недоразумѣній, возникшихъ у П. Милокова при критикѣ воззрѣній В. И. Сергѣевича, когда оба автора говорили объ одномъ и томъ же, но одинъ называлъ это подмогой, а другой ссудой ³⁾, мы въ послѣдующемъ изложеніи будемъ говорить о безпроцентной ссудѣ и о процентномъ займѣ. Стоитъ намъ обратиться къ источникамъ, и мы должны будемъ согласиться съ мнѣніемъ В. И. Сергѣевича, что въ порядныя никогда не включался договоръ о процентномъ займѣ. Это призналъ и изслѣдователь, вообще держащійся на вопросъ противной точки зрѣнія, П. Н. Милоковъ. Но соглашаясь съ В. И. Сергѣевичемъ, названный ученый старается доказать, что и безпроцентная ссуда имѣетъ сходство съ кабалой и есть звено, соединяющее крестьянство съ кабальнымъ холопствомъ. Замѣтимъ, что это два совершенно различныхъ понятія: кабала— всегда процентный долгъ: какъ ни уплачивается этотъ процентъ, деньгами или службою. Затѣмъ, кабала служилая *всегда* соединяется со службою *во дворѣ* у господина. Мы уже видѣли, что издѣлье на господина нельзя разсматривать, какъ проценты, это барщина. Что же касается до службы во дворѣ, то очевидно, что крестьянинъ не могъ ее нести. Такимъ образомъ, если бы могла быть рѣчь о примѣненіи къ крестьянскимъ поряднымъ условіямъ кабальнаго холопства, то только черезъ введеніе въ порядныя процентнаго займа. Это же отрицается даже самими противниками В. И. Сергѣевича. Теперь, чтобы покончить съ порядными, намъ остается разсмотрѣть въ высшей степени интересный и важный вопросъ о томъ, какъ уплачивались проценты на занятое серебро. Казалось бы, на основаніи тѣхъ соображеній, которыя мы привели и которыя впервые выставлены В. И. Сергѣевичемъ ⁴⁾, понятіе кабальнаго холопа совершенно несовмѣстно съ понятіемъ крестьянства: или крестьянинъ, или холопъ. Да такъ и смотреть судебникъ 1550 г. ⁵⁾. Въстѣ съ тѣмъ, однако, можетъ быть нѣкоторое сомнѣніе: въ нашихъ источникахъ мы встрѣчаемъ выраженіе:

¹⁾ А. Ю. № 182.

²⁾ А. Ю. № 239.

³⁾ См. Милоковъ, *op. cit.* стр. 86. В. И. Сергѣевичъ, *op. cit.* I, стр. 202.

⁴⁾ „Русскія Юридическія Древности“, I, стр. 259—260.

⁵⁾ „Хрестоматія по Исторіи Русскаго права“ Владимірскаго-Буданова, в. II, К. 1887 стр. 167 ст. 82 и стр. 173 ст. 88.

издѣльное серебро ¹⁾), серебро въ пашнѣ ²⁾), лѣтнее серебро ³⁾). Эти выраженія навели нѣкоторыхъ изслѣдователей на мысль, что крестьяне, занявшіе деньги у помѣщика въ видѣ процентнаго займа, проценты по оному выплачивали очень часто своею работою ⁴⁾). Вотъ разъясненіе этого то сомнѣнія намъ теперь и предстоитъ: Пр. Ключевскій, объясняя вышеприведенное понятіе, издѣльное серебро, какъ работу крестьянъ за проценты, указываетъ, между прочимъ, на то, что издѣльное серебро была барщина ⁵⁾). Мнѣніе совершенно вѣрное. Но, какъ мы видѣли выше, нѣтъ никакихъ основаній считать барщину слѣдствіемъ долгового обязательства. Серебро издѣльное или серебро въ пашнѣ, означаетъ капитализованныя барщинныя повинности, безъ всякаго отношенія къ первоначальному долгу. Укажемъ при этомъ, что въ грамотахъ серебро никогда не означаетъ процента, а всегда капиталъ ⁶⁾), и потому и съ этой стороны нельзя считать серебро издѣльное—процентомъ въ видѣ работы. Если же мы теперь обратимъ вниманіе, что по дошедшимъ до насъ поряднымъ крестьянская работа постоянно переводилась на деньги, которыя крестьянинъ обязывался уплачивать въ случаѣ неисполненія работы ⁷⁾), то ясно, что неисполненныя барщинныя работы влекли за собою долгъ, равный этимъ работамъ; этотъ долгъ могъ уплачиваться или также работою, или деньгами и назывался издѣльнымъ серебромъ. Намъ кажется, что эту мысль хотѣлъ провести и В. И. Сергѣевичъ въ предлагаемомъ имъ объясненіи издѣльнаго серебра ⁸⁾). Недавно мы встрѣтили критику этого объясненія. Н. Павловъ-Сильванскій, статью котораго мы нѣсколько разъ цитировали, находить толкованіе В. И. Сергѣевича натянутымъ ⁹⁾). Авторъ указываетъ, на

¹⁾ С. Г. Гр. и Д. т. I, № 83, 112.

²⁾ С. Г. Гр. и Д. т. I, № 122.

³⁾ А. И. I, № 54.

⁴⁾ *И. Бяляевъ*, „Крестьяне на Русѣ“, С.-Пб. 1891 стр. 39, *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* „Обзоръ исторіи русскаго права“, К. 1888, изд. 2-е. стр. 136. *Н. Павловъ-Сильванскій*, *op. cit.* стр. 231. *Д. Иловайскій*, „Исторія Россіи“ т. III, М. 1890, стр. 423.

⁵⁾ „Происхожденіе вѣрстнаго права въ Россіи“ (*Русская Мысль*), 1885, X, стр. 9).

⁶⁾ Ср. напр. А. Ю., № 235.

⁷⁾ А. Ю., № 176.

⁸⁾ „Русскія Юридическія Древности“, I, стр. 203—204.

⁹⁾ *op. cit.* стр., 231—232.

основаніи грамоты, данной Оерапонтону монастырю, что серебро издѣльное суть проценты за долгъ. Мы уже выше разобрали эту грамоту и выяснили, что слова: „дѣло додѣлывали на то серебро“ не говорятъ о процентѣ, а только объ уплатѣ серебра путемъ выработки суммы, нужной для покрытія долга. Что же касается до серебра лѣтняго, то принявъ наше объясненіе издѣльнаго серебра, надо согласиться съ толкованіемъ В. И. Сергѣевича, предложеннымъ имъ послѣ объясненія смысла издѣльнаго серебра ¹⁾, именно, что лѣтнее серебро—тоже издѣльное, относящееся до лѣтнихъ работъ. Въ заключеніе вопроса объ издѣльномъ серебрѣ позволимъ себѣ указать, что существуетъ одна грамота (мы уже ее цитировали), которая также можетъ служить поводомъ къ невѣрному объясненію издѣльнаго серебра. Въ виду небольшого ея размѣра мы приведемъ ее цѣликомъ ²⁾: „Се язъ Иванъ Михайловъ сынъ Мищуриновъ, изъ Загородья, изъ Лотпуновскихъ деревень, да язъ Харитонъ Мартыновъ сынъ, заняли есмя у Прилуцкого монастыря у казначея у старца Стахѣя монастырскихъ казенныхъ денегъ полтину, отъ Егорьева дни отъ осеннего до Егорьева-жъ дни осеннего; а жити мнѣ Харитону въ Прилуцкого монастыря вотчинѣ въ дворникѣхъ и во дворѣхъ мнѣ хорошъ беречи и не обжечи и изгородь около поль беречи; а кой насъ заимщикомъ въ лицѣхъ и на томъ денги, а не отыматися намъ отъ себѣ кабалы никоторыми грамотами. А на то послухъ Θεодоръ Ивановъ сынъ. А кабалу писалъ Митюха Михайловъ сынъ лѣта 7080 втораго ноября въ 22 день“. Внизу же написано: Харитонъ пашню пашеть, а Иванъ не пашеть вкладчикъ. Вотъ эта то нижняя запись можетъ ввести въ нѣкоторое заблужденіе, которое, впрочемъ, сейчасъ же исчезаетъ при болѣе внимательномъ изученіи грамоты. Харитонъ поступаетъ въ дворники по кабалѣ. Онъ живетъ во дворѣ и работаетъ за ростъ. Въ чемъ выражается работа кабалнаго холопа? Да въ чемъ угодно, въ томъ же, въ чемъ и работа всякаго холопа: велить господинъ коней пасти, будетъ коней пасти, велить землю пахать (оставленную помѣщикомъ за собою), будетъ землю пахать. Но онъ пашеть не въ качествѣ арендатора, а въ качествѣ раба, живя во дворѣ господина. Мы считаемъ эту грамоту цѣнною, такъ какъ она указываетъ, что и у насъ, какъ въ Западной Европѣ, по-

¹⁾ „Юридическія Древности“, I, стр. 204.

²⁾ А. Ю., № 247 (1573) ср. А. Лаппо-Данилевскаго „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ“, С.-Пб. 1890, стр. 149.

мѣщики кромѣ обработки полей трудомъ свободныхъ крестьянъ арендаторовъ, еще обрабатывали ихъ трудомъ холоповъ ¹⁾).

Намъ кажется, что мы достаточно выяснили то обстоятельство, что права серебряниковъ нисколько не были умалены въ сравненіи съ правами прочихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, если при дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ ограниченія крестьянской свободы, мы можемъ смѣло заключить, что это произошло не отъ долговыхъ обязательствъ крестьянъ, ибо нѣтъ основанія полагать, что долгъ крестьянина, который въ теченіи двухъ столѣтій не ограничивалъ свободы должника, вдругъ на третье столѣтіе повлекъ за собою лишеніе крестьянъ свободы. Установивъ это, мы теперь разсмотримъ результаты нарушенія крестьяниномъ постановленія о Юрьевѣ днѣ. Ученые, которые отрицаютъ существованіе закона о крестьянскомъ прикрѣпленіи думаютъ, что крестьянинъ, ушедшій съ земли помѣщика не въ Юрьевъ день или не исполнивъ условій отказа, постановленныхъ Судебниками (напримѣръ, не выплативъ пожилага) былъ бѣглымъ и возвращался на свое старое мѣсто ²⁾. Позволимъ себѣ здѣсь повторить авторитетное замѣчаніе В. И. Сергѣевича; онъ говоритъ, что защитники только что приведенной теории „не приводятъ никакихъ доказательствъ въ пользу этого мнѣнія“ ³⁾. Дѣйствительно, не приведено ни одного мѣста изъ грамотъ ранѣе послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка, въ которомъ бы мы встрѣтили примѣненіе къ крестьянину, ушедшему отъ помѣщика не въ срокъ, эпитетъ бѣлаго. Между тѣмъ, доказательствъ въ пользу того, что ушедшій не въ срокъ крестьянинъ не возвращался къ помѣщику и не принуждался отслуживать у него до конца своего срока, мы находимъ массу и вотъ эти доказательства, въ связи съ критикой поло-

¹⁾ Ср. *Виллардоузъ* „Исслѣдованія по соціальной исторіи Англіи“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1886, августъ, стр. 283) *Daresté de la Chavanne* „Histoire des classes agricoles“, Paris, 1858 p. 197.

²⁾ *М. Полюдинъ*, „Историко-критическіе отрывки“, М. 1867, стр. 207 sqq. *И. Бяляевъ*, „Крестьяне на Руси“, С.-Пб. 1891, стр. 40. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, „Обзоръ исторіи Русскаго права“, К. 1888, изд. 2-е, стр. 136. *В. О. Ключевскій*, „Происхожденіе вѣрстнаго права въ Россіи“ (*Рус. Мысль*, 1885, X, стр. 113qq.). *М. Дьяконовъ*, „Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, іюнь, стр. 345). *Н. Павловъ-Сильванскій*, „Люди кабалные и доглядные“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895, январь, стр. 231).

³⁾ „Юридическія Древности“, I, стр. 243.

женій ученыхъ, защищающихъ теорію о личной отвѣтственности крестьянъ за уходъ не въ срокъ.

Еще Н. Костомаровъ сказалъ, что только тогда можно признать правильнымъ взглядъ на положеніе крестьянъ, признающій, что неисполненіе условій отказа, постановленныхъ Судебникомъ, влекло за собою возвратъ крестьянина къ прежнему помѣщику, какъ бѣгло, когда намъ представляютъ судныя дѣла, въ которыхъ бы это выяснялось ¹⁾. Но вотъ теперь прошло 36 лѣтъ съ того времени, и все-таки, несмотря на массу новаго архивнаго матеріала, мы не имѣемъ такого яснаго доказательства. Чтобы выяснитъ дѣло, разберемъ всѣ случаи возврата крестьянина его прежнему помѣщику, которые дошли до насъ отъ времени до послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка. Въ серединѣ XV столѣтія великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ Троицкій Сергіевъ монастырь: „что ихъ села въ Оуглечскомъ оуѣздѣ, и которые люди отъ нихъ вышли изъ ихъ сель в мои села великог князя или в села в моеѣ великие княгыни и в боярскіе в села сего лѣта, не хотя ѣхати на мою службу великого князя къ берегу, и яз князь великыи... велѣлъ есмь тѣ люди вывести опять назадъ“... ²⁾. Даже при бѣгломъ взглядѣ на эту грамоту очевидно, что это не болѣе какъ сепаратный указъ. Дѣйствительно тутъ бросаются въ глаза слѣдующія обстоятельства: 1) возвращаются только крестьяне Углицкаго уѣзда. 2) только тѣ, которые ушли изъ монастырскихъ сель убѣгая отъ государственной повинности и 3) если требуется особый указъ о возвратѣ крестьянъ въ данномъ случаѣ, указъ, который правительство считаетъ нужнымъ оправдывать мотивами, очевидно, что какъ общее правило возврата ушедшихъ крестьянъ не было. Затѣмъ, отъ 1556 г. мы имѣемъ одно судное дѣло ³⁾. Одни помѣщики жалуются на другихъ, что тѣ вывезли „силенно, не по сроку, безъ отказа и безошлинно, крестьянку ихъ съ дѣтьми Филипповскую жену Яхнова Машку, а она деи Машка дворъ свой сожгла“... По приговору суда обидчики обязаны привезти Машку обратно и построить для нея новый дворъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этой грамотѣ преступленіе заключается не въ томъ, что вывезли Машку не въ срокъ и безошлинно, а въ томъ, что вывезли ее насильно, да еще такъ, что она сожгла свой дворъ.

¹⁾ „Архивъ истор. и практ. свѣд.“ *Н. Камачова*, 1859, № 3, отд. II, стр. 71.

²⁾ А. отн. до Юр. б., I, № 37.

³⁾ Доп. къ Авт. истор., I, № 51, V, стр. 74.

Далѣе, въ томъ же 1556 году одинъ помѣщикъ жалуется на нѣмецкое разореніе и на то что нѣмцы поразогнали его крестьянъ. А которые крестьяне послѣ войны остались, и тѣхъ у него окрестные помѣщики „развели, не по сроку и безъ отказа и безпошлинно“. И Царь постановляетъ: „какъ наша нѣмецкая служба мнѣтца и вы бѣ имъ на нихъ дали пристава, а велѣли ихъ поставити передъ собою да въ томъ есте ихъ судили и обыскати въ Дудоровскій погостъ послали: и про которыхъ крестьянъ въ обыску скажутъ, что Данило Зезевитовъ съ товарищи изъ за нихъ развели не по сроку и безъ отказа и вы бѣ тѣхъ крестьянъ велѣли подавати на поруки, а велѣли имъ за Иваномъ за Бровцынымъ да за Тимошею за Воронинимъ жити по нашему Уложению, по Судебнику, до сроку, и на помѣщика дѣла дѣлати и доходъ давати“¹⁾. Эта грамота интересна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она предлагая перевести крестьянъ обратно, также какъ и вышеразобранная грамота, считаетъ нужнымъ оправдать свое рѣшеніе и указать его поводы, очевидно, для обозначенія сепаратнаго значенія указа. Во-вторыхъ, рѣшеніе великаго князя, на бумагѣ удовлетворяя просьбу помѣщиковъ Бровцына и Воронина. въ дѣйствительности ровно ничего имъ не даетъ: въ самомъ дѣлѣ, для исполненія грамоты надо сперва разыскать крестьянъ; далѣе, это исполненіе отлагается до конца войны; затѣмъ, надо крестьянъ заставить жити у помѣщика по Судебнику, а Судебникъ ни слова не говоритъ о возвратѣ ушедшихъ крестьянъ, а напротивъ устанавливаетъ Юрьевъ день: а пока длится война, этотъ срокъ крестьянскаго выхода навѣрно повторится, то-есть, крестьяне получаютъ и формальное право не возвращаться. Такимъ образомъ, разобранный нами документъ является прекраснымъ образцомъ бумажнаго производства дѣла, когда кажется все такъ хорошо придумано, а на дѣлѣ невозможно осуществить ни одного слова указа. Слѣдующая грамота относится къ 1578 г. Царь пишетъ что Ярославскій Спасскій монастырь жалуется на дворцоваго приказчика за то, что тотъ хочетъ перезвать въ дворцовыя села нѣсколькихъ, поименно названныхъ, монастырскихъ старожильцевъ. И Царь требуетъ, чтобы всѣ свѣдѣнія объ этихъ крестьянахъ были доставлены ему и онъ рѣшитъ дѣло²⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія,

¹⁾ Доп. къ Акт. истор., I, № 51, XVIII, стр. 82.

²⁾ М. Дьяконовъ, „Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, июнь, стр. 375—376, прил. III).

что Спасскій монастырь жалуется здѣсь Царю не на то, что нарушается правило объ отказѣ; не на то, какъ полагаетъ издатель грамоты, что крестьяне суть старожильцы, а ихъ все-таки перезываютъ. А монастырь обращается къ Царю, какъ къ вотчиннику, съ просьбою измѣнить рѣшеніе своего прикащика. И Царь не даетъ никакого отвѣта. Очевидно, что если бы дѣло было въ исполненіи закона, Царю нечего было бы колебаться, онъ прямо бы рѣшилъ дѣло, какъ это мы постоянно встрѣчаемъ въ другихъ грамотахъ по крестьянскому дѣлу ¹⁾. Нѣтъ, здѣсь Царь—помѣщикъ и дѣло рѣшается по взаимному согласію монастыря и Царя.

Наконецъ, губная грамота 1586 г., данная Троицко-Сергіеву монастырю не говоритъ о возвратѣ крестьянина ушедшаго не въ срокъ, а о совершившемъ разбой ²⁾. Вотъ всѣ случаи, за время до 1590 г., возврата ушедшихъ крестьянъ ихъ прежнимъ помѣщикамъ. Уже и сами по себѣ они не даютъ повода заключать о справедливости теоріи, признающей крестьянъ, не исполнившихъ правилъ объ отказѣ, бѣглыми и подлежащими возврату. Если же мы приведемъ доказательства, подкрѣпляющія противную теорію, то намъ будетъ очевидна вся апіорность первой. Вотъ эти доказательства:

До насъ дошла, во-первыхъ, любопытная грамота царя Ивана Васильевича 1559 года, написанная на Бѣлоозеро Михайлу Иванову Стромилову и подъячему Рюмѣ Андрееву ³⁾. Царь говоритъ: „писалъ къ намъ Успенья причистые Богородицы Кириллова монастыря игумень Θεоктисть съ братьею о томъ: которые крестьяне въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ выходили изъ нашихъ изъ черныхъ волостей въ ихъ Кириллова монастыря села и деревни и за князей и за дѣтей боярскихъ не въ срокъ безъ отказу и вы де, по нашему наказу, тѣхъ крестьянъ изъ ихъ Кириллова монастыря селъ и деревень изъ за князей и изъ за дѣтей боярскихъ выводите назадъ въ наши въ черныя волости, на тѣ-же мѣста, гдѣ которой жилъ напередъ сего. И намъ бы Кириллова монастыря игумена Θεоктиста съ братьею пожа-

¹⁾ См. напримѣръ, Доп. къ Авт. истор., I, № 51, XXII, стр. 84.

²⁾ А. А. Э., I, № 330, II. Приведенными грамотами ир. Дьяконовъ подтверждаетъ свою теорію, что прикрѣпленіе крестьянъ началось съ прикрѣпленія (фактическаго) старожильцевъ. Какъ мы видѣли эти грамоты нисколько не доказываютъ того, что бы ими регламентировалось крѣпостное состояніе, а вотворыхъ мы имѣемъ случаи когда старожильцы имѣютъ болѣе правъ, чѣмъ другіе. (См. Р. И. Б., т. II, № 11, стр. 12).

³⁾ Русская Историческая Библіотека, т. II, стр. 40—41, № 36.

ловати, тѣхъ крестьянъ изъ ихъ селъ и деревень да изъ за князей и изъ за дѣтей боярскихъ въ наши въ черныя волости на пустыя мѣста выводити не велѣти. — И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бѣ тѣхъ крестьянъ, которые выходили изъ нашихъ черныхъ волостей и не въ срокъ безъ отъказа, изъ ихъ Кириллова монастыря селъ и деревень и изъ за князей и изъ за дѣтей боярскихъ, въ наши черныя волости назадъ на пустыя мѣста не выводили "... Мы здѣсь имѣемъ случай рѣшенія какъ разъ противоположнаго предыдущимъ и притомъ, можно полагать, рѣшенія болѣе общаго, чѣмъ тѣ. Во-первыхъ, монастырь просить не только за себя, а указываетъ вообще на дѣйствія чиновниковъ, очевидно незаконныя. То, что упоминается о Царскомъ наказѣ, по которому обратно выводили крестьянъ, указываетъ только на невѣрное пониманіе чиновниками Царскаго наказа, такъ какъ Царь въ заключеніи настоящей грамоты объясняетъ, что надо не выводить крестьянъ, а писать „тѣ пустыя мѣста въ пусто и про нихъ обыскивати о пахотѣ по нашему наказу“ — то-есть согласно наказу надо просто выяснитъ экономическое положеніе дѣла. Но если даже предположить, что и эта грамота есть такой же сепаратный указъ, какъ и прежде приведенная, то мы, все-таки, должны признать, что изъ того факта, что крестьянинъ сидѣлъ на помѣщичьей землѣ и даже былъ въ обязательственныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, не слѣдуетъ право помѣщика принуждать крестьянина къ непремѣнному исполненію договора, а только искъ объ убыткахъ. Приведенныя же нами грамоты были отдѣльными указами, написанными въ томъ смыслѣ, какой казался въ данную минуту болѣе правильнымъ по обстоятельствамъ дѣла и, даже, какой былъ подсказанъ просителемъ. Но сколько бы такихъ указовъ ни было, это были только сепаратные законы — общаго же правила не было. Но право крестьянскаго выхода не въ срокъ и безъ отъказа подтверждается, кромѣ грамоты 1559 года, еще нѣкоторыми косвенными указаніями: В. И. Сергѣевичъ уже обратилъ вниманіе на то, что когда въ 1502 году крестьянинъ одного монастыря не только ушелъ не въ срокъ, но даже сжегъ деревню, въ которой жилъ, монастырь предъявилъ къ нему только искъ объ убыткахъ въ девять рублей съ полтиной ¹⁾. Далѣе, въ Уставной грамотѣ патріарха Іова

¹⁾ „Юридическія Древности“, I, стр. 240—241. Грамота изъ А. Ю. № 10. Ср. монастырскую практику по грамотѣ, напечатанной у А. Федотова-Чеховскаго — „Акты“, т. I, С.-Пб. 1860, стр. 126, № 65.

1590 года ¹⁾ говорится, что если крестьянинъ выйдетъ, выполнивъ всё условія отказа, то оставшіеся крестьяне, до прибытія новаго крестьянина, пользуются землею ушедшаго. Если же крестьянинъ уйдетъ, не выполнивъ всёхъ условій („избу огноивши“), то оставшіеся крестьяне штрафуются (они должны ставить новый дворъ на свой счетъ), какъ говоритъ грамота „чтобы берегли другъ друга, чтобы дворъ не огноенъ былъ“. Очевидно, что если бы былъ узаконенъ возвратъ ушедшаго крестьянина, не было бы нужды въ приведенныхъ постановленіяхъ патріарха Іова. Наконецъ, въ пользу нашего мнѣнія можно привести слѣдующія соображенія: во-первыхъ, если бы по закону крестьянинъ, ушедшій не въ срокъ, безъ отказа и безпошлинно возвращался на прежнее мѣсто, мы имѣли бы дѣло не съ Царскими указами, а съ судебными рѣшеніями первыхъ инстанцій, какъ это мы имѣемъ въ дѣлахъ о возвратѣ бѣглыхъ холоповъ ²⁾ и будемъ имѣть въ дѣлахъ о бѣглыхъ крестьянахъ послѣ ихъ прикрѣпленія, о чемъ скажемъ ниже ³⁾. Во-вторыхъ, если по Царскому Судебнику ⁴⁾ помѣщикъ не имѣлъ права удержать у себя крестьянина, за котораго онъ поручился въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ убійство или разбой, то очевидно, что этого права онъ не имѣлъ и въ обыкновенныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ. Наконецъ, въ третьихъ, въ одной изъ грамотъ Западной Руси мы встрѣчаемъ постановленіе, относящееся къ 1531 году, для города Витебска, что „южь мають люди вольные за собою держати по Полоцкому“ — въ случаѣ ухода крестьянина не въ срокъ имѣютъ искъ тьлько объ убыткахъ ⁵⁾. Тутъ, очевидно, къ Витебску примѣнялось правило Псковской Судной Грамоты (по Полоцкому). Если это примѣнялось къ Витебску, то нѣтъ основанія отрицать возможность для Москвы, въ случаѣ молчанія Судебника, восполнять его правилами Псковской Судной Грамоты ⁶⁾. Такимъ образомъ, обзрѣвъ юридическое положеніе крестьянъ, сидѣвшихъ на владѣльческихъ земляхъ до конца XVI вѣка, мы приходимъ къ за-

¹⁾ „Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, книга II, Москва, 1849 года. Смѣсь, стр. 19—20.

²⁾ Царск. Суд., стр. 63 и 66 („Хрестоматія“, *Владимірскаго-Буданова*, в. II, стр. 154—155.

³⁾ „Акты, относящіяся до юридическаго быта“, т. II, № 139, I стр. 180.

⁴⁾ Ст. 89 („Хрестоматія“, *Владимірскаго-Буданова*, в. II, стр. 174).

⁵⁾ „Акты, относящіяся къ исторіи Южной и Западной Россіи“, т. I, № 94, стр. 79.

⁶⁾ Ср. *В. И. Сергеевичъ* „Юридическія Древности“, I, стр. 240.

ключенію, что крестьяне стояли къ помѣщикамъ, по закону, въ обыкновенныхъ договорныхъ отношеніяхъ, причѣмъ нарушеніе договора влекло за собою искъ объ убыткахъ. Иногда между владѣльцемъ земли и крестьяниномъ-арендаторомъ отношенія усложнялись новыми договорами — но все это, опять повторяемъ, по закону, не лишало крестьянина ни капли свободы. Разобравъ противоположное мнѣніе, мы пришли къ заключенію, что оно основано или на апріорныхъ положеніяхъ, или на отдѣльныхъ случайныхъ и сепаратныхъ указахъ, и показали, что въ то же самое время были изданы и указы, содержащія въ себѣ рѣшенія, подкрѣпляющія наше мнѣніе. При этомъ, защитники теоріи о несвободѣ крестьянъ до конца XVI вѣка, какъ В. О. Ключевскій, П. Н. Милюковъ, М. А. Дьяконовъ ¹⁾, работая въ Московскихъ архивахъ, могли привести въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ только совершенно блѣдныя и косвенныя доказательства и это служить нѣкоторымъ основаніемъ полагать, что и нельзя отыскать доказательствъ о *юридическомъ* ограниченіи права крестьянскаго перехода до конца XVI вѣка.

Но фактическое положеніе крестьянъ было, безъ сомнѣнія, совсѣмъ не такъ хорошо, какъ юридическое ²⁾. Крестьянинъ лично былъ свободенъ; онъ могъ уйти когда и куда хотѣлъ; но шелъ-ли онъ? Было-ли основаніе ему уходить? Во-первыхъ, крестьяне, не только взявшіе деньги по кабалѣ, но даже взявшіе простую подмогу, обязывались въ случаѣ ухода безъ исполненія условій порядной уплачивать долгъ или ссуду, а иногда, сверхъ того, неустойку. Неисполненіе этого послѣдняго условія не влекло за собою принужденія снова садиться на покинутую землю, но влекло за собою правезъ и, въ случаѣ неуплаты, отдачу кредитору до искупа головою ³⁾. Средствомъ избавиться отъ этого было или уходить въ казаки („ушелъ погулять“,

¹⁾ См. ранѣе приведенные труды этихъ авторовъ.

²⁾ В. И. Сергеевичъ „Юридическія Древности“, I, стр. 209—209. *J. Engelmann* „Die Leibeigenschaft in Russland“, Leipzig. 1884, S. 23 — 24 и 39. *М. Погодинъ* „Историко-критическіе отрывки“, Москва, 1867 года, стр. 205. *Д. Иловайскій* „Исторія Россіи“, т. III, Москва, 1890 года, стр. 422. В. О. Ключевскій „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“ (*Русская Мысль*, 1885, X, стр. 9). *Б. Н. Чичеринъ* „Холопы и крестьяне въ Россіи“ („Опытъ“, стр. 195). *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* „Обзоръ исторіи русскаго права“, Киевъ, 1888 года, изд. 2-е, стр. 139.

³⁾ Русская Историческая Библіотека, т. II, № 214, стр. 972—974 и № 217, стр. 976—977. А. Ю. № 253.

говорять памятники ¹⁾, или переводъ своего долга на того помѣщика, къ которому переходилъ крестьянинъ ²⁾. А такъ какъ для большинства крестьянъ, обремененныхъ семействами, имѣвшихъ кое-какое движимое имущество („животы“), нисколько не улыбалась возможность сдѣлаться разбойникомъ, то онъ долженъ былъ подыскивать, въ случаѣ непремѣннаго желанія уйти отъ того владѣльца, у котораго на землѣ онъ сидѣлъ, помѣщика, желающаго и могущаго перевести долгъ крестьянина на себя. Въ этомъ отношеніи правы Б. Н. Чичеринъ ³⁾ и М. Ф. Владимірскій-Будановъ ⁴⁾, что въ XVI вѣкѣ выходъ крестьянъ замѣнился вывозомъ, такъ какъ почти не было случаевъ, чтобы крестьянскія порядныя не выговаривали особой платы въ случаѣ оставленія крестьяниномъ помѣщика и такъ какъ Судебники установили пожилое за пользованіе помѣщичьимъ дворомъ, что стало обычнымъ въ это время. Во-вторыхъ, крестьянинъ, который былъ настолько богатъ, что могъ заплатить неустойку или уплатить свой долгъ, безъ особенной крайности, самъ не шелъ съ насиженнаго мѣста. Такимъ образомъ, мы естественно видимъ, что крестьяне къ концу XVI вѣка переходятъ только къ богатымъ помѣщикамъ или на монастырскія земли: эти собственники могли перевести на себя долгъ неисправныхъ крестьянъ прежнимъ помѣщикамъ и представить исправнымъ крестьянамъ значительныя льготы, сравнительно съ прежними владѣльцами земли. И дѣйствительно мы замѣчаемъ къ этому времени массу жалобъ мелкихъ собственниковъ и крестьянъ черныхъ волостей на ущербъ отъ приведеннаго выше фактическаго преимущества крупныхъ землевладѣльцевъ ⁵⁾.

II.

Въ видѣ исключенія мы имѣемъ уже съ довольно ранняго времени отдѣльные указы, ограничивающіе крестьянскую свободу. Всѣ изслѣдователи, какъ признающіе, такъ и отрицающіе указъ о крестья-

¹⁾ „Новгородскія кабалныя книги 7108 (1599—1600) года“, С.-Пб., 1894 г., стр. 41 (93).

²⁾ Русская Историческая Библиотека, т. II, №№ 13, 14, 19, 22, 23. А. А. Э. I, № 48 и др.

³⁾ *op. cit.* стр. 195.

⁴⁾ *op. cit.* стр. 139.

⁵⁾ Дополненіе въ Азтатъ Историческимъ, I, № 51, V, XVIII, XXII; № 56.

янскомъ прикрѣпленіи, согласны, что эти указы суть сепаратные, ад hoc изданные, законы. Первый дошедшій до насъ указъ принадлежитъ Бѣлозерскому князю Михаилу Андреевичу и данъ имъ въ 1450 году Кириллову монастырю ¹⁾. Этотъ князь дозволилъ игумену серебряниковъ послѣ Юрьева дня „не пускать“. Мы выше видѣли, что тотъ-же князь регламентировалъ, нѣсколькó ранѣе, отношенія серебряниковъ къ монастырю ²⁾. Ограниченіе встрѣчающееся въ разбираемой нами грамотѣ очень характерно: князь не говоритъ, запрещающая серебрянику уходить, что отказъ серебряника не въ отказъ (какъ это встрѣчается въ другой грамотѣ, разбираемой нами ниже), а даетъ право монастырю серебряниковъ не отпускать отъ себя. Эта-же грамота была повторена великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ ³⁾ и затѣмъ подписана его сыномъ ⁴⁾. Отъ того-же великаго князя Василя Васильевича дошли до насъ еще двѣ ограничительныхъ грамоты, данныхъ имъ Троицкому Сергіеву монастырю въ 1455 году. Въ одной ⁵⁾, князь, въ наказаніе тѣмъ крестьянамъ Углицкаго уѣзда, которые не желая исполнять княжескую службу на нихъ наложенную (ѣхать къ морю) скрылись въ владѣльческихъ селахъ, велитъ ихъ вернуть и болѣе не выпускать. Въ другой ⁶⁾ Василий Васильевичъ говоритъ: „которые ихъ крестьяне изъ того села (Присѣкъ) и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожильцевъ, и язъ, князь Великій тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпускати ни къ кому“. Сепаратный характеръ

¹⁾ А. А. Э., I № 48, II. Нѣкоторые (Чичеринъ *op. cit.* стр. 183 и Сергѣевичъ *op. cit.* стр. 233—234) первымъ ограниченіемъ признаютъ грамоту напечатанную въ А. А. Э. I № 48, I. Какъ мы видѣли, эта грамота не ограничиваетъ крестьянскаго перехода. Еще существуетъ одна грамота данная въ 1440 г. углицкимъ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Троицкому Сергіеву монастырю. (А. А. Э. I № 37), гдѣ говорится о томъ, чтобы монастырь не принималъ людей изъ Бѣжецкаго Верху; но это ограниченіе международное или вѣрнѣе междукняжеское, постоянно встрѣчаемое въ договорахъ съ Великимъ Новгородомъ (см. напримѣръ А. А. Э. I № 57, 1457 года).

²⁾ А. А. Э. I № 48, I.

³⁾ А. А. Э. I № 48, I.

⁴⁾ *Ibid.* и Д. и А. II. т. I № 198, II.

⁵⁾ А. А. Э. I, № 64 и А. относящіяся до Юридическаго быта I, № 37.

⁶⁾ А. II. I, № 59. Такое обиліе ограниченной свободы крестьянъ въ пользу монастырей, данныхъ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ объясняло, отчасти, ту любовь къ нему и совершенно незаслуженное возвышеніе его имени, какія мы встрѣчаемъ въ монашеской письменности того времени. Ср. М. Дьяконова, „Власть Московскихъ государей“. С.-Пб. 1891, стр. 58).

этихъ грамотъ не требуетъ комментаріевъ. По отношенію ко второй грамотѣ позволимъ себѣ замѣтить, что ограниченіе перехода именно *стирожилъцевъ*, а не всѣхъ крестьянъ, вытекало, по нашему мнѣнію, въ данномъ случаѣ не изъ того воззрѣнія, что человекъ долго жившій на чьей нибудь землѣ, становился крѣпостнымъ, хотя это воззрѣніе нарождалось и выразилось въ постановленіи Судебника 1497, о пожиломъ. Но здѣсь такая исключительная мѣра какъ ограниченіе перехода крестьянъ, хотя бы и въ очень маломъ районѣ (въ одномъ селѣ съ его деревнями), требовала большой осмотрительности: только тѣхъ крестьянъ можно было невыпускать, не боясь протеста окрестныхъ землевладѣльцевъ, которые завѣдомо, искони вѣковъ, жили на монастырскихъ земляхъ. Слѣдующимъ, по времени, ограниченіемъ свободы крестьянъ, является грамота, данная въ 1462—1471 годахъ Бѣлозерскимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ Кириллову монастырю ¹⁾. Въ этой грамотѣ хотя и дозволенъ переходъ въ Юрьевъ день, но дано право монастырю не выпускать крестьянъ, которые отказались не въ срокъ: „а кто откажетъ до Юрьева дни или послѣ Юрьева дни, ино тотъ отказъ не въ отказъ“. При этомъ грамота имѣетъ въ виду очень ограниченный районъ: именно село Маслоно съ деревнями, въ Вологодскомъ уѣздѣ. Вотъ всѣ дошедшіе до насъ сепаратныя ограниченія крестьянскаго перехода ²⁾. При этомъ позволимъ себѣ привести слова В. И. Сергѣевича, прекрасно характеризующія значеніе этихъ указовъ ³⁾: „такихъ ограничительныхъ грамотъ могло быть и много; но сколько бы ихъ ни было, онѣ, устанавливая исключеніе изъ общаго порядка, только подтверждаютъ обычное право крестьянскаго перехода во всякіе сроки и безъ уплаты долговъ“.

Мы видимъ ясно, что до конца XV вѣка не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы правительство сознательно и одинаково для всѣхъ крестьянъ, хотя-бы даже и одного типа (напримѣръ, владѣльческихъ) ограничило право перехода: если были указы ограничительные, то,

¹⁾ Доп. къ А. И. I, № 198, I. Эта грамота своими ограниченіями перехода крестьянъ доказываетъ, что, какъ общее правило, существовало право крестьянъ отказываться и не въ Юрьевъ день; за это они не наказывались и удержать ихъ было нельзя.

²⁾ В. И. Сергѣевичъ, (Юр. Др. I, стр. 285) приводитъ еще грамоту великаго князя Иоанна Васильевича, данную имъ въ 1462 году Бѣлозерскому сотнику (А. А. Э. I, № 73). Но эта грамота только регламентируетъ вопросъ о способахъ уплаты серебряниками ихъ долга послѣ ихъ ухода, и не говоритъ о томъ, чтобы серебряники не могли уйти не заплатя долга.

³⁾ Юр. Др. I, стр. 235—236.

какъ мы видѣли, были указы и диаметрально противоположны. Но уже выше сказано, что фактическое положеніе дѣла было гораздо безотраднѣе для крестьянъ. Проф. Энгельманъ это изображаетъ слѣдующими яркими чертами ¹⁾: „нѣкоторые получили привилегіи возвращать своихъ крестьянъ, другіе дѣлали это насильственно. Изъ злоупотребленій явился обычай, а изъ обычая, посредствомъ указа (1597 г.) былъ созданъ законъ. Этого требовали интересы государства. О правахъ крестьянъ не было и рѣчи“.... Теперь мы приступаемъ къ одному изъ спорнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи: именно, продолжалось-ли подобное фактическое закрѣпленіе крестьянъ до уложенія или даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и до болѣе поздняго времени, или въ концѣ XV вѣка явилась правительственная мѣра, обратившая фактическое закрѣпленіе въ юридическое. Намъ подлежитъ посмотреть, на чемъ вопросъ этотъ остановился до послѣднихъ лѣтъ и что для рѣшенія его сдѣлали новѣйшіе изслѣдователи, пользовавшіеся архивнымъ матерьяломъ. Для сего мы разберемъ, сперва, значеніе и смыслъ указа 1597 г., затѣмъ рассмотримъ указы 1601, 1602 и 1607 гг. и, наконецъ, бросимъ бѣглый взглядъ на положеніе крестьянъ по болѣе позднему законодательству.

По мнѣнію однихъ ученыхъ указъ 1597 г. предполагаетъ, что до него былъ изданъ законъ о прикрѣпленіи крестьянъ ²⁾. По мнѣ-

¹⁾ „Die Leibeigenschaft in Russland“ Leipz. 1884, s. 39.

²⁾ В. Н. Татищевъ, „Судебникъ государя, царя и в. к. Иоанна Васильевича“, изд. 2-е, М. 1786, стр. 221, пр. 6.

Н. М. Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. X, стр. 349.

Н. С. Арибашевъ, „Повѣствованіе о Россіи“, М. 1838—1843

С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древ. временъ“, т. VII, М. 1879 стр. 356—357.

В. Н. Чичеринъ, „Холопы и крестьяне въ Россіи“, („Опыты по ист. русск. права“, М. 1858, стр. 222—224).

И. Бялковъ, „Крестьяне на Руси“, М. 1879, стр. 97 sqq.

Н. Костомаровъ, „Должно-ли считать Бориса основателемъ крѣпостнаго права“, („Арх. истор. и практ. свѣд.“, Н. Калачовъ, 1859, № 2, отд. II, стр. 1—29; № 3, отд. II, стр. 70, sqq.).

В. И. Сергеевичъ, „Юр. Др.“, I, стр. 233—235, 242—243 и 257—263.

Е. Блосъ, „Объ истор. значенія русскаго боярства до конца XVII вѣка“. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1886, III, стр. 33—34).

Д. Иловайскій, „Исторія Россіи“, М. 1890, т. III, стр. 425.

А. Лаппо-Данилевскій, „Организація прямого обложенія“. С.-Пб., 1890, стр. 136 и нѣкоторые другіе.

нію другихъ этотъ указъ просто рѣшаетъ вопросъ о давности по отношенію къ крестьянамъ, ушедшимъ не въ срокъ и безъ отказа ¹⁾. Наконецъ, существуетъ мнѣніе, что этотъ-то самый указъ и есть законъ о прикрѣпленіи крестьянъ ²⁾. Мы начнемъ съ этого послѣдняго мнѣнія: если указъ 1597 года есть указъ о прикрѣпленіи крестьянъ, то до него бѣглыхъ крестьянъ (въ смыслѣ ушедшихъ отъ владѣльцевъ) не было и возвращать ихъ было нельзя. Между тѣмъ мы имѣемъ нѣсколько подобныхъ дѣлъ: именно мы въ первый разъ встрѣчаемъ наименованіе „бѣглый“ въ примѣненіи къ ушедшимъ крестьянамъ въ 1595 году. Мы подразумѣваемъ переписную книгу Новгородскаго суднаго приказа ³⁾. Тамъ въ числѣ дѣлъ вершенныхъ и невершенныхъ показано „дѣло судное, взято съ суднаго двора, Игнатя Обол-

¹⁾ *М. П. Погодинъ*, „Историко-критическіе отрывки“. М. 1867, стр. 205.

Графъ М. Сперанскій, „Историческое обозрѣніе въ нравѣ поземельной собственности и въ состояніи крестьянъ“. (Арх. истор. и практ. свѣд. Н. Калачевъ, 1859, вн. 2).

К. Аксаковъ, „Собр. сочин.“, т. I, стр. 416; хотя авторъ и не отрицаетъ указа 1597 г. (см. стр. 239), но авторъ не признаетъ, чтобы этотъ указъ имѣлъ дѣйствительную силу.

В. О. Ключевскій, „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“. (*Русская Мысль*, 1885, №№ VIII и X, стр. 1—36; 1—46).

П. Н. Милюковъ, „Спорные вопросы финансовой политики Московскаго государства“. С.-Пб. 1892, стр. 84 згг.

М. А. Дьяконовъ, „Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія“. (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, іюнь, стр. 336—380).

С. Ф. Платоновъ, „Новгородскія кабальныя книги 7108 г.“, изд. Арх. ком. предисловіе, стр. IV.

С. А. Адриановъ, „Къ вопросу о крестьянскомъ прикрѣпленіи“. (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895, январь, стр. 239—251) и нѣкоторые другіе.

²⁾ *I. Engelmann*, „die Leibeigenschaft in Russland“. Leipz. 1884. S. 35. Нѣсколько отдѣльно стоитъ *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, представляя переходъ отъ первой группы къ третьей (см. „Обзоръ исторіи русскаго права“. К. 1888, изд. 2-е, стр. 141).

³⁾ А. отн. до Юр. 6. II, № 139, стр. 180. Во всѣхъ прочихъ грамотахъ до сего времени, когда встрѣчается слово „бѣглый“—оно подразумѣваетъ раба или преступника. Да и случаевъ такихъ очень немного. Въ первомъ смыслѣ слово бѣглый встрѣчается въ междунужескихъ договорахъ, (см. напримѣръ, С. Г. Гр. и Д, I, № 10, 1307 года). Во второмъ—см. напримѣръ, А. А. Э., I, № 330, (1586 года), II, губной наказъ губному старостѣ Намирь отъ Троицкаго Сергіева монастыря. Тутъ говорится: „а на котораго крестьянина языкъ взговорить въ разбоѣ или въ татбѣ, и тотъ крестьянинъ... побѣжить, и губному старостѣ Намирь за того бѣглаго крестьянина... и т. д.“.

нянова въ бѣглыхъ крестьянѣхъ, не вершено⁴. Такимъ образомъ уже одного поверхностнаго взгляда на документы достаточно, чтобы увидѣть, что „бѣглые“ крестьяне явились ранѣе 1597 г. То, что юридическое прикрѣпленіе крестьянъ состоялось ранѣе 1597 г. доказывається также тѣмъ, что хотя только въ девяностыхъ годахъ мы встрѣчаемъ иски о возвратѣ крестьянъ, ушедшихъ отъ помѣщиковъ, причѣмъ крестьяне называются бѣглыми, (мы это докажемъ ниже), но зато мы встрѣчаемъ это уже съ первыхъ лѣтъ послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка. Такъ напримѣръ, мы имѣемъ дѣло о возвратѣ крестьянъ Корѣльскаго монастыря, ушедшихъ отъ него, (1592 года)¹). Такимъ образомъ, уже не говоря о формѣ указа 1597 года мы затрудняемся его, независимо отъ предыдущихъ мѣръ правительства, признать указомъ о прикрѣпленіи крестьянъ. Мы не станемъ здѣсь приводить текста этого указа, онъ всѣмъ извѣстенъ и не возбуждаетъ сомнѣній. Довольно справедливо замѣчаніе Энгельмана, что самое постановленіе о давности еще не предполагаетъ, что въ тотъ годъ, съ котораго считается давность, состоялось прикрѣпленіе крестьянъ. Но если взять въ соображеніе весь рядъ законодательныхъ мѣръ послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка, то мы получимъ, слѣдующую, довольно убѣдительную, по нашему мнѣнію, картину: землевладѣльцы отыскиваютъ и возвращаютъ на прежнія мѣста ушедшихъ отъ нихъ крестьянъ²); ищутъ своихъ крестьянъ на другихъ помѣщикахъ³); дѣвцамъ крестьянскимъ, выходящимъ замужъ, выдаютъ отпускную⁴); все это дѣлается официально, черезъ чиновниковъ или священниковъ. Наконецъ, есть примѣръ даже отдѣленія человѣка отъ земли⁵). При этомъ, какъ въ случаяхъ исковъ

¹) Р. И. Б. т. XIV, стр. 135—137, № LXXII. Интересно замѣтить, что въ 1607 году дана совершенно такого-же содержанія тарханная грамота тому-же Корѣльскому Николаевскому монастырю. См. А. И., II, № 77.

²) А. от. до Юр. б. т. II, № 139; Русская Историческая Библиотека, т. XIV, № LXXII.

³) Грамота, напечатанная *Пр. Дьяконовымъ* подъ № VI въ приложеніи къ статьѣ его „Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1893, июнь, стр. 378—379).

⁴) *Н. Н. Селифонтовъ*. „Подробная опись 272 рукописамъ конца XVI до начала XIX столѣтія. Втораго (Шевльгинскаго) Собранія „Лесневскаго архива“ съ приложеніями“. С.-Пб. 1892. Стр. 4 № 8, 1598 (106) февраля 2-го. Выводная память крестьянской дѣвцы... выданная старостою...“ Писана мѣстнымъ священникомъ.

⁵) Грамота напечатанная *Пр. Дьяконовымъ* подъ № VII въ томъ же приложеніи и той-же статьѣ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1893, июнь, стр. 379).

ушедшихъ отъ помѣщиковъ крестьянъ¹⁾, такъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ²⁾, дѣлаются ссылки на положеніе вещей по книгамъ писцовымъ, писаннымъ около 100, 101, 102 или 103 годовъ; на эти же книги опирается законъ 1597 года о давности³⁾. Самыя эти книги ничѣмъ не отличаются отъ болѣе раннихъ писцовыхъ книгъ и не содержатъ въ себѣ закона о прикрѣпленіи; самый указъ 1597 г. тоже не содержитъ такого закона. Но совокупность правительственныхъ мѣръ послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка привела къ тому, что было возможно издать указъ, по которому регламентируется возвратъ крестьянъ и ихъ семействъ, ушедшихъ отъ помѣщиковъ и ушедшихъ не только не въ срокъ, но вообще⁴⁾. Намъ кажется, что этимъ разрѣшается споръ между учеными, защищавшими указъ о крестьянскомъ прикрѣпленіи и отрицавшими таковой: дѣйствительно, съ одной, стороны, нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ концѣ XVI вѣка произошло юридическое закрѣпощеніе крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. Съ другой стороны нѣтъ основанія предполагать существованіе не дошедшаго до насъ указа о прикрѣпленіи: указъ 1597 г., оправдавшій и укрѣпившій всѣ подготовительныя мѣры послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка, клонившіяся къ прикрѣпленію крестьянъ, какъ то: писцовыя книги и судебную практику, достаточно легитимируетъ фактическое безотрадное положеніе крестьянъ. При этомъ нельзя не вспомнить словъ покойнаго Фюстель де Куланжа: „Parmi tant de chroniques, de textes legislatifs, de lettres particulières, de diplômes et de chartes, nous ne trouvons jamais l'indication du moment où les vassaux ont commencé à être assujettis aux seigneurs et les vassaux aux suzerains“⁵⁾. Честь указанія на то, что юридическое прикрѣпленіе крестьянъ состояло не въ одномъ

1) Русская Историческая Библіотека т. XIV № LXXII ссылка на писцовыя книги Василія Звенигородскаго описывавшаго Двину и Двинскій уѣздъ. А писецъ этой описывалъ земли въ 1587 году. (7095)—См. П. Н. Милуковъ „Спорные вопросы финансовой политики“ стр. 170.

2) Акты Юридическія, № 162, 1593 года (7101 г.). Ввозная грамота Вязицкому монастырю. Ссылка на книги подьячего Первого Романова 101 году.

3) Указъ говоритъ: „а дати судъ и сыскъ въ бѣглыхъ крестьянѣхъ, которые до нынѣшняго 106 году выбѣжали за пять лѣтъ“ значить со 101 года. Ср. еще указъ Шуйскаго 1607 г.—о немъ см. ниже.

4) Напримѣръ въ VI приложеніи въ статьѣ Пр. Дьяконова (наше примѣчаніе № 124) и рѣчи нѣтъ объ отказѣ. Если же въ грамотѣ Корѣльскій монастырь и говорилъ объ этомъ, то только чтобы усилить краски преступленія крестьянъ.

5) „Les origines du système féodal“. Paris 1890. p. IX.

актъ 1592 или какого-либо другого года, а въ совокупности нѣсколькихъ мѣрь, узаконенныхъ и опубликованныхъ указомъ 1597 года, принадлежить М. Ф. Владимірскому-Буданову¹⁾. Затѣмъ, къ этому мнѣнію склоняется отчасти и проф. Лаппо-Данилевскій²⁾. Предполагать, что прикрѣпленіе крестьянъ состоялось въ 80-хъ годахъ XVI вѣка мы не можемъ, ибо сохранился документъ 1590 г., который указываетъ, что въ это время еще былъ переходъ крестьянъ³⁾. Говорить, что юридическаго прикрѣпленія крестьянъ не было до Уложения, значить закрывать умышленно глаза. Кроме того, что мы уже сказали, въ подкрѣпленіе нашего мнѣнія, дальнѣйшіе указы, касающіеся отиѣна перехода, несомнѣнно убѣждаютъ, что къ концу XVI вѣка остоялось юридическое закрѣпощеніе крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. Мы позволимъ себѣ въ связи съ указомъ 1597 г. разсмотрѣть указы 1601, 1602 г. и 1606 гг. и остановиться нѣсколько на знаменитомъ указѣ 1607 г., который возбуждалъ и возбуждаетъ столько сомнѣній.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ совершенно справедливо замѣтилъ, что „изъ указовъ 1601 и 1602 г., повидимому слѣдуетъ, что общее прикрѣпленіе послѣдовало раньше этого времени“⁴⁾. Дѣйствительно, означенный указъ говоритъ⁵⁾: „Въ нынѣшнемъ въ 110 году великій Государь Царь и Великій князь Борисъ Ѳеодоровичъ всеа Руссіи и сынъ его великій Государь Царевичъ князь Ѳеодоръ Борисовичъ всеа Руссіи пожаловали, во всемъ своемъ государствѣ отъ налога и отъ продажъ велѣли крестьяномъ давати выходъ“. Далѣе устанавливается, что крестьянъ надо отказывать и вывозить въ Юрьевъ день. Наконецъ, опредѣляется, кто изъ помѣщиковъ и землевладѣльцевъ имѣютъ право перезывать къ себѣ крестьянъ—именно только мелкіе землевладѣльцы и мелкопомѣстные дворяне. Ни большіе дворяне, ни черныя волости, ни дворцовыя села не могутъ къ себѣ перезывать крестьянъ. Очевидно, что устанавливать право выхода и Юрьевъ день,

¹⁾ „Обзоръ исторіи Русскаго права“ изд. 2-е, К. 1888, стр. 141.

²⁾ „Организація прямаго обложенія Московскаго государства“. С.-Пб. 1890, стр. 135—136.

³⁾ „Уставная грамота 7098“ Патріарха Іова. (Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей“ книга II. Москва 1849, Смѣсь, стр. 17—21.

⁴⁾ „Хрестоматія по исторіи Русскаго права“ вып. III, К. 1885. стр. 95, пр. 21.

⁵⁾ А. А. Э. II № 20.

если они не были уничтожены, нельзя. Выѣстъ съ тѣмъ, и ограниченіе перехода только къ мелкимъ землевладѣльцамъ показываетъ, что при изданіи этого указа имѣлось въ виду то, что отмѣна права перехода и Юрьева дня произошла по просьбѣ этихъ землевладѣльцевъ. В. О. Ключевскій совершенно обходитъ этотъ вопросъ¹⁾, указывая, что указъ 1601 возстановляетъ *право* перехода, уничтоженное *фактически!* Не говоря уже про невозможность того, чтобы *фактическое правонарушеніе* отмѣнялось въ формѣ *дозволенія пользоваться правомъ*, мы вообще не имѣемъ ни малѣйшихъ основаній допускать толкованіе московскаго ученаго. Затѣмъ два новѣйшихъ изслѣдователя П. П. Милуковъ и М. А. Дьяконовъ, возражая противъ теоріи, защищаемой В. И. Сергѣевичемъ, говорятъ, главнымъ образомъ, о томъ, что юридическому закрѣпощенію предшествовало фактическое²⁾. Но противъ этого никто и не спорить³⁾. Весь вопросъ въ томъ, было-ли юридическое закрѣпленіе крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка? И для отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ всѣ новѣйшія изысканія не дали *ничего*, а между тѣмъ для утвердительнаго отвѣта существуетъ, какъ мы видѣли, довольно много данныхъ. Позволимъ себѣ здѣсь замѣтить, что недавно было высказано слѣдующее возраженіе противъ того, что въ концѣ XVI произошло юридическое прикрѣпленіе крестьянъ: было указано, что „Новгородскія кабальныя книги свидѣтельствуютъ о томъ, что лица, происходяція изъ крестьянскихъ семей, легко мѣняютъ мѣсто своего жительства“⁴⁾. Къ сему еще присовокупляютъ: „когда правительство, дѣйствительно, закрѣпостило крестьянъ, то оно, естественно, объявило „крѣпкими“ не однихъ домохозяевъ, но и ихъ сыновей, братьевъ и племянниковъ...“⁵⁾. По поводу замѣчанія проф. Платонова позволимъ себѣ замѣтить, что всѣ случаи, когда крестьяне поступали въ кабальные холопы къ

¹⁾ „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“ (*Русская Мысль*, 1885, X, стр. 12).

²⁾ „Спорные вопросы финансовой политики Московскаго государства“ С.-Пб. 1891 стр. 84 вѣд. „Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1893, іюнь, стр. 367).

³⁾ См. напримѣръ В. И. Сергѣевичъ „Юридическія Древности“ I стр. 209.

⁴⁾ „Новгородскія кабальныя книги 7108 г.“ изд. подъ редакцію С. Ф. Платонова, С.-Пб. 1894, предисловіе, стр. IV.

⁵⁾ Н. П. Павловъ-Сильванскій „Люди кабальные и доглядные“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1895, январь, стр. 215).

не своимъ господамъ, суть случаи необыкновенные, какъ это явствуетъ изъ той же Новгородской кабальной книги 7108 года: именно, мы имѣемъ тутъ слѣдующихъ крестьянскихъ дѣтей: Офонъ Семёновъ¹⁾ — сбѣжалъ въ казаки и затѣмъ уже поступаетъ въ кабалу. Кирило Мосѣевъ²⁾, хотя крестьянскій сынъ—но бродячій ремесленникъ, портной Игнатій Яковлевъ³⁾ всего 14 лѣтъ, при чемъ 10 лѣтъ тому назадъ умеръ его отецъ, а 3 года—мать. Такъ какъ еще мы встрѣтимъ сиротъ, то скажемъ здѣсь, что такъ какъ помѣщики имѣли дѣло съ крестьянскимъ обществомъ, а личныхъ отношеній до половины XVII вѣка у нихъ съ крестьянами не было, то очень естественно, что это общество крестьянъ, не желая платить и содержать сиротъ, пускало ихъ на волю Божию. Наумъ Леонтьевъ⁴⁾—не помнитъ отца и матери и ушелъ послѣ ихъ смерти. Илья Романовъ⁵⁾—17 лѣтъ, отецъ умеръ 4 года назадъ. Мать вторично за мужемъ. Ондрей Ивановъ⁶⁾—жилъ съ отцемъ на *дворцовой* пашнѣ, а послѣ смерти отца поступаетъ въ кабалу къ *дворцовому дяку*—очевидно, тутъ не было ухода. Далѣ Корниль Томилка⁷⁾, Микитка Мокѣевъ⁸⁾ и Ондрей Васильевъ⁹⁾—послѣ смерти родителей погуляли въ казакахъ, а затѣмъ уже поступаютъ въ кабалу. Наконецъ, Филиппко Ивановъ, прозвище Жданко¹⁰⁾, Нестеръ Герасимовъ, прозвище Томило¹¹⁾, Иванъ Степановъ¹²⁾, Павелъ Ортемьевъ¹³⁾, Харитонъ Садоеѣевъ¹⁴⁾, Иванъ Ивановъ, прозвище Менщикъ¹⁵⁾ и Онанья Ивановъ сынъ Ѳедоровъ¹⁶⁾—все сироты. Мокѣй Овдѣевъ сынъ Кирилловъ—поступаетъ въ кабалу къ своему же

1) Стр. 5.

2) Стр. 7.

3) Стр. 9.

4) Стр. 13.

5) Стр. 16.

6) Стр. 19.

7) Стр. 20.

8) Стр. 41.

9) Стр. 59.

10) Стр. 32.

11) Стр. 43.

12) Стр. 45.

13) Стр. 49.

14) Стр. 56.

15) Стр. 66.

16) Стр. 67.

господину¹⁾). Вотъ всѣ случаи поступленія изъ крестьянства въ кабалу, которыя мы находимъ во вновь изданныхъ Новгородскихъ кабальныхъ книгахъ: они, очевидно, не могутъ служить доказательствомъ того, что въ 1600 г. былъ крестьянскій переходъ. Что же касается до заявленія г. Павлова-Сильванскаго, то мы позволимъ себѣ замѣтить, что это простое недоразумѣніе: указъ 1597 г. точно также говоритъ: „и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ“—не давая никакого права крестьянскимъ дѣтямъ уходить. Единственное соображеніе, что, хотя и казаки, хотя и сироты, но все-таки въ кабалу къ чужимъ помѣщикамъ идутъ бывшіе крестьяне другихъ помѣщиковъ и потому странно, что эти сдѣлки безпрепятственно заносятся въ кабальные записныя книги, по нашему мнѣнію, не есть доказательство того, что было право перехода, а лишь того, что и у насъ, какъ въ Западной Европѣ „вилланъ, ушедшій изъ подъ власти, признается свободнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное“²⁾). Указъ 1602 года³⁾ есть повтореніе этого же указа 1601 г. и потому все сказанное о первомъ, относится и ко второму. При этомъ онъ точно также точно опредѣляетъ, что правила, въ немъ приложенныя, дѣйствуютъ въ теченіе лишь одного года. Засимъ, мы имѣемъ относящійся до крестьянскаго прикрѣпленія указъ отъ времени самозванца—именно боярскій приговоръ 1606 г.⁴⁾). Этотъ приговоръ указываетъ, чтобы крестьянъ, ушедшихъ до голодныхъ лѣтъ (1601 и 1602 гг.) и послѣ нихъ, возвращали помѣщикамъ, а ушедшихъ въ голодные годы—или возвращали, если они ушли не отъ голоду, или не возвращали, если ушли отъ голоду. При этомъ давность сохраняется та же, что и въ указѣ 1597 г., то-есть, пятилѣтняя. Позволимъ себѣ замѣтить, что приговоръ 1606 г., во-первыхъ, интересенъ тѣмъ, что указываетъ на исключительность мѣръ, установленныхъ указами 1601 и 1602 гг. и слѣдовательно подтверждаетъ то, что въ это время уже совершилось юридическое прикрѣпленіе крестьянъ. Во-вторыхъ, онъ дополняетъ указъ 1597 г. Въ томъ указѣ главное вниманіе обращено на срокъ давности. Въ

¹⁾ Стр. 50.

²⁾ П. Виноградовъ, „Исслѣдованія по социальной исторіи Англій въ средніе вѣка“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1886, май, стр. 65).

³⁾ А. А. Э. II, № 23 и 24.

⁴⁾ А. А. Э. II, № 40.

этомъ—на то, что крестьяне, ушедшіе отъ помѣщика, возвращаются къ нему и только въ концѣ сказано: „А на бѣглыхъ крестьянъ, по старому приговору, далѣ пяти лѣтъ суда не давати“. Это сравненіе наводитъ на мысль, что въ указѣ 1597 самое постановленіе о давности вытекало изъ подразумѣваемаго постановленія о прикрѣпленіи. Дѣйствительно, рассматривая самую природу „давности“ мы приходимъ къ заключенію, что создаваемое ею право есть въ сущности возстановляемое или охраняемое¹⁾. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такъ-называемою исковою давностью, которая еще несомнѣннѣе есть средство охраненія и возстановленія, а не творенія права. Не даромъ Папиньянъ называетъ ее „publica tutela“²⁾. Такимъ образомъ мы можемъ, я думаю, признать, что разъ существуетъ законъ о давности исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, eo ipso крестьяне признаются юридически закрѣпощенными. Подробнѣйшій указъ, гласящій о томъ, что въ концѣ XVI вѣка произошло прикрѣпленіе крестьянъ, относится къ 1607 г. и вызывалъ и вызываетъ до сихъ поръ нѣкоторыя сомнѣнія. Какъ извѣстно онъ былъ изданъ В. П. Татищевымъ³⁾, на непоколебимую точность котораго полагаться мы не смѣемъ. Историковъ, начиная съ Карамзина⁴⁾, смущала редакція этого боярскаго приговора⁵⁾. Историки, которые признаютъ подлинность этого указа, объясняютъ его редакцію или какъ измѣненіе дьяка⁶⁾ или какъ измѣненіе Татищева⁷⁾. Но и они соглашаются, что конецъ противорѣчитъ началу⁸⁾. Позволимъ себѣ замѣтить, что мы совершенно не находимъ никакого противорѣчія: въ началѣ указа говорится⁹⁾: „Государь Царь и Великій Князь Василій Іоанновичъ.....

¹⁾ *Dernburg*, „Pandecten“ Erster Band. Berlin. 1894, § 144, s. 341 sqq.

²⁾ 2, 1. D. XXXX, 15.

³⁾ „Судебникъ“, изд. 2-е. М. 1786 г., стр. 240—248.

⁴⁾ *Исторія Государства Россійскаго*, изд. Эйнерлинга, т. X, пр. 349.

⁵⁾ *М. П. Пойодинъ*, „Историко-критическіе отрывки“, М. 1867, стр. 210—215; *И. Бяляевъ*, „Крестьяне на Руси“, изд. 1860, стр. 111; *К. Аксаковъ*, „Полное Собраніе Сочиненій“, т. I, стр. 495—528; *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, „Хрестоматія“, вып. III, стр. 98, прим. 22.

⁶⁾ *Н. Костомаровъ*, „Должно ли считать Борися Годунова основателемъ крѣпостнаго права“, (*Н. Калачовъ*, „Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“, 1859, № 2, отд. II, стр. 11).

⁷⁾ *В. О. Ключевскій*, „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“ (*Русская Мысль*, 1885, X, стр. 14, пр.).

⁸⁾ *Н. Костомаровъ*, *Op. cit.*, стр. 16.

⁹⁾ *В. И. Татищевъ*, „Судебникъ“, изд. 2-е, М. 1786, стр. 240.

слушавъ доклады Помѣстной избы отъ Бояръ и Дьяковъ, что переходомъ крестьянъ учинилися великія крамолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный, а Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого koliko тогда крестьянъ было, книги учинилъ и послѣ отъ того начались многія вражды, крамолы и тяжи. Царь Борисъ Ѳеодоровичъ, видя въ народѣ волненіе велие, тѣ книги оставилъ и переходъ крестьянамъ далъ, да не совѣтъ, что судьи не знали, какъ по тому суди вершити и нынѣ великія въ томъ учинилися распри и насилія и многимъ разоренія и убивства смертныя и многіе разбой и по путемъ грабленіе содѣланы и содѣлываются“. Мы видимъ, что здѣсь, хотя указывается, что закрѣпощеніе крестьянъ повлекло за собою тяжбы и притѣсненіе слабыхъ сильными, но несравненно большія бѣдствія причинило неполное освобожденіе Бориса. И потому вполне естественно, что въ виду невозможности дать полное освобожденіе крестьянамъ, дается право помѣщикамъ искать крестьянъ въ теченіе 15 лѣтъ ¹⁾, что нѣсколько ослабляетъ преимущество сильныхъ передъ слабыми. Засимъ, что касается до смѣшенія холоповъ съ крестьянами, то проф. Лаппо-Данилевскій прекрасно его разъясняетъ; онъ говоритъ ²⁾: „Важнѣйшій аргументъ въ пользу подложности этого указа (1607)—смѣшеніе въ немъ крестьянъ и холоповъ... не особенно убѣдительно. Не говоря о томъ, что это мѣсто могло быть невѣрно передано Татищевымъ, такое смѣшеніе мы повидимому встрѣчаемъ отчасти и въ указѣ 1642 года по вопросу объ уничтоженіи давности исковъ о холопахъ. Притомъ, смѣшеніе крестьянъ и холоповъ на дѣлѣ начало обнаруживаться въ первой половинѣ XVI вѣка“.

Засимъ укажемъ, что было высказано мнѣніе, что въ Россіи до XVIII вѣка не было юридическаго прикрѣпленія крестьянъ. Это говоритъ М. Погодинъ ³⁾—голословно и К. Аксаковъ ⁴⁾, со ссылкой на „Бѣлевскую вивлюеику“, изданную Елагинымъ. Все, что мы уже сказали служить возраженіемъ М. Погодину. Что же касается до

¹⁾ „Судебникъ“, стр. 248.

²⁾ „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ“. С.-Пб. 1890, стр. 136, пр. 1.

³⁾ „Историко-критическіе отрывки“. М. 1867, стр. 202.

⁴⁾ „Полное Собраніе Сочиненій“, I, стр. 495—528.

цитаты изъ „Бѣлевской вивліюэки“, то это мѣсто¹⁾ совершенно не доказываетъ право крестьянскаго перехода, а есть лишь порука двухъ посадскихъ людей, что такой-то крестьянинъ не убѣжитъ отъ помѣщика²⁾.

Такимъ образомъ да будетъ намъ позволено замѣтить, что до настоящаго времени мы не имѣемъ ни одного доказательства того, чтобы въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка не было юридическаго прикрѣпленія крестьянъ. Напротивъ, все, что мы знаемъ по этому поводу, все болѣе и болѣе доказываетъ, что именно въ это время тяжелое фактическое положеніе крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, завершилось ихъ юридическимъ прикрѣпленіямъ къ землѣ.

Это послѣднее, повидимому, произошло не посредствомъ одного акта, а путемъ болѣе медленнымъ: съ 1590-хъ годовъ началась новая перепись владѣльческихъ земель. Затѣмъ тѣхъ крестьянъ, которые жили на этихъ земляхъ послѣ этой переписи, перестали выпускать и стали даже, въ силу отдѣльныхъ предписаній, возвращать ихъ владѣльцамъ; когда окончилась перепись, былъ изданъ указъ, которымъ регулируется давность исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, ерго тѣмъ признается юридическая сила отдѣльныхъ опредѣленій, которыя начались съ 90-хъ годовъ, о возвратѣ крестьянъ ихъ владѣльцамъ, и подразумѣвается, что со времени переписи крестьяне признаются лишенными права свободнаго перехода. Намъ могутъ указать, что указъ 1597 года составленъ такъ, что имѣетъ обратное дѣйствіе. Да, но это обратное дѣйствіе распространяется только на частныя рѣшенія судовъ и административныя рѣшенія правительства, то-есть сообщается санкція закона мѣрамъ, предпринятымъ исполнительною властью. Дѣйствительно, какъ мы видѣли выше, уже съ первыхъ лѣтъ послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка мы имѣемъ дѣло о возвратѣ крестьянъ ушедшихъ отъ помѣщиковъ. И указъ 1597 г. предѣломъ иска считаетъ 1592 годъ, очевидно, въ силу именно этихъ отдѣльныхъ рѣшеній о бѣглыхъ крестьянахъ.

¹⁾ „Бѣлевская вивліюэка“ изд. *Ник. Елашнина*. М. 1858, т. II, прил. III, стр. 7—8.

²⁾ См. талантливую критику К. Аксакова у *Липто-Данилевскаго*, *Op. cit.*, стр. 518—520. М. Погодинъ приводитъ статью *К. П. Побѣдоносцева*, („Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи“. *Русскій Вѣстникъ*, 1858, № 11, стр. 211)—но сей авторъ говоритъ лишь о неполности нашего законодательства о крѣпостныхъ до Петра Великаго, а не о томъ, что не было юридическаго прикрѣпленія крестьянъ.

Въ послѣднее время, по поводу прикрѣпленія крестьянъ, возникаютъ еще два вопроса: во-первыхъ, какую фактическую подкладку имѣть юридическое закрѣпощеніе и, во-вторыхъ, районъ этого послѣдняго. Что касается перваго вопроса, то всѣ изслѣдованія, выше-цитированныя, В. О. Ключевскаго, П. Н. Милокова, М. А. Дьяконова, подробно разбираютъ различныя стороны бытовой обстановки закрѣпощенія, указывая, одни на экономическое безотрадное положеніе крестьянъ, другіе на связь и у насъ, какъ на Западѣ Европы, идеи несвободнаго состоянія съ продолжительностью жительства на чужой землѣ. Замѣтимъ здѣсь, что это, вообще, и не вызывало никогда сомнѣнія и указано, между прочимъ, приверженцами другаго мнѣнія о прикрѣпленіи крестьянъ: В. И. Сергѣевичъ подробно выясняетъ фактическое тяжелое матеріальное положеніе крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ ¹⁾, Б. Н. Чичеринъ проводитъ связь между идеєю ограниченія правоспособности и старожильцами ²⁾.

Гораздо болѣе имѣетъ значенія другой намѣченный нами вопросъ: на всю ли Московскую Русь распространяется указъ 1597 года или нѣтъ?

Для рѣшенія этого вопроса надо обратить вниманіе на слѣдующее: указъ 1597 года, а равно и указъ 1607 г. имѣютъ въ виду только крестьянъ жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. Указы 1601 и 1602 г., возстановляя временно право перехода крестьянъ въ Юрьевъ день, помѣщаютъ черныя волости въ числѣ тѣхъ лицъ, на которыхъ распространяется эта льгота. Поэтому все, что мы говорили, мы относили только до крестьянъ жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. Ходъ прикрѣпленія крестьянъ черныхъ волостей, связанный съ исторією тягла, былъ нѣсколько иной ³⁾. Затѣмъ мы имѣли на Руси нѣкоторые особые виды земледѣльческихъ классовъ ⁴⁾. Но крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, всѣ и по всей Руси подпали подъ дѣйствіе указа 1597 года ⁵⁾, хотя безъ сомнѣнія имъ приходилось считаться и съ другими видами крестьянства при взаимныхъ съ ними отношеніяхъ. Поэтому, напримѣръ, мы встрѣчаемъ случаи, что монастыри, у которыхъ крестьяне, жившіе на ихъ земляхъ, закрѣпо-

¹⁾ „Юридическія Древности“, I, стр. 208—209.

²⁾ „Холопы и крестьяне въ Россіи“. („Опыты“. М. 1858, стр. 173).

³⁾ А. Лаппо-Дамилевскій. „Организація прямого обложенія Московскаго государства“. С.-Пб. 1891, стр. 140.

⁴⁾ Дьяконовъ: „Половники поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII вѣкахъ“. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1895, май, стр. 1—61).

⁵⁾ Дьяконовъ, *op. cit.*, стр. 5; ср. Р. И. Б., XIV, № LXXII.

щены, входятъ въ договоры съ половниками ¹⁾—но это совсѣмъ не доказываетъ того, чтобы прикрѣпленіе владѣльческихъ крестьянъ было ограничено извѣстнымъ райономъ—напротивъ, повторяемъ, гдѣ только были владѣльческіе крестьяне, тамъ въ силу указа 1597 года они могли быть отыскиваемы и возвращаемы. При этомъ, однако, еще разъ не лишнимъ считаемъ повторить, что бѣглеы крестьяне, по указу 1597 г., отыскивались только вслѣдствіе частнаго иска господина—убѣжавшій крестьянинъ возвращался, переманившій его къ себѣ платилъ убытки, но уголовного наказанія за это не полагалось.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о положеніи изслѣдуемаго вопроса: нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякое научное мнѣніе, особенно долго защищаемое, влечетъ къ нѣкоторой односторонности взглядовъ. Очень можетъ быть, что надо признать нѣсколько сомнительною теорію о томъ, что въ 1584—1592 годахъ былъ изданъ особый указъ о прикрѣпленіи крестьянъ. Но заслуга этой теоріи въ томъ, что она доказывала, что за это время произошло юридическое прикрѣпленіе къ землѣ крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. Въ этомъ суть этого мнѣнія, хотя бы о подробностяхъ акта прикрѣпленія можно было спорить. Все что говорилось противниками, все что въ настоящее время стремились подкрѣпить архивными документами—все это касается не права, а лишь фактической обстановки, на почвѣ которой развилось право. Чтобы доказать ошибочность мнѣнія о юридическомъ прикрѣпленіи крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, надо доказать (что невозможно) ложность указовъ 1597, 1601, 1602, 1606 и 1607 годовъ и найти новые указы—„таковъ бо уставъ обычая челоуѣцы имамы, егда бо кто глаголетъ не написано, намъ помышляти яко лжа есть“ ²⁾.

И. Дебольскій.

¹⁾ *Дьяконовъ*, *op. cit.*, стр. 13. Такой порядокъ вещей удержался и въ первой половинѣ XVIII вѣка, см. П. С. З., т. VII, № 4332, (1723 г. октября 23-го) № 4661 (1725 г. февраля 22-го).

²⁾ „Житіе Якова Боровицкаго“. (*Некрасовъ*. Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси“. I. Одесса. 1870, стр. 1).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Минто, В. Логика дедуктивная и индуктивная. Переводъ С. А. Котляревскаго, подъ редакціей В. Н. Ивановскаго, Москва 1895. 8° 539 стр.

Переводъ логики Минто представляет собой первый томъ бібліотеки для самообразованія, издаваемой комиссією по организаціи домашняго чтенія; комиссія эта состоитъ при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній и недавно издала программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса. Первое изданіе программъ вышло въ свѣтъ 10-го декабря 1894 года и разошлось въ количествѣ 4,800 экземпляровъ въ теченіе мѣсяца. Второе изданіе разошлось (10,000 экз.) въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и нынѣ вышло третье изданіе исправленное и дополненное. Итакъ успѣхъ программъ несомнѣнный. Не менѣе несомнѣнно и то, что въ сложномъ дѣлѣ организаціи самообразованія, въ дѣлѣ новомъ и прекрасномъ, не все могло быть одинаково хорошо обдуманно и выполнено. Вѣдь „указанія комиссіи дѣлаются такъ, чтобы ими могли воспользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе неимѣющія возможности пріобрѣсти правильнаго средняго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія читать серьезныя книги популярно-научнаго содержания; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью комиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или пріобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ“. Означенныя три категоріи охватываютъ собой всѣхъ грамотныхъ, какого бы уровня образованія они не были. Рекомендовать столь различнымъ людямъ одно и тоже сочиненіе можно

лишь въ томъ случаѣ, когда ограничиваются „необходимымъ минимумомъ познаній, безъ усвоенія котораго нельзя познакомиться съ соответствующимъ отдѣломъ науки сколько нибудь основательно“. Этотъ минимумъ долженъ однако быть по силамъ грамотнымъ, не получившимъ средняго образованія, и интереснымъ въ тоже время людямъ окончившимъ университетъ. По мнѣнію комиссіи логика Минто удовлетворяетъ указаннымъ требованіямъ. Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Ежели вообще можно найти логику, которая удовлетворяла бы выше указаннымъ условіямъ, то учебникъ имѣющей ввиду минимумъ необходимыхъ познаній долженъ имѣть характеръ догматичный, быть краткимъ повторительнымъ курсомъ, тѣмъ, что нѣмцы называютъ катехизисомъ или репетиторіемъ. Логика Минто совсѣмъ не имѣетъ этого характера; это весьма интересная книга для чтенія образованнаго человѣка, знающаго логику, но вовсе не пригодна для начальнаго ознакомленія съ предметомъ. Только тотъ можетъ читать логику Минто съ пользою, кто способенъ критически отнестись къ мнѣніямъ этого автора и отдѣлать ложные его взгляды отъ истинныхъ.

Въ логикѣ Минто мы имѣемъ дѣло съ введеніемъ, съ формальной логикой или съ логикой послѣдовательности, какъ она названа, и въ третьихъ, съ индуктивной логикой. Мы не станемъ подробно разсматривать сочиненія Минто, но займемся имъ лишь настолько, чтобы оправдать нашу мысль, что интересная книга покойнаго Эбердинскаго профессора—за хорошій переводъ которой слѣдуетъ поблагодарить комиссію для организаціи домашняго чтенія—вовсе не можетъ быть учебникомъ и служить средствомъ самообразованія для первыхъ двухъ категорій читателей, указанныхъ комиссіей.

Во введеніи Минто разсматриваетъ происхожденіе и задачи логики и высказываетъ мысли, какъ нельзя болѣе странныя. „Логика Аристотеля, говоритъ нашъ авторъ, по ея первоначальному назначенію была такимъ же практическимъ руководствомъ, какъ трактаты о мореплаваніи или руководства къ игрѣ въ вистъ... Эта логика была въ различныхъ своихъ частяхъ рядомъ руководство для изученія модной тогда умственной игры, — особаго вида преній, діалектики, игры въ вопросы и отвѣты, столь полно иллюстрированной въ діалогахъ Платона и связанной съ именемъ Сократа“. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что эта игра не имѣла характерной особенности игры, то-есть не служила забавой и развлеченіемъ, а занимала всѣ умственныя силы самыхъ серьезныхъ людей Греціи и навлекла

на Сократа смертный приговоръ, а Платону и Аристотелю стоила многихъ горькихъ часовъ жизни. Въ сужденіи Минто заключается непростительная историческая ошибка: что въ извѣстной мѣрѣ справедливо относительно софистовъ, того никакъ нельзя утверждать относительно Платона и Аристотеля и ихъ учителя. Вѣдь вся ихъ дѣятельность, какъ обыкновенно думаютъ, и думаютъ правильно, была направлена противъ этой диалектической игры; логика Аристотеля должна была служить орудіемъ для открытія софистическихъ заблужденій, а не для укрѣпленія ихъ.—Указанія на происхожденіе, на исторію логики Минто считаетъ достаточнымъ, чтобы придать ей характеръ практической науки (ст. 22). „Всякая правильная форма въ логикѣ дается для предохраненія отъ нѣкотораго заблужденія, къ которому люди склонны“... Хотя мы и не согласны съ тѣмъ, что логика есть практическая наука, но пользу ея, конечно, видимъ и въ томъ, что она предохраняетъ отъ заблужденій; въ такомъ случаѣ однако, не слѣдуетъ укоренять заблужденій, а напротивъ развивать критику. Дѣлается-ли это, однако, Минто, когда на стр. 17 пишетъ: „Согласно обычаю, я послѣдую общепринятому теперь дѣленію логики на дедуктивную и индуктивную. Эти названія во многихъ отношеніяхъ сбивчивы, но они упрочены силой обычая, и тщетно было бы пытаться его уничтожить. Лучшій способъ предотвратить теперь путаницу—это сохранить установившіяся названія“.... Логика должна предостеречь отъ заблужденій, и оказывается, что лучшимъ средствомъ для этого—принять заблужденіе, согласиться съ путаницей! Это худое средство, какъ мнѣ кажется. Во второй главѣ введенія Минто трактуетъ о заблужденіяхъ. Тема весьма любопытная, далеко неисчерпанная, привлекавшая многихъ геніевъ, какъ напримѣръ, Бакона, Декарта, Джона Стюарта Милля и др. Минто предлагаетъ свое дѣленіе заблужденій; онъ ихъ дѣлитъ на четыре группы: заблужденія отъ нетерпѣнія, отъ удовольствія, доставляемаго дѣятельностью, заблужденія подъ влияніемъ чувства и происходяція подъ влияніемъ привычки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣкъ впадаетъ въ заблужденія подъ влияніемъ указанныхъ причинъ, но вопросъ въ томъ, полна ли классификація, можно-ли въ ней указать основной принципъ, опираясь на который она предпринята и нѣтъ ли здѣсь, не смотря на малочисленность группъ—лишней. Въ этомъ описаніи заблужденій сказался какъ нельзя болѣе практическій духъ англичанина, пренебрегающій системою. Существуетъ на англійскомъ языкѣ курсъ мореходства, который сразу, безъ всякихъ предварительныхъ указа-

ній, начинается съ описанія устройства какого-то маловажнаго паруса. Можетъ быть такая бессистемность очень практична, но только не въ логикѣ, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы человѣка приучить къ систематическому, послѣдовательному мышленію.

Послѣ этихъ чисто психологическихъ замѣчаній нашъ авторъ въ третьей части введенія переходитъ къ аксіомамъ діалектики и силлогизма, иначе говоря, къ такъ называемымъ законамъ мышленія. Эта часть столь же слаба, какъ и обѣ предыдущія.

Изложивъ принципъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, Минто спрашиваетъ: „Для чего излагать эти правила, столь очевидныя при одномъ толкованіи и столь ясно софистическія при другомъ?“ Аристотелю необходимо было ихъ установить „просто потому, что многіе изъ его предшественниковъ, тонкихъ діалектиковъ, не признавали силы и значенія этого принципа“. Вотъ странное основаніе! Положимъ какой либо тонкій діалектикъ станетъ отрицать Коперниканское міросозерцаніе. Развѣ этого достаточно, чтобы стать на сторону защитниковъ его, не нужно ли хоть немножко вѣрить въ истинность гелиоцентризма?! Это, конечно, чувствуетъ и Минто, ибо рѣшается отвлечь эти принципы отъ условій первоначальнаго ихъ примѣненія и рассмотреть ихъ самихъ по себѣ, рѣшая вопросъ, „въ какихъ предѣлахъ эти законы имѣютъ силу“ (ст. 41). Въ толкованіи закона тождества проф. Минто высказываетъ удивительное мнѣніе: „Сократъ есть Сократъ: это значить, что единичный предметъ и есть то, что остается тождественнымъ съ самимъ собой при всемъ разнообразіи приписываемыхъ ему сказуемыхъ“... Это толкованіе тождества не есть смѣшеніе мышленія и реальности, ибо „реальное существованіе есть также одно изъ сказуемыхъ, приложимыхъ къ Сократу“. „Это метафизическая теорія о чемъ то, всегда себѣ тождественномъ, о субстратѣ, лежащемъ въ основѣ всѣхъ проявленій отдѣльнаго предмета“ (ст. 45). Такое толкованіе закона тождества Минто считаетъ отличающимся отъ даннаго Аристотелемъ и служащимъ ему дополненіемъ. Считаетъ-ли истиннымъ это дополненіе Минто, этого онъ вполне ясно не говоритъ, хотя повидимому склоняется въ пользу такого толкованія. Между тѣмъ это толкованіе ложное и не согласное съ номиналистической точкой зрѣнія, которой авторъ придерживается въ дальнѣйшемъ изложеніи. Въ законѣ тождества утверждается вовсе не тождество субстрата, а понятія самимъ съ собой; Гераклитъ, который училъ, что все течетъ, долженъ былъ тѣмъ не менѣе утверждать неизмѣнное значеніе своей теоріи, то-есть, факти-

чески признавать законъ тождества. Нечего говорить о томъ, что номинализму должны быть чужды всякія разсужденія о „метафизической теоріи тождественнаго себѣ субстрата“.

Каковы-бы ни были достоинства дальнѣйшаго изложенія логическихъ ученій въ книгѣ Минто, все-жъ Введение слѣдуетъ назвать неудачнымъ. Если къ этому прибавить, что и въ дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ онъ трактуетъ объ „общихъ именахъ“ и „предложеніи“, онъ въ то-же время говоритъ и о понятіяхъ (стр. 60), не объясняя, что онъ разумѣетъ подъ терминомъ понятія, и тѣмъ сбивая читателя, то можетъ быть въ общемъ логика Минто произведетъ не очень отрадное впечатлѣніе. Но это другой вопросъ, котораго мы не касаемся. Нашихъ указаній достаточно, чтобы оправдать высказанное нами выше мнѣніе, что выборъ логики Минто комиссіей самообразования нельзя считать удачнымъ. Это логика извѣстнаго направленія, вовсе не всѣми признаваемаго за истинное, и рекомендовать его для самообразования значить предлагать читателямъ книгу, критическое отношеніе къ которой для большинства окажется не по силамъ.

Э. Радловъ.

Фридрихъ Кирхнеръ. Исторія философіи съ древнѣйшаго до настоящаго времени. (Geschichte der Philosophie). Переводъ съ нѣмецкаго В. Д. Вольфсона. Съ дополнительною статью „Русская философія“ В. Чуйко. С.-Пб. Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго. 1895. 384 + XIV стр. Цѣна 1 р. 20 к.

Ф. Кирхнеръ, характеризуя состояніе современной философіи, въ числѣ основателей новыхъ системъ, на ряду съ Лотце и Фехнеромъ, отмѣчаетъ и самого себя,—однако другіе историки новой философіи (напримѣръ Ибервегъ, Фалькенбергъ) отводятъ ему гораздо болѣе скромное мѣсто, причемъ упоминаютъ о немъ главнымъ образомъ какъ о составителѣ краткихъ учебниковъ по различнымъ философскимъ наукамъ. Къ числу такихъ учебниковъ относится и только что появившаяся на русскомъ языкѣ „Исторія философіи“.

По мнѣнію переводчика эта книга „отличается нѣкоторыми особенностями отъ другихъ сочиненій по тому-же предмету“. А именно, прежде всего она „кратка, но краткость эта отнюдь не идетъ въ ущербъ полнотѣ; напротивъ, многіе отдѣлы у Кирхнера обработаны гораздо основательнѣе и подробнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ объемистой исторіи философіи Льюнса; къ такимъ отдѣламъ относятся средніе

вѣка, о которыхъ у Льюиса почти ничего не говорится"... Странная рекомендація! Положимъ, что г. Вольфсонъ, какъ переводчикъ Льюиса, чувствуетъ къ нему нѣкоторое особенное расположеніе, однако нельзя же всетаки забывать, что этотъ писатель—далеко не единственный историкъ философіи и что, вообще, едва-ли можно считать его занимательное сочиненіе образцомъ историко-философской „основательности“, и въ особенности по отношенію къ тѣмъ отдѣламъ, о которыхъ въ немъ „почти ничего не говорится“. Что-же касается Кирхнера, то его „Исторія философіи“, преслѣдуя прежде всего чисто учебныя цѣли (служить пособіемъ для репетицій), поневолѣ носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то конспективнаго, отрывочнаго, а подчасъ—даже скожканнаго.

Второю особенностью учебника Кирхнера, по словамъ переводчика, является „своеобразный взглядъ автора на исторію философіи: по его мнѣнію,—говоритъ г. Вольфсонъ,—исторія философіи есть сама философія, то-есть (?!) остановка дальнѣйшаго развитія ея, выработка окончательной философской системы—имѣли бы результатомъ уничтоженіе философіи“. „Мы не будемъ,—продолжаетъ г. переводчикъ,—анализировать этотъ взглядъ; замѣтимъ лишь, что, руководствуясь имъ, Кирхнеръ придалъ своему изложенію болѣе объективный характеръ; онъ ничего не навязываетъ читателю, ничего не разрушаетъ, ни на чемъ окончательно не останавливается“.

Здѣсь много невѣрнаго. Во-первыхъ, Кирхнеръ, хотя и признаетъ необходимость постояннаго прогресса философскихъ системъ, однако совѣмъ не отождествляетъ понятія философіи съ ея исторіей. Напротивъ, въ своемъ введеніи, онъ прямо опредѣляетъ философію какъ науку о послѣднихъ основахъ всего бытія, а исторію философіи—какъ науку о развитіи философскихъ воззрѣній. Точно также невѣрно, будто въ своей „Исторіи философіи“ Кирхнеръ ничего не разрушаетъ и ни на чемъ окончательно не останавливается. Для примѣра можно указать хотя-бы на его чисто-отрицательное отношеніе къ Гегелю и на признаніе Канта *окончательно* (endgültig) рѣшившимъ вопросъ о человѣческомъ познаніи (стр. 269 русскаго перевода).

Обращаясь къ критической сторонѣ Кирхнероваго сочиненія, г. Вольфсонъ говоритъ: „его критика отличается крайнею осторожностью, сдержанностію, онъ относится съ уваженіемъ даже къ явнымъ заблужденіямъ философской мысли, руководясь тѣмъ, что и заблужденія эти принесли пользу человечеству“.

Но, къ сожалѣнію, эта „осторожная и сдержанная“ критика

Фр. Кирхнера нерѣдко положительно поражаетъ своею наивностью. Такъ, напримѣръ, ему кажется удивительнымъ, что Декартъ признаетъ атрибутомъ (то-есть неизмѣняемымъ состояніемъ) духа мышление, хотя оно является въ духѣ не менѣе измѣнчивымъ, чѣмъ воображеніе, ощущеніе, хотѣніе и пр. (S. 271, 2 Aufl.). Авторъ при этомъ, очевидно, забываетъ, что, говоря о мышленіи, какъ атрибутѣ духа, Декартъ употребляетъ слово *cogitatio* не въ смыслѣ способности чисто-логическихъ процессовъ, а въ болѣе широкомъ смыслѣ *сознанія*, которое, само собой разумѣется, неизмѣнно присутствуетъ при всѣхъ видахъ психической жизни. Возраженіе Кирхнера, въ данномъ случаѣ, представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что, сейчасъ-же вслѣдъ за этимъ, онъ указываетъ на то, что, по картезіанскому воззрѣнію, духъ „всегда *мыслитъ*, то-есть, постоянно *обладаетъ сознаніемъ*“ (S. 272). Разбирая затѣмъ ученіе Спинозы о двухъ параллельныхъ атрибутахъ единой субстанціи, Кирхнеръ замѣчаетъ: „если мысль и протяженіе, какъ говоритъ Спиноза, параллельны, то фикціи фантазіи должны были бы соотвѣтствовать смутности внѣшнихъ явленій—и въ такомъ случаѣ эти фикціи были-бы истинными; или же внѣшнія явленія суть только образы мышленія—и въ такомъ случаѣ субстанція обладала бы лишь однимъ атрибутомъ“ (S. 290; стр. 228 русскаго перевода). Немногого требуется для того, чтобы понять всю наивность этой дилеммы. Вѣдь, утверждая, что „*ordo et connexio idearum idem est ac ordo et connexio rerum*“ (*Ethica*, II, проп. 7), Спиноза въ то же время опредѣленно поясняетъ, что, по отношенію къ человѣку, это положеніе обозначаетъ параллельность активныхъ и пассивныхъ состояній нашего тѣла и души (*Ibidem*, III, проп. 2, Schol). Слѣдовательно, изъ этого положенія можно вывести только одно: нашимъ фикціямъ и фантазіямъ, какъ извѣстнымъ состояніямъ нашей души, необходимо соотвѣтствуютъ извѣстныя состоянія нашего тѣла. Но отсюда, конечно, совсѣмъ еще не слѣдуетъ, что всѣмъ нашимъ фикціямъ должны соотвѣтствовать какіе-нибудь внѣшніе предметы, которые составляютъ ихъ содержаніе. Исходнымъ пунктомъ для рѣшенія вопроса объ истинности нашего познанія у Спинозы является не только что указанное положеніе о параллельности двухъ атрибутовъ единой субстанціи, а противоположеніе понятій *ratio* и *imaginatio*. Далѣе, при передачѣ ученія Локка, Кирхнеръ замѣчаетъ, что, хотя Локка обвиняютъ въ поверхностности, однако „это происходитъ потому, что онъ излагаетъ свои мысли ясно и просто“, — и больше никакихъ объясненій.

Этихъ примѣровъ, мнѣ кажется, достаточно для краткой характеристики „осторожныхъ и сдержанныхъ“ критическихъ приѣмовъ Фр. Кирхнера. Кто пожелаетъ поближе познакомиться съ его „Исторіей философіи“, тотъ найдетъ въ ней подобныхъ примѣровъ побольше.

Итакъ, насколько видно изъ всего предыдущаго, предисловіе г. Вольфсона далеко не мѣтко характеризуетъ разбираемое сочиненіе Кирхнера. За неудачнымъ предисловіемъ слѣдуетъ и неудачный переводъ. Начнемъ съ того, что хотя на обложкѣ и не обозначено изданіе оригинала, однако, повидимому, переводъ сдѣланъ еще съ *перваго* его изданія, между тѣмъ какъ уже болѣе десяти лѣтъ (1884 г. появилось *второе*, исправленное и дополненное изданіе, въ которомъ, между прочимъ, содержатся и краткія библиографическія указанія. Далѣе, г. Вольфсонъ, не смотря на свое видимое уваженіе къ Фр. Кирхнеру, почему-то всетаки счелъ возможнымъ совсѣмъ не переводить изъ его „Исторіи“ цѣлыхъ двухъ главъ (о Шопенгауерѣ и Гартманѣ), замѣнивъ ихъ *своимъ собственнымъ* изложеніемъ. Помимо всего этого, въ переводѣ не мало промаховъ. Такъ, напримѣръ: „Die Idee des Guten ist die Sonne der wirklichen und geistigen Welt“ (идея добра есть солнце дѣйствительнаго и духовнаго міра) переведено: „Идею добра является солнце видимаго и духовнаго міра“ (стр. 63); „Raum und Zeit sind Anschauungen a priori, welche unsere Vernunft vor aller Erfahrung besitzt“ (пространство и время суть апріорныя интуиціи, которыми нашъ разумъ владѣетъ прежде всякаго опыта) переведено: „пространство и время суть понятія апріорныя, которыми разумъ владѣетъ, не обладая никакимъ опытомъ“ (стр. 273), и проч. Вообще, г. Вольфсонъ нерѣдко путается въ философскихъ терминахъ: вмѣсто „способности“ у него является „свойство“, вмѣсто „самосохраненія“ — „дѣйствіе“, вмѣсто „скепсиса“ — „скептицизмъ“, вмѣсто „категорій“ — „критерій“, вмѣсто „эксперимента“ — „опытъ“, вмѣсто „хотѣнія“ — „воля“, вмѣсто „воспріятія“ — „истина“, вмѣсто „чувственнаго“ — „тѣлесное“, вмѣсто „дѣйствительнаго“ — „видимое“, вмѣсто „основанія“ — „причина“, и проч. Въ главѣ о циникахъ переводчикъ поясняетъ, что „*циносъ* или *килосъ* по-гречески — *собака*“ (sic!). Но особенно курьезно то, что въ одномъ мѣстѣ г. Вольфсонъ, принявши имя города за фамилію философа, превратилъ Николая изъ Кузы (Nicolaus von Cusa) въ Николая *Кузу*, причемъ, для простоты, и во всемъ послѣдующемъ изложеніи замѣнилъ „Кузанца“ (der Kusaner) *Кузой*. Онъ такъ прямо и

говорить: „въ Кузѣ обнаруживается схоласть; идеи Кузы нашли послѣдователей въ лицѣ Фабера, Булье и Рейхлина“ (стр. 193).

А. Нечаевъ.

Istituto storico italiano. Fonti per la storia d'Italia. Scrittori, secolo VI. — LA GUERRA GOTICA DI PROCORIO DI CESAREA: testo greco emendato sui manoscritti con traduzione italiana a cura di *Domenico Comparesi*. Vol. I, Roma 1895, pagg. XXXVI + 216 (218).

„Критическое изданіе Прокопія является одною изъ самыхъ ощутительныхъ потребностей византійской филологіи“, замѣтилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ новѣйшій историкъ византійской литературы ¹⁾, и въ настоящее время это desiderium уже близко къ полному осуществленію: починъ сдѣланъ г. Компаретти, выпустившимъ въ свѣтъ критическое изданіе первой книги „Войнъ съ готами“ и готовящимъ къ печати или уже печатающимъ теперь остальные книги тѣхъ же „Войнъ“ ²⁾; г. Гаури (Haury) готовитъ для „bibliotheca Teubneriana“ изданіе всѣхъ сочиненій Прокопія и печатаетъ ихъ, вѣроятно, начнетъ въ обычномъ порядкѣ, то-есть съ *Bellum Persicum* и *Bellum Vandal.*; наконецъ пишущій эти строки подготавливаетъ къ печати изданіе „Тайной Исторіи“.

Изданію первой книги „Войнъ съ готами“, заглавіе котораго выписано выше, предпосылается „Предисловіе“, состоящее изъ двухъ частей. Первая (рр. VII—XXI), — которая принадлежит перу самого г. Компаретти, — почти цѣликомъ посвящена обзору историко-литературныхъ данныхъ, относящихся къ Прокопію и его произведеніямъ. Подчеркнувъ первенствующее положеніе, по праву занимаемое Прокопіемъ въ ряду византійскихъ историковъ, и важное значеніе его произведеній вообще, г. Компаретти дѣлаетъ бѣглый обзоръ біографическихъ данныхъ (р. VIII), затѣмъ переходитъ къ обзорѣнню трудовъ Прокопія (р. VIII sqq.), причемъ по вопросу о подлинности „Тайной Исторіи“ примыкаетъ къ правильному воззрѣнію, раздѣляемому всѣми новѣйшими изслѣдователями ³⁾; безъ сомнѣнія, правильно рѣшаетъ г. Компаретти и — какъ-то обходимый новѣйшими историками визан-

¹⁾ К. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, München, 1891, p. 45, 1.

²⁾ Еще будутъ выпущены два тома.

³⁾ „Opera singularissima“, говоритъ г. Компаретти о „Тайной Исторіи“ (Prefazione p. IX): „della quale si è lungamente disputato, ma che è indubbiamente sua, nè da altri avrebbe potuto essere scritta se non da lui“.

тійской литературы¹⁾— вопросъ объ общемъ заглавіи главнаго труда Прокопія: справедливо отвергая заглавія „De bellis“, „Τὰ κατὰ Βελ-
σάριον“ и т. п., онъ останавливается на „Ἱστορίαι“²⁾. Далѣе указы-
вается причина; заставившая дирекцію Итальянскаго Историческаго
Института включить вторую тетраду Прокопія въ собраніе издавае-
мыхъ Институтомъ „Источниковъ для исторіи Италіи“ (р. XI sq.);
критически обозрѣваются прежнія изданія „Войнъ съ готами“ (р.
XIII—XV); разсматривается вопросъ о рукописномъ преданіи этихъ
„Войнъ“ (р. XVI—XVIII); указываются принципы, которыми руко-
водился г. Компаретти при критической обработкѣ текста въ своемъ
изданіи (р. XVIII—XX); наконецъ идетъ рѣчь о двухъ (неудовле-
творительныхъ) итальянскихъ переводахъ „Войнъ съ готами“ (р.
XX), и первая часть „Предисловія“ кончается заявленіемъ г. Компа-
ретти, что имъ удержано Maltrait'овское дѣленіе на главы „per ri-
spetto alla consuetudine seguita fin qui nel citare“ (р. XXI), хотя
оно и оказывается не совсѣмъ удовлетворительнымъ,—и что больше
свободы онъ предоставилъ себѣ въ интерпункціи издаваемого имъ
текста.

Вторая половина „Предисловія“ содержитъ обстоятельное описаніе
десяти рукописей, которыми пользовался г. Компаретти. Описаніе это
(р. XXII—XXXIV)³⁾ сдѣлано образцово и принадлежитъ перу бывшего
ученика г. Компаретти, нынѣ бібліотекаря и хранителя рукописей
флорентійской biblioteca Laurenziana, — д-ра Энрико Ростаньо (Ro-
stagno), которому г. Компаретти обязанъ и сличеніями упомянутыхъ
рукописей³⁾.

¹⁾ Ср. Krumbacher l. c. p. 41, R. Nicolai *Griech. Literaturgeschichte in neuer Bearbeitung*, III (Magdeburg, 1878), p. 44.

²⁾ Prefazione p. X: „Il titolo generale dato dall' autore a quest' opera dovette essere il semplice e generico Ἱστορίαι, come trovasi nei migliori manoscritti, secondo l'esempio di Erodoto; Fozio *Biblioth.* n. 63 ha pure: „Προκοπίου ῥήτορος ἱστορικὸν ἐν βιβλίοις ὀκτώ“.

³⁾ Ср. Prefazione p. XXII. Нѣсколькими страницами выше (l. c. p. XVI) г. Компа-
ретти дважды выражается не совсѣмъ точно: „Noi per questa nostra edizione *abbiamo collazionato* dei codici esteri soltanto il Monacense (m) e l'apografo di questo (f) preparato dall' Hoeschel per la sua edizione“ и ниже: „Tutti i codici esistenti a nostra cognizione nelle biblioteche d'Italia...dall' ottimo fra i buoni che è il Vaticano V al pessimo fra i cattivi che è l'Ambrosiano D, *sono stati da noi collazionati*“ (курсивъ въ обоихъ мѣстахъ нашъ). Впрочемъ обѣими флорентійскими рукописями (*Me*) онъ пользовался и самъ, провѣряя ихъ варианты на корректурныхъ листахъ разбираемаго изданія. Знаемъ это изъ сообщенія самого г. Компа-
ретти, всегда любезно уступавшаго намъ эти рукописи въ Лауренціанѣ.

Среди этих кодексов находимъ четыре ватиканскихъ:

1) *V*¹⁾ = cod. Vatic. gr. 1690, пергаменный, начала XIII вѣка²⁾; это — единственная рукопись Прокопія, писанная въ два столбца.

2) *v* = cod. Vatic. gr. 152; бумажный, XIV вѣка.

3) *W* = cod. Vatic. gr. 1301; бумажный³⁾.

4) *r* = cod. Vatic. Regín. 84; бумажный, XVI вѣка.

Затѣмъ — два флорентійскихъ:

5) *M* = cod. Laurent. 69, 8; пергаменный, XIV вѣка.

6) *e* = cod. Laurent. 9, 32 (извлеченія), бумажный, тоже XIV вѣка.

Далѣе два миланскихъ:

7) *C* = cod. Ambros. A⁴⁾ 182 sup.; бумажный, XIV вѣка.

8) *D* = cod. Ambros. A⁴⁾ 52—55 sup.; бумажный, XVI вѣка.

Наконецъ, два мюнхенскихъ:

9) *m* = cod. Monac. gr. 87; бумажный, XVI вѣка, и

10) *f* = cod. Monac. gr. 513; бумажный, конца XVI вѣка.

Кромѣ чтеній этихъ десяти рукописей г. Компаретти принялъ во вниманіе и въ свой критическій аппаратъ еще варианты парижской рукописи (cod. Paris. 1699; бумажная, XV вѣка⁵⁾), пользуясь тѣмъ, что сообщаютъ изъ нея Диндорфъ на основаніи лейденской копии („*L*“, то-есть *arographon Leidense*) и Мальтрэ („*Reg.*“) въ

¹⁾ Употребляемъ тѣ же сокращенныя обозначенія рукописей, что и г. Компаретти.

²⁾ Такъ опредѣляетъ время написанія этой рукописи г. Ростаньо (Prefazione p. XXII)—и, думается намъ, правильнѣе, нежели г. Гаури (J. Haury), считающій ее на цѣлое столѣтіе позже („aus dem Anfang des vierzehnten Jahrhunderts“, см. его статью „Ueber Prokophandschriften“ въ *Sitzungsberichte der philos.-philol. und der histor. Classe der k. b. Akademie d. Wiss. zu München*, 1895, Heft I, p. 151).

³⁾ Относительно даты этой рукописи мнѣнія гг. Ростаньо и Гаури расходятся: первый, правда, не совсѣмъ рѣшительно, относить ее къ началу XVI вѣка („del principio forse del secolo XVI“, Prefazione p. XXVI), второй думаетъ, что она написана въ концѣ XIV вѣка (*l. c.* p. 161). На нашъ взглядъ, правильнѣе всего отнести ее къ XV вѣку.

⁴⁾ Это *A* почему-то пропущено у г. Ростаньо *l. c.* p. XXIX sq., а равно и въ „*Note dei codici*“ *l. c.* p. XXXV.

⁵⁾ Объ этой рукописи см. ниже (стр. 127).

своихъ изданіяхъ. Дѣлать новое сличеніе этой парижской рукописи г. Компаретти счелъ излишнимъ съ одной стороны въ виду ея малоцѣнности въ сравненіи съ другими кодексами, съ другой — вслѣдствіе „достаточности“ показаній Мальтрэ и Диндорфа ¹⁾).

Еще остается упомянуть бѣглую замѣтку г. Компаретти о другой парижской рукописи: „Не можемъ сказать“, говорить онъ въ одномъ примѣчаніи ²⁾), „видѣлъ ли Мальтрэ еще парижскую рукопись 1703, пергаменную ³⁾), XV вѣка, которая содержитъ книги „Войнъ съ готами“ и въ концѣ имѣетъ лауну (Omont, *Invent. sommaire des mss. gr. de la bibl. Nationale* II, p. 127); но, если онъ и видѣлъ ее, то навѣрно не принялъ во вниманіе“. Слѣдуетъ пожалѣть, что этой рукописи не принялъ во вниманіе и самъ г. Компаретти, тогда какъ ея варианты, — особенно изъ первой половины, именно до 328, 3 Γότθοι Νεάπολις ⁴⁾), — были бы вовсе не лишними въ критическомъ аппаратѣ разбираемаго изданія. Къ ней мы еще вернемся ниже.

Всѣ упомянутыя рукописи ⁵⁾ г. Компаретти дѣлитъ на двѣ группы или семейства (famiglie): къ одной группѣ онъ относитъ три ватиканскихъ — *VvW* и ту часть парижской 1699, въ которой содержится вторая половина „Войнъ съ готами“ ⁶⁾), къ другой группѣ — всѣ остальные рукописи ⁷⁾).

Оцѣнка значенія рукописей первой группы для возстановленія текста „Войнъ съ готами“, а равно и опредѣленіе взаимныхъ отношеній этихъ рукописей, даваемыхъ г. Компаретти, совершенно правильны: „самымъ древнимъ и авторитетнымъ изъ ватиканскихъ кодексовъ, говорить онъ ⁸⁾), — является *V*, пергаменный начала XIII вѣка, имѣющій лауны, безъ начала и безъ конца; содержитъ только вторую тетраду и по достоинству соответствуетъ пергаменному парижскому

¹⁾ Prefazione p. XVI.

²⁾ Prefazione p. XVI, not. 1.

³⁾ Это — lapsus calami г. Компаретти: рукопись 1703 писана не на пергаментѣ, а на бумагѣ, какъ говорить и Омонтъ *l. c.*

⁴⁾ Вторая половина, съ 328, 3 εἰλον (цифры указываютъ на страницы и строки бонискаго изданія, vol. II) не имѣетъ значенія для критики текста, если правъ г. Гаурн (*l. c.* p. 137), считающій ее копией *W*.

⁵⁾ Cod. Paris. 1703, понятно, остается въ сторонѣ.

⁶⁾ Объ этой рукописи г. Компаретти говорить нѣсколько ниже (Prefazione p. XVIII).

⁷⁾ Prefazione p. XVI sq. — О мнимой мадридской (эскуріальской) рукописи „Войнъ съ готами“ см. тамъ же p. XVI, not. 2.

⁸⁾ Prefazione p. XVII sq.

кодексу, *cod. Paris. 1702* (XIII вѣка по Диндорфу, XIV-го—по Омону) ¹⁾, который содержитъ первую тетраду и, повидимому, принадлежитъ къ тому же самому семейству ²⁾. За нимъ слѣдуетъ *v*, бумажный XIV вѣка, являющийся копіей *V* и дополняющій то, чего въ послѣднемъ не хватаетъ, будучи, какъ кажется, списанъ съ *V*. когда тотъ былъ еще въ цѣломъ видѣ; самымъ позднимъ и менѣе цѣннымъ является *W*, бумажный XVI вѣка, копія *v*. Эти кодексы предлагаютъ чтеніе не только болѣе правильное по большей части, но и болѣе полное нежели всѣ другіе, давая во многихъ мѣстахъ слова и фразы, оказывающіяся пропущенными въ другихъ кодексахъ; имъ обязано это наше изданіе почти всѣми своими эмендаціями; но довольно много есть несправностей и въ нихъ, и, если въ общемъ итогъ можно утверждать, что правильностью чтенія они далеко превосходятъ всѣ прочіе, то съ другой стороны слѣдуетъ признать, что во многихъ мѣстахъ чтеніе, даваемое ими, неправильно и слѣдуетъ предпочесть чтеніе другихъ кодексовъ, — такъ что нельзя было бы дать текстъ цѣликомъ лишь по этимъ (ватиканскимъ) кодексамъ“.

О второй группѣ г. Компаретти говоритъ слѣдующее ³⁾: „Медицейско-Лауренціанскій кодексъ *M*, Амброзіанскій *C*, и Мюнхенскій *m* занимаютъ первыя мѣста въ этой (второй) семьѣ; за ними слѣдуютъ Лауренціанскія *Excerpta*, примыкающія къ *M*, и неполный *Reginensis r*, примыкающій къ *L* и слѣдовательно къ Парижскому [1699], съ котораго *L* былъ списанъ; послѣднимъ является самый неисправный Амброзіанскій *D*. Парижскій тоже принадлежитъ къ этой семьѣ, но лишь частью, а именно почти до конца 12 главы III книги ⁴⁾, послѣ чего чтеніе этого кодекса специально („*in singular modo*“) совпадаетъ съ Ватиканскими; поэтому въ немъ, какъ и въ Ватиканскихъ, нѣтъ большой лакуны, находящейся въ IV книгѣ (р. 609,16 — р. 628,13

¹⁾ Конечно, правъ Омонъ, а не Диндорфъ; ср. между прочимъ и *Naury l. c.* р. 129.

²⁾ Это (отмѣченное въ нашемъ переводѣ курсивомъ) предположеніе г. Компаретти — ошибочно: *pendant*омъ парижской 1702 является *M*, ср. *Naury l. c.* р. 130 sq. Что же касается вопроса о приуроченіи этихъ рукописей къ „семействамъ“, то къ нему мы возвратимся ниже, а покада ограничимся замѣчаніемъ, что при этомъ приуроченіи слѣдуетъ разсматривать рукописное преданіе первой тетрады *отдѣльно* отъ второй, а не смѣшивать ихъ, какъ это дѣлаетъ г. Гаури *l. c.* и г. Компаретти.

³⁾ *Prefazione* р. XVIII.

⁴⁾ Это невѣрно: парижская рукопись совпадаетъ съ ватиканскими начиная съ 328,3 *εἰλον* (ср. *Naury l. c.* р. 164), то-есть почти съ начала 13 главы III книги.

Dind.) въ кодексахъ *MCDmf*, которые всё происходятъ отъ одного и того же списка, имѣвшаго эту лакуну; послѣдняя была въ *f* дополнена Гёшелемъ на основаніи имѣвшихся у него двухъ копій Парижскаго кодекса, который въ томъ мѣстѣ совпадаетъ съ Ватиканскими; впрочемъ въ Амброзіанскомъ *C* она была дополнена въ XVI вѣкѣ изъ рукописи, остающейся совсѣмъ неизвѣстною намъ и, очевидно, по крайней мѣрѣ, въ этой части превосходящей своимъ достоинствомъ Ватиканскія и Парижскую, — и нельзя не согласиться съ даваемою имъ, такъ сказать, индивидуальною оцѣнкою рукописей. Но для методической критики текста одной этой оцѣнки мало, — надо выяснитъ еще взаимныя отношенія перечисленныхъ рукописей. Правда, и г. Компаретти кое что даетъ или намѣчаетъ въ послѣднемъ направленіи, но того, что онъ здѣсь предлагаетъ, — мало.

Кореннымъ недостаткомъ сдѣланнаго г. Компаретти обзора рукописнаго преданія „Войны съ готами“ является его односторонность: сосредоточивъ все свое вниманіе на индивидуальной оцѣнкѣ рукописей, г. Компаретти упустилъ изъ виду свою основную обязанность, какъ критическаго издателя, — упростить наличный критическій матеріалъ, сводя его къ надлежащему минимуму. По отношенію къ первой группѣ рукописей это упрощеніе ему прямо подсказано было г. Ростаньо: послѣдній указалъ, что рукопись *W* списана съ *v*¹⁾, а *v* — съ *V*²⁾, и, такъ какъ *W* нигдѣ не пополняетъ лакунъ своего оригинала (*v*), то очевидно, что она и не имѣетъ никакого значенія для критики текста. Что же касается *v*, которая была списана съ *V* еще въ то время, когда эта послѣдняя рукопись была въ болѣе полномъ видѣ, нежели въ какомъ она находится теперь, то тоже не трудно было бы сообразить, что для критики текста она (*V*) имѣетъ значеніе не вся цѣликомъ, но лишь въ мѣстахъ, пополняющихъ *V*, то-есть только въ шести слѣдующихъ: 1) съ начала второй тетрады до 29,9 πῆψει δὲ включительно³⁾; 2) съ 45,7 βοηθεῖν до 47,19 ἑταίρισάμενον; 3) съ 63,17 καὶ πολιτεῖαν до 83,20 πῶδεςθαι; 4) съ 397,19⁴⁾ ποταμὸν до 400,14 μαντείας; 5) съ 418,2 (πό)λεμον до 441,1 ἀγαθός; наконецъ 6) съ 600,11 (προβιβλη)μένοι до конца второй тетрады. Но

¹⁾ Prefazione p. XXVII.

²⁾ Ibid. p. XXV.

³⁾ Ошибочно говорить г. Гаури *l. c.* p. 151, что „текстъ *V* начинается... съ 29,8 изданія Диндорфа“: онъ начинается съ 29,9 αὐτῷ καὶ στέφανον χριστῶν, ср. Rostagno *l. c.* p. XXII.

⁴⁾ У г. Гаури *l. c.* p. 152—либо опечатка, либо lapsus calami.

г. Компаретти смотритъ даже и на *W*, какъ на коллегу — правда, *minorum*¹⁾ — рукописи *V*, почему помѣщаетъ въ своемъ критическомъ аппаратѣ варианты *W* (и всей *v*) наравнѣ съ вариантами *V*.

То же самое происходитъ и въ области второй группы рукописей²⁾: г. Компаретти знаетъ напимѣрь, что рукопись *f* списана съ *m*³⁾, и тѣмъ не менѣе помѣщаетъ въ своемъ аппаратѣ варианты и первой.

Въ результатѣ такого отношенія г. Компаретти къ критическому материалу, бывшему въ его распоряженіи, критическій аппаратъ его оказывается загроможденнымъ множествомъ ненужнаго балласта, только мѣшающаго ориентироваться въ вариантахъ цѣнныхъ рукописей и невольно вызывающаго сравненіе этой части разбираемаго труда съ полемъ, въ которомъ добрый знакъ почти исчезаетъ въ массѣ тернія и плевеловъ.

Несмотря однако на чрезмѣрную вообще полноту критическаго аппарата разбираемаго изданія⁴⁾, — которую къ слову сказать, г. Компаретти мотивируетъ или оправдываетъ желаніемъ возможно полнѣе познакомить читателей съ рукописнымъ преданіемъ второй тетрады Проконія⁵⁾, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и этотъ аппаратъ оказывается недостаточно полнымъ, въ чемъ мы могли убѣдиться, сравнивая его съ нашими собственными колянціями. Такъ напимѣрь изъ вариантововъ *D* можемъ отмѣтить слѣдующіе: 4,7 *Comp.*⁶⁾ вмѣсто *ἑρμαχίας* *D* даетъ *ἑρμαχείας*, что не отмѣчено г. Компаретти; 4,12 та же рукопись даетъ *ἦν*, а не *ἦν*, какъ можно заключить *ex silentio* разбираемаго аппарата; 5,1 *οὕτω τε τὴν τορυννίδα*] это те имѣется и въ *C*, и въ *D*, и въ *M*, а не пропущено въ первыхъ двухъ рукописяхъ, какъ говоритъ критическій аппаратъ, сообщающій: „οὕτω τὴν *CD*“⁷⁾; 4,2

¹⁾ Prefaz. p. XVII: „il più scadente e di minor valore è *W*“ (курсивъ нашъ).

²⁾ Изъ этихъ рукописей только три имѣютъ значеніе для критики текста: *M*, *C* и (условно) *cod. Paris. 1703* (въ первой своей половинѣ).

³⁾ Prefazione, p. XVI, ср. Rostagno, *ibid.*, p. XXXIII.

⁴⁾ Мѣстами эта полнота переходитъ въ курьезную мелочность, напимѣрь 5, 12 *ἄλλως τε καὶ*] въ крит. аппаратъ: „τὲ καὶ *MDr*“; 5, 13 *Ῥωμαίων τε καὶ Ἰταλιωτῶν*] „τὲ καὶ *MDr*“; 9, 1 *Γότθοις τε καὶ Θευδερύχῳ*] „τὲ καὶ *MDC*“; 16, 11 sq. *αὐτῶν τινες*] „τινὲς; *MD*“, и т. п.

⁵⁾ „La collazione però, говорить онъ (Prefazione, p. XVIII) о рукописяхъ второй группы, — che ne abbiamo voluto riferire completa, serve alla più largh a conoscenza della base diplomatica del testo fin qui divulgato colle sue varietà anche più infime“.

⁶⁾ Здѣсь и ниже обозначаемъ мѣста Проконія по изданію г. Компаретти.

⁷⁾ Въ первой строкѣ критическаго аппарата на этой страницѣ, очевидно, слѣдуетъ читать *WvMg* вмѣсто *WvMr*.

βιωτεύειν даетъ и *D* (г. Компаретти сообщаетъ: „βιωτεύειν *MCrWvmf* *L* (*corr.*)“, откуда выводъ ex silentio относительно *D* былъ бы ошибоченъ); 5,8 *D* даетъ δίφρων, а не δίφρόν, какъ указываетъ издатель; 6,1 εἰς Ἱταλίαν *D*, а не ἐς Ἴτ., какъ приходится заключать ex silentio г. Компаретти; 6,7 ἐν τε Ῥαβένῃ] ἐν τεραβόνῃ *D* (у г. Компаретти: „Ῥαβόνῃ *D*“); 6,10 ὄψ] ὁ || τῷ *D* (у г. Компаретти не отмѣчено); 6,11 ῤαβέναν *D*, а не ῤαβενάν, какъ сообщаетъ издатель (или это опечатка?); 7,1 ῤάβена *D*, а не ῤαβένα; 7,2 τὸ μῆ] τομῆ *D*; 7,4 ἐκείνην *D*, а не ἐκείνη, какъ приходится заключать ex silentio издателя; 7,9 ὀρίων *MCD* (а не ὀρίων); 7,11 ἐν ταῦθα *D*; 8,4 (крит. аппаратъ) „τά φοροεντοῖς πλείους *D*“ отмѣчаетъ г. Компаретти, мы же вмѣсто φοροεντοῖς прочли въ *D* φορεντοῖς; 9,3 πιζόμενοι *D*; 11,11 ἐπεμελησαμένω *D*; 13,3 εἶωθεν *D*; 13,8 ἐπὶ ἐπίτροπος *D*; 13,10 χρόνον] χρόνω *D*; 14,4 ἡνέγκασε] ἡνέγκασε *D*; 15,2 αὐτῆς *D*; 15,3 sq. οὐδέ εἰτο βασιλέα ξυμφέρει *D* (не οὐδὲ εἰ τὸ!); 16,10 οἱ λόγοι] ἀλόγοι *D* (въ первый разъ, а въ диттографіи — правильно), и т. д.

Изъ *e* можемъ пополнить критическій аппаратъ г. Компаретти въ слѣдующихъ мѣстахъ: 117,4 ἀνδριατικὸν прочли мы въ *e*¹⁾; 117,5 ἐνθαδί *e* (какъ *m*); 117,7 χρῖσατος *e*; *ibid.* εἰς τὸ λέχαιον *e*; 117,11 ῤαβένης; *e* (какъ *D*); 118,3 ἀπουλίοι *e* (какъ *rWvmf*); *ibid.* εἰσὶν *e*; 118,7 ἐκατέρας τε θαλάσσης *e* (какъ *CVvmf*); 118,10 κριτωνάται *e* (не обличенное удареніе); 119,1 ἐστὶν *e*; 119,5 ὑπερθεν *e* (какъ *CDWvmf*); *ibid.* φράγκων или скорѣе φράγων *e*; 119,8 πανόνες *e*; 119,11 ποταμοῦ ὄν καὶ ἡριδανὸν (не ἡρ.) χαλοῦσιν *e*; 120,2 λαγγοῦβλα *e* (какъ *r*); *ibid.* τε] δὲ *e*; 120,3 ἐστὶν *e* (какъ *C*); 120,4 ἰσπανοὶ *e*.

Изъ недочетовъ, относящихся къ вариантамъ *M* и *C*, отмѣтимъ для примѣра слѣдующіе: 40,2 ἐν σφίσιν] „σφίσιν *M e le ed(izioni)*“, говоритъ г. Компаретти въ критическомъ аппаратѣ, но мы нашли въ *M* — ἐς σφίσιν; 42,3 σοὶ] „σὸ *MCD*“, говоритъ г. Компаретти, забывая прибавить, что въ *M* надъ σὸ поздней рукою написано οἰ; 43,7 Οὐ γέγονα μὲν] „οὐ γεγόναμεν *Dmf*“, но то же самое чтеніе даютъ и *MC*, только въ *M* надъ μεν поздняя рука поставила удареніе; 43,8 ἐπηλύτης] „ἐπηλύδες *MC*“, — не мѣшало бы добавить, что въ *M* буква η передѣлана изъ ι и надъ концомъ упомянутая выше поздняя рука написала της; 43,12 ἐν ταῖς μάχαις] ταῖς пропущено въ *C*, чего не отмѣтилъ г. Компаретти; 44,6 ποιῆσαι (какъ въ *Cmf*) мы прочли

¹⁾ Г. Ростаньо, судя по его цитатѣ въ Prefazione, p. XXIX, прочелъ въ данномъ мѣстѣ ἀνδριατικὸν. Кто изъ насъ двоихъ ошибся, не знаю.

и въ *M*; 44,7 αὐτίκα μάλα (какъ въ *MDrW*) читается и въ *C*; 45,8 εἰς Ἀταλάριχον *C*; *ibid.* ἐρρέθη кромѣ *r* даютъ и *MC*; 46,1 εἰς Ἰταλίαν кромѣ *D* читается и въ *C*; 46,3 γρίπα даетъ и *M*; 46,10 κατὰ τάχος] κρατερᾶς мы прочли и въ *M*; 47,11 ἐπ' οἴκουc мы прочли и въ *M*; 49,4 εἰς εὐνήν *C*; 53,6 εὐθὺ Στρώων] въ *C* εὐθὺς, а въ *M* эта *c* выскоблена; 53,12 ἐσάλωνας мы прочли и въ *M*; 54,5 λιγοῦριαν (какъ въ *C*), а не λιγοῦριαν прочли мы въ *M*; 55,3 ἐβρίμος (съ *oc* надписаннымъ надъ строкою той же рукою) прочли мы въ *C* и не нашли, чтобы *oc* было переправлено изъ *ou*, какъ говорить г. Компаретти; 55,5 „βασιλέα] *WvV* βασιλέως *gli altri codd. e le edd.*“ говорить издатель, но мы и въ *C* нашли βασιλέα, — очевидно, такъ же надо понимать и сокращеніе *M* βασι^λ; 55,9 νεάπολει кромѣ *mf* читается и въ *M*, то же чтеніе было и въ *C*, но тою же рукою переправлено въ νεαπόλει; 56,8 ἀντιπράξει кромѣ *Drf* мы нашли и въ *MC*.

Не будемъ однако злоупотреблять вниманіемъ читателя, приводя еще примѣры въ родѣ только что перечисленныхъ.

Мы далеки отъ мысли ставить эти недочеты въ особенную вину г. Ростаньо, сличавшему рукописи для г. Компаретти: кому хоть разъ приходилось сличать какую-нибудь рукопись, тотъ безусловно согласится съ замѣчаніемъ Блясса, что „bei aller Achtsamkeit wird der Collationierende doch unfehlbar irgend etwas übersehen“¹⁾. Мало того, — недочеты и пропуски, касающіеся вариантовъ рукописей въ родѣ *D* или *e*, которыя, несомнѣнно, не имѣютъ никакого значенія для критики текста, — даже прямо возвышаютъ цѣнность критическаго аппарата разбираемаго изданія, избавляя его отъ ненужнаго балласта: будь этихъ пропусковъ въ сто разъ больше, — тѣмъ лучше было бы для изданія.

Отъ критическаго аппарата обратимся теперь къ самому тексту и посмотримъ, какими принципами руководился новѣйшій издатель при его установленіи. Этотъ вопросъ распадается на два отдѣла: 1) какъ относился г. Компаретти къ рукописному преданію, и 2) какъ онъ относился къ конъектуральной критикѣ.

Общее отношеніе г. Компаретти къ рукописному преданію намъ уже извѣстно: онъ дѣлитъ рукописи на двѣ группы и первое мѣсто

¹⁾ Blass, *Hermeneutik und Kritik* (Iw. Müller, *Handbuch*, I), p. 254 (во второмъ изданіи, p. 278).

отводить ватиканскимъ¹⁾. Съ этимъ возрѣніемъ мы совершенно согласны и по поводу его позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступление въ сторону, — именно въ сторону противоположной оцѣнки, сдѣланной г. Гаури.

Этотъ послѣдній, разсуждая о рукописномъ преданіи обѣихъ тетрадей Прокопія вмѣстѣ, дѣлитъ рукописи тоже на двѣ группы: къ одной (*y*) относитъ cod. Paris. 1702 (= *P*), Laurent. 69,8 (= *L*, у г. Компаретти это — *M*), Ambros. A 182 sup. (= *A*; у г. Компаретти это — *C*), Ottobon. 82 (= *O*) и первую половину — до 328,3 εἶλον (исключительно) — cod. Paris. 1703 (= *B*₁), а ко второй группѣ (*z*) — cod. Vatic. 1690 (= *K*), Vatic. 152, въ той части, которая содержитъ „Войны съ персами“ и „Войны съ вандалами“ (= *V*₁), Marcian. 498 (= *D*), Vatic. 1001 (= *G*) и Ambros. G 14 sup. (= *S*)²⁾, и объявляетъ первую группу болѣе важною, полагая, что (утраченная нынѣ) рукопись *y*, съ которой были списаны рукописи этой группы, была списана съ архетипа (*x*) раньше нежели (тоже утраченная) рукопись *z*, родоначальница второй группы. Онъ ссылается въ подтвержденіе этого на слѣдующее мѣсто изъ 31 главы III книги „Войнъ съ готами“, — 407,14 Вонн.: ταύτην Ἀρταβάνης τὴν συμφορὰν οὐκ ἤνεγκε πρῶτος, ἀλλ' ἠγριαινετό τε καὶ ἀγαθὰ εἰργασμένῳ Ῥωμαίῳ ἔλεγε τόσα γυναιῖα μὲν τὴν οἱ αὐτῷ κατηγγουμένην ἔχοντα ἐκοῦσαν ἀγαγέσθαι οὐδεὶς ἐφῆ, τῇ δὲ πάντων αὐτῷ δυσμενεστάτῃ οὐσῃ πλησιάζειν ἀναγκάζεται τὸν ἅπαντα χρόνον. „Что этотъ текстъ неправиленъ“, разсуждаетъ г. Гаури³⁾, „это усмотрѣлъ уже Скалигеръ; но онъ произвелъ слишкомъ много измѣненій, предложивъ: ἠγριαινετό τε καὶ δαινά ἐποίητο, εἰ αὐτὸν τοὺς Ῥωμαίους πολλὰ δὴ ἀγαθὰ εἰργασμένον γυναιῖα κτλ. Гораздо проще будетъ принять, что послѣ τόσα выпало: μεταμελεῖν ἤδη εἰ, такъ что все мѣсто гласитъ: ἠγριαινετό τε καὶ ἀγαθὰ εἰργασμένῳ Ῥωμαίῳ ἔλεγε τόσα μεταμελεῖν ἤδη, εἰ γυναιῖα μὲν τὴν οἱ αὐτῷ κατηγγουμένην ἔχοντα ἐκοῦσαν ἀγαγέσθαι οὐδεὶς ἐφῆ. Рукописн. происхожденія отъ *y*, предлагаютъ именно тотъ самый текстъ, что и издание Диндорфа, въ группѣ *z* однако недостаетъ еще больше, мы находимъ тамъ вмѣсто: ἀγαθὰ εἰργασμένῳ Ῥωμαίῳ ἔλεγε τόσα μεταμελεῖν

¹⁾ Исключеніе дѣлается имъ только для части *C*, см. Prefazione p. XVIII (приводится это мѣсто у насъ выше, стр. 128).

²⁾ Haury I. с. p. 127. Мы отмѣчаемъ только тѣ рукописи, которыя имѣютъ значеніе для критики текста.

³⁾ L. с. p. 128.

ἦδη, εἰ γυναῖκα κτλ. только слова: ἀγαθὰ εἰργασμένον, γυναῖκα κтл. Отсюда слѣдуетъ выводъ: въ рукописи *x* это мѣсто было стерто. Когда списывалась съ нея рукопись *y*, тогда μεταμελεῖν ἦδη εἰ уже нельзя было прочесть. Состояніе, вызвавшее въ рукописи *x* стертость этихъ словъ, затѣмъ еще продолжалось, и ко времени писанья рукописи *z* стали неразборчивыми и тѣ слова, которыя непосредственно предшествовали словамъ μεταμελεῖν ἦδη εἰ, именно: Ῥωμαίους ἔλεγε τόσα“.

На нашъ взглядъ однако, все это разсужденіе крайне искусственно. Прежде всего замѣтимъ, что предлагаемая г. Гаури вставка словъ μεταμελεῖν ἦδη εἰ вовсе ужъ не такъ необходима, какъ онъ это, очевидно, полагаетъ. Мы предложили бы читать данное мѣсто слѣдующимъ образомъ: ἡγριζίνετό τε καὶ ἀγαθὰ εἰργασμένον (какъ въ группѣ *z*) Ῥωμαίους ἔλεγε τόσα γυναῖκα — — ἀγχιέσθαι οὐδεὶς ἐφῆ, τῇ δὲ — — πλησιάζειν ἀναγκάζοιτο τὸν ἅπαντα χρόνον,—предполагая пропускъ союза *ὅτι*, обусловленный свободною разстановкою словъ и читая ἀναγκάζοιτο (въ pendant къ ἐφῆ) вмѣсто ἀναγκάζηται. А изъ того, что въ рукописяхъ группы *z* оказывается въ данномъ мѣстѣ лакуна, пополняемая изъ группы *y*, конечно, вовсе не слѣдуетъ, чтобы архетипъ этой послѣдней былъ списанъ съ *x* раньше архетипа другой группы: въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ имѣемъ обратное явленіе, то-есть, лакуны въ *y*, пополняемыя изъ *z*. Чтобы убѣдиться въ полномъ превосходствѣ ватиканскихъ рукописей съ *V* во главѣ, достаточно даже бѣгло перелистовать разбираемую книгу г. Компаретти; въ особенности же наглядно показываютъ это превосходство *V* оба мѣста, гдѣ идетъ рѣчь о пророчествахъ сивиллы (къ нимъ мы возвращаемся ниже).

Г. Гаури поступилъ, быть можетъ, не совсѣмъ правильно, разсматривая рукописное преданіе второй тетрады Прокопія вмѣстѣ съ преданіемъ первой: въ области первой тетрады, быть можетъ, онъ и правъ, отводя главное мѣсто первой группѣ¹⁾, но по отношенію ко второй тетрадѣ данная имъ сравнительная оцѣнка обѣихъ группъ рукописей безусловно ошибочна.

Возвратимся однако къ разбираемому изданію.

„Мы оставили, замѣчаетъ г. Компаретти²⁾, традиціонное чтеніе (вульгату), какъ оно есть, тамъ, гдѣ въ рукописяхъ замѣчается

1) Этими вопросомъ мы надѣемся заняться впоследствии.

2) Prefazione p. XIX.

безразличное употребленіе, которое могло принадлежать и автору, или гдѣ было неопредѣленно, слѣдоваль ли послѣдній какому либо постоянному употребленію и какому именно,—напримѣръ въ случаяхъ „σὺν“ и „ξὺν“, „ἐς“ и „εἰς“, „γίνομαι“ и „γίνομαι“, или тоже въ случаяхъ безразличнаго разногласія въ расположеніи словъ, какъ напримѣръ „ἐκ τῆς πόλεως βεβοηθημένοι“, что имѣютъ кодексы второй группы и изданія, и „βεβ. ἐκ τῆς π.“, что имѣютъ ватиканскіе (lib. I, сар. 18, р. 135, 11 нашего изданія). Анормальное употребленіе предлоговъ, которое часто замѣчается у писателей этого времени, и было замѣчено тоже и у Прокопія, который является однимъ изъ самыхъ лучшихъ, если не самымъ лучшимъ (авторомъ),—мы исправляли всякій разъ, какъ рукописи позволяли намъ это слѣвать; такъ же мы поступали и относительно употребленія члена, оптативныхъ формъ и другихъ характерныхъ особенностей клонившагося къ упадку греческаго языка, какихъ нельзя, безъ согласія рукописей, исключить изъ прокопiевскаго употребленія“.

Со второю половиной только что приведеннаго мѣста, конечно, согласится всякій: правильность мнѣнія г. Компаратти, что вопросы, касающіеся синтаксиса Прокопія, должны быть рѣшаемы именно на основаніи показаній лучшихъ рукописей,—очевидна. Что же касается первой половины, то мы находимъ чрезмѣрную консервативность отношенія почтеннаго издателя къ вульгатѣ. Если знаешь, что ватиканскіе кодексы (именно V съ необходимыми дополненіями изъ v), такъ сказать, цѣлой головой выше своихъ коллегъ, входящихъ въ составъ второй группы, то странно отказываться отъ даваемыхъ ими показаній въ пользу показаній худшихъ рукописей только потому, что предшествующіе издатели были мало или совсѣмъ не знакомы съ ватиканскими кодексами. Мы полагаемъ, что критическому издателю совсѣмъ не должна импонировать вульгата, и что вообще слѣдуетъ обращаться къ лучшему преданію вездѣ, то-есть и *ceteris paribus*, тѣмъ болѣе, что „безразличность“ есть понятіе относительное и очень растяжимое. Что же касается выбора формъ предлоговъ (σὺν или ξὺν, ἐς или εἰς) и тому подобныхъ мелочей, то въ такихъ случаяхъ слѣпо слѣдовать авторитету завѣдомо лучшаго вообще преданія, конечно, было бы дѣломъ хотя и рискованнымъ, но все же болѣе правильнымъ въ методологическомъ отношеніи, а потому и предпочтительнымъ простому оставленію вульгаты. Но правильнѣе всего руководиться общимъ *usus*’омъ издаваемаго автора, причемъ попутно принимать во вниманіе и нѣкоторыя спеціальныя обстоятельства.

Такъ, находя въ сочиненіяхъ Прокопія подавляющее преобладаніе формъ $\xi\upsilon\nu$ и $\epsilon\varsigma$ надъ $\sigma\upsilon\nu$ и $\epsilon\iota\varsigma$ ¹⁾ и зная невольное тяготѣніе переписчиковъ къ послѣднимъ формамъ, какъ болѣе употребительнымъ въ обыденномъ языкѣ, мы не колеблемся объявить себя сторонникомъ послѣдовательнаго предпочтенія формъ $\xi\upsilon\nu$ и $\epsilon\varsigma$ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обѣ группы рукописей оказываются въ этомъ отношеніи разногласящими. Г. Компаретти, удерживая вульгату, eo ipso поступая рационально въ тѣхъ случаяхъ, когда она, геср. рукописи второй группы, даетъ $\xi\upsilon\nu$ и $\epsilon\varsigma$ въ противоположность первой группѣ, гдѣ читается $\sigma\upsilon\nu$ и $\epsilon\iota\varsigma$ ²⁾,—и нераціонально, когда удерживалъ $\sigma\upsilon\nu$ и $\epsilon\iota\varsigma$ вульгаты, пренебрегая чтеніями $\xi\upsilon\nu$ и $\epsilon\varsigma$ ватиканскихъ рукописей.

Изъ этихъ послѣднихъ случаевъ можемъ указать слѣдующіе:

1) $\xi\upsilon\nu$: 24,13 $\xi\upsilon\sigma\tau\alpha\iota\eta\ \upsilon$; 33,1 $\tau\acute{\alpha}\ \xi\upsilon\mu\phi\epsilon\sigma\upsilon\nu\tau\alpha\ \xi\upsilon\mu\phi\alpha\nu\tau\alpha\ \upsilon$, что и слѣдовало бы г. Компаретти принять въ свое изданіе вмѣсто чтенія вульгаты $\sigma\upsilon\mu\phi\alpha\nu\tau\alpha$, нарушающаго аллитерацію³⁾; 130,8 $\xi\upsilon\nu\iota\sigma\tau\alpha\tau\omicron$ (такъ V, $\sigma\upsilon\nu\iota\sigma\tau\alpha\tau\omicron$ г. Компаретти за вульгатой) ἢ $\xi\upsilon\mu\beta\omicron\lambda\eta$. Въ 96,4 $\xi\upsilon\chi\epsilon\iota\mu\epsilon\nu\alpha$ г. Компаретти отступилъ отъ вульгаты ($\sigma\upsilon\chi\epsilon\iota\mu\epsilon\nu\alpha$), справедливо предпочтя чтеніе υ .

2) $\epsilon\varsigma$: 48,5 $\epsilon\varsigma\ \gamma\acute{\alpha\rho}\ \acute{\alpha}\pi\iota\sigma\tau\iota\zeta\nu\ \upsilon$; 61,2 $\epsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\nu\alpha\ \dots\ \chi\omega\rho\omicron\nu\ \upsilon$; 64,9 $\acute{\epsilon}\sigma\eta\gamma\epsilon\ \upsilon$; 78,9 $\epsilon\varsigma\ \acute{\alpha}\theta\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \upsilon$; 81,4 $\epsilon\varsigma\ \acute{\alpha}\sigma\chi\lambda\eta\pi\acute{\iota}\omicron\delta\omicron\tau\omicron\nu\ \upsilon$; 84,3 $\epsilon\varsigma\ \tau\eta\nu\ \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu\eta\ \eta\iota\omicron\nu\alpha\ \upsilon$ ($\epsilon\varsigma\ \sigma\tau.$ MC); 86,11 $\epsilon\varsigma\ \acute{\alpha}\pi\alpha\nu\tau\alpha\ \tau\omicron\nu\ \acute{\alpha}\iota\omega\nu\alpha\ \upsilon$; 93,10 $\epsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\nu\alpha\ \lambda\epsilon\omega\nu\ \upsilon$ (такъ и слѣдуетъ читать вмѣсто принятой г. Компаретти вульгаты $\epsilon\iota\varsigma\ \acute{\epsilon}\nu\alpha\ \lambda\alpha\omicron\nu$); 98,6 $\epsilon\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\ \upsilon$; 106,5 $\epsilon\varsigma\ \tau\omicron\delta\epsilon\ \upsilon$; 107,5 $\epsilon\varsigma\ \eta\mu\acute{\alpha}\varsigma\ \upsilon$; 109,8 $\epsilon\varsigma\ \tau\omicron\delta\tau\omicron\ \upsilon$; 123,7 $\epsilon\varsigma\ \beta\omicron\upsilon\rho\nu\nu\omicron\nu\ (\beta\omicron\upsilon\rho\nu\nu\omicron\nu\ \upsilon)\ \pi\acute{\omicron}\lambda\iota\nu\ \upsilon$;

¹⁾ Въ трехъ первыхъ главахъ I книги „Войны съ готами“ (pp. 3—27, 7 Сопр. = 6—21, 10 Вонп.) мы насчитали 40 случаевъ $\xi\upsilon\nu$ ($\xi\upsilon\nu$ -), включивъ сюда между прочимъ и $\xi\upsilon\sigma\tau\alpha\iota\eta$ 24, 13 Сопр. (объ этомъ мѣстѣ см. ниже), гдѣ новѣйшій издатель оставилъ чтеніе вульгаты $\sigma\upsilon\sigma\tau\alpha\iota\eta$,—и только 5 случаевъ $\sigma\upsilon\nu$ ($\sigma\upsilon\nu$ -), а именно 4, 4 $\sigma\upsilon\nu\eta\acute{\nu}\epsilon\chi\eta\eta$; 6, 8 $\sigma\upsilon\nu\ \tau\eta\ \eta\gamma\mu\omicron\nu$; 13, 1 $\tau\eta\ \sigma\upsilon\mu\phi\omicron\rho\acute{\alpha}$ ($\xi\upsilon\mu\phi\omicron\rho\acute{\alpha}\ W$); 20, 10 $\sigma\upsilon\mu\phi\omicron\rho\acute{\alpha}$; 25, 6 $\sigma\upsilon\nu\ \pi\rho\omicron\theta\upsilon\rho\iota\alpha$. Тамъ же мы нашли 69 случаевъ $\epsilon\varsigma$ ($\epsilon\iota\varsigma$ -; послѣднее, только разъ— $\epsilon\varsigma\beta\alpha\tau\eta$ 7, 8; въ 19, 2 г. Компаретти справедливо слѣдуетъ вульгату и рукописямъ второй группы, читая $\epsilon\varsigma$: $\tau\alpha\upsilon\tau\eta\nu\ \tau\epsilon\ \acute{\epsilon}\mu\beta\iota\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha\sigma\alpha$ ($\acute{\epsilon}\zeta\beta\iota\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha\sigma\alpha\ \upsilon$), с р. 22, 6)—и всего только 3 случая $\epsilon\iota\varsigma$, а именно 8, 8 $\epsilon\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\pi\lambda\alpha\sigma\alpha\nu\ \tau\eta\nu\ \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu\eta\ \acute{\alpha}\kappa\tau\eta\nu$; 19, 3 $\epsilon\iota\varsigma$: $\acute{\epsilon}\pi\iota\delta\alpha\rho\nu\omicron\nu$, гдѣ $\epsilon\iota\varsigma$ пропущено въ MC (ср. 19, 10 $\epsilon\varsigma$: $\acute{\epsilon}\pi\iota\delta\alpha\rho\nu\omicron\nu$); 22, 8 $\epsilon\iota\varsigma$ $\tau\omicron\delta\tau\omicron$. Это преобладаніе $\xi\upsilon\nu$ и $\epsilon\varsigma$, очевидно, объясняется подражаніемъ нашего историка Фукидиду и Геродоту.

²⁾ О могущихъ здѣсь быть допущенными исключеніяхъ въ родѣ 193, 8 $\epsilon\iota\varsigma\ \tau\omicron\ \sigma\rho\acute{\epsilon}\tau\alpha\rho\omicron\nu\ \sigma\rho\alpha\tau\omicron\pi\epsilon\delta\omicron\nu$ см. ниже, стр. 136.

³⁾ Въ 106, 10 нарушаетъ аллитерацію υ , давая $\xi\upsilon\mu\mu\alpha\chi\iota\zeta\nu\ \sigma\upsilon\nu\iota\pi\tau\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ вмѣсто $\xi\upsilon\nu\iota\pi\tau\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$.

175,3 ἐς Ἰταλίαν V¹); 175,4 ἐς τὴν Ἑλλάδα V; 175,5 ἐς τὰ...χωρία V; 193,5 ἐς τὸ πεδίον V; 206,1 ἐς παράταξιν V; 208,13 ἐς φυγὴν V.

Въ этихъ мѣстахъ мы рѣшительно становимся на сторону чтеній ватиканскихъ рукописей.

Въ 193,7 sq. ὀλίγοι δὲ τινες μόλις διαφορόντες ἐς τὸ σφέτερον στρατόπεδον ἀνεχώρησαν вмѣсто ἐς, принятаго г. Компаретти вслѣдъ за вульгатой и рукописями второй группы, мы предпочли бы εἰς, даваемое въ V; это, правда, является нарушеніемъ вышеустановленнаго принципа — отдавать предпочтеніе формамъ ἐς и ζὼν, — но оно могло бы найти оправданіе въ концѣ слова, предшествующаго этому εἰς (διαφορόντες): Проконій могъ употребить форму εἰς, чтобы избѣжать повторенія одного и того же слога²). Аналогичныхъ отступленій отъ упомянутаго правила, можетъ быть, нашлось бы и больше, но отъ поисковъ ихъ мы воздержимся.

Что касается формъ γίγνομαι и γίνομαι, то безопаснѣе всего, на нашъ взглядъ, слѣдовать чтеніямъ, предлагаемымъ въ ватиканскихъ рукописяхъ, и потому читать 8,11 γίγνεται (такъ v), 69,9 γίνεσθαι (V) и то же въ 93,8 (v).

Слѣдуя тѣмъ же рукописямъ, мы предпочли бы и θαρσεῖν 22,8, сохраненное въ v, чтенію другихъ рукописей θαρρεῖν, принятому въ разбираемомъ изданіи. Не мѣшаетъ упомянуть, что въ совершенно аналогичномъ мѣстѣ — именно въ 38,1—г. Компаретти примкнулъ къ чтенію ватиканскаго преданія (θαρσοῦντες v), отвергая вульгату (θαρροῦντες).

Отъ этихъ мелочей перейдемъ къ болѣе важному и интересному вопросу — о случаяхъ разногласія обѣихъ группъ рукописей относительно разстановки словъ.

Оставаясь вѣрными принципу, что и ceteris paribus методичнѣе слѣдовать лучшему преданію, мы въ противоположность г. Компаретти, оставляющему вульгату, отдаемъ предпочтеніе ватиканскимъ рукописямъ и въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ, гдѣ одна группа рукописей даетъ одну, а другая другую разстановку словъ. Двумя звѣздочками будемъ отмѣчать мѣста, въ которыхъ расположеніе словъ *несомнѣнно*

¹) Не мѣшаетъ упомянуть, что въ рукописи v, *списанной*, какъ знаетъ читатель, съ V, стоитъ εἰς Ἰταλίαν, какъ видно ex silentio критическаго аппарата г. Компаретти. Аналогичные случаи попадаются и въ другихъ мѣстахъ.

²) Ср. 25, 12 χωρὶς ἐς Λιβύην, гдѣ по такой же причинѣ чтеніе второй группы εἰς (принятое и г. Компаретти) предпочтительнѣе εἰς, даваемаго въ v.

ошибочно во второй группѣ (для краткости будемъ ее обозначать буквой *y*).

9, 7 νῆ (τρόπῃ *MC*) τε πολερῶ καλέσας ἐπὶ θοίνην ἔκτεινε *v* (ἐπὶ θ. καλ. *y*); 12, 4 δειπνοῦντι δὲ ¹⁾ οἱ ἡμέραις ὀλίγαις ὕστερον *v* (ὀλίγ. ἡμ. *y*); 22, 2 λεγέτω δὲ ²⁾ ὡς πῆ ³⁾ ἕκαστος γινώσκειν ὑπὲρ αὐτῶν οἴεται καὶ ἱερεὺς καὶ ἰδιώτης *v* (γιν. ἕκ. *y*); 23, 2 *sq.* ἐπειδὴ γὰρ τὸ μὲν Ἀμαλασσόνθης πλοῖον ἐν τῷ Ἐπιδάμνου λιμένι ὀρμίζεσθαι βασιλεὺς ἤκουσεν, αὐτὴν δὲ μέλλειν ἔτι *v* (βασιλ. ὀρμ. *y*); 28, 3 καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐς ἄγαν ἐγεγόνει τῷ ἀνθρώπῳ προσκεχροικία διάφορος τὸ λοιπὸν ἀνωμένῳ ὑπὸ φιλοχρηματίας ὡς μάλιστα *v* ⁴⁾ (въ *y* ἐγεγόνει стоить передъ ἀνωμένῳ); 29, 2 *sq.* ἐπεὶ (ἐπὶ *v*) τε ἀμφὶ αὐτῷ Θεοδάτῳ ἑώρα Γότθους.....δοῖαν οὐκ ἀγαθὴν τινα ἔχοντας *v* (αὐτῷ ἀμφὶ θ. *y* ⁵⁾); 33, 6 *sq.* ἀλλ' αὐτῷ τε Θεοδάτῳ φανερά καὶ Γότθοις ἄσασι καταστήσασθαι *v* (такая гипербатическая разстановка словъ гораздо болѣе подходит къ стилю Прокопія, нежели Θεοδ. καὶ Γ. ἄπ. φαν. καταστήσασθαι *y*); 34, 5 (ὅβ' ἐτομῷ μῆστῆ см. ниже, на страницѣ 139); 34, 7 *sq.* Θεοδάτῳ τε ἀντικρος ἐμαρτύρατο καὶ Γότθοις τοῖς ἄλλοις (γότθους; τοὺς ἄλλους *v*, τοῖς ἄλλοις Γότθοις *y*); 40, 12 εἴ που ἄλλη τὸ ⁶⁾ τοιοῦτον δεήσει γενέσθαι *V* (γεν. δεήσ. *y*); 52, 9 ἐς δέος μέγα τι ἐμπεσῶν *V* (τι μέγα *y*); **57, 9 στρατὸν ἐπὶ τῇ ἐλευθερίᾳ ὁμῶν τε καὶ τῶν ἄλλων Ἰταλιωτῶν ἦκοντα *V* (τε ὁμῶν *y*); **60, 8 ἀπαντήσιν γὰρ σφίσι αὐτοῖς ἰσχυρίζοντο ⁷⁾ οὐδὲν ἄχαρι *V* (αὐτοῖς σφίσι *y*); 66, 13 οὐ γὰρ οἱ οὐδὲ προσχωρήσιν ποτὲ αὐτοὺς ψετο *v* (αὐτοὺς ποτε *y*); 104, 7 καὶ λίαν μὲν ἰσχυρὰ ἐγεγόνει ἐπὶ πλεῖστον ἢ μάχῃ *v* (ἐπὶ πλ. ἐγεγ. *y*); 106, 4 *sq.* τοῖς τε σώμασι καὶ τοῖς χρήμασι δαπανώμενοι *v* (χρήμασι καὶ τ. σώμασι *y*); 106, 5 *sq.* ἐπεὶ ἄλλο οὐδὲν ἡμῖν ἀπὴντα πολέμιον *v* (ἡμῖν οὐδὲν *y*); 110, 2 ἔστι δὲ ἡ Ἀππία ὁδὸς ἡμερῶν πέντε εὐζώνῳ ἀνδρὶ *v* (ἀ. εὐζ. *y*); 110, 3 *sq.* ὅσον ἀμάξας δύο ἐναντίας (ἀντίας *v*) ἰέναι ἀλλήλαις *v* (въ *y* ἀλλήλαις стоить

¹⁾ Въ изданіи г. Компаретти опечатка (δὲ).

²⁾ Въ изданіи г. Компаретти — опечатка (δὲ).

³⁾ Такъ слѣдуетъ читать виѣстѣ съ *v*; у г. Компаретти ὡσπερ (вульгата).

⁴⁾ Полагаемъ, что ἐς ἄγαν ближайшимъ образомъ относится къ διάφορος, а не къ προσκεχροικία, какъ понимаютъ Мальтра („cum in summam offensioem hominis incurgisset“) и г. Компаретти („avendo così assai urtato quell' uomo“).

⁵⁾ А то не слѣдуетъ ли читать ἀμφὶ αὐτῷ [Θεοδάτῳ], то-есть, выбрасывая это Θεοδάτῳ какъ интерполяцію?

⁶⁾ Вмѣсто этой вульгаты мы принимая во вниманіе чтеніе *V* (ἄλλο τι τοιοῦτον) предложимъ бы ἄλλο θ: τὸ τοιοῦτο.

⁷⁾ Ἰσχυρίζετο даетъ *V*, и чтеніе это, быть можетъ, правильнѣе вульгаты.

послѣ іέναι); 113, 5 sq. ἐν οἰκήμασι καταθέμενος δημοσίοις ἐφόλασσε
 v (δημ. καταθ. y), это чтение v предпочтительнѣе—вслѣдствіе излюб-
 ленной Прокопіемъ фигуры hyperbaton; 126, 13 καὶ τριβασθαί οἱ τὸν
 χρόνον ἐνταῦθα οὐδαμῇ ἤθελα V (въ y ἐνταῦθα стоитъ послѣ οἱ); 127,
 5 ἢ μὲν πρὸς ἀνίσχοντα ἤλιον, ἢ δὲ πρὸς δύνοντα V (въ y: ἀνίσχοντα, ἢ
 δὲ π. δ. ἤλιον); 133, 11 ἐς τῶν πολεμίων τὸν ὄμιλον V (такая раз-
 становка болѣе въ духѣ нашего историка, чѣмъ данная въ y: ἐς τὸν
 τῶν πολεμίων ὄμιλον); 135, 10 sq. ὑποτοπήσαντες καὶ ἄλλο βεβροηθηκέναι
 ἐκ τῆς πόλεως στρατεύμα V (ἐκ τ. π. βεβροηθ. y); 142, 11 ὑψηλὸν τε
 αὐτὸν ὡς μάλιστα ποιησάμενοι V (гипербатическое словорасположеніе,
 заслуживающее предпочтеніе предъ ὡς μάλ. αὐτὸν y); 143, 12 sq.
 κατὰ τῶν γὰρ ἐπιμαχός τε (ἐπιμαχόμενος V, ошибочно сливая два
 слова въ одно) ἦν ὁ περίβολος καὶ Ῥωμαίοις ἐξιτητὰ ἐπὶ τοὺς πολεμίους
 ὄντα ἐτόγγανε V (ὁ περίβολος ἦν y); 143, 12 sq. δένδρα μεγάλα καὶ
 σώματα Ῥωμαίων νεοσφαγῆ V Ῥωμ. σώμ. y); 148, 10 δαινὰ ἐποιοῦντο,
 εἰ αὐτοὶ οὐδὲν ἡδικοχότες πολιορκοῖντο (πολιορκοῦντο V) V (οὐδὲν αὐτοὶ y);
 148, 12 sq. οὐκ ἀξιοχρῶν πρὸς βασιλέως δύναμιν λαβὼν V (λαβ. δύν. y);
 **151, 6 sq. γνώμη γὰρ πολεμίων ἤκιστα εἰώθασι πολεμεῖν ἄνθρωποι V
 (εἰώθασιν ἤκιστα y); 155, 1 πάμπολύ τι φακέλλων χρῆμα V (χρ. φακ. y);
 158, 9 sq. καὶ ὁ μὲν καιρίαν πληγῆς ἐπεσεν ὄπις, Ῥωμαίων δὲ ὁ λεὼς
 ἅπας ἀνεκραγόν¹⁾ ἐξαισιόν τε καὶ ἀκοῆς κρείσσον, ἄριστον οἰωνὸν ξυνεναχθῆναι
 σφίσι οἴομενοι V (въ y: ὁ Ῥωμ. δὲ λεὼς); 169, 10 sq. ἐς φυγὴν, ὅπῃ
 ἕκαστος ἔτυχεν, ὤρμητο V (ἔτυχ. ἕκ. y), **174, 8 sq. ἄλλως τε καὶ λιμῶ
 Ῥωμαῖοι ἀναγκασθήσονται πολλὰ ὧν οὐκ ἂν βούλοιντο πράξει V (Ῥωμ.
 λιμῶ y, что удержано г. Компаретти, который переводитъ данное
 мѣсто слѣдующимъ образомъ: „Del resto, la fame costringerà anco i
 Romani a far“ и проч.), **174; 11 sq. σκόπει δὲ ὁποῖαν ποτέ σοι δόξαν
 ἢ τοιαύτη Βελισαρίου τελευτῇ φέρει (φέρει V) V (σοί ποτε y); 180, 1 καὶ
 πλῆθος πολὺ αὐτίκα ἐς Кампаніαν ἦει V (πολὺ αὐτίκα πλῆθος y); 181, 1
 γίνεσθαι εἰώθεν V (εἰώθε γίν. y); 185, 8 ζήτησις δὲ²⁾ τοῦ ἔργου οὐδεμία,
 ἅτε ἐν μεγάλῃ θορόβῳ ἐγεγόνει V (θορ. μεγ. y); 186, 12 τὴν ἱεράν νῆ-
 σον χαλουμένην ἐνταῦθα ποιεῖ V (χαλ. νῆσον y); 191, 10 sq. ἡμέραις
 δὲ ὀλίγαις ὕστερον V (ὀλιγ. δὲ ἡμ. y); 196, 5 πρὸς τε τοῦ στρατοῦ καὶ
 Ῥωμαίων τῶν ἄλλων V (τῶν ἄ. Ῥωμ. y); 207, 2 sq. καὶ τοῖς Ῥωμαίοις

¹⁾ V даетъ ἐνέκραγον съ о, переправленнымъ изъ ε; г. Компаретти читаетъ,
 вслѣдъ за вульгатою, ἀνέκραγεν, но ничто не мѣшаетъ предположить въ данномъ
 мѣстѣ конструкцію κατὰ σύνεσιν (ер. и οἴομενοι въ концѣ той же фразы).

²⁾ V даетъ τε, что тоже подходит къ контексту.

ixανὸν ἐφαίνετο λίαν ὀλίγοις οὔσιν ἐς τόδε αὐτοῖς τὴν ἀγωνίαν ἀποκεκρίσθαι V (ὀλίγ. λίαν ἐς τόδε οὔσιν y); 210, 2 sq. ὅσοι γὰρ οὐκ ἐγκαταληφθέντες αὐτῶν διεφθάρησαν V (вмѣсто такой гипербатической постановки οὐκ въ y находимъ ординарную: ὅσοι γὰρ ἐγκ. αὐτῶν οὐ διεφθ.);—210, 6 sq. ταῖς ἀσπίσι φραζάμενοι τοὺς ἐναντίους καρτερῶς ἡμύονοντο (ἡμύοναντο V) V (карт. τοὺς ἐνανт. v).

Особеннаго разбора заслуживаетъ 34, 4 sq.: ὄπερ (насильственная смерть Амаласунты) Ἰταλιώτας τε ὑπερφυῶς ἀπαντας καὶ τοὺς ἄλλους Γότθους ἠνίασεν. Такъ читаетъ г. Компаретти, слѣдую вульгатѣ, resp. второй группѣ рукописей; въ v слова τοὺς ἄλλους поставлены послѣ Гότθους. Намъ думается, что къ данному контексту это τοὺς ἄλλους не подходит (иное дѣло—ниже 34, 7 sq. Θεοδάφ τε.....καὶ Γότθοις τοῖς ἄλλοις).¹⁾ и могло быть обязано своимъ появленіемъ тутъ очень древнему интерполлятору: послѣдній (вѣроятно, имѣя въ виду 34, 7 sq.) могъ здѣсь надписать въ архетипѣ τοὺς ἄλλους надъ строкой, отчего въ одной группѣ рукописей эти слова очутились послѣ Гότθους, въ другой впереди. Возможно тоже, но менѣе вѣроятно предположеніе, что вмѣсто Гότθους τοὺς ἄλλους въ архетипѣ было Γότθους ἐς τὸ μάλιστα.

Не мѣшаетъ еще замѣтить по поводу 9, 11 sq. οὕτω γὰρ σφῶν τοὺς ἠγεμόνας οἱ βάρβαροι καλεῖν νενομίχασι (такъ читаетъ г. Компаретти вслѣдъ за вульгатой, resp. за рукописями второй группы),— что въ чтеніи v: καλεῖν οἷα βάρβαροι это οἷα могло произойти изъ οἱ съ надписаннымъ сверху α ($\frac{\alpha}{οἱ}$), относившимся и къ βάρβαροι и указывавшимъ, что слова οἱ βάρβαροι должны были стоять передъ καλεῖν (соответствующее β надъ καλεῖν могло быть неяснымъ въ архетипѣ).

Къ домысламъ конъектуральной критики г. Компаретти относится очень холодно: чтобы удостоиться чести попасть у него въ текстъ, конъектура должна представить рекомендацію отъ рукописнаго преданія; безъ такихъ рекомендацій г. Компаретти рѣшался помѣщать въ текстъ свои или чужія конъектуры лишь въ исключительныхъ случаяхъ, „какъ бы подъ давленіемъ force majeure“²⁾. Такого отношенія въ общемъ нельзя не одобрить, тѣмъ болѣе что и къ своимъ конъектурамъ новѣйшій издатель оказывается столь же суровымъ,

¹⁾ См. объ этомъ мѣстѣ выше, стр. 137.

²⁾ „Solo in casi rari, quasi per forza maggiore, abbiamo introdotta nel testo una lezione congetturale nostra od altrui non confortata dall' autorità di alcun manoscritto. Generalmente quanto di congetturale avemmo da proporre o fosse proposto da altri abbiám segnato fra le note delle varianti“ (Prefazione p. XIX).

какъ и къ чужимъ, но мѣстами эта суровость превышаетъ мѣру, что и отражается на состояніи текста. Такъ напримѣръ онъ продолжаетъ читать 130, 11 sq. ἐς κίνδυνον πολὺν ἐκπεπτοχένας и 193, 9 sq. ἀνασώσασθαι οὐκ ἐς μακρὰν ὑποσχομένους, не рѣшаясь принять несомнѣнно вѣрныхъ конъектуръ фанъ Гервердена ἐκπεπτοχένας и ἀνασώσασθαι, которыя приводитъ только въ критическомъ аппаратѣ. Еще примѣръ: извѣстное мѣсто въ 14-й главѣ I-й книги „Войнъ съ готами“, въ которомъ говорится о датѣ возвращенія Рима во власть Юстиніана (75, 13—15 Bonn. = 112, 1—3 Comr.), осталось въ своемъ, такъ сказать, первобытномъ видѣ и у г. Компаретти, несмотря на наличность весьма солидныхъ данныхъ для эмендаціи. Разборомъ этого мѣсту мы займемся ниже.

Собственныхъ конъектуръ новѣйшій издатель даетъ вообще очень немного ¹⁾, и это обстоятельство увеличиваетъ цѣнность его изданія, такъ какъ нельзя сказать, чтобы г. Компаретти въ данной области отличался особенною вѣстоуѣ. Къ удачнымъ можно причислить—кроме 118,2 (см. стр. 154)—только одну его эмендацію, принятую и въ текстъ,—именно *peribunt* (вмѣсто *peribis* или *peribit* или точнѣе,—вмѣсто *τῆριστας* прежнихъ изданій) въ одномъ изъ приводимыхъ Прокпіемъ латинскихъ прорицаній „сивиллы“ (47,8 Africa carta Mundus cum nato *peribunt* ²⁾). Напротивъ относительно (тоже помѣщенного въ текстѣ) возстановленія текста другаго пророчества „сивиллы“ мы не согласны съ г. Компаретти и думаемъ, что этому его возстановленію скорѣе мѣсто въ критическомъ аппаратѣ. Къ этому послѣднему мѣсту (177,2 sq. Comr. = 117,20 sq. Bonn.) мы еще возвратимся ниже.

Кромѣ извѣстныхъ и прежнимъ издателямъ конъектуръ Скалигера, Гроція, Классена (не говоря уже о самихъ Гѣшелѣ, Мальтрэ и Диндорфѣ) г. Компаретти принялъ въ соображеніе также эмендаціи, предложенныя фанъ Герверденомъ (*Mnemosyne* N. S. IX, 1881), Брауномъ ³⁾ и Каннгиссеромъ ⁴⁾. Этотъ новый конъектуральный матеріалъ приводится

¹⁾ Въ разбираемой книгѣ ихъ не наберется и съ десятокъ (см. стр. 148 и слѣд.).

²⁾ Черты рукописнаго преданія показываютъ, что въ архетипѣ этотъ гексаметръ былъ написанъ прописными буквами. Такими же буквами слѣдовало бы, конечно, его и печатать, между прочимъ въ виду двойнаго значенія слова MVNDVS.

³⁾ Нем. Braun *Procopius Caesariensis quatenus imitatus sit Thucydidem* (въ *Acta seminarii philol. Erlang.* IV, Erlang. 1886, p. 161—221), ср. и *Byzantin. Zeitschr.* 1893, p. 107—109.

⁴⁾ *Des Procopius von Cäsarea Geschichte seiner Zeit übers. und mit Erläut. versehen von Dr. P. F. Kanngiesser, Greifswald, 1827.*

не цѣликомъ, но съ разборомъ, вообще весьма удачнымъ и отличающимся въ г. Компаретти тонкое чутье и незаурядное пониманіе языка издаваемого имъ автора. Такъ г. Компаретти поступаетъ совершенно правильно, игнорируя ненужныя конъектуры въ родѣ напримѣръ герверденовскихъ 56, 2 εἶπωσι (вмѣсто ἐπείπωσι) или 59, 1 πιστεύσαντες (вмѣсто ἐπίσαντες). Еще примѣръ: въ 193, 8 οὐδ' ἐν Οὐίτιγς ἄτε τῷ ἀνάνδρῳ ἡσσημένους ἐκάκιζε, καὶ τὸ πάθος ἐτέροις τισὶν ἀνασώσασθαι οὐκ ἐς μακρὰν ὑποσχόμενος, ἐν μὲν τῷ παρόντι ἡσύχαζε, фанъ Герверденъ ¹⁾ предложилъ, во-первыхъ, вставку ἔργου передъ ἐτέροις во-вторыхъ, читать ἀνασώσασθαι,—что было уже упомянуто нами выше, г. Компаретти ограничивается упоминаніемъ лишь второй конъектуры голландскаго ученаго, очевидно, сознавая, что первая—сказать технически,—*linguet*. Впрочемъ думаемъ, что данное мѣсто фанъ Герверденъ понялъ правильнѣе нежели новѣйшій издатель: едва ли тутъ рѣчь идетъ о *другихъ людяхъ*, какъ, очевидно, предполагаетъ г. Компаретти, перевода: „*promettendo che fra non molto con altri avrebbe riparato al male subito*“, и, если и *linguet* герверденовское ἔργου, то все же ощущается пропускъ какого-то слова въ родѣ *μηχανήματι*, которому всего удобнѣе помѣститься послѣ ὑποσχόμενος (или послѣ μακρὰν?) ²⁾.

Вообще же, думается намъ, г. Компаретти сдѣлалъ бы лучше, показавъ меньше разборчивости въ данномъ отношеніи и помѣстивъ въ свой критическій аппаратъ болѣе конъектуръ фанъ Гервердена ³⁾ и другихъ: если бы при этомъ среди конъектуральнаго матеріала и оказался кое-какой лишній хламъ, то для упомянутаго аппарата, уже переполненнаго рукописнымъ хламомъ въ родѣ напримѣръ чтеній „самой дурной изъ худыхъ рукописей“ *D*, не получилось бы отъ этого особеннаго вреда. Даже и неудачныя конъектуры фанъ Гервердена или Брауна, конечно, заслуживали бы предпочтенія предъ вариантами безцѣнныхъ рукописей или хоть предъ „*varietà infime*“ въ родѣ указанныхъ въ своемъ мѣстѣ выше ⁴⁾ и якобы служащихъ „*alla più larga conoscenza della base diplomatica del testo*“ ⁵⁾: ненужные ва-

¹⁾ *Mnesosyne* 1881, p. 111. Здѣсь у фанъ Гервердена въ цифрахъ цитаты двѣ ошибки: „P. 128, 19 (I, 26)“.

²⁾ Ср. аналогическій пропускъ въ „Тайной Исторіи“ 65. 4 Вопп.: ἐπεὶ δὲ οὐκ εἶχεν ὄψιν ποτὲ πρὸς σὺ ἡ μά τι χρῶμενος τὸν ἀνδρῶπον διαφθεῖρατε, гдѣ это προσήματι дополняемъ изъ Cod. Ambros. G 14 sup.

³⁾ Напримѣръ хоть упомянутую выше вставку ἔργου.

⁴⁾ Стр. 129, примѣч. 1.

⁵⁾ Prefazione, p. XVIII (ср. выше, стр. 129, прим. 5).

ріанты только мѣшаютъ ориентироваться среди цѣнныхъ, а неудачныя конъектуры могли бы сослужить хоть ту службу, что предупреждали бы тождественные домыслы другихъ критиковъ текста.

Изъ частныхъ недосмотровъ, касающихся конъектуральнаго матеріала, отмѣтимъ въ критическомъ аппаратѣ,—конечно, случайный—пропускъ имени Брауна, какъ автора (принятой г. Компаретти въ текстъ) эмендации $\chi\alpha\lambda\iota\chi$ 110, 9 вмѣсто рукописнаго $\chi\alpha\lambda\alpha$ ($\chi\alpha\lambda\iota\sigma\upsilon$)¹⁾.

Что касается критическаго установленія прокопьевскаго текста вообще, то-есть ближайшимъ образомъ внѣ сферы уже затронутыхъ выше вопросовъ о расположеніи словъ и формахъ предлоговъ, то даже при бѣгломъ ознакомленіи съ разбираемымъ изданіемъ легко можно убѣдиться въ томъ, что оно, благодаря именно привлеченію къ дѣлу вариантовъ ватиканскаго преданія, весьма выгодно отличается отъ предшествующихъ, дѣлая несомнѣнный и значительный шагъ впередъ въ данномъ отношеніи. Приводить доказательства считаемъ излишнимъ, такъ какъ ихъ даетъ почти каждая страница этого изданія. При всемъ томъ нельзя не повторить по адресу новѣйшаго издателя тѣхъ же упрековъ, что высказаны были нами выше: слабость къ вульгатѣ и проницающееся отсюда недостаточное методическое пользованіе рукописнымъ матеріаломъ являются и здѣсь коренными недостатками почтеннаго издателя.

Всякому, кто занимался критикой текста Прокопія, конечно, извѣстно, что однимъ изъ главнѣйшихъ прегрѣшеній писцовъ прокопьевскихъ рукописей являются пропуски,—иногда болѣе или менѣе крупные, но въ большинствѣ случаевъ не особенно значительные. *Объ группы рукописей дополняютъ другъ друга*, и г. Компаретти не могъ, конечно, не замѣтить этого. Но, къ сожалѣнію, онъ не былъ достаточно послѣдователенъ въ дѣлѣ пользованія рукописями въ данномъ отношеніи. Ему слѣдовало бы принять за правило отдавать всякій разъ предпочтеніе чтеніямъ той группы, которая сообщаетъ текстъ въ болѣе полномъ видѣ,—все равно, сводится ли пропускъ въ другой группѣ къ (одному или нѣсколькимъ) цѣлымъ словамъ или всего къ одной буквѣ, какъ на примѣръ въ 17,7, гдѣ г. Компаретти слѣдуетъ вульгатѣ, *геср.* второй группѣ рукописей, читая $\omicron\upsilon\tau\epsilon\ \omicron\iota\alpha\ \tau\omicron\nu\eta\ \epsilon\pi\alpha\lambda\alpha\chi\iota\sigma\theta\eta$, тогда какъ *v* даетъ $\epsilon\pi\alpha\lambda\theta\alpha\chi\iota\sigma\theta\eta$, что, на нашъ взглядъ, и слѣдовало бы предпочесть первому чтенію. Само собою разумѣется, что подъ вышеупомянутое правило вовсе не подводится

¹⁾ Braun *Procop. Caes. quatenus imitatus sit Thucydidem*, p. 173 sq.

случаи диттографій, попадающихся, надо сказать, не особенно рѣдко ¹⁾, или явныхъ ошибокъ въ родѣ напримѣръ ἐπιμνησθήσομαι, какъ даетъ *v*, вмѣсто ἐπιμνήσομαι (21,6), или машинальныхъ вставокъ напримѣръ τὲ передъ καί.

Г. Компаретти во многихъ мѣстахъ пополнилъ изъ рукописнаго (преимущественно ватиканскаго) преданія текстъ „Войнъ съ готами“, но могъ бы пополнить его еще больше, а именно еще въ слѣдующихъ мѣстахъ (кромѣ только что отмѣченнаго выше 17,7): 3,5 ἐγὼ δὲ ἐπὶ τὸν πόλεμον τὸν Γοτθικὸν εἶμι—такъ *v*, а г. Компаретти вслѣдъ за вульгатой пропускаетъ первое τὸν ²⁾.

42,1 sq. καὶ πῶς οὐ δίκαιον, ὃ ἀγαθὲ, εἶπε, τὰ ἐπιτηδεύματα τῆ ψυχῆ ἐκάστου (ἐκάστη *V*) φυλάσσεισθαι;—такъ слѣдовало бы, на нашъ взглядъ, читать это мѣсто, слѣдуя *V* (и въ разстановкѣ словъ), съ поправкой ἐκάστου изъ *y*, то-есть рукописей второй группы; г. Компаретти вмѣстѣ съ вульгатой, *resp. y*, даетъ здѣсь ἐκάστου ψυχῆ (безъ τῆ).

45,4 οὐν μὲν οὖν Ἀθανάσιον τε καὶ Πέτρον ἀπέσταλκα, такъ *V*,— г. Компаретти, слѣдуя вульгатѣ, пропускаетъ это τε.

45,9 sq. ἐνταλάμενος τὰ μὲν χωρία ἐκ τῆς βουλῆς οἰκίας, ἣν δὴ πατριώνιον καλοῦσι, Θεοδάτῳ νεῖμαι—здѣсь ἐκ, сохраненное ватиканскимъ преданіемъ, напрасно пропущено въ изданіи г. Компаретти, который слѣдуетъ вульгатѣ, *resp. y*; передъ τῆς, быть можетъ, слѣдуетъ еще дополнить τῶν: ἐκ τῶν τῆς β. οἰκίας.

46, 12 sqq. Μοῦνος δὲ κτείνων τε καὶ ὄπη παρατόχοι ³⁾ ἐπόμενος καὶ κατέχειν τὴν διάνοιαν τῆ τοῦ παιδὸς ξυμφορᾷ ὡς ἥκιστα ἔχων ὕφ' ὅτου δὴ τῶν φευγόντων πληγεῖς ἔπεσε—слова τε и καί, отмѣченные у насъ разрядкой, слѣдуетъ дополнить изъ *V*; г. Компаретти пропускаетъ ихъ, слѣдуя вульгатѣ. Мимоходомъ замѣтимъ, что вмѣсто ὕφ' ὅτου мы предпочли бы ὑπό του (эта поправка даже, кажется, обязательна).

¹⁾ Напримѣръ 25,9 sq. τὸ ἐς πόλεμον ἐκάστον] ἐς πόλεμον ἐς ἕκαστον *v*; 102,3 sq. Ἐπεὶ δὲ Θεοδέρικος ἐξ ἀνθρώπων ἠράνιστο, οἱ Φράγγοι, οὐδενὸς ἀφίσιν ἐτι ἀντιστατοῦντος, ἐπὶ Θεορίγγου; ἐστράτευσαν] въ *v* передъ οὐδενὸς; стоятъ еще ἐπεὶ; 104,2 sq. οὐκ εἶα . . . κατὰ τὰ ἔθνη τὰ πάτρια ἐς τὸ θεῖον ἐξοσιῶσθαι] въ *y* τὰ стоятъ и передъ ἐς,—и т. д.

²⁾ Не безынтересно отмѣтить, что это же τὸν—судя ex silentio критическаго аппарата г. Компаретти—пропущено и въ *W*,—копία *v*.

³⁾ Г. Компаретти читаетъ, вслѣдъ за *y* и вульгатой, ὅποι παρατόχοι; *V* даетъ ὄπη παρατόχη, откуда мы и беремъ ὄπη,—ср. напр. 103, 12 sq. οἱ τὰς γυναίκα; ὄπη ἐβούλοντο ἄγοντες, или 172, 12 sq. πρόβειαι μὲν τὰ ἀνθρώπινα (ἀνθρώπια г. Компаретти, см. ниже, стр. 145) ὄπη αὐν βουλομένη τῷ θεῷ εἶη.

49, 7 Οὐδὲ ταῦτα, ὧ Γότθων ἀρχηγέ, ταύτη ἤπερ εἶρηκας ἔχει—дополняемъ изъ *V* ταύτη, пропущенное въ *y* и изданіи г. Компаретти.

51, 2 *sq.* διὰ ταῦτα νῦν Ἀθανάσιος τε καὶ Πέτρος ἐστάλησαν, οἷς ὑμῖν ἐς ἅπαντα ζυλλαβέσθαι χρεῶν—такъ читаетъ г. Компаретти и здѣсь мы съ нимъ расходимся въ трехъ мѣстахъ: во первыхъ, предпочитаемъ вульгату τοίνον (изъ *y*) чтенію νῦν, взятому имъ изъ „*Wv V*“; во вторыхъ, принимаемъ изъ *V* αὐτόσε послѣ ἐστάλησαν; въ третьихъ читаемъ (какъ *V* же) ὑμᾶς вмѣсто ὑμῖν. Въ особенности странно, что г. Компаретти не принялъ въ текстъ αὐτόσε—этого слова, встречающагося у обоихъ историковъ, которымъ болѣе всего подражалъ Прокопій, а именно у Фукидида (7, 26) и Геродота (3, 124).

77, 8 ἔρημον γὰρ ἀνδρῶν τὸ ἐκεῖνη τεῖχος . . . ἐγένετο—такъ надо читать на основаніи ватиканскаго преданія (ἐκεῖνη *V*) вмѣсто вульгаты ἐχεῖ, удержанной г. Компаретти.

86, 3 πολλάκις γὰρ μέλλησις τε εἰς τὸν καιρὸν ἐλθοῦσα μᾶλλον ὤνησε—здѣсь τὸν дополняется изъ *V*.

91, 2 *sq.* καὶ χώρα μὲν ἣ πρώτη ἀμφὶ τε τὸν ὠκεανὸν καὶ δούonta ἧλιόν ἐστιν Ἰσπανία ὠνόμασται—здѣсь принимаемъ въ текстъ изъ *V* ἐστιν, пропускаемое г. Компаретти вслѣдъ за вульгатой, — причемъ исправляемъ ἣ на ἡ.

95, 3 οὗς δὲ ἐταιρίσασθαι Θεοδέρικος ἐθέλων ἐς κῆδος αὐτοῖς ἐπιμίγνυσθαι οὐκ ἀπήξιον — на основаніи ватиканскаго преданія предпочитаемъ ἐθέλων вульгатѣ θέλων, удержанной г. Компаретти.

106, 1 τὸ μὴ πειθομένους τῇ ἀνάγκῃ εἰ τόχῃ οὕτω τὰ παρόντα διψήσθαι ἀξίμφορον — дополняемъ τῇ, сохрaненное ватиканскимъ преданіемъ (*v*), какъ и въ

107, 2 ζῆν πάσῃ τῇ τῆς ἡγεμονίας δυνάμει.

127, 4 *sq.* ἄνοδοί τε δύο ἐνταῦθα δὴ ἄγουσιν—дополняемъ δὴ изъ *V*.

128, 1 *sq.* Τιβέριδος τοῦ ποταμοῦ — дополняемъ изъ *V* членъ, отсутствующій въ *y* и изданіяхъ. Тоже самое и въ 140, 7 *sq.* ἐντὸς Τιβέριδος τοῦ ποταμοῦ.

128, 8 *sq.* ἦν τε γὰρ ἐνθένδε ἀποκρουσθέντες οἱ βίρβαροι διαβαίνειν ἐγχειρήσων ἐπὶ γεφύρας ἐτέρωθι οὔσης — такъ читаетъ г. Компаретти вслѣдъ за вульгатой; но въ *V* послѣ ἐτέρωθι еще стоитъ μὴ, и мы можемъ утилизировать для дополненія текста это μὴ, исправляя его на πῆ или πού, то-есть читая ἐτέρωθί πῆ (или πού) οὔσης.

131, 8—11 καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐς τὴν Γότθων στρατιάν ἐμπασαν οὗτος δὲ περιφερόμενος ὁ λόγος ἦλθε, ζητήσιν μέντοι αὐτοῦ . . . ἥκιστα ἐποικήσαντο οὐδὲ ὅτι ἐστὶ Βελισάριος σαφῶς ἔγνωσαν — такъ читаетъ г. Компаретти,

слѣдую вульгатѣ, гдѣ слова ἐστὶ Βελισάριος являются конъектурою Гёшеля; рукописи (*MSV*) даютъ ἐς βελισάριον, а въ *V* кромѣ того далѣе читается ἔφερε. Принимая во вниманіе эти варианты, мы предложили бы читать ὅτι ἐς Βελισάριον ἐφέρτε¹⁾ (подразумѣвается ὁ λόγος).

143, 4 τῶν δὲ δὴ ἄλλων Οὐίτιγис ἤγειτο—дополняемъ δὴ изъ *V*.

144. 13 Βελισάριος δὴ ἐξεῦρε τότε — такъ читаемъ мы это мѣсто, утилизируя путемъ эмендаціи δὲ, сохраненное въ *V*; г. Компаретти, слѣдую вульгатѣ, читаетъ просто Βελ. ἐξεῦρε τότε.

146, 6 ταῦτα δὲ Βελισάριος ἐποίησεν κтл. — добавляемъ изъ *V* не лишнее, судя по контексту, Βελισάριος, полагая, что это не интерполяція.

155, 5 Βελισάριος δὲ μηχανὰς μὲν ἐς τοὺς πύργους ἐτίθειτο, ἃς καλοῦσιν βελισάριους—дополняемъ μὲν изъ *V*, ср. 156, 6 sqq.

172, 12 sq. πρόεισι μὲν τὰ ἀνθρώπινα ὅπη ἂν βουλομένῳ τῷ θεῷ εἶη—чтеніе ватиканскаго преданія (*V*)—ἀνθρώπινα, на нашъ взглядъ, будетъ методичнѣе предпочесть чтенію вульгаты ἀνθρώπινα — ср. ἀνθρώπινα *D*,—удержанному г. Компаретти."

175, 5 εἰς τὰ ἐπὶ Αἰτωλίας καὶ Ἀχαρνανίας χωρία—читаетъ г. Компаретти, слѣдую вульгатѣ, но ватиканское преданіе даетъ ἐς и передъ καὶ вставляетъ еще τὰ, что, по нашему мнѣнію, и слѣдовало бы удержать, читая ἐς τὰ ἐπὶ Αἰτωλίας τε καὶ Ἀχαρνανίας χωρία.

178, 2 οὐ ταύτην δὴ τὴν τῶν βαρβάρων ἔφοδον—добавляемъ τῶν изъ *V*.

194, 14 καὶ διαφέρειν μὲν²⁾, ὅτι Ῥωμαῖοι μὲν σχεδόν τι ἅπαντες καὶ οἱ ἔμμοχοι Οὐνοὶ ἰπποτοξόται εἰσὶν ἀγαθοί, Γότθων δὲ τὸ ἔργον τοῦτο οὐδὲν ἤσκηται—дополняемъ второе μὲν изъ *V*.

196, 14 ἄνδρες συστρατιῶται—слѣдуетъ читать на основаніи ватиканскаго преданія (*V*) вмѣсто вульгаты στρατιῶται, удержанной г. Компаретти.

199, 3 ἰκανόν οἱ ἐφαίνετο τούτους δὴ ἅπαντας οὐ μεταλαχόντας τῆς ἐμβολῆς ἀπὸ τοῦ ἄλλου στρατοῦ κηχωρίζεται—дополняемъ δὴ изъ *V*.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы видимъ случаи дополненія прокопьевскаго текста изъ ватиканскаго преданія. Въ нижеслѣдующихъ текстъ этотъ пополняется изъ рукописей второй группы (*y*).

11, 2 καὶ ταῦτα καὶ ἀπὸ τοῦ ἀνθρωπείου τρόπου—такъ читается въ *MS* и изданіяхъ до г. Компаретти, но послѣдній выбрасываетъ —

¹⁾ А то нельзя ли удержать рукописное ἔφερε?

²⁾ Вмѣсто этого μὲν мы предпочли бы читать μὴν.

вовсе не лишнее въ данномъ контекстѣ—второе *καί*, на этотъ разъ неудачно слѣдую ватиканскому преданію.

28, 9 *καί ὅα εἰς* ¹⁾ *αὐτὸν ἐναγχος δράσασιν*—г. Компаретти, отступая отъ вульгаты, выпускаетъ *εἰς*, сохраненное въ *y* и рѣшительно необходимое въ данномъ случаѣ; ср. между прочимъ 31, 9 *καίπερ ἐς αὐτὸν ἀνήκεστα δεῖνὰ εἰργασμένη τὸ πρότερον*.

29, 7 *sq.* *εἴ γε περιστάτῃ τοῖς ἡδικοῦσθαι πρὸς αὐτοῦ ἤδη αἰτιωμένοις οὐκ ἔχειν μὲν ὅτφ τὰ βυρπερόντα σφίσιν ἀγγείλωσι κτλ.*—такъ читаетъ г. Компаретти, слѣдую ватиканскимъ рукописямъ; въ *y* имѣется еще *ὡς* передъ *ἤδη*, и Диндорфъ вслѣдъ за Мальтрэ удерживаетъ это *ὡς*, вставляя передъ нимъ *λέγουσιν*. Мы являемся тоже сторонниками чтенія *y*, но находимъ, что вставка *λέγουσιν* излишня: необходимо только переставить *ὡς* на другое мѣсто, а именно читать: *τοῖς ἡδικοῦσθαι πρὸς αὐτοῦ ἤδη αἰτιωμένοις ὡς οὐκ ἔχειν κтл.* Можно предположить, что въ общемъ архетипѣ обѣихъ группъ *ὡς* было первоначально пропущено писцомъ (подъ вліяніемъ конца предыдущаго слова) и написано затѣмъ надъ строкою.

44, 7 *καί σοι τὸ Γότθων τε καί Ἰταλιωτῶν αὐτίκα μάλα ἐγχειριῶ κράτος*—дополняемъ *μάλα* изъ *y* ²⁾).

47, 9 *ἐπεὶ δὲ κόσμον τῇ Λατίνων φωνῇ ὁ μούνος δύναται*—здѣсь *ὁ* пропускается г. Компаретти, слѣдующимъ ватиканскому преданію; на нашъ взглядъ, правильнѣе вульгата, принимающая этотъ членъ изъ *y*. Мимоходомъ замѣтимъ, что нѣтъ никакого основанія писать *μούνος* съ прописной буквы, какъ это дѣлаетъ г. Компаретти вслѣдъ за вульгатой.

51, 2 слѣдуетъ читать вмѣстѣ съ *y* (и вульгатой) *τοίνυν*, о чемъ мы уже говорили выше.

53, 13 *τφ τε πεζφ καί ταῖς ναοῖ προσωρμίσαντο*—напрасно г. Компаретти здѣсь предпочитаетъ ватиканское преданіе, пропускающее *τέ*.

103, 13 *οἱ πρὸς τῶν γυναικῶν τῶν σφετέρων ἀγόμενοι*—здѣсь г. Компаретти пропускаетъ первое *τῶν*, слѣдую ватиканскимъ *Wv*; мы предпочитаемъ чтеніе *y* (вульгату тожъ).

105, 7 *οὐς Οὐίτις ἐνθένδε ἐξαναστῆσαι οὐχ οἶός τε ὦν κтл.*—читаетъ г. Компаретти на основаніи ватиканскихъ рукописей (*Wv*); мы же предпочитаемъ вульгату, дающую *οὐς δῆ* — изъ *y*.

¹⁾ Мы предпочли бы *ἐς*.

²⁾ Въ критическомъ аппаратѣ г. Компаретти значится *ad loc.*: „*αὐτίκα μάλα MDgW*“, — отсюда *ex silentio* можно заключить, что въ *C* *μάλα* пропущено; но этотъ выводъ былъ бы ошибоченъ: въ *C* тоже читается *αὐτίκα μάλα*.

109, 8 ὁ τῆς πόλεως ἀρχιερεὺς — такъ читаетъ вслѣдъ за *Wv* г. Компаретти; не видимъ причины, которая заставила его отступить отъ вульгаты ὁ τῆσδε τῆς πόλεως ἀρχ. (какъ въ *y*).

129, 2 ἦλθον δὲ αὐτοῖς αὐτόμολοι δύο καὶ εἴκοσι—нѣтъ основанія отказываться отъ вульгаты καὶ αὐτόμολοι (изъ *y*).

140,11 αἰσθησιν τῶν ἐν πολιορκίᾳ κακῶν — читаетъ г. Компаретти, а мы такъ предпочли бы читать вмѣстѣ съ *y* (и вульгатой) ἐν τῇ πολιορκίᾳ.

142,1 διὰ μὲν ὄχουτοῦ ἀγομένου ἐς τὴν τοῦ λόφου ὑπερβολήν—и здѣсь предпочтительнѣе преданіе *y* τοῦ ὄχουτοῦ, уже ставшее вульгатой.

149,13 ὄρα· γὰρ δὴ ποῦ ἀπὸ τοῦ τείχους τὸ τῶν πολεμίων στρατόπεδον—не видимъ причины отказываться отъ чтенія *y* (и вульгаты)— καὶ τὸ τῶν πολεμίων στρατόπεδον.

202,1 ἡμᾶς δὲ τοῖς πεζοῖς ἐς τὴν παράταξιν ἡγεῖσθαι ξυγχώρει—предпочитаемъ вульгату, дающую (какъ *y*)—ἡμᾶς δὲ δὴ κτλ.

208,11 τοῦ πολέμου μεταλαχεῖν—нѣтъ причины отказываться отъ чтенія *y*—τούτου τοῦ πολέμου.

Излишнее уваженіе къ вульгатѣ заставляло г. Компаретти мѣстами оставлять ее у себя даже прямо вопреки авторитету рукописей, по крайней мѣрѣ, лучшихъ. Такъ напримѣръ, онъ читаетъ вслѣдъ за вульгатой 60,7 τὸ τοῦ βασιλέως στρατόμα, хотя это тоῦ имѣется лишь въ *L*, то-есть, въ рукописи, не имѣющей самостоятельнаго значенія для критики текста¹⁾. Или, наоборотъ, пропускаетъ въ 166,7 Γότθος²⁾, засвидѣтельствованное всѣми авторитетными рукописями³⁾.

До сихъ поръ, какъ видать читатель, мы почти исключительно вращались въ области, такъ сказать, пассивныхъ эмендацій прокопьевскаго текста, то-есть, имѣли дѣло почти только съ такими мѣстами, для исправленія которыхъ нужно было ограничиваться почти механическимъ выборомъ такого или инаго рукописнаго преданія. Въ непосредственно примыкающей области болѣе тонкой и специальной оцѣнки вариантовъ разныхъ преданій г. Компаретти весьма удачно справился съ своей задачей именно благодаря тому, что

¹⁾ Въ критическомъ аппаратѣ, гласящемъ: „τοῦ *от. CDWvMf, HP*“, къ перечисленнымъ рукописямъ надо добавить еще *M*.

²⁾ Ἐν δὲ Σαλαρίᾳ τῇ πόλει Γότθος ἀνὴρ εὐμήκης τε καὶ ἀγαθός τὰ πολέμια κτλ.

³⁾ Въ критическомъ аппаратѣ читаемъ: „Γότθος ἀνὴρ *MCDWvMf*“, но мы не поручились бы за правильность вывода *ex silentio*, что въ *V* не читается тоже γότθος ἀνὴρ.

здѣсь онъ меньше слѣдовалъ вульгатѣ и чаще отдавалъ (вполнѣ по достоинству) предпочтеніе ватиканскому преданію. Для примѣра укажемъ 12,1; 17,13; 26,7; 31,3; 31,11 sqq.; 38,10; 39,2; 43,7 sq.; 65,5; 72,3; 94,13 sq.; 96,9 sqq.; 101,2; 105,3; 137,1; 166,1 sq.; 168,9; 178,1 и т. д.

Наоборотъ, въ области активной эмендаціи или, выражаясь иначе, въ области конъектуральной критики г. Компаретти, какъ издатель, отличается довольно крупными недостатками, о которыхъ мы уже имѣли случай упомянуть выше. Эти недостатки—конъектурофобія и вульгатофильство (*sit venia verbis!*)—обусловливаются, съ одной стороны и притомъ главнымъ образомъ, излишнею консервативною новѣйшаго издателя, съ другой,—должно быть, посредственностью его собственнаго конъектуральнаго таланта. По поводу послѣдняго повторимъ замѣчаніе, высказанное нами выше, что въ области конъектуральной критики текста г. Компаретти не отличается особенною *εὐστοχίᾳ*, и въ подтвержденіе приведемъ если не всѣ, то большую часть его конъектуръ.

24,12 sqq. ἀγὼν γάρ, ἢν μὴ ἐκ τοῦ ἀντιπάλου ἔσταται¹⁾, οὐδὲ τὴν νίκην εὐπρεπῆ φέρει] принимая во вниманіе — вовсе не стоющій такой чести²⁾ — вариантъ φέρειν, имѣющійся въ „*rWvf(marg.) Reg.*“, и, очевидно, полагаясь на критическое чутье Гроція, почему то заподозрѣвшаго подлинность или правильность οὐδὲ въ данномъ мѣстѣ и предложившаго читать οὐδεῖς, что и принялъ въ свой текстъ Диндорфъ,—г. Компаретти замѣчаетъ: „можетъ быть, Проконій написалъ οὐ δύναται νίκην εὐπρεπῆ φέρειν“,—но это, несомнѣнно, является тѣмъ, что нѣмцы называютъ *Schlimmbesserung*: ни въ какой эмендаціи приведенное мѣсто, на нашъ взглядъ, не нуждается.

Затѣмъ 71,4 sq. οὐδὲ γάρ ἦν Νεαπολίτας ἀθροῦς βασιλεῖ κατηκόους γενέσθαι—такъ читается въ *y*, и такъ даетъ г. Компаретти въ своемъ текстѣ, слѣдуя вульгатѣ; но въ ватиканскомъ преданіи читается οὐδὲν δεῖ, и г. Компаретти, упомянувъ въ критическомъ аппаратѣ конъектуру Мальтрэ οὐ γάρ ἔδει, сообщаетъ тамъ же и свою собственную—οὐδ' ἦν δεῖ.

Далѣе 88,10 ὅπως μέντοι μηδὲν τι ἐμβήσεται τοιοῦτον—такъ читаетъ

¹⁾ Объ этомъ чтеніи вмѣсто вульгаты *εἰσταται* ср. выше стр. 135.

²⁾ Ср. между прочимъ 44,4 ὅτι τὸ μὴ ἐθισθῆναι ἐς ταραχὴν φέρει, гдѣ *WvV* даютъ φέρειν или напримѣръ 26,4, гдѣ вмѣсто *ἐμβάσινει* рукописи *Wv* ошибочно даютъ *ἐμβάσινειν* (тоже въ концѣ предложенія).

въ текстѣ г. Компаретти, слѣдую ватиканскому преданію („*Wv V*“), а въ критическомъ аппаратѣ замѣчаетъ по поводу *μηδέν τι*: „можетъ быть, *μηδέ τι*“—тогда какъ проще всего примкнуть къ *υ* (и вульгатѣ), гдѣ *τι* не имѣется: въ *V* это слово могло появиться диттографически (ср. предшествующее *μέντοι*).

Потомъ 124,10 sq. *ἀκούσαντι τὸ ξὺν Βελισαρίῳ στρατεύμα βαρότατον εἶναι*—въ критическомъ аппаратѣ читаемъ: „*βραχύτατον* Гроцій весьма правдоподобно, если только не выпало отрицаніе послѣ *βαρότατον* (οὐκ εἶναι?)“.

Черезъ нѣсколько строкъ ниже—125,3 sq. *καὶ αὐτὸν γὰρ οἱ ἀναδέχεσθαι μήποτε Βελισάριον δραστήν χρῆσασθαι*—у г. Компаретти въ критическомъ аппаратѣ находимъ замѣтку: „*καὶ*, повидимому, слѣдуетъ здѣсь выбросить“, причемъ не мѣшаетъ пояснить, что предъидущая фраза текста начинается тѣми же словами, что и вышеприведенная (125,2 sq. *καὶ αὐτὸν εἰπεῖν ἤκιστα οἱ χρῆναι τοῦτο ἐν φροντίδι εἶναι*); по поводу догадки г. Компаретти возразимъ, что если въ 125,3 на самомъ дѣлѣ есть какая либо диттографія или интерполяція, то это скорѣе всего будетъ не *καὶ*, но *αὐτὸν*.

Затѣмъ 169,4 sqq. *καὶ οἱ μὲν τῷ φόβῳ τοὺς ἐμπειρωχότας ἅπαντας, ἔχτεινον, οὔτε ἀνομομένους καὶ ὑπὸ σφῶν αὐτῶν διαφθειρομένους ἐν τῇ ἐς τὴν ἔξοδον στενοχωρίᾳ*—такъ читаетъ г. Компаретти вслѣдъ за вульгатой, а въ критическомъ аппаратѣ замѣчаетъ: „4—5. *οἱ μὲν τῷ φόβῳ* пропущено въ *Wv V*, но только *τῷ φόβῳ* можно переставить отсюда передъ *οὔτε ἀνομομένους*“; въ переводѣ этого мѣста („e questi tutti quanti eran penetrati trucidarono, ché per lo spavento neppur si difendevano“ и проч.) онъ отстываетъ отъ перевода Мальтрэ („*Ni metu consternatos omnes occidunt impune: cum nec se ipsi defenderent*“ и проч.)—и отстываетъ, думается намъ, не совсѣмъ удачно. Мы полагаемъ, что проще всего читать данное мѣсто слѣдующимъ образомъ: *καὶ οἱ μὲν τῷ φόβῳ (αὐτῶν) τοὺς*—или, пожалуй, *(τοῦ) τοὺς*—*ἐμπειρωχότας ἅπαντας ἔχτεινον*, причемъ примыкаемъ къ переводу Мальтрэ.

Наконецъ, еще одно—самое интересное—мѣсто, гдѣ сообщается (латинскій) текстъ втораго прорицанія „сивиллы“—177,2 sq. Свое возстановленіе этого прорицанія новѣйшій издатель, очевидно, считалъ вполне удовлетворительнымъ, почему и помѣстилъ его въ текстъ, а не въ критическомъ аппаратѣ. Мы же, принимая во вниманіе черты рукописнаго преданія и нѣкоторыя спеціальныя соображенія, позволяемъ себѣ смотрѣть на возстановленіе, предложенное г. Компаретти, нѣсколько иначе. Сперва не мѣшаетъ привести данное мѣсто

въ его контекстѣ (176,11—177,8): ἐν μὲν τῇ Ῥώμῃ τῶν τινες πατριχίων τὰ Σιβόλλης λόγια προῦφερον, ἰσχυρίζομενοι τὸν κίνδυνον τῇ πόλει ἄχρι ἐς τὸν Ἰούλιον μῆνα γεγενῆσθαι μόνον. χρῆναι γὰρ τότε βασιλεῖα Ῥωμαίοις καταστῆναί τινα, ἐξ οὗ δὴ Γετικὸν οὐδὲν Ῥώμῃ τὸ λοιπὸν δεῖσσιε. Γετικὸν γὰρ ἔθνος φασὶ τοὺς Γότθους εἶναι· εἶχε δὲ τὸ λόγιον ὧδε· *Quintili mense sub novo Romanus rege nihil Geticum iam metuet*. πέμπτον δὲ μῆνα τὸν Ἰούλιον ἰσχυρίζοντο εἶναι, οἱ μὲν, ὅτι Μαρτίου ἰσταμένου ἢ πολιορκία κατ' ἀρχὰς γέγονεν, ἀφ' οὗ δὴ πέμπτον Ἰούλιον ξυμβαίνει εἶναι, οἱ δὲ, ὅτι Μάρτιον πρῶτον πρὸ τῆς Νουμᾶ βασιλείας ἐνόμιζον μῆνα, ὅτε δὴ Ῥωμαίοις ἐς δέκα μῆνας ὁ τοῦ ἐναυτοῦ χρόνος ξυνῆει, ὁ Ἰούλιός τε ἀπ' αὐτοῦ Κιντόλιος ¹⁾ ὠνομάζετο. Что касается предложеннаго здѣсь возстановленія текста пророчества „сивиллы“, то прежде всего слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторую странность его внѣшней формы: странно то, что второй гексаметръ прерывается на половинѣ; странно, что у нашей „сивиллы“ не хватило вдохновенія еще на пару стопъ (тутъ впрочемъ мы должны оговориться: если г. Компаретти считаетъ гексаметрами или вообще стихами разбираемый текстъ). Затѣмъ, переходя къ содержанію, можемъ замѣтить, что „*Quintili*“, заимствованное (вмѣстѣ съ *mense*) почтеннымъ издателемъ у Мальтрэ, на нашъ взглядъ, неправильно: Прокопій слишкомъ ясно говоритъ о *πέμπτον μῆνα* 177, 3, и къ тому же специально упоминаетъ, какъ нѣчто отдѣльное, обозначеніе *Κιντόλιος* (или *Κοιντίλιος*?) 177,7, дѣлая ео *ἴρσο* несомнѣннымъ—по крайней мѣрѣ, для людей, которые не слишкомъ поддаются обаянію вульгаты,—предположеніе, что „сивилла“ говорила не о *Quintilis mensis*, но просто о *quintus*; находишь въ ея прорицаніи это *Quintilis*, нечего было бы тогдашнимъ толкователямъ и „*ἰσχυρίζεσθαι*“ или дѣлать разныя выкладки,—такъ какъ и безъ нихъ всякому было бы ясно, что дѣло идетъ именно объ іюльѣ.

Обращаясь за провѣркою нашей догадки къ рукописному преданію, находимъ въ *V* передъ *mense* (= *mense*) —

ἦν τι ἡοι

что можетъ быть испорчено либо изъ *Quinto*, либо изъ *Quinto hoc*,—конечно, скорѣе, чѣмъ изъ *Quintili*.

Разбирая черты преданія далѣе по *V*, воочію убѣждающаго насъ здѣсь въ большей близости къ архетипу именно ватиканскаго преданія—въ противоположность мнѣнію г. Гаури, о которомъ уже была

¹⁾ Въ ватиканскомъ преданіи *ἡττίλιος*, на основаніи чего мыслимо чтеніе *Κοιντίλιος*.

рѣчь выше¹⁾), — находимъ послѣ *mensē* приблизительно слѣдующее²⁾):

si Re || nunquam γρ. γενιτηγ || eticuniamazmet,

причемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что вмѣсто *R* (третья буква) могло быть и *B*; что *q* (8-я буква) изображена посредствомъ почти того же знака, что и два *S* въ предшествующей строкѣ; наконецъ, что *γρ* соединены въ монограмму³⁾.

Транскрибируя данное мѣсто обыкновенными буквами, получимъ —

si Re || nunquam nn γρ. Ge nihil γ || eticum
iam azmet.

Nihil и *Geticum* дешифровали уже Мальтрэ; а *iam*, какъ мы уже видѣли, извлекъ отсюда г. Компаретти. Въ концѣ какъ французскій, такъ и итальянскій издатели принимаютъ чтеніе *metuet*, очевидно, имѣя въ виду не столько черты рукописнаго преданія, сколько *deiscie* въ перифразѣ Прокопія (177, 1). Отъ возстановленія середины Мальтрэ благоразумно уклонился; что же касается возстановленія, предложеннаго новѣйшимъ издателемъ, то достаточно одного взгляда, чтобы убѣдиться въ томъ, что между *tense* и *nihil* читалось нѣчто совсѣмъ не похожее на „*sub novo Romanus rege*“. Это послѣднее не находятъ для себя подтвержденія и въ (гораздо худшемъ въ сравненіи съ ватиканскимъ) преданіи *y*, показанія котораго считаемъ не лишнимъ привести здѣсь на основаніи собственныхъ сличеній, такъ какъ критическій аппаратъ г. Компаретти не даетъ настоящаго представленія о чтеніяхъ *M* и *C*. Въ *M* (fol. 49^v) читается: ἦν || τῆ η οἱ μὲν ζε καὶ βενυω· ἰ χάτε νη αἰ (sic!) γρ' (монограмма) σο ενῖ πῖ ἦυ || ἔ τῆ σο πι απῖ ε τα, а въ *C* (fol. 47^r)—слѣдующее: ἦν τῆ η οἱ μὲν ζε καὶ βενυω· (καὶ)⁴⁾ χάτε νη αἰ γρ' (монограмма) σο ενῖ πῖ || ἦυ ἔ τῆ σο πι απῖ ε τα.

Прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію получаемаго нами такимъ образомъ уравненія съ нѣсколькими неизвѣстными (ἦν τῆ ηοι si Re | nunquam nn γρ. Ge nihil γ || eticum iam azmet = χρῆναι γάρ τότε βασιλέα Ῥωμαίους καταστῆναι τινα, ἐξ οὗ δὴ Γετικὸν οὐδὲν Ῥώμη τὸ λοιπὸν δεῖσται), — необходимо привести его въ простѣйшій видъ, и мы упрощаемъ ту часть его, гдѣ содержатся искомыя величины, слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Стр. 132 я слѣд.

²⁾ Здѣсь мы посоветовали бы читателю заглянуть въ изданіе г. Компаретти, гдѣ (въ критическомъ аппаратѣ) дается спосное факсимиле чтенія *V*.

³⁾ Эта монограмма, ошибочно принятая г. Компаретти за *re*, явнѣе, чѣмъ въ *V*, читается въ *y*.

⁴⁾ Въ рукописи здѣсь находится обычное сокращеніе этого союза.

гр. Ge
 β γ α

Quinto hoc mense si re || numquam [nm] nihil || eticum iam zmet,
 то-есть во-первыхъ, выбрасываемъ *nm* какъ диттографію конца предъ-
 идущаго или начала послѣдующаго слова ¹⁾); во-вторыхъ, считаемъ
 гр(афе) Ge надстрочною помѣткой, относившейся къ неправильно на-
 писанному слову *Geticum (eticum)*, и водворяемъ эту помѣтку на
 подобающее ей мѣсто; въ-третьихъ, предполагаемъ ошибочную раз-
 становку словъ *nihil Geticum iam* (вмѣсто *iam nihil Geticum*) съ со-
 отвѣтствующими надстрочными помѣтками β (недошедшей), γ (между
nihil и *eticum*) и α (между *iam* и *zmet*),—попавшими затѣмъ въ текстъ
 (за исключеніемъ, конечно, β ,—которую, мимоходомъ замѣтимъ, едва ли
 можно приурочить къ *nm* между *numquam* и *nihil*).

Изъ получаемаго такимъ образомъ комплекса словъ

Quinto hoc mense si re || numquam iam nihil Geticum zmet—

намъ нужно теперь возсоздать перефразированный Прокопіемъ (вторая
 часть равенства) результатъ поэтическаго вдохновенія или, правиль-
 нѣе сказать, стихотворной стряпни „сивиллы“. Несомнѣнно, что эта „си-
 вилла“ въ данномъ мѣстѣ прибѣгла къ той же метрической формѣ (гекса-
 метръ), какая подверглась нѣкоторому истязанію со стороны ея же
 самой или какой либо ея товарки, такой же легкомысленной по части
 просодіи. Но несомнѣнно также и то, что для одного гексаметра на-
 личнаго матерьяла слишкомъ много, а для двухъ — недостаточно.
 Остается слѣдовательно одно—предположить лакуну, что мы и сдѣ-
 лаемъ. Гдѣ начиналась эта лакуна, догадаться нетрудно: конецъ
 перваго гексаметра и начало втораго находились, очевидно, между
re, —которымъ (NB) кончается строка въ V,— и *numquam*.

Теперь остается лишь возстановить оба гексаметра. Содержаніе
 ихъ достаточно ясно изъ перифразы, сдѣланной Прокопіемъ, но ла-
 куна слишкомъ велика для того, чтобы можно было съ полною точностью
 опредѣлить подлинныя слова „сивиллы“. Для примѣра предлагаемъ три
 возстановленія даннаго мѣста, одно —

*Quinto hoc ²⁾ mense si re (gem quemquam sibi crearint
 Romani, urbs) numquam iam nihil Geticum tremet.*

¹⁾ Кромѣ диттографіи здѣсь можно тоже видѣть испорченное *iam* или же *tum*
 (о послѣднемъ см. ниже): не мѣшаетъ прінять къ свѣдѣнію, что черты лучшаго
 преданія допускаютъ послѣ *numquam* чтеніе не только *nm*, но и *lxx*.

²⁾ На удержаніи этого *hoc* не настаиваемъ.

Другое,—нѣсколько уклоняющееся (въ первомъ гексаметрѣ) отъ рукописнаго преданія, но зато точнѣ соответствующее по содержанию и выраженіямъ перифразъ Прокопія, — таково:

*Quinto hoc ¹⁾ mense si<bi> re<gem Romani creanto ²⁾,
Roma ex quo> numquam iam nihil Geticum tremet.*

При третьемъ восстановленіи является возможность во первыхъ буквально передать χρῆναι прокопьевской перифразы, во вторыхъ утилизировать *nn* (или *inn*), которое мы нѣсколько выше объявили диттографіей. Вотъ эта третья редакція, почти совпадающая съ первою во второмъ стихѣ:

*Quinto hoc ³⁾ mense si<bi> re<gem creare debetis,
Romani: urbs> numquam tum [iam] nihil Geticum tremet.*

При этомъ слово *iam* уже приходится выбросить, какъ интерполяцію (видѣть въ немъ диттографію, конечно, не такъ удобно, хотя и это объясненіе мыслимо). О палеографической близости чтеній *tum* и *inn* (или *nn*, съ предшествующимъ *numquam*) и говорить нечего.

Если остановиться на этой третьей редакціи, то, пожалуй, и не зачѣмъ предполагать надстрочныхъ знаковъ α, β и γ: въ архетипѣ дошедшихъ до насъ рукописей Прокопія разбираемое мѣсто могло имѣть просто слѣдующій видъ —

Quinto hoc mense si re || numquam tum nihil ^{γ. Ge} geticum iam tremet.

Возможны еще и другія варіаціи, но мы удовольствуемся и только что приведенными восстановленіями, которыя почти буквально передаютъ упомянутую перифразу. Первая редакція нѣсколько ближе другихъ (именно въ первомъ стихѣ) къ чертамъ преданія, и при ней удобнѣе объясняется, такъ сказать, механизмъ возникновенія лакуны (*quetquam* — *numquam*), но всетаки мы отдали бы предпочтеніе второй или третьей редакціи, такъ какъ обѣ послѣднихъ ближе къ прокопьевской перифразѣ, какъ въ синтактическомъ, такъ и фразеологическомъ отношеніи. Въ сущности вся разница между второю и третьей редакціями сводится къ тому, что при одной буквально переводится прокопьевское χρῆναι (176,13), но зато остается не переведеннымъ εἰς οὐ (176,14), а при другой—буквальный переводъ χρῆ-

1) См. предъидущее примѣчаніе.

2) Или, если угодно, — *re<gem, Romani, create>*.

3) См. выше, стр. 152, примѣч. 2.

ва приносится въ жертву удержанію еѣ об. Въ виду большей синтактической близости второй редакціи къ перифразѣ Прокопія, мы склонны отдать предпочтеніе именно ей.

При всѣхъ трехъ редакціяхъ хромаетъ просодія (а въ первой—именно въ первомъ стихѣ—хромаетъ и метрика), но такіе недочеты—въ духѣ творчества „сивиллы“. По поводу втораго стиха не безынтересно отмѣтить его—чисто случайное, конечно,—частное совпаденіе съ мѣстомъ изъ Плинія *N. H.* 2,200 (рѣчь идетъ о землетрясеніяхъ): *nunquam urbs Roma tremuit, ut non futuri eventus alicuius id praenuntium esset.*

Возвращаясь къ конъектурамъ г. Компаретти, можемъ сказать, что изъ предложенныхъ имъ эмэндацій дѣйствительно заслуживаютъ такого названія только двѣ: *peribunt* 47,8, о чемъ уже была рѣчь выше ¹⁾, и 118,1 *sq.* τοῦτου δὲ τοῦ κόλπου ἐντὸς πόλιςμα πρῶτον ὁ Δροῦς οἰκῆται, ὁπερ τανῶν Ὑδροῦς καλεῖται—такъ даетъ г. Компаретти въ текстѣ, слѣдуя вульгатѣ, но въ критическомъ аппаратѣ,—гдѣ, къ слову сказать, можемъ дополнить, что чтеніе ὄδροῦς кромѣ *r* стоитъ и въ *D*,—онъ, склоняясь на сторону предложенной Гроциемъ замѣны ὁ Δροῦς именемъ Ὑδροῦς, совершенствуетъ вторую эмэндацію того же ученаго (Δροῦς вмѣсто Ὑδροῦς въ той же строкѣ далѣе), предлагая читать Ὀδροῦς, причѣмъ ссылается на *Odrontum* въ *Itinerarium Hierosolymitanum*.

Что касается вульгатофильства г. Компаретти, то примѣры его мы, какъ читатель, конечно, помнитъ, уже не разъ указывали при разборѣ разночтеній рукописей обоихъ преданій и потому здѣсь ограничимся указаніемъ только двухъ находящихся рядомъ мѣсть Прокопія, гдѣ особенно странною кажется намъ нѣжная привязанность новѣйшаго издателя къ вульгатѣ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду то мѣсто, гдѣ говорится о датѣ освобожденія Рима отъ власти готтовъ—112,1 *sqq.* Ῥώμη τε αὐθις ἐξήχοντα ἔτεσιν ὕστερον ὑπὸ μηνός, ἐνδέχεται ἔτος Ἰουστινιανοῦ βασιλέως τὴν αὐτοκράτορα ἀρχὴν ἔχοντος, ἤλω. Такъ даетъ въ текстѣ г. Компаретти, слѣдуя вульгатѣ, несмотря на завѣдомую ошибочность какъ ὑπὸ μηνός, такъ и ἐνδέχεται, что отмѣчено имъ въ переводѣ ²⁾, а также (отчасти) и въ критическомъ ап-

¹⁾ Стр. 140.

²⁾ „Roma fu ripresa dopo sessant'anni meno un mese(?), nell'anno undecimo(?), da che Giustiniano teneva l'autorità imperiale“ (вопросительные знаки поставлены самимъ переводчикомъ).

паратѣ. Въ послѣднемъ онъ говоритъ по поводу 112,1 ὑπὸ μηνός: „θ' Ἀπελλαίου μηνός P¹⁾ (marg.), конъектура Мальтрэ, основанная на *Евагріѣ*, IV, 19 и *Никифорѣ Каллиствѣ*, XVII, 13, которые, цитую *Проконія*, говорятъ, что Римъ былъ взятъ обратно (отъ юмѣовъ) ἐνἀτῆ Ἀπελλαίου μηνός (въ *Lib. Pontif.*—IV. idus decembris)²⁾; ср. *Clinton, Fasti romani*, I, 766, *Hodgkin, Italy and her invaders*, IV, 95 сл.⁴⁾

Изъ вышеназванныхъ греческихъ авторовъ у *Евагрія l. c.* читается слѣдующее: γέγονεν ὑπὸ Ῥωμαίους αὖθις ἢ Ῥώμη ἐξήκοντα ἔτεσιν ὕστερον, ἐνἀτῆ Ἀπελλαίου, πρὸς δὲ Ῥωμαίων προσηγορευομένου Δεκεμβρίου μηνός, ἐνδέκατον ἔτος³⁾ Ἰουστινιανοῦ βασιλέως, а у *Никифора*, который, очевидно, пользовался *Евагріемъ*: — ἢ Ῥώμη αὖθις ὑπὸ Ῥωμαίους ἐγένετο ἐξήκοντα ἔτεσιν ὕστερον, ἐνἀτῆ Ἀπελλαίου μηνός, ὃς πρὸς Ῥωμαίων Δεκέμβριος ὀνομάζεται⁴⁾. Почти дословная близость мѣсть *Проконія* и *Евагрія* дѣлаеть несомнѣннымъ, что первый историкъ въ данномъ случаѣ является источникомъ втораго⁵⁾, откуда получается возможность исправить текстъ *Проконія* на основаніи *евагріевскаго*, чему починъ былъ сдѣланъ, какъ видимъ, еще *парижскимъ* издателемъ нашего историка. Но предложенною *Мальтрэ* эмендациею мы не удовлетворяемся, несмотря на несомнѣнное остроуміе ея и всю естественность мотивировки: „ἐνἀτῆ ἀπελλαίου μηνός, говорить *Мальтрэ*, — videtur Procopius, vel librarius sic abbreviasse, θ' ἀπε. μηνός, ut fieri videmus quotidie. Hanc scripturam depravatam existimo sublata numeri nota θ' et ἀπε. mutato in ὑπὸ. Est autem Ἀπελλαίος December, teste *Евагріо*, quem supra laudavi“. Дѣло въ томъ, что и *евагріевское Ἀπελλαίου* можетъ, на нашъ взглядъ, быть ошибочнымъ чтеніемъ, — вмѣсто самаго простаго и естественнаго τελευταίου, по поводу чего не мѣшаетъ обратить побольше вниманія

¹⁾ То-есть, *парижское* изданіе (*Maltretus*).

²⁾ Вотъ точная цитата изъ *Liber pontificalis*, по изданію *Дюшена*, I, p. 290, 18: Ingressus autem *Vilisarius patricius* in urbem Romam III id. decemb.

³⁾ *Дюшень*, I. c., p. 293 (*Notes explicat.* 8) предлагаетъ читать ἐν δεκάτῳ ἔτει, но какъ ни близка эта эмендация къ чертамъ преданія, совпаденіе этого ἐνδέκατον ἔτος Ἰουστ. βασιλέως съ *проконіевскимъ* текстомъ говоритъ скорѣе въ пользу оставленія даннаго мѣста въ statu quo, несмотря на его фактическую неправильность.

⁴⁾ Считаемо долгомъ заявить, что эти цитаты изъ *Евагрія* и *Никифора* взяты нами изъ вторыхъ рукъ (у *Мальтрэ* и отчасти *Дюшена*), за невозможностью до-стать изданія упомянутыхъ историковъ церкви.

⁵⁾ Это ускользнуло отъ вниманія *Дюшена l. c.*

на—небезызвѣстное и Мальтрэ ¹⁾ — мѣсто Прокопія изъ „Войнъ съ вандалами“ II, 3 р. 423,20 Вонп.: τοῦ τελευταίου μηνός, ὃν Δεκέμβριον Ῥωμαῖοι καλοῦσι. Надо замѣтить, что Ἀπελλαῖος въ разныхъ календаряхъ соотвѣтствовалъ разнымъ мѣсяцамъ, а не приурочивался исключительно къ декабрю ²⁾,—такъ что употребленіе этого обозначенія въ данномъ мѣстѣ у Прокопія является весьма сомнительнымъ. Затѣмъ не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію, что ἤλω 112,3 въ лучшемъ преданіи отсутствуетъ („от. Wv“): отсюда въ связи съ присутствіемъ ὀπό и съ буквальной близостью къ разбираемому мѣсту евагріевскаго разказа—не безъ основанія можно предположить, что и у Прокопія находилась фраза γέγονεν (или ἐγένετο) ὀπό Ῥωμαίους, почти цѣликомъ пропавшая въ лакунѣ.

Но прежде чѣмъ предлагать свое собственное возстановленіе, необходимо еще сказать нѣсколько словъ объ ἐνδέκατον, упорно оставляемомъ въ текстѣ издателями, хотя и не подлежитъ сомнѣнію необходимость замѣны его правильнымъ δέκατον, что уже давно предложено было Каннгиссеромъ. Г. Компаретти подтверждаетъ (въ критическомъ аппаратѣ) эту необходимость ссылкой на 35,3 ³⁾, но тѣмъ не менѣе и у него невѣрное чтеніе не изгоняется изъ текста. Не знаемъ, какъ объясняетъ Каннгиссеръ возникновеніе этого ἐνδέκατον, а мы объяснили бы его вотъ какъ: въ архетипѣ было написано ἰ^{ov} (= δέκατον), но у одного изъ переписчиковъ это ἰ^{ov} превратилось въ ἰ^a, а затѣмъ и въ ἰα', то-есть, въ ἐνδέκατον ⁴⁾.

А все мѣсто мы предложили бы возстановить слѣдующимъ образомъ: Ῥώμη τε αὐθις ἐξήκοντα ἔτεσιν ὕστερον ὀπό (<Ῥωμαίους γέγονεν ⁵⁾) ἐνάτῃ τοῦ τελευταίου, ὃν Δεκέμβριον Ῥωμαῖοι καλοῦσι, > μηνός, δέκατον ἔτος Ἰουστινιανοῦ βασιλέως τὴν αὐτοκράτορα ἀρχὴν ἔχοντος. Механическая причина пропуска станетъ намъ понятна, если обратимъ вниманіе на палеографическую близость словъ Ῥωμαίους и μηνός.

¹⁾ „*Latinitum etiam nomen huius mensis*, говорятъ онъ, приведа цитаты изъ Евагрія и Нивифора Каллиста, *hic forte Procopius addiderat, ut illud iam supra expressit pagina 242 c* [= р. 423,20 Вонп.]“.

²⁾ См. Pauly-Wissowa *Real-Encyclopädie*, I, 2685 sq. s. v. Ἀπελλαῖος (статья В. Кубичка) и В. В. Латышевъ, *О некоторыхъ эллинистическихъ и дорическихъ календаряхъ*, С.-Пб. 1883 (таблицы).

³⁾ Βασίλεὺς δὲ τὰ ἀμφὶ Ἀμαλασοῦνθῃ ξυνεγεχθέντα μαθὼν εὐθὺς καθίστατο ἐς τὸν πόλεμον, ἐνάτον ἔτος τὴν βασιλείαν ἔχων (35,2 sq.).

⁴⁾ Пренебрегаемъ дешевою эмендацией: ἐν δεκάτῃ ἔτει.

⁵⁾ Или ἐγένετο, напимѣрь.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ объ (итальянскомъ) *переводѣ*, котрымъ сопровождается изданіе г. Компаретти.

Переводъ этотъ является весьма цѣннымъ и цѣльнымъ художественнымъ произведеніемъ, обличающимъ въ г. Компаретти не только основательнаго знатока переводимаго имъ историка, но и челоука съ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ. Такіе мастерскіе, стильные, колоритные переводы, какъ переводъ г. Компаретти, встрѣчаются не часто и, читая ихъ, всегда испытываешь большое наслажденіе; правда, въ данномъ случаѣ это эстетическое наслажденіе отчасти можетъ обусловливаться изяществомъ и музыкальностью уже самой по себѣ внѣшней формы,—обаяніемъ самого итальянскаго языка,—но все же безъ крупнаго литературнаго таланта такихъ переводовъ создать нельзя. Какъ на одну изъ особенностей стиля г. Компаретти, придающую его переводу специальную прелесть и колоритъ, слѣдуетъ указать на легкую архаизацію языка (намѣренная постановка глагола въ концѣ фразы; формы въ родѣ *sendo* ¹⁾, тамъ и сямъ перемежающейся съ обычною формою (*essendo*); выраженія въ родѣ *perlochè* ²⁾ — и т. д.).

Вмѣстѣ съ изяществомъ и стильностью изложенія переводъ г. Компаретти соединяетъ близость къ оригиналу, нигдѣ однако не переходящую въ крайность, и насколько мы успѣли съ нимъ ознакомиться, вообще отличается точностью и вѣрностью. Кое гдѣ, конечно, попадаются и ошибки или неточности ³⁾, но къ этимъ „*garì paevi in согроге pulchro*“ нельзя относиться строго, принимая въ соображеніе хотя бы только обширность труда почтеннаго издателя.

Что касается внѣшней стороны разсмотрѣнной книги, то слѣдуетъ замѣтить, что она издана съ тѣмъ же изяществомъ, какимъ отличаются всѣ другія изданія Итальянскаго Историческаго Института. Опечатокъ мало, и притомъ грубыхъ среди нихъ не попадаетъ вовсе ⁴⁾.

¹⁾ Напримѣръ, pag. 12, 67, 104.

²⁾ Напримѣръ, pag. 98, 101 и др.

³⁾ Кромѣ уже разобраннаго выше мѣста 169,5 (стр. 149) укажемъ, напримѣръ, 62,9; 210,5; 24,13.

⁴⁾ Кромѣ тѣхъ, что были отмѣчены нами попутно выше, укажемъ здѣсь, напримѣръ, слѣдующія: въ текстѣ — 50,10 *бмаз*; въ критическомъ аппаратѣ — 3,4 „-*тѣе*] *табст* *Lm*“ (вмѣсто этого *Lm*, заимствованнаго изъ крит. аппарата боннскаго изданія 6,1, надо читать *L marg.*); въ переводѣ — pag. 118 „*Dryunte*“ (вмѣсто *Dryunte*).

Заклучимъ свой разборъ общимъ замѣчаніемъ, что несмотря на отмѣченные нами недостатки новый трудъ г. Компаретти является весьма цѣннымъ вкладомъ въ науку, и выскажемъ искреннее пожеланіе, чтобы уважаемый ученый не замедлилъ выпустить въ свѣтъ и остальные томы, посвященные Прокопію.

М. Крашенинниковъ.

Еще по вопросу о послѣднихъ изданіяхъ Православнаго Миссіонерскаго Общества на калмыцкомъ языкѣ.

Прочитавъ въ октябрьской книжкѣ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* статью г. Бобровникова по поводу рецензіи на изданный Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ калмыцкій переводъ „Толковаго Молитвослова“, мы съ живѣйшею радостью узнали, что *переводъ этотъ не выпущенъ въ свѣтъ*. Подробное заявленіе объ этомъ еще разъ подтвердило намъ осмотрительность, съ которою наше Миссіонерское Общество относится къ распространенію своихъ изданій, а засимъ выяснило, что виновникомъ напечатанія этого прискорбнаго перевода отъ имени Православнаго Миссіонерскаго Общества былъ самъ г. Бобровниковъ. Если бы послѣдній ограничился однимъ вышеизложеннымъ заявленіемъ, то, пожалѣвъ въ душѣ о бесполезно погубленныхъ времени и деньгахъ не особенно то богатаго Общества, можно было бы на этомъ и покончить, такъ какъ цѣлью первой нашей статьи было единственно не допустить распространенія переводовъ „Толковаго Молитвослова“ въ народѣ; но г. Бобровниковъ написалъ цѣлую статью, въ которой главнѣйше разсуждаетъ объ усвоенныхъ у насъ принципахъ переводческаго дѣла, — извращая ихъ вообще, а мнѣ вчастности приписывая такіа мнѣнія и взгляды, которыхъ я никоимъ образомъ не могу признать своими. Все это требуетъ разъясненія.

Мы не сомнѣваемся, что Православное Русское Миссіонерское Общество, при убѣжденіи въ посильномъ выполненіи своего долга, въ то же время не можетъ не сознать, что его дѣятельность по обращенію инородцевъ и распространенію между ними Слова Божія далеко не идетъ съ желаемымъ успѣхомъ. Къ объясненію этого явленія имѣются свои, прекрасно сознанные у насъ причины, которыя лежатъ въ самой исторіи жизни нашего народа и которыхъ мы не

должны ни скрывать, ни стыдиться. Конечное вліяніе этихъ причинъ можетъ быть устранено только временемъ, ослабленіе же вызываемыхъ ими неблагопріятныхъ условій произойдетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше будемъ мы успокаивать себя мыслью, что все обстоитъ у насъ благополучно и выражать самодовольства въ своей дѣятельности. Мы знаемъ, на примѣръ, что для составленія своихъ переводовъ на языкъ инородцевъ Православное Миссіонерское Общество официально имѣетъ у себя особый переводческій комитетъ; хотя несомнѣнно, что для языковъ, по крайней мѣрѣ монголо-калмыцкой группы, такого комитета не существовало никогда, также точно какъ не существуетъ его и теперь, ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать за комитетъ одного, худо-ли, хорошо-ли знающаго монгольскій, или калмыцкій языкъ ориенталиста? За дѣло монголо-калмыцкихъ переводовъ искони брались у насъ отдѣльныя личности, которыя исполняли его какъ хотѣли, умѣли и были въ силахъ выполнить. Понятно, что при такой случайности дѣятелей и ихъ работъ, у насъ даже и не могло ни организоваться чего либо стройнаго, ни выработаться какихъ либо опредѣленныхъ плановъ и обязательныхъ правилъ для переводовъ, ни еще болѣе составиться всегда священныхъ для чловѣка преданій. Каждый работалъ самъ по себѣ, исполняя дѣло переводовъ особнякомъ и еще высокопреосвященный митрополитъ петербургскій Григорій замѣчалъ, что „наипаче по недостаточному единству не довольно соотвѣтствовало оно своей цѣли“ ¹⁾. Что оно не можетъ быть ведено такимъ образомъ далѣе, это также давно уже сознавалось всѣми дѣйствительно трудящимися среди инородцевъ членами Православнаго Миссіонерскаго Общества, а что вопросъ этотъ представляется открытымъ до сей поры, въ этомъ удостовѣряютъ насъ послѣдніе, извѣстные намъ, миссіонерскіе отчеты за 1893 годъ. Какъ астраханская миссія среди калмыковъ, такъ и забайкальская среди бурятъ одинаково толкуютъ въ нихъ о пригодности различныхъ формъ и способовъ при составленіи христіанскихъ переводовъ и изданіи ихъ, причемъ забайкальская миссія въ явное удовлетвореніе сознаваемой необходимости единства въ переводахъ составляетъ даже свои „Руководственныя правила при переводѣ священныхъ, богослужебныхъ и религіозно-нравственныхъ книгъ“ ²⁾. Такимъ обра-

¹⁾ Дѣло по описи архива св. Синода № 3568.

²⁾ См. „Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1893 г. №№ 18—20; „Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1893 г. №№ 13, 14.

зомъ Православное Миссіонерское Общество не только сознаетъ недостатки своей дѣятельности въ сказанномъ отношеніи, но не перестаетъ и трудиться надъ устраненіемъ ихъ. Все это весьма почтено, утѣшительно и совершенно противоположно тѣмъ увѣреніямъ, которыя даетъ намъ теперь г. Бобровниковъ.

Свой отвѣтъ на мою статью онъ начинаетъ съ вопроса объ якобы выработанномъ и усвоенномъ Переводческимъ Комитетомъ калмыцкомъ алфавитѣ для транскрипціи издаваемыхъ комитетомъ переводовъ. Здѣсь я почитаю долгомъ напомнить, что при разсмотрѣніи „Толковаго Молитвослова“ меня прежде всего поразило тотъ удивительный регрессъ, который замѣчался изъ сравненія этого „Толковаго Молитвослова“ съ двумя предшествовавшими ему изданіями Православнаго Миссіонерскаго Общества: „Букваремъ для калмыцкихъ школъ“ и „Начальнымъ учебникомъ русскаго языка для калмыковъ“. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ „Букварѣ“ и „Учебникѣ“, изданныхъ въ 1892 г., мы находимъ, правда, далеко не отчетливо выработанную, то все же до извѣстной степени осмысленную и довольно удовлетворительную транскрипцію русскими буквами калмыцкой рѣчи. И вдругъ, черезъ годъ послѣ сего, при составленіи „Толковаго Молитвослова“, транскрипція эта оказывается отвергнутой, забытой и, вмѣсто осмысленной передачи калмыцкихъ звуковъ, передъ вами является какое то уродливое искаженіе калмыцкихъ звуковъ, ясно говорящее о полнѣйшемъ незнаніи переводчикомъ законовъ не только калмыцкаго, а даже и русскаго языковъ. На эту то замѣну старой удовлетворительной транскрипціи безсмысленною новой я и обратилъ прежде всего вниманіе. Теперь г. Бобровниковъ совершенно *умалчиваетъ* о появленіи этой безсмысленной транскрипціи и о томъ, что *самъ онъ единолично и санкціонировалъ ее отъ имени Православнаго Миссіонерскаго Общества къ напечатанію*; въ замѣнъ сего онъ начинаетъ рѣчь о транскрипціяхъ, принятыхъ Переводческимъ комитетомъ вообще, и говорить: „транскрибировать языкъ дѣло трудное. Оно сдѣлано въ Казани почти для всѣхъ инородческихъ языковъ и въ значительномъ большинствѣ удовлетворительно. Такъ г. Позднѣевъ пишетъ о транскрипціи калмыцкаго языка“... засимъ слѣдуетъ на цѣлые полстраницы выписка изъ моей статьи, гдѣ говорю я объ относительной удовлетворительности транскрипціи „Букваря“. Все это г. Бобровниковъ возводитъ теперь въ общее, выходитъ, что я самъ даже хвалю транскрипцію „Молитвослова“, а онъ торжественно заявляетъ: „и такъ, первая часть работы—русская транскрипція калмыцкаго язы-

ка—должна быть признана удовлетворительной: способъ изображать калмыцкіе звуки русскими буквами найденъ. Калмычата получили возможность учиться читать; миссіонеру не нужно теперь ни учить калмычать калмыцкому шрифту, ни мучить ихъ науками“... Но вѣрны ли и не преждевременны ли такія заключенія?! Если я говорилъ объ удовлетворительности транскрипціи *прежде* напечатаннаго „Букваря“, то говорилъ также и о безобразіяхъ транскрипціи *позднѣе* изданнаго „Молитвослова“; а если комитетъ черезъ двѣ книжки въ третьей совершенно мѣняетъ свою транскрипцію, да притомъ воспринимаетъ вмѣсто лучшаго худшее, то значить ли это, что онъ выработалъ, а тѣмъ больше усвоилъ себѣ что либо положительное въ отношеніи калмыцкаго языка? Конечно нѣтъ и мы не понимаемъ, зачѣмъ понадобилось г. Бобровникову утверждать то, чего совершенно нѣтъ въ дѣйствительности. Въ настоящую пору, ознакомившись со статьею г. Бобровникова, мы представляемъ себѣ это дѣло случайнаго появленія удовлетворительной калмыцкой транскрипціи вполнѣ ясно. „Калмыцкій букварь“ изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества, равно какъ и „Начальный учебникъ русскаго языка для калмыковъ“ являются, несомнѣнно, дѣломъ единаго лица, — природнаго калмыка, Бадмаева¹⁾. Транскрипція, принятая въ этомъ „Букварѣ“, также точно всецѣло представляетъ собою достояніе единаго г. Бадмаева, достояніе не только чуждое комитету по своему составленію, но и оставшееся совершенно неизвѣстнымъ ему. За доказательствомъ этого послѣдняго положенія ходить далеко не нужно. По словамъ г. Бобровникова, „Толковый Молитвословъ“ былъ транскрибированъ съ калмыцкаго текста г. Ястребова лучшимъ ученикомъ миссіонерскихъ курсовъ, Красильниковымъ. Но, если бы комитетъ дѣйствительно выработалъ и усвоилъ себѣ опредѣленный и удовлетворительный алфавитъ, то гдѣ бы казалось и ввести ему прежде всего это свое прекрасное изобрѣтеніе, какъ не на собственныхъ же миссіонерскихъ курсахъ; а между тѣмъ оказывается, что г. Красильниковъ, проучившись на помянутыхъ курсахъ цѣлыхъ два года, совершенно не знаетъ объ этомъ алфавитѣ, а на первомъ же шагу своей практики составляетъ свой алфавитъ, ни къ чему не годный. Гдѣ же

¹⁾ Серіознаго участія въ этихъ работахъ г. Ястребова, которому г. Бобровниковъ отводитъ здѣсь первое мѣсто, мы предположить не можемъ, какъ по хронологическимъ основаніямъ, такъ и по встрѣчающимся въ этихъ изданіяхъ ошибкамъ, характернымъ для близко знакомаго съ русскимъ языкомъ калмыка, но немислимимымъ для образованнаго русскаго.

это выработанное и усвоенное Комитетомъ, если первый же его ученикъ и засимъ практической дѣятель оказывается неимѣющимъ объ этомъ выработанномъ и усвоенномъ никакого понятія? Откуда надежды на то, что онъ будетъ учить этому алфавиту калмычать, если онъ самъ не знаетъ его? Но мы были бы несправедливы, если бы стали категорически и абсолютно отрицать совершившееся въ Переводческомъ Комитетѣ дѣло. Г-нъ Бадмаевъ былъ, несомнѣнно, усерднымъ работникомъ Миссіонерскаго Общества. Намъ извѣстно, что выработанная имъ транскрипція пользовалась симпатіями и другаго дѣятеля г. Ястребова. Транскрипція г. Бадмаева, несомнѣнно, практиковалась и совершенствовалась бы какъ имъ самимъ, такъ равно и г. Ястребовымъ и мало-по-малу дѣло истинныхъ труженниковъ переводческаго комитета проникло бы въ жизнь и принесло бы свой плодъ. Къ сожалѣнію, сюда вмѣшался не имѣющій никакого понятія объ языкѣ г. Бобровниковъ; онъ дѣлаетъ распоряженіе о примѣненіи къ калмыцкимъ изданіямъ новаго алфавита и результатомъ сего Православное Миссіонерское Общество, послѣ двухъ или трехъ сносныхъ изданій, печатаетъ четвертое, какъ утверждаютъ „пробное“, но въ такихъ формахъ, которыхъ не допустилъ бы никто, мало мальски знающій языкъ,—ихъ и пробовать было нечего.

И такъ несомнѣнно, что вопреки увѣреніямъ г. Бобровникова, Переводческой комитетъ никакого алфавита для транскрипціи калмыцкихъ звуковъ у себя не выработывалъ, а тѣмъ паче не усваивалъ. Эта выработка дѣло будущаго, которое впрочемъ, прежде всего предстоитъ выполнить комитету, если онъ хочетъ, чтобы переводы его являлись въ формахъ осмысленныхъ и однообразныхъ. Безъ этого и открытіе народныхъ школъ невозможно, ибо учиться въ нихъ въ данную пору—не по чему. Алфавитъ г. Бадмаева *только сравнительно* удовлетворителенъ, но допустить его въ употребленіе безъ самаго серьезнаго исправленія нельзя.

За вопросомъ о транскрипціи г. Бобровниковъ переходитъ къ разсужденію о языкѣ переводовъ, и отмѣтивъ, будто я нахожу страннымъ, что миссіонеры не хотятъ пользоваться литературнымъ языкомъ, заявляетъ, что онъ въ данномъ случаѣ кореннымъ образомъ расходится со мною, требуя для переводовъ языка исключительно народнаго. Что значитъ „пользоваться литературнымъ языкомъ и въ какія формы должна, по моему, облекаться христіанская проповѣдь“? Такъ какъ г. Бобровниковъ не выясняетъ этого, то я скажу, что, оставляя въ сторонѣ эти смущающія насъ опредѣленія языка,—

литературный, народный, интеллигентный, площадной,—я желалъ бы только одного, чтобы отцы миссіонеры, излагая Слово Божіе инородцамъ, знали языкъ этихъ инородцевъ не такъ ограниченно и употребляли слова его не такъ безотчетно, какъ это слышится въ рѣчи отдѣльныхъ инородческихъ особей, а облекали свою рѣчь въ формы точныя, правильныя и достойныя высокаго ученія Христа Спасителя. Такое знаніе, по моему, нельзя приобрѣсти иначе какъ чрезъ изученіе литературы и бояться вредныхъ вліяній книги въ этомъ случаѣ положительно нечего. Въ самомъ дѣлѣ, ужели мы будемъ говорить, что литературный языкъ, помимо конечно языка той или другой ученой специальности, не есть тотъ же народный? Безъ сомнѣнія, если наполнить рѣчь какими либо терминами,—безразлично, богословскими, философскими, юридическими, политико-экономическими, или медицинскими,—она можетъ быть не понятна не только простолыдину, но подчасъ и человѣку образованному; но вѣдь это будетъ уже языкъ специальный, а не общелитературный. Возьмите же простыя, обычно произносимыя поученія нашихъ архипастырей; уже ли вы скажете, что это не литературныя произведенія, или что рѣчь этихъ интеллигентныхъ людей непонятна народу? Никакъ, и это потому что литературный языкъ, которымъ они говорятъ и пишутъ, разнится не отъ языка народнаго, а лишь отъ языка отдѣльныхъ народныхъ особей. Языкъ особей всегда бываетъ бѣднѣе литературнаго какъ по своему лексикону, такъ и по количеству усвоенныхъ особью формъ и оборотовъ рѣчи; оттого онъ съ одной стороны является менѣе отчетливымъ и точнымъ, а съ другой болѣе однообразнымъ и монотоннымъ, что естественно лишаетъ его красоты и увлекательности. Впрочемъ, неимѣніе въ запасѣ, или употребленіи особи тѣхъ или другихъ словъ и оборотовъ не значить еще, чтобы эти слова и обороты были неизвѣстны, или непонятны ей: она только не ввела этихъ словъ и оборотовъ въ кругъ своей обычной практики, но, услыхавъ ихъ, несомнѣнно, пойметъ ихъ смыслъ. Точная передача Евангельскаго, а особливо Апостольскаго текста можетъ и даже должна потребовать иногда и фигуральныхъ выраженій; но мнѣ кажется, что и такія выраженія, по нуждѣ, имѣютъ быть скорѣе истолковываемы и объясняемы народу, чѣмъ извращаемы въ переводѣ въ угоду ограниченности языка *нѣкоторыхъ* особей, ибо нельзя же считать всѣхъ людей стоящими на одинаковой степени развитія: что непонятно для одного, то совершенно доступно другому. Литература охватываетъ собою все богатство народныхъ реченій и

ихъ формъ и при такомъ богатствѣ она естественно можетъ выражать каждую мысль съ надлежащею точностью, давая ей притомъ и соотвѣтственный ея значенію характеръ. Такимъ образомъ только чрезъ изученіе литературы можемъ мы овладѣть всѣмъ богатствомъ языка, причемъ она же укажетъ намъ истинное значеніе и смыслъ каждаго слова для того, что бы мы могли, съ надлежащею точностью и не рискуя породить соблазнъ, выразить имъ свою мысль. Г-нъ Бобровниковъ говоритъ, что „калмыцкій литературный языкъ и калмыцкія слова, пріобрѣтшія въ литературномъ языкѣ новыя значенія, или вошедшія въ него съ тибетскаго, мало понятны калмыкамъ“. Говоря такъ, г. Бобровниковъ повторяетъ, конечно, не совсѣмъ понятныя имъ, чужія рѣчи, имѣющія въ виду исключительно калмыцкую ламайскую литературу; но прежде всего — не одна же у калмыковъ ламайская литература; а засимъ, къ чему же, излагая свои переводы литературнымъ, то-есть чистымъ калмыцкимъ языкомъ, будемъ мы брать для выраженія своихъ мыслей совершенно чуждыя калмыкамъ и пришедшія къ нимъ извнѣ тибетскія слова, безъ сомнѣнія, обозначающія и совершенно ненужныя намъ тибетско-ламайскія понятія? Отбросьте эти слова изъ калмыцкой литературы и вы получите въ ней языкъ чисто калмыцкій. Что касается коренныхъ калмыцкихъ реченій, пріобрѣтшихъ новыя значенія въ литературно-ламайскомъ языкѣ, то мы думаемъ, что въ переводахъ ихъ не слѣдуетъ употреблять вовсе, а потому на познаніе и изученіе ихъ должно быть обращено преимущественное вниманіе отцевъ миссіонеровъ, иначе рѣчи этихъ послѣднихъ могутъ прямо приводить къ соблазну. Мы убѣждены, что если бы переводчикъ „Толковаго Молитвослова“ былъ знакомъ съ литературою, онъ не воспользовался бы, при составленіи своихъ переводовъ на разговорный языкъ калмыковъ, такими народными словами, какъ „бодиту“ въ значеніи—святой, „идамъ“ въ значеніи—ангелъ хранитель и пр. Знакомство съ литературою указало бы ему, что усвоенное калмыками санскритское слово „боди“ хотя и имѣетъ нѣкоторое соотвѣтствіе нашему понятію „святой“, но заключаетъ въ себѣ особый смыслъ специально буддійской святости; что вошедшее въ рѣчь калмыцкаго простонародья, тибетское слово, „идамъ“, несомнѣнно, имѣетъ значеніе охраняющаго вѣрующихъ божественнаго генія, и за всѣмъ тѣмъ слово это не можетъ быть терпимо въ христіанскихъ переводахъ, такъ какъ оно является терминомъ для обозначенія особаго рода буддійскихъ божествъ. То же знакомство съ литературою указало бы переводчику, что нельзя упо-

треблять и такихъ чисто калмыцкихъ выраженій, какъ „дайни да-руксанъ“, „гэтулку“ и пр.; ибо всѣ эти слова по существу своему являются буддійскими терминами, которые только въ силу постояннаго ихъ употребленія стали обычными выраженіями въ языкѣ просто-народья. Чтобы знать все это и опредѣлять истинное значеніе такихъ словъ, нужно именно пользоваться литературою и быть знакомымъ съ ней, ибо самъ народъ не можетъ дать по сему поводу никакихъ свѣдѣній и толкованій. Сознвая все сказанное, и видя съ этой стороны безконечный рядъ самыхъ соблазнительныхъ промаховъ въ переводахъ, я дѣйствительно не могу не признавать страннымъ то чужданіе литературы, которое замѣчается у нашихъ послѣднихъ составителей переводовъ Св. Писанія на монголо-калмыцкій языкъ.

При чтеніи появляющихся у насъ за послѣднее время разсужденій о переводахъ Св. Писанія на разговорный языкъ инородцевъ, возмутительнѣе и прискорбнѣе всего видѣть постоянныя ссылки авторовъ этихъ разсужденій на покойнаго Н. И. Ильминскаго; и замѣчательно, чѣмъ несвѣдущѣе въ дѣлѣ восточнаго языкознанія личность пишущаго, тѣмъ больше у нея этихъ ссылокъ. Люди какъ будто совершенно забываютъ, что Н. И. Ильминскій былъ выдающимся оріенталистомъ, прекрасно знавшимъ языки и литературы арабскую, персидскую, турецкую и татарскую, а они или едва имѣютъ понятіе объ одномъ языкѣ, или же совершенно ничего не знаютъ. При желаніи доказать, что они всецѣло подражаютъ Ильминскому, они клеветуютъ на него невообразимо. Вотъ, напримѣръ, какъ рисуетъ намъ теперь дѣятельность Ильминскаго г. Бобровниковъ. „Покойный Н. И. Ильминскій почти никогда не дѣлалъ переводовъ самъ. Онъ толковалъ русскій текстъ инородцу и тотъ уже дѣлалъ переводъ. Затѣмъ переводъ этотъ многократно прочитывался ученикамъ школы и исправлялся по ихъ указаніямъ“. Выходить, что высшимъ критеріемъ истины были у Ильминскаго „малограмотные“, какъ аттестуетъ ихъ г. Бобровниковъ, ученики школы; отсюда же съ успѣхомъ выводится и то заключеніе, что для составленія переводовъ Св. Писанія на языки инородцевъ нашимъ переводчикамъ не нужно и вовсе знать инородческихъ языковъ: достаточно, какъ Н. И. Ильминскій, истолковать русскій текстъ инородцу, а тотъ уже переведетъ и безъ насъ. Г. Бобровниковъ не дошелъ еще до того, чтобы самому составлять переводы, но оцѣнку переводовъ онъ уже производитъ; такъ, относительно „Толковаго Молитвослова“ онъ разказываетъ: „когда въ августѣ пріѣхали поступать въ семинарію калмыки, я про-

читаль съ ними часть работы и увидѣлъ, что она была неудовлетворительна“. Спрашивается, да какое же это было чтеніе и какъ могъ видѣть что либо г. Бобровниковъ, разъ онъ самъ заявляетъ о своемъ незнаніи калмыцкаго языка и не лучше ли было обратиться ему за такимъ опредѣленіемъ къ понимающему дѣло г. Ястребову? Все это, конечно, дѣлается изъ за желанія подражать Н. И. Ильминскому, который читаль ученикамъ свои переводы. Что можно сказать о такомъ униженіи памяти замѣчательнаго ученаго и самоотверженнаго общественнаго дѣятеля? Въ дѣйствительности, глубокой знатокъ тюркскихъ литературъ, сосредоточившій свои занятія на нарѣчіяхъ преимущественно языка татарскаго, Н. И. Ильминскій можетъ считаться не менѣе какъ славнымъ реформаторомъ въ татарской литературѣ. Изучая тексты татарскпхъ и особливо джагатайскихъ авторовъ, и наблюдая живую рѣчь татаръ, онъ ясно представлялъ себѣ ту схоластику, въ которую замкнулась татарская литература подъ вліяніемъ мусульманства и въ своихъ переводахъ старался именно очистить татарскій языкъ отъ этихъ схоластическихъ приемовъ. Характеризуя направленіе своей переводческой дѣятельности, онъ кратко говорилъ: „главная моя забота была о народности языка“¹⁾. Это не означало, конечно, его стремленія низвести языкъ переводовъ Свящ-Писанія на степень грубаго, недостаточнаго и неточнаго языка простонародья; хваля „яснополянскія“ изданія, онъ никогда не думаль примѣнять къ своимъ переводамъ языкъ толстовскаго Акима; но онъ старался освободить татарскую литературную рѣчь отъ установившихся въ ней, условныхъ и совершенно чуждыхъ татарскому языку выраженій и оборотовъ и такимъ образомъ приблизить ее къ живой рѣчи татарскаго народа. Ближе всего съ высокою отчетливостью знаній покойнаго Н. И. Ильминскаго въ татарскомъ языкѣ можемъ мы познакомиться въ его „Опытахъ переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ“ и это же сочиненіе можетъ засвидѣтельствовать намъ, что, заботясь о народности языка переводовъ, онъ въ тоже время употребленіе каждаго слова санкціонироваль наличной татарской литературой. Разбирая, напримѣръ, на стр. 161 этой книги составленныя неизвѣстнымъ переводчикомъ толкованія Символа вѣры, онъ отмѣчаетъ употребленіе слова „увяджигъ“ о лицахъ Св. Троицы и говорить: слово „увяджигъ“ значить лице не въ смыслѣ persona

¹⁾ Ильминскій. О примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ, стр. 2.

и никогда не употребляется объ ипостасяхъ Св. Троицы; для этого существуетъ въ *магометанскихъ книгахъ* слово „*укнумъ*“. О переводахъ, сдѣланныхъ самими инородцами онъ никогда не былъ особенно высокаго мнѣнія; и мы почитаемъ лучше всего доказывать это его же собственными словами: „Я дѣлалъ“, говоритъ Ильминскій, „еще такіе опыты: заставлялъ инородцевъ, хорошо знающихъ русскій языкъ, переложить какой нибудь разказъ съ русскаго на свой языкъ. Оказалось, что инородцы не могли совладать съ русскимъ оборотомъ и впадали въ руссизмы. Нужно много руководить инородца, чтобы онъ самъ могъ дѣлать удовлетворительные переводы... При переводахъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки необходимо взаимодѣйствіе русскихъ и инородцевъ и притомъ русскіе должны быть направляющими, активными“¹⁾. Мы были бы далѣе черезъ чурънисходительны, если бы сказали, что эта активность, по мнѣнію Ильминскаго, требовала отъ русскихъ только одного истолкованія текста, или даже знанія разговорнаго инородческаго языка. Нѣтъ, онъ былъ въ этомъ случаѣ гораздо строже; онъ прямо говорилъ, что „одного практическаго знанія языковъ, какое обыкновенно пріобрѣтается отъ постоянныхъ сношеній съ инородцами и которое не осмыслено основательною теоріею, недостаточно для удовлетворительнаго исполненія переводовъ и сочиненій“²⁾. И такъ онъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей не только знаній языка, но еще знаній, освѣщенныхъ теоріею, или—что то же—историко-литературныхъ. Такія знанія, несомнѣнно, дали бы возможность нашимъ миссіонерамъ не бояться инородческой интеллигенціи, а прямо главенствовать надъ нею. Но нѣкоторые новѣйшіе дѣятели, кажется, совершенно забыли наставленія своего учителя и говорятъ теперь: „Мы въ нашихъ школахъ не учимъ дѣтей инородческому языку, — мы пользуемся тѣмъ инородческимъ языкомъ, на которомъ дѣти уже говорятъ, для сообщенія имъ и народу христіанскихъ и культурныхъ понятій“. По истинѣ, здѣсь что то непонятное: великъ ли лексиконъ татарченка и какая основательность и точность выраженій въ языкѣ дѣтей, а оказывается этого вполне достаточно, чтобы передать даже народу все христіанскія и культурныя идеи!

Послѣ сего представляется дѣйствительно какъ „совсѣмъ другою“

¹⁾ *Православный Собесѣдникъ*. 1871 г., ч. I, стр. 171.

²⁾ Практическія замѣчанія о переводахъ и сочиненіяхъ на инородческихъ языкахъ. См. въ *Православномъ Собесѣдникѣ* за 1871 г., кн. 1, стр. 160.

дѣло установленный и разрабатываемый изданіями за границей инородческой литературный языкъ“, подъ каковымъ языкомъ г. Бобровниковъ разумѣтъ, конечно, какъ современныя оригинальныя произведенія монголовъ, такъ и христіанскіе переводы св. писанія, издаваемые англичанами, французами, бельгіяцами и германцами. Со способами составленія послѣднихъ мы хорошо знакомы и скажемъ теперь, что эти способы рѣшительно ничѣмъ не разнятся отъ тѣхъ приемовъ, которые именно и рекомендовалъ Н. И. Ильминскій. Все дѣло въ томъ, что Евангельское слово и ученіе не облекается у нихъ въ безотчетный младенческой лепетъ, а напротивъ, каждое слово и выраженіе глубоко обдуманно, по поводу же нѣкоторыхъ изъ нихъ написаны чуть не диссертаци. За то и достоинство этихъ переводовъ признается рѣшительно всѣми, дѣйствительно трудящимися среди инородцевъ. Вотъ, наприимѣръ, что говорилъ о нихъ высокопреосвященный Веніаминъ, архіепископъ иркутскій. „Переводы англійскихъ миссіонеровъ едва ли не лучше всѣхъ, извѣстныхъ доселѣ переводовъ на этотъ (монголо-бурятскій) языкъ. При переводѣ они держались средины между книжнымъ монгольскимъ языкомъ и простымъ бурятскимъ. Оттого ихъ переводъ заключаетъ въ себѣ два лучшія качества: благородство языка, необходимое для Слова Божія и удобопонятность для всякаго бурята. Если бы и наша миссія владѣла хоть частью тѣхъ средствъ, которыя были въ распоряженіи англійской миссіи, то полезно было бы снова отпечатать этотъ переводъ“¹⁾. Здѣсь выраженіе: „они держались средины...“ не совсѣмъ уясняетъ суть дѣла. Каждому понятно, что произвольно установить такую средину между литературнымъ и простонароднымъ язы-

¹⁾ Труды православныхъ миссій Восточной Сибири Т. I, стр. 16.—Это отзывъ о монголо-бурятскомъ переводѣ англичанъ; относительно же монголо-калмыцкаго мы изъ Отчета Астраханскаго Миссіонерскаго Комитета за 1887 годъ узнаемъ, что въ означенномъ году Казанская Переводческая Коммиссія одновременно разсматривала два калмыцкихъ перевода Евангелія отъ Маттея: во первыхъ присланный изъ Астрахани переводъ этого Евангелія, составленный крещенымъ калмыкомъ Манжіевымъ на *народный* калмыцкій языкъ, а во вторыхъ препровожденный Коммиссіи св. Синодомъ переводъ Евангелія отъ Маттея на *литературный* калмыцкій языкъ, изданный Великобританскимъ Библейскимъ Обществомъ. Въ результатъ Н. И. Ильминскій и В. В. Миротворцевъ, разсматривавшіе эти переводы, не признали возможнымъ издавать первый переводъ Манжіева, и довели до свѣдѣнія св. Синода о *полной пригодности втораго перевода, изданія Великобританскаго Общества, къ обращенію среди русскихъ калмыковъ.* (Отчетъ стр. 52).

комъ даже невозможно. Англійскіе переводы составляютъ на современный литературный языкъ, который, конечно, глубоко разнится отъ языка переводовъ Ганьчжура, или лѣтописи Сананъ-сэцэна XVII и XVIII вѣковъ. Пресвященный Веніаминъ считалъ почему то книжнымъ языкомъ только языкъ *старой* монгольской литературы; онъ какъ будто забывалъ, что монгольская литература живетъ доселѣ и въ этой жизни отъ времени до времени утрачиваетъ отслужившее свой вѣкъ, воспринимаетъ усвоенныя народомъ новшества, словомъ, видовзмѣняется сообразно требованіямъ времени, а потому и является удобопонятнѣе для современникомъ. Мы полагаемъ далѣе, что *только* на такой языкъ и возможны наши переводы христіанскихъ сочиненій, если мы желаемъ, чтобы они пользовались уваженіемъ и симпатіями инородцевъ, а засимъ назовете ли вы этотъ языкъ современно-литературнымъ, разговорнымъ языкомъ высшаго общества, какъ зовутъ киргизы языкъ переводовъ Ильминскаго, или срединнымъ между литературнымъ и живою рѣчью, какъ недавно обозвали наши газеты языкъ японскихъ переводовъ пресвященнаго Николая, это положительно безразлично. Въ послѣднее время ознакомившись съ изданнымъ въ 1893 г. Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ на калмыцкомъ языкѣ „Огласительнымъ поученіемъ“¹⁾, мы, не смотря на замѣченные нами недостатки этого перевода, совершенно вѣримъ г. Бобровникову, что онъ нравится калмыкамъ и что послѣдніе требуютъ уже его новаго изданія. Объясняется это тѣмъ, что языкъ разсматриваемой книжки не походилъ на рекомендуемый г. Бобровниковымъ дѣтскій лепетъ; презрѣвъ устанавливаемыя г. Бобровниковымъ традиціи (благо—слѣдить за соблюденіемъ ихъ г. Бобровниковъ не можетъ), безвѣстный переводчикъ передалъ это поученіе именно современнымъ литературнымъ языкомъ калмыковъ.

Я распространился по всѣмъ вышеизложеннымъ вопросамъ, имѣя въ виду показать, что взгляды и дѣятельность Православнаго Миссіонерскаго Общества, Переводческаго Комитета и дѣйствительныхъ сотрудниковъ этихъ учреждений не имѣютъ ничего общаго съ напра-

¹⁾ Г. Бобровниковъ, повидимому, ставитъ мнѣ въ упрекъ, что я умолчалъ объ этой книжкѣ въ своей первой статьѣ. Умолчалъ я о ней потому, что никогда не видалъ ее. Въ Петербургѣ изданія Казанской Переводческой Комиссіи почти не извѣстны, приобретаются съ большимъ трудомъ, не иначе какъ по выпискѣ. Сама Переводческая Комиссія не сообщаетъ о своихъ изданіяхъ даже единственному въ Россіи специальному учрежденію восточныхъ языковъ—Восточному факультету.

вленіемъ мыслей г. Бобровникова. Въ самомъ дѣлѣ, если первые вполне сознаютъ недостаточность своихъ успѣховъ, пишутъ воззванія, устраиваютъ сѣзды и совѣщанія, составляютъ объединительныя правила для переводовъ, то г. Бобровниковъ какъ бы хочетъ усыпить эти сознаніе и дѣятельность, увѣряя, что все уже сдѣлано въ Казани: алфавитъ найденъ, языкъ переводовъ установленъ, все предусмотрѣно, дѣло идетъ чуть не блестяще. Если покойный Н. И. Ильминскій завѣщаль своимъ сотрудникамъ прежде всего учиться, не довольствоваться знаніемъ народнаго языка, а освѣщать его теоретическими изслѣдованіями; если вѣрный этому завѣту г. Ястребова, уѣзжая на полгода въ степи, старается за это время ознакомиться со всѣми отраслями литературы, изучая особенности языковъ: евангельскаго, догматическаго, учительнаго, историческаго, церковныхъ пѣснопѣній и проч. — г. Бобровниковъ едва ли не считаетъ бесполезнымъ даже пріобрѣтать познанія среди народа, а ставитъ идеаломъ обходиться языкомъ, на которомъ говорятъ обучающіеся въ школѣ дѣти. Если, посмотрѣвъ на дѣйствительно поразительные по своему разнообразію и объему труды г. Ястребова, опытный въ переводческомъ дѣлѣ о. Тимофеевъ все же отзывается объ этихъ трудахъ какъ только о черновой работѣ, а самъ понимающій дѣло и потому относящійся къ нему съ должною осторожностью г. Ястребовъ категорически отказывается отъ печатанія своихъ трудовъ и считаетъ необходимымъ новый пересмотръ и исправленіе своихъ переводовъ — г. Бобровниковъ презираетъ всѣ эти заявленія и разрѣшаетъ отъ имени Православнаго Миссіонерскаго Общества эти труды къ печати, да еще по списку непознакомившагося даже и съ калмыцкимъ букваремъ г. Красильникова.

Далѣе въ статьѣ г. Бобровникова остаются замѣчанія, относящіяся до меня лично, на которыя я меньше всего обращаю вниманія, птому что никакія извращенія г. Бобровниковымъ моихъ словъ и мыслей не могутъ повредить ни мнѣ, ни дѣлу. Такъ, въ вопросѣ о транскрипціи, г. Бобровниковъ говоритъ, напримѣръ, будто я сравнивалъ русскую транскрипцію *калмыцкаго* текста съ русскою передачею буква въ букву перваго стиха французской Библіи. Это измышлено г. Бобровниковымъ и, по прочтеніи моей статьи, каждый пойметъ, что я характеризовалъ такъ практиковавшуюся въ 1850-хъ годахъ транскрипцію *монгольскихъ* текстовъ, при изданіи переводовъ преосвященнаго Нила. Если бы г. Бобровниковъ имѣлъ какое нибудь понятіе о калмыцкихъ языкѣ и письменности, онъ зналъ бы, что

калмыцкихъ текстовъ подобнымъ образомъ и транскрибировать не возможно, потому что основное отличіе монгольской письменности отъ калмыцкой состоитъ въ томъ, что послѣдняя отбросила у себя рѣшительно всякую искусственность въ изображеніи звуковъ, входящихъ въ составъ слова.

Также точно извращаетъ г. Бобровниковъ и мои убѣжденія, приписывая мнѣ основную мысль „о необходимости брать для христіанскихъ понятій *буддійскіе*, а не *ламайскіе* термины“. Подобной нелѣпости я сказать никогда не могъ и это всецѣло подтверждается даже тою выпискою изъ моей статьи, которую представляетъ самъ г. Бобровниковъ и въ которой нѣтъ даже и ни одного слова о ламайскихъ терминахъ; каждый прочтетъ въ этой выпискѣ мою мысль о необходимости передавать христіанскія истины *не прибѣгая къ языческимъ терминамъ* вообще, то-есть, ни къ буддійскимъ, ни къ ламайскимъ, ни къ шаманскимъ, ни ко всякимъ инымъ. Полагаю, г. Бобровникову потребовалось приписать мнѣ помянутую нелѣпность для того, что бы изложить, какъ говорить онъ, его личныя, но, смѣю завѣрить, столько же мои, сколько принадлежащія, вѣроятно, и каждому православному, убѣжденія, что въ христіанскихъ переводахъ „нужно отрѣшиться отъ словъ, которымъ буддѣство придадо особое значеніе“ и что „надо брать простѣйшія народныя слова и имъ придавать христіанское значеніе“. Все это прекрасно, да дѣло то въ томъ, *какъ отрѣшиться* отъ этихъ словъ и *какія* именно нужно брать „простѣйшія“ народныя слова? Утверждаемъ, что для подобнаго отрѣшенія отъ буддійской терминологіи и правильнаго выбора „простѣйшихъ“ словъ нужны знанія, почерпаемыя именно изъ изученія литературы; и до тѣхъ поръ, пока наши переводчики будутъ ограничиваться лишь неосмысленнымъ усвоеніемъ себѣ народнаго языка и не будутъ знакомиться съ литературою, познавая чрезъ ея указанія истинный смыслъ, точное значеніе и историческое употребленіе каждаго слова — наши переводы будутъ всегда богохульными. Я никогда и не думалъ, чтобы переводчикъ „Толковаго Молитвослова“ сознательно и умышленно воспринималъ буддійскія реченія для выраженія христіанскихъ понятій; онъ, несомнѣнно, хотѣлъ брать и дѣйствительно бралъ „простѣйшія“, то-есть, самыя употребительныя, народныя слова; а вышло изъ этого то, что Вседержителя Творца“ онъ называетъ шаманскимъ именемъ „заячи“; святой, по его переводу, — существо, обладающее боди, то-есть, буддійскій бодисатва; усупеніе Богоматери передается глаголомъ „хуби-

лаху“, соответствующимъ греческому *μετενοσηρισμός*; спасать „гэтулку“, то-есть, направлять въ Nirvanу; ангель-хранитель диктуется „идамъ сакусунъ“, то-есть, будда, воплотившійся съ цѣлью охраненія вѣры, и проч. проч. По истинѣ, ничего подобнаго нельзя найти въ европейскихъ, контролируемыхъ литературнымъ языкомъ переводахъ Евангельскаго ученія, хотя и они, конечно, въ означенномъ отношеніи еще не всецѣло чисты и безошибочны. Такимъ образомъ мы говоримъ, что „христіанскому миссіонеру не слѣдуетъ являться въ одеждѣ магометанскихъ или буддійскихъ грамотеевъ“, а, по невѣдѣнію, являемся ряжеными въ эту одежду съ ногъ до головы.

А. Позднѣевъ.

Книжныя новости.

Семейство Бронте (Керреръ, Элисъ и Актоъ Белль). Съ портретомъ Шарлотты Бронте. *О. Петерсонъ*. Въ пользу Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Ц. 1 р. С.-Пб. 1895.—Мы имѣемъ передъ собою подробную біографію талантливой семьи Бронте, изъ которой вышли три сестры-писательницы—Шарлотта, Эмилия и Анна Бронте, выступившія въ литературѣ подъ псевдонимами Керреръ, Элисъ и Актоъ Белль. Изъ трехъ сестеръ въ русской литературѣ наибольшую извѣстностью пользуется Керреръ Белль, всѣ три романа который (Дженни Эйръ, Шерли (посвященная Теккерей) и Вильетъ переведены на русскій языкъ. А. В. Дружининъ, въ свое время такъ много сдѣлавшій для ознакомленія русской публики съ лучшими произведеніями иностранныхъ литературъ, посвятилъ цѣлую статью оцѣнкѣ таланта Керреръ Белль, по поводу разбора ея послѣдняго романа „Вильетъ“, причѣмъ называлъ ее одной изъ самыхъ необыкновенныхъ женщинъ-писательницъ, когда-либо являвшихся на свѣтъ. (Соч. А. В. Дружинина, т. V, стр. 215—236). Появленіе перваго романа Шарлотты Бронте (Керреръ Белль) сопровождалось выдающимся успѣхомъ; когда же въ томъ же 1847 году появились въ печати первые романы двухъ другихъ сестеръ, подъ общимъ псевдонимомъ Белль, всѣхъ заинтересовалъ вопросъ, кто скрывается подъ этимъ общимъ псевдонимомъ? Каково же было всеобщее удивленіе, когда стало извѣстно, что три загадочныхъ автора — не кто иной, какъ три дочери пастора, скромныя провинціальныя гувернантки, никогда не выдавшія ни одного писателя и не имѣвшія ни малѣйшаго понятія о Лондонѣ. Невольно являлся вопросъ, откуда почерпали онѣ свой опытъ, тонкое знаніе человѣческой природы, со всѣми ея хорошими и дурными свойствами, съ неукротимой страстью, способной на преступленіе? Гдѣ почерпнули онѣ свои радикальныя воззрѣнія, свою ненависть къ ханжеству, фальши и свѣтской пустотѣ англійскаго духовенства—черты, поражавшія въ дочеряхъ пастора? Наконецъ, что способствовало раз-

вitiю въ нихъ такого гигантскаго воображенiя и что могло сообщить ему его отличительную мрачную окраску? Всѣмъ этимъ вопросамъ суждено было долго оставаться безъ отвѣта. Жизнь сестеръ-писательницъ была очень недолговѣчна. Послѣднею умерла старшая сестра—Шарлотта (Керреръ-Белль) въ 1855 году. А. В. Дружининъ, разбирая вскорѣ послѣ ея смерти (въ 1856 г.) ея послѣднiй романъ „Вильгель“, писалъ: „Въ пастоящiя минуты я охотно далъ бы многое за хорошую и откровенную биографiю автора „Вильгель“.... Интересъ ея жизни — внутреннiй, а не внѣшнiй, и вотъ почему онъ меня интересуеетъ. Мнѣ желательно знать, какимъ мышленiемъ дошла эта необыкновенная женщина до сознанiя поэзи въ жизни, до вдохновеннаго чутья, по которому узнается поэтъ, до творческой энергiи?.... Мнѣ хотѣлось бы проникнуть въ тайники творческаго духа, въ лабораторiю гениа, подсмотрѣть подробности его труда, его мышленiя, узнать всѣ его эскизы, попытки, первыя удачи и неудачи... Какъ пришла эта сила, откуда далась она, какъ зародилась она посреди тишины и жизненнаго бездѣйствiя?“ (Собр. соч. т. V, 216—217). Биографiя, появившiяся болѣе или менѣе скоро послѣ смерти сестеръ-писательницъ, давали одностороннее освѣщенiе ихъ жизни и дѣятельности, и лишь въ 1893 г. появилась книга Вильяма Райта (*The Brontes in Ireland or facts stranger than fiction by William Wright. London. 1893*), освѣщавшая всѣ темныя пункты въ биографiи сестеръ Бронте. Эта книга и легла въ основанiе работы г-жи Петерсонъ. (Недоумѣваемъ только, почему г-жа Петерсонъ называетъ автора этого сочиненiя Врайтомъ, а не Райтомъ?). Райтъ зналъ многихъ лицъ, хорошо знавшихъ Бронте; кромѣ того, онъ, желая возстановить источники традицiй, связанныхъ съ именемъ Бронте, выяснитъ и провѣритъ различныя мелкiе факты и подробности въ исторiи этой семьи, пѣшкомъ въ костюмѣ крестьянина исходилъ югъ Ирландiи, откуда Бронте были родомъ. Въ результатѣ Райту удалось дать въ высшей степени живо написанную исторiю этой семьи, въ которой литературный талантъ былъ наследственнымъ, литературныя типы и сюжеты получены были сестрами-писательницами въ готовомъ видѣ въ цѣломъ рядѣ семейныхъ преданiй изъ столь богатой ужасами и приключенiями ирландской жизни, полной насилiя и угнетенiя, съ ея вѣрою въ привидѣнiя. Исторiя этой замѣчательной семьи представляетъ собой романъ, который можетъ затмить своимъ интересомъ всѣ написанныя сестрами-писательницами романы.—Книга г-жи Петерсонъ читается съ неослабѣвающимъ интересомъ отъ начала до конца. Издана она въ пользу Общества вспоможенiя окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ Женскихъ Курсахъ и представляетъ собой первый выпускъ предполагаемой къ изданiю серiи книгъ въ пользу вышеупомянутаго Общества.

Г. II. Каменскiй. Государственное хозяйство Англи за шесть лѣтъ управленiя министерства торн 18⁸⁷/₈₃ — 18⁹²/₈₃ гг. С.-Пб. 1895.— Настоящее изслѣдованiе русскаго мануфактурнаго агента министерства финансовъ въ Лондонѣ представляетъ значительный интересъ, во-первыхъ, благодаря той близости, въ какой авторъ его находился къ предмету своего изслѣдованiя, а во-вторыхъ, въ виду того, что изъ всѣхъ государствъ Европы Англия, можетъ быть, одна представляетъ примѣръ постояннаго и спокойнаго экономическаго прогресса. Сочиненiе г. Каменскаго посвящено, собственно говоря, государственному

бюджету Англіи. Онъ разсматриваетъ процессъ составленія бюджета, органы, принимающіе въ этомъ участіе, исполненіе государственной росписи и контроль надъ нимъ. Книга даетъ весьма богатый матеріалъ, приводитъ массу любопытныхъ данныхъ, составлена по первоисточникамъ и изложена прекраснымъ языкомъ. Взятый авторомъ періодъ интересенъ въ финансовой политикѣ соединеннаго королевства тѣмъ, что Гошенъ, стоявшій тогда во главѣ министерства финансовъ, за шесть лѣтъ управленія умѣлъ, по словамъ г. Каменскаго, воспользоваться тѣми свободными средствами и источниками, которые ему представлялись помимо новыхъ налоговъ и въ результатѣ вышло то, что при сравнительно умѣренномъ обложеніи, онъ успѣлъ въ то же время понизить подоходную подать, пошлины на табакъ и чай, доставивъ существенныя выгоды плательщикамъ налога, успѣлъ сдѣлать конверсію постоянного государственнаго долга, уменьшивъ проценты, безъ увеличенія цифры его, даже произведя повышение его на значительную сумму, именно на 39½ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, что составляетъ на наши деньги около 360 милліоновъ рублей, успѣлъ покрыть значительную часть чрезвычайныхъ расходовъ на усиленіе обороны государства и его колоній, успѣлъ дать рабочему народу бесплатную школу, даровое образованіе, все это не прибѣгая къ займамъ. Для насъ исторія мѣропріятій Гошена особенно должна быть поучительна, ибо Россія въ настоящее время переживаетъ пору подобныхъ же операций министерства финансовъ. Цифры, приводимыя г. Каменскимъ, даютъ основаніе ко многимъ интереснымъ выводамъ и благодаря малому знакомству у насъ съ положеніемъ финансоваго хозяйства Англіи, а особенно послѣднаго времени, представляются интересъ новизны. Краткость нашей замѣтки не позволяетъ намъ касаться многихъ интересныхъ сторонъ предмета, но мы позволимъ себѣ обратить вниманіе, что въ то время, когда вездѣ на континентѣ господствуетъ въ настоящее время цокровительственное отношеніе къ торговлѣ, въ Англіи съ половины текущаго столѣтія торговля постепенно освобождается отъ помочей таможи. При этомъ интересны слѣдующіе результаты одной изъ подобныхъ мѣстъ Гошена: онъ понизилъ пошлину на табакъ на 4 пенса на фунтъ. Это дало пониженіе доходовъ казна на 600 т. фунтовъ стерлинговъ. Но въ то же время бы ъ изданъ законъ, налагающій тяжелые штрафы за порчу ввознаго табаку (напрямѣръ за смачиванье его водою) и это дало казнѣ доходъ въ 515 т. фунтовъ стерлинговъ, то-есть убытокъ отъ пониженія таможенныхъ пошлинъ былъ искусно покрытъ косвеннымъ доходомъ и того же самого товара, пошлина на который была понижена... Еще разъ повторяемъ, книга г. Каменскаго представляетъ очень цѣнный вкладъ въ нашу финансовую науку.

А. В. Елистревъ. По Бѣлу-Святу. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта. Томъ I. С.-Пб. 1894. Стр. 374 въ 4-ку. Цѣна 3 рубля. Томъ II. С.-Пб. 1895. Стр. 359 въ 4-ку. Цѣна 3 рубля. Изданіе редакціи журнала „Природа и Люди“. Задача настоящаго труда, по словамъ автора, заключается въ томъ, чтобы дать въ хронологическомъ порядкѣ возможно полный и вмѣстѣ съ тѣмъ сжатый очеркъ не только его многочисленныхъ путешествій, но и тѣхъ главныхъ научныхъ результатовъ, которые болѣе или менѣе уже сведены имъ и даже опубликованы. Авторъ предупреждаетъ читателей, что они не должны ожидать отъ его путешествій какихъ-

либо особыхъ наблюдений и разслѣдованій, такъ какъ всѣ путешествія его совершались при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. „Пробираясь обыкновенно въ одиночку“, говоритъ онъ, „или съ однимъ проводникомъ, нерѣдко несая на себѣ весь свой багажъ, дѣлая цѣлыя сотни верстъ пѣшкомъ, чашенько голодая, не говоря уже о полномъ отсутствіи всякаго комфорта, которымъ болѣе или менѣе обставляютъ себя почти всѣ экскурсанты, я, разумѣется, не могъ и думать везти съ собою различные снаряды и приборы для производства тѣхъ или другихъ научныхъ наблюдений. Какая тутъ можетъ быть рѣчь объ разныхъ аппаратахъ, когда мнѣ нерѣдко приходилось изъ своего скуднаго дорожнаго багажа выбрасывать даже единственную смѣну бѣлья для того, чтобы помѣстить туда записки или лишнюю бутылку воды“. Ознакомившись съ сочиненіемъ покойнаго доктора, мы должны сказать, что дѣйствительно специалисты по географіи и этнографіи, а равно и участники въ ученыхъ экспедиціяхъ, вѣроятно найдутъ не много особенно интереснаго для себя, но для обыкновеннаго образованнаго читателя книга эта можетъ быть названа любопытною и мѣстами весьма поучительною. Она, если можно такъ выразиться, представляетъ какъ бы калейдоскопъ всевозможныхъ впечатлѣній, картинъ и образовъ, но болѣею частью такихъ, которые не проходятъ безслѣдно для внимательнаго читателя, такъ какъ авторъ, обладая талантомъ находить даже и въ маловажныхъ предметахъ интересное, въ то же время владѣетъ способностью занимательнаго разказчика. Особый оттѣнокъ путешествію придаетъ то, что докторъ Елисеѣвъ видимо былъ чрезвычайно отваженъ и выносливъ и поэтому какъ въ близкихъ странахъ, такъ и въ отдаленныхъ, осматривалъ такія мѣстности, куда другіе туристы, не обладавшіе этими качествами, не проникали. Такъ, напримѣръ, еще въ гимназическіе годы (1875 г.) онъ путешествовалъ въ самыхъ глухихъ уголкахъ Финляндіи, гдѣ подвергался всевозможнымъ опасностямъ—погибнуть при проходѣ черезъ трясины, при переправѣ черезъ пороги, озера, или же быть побитымъ туземцами; во время своего перваго путешествія по Востоку онъ прошелъ Синайскую пустыню, но путями новыми, стараясь отыскать слѣды 40-лѣтняго странствованія евреевъ по этой пустынѣ; въ Палестинѣ онъ спускался въ пещеры, которыя обыкновенно осматриваются путешественниками поверхностно, какъ опасныя, и гдѣ ему неоднократно угрожала смерть. Къ этому надо еще присоединить, что докторъ Елисеѣвъ, проникнутый истиннымъ патріотизмомъ, отмѣчаетъ все, что изъ видѣннаго и слышаннаго имъ можетъ или печалить, или радовать русскаго патріота. Такъ, напримѣръ, при описаніи путешествія по сѣверу Финляндіи и вообще по нашему сѣверному поморью, а равно и по сѣверной Норвегіи, онъ яркими красками рисуетъ, какъ наши карелы, лопари и русскіе поселенцы, не смотря на все свое трудолюбіе, выносливость и относительное богатство природы, съ трудомъ владѣть существованіемъ подъ давленіемъ съ одной стороны норвежцевъ, а съ другой русскихъ же крупныхъ промышленниковъ и при недостаточной поддержкѣ или при равнодушіи къ быту ихъ русской администраціи. При описаніяхъ же путешествія въ Палестинѣ докторъ Елисеѣвъ не разъ обнаруживаетъ скорбь, по поводу того, что православіе тамъ ослабѣваетъ, вслѣдствіе энергіи и большихъ матеріальныхъ средствъ, которыми обладаютъ католическая, лютеранская и англиканская миссіи, и вслѣдствіе бѣдности, а иногда и равноду-

шія греческаго духовенства; съ другой стороны такъ же ярко отмѣчаетъ все, что дѣлается нашимъ Палестинскимъ обществомъ для удержанія православія на Востоѣ. Особенно пріятно поражаютъ читателя сообщенія доктора, что имя „московъ“ между мусульманами Палестины и Египта пользуется почетомъ, и что турки, бывшіе нѣкогда въ русскомъ плѣну и встрѣчаемые имъ въ Египтѣ, оказывали ему сердечное вниманіе и гостепрѣимство изъ благодарности къ русскому радушію. Во время одного изъ путешествій по Красному морю на италіанскомъ пароходѣ, перевозившемъ изъ Египта въ Геджасъ мусульманскихъ паломниковъ, докторъ былъ свидѣтелемъ утренней молитвы мусульманъ нашихъ среднеазиатскихъ владѣній, и эта молитва тронула какъ его, такъ и италіянца, капитана парохода, преданностью и почтеніемъ молившихся къ русскому Императору. „Дай Богъ“, сказалъ капитанъ, „чтобы у короля Италіи были такіе вѣрноподанные въ самомъ Неаполѣ и Римѣ! Счастливы русскій Царь, имѣющій такихъ подданныхъ! Честь и слава Россіи, покорившей самыя сердца своихъ новыхъ полудивныхъ подданныхъ Туркестана!“ (Т. II, стр. 178). Въ другомъ случаѣ, Елисѣевъ встрѣтилъ также на пароходѣ Краснаго моря индійскихъ мусульманъ, которые, узнавъ, что онъ русскій, стали высказывать свое сочувствіе русскому Государю, проклинали англичанъ и восхваляли Россію, высказывая увѣренность, что Россія рано или поздно придетъ освобождать Индію изъ рукъ англичанъ. Вообще первый томъ труда, заключающій въ себѣ путешествія по сѣверу и сѣверовостоку Россіи, а равно первое путешествіе Елисѣева въ Египетъ и черезъ Синайскій полуостровъ въ Палестину, читается болѣе легко и съ большимъ интересомъ, чѣмъ второй томъ, въ которомъ авторъ описываетъ свое путешествіе по Скандинавіи и Лапландіи и вторую и третью поѣздки на Востокъ, и гдѣ онъ вдается въ такія этнографическія и топографическія подробности, которыя иногда могутъ превзойти интересъ читателя. Оба тома одинаково снабжены множествомъ рисунковъ, принадлежащихъ исключительно русскимъ извѣстнымъ художникамъ: Каразину, Кившенко, Самокишъ-Судковской и т. п. Рисунки эти тѣсно связаны съ текстомъ и за небольшимъ исключеніемъ служатъ прекраснымъ освѣщеніемъ его.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Никоновъ, Сергій.*—Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву. Изслѣдованіе. С.-Пб. 1895.

— *Nikonoff, von, Serg.*—DIE LENRE VON DER SEQUESTRATION NACH ROMISCHEM RECHT. Berlin. 1894.

— *Чечулинъ, Н. Д.*—Замѣтки о вѣшной политикѣ Россіи въ началѣ царствованія Евдѣтеріи II. С.-Пб. 1895.

— *Д. II.*—Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. С.-Пб. 1895.

— *Рихтеръ, Е.*—Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1895.

— *Святскій, И.*—Драгоценные камни. Съ 38 рисунками (Полезная Библиотека, изд. *Сойкина*). С.-Пб. 1895.

— *Летурино, III.* Прошедшее и будущее литературы. Переводъ *А. Аксорова*. (Международная Библиотека, изд. *Бейленсона* и *Юровскаго*, № 35). Одесса. 1895.

— *Крашенинниковъ, М.*, приватъ-доцентъ. С.-Петербургскаго университета. Августалы и сакральное магистерство. Исслѣдованіе въ области римскаго муниципальнаго права и древностей. С.-Пб. 1895.

— *Фирсовъ, П.*—Опытъ элементарной алгебры въ связи съ логикой.—Руководство къ самообразованію.—С.-Пб. 1895.

— *Нечаевъ, А. П.*—Объ отношеніи Крылова къ наукѣ. С.-Пб. 4895.

— *Садовъ, Александръ.*—Древне-христіанскій церковный писатель Лактакцій. С.-Пб. 1895.

— Технические и профессиональныя учебныя заведенія г. Одессы.—Издано Постоянной комиссіи по техническому образованію.—Одесса. 1895.

— Отчетъ о дѣятельности Одесскаго отдѣла Императорскаго Россійскаго общества садоводства за 1894 г.—Одесса. 1895.

— Восточныя замѣтки. Сборникъ статей и исслѣдованій профессоровъ и преподавателей факультета восточныхъ языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. „Спеціальной школѣ живыхъ восточныхъ языковъ въ Парижѣ ко дню ея столѣтняго юбилея—1795—1895—этотъ сборникъ своихъ статей и исслѣдованій посвящаютъ профессора и преподаватели факультета восточныхъ языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета“. (Напечатано въ количествѣ 322 экземпляровъ, 10 на ватманской бумаги и 312 на слоеновой).—С.-Пб. 1895.

Въ книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ поступили въ продажу новыя изданія Академіи:

— Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности, т. 50-й — 2 р. т. 58-й—2 р. 50 коп.

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ: Томъ II № 5 (май 1895 г.), томъ III № 1 (іюнь 1895 г.), № 2 (сентябрь 1895 г.), № 3 (октябрь 1895 г.) по 1 рублю.

— Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію (*Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, VIII série*): Томъ I № 9 (*Schoenrock, A.* — *DIE BEWÖLKUNG DES RUSSISCHEN REICHES*) 4 р. 50 коп., томъ II № 2. (*Schneider, Guido.*—*UEBER DIE ENTWICKELUNG*

LUNG DER GRNITALCANÄLE VIE LOBITIS TAENIA L. und Phoxinuslaevis Ag.) 1 р. 20 коп., томъ II № 3. (*Берманъ, Р.*—Метеорологическія наблюденія произведенныя барономъ Э. В. Толемъ и лейтенантомъ Е. И. Шилейко въ 1893 г.). 1 р. 50 коп., томъ II № 4. (*Керсновскій, Г. А.*—О направленіи и силѣ вѣтра въ Россійской Имперіи.—Съ атласомъ). 5 р 50 коп.

— *Wild, H.*—Das KONSTANTINOW'SCHE METEOROLOGISCHE UND MAGNETISCHE OBSERVATORIUM IN RAWLOWSK (bei St.-Petersbourg). 3 р.

— *Фаминцынъ, А.* и *Корзинскій, С.*—Обзоръ ботанической дѣятельности въ Россіи за 1893 годъ. 1 р. 50 коп.

— *Радловъ, В. В.*—Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Вып. 7-й. 1 р.

— *Клеменцъ, Д. I.* Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи. II. Археологическій дневникъ повозки въ Среднюю Монголію въ 1891 году. 75 коп.

— *Toll, baron, von, Eduard.*—WISSENSCHAFTLICHE RESULTATE DER VON DER KAISERLICHEN AKADEMIE der Wissenschaften zur Erforschung des Innalandes und der Neusibirischen Inseln in den Jahren 1885 und 1886 ausgesandten Expeditionen. III-te Abtheilung. 3 р. 40 коп.

— МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ: томъ VII—VIII. 2 р. 50 коп.

— „Византійскій Временникъ“, подъ редакціей *В. Г. Васильевскаго* и *В. Э. Ревеля*, т. II. вып. 1-й 2-й и 3-й годовая цѣна. 5 р.

— *Шенрокъ, А.*—Объ облачности въ Россійской Имперіи. 4 р. 50 коп.

— *Васильевъ, В.*—Географія Тибета. (Переводъ изъ тибетскаго сочиненія „Минчъ-Жуль-Кутукты“). 1 р. 50 коп.

— *Бодуэнь-де-Куртена, Н. А.*—МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЮЖНО-СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ. I. Рязанскіе тексты. 6 р.

— *Вильдъ, Г.*—Отчетъ по главной физической обсерваторіи за 1894 годъ. 1 рубль.

— Отчетъ о 5-мъ присужденіи премій митрополита Магарія. 3 р. 50 коп.

— Отчетъ о 35-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. 1 р. 50 коп.

— *Никитинъ, П.*—О нѣкоторыхъ греческихъ текстахъ житій святыхъ (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію, т. I № 1). 80 коп.

— *Salemann, Carolus.*—'ABDULQUADIRI BAGEADENSIS LEXICON SANNAMIENUM. T. I, pars 1. 2 р. 40 коп.

О ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКЪ И ЕГО ПРЕПОДАВАНИИ ВЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

(Вступительная лекція) ¹⁾.

Мн. гг., мнѣ поручены занятія съ вами французскимъ языкомъ. Я очень признателенъ членамъ историко-филологическаго факультета и университетскаго совѣта, которые почтили меня своимъ выборомъ, но не скрываю отъ себя трудностей практическаго преподаванія языка въ высшемъ учебномъ заведеніи. Общепринято мнѣніе, что предпочтительнѣе обучать иностраннымъ языкамъ въ дѣтскомъ возрастѣ, въ виду удивительной воспримчивости дѣтей къ усвоенію различныхъ формъ и звуковъ иностранной рѣчи, причемъ, какъ говорить, именно способность къ языкамъ всего скорѣе утрачивается ребенкомъ, юношей, при переходѣ въ возмужалый возрастъ. Однако, утрачивая нѣкоторыя изъ нашихъ способностей, мы приобретаемъ взамѣнъ ихъ другія и прежде всего приобретаемъ навыкъ къ сознательному труду: безотчетныя, инстинктивныя свойства нашихъ умственныхъ способностей уступаютъ мѣсто сужденію; сознание руководитъ нами въ нашихъ занятіяхъ; разумокъ является на помощь памяти и, вообще, служитъ до нѣкоторой степени замѣной тѣхъ внѣшнихъ, воспримательныхъ силъ нашего интеллекта, которыя съ годами слабѣютъ. Быть можетъ, въ возрастѣ отъ 18 до 23—25 лѣтъ переходъ этотъ еще не такъ ощутителенъ, но онъ неизбѣженъ, и я льщу себя надеждой, что вы окажетесь болѣе воспримчивыми къ толкованіямъ, чѣмъ къ догматическому изложенію правилъ и положеній,

¹⁾ Прочитана на французскомъ языкѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, 9-го февраля 1895 года; печатается по-русски, въ нѣсколько переработанномъ видѣ.

что вы въ состояніи дать себѣ отчетъ въ „условности“ правилъ, заинтересоваться исторіей ихъ происхожденія, словомъ, что хотя бы вы имѣли въ виду главнымъ образомъ и даже исключительно лишь практическое знакомство съ французскимъ языкомъ, вы на меня не посѣтуете за внесеніе историческаго элемента въ наши занятія, поскольку онъ можетъ содѣйствовать сознательному усвоенію ново-французскаго языка, правилъ грамматики и орфографіи, особенно послѣдней, которая основана на исторіи языка, хотя зачастую ошибочно истолкованной. Признаюсь, только указанное соображеніе, то-есть, желаніе сообщить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о происхожденіи ново-французскихъ формъ и оборотовъ, долженствующія, на мой взглядъ, облегчать трудъ ихъ толковаго усвоенія, побудило меня принять на себя должность „лектора“ французскаго языка, къ которой въ другихъ отношеніяхъ я не считаю себя достаточно приспособленнымъ. Не буду теперь объ этомъ распространяться, предоставивъ вамъ самимъ быть судьями въ вопросѣ о возможной неблагоприятной сторонѣ занятій живымъ языкомъ не у „природнаго“ француза; нѣсколько соображеній по этому поводу будутъ высказаны въ заключеніи, а пока мнѣ хотѣлось бы поставить на видъ тѣ преимущества вашего подготовительнаго образованія, которыми намъ предстоитъ воспользоваться и разсмотрѣть нѣсколько общихъ вопросовъ, равьше чѣмъ приступить къ нашимъ занятіямъ. Вотъ тѣ вопросы, которые я имѣю въ виду: что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ „ново-французскаго“ языка и въ какой мѣрѣ мы можемъ пользоваться для его изученія латынью, вами усвоенною въ школѣ, латынью, которая, какъ общеизвѣстно, признается основою французскаго, равно и другихъ романскихъ языковъ—италианскаго, испанскаго, португальскаго и проч. Во-вторыхъ, мы подвергнемъ обсужденію вопросъ о грамматикѣ и грамматическихъ правилахъ, опредѣливъ ихъ относительное значеніе, ибо нѣтъ ничего абсолютнаго въ живомъ организмѣ языка, подвергающагося постояннымъ измѣненіемъ. В-третьихъ, наконецъ, мы коснемся вопроса о методѣ преподаванія въ предстоящихъ бесѣдахъ съ вами.

Ново-французскій языкъ сложился, по общепринятому мнѣнію, въ XVII вѣкѣ; такимъ образомъ, его „новизна“ оказывается довольно продолжительной, двухъ-вѣковой; но какъ бы ни отличались по существу новѣйшіе писатели отъ литературныхъ дѣятелей временъ Людовика XIV, какія бы новшества ни допускались въ настоящее время въ смыслѣ оборотовъ фразъ и выраженій, въ которыхъ ярко

запечатлѣлись особенности новѣйшей культуры XIX вѣка, современный французскій языкъ въ общемъ представляется тѣмъ же, которымъ пользовались классическіе авторы XVII вѣка. Причина этой устойчивости языка понятна: именно потому что писатели упомянутой эпохи признаны были „классическими“,—ихъ произведенія являются однимъ изъ главныхъ источниковъ, по которому французы обучаются своему языку. Этихъ авторовъ читаютъ и комментируютъ въ школахъ: основательное знакомство со „своими классиками“ обязательно для всякаго образованнаго человѣка во Франціи. Необходимо дать себѣ отчетъ въ томъ важномъ значеніи, которое сами французы придаютъ *изученію* роднаго языка, въ ихъ неуклонной заботѣ правильно говорить и писать, чтобы оцѣнить консервативный характеръ французскаго языка въ теченіи двухъ съ лишнимъ вѣковъ, несмотря на всякаго рода революціи—политическія и литературныя, которыя пережила за это время Франція. Особое почитаніе классическихъ писателей, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ предписанія Парижской академіи, предохранило французскій языкъ отъ новыхъ метаморфозъ въ родѣ тѣхъ, которымъ онъ подвергся въ средніе вѣка, измѣняясь чуть-что не каждая пятьдесятъ лѣтъ. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы французскій языкъ, такъ же какъ и всякій другой *живой* языкъ, не подвергался измѣненіямъ; но послѣднія касаются преимущественно словаря, обогатившагося новыми выраженіями, отчасти синтаксиса, въ особенности же стили, который подлежитъ безконечнымъ колебаніямъ. Ни фонетика, ни морфологія языка почти не затронуты; изъ фонетическихъ измѣненій можно было бы указать лишь на такія явленія, которыя имѣютъ второстепенное значеніе, напримеръ,—на произношеніе такъ называемой *l mouillé*, которое у современныхъ парижанъ свелось къ чистому йотъ-звуку; на произношеніе суффиксовъ *imperfect'a* (ai) вмѣсто *ya* (oi), также какъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ—*français*, *claire* и т. п., которыя въ прошломъ вѣкѣ еще писались съ *oi* вмѣсто *ai*; и то, по мнѣнію нѣкоторыхъ филологовъ-романистовъ ¹⁾, произношеніе на *e* не представляется новшествомъ: оно было свойственнымъ парижскому говору еще въ XIII вѣкѣ, а въ XVIII лишь стало общепринятымъ и въ литературномъ языкѣ. Какъ-бы ни настаивали на постоянномъ измѣненіи „французской ортоэпии, предоставленной самой себѣ“, я не думаю,

¹⁾ См. *Сюше* (*Hermann Suchier*), *Altfranzösische Grammatik*, Halle, 1893. Т. I, S. 51—52.

чтобы оно было очень существеннымъ ¹⁾. Хотя французская академія и не выработала точныхъ правилъ о произношеніи, послѣднее устанавливается и въ школьномъ обученіи и по взаимной провѣркѣ въ разговорной рѣчи, при той заботливости, которая свойственна французамъ „правильно выражаться“.

Такимъ образомъ, мы можемъ принять, что французскій языкъ XVII вѣка является въ общихъ чертахъ основой для изученія новофранцузскаго языка въ наиболѣе существенныхъ частяхъ современной грамматики. Но по вопросу объ отношеніи его къ латыни нельзя опускать изъ виду, что для надлежащей оцѣнки этого отношенія слѣдовало бы принять во вниманіе цѣлый рядъ послѣдовательныхъ измѣненій за періодъ времени отъ эпохи образованія французскаго языка и до XVII вѣка. Можемъ-ли мы миновать эти переходныя звенья и объяснять формы новофранцузскаго языка непосредственно изъ латыни? Не поведетъ-ли насъ такой пріемъ сравненія къ несообразностямъ, къ невѣрнымъ и превратнымъ выводамъ о взаимоотношеніи того и другаго языка? Разумѣется да, если бы мы претендовали на научный характеръ нашихъ занятій. Скажемъ болѣе: та латынь, на которой говорили солдаты Цезаря при покореніи Галліи, латынь, усвоенная романизованными туземцами въ сѣверной и южной Галліи и ставшая основой французскаго языка, конечно, не соотвѣтствовала классической рѣчи римскихъ писателей, которыхъ вы изучали въ школѣ. Для большинства романскихъ словъ устанавливается иная основная форма, чѣмъ та, которая присуща классической латыни. Данное различіе между литературнымъ языкомъ и народнымъ говоромъ, это повсемѣстное неизбежное различіе, которое наблюдается (въ разной мѣрѣ) во всѣхъ лингвистическихъ группахъ,—ибо общій литературный языкъ есть искусственный продуктъ, обособленный отъ жизни народнаго языка, — не было въ достаточной мѣрѣ усвоено французскими грамматиками XVII и XVIII вѣковъ, вслѣдствіе чего были высказаны весьма противорѣчивыя и не выдерживающія критики теоріи о происхожденіи французскаго языка ²⁾. Извѣстный

¹⁾ Имѣемъ въ виду крайне остроумное, во многихъ отношеніяхъ блестящее предисловіе г. *Гастона Париса* къ *Grammaire raisonnée de la langue française* par *Léon Clédat* (Paris, Le Soudier, 1894). Намъ придется дальше не разъ на него ссылаться, причѣмъ позволимъ себѣ нѣкоторыя ограниченія, какъ сказано, остроумнымъ, но иногда слишкомъ смѣлымъ положеніямъ знаменитаго романиста.

²⁾ Перечень ихъ см. въ старинномъ, но не вполне утратившемъ значеніе, трудѣ *Фукса (Fuchs)*—*Die Romanischen Sprachen in ihrem Verhältnisse zum Lateinischen*, 1849, Halle.

грамматикъ XVII вѣка Менажъ прибѣгалъ иногда къ самымъ невѣроятнымъ построеніямъ, чтобы объяснить этимологию французскаго слова изъ классическо-латинской основы (напримѣръ, французское *haricot* изъ *faba* черезъ промежуточные вымышленныя формы: *fabarius—fabaricus—fabaricòtus—haricot*) ¹⁾. Хотя подобныхъ приемовъ не чужды и нѣкоторые филологи XIX вѣка, они все же достаточно осмѣяны, чтобы намъ не настаивать на ихъ ошибочности. Но не рискуемъ-ли и мы впасть въ подобныя же погрѣшности, привлекая классическую латынь (а знаніе другой латыни я не имѣю основанія предполагать у васъ) къ сравненію съ ново-французскимъ языкомъ? Возможно-ли сближеніе формъ, между которыми нѣтъ непосредственной связи, при отстраненіи вопроса о ближайшей основѣ романскаго слова и промежуточныхъ переходовъ, обусловившихъ данную ново-французскую форму слова? Отстраненіе подобныхъ вопросовъ повлекло-бы за собой нарушеніе всѣхъ законовъ фонетики, установленіе которыхъ составляетъ, по справедливости, предметъ гордости современной науки о языкѣ. Я отнюдь не имѣю въ виду вовлечь васъ на этотъ скользкій путь. Лучше откровенно отказаться отъ объясненія происхожденія формъ и словъ и довольствоваться знаніемъ наличныхъ фактовъ, чѣмъ приобрѣтать отрывочныя свѣдѣнія, заслоняющія имено въ силу своей отрывочности дѣйствительные процессы роста и развитія языка. Поверхностное сравненіе двухъ родственныхъ языковъ ничуть не способствуетъ ихъ лучшему уразумѣнію, а напротивъ вводитъ въ погрѣшности въ родѣ тѣхъ, въ которыя впадали средневѣковые грамотѣи, создавая латинскія слова изъ романскихъ, съ приставкой латинскаго окончанія. Таково происхожденіе такъ называемой „кухонной латыни“, которая, кстати замѣтить, не должна быть смѣшиваема съ „народной“ латынью; еще Литрѣ предостерегалъ отъ подобнаго смѣшенія—*„deux basses latinités“*: „одна изъ нихъ послужила основой романскихъ нарѣчій, другая была создана изъ романскихъ нарѣчій“. Такимъ образомъ, отнюдь не общаясь снабдить васъ своего рода „рецептами“, по которымъ вы бы могли, въ обратномъ примѣненіи приема средне-вѣковыхъ латинистовъ, образовать изъ любой латинской

¹⁾ Справедливость требуетъ замѣтить, что настоящая этимологія *haricot* и понынѣ остается неизвѣстной. Затѣмъ, какъ бы ни были фантастичны нѣкоторыя изъ производствъ Менажа, осмѣяніе которыхъ нынѣ стало общимъ мѣстомъ, нельзя также не принять во вниманіе, что онъ все же вполне правильно опредѣлилъ основу французскихъ словъ болѣе чѣмъ въ двухъ стахъ случаяхъ и современная наука оцѣнила его заслуги въ этомъ отношеніи.

основы французское слово (или вымышленное, или съ невѣрнымъ значеніемъ?), я ограничусь указаніемъ лишь на общія отношенія французскаго языка къ латинскому и на нѣкоторыя его особенности, которыя обусловлены этой зависимостью. Такъ прежде всего объясняются аномаліи принятой ореографіи, которая представляетъ рядъ непоследовательностей, внесенныхъ грамотѣями позднѣйшей поры средневѣковья и эпохи Возрожденія, нарушившими принципъ фонетическаго правописанія, сообразуясь съ латинскою этимологіей слова, но только въ единичныхъ формахъ. Напримѣръ, въ словахъ *sept*, *corps*, *temps* возстановлено этимологическое написаніе съ *p*, которое по законамъ французской фонетики выпало такъ же, какъ въ *corset*, *reçoit*, *hôte*, гдѣ мы имѣемъ фонетическое написаніе. Въ словѣ *doigt* (*digitus*) написаніе съ *g* несообразно въ виду — *froid* (*frigidus*), которое пишется безъ *g*, и т. д. ¹⁾. Такъ же какъ „ученая“ ореографія представляется результатомъ позднѣйшаго воздѣйствія латинскаго языка на французскій, мы имѣемъ и въ словарѣ рядъ „ученыхъ“ словъ, заимствованныхъ изъ латыни искусственнымъ путемъ, безъ соблюденія фонетическихъ процессовъ, характерныхъ для французскихъ „природныхъ“ словъ ²⁾. Заимствованія дѣлались въ разныя эпохи съ древнѣйшаго времени: нѣкоторыя изъ заимствованныхъ словъ были слегка видоизмѣнены (такъ называемыя „полу-ученныя“ формы) согласно французскому произношенію, другія—усвоены почти цѣликомъ, особенно въ отношеніи къ ореографіи. Съ какимъ бы пренебреженіемъ ни относились лингвисты къ этимъ искусственнымъ прививкамъ, нарушающимъ общій фонетическій строй рѣчи, нельзя отрицать, что они не мало содѣйствовали обогащенію французскаго словаря. Въ тѣхъ случаяхъ, когда природное и заимствованное слово имѣютъ общую основу, они представляются съ разными значеніями во французскомъ языкѣ, образуя

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ принятая ореографія основана на ошибочномъ сближеніи французскаго слова съ латинскою формою, съ которой оно не имѣетъ ничего общаго. Напримѣръ, написаніе *malheureux* съ *h*, по ложной аналогіи съ *mala hora*, тогда какъ настоящая основа этого слова латинское *male*—**angustus*.

²⁾ Во Франціи принята терминологія: *mots populaires* и *mots savants*. Въ Германіи говорятъ: *Erbwort* и *Lehnwort*. Въмѣсто выраженій „народныя“ или „наслѣдственныя“ слова мы употребляемъ выраженіе „природное“, то-есть природно-французское слово, согласно обычной у насъ терминологіи (ср. Исслѣдованія и лекціи, *С. К. Булича*), причемъ „природное“ означаетъ, очевидно, лишь согласное съ національными особенностями французской народности, изъ какихъ бы элементовъ оно ни сложилось.

такъ называемые „дублеты“ (напримѣръ, *meuble* и *mobile*, *blâme* и *blasphème*, *chose* и *cause* и т. п.). При этомъ природное слово, параллельно внѣшнимъ измѣненіямъ въ своемъ звуковомъ строѣ, подвергалось въ большинствѣ случаевъ и перебою значенія, тогда какъ заимствованное слово сохраняетъ свое латинское значеніе. Въ виду этого именно заимствованныя слова встрѣтять у васъ, по всей вѣроятности, наибольшее сочувствіе, какъ самыя для васъ доступныя. Но не слѣдуетъ забывать, что они не основныя формы, и что нельзя выводить изъ нихъ природныя французскія слова, какъ позднѣйшія „искаженія“ латыни. Нельзя называть „искаженіями“ и особенности народной латыни по сравненію съ литературнымъ языкомъ: перебой звуковъ и значенія словъ представляется вѣковымъ процессомъ, подчиненнымъ извѣстной послѣдовательности и законности; измѣнчивость народнаго говора опредѣлена условіями, которыя отличны отъ тѣхъ, въ которыя поставленъ литературный языкъ; новое возникаетъ изъ стараго подъ воздѣйствіемъ фізіологическихъ и психологическихъ факторовъ, изученіе которыхъ и даетъ ключъ къ уразумѣнію такъ называемой жизни языка. Французскій языкъ не есть „искаженная латынь“ и не „дѣтище латыни“, какъ иногда его называютъ, а строго говоря, та же самая народная латынь, въ которой съ одной стороны завершились процессы, замѣчаемые въ ней издревле, съ другой — возникъ рядъ новыхъ процессовъ, отчасти непосредственныхъ, отчасти въ зависимости отъ постороннихъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ языка, усвоеннаго новыми народностями ¹⁾). Фонетическіе законы измѣнчивы и нерѣдко перекрещиваются психологическими факторами, которые нарушаютъ ихъ строгую послѣдовательность, такъ что изученіе ихъ представляется дѣломъ весьма сложнымъ и труднымъ, особенно по отношенію къ французскому языку, пережившему нѣсколько фазисовъ развитія. Въ итальянскомъ и испанскомъ языкахъ легче дать себѣ отчетъ въ производствѣ словъ изъ латинской основы, потому что въ общемъ эти языки ближе къ латыни и меньше измѣнились въ своемъ историческомъ развитіи.

¹⁾ Вопросъ о „непосредственности“ и обусловленности отъ мѣстныхъ вліяній фонетическихъ измѣненій представляется спорнымъ. Даже такой характерный звукъ, какъ *y*, во французскомъ считается одними учеными за заимствование изъ кельтскаго, другими — за непосредственное измѣненіе латинскаго *u* (русское *у*) звука, самостоятельно проявившееся въ разныхъ странахъ: сѣверной и южной Галліи, въ Португаліи и въ нѣкоторыхъ южныхъ діалектахъ Італіи (но также и на сѣверѣ въ миланскомъ говорѣ).

Древне-французскій и особенно древне-провансальскій языки во многомъ архаичнѣе итальянскаго и испанскаго, но съ IX по XII вѣкъ (включительно), затѣмъ съ XIII по XVI, далѣе въ теченіе XVI и наконецъ при переходѣ отъ XVI къ XVII вѣкамъ, во французскомъ языкѣ произошли столь значительныя измѣненія, что латинское производство ново-французскихъ словъ представляется далеко не такимъ нагляднымъ. Въ виду этого я ограничусь сообщеніемъ лишь нѣкоторыхъ главнѣйшихъ фонетическихъ процессовъ, оказавшихся наиболѣе устойчивыми въ исторіи французскаго языка, и морфологическихъ особенностей послѣдняго, которыя обусловлены строемъ латинской грамматики (напримѣръ, образованіе множественнаго числа, происхожденіе родовъ, двоякія формы мѣстоименій притяжательныхъ, система французскихъ спряженій и т. п.); за симъ же, разумѣется, для того, чтобы *знать* французскій языкъ, необходимо изучать его самого и такъ сказать въ немъ самомъ. Исторія языка выясняетъ намъ его происхожденіе, но не знакомитъ съ наличнымъ его содержаніемъ. Мы не должны злоупотреблять историческимъ методомъ, который пригоденъ не для всякой цѣли; описательные приемы столь же необходимы для знакомства съ фактами, какъ изученіе ихъ исторіи для объясненія ихъ происхожденія. Но, повторяю, знать происхожденіе явленій еще не есть знаніе самихъ явленій и посему, для успѣшнаго изученія французскаго языка намъ необходимо непосредственное съ нимъ знакомство, независимо отъ вопроса объ его происхожденіи и постепенномъ развитіи. Это знаніе достигается, какъ принято думать, при помощи прикладныхъ грамматикъ, задачи которыхъ сводятся къ тому, чтобы научить „искусству правильно говорить и писать“. Опредѣленіе это представляется, къ сожалѣнію, весьма спорнымъ и посему намъ предстоитъ нѣсколько разобраться въ вышенамѣченномъ вопросѣ: какое значеніе придавать заучиванію грамматическихъ правилъ и самимъ этимъ правиламъ, при изученіи языка?

„Несмотря на кажущуюся простоту и ясность опредѣленія, которое помѣщено въ большинствѣ такъ-называемыхъ школьныхъ грамматикъ („La grammaire est l'art de parler et d'écrire correctement“), говоритъ г. Г. Парисъ, въ вышеуказанномъ предисловіи къ грамматикѣ Кледа, оно представляется крайне затруднительнымъ для уразумѣнія, если вдуматься въ его точный смыслъ. Что хотятъ сказать выраженіемъ *говорить*? Что значить *писать*? Но главнымъ образомъ, какъ понять выраженіе—*правильно*?“ Авторъ вдается въ обстоятельное разъясненіе этихъ выраженій, которыя со-

держатъ въ себѣ болѣе сложныя понятія, чѣмъ кажется на первый взглядъ. При этомъ онъ приходитъ къ выводу, весьма существенному и нѣсколько неожиданному для поборниковъ указанной формулы, возставая противъ отождествленія „грамматики“ съ „искусствомъ правильно говорить и писать“. Гастонъ Парисъ напоминаетъ, что французскія писательницы XVII вѣка („*les femmelettes du temps de Louis XIV*“), которыя, по отзыву Курвъ, владѣли перомъ лучше, чѣмъ самые искусные авторы въ наше время, не знали ни слова по французской грамматикѣ, также какъ ихъ знаменитые современники, и это—въ эпоху, когда жили наилучшіе писатели Франціи! „Генрихъ Гейне сказалъ, что если римляне покорили міръ, то потому, что имъ не нужно было учиться по латыни; и я порою склоненъ сказать, замѣчаетъ Г. Парисъ, что если Паскаль, Ла-Фонтэнъ, Боссюэтъ, Вольтеръ писали съ такимъ совершенствомъ по-французски, то—въ силу того, что имъ не приходилось учиться грамматикѣ!“ Остроумное замѣчаніе маститаго филолога-романиста невольно заставляетъ призадуматься: изученіе грамматики, заучиваніе правилъ представляется стѣснительнымъ для того, чтобы свободно владѣть языкомъ и, какъ оказывается, тѣ писатели достигаютъ наилучшихъ результатовъ, которые не знаютъ правилъ грамматики! Должны ли мы поступать наоборотъ, то-есть, заучивать правила, чтобы потомъ... наблюдать ихъ нарушеніе въ произведеніяхъ французскихъ писателей. Эти нарушенія встрѣчаются и у классическихъ авторовъ (у Корнеля и Мольера), но особенно часты въ новѣйшей литературѣ, ибо, по замѣчанію одного изъ современныхъ критиковъ: „maintenant il n'est si petit auteur qui ne dise ne relever que de Dieu et de sa plume, quand plume il y a, et encore Dieu n'est-il pas toujours de la partie!“¹⁾ Эти революціонныя стремленія по отношенію къ языку восходятъ къ Фенелону, быть можетъ еще раньше — къ Мольеру, котсрый уже считался „новаторомъ“ въ языкѣ. Въ XVIII вѣкѣ они были формулированы съ большою откровенностью Ж. Ж. Руссо, который утверждалъ, что если „изложеніе понятно, будь въ немъ хоть пятьсотъ „варваризмовъ“, оно все-таки можетъ быть признано хорошо написаннымъ!“ Однако, Вольтеръ отнюдь не раздѣлялъ этого взгляда; не раздѣляютъ его и лучшіе изъ современныхъ намъ писателей. Ограничимся ссылкой на авторитетное замѣчаніе Мишель Бреаля: „нашъ языкъ, говоритъ онъ, щедро вознаграждаетъ того, кто соблюдаетъ

¹⁾ *Jean Macé*, Saint-Évremond (Paris, Hetzel, 1894), стр. 13.

его правила (*qui se soumet à ses exigences*). Если же кто-нибудь захочет позволить себѣ вольности, которыя не допускаются во французскомъ языкѣ, хотя бы онѣ были допущены въ другихъ языкахъ, онъ потерпитъ заслуженную кару въ томъ, что получить въ удѣлъ столь своеобразный слогъ, что черезъ какія-нибудь десять лѣтъ перестанетъ быть кому-либо понятнымъ“ (*la langue française... le punir en lui infligeant un de ces styles extraordinaires dont le moindre défaut est de n'être plus intelligible au bout de dix ans*)¹⁾. Итакъ, есть мѣра „вольностямъ“, другими словами—есть нѣкоторыя общія правила, которыя отнюдь не должны быть нарушены. Какія же это правила? Какъ создались они? Подчинялись ли имъ корифеи французской классической литературы, которыхъ перечислилъ Г. Парисъ? Безъ сомнѣнія подчинялись и даже были соучастниками въ созданіи этихъ правилъ. Врядъ ли слѣдуетъ придавать слишкомъ буквальное значеніе вышеприведенному замѣчанію авторитетнаго профессора *Collège de France* и директора филологической секціи *École des hautes études*. Семнадцатый вѣкъ былъ эпохой, когда „составители грамматикъ“ (*les grammairiens*) играли выдающуюся роль въ обществѣ. Языкъ подвергся переработкѣ въ самомъ началѣ этого вѣка: „наконецъ, явился Малербъ“, какъ выразился Буало, и Малербъ, мастерски владѣвшій техникой стиха, даже, быть можетъ, по особенностямъ своихъ дарованій скорѣе стилистъ, чѣмъ вдохновенный поэтъ, посвятилъ свою дѣятельность главнымъ образомъ установленію законовъ французской прозодіи и очищенію стихотворной рѣчи. Вуатюръ и Бальзакъ сдѣлали то же для выработки прозы. Въ литературныхъ кружкахъ, въ салонахъ избраннаго общества—прежде всего въ отелѣ де-Рамбульзъ, затѣмъ у г-жи де-Скюдери, далѣе въ Люксембургѣ, у г-жи де-Монпансье, у г-жи де-Саблэ и т. д.—во всѣхъ этихъ „guelles“, столь славившихся въ ту пору, вопросъ о „правилахъ“ былъ настоящею злобою дня. Всѣ интересовались ими, всѣ принимали участіе въ спорахъ о томъ, хорошо или дурно данное выраженіе. Менажъ и Вожеля́ были общепризнанными авторитетами. Какъ извѣстно, забота объ изяществѣ рѣчи перешла въ крайности и пятьдесятъ лѣтъ спустя „преціозный стиль“ сталъ предметомъ насмѣшекъ; Мольеръ своевременно выступилъ противъ него со своею безпощадною сатирой. Но если Мольерова Арманда не можетъ простить своей сестрѣ—„*de se claquer avec aux choses de Menage*“ (комизмъ выраженія „замуравиться“ обличаетъ

¹⁾ *Michel Breal, De l'enseignement des langues vivantes* (Paris, Hachette, 1893).

отрицательное отношеніе поэта къ данному упреку), если его Филамента возбуждаетъ смѣхъ тѣмъ, что прогоняетъ свою кухарку на томъ лишь основаніи, что она „оскорбляетъ ея слухъ, употребляя выраженія, которыя Вожелъ осуждаетъ самымъ категоричнымъ образомъ“ (qu'en termes décisifs condamne Vaugelas!⁴), та же Филамента намъ сообщаетъ, что языкъ, къ которому она такъ благоговѣетъ, „основанъ на разумѣ и на bel-usage“, что грамматика властвуетъ даже надъ королями („la grammaire sait régenter jusqu'au rois“)! Эта неустанная забота нѣсколькихъ поколѣній выработать точныя правила языка и подчиниться имъ—весьма знаменательна. На мой взглядъ, если авторы такъ-называемой классической эпохи не учились грамматикѣ въ школахъ, то взамѣнъ того они учились ей въ обществѣ, выработывали ее въ бесѣдахъ въ свѣтскихъ и литературныхъ кружкахъ. Они все болѣе или менѣе принимали участіе въ установленіи грамматическихъ правилъ и позволительно выразить сомнѣніе, чтобы безъ этого французскій языкъ достигъ той степени совершенства, той ясности, точности и вмѣстѣ съ тѣмъ гибкости, которыя представляются его главными качествами. Не забудемъ при этомъ роль французской академіи, основанной въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, академіи, которая, по живописному сравненію Масэ, „только что вылупилась изъ подъ красной мантии Ришелье, во всей свѣжести вновь возникшаго учрежденія, гордясь тѣмъ, что подчинила „Сида“ своей указкѣ, академія управляла Парнасомъ со всей безстрастной суровостью безапелляціоннаго судилища. Она издавала „приказы“ отелю де-Рамбулье, который помогалъ ей въ очищеніи языка („à purger la langue“); ея постановленія, передаваемые изъ одного кружка въ другой („de guelles en guelles“), являлись неизмѣнными приговорами противъ злополучнаго языка Раблэ, Брантома и Монтэня, языка, который, теряя ежедневно остатки своей „гальской“ прелести и наивности, научался держать себя прямо и величественно, чтобы съумѣть принять, какъ исто-великосвѣтская дама, „великій вѣкъ“... Нетрудно поглумиться, милостивые государи, надъ нѣкоторыми крайностями и даже, пожалуй, ригоризмомъ, котораго не чужды доктринальныя стремленія академистовъ, тогда, когда существенное уже добыто, то-есть, когда языкъ сложился въ окончательной формѣ, когда установлены были нѣкоторыя основныя правила согласно разуму и „обычаю“, то-есть, согласно духу языка. Можно выражать сожалѣнія по поводу богатства прежняго словаря, значительно сокращеннаго, по поводу нѣкоторыхъ раньше допускавшихся вольностей

въ оборотахъ; однако, когда наступилъ зрѣлый возрастъ, бесплодно мечтать о наивности былыхъ временъ; гоняться за нею значило бы замѣнять дѣйствительную наивность, не чуждую нѣкоторой прелести, искусственною „ingénuité“. Врядъ ли языкъ Раблэ, несмотря на все его богатство и непринужденность, или языкъ Монтэня, несмотря на все остроуміе его въ высшей степени своеобразнаго слога, могутъ служить образцами для подражанія, или даже, вообще, быть признаны образцовыми. И языкъ Ронсара, несмотря на то, что этотъ писатель обладалъ качествами настоящаго поэта, лишь въ немногихъ отдѣльныхъ мѣстахъ его произведеній, отличается ясностью, цѣльностью и выразительностью образцоваго языка. Въ общемъ — онъ слишкомъ еще невыработанъ, слишкомъ испещренъ заимствованными словами и оборотами изъ чужихъ языковъ. Реформа Малерба была, конечно, необходима, необходимо было и дѣятельное участіе многихъ его современниковъ и преемниковъ въ „очищеніи“ языка и его выработки, чтобы создать образцовый литературный языкъ во Франціи. Что касается значенія французской академіи въ данномъ дѣлѣ, то я не имѣю въ виду рѣшать здѣсь этотъ спорный вопросъ: одни приписываютъ ей чрезмѣрное значеніе, другіе считаютъ ея вліяніе пагубнымъ. Ограничусь напоминаніемъ, что Ришелье лишь обратилъ въ законное учрежденіе дѣятельность кружка литераторовъ, возникшаго самостоятельно, безъ всякаго посторонняго побужденія. Извѣстно, что центромъ этого кружка былъ Шаплэнъ, что къ нему сходились писатели и любители словесности, которые обсуждали разные вопросы по литературѣ и языку, при чемъ составлялись протоколы этихъ бесѣдъ. Такимъ образомъ академія уже существовала *de facto*, хотя и не въ видѣ государственнаго учрежденія. Ришелье не „создалъ“ ее, а придалъ частному кружку значеніе государственнаго учрежденія, которое вполнѣ отвѣчало стремленіямъ эпохи. Весьма вѣроятно, что многіе изъ „приговоровъ“, о которыхъ говоритъ Масэ, были формулированы въ частныхъ кружкахъ раньше, чѣмъ состоялись постановленія академиковъ. Менажъ не былъ членомъ академіи и даже частенько нападалъ на нее, однако своими трудами онъ содѣйствовалъ той же цѣли, къ которой призваны были могущественнымъ кардиналомъ „безсмертные“. Словарь Менажа вышелъ раньше въ свѣтъ, чѣмъ академическій словарь. Что касается грамматики—то, какъ извѣстно, и понынѣ Парижская академія не обнародовала французской грамматики и, повидимому, до сихъ поръ не предприняла никакихъ трудовъ въ этомъ направленіи, такъ что не подлежитъ

упреку въ томъ, что она затормозила „эволюцію“ французской грамматики.... Установлена ею лишь орѳографія и только этотъ вопросъ объ орѳографіи и вызвалъ за послѣднее время болѣе или менѣе страстные нападки по поводу ея цѣлесообразности. Пока мы не будемъ касаться этого вопроса, а ограничимся слѣдующими выводами изъ вышесдѣланныхъ замѣчаній: въ эпоху сложенія ново-французскаго языка, то-есть, въ XVII вѣкѣ, грамматическія правила создавались одновременно съ выработкой языка, образцы котораго завѣщаны наилучшими писателями XVII и XVIII вѣковъ. Если порою замѣчается разногласіе между правилами, установленными составителями грамматикъ и „академистами“, и языкомъ классическихъ писателей, то отсюда нельзя дѣлать вывода, что послѣдніе нисколько не заботились о „правильной“ рѣчи, но иначе разумѣли „правила“ (*le correcte*), чѣмъ ихъ цензоры, не чуждые порой педантизма. Если же первоклассные авторы XVII вѣка писали всѣ съ орѳографическими ошибками, какъ замѣчаетъ г. Г. Парисъ, такого свойства, что за двѣ строчки ихъ письма они получили бы неудовлетворительные баллы на самомъ элементарномъ экзаменѣ въ младшихъ классахъ начальнаго училища (при чемъ, они-де все-таки—лучше воспользовались временемъ, которое воспитанники нашихъ заведеній тратятъ на заучиваніе правилъ принятаго правописанія), то мы склонны сдѣлать отсюда лишь тотъ выводъ, что не слѣдуетъ отождествлять грамматику съ правописаніемъ, и сообразуясь съ нѣкоторыми общими правилами грамматики, не терять изъ виду ихъ нѣкоторой условности. Г. Гастонъ Парисъ вполне правъ, настаивая на неопредѣленности выраженія: „правильно“. Въ XVII вѣкѣ оно имѣло опредѣленное значеніе, точно указанное даже въ вышеприведенной цитатѣ изъ „Ученыхъ женщинъ“ Мольера: „правильно“ значило согласное съ разумомъ и съ „*bel-usage*“. Но понятіе о *bel-usage* измѣнчиво, а въ наше время законы логики и грамматики уже болѣе не отождествляются. Мы отошли отъ иллюзій—искать въ языкѣ лишь разумное, логичное, и признаемъ иные факторы въ его образованіи. „Языкъ не знаетъ логики“, говорится теперь, какъ не знаетъ ея и исторія, ибо языкъ представляется продуктомъ историческаго развитія. Прикладная грамматика должна подчиняться выводамъ научной грамматики, выводамъ современной науки о языкѣ, и посему, формулируя правила для руководства при изученіи языка, мы не должны опускать изъ виду ихъ относительнаго значенія, ихъ условности и, считаясь съ ними, все же главнымъ образомъ изучать языкъ по произведеніямъ наиболѣе выдающихся писателей.

Что касается выбора авторовъ для чтенія, то я позволю себѣ слѣдующее замѣчаніе: по отношенію къ иностранному языку мы, конечно, должны сообразоваться съ отзывами „туземныхъ“ критиковъ. Оставляя за собой право оцѣнки того или другого писателя по существу, мы не можемъ судить о формѣ, какъ природные знатоки языка, ибо чутье къ чужому для насъ языку весьма трудно достигнимо и ошибки всегда возможны. На это указывалъ еще Шлегель въ своемъ разборѣ Расиновой „Федры“, благоразумно отстрапивъ вопросъ объ оцѣнкѣ этого произведенія со стороны достоинствъ языка, „ибо красоты стіля и стиховъ не подлежатъ сравненію въ разныхъ языкахъ“. Гете, прекрасно владѣвшій французскимъ языкомъ, тѣмъ не менѣе высказалъ ошибочныя сужденія о поэмѣ Дю-Барта „La semaille“. Онъ превысилъ значеніе автора, котораго еще Дю-Перронъ назвалъ весьма плохимъ поэтомъ („fort méchant poète“), не давъ себѣ отчета въ его погрѣшностяхъ именно противъ французскаго языка. Сентъ-Бевъ высказалъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: „по отношенію къ поэтамъ и писателямъ каждая народность, казалось бы, должна быть наилучшимъ судьей о своихъ дѣятеляхъ. Какъ бы ни былъ великъ Гете, онъ все-же не является въ силу своего генія болѣе надежнымъ судьей въ оцѣнкѣ французскихъ стиховъ“. Сентъ-Бевъ считаетъ французскія стихотворенія Гете весьма неудачными и приходитъ къ выводу, что при всемъ уваженіи къ геніальнымъ людямъ: „la vendeuse d'herbes d'Athènes, ou, pour parler comme Paul-Louis Courier, la moindre femmelette de la rue Chauchat en sait plus long sur de certaines fautes indigènes que l'homme de genie étranger“¹⁾.

Перейдемъ теперь къ вопросу о методѣ преподаванія. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе различныхъ педагогическихъ системъ, я склоненъ болѣе всего руководствоваться замѣчаніями Мишеля Бреаль, высказанными въ его упомянутой брошюрѣ „О преподаваніи новыхъ языковъ“. Бреаль чрезвычайно ясно, точно и обстоятельно намѣтилъ тѣ послѣдовательныя стадіи, черезъ которыя должно пройти при изученіи живаго языка. Начинать нужно, по его мнѣнію, съ произношенія; прежде всего — научить съ живаго голоса звукамъ даннаго языка, заставляя заучивать наизусть или стихотворенія (авторъ рекомендуетъ даже заучиваніе пѣсенъ на знакомые мотивы, что-де облегчаетъ усвоеніе звуковъ), или отдѣльныя фразы, значеніе кото-

¹⁾ *Sainte-Beuve*, Tableau historique et critique de la poésie française au XVI-e siècle, см. главу о Du-Bartas.

рыхъ слѣдуетъ тутъ же объяснить. Методъ этотъ, какъ видите, вполне эмпирической и мнѣніе М. Бреалья, котораго, конечно, нельзя заподозрить въ недостаточномъ уваженіи къ наукѣ, въ которой онъ занимаетъ столь видное мѣсто, раздѣляетъ другой тоже весьма авторитетный ученый, профессоръ Шухардтъ. Выборъ „типичныхъ фразъ“, которыя должны предлагаться начинающимъ, довольно затруднителенъ; я не общаюсь теперь же вамъ представить такой выборъ, но такъ какъ настоящая аудиторія—не среднеучебное заведеніе, которыя М. Бреаль имѣетъ въ виду, то я полагаю, что мы можемъ быть менѣе разборчивыми и обращаться непосредственно къ чтенію легкаго текста. Вслѣдъ за произношеніемъ М. Бреаль называетъ на второмъ мѣстѣ—грамматику и словарь, на третьемъ—литературу. „Эти три предмета преподаванія (то-есть—произношеніе, грамматика и литература) намъ кажутся одинаково необходимыми, говорить онъ далѣе; если же пришлось бы пожертвовать однимъ изъ нихъ, то съ наименьшимъ ущербомъ можно было бы сократить третій (то-есть литературу), ибо всегда представится возможность учащемуся, когда онъ вступитъ въ жизнь (*à l'étudiant devenu homme*), восполнить свои свѣдѣнія“. Мы дѣйствительно „пожертвуемъ“ литературой въ предстоящихъ нашихъ занятіяхъ, милостивые государи, по крайней мѣрѣ отчасти, ибо главной нашей задачей представляется изученіе языка. Конечно, основательное знаніе языка немислимо безъ знакомства съ литературой страны, но, при ограниченности времени, которое въ нашемъ распоряженіи, мы принуждены довольствоваться эпизодическимъ изученіемъ отдѣльныхъ авторовъ. Общія курсы по исторіи западно-европейскихъ литературъ читаются въ университетѣ особо, и каждый воленъ ихъ слушать, чтобы пріобрѣсти свѣдѣнія въ этой области. На лекторскихъ же занятіяхъ мнѣ представляются болѣе умѣстными чтеніе и разборъ самыхъ памятниковъ литературы. При переводѣ текста, мы можемъ попутно касаться разныхъ вопросовъ грамматики (краткій очеркъ французской грамматики я предполагаю дать особо, лекцій въ 15—20), знакомиться съ этимологіей словъ¹⁾,

¹⁾ При установленіи этимологіи слова не слѣдуетъ, однако, терять изъ виду то позднѣйшее конкретное значеніе, которое оно пріобрѣло въ томъ или другомъ случаѣ. М. Бреаль съ полнымъ основаніемъ предостерегаетъ отъ злоупотребленія этимологіями, отдавая преимущество, при выборѣ словъ для заучиванія, группировкѣ ихъ по значенію. „Pour découvrir d'après le seul moyen de l'étymologie la valeur d'un terme, говоритъ онъ, il faudrait avoir par la pensée vécu la vie entière de la nation“.

подбирать синонимы, изучать различныя значенія того или другого слова въ разныхъ выраженіяхъ и т. п., наконецъ, разсматривать синтаксическія и стилистическія особенности, свойственныя разнымъ писателямъ. На ряду съ чтеніями и переводами, желателенъ живой обмѣнъ мыслей на французскомъ языкѣ, ибо занятія слишкомъ книжнаго характера представляютъ нѣкоторыя неудобства. предусмотрѣныя тѣмъ же М. Бреалемъ: „мы не научимся говорить на томъ или другомъ языкѣ, замѣчаетъ нашъ авторъ, если будемъ ограничиваться чтеніемъ книгъ. Тотъ, кто лишь читаетъ авторовъ, находится въ положеніи человѣка, къ которому слова и обороты какъ-бы сами собой приходятъ и онъ долженъ дать себѣ трудъ лишь признать ихъ: тотъ же, кто говоритъ, долженъ самъ, какъ бы изъ себя извлечь эти слова и обороты. Пассивное ожиданіе развитія активной способности заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе“¹⁾). Это замѣчаніе вполне справедливо, но въ другомъ мѣстѣ М. Бреаль самъ называетъ умѣніе говорить—„способностью нисшаго порядка“ (*une faculté d'ordre inférieur*), напомнивъ, что „разсылные прикащики“ (*commis voyageurs*) и служащіе въ гостинницахъ (*garçons d'hôtel*) весьма быстро, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, приобрѣтаютъ это умѣніе. Впрочемъ, будь умѣніе говорить талантомъ нисшимъ по сравненію съ научнымъ знаніемъ языка, мы все же не можемъ вполне отстранить отъ себя всякое попеченіе о приобрѣтеніи этого умѣнья. По поводу даннаго вопроса позволю себѣ, напоследокъ, нѣсколько замѣчаній *pro domo sua*. Въ числѣ иностранныхъ языковъ, которые у насъ преподаются, французскому выдѣляютъ особое мѣсто именно на томъ основаніи, что другимъ языкамъ обучаются для того лишь, чтобы читать авторовъ, а французскому не только, чтобы умѣть читать, а также, и главнымъ образомъ, для того, чтобы говорить на немъ, въ виду международнаго значенія этого языка и его распространенности въ обществѣ. Несмотря на кажущуюся легкость французскаго языка, сравнительно хотя бы съ нѣмецкимъ (по богатству словаря и сложности флексій) или съ англійскимъ (по трудности произношенія), онъ представляетъ не мало затрудненій для того, чтобы вполне овладѣть „искусствомъ правильно говорить и писать“. Складъ французскаго языка своеобразенъ; онъ допускаетъ вольности, которыхъ нѣтъ въ другихъ языкахъ, ни даже въ русскомъ (напримѣръ, образованіе глаголовъ изъ существительныхъ гораздо свободнѣе во француз-

¹⁾ „Il y a contradiction à attendre passivement l'éclosion d'une faculté active“.

скомъ, и, обратно, употребленіе глагольныхъ формъ въ значеніе существительныхъ; сжатая конструкція фразы, позволяющая въ немногихъ словахъ передать то, что по-русски пришлось бы выразить въ длинномъ періодѣ, съ вставными и вводными предложениями и т. п.); съ другой стороны—выработанность этого языка, его цѣльность и законченность налагають извѣстныя обязательства, заставляющія строже къ нему отнестись. Понять всё тонкости, всё оттѣнки правильной и изящной рѣчи—дѣло не легкое и хотя бы мы привыкли съ дѣтства говорить по французски, многое намъ, какъ иностранцамъ, можетъ оказаться недоступнымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что языкъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ особенностями нашего мышленія и у каждаго человѣка „одинъ“ языкъ, какъ „одно“ отечество. Космополитизмъ отзывается одинаковыми послѣдствіями въ обоихъ случаяхъ и я лично не думаю, чтобы нашею цѣлью было научиться думать по французски, какъ французы. Такимъ искусствомъ я не владѣю, да и не желалъ бы имъ владѣть. Я ограничиваю наши задачи изученіемъ строя и лексическаго состава французскаго языка, желаніемъ *понять*, а не *присвоить* себѣ чуждое для насъ одѣяніе, въ ущербъ нашему самостоятельному складу мысли. Въ Германіи изученіе иностранныхъ языковъ поставлено именно на такую почву. Преподавателями тамъ выступаютъ исключительно нѣмецкіе уроженцы. Тотъ же принципъ соблюдаютъ и во Франціи. По мнѣнію М. Бреая: „rien ne vaut d'être français, pour bien enseigner à de petits français une langue étrangère“; „si la classe de langue vivante ¹⁾ doit devenir comme le latin ou à défaut du latin, une école de style et de bon langage, n'est-il pas nécessaire que le français du professeur soit bien *genuine*“? При этомъ, правда, могутъ оказаться и нѣкоторыя, впрочемъ не особенно существенныя, неудобства, зависящія отъ излишняго „мудрествованія“ преподавателей. Именно въ силу такого „мудрествованія“ въ Германіи, по замѣчанію М. Бреая, въ гимназіяхъ сложился особый языкъ (или вѣрнѣе—особое произношеніе французскаго языка) языкъ sui generis, который онъ остроумно назвалъ „*gymnasial-französisch*“: c'est la qu'on enseigne que *point* doit se pronocer *poeng* et que *détail* doit s'articuler *detalge*. C'est la que les mots *entrée*, *coupé*, *saison* prennent cet accent particulier qui en fait des mots allemands“ etc. Мнѣ пришлось также дѣлать подобныя наблюденія, въ бытность мою въ Германіи, надъ выговоромъ нѣмцами нѣкоторыхъ французскихъ

¹⁾ Авторъ имѣеть въ виду нѣмецкій и англійскій языки.

словъ, возведеннымъ у нихъ въ „правило“. Нетрудно дать себѣ отчетъ въ причинахъ такого ошибочнаго толкованія французскаго произношенія, если принять во вниманіе различіе говоровъ въ Германіи. Сближенія французскихъ звуковъ съ нѣмецкими устанавливается на основаніи „идеальнаго“ выговора нѣмецкаго литературнаго языка; такъ, напримѣръ, по признанію фонетиковъ (Бадеръ), *n* передъ *g* въ ново-верхне-нѣмецкомъ литературномъ языкѣ приобрѣтаетъ носовое произношеніе, поглощающее слѣдующій за нимъ гортанный звукъ; поэтому французскій носовой *n* поддается-де сближенію съ нѣмецкимъ *ng* и въ нѣмецкой транскрипціи франц. *point* можетъ быть переданъ въ формѣ *poeng*. Однако, въ Германіи разговорный языкъ подвергается сильнымъ колебаніямъ въ произношеніи, въ зависимости отъ различія мѣстныхъ нарѣчій. Даже профессора въ чтеніяхъ съ кафедры сохраняютъ діалектическія особенности выговора своей родины и, такимъ образомъ, фонетическія сближенія французскаго съ нѣмецкимъ литературнымъ языкомъ представляются чистой фикціей и нѣмцы, за свою излишнюю приверженность теоріи, платятся ошибочнымъ произношеніемъ французскаго языка, не отличаясь, вообще, способностью непосредственно воспринимать явленія жизни. Зависитъ ли происхожденіе этого *выдуманнаго* языка: „*gymnasial-französisch*“ исключительно отъ того, что преподаваніе французскаго языка поручено въ нѣмецкихъ школахъ нѣмецкимъ же преподавателямъ? Не думаю. Мнѣ случалось присутствовать при довольно оригинальныхъ спорахъ между нѣмецкими студентами и французами, поступавшими въ Германскіе университеты, чтобы стать со временемъ преподавателями нѣмецкаго языка у себя на родинѣ; при этомъ нѣмецкіе студенты-филологи принимались „наставлять“ французовъ, къ немалому негодованію послѣднихъ, въ томъ, какъ *слѣдуетъ* говорить по французски, на основаніи теорій, созданныхъ нѣмецкими учеными. Невольно припоминались слова гр. Л. Толстого: „нѣмцы бывають самоувѣренными на основаніи отвлеченной идеи-науки, то-есть мнимаго знанія совершенной истины... Нѣмецъ воображаетъ, что знаетъ истину, науку, которую онъ самъ выдумалъ, но которая для него есть абсолютная истина“ („Война и Миръ“, I, гл. X). Выходитъ, что нѣмцы не только „науку выдумываютъ“, но, по наблюденіямъ М. Бреаля, „выдумываютъ“ конкретное, жизненное явленіе, то-есть языкъ, и заблуждаются не только въ опредѣленіи никому недоступной абсолютной истины, но даже истины относительной, принимая свои домыслы за реальный фактъ... Конечно — *ergate humanum est*, но

все же своеобразное явленіе „gymnasial-französisch“ не столь зависитъ отъ принятой системы преподаванія иностранныхъ языковъ, какъ отъ индивидуальныхъ свойствъ нѣмецкой народной особи. И тѣмъ не менѣе научная фонетика или такъ называемая „звуковая физиологія“, хотя „выдуманная“ нѣмцами, можетъ оказать весьма существенную пользу даже практическимъ цѣлямъ преподаванія языка, если пользоваться ею въ мѣру. Ребенокъ воспринимаетъ звукъ со слуха; взрослому человѣку гораздо легче усвоить себѣ правильный выговоръ. если ему станутъ извѣстными физиологическія условія произношенія даннаго звука. Вмѣсто того, чтобы напрягать свой слухъ и повторять сотни разъ одно и тоже слово, прежде чѣмъ *случайно* напасть на надлежащее его произношеніе и затѣмъ стараться его запомнить, не проще ли *помыть* сразу, что данное произношеніе обусловлено тѣмъ, что языкъ принимаетъ то или другое положеніе, прикасается въ томъ или другомъ мѣстѣ къ полости рта, къ зубамъ и т. п. и затѣмъ при помощи зеркала повторить опытъ? Такъ бы и слѣдовало вести дѣло, избѣгая лишь крайностей слишкомъ детальнаго анализа звуковъ, который можетъ сбить съ толку начинающаго. Примѣрная норма правильнаго произношенія французскихъ звуковъ установлена лингвистами, и съ нею не трудно сообразоваться при преподаваніи языка лицу хотя бы и не французскаго происхожденія, если онъ дастъ себѣ трудъ приобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія по романской филологіи. Принципъ же „мѣстныхъ“ преподавателей, на которомъ опирается система обученія иностраннымъ языкамъ въ Германіи и во Франціи, имѣетъ несомнѣнныя преимущества въ томъ, что устанавливаетъ болѣе интимную связь между учащимися и учащимъ, которому легче разъяснить особенности преподаваемаго языка, указать на наиболѣе существенныя его отличія отъ родной рѣчи, избѣгая ложныхъ аналогій, ошибочныхъ сближеній и не вдаваясь въ повтореніе общихъ мѣстъ грамматики, присущихъ всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ, что производитъ всегда удручающее впечатлѣніе на учащихся. Для того, чтобы усовершенствоваться въ стилѣ, чтобы приобрѣсти болѣе бѣглость и выработать въ себѣ „чувство языка“, конечно, природный, литературно-образованный французъ, нѣмецъ, англичанинъ, и т. д. можетъ служить лучшимъ руководителемъ. Но этотъ конечный лоскъ приобрѣтается также и поѣздкой за-границу, общеніемъ съ иностранцами, посѣщеніемъ театральныхъ представленій на иностранныхъ языкахъ, и т. д.. наконецъ, вдумчивымъ чтеніемъ и широкимъ знакомствомъ съ литературой данной народности. Пре-

дѣлы и приемы такого усовершенствованія не могутъ быть предумотрѣны—ибо оно уже представляется своего рода роскошью...

По сравненію съ нѣмцами русскіе, говорящіе по-французски, отнюдь не могутъ заслужить упрека въ слишкомъ *теоретичномъ* знаніи языка. У насъ преобладаетъ стремленіе „брать нутромъ“ и при этомъ—нѣсколько преувеличенное представленіе о нашей способности быстро овладѣвать чужимъ языкомъ и особенно захваленной способности усваивать иностранный выговоръ. Между тѣмъ, несомнѣнно и въ русскомъ произношеніи французскаго языка замѣчается особый оттѣнокъ, который не ускользаетъ отъ вниманія наблюдательнаго иностранца. Онъ не такъ рѣзокъ, какъ въ выговорѣ нѣмцевъ, англичанъ или итальянцевъ, и „Figaro“ даже находитъ, что „l'accent russe“ не неприятенъ французскому уху; тѣмъ не менѣе полезно въ немъ дать себѣ отчетъ, хотя бы и мирясь съ такою вполне законною особенностью нашего произношенія, представляющей нѣкоторымъ отпечаткомъ нашей національности. Я имѣю въ виду лишь нѣсколько протяжное произношеніе словъ, цитированіе небныхъ звуковъ и нѣкоторыхъ гласныхъ, болѣе отчетливое различеніе ударяемыхъ отъ неударяемыхъ слоговъ, тогда какъ французы, обладающіе болѣе короткимъ дыханіемъ, произносятъ каждый слогъ раздѣльно, едва оттѣняя разницу между главнымъ и побочнымъ удареніемъ въ словѣ и слогами безъ ударенія, въ виду чего формулировано было правило, что: „*pour bien parler (le français) il ne faut pas avoir d'accent*“ ¹⁾. Такіе оттѣнки въ произношеніи представляются дѣломъ второстепенной важности и едва-ли не излишне намъ гоняться за чисто „парижскимъ акцентомъ“, какъ излишне и искусственно картавить, щеголять необычными „*laisons*“ и проч. Но „руссизмы“ въ нашемъ разговорномъ французскомъ языкѣ сказываются и въ нѣкоторыхъ оборотахъ фразъ и въ своеобразномъ употребленіи словъ въ особомъ значеніи, вслѣдствіе чего уже кѣмъ то была обозначена франко-русская рѣчь особой кличкой—„*le dialecte de la Neva*“. Оборотовъ фразъ не буду теперь касаться ²⁾, но припомнимъ сколько французскихъ словъ

¹⁾ См. *Gaston Paris, Étude sur le rôle de l'accent latin dans la langue française.* (Paris, Franck, 1862), стр. 17.

²⁾ Какъ извѣстно, при дословномъ переводѣ нѣкоторыхъ фразъ съ русскаго на французскій языкъ получается рядъ курьезовъ, рассказы о которыхъ приобрѣли у насъ анекдотическій характеръ (*marcher derrière les enfants...*, *une mère verte...* и т. д. и т. д.). Съ идиотизмами языка необходимо сообразовываться; это очевидно для всякаго... кромѣ нѣкоторыхъ русскихъ авторовъ, пишущихъ и пе-

приобрѣло у насъ права гражданства и получило особое значеніе, отчасти подѣ нѣмецкимъ вліяніемъ, отчасти самостоятельно! Между тѣмъ, не обращая на это вниманіе, мы употребляемъ ихъ и во французской рѣчи. Напримѣръ, подобно нѣмцамъ мы говоримъ „un cylindre“ вмѣсто „un charreau de forme“, или—„haut de forme“, или „un gibus“; мы называемъ *франкъ* нѣмецкимъ словомъ un frac, (вмѣсто un habit) хотя и принятымъ во французскомъ языкѣ, но далеко не считающимся отборнымъ выраженіемъ. *Сюртукъ* есть франко-русское слово, вполне чуждое французскому языку. Мы смѣшиваемъ слова *étisie* и *phtysie*, и забывая, что *étique* значить чахлый, употребляемъ его въ значеніи *phtysique*: чахоточный. Наше *трюмо* не соответствуетъ французскому значенію слова, обозначающаго деревянныя полки между окнами, а не стоячее зеркало во весь ростъ. Подобно нѣмцамъ, мы употребляемъ выраженіе *солднѣй* въ другомъ смыслѣ, чѣмъ французское *solide*; равно и слову „*délicatesse*“ придаемъ своеобразное значеніе. Наконецъ, отмѣтимъ еще производное отъ *traineau* *trainage* въ смыслѣ „санный путь“, выраженіе, которое было чуждымъ французскому языку, и, если не ошибаемся, лишь недавно введено въ оборотъ литературнаго языка г-номъ М. де-Вогюэ. Примѣры эти можно было-бы умножить, но я ограничиваюсь нѣсколькими случайно припомнившимися выраженіями, которыя достаточно свидѣтельствуютъ, что если у насъ нѣтъ своего „*gymnasial-französisch*“, какъ у нѣмцевъ, то все-же обычная у насъ французская или „франко-русская“ рѣчь не безгрѣшна даже въ средѣ лицъ, хорошо владѣющихъ этимъ языкомъ и учившихся у иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ ¹⁾.

читающихся по-французски. Баронъ В. Р. Розенъ собралъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ по этому вопросу, которыя представляются небезынтереснымъ матеріаломъ и къ исторіи преподаванія французскаго языка въ Россіи и для того, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ нѣкоторые русскіе пишутъ по-французски. Между прочимъ онъ указалъ мнѣ на послѣдній выпускъ *Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg*, V sér., t. II, № 4, гдѣ встрѣчаются слѣдующія фразы: „*Par ces raison je pose (?)...*“ „*Maintenant... j'ai mis pour le bout* (вм. but?) *en premier lieu, de déterminer le terme annuel...*“ „*Je n'ai en vue que de vérifier ou plutôt de confirmer la formule de M..., en basant cette confirmation sur deux longues séries des observations... J'ose espérer, que j'en ai réussi*“. Если авторъ *успѣшно* справился со своими выводами, то отнюдь не съ французскимъ языкомъ...

¹⁾ Кстати, и данныя два выраженія представляются руссизмами иностраннаго происхожденія, ибо по-французски: *gouverneur* и *gouvernante* не значать: воспитатель и воспитательница (*précepteur* и *institutrice*).

Въ силу извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, французскій языкъ получилъ особое значеніе въ духовной жизни нашего образованнаго общества съ начала нынѣшняго вѣка, хотя французское вліяніе началось и раньше. Продолжается оно съ нѣкоторыми колебаніями и понинѣ, но по отношенію къ языку взгляды перемѣнились; сказалась реакція и ненормальность нашего полу-иностраннаго воспитанія вызвала рѣзкое осужденіе и по отношенію къ распространенному у насъ обычаю разговаривать „между собой“ по-французски. „Я знаю, скажутъ, что ужасно старо нападать на русскихъ за французскій языкъ, что и тема и правоученіе слишкомъ изношенныя“—писалъ въ своемъ дневникѣ, за 1876 г., Ф. М. Достоевскій, и тѣмъ не менѣе, не смотря на „изношенность“ темы, продолжаетъ самымъ жестокимъ образомъ „корить“ русскихъ за ихъ французскій языкъ, отрицая при этомъ за русскими, даже хорошо говорящими по-французски, способность „породить во всю свою жизнь на этомъ *краденомъ* языкѣ хоть одно свое собственное выраженіе, хоть одно новое оригинальное слово“, наконецъ, сравниваетъ изученіе французскаго языка съ перваго дѣтства съ ужасною дѣтскою болѣзью, „могущей переродить ихъ иногда въ идиотовъ, въ дряблыхъ, хилыхъ стариковъ еще въ юношествѣ“. Напомнимъ, однако, что Достоевскій, нападая на уродливости полуиностраннаго воспитанія, высказалъ тогда же слѣдующую вполне правильную мысль: „лишь усвоивъ въ возможномъ совершенствѣ родной языкъ, мы въ состояніи будемъ въ возможномъ же совершенствѣ усвоить и языкъ иностранный“. Замѣчаніе это вполне правильно, но если знаніе роднаго языка представляется несомнѣннымъ преимуществомъ и даже необходимо для отчетливаго пониманія особенностей иностранной рѣчи, то врядъ ли отсюда слѣдуетъ выводъ, что излишне заниматься иностранными языками. Мы отошли отъ крайностей чисто подражательной жизни, безъ своего сужденія, безъ своихъ мыслей и своихъ формъ выраженія, и тѣмъ не менѣе признаемъ, что для того, кто пожелалъ бы дать себѣ отчетъ въ современной умственной жизни цивилизованнаго міра, встать въ уровень съ современной образованностью, необходимо владѣть по крайней мѣрѣ четырьмя языками. Приступая къ изученію одного изъ этихъ языковъ и при томъ народности, которая въ своемъ историческомъ развитіи болѣе всего содѣйствовала выработкѣ современной цивилизаціи, мы отнесемъ къ дѣлу согласно вышеуказаннымъ замѣчаніямъ: не гоняясь за приобрѣтеніемъ внѣшнихъ свойствъ языка, что выходитъ нерѣдко смѣшнымъ, не соперничая въ талантахъ съ

compis-voyageurs, на которыхъ ссылаясь М. Бреаль; памятуя, что способность „бойко говорить на иностранномъ языкѣ“ не представляется способностью высшаго порядка, мы сосредоточимъ наши усилія на основательномъ изученіи языка, прежде всего, для того, чтобы читать авторовъ, затѣмъ, чтобы быть въ состояніи разговаривать съ французами, умѣть, въ случаѣ нужды, передать на чужомъ языкѣ свои мысли, но передавать ихъ просто, безъ особыхъ претензій на изысканность и виртуозность выраженій, заботясь лишь о томъ, чтобы быть *понятными*, а еще болѣе *понятливыми* въ уразумѣніи особенностей чужаго для насъ языка.

Ф. Батюшковъ.

ПРАВОСЛАВНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ ¹⁾.

Первое 25-лѣтіе существованія православной сельской школы въ Прибалтійскомъ краѣ среди самыхъ неблагопріятныхъ условій не могло не обнаружить нѣкоторыхъ ея недостатковъ, къ устраненію коихъ и было приступлено.

Въ концѣ 1860-хъ годовъ архіепископъ Платонъ составилъ проектъ новыхъ правилъ для православныхъ школъ, въ которомъ, между прочимъ, предполагалось съ восьми до девяти лѣтъ готовить дѣтей дома подъ наблюденіемъ священниковъ, а въ школу брать дѣтей раньше 10-лѣтняго возраста только въ тѣхъ случаяхъ, когда домашнее обученіе окажется неудовлетворительнымъ. Затѣмъ высокопреосвященный Платонъ предлагалъ расширить программы приходскихъ школъ, введя въ нихъ преподаваніе не только русскаго и мѣстнаго, но также и нѣмецкаго языка. Слѣдующее важное отличие новаго проекта отъ правилъ 1850 г. состояло въ томъ, что не было упомянуто относительно безпрепятственнаго посѣщенія лютеранами православныхъ школъ. Кромѣ этого проекта, по мнѣнію Самарина „не выдерживающаго самой снисходительной критики“, предъявляющаго требованія неосуществимыя (въ родѣ изученія трехъ языковъ) и обнаруживающаго незнакомство съ мѣстными условіями и наличными средствами православныхъ школъ, — генералъ-губернаторъ Альбединскій представилъ вмѣстѣ съ замѣчаніями на проектъ архіепископа Платона особую записку, въ которой говорилъ о печальномъ положеніи православной школы рядомъ съ цвѣтущими лютеранскими

¹⁾ Окончаніе. См. октябрьскую выйску *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

школами и предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) Главный надзоръ за православными школами предоставить особому совѣту подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора, чтобы устранить „равнодушіе мѣстныхъ лютеранскихъ властей къ нуждамъ православныхъ школъ“. 2) Учредить приходскія попечительства подъ предсѣдательствомъ священника для ближайшаго наблюденія за школами и пробужденія въ крестьянахъ довѣрія и сочувствія къ нимъ. 3) Учредить по крайней мѣрѣ двѣ учительскія семинаріи для латышей и эстовъ, увеличить содержаніе сельскимъ учителямъ, выдержавшимъ экзамень, и поддерживать частныя учительскія семинаріи въ родѣ заведенія, учрежденнаго на островѣ Эзелѣ трудами священника Вельдемановскаго. 4) Усилить содержаніе учителей вспомогательныхъ школъ. 5) Сократить срокъ службы на два года для лицъ, знающихъ русскую грамоту, съ цѣлью привлеченія народа къ изученію русскаго языка ¹⁾.

Всѣ эти мѣры клонились къ поднятію православной сельской школы въ Прибалтійскомъ краѣ, но, къ сожалѣнію, генераль-губернаторомъ были упущены изъ виду важныя условія, тормозившія ея развитіе. Не былъ, напримѣръ, затронутъ вопросъ о постройкѣ школъ и наймѣ для нихъ помѣщеній, чему такъ сильно сопротивлялись нѣмецкое дворянство и духовенство, имѣя на своей сторонѣ всѣ мѣстныя власти. Вообще, генераль-губернаторъ 25 лѣтъ тому назадъ слишкомъ радужно смотрѣлъ на отношенія лютеранъ къ православнымъ: онъ находилъ возможнымъ говорить только о равнодушіи лютеранскихъ властей къ православнымъ школамъ и думалъ, что назначеніе его предсѣдателемъ совѣта по дѣламъ православныхъ школъ устранить это равнодушіе. Мы видѣли, что отношеніе лютеранъ къ „русской школѣ“ было крайне враждебно, и увидимъ, какъ училищный совѣтъ изъ года въ годъ повторяетъ въ своихъ отчетахъ жалобу на враждебность мѣстныхъ лютеранскихъ властей.

На основаніи проекта преосвященнаго Платона и записки генераль-губернатора были составлены „Правила для православныхъ сельскихъ народныхъ училищъ Прибалтійскихъ губерній“, Высочайше утвержденныя 26-го января 1870 г. Въ силу этихъ правилъ, дѣйствующихъ съ нѣкоторыми измѣненіями и донинѣ, въ каждомъ приходѣ должна быть приходская школа и нѣсколько вспомогательныхъ школъ. Главное наблюденіе за православными школами поручено осо-

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, IV, стр. 1515 — 1516.

бому совѣту, состоящему, подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора, изъ епархіального архіерея, ректора Рижской духовной семинаріи, попечителя (или его помощника) Дерптскаго учебнаго округа и директора рижской Александровской гимназіи (§ 4)¹⁾. Ревизуются православныя школы особыми духовными и свѣтскими лицами, посылаемыми совѣтомъ, а также благочинными (§ 5). Ближайшее наблюденіе за училищами и завѣдываніе ихъ хозяйственною частью возложено на приходскія училищныя попечительства, состоящія изъ приходскаго священника, старшаго причетника и трехъ членовъ прихода, избираемыхъ прихожанами на пять лѣтъ (§ 6). Всѣ крестьянскія дѣти до 10 лѣтъ обучаются грамотѣ дома подъ надзоромъ священниковъ, а потомъ ходятъ въ школы подъ опасеніемъ штрафа въ размѣрѣ полуторы копейки за каждый пропущенный день (§ 11). Русскій языкъ преподается въ вспомогательныхъ и приходскихъ школахъ не только теоретически, но и практически (§ 12). Учителя вспомогательныхъ школъ выбираются приходскими училищными попечительствами съ согласія прихожанъ изъ лицъ, окончившихъ курсъ учительской семинаріи или приходскаго училища или же выдержавшихъ особое испытаніе на званіе сельскаго учителя въ собраніи приходскаго попечительства. Учитель долженъ умѣть „свободно объясняться на русскомъ языкѣ“; онъ освобождается отъ рекрутской повинности, тѣлеснаго наказанія и платежа подушныхъ денегъ, жалованье получаетъ по соглашенію съ избирателями и сообразно съ числомъ учащихся; въ случаѣ бѣдности общества учителя получаютъ пособіе (§ 13). Въ приходскихъ училищахъ обучаютъ священникъ и причетники безвозмездно, но съ правомъ на денежныя вспомошествованія (§ 14). Дѣти, не могуція за отдаленностью ежедневно ходить домой, живутъ въ школѣ и содержатся или на счетъ родителей, или, въ случаѣ бѣдности, на счетъ общества (§ 19). На учебныя принадлежности съ родителей взыскивается по 95 коп. за cadaго ученика, а за бѣдныхъ дѣтей платится изъ волостной кассы (§ 23). Обученіе дѣтей производится въ свободное отъ полевыхъ работъ

¹⁾ Съ теченіемъ времени составъ совѣта существенно измѣнился: предсѣдателемъ его со времени упраздненія должности прибалтійскаго генераль-губернатора въ 1876 г. состоитъ епископъ рижскій и митавскій; въ составъ членовъ совѣта вошли директоръ Рижской учительской семинаріи (съ 1870 г. до перевода семинаріи въ Гольдингенъ въ 1886 году) и рижскій директоръ народныхъ училищъ съ 1887 г. Въмѣсто помощника попечителя, должность котораго упразднена въ 1864 г., членомъ совѣта съ 1885 г. состоитъ окружной инспекторъ.

время, съ 1-го ноября по 1-е апрѣля; продолжительность обученія четыре зимы (§ 24). Дѣти, обучающіяся на дому, въ послѣднихъ числахъ каждаго учебнаго мѣсяца собираются для испытанія къ учителю ближайшей вспомогательной школы или къ мѣстному священнику; если на испытаніи окажется, что дѣти не успѣшно пользуются домашнимъ обученіемъ, тогда ихъ на счетъ родителей или общества помѣщаютъ въ школы. Родители или опекуны, безъ уважительныхъ причинъ не присылающіе дѣтей для испытанія, подвергаются штрафу по 3 коп. въ мѣсяць (!) за каждое дитя (§ 32).

Разсмотрѣвъ всѣ 34 параграфа утвержденныхъ 26-го января 1870 г. правилъ нельзя не согласиться съ рѣзкимъ отзывомъ Самарина о проектѣ высокопреосвященнаго Платона. Дѣйствительно, при составленіи этихъ правилъ мало были приняты во вниманіе мѣстныя условія и существованіе тѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, съ которыми православной школѣ приходилось бороться раньше. Нѣкоторые изъ указанныхъ параграфовъ были отмѣнены очень скоро. Почти вслѣдъ за изданіемъ правилъ 26-го января 1870 г. предсѣдатель совѣта по дѣламъ прибалтійскихъ православныхъ школъ, прибалтійскій генераль-губернаторъ князь Багратионъ, „согласно постановленію сего совѣта“, вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ представленіемъ о крайне неудовлетворительномъ состояніи православныхъ школъ и ходатайствомъ о подчиненіи всѣхъ православныхъ школъ Прибалтійскаго края непосредственному вѣдѣнію министерства и объ учрежденіи для ближайшаго надзора за школами должностей особыхъ инспекторовъ, потому что „совѣтъ, какъ учрежденіе коллегіальное и не имѣющее притомъ спеціально назначенныхъ для того органовъ, не въ состояніи удовлетворить требованіямъ такого надзора и руководства“¹⁾. Рижскій архіерей и попечитель Дерптскаго учебнаго округа, съ своей стороны, признали вышеизложенное ходатайство основательнымъ. Вслѣдствіе этого по закону 24-го апрѣля 1873 г. сельскія православныя школы Прибалтійскаго края, а также надзоръ за домашнимъ обученіемъ православныхъ дѣтей съ 1-го іюля 1873 г. перешли въ вѣдѣніе начальства тогдашняго Дерптскаго учебнаго округа, для ближайшаго же завѣдыванія православными школами и надзора за домашнимъ обученіемъ православныхъ дѣтей были учреждены двѣ должности инспекторовъ православныхъ учи-

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, V, стр. 1862.

лишь¹⁾. Въ вѣдѣніи совѣта по дѣламъ прибалтійскихъ православныхъ школъ послѣ изданія закона 24-го апрѣля 1873 г. осталась одна только хозяйственная часть школъ.

Переходу православныхъ школъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и учрежденію должностей инспекторовъ придавали немаловажное значеніе для преуспѣянія учебнаго дѣла. „Нѣтъ сомнѣнія,—замѣчаетъ министр народнаго просвѣщенія во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1873 г.,—что при этой мѣрѣ успѣшное распространеніе знанія русскаго языка между эстами и латышами много выиграетъ“²⁾. Къ сожалѣнію, эти надежды были слишкомъ преувеличены, потому что инспекторскіе районы были такъ велики, что о ближайшемъ надзорѣ за всѣми школами не могло быть и рѣчи, потому что ежегодно возможно было осматривать только незначительную часть школъ. Такъ, напримѣръ, въ 1880-хъ годахъ въ вѣдѣніи одного изъ инспекторовъ находилось болѣе 300 эстонскихъ школъ, разбросанныхъ по Эстляндской губерніи, двумъ третямъ Лифляндской и на островахъ Эзелѣ и Даго³⁾.

Что касается другихъ параграфовъ правилъ 1870 г., то нѣкоторые изъ нихъ являлись въ данное время практически неосуществимыми. Домашнее обученіе дѣтей было въ большинствѣ случаевъ немислимо: бѣднымъ батракамъ, составляющимъ главный контингентъ православныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ, было не до обученія дѣтей даже и въ томъ случаѣ, если они сами знали кое-какъ читать на родномъ языкѣ. Полуторакоепечный штрафъ за непосѣщеніе школы, не достигающій двухъ рублей за пропускъ всѣхъ учебныхъ дней, не представляетъ ничего ужаснаго для бѣднаго крестьянина даже и въ томъ случаѣ, еслибы эти деньги аккуратно взыскивались сельскими властями. Для родителей, не видящихъ особенной пользы въ грамотѣ, было даже выгоднѣе платить сравнительно ничтожный штрафъ, чѣмъ расходоваться на одежду, обувь и учебныя пособія для школьниковъ. Еще болѣе комиченъ трехкопеечный штрафъ за

¹⁾ Государственный совѣтъ при изданіи закона 24 апрѣля примирилъ мнѣнія министровъ народнаго просвѣщенія и финансовъ: графъ Толстой согласно заявленіямъ совѣта православныхъ школъ и попечителя Дерптскаго учебнаго округа предлагалъ учредить три инспекторскихъ должности; статсъ-секретарь Рейтернъ, ссылаясь на немногочисленность православныхъ школъ (около 400!), находилъ достаточнымъ только одного инспектора.

²⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1873 г., ч. 180, стр. 176.

³⁾ Циркуляры Дерптскаго учебнаго округа за 1887 г., стр. 48.

непредставленіе дѣтей на испытаніе (см. § 32), штрафъ, достигающій за все учебное время (6 мѣсяцевъ) восемнадцати копеекъ. Изученіе русскаго языка въ вспомогательныхъ школахъ, при томъ не только теоретическое, но и практическое, было такою же трудно осуществимою мечтою, какъ и назначеніе въ эти школы учителей, свободно объясняющихся на русскомъ языкѣ.

Много можно сказать о непрактичности и неудобноисполвимости правилъ 1870 года, но еще больше порицанія они заслуживаютъ за умолчаніе о многихъ насущныхъ для прибалтійской православной школы вопросахъ, несмотря на то, что эти вопросы были выдвинуты жизнью въ первое же время послѣ изданія правилъ 1850 года. Предсѣдательствованіе прибалтійскаго генераль-губернатора въ совѣтѣ по дѣламъ православныхъ школъ нисколько не могло устранить „равнодушіе мѣстныхъ лютеранскихъ властей къ нуждамъ православныхъ школъ“, какъ падѣялся генераль-губернаторъ Альбединскій. Вся мѣстная полиція находилась въ рукахъ нѣмецкаго дворянства, въ зависимости отъ котораго стояли и волостныя правленія. Настоящимъ хозяиномъ губерніи, по авторитетному заявленію нынѣшняго лифляндскаго губернатора, былъ не губернаторъ, а очередной ланд-ратъ; у губернатора же не было не только исполнительнаго, но даже наблюдательнаго органа ¹⁾. Слѣдовательно, и генераль-губернаторъ, и губернаторы при всемъ своемъ желаніи помочь православнымъ школамъ ничего почти не могли сдѣлать ни съ отдѣльными помѣщиками, не соглашавшимися на продажу земельныхъ участковъ и на аренду временныхъ помѣщеній для школъ, ни съ мѣстными властями, содѣйствіе которыхъ необходимо при существованіи обязательнаго обученія. Послѣ того какъ должность генераль-губернатора была уничтожена, и предсѣдателемъ училищнаго совѣта былъ назначенъ рижскій епархіальный архіерей, православныя школы лишились и той слабой поддержки, которую имъ могъ оказать высшій представитель русской власти въ краѣ. Дѣло въ томъ, что училищный совѣтъ не имѣетъ прямаго закона, на основаніи котораго онъ могъ бы потребовать содѣйствія гражданской власти для приведенія въ исполненіе мѣропріятій совѣта, направленныхъ къ улучшенію состоянія школъ въ матеріальномъ и учебномъ отношеніяхъ. Отсутствіе подобнаго же закона парализуетъ до настоящаго времени и дѣятельность училищныхъ попечительствъ.

¹⁾ *М. А. Зимовъ*, Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи, Рига, 1895 г., стр. 49.

Оставивъ православныя школы безъ покровительства мѣстныхъ властей, законодательство озаботилось, однако же, изданіемъ особой „инструкціи учителямъ православныхъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа“, утвержденной 2-го ноября 1874 года. Въ этой инструкціи нельзя не обратить вниманія на главу, излагающую обязанности учителя по учебной части. Совѣты, даваемые учителю, поражаютъ своею крайнею элементарностью. „Преподаваніе должно имѣть характеръ собесѣдовательный, а не излагательный, и сопровождаться всякій разъ наглядными разъясненіями, съ постепеннымъ переходомъ отъ легкаго къ болѣе трудному“ (§ 13). „Передъ каждымъ урокомъ учитель долженъ сообразить содержаніе и объемъ его, а также порядокъ и форму изложенія. Для самаго легкаго урока необходимо приготовленіе“ (§ 15). Въ § 19 толковалось, что „основное правило педагогики состоитъ въ томъ, что все, усваиваемое дѣтьми, должно быть ими понято“, что „занятія слѣдуетъ вести такъ, чтобы при выходѣ съ каждаго урока каждый ученикъ выносилъ что либо новое изъ класса, чтобы онъ самъ чувствовалъ, что сидѣлъ въ классѣ не даромъ и что выходитъ изъ класса съ большими познаніями, чѣмъ вошелъ въ оный“. Въ томъ же § говорится, что, „предлагая вопросы всему классу, учитель долженъ слѣдовать правиламъ катехизаціи, то-есть, сперва предложить вопросъ, а затѣмъ вызвать по фамиліи того ученика, который долженъ отвѣтить; иначе только тотъ и будетъ слушать вопросъ, къ кому онъ обращенъ“. „Всѣ письменныя работы учащихся,—говорится въ § 20,—учитель обязанъ непременно просмотрѣть и всѣ ошибки исправить, помѣтивъ число и мѣсяць“. Подобная инструкція могла быть дана только такимъ педагогамъ, которые о педагогикѣ не слышали ни слова. Такими педагогами и было, къ сожалѣнію, громадное большинство учителей православныхъ школъ, особенно вспомогательныхъ.

Для снабженія православныхъ школъ хорошо подготовленными учителями была въ 1870 году основана учительская семинарія въ Ригѣ. Въ этой семинаріи сначала было учреждено 60 казенныхъ стипендій, которыя предоставлялись русскимъ, латышамъ и эстонцамъ, какъ православнымъ, такъ лютеранамъ. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ семинаріи была ассигнована сумма до 2.500 руб. въ пособіе нѣкоторымъ, по указанію архіерея, священникамъ, изъявившимъ желаніе готовить сельскихъ учителей. Но одной учительской семинаріи съ русскимъ языкомъ преподаванія въ Прибалтійскомъ краѣ оказалось мало, такъ какъ, кромѣ снабженія учителями православныхъ

школь, явилась потребность въ учителяхъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ, и для лютеранскихъ школь. Въ 1873 г. эстляндскій губернаторъ ходатайствовалъ объ открытіи второй русской учительской семинаріи для эстонскихъ школь; но вторая учительская семинарія была открыта въ Юрьевѣ только въ 1876 году; а въ отвѣтъ на ходатайство губернатора было увеличено въ Рижской семинаріи число казенныхъ стипендій съ 60 до 90, при чемъ новыхъ 30 стипендій были специально предназначены для удовлетворенія потребностей сельскихъ школь Эстляндской губерніи. Одна учительская семинарія не скоро могла бы снабдить учителями всѣ православныя школы. Но, кромѣ недостаточности кандидатовъ на учительскія должности, обезпеченію школь хорошими учителями еще болѣе мѣшало нищенское вознагражденіе за преподаваніе въ православныхъ школахъ, особенно въ вспомогательныхъ, гдѣ учителя, по свидѣтельству прибалтійскаго генераль-губернатора, получали отъ 5 до 10 руб. въ годъ, а иногда и ничего не получали и учили только ради того, чтобы освободиться отъ рекрутства ¹⁾. Положеніе учителей православныхъ школь послѣ 1870 г. почти не измѣнилось въ лучшему; если и произошло кое-какое улучшеніе, то оно не было настолько существенно, чтобы привлечь въ вспомогательныя школы воспитанниковъ учительской семинаріи, которые охотнѣе шли въ псаломщики.

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ второго двадцатипятилѣтія въ исторіи прибалтійской православной школы мы встрѣчаемся и со вторымъ тормазомъ въ ея развитіи, съ недостаткомъ средствъ. Было указано, что православные латыши и эсты принадлежать къ бѣднѣйшему слою прибалтійскаго крестьянства, что на свои средства содержать школы они не могутъ, и что поэтому на помощь православному населенію явились правительство и частныя лица. Помощь эта, какъ мы видѣли, была крайне ничтожна. Послѣ 1870 года средства православныхъ школь нѣсколько увеличились: на счетъ ассигнованныхъ 2-го февраля этого года 800 тыс. руб. стали обновляться и вновь воздвигаться не только церковныя, но и школьныя зданія; затѣмъ, 2-го марта 1870 г. на содержаніе учительской семинаріи, открытіе новыхъ школь и вспоможеніе существовавшимъ. на пособія учителямъ вспомогательныхъ школь и священникамъ, взявшимся готовить сельскихъ учителей, — было ассигновано 22.500 руб., и на

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, томъ IV, стр. 1514.

единовременные расходы по устройству семинаріи и школъ—20.000 руб. На указанные расходы съ 1871 г. было назначено ежегодно по 30.000 рублей, изъ коихъ за вычетомъ на содержаніе Рижской семинаріи въ распоряженіи совѣта по дѣламъ православныхъ школъ оставалось только 12.190 руб. Понятно, что на 400 православныхъ школъ эта сумма была самымъ ничтожнымъ пособіемъ. Какъ распредѣлялась эта сумма въ теченіе 1870-хъ годовъ, можно видѣть изъ слѣдующаго ея распредѣленія въ 1880 году:

На канцелярію совѣта	1.200	рублей.
„ содержаніе Аренбургской учительской школы.	2.044,4	„
„ жалованье учителямъ.	1.095,6	„
„ изданіе и покупку книгъ	3.000	„
„ строительныя потребности	4.000	„
„ на награды учителямъ.	850	„
<hr/>		
Итого.	12.190	рублей ¹⁾ .

Помощь со стороны министерства государственныхъ имуществъ была еще меньше, чѣмъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Въ настоящее время школьными участками надѣлены 98 школъ; и общее количество земли, предоставленной школамъ, приближается къ 2¹/₂ тысячамъ десятинъ. Большинство школъ получили земельные участки въ 1870-хъ годахъ. Что касается доходности школьной земли, то въ настоящее время она не достигаетъ 8.000 руб. въ годъ, слѣдовательно, въ 1870-хъ годахъ эта доходность была еще меньше.

При такихъ скудныхъ пособіяхъ отъ казны православнымъ школамъ было крайне трудно существовать и на помощь имъ явились частныя лица, образовавшія православныя братства. Главною задачею этихъ братствъ было поддержаніе православія въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Для осуществленія этой задачи братства собирали средства для постройки церквей и школъ, снабжали церкви утварью и богослужебными книгами на мѣстныхъ языкахъ. Въ дѣлѣ народнаго образованія братства также оказали немаловажныя заслуги. Нѣкоторые изъ нихъ содержали на свой счетъ школы и пріюты для православныхъ дѣтей; такъ на примѣръ, въ 1870-хъ годахъ Рижское Петропавловское

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, томъ VIII, стр. 1607.

братство содержало русско-эсто-латышскую школу, въ которой число учащихся иногда было болѣе 100 человекъ; Гольдингенское братство содержало пріютъ-училище, гдѣ бѣдныя дѣти жили на полномъ содержаніи, и двѣ народныя школы въ Гольдингенѣ и Газенпотѣ; Эзельское Николаевское братство содержало въ г. Аренсбургѣ два училища: мужское и женское, Прибалтійское братство содержало на свои средства народную школу въ Верроскомъ уѣздѣ для эстонскихъ дѣтей; Туккумо-Талсенское православное братство также содержало двухклассное училище и т. д. Помимо содержанія собственныхъ школъ, братства заботились о православныхъ училищахъ всего края, выдавали пособія на постройку школьныхъ зданій, нанимали временныя помѣщенія для вспомогательныхъ школъ, давали вознагражденія учителямъ, разсылали школьныя принадлежности и учебныя книги на русскомъ, латышскомъ и эстонскомъ языкахъ, снабжали бѣдныхъ дѣтей обувью, бѣльемъ, давали имъ иногда и полное содержаніе. Наиболѣе дѣятельную помощь оказывало Прибалтійское братство, которое имѣло въ виду не только устройство народныхъ школъ и дѣтскихъ пріютовъ, но и образованіе на счетъ братства въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ учениковъ православныхъ школъ. На первое время братство учредило въ Новгородской земской учительской школѣ двѣ стипендіи для эстовъ и латышей.

Изъ мѣстныхъ братствъ дѣлу народнаго образованія среди православныхъ Прибалтійскаго края особенно много содѣйствовало Рижское Петропавловское братство. „Получая неоднократно,—говорится во всеподданнѣйшемъ отчетѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1870 г.,—прошенія отъ латышей, православныхъ и лютеранъ, объ учрежденіи школы, въ которой бы дѣти ихъ могли обучаться русскому языку, Петропавловское братство... въ концѣ 1869 г. открыло школу съ двумя классами, въ которой въ 1870 г. обучалось уже 100 человекъ“. На поддержку этой школы покойный Императоръ Александръ III, будучи еще наследникомъ престола, въ 1870 г. пожертвовалъ 2.000 руб. Покойная Императрица Марія Александровна изъ своихъ средствъ назначила въ пособіе братской школѣ съ 1871 г. по 200 руб. ежегодно. Юрій Самаринъ завѣщалъ братству 10.000 руб. въ неприкосновенный капиталъ, проценты съ котораго должны идти на образованіе латышей. Благодаря такимъ пожертвованіямъ, Петропавловское братство купило для школы соб-

ственный домъ и отдѣлило на изданіе книгъ 1.000 руб., къ каковой суммѣ присоединилось единовременное пособие въ 500 руб. изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. До 1870 г. включительно братство издало русскую азбуку для эстонцевъ, сборникъ проповѣдей, русскую исторію, священную исторію, русскую грамматику на мѣстныхъ языкахъ, русско-латышскій и латышско-русскій словари ¹⁾).

Въ концѣ 1870-хъ годовъ къ дѣятельности православныхъ братствъ на поприщѣ народнаго образованія присоединилась дѣятельность церковныхъ попечительствъ, число которыхъ къ 1879 году дошло до 54, считая 48 попечительствъ, возникшихъ въ 1878 года. „Важнѣйшая заслуга попечительствъ, — говорится въ отчетѣ синодальнаго оберъ-прокурора за 1878 г., — заключалась въ томъ, что они подъ руководствомъ мѣстныхъ священниковъ и благочинныхъ наблюдали за состояніемъ школъ, особенно вспомогательныхъ, и по возможности оказывали имъ матеріальное воспособленіе въ ихъ нуждахъ“ ²⁾).

Что касается мѣстныхъ средствъ на содержаніе школъ, то они вслѣдствіе бѣдности населенія были крайне ничтожны. Крестьяне несли на себѣ расходы по отопленію и освѣщенію вспомогательныхъ школъ, и только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прихожане, сверхъ того, дѣлали взносы на приобрѣтеніе учебныхъ пособій въ размѣрѣ 1 руб. 50 коп. съ cadaго учащагося ³⁾).

Въ общемъ необходимо признать, что и послѣ 1870 года прибалтійская православная школа въ матеріальномъ, а вслѣдствіе этого и въ педагогическомъ отношеніи, была обставлена крайне неудовлетворительно. Благодаря этому обстоятельству, развитіе православныхъ школъ подвигалось впередъ крайне медленно, а по временамъ число православныхъ школъ даже уменьшалось сравнительно съ предыдущими годами. Наглядное представленіе о распространеніи народнаго образованія среди православнаго населенія Прибалтійскаго края въ 1870-ые года можетъ дать слѣдующая таблица, составленная на основаніи отчетовъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

¹⁾ Отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1870 г., стр. 36.

²⁾ Отчетъ оберъ-прокурора за 1878 г., стр. 123.

³⁾ Отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1877 г., стр. 143.

Года.	Число школъ при церквахъ и монастыряхъ Рижской епархіи.	Число учащихся обоюго пола.
1871	359	9.470
1872	382	11.492
1873	359	10.486
1874	347	10.878
1875	371	11.812
1876	377	10.696
1877	370	11.460
1878	382	11.721

Такимъ образомъ съ 1872 до 1878 г. число школъ не увеличилось, число же учащихся увеличилось только на 2.000 съ небольшимъ человѣкъ, тогда какъ православное население Прибалтійскаго края увеличилось болѣе, чѣмъ на 10 тыс. душъ. Къ началу восьмидесятихъ годовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ было 392 православныхъ школы, въ томъ числѣ 140 приходскихъ и 252 вспомогательныхъ; въ приходскихъ школахъ обучалось 4855 чел., а во вспомогательныхъ 7210 чел., всего 12.065 чел. Матеріальное положеніе православныхъ школъ было самое безотрадное. Большинство приходскихъ школъ были обезпечены помѣщеніями, но изъ 252 вспомогательныхъ школъ только 49 школъ имѣли собственныя помѣщенія, остальные же 203 школы должны были помѣщаться или въ бесплатныхъ, или въ наемныхъ зданіяхъ. Для 165 школъ помѣщенія нанимались изъ суммъ Святѣйшаго Синода, при чемъ ассигнуемыя ежегодно Синодомъ 10 тыс. руб. распредѣлялись такъ: 6 тыс. руб. на наемъ помѣщеній и 4 т. р. на постройку школьныхъ зданій. Слѣдовательно, на каждое наемное помѣщеніе въ среднемъ приходилось 36 руб., въ отдѣльныхъ же случаяхъ эта плата спускалась до *одного рубля*. Такъ, напримѣръ, 7 школъ платили за помѣщеніе отъ 1 р. до 5 р. въ годъ, 14 школъ—отъ 5 р. до 10 р., 25 школъ—отъ 10 р. до 15 р. и т. д. Только двѣ школы имѣли помѣщенія за 100 р. и 125 р. въ годъ. Нисколько не удивительно послѣ этого, если школьныя „помѣщенія“ „за рѣдкими исключеніями“ были „тѣсны, душны, грязны и въ высшей степени неудобны“.

Что касается педагогическаго персонала вспомогательныхъ школъ, то большинство учителей (196 чел.) учились только въ приходскихъ школахъ, кончившихъ же курсъ учительской семинаріи или учившихся въ ней было всего 15 чел. Громадное большинство учителей вспомогательныхъ школъ получали жалованье отъ крестьянскихъ обществъ. Что это было за „жалованье“, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: 6 учителей получали отъ 1 р. до 5 р., 23 учителя—отъ 5 до 10 р., 18 учителей—отъ 10 до 15 р. и т. д.; 100 р. и болѣе получали только 18 учителей, зато 17 учителей не получали никакого вознагражденія. Помощь изъ средствъ училищнаго совѣта была самая ничтожная: на наемъ учителей, какъ мы видѣли, онъ далъ въ 1880 г. только 1095, 6 р., на награды—850 р. ¹⁾

Въ приходскихъ училищахъ обученіемъ занимались воспитанники учительской и духовной семинарій, но обученіе дѣтей было ихъ второстепеннымъ занятіемъ послѣ исполненія обязанностей псаломщика, за что они получали жалованье отъ правительства, тогда какъ за обученіе дѣтей имъ выдавались ничтожныя пособія и то въ крайне рѣдкихъ случаяхъ.

При такомъ составѣ учителей и при бѣдности школьной обстановки ²⁾ нельзя было ожидать особеннаго процвѣтанія православной школы. Въ ея положеніи за цѣлое десятилѣтіе произошло слишкомъ мало измѣненій къ лучшему, чтобы можно было ожидать существенныхъ улучшеній въ характерѣ преподаванія и въ результатахъ школьнаго обученія. Приведенные выше официальные отзывы о православной школѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ оставались въ очень многомъ справедливыми и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Переходя къ 1880-мъ годамъ, должно замѣтить, что, въ то время какъ въ области управления, суда и народнаго образованія произведены были коренныя реформы, въ положеніи православной прибалтійской школы произошли менѣе значительныя перемѣны. Прежде всего былъ увеличенъ размѣръ пособія изъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1880 г. училищный совѣтъ, ссылаясь на вышеизложенное бѣдственное положеніе православныхъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ, просилъ назначить на содержаніе каждой

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, VIII, 1601—1607.

²⁾ „Ни глобусовъ, ни географическихъ картъ почти нигдѣ не имѣется“ (Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, VIII, 1604).

вспомогательной школы по 160 р. въ годъ, а всего 40.320 р. въ годъ. Попечитель Дерптскаго учебнаго округа, баронъ Штакельбергъ, съ своей стороны, также ходатайствовалъ о пособіи православнымъ школамъ. Наконецъ, тайный совѣтникъ Оомъ, отъ имени Августѣйшей Покровительницы Прибалтійскаго братства, нынѣ вдовствующей Государыни Императрицы, ходатайствовалъ о назначеніи православнымъ прибалтійскимъ школамъ ежегоднаго пособия въ размѣрѣ 40—50 т. р. Министръ народнаго просвѣщенія внесъ въ комитетъ министровъ ходатайство объ увеличеніи средствъ совѣта по дѣламъ прибалтійскихъ православныхъ школъ въ 1884 г. на 20 т. р., въ 1885 г. на 25 т. р., а съ 1886 г. на 40 т. р. ежегодно. Результатомъ этого ходатайства былъ законъ 18-го октября 1883 года, увеличившій на 20 т. р. сумму, ежегодно ассигнуемую училищному совѣту изъ министерства народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, совѣтъ получилъ въ 1882—1884 годахъ 45 т. р. въ качествѣ единовременныхъ пособій. Затѣмъ, по закону 23-го декабря 1885 г. въ 1886—1889 годахъ было отпущено 300 т. р. на устройство и содержаніе въ Прибалтійскомъ краѣ церквей, причтовыхъ домовъ и приходскихъ школъ, а также на приобрѣтеніе необходимыхъ для построекъ земельныхъ участковъ. Наконецъ, въ 1886 г. были изданы Высочайше утвержденныя правила о порядкѣ отчужденія и занятія частныхъ недвижимыхъ имуществъ для надобностей православныхъ церквей, молитвенныхъ собраній, кладбищъ, причтовъ и школъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Этими правилами, между прочимъ, совѣту по дѣламъ прибалтійскихъ православныхъ школъ, въ случаѣ несогласія владѣльца добровольно уступить принадлежащее ему недвижимое имущество для православной школы, предоставлено право ходатайствовать о принудительномъ отчужденіи необходимаго участка земли для постройки школы или свободнаго зданія для ея помѣщенія (§ 2). На основаніи этихъ правилъ особый уполномоченный отъ совѣта по дѣламъ школъ выбираетъ необходимый для постройки школы земельный участокъ, величиною, однакожъ, не болѣе полуторы десятины, или свободное зданіе для временнаго помѣщенія школы (не болѣе чѣмъ на три года), и затѣмъ входитъ въ сношенія съ собственникомъ избраннаго имущества относительно продажной цѣны или арендной платы. Если переговоры съ владѣльцемъ не приведутъ къ полюбовному соглашенію, тогда по ходатайству уполномоченнаго съ разрѣшенія губернатора учреждается оцѣночная коммиссія подъ предѣтельствомъ вице-губернатора, которая опредѣляетъ доходность от-

чуждаемаго имущества и назначаетъ продажную цѣну земельного участка и величину арендной платы за временное помѣщеніе для школы.

Правила принудительнаго отчужденія земли и зданій для православныхъ школъ были вызваны тѣмъ противодѣйствіемъ прибалтійскихъ землевладѣльцевъ, которое они оказывали развитію православныхъ школъ, и примѣры котораго были приведены выше. Что съ теченіемъ времени это неблагоклонное отношеніе нѣмецкихъ помѣщиковъ къ православнымъ школамъ мало измѣнилось къ лучшему, можно видѣть изъ официальныхъ жалобъ и корреспонденцій русскихъ газетъ. Вотъ, на примѣръ, что писали въ Аксаковскую „Русь“ изъ мѣстечка Леаля Эстляндской губерніи. „Православныя школы были помѣщены, за неимѣніемъ собственныхъ зданій, въ домахъ принявшихъ православіе крестьянъ—арендаторовъ помѣщичьихъ земель. Но помѣщики разсердились, зачѣмъ арендаторы приняли къ себѣ школы, стали сгонять ихъ съ угодій или требовать штрафъ; когда требованія эти не были исполнены, пожаловались въ судъ, который принялъ сторону жалобщиковъ и присудилъ крестьянъ къ выдворенію или требуемому штрафу“¹⁾. Даже и послѣ изданія правилъ 1886 г. находились помѣщики, не дозволявшіе своимъ арендаторамъ сдавать помѣщенія подъ православныя школы. „Правительствующій Сенатъ указомъ 12-го февраля 1887 г. эстляндскому оберъ-ландгерихту отказалъ барону Майделю въ искѣ объ уничтоженіи аренднаго договора съ крестьяниномъ Метсисомъ по случаю отдачи симъ послѣднимъ въ наемъ части находящагося на арендуемой землѣ дома подъ помѣщеніе русской школы“²⁾.

Въ управленіи православными школами Прибалтійскаго края также произошли нѣкоторыя перемѣны. На основаніи закона 26-го января 1887 года. православныя школы временно, впредь до выработки особыхъ правилъ по православному вѣдомству, были подчинены вѣдѣнію директора и инспекторовъ народныхъ училищъ Дерптскаго (нынѣ Рижскаго) учебнаго округа; директоръ народныхъ училищъ былъ сдѣланъ членомъ совѣта по дѣламъ православныхъ школъ; а инспектора народныхъ училищъ относительно надзора за православными школами получили такія же права, какія имѣли инспектора православныхъ сельскихъ школъ по закону 1873 г.

1) „Русь“ Аксакова за 1884 г., № 22.

2) *Василевскій*, ч. III, стр. 151.

Такимъ образомъ, правительственный надзоръ за православными школами усилился. Съ другой стороны и училищный совѣтъ, состоящій, со времени упраздненія должности прибалтійскаго генераль-губернатора въ 1876 г., подъ предсѣдательствомъ рижскаго архіерея, не отказывался отъ надзора за учебною частью въ православныхъ школахъ. Преосвященный Арсеній, епископъ (нынѣ архіепископъ) рижскій и митавскій, на основаніи правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, утвержденныхъ 13-го іюня 1884 г., вмѣнилъ благочиннымъ Рижской епархіи въ обязанность посѣщеніе приходскихъ и вспомогательныхъ школъ и представленіе годичныхъ отчетовъ объ ихъ состояніи. Для руководства благочиннымъ была составлена особая инструкция, которая возлагала на нихъ обязанность слѣдить, между прочимъ, за объемомъ и характеромъ преподаванія каждаго предмета въ школахъ, за продолжительностью учебнаго времени, за числомъ учебныхъ часовъ, за распредѣленіемъ занятій въ школахъ, а также и за религіозно-нравственнымъ поведеніемъ учителей. О всѣхъ замѣченыхъ въ школахъ недостаткахъ и о предположеніяхъ для ихъ устраненія благочинные обязаны представлять епархіальному начальству. Такимъ образомъ явилось двоевластіе въ области завѣдыванія учебною частью православныхъ школъ, двоевластіе, не существовавшее раньше, потому что, со времени подчиненія православныхъ школъ вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія и учрежденія должностей двухъ инспекторовъ православныхъ сельскихъ школъ, въ 1873 г., за училищнымъ совѣтомъ было оставлено завѣдываніе только хозяйственною частью школъ.

Двоевластіе въ какой бы то ни было области нельзя признать явленіемъ желательнымъ и нормальнымъ; въ данномъ случаѣ трудно избѣжать конфликтовъ между инспекторами народныхъ училищъ и благочинными: для первыхъ только та школа хороша, гдѣ дѣти хоть кое-какъ говорятъ по-русски; для вторыхъ, естественно, важнѣе знаніе дѣтьми основъ православія и образованіе въ школахъ дѣтскихъ хоровъ для участія въ богослуженіи, согласно требованію епархіальнаго начальства. Хуже всего при существованіи такого двоевластія приходится учителямъ, которые, помимо служенія двумъ господамъ, вначалѣ должны были еще представлять отчеты въ два различныя учрежденія и по двумъ различнымъ формамъ.

Во всякомъ случаѣ коренной перемѣны въ управленіи православными школами не произошло, точно такъ же, какъ не было въ необходимой мѣрѣ улучшено и матеріальное положеніе школъ. Правда,

средства училищнаго совѣта увеличились, но зато и число православныхъ школъ въ 1880-хъ годахъ также значительно увеличилось: въ началѣ десятилѣтія въ Прибалтійскомъ краѣ было 140 приходскихъ и 252 вспомогательныхъ школы для православнаго населенія. Въ 1887—1888 учебномъ году общее число школъ подвнялось до 465, а число учащихся съ 12 т. увеличилось до 17 т. дѣтей обоого пола. Это увеличеніе числа школъ и числа учащихся произошло главнымъ образомъ вслѣдствіе умноженія православнаго населенія въ Прибалтійскомъ краѣ, благодаря массовымъ обращеніямъ въ православіе въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ. Это обращеніе началось въ мѣстечкѣ Леаль Эстляндской губерніи въ 1883 г. и въ городѣ Тальсенѣ Курляндской губерніи въ 1884 г. и скоро распространилось по обѣимъ губерніямъ, достигнувъ такихъ глухихъ и отдаленныхъ пунктовъ, какъ острова Даго и Вормсъ и полуостровъ Домеснесъ. До 1891 г., благодаря этому движенію, приняло православіе 15 т. латышей и эстовъ, для которыхъ было открыто болѣе 20 приходовъ и устроено болѣе 60 приходскихъ и вспомогательныхъ школъ¹⁾.

Что же касается Лифляндской губерніи, гдѣ сосредоточена наибольшая часть православныхъ латышей и эстовъ, то тамъ даже по сравненію съ 1870 г. число школъ не только не увеличилось, но даже уменьшилось: въ 1870—1871 учебномъ году было 105 приходскихъ и 272 вспомогательныхъ школы, а въ 1887—1888 году 124 приходскихъ и 242 вспомогательныхъ школы, то-есть, вмѣсто 379 училищъ черезъ семнадцать лѣтъ стало 366.

Но, къ сожалѣнію, увеличеніе общаго числа школъ и учащихся не сопровождалось необходимымъ прогрессомъ въ дѣлѣ обезпеченія православныхъ школъ въ матеріальномъ отношеніи: въ 1887—1888 учебномъ году изъ общаго числа 465 православныхъ школъ только 179 школъ имѣли собственныя помѣщенія, а громадное большинство попрежнему помѣщались въ наемныхъ зданіяхъ и терпѣли, по выраженію отчетовъ училищнаго совѣта, „и тѣсноту, и духоту“. Что касается педагогическаго персонала православныхъ церковныхъ школъ, то и въ составѣ его не произошло существенныхъ измѣненій къ лучшему: изъ общаго числа 631 учащаго окончившихъ курсъ учительской семинаріи было 178, а изъ духовной семинаріи 36, тогда какъ окончившихъ курсъ приходскаго училища было 285; слѣдовательно, почти

¹⁾ Рижскія Епархіальныя Вѣдомости за 1891 г., № 1.

во всѣхъ вспомогательныхъ школахъ попрежнему занимались обученіемъ учителя, которые, какъ свидѣтельствуютъ отчеты, „по незнацію русскаго языка и по малой подготовкѣ мало пригодны къ своей должности“.

Инаго состава учителей въ вспомогательныхъ школахъ нельзя было и ожидать: училищный совѣтъ въ 1887—1888 году, слѣдовательно и послѣ увеличенія своихъ средствъ на 20 т. руб. ежегодно, платилъ 38 учителямъ по 100 руб., 55 учителямъ по 50 руб.; въ томъ же году 101 учитель получили жалованье отъ обществъ въ размѣрѣ отъ 7 до 250 руб. въ годъ, а 12 учителей получали жалованье хлѣбомъ цѣною отъ 3 до 12 руб. Хотя размѣры учительскаго жалованья и увеличились послѣ 1880 года, но въ общемъ большинство учителей попрежнему получали нищенское вознагражденіе, которое заставляло ихъ лѣтомъ наниматься даже на корабли. За такое жалованье трудно было найдти хорошо подготовленныхъ къ педагогической дѣятельности лицъ. Недостаточная же подготовка громаднаго большинства православныхъ учителей и невозможность всецѣло отдаться учебному дѣлу для лицъ, получившихъ специальную подготовку къ педагогической дѣятельности, — вредно отзывались на успѣхахъ преподаванія въ православныхъ школахъ. Въ 1887 году преосвященный Арсеній во время объѣзда своей епархіи посѣщалъ православныя школы и производилъ испытанія ученикамъ. „При этихъ испытаніяхъ, — говоритъ отчетъ о состояніи школъ, — было усмотрѣно, что въ нѣкоторыхъ школахъ дѣти оказались съ малыми познаніями по закону Божію, и что не всѣ священники съ успѣхомъ ведутъ преподаваніе этого предмета, а происходитъ это оттого, что иные священники нерѣдко пропускаютъ уроки въ приходскихъ школахъ по Закону Божію или вообще ведутъ преподаваніе нестарательно, — во вспомогательныя же школы, гдѣ Законъ Божій преподается учителями, священники являются рѣдко или вовсе не являются, и такимъ образомъ не слѣдятъ за знаніемъ учениками сихъ школъ Закона Божія и не руководятъ учителей въ преподаваніи этого предмета“¹⁾. Если оказалась неудовлетворительною постановка главнаго учебнаго предмета церковно-приходскихъ школъ, то относительно успѣховъ въ преподаваніи русскаго языка не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что большинство православныхъ учителей даже не владѣли этимъ языкомъ; поэтому неудивительно, что предсѣдатель училищнаго со-

¹⁾ *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1889 г., стр. 110.

вѣта нашелъ познанія учениковъ въ русскомъ языкѣ „въ плохомъ положеніи“. Для поднятія православныхъ школъ немедленно же приняты были административныя мѣры. 8-го декабря 1887 года священникамъ Рижской епархіи было предписано не пропускать уроковъ Закона Божія въ приходскихъ школахъ и непременно посѣщать вспомогательныя школы прихода не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ для испытанія учениковъ по Закону Божию и для руководства учителя въ преподаваніи этого предмета. Училищный совѣтъ съ своей стороны принялъ мѣры для болѣе успѣшнаго преподаванія русскаго языка и въ засѣданіи 16-го октября 1887 года постановилъ предписать училищнымъ попечительствамъ, чтобы въ приходскихъ школахъ обязательно велось преподаваніе на русскомъ языкѣ, а въ вспомогательныхъ школахъ преподаваніе на мѣстныхъ языкахъ было допущено только въ первые два года. Распоряженіе это было сдѣлано во исполненіе § 11 Высочайше утвержденныхъ 17-го мая 1887 года временныхъ правилъ о прибалтійскихъ школахъ. Кромѣ того, совѣтъ по дѣламъ православныхъ училищъ отъ себя постановилъ: „обязать всѣхъ учителей во все неклассное время вести рѣчь съ учениками и ученицами на русскомъ языкѣ“, но и это распоряженіе было не новымъ: „практическое живое упражненіе въ разговорахъ на русскомъ языкѣ“ требовалось еще правилами 26-го января 1870 года, но требованіе это, къ сожалѣнію, оставалось на бумагѣ.

Указанными постановленіями училищнаго совѣта началась его дѣятельность относительно введенія преподаванія на русскомъ языкѣ и снабженія православныхъ школъ учителями, владѣющими этимъ языкомъ. Дѣятельность совѣта на этомъ поприщѣ вызывалась необходимостью идти вслѣдъ за распоряженіями учебнаго начальства относительно обрусенія всѣхъ прибалтійскихъ школъ.

Въ засѣданіи 22-го февраля 1888 года училищный совѣтъ постановилъ объявить, чтобы учителя вспомогательныхъ школъ подъ опасеніемъ лишиться мѣста старательно принялись за изученіе русскаго языка, и чтобы на будущее время учительскія мѣста замѣщались только лицами, основательно знающими русскій языкъ. Отъ слова необходимо было перейти къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что изъ отчетовъ благочинныхъ усматривалось, что въ нѣкоторыхъ школахъ обученіемъ занимались лица, „которые по скудости своихъ знаній не годятся быть учителями“, и что нѣкоторые учителя вспомогательныхъ школъ „совсѣмъ не понимаютъ русской рѣчи“¹⁾. Необходимо было принять

¹⁾ *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1890 г., стр. 101, 102.

строгія мѣры, и изъ отчета о состояніи православныхъ школъ за 1888—1889 учебный годъ мы узнаемъ, что въ отчетномъ году училищный совѣтъ старался, по мѣрѣ возможности, удалить изъ вспомогательныхъ школъ учителей, не владѣющихъ русскимъ языкомъ, и назначать на учительскія должности только такихъ лицъ, которыя по испытаніи инспекторами народныхъ училищъ оказывались знающими русскій языкъ. Училищный совѣтъ не ограничился общимъ предупрежденіемъ объ удаленіи съ учительской должности за незнаніе русскаго языка; отдѣльнымъ учителямъ также дѣлались внушенія, чтобы они ради удержанія своихъ мѣстъ позаботились о скорѣйшемъ изученіи русскаго языка. Несмотря на такія предупрежденія, училищному совѣту приходилось изъ года въ годъ констатировать, что „изученіе русскаго языка прививается довольно туго вслѣдствіе того, что сами преподаватели не вполне владѣютъ русскимъ языкомъ“.

Во время объѣзда своей епархіи лѣтомъ 1891 года преосвященный Арсеній „нашелъ, что въ нѣкоторыхъ приходскихъ и во многихъ вспомогательныхъ школахъ изученіе русскаго языка идетъ слабо“. При этомъ оказались и такіе учителя, которые „ни слова не знали по-русски“. Совѣтъ постановилъ уволить ихъ отъ должности¹⁾. Несмотря на такія энергическія мѣры, обезпеченіе школъ хорошо подготовленными учителями и успѣшное преподаваніе русскаго языка медленно подвигалось впередъ. Два года спустя послѣ указанной ревизіи школъ председателемъ училищнаго совѣта, тому же авторитетному лицу пришлось засвидѣтельствовать, что въ школахъ „плохо ведется обученіе русскому языку и успѣховъ по этому предмету почти совсѣмъ незамѣтно“. Такого же рода печальные факты были констатированы во время ревизіи и попечителемъ округа, и директоромъ и инспекторами народныхъ училищъ. Вслѣдствіе всего этого училищный совѣтъ въ засѣданіи 9-го ноября 1893 года постановилъ: „объявить училищнымъ попечительствамъ, что изученіе въ школахъ русскаго языка, какъ языка государственнаго, должно стоять на первомъ планѣ, что къ изученію сего языка слѣдуетъ приступать въ первыя недѣли поступленія дѣтей въ школу, для чего учителя и учительницы должны стараться вести съ ними рѣчь какъ въ классахъ, такъ и во внѣклассное время исключительно на русскомъ языкѣ, прибѣгая къ природному латышскому или эстонскому

¹⁾ *Рижскія Епархіальныя Видомости* за 1891 г., № 22.

языку только какъ къ вспомогательному средству на первыхъ порахъ обученія¹⁾). Въмѣстѣ съ этимъ распоряженіемъ было сдѣлано, конечно, и предупрежденіе учителямъ о томъ, чтобы они позаботились объ изученіи русскаго языка, а училищнымъ попечительствамъ было напомнено о необходимости удаленія неспособныхъ и неприготовленныхъ учителей. Но при практическомъ исполненіи указанныхъ распоряженій относительно учителей приходилось и по настоящее время приходится бороться съ громадными затрудненіями, изъ которыхъ главными являются недостатокъ учителей и плохое обезпеченіе ихъ въ матеріальномъ отношеніи. Въ результатѣ оказывается, что только самая незначительная часть учащихся въ православныхъ школахъ сканчиваетъ курсъ, и еще меньшій % учениковъ выдерживаетъ испытанія на льготу по воинской повинности, о чемъ свидѣтельствууетъ прилагаемая таблица.

Года.	Число школъ.				Число учащихся обоего пола.	Въ томъ числѣ мальчиковъ.	Окончили курсъ.	Выдержали испытанія на льготы по воинской повинности.		
	Приход-скихъ двухъ-классныхъ.	Приход-скихъ одно-классныхъ.	Вспомогательныхъ.	Всего.				IV разр.	III разр.	Всего.
1888—1889	9	160	300	469	16.792	11.327	1.611	364	22	386
1889—1890	9	166	291	466	16.925	11.239	2.104	412	33	445
1890—1891	10	171	294	475	17.247	11.695	1.963	369	30	399
1891—1892	10	176	284	470	16.606	11.253	2.460	412	44	456
1892—1893	10	177	287	474	16.222	10.821	2.266	396	58	454
1893—1894	9	180	284	473	16.490	10.902	2.330	396	57	453

Таблица эта показываетъ, что число лицъ, получающихъ льготныя свидѣтельства, меньше даже общаго числа православныхъ школъ; если даже принять во вниманіе, что экзаменъ на льготу сдаютъ почти исключительно только ученики приходскихъ школъ, то и тогда на одну приходскую школу въ среднемъ не придется и трехъ учениковъ, получившихъ льготныя свидѣтельства. Между тѣмъ въ приходскихъ школахъ учатся не менѣ половины всѣхъ православныхъ

¹⁾ Рижскія Епархіальныя Вѣдомости за 1893 г., стр. 928.

учениковъ¹⁾; учителями этихъ школъ состоятъ причетники, получающіе отъ казны жалованье въ 250—350 руб. и окончившіе курсъ или учительской или духовной семинаріи, а на преподаваніе русскаго языка удѣлено болѣе времени, чѣмъ на преподаваніе Закона Божія, а именно: 8 часовъ въ недѣлю въ каждомъ изъ трехъ отдѣленій одноклассной приходской школы. И указанные въ таблицѣ результаты достигнуты, только благодаря послабленіямъ со стороны экзаменаціонныхъ комиссій. Нѣкоторыя комиссіи, по свидѣтельству отчетовъ о школахъ, вопреки программѣ вмѣсто 2—3 задачъ по ариметикѣ задавали одну, притомъ еще очень простую; при испытаніяхъ по русскому языку нѣкоторыя комиссіи вмѣсто диктанта и письменнаго пересказа (на льготу III разряда) ограничивались однимъ диктантомъ, иногда всего въ 11 писанныхъ строчекъ.

Находились и такія комиссіи, которыя „произвели просмотръ письменныхъ работъ невнимательно и даже небрежно, и допустили оцѣнку оныхъ слишкомъ снисходительную, выставивъ баллъ 3 тамъ, гдѣ слѣдовало выставить 1 или 2“²⁾. „Нѣкоторыми комиссіями испытанія ведены были поверхностно и довольно небрежно“³⁾ и т. д.

Подобныя жалобы училищный совѣтъ повторяетъ ежегодно, но, несмотря на ежегодныя просьбы строго держаться правилъ испытанія, комиссіи попрежнему допускаютъ „чрезмѣрную слабость требованийъ въ познаніяхъ по русскому языку“, такъ что училищный совѣтъ вынужденъ былъ заявить, что если и на будущее время будутъ повторяться указанные отступленія, то виновные предсѣдатели комиссій будутъ привлечены къ отвѣтственности⁴⁾.

Итакъ, православныя школы и въ настоящее время далеко не достигаютъ желаемыхъ результатовъ и не приносятъ православному населенію той пользы, какой отъ нихъ можно было бы ожидать. Разъясненія такого рода печальныхъ явленій приходится искать въ общихъ крайне неблагоприятныхъ условіяхъ существованія православной школы въ Прибалтійскомъ краѣ.

Прежде всего по настоящее время остается неустраненнымъ край-

1) По „Вѣдомости о православныхъ народныхъ училищахъ за 1891—1892 учебный годъ“ въ приходскихъ школахъ было болѣе 6 т. мальчиковъ, слѣдовательно, на каждую приходскую школу въ среднемъ приходилось болѣе 30 мальчиковъ.

2) *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1893 г., стр. 874.

3) *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1895 г., стр. 107.

4) *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1895 годъ, стр. 209.

ній недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Бѣдность православнаго населенія съ одной стороны, недостатокъ матеріальной поддержки извнѣ — вредно отражаются на всѣхъ сторонахъ учебнаго дѣла. На основаніи § 13 правилъ 26-го января 1870 года, учителя вспомогательныхъ школъ получаютъ жалованье отъ православныхъ членовъ общества; между тѣмъ почти черезъ 25 лѣтъ послѣ изданія этого закона православное населеніе платитъ отъ себя жалованье только меньшинству учителей: въ 1887—1888 учебномъ году было почти 300 вспомогательныхъ школъ, а жалованье отъ общества получали только 101 учитель; въ 1892—1893 учебномъ году число вспомогательныхъ школъ достигало до 287, а число учителей, получавшихъ жалованье отъ обществъ, не превышало 126 человекъ. Размѣры этого жалованья колеблются между семью и 250 рублями, при чемъ громадное большинство учителей получаютъ оклады, приближающіеся къ минимуму. Кромѣ такого скуднаго жалованья учителей, православныя общества въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даютъ учителямъ еще пособія, но „пособія“ эти спускаются до 5 руб., даже до 3 руб. 60 коп. и 3 руб. 20 коп. ¹⁾). Не удивительно послѣ этого, что „большинство учителей православныхъ школъ... недолго остаются на мѣстахъ и при первомъ подходящемъ случаѣ переходятъ на другую службу“ ²⁾). Далѣе, на крестьянскія общества возложена обязанность заботиться объ отопленіи и освѣщеніи вспомогательныхъ школъ. Между тѣмъ далеко не вездѣ православныя латыши и эсты отбываютъ эти натуральныя повинности, и очень немногія школы для возмѣщенія этихъ расходовъ пользуются денежными пособіями отъ обществъ. „Вѣдомости о православныхъ народныхъ училищахъ Прибалтійскихъ губерній за 1891—1892 учебный годъ“, только три приходскія школы получаютъ отъ крестьянскаго общества въ общей сложности 135 руб., и съ небольшимъ двадцать вспомогательныхъ школъ, пользуются изъ указаннаго источника пособіями, не превышающими 40 рублей (исключеніемъ является одно 300-рублевое пособіе) и спускающимися даже до двухъ рублей. Школьный налогъ, какъ видно изъ той же „Вѣдомости“, былъ установленъ только въ пяти приходсахъ, и размѣръ его колебался между 25 и 50 копейками съ податной души.

Приведенныя цифры показываютъ, что мѣстныхъ источниковъ на расходы по народному образованію не можетъ хватать даже

¹⁾ См. „Вѣдомость о православныхъ школахъ за 1891—1892 годъ“.

²⁾ *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1894 годъ, стр. 131.

на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей, то-есть, на отопленіе и освѣщеніе школы, на наемъ учителей и приобрѣтеніе школьныхъ пособій. Вслѣдствіе этого рѣдкія школы могутъ существовать безъ посторонней помощи и рѣдкія крестьянскія общества и училищныя попечительства находятъ для себя возможнымъ строить или даже только нанимать школьныя помѣщенія. По отчету за 1893—1894 учебный годъ изъ 473 православныхъ школъ только 40 съ небольшимъ школъ имѣли собственные дома, выстроенные крестьянскими обществами, да и изъ этого числа только 19 школъ были построены крестьянами безъ всякой посторонней помощи. Что касается школъ, созданныхъ на счетъ другого рода мѣстныхъ средствъ, то число ихъ еще меньше. Въ томъ же 1893—1894 учебномъ году числилось только четыре школы, построенныя на школьныя суммы, и четыре школы, построенныя училищными попечительствами при пособіи училищнаго совѣта. Такимъ образомъ, средства православнаго населенія оказались недостаточными для снабженія постоянными помѣщеніями даже 10% православныхъ школъ. Что касается сравнительно меньшихъ расходовъ на наемъ временныхъ помѣщеній для школъ, то и здѣсь населеніе не оказываетъ существенной поддержки: въ 1893—1894 учебномъ году около 200 школъ помѣщались въ наемныхъ домахъ, при чемъ изъ мѣстныхъ средствъ платилось за 16 школъ, и сверхъ, этого, 18 школъ пользовались помѣщеніями, нанятыми на школьныя и общественныя суммы при пособіи отъ Святѣйшаго Синода, училищнаго совѣта и православнаго братства. Въ общемъ помощь православнымъ школамъ со стороны православныхъ латышей и эстовъ крайне недостаточна, и объясняется это не одною только бѣдностью православнаго населенія, но и индифферентностью къ школамъ со стороны даже наиболѣе почтенныхъ членовъ православныхъ приходовъ. „Училищныя попечительства въ городахъ, — говорится въ отчетѣ о школахъ за 1887—1888 годъ, — благодаря матеріальному и общественному положенію своихъ членовъ, доставляютъ не мало пользы школамъ. Но нельзя сего сказать о сельскихъ училищныхъ попечительствахъ: члены оныхъ изъ крестьянъ, за небольшими исключеніями, мало принимаютъ участія въ дѣлахъ школы ¹⁾. Благодаря этому, вся забота о школахъ падаетъ на предсѣдателя попечительства—мѣстнаго священника“ ²⁾.

¹⁾ „Считая для себя обременительнымъ и убыточнымъ являться въ засѣданія попечительствъ“, прибавлено въ другихъ отчетахъ.

²⁾ *Рижскія Епархіальныя Видомости* за 1889 годъ, стр. 209.

При такой скудости мѣстныхъ средствъ православныя школы, конечно, не могли бы существовать, еслибы не было пособій и поддержки извнѣ. Довольно существенную поддержку оказываютъ православнымъ школамъ земельные участки, которыми, къ сожалѣнію, надѣлены далеко не всѣ православныя школы. До настоящаго времени изъ 473 школъ казенныя земли получили только 98 школъ. Изъ этихъ земельныхъ участковъ въ 1893—1894 учебномъ году 30 находились въ пользованіи учителей, замѣняя жалованье или служба подспорьемъ къ нему, а 62 надѣла были сданы въ аренду, принося доходу 7.745 руб. 25 коп. Училищный совѣтъ сознаетъ, что въ „земельномъ надѣлѣ заключается лучшее обезпеченіе школы“, и по мѣрѣ окончанія аренды того или другого казеннаго имѣнія ходатайствуетъ объ отводѣ земельныхъ участковъ на нужды школъ. Большинство школъ были надѣлены землею въ 1870—1879 годахъ; въ настоящее же время эти надѣлы происходятъ крайне рѣдко, такъ что съ 1887 до 1895 года школьные участки были отведены только семи школамъ. Училищному совѣту за всѣ свои ходатайства приходится утѣшаться только сентенціями въ родѣ нижеслѣдующей: „Принимая во вниманіе, что каждый отводъ земли той или другой православной школѣ поднимаетъ значеніе ея въ глазахъ мѣстнаго населенія и нагляднымъ образомъ доказываетъ заботливость правительства какъ о существованіи православной школы въ краѣ, такъ и о лучшей постановкѣ ея, необходимо въ видахъ развитія православной школы въ краѣ, чтобы таковыя ходатайства не оставались безъ удовлетворенія“¹⁾. Даже болѣе скромныя ходатайства училищныхъ попечительствъ объ отпускѣ дровъ изъ казенныхъ дачъ бесплатно или за уменьшенную цѣну были оставлены безъ удовлетворенія, „какъ не имѣющія законнаго основанія“²⁾.

Немаловажную помощь дѣлу народнаго образованія оказываютъ и православныя братства. Выше была отмѣчена ихъ просвѣтительная дѣятельность въ 1870-хъ годахъ; въ минувшее десятилѣтіе и въ настоящее время эта дѣятельность сдѣлалась еще шире. Туккурортское, Эзельское и Таккерортское братства содержатъ на свой счетъ приходскія школы, выстроивъ для нихъ дома, при чемъ Эзельское братство содержитъ двѣ школы: для мальчиковъ и для дѣвочекъ; по примѣру этого братства и Таккерортское братство нашло возможнымъ

¹⁾ *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1894 годъ, стр. 6.

²⁾ *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1894 годъ, стр. 47.

устроить и дѣвчью приходскую школу. Самое скромное изъ прибалтійскихъ братствъ Венденское, израсходовавшее въ теченіе цѣлаго 25-тилѣтія своего существованія на школы и на пособія ученикамъ съ небольшимъ 2,000 рублей, и то, помимо поддержки двухъ православныхъ школъ, задалось цѣлью построить собственный домъ для Венденской приходской школы. Такою же цѣлью задалось и Верроское братство, одно изъ отдѣленій Прибалтійскаго братства ¹⁾).

Первое мѣсто въ дѣлѣ содѣйствія православнымъ школамъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, безспорно, занимаетъ съ самаго начала своего существованія „Прибалтійское братство во имя Христа Спасителя и Покрова Божьей Матери“, состоящее подъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и соединившееся въ 1882 г. съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ православныхъ братствъ. Въ уставѣ Прибалтійскаго братства, утвержденномъ Святѣйшимъ Синодомъ въ 1882 г., (§ 2) сказано, что братство заботится: в) „объ устройствѣ и содержаніи народныхъ школъ, нынѣ существующихъ и вновь учреждаемыхъ, о сооруженіи или наймѣ для нихъ удобныхъ помѣщеній, а также о пособіи или о наймѣ надежныхъ учителей, хорошо знакомыхъ съ мѣстнымъ нарѣчіемъ и съ русскимъ языкомъ, и о пріобрѣтеніи учебныхъ книгъ и другихъ школьныхъ принадлежностей; объ устройствѣ при школахъ пріютовъ для помѣщенія и призрѣнія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей; г) о подготовленіи изъ среды латышей и эстовъ для мѣстныхъ школъ учителей, вполне знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, а равно и о предоставленіи наиболѣе способнымъ православнымъ ученикамъ народныхъ школъ возможности получать образованіе въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.... и е) объ устройствѣ при народныхъ школахъ библіотекъ, и въ особенности же о распространеніи между учащимися русскаго языка“. Обладая солидными средствами, Прибалтійское братство содержитъ на свой счетъ три школы; двѣ изъ этихъ школъ, въ Якобштадтѣ и Уббенормѣ, помѣщаются въ прекрасныхъ зданіяхъ, построенныхъ также на средства братства. Кромѣ того, братство нанимаетъ для нѣкоторыхъ школъ помѣщенія, платя по нѣскольку сотъ рублей за каждую школу, даетъ жалованье и пособія учителямъ, даетъ сельскимъ обществамъ пособія для постройки школьныхъ зданій и т. д. Въ 1891—1892 учебномъ году Прибалтійское братство израсходовало на указанныя цѣли болѣе пяти съ половиною тысячъ рублей, не

¹⁾ *Рижскій Вѣстникъ* за 1895 годъ, № 3.

считая четырехъ тысячъ рублей, данныхъ заимообразно на 20 лѣтъ безъ процентовъ для постройки одного причтово-школьнаго дома ¹⁾). Изъ девяти отдѣленій Прибалтійскаго братства, дѣйствующихъ въ краѣ, особенно важное значеніе для народнаго образованія имѣетъ Гольдингенское братство, израсходовавшее въ 1894 г. на однѣ школы 3500 рублей ²⁾).

Другія братства и отдѣленія Прибалтійскаго братства, насчитывающія въ краѣ до 700 членовъ и владѣющія иногда солидными капиталами ³⁾, стараются, насколько позволяютъ средства, о православныхъ школахъ, хотя главное ихъ вниманіе и обращено на поддержаніе церквей и православныхъ прихожанъ. Только объ одномъ почти Таккерортскомъ братствѣ, имѣющемъ 10 тысячъ основнаго капитала, три дома и два участка земли, можно сказать, что оно „главнымъ образомъ занимается школьнымъ дѣломъ“ ⁴⁾).

Благодаря тому обстоятельству, что забота о школахъ стоитъ на второмъ планѣ, дѣятельность братствъ на поприщѣ народнаго образованія, въ общемъ, далеко нельзя назвать блестящею, и помощь ихъ православнымъ школамъ въ общей сложности незначительна.

Въ 1887—1888 учебномъ году изъ 465 православныхъ школъ только 7 школъ имѣли помѣщенія, построенныя на счетъ православныхъ братствъ, а изъ 222 школъ, нуждавшихся въ наемныхъ помѣщеніяхъ, только для 3 школъ помѣщенія нанимались братствами ⁵⁾). Въ томъ же году изъ 630 православныхъ учителей только 5 получали жалованье отъ Прибалтійскаго братства въ размѣрѣ отъ 100 до 420 руб. въ годъ ⁶⁾). Черезъ шесть лѣтъ, столь важныхъ въ исторіи Прибалтійскаго края, число школьныхъ зданій, построенныхъ на средства братствъ, понизилось до 4 при общемъ числѣ 473 школъ, изъ которыхъ, сверхъ того, 2 имѣли помѣщенія, построенныя обществами при пособіи отъ братства. Далѣе, 2 школы помѣщались бесплатно въ домахъ православнаго братства, и 2 школы пользовались помѣще-

¹⁾ *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1892 г., стр. 929.

²⁾ *Рижскій Вѣстникъ* за 1895 г., № 3.

³⁾ Въ 1894 г. Іеввенское братство (отдѣленіе Прибалтійскаго) обладало капиталомъ въ 46 тысячъ руб., а всѣ семь самостоятельныхъ братствъ въ общей сложности имѣли 75 тысячъ руб., не считая недвижимаго имущества (*Рижскій Вѣстникъ* за 1895 г., № 3).

⁴⁾ *Рижскій Вѣстникъ* за 1895 г., № 3.

⁵⁾ *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1889 г., стр. 156.

⁶⁾ *Ibid.*, стр. 208.

ніями, нанятыми на средства братствъ и обществъ ¹⁾). Что касается жалованья учителямъ, то изъ учащихся только 12 человекъ получали содержаніе отъ братствъ въ размѣрѣ отъ 50 до 420 руб. въ годъ ²⁾).

Изъ вышеприведенныхъ статистическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ отчетовъ о православныхъ школахъ Прибалтійскаго края, видно, что помощь со стороны братствъ до самаго послѣдняго времени, въ общемъ, была крайне скромна, хотя при этомъ не слѣдуетъ забывать, что, кромѣ матеріальныхъ пособій, православныя братства оказывали и оказываютъ школамъ и нравственную поддержку. И въ этомъ отношеніи опять пальма первенства принадлежитъ Прибалтійскому братству. Благодаря его ходатайству, не только православныя причты, но и школы получали земельные надѣлы, а братскія училища получали права правительственныхъ учебныхъ заведеній.

На просьбы братства неоднократно откликался комитетъ грамотности, снабжая православныя школы учебными руководствами и книгами. Наконецъ, Прибалтійское братство, какъ было уже упомянуто, принимало дѣятельное участіе въ исходатайствованіи увеличенія средствъ училищнаго совѣта. Частныя лица оказывали и оказываютъ матеріальную поддержку школамъ не только черезъ посредство братствъ, но и другими путями. Благодаря частнымъ пожертвованіямъ, нѣкоторыя изъ православныхъ школъ являются вполне обеспеченными, а нѣкоторыя братства владѣютъ капиталами, предназначенными для поддержки народнаго образованія. Такъ, напримѣръ, Ревельская Преображенская школа владѣетъ капиталомъ въ 25 тысячъ рублей, благодаря пожертвованію графа Орлова-Давыдова, Ревельская Николаевская школа въ 1892—1893 учебномъ году имѣла до 6 тысячъ рублей, скопленныхъ изъ пожертвованій частныхъ лицъ; Гапсальская школа обеспечена капиталомъ въ 5½ тысячъ рублей, составленнымъ изъ ежегодныхъ взносовъ (по 170 руб.) Высочайшихъ особъ, посѣщающихъ Гапсаль въ лѣтнее время, и изъ ежегодныхъ доходовъ (до 1000 руб.) съ лотереи, устраиваемой попечительницею школы графинею Бревернъ-де-ла-Гарди; Митавская дѣвичья школа имѣетъ 8.395 руб., собранныхъ церковно-приходскимъ попечительствомъ; Сиссегальская школа имѣетъ болѣе 3 тысячъ рублей, данныхъ мѣстнымъ обществомъ, и т. д. ³⁾). Въ общемъ, и поддержка

¹⁾ *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1895 г., стр. 209—210.

²⁾ *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1895 г., стр. 264.

³⁾ *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1895 г., стр. 155—156.

частныхъ лицъ, дѣйствующихъ помимо братствъ, оказывается незначительною. Въ рубрикѣ отчетовъ училищнаго совѣта: „Пожертвованія въ пользу школъ“, — на первомъ мѣстѣ говорится, что по указу Святѣйшаго Синода отъ 20-го іюня 1886 г. по всеѣмъ церквамъ учрежденъ кружечный сборъ пожертвованій въ пользу церковно-приходскихъ школъ, и что дозволено ежегодно отчислять на нужды школъ извѣстную часть изъ остатковъ кружечно-кошельковыхъ церковныхъ суммъ. На основаніи этого указа въ Рижской епархіи въ 1887—1888 учебномъ году было собрано 134 р. съ копейками, въ слѣдующіе годы этотъ сборъ понижался до 76 р., такъ что за цѣлыя семь лѣтъ такимъ путемъ было получено съ небольшимъ 700 р. Относительно же отчисления изъ церковныхъ суммъ во всеѣхъ почти отчетахъ училищнаго совѣта стоитъ стереотипная фраза: „что же касается отчисления изъ церковныхъ суммъ извѣстной части въ пользу школъ, то такового отчисления не было“. Далѣе въ указанной рубрикѣ отчетовъ сообщается о пожертвованіяхъ на школы со стороны частныхъ лицъ книгами, брошюрами, картинами, дровами и, наконецъ, деньгами. За цѣлыхъ семь лѣтъ съ 1887—1888 до 1892—1893 г. общая сумма сумма пожертвованныхъ денегъ не достигаетъ и тысячи рублей, не считая тѣхъ 617 р., которые поступили въ распоряженіе училищнаго совѣта отъ комитета, завѣдующаго устроенной въ Ригѣ часовней въ память событія 17-го октября 1888 г., а также пожертвованій братствъ и процентовъ съ капитала, завѣщаннаго докторомъ Ставровскимъ въ пользу бѣднѣйшихъ церквей и школъ Остзейскаго края. Указанная сумма поднялась и до тысячи рублей только потому, что въ 1893—1894 учебномъ году крившадтскій протоіерей Іоаннъ Сергіевъ прислалъ 200 р. на нужды Леальской школы, а графъ Орловъ-Давыдовъ пожертвовалъ 500 р. на ремонтныя работы въ Ревельскомъ Преображенскомъ училищѣ. Что касается мелкихъ пожертвованій книгами, дровами и др. предметами, то о нихъ не стоитъ и говорить, такъ они незначительны.

Большаго вниманія заслуживаетъ другая рубрика отчетовъ: „Субсидіи отъ городскихъ управъ на содержаніе православныхъ народныхъ училищъ“. Субсидіи городскихъ правленій вызываются главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что во многихъ православныхъ городскихъ школахъ среди учащихся преобладаютъ дѣти лютеранъ. Но и эти субсидіи въ общемъ не велики; въ 1888—1889 учебномъ году 5 городовъ дали на содержаніе городскихъ православныхъ школъ 825 руб., черезъ 5 лѣтъ, въ 1893—1894 г., субсидіи отъ 7 городовъ

достигли 1665 р., при чемъ одна Рига ассигновала на содержаніе двухъ школъ 750 р.

Подведя общій итогъ частнымъ пожертвованіямъ и постороннимъ пособіямъ на содержаніе православныхъ школъ, нельзя не признать, что эти средства оказываютъ существенную помощь отдѣльнымъ школамъ, преимущественно городскимъ. Что же касается школъ сельскихъ, разбросанныхъ въ глуши уѣздовъ, гдѣ мѣстныя средства позволяютъ платить учителю только нищенское жалованье, то рука посторонняго жертвователя простирается туда въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, и школы эти, влачащія жалкое существованіе и въ настоящее время, безъ пособія со стороны правительства, давно погибли бы.

Но и правительственныя пособія въ общей сложности настолько скромны, что до сихъ поръ не помогли православной школѣ Прибалтійскаго края даже сравняться съ лютеранскими школами, большинство которыхъ влачить также далеко незавидное существованіе. На суммы, отпускаемыя изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, строились зданія для приходскихъ школъ. Изъ общаго числа 473 школъ въ 1893—1894 г. только 105 имѣли помѣщенія, построенныя правительствомъ, тогда какъ всѣхъ приходскихъ школъ въ упомянутомъ отчетномъ году было 189. Кромѣ того, построивъ школьныя зданія, министерство внутреннихъ дѣлъ не давало особыхъ суммъ на ремонтъ, вслѣдствіе чего школьныя помѣщенія преждевременно приходили въ негодность, такъ какъ не всегда и не вездѣ мѣстныя средства оказывались достаточными для производства капитальныхъ поправокъ.

Изъ суммъ Святѣйшаго Синода ежегодно ассигнуется 10 т. р. на наемъ помѣщеній для приходскихъ православныхъ школъ; но этой суммы далеко недостаточно для обезпеченія православныхъ школъ даже наемными помѣщеніями. Въ 1893—1894 г. около 200 школъ помѣщались въ наемныхъ зданіяхъ, при чемъ отъ Святѣйшаго Синода производилась плата только за 125 школъ, и, сверхъ этого, для 12 школъ нанимались помѣщенія на средства Святѣйшаго Синода и другихъ учреждений. Въ среднемъ, Святѣйшій Синодъ расходуетъ на каждую школу менѣе 80 р. Послѣ этого насъ не долженъ удивлять тотъ фактъ, что „наемные дома—по свидѣтельству отчетовъ—большою частью тѣсны и неудобны, благодаря чему многіе родители отказываются посылать дѣтей своихъ въ школу“, такъ какъ обученіе въ такихъ школахъ „вредно отзывается на здоровьѣ учащихся“. Наиболѣе существенную поддержку православнымъ школамъ оказываетъ министерство народнаго просвѣщенія, ассигнующее ежегодно съ

1884 г. въ распоряженіе училищнаго совѣта по 32.190 руб. Но и эта сумма оказывается крайне ничтожнымъ пособіемъ, если принять во вниманіе, что православныя школы не обезпечены ни помѣщеніями, ни учителями, и что мѣстныя средства для содержанія школъ крайне ограниченны,—заявляетъ отчетъ за 1893—1894 учебный годъ. „Въ видахъ развитія православной школы въ краѣ крайне необходимо увеличеніе отпускаемой правительствомъ суммы на устройство и содержаніе православныхъ школъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ“.

Посмотримъ теперь, какъ распоряжается совѣтъ своими средствами, и на какія стороны учебнаго дѣла обращено его вниманіе. Изъ отчетовъ о приходѣ и расходѣ суммъ училищнаго совѣта видно, что совѣтъ ежегодно расходуетъ болѣе 20 т. р. на жалованье, пособія и награды учителямъ, около 10 т. р. на постройку и ремонтъ школьныхъ зданій, а также наемъ временныхъ помѣщеній для вспомогательныхъ школъ. Остальныя 2—3 т. р. идутъ на содержаніе канцеляріи (болѣе 1500 р. въ годъ), на разные мелкіе расходы и на приобрѣтеніе классной мебели. Теперь посмотримъ, какъ велико то жалованье, какое совѣтъ въ состояніи платить православнымъ учителямъ.

Въ 1893—1894 учебномъ году отъ совѣта получали содержаніе 210 учителей и учительницъ, слѣдовательно, средній размѣръ вознагражденія отдѣльнаго лица не превышалъ 100 р., но и такую сумму получало меньшинство учителей.

Изъ отчета видно, что

4 учителя	получали	по	15 р.	въ	годъ
3	"	"	20	"	"
14 учителей	"	отъ 21 до	40	"	"
63 учителя	"	по	50	"	"
16 учителей	"	"	60	"	"
10	"	отъ 70 до	90	"	"
33 учителя	"	по	100	"	"
39 учителей	"	отъ 120 до	200	"	"
20	"	"	200	"	380

Такимъ образомъ оказывается, что въ 1893—1894 учебномъ году 84 учителя получали не свыше 50 р. въ годъ, а общее число учителей, получавшихъ не свыше 100 р., доходило до 143 человекъ. Что касается наградъ и пособій, то онѣ выдаются въ крайне рѣдкихъ случаяхъ: въ отчетномъ году были выданы награды 21 учителю въ раз-

мѣрѣ отъ 10 до 50 р. на сумму 455 р., а пособия получили 17 учителей въ размѣрѣ отъ отъ 20 до 30 р. на сумму 425 р. ¹⁾).

Вслѣдствіе недостаточности 10 т. р., ассигнуемыхъ Святѣйшимъ Синодомъ на наемъ временныхъ помѣщеній для школъ, училищный совѣтъ принужденъ затрачивать на тотъ же предметъ изъ своихъ средствъ 3—4 т. р. ежегодно. Въ 1893—1894 учебномъ году совѣтъ истратилъ на наемъ помѣщеній для 31 школы и на пособия при наймѣ 7 другихъ школъ 3.830 р. 75 к., слѣдовательно по 100 р. на каждую школу. Сумма эта, несмотря на свою незначительность, все-таки превышаетъ средній размѣръ платы за школьное помѣщеніе изъ средствъ Святѣйшаго Синода. Что касается расходовъ на постройку новыхъ и ремонтъ старыхъ школьныхъ зданій, то и здѣсь помощь училищнаго совѣта по недостатку средствъ не можетъ быть особенно значительною. Большинство домовъ для приходскихъ школъ построено правительствомъ въ 1872—1873 гг., но на ремонтировку ихъ особыхъ суммъ не ассигновано. Школьные зданія требуютъ капитальнаго ремонта, мѣстныхъ средствъ для этого не хватаетъ, а училищный совѣтъ въ состояніи производить только самыя необходимыя поправки: въ 1893—1894 гг. отремонтировано 13 школъ на сумму около 1.500 р., а въ 1892—1893 г. отремонтировано 9 школъ на сумму около 800 р. Въ предыдущіе годы расходы на ремонтировку школьныхъ зданій были значительнѣе, но и тогда все-таки не могли быть удовлетворяемы самыя насущныя потребности. Недостатокъ средствъ особенно чувствуется при постройкѣ новыхъ зданій для школъ.

Училищный совѣтъ „можетъ произвести въ годъ одну и рѣдко двѣ постройки“; послѣ этого неудивительно, что въ 1893—1894 учебномъ году только 10% изъ общаго числа православныхъ школъ были обеспечены помѣщеніями, построенными на средства училищнаго совѣта, и что, сверхъ этого, при постройкѣ только съ небольшимъ 20 школъ училищный совѣтъ оказалъ пособия мѣстнымъ обществамъ и училищнымъ попечительствамъ.

За покрытіемъ указанныхъ расходовъ, возложенныхъ закономъ на другія вѣдомства (зданія для приходскихъ школъ строятся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, временныя помѣщенія нанимаются изъ суммъ Святѣйшаго Синода, жалованье учителямъ вспомогательныхъ школъ платится обществами), и за вычетомъ расхода на со-

¹⁾ Въ 1888 г. совѣтъ израсходовалъ на пособия 101 учителю 1.658 р., причѣмъ размѣръ отдѣльныхъ пособій спускался ниже 5 руб.

держаніе канцеляріи, въ распоряженіи училищнаго совѣта остается ничтожная сумма для снабженія школъ мебелью, учебными книгами и пособіями.

Поэтому неудивительно, что дѣятельность училищнаго совѣта по снабженію школъ книгами очень незначительна. Въ періодъ съ 1875 по 1892 годъ у совѣта нашлись средства только для слѣдующихъ изданій: 1) на русскомъ языкѣ: Исторія Прибалтійскаго края Чехихина и прописи г. Малиновскаго; 2) на латышскомъ языкѣ: азбука и хрестоматія „Варпа“, составленныя священникомъ Крауклисомъ, и переводъ начальнаго наставленія въ православной вѣрѣ—протоіерея Соколова; 3) на эстонскомъ языкѣ: азбука г. Михельсона, русская исторія протоіерея Линденберга, нотная азбука священника Рамуля и переводъ упомянутаго сочиненія протоіерея Соколова, и 4) на шведскомъ языкѣ для обитателей острововъ Вормса и Рогэ—переводъ того же сочиненія протоіерея Соколова. На поименованныя изданія, а также на приобрѣтеніе книгъ для православныхъ школъ, совѣтъ въ 1876—1886 гг. истратилъ болѣе 24 т. рублей, при чемъ не только не было особаго отпуска суммъ для этой цѣли, но и деньги, выручаемыя отъ продажи учебниковъ, на основаніи 43 ст. смѣтныхъ правилъ 1878 г. зачислялись въ доходъ казны. Только въ 1889 г. вслѣдствіе особаго ходатайства эти деньги остаются въ распоряженіи совѣта и употребляются на новыя изданія.

Что же касается удачнаго выбора изданныхъ книгъ, то въ этомъ отношеніи были сдѣланы нѣкоторые промахи; въ 1891 г. изъ 10 т. экземпляровъ изданной въ 1879 г. азбуки Крауклиса лежало въ складѣ при совѣтѣ 6.580 экземпляровъ, а изъ 5 т. экземпляровъ отпечатанной въ 1884 г. исторія Чехихина было не распродано 4.190 экземпляровъ. Такъ какъ требованія на эти книги прекратились, то училищный совѣтъ разослалъ ихъ въ школы чрезъ благочинныхъ, потребовавъ по 10 коп. за экземпляръ ¹⁾). Также поступалъ совѣтъ и раньше. Для болѣе удобнаго снабженія школъ учебниками въ 1889—1890 гг. устроены у настоятелей церкви книжные склады въ девяти центральныхъ пунктахъ Прибалтійскаго края. Въ эти склады поступаютъ изъ совѣта какъ его собственныя изданія, такъ и другіе употребляющіеся въ православныхъ школахъ учебники и книги религіозно-нравственнаго содержанія.

Дѣятельность совѣта по снабженію школъ мебелью и классными

¹⁾ *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1891 г., стр. 779—780.

принадлежностями занимаетъ послѣднее мѣсто. Расходы на этотъ предметъ ограничиваются нѣсколькими сотнями рублей въ годъ и постепенно все уменьшаются и уменьшаются: въ 1888 г. на этотъ предметъ израсходовано 287,5 р., въ 1892 г.—254,5 р., а въ 1893—1894 г.—всего только 157 р.

О православныхъ школахъ Прибалтійскаго края заботится цѣлый рядъ вѣдомствъ и учреждений: и правительство въ лицѣ Святѣйшаго Синода, и министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ, и епархіальное вѣдомство, и училищный совѣтъ, и городскія правленія, и православныя братства, и церковно-приходскія и училищныя попечительства, и само мѣстное населеніе, и отдѣльныя лица, наконецъ; заботы эти продолжаются въ теченіе цѣлаго полстолѣтія; несмотря на это, большинство школъ не имѣетъ собственныхъ помѣщеній, большинство учителей не имѣетъ специальной педагогической подготовки; преподаваніе даже главнаго предмета, Закона Божія, подчасъ оказывается неудовлетворительнымъ, не говоря уже о томъ, что во время ревизіи министра народнаго просвѣщенія въ концѣ 1893 года въ православныхъ школахъ познанія учениковъ въ русскомъ языкѣ оказались ниже, чѣмъ въ школахъ лютеранскихъ. Но несмотря на свою матеріальную необеспеченность, несмотря на крайне неудовлетворительную постановку учебнаго дѣла, православная школа Прибалтійскаго края, насколько могла, содѣйствовала дѣлу образованія не только православнаго, но и лютеранскаго населенія. Несмотря на то, что законъ 1819 года вводилъ общеобязательное обученіе въ Лифляндіи, оно распространялось очень медленно, потому что крестьяне не имѣли средствъ на заведеніе школъ, а среди помѣщиковъ господствовало убѣжденіе, что учить и просвѣщать „латышей противно интересамъ высшихъ сословій“¹⁾.

„Учрежденіе хорошей школы въ деревнѣ, — писалъ Фр. Фокс въ „Allgemeine deutsche Lehrerzeitung-ъ“, — вовсе не соответствовало интересамъ помѣщика... крестьянина учили писать и читать, чтобы онъ могъ сдѣлаться писаремъ или старостой у своего помѣщика“²⁾. Движеніе народа въ православіе совершенно измѣнило взгляды нѣмцевъ на народное образованіе. Подавивъ движеніе 1840 годовъ, помѣщики и пасторы соединенными усилиями принялись за основаніе школъ и

¹⁾ Сочиненія Самарина, т. VIII, стр. 141.

²⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. СХV, отд. I, стр. 72.

германизацию латышей и эстов¹⁾. Нѣмецкій языкъ сталъ вводиться не только въ приходскія, но и въ нѣкоторыя волостныя школы, и высшій слой прибалтійскаго крестьянства началъ постепенно онѣмечиваться. Нѣсколько статистическихъ данныхъ всего лучше покажутъ быстрые шаги, сдѣланные въ народномъ образованіи эстовъ и латышей послѣ 1840-хъ годовъ. До 1830 года во всей Эстляндіи было только 17 школъ, а къ 1862 году число ихъ поднялось до 260²⁾. Въ 1846 году преосвященный Филаретъ насчитывалъ едва десятокъ приходскихъ школъ на всѣ 106 лютеранскихъ приходоу Лифляндіи, не считая острова Эзеля³⁾. Что приходскія школы были далеко не вездѣ, объ этомъ свидѣлствуютъ и нѣмецкіе статистики. Въ изслѣдованіи доктора Бульмеринга: „Livländisches Landschulwesen“, значится, что въ 1849—1850 учебномъ году въ Лифляндіи было 83 приходскихъ школы съ 1.379 учащимися, и что только въ 1858—1859 учебномъ году почти всѣ лютеранскіе приходы имѣли приходскія школы. Въ томъ же изслѣдованіи высчитано, что въ 1852—1853 году въ Лифляндіи изъ дѣтей школьнаго возраста (отъ 7 до 17 лѣтъ) училась только одна десятая, а въ 1858—1859 году уже одна шестая часть⁴⁾. Въ 1869 году число лютеранскихъ приходскихъ школъ въ Лифляндіи поднялось до 110, а волостныхъ училищъ насчитывалось 748⁵⁾. Приведенныя данныя вполне оправдываютъ слова преосвященнаго Веніамина: „въ дѣлѣ народнаго образованія водвореніе православія въ Лифляндіи косвеннымъ образомъ послужило и лютеранскому сельскому населенію“⁶⁾. Распространеніе православія и связанныхъ съ нимъ православныхъ школъ имѣло не только косвенное, но и прямое вліяніе на образованіе лютеранъ. Дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ было возможно, въ православныхъ школахъ, главнымъ образомъ, въ приходскихъ, вводилось преподаваніе русскаго языка, того самаго языка, къ изученію котораго все сильнѣе и силь-

¹⁾ Помѣщики, по свидѣтельству генераль-губернатора Альбединскаго, содѣйствовали развитію народныхъ школъ только подъ условіемъ распространенія въ нихъ нѣмецкаго языка.

²⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. СХVIII, отд. VI, стр. 111.

³⁾ *Самаринъ*, „Окраины Россіи“, IV, 275.

⁴⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. СХVI.

⁵⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. IV, стр. 1424.

⁶⁾ *Самаринъ*, „Окраины Россіи“, IV, 272.

нѣе стало обнаруживаться тяготѣніе среди низшихъ слоевъ прибалтійскаго крестьянства. Это тяготѣніе объясняется тѣми же самыми причинами, какія вызвали и переходъ въ православіе. Массы латышей и эстовъ цѣлые вѣка томились въ такомъ рабствѣ, примѣровъ котораго трудно найти въ другихъ мѣстахъ Европы, и послѣдствіемъ этого угнетенія явилась страшная ненависть прибалтійскихъ народностей къ своимъ господамъ-нѣмцамъ и ко всему нѣмецкому, не исключая нѣмецкихъ служителей алтаря. Эта воспитанная вѣками въ цѣломъ рядѣ поколѣній ненависть прорывается на каждомъ шагу, напримѣръ, въ латышской народной поэзіи. Единственную надежду на улучшеніе своего положенія латыши и эсты возлагали на Россію, и люди, выступавшіе на ихъ защиту, какъ, напримѣръ, Меркель, ждали спасенія съ Востока, то-есть, отъ русскаго правительства. Эти надежды и ожиданія имѣли глубокое основаніе, потому что тѣ улучшенія, которыя произошли въ положеніи крестьянина, были послѣдствіемъ указаній русскихъ правителей, начиная съ Екатерины II. Къ сожалѣнію, желанія правительства ловко и незамѣтно парализовались прибалтійскимъ дворянствомъ, которому всегда почти предоставлялась первая роль въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта. Тѣмъ не менѣе въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, какія были для ливляндскаго крестьянина въ сороковыхъ годахъ, надежды на Россію проявлялись съ особенною силою, и массы простаго народа стремились къ переходу въ „царскую вѣру“ въ надеждѣ на улучшеніе своего матеріальнаго положенія. Тогда же являлось желаніе и учиться тому языку, на которомъ говоритъ царь и всѣ русскіе люди; такъ, напримѣръ, крестьяне, приходившіе къ преосвященному Иринарху въ 1841 году, заявляли, что они готовы учиться русскому языку¹⁾; по свидѣтельству православнаго латыша Индрика Страумита, въ 1840 году многіе латыши „даже пробовали говорить по-русски“; въ 1845 году одинъ изъ русскихъ преподавателей Дерптскаго университета писалъ, что эсты „упорно ищутъ случаевъ говорить на нашемъ языкѣ и спрашивали у мѣстнаго протоіерея Березскаго, нельзя ли завести школы съ преподаваніемъ русскаго языка“. При этомъ крестьяне не скрывали, для чего имъ нужны такія училища: „когда намъ или дѣтямъ нашимъ, — говорили они, — придется поступать въ рекруты, намъ при знаніи русской рѣчи самая служба царская будетъ понятнѣе и легче“. Къ этой практической выгодѣ отъ изученія

¹⁾ Сочиненія Самарина, VIII, 599.

русскаго языка скоро присоединились и другія, когда крестьяне получили право выселяться изъ предѣловъ Прибалтійскаго края. Тогда они уже стали говорить такъ: здѣсь на мѣстѣ житье плохое, приходится искать работы на сторонѣ, а какъ же намъ идти въ Россію, не зная русскаго языка¹⁾.

До появленія православныхъ школъ латыши и эсты почти не имѣли средствъ учиться по-русски, потому что въ народныхъ школахъ этотъ языкъ не преподавался, а соприкосновенія съ русскими солдатами, а также съ русскими торговцами и ремесленниками, жившими въ городахъ и странствовавшими по деревнямъ,—были слишкомъ кратковременны, чтобы населеніе отъ нихъ могло многому научиться. А что кое-какъ говорить по-русски латыши и эсты научались, это могутъ подтвердить мѣстные старожилы; объ этомъ же свидѣтельствуесть и Индрикъ Страумитъ въ своихъ запискахъ. По его разказамъ, даже дѣти пѣли: „пойдемъ, братцы, русской землю, русской земли добра жива“, то-есть, „пойдемъ, братцы, въ русскую землю; въ русской землѣ хорошо жить“²⁾.

Въ православныхъ школахъ, какъ приходскихъ, такъ и вспомогательныхъ, преподаваніе русскаго языка было обязательно въ силу закона 1850 года. Но, какъ выше было сказано, вслѣдствіе недостатка учителей, владѣющихъ русскимъ языкомъ, въ рѣдкихъ вспомогательныхъ школахъ учили по-русски, такъ что генераль-губернаторъ Альбединскій во всеподданѣйшей запискѣ, поданной въ 1868 году, даже заявилъ, что въ православныхъ школахъ Прибалтійскаго края „русскій языкъ не имѣетъ почти никакого развитія“. Это заявленіе вполнѣ вѣрно относительно школъ вспомогательныхъ; что касается школъ приходскихъ, то въ нихъ въ большинствѣ случаевъ было введено обученіе русскому языку; православные священники и причетники особенно съ 1857 года, когда ихъ мѣста стали занимать воспитанники Рижской духовной семинаріи,—свободно говорили по-русски.

Какъ бы то ни было, а средствъ для изученія русскаго языка было мало; между тѣмъ и практическія потребности въ знаніи этого языка и надежды на русское правительство относительно улучшенія быта прибалтійскихъ крестьянъ, особенно усилившіяся послѣ реформы 19-го февраля 1861 года, заставляли латышей и эстовъ, какъ православныхъ, такъ и лютеранъ, учиться по-русски. Вслѣдствіе этого

1) *Самаринъ*, „Окраины Россіи“, IV, 202 и 205.

2) Сочиненія *Самарина*, VIII, 240.

мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ просьбъ объ открытіи русскихъ училищъ и заявленій о желаніи учиться русскому языку. Просьбы эти подавались и православнымъ священникамъ, и рижскимъ преосвященнымъ во время ихъ объѣздовъ по епархіи, и ревельскому губернатору г. Галкину-Врасскому, и остзейскимъ генераль-губернаторамъ, и ревизовавшему прибалтійскія губерніи сенатору Манасеину, и, наконецъ, самому Государю въ прошеніяхъ на Высочайшее имя. Одними просьбами и заявленіями крестьяне не ограничивались: православные старались подыскать въ вспомогательныя школы учителей, владѣющихъ русскимъ языкомъ, и соглашались при этомъ, несмотря на всю свою бѣдность, возвышать имъ жалованье; лютеране отдавали своихъ дѣтей въ православныя школы, чтобы они учились тамъ русскому языку. По свидѣтельству корреспонденцій изъ Лифляндіи, печатавшихся въ враждебныхъ Россіи заграничныхъ изданіяхъ, въ 1860-хъ годахъ „страсть къ изученію русскаго языка доходила до бѣшенства“¹⁾. Обнаружившееся въ 1840-хъ годахъ тяготѣніе прибалтійскихъ массъ къ „русской“ вѣрѣ повело къ распространенію народнаго образованія и увеличенію числа лютеранскихъ школъ; стремленіе латышей и эстовъ къ изученію русскаго языка произвело перемѣну въ программахъ лютеранскихъ школъ: на ряду съ языкомъ нѣмецкимъ, введеннымъ съ цѣлями германизации, пасторы и помѣщики, уступая желаніямъ народа, принуждены были ввести и языкъ русскій, хотя преподаваніе его на первыхъ порахъ во многихъ школахъ ограничивалось только уроками русскаго чистописанія. Серьезной помощи въ дѣлѣ изученія русскаго языка лютеранскія школы не могли оказать населенію уже потому, что учителя этихъ школъ не знали русскаго языка, котораго имъ вовсе не преподавали въ учительскихъ семинаріяхъ. Не измѣнилось дѣло къ лучшему и послѣ того, какъ въ программы учительскихъ семинарій введенъ былъ русскій языкъ, и даже признано было необходимымъ преподаваніе его въ волостныхъ школахъ „по мѣрѣ учебныхъ средствъ“ (Высочайше утвержденныя 25-го апрѣля 1875 г. „Временныя правила о сельскихъ евангелическо-лютеранскихъ народныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ Эстляндской и Курляндской губерній“). Русскій языкъ сталъ занимать въ лютеранскихъ сельскихъ школахъ Прибалтійскаго края подобающее ему мѣсто только съ конца 1880-хъ го-

¹⁾ „Окраины Россіи“, IV, 207.

довъ, когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ обязательномъ обученіи русскому языку въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа для всѣхъ русскихъ подданныхъ (28-го февраля 1885 г.), и когда были Высочайше утверждены (17-го мая 1887 г.) „Временныя дополнительныя правила объ управленіи начальными училищами въ губерніяхъ: Лифляндской, Курляндской и Эстляндской“. Только послѣ изданія этихъ правилъ, 11 § которыхъ вводилъ преподаваніе на русскомъ языкѣ въ послѣдній годъ обученія въ волостныхъ школахъ и дѣлалъ обязательнымъ обученіе на этомъ языкѣ въ приходскихъ школахъ,—были удовлетворены желанія мѣстнаго населенія, заявленныя незадолго передъ тѣмъ крестьянскими депутаціями во время ревизіи сенатора Манаскина.

Такимъ образомъ до самаго послѣдняго времени почти единственными училищами въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ можно было учиться русскому языку, были православныя школы, если не считать двухклассныхъ министерскихъ училищъ, которыя начали возникать съ 1883 года. Поэтому неудивительно, что съ самыхъ первыхъ дней существованія православной школы лютеране стали посылать туда своихъ дѣтей, пользуясь закономъ 1850 г., раскрывшимъ двери этой школы для всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданія. На явленія подобнаго рода не могли смотрѣть хладнокровно нѣмецкіе помѣщики и лютеранскіе пасторы. Чтобы отвлечь лютеранскихъ дѣтей отъ новыхъ школъ, сельскія власти стали взыскивать съ родителей штрафы, установленныя за непосѣщеніе лютеранскихъ школъ, такъ что понадобился Высочайшій указъ отъ 31-го іюля 1872 г., объявившій подобныя штрафы незаконными. Несмотря на это повелѣніе, штрафы съ непослушныхъ родителей продолжались взыскиваться, и только съ вступленіемъ въ должность попечителя Дерптскаго учебнаго округа М. Н. Капустина послѣдовало 20-го апрѣля 1886 г. распоряженіе о точномъ соблюденіи закона 31-го іюля 1872 года. Кромѣ взыскиванія штрафовъ „аукціонною продажей крестьянскихъ имуществъ“, лютеранскіе пасторы находили и другіе способы отвлекать своихъ духовныхъ чадъ отъ православной школы и русскаго языка. Указъ 1872 г., дозволившій посѣщеніе православныхъ школъ лютеранамъ, не освободилъ ихъ отъ того испытанія Закону Божию, которому должны подвергаться всѣ дѣти лютеранскаго вѣроисповѣданія передъ конфирмаціею. Лютеранскіе пасторы не только, елико возможно, затрудняли испытанія конфирмантовъ, посѣщавшихъ православныя школы, но даже и родителей этихъ юношей не допускали

къ причастію¹⁾). Какъ относилось лютеранское духовенство къ православнои школѣ, можно видѣть изъ того факта, что когда Рижское Петропавловское братство предложило одному пастору давать уроки Закона Божія для лютеранъ, поступившихъ въ братскую школу, то пасторъ отказался на томъ основаніи, что „его единичная законоучительская дѣятельность не можетъ сдѣлать дѣтей лютеранскихъ родителей истинными лютеранами, что они по необходимости будутъ полувѣрцами“. Когда же изъ опубликованнаго отчета за 1871 г. лютеранская консисторія усмотрѣла, что въ школѣ братства учится 40 дѣтей лютеранскаго вѣроисповѣданія, тогда она потребовала, „чтобы дѣти евангелическаго вѣроисповѣданія немедленно были исключены изъ названной школы и на будущее время въ оную таковыя принимаемы не были“²⁾). Требованіе это осталось, конечно, неисполненнымъ, и въ братской школѣ попрежнему учились лютеранскія дѣти, нѣрѣдко даже въ большемъ числѣ, чѣмъ дѣти православныхъ. Такъ въ 1872 г. изъ 124 учениковъ лютеранъ было 34, въ 1877 г. изъ 111 учениковъ было 44 лютеранина, а въ 1878 г. число лютеранъ достигло 69 при общемъ числѣ 109 учащихся³⁾). Не только въ городскихъ школахъ, но и въ сельскихъ православныхъ училищахъ всегда были учащіеся изъ лютеранъ. Отчетъ за 1870—1871 г. свидѣтельствуетъ, что „въ большинствѣ православныхъ училищъ вмѣстѣ обучаются и дѣти лютеранъ“⁴⁾). Въ „Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія“ за 1883 г. говорится: „во всѣхъ православныхъ училищахъ Прибалтійскаго края, называемыхъ у латышей и эстовъ русскими училищами, обучается значительное количество дѣтей лютеранскаго исповѣданія, привлекаемыхъ въ эти училища желаніемъ обучаться русскому языку, который преподается въ нихъ гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ въ лютеранскихъ школахъ“⁵⁾). Несмотря на противодѣйствіе пасторовъ и лютеранскихъ властей, приливъ лютеранскихъ дѣтей въ православныя школы усиливался до самаго послѣдняго времени, о чемъ можетъ дать нѣкоторое представленіе слѣдующая таблица, составленная на основаніи отчетовъ училищнаго совѣта.

¹⁾ „Окраины Россіи“, IV, 259.

²⁾ Ibid., 262.

³⁾ Отчеты оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

⁴⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. V, стр. 1871.

⁵⁾ Ibid., т. VIII, стр. 1608.

Года.	Лифлянд. губ.			Эстлянд. губ.			Курлянд. губ.			Весь Прибалтійскій край.		
	Общее число учащихся.	Въ томъ числѣ.		Общее число учащихся.	Въ томъ числѣ.		Общее число учащихся.	Въ томъ числѣ.		Общее число учащихся.	Въ томъ числѣ.	
		Православныхъ.	Лютеранъ.		Православныхъ.	Лютеранъ.		Православныхъ.	Лютеранъ.		Православныхъ.	Лютеранъ.
1887—1888	13290	10555	2679	2214	1518	696	1557	818	575	17061	12891	3950
1888—1889	12936	10210	2674	2178	1477	700	1678	813	682	16792	12500	4056
1889—1890	12973	10217	2702	1910	1283	625	2042	885	975	16925	12385	4302
1890—1891	13087	10024	3021	1911	1291	615	2229	899	1147	17247	12214	4783
1891—1892	12733	9774	2905	1857	1197	657	2016	829	1010	16606	11800	4572
1892—1893	12329	9723	2519	1956	1128	766	1947	832	894	16222	11683	4179
1893—1894	12534	10050	2371	2063	1233	828	1893	806	887	16490	12089	4086

Изъ этой таблицы видно, что въ 1890—1891 учебномъ году число лютеранъ во всѣхъ православныхъ школахъ Прибалтійскаго края составляло почти 28% общаго числа учащихся, и что въ Курляндской губерніи число лютеранъ за послѣднее пятилѣтіе даже превышаетъ число православныхъ учениковъ. Съ 1890—1891 учебнаго года общее число лютеранскихъ дѣтей, учащихся въ православныхъ школахъ, понижается изъ года въ годъ, и явленіе это нельзя не поставить въ связь съ мѣрами учебнаго начальства относительно введенія русскаго языка въ лютеранскія школы.

По „Вѣдомостямъ о православныхъ народныхъ училищахъ за 1891—1892 г.“, только въ 130 школахъ (изъ 470) не было ни одного лютеранина; за то, наоборотъ, не только въ Курляндской, но и въ другихъ прибалтійскихъ губерніяхъ оказалось не мало школъ, гдѣ ученики лютеранскаго вѣроисповѣданія составляли громадное большинство. Такъ напримѣръ, въ Лифляндской губерніи: въ Старо-Пебалгской приходской школѣ въ 1892 г. было 8 православныхъ и 24 лютеранина, въ Нейгофской вспомогательной школѣ—9 православныхъ и 29 лютеранъ, въ Кольценской приходской школѣ—6 православныхъ и 17 лютеранъ, въ Верроской приходской школѣ—9 православныхъ и 31 лютеранинъ, въ Юрьевской (Дерптской) приходской школѣ—30 православныхъ и 166 лютеранъ, въ Врангельсгофской приходской дѣвичьей школѣ—3 православныхъ и 24 лютеранки, въ Конгутской вспомогательной школѣ—12 православныхъ и 47 лютеранъ, въ Рин-

генской приходской школѣ 16 православныхъ и 61 лютеранинѣ, въ Сааренгофской приходской школѣ—2 православныхъ и 32 лютеранина и т. д. и т. д. Въ Курляндіи мы также находимъ школы съ значительнымъ преобладаніемъ учащихся лютеранскаго вѣроисповѣданія. Въ Лепинской вспомогательной школѣ въ 1892 г. было 3 православныхъ и 14 лютеранъ, въ Газауской вспомогательной школѣ—8 православныхъ и 40 лютеранъ, въ Гольдингенскомъ двухклассномъ приходскомъ училищѣ—53 православныхъ и 117 лютеранъ, въ Туккумской приходской школѣ—14 православныхъ и 53 лютеранина, въ Гроссъ-Ирбенской вспомогательной школѣ—9 православныхъ и 40 лютеранъ и т. д. Наконецъ, въ Эстляндіи: въ Ревельской Николаевской приходской школѣ—24 православныхъ и 79 лютеранъ, въ Везенбергской приходской школѣ—10 православныхъ и 66 лютеранъ, въ Аррокюльской приходской школѣ—24 православныхъ и 78 лютеранъ, въ Вейсенштейнской—3 православныхъ и 17 лютеранъ, въ приходской школѣ г. Балтійскаго Порта—4 православныхъ и 21 лютеранинѣ, въ Гапсальской приходской школѣ—20 православныхъ и 100 лютеранъ, въ Оровской вспомогательной школѣ—4 православныхъ и 14 лютеранъ, въ Вагастской вспомогательной школѣ—8 православныхъ и 25 лютеранъ и т. д. Мы перечислили только незначительную часть православныхъ школъ съ преобладающимъ числомъ лютеранскихъ дѣтей, но и приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы понять, какое важное значеніе имѣетъ православная школа и для лютеранскаго населенія Прибалтійскаго края. Замѣтимъ при этомъ, что въ 1892 г. уже происходилъ отливъ лютеранъ изъ православныхъ школъ, благодаря обрусенію лютеранскихъ школъ. Чѣмъ объяснить такое весьма странное на первый взглядъ явленіе? Православныя школы влечутъ жалкое существованіе, болѣе жалкое, чѣмъ многія лютеранскія школы, положеніе которыхъ также незавидно. Господствующіе классы и матеріально и нравственно поддерживаютъ лютеранскія школы и взыскиваютъ громадные для крестьянскихъ средствъ штрафы, достигающіе до 50 коп. за каждый пропущенный день. Между тѣмъ пѣляя тысячи лютеранскихъ дѣтей учатся въ православныхъ школахъ, и не только въ приходскихъ и городскихъ школахъ, обеспеченныхъ и хорошими помѣщеніями и специально подготовленнымъ учебнымъ персоналомъ, но также и въ вспомогательныхъ школахъ, терпящихъ „нѣтсноту и духоту“ въ наемныхъ помѣщеніяхъ и руководимыхъ воспитанниками приходскихъ школъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ лютеране оказывали предпочтеніе православнымъ школамъ пе-

редь лютеранскими потому, что первыя были ближе къ ихъ мѣстожителству. Но главною причиною, какъ упомянуто выше, было стремленіе изучить русскій языкъ, необходимый латышу и эсту и для облегченія тягостей военной службы и на случай переселенія во внутреннія губерніи. Этой причины не скрываютъ лютеранскіе школьмейстеры, она обнаруживается и въ томъ уменьшеніи числа учащихся въ православныхъ школахъ лютеранъ, которое замѣтно съ 1890—1891 учебнаго года.

Прибалтійская православная школа служила всему населенію края безъ различія народностей и вѣроисповѣданій, служила, насколько могла, при своемъ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи. На предыдущихъ страницахъ выяснено, какъ вредно отзывается матеріальная необезпеченность школъ на постановкѣ учебнаго дѣла. Но недостатокъ средствъ и связанныя съ нимъ ненормальныя явленія школьной жизни—не единственное зло въ постановкѣ народнаго образованія. Для приведенія въ исполненіе закона объ обязательномъ обученіи дѣтей православныхъ латышей и эстовъ (правила 1870 г., § 11) необходима прежде всего физическая возможность для населенія посылать своихъ дѣтей въ школы: то-есть, достаточное количество школъ и извѣстная матеріальная обезпеченность родителей. На недостатокъ православныхъ школъ особенно жаловаться нельзя: въ 1893—1894 учебномъ году требовалось открыть только 15 новыхъ школъ, шесть лѣтъ тому назадъ недоставало только всего 17 школъ, что составляетъ менѣе 4% необходимаго числа школъ. Если ежегодно за послѣднее десятилѣтіе не посѣщаютъ школы 3 тысячи и болѣе православныхъ дѣтей, то причина такого печальнаго факта, конечно, не въ недостаткѣ 15—17 школъ. „Причиною сему,—говорится въ отчетѣ о состояніи православныхъ школъ въ 1889—1890 г.,—служить частію бѣдность родителей, которые не въ состояніи одѣть и отправить дѣтей своихъ въ школу, частію то, что многія православныя дѣти, находясь въ услуженіи у лютеранъ, не отпускаются сими послѣдними въ православную школу (,или же направляются въ лютеранскую школу“, какъ сказано въ отчетѣ за 1887—1888 г.), а частію и невѣжество родителей, которые не считаютъ необходимымъ посылать дѣтей своихъ въ школу“. Правда, существуетъ законъ, въ силу котораго содержаніе дѣтей бѣдныхъ родителей и сиротъ возлагается на крестьянскія общества ¹⁾, и на основаніи § 22 правилъ 1870 г.

¹⁾ Положеніе о лифляндскихъ вѣрстангахъ 26-го марта 1819 г., § 516, п. 4.

школьное попечительство, представляя волостному старшинѣ списокъ дѣтей, обязанныхъ посѣщать школы, „обозначаетъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ предполагается содержать на счетъ общества по сиротству или бѣдности родителей и хозяевъ“. Къ сожалѣнію, по свидѣтельству упомянутого отчета, „этотъ законъ почти никогда не исполняется, да и родители такихъ дѣтей, зная безуспѣшность своихъ хлопотъ, не являются съ своими просьбами по этому предмету въ волостные суды, гдѣ въ большинствѣ случаевъ старшинами и членами состоятъ лютеране“. Содѣйствіе мѣстныхъ властей необходимо также и для того, чтобы заставить лютеранъ посылать въ школы находящихся у нихъ въ услуженіи православныхъ дѣтей, и для того, чтобы взыскивать штрафы съ родителей, или вовсе не посылающихъ своихъ дѣтей въ школы или посылающихъ крайне неаккуратно. Но „волостные суды, — жалуются отчеты, — состоящіе большею частью изъ лютеранъ, враждебно относятся къ православной школѣ и очень рѣдко исполняютъ законныя требованія училищныхъ попечительствъ“. Даже тамъ, гдѣ требованія попечительствъ исполняются, и съ родителей взыскиваются штрафныя деньги, невозможно установить обязательнаго посѣщенія школъ всѣми дѣтьми вслѣдствіе тѣхъ мизерныхъ штрафовъ (въ 1½ коп. за пропущенный день), которые установлены правилами 1870 г. Благодаря этому обстоятельству, масса дѣтей школьнаго возраста только значится въ спискахъ училищъ, а на самомъ дѣлѣ или вовсе не посѣщаетъ школъ или посѣщаетъ ихъ крайне неаккуратно¹⁾. Полутора-копеечный штрафъ „не достигаетъ цѣли“, „число православныхъ дѣтей, не посѣщающихъ школы, съ каждымъ годомъ увеличивается“, „волостныя правленія враждебно относятся къ положенію православной школы и не исполняютъ требованій училищныхъ попечительствъ“, „существующія для православныхъ народныхъ школъ правила не даютъ училищнымъ попечительствамъ права, при содѣйствіи волостныхъ правленій, требовать обязательнаго представленія дѣтей въ школу“, „православное населеніе оказываетъ мало поддержки вспомогательнымъ школамъ“ — таковы жалобы, изъ года въ годъ повторяющіяся въ отчетахъ училищнаго совѣта. „Въ виду этого, — сказано въ послѣднемъ отчетѣ, — училищный совѣтъ призналъ необходимымъ позаботиться о составленіи для православныхъ народныхъ училищъ новыхъ пра-

¹⁾ Это обстоятельство необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ статистическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ отчетовъ о православныхъ школахъ.

вилъ, вопліѣ обезпечивающихъ какъ обязательное и аккуратное посѣщеніе православными дѣтьми школъ и неуклонное обученіе ихъ закону Божію, такъ и опредѣленное обязательное участіе православныхъ членовъ волостныхъ обществъ въ содержаніи вспомога- тельныхъ школъ*. Новое положеніе о православныхъ народныхъ учи- лищахъ Прибалтійскаго края было выработано въ 1890 г. и въ концѣ того же года представлено г. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода для исходотайствованія законодательной санкціи. Въ этомъ проектѣ признано необходимымъ возвысить денежные штрафы за непосѣщеніе школъ и обязать православныхъ латышей и эстовъ устраивать и со- держать школы на свои средства. Разсмотрѣніе проекта новаго по- ложенія о православныхъ школахъ отложено впредь до изданія по- ложеній о евангелическо-лютеранскихъ школахъ и о земскихъ повин- ностяхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, потому что при утверженіи перваго изъ нихъ будетъ обсуждаться вопросъ объ обязатель- номъ посѣщеніи школъ лютеранскими дѣтьми и о мѣрахъ, обезпечи- вающихъ обязательное обученіе; въ проектѣ же положенія о земскихъ повинностяхъ „предполагается расходы по содержанію учителей и приобрѣтенію школьныхъ принадлежностей по всѣмъ вообще началь- нымъ народнымъ, въ томъ числѣ и православнымъ училищамъ, отне- сти на суммы губернскаго земскаго сбора каждой губерніи по при- надлежности“¹⁾.

Разсмотрѣніе упомянутыхъ положеній о лютеранскихъ школахъ и о земскихъ повинностяхъ приближается къ концу, поэтому училищ- ный совѣтъ надѣется, что въ скоромъ времени послѣдуетъ и пере- смотръ положенія о православныхъ школахъ. Здѣсь уместно задаться вопросомъ, какія же измѣненія внесутъ указанныя положенія въ жизнь православной школы, и при какихъ условіяхъ начнетъ вто- рое пятидесятилѣтіе ея существованія. Предположимъ, что всѣ *ria desideria* совѣта по дѣламъ православныхъ школъ Прибалтійскаго края осуществляются, предположимъ, что правительство предоставитъ въ распоряженіе совѣта ежегодно такую сумму, какой онъ потре- буетъ, что православныя школы будутъ обезпечены и хорошими по- мѣщеніями и подготовленными учителями, что въ приходскихъ шко- лахъ будутъ обучать не псаломщики, а учителя, помимо школы не имѣющіе другихъ обязанностей, что штрафы за непосѣщеніе школы будутъ возвышены до 25—50 коп. за день, какъ это было недавно

¹⁾ *Рижскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1896 г., стр. 19.

въ лютеранскихъ школахъ, и что волостные суды и волостные старшины будутъ обязаны закономъ исполнять требованія училищныхъ попечительствъ. Безъ сомнѣнія, при этихъ условіяхъ учить въ православныхъ школахъ будутъ лучше, общій уровень образованія, безспорно, поднимется; жалобы на плохое преподаваніе русскаго языка и даже закона Божія прекратятся, процентъ выдерживающихъ экзаменъ на льготы по воинской повинности повысится; но еще вопросъ, будетъ ли увеличиваться число учащихся, будетъ ли возможность штрафами загонять въ школы дѣтей такихъ родителей, которые по своему невѣжеству будутъ не сознавать пользы ученія, будетъ ли дана возможность сиротамъ и дѣтямъ бѣдняковъ посѣщать школы. Намъ кажется, что увеличенный размѣръ штрафовъ и точное опредѣленіе отношеній сельскихъ властей къ училищнымъ попечительствамъ мало помогутъ дѣлу образованія православнаго населенія. „Внѣшнее побужденіе ... необходимо въ Прибалтійскомъ краѣ,—говорится въ отчетахъ училищнаго совѣта,—потому что вообще населеніе прибалтійскихъ губерній вѣками приучено къ внѣшнему давленію“. Слѣдовательно, безъ помощи волостныхъ судовъ и волостныхъ старшинъ, налагающихъ и взыскивающихъ штрафы и назначающихъ пособія бѣднымъ ученикамъ, православная школа не можетъ обойтись. Но отношеніе волостныхъ властей къ православнымъ школамъ, по свидѣтельству отчетовъ, въ настоящее время отличается враждебнымъ характеромъ. Если даже враждебныя отношенія замѣнятся простымъ равнодушіемъ, то и тогда обязательность обученія будетъ существовать только на бумагѣ. Никакія давленія со стороны комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, никакіе циркуляры губернскихъ властей существенно не измѣняютъ дѣла. Доказательства на лицо. Вслѣдствіе несочувствія или даже простаго равнодушія прибалтійскаго дворянства и духовенства къ обрусенію лютеранскихъ школъ число учащихся въ нѣкоторыхъ школахъ уменьшилось въ нѣсколько разъ, о чемъ часто сообщается въ мѣстной печати. Происходитъ это оттого, что сельскія власти, находящіяся въ экономической или духовной зависимости отъ помѣщиковъ и пасторовъ, не заботятся объ аккуратномъ посѣщеніи школъ дѣтьми и не взыскиваютъ даже узаконеннаго 5-копеечнаго штрафа, тогда какъ раньше тѣ же самыя власти взыскивали по 25—50 коп., назначенныхъ лютеранскими школьными конвентами за каждый пропущенный день.

Жизнь и исторія 50-лѣтняго совмѣстнаго существованія православной и лютеранской школы указываютъ необходимость болѣе су-

щественныхъ измѣненій въ положеніи православной прибалтійской школы, чѣмъ тѣ, о которыхъ ходатайствуетъ училищный совѣтъ. Мы видѣли, что православныя школы существуютъ не исключительно для православныхъ дѣтей. Въ нихъ учатся цѣлыя тысячи лютеранъ, во многихъ школахъ лютеранъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ православныхъ, а въ Курляндской губерніи даже общее число учениковъ православнаго вѣроисповѣданія *ниже* числа лютеранскихъ учащихся.

Кромѣ того, въ православныхъ школахъ учатся дѣти раскольниковъ, католиковъ и даже евреевъ. Нельзя также не обратить вниманія и на то обстоятельство, что вслѣдствіе разбросанности православнаго населенія приходится содержать гораздо больше школъ, чѣмъ ихъ нужно, судя по общему количеству православныхъ латышей и эстовъ. По свѣдѣніямъ лифляндскаго статистическаго комитета въ 1887 г. ¹⁾ въ Лифляндской губерніи было 1217 лютеранскихъ школъ съ 85 т. учащимися, для православныхъ существовала 381 школа, гдѣ училось 13.435 мальчиковъ и дѣвочекъ, считая въ томъ числѣ и лютеранъ. Слѣдовательно, на одну лютеранскую школу приходилось почти 70 учащихся, тогда какъ на православную школу—только 35 чел. Далѣе, въ лютеранскихъ школахъ было 1.543 учащихся, а въ православныхъ 644 учителя, слѣдовательно, въ лютеранской школѣ на одного учителя приходилось 55 учениковъ, а въ православной только 21 ученикъ ²⁾.

Изъ „Вѣдомости о православныхъ народныхъ училищахъ за 1891—1892 г.“ мы узнаемъ, что существуетъ не мало православныхъ приходовъ, гдѣ число православныхъ школъ непропорціонально велико. Въ Якобштадтскомъ Свято-Духовскомъ приходѣ на 810 прихожанъ обоого пола существуетъ 4 школы, въ Паденормскомъ приходѣ на 983 прихожанинъ—5 школъ, въ Юргенбургскомъ приходѣ на 775 душъ—4 школы, въ Ристинскомъ приходѣ на 720 душъ—4 школы, въ Геймадрскомъ приходѣ на 525 прихожанъ 3 школы, въ Домеснескомъ приходѣ на 684 прихожанина—5 школъ, въ Вейсенштейнскомъ приходѣ на 405 прихожанъ—3 школы и т. д. Если въ указанныхъ приходохъ всѣ дѣти школьнаго возраста (считая 10% общаго числа жителей) будутъ посѣщать школы, то и тогда

¹⁾ Нарочно беремъ этотъ годъ, когда обрусительныя реформы почти еще не коснулись лютеранскихъ народныхъ школъ.

²⁾ Справочная книжка Лифляндской губерніи за 1889 г.

въ школахъ этихъ приходоѡъ будетъ по 13—20 ученикоѡъ. На самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что православныя школы посѣщаются и лютеранскими дѣтьми, не мало существуетъ такихъ школъ, не только вспомогательныхъ, но и приходскихъ, гдѣ число учащихся не достигаетъ даже 10 чел. Послѣ этого неудивительно, что въ отчетахъ училищнаго совѣта мы ежегодно встрѣчаемъ извѣстiя о закрытiи нѣсколькихъ школъ „по малочисленности ученикоѡъ“. Приведенные факты наводятъ на слѣдующiя соображенiя. Если въ большинствѣ православныхъ школъ выстѣ съ православными дѣтьми учатся и дѣти лютеранъ, то несправедливо ходатайствовать объ „опредѣленномъ обязательномъ участiи православныхъ членоѡъ“ волостныхъ обществъ въ содержанiи хотя бы только вспомогательныхъ школъ. Гораздо справедливѣе было бы ходатайствовать о томъ, чтобы школы, гдѣ учатся и православные и лютеране, содержались на общiя средства крестьянъ, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданiя. Далѣе, если находятся школы съ незначительнымъ числомъ учащихся, то крайне несправедливо въ интересахъ общественной экономiи нанимать для нихъ удовлетворительное помещенiе и содержать удовлетворительнаго учителя. Гораздо выгоднѣе уничтожить тѣ условiя, пренебrecь которыми могутъ далеко не всѣ лютеранскiе родители, и которыя ставятъ православную школу во враждебныя отношенiя къ мѣстнымъ властямъ...

Однимъ словомъ, выгоднѣе произвести нѣкоторыя измѣненiя во внутреннемъ строѣ православной школы, чтобы лютеране посылали туда своихъ дѣтей такъ же охотно, какъ и въ остальныя народныя школы.

Уничтоженiе названiй: „православная школа“, „евангелическо-лютеранская школа“, и замѣна ихъ общимъ названiемъ „народная школа“, гдѣ обучаются всѣ крестьянскiя дѣти безъ различiя национальности и вѣроисповѣданiя, отозвалось бы, намъ кажется, самымъ благотворнымъ образомъ на образованiи народной массы, и особенно на образованiи православныхъ латышей и эстовъ.

Указанное измѣненiе не только не поведетъ къ упадку православiя въ краѣ, но будетъ еще способствовать его развитiю или, по крайней мѣрѣ, облегчитъ существованiе православнаго населенiя. Враждебное отношенiе мѣстныхъ властей къ православнымъ школамъ уйдетъ въ область исторiи и преданiй. Нравственное влiянiе совмѣстнаго обученiя лютеранскихъ и православныхъ дѣтей обнаружится еще на школьной скамьѣ; совмѣстныя занятiя положатъ начало мирнымъ, даже дружескимъ

отношеніямъ, которыя изъ школы перейдутъ и въ жизнь. Измѣненія въ содержаніи школъ произойдутъ совмѣстно съ измѣненіями и въ области завѣдыванія школами. Указанное выше двоевластіе должно уничтожиться, и ближайшимъ начальствомъ надъ народными школами долженъ остаться инспекторъ народныхъ училищъ. Къ такому измѣненію большинство православныхъ священниковъ отнесется не иначе, какъ сочувственно, потому что тогда съ плечъ православнаго духовенства снимется тяжелая обуза ближайшаго надзора за вспомогательными школами, разбросанными по угламъ громаднхъ приходо-¹⁾въ). Что касается до преподаванія Закона Божія въ приходскихъ школахъ и до наблюденія за его преподаваніемъ въ школахъ вспомогательныхъ, то эта крайне важная въ Прибалтійскомъ краѣ миссія попрежнему останется за православнымъ духовенствомъ. Самое преподаваніе основъ православія, хромающее въ настоящее время, какъ мы видѣли изъ отчетовъ училищнаго совѣта, пойдетъ гораздо успѣшнѣе, когда сдѣлается исключительною заботою священника. Въ этомъ отношеніи съ православными школами произойдетъ то же самое, что произошло съ лютеранскими школами послѣ подчиненія ихъ въ учебномъ отношеніи инспекторамъ народныхъ училищъ. Православные священники, такъ же, какъ и лютеранскіе пасторы, сосредоточивъ все свое вниманіе на преподаваніи Закона Божія, поставятъ этотъ важный предметъ на должную высоту.

Единственное главное затрудненіе при совмѣстномъ обученіи православныхъ и лютеранъ — преподаваніе Закона Божія въ вспомогательныхъ школахъ — легко устраняется. Если школа настолько велика, что въ ней необходимы два учителя, то одинъ изъ нихъ можетъ быть православнымъ, а другой лютераниномъ. Если въ школѣ одинъ учитель, то онъ назначается или изъ православныхъ или изъ лютеранъ, смотря по тому, какое вѣроисповѣданіе преобладаетъ среди учащихся. Меньшинство учениковъ въ такой школѣ также не останется безъ религіознаго обученія. Не входя въ подробности относительно этого предмета, напомнимъ, что въ распоряженіи православнаго священника есть два псаломщика, которые будутъ освобождены отъ занятій въ приходской школѣ, а въ распоряженіи лютеранскаго пастора — кистеръ и форминдеры, которыхъ онъ разсылаетъ по окрестностямъ для исполненія различныхъ требъ.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ приходахъ Прибалтійскаго края православные живутъ отъ церкви на разстояніи 50 верстъ.

Впрочемъ, въ задачу нашу не входитъ выработка новаго проекта о народныхъ школахъ Прибалтійскаго края; мы позволили себѣ только въ заключеніи своего историческаго очерка сдѣлать нѣсколько предположеній о возможной организаціи народнаго образованія въ краѣ, представляющемъ смѣсь вѣроисповѣданій и національностей. Эти предположенія явились результатомъ не кабинетныхъ измышленій, а практическаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія и живаго общенія съ людьми, близко стоящими къ народнымъ школамъ, какъ православнымъ, такъ и лютеранскимъ.

И. Столяровъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Dr. Юлій Ротфуксъ. Воспитывающее обученіе. Bekenntnisse aus der Arbeit des erziehenden Unterrichtes. Das Uebersetzen in das Deutsche und manches Andere. Von D-r Julius Rothfuchs. Переводъ съ нѣмецкаго Д-м. Королкова. Москва. 1894. Стр. 156. Цѣна 80 коп.

Установить правильный методъ чтенія древнихъ авторовъ, говорить переводчикъ въ предисловіи, при которомъ они сохранили бы все свое благотворное вліяніе на языкъ и мысль учащагося,—вотъ главная цѣль предлагаемой работы д-ра Ротфукса. Что переводъ съ древнихъ языковъ на отечественный составляетъ одну изъ главныхъ задачъ современной классической школы, въ этомъ врядъ-ли кто будетъ сомнѣваться, и потому поставить этотъ переводъ наиболѣе цѣлесообразно есть задача не маловажная, съ правильнымъ разрѣшеніемъ которой тѣсно связаны жизненные интересы гимназій. Авторъ даетъ рядъ указаній и наблюденій, заимствованныхъ какъ изъ его личнаго педагогическаго опыта, такъ и изъ обширной, преимущественно нѣмецкой, литературы и имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ разбираемому въ книгѣ вопросу о методикѣ обученія древнимъ языкамъ. Указанія эти и наблюденія основываются непосредственно на психологическихъ данныхъ, и представляютъ рядъ драгоценныхъ и интересныхъ мыслей, которыя даютъ читателю обильный матеріалъ для размышленія. Такъ какъ при переводѣ съ древнихъ языковъ на русскій затрогивается масса сторонъ душевной дѣятельности, то, естественно, что мысли эти и разнообразны и касаются различныхъ моментовъ душевной дѣятельности: передъ глазами чита-

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

теля проходить умственный и духовный процессы, происходящие въ внутреннемъ мірѣ какъ ученика, такъ и учителя и при этомъ читатель почерпаетъ множество драгоценныхъ для педагога указаній, касающихся какъ надлежащаго развитія учениковъ, такъ и цѣлесообразнаго формировація педагога. Авторъ является приверженцемъ такъ называемаго апперцептивнаго метода, при которомъ возможно сохранить самодѣятельность ученика на всѣхъ ступеняхъ школьной работы. Изложеніе автора, послѣ введенія, въ которомъ говорится о чувствѣ роднаго языка, раздѣляется на двѣ части: а) общее направленіе и б) методъ въ его частностяхъ. Первый, въ свою очередь, дробится на работу мысли и развитіе ума, второй—на методическія указанія относительно перевода съ древнихъ языковъ, причемъ указывается на установленіе смысла предложеннаго для перевода мѣста, на выраженіе мыслей, на усвоеніе мыслей и на пользованіе мыслями; далѣе авторъ излагаетъ свой взглядъ на курсорное чтеніе въ старшихъ классахъ, на экскурсіи въ младшихъ и на письменные переводы съ древнихъ языковъ. Изложеніе д-ра Ротфукса ведется въ видѣ отдѣльныхъ тезисовъ, вкратцѣ характеризующихъ то, что авторъ намѣренъ развивать; такъ, напримѣръ, отдѣльные заголовки введенія слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: грусть учителя, опасный отпечатокъ, оружіе въ рукахъ противниковъ, цѣль и средства, методъ можетъ развивать, но можетъ и вредить, соблазнъ слишкомъ обильнаго чтенія, двойкій вредъ, какъ аукнется, такъ и откликнется. Изложена книга съ большимъ интересомъ и достаточною ясностью; переводъ исполненъ безукоризненно.

Историческая Христоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Составлена *Я. Г. Гуревичемъ*. Часть третья. Цѣна 2 р. 25 коп. С.-Пб. 1889. Стр. XII+718.

Третья часть христоматіи г. Гуревича по-русской исторіи вся посвящена времени Петра Великаго и его реформъ. Она содержитъ 109 статей, выбранныхъ составителемъ изъ ученыхъ трудовъ, посвященныхъ изображенію Петровской эпохи вообще, изъ специальныхъ монографій, историческихъ и историко-юридическихъ, и изъ документовъ и литературныхъ памятниковъ той эпохи, которой касается книга. По справедливому замѣчанію составителя, положеніе нашей литературы о Петрѣ Великомъ таково, что учащійся не можетъ съ пользою и удобствомъ руководиться ею непосредственно. Изъ

общихъ обзорѣхъ Петровскаго времени одни не полны, другіе односторонни, третьи не закончены, монографіи слишкомъ спеціальны, а мемуары и документы, относящіеся къ эпохѣ Петра, мало доступны и по содержанию и по изложенію. Эти обстоятельства вызываютъ нужду въ хрестоматіи; но ими же обусловлена и трудность составленія хрестоматическаго сборника. Статьи для него приходится собирать изъ большаго количества книгъ и изданій, черпая изъ нихъ по мелочамъ необходимый матеріалъ. Нужно сказать, что г. Гуревичъ счастливо преодолѣлъ предстоявшія ему трудности, привлекая къ дѣлу своему такихъ извѣстныхъ на педагогическомъ и ученомъ поприщѣ лицъ, какъ В. Д. Сиповскій и Е. Ф. Шмурло, и съ своей стороны обнаруживъ широкое знакомство съ историческою литературою. Особенно затруднительно для составителя было изложеніе „внутреннихъ реформъ“ Петра: здѣсь ему приходилось войти въ кругъ отдѣльныхъ спеціальныхъ монографическихъ изысканій и выбирать изъ нихъ путемъ мелочнаго компилированія все то, что доступно и пригодно для учениковъ средней школы. Съ особымъ и похвальнымъ вниманіемъ отнесся составитель къ такъ называемымъ „первоисточникамъ“ той эпохи: онъ внесъ въ хрестоматію очень много отрывковъ изъ официальныхъ и офиціозныхъ памятниковъ, изъ мемуаровъ, церковныхъ словъ, писемъ и даже учебниковъ Петровскаго времени.

Достоинства 3 части хрестоматіи г. Гуревича безспорны: она полна и хорошо составлена въ отношеніи и ученой солидности и учебной пригодности. Для школы она даетъ очень большой выборъ статей о разныхъ сторонахъ дѣятельности Петра Великаго и о событіяхъ его царствованія,—статей полезныхъ и для ученическаго чтенія и для справокъ преподавателя и для классныхъ бесѣдъ. Матеріалъ, предлагаемый въ хрестоматіи, взятъ изъ лучшихъ ученыхъ трудовъ. Если тѣ или другіе факты въ хрестоматіи покажутся невѣрными, а мнѣнія и взгляды ошибочными или отсталыми, то это вина не составителя разбираемой книги, а всей нашей ученой литературы. Изученіе Петровской эпохи, смысла, внѣшнихъ формъ и генезиса преобразованій Петра составляетъ очередную задачу нашей историографіи, еще далеко не рѣшенную. Разнообразіе точекъ зрѣнія на дѣло Петра, неустойчивость различныхъ мнѣній и выводовъ характеризуютъ тотъ переходный моментъ, который переживаетъ литература о Петрѣ послѣ перелома, произведеннаго главнымъ образомъ трудами С. М. Соловьева. Комплятивный трудъ непременно долженъ отразить на себѣ это переходное состояніе, слѣдуя въ одномъ случаѣ

старому, въ другомъ новому направленію, сопоставляя внѣшнимъ образомъ то, что непримиримо по существу. Особенно это замѣтно въ послѣднихъ семи статьяхъ, гдѣ даны несравнимыя между собою, разновременныя и разнохарактерныя общія оцѣнки Петра Великаго. Такихъ же погрѣшностей, которыя должно бы было поставить въ вину самому составителю, мы не замѣтили. Неприятно только видѣть въ хрестоматіи вздорную статью „Птенцы Петра Великаго“ (№ 98), взятую изъ сочиненія Гельбига „*Russische Günstlinge*“; кажутся нѣсколько рѣзкими иныя мѣста о „любострастіи“ Петра на стр. 687—688 въ статьѣ князя Щербатова. Въ книгѣ довольно опечатокъ.

Очеркъ методики и дидактики учебной географіи. Составилъ А. Соколовъ. Съ двумя таблицами чертежей. С.-Петербургъ. 1894 г. Стр. VI + 172. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что предлагаемый имъ „Очеркъ методики и дидактики учебной географіи“ представляетъ, главнымъ образомъ, сводъ статей, помѣщенныхъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, *Русской Школѣ* и *Ежегодникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*. Такимъ образомъ статьи эти интересующимся преподаваніемъ географіи уже болѣе или менѣе извѣстны.

По составу матеріала книга г. Соколова не столь разнообразна, какъ подобныя же существующіе у насъ труды Оберлендера и профессора Петри. Такъ, въ ней преподаватель не найдетъ ни обзорнія того, что составляетъ собственно предметъ географіи, ни какихъ-либо особенныхъ теоретическихъ разъясненій методовъ преподаванія; но все то, что нужно для начинающаго преподавателя, чтобы онъ на первыхъ порахъ не ходилъ въ потемкахъ относительно техники своего дѣла, все это въ книгѣ есть, изложено безъ многословія и иногда подкрѣпляется иностранными авторитетами.

Послѣ краткихъ разсужденій о географіи какъ наукѣ и учебномъ предметѣ, г. Соколовъ во 2-ой главѣ довольно обстоятельно останавливается на разъясненіи и на способѣ употребленія классныхъ пособій при преподаваніи географіи, какъ-то: глобуса, теллуриа, атласа, стѣнныхъ картъ и географическихъ картинъ, а позднѣе, въ 6-ой главѣ, онъ на пробныхъ урокахъ для различныхъ ступеней обученія географіи разъясняетъ, какимъ образомъ эти пособия примѣняются къ дѣлу. На методахъ преподаванія составитель не задерживаетъ читателя, за то довольно долго останавливается на составляющемъ

камень преткновенія для молодых преподавателей курсѣ пригготовительномъ и здѣсь разъясняетъ, какимъ образомъ ученикамъ должны быть сообщены ясныя, точныя представленія о планѣ, масштабѣ, о горизонтѣ и странахъ свѣта, объ истинномъ видѣ земли, о широтѣ и долготѣ, о распредѣленіи и очертаніи суши, о рельефѣ суши и т. д.

Глава о черченіи картъ (5-я), хотя и не обширна, но вразумительна: въ ней авторъ критически разбираетъ введенные нѣмецкими педагогами способы черченія картъ по нормальнымъ линіямъ, по геометрическимъ фигурамъ, по сѣткамъ, пунктамъ, а равно приемы при черченіи картъ нашихъ географовъ и педагоговъ—Михайлова и Пуликовского, и въ заключеніе указываетъ на недостатки существующаго класснаго черченія. Для освѣщенія текста главы авторъ представилъ 2 листа чертежей.

Въ послѣдней (7-ой) главѣ, подъ названіемъ „Литература учебной географіи“, г. Соколовъ сообщаетъ краткій отзывъ о существующихъ у насъ методикахъ географіи на русскомъ языкѣ, а затѣмъ о 8-ми нѣмецкихъ методикахъ и объ одной, именно Geikie—англійской. Точно также краткіе отзывы даются какъ объ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ атласахъ, географическихъ картинахъ, учебникахъ по географіи и хрестоматіяхъ.

Книга заканчивается весьма не лишнимъ указателемъ встрѣчающихся въ ней именъ авторовъ.

Въ общемъ, книгу г. Соколова нельзя не признать весьма полезною, особенно для начинающихъ преподавателей.

Учебная карта Кавказа. Составилъ полковника *Даниловскій*. Цѣна 1 руб. 25 коп. съ пересылкой.

Учебная карта Кавказа г. Даниловскаго издана на двухъ листахъ, въ масштабѣ достаточно удобномъ для класснаго употребленія. Рельефъ суши изображенъ 4-мя, а глубина морей—6-ю тонами. Сбоку приложенъ весьма полезный чертежъ Военно-Грузинской дороги съ обозначеніемъ станцій, разстояній между ними и высоты ихъ надъ уровнемъ моря. Первое впечатлѣніе рѣшительно въ пользу карты: она наглядна, не пестритъ ни графическими знаками, ни названіями; но всматриваясь ближе, приходится сказать, что она требуетъ поправокъ. Такъ, нѣкоторыя рѣки, особенно въ Закавказьѣ, изображены или недостаточно густыми красками или смѣшиваются съ границами губерній, какъ напримѣръ Арпачай, или же съ границами уѣздовъ, какъ на-

примѣръ Занга. Рѣка Сулакъ также затемняется областной границей и, кромѣ того, не имѣетъ названія.

Не на своихъ мѣстахъ выставлены слѣдующіе города: Екатеринодаръ, Армавиръ, Майкопъ, Баталпашинскъ, Кутаисъ, Ахалцыхъ, Телавъ, Эривань, Александрополь и Ботлихъ.

Въ иныхъ случаяхъ опускаются мѣстности болѣе важныя и зачисляются незначительныя; такъ опущены: Мцхетъ, Абасъ-Туманъ, Туапсе, Георгіевскъ, и внесены почтовые станціи и мѣстечки: Самтреди, Башъ-Нурашинъ, Тертерь, Джебраиль и т. п.

Встрѣчается неправильная транскрипція: Эчміандзинъ, Ново-Боязетъ, Леваши вмѣсто Лаваша, Гекчай вмѣсто Гокчай, Тіонети вмѣсто Тіонеты, Ляйляціи вмѣсто Лайлаши и т. п. Поименовывается Черноморскій хребетъ, но такого названія нѣтъ. Крѣпости не обозначены соотвѣтствующими знаками, хотя это было бы и не трудно.

Учебная карта Европы въ эпоху великаго переселенія народовъ, въ началѣ VI столѣтія. Составилъ и издалъ *И. П. Максимовъ*. Гомель, Могилевской губерніи, 1895 года.

Это уже третья карта г. Максимова. Первые двѣ были посвящены древней исторіи (Италія и монархія Александра Великаго). Говоря о нихъ, приходилось уже отмѣчать неудовлетворительность изданій г. Максимова въ картографическомъ отношеніи. Карта Европы въ началѣ V вѣка также не отличается точностью: береговья линія нанесены на ней весьма грубо, теченія рѣкъ обозначены только приблизительно; горъ совсѣмъ нѣтъ. Въ историческомъ отношеніи карта также оставляетъ желать многого. Вотъ нѣкоторые промахи г. Максимова. На средней Волгѣ находимъ *славянское* племя болгаръ, которыхъ составитель называетъ иначе волохами. Изъ восточно-финскихъ племенъ находимъ только мерю и мурому; мурома занимаетъ низовья Оки, а остальное теченіе этой рѣки занято славянами, такъ что не оказывается мѣста для мордвы или буртасовъ. Владѣнія Теодориха Великаго раскинулись на востокъ далеко за Мораву, чуть ли не до Искера (трудно сказать съ точностью, какая рѣка протекаетъ на восточной границѣ остготскаго государства—на столько неправильно показано ея теченіе). Вся сѣверо-восточная граница Вестготскаго королевства идетъ по Луарѣ, въ то время какъ въ дѣйствительности берега Луары никогда не принадлежали вестготамъ. Корсика, Сардинія, Балеарскіе и Питіузскіе острова показаны принадлежащими готамъ; остготамъ, или вестготамъ—неясно, такъ какъ

и тѣ и другіе обозначены зеленой краской. Во всякомъ случаѣ это невѣрно, такъ какъ эти острова захвачены были вандалами. За то вандалское королевство никогда не заходило такъ далеко въ глубь африканскаго материка, какъ думаетъ г. Максимовъ. Распределение племенъ на Великобританіи также врядъ ли правильно: Останглию составитель отводитъ бриттамъ, а всю среднюю часть острова—ангლოსаксамъ; готовъ совсѣмъ нѣтъ на картѣ ни на Ютландіи, ни на Великобританіи. Поселенія саксовъ начинаются широкой полосой у Одера и доходятъ до низовьевъ Рейна, такъ что вся Эльба до Богеміи занята германскими племенами: на сѣверѣ саксами, на югѣ тюрингами; тѣмъ не менѣе г. Максимовъ называетъ ее Лабой и только въ скобкахъ ставитъ „Эльба“. Вообще въ названіяхъ рѣкъ не соблюдено единообразія: однѣ названы римскими именами (Роданъ), другія—современными (Рейнъ, Маасъ и др.), большинство надписано обоими именами (Иберъ-Эбро, Падусъ-По и т. д.), нѣкоторыя—совсѣмъ не названы.

Нельзя не замѣтить также, что составитель напрасно выбралъ первые годы VI столѣтія. Обыкновенно предпочитаютъ или конецъ V вѣка, или годъ смерти Теодориха Великаго, и дѣлаютъ это не безъ основанія: въ первомъ случаѣ является возможность показать составныя части, соединенныя Хлодовехомъ, во второмъ—франкскую монархію послѣ смерти этого короля и остготское государство въ наибольшемъ его объемѣ. Моментъ, выбранный г. Максимовымъ, не представляетъ ни одного изъ этихъ преимуществъ и запечатлѣваетъ въ памяти учащихя промежуточную эпоху, когда Хлодовехъ покорилъ области Сіагрія и алеманновъ, но еще не вступилъ въ борьбу съ вестготами.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О ШЕСТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ ПРЕМІЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ ВЪ 1895 ГОДУ ¹⁾.

На соисканіе наградъ митрополита Макарія въ настоящемъ году было представлено 21 сочиненіе и четыре отложенныя отъ прежняго конкурса, за несвоевременнымъ доставленіемъ рецензій. Изъ 25 сочиненій—три, за недоставленіемъ отзывовъ, отложены до слѣдующаго конкурса, и, такимъ образомъ, въ соисканіи премій участвовало 22 сочиненія.

Для разсмотрѣнія ихъ и постановленія приговора была назначена Академіею, согласно правиламъ о наградахъ митрополита Макарія, комиссія подъ предѣдательствомъ непремѣннаго секретаря изъ вице-президента Академіи Л. Н. Майкова и академиковъ: Г. Г. Вильда, Ѳ. Ѳ. Бейльштейна, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. Г. Васильевского, А. А. Куника, барона В. Р. Розена и адъюнкта С. И. Коржинскаго.

Ознакомившись съ переданными на судъ ея сочиненіями, комиссія, для ближайшаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ, избрала рецензентовъ, частію изъ среды самихъ академиковъ, частію же изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ доставить рецензіи на конкурсныя сочиненія къ назначенному для того сроку. По истеченіи этого срока комиссія, по внимательномъ ознакомленіи съ доставлен-

¹⁾ Читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го сентября 1895 г. непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ *Н. Ѳ. Дубровинимъ*.

ными рецензіями и по произведенной баллотировкѣ увѣнчала полною премію въ 1500 руб. сочиненіе г. Форстена:

Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (1544—1648) т. I, Борьба изъ-за Ливоніи. С.-Петербургъ. 1893 г.; т. II, Борьба Швеціи съ Польшей и Габсбургскимъ домомъ (Тридцатилѣтняя война). С.-Петербургъ 1894 г. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ (1-й и 2-й выпуски). С.-Петербургъ 1889 и 1893 г.

Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя ординарный академикъ В. Г. Васильевскій.

Г. В. Форстенъ выступилъ на ученое поприще десять лѣтъ тому назадъ съ магистерскою диссертациею, которая носила заглавіе: „Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ“ (С.-Петербургъ, 1886). Рѣчь въ книгѣ шла преимущественно о вендскихъ городахъ Ганзейскаго союза съ Любекомъ во главѣ и о борьбѣ ихъ съ скандинавскими государствами, обусловливаемой, съ одной стороны, торговыми интересами на Балтійскомъ морѣ, а съ другой—политическимъ и национальнымъ ростомъ сѣверныхъ націй, шведской и датской. Уже тогда можно было догадываться, что молодой авторъ диссертации имѣетъ особое ученое призваніе, которое онъ и самъ сознаетъ; было также ясно, что онъ обладаетъ особенно благоприятными условіями для успѣшной дѣятельности въ той области, которую онъ себѣ отмежевывалъ для личныхъ самостоятельныхъ работъ. Благопріятныя условія заключались въ хорошей школѣ, пройденной въ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ близкомъ знакомствѣ г. Форстена съ скандинавскими языками, столь у насъ рѣдкою и столь для многаго полезною и нужною. Теперь мы можемъ сказать, что всѣ надежды, которыя возбуждались первымъ опытомъ, вполне оправдались. Только чрезъ девять лѣтъ появилось продолженіе трудовъ Г. В. Форстена, хотя молодой ученый не прерывалъ своей работы. Довольно взглянуть на внушительный объемъ двухъ томовъ, представленныхъ на соисканіе преміи, чтобы понять главную изъ причинъ замедленія, особенно, если мы при этомъ обратимъ вниманіе хотя бы на внѣшніе признаки солидности фундамента, на которомъ воздвигнуто обширное зданіе. Сочиненіе обнимаетъ по времени почти цѣлое столѣтіе и имѣетъ предметомъ описаніе ливонскихъ войнъ, въ которыхъ непосредственное участіе дѣйствіемъ принимаютъ, кромѣ ордена, Москва и Польша, Швеція и Данія, посредственное политическое — Германія съ ганзейскими городами, даже

Испанія съ Нидерландами, а во второмъ томѣ захватываетъ тридцатилѣтнюю войну, когда Балтійскій вопросъ, взятый въ свои руки Швеціей, сплетался съ самыми основными всеобъемлющими теченіями обще-европейской исторіи.

Главныя очертанія предстоявшей исторіи задачи, конечно, уже ранѣе обозначились въ его сознаніи; знакомство съ существующею разработкою соотвѣтствующихъ отдѣловъ въ нѣмецкой и скандинавскихъ литературахъ требовало только расширенія и болѣе пристальной провѣрки по источникамъ, многочисленные печатные сборники которыхъ тоже были открыты для умѣющаго ими пользоваться. Но это оказывалось недостаточнымъ; какъ вѣрный адептъ своей школы, г. Форстенъ стремился къ непосредственному знакомству съ фактами и дѣйствующими лицами, стремился къ точному познанію конкретныхъ фактовъ на основаніи самыхъ подлинныхъ источниковъ, какіе заключаются для новой исторіи не въ хроникахъ и повѣствованіяхъ болѣе или менѣе близкихъ къ событіямъ современниковъ, а въ документахъ, входившихъ въ составъ самаго историческаго дѣйствія, или сопровождавшихъ оное, въ тѣхъ самыхъ инструкціяхъ, письмахъ, предписаніяхъ, протоколахъ и отчетахъ, которые собственно дѣлали политику или направляли ее. Однимъ словомъ, Г. В. Форстенъ считалъ необходимымъ основать свое изложеніе и свое сужденіе о событіяхъ и лицахъ предстоявшей ему эпохи на архивномъ матеріалѣ Громадная, едва одолимая масса такого матеріала, болѣе или менѣе, близко соприкасающагося съ задачею изслѣдователя исторіи сѣвера въ XVI и въ XVII вѣкахъ, была уже ранѣе собрана и издана въ Швеціи, Даніи, Германіи; но прежніе собиратели матеріала руководились своими точками зрѣнія, не имѣли въ виду той именно темы, которая составляла замыселъ русскаго изслѣдователя. Отсюда—его личныя разысканія въ архивахъ, которыя Г. В. Форстенъ началъ во время двухгодичной командировки за границу и которымъ посвящалъ лѣтнія каникулярныя поѣздки. Отчеты объ этихъ занятіяхъ печатались въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Очевидно, что молодой ученый работалъ съ живою энергіей, съ усидчивостью, которая равнялась его рвенію. Онъ самъ признается (въ предисловіи къ первому тому) въ *жадности*, съ которою бралъ все, что находилъ пригоднымъ для своей цѣли, списывалъ, выписывалъ, извлекалъ и отмѣчалъ, самъ говоритъ о чувствѣ *сожаленія* при разставаніи съ каждымъ архивомъ—вслѣдствіе неувѣренности, все-ли нужное имъ оттуда исчерпано. Но изслѣдователь испытывалъ и тѣ на-

слаженія, какія наука даетъ своимъ искреннимъ приверженцамъ, какъ мы это узнаемъ опять изъ его признаній. Архивы нерѣдко давали автору *счастливую долю* впервые выдвинуть и освѣтить многіе важные вопросы; выяснялась важность такихъ фактовъ, которые у прежнихъ изслѣдователей проходили незамѣченными. Архивы Стокгольмскій, Копенгагенскій, Мюнхенскій, Дрезденскій, Любекскій и Данцигскій—послѣдній до тѣхъ поръ почти нетронутый, доставили наиболѣе обильную жатву новаго матеріала; нашлось нѣчто нетронутое въ Брюсселѣ, Парижѣ и Римѣ.... Со своими находками Г. В. Форстенъ счелъ нужнымъ отчасти познакомить европейскую ученую публику ранѣе, чѣмъ могло выйдти въ свѣтъ его собственное изслѣдованіе, на нихъ во многомъ основанное. Это сдѣлано въ двухъ выпускахъ, представленныхъ теперь Академіи вмѣстѣ съ двумя томами изслѣдованія и озаглавленныхъ „Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (С.-Петербургъ, 1889 и 1893). Первый выпускъ уже нашелъ себѣ оцѣнку и встрѣченъ былъ съ большимъ сочувствіемъ специалистами сѣверной и ливонской исторій, пишущими по нѣмецки и по шведски. Есть одинъ пробѣлъ, который остался пока невосполненнымъ. По самому содержанію темы, Г. В. Форстену полезно было бы распространить свои архивныя изслѣдованія на русскіе и польскіе архивные источники, какъ это онъ и самъ сознавалъ, но этого по разнымъ причинамъ, отчасти практическаго характера, не было исполнено. Г. В. Форстенъ все-таки смотрѣлъ на себя какъ на представителя каѳедры Всеобщей исторіи, специалиста по исторіи запада, и полагалъ, что Россія и Польша имѣютъ спеціальныхъ изслѣдователей, которымъ онъ на основаніи принципа раздѣленія труда и предоставлялъ восполненіе возможныхъ пробѣловъ. Среди лицъ, понимающихъ условія научныхъ работъ такого рода, какъ предпринятая проф. Форстенемъ, онъ не найдетъ себѣ порицателей, способныхъ обратиться къ нему съ упреками въ неполнотѣ архивныхъ разысканій. То, что сдѣлалъ проф. Форстенъ, не могъ сдѣлать никто другой изъ наличныхъ русскихъ историковъ, то чего онъ не додѣлалъ, могутъ исполнить многіе другіе. Съ нѣкоторою основательностью можно упрекать нашего изслѣдователя развѣ только въ томъ, что онъ отчасти распространилъ ограниченіе и на существующія печатныя собранія документальныхъ источниковъ польской и русской исторіи.

Какъ въ своемъ первоначальномъ трудѣ, такъ и въ двухъ новыхъ томахъ „Балтійскаго вопроса“, изслѣдователь имѣлъ въ виду не одно

какое нибудь государство, а цѣлую группу государствъ; по самому свойству его темы въ его сочиненіи преобладаетъ интересъ международный, дипломатическій, онъ пишетъ даже не политическую исторію, а исторію политики, вращающейся около одного центрального пункта. Онъ не считалъ своею обязанностью подробно вникать во внутреннюю жизнь каждаго отдѣльнаго народа, участвующаго въ сложныхъ сочетаніяхъ балтійской политики. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ хорошій образецъ того, какъ бы онъ могъ исполнить эту задачу, еслибы онъ считалъ ее своею. Указываемъ на мастерское, сжатое изображеніе состоянія ливонскаго ордена предъ его распаденіемъ. Отмѣчаемъ далѣе весьма интересныя характеристики дѣйствующихъ лицъ, которыхъ можно указать цѣлый рядъ: Іоаннъ Грозный, какъ политикъ, Эрихъ XIV, король Шведскій, Фридрихъ II Датскій, Густавъ Адольфъ и т. д. Всѣ онѣ начертаны съ твердою увѣренностью, какая можетъ быть только плодомъ всесторонняго глубокаго изученія, съ искренностью и жаромъ личнаго убѣжденія.

Главное достоинство труда заключается именно въ томъ, что вопросъ поставленъ на всемірно-историческую или, точнѣе, обще-европейскую почву. При другой его постановкѣ, при изученіи, напрямѣръ, въ связи съ внутреннимъ національнымъ развитіемъ того или другаго изъ государствъ скандинавскихъ, не были бы достигнуты именно тѣ важные результаты, какими мы теперь обязаны Г. В. Форстену. Балтійская политика скандинавскихъ государствъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ есть, въ сущности, вся ихъ внѣшняя политика, такъ что, въ извѣстной степени, исторія Швеціи и Даніи совпадаетъ съ исторіей балтійскаго вопроса. Ходъ ливонской войны, войны изъ-за балтійскаго наслѣдства, какъ это разъяснено въ книгѣ Форстена, обуславливался не только политикою сѣверныхъ государствъ, но и обще-европейскими отношеніями, состояніемъ Германіи, традиціями римско-германской имперіи, территоріальною политикою князей, ихъ борьбою съ Габсбургскимъ домою, торговыми интересами старой Ганзы, соперничествомъ внутри ея вендскихъ городовъ съ ливонскими и т. д. Особенно много сдѣлано г. Форстеномъ для разъясненія именно имперской политики въ ливонскомъ вопросѣ. Какой переполохъ произведенъ былъ въ Германіи нападеніемъ Грознаго на Ливонію и первыми успѣхами русскихъ, мы это съ полнотою и точностью впервые узнаемъ изъ документовъ и книги Г. В. Форстена. На сеймахъ, на княжескихъ конференціяхъ, на сѣздахъ Ганзейскихъ городовъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ толковали объ опасностяхъ, грозя-

щих со стороны Москвы вслѣдствіе ея приближенія къ морю и — къ просвѣщенію. Тутъ мы получаемъ новыя, можно сказать, поразительныя данныя о томъ, какое значеніе тогда придавалось Нарвскому плаванію. Въ высшей степени интересны совсѣмъ новыя свѣдѣнія о руссофильскомъ или, какъ выражается авторъ, москвитофильскомъ теченіи въ нѣмецкомъ общественномъ мнѣніи, какое наступило позднѣе и выразилось въ цѣломъ рядѣ любопытнѣйшихъ публицистическихъ произведеній. Оно только отчасти отразилось въ политикѣ, но всѣ эти проекты и планы, совершенно неосуществившіеся, всѣ эти разсужденія, большею частью безплодныя, однако, бросаютъ очень яркій свѣтъ на самыя коренныя причины ливонской войны. Съ нѣкоторымъ правомъ мы можемъ сказать, что первый томъ „Балтійскаго вопроса“ есть отдѣлъ русской исторіи, представленный подъ всемірно-историческимъ или обще-европейскимъ освѣщеніемъ. Такое освѣщеніе, безспорно, много помогаетъ уразумѣнію существа дѣла. Г. В. Форстенъ прямо настаиваетъ на томъ, что ливонская война можетъ быть правильно оцѣнена только въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду ея обще-европейское значеніе. Въ связи съ этимъ положеніемъ онъ настойчиво развиваетъ и другое, особенно интересное по своему отношенію къ извѣстной жгучей проблемѣ въ русской исторіи о характерѣ Іоанна Грознаго, именно то положеніе, что Грозный въ своемъ стремленіи къ Балтійскому морю стоялъ на высотѣ полного и отчетливаго сознанія національныхъ задачъ и велъ, въ сущности, свою политику очень твердо, настойчиво и разумно. Невозможно, говоритъ г. Форстенъ, чтобы результаты предпринятаго дѣйствія яснѣе были уму какихъ-нибудь любекскихъ и нюрнбергскихъ купцовъ, чѣмъ самому главному виновнику дѣйствія. — Для исторіи знаменитаго проекта образовать изъ Ливоніи вассальное по отношенію къ Москвѣ государство, поставивъ во главѣ датскаго королевскаго брата принца Магнуса, опять находится много новыхъ разъясненій; между прочимъ, на основаніи переписки между двумя братьями, отысканной, какъ и многое другое, въ Дрезденскомъ архивѣ, и на основаніи письма Фридриха Датскаго къ Іоанну Грозному—документъ, оказавшійся въ Копенгагенскомъ архивѣ, — Г. Ф. Форстенъ доказываетъ, что король датскій вовсе не былъ чуждъ этому дѣлу. Вообще дружественная Москвѣ политика Даніи очень хорошо раскрыта въ изслѣдованіи—и въ ея мотивахъ, и въ ея вліяніи на ходъ дѣлъ. То же, конечно, слѣдуетъ сказать и о Швеціи. Союзъ съ Магнусомъ, затѣмъ осада Ревеля произвели новый поворотъ

въ настроеніи Германіи, опять выразившейся въ требованіяхъ остановить Нарвское плаваніе, которымъ особенно дорожили въ Любекѣ, и прекратить сношенія западныхъ народовъ съ Россією; явился „дискурсъ о Московитахъ“, иначе „разсужденіе о страшномъ вредѣ и великой опасности для всего христіанства, а въ особенности для Германской имперіи, какъ скоро Московиты утвердятся въ Ливоніи и на Балтійскомъ морѣ“. Написанный съ большимъ знаніемъ дѣла, хотя и проникнутый непримиримою враждою къ русскимъ, этотъ обширный памфлетъ ходилъ по рукамъ на одномъ изъ германскихъ сеймовъ (Шпейерскій, 1570 года), а теперь по списку Берлинскаго государственнаго архива изданъ у Форстена цѣликомъ въ Актахъ; подробное же изложеніе его содержанія, съ надлежащими критическими замѣчаніями объ его происхожденіи, смыслѣ и значеніи, мы найдемъ въ книгѣ о ливонской войнѣ. Трудно перечислить все тѣ случаи, гдѣ изслѣдованія Форстена даютъ намъ новое, особенно, если имѣть въ виду и отношенія, стоящія на второмъ планѣ, — напримѣръ, вопросъ о стараніи Эриха XIV Шведскаго найти себѣ опору въ испанскихъ Нидерландахъ (переписка съ Маргаритою Пармскою), соприкасающийся съ развѣтвленіями Балтійской политики, изучается преимущественно на основаніи данныхъ Брюссельскаго архива. Военные походы Баторія, положившіе конецъ ливонской войнѣ, разказаны кратко, но и здѣсь авторъ для извѣстныхъ {уже частныхъ даетъ новыя подтвержденія въ свидѣтельствахъ очевидцевъ, имъ впервые выдвигаемыхъ (письма Фаренсбека).

Во второмъ томѣ, посвященномъ XVII вѣку до Вестфальскаго мира, авторъ особенно старается выяснить связь сѣверныхъ дѣлъ съ общими теченіями обще-европейской политики. Католическая реакція и габсбургскія стремленія къ всеобщему преобладанію и господству (универсализму) надѣялись въ Балтійскомъ морѣ найти ту позицію, откуда они могли успѣшно дѣйствовать въ трехъ направленіяхъ — противъ Скандинавскихъ государствъ, Москвы и Нидерландовъ. По временамъ составлялись весьма знаменательные проекты объ основаніи на Балтійскомъ морѣ то имперскаго нѣмецкаго флота, то испанскаго, то купеческаго, то военнаго, чтобы подорвать торговлю Голландіи и смирить Швецію; часто говорилось о намѣреніяхъ Испаніи отправить эскадру на Бѣлое море, къ Св. Николаю. О всѣхъ такихъ планахъ въ книгѣ Г. В. Форстена сообщаются такія подробности, какихъ еще нигдѣ не было.

„Когда Сигизмундъ III Ваза, говорить рецензентъ, уже католикъ

и король польскій, сдѣлался по праву наслѣдникомъ шведской протестантской короны, то польско-шведская унія, оказавшаяся эфемерною, привѣтствовалась всею католическою Европою, какъ заря побѣды и торжества надъ еретиками. Возникшая отсюда борьба между двумя линиями дома Вазы (Карль IX) велась главнымъ образомъ на Балтійскомъ морѣ, между прочимъ въ Ливоніи. Эта династическая борьба, всѣ фазисы которой тщательно прослѣжены въ книгѣ Форстена, имѣла общеевропейскій характеръ, такъ какъ Сигизмундъ III былъ на сѣверѣ союзникомъ австрійскихъ Габсбурговъ и опорой католическихъ надеждъ. Русскія дѣла входятъ въ рамки событій, изучаемыхъ нашимъ изслѣдователемъ, потому что и здѣсь сталкивались двѣ враждующія силы и обѣ державы, ихъ представляющія. Въ западной Европѣ на дѣло самозванца смотрѣли какъ на продуктъ папскихъ и даже испанскихъ интригъ; въ глазахъ европейскихъ дипломатовъ оно стояло въ связи съ стремленіемъ реакціи водворить католичество на сѣверѣ Европы. Швеція, король которой именно высказывалъ такое пониманіе, всего менѣе могла желать утвержденія на Московскомъ престолѣ сторонника Польши. Когда Карль IX Шведскій предлагалъ намъ свою помощь противъ Польши, папы, императора и Испаніи во имя общихъ интересовъ протестантства и православія, то это были не пустыя слова, хотя рядомъ сейчасъ появлялись своекорыстные расчеты о земельныхъ приобрѣтеніяхъ, обеспечивающихъ господство на Балтійскомъ побережьи. Всякому любителю исторіи будетъ великимъ удовольствіемъ слѣдить за развитіемъ московской политики Карла IX и Густава Адольфа по изложенію Г. В. Форстена, такъ какъ изслѣдователь, опираясь на массу имъ собранныхъ документовъ, отчасти до него неизвѣстныхъ, постоянно заставляетъ говорить самихъ ея руководителей; въ своихъ наказахъ посламъ и воеводамъ, въ своихъ письмахъ къ довѣреннымъ лицамъ, они сами раскрываютъ намъ тайны и побужденія своей политики. Карль IX усердно предостерегаетъ московское правительство противъ папскихъ интригъ и „практикъ“, не только предлагаетъ, но прямо навязываетъ свою „безкорыстную“ помощь, а своимъ пишетъ: „мы готовы соединиться съ ними (съ русскими), но за хорошее вознагражденіе“; „всѣ наши „практики“ должны быть направлены къ тому, чтобы присоединить къ шведской коронѣ Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Гдовъ“. О московской своекорыстной политикѣ своего излюбленнаго героя нашъ авторъ отзывается даже очень сурово и рѣзко, имѣя, впрочемъ, въ виду преимущественно первый періодъ до Столбовскаго мира. Пере-

неся борьбу съ Сигизмундомъ въ Ливонію и Пруссію, Густавъ, конечно, искренно видитъ въ московскомъ государѣ своего естественнаго союзника. Чрезъ своихъ пословъ онъ желаетъ довести до свѣдѣнія царя Михаила о положеніи дѣлъ въ Европѣ и яркими красками обрисовать намѣреніе Польши и ея союзниковъ искоренить евангелическую и греческую вѣру; „царя необходимо ознакомить съ грандіозными планами Польши и Австріи“ (стр. 209). Такія заботы не оставляли его въ самомъ разгарѣ борьбы, уже перенесенной въ Германію. Было бы интересно найти въ русскихъ источникахъ подтвержденіе сообщенія о празднованіи въ Москвѣ Брейтенфельдской побѣды Густава надъ имперцами. Вообще въ книгѣ Форстена мы очень наглядно видимъ, что скандинавскія государства въ XVII столѣтіи постоянно ищутъ политическаго и торговаго сближенія съ Москвою, привлекая ея вниманіе къ общеевропейскимъ событіямъ. Сношенія съ Даніей за весь періодъ изучены были Г. В. Форстеномъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*; онѣ по достоинству оцѣнены специалистами русской исторіи, а теперь вошли въ составъ книги. Общевропейскія дѣла, то-есть тридцатилѣтняя война въ ея отношеніяхъ къ Балтійскому вопросу, Густавъ Адольфъ, Оксенштерна, Валленштейнъ, Ришелье—уже имѣли своихъ историковъ и изслѣдователей, среди которыхъ встрѣчаются такія имена какъ Ранке, какъ младшій Дройзенъ и французъ д'Авенель, но все-таки нашъ ученый нашелъ большое количество новаго матеріала, при помощи котораго разъяснилъ много немаловажныхъ частныхъ.

„Общее наше заключеніе то, говоритъ В. Г. Васильевскій, что обширный трудъ проф. Форстена, плодъ долгихъ, терпѣливыхъ, усидчивыхъ и крайне добросовѣстныхъ разысканій, представленный теперь въ Академію, на соисканіе Макарьевской премии, по своей задачѣ, особенно по матеріалу, который собранъ въ многочисленныхъ архивахъ и привлеченъ для ея рѣшенія, отчасти по его обработкѣ, и всего болѣе по результатамъ, обогащающимъ науку новыми данными и проливающимъ новый свѣтъ на крупныя явленія всеобщей, а также и русской исторіи, заслуживаетъ величайшаго уваженія. Самостоятельность изслѣдованія есть главное условіе, дающее право на полученіе премии митрополита Макарія, а обогащеніе науки новыми фактическими данными должно давать преимущество одному труду предъ другимъ въ случаѣ конкуренціи. Обоймъ этимъ требованіямъ сочиненіе г. Форстена „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв.“

удовлетворяетъ всецѣло, и потому вполне заслуживаетъ высшей преміи. Его преимущество предъ другими несомнѣнно будетъ заключаться также и въ ближайшемъ его отношеніи къ важнѣйшимъ интересамъ собственно русской исторической науки, состоящимъ въ разъясненіи прошлыхъ судебъ отечества въ связи съ его положеніемъ въ Европѣ между другими христіанскими народами“.

На основаніи всего выше изложеннаго, Академія признала справедливымъ увѣнчать сочиненіе г. Форстена первою премією митрополита Макарія.

Второе увѣнчанное полною премією въ 1500 руб. сочиненіе принадлежитъ генераль-маіору А. Редигеру: „Комплектованіе и устройство вооруженной силы“. Часть I, 1892 г., Ч. II, 1894 г.

Оцѣнку этого труда, по просьбѣ Академіи, принялъ на себя ея членъ-корреспондентъ Начальникъ Николаевской Академіи генеральнаго штаба генераль-лейтенантъ Геврихъ Антоновичъ Лееръ.

Изслѣдованіе крайне важнаго, сложнаго и труднаго вопроса, какимъ является комплектованіе и устройство вооруженной силы, должно быть построено на соотношеніи двухъ сторонъ, постоянно противодействующихъ другъ другу, именно: условій боевыхъ (тактическихъ) и экономическихъ (административныхъ). Господствующее мѣсто безспорно принадлежитъ тактикѣ. Ей, сколько возможно, должна подчиняться администрація въ предѣлахъ средствъ, какими она располагаетъ. — Администрація изъ тактики должна взять только ея руководящія основанія и окончательные выводы, которые для нея послужатъ исходными точками для спеціальнаго изслѣдованія ея вопросовъ съ экономической точки зрѣнія, что и дѣлается авторомъ относительно основныхъ „условій организаци“, отсылающихъ читателя въ область стратегіи и тактики. — Въ тѣхъ же видахъ, какъ и тактика, боевая годность войскъ должна премировать и изслѣдованіе организаціонныхъ вопросовъ слѣдуетъ начинать съ организациіи войскъ какъ въ мирное, такъ и военное время. — „Авторъ такъ и поступаетъ, говоритъ рецензентъ. Принявъ за исходную точку изслѣдованія организацию арміи въ военное время, онъ переходитъ послѣдовательно къ разбору вопросовъ: въ какихъ предѣлахъ, безъ ущерба дѣлу, можетъ быть въ мирное время уменьшена численная сила арміи; на сколько можетъ быть уменьшенъ составъ различныхъ организмовъ.—Это приводитъ его къ обстоятельному разбору вопроса о кадрахъ и резервахъ въ населеніи.—Затѣмъ изслѣдуется вопросъ о снабженіи арміи необходимыми хозяйствен-

ными учрежденіями, что приводитъ его къ разбору вопроса объ устройствѣ военнаго управленія и о разныхъ его видахъ, причѣмъ имъ указывается на особую важность принципа, требующаго строгаго согласованія строеваго и хозяйственнаго управленія съ полнымъ подчиненіемъ послѣдняго первому, то-есть вопроса объ объединеніи всѣхъ сторонъ въ жизни тактическихъ организмовъ въ рукахъ непосредственнаго его начальника“.

Приступая къ вопросу объ организаціи, авторъ начинаетъ съ историческаго изслѣдованія, отличающагося замѣчательною полнотою и представляющаго полную картину того разнообразія, которое существовало въ рѣшеніи организаціонныхъ вопросовъ въ разное время и при разныхъ условіяхъ. Сторонникъ сравнительнаго метода, генералъ Редигеръ отъ историческаго вступленія переходитъ къ обзору Европейскихъ государствъ и существующихъ тамъ взглядовъ на это дѣло.—„Вообще, говоритъ Г. А. Лееръ, осторожно признавая принципы, авторъ еще осторожнѣе обходитъ ихъ въ частныхъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ они у него порою только слегка проглядываютъ какъ бы въ скрытомъ видѣ“.

„Какъ видно, общая часть въ разсматриваемомъ сочиненіи заставляеть желать не малаго; но что касается до аналитической, до частной разработки отдѣльныхъ вопросовъ, то она мало оставляетъ желать чего либо. По отношенію же къ предшествовавшимъ трудамъ, сочиненіе автора представляеть замѣчательный шагъ впередъ въ разработкѣ военной администраціи какъ науки“.

Къ недостаткамъ сочиненія г. Редигера слѣдуетъ отнести нѣкоторую отрывочность, отсутствіе цѣльности, но вообще это въ высокой степени почтенный *аналитическій* трудъ.

„Комплектованіе и устройство вооруженной силы“ генерала Редигера было встрѣчено въ большей части европейской литературы съ полнымъ сочувствіемъ. *Militär Wochenblatt* называетъ его высоко поучительнымъ сочиненіемъ, съ которымъ по полнотѣ и изслѣдованію матеріала едва ли можетъ сравниться какое другое. *Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine* говоритъ, что сочиненіе г. Редигера даетъ очеркъ организаціонныхъ вопросовъ, основанный на чрезвычайно полномъ изученіи источниковъ. Журналъ Шведской военной академіи указываетъ на трудъ автора, какъ на заслуживающій особаго вниманія не только по практичности его изложенія, но и потому, что онъ единственный въ своемъ родѣ. Редакція журнала сожалѣеть, что трудъ г. Редигера, какъ написанный на русскомъ языкѣ,

не можетъ получить большаго распространія между шведскими офицерами, такъ какъ въ литературѣ во всякомъ случаѣ нельзя найти другаго сочиненія по разсматриваемымъ авторомъ вопросамъ столь же яснаго, нагляднаго, содержательнаго и поучительнаго.—

Отсутствіе всякой предвзятости и полное безпристрастіе составляютъ особенности труда генерала Редигера. „Въ виду серьезныхъ достоинствъ сочиненія, говоритъ Г. А. Лееръ, въ особенности многихъ данныхъ, тщательно обоснованныхъ, дающихъ полную картину рѣшенія военно-административныхъ вопросовъ въ главныхъ европейскихъ арміяхъ, въ виду важнаго шага впередъ, сдѣланнаго авторомъ въ постановкѣ военной администраціи какъ науки (хотя имъ въ этомъ отношеніи и не сдѣланъ послѣдній шагъ)—въ виду всего этого я считаю долгомъ обратить вниманіе Императорской Академіи Наукъ на сочиненіе генерала Редигера и просить удостоить его преміи митрополита Макарія, какъ сочиненіе, не смотря на нѣкоторые указанные недостатки, представляющее весьма цѣнный вкладъ въ нашу военную литературу“.

Три неполныя преміи въ 1.000 руб. присуждены слѣдующимъ сочиненіямъ:

1. Д. О. Бѣляевъ—„Byzantina“—очерки, матеріалы и замѣтки по Византійскимъ древностямъ. С.-Пб. 1891—1893 гг., двѣ книги.

Разборъ этого сочиненія по просьбѣ Академіи принялъ на себя членъ-корреспондентъ ея и директоръ Константинопольскаго археологическаго института, Федоръ Ивановичъ Успенскій.

Обширный придворный уставъ, приписываемый Константину Порфирородному, занимаетъ между памятниками византійской литературы совершенно особое положеніе. Ужъ первый издатель его въ половинѣ прошлаго столѣтія, ученый Рейске, снабдившій его превосходными объясненіями, отмѣтилъ его такими чертами, которыя необходимо должны были приковать къ нему вниманіе ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ такого вопроса въ области церковной и гражданской исторіи, котораго бы не касался „Придворный уставъ“, и съ помощію данныхъ, заключающихся въ этомъ сочиненіи, можно раскрыть многія темныя стороны церковной, государственной, военной и часто бытовой жизни Византіи.

„Прошло почти полтора ста лѣтъ, говоритъ рецензентъ, многіе пытались овладѣть матеріаломъ, представляемымъ въ „Придворномъ

уставъ“, но попытки оказывались до такой степени безуспѣшными, что „Придворный уставъ“ чуть не попалъ въ рядъ памятниковъ, недоступныхъ для обработки и для научныхъ примѣненій. Знаменитый Нибуръ считаетъ его за пустяки, способные довести до тошноты порядочнаго человѣка“.

Исучающему „Придворный уставъ“ приходится имѣть дѣло съ техническими выраженіями, формулами и схемами, реальное значеніе которыхъ совершенно утрачено. Къ этому надо прибавить, что „Придворный уставъ“ получилъ окончательную редакцію тогда, когда церемоніи византійскаго двора или придворный этикетъ и обряды перестали быть живою дѣйствительностью и нуждались въ закрѣпленіи письмомъ для руководства тѣхъ, кто приставленъ былъ къ наблюденію за этикетомъ и обрядомъ.

„Въ технической терминологіи „Придворнаго устава“, говоритъ рецензентъ, застыла живая дѣйствительность, служившая выраженіемъ любопытныхъ сторонъ государственной и общественной жизни византійскаго общества. Для современнаго ученаго, желающаго сдѣлать изъ устава примѣненіе къ научнымъ цѣлямъ, становится обязательною способность отгадывать термины, сплошь и рядомъ встрѣчающіеся въ этомъ памятникѣ. Достигнутый Д. О. Бѣляевымъ успѣхъ показываетъ, что эта способность можетъ быть приобрѣтена при извѣстныхъ условіяхъ“.

Можно безошибочно утверждать, что для очистки этого сыраго матеріала отъ автора требовалась продолжительная черновая работа и изученіе Устава въ его цѣломъ и въ частностяхъ. Только путемъ очень внимательнаго и методическаго изученія Устава, авторъ могъ разрѣшить многія трудности и указать, что въ этомъ памятникѣ существуютъ пропуски и сокращенія, повторенія сказаннаго, недомолвки и ссылки на общеизвѣстные обычаи. Изъ разсмотрѣнія содержанія первыхъ двухъ книгъ „Очерковъ“ г. Бѣляева получается впечатлѣніе, что онъ находится подъ вліяніемъ расположенія матеріала въ изучаемомъ памятникѣ. „Это ручается за то, говоритъ Ѳеодоръ Ивановичъ Успенскій, что авторъ не пропуститъ въ „Придворномъ уставѣ“ ничего важнаго и въ послѣдующихъ книгахъ представитъ обзоръ и оцѣнку всего памятника. Въ высшей степени важнымъ обстоятельствомъ является и то, что къ изученію „Придворнаго устава“ приступилъ уже опытный ученый, специалистъ по классической филологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо знакомый и съ средневѣковымъ греческимъ языкомъ“.

Обзоръ главныхъ частей Большаго дворца сдѣланъ авторомъ весьма отчетливо и привелъ его не только къ самостоятельнымъ выводамъ, а и къ опроверженію неточностей въ построенияхъ Лобарта.— Если и можно сдѣлать замѣчанія г. Бѣляеву, то они должны относиться къ частностямъ, на примѣръ по поводу мѣста о залѣ Триконха.

Вторая книга профессора Бѣляева содержитъ описаніе приемовъ и церемоній, наблюдавшихся при выходахъ царей.

Ссылаясь по поводу этой книги на свою рецензію, помѣщенную въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1893 г. № 12) и сдѣлавъ вновь нѣкоторыя замѣчанія, касающіяся нѣсколькихъ крохъ, случайно оброненныхъ авторомъ,—Федоръ Ивановичъ Успенскій приходитъ къ слѣдующему общему выводу:

„Двѣ книги „Очерковъ“ профессора Бѣляева не представляютъ въ себѣ оконченнаго труда. Изученіе всего содержанія „Придворнаго устава“ можетъ потребовать еще шести или семи такихъ же книгъ; кромѣ того необходима будетъ еще заключительная книга для подведенія итоговъ. Для византиновѣдѣнія нужно признать особенно счастливымъ обстоятельствомъ, что за изученіе Придворнаго Устава взялся такой опытный ученый, какъ Д. Θ. Бѣляевъ, отличающійся настойчивостью въ трудѣ и способностью не опустить руки передъ множествомъ техническихъ трудностей. Никто лучше его не приготовленъ къ такому обширному и важному для русской науки предпріятію. Черезъ предварительное изученіе памятника въ цѣломъ и частяхъ, требовавшее многолѣтнихъ усидчивыхъ занятій, онъ приобрѣлъ средства возстановлять въ немъ пропуски и исправлять неправильныя мѣста, дополнять сокращенно изложенныя части и отгадывать намеки. Для успѣха дѣла нужно только пожелать, чтобы онъ въ будущихъ книгахъ менѣе посвящалъ вниманія изложенію обрядовъ, а былъ бы щедрѣе на изслѣдованія и этюды по различнымъ отдѣламъ византийскаго археологіи“.

На основаніи всего вышеизложеннаго, Академія постановила присудить профессору Д. Θ. Бѣляеву за его сочиненіе первую неполную премію митрополита Макарія.

П. А. В. Вышеславцевъ — „Рафаэль“, посмертное изданіе съ 53 рисунками. С.-Петербургъ 1894 г.

Оцѣнку этого сочиненія по просьбѣ Академіи принялъ на себя Михаилъ Петровичъ Соловьевъ.

Посмертное изданіе сочиненія г. Вышеславцева является со времени публичныхъ чтеній о Рафаэлѣ профессора С. П. Шевырева

первымъ русскимъ оригинальнымъ жизнеописаніемъ величайшаго художника христіанскаго міра. Оно есть плодъ многолѣтняго труда, сопряженнаго съ огромными препятствіями и затрудненіями.

„Въ жизнеописаніи Рафаэля, говоритъ авторъ, — мы старались изобразить его личность и условія, среди которыхъ ему суждено было дѣйствовать. Необходимо было войти въ нѣкоторыя подробности о положеніи искусства при дворѣ папъ и о значеніи фресокъ плафона Сикстинской капеллы. Эти два эпизода были бы излишними, гдѣ по этимъ вопросамъ существуетъ цѣлая литература. Главное же наше вниманіе обращено на описаніе произведеній Рафаэля, особенно рисунковъ и эскизовъ, на которыхъ выясняется самый процессъ его творчества“.

Биографія Рафаэля представляетъ мало интереса и не богата подробностями приключеній. По этому Вышеславцевъ долженъ былъ обратить особое вниманіе на внѣшнія условія и среду, окружавшія Рафаэля. Жизнь его сказывалась исключительно среди общихъ бытовыхъ условій его времени, на его воспитаніи и вліяніи наставниковъ. Этотъ періодъ, сосредоточивающій на себѣ главное вниманіе биографовъ, обработанъ въ книгѣ Вышеславцева короче остальныхъ, а между тѣмъ онъ очень важенъ для характеристики Рафаэля.

Вторая глава сочиненія Вышеславцева посвящена пребыванію Рафаэля въ Перуджіи, третья—флорентинскому періоду его жизни, имѣвшему столь рѣшительное значеніе въ развитіи его творчества. Въ этой главѣ встрѣчается значительный пробѣлъ въ томъ, что г. Вышеславцевъ умалчиваетъ о вліяніи на Рафаэля трегентистовъ. Какъ почти всѣ обстоятельства жизни послѣдняго, такъ и приглашеніе его въ Римъ покрыты дымкой неизвѣстности. Не разъясняетъ этого обстоятельства и Вышеславцевъ, вмѣстѣ съ большинствомъ наиболѣе авторитетныхъ биографовъ, хотя изображенію римскаго періода жизни Рафаэля, —важнѣйшей эпохи его творчества—отведена большая часть книги Вышеславцева. Нѣтъ у автора и общей заключительной характеристикъ Рафаэля, тогда какъ она признается необходимою даже на родинѣ великаго художника.

Эти замѣчанія рецензента имѣли цѣлю указать на нѣкоторые пробѣлы въ сочиненіи Вышеславцева, но не съ цѣлю умалить достоинства его сочиненія.

„Кругозоръ гениальныхъ дѣятелей, говоритъ М. П. Соловьевъ, такъ великъ, сфера ихъ дѣятельности такъ многообъемлюща, что разногласіе въ сужденіяхъ о нихъ вполне естественно и ни одно изъ

нихъ не можетъ имѣть притязанія на исключительную вѣрность, въ особенности когда, какъ въ біографіи Рафаэля, очень многое, по скудости источниковъ, навсегда останется только болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніемъ“.

Изъ предисловія автора видно, что желанія изучить біографію и произведенія Рафаэля проявились въ ту эпоху, когда традиціи великаго художника стали ослабѣвать и живопись стала вырождаться въ академизмъ и рококо. Нашъ вѣкъ съ особеннымъ усердіемъ приступилъ къ изученію жизни и дѣятельности Рафаэля. Не проходитъ десятилѣтія, чтобы не появилось новой объемистой біографіи великаго художника, отдѣльныя же частныя изслѣдованія неисчислимы. Къ именамъ Палаваніе, Шпрингера, Кроу, Гримма, Мюнца и Мингетти, мы можемъ по справедливости присоединить имя Вышеславцева и его книгу, представляющую полный сводъ провѣренныхъ критикою и точно установленныхъ фактовъ.

„Г. Вышеславцевъ, говоритъ рецензентъ, съ успѣхомъ разобрался въ массѣ полемическихъ сочиненій о Рафаэлѣ и внесъ въ русскую литературу первую обстоятельную біографію великаго художника, основанную на полномъ знакомствѣ съ рафаэлевскою литературой и на непосредственномъ изученіи произведеній Рафаэля.

„Важному изученію рисунковъ Рафаэля отведено мѣсто болѣе значительное, нежели въ какой-либо иной біографіи. Такой же исключительной полнотой отличается списокъ всѣхъ произведеній Рафаэля и указатель ихъ произведеній гравюрою и фотографіей. Сочиненіе Вышеславцева, раскрывая для массы читающей публики значеніе великаго художника, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить отправною точкой для самостоятельныхъ и специальныхъ изслѣдованій о Рафаэлѣ со стороны нашихъ эстетиковъ и историковъ искусства.

„Въ этомъ заключается капитальное значеніе сочиненія г. Вышеславцева. Будучи единственнымъ въ нашей литературѣ и находясь на высотѣ лучшихъ западныхъ біографій Рафаэля, трудъ Вышеславцева составляетъ вкладъ въ нашу литературу, заслуживающій по справедливости присужденія преміи митрополита Макарія“.

III. М. С. Корелинъ—„Ранній Итальянскій гуманизмъ—его исторіографія“. Критическое изслѣдованіе. Москва 1892 г. Два выпуска.

Оцѣнка этого сочиненія принадлежитъ профессору Николаю Ивановичу Карѣву.

Г. Корелинъ давно уже выступилъ на литературное поприще въ роли изслѣдователя итальянскаго гуманизма. Первая его работа въ

этой области появилась въ свѣтъ еще въ 1885 г. и съ тѣхъ поръ онъ продолжаетъ трудиться непрерывно надъ исторіею гуманистическаго движенія въ Италіи. Настоящій трудъ М. С. Корелина можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ капитальныхъ произведеній нашей ученой литературы въ области исторіи. Книга автора является достойною соперницей извѣстнаго труда Георга Фойхта „Возрожденіе классической древности“. Авторъ собралъ массу полезныхъ указаній, высказалъ много интересныхъ замѣчаній, посѣтилъ Италію, Германію, Францію и Англію, чтобы собрать необходимый для своего сочиненія матеріалъ. Трудъ профессора Корелина состоитъ изъ весьма обширнаго введенія и четырехъ главъ, изъ коихъ первая посвящена „первому гуманисту“ Петраркѣ; вторая—Боккачіо; третья—„современникамъ, друзьямъ, ученикамъ и послѣдователямъ первыхъ гуманистовъ въ XIV и въ первой четверти XV вѣка“ и наконецъ четвертая—спеціальной литературѣ о возрожденіи и общимъ выводамъ.

„Чтобы опредѣлить, говорить рецензентъ, значеніе труда профессора Корелина въ исторіографіи итальянскаго гуманизма, слѣдуетъ указать главнымъ образомъ на то, въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ своимъ предшественникамъ. Читая въ разсматриваемой книгѣ исторіографическое введеніе, поражаешься разнообразіемъ и крайнимъ несходствомъ общихъ взглядовъ, какіе высказывались по этому предмету представителями различныхъ отраслей историческаго знанія. Тѣмъ не менѣе среди этихъ взглядовъ можно подмѣтить два основныхъ воззрѣнія, которыя мы позволимъ себѣ обозначить: одно какъ философское, другое—какъ филологическое“

Профессоръ Корелинъ является, и вполнѣ справедливо, противникомъ взгляда, по которому источникомъ гуманистическаго движенія было изученіе древности. Въ книгѣ не встрѣчается точно формулированнаго взгляда автора, но единственная идея, объединяющая всѣ отдѣльныя части его общей культурной картины—индивидуализмъ и его проявленія. Въ этомъ заключается главная и огромная заслуга автора. Трудъ профессора Корелина дополняетъ и исправляетъ взгляды своихъ предшественниковъ на основаніи самостоятельнаго изученія источниковъ. „Два существенныхъ признака, говоритъ авторъ, составляютъ особенность гуманистической литературы: проявляющійся въ ней индивидуализмъ и глубокій интересъ къ классической древности“. Эта характеристика гуманистическаго индивидуализма основывается у профессора Корелина на данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ изученія произведеній гуманистовъ.

Другую важную заслугою профессора Корелина нужно признать то, что онъ даетъ и картину развитія гуманизма по періодамъ или по поколѣніямъ. Эта картина опять-таки результатъ изученія гуманистическихъ произведеній. Сравнивая между собою воззрѣнія гуманистовъ разсмотрѣнныхъ имъ поколѣній, авторъ приходитъ къ тому выводу, что уже въ первой четверти XV столѣтія вполнѣ опредѣлились основныя направленія гуманистическаго движенія и намѣтились его главнѣйшіе результаты.

„Русскому изслѣдователю гуманистическаго движенія, говоритъ рецензентъ, можно поставить только въ упрекъ, что мы не находимъ въ его книгѣ болѣе или менѣе яснаго и точнаго опредѣленія самаго индивидуализма. Слово „индивидуализмъ“ принадлежитъ къ числу употреблявшихся въ довольно различныхъ смыслахъ, смотря потому, въ противоположенія съ чѣмъ мыслятся присущія личности стремленія и притомъ въ зависимости отъ того, какой источникъ имѣютъ и какую цѣль себѣ ставятъ эти стремленія. Къ сожалѣнію, профессоръ Корелинъ нигдѣ не опредѣляетъ, въ какомъ смыслѣ онъ употребляетъ слово „индивидуализмъ“, то-есть, что онъ подъ нимъ главнымъ образомъ разумѣетъ, хотя изъ всего изложенія можно видѣть, что подъ индивидуализмомъ онъ разумѣетъ почти исключительно развитое пониманіе личностью своихъ человѣческихъ правъ и притомъ преимущественно въ области интеллектуальнаго и моральнаго самоопредѣленія съ особенно отрицательнымъ отношеніемъ къ аскетическимъ требованіямъ, разрушавшимъ личную жизнь во всѣхъ ея инстинктивныхъ проявленіяхъ. Мы находимъ рядъ заявленій въ этомъ смыслѣ и въ исторіографическихъ отдѣлахъ его книги и въ обзорахъ литературныхъ произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера гуманистовъ, и въ общихъ выводахъ“.

Мѣстами профессоръ Корелинъ отмѣчаетъ еще, что гуманистическій индивидуализмъ имѣлъ преимущественно культурный характеръ, то-есть, касался главнымъ образомъ духовной сферы, почти исключительно обращался къ вопросамъ внутренней жизни, къ вопросамъ мысли и чувства. Но, говоритъ Н. И. Карѣевъ, „намъ кажется только, что онъ (авторъ) не достаточно отмѣтилъ другую, уже отрицательную сторону гуманистическаго индивидуализма, именно, нѣкоторый эгоизмъ и соціальныи индифферентизмъ. Впрочемъ, причиною того, что профессоръ Корелинъ обратилъ мало вниманія на отрицательную сторону гуманистическаго индивидуализма, было, кажется, то обстоятельство, что онъ сильно выдвинулъ на самый первый планъ всемир-

ноисторическое значеніе гуманизма, оставивъ, на оборотъ, преднамѣренно въ тѣни его роль собственно въ итальянской исторіи“.

Переходя затѣмъ къ критическому анализу тѣхъ произведеній раннихъ гуманистовъ, которыя имѣютъ значеніе для исторіи гуманистическаго движенія, авторъ знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ гуманистовъ, отводя каждому изъ нихъ столько мѣста, сколько они заслуживаютъ по своему значенію. При этомъ онъ сообщаетъ много новыхъ данныхъ, заимствованныхъ имъ изъ рукописныхъ источниковъ, не вошедшихъ въ изслѣдованія его предшественниковъ.

Слѣдя подробно за разказомъ автора и указывая на нѣкоторые недостатки, рецензентъ приходитъ къ тому общему выводу, что выдающимися достоинствами труда „Ранній итальянскій гуманизмъ“ слѣдуетъ признать самостоятельность, съ какою авторъ отнесся къ своему предмету, и внесеніе имъ въ науку новыхъ фактовъ, наблюденій и воззрѣній. Обращая на это вниманіе академіи, профессоръ Карѣевъ проситъ увѣнчать сочиненіе М. С. Корелина премією митрополита Макарія.

Принимая во вниманіе серьезныя научныя достоинства нѣкоторыхъ сочиненій, оставшихся не награжденными, за недостаткомъ премій, Академія признала справедливымъ присудить почетные отзывы слѣдующимъ двумъ сочиненіямъ:

І. В. В. Бобынинъ — 1) Русская физико-математическая бібліографія. Указатель книгъ и журнальныхъ статей по физико-математическимъ наукамъ, вышедшимъ въ Россіи съ начала книгопечатанія до послѣдняго времени. Два тома. Москва 1886—1893 гг. 2) Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. Два выпуска. Москва 1886—1893 гг.

Оцѣнку этого труда принялъ на себя адъюнктъ Академіи князь Б. Б. Голицынъ.

Трудъ В. В. Бобынина состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ сочиненій еще не оконченныхъ. Первое сочиненіе, озаглавленное „Русская физико-математическая бібліографія“ состоитъ изъ двухъ томовъ (первый въ трехъ, а второй въ четырехъ выпускахъ). Второе сочиненіе, озаглавленное „Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи“, вышло пока только въ двухъ выпускахъ, составляющихъ первый томъ, обнимающій физико-математическую литературу XVII столѣтія. Второй томъ, относящійся къ XVIII столѣтію, въ настоящее время только печатается.

Въ сочиненіи „Русская физико-математическая бібліографія“ авторъ

принялъ на себя крайне тяжелый и неблагодарный трудъ восполнить существующій въ нашей литературѣ пробѣлъ по разряду физико-математическихъ наукъ въ Россіи. Въ виду этого нельзя не привѣтствовать появленія труда г. Бобынина и должно сказать, что заслуги его несомнѣнны.

Что касается плана веденія всей работы, то, по мнѣнію рецензента, его можно назвать въ общемъ удачнымъ. Порядокъ расположенія описываемыхъ книгъ и статей хронологическо-систематической, что вполне соответствуетъ историческимъ и специальнымъ задачамъ полнаго библиографическаго указателя. Въ концѣ отдѣльныхъ выпусковъ присоединены цѣнные систематическіе указатели, которые значительно облегчаютъ отысканіе необходимыхъ свѣдѣній.

Касаясь частныхъ разсматриваемаго сочиненія, кн. Б. Б. Голицына находить, что едва-ли умѣстно помѣщеніе въ библиографіи различныхъ календарей, такъ какъ они не могутъ имѣть серьезнаго научнаго значенія. Далѣе необходимо замѣтить, что при выборѣ отдѣльныхъ цитируемыхъ сочиненій у составителя встрѣчается сравнительно мало критики. „В. В. Бобынинъ, говоритъ рецензентъ, не потрудился провести границу между сочиненіями, имѣющими какое-нибудь научное значеніе, и сочиненіями совершенно его лишенными. вслѣдствіе чего въ его библиографіи накопилось очень много такого балласта, который могъ бы быть съ большою пользою для всего сочиненія совершенно исключенъ. То же замѣчаніе относится, въ большей или меньшей степени, и къ послѣдующимъ выпускамъ „Русской физико-математической библиографіи“.

Во второмъ выпускѣ, обнимающемъ періодъ времени съ 1726 по 1745 годъ появляются разныя латинскія сочиненія, но въ большинствѣ случаевъ не сопровождаются никакими поясненіями о содержаніи книги, о цѣляхъ автора и т. д., въ чемъ проявляется у составителя непоследовательность и отсутствіе однообразія.

Время, обнимаемое третьимъ и послѣдующими выпусками библиографіи, не получаетъ отъ г. Бобынина никакой опредѣленной характеристики и наполнено точно такими же сочиненіями, которыя съ удобствомъ можно было бы исключить.

Второй томъ „Русской физико-математической библиографіи“ обнимаетъ время съ 1764 по 1799 годъ.

„Относительно этого тома, говоритъ рецензентъ, можно сдѣлать тѣ же замѣчанія, какъ и по отношенію къ первому тому, то-есть,

что здѣсь помѣщено многое такое, что никогда не должно было найти себѣ мѣсто въ серьезной физико-математической библиографіи“.

Второе изъ представленныхъ Бобынинымъ сочиненій содержитъ рядъ отдѣльныхъ очерковъ по исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи въ XVII столѣтіи. Въ этихъ очеркахъ авторъ вполнѣ добросовѣстно относился къ дѣлу, причемъ особый интересъ представляютъ: описаніе источниковъ нашей рукописной математической литературы XVII столѣтія и изслѣдованіе характеристическихъ особенностей содержанія математическихъ рукописей того же вѣка.

Резюмируя все сказанное, видно, что оба сочиненія, представленные г. Бобынинымъ на соисканіе премии митрополита Макарія, содержатъ нѣкоторые крупные недостатки, обусловливаемые главнымъ образомъ недостаточностью критики въ выборѣ рассматриваемыхъ сочиненій и излишними подробностями въ описаніяхъ тамъ, гдѣ это совсѣмъ нежелательно и неумѣстно. Нѣкоторая небрежность въ изданіи, по отношенію къ отсутствію отдѣльныхъ заглавій, нумераціи статей, многочисленность дополненій и проч., производятъ также нѣсколько неблагоприятное впечатлѣніе.

„Но, не смотря на эти недостатки, оба сочиненія имѣютъ много неоспоримыхъ и весьма существенныхъ достоинствъ. Во первыхъ „Русская физико-математическая библиографія“ представляется сочиненіемъ *единственнымъ въ своемъ родѣ въ Россіи*; до сихъ поръ не было ничего подобнаго и въ этомъ отношеніи г. Бобынинъ оказалъ отечественной литературѣ неоспоримую и весьма существенную услугу. Авторъ взялся за этотъ крайне неблагодарный трудъ и выполнилъ его весьма добросовѣстно и обстоятельно, знакомясь, по возможности, лично съ оригиналами цитируемыхъ сочиненій.

„Второе сочиненіе г. Бобынина имѣетъ для исторіи математики въ Россіи и для уясненія вопроса объ источникахъ математическихъ знаній въ нашемъ отечествѣ также очень важное значеніе, тѣмъ болѣе, что авторъ является для насъ въ этой области вполнѣ компетентнымъ лицомъ.

„В. В. Бобынинъ, посвятившій много трудовъ изученію исторіи математики, напечатавъ, кромѣ здѣсь рассматриваемыхъ, еще много другихъ трудовъ по этому вопросу, и состоя редакторомъ и издателемъ журнала „Физико-математическія науки въ ихъ настоящемъ и прошедшемъ“ — является передъ нами полнымъ знатокомъ своего

дѣла, а потому и разсматриваемыя нами сочиненія имѣютъ несомнѣнную цѣну“.

Въ виду всего выше сказаннаго академія признала справедливымъ присудить г. Бобынну почетный отзывъ.

II. А. В. Экземплярскій—„Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 годъ“. Два тома. С.-Петербургъ 1889—1891 годовъ.

Оцѣнку этого сочиненія по просьбѣ Академіи принялъ на себя докторъ исторіи Николай Петровичъ Лихачевъ.

Трудъ А. В. Экземплярскаго состоитъ изъ двухъ объемистыхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ рядъ біографическихъ очерковъ великихъ и удѣльныхъ князей, написанныхъ на основаніи первоисточниковъ. Самъ авторъ, какъ въ предисловіи, такъ и въ текстѣ, говорить, что цѣлью его труда—дать справочную книгу на тему, обозначенную въ заглавіи. Съ этой точки зрѣнія и должна быть произведена оцѣнка сочиненія.

„Въ такого рода произведеніяхъ, говоритъ рецензентъ, выясненіе прагматической связи событій, историческія характеристики, освѣщеніе характерныхъ чертъ эпохи не только могутъ, но и должны отходить на задній планъ; цѣнность и смыслъ справочныхъ изданій заключается въ систематическомъ сводѣ критически провѣренныхъ фактовъ. Въ данномъ случаѣ книга Экземплярскаго по смыслу своему должна представлять длинную цѣпь мелкихъ хронологическихъ и генеалогическихъ изслѣдованій, цѣнность которыхъ всецѣло зависитъ отъ того, въ какой степени полно и систематично авторъ исчерпалъ первоисточники.

„Объемъ труда А. В. Экземплярскаго почти исключаетъ возможность детальной провѣрки cadaго сообщаемого факта, cadaго сдѣланнаго авторомъ вывода. Достаточно сказать, что однѣхъ хронологическихъ датъ въ книгѣ „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси“ приводится болѣе десяти тысячъ. Такое обиліе фактического матеріала, само по себѣ, можетъ служить извиненіемъ въ мелкихъ недосмотрахъ и пропускахъ, которыхъ намъ придется коснуться“.

Положительной стороной труда г. Экземплярскаго является прежде всего пользованіе первоисточниками. Авторъ внимательно и по страницамъ просмотрѣлъ изданные лѣтописи и акты и тщательно свѣрилъ съ ними выводы пособій. Рядомъ съ этимъ видно, что авторъ хорошо знакомъ съ провинціальною литературою, что составляетъ камень преткновенія для многихъ изслѣдователей.

„За послѣднее полу столѣтіе, говоритъ г. Лихачевъ, мѣстные любители отечественной исторіи выпустили въ свѣтъ безконечное множество псевдо-научныхъ сочиненій и изданій документальныхъ, изобилующихъ ошибками и опечатками. Но, рядомъ съ положительнымъ баснословіемъ въ провинціальной литературѣ встрѣчаются драгоценныя перлы и въ видѣ цѣлыхъ статей и въ видѣ отдѣльныхъ фактовъ, не извѣстныхъ по другимъ источникамъ. А. В. Экземплярскій неоднократно касается, такъ называемыхъ, мѣстныхъ лѣтописей, выясняетъ ихъ значеніе, пользуется сообщаемыми ими данными, но, что составляетъ его заслугу, беретъ эти данныя не иначе, какъ послѣ строгой критической провѣрки“.

Къ недостаткамъ труда автора слѣдуетъ отнести нѣкоторое колебаніе его въ объемѣ своей задачи и въ методахъ ея выполнения. Такъ, въ предисловіи онъ заявляетъ, что онъ не переводилъ годы изъ одного лѣтосчисленія въ другое, изъ мартовскаго въ сентябрьское, а между тѣмъ самъ сообщаетъ годы только по январскому лѣтосчисленію и при этихъ переводахъ нерѣдко избѣгаетъ подробнаго сопоставленія разнорѣчащихъ лѣтописей.

„Нерѣдко, въ погонѣ за прагматизмомъ изложенія, говоритъ рецензентъ, авторъ вдается въ излишне подробный пересказъ лѣтописнаго текста (причемъ, естественно, уменьшается справочная цѣнность подлинника), а рядомъ съ этимъ пропускаетъ совѣтъ, или выноситъ въ примѣчанія факты, которые мѣшаютъ связности разказа. Авторъ забываетъ при этомъ, что его цѣль возможно точное опредѣленіе хронологической цѣпи событій, а не выясненіе причинъ ихъ вызвавшихъ. Вотъ почему большая часть 1-го тома, касающаяся біографій великихъ князей Московскихъ, переходитъ въ сухой пересказъ русской государственной исторіи этого времени и напоминаетъ, уступая въ систематичности, извѣстный лѣтописный сводъ Арцыбашева. Вдаваясь въ разсужденія, А. В. Экземплярскій иногда забываетъ справочную цѣль своей книги. Длинное изложеніе вопроса о Гостомыслѣ и лѣтониси Іоакима, или на примѣръ, весьма подробный разборъ извѣстій о времени основанія Казани, имѣютъ малое отношеніе къ генеалогіи и хронологіи князей татарскаго періода. Точно также слѣдуетъ признать излишними, сравнительно съ планомъ и задачами изданія, тѣ главы, гдѣ авторъ погодно излагаетъ событія въ Новгородѣ и Псковѣ“.—„Нѣкоторыя, впрочемъ очень немногія мѣста позволяютъ заподозрить и критическій тактъ автора. Иногда онъ не различаетъ генеалогическихъ первоисточниковъ отъ пособій и сопоставляетъ данныя

зайствованныя у Строева, Долгорукова, Головина съ показаніемъ родословныхъ въ лѣтописяхъ, въ официальныхъ и частныхъ сборникахъ XVI и XVII вѣковъ. Можетъ быть въ силу этого г. Экземплярскій не замѣтилъ грубой ошибочности записаннаго въ бархатную книгу и принятаго многими генеалогами родословія Ляпуновыхъ“.

Слѣдя за авторомъ по страницамъ и указывая на вкравшіяся неточности и ошибки въ его книгѣ, Н. П. Лихачевъ объясняетъ ихъ современнымъ состояніемъ русской исторической литературы, не имѣющей систематической библиографіи, такъ что изслѣдователямъ приходится переходить изъ книжки въ книжку. По лѣтописямъ у насъ громадная литература, но не имѣется каталога всѣхъ извѣстныхъ лѣтописныхъ списковъ.

Имѣя въ виду массу труда, положеннаго Экземплярскимъ въ свое изслѣдованіе, и тѣ, что достоинства сочиненія значительно превышаютъ невольныя ошибки, пропуски и недосмотры, Академія постановила наградить сочиненіе Экземплярскаго почетнымъ отзывомъ.

По присужденіи премій комиссія постановила выразить глубокую признательность Академіи постороннимъ ученымъ, содѣйствовавшимъ ей въ оцѣнкѣ конкурсныхъ сочиненій, нерѣдко требовавшихъ специальныхъ и разностороннихъ познаній. Почтенные ученые, оказавшіе Академіи услуги въ этомъ отношеніи, суть: членъ-корреспондентъ Императорской Академіи наукъ генераль-маіоръ М. А. Рыкачевъ, профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Н. И. Карѣевъ, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ Ѳ. И. Успенскій, начальникъ Военно-юридической академіи генераль-лейтенантъ П. О. Бобровскій, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ и начальникъ Николаевской академіи генеральнаго штаба генераль-лейтенантъ Г. А. Лееръ, директоръ Технологическаго института въ Харьковѣ В. Л. Кирпичевъ, профессоръ Императорскаго историко-филологическаго института А. С. Лаппо-Данилевскій, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ тайный совѣтникъ Е. И. Ламанскій, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ Н. Ѳ. Здекауеръ, д. с. с. М. П. Соловьевъ, приватъ-доцентъ Ѳ. Д. Батюшковъ, бібліотекаръ Императорской Публичной бібліотеки Э. Л. Радловъ и докторъ исторіи Н. П. Лихачевъ.

народныхъ собраній по центуріямъ, но думаемъ, что въ нихъ имѣли право участвовать для избранія консуловъ, обсуждения вопроса объ объявленіи войны и заключеніи мира одни патриціи. Это мнѣніе идетъ въ разрѣзъ съ неоднократными разказами Ливія и Діонисія объ участіи въ комиціяхъ также плебса. Однако разказы ихъ о борьбѣ сословій до такой степени проникнуты политическими воззрѣніями Валерія Анціата и Липинія Мацера, современниковъ Гракховъ и Суллы, что невозможно положиться на представленія ихъ о порядкахъ древнѣйшей республики, вездѣ отзывающіяся анахронизмами. Ставя вопросъ о времени преобразования комицій по центуріямъ и состава гражданскаго войска независимо отъ этой ненадежной лѣтописной традиціи, нельзя не обратить вниманіе на великую преобразовательную эпоху, связанную съ децемвиратомъ. Давно признано, что тимократическая система, введенная въ Римъ, носитъ на себѣ явные признаки подражанія аналогичной греческой системѣ. Въ особенности бросается въ глаза, какъ въ общемъ, такъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, напримѣръ въ организаціи всаднической службы, сходство римскихъ порядковъ съ аѳинскими. Не менѣе извѣстно, что въ законахъ двѣнадцати таблицъ встрѣчаются пункты, сходные съ аѳинскими законами ¹⁾. Изъ всѣхъ возможныхъ объясненій этого двойнаго параллельнаго вліянія самое простое, безспорно, то, что здѣсь дѣйствовалъ одновременно одинъ и тотъ же факторъ, знакомство римскихъ законодателей съ греческими, особенно же съ аѳинскими учрежденіями и законами,—знакомство, которое, по показанію Ливія, Діонисія и другихъ, возникло путемъ отправленія посольства въ Аѳины и другія греческія государства и благодаря сотрудничеству нѣкаго грека Эрмодора. Какъ ни испорчено дошедшее до насъ преданіе о событіяхъ двухъ децемвирскихъ годовъ, особенно же втораго, 450 года, не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ годъ ознаменовался важнымъ поворотомъ въ пользу плебса. Высшая государственная должность была на половину занята плебеями. Пользуясь диктаторскими полномочіями, децемвиры имѣли полную возможность простымъ административнымъ порядкомъ провести преобразование гражданскаго войска и народнаго собранія по центуріямъ. О приобрѣтеніи плебсомъ права принимать участіе въ комиціяхъ свидѣтель-

¹⁾ Не входя въ подробности много обсуждавшагося вопроса о слѣдахъ греческаго вліянія на двѣнадцать таблицъ, ограничиваемся ссылкою на Моммзена St.-R. 3, 253.

ствуеъ одно постановленіе двѣнадцати таблицъ. По уголовнымъ дѣламъ всѣхъ римскихъ гражданъ положено было судить не въ частныхъ собраніяхъ, а только въ *comitatus maximus* ¹⁾). Плебеи отказались отъ производства суда въ своихъ собраніяхъ по трибамъ, потому что комиціи по центуріямъ теперь сдѣлались „великими“. общими, нейтральными собраніями всего римскаго народа. Взамѣнъ участія плебеевъ въ комиціяхъ по центуріямъ патриціямъ, вѣроятно, тогда было дано право участія въ собраніяхъ по трибамъ, тѣмъ болѣе, что при новой организаціи воинской повинности трибы сдѣлались необходимыми единицами для производства ценза поземельнаго имущества и для веденія списковъ по воинской повинности. При новомъ составѣ собраній по трибамъ, одинаковомъ съ составомъ комицій по центуріямъ, и новомъ значеніи ихъ для всей гражданской общины, совершенно понятно, что вскорѣ, въ слѣдующемъ за децемвирами году, былъ изданъ законъ Валерія и Горація, *ut quod tributim plebs iussisset, populum teneret*, въ дополненіе закона двѣнадцати таблицъ, *ut quodcumque postremum populus iussisset, id ius ratumque esset*. Прямыми послѣдствіями новыхъ порядковъ являются законъ Канулея 445 года о конубіи, учрежденіе военныхъ трибуновъ съ властью консуловъ и должности цензоровъ въ 443 году. Признаніе законности браковъ между двумя сословіями соотвѣтствовало только-что происшедшему сліянію сословій въ одинъ *populus Romanus*. Раздѣленіе должностей высшихъ военачальниковъ между патриціями и плебеями представлялось совершенно послѣдовательнымъ заключеніемъ изъ уравненія обоихъ относительно военной службы. Учрежденіе, наконецъ, особой цензорской должности, предоставляемой сначала патриціямъ, отчасти возможно объяснить желаніемъ патриціевъ получить извѣстную компенсацію за уступку военнаго трибуната. Съ другой стороны, очень возможно, что учрежденіе новой должности было вызвано вмѣстѣ съ тѣмъ и открытіемъ массы новыхъ дѣлъ, вслѣдствіе введенія ценза. Намъ кажется, что исторія сороковыхъ годовъ пятаго столѣтія, столь важныхъ для политическаго развитія римской республики, получаетъ болѣе полное освѣщеніе, если отнести къ этой эпохѣ мнимую реформу Сервія Туллія. Изъ такого предположенія, съ другой стороны, пролилось бы болѣе свѣта на настоящій характеръ реформы, сильно затемненный традиціонною датировкою. Мы считаемъ, что о настоящемъ времени и объ условіяхъ, при которыхъ

¹⁾ Ср. *Fontes iuris Romani antiqui*, ed. Bruns, изд. 6, т. 1, стр. 34.

произошла существовавшая въ четвертомъ столѣтїи организація войска и комицій, въ концѣ этого вѣка не имѣлось никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Авторъ перваго лѣтописнаго повѣствованія о происхожденїи организаціи, дѣйствовавшей уже полтора столѣтїя, не имѣя о ней никакихъ лѣтописныхъ данныхъ, отодвинулъ реорганизацію войска въ періодъ царей, въ которомъ, по его взгляду, коренились всѣ основныя учрежденія Рима. Для роли реорганизатора войска самымъ подходящимъ изъ легендарныхъ царей ему показался Сервій, имя котораго уже свидѣтельствовало объ охранѣ государства и города.

Въ исторической легендѣ о царѣ Сервіѣ мы до сихъ поръ нашли два наслоенія, главнымъ признакомъ которыхъ служить различное производство имени *Servius*. Въ одномъ словѣ традиціонныхъ сообщеній авторъ отправлялся отъ слова *servus*, авторъ же другаго—отъ глагола *servare*. Согласно одному, царь Сервій приложилъ особенное стараніе къ защитѣ города—постройкою укрѣпленій и устройствомъ войска. По другому источнику, Сервій произошелъ изъ невольниковъ, а потому послѣ воцаренія оставался другомъ и благодѣтелемъ невольниковъ и вообще простонароднаго класса населенія. Кому принадлежать эти двѣ группы историческаго вымысла, слившіяся въ дошедшей до насъ традиціи въ одно цѣлое, это, намъ кажется, въ общемъ опредѣлить не трудно. Идеаль царя-народника, бывшаго невольника, возникъ въ позднѣйшей демократической анналистикѣ, главнымъ представителемъ которой является Лициній Мацеръ. Образъ царя-хранителя, безспорно, происхожденія древняго, и есть основаніе думать, что такимъ онъ представлялся уже автору самаго древняго изложенія государственно-политической исторїи царей. Авторъ этотъ задался цѣлью въ личныхъ образахъ царскихъ дѣятелей изобразить предполагаемую исторію основанія и перваго развитія римскаго государства. Удѣляя каждому изъ семи царей часть общаго дѣла, авторъ конечно не могъ оставить безъ подходящаго дѣла Сервія Туллія. Сооруженіе такого могучаго оплота, какимъ былъ *agger servius* и устройство центурій *serviae*, давали Сервію Туллію полное право быть признаннымъ однимъ изъ царей-основателей Рима. Повѣствованіе о нихъ поэтому вполне входило, такъ сказать, въ программу перваго анналиста. Съ другой стороны, весьма трудно себѣ представить историческое повѣствованіе о шестомъ царѣ безъ этихъ дѣяній. Разказъ такой оказался бы почти безъ всякаго историческаго содержанія. Усматривая такимъ образомъ въ повѣсти о Сервіѣ, царѣ-хранителѣ Рима, произведеніе перваго

редактора государственно-политической истории царей, мы не считаемъ лишнимъ поставить вопросъ о древнѣйшемъ источникѣ легенды о Сервіѣ Туллиѣ. При разборѣ преданія о пяти царяхъ намъ выяснилось, что древнѣйшій видъ легенды о нихъ есть этиологическая легенда сакральныхъ коллегій Рима. Изъ желанія осмыслить историческое начало этихъ коллегій, выдумали мифическихъ царей, яко бы основавшихъ извѣстную коллегію и положившихъ начало важнѣйшимъ частямъ обстановки ея священнодѣйствія. Для каждаго изъ этихъ царей изобрѣли характеристичное имя, подходившее къ специальному дѣлу коллегіи. Сакральная легенда о царяхъ-основателяхъ перешла къ сочинителю первой лѣтописной истории о началѣ Рима, а благодаря его труду значеніе царей-основателей было распространено на общегосударственную область, при чемъ однако въ этомъ пространномъ разказѣ сохранилось много элементовъ первоначальной сакральной легенды. Теперь возникаетъ вопросъ, нѣтъ ли слѣдовъ такой легенды также и въ традиціи о Сервіѣ Туллиѣ. Мы должны признаться, что въ ней отсутствуетъ та черта, которая, по нашему заключенію, оказалась самымъ важнымъ признакомъ жреческой легенды. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ царей, Сервію Туллию въ преданіи не приписывается учрежденіе кого либо жречества или жреческой коллегіи. Этотъ фактъ однако не равносильнъ признанію полного отсутствія слѣдовъ сакральной легенды. Въ исторіи Сервія Туллія, напротивъ, есть элементы, явно посвященныя на себѣ характеръ или сакральнаго, или прямо мифологическаго преданія. Это, во первыхъ, повѣсть о его чудесномъ рожденіи, а во-вторыхъ, легенда, связывающая царя съ началомъ поклоненія въ Римѣ богинѣ Фортунѣ. Считая одною изъ первыхъ причинъ неоконченности генетическаго изслѣдованія легенды о римскихъ царяхъ неполноту и неудовлетворительность разбора сакральныхъ или мифологическихъ ея элементовъ, мы придаемъ особенно важное значеніе изслѣдованію этихъ элементовъ въ исторіи Сервія Туллія, хотя бы отъ нашего сужденія, при отрывочности матеріала, въ результатѣ получились только догадки.

Римское преданіе почти единогласно приписываетъ Сервію Туллию первое устройство въ Римѣ культа Фортуны ¹⁾). Этой богинѣ въ Римѣ было посвящено значительное число святинь. Которыя изъ нихъ были

¹⁾ Единственное исключеніе—показаніе Плутарха (De fort. Rom. 5) объ основаніи въ Римѣ святини *Tύχης ἀνδρείας*, то-есть, Форсъ Фортуны, Анкомъ Марціемъ

посвящены Сервіемъ, относительно этого расходились мнѣнія римскихъ ученыхъ. По свидѣніямъ Плутарха (*De fortuna Roman.* 10), имъ были построены храмы Фортуны *Primigenia* на Капитоліѣ и Фортуны *Obsequens*. Перечисливъ еще четыре святыни той-же богини, онъ говоритъ, что кромѣ этого Фортуна пользуется у римлянъ несмѣтнымъ числомъ почестей и прозвищъ, установленныхъ по большей части также Сервіемъ Тулліемъ. По свидѣтельству большинства авторовъ, служащихъ самыми авторитетными свидѣтелями о римскихъ древностяхъ—Варрона, Овидія, Ливія и Діонисія—основанными Сервіемъ Тулліемъ считались только два храма Фортуны: лежавшій за городомъ на Тибрѣ храмъ Форсъ Фортуны и старинный храмъ на *forum boarium*¹⁾. Въ послѣднемъ находилась позолоченная деревянная, старинной работы, статуя Сервія Туллія, сидящаго на престолѣ²⁾. Голова статуи, по неизвѣстной причинѣ, была закрыта тогою, что дало поводъ къ тремъ разнымъ объяснительнымъ разказамъ, сообщаемымъ Овидіемъ (*Fasti* 6, 566 сл.). Одни говорили, что Фортуна полюбила Сервія и имѣла съ нимъ тайныя ночныя свиданія, влѣзая къ нему черезъ окно, находившееся на мѣстѣ позднѣйшей *porta Fenestella*³⁾. Устыдившись потомъ своего поступка, она закрыла черты любимаго человѣка. Статуя Сервія Туллія осталась неповрежденной, когда весь храмъ однажды сдѣлался жертвою пожара⁴⁾.

А. Эрманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) Діонисій 4, 27 *καὶ δύο κατασκευασάμενος Τύχη, ἣ παρὰ πάντα τὸν βίον ἔδοξεν ἀγαθῇ καυχῆσθαι, τὸν μὲν ἐν ἀγορᾷ τῇ καλουμένῃ Βοαρία, τὸν δ' ἕτερον ἐπὶ τοῖς ἡίοσι τοῦ Τεβέρτος, ἣν ἀνδρείαν [Fortis Fortunae=fortis F.] προσηγόρευσεν, ὡς καὶ νῦν ὑπὸ Ῥωμαίων καλεῖται. Овидія Фасты 6, 569 о храмѣ на *Forum boarium*; 6, 783 сл. объ основаніи храма Форсъ Фортуны. Варрона *De l. l.* 6, 17 *dies Fortis Fortunae appellatus a Servio Tullio rege, quod is fanum Fortis Fortunae secundum Tiberim extra urbem Romam dedicavit Iunio mense*; Ливіи 10, 46, 14 *prope aedem Fortis Fortunae ab rege Servio Tullio dedicatam*. Ср. Швергера *R. G.* 1, 712; Preller-Iordan *R. Myth.* 2, 180; Гяльберта *Topogr.* 2, 390; статью *Fortuna P.* Петера въ *Roschers Ausf. Lexikon d. Myth.* 1, 1509.*

2) Діонисій 4, 40; Овидій Фаст. 6, 569 сл.

3) Овидій 6, 573 сл.; Плутархъ *de fort. Rom.* 10; *Quaest. rom.* 36.

4) Діонисій 4, 40; Овидій 6, 625 объясняетъ это чудо защитою Вулкана, который считался отцомъ Сервія Туллія. Пожаръ этотъ, можетъ быть, тотъ же самый, о которомъ идетъ рѣчь у Ливія 21, 47 и 25, 7 въ 213 г. до Р. Хр.

ЭПИГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ¹⁾.

VI.

Херсонисскій декретъ въ честь Навклара Синопскаго.

Въ изданномъ нами недавно, по порученію Императорской археологической комиссіи, собраніи греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ въ южной Россіи въ 1892—1894 годахъ ²⁾, помѣщенъ въ числѣ херсонисскихъ надписей (стр. 7—8, № 2) найденный въ 1893 г. въ развалинахъ Херсониса отрывокъ почетнаго декрета о дарованіи проксеніи, права гражданства и разныхъ привилегій, нѣкоему Г. Каію Евтихіану Навклару, гражданину г. Синопы, за разныя услуги, оказанныя имъ херсонисцамъ. Бѣльшій изъ двухъ найденныхъ обломковъ содержитъ значительныя части 22-хъ строкъ съ лѣвой стороны камня, но по исполнѣннѣмъ дополненіямъ, которыя можно было сдѣлать къ нѣсколькимъ строкамъ, приходилось предполагать, что съ правой стороны отбита почти половина камня, и вслѣдствіе этого возстановленіе значительной части текста оказалось невозможнымъ.

Счастливыи случай привелъ меня, къ сожалѣнію нѣсколько поздно, уже послѣ выхода въ свѣтъ указаннаго сборника, къ открытію правой половины декрета, который читатели увидятъ здѣсь почти цѣлымъ, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ заключительныхъ строкъ. Для открытія недостававшей части декрета не понадобилось новыхъ раскопокъ: она оказалась въ „Корпусѣ“ Бѣка!

Во 2-мъ томѣ „Корпуса“, на послѣднемъ мѣстѣ въ числѣ надпи-

¹⁾ Продолженіе. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, июнь 1885 г.

²⁾ Матеріалы по археологіи Россіи. № 17. Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1892—1894 годахъ. С.-Пб. 1895. 4°.

сей Сарматіи, Херсониса Таврическаго и Воспора Киммерійскаго (стр. 169, № 2134 b) помѣщенъ отрывокъ декрета, начертанный на камнѣ, найденномъ въ 1822 г. сарептскимъ колонистомъ Генр. Авг. Цвикомъ въ настилкѣ пола какого-то древняго зданія въ развалинахъ Сарая, бывшей столицы хановъ Золотой орды. Копія надписи была сообщена знаменитому оріенталисту Френу, а имъ передана академику Грефе, который и издалъ ее въ „Запискахъ“ Императорской академіи наукъ ¹⁾. Оттуда надпись была перепечатана Бёкомъ въ C. I. Gr. Вопросъ о происхожденіи надписи очень интересовалъ обоихъ издателей, но не могъ быть рѣшенъ ими за отсутствіемъ въ текстѣ ея какихъ-либо ясныхъ указаній. Грефе изъ сохранившихся въ 1-й строкѣ надписи буквъ ΨΑΝΠΟΤΙ возстановилъ [Ἐγγραψαν Ποτ[ιδαιῶτα], но при этомъ самъ указалъ, что такое возстановленіе можетъ казаться весьма сомнительнымъ ²⁾. Бёкъ, справедливо отвергнувъ это предположеніе перваго издателя ³⁾ и замѣтивъ, что декретъ долженъ принадлежать дорическому приморскому городу, остановился на мысли, что камень былъ перевезенъ татарами въ Сарай изъ упоминаемаго Птоломеемъ греческаго города Эксополя, лежавшаго на Дону въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ наиболѣе сближается съ Волгою ⁴⁾.

При собираніи и обработкѣ матеріаловъ для сборника надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря я неоднократно задавался вопросомъ, слѣдуетъ ли включить въ него найденную въ Сарай надпись, и въ концѣ концовъ рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно въ виду полной загадочности ея происхожденія, такъ какъ предположеніе Бёка объ Эксополѣ казалось мнѣ мало обоснованнымъ и не исклю-

¹⁾ Vetus inscriptio Graeca inter rudera antiquae urbis Sarai, prope Zaritzyn ad Wolgam detecta. Edidit et illustravit Frid. Graefo. *Mémoires de l'Acad. Impér. des sciences de St.-Petersbourg, 6 série: Sciences polit., histoire et philologie*, v. I (1830), p. 55 sq.

²⁾ Vetus inscriptio etc., отд. отд., стр. 6: „Quo nomine maxime doleas ad incertissima pertinere id, quod natale decreti nostri solum concernit: nam Potidaeatis illud revera tribuendum esse tantum abest ut mihi ipse persuadere possim, ut satis sentiam, quibus haec opinio difficultatibus prae ceteris prematur“ etc.

³⁾ C. I. Gr. II p. 169 (комментарій къ надписи): „Ultimae litterae I alii apices adhaerere videntur Graefio notante: qui ipse vidit quibus difficultatibus ipsius supplementum ἔγγραψαν Ποτ[ιδαιῶτα] prematur, quippe quum titulus Romanae aetatis sit et Potidaeae nomen tum pridem antiquatum fuerit, imposito urbi huic Cassandreae nomine. Quare quid vs l. scriptum fuerit omnino nescio, nec libet varias, quae proferri queant, coniecturas proponere“.

⁴⁾ Ibid. (lemma, вторая половина).

чало возможности думать вмѣстѣ съ Грефе, что камень былъ привезенъ откуда-нибудь изъ Греціи или Малой Азіи на берега Дона въ качествѣ балласта и оттуда попалъ въ Сарай¹⁾. Недавно, перелистывая „Корпусъ“ для другихъ цѣлей, я случайно вновь прочиталъ эту надпись и, пораженный именованіемъ Г. ΚΑΙΟΣ²⁾, сличилъ ее съ вновь найденнымъ отрывкомъ херсонисскаго декрета въ честь Г. Каія Евтихіана. Это сличеніе привело меня къ твердому убѣжденію, что Сарайская надпись представляетъ собою правую половину того же декрета, несмотря на то, что нѣкоторые внѣшніе признаки на первый взглядъ кажутся противорѣчащими такому убѣжденію. Для надлежащей оцѣнки этихъ признаковъ считаемъ нужнымъ привести изъ описанія Грефе слѣдующія данныя о внѣшнемъ видѣ камня.

Камень имѣетъ въ длину (вср. высоту) 52¹/₂ англ. дюйма и въ ширину 14 д. и принадлежитъ къ породѣ „calx primitiva“. Онъ составлялъ часть каменной настилки пола какого-то зданія, при чемъ былъ положенъ надписью внизъ и замазанъ известью; при устройствѣ пола верхній, нижній и въ особенности правый край камня были стесаны острымъ инструментомъ, вслѣдствіе чего попорчены части надписи³⁾. О лѣвомъ краѣ камня авторъ ничего не говоритъ,

1) Отд. отд. стр. 13: „Finita explicatione inscriptionis, quoad illa aetatem tulit, expectabitur fortasse ut ostendam, qua tandem via marmor hoc, si minus Potidaeae, at in alia tamen Graeca urbe positum, ad ripas Wolgae inter media Tataricae urbis Sarai rudera delatum esse videri possit. Novi στήλας ἀντιγράφους, ἀτέλειαν Leuconis apud Athenienses et eorum apud illum concernentes, in ejus et horum urbe patria et in medio quodam loco erectas, Demosth. adv. Lept. § 29. sed agmen conjecturarum opus esset ei, qui hoc exemplo in hac causa abuti vellet. Fortasse lapis, cum diu eversus inter alios lapides in litore patrio jacuisset, superiore quodam tempore onerandae peregrini nautae navi cum alia mole inserviens, in viciniam ejus regionis coeco casu absportatus est, in qua, aliam rursus sortem expertus, caemento terrae affixus, hucusque latuit“.

2) Это имя обоимъ издателямъ казалось весьма сомнительнымъ, Грефе (отд. отд. стр. 7) замѣтилъ: „Nomen Καίου (Κάτων?) Graecum Romanumve praestat intactum relinquere“. По замѣчанію Бѣка, „nomen viri laudati esse Romanum certe ex parte, docet vs. 18. Γ foliulis interpositum: conieceris Γ(άτων) Κάτων cum Graeico, vel Καῖρον quod mihi probabilius; Καίου non est probabile“. Однако и на вновь найденномъ обломкѣ ΚΑΙΟΣ читается совершенно ясно.

3) Отд. отд. стр. 3: „Marginis praeterea inprimis dextrae mutilatio procul dubio et ipsa tribuenda esse Tatarorum barbariei, qui ut lapidem loco suo angustiori aptum redderent, orae ambitum a tribus partibus ferro tentare coacti sunt, unde factum, ut praeter jacturam, in superiore et inferiore margine factam, fissa lapidis particula ad dextram, extrema singulorum versuum vocabula simul avellerentur, cum contra superficies dorsi integrior maneret“.

но, по видимому, считалъ его сохранившимся въ цѣлости и при возстановленіи надписи думалъ, что слѣва пропало только по одной или по двѣ буквы и справа по 6—10. Бѣкъ, занявшись обработкою текста надписи, пришелъ къ заключенію, что ея строки были не такъ коротки, какъ полагалъ Грефе, и выразилъ предположеніе, что надпись была вырѣзана на двухъ рядомъ стоявшихъ плитахъ¹⁾. Для изданія надписи Грефе имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма тщательную, по его словамъ („*ductibus accuratissime depictis*“), копию Цвика и доставленный послѣднимъ, по нарочитой его просьбѣ, бумажный оттискъ съ камня, вымазаннаго черной краской²⁾. По этимъ двумъ спискамъ Грефе издалъ текстъ надписи обыкновеннымъ типографскимъ шрифтомъ, замѣтивъ, что онъ не считъ нужнымъ прибѣгать къ литографіи, „*cum litterae eaedem essent, quae in plurimis Olibiae inscriptionibusprehenduntur, typis nostris simillimae*“. Маленькія неточности, явившіяся слѣдствіемъ примѣненія типографскаго шрифта, отмѣчены авторомъ на стр. 7 (отд. отт.): 1) въ строкѣ 18-й по сторонамъ буквы Г вмѣсто имѣющихся на камнѣ листочковъ поставлены въ текстѣ звѣздочки, и 2) въ строкахъ 11-й и 18-й буквы NE на камнѣ образуютъ лигатуру. Добавимъ еще, что по словамъ Цвика, упоминающаго о найденной имъ надписи въ описаніи путешествія изъ Сарепты въ калмыцкія степи Астраханской губерніи³⁾, камень погибъ во время бывшаго въ Сарептѣ пожара.

Сравнивая приведенныя данныя о внѣшнемъ видѣ найденнаго въ Сараѣ камня съ имѣющимися у насъ свѣдѣніями о внѣшности обломка, найденнаго въ 1893 г. въ Херсонисѣ, мы замѣчаемъ слѣдующее разногласіе: 1) Херсонисская надпись вырѣзана на мраморѣ, а Сарайская—на „*calx primitiva*“, и 2) первый камень имѣетъ въ высоту 0,54 м., а второй—52¹/₂ англ. дюйма = 1,333 м. Что касается

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что Бѣкъ весьма старательно и остроумно возстановилъ вполне текстъ декрета, но, какъ теперь оказывается, его возстановленія очень далеки отъ дѣйствительности. Новое и весьма поучительное доказательство того, что въ дѣлѣ воссозданія текстовъ надписей необходима крайняя осторожность.

²⁾ Несмотря на то, что Грефе, по видимому, былъ вполне доволенъ сообщенными ему копіями, позволительно сомнѣваться въ безусловной ихъ точности, такъ какъ собственная копія Цвика едва-ли была сдѣлана опытною рукою, а относительно бумажнаго оттиска Грефе, со словъ самого Цвика, замѣчаетъ: „*res suam habebat difficultatem, cum hexa saxi superficies colorem partim difficiliter reciperet, partim nimis celeriter absorberet*“.

³⁾ *Reise von Sarepta in verschiedene Kalmücken-Horden des Astrachanischen Gouvernements im Jahre 1823 etc.* (Leipz. 1827), p. 88.

до перваго пункта, то подъ *calx primitiva* Грефе и за нимъ Бёкъ, очевидно, разумѣли простой сортъ *мрамора*, такъ какъ оба они употребляютъ слово „мраморъ“ въ дальнѣйшемъ изложеніи ¹⁾; что же касается до вышины сарайскаго камня, то показаніе Грефе представляется мало вѣроятнымъ по слѣдующему простому расчету: хотя въ римскія времена надписи, какъ извѣстно, вырѣзывались обыкновенно довольно крупными буквами, но все-таки въ надписяхъ *многострочныхъ* высота буквъ рѣдко превосходила $1\frac{1}{2}$ —2 сантиметра; предполагая высоту въ 2 сант., мы получимъ, что сохранившіяся 24 строки занимали 48 сантим.; для промежутковъ между строками можно предположить по $1\frac{1}{2}$ сантим. на каждый, стало быть на 23 промежутка—отъ 23 до 35 сантим. Слѣдовательно, покрытая надписью часть камня могла бы по нашему, довольно щедро сдѣланному, расчету занимать максимумъ до 85 сантим., а остальные 48 сантиметровъ (изъ 1,33 м.) должны бы оставаться пустыми; между тѣмъ Грефе въ вышеприведенныхъ словахъ прямо отмѣчаетъ *jacuram in superiore et inferiore margine factam*. Отсюда можно съ большою вѣроятностью заключить, что показаніе Грефе относительно вышины камня ошибочно и что на самомъ дѣлѣ она была гораздо меньше. Далѣе можно еще замѣтить, что, по предположенію Грефе и Бёка, съ лѣвой стороны сохранился первоначальный край камня; но такъ какъ ни тотъ, ни другой не видѣли камня въ натурѣ и не приводятъ никакихъ прочныхъ данныхъ въ пользу этого предположенія, то оно нисколько для насъ не обязательно. Что же касается характера письма вновь найденнаго въ Херсонисѣ обломка, то онъ вполне подходит къ вышеприведеннымъ словамъ, которыми Грефе охарактеризовалъ письмо на камнѣ, найденномъ въ Сараѣ.

Такимъ образомъ внѣшніе признаки обоихъ камней не представляютъ ясныхъ доказательствъ противъ предположенія, что они суть обломки одной и той-же большой плиты. Между тѣмъ стоитъ только поставить ихъ рядомъ такъ, чтобы слѣва приходился вновь найденный Херсонисскій обломокъ (*a*), а справа—Сарайскій (*s*),—и это предположеніе сразу приобретаетъ полную вѣроятность.

¹⁾ Грефе, отд. отд. стр. 3: „Caeterum ut marmoris ipsius aspectu facile carere possimus, id diligenti curae Cl. Zwick debetur“ etc.—Бёкъ въ lemma: „quibus [sc. Tataris] marmor est res adeo rara et pretiosa, ut vel minutos lapides eius generis servasse Principem legerim“.

α	σ
1 ΠΡΟΕΒΡΟΙΧ - - ΟΝΑ ΤΑΙΤΑΥΡΙΚΑΙ ΕΠΕΙΔΗ*Γ*ΚΑΙΟΣΕΥΤΥΧ ΝΩΠΕΥΣΑΝΗΡΜΑΡΤΥΡΣ	ΨΑΝΠΟΤΙ Π ΑΝΘΙ ΛΑΡΟΣΣ)ΜΕΝΟΣ.Μ ΑΤΡΟΠ
5 ΚΑΛΟΚΑΓΑΘΙΑΝΠΑΡΑΤΟΙΣ ΣΕΜΝΟΝΑΘΟΣΚΑΙΔΙΑΤΗΝΙ ΠΕΡΙΤΑΝΠΟΔΙΝΑΜΩΝΦΙΛΟΣ ΜΕΣΚΑΛΩΣΕΠΙΔΑΜΗΣΑΣ ΕΝΑΓΧ.ΣΔΕΕΞΔΙΡΕΤΩΦΙ/	ΓΟΙΣΠΟΔΕΙΙΔ ΣΔΙΑΤΕ ΣΠΑΝΤΑΣΕΞΑΙ Ξ ΣΔΑ ΤΟΡΓΙΑΝΗΛΗΚ. Α ΚΑΙΑΛΛΟΤΕΠΛΕΙΣ)ΤΕΙΜΙΑΤΑΠΡΟΣΤΟΝ.Λ
10 ΜΟΝΚ. ΚΡΑΜΕΝΟΣΑΞΙΟΝ ΠΑΡΑΜΕΣΓΕΙΝΟΜΕΝΩΝΕ ΘΑΙΤΗΣΠΟΛΙΟΣΑΜΩΝΚ ΠΑΙΝΕΣΑΝΤΩΝΤΩΝΠΡΟΥ ΤΑΝΚΑΤΑΕΝΔΕΚΑ.ΤΟΝΤΩ	ΓΑΣΑΤΟΚΑΙΑΥΤΟΣΤΩΝ ΩΝΜΕΤΑΣΧΕΙΝΚΑΙΓΕΝΕ ΥΤΟΣΦΙΛΟΤΕΙΜΟΣΚΑ ΝΤΩΝΤΗΝΤΑΝΑΡΟΣΓ ΠΟΔΕΙΤΑΝΚΑΙΤΑΝΠΣ
15 ΤΑΝΠΟΔΙΝΕΠΟΥ////ΝΤΕΚ ΑΝΘΩΝΤΟΝΑΝΔ////ΦΙΛΟΦ ΝΟΝΔΕΔΟΧΘΑΙΤΑΒΟΥΛΑΚ ΕΠΙΤΟΥΤΟΙΣΠΡΟΤΕΡΟΝΤ ΝΟΝΝΑΥΚΛΑΡΟΝΣΙΝΣ-///	ΕΥΝΟΟΝΦΙΛΟΣΤΟΡΓΙΑ ΝΩΣΦΙΛΟΤΕΙΜΗΣΑΜ ΙΤΩΔΑΜΩΕΠΑΙΝΕΣΑ ΝΑΝΔΡΑ*Γ*ΚΑΙΟΝΕΥΛ ΔΟΜΕΝΔΕΑΥΤΩΠΡΟ
20 ΔΣΠΟΔΕΙΤΕΙΑΝΕΣΠ ΚΑΙΠΟΛΕΜΩΑ ^ν ΝΟΙ ^ν	ΥΚΑΙΕΚΠΛΟΥΝΕΝΕΤΕ ΑΕΙΛΥΤΩΤΕΚΛΙΕΚΙ ΔΕΤΟΧΟΝΤΕΠΑΝΤΩΝΩ ΤΕΙΤΑΙΣΚΑΠΟΓΕΝΟΥΣ ΤΟΑΝΑΓΡΑΦΑΜΕΝΑΕΥ

Мы видимъ, что 1) оба обломка представляютъ одинъ совершенно связный текстъ, безъ всякихъ перерывовъ при переходѣ отъ одного обломка къ другому; 2) въ нѣсколькихъ строкахъ изломъ приходится по-среди нѣ словъ, при чемъ вслѣдствіе излома не пропало ни одной буквы (стр. 4 μαρτορο|μενος, стр. 7 φιλοσ|τοργίαν, стр. 9 φιλ|οτεμ|ια), или пропало по 1—2 буквы, легко дополняемыхъ (стр. 3 Εδ|τουχ[ι]αν[ός], стр. 13 τῶν προ|χό]υτων, стр. 16 φιλοφ[ρό]ως, стр. 17 κ[α]ί и т. д.); точно также при раздѣленіи словъ для переноса изъ одной строки въ другую принадлежность раздѣленныхъ частей одному и тому-же слову въ нѣкоторыхъ случаяхъ вполне очевидна (напримѣръ стр. 9 — 10 τὸν δ[ᾱ]μον, стр. 11 — 12 γενέ[ε]θηαι, стр. 16—17 φιλοτεμ|ησάμ[ε]νον и проч.). Есть, правда, въ самомъ текстѣ сопоставленныхъ обломковъ нѣкоторые признаки, какъ бы противорѣчащіе высказанному предположенію, но они слишкомъ незначительны для того, чтобы серьезно поколебать его, и легко поддаются объясненію. Именно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ копіи Грефе стоятъ не тѣ буквы или, еще чаще, остатки буквъ, которые должны бы быть на самомъ дѣлѣ; но такихъ

случаевъ всего семь ¹⁾, всё они приходится на концы строкъ или плохо сохранившіяся мѣста надписи и вполнѣ объясняются высказаннымъ уже предположеніемъ, что доставленная Грефе копія была сдѣлана неопытною рукою, а бумажный оттискъ былъ, по видимому, не вполнѣ удаченъ.

Текстъ декрета можетъ быть восстановленъ по обоимъ обломкамъ въ слѣдующемъ видѣ:

- 1 Πρόεδροι Χ[ερσ]ονα[σειτᾶν τῶ]ν ποτὶ
τᾷ Ταυρικᾷ [ε]ἰ[παν].
Ἐπειδὴ Γ. Κάιος Εὐτοχ[ι]αν[ὸς Ναύκλ]αρος Σ[ι]-
νωπεὺς ἀνὴρ μαρτυρόμενος μ[ὲν δ]ιὰ τρόπ[ων]
- 5 καλοκαγαθίαν παρὰ τοῖς [έ]οῖς πολεῖ[ται]ς διὰ τε [τὸ]
σεμνὸν ἄθος καὶ διὰ τὴν [εἰ]ς πάντας, ἐξαι[ρέτ]ως δ[έ]
περὶ τὰν πόλιν ἀμῶν φιλοστοργίαν ἤ(δ)η καὶ παρ' ἀ-
μῆς καλῶς ἐπιδαμήσας [καὶ] ἄλλοτε πλεισ[τάκις],
ἐναγχος δὲ ἐξ(α)υρέτῳ φι[λο]τειμία τᾷ πρὸς τὸν δ[ᾶ]-
- 10 μων κ[εχ]ραμένος ἄξιον [έστ?]άσατο καὶ αὐτὸς τῶν
παρ' ἀμῆς γεινομένων ἔ[ργ]ων? μετασχεῖν καὶ γενέ[σ]-
θαι τῆς πόλιος ἀμῶν καὶ αὐτὸς φιλότειμος, κα[ὶ] ἐ-
παινεσάντων τῶν προ[χό]ντων τὴν τάνδρὸς [ἀρε]-
τὰν κατὰ ἓνα ἐκ[ασ]τον τῶ[ν] πολειτᾶν καὶ τὰν περὶ
- 15 τὰν πόλιν σπου[δά]ν τε καὶ εὖνοον φιλοστοργία[ν],
ἀνθ' ὧν τὸν ἀνδ[ρα] φιλοφ[ρό]νως φιλοταιμησάμ[ε]-
νον δεδόχθαι τᾷ βουλᾷ κα[ὶ] τῷ δάμφ ἐπαινεσα[ι μὲν]
ἐπὶ τούτοις πρότερον τ[ὸ]ν ἀνδρα Γ. Κάιου Εὐ[τυχια]-
νὸν Ναύκλαρον Σινω[πέα], δόμεν δὲ αὐτῷ προ[ξενί]-
- 20 α[ν], πολειτείαν, ἔσπ[λου]ν τε καὶ ἔκπλουν ἐν ε[ἰ]ράνῃ
καὶ πολέμῳ ἀσ[υ]λεῖ καὶ ἀσπὸνδ[εῖ] (αὐτῷ τε καὶ ἐκ[γό]-
νοις καὶ χράμασι τοῖς τούτων?), ῥέτοχόν τε πάντων ὧ[ν]-
περ μέτεστι πᾶσι? τοῖς Χερσονασ]εῖταις καπὸ γένους.
[πολείταις· τὸ δὲ ψάφισμα τοῦ]το ἀναγραφᾶμεν λευ-
- 25 [κολίθ]φ στάλα κτλ.].

¹⁾ Именно, въ строкѣ 1-й Ψ вмѣсто Γ, въ строкѣ 3-й ΘΙ вмѣсто ΟΛ, въ строкѣ 7-й ΚΖ вмѣсто ΚΑ, въ концѣ строки 18-й остатокъ буквы Ν вмѣсто Γ, въ началѣ строки 20-й остатокъ Σ вмѣсто Ε, въ концѣ той-же строки ΕΝΕΤΕ вмѣсто ΕΝΕΙΡ (объ этомъ см. ниже) и въ началѣ строки 21-й остатокъ Α вмѣсто Δ. Неточность въ концѣ строки 13-й (Γ вмѣсто Α) мы не причисляемъ къ указаннымъ случаямъ, такъ какъ не вполнѣ убѣждены въ вѣрности восстановленія [ἀρε]τάν.

Предложенное нами чтеніе вызываетъ въ свое оправданіе еще слѣдующія замѣчанія. Въ 1-й строкѣ обломка в буква Ψ , безъ сомнѣнія, ошибочно прочитана покойнымъ Грефе вмѣсто Γ ; но слѣдующую за нею букву Λ вмѣсто Ω скорѣе слѣдуетъ приписать опискѣ рѣзчика, происшедшей подѣ влияніемъ окончанія ΓAN въ предыдущемъ словѣ. Совершенно такой же *lapsus calami* имѣется въ херсонисскомъ декретѣ въ честь Ираклеотовъ, изданномъ нами въ № 17 *Матеріаловъ по археологій Россіи* подѣ № 1. Эта характерная описка окончательно подтверждаетъ высказанное нами въ указанномъ сочиненіи на стр. 7-й мнѣніе, что декретъ въ честь Навклара принадлежитъ къ одному времени съ декретомъ въ честь Ираклеотовъ, то-есть, къ царствованію императора Антонина ¹⁾. Въ стр. 5-й мы возстановили $\tau\omicron\iota\varsigma$ [$\dot{\epsilon}$]οις, чтобы не прибѣгать къ предположенію о диттографіи $\tau\omicron\iota\varsigma$ ($\langle\tau\omicron\iota\varsigma\rangle$), хотя мѣстоименіе $\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$ и не встрѣчалось еще въ извѣстныхъ доселѣ памятникахъ херсонисскаго говора. Въ концѣ стр. 20-й сохранившіяся въ копіи Грефе буквы $\text{ENET}\epsilon$ невольно соблазняютъ послѣдовать предложенному Бѣкомъ возстановленію $\acute{\epsilon}\nu$ $\acute{\epsilon}\tau\epsilon$ [$\sigma\iota\nu$ $\epsilon\iota\rho\acute{\alpha}\nu\alpha\varsigma$] $\kappa\alpha\iota$ $\pi\omicron\lambda\acute{\epsilon}\rho\mu\omega$; но мы предпочли, однако, возстановленіе $\acute{\epsilon}\nu$ ϵ [$\iota\rho\acute{\alpha}\nu\alpha$] $\kappa\alpha\iota$ $\pi\omicron\lambda\acute{\epsilon}\rho\mu\omega$, во первыхъ, потому, что эта послѣдняя формула читается во всѣхъ доселѣ извѣстныхъ херсонисскихъ декретахъ о проксеніи, вторыхъ, потому, что первое выраженіе заставляло бы предполагать исчезновеніе въ концѣ строки слишкомъ большого количества буквъ и вообще эта строка вышла бы длиннѣе сосѣднихъ (при нашемъ возстановленіи въ ней оказалось 39 буквъ, то-есть, совершенно одинаковое количество съ слѣдующей строкой, а при возстановленіи $\acute{\epsilon}\nu$ $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\sigma\iota\nu$ $\epsilon\iota\rho\acute{\alpha}\nu\alpha\varsigma$ было бы 46 буквъ); наконецъ и потому, что ΠΟΛΕΜΩ въ стр. 21-й слѣдуетъ считать формою дательнаго падежа, а не родительнаго, такъ какъ примѣры *gen. sing.* такъ называемаго 2-го склоненія съ окончаніемъ $-\omega$ до сихъ поръ еще не попадались въ херсонисскихъ памятникахъ. Формулы, подобныя читающейся въ стр. 22—24 (отъ $\mu\acute{\epsilon}\tau\omicron\chi\omicron\nu$ до $\tau\omicron$ δὲ $\psi\acute{\alpha}\phi\iota\sigma\mu\alpha$), встрѣчались уже въ нѣсколькихъ отрывкахъ херсонисскихъ декретовъ ²⁾, но, къ сожалѣнію,

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что въ числѣ признаковъ, свидѣтельствующихъ въ пользу этого мнѣнія, кромѣ указанного уже I. с. сходства диалектическихъ особенностей, можно отмѣтить и сходство стилистическое и лексическое (напримѣръ, употребленіе словъ $\sigma\pi\omicron\upsilon\delta\acute{\alpha}$, $\kappa\acute{\alpha}\lambda\omicron\kappa\alpha\gamma\alpha\theta\iota\alpha$, $\psi\iota\lambda\omicron\sigma\tau\omicron\rho\omicron\gamma\iota\alpha$, $\kappa\epsilon\chi\rho\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$).

²⁾ *Inscr. P. v. I*, №№ 187, 189, 190; *Inscr. in oris Bospori Cimn. et Chers. Tauricae per annos 1881—1888 ger.* (Приложеніе къ отчету Императорской Археологической Коммиссіи за 1888 г.), №№ 32 и 33. Слова ΚΑΠΟΓΕΝΟΥΣ въ дру-

вездѣ въ неполномъ видѣ, такъ что вполнѣ точное возстановленіе этой формулы еще не извѣстно.

Въ заключеніе замѣтимъ, что стилистическая сторона въ декретѣ далеко не безукоризненна и что вновь найденная правая половина его вполнѣ подтверждаетъ высказанное нами при изданіи лѣвой половины замѣчаніе, что въ декретѣ „не было никакихъ указаній или намековъ на историческія событія или политическое положеніе Херсониса въ данное время, а дана была только характеристика чествуемаго лица“; но тѣмъ не менѣе этотъ декретъ въ настоящемъ, почти цѣльномъ его видѣ нельзя не признать пріятнымъ пріобрѣтеніемъ въ сокровищницу херсонисской эпиграфики.

В. Латышевъ.

гихъ херсонисскихъ надписяхъ еще не встрѣчались. равно какъ и принятое Грефе и Бёкомъ въ стр. 23-й слово [ἀσ]ταίταις, вмѣсто котораго мы поставили возтому [Χερσονασ]ταίταις.

ЗАМѢТКИ ПО ТАЦИТУ ¹⁾.

V.

Еще о *Dialogus de Oratoribus*.

Когда, около года тому назадъ, мы оканчивали статью о *Dialogus de oratoribus* по поводу Оксфордскаго, сдѣланнаго Петерсономъ, изданія этого произведенія Тацита, въ Америкѣ, въ Бостонѣ, уже вышло ожидавшееся изданіе *Альфреда Гудемана*: P. Cornelli Taciti *Dialogus de oratoribus*, edited with prolegomena, critical apparatus, exegetical and critical notes, bibliography and indexes, by Alfred Gudeman. Boston, U. S. A., 1894. Ждать его прихода въ Европу, чтобы включить результаты изслѣдованій американскаго филолога въ свою статью мы не сочли нужнымъ, имѣя въ виду посвятить ему, если окажется нужнымъ, особую статью, хотя бы и не большую. Между тѣмъ археологическія занятія въ Римѣ отвлекли автора этихъ строкъ отъ Тацитова сочиненія на столько, что онъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не могъ и думать о возвращеніи къ этой темѣ и только теперь получилъ возможность обратиться къ ней по поводу интереснаго изданія г. Гудемана.

Изданіе г. Гудемана дѣйствительно очень интересно. Прежде всего оно обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что представляетъ собой самое полное изданіе *Диалога*, какое намъ извѣстно: полное не въ томъ смыслѣ, чтобы оно счастливою находкой увеличило до сихъ поръ имѣвшійся текстъ Тацита, которому не достаетъ большого мѣста съ конца 35 главы сочиненія, а въ томъ, что оно съ небыва-

¹⁾ *Продолженіе*. См. декабрьскую вѣстку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1894 годъ, отд. II.

лою до сихъ поръ полнотою обставило этотъ текстъ предисловіемъ, примѣчаніями и указателями. Всѣ вопросы, касающіеся этого произведенія древности, относительно котораго столько было споровъ, поднимаются съизнова на 138 страницахъ предисловія. Тутъ всего болѣе и на первомъ планѣ занимаетъ издателя вопросъ объ авторѣ Діалога и о времени, когда сочиненіе было издано; затѣмъ разсматривается „драматическая“ постройка сочиненія, говорится о собесѣдникахъ и долѣ cadaго изъ нихъ въ бесѣдѣ, при чемъ дѣлается предположеніе о размѣрѣ пропуска и о томъ, на долю какихъ собесѣдниковъ онъ падаетъ. Далѣе слѣдуетъ глава о литературныхъ источникахъ Діалога, то-есть, о латинскихъ и греческихъ писателяхъ, которыми авторъ сочиненія пользовался по разнымъ вопросамъ. Наконецъ, особыя главы посвящены стилю и языку Діалога и рукописямъ, въ которыхъ онъ дошелъ до насъ. Подъ роскошно, какъ и вся книга, напечатаннымъ текстомъ заключается подробнѣйшее собраніе его вариантовъ, находящихся, какъ въ изданіяхъ, такъ и въ ученыхъ замѣткахъ, при чемъ во главѣ этихъ вариантовъ стоятъ разночтенія рукописей. За текстомъ идетъ подробнѣйшій на 327 страницахъ комментарий. За комментариемъ—библіографія, начинающаяся перечнемъ изданій, бывшихъ автору доступными, какъ общихъ, такъ и отдѣльныхъ, продолжающаяся указаніемъ относящихся къ *Dialogus de oratoribus* трактатовъ, особенно къ вопросу объ его авторѣ, затѣмъ сочиненій и замѣтокъ, касающихся критики текста Діалога, и оканчивающаяся перечнемъ трудовъ, въ которыхъ говорится о стилѣ и языкѣ Діалога. Библіографія эта занимаетъ болѣе 7 страницъ, въ два столбца каждая. Заканчивается изданіе подробнѣйшими, 57 страницъ занимающими указателями, которыми авторъ изданія обязанъ любезности двухъ его друзей или учениковъ, исполнившихъ свое дѣло съ удивительнымъ стараніемъ. Одинъ изъ нихъ составилъ указатель всѣхъ, встрѣчающихся въ изданіи ссылокъ на древнихъ авторовъ (*index locorum*), что потребовало 35 страницъ въ два столбца мелкой печати; другому принадлежитъ *index nominum et rerum*, куда входятъ у него и характеристическія слова и выраженія въ Діалогѣ.

Полнота въ дѣлѣ, конечно, еще не значитъ совершенство, но она несомнѣнно свидѣтельствуетъ о любви къ нему и о желаніи автора сдѣлать для него все, что позволяли его силы и познанія. Г. Гудеманъ видимо стремился къ тому, чтобы его изданіе Діалога не оставяло уже никакихъ недоумѣній ни въ томъ, что касается пониманія и объясненія текста сочиненія, ни въ томъ, что касается выработки

этого текста и вопросовъ объ авторѣ и времени написанія сочиненія. Ближайшее разсмотрѣніе его работы, сдѣланное уже не однимъ компетентнымъ критикомъ, показало, что онъ не только тщательно изучилъ труды своихъ предшественниковъ, но и всюду старался вносить новое, то, что было плодомъ его многолѣтнихъ собственныхъ студій по данному предмету. Такимъ образомъ изданіе г. Гудемана, кромѣ полноты обстановки, предшествующей тексту Діалога, сопровождающей его и слѣдующей за нимъ, заключаетъ въ себѣ интересъ труда, гдѣ мы встрѣчаемся, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, съ новыми точками зрѣнія, съ новыми аргументами, съ новыми объясненіями и освѣщеніями предмета, къ тому же, принадлежащими лицу, которое на каждомъ шагѣ доказываетъ свое близкое знакомство съ тѣмъ, что сдѣлано другими.

Какъ ни любопытно было бы разсмотрѣть внимательно все, что г. Гудеманъ вноситъ своего личнаго въ изданіе такого сочиненія, какъ *Dialogus de oratoribus*, которое въ разныхъ отношеніяхъ представляетъ массу матеріала для спора и разнорѣчиваго объясненія, но наша задача въ данномъ случаѣ должна ограничиться только занимавшимъ насъ и въ предыдущей статьѣ вопросомъ о томъ, кто былъ авторъ Діалога и когда это сочиненіе было написано и издано. Сравнительно съ этимъ вопросомъ всѣ спорные пункты маловажны и касаются частныхъ, относящихся или къ чтенію текста, или къ объясненію того или другого мѣста, или къ вопросу объ особенностяхъ Тацитовскаго языка и стиля, или наконецъ, къ распредѣленію ролей участниковъ въ описываемой бесѣдѣ. Конечно, и тутъ есть интересные пункты, на которыхъ стоитъ остановиться, но пока еще не въ нихъ дѣло.

Г. Гудеманъ — рѣшительный и убѣжденнѣйшій защитникъ принадлежности *Dialogus de oratoribus* Тациту. Наличие доказательствъ въ пользу этой принадлежности, внутреннихъ и внѣшнихъ, не оставляетъ въ глазахъ его никакого сомнѣнія въ томъ, что это сочиненіе можетъ принадлежать только Тациту и никому другому. Несомнѣнность эта для него нисколько не меньше той, какая существуетъ относительно автора Германіи и другихъ сочиненій, всѣми приписываемыхъ Тациту. Она вытекаетъ для него уже изъ одного рукописнаго преданія, которое въ данномъ случаѣ само по себѣ представляетъ доказательство почти несокрушимой или, какъ авторъ выражается алмазной крѣпости (*is an argument of adamantine strength*).

Свидѣтельство рукописей, разумѣется, есть первое и важнѣйшее

основаніе, по которому сочиненіе считается принадлежащимъ тому, а не другому автору. Но оно не можетъ считаться единственнымъ и безусловнымъ доказательствомъ этой принадлежности, такъ какъ исторія римской, какъ едва ли и не всякой другой, литературы знаетъ не мало примѣровъ того, какъ сочиненіе обращается въ публикѣ съ именемъ автора, которому оно совершенно чуждо. Такъ еще въ древности многія комедіи ходили подъ именемъ Плавтовыхъ, которыхъ Плавтъ, какъ это было доказано въ древности-же, никогда не писалъ; приписывались сочиненія Саллустію, явно не имѣющія съ литературной дѣятельностью автора *Катилины* и *Югурты* ничего общаго; есть произведенія, ложно приписываемыя Виргилію; есть псевдо-Плутархъ, есть псевдо-Асконій и т. д. Слѣдовательно, г. Гудеманъ выражается быть можетъ, нѣсколько сильнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, когда говоритъ объ алмазной крѣпости аргумента, представляемаго въ пользу Тацита свидѣтельствомъ рукописей. Онъ какъ бы забываетъ, что рукописи эти—не только позднѣйшаго времени, но, что особенно досадно, суть не что иное, какъ списки съ *одной* рукописи или даже въ большинствѣ случаевъ списки со списковъ этой послѣдней. Вотъ почему мы въ своей предыдущей статьѣ, признавая всю важность свидѣтельства рукописей, не могли не выставить на видъ слабой стороны этого свидѣтельства и только тогда сдѣлали рѣшительное заключеніе въ пользу Тацита, когда рядъ другихъ основаній, особенно внутреннихъ, привелъ насъ къ убѣжденію, что всѣ онѣ сводятся къ подтвержденію вѣрности рукописнаго преданія. Впрочемъ фактъ, что всѣ имѣющіеся списки, числомъ 11 ¹⁾, суть непосредственные или посредственные списки съ одной рукописи, нашъ авторъ почему то считаетъ сомнительнымъ (*very questionable*), а чтобы отнять у противниковъ авторитета дошедшихъ до насъ списковъ Діалога послѣднее убѣжище, онъ въ видахъ ихъ посрамленія, выводитъ на сцену проходимое другими безъ опроверженія заявленіе Гесса и Гаазе, будто *Dialogus de oratoribus* обязанъ значащимся на немъ именемъ Тацита тому, что въ рукописяхъ слѣдовало постоянно за *Германіей*, съ которой имя Тацита будто бы и перешло, какъ это не разъ замѣчалось и въ другихъ случаяхъ, на слѣдовавшее за нимъ сочиненіе. Между тѣмъ это заявленіе, что не дѣластъ чести такому авторитетному ученому, какъ Гаазе ²⁾, совсѣмъ не

¹⁾ Гудеманъ почему-то предпочитаетъ говорить *dozima* (а dozen in number). См. p. XX.

²⁾ См. предисл. къ его изданію Тацита (Лейпц. 1855), p. XVI (у Гудемана ошибочно стоитъ XV).

вѣрно: ибо на самомъ дѣлѣ въ рукописяхъ чаще (5 разъ) *Dialogus* предшествуетъ *Германіи*, которая ему предшествуетъ только въ двухъ рукописяхъ, а въ остальныхъ четырехъ *Dialogus* слѣдуетъ за отрывкомъ изъ Светонія. Г. Гудеманъ, отмѣтивъ ¹⁾ эту грубую ошибку своихъ предшественниковъ, не безъ основательной колкости въ ихъ сторону говорить, что если слѣдовать ихъ теоріи, то скорѣе нужно бы было или приписать Діалогу имя Светонія, или даже считать, что имя Тацита съ Діалога перешло на *Германію*. Но онъ не останавливается и на этомъ въ преслѣдованіи противниковъ авторитета рукописей, а дѣлаетъ замѣчаніе о томъ, сколько древнихъ сочиненій, дошедшихъ до насъ съ опредѣленнымъ именемъ, должны были бы считаться за *адептота*, то-есть, за безымянные, если-бъ критики могли безнаказанно дискредитировать безупречное преданіе потому только, что оно покоится на одной рукописи и идетъ въ разрѣзъ съ ихъ излюбленной гипотезой. Продолжая свои упреки такимъ критикамъ, онъ заявляетъ, что въ настоящемъ случаѣ можно, рассуждая, какъ они, подвергнуть опасности подлинность *Германіи* и отрывокъ Светонія не менѣе, чѣмъ подлинность Діалога. По правдѣ говоря, такой опасности ни въ какомъ случаѣ мы не видимъ, коль скоро твердо установленъ тутъ-же приводимый г. Гудеманомъ фактъ, что родоначальникъ списковъ, въ которыхъ дошли до насъ Тацитовскія сочиненія, то, что называется *архэптоп*, восходитъ по крайней мѣрѣ къ IX вѣку ²⁾ (вѣроятнѣе, къ VIII) и что, слѣдовательно, традиція неразрывной связи рукописей сочиненій великаго историка съ его именемъ опирается на такія прочныя основы, при которыхъ позднее происхожденіе дошедшихъ до насъ списковъ сборника, куда вошли *Германія* и *Dialogus de oratoribus*, не играетъ никакой роли относительно рѣшенія вопроса о подлинности связанныхъ съ его именемъ сочиненій. Имя историка, совершенно лежавшее подъ спудомъ въ теченіе шести столѣтій, предшествовавшихъ открытію его сочиненій, на что также обращаетъ вниманіе г. Гудеманъ, не могло явиться произвольно надъ тѣмъ или другимъ сочиненіемъ въ принесенномъ изъ *Германіи* сборникѣ, происхожденіе котораго относится приблизительно къ половинѣ XIII столѣтія и съ котораго было сдѣлано нѣсколько списковъ въ Италіи въ XV столѣтіи. Мы считаемъ тенденцію г. Гу-

¹⁾ См. *Prolegomena*, p. XXI.

²⁾ См. въ предыдущей нашей статьѣ въ декабрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894 г., отд. II, p. 320.

демана энергически защищать авторитетъ рукописнаго преданія, когда его подрываютъ безъ всякихъ, хотя бы только кажущихся, оснований, весьма симпатичною, такъ какъ въ наукѣ слѣдуетъ дорожить всѣмъ, что имѣетъ фактическіе устои, если мы не хотимъ очутиться въ хаосѣ постоянно смѣняющихся одно другое предположеній, что очень нерѣдко и замѣчается среди ученыхъ Германіи. Но само собою разумѣется, что и въ защитѣ того, что имѣетъ видъ прочности, болѣе сообразно съ достоинствомъ науки дѣйствовать осторожно, чѣмъ переходить мѣру въ доказательствахъ.

Вслѣдъ за выясненіемъ важности свидѣтельства рукописей въ пользу принадлежности Діалога Тациту, американскій издатель этого сочиненія приступаетъ къ доказательствамъ хронологическимъ. Сущность этихъ хронологическихъ доказательствъ сводится къ тому, что 1) время описанной въ Діалогѣ бесѣды, именно 6-й годъ правленія Веспасіана, то-есть, 74 — 75 годъ по Р. Хр., должно приходиться какъ разъ на время ранней юности Тацита, такъ какъ авторъ Діалога (гл. I) заявляетъ, что онъ былъ въ ту пору *juvenis admodum*, и что 2) написаніе сочиненія и обнародованіе его должны приходиться на такіе годы Тацита, когда онъ, съ одной стороны, уже былъ человѣкъ другого возраста, когда онъ, съ другой стороны, не встрѣчалъ препятствія къ тому въ политическихъ условіяхъ и когда, наконецъ, онъ еще, не выработалъ слога, которымъ писаны его историческія сочиненія. Если эти обстоятельства сходятся въ Тацитѣ, какъ авторѣ Діалога, не подходя въ тоже время ни къ какому другому представителю римской литературы, то рукописное преданіе, на основаніи котораго *Dialogus de oratoribus* приписывается Тациту, встрѣчаетъ для себя очень сильное подкрѣпленіе. Нужно впрочемъ замѣтить, что на пути къ достиженію этого результата хронологическихъ данныхъ встрѣчаются нѣкоторыя затрудненія, которыя нужно устранить, но такъ, чтобы при этомъ не дѣлалось никакого насилія ни филологіи, ни хронологическимъ даннымъ сочиненія, ни обстоятельствамъ жизни Тацита, ни политическимъ условіямъ. Г. Гудеманъ всѣ эти препятствія, какъ онъ убѣжденъ, устраняетъ, но и тутъ онъ дѣйствуетъ съ болѣею рѣшительностью, чѣмъ какая позволительна въ данныхъ условіяхъ, и потому значительно расходится съ тѣми заключеніями, къ какимъ мы пришли въ своей прежней статьѣ, двигаясь въ обсужденіи дѣла осторожноѣ почтеннаго американскаго филолога.

Онъ начинается разборомъ того мѣста 17-й главы Діалога, гдѣ

одинъ изъ собесѣдниковъ, М. Аперъ, оспаривая у своихъ противниковъ право относить ораторовъ классической эпохи къ „древнимъ“ (*antiqui*) насчитываетъ отъ смерти Цицерона до дня настоящей бесѣды всего 120 лѣтъ, время жизни одного человѣка, *unius hominis aetas*. Такъ какъ противники принадлежности Діалога Тациту, и въ томъ числѣ главный изъ нихъ въ наше время, Андресенъ, пользуются этимъ мѣстомъ, какъ такимъ, въ которомъ встрѣчаются хронологическія неточности и какъ бы противорѣчіе и которое такимъ образомъ не даетъ точнаго указанія времени, когда происходила бесѣда объ ораторахъ, то необходимо было его расчислить, чтобъ свидѣтельство его было важно и существенно. Прежде всего является вопросъ: какимъ образомъ выходитъ у Апра 120 лѣтъ, когда онъ насчиталъ всего 117? Затѣмъ: по какому праву слово *statio*, въ фразѣ *as sextam jam felicitis hujus principatus stationem*, мы принимаемъ здѣсь въ значеніи года, то-есть года правленія, когда слово это въ такомъ значеніи нигдѣ не встрѣчается?

Въ отвѣтъ на первый вопросъ обыкновенно говорятъ, что Аперъ приводитъ здѣсь не точную, а круглую цифру, на что указываютъ и употребляемыя имъ выраженія, какъ *prope, longum et unum annum*, свидѣтельствующія, что онъ говоритъ вездѣ приблизительно¹⁾. Г. Гудеманъ не хочетъ слѣдовать этому толкованію, а приводитъ свое собственное. Онъ говоритъ, что цифра 120 повторяемая и въ 24 главѣ, гдѣ Матернъ воспроизводитъ слова Апра, не выражаетъ ни точной, ни приблизительной суммы итога предшествующаго вычисленія, а есть тотъ пунктъ, къ которому направлена вся Аправа аргументація. У римлянъ было въ обычаѣ признавать 120 лѣтъ предѣломъ естественной жизни человѣка, и такъ какъ Апру удалось доказать, что этотъ предѣлъ не превзойденъ промежуткомъ между смертью Цицерона и временемъ бесѣды, происходившей въ жилищѣ Матерна, то, значить, точка зрѣнія Апра на неправильность примѣненія слова *antiqui* къ ораторамъ классической эпохи доказана, а выходитъ ли въ данномъ случаѣ ровно 120 лѣтъ или нѣсколькими годами меньше, въ глазахъ его самого и его слушателей это было безразлично. Такъ по крайней мѣрѣ, долженъ, сообразно своей теоріи смотрѣть на дѣло г. Гудеманъ²⁾.

Намъ кажется однако, что такое толкованіе новѣйшаго издателя

¹⁾ См. въ моей прошлогодней статьѣ стр. 349.

²⁾ *Prolegomena*, p. XXIII—XXV.

Диалога нѣсколько произвольно, хотя онъ въ примѣчаніяхъ къ гл. 17 (р. 187) и заявляетъ, что „съ принятіемъ его толкованія всѣ трудности исчезаютъ“. Нѣтъ спора, что Аперъ дѣйствительно хотѣлъ доказать свою мысль тѣмъ, что 120 лѣтъ, прошедшія отъ смерти Цицерона, составляютъ нормальный періодъ жизни одного человѣка, *unius hominis aetas*, какъ онъ тутъ же прибавляетъ, и что, слѣдовательно, странно раздѣлять это время на два особыхъ періода. Поэтому не было нужды автору подчеркивать, какъ бы важную догадку, мысль, что такова цѣль, таковъ главный пунктъ всей аргументаціи Апра ¹⁾: это ясно высказывается самимъ Апромъ, который только не находитъ нужнымъ, подобно г. Гудеману, замѣтить, что 120 лѣтъ, какъ предѣлъ естественной, то-есть, нормальной жизни человѣка, составляетъ вѣрованіе римлянъ. Но это вѣрованіе съ одной стороны и стремленіе Апра воспользоваться имъ въ спорѣ съ другой нисколько не устраняли необходимости доказать собесѣдникамъ, что насчитываемыя имъ 120 лѣтъ, при томъ-же посредствомъ детальныхъ цифръ, входящихъ въ сложеніе, дѣйствительно выходятъ. Если бы Апру и его слушателямъ было ясно, что этой цифры изъ приведенныхъ имъ слагаемыхъ не выходитъ, то естественно предполагать, что или онъ самъ оговорился бы какимъ-нибудь смягчающимъ выраженіемъ, когда заявлялъ: *centum et viginti anni ab interitu Ciceronis in hunc diem colliguntur*, или Матернъ, повторяя этотъ выводъ собесѣдника (гл. 24), замѣтилъ бы ему, что онъ не точенъ, или, наконецъ, Мессала, который взялъ на себя трудъ опровергнуть *всю аргументацію* Апра (гл. 25 слѣд.), не преминулъ бы указать ему на то, что онъ плохо считаетъ. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему было бы Апру вдаваться въ подробности счета, еслибъ ему не хотѣлось изъ приводимыхъ цифръ составить именно ту сумму, которая требовалась? Къ чему онъ позволяетъ себѣ употреблять такое выраженіе, какъ *до сего дня* (*in hunc diem colliguntur*), еслибъ онъ не желалъ придать своему счету годовъ отъ смерти Цицерона вида совершенной точности? Такимъ образомъ затрудненія не исчезаютъ съ толкованіемъ г. Гудемана, а остаются тѣми-же, какими были и прежде. Для устраненія ихъ фило-

¹⁾ *Proleg.*, p. 24: I am convinced that the difficulties hitherto discovered in the passage under notice are imaginary, for the statement „centum et viginti anni etc.“ neither expresses an exact nor an approximate sum total of a preceding enumeration, but is *objective point of Aper entire argumentation*. *Notes*, p. 186: The sentence „centum... aetas“ is in reality *the pivotal point upon which Aper's entire argumentation rests*.

логи прибѣгали и къ исправленію текста ¹⁾, что приводило къ перенесенію времени бесѣды на 77—78 г. по Р. Хр., а это, порождая несоотвѣтствія съ обстоятельствами жизни Тацита, прямо вело къ отрицанію принадлежности ему Діалога, но болѣе всего ²⁾ старались найти исходъ въ круглости цифры, которая, нужна ли она была Апру, или нѣтъ, все-таки въ состояніи объяснить намъ и не точность его выраженія и свисходительность къ этой неточности со стороны его собесѣдниковъ. Если эта круглая цифра совпадаетъ съ римскимъ вѣрованіемъ, о которомъ говорилось выше, то хотя она и могла быть вызвана у Тацита этимъ именно вѣрованіемъ, но примирить какъ участниковъ разговора, такъ и насъ самихъ съ неточностью суммы сложенія, сдѣланнаго Апромъ, могло и можетъ не римское вѣрованіе, которое съ правильностью ариметическаго счета не имѣетъ ничего общаго, а круглость цифры, къ которой нерѣдко прибѣгаютъ даже и тогда, когда точная цифра не мѣшала бы никакому вѣрованію. Итакъ г. Гудеманъ напрасно, и притомъ съ такою рѣшительностью, устраняетъ объясненіе, безъ котораго нельзя обойтись и при данномъ имъ толкованіи, но которое въ то-же время вовсе не имѣетъ нужды прибѣгать къ измѣненію изъяснительнаго наклоненія (*colliguntur*) въ сослагательное (*colligantur*), что считаетъ не лишнимъ д-ръ Лоджъ (*Lodge*), цитуемый г. Гудеманомъ въ примѣчаніи ³⁾.

Другое затрудненіе въ этомъ столь важномъ для хронологическихъ соображеній мѣстѣ представляетъ слово *statio* въ фразѣ, которую Аперъ заключаетъ счетъ годовъ отъ смерти Цицерона: *ac sextam jam felicitis hujus principatus stationem, qua Vespasianus rem*

¹⁾ Такъ Зауше (*Philologus*, XIX, p. 256 слд.) предлагалъ вм. *ac sextam* читать *ac novem*, что уже давало въ итогѣ не 117, а 121 годъ, если считать за цѣльныя всѣ числа годовъ правленія Тиберія, Калигулы и Клавдія, какъ ихъ даетъ Аперъ, но чѣмъ они не были въ дѣйствительности. Но при этомъ счетѣ необходимо было годомъ бесѣды признать не 74—75, а 77—78 по Р. Хр., за что охотно держатся тѣ, кто не хочетъ признавать авторомъ Діалога Тацита, хотя этого года допустить нельзя уже потому, что въ 77, по XXXII, 6, 62 *Nat. Hist.* Плинія, уже не было въ живыхъ Муціана, который въ 37 главѣ Діалога представляется живымъ. См. прим. къ 37 гл. Петера въ его изданіи и Ясена *De Tacito Dialogi auctore* (*Groningae*, 1878), p. 16 слд.

²⁾ Начиная съ Эпштейна. См. *ergo Prolegomena in Taciti, qui vulgo fertur, Dialogum de Oratoribus. Halis Saxonum*, 1835, p. 36.

³⁾ *Proleg.*, p. XXV, прим. 26: *Dr. Lodge, of Bryn Mawr, ingeniously suggest that my view would derive additional weight, if we read „colligantur“ for „colliguntur“.*

publicam fovet. Такъ какъ слово *statio* въ смыслѣ года правленія до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчалось, а между тѣмъ другого смысла въ согласованіи его съ *sexta* и съ дополненіемъ *principatus* допустить нельзя, то филологи, не желавшіе измѣнять ¹⁾ или выпускать ²⁾ слово *sextam*, должны были, такъ сказать, противъ воли давать слову *statio* значеніе, которое не имѣетъ для себя оправданія въ обыкновенномъ его употребленіи. Г. Гудеманъ выводитъ насъ изъ затрудненія предположеніемъ, что этотъ специальный смыслъ слова здѣсь галлицизмъ ³⁾, ссылаясь въ примѣчаніяхъ къ 17-й гл. на то, что въ Діалогѣ и особенно въ рѣчахъ Апра есть немало примѣровъ словъ, употребляемыхъ въ специальныхъ значеніяхъ. Къ такимъ словамъ онъ причисляетъ *genium propitiare* (9) вм. *genio indulgere*, по его объясненію, *sanguinans* (12) въ примѣненіи къ краснорѣчію, *contubernium* (13) — съ музами, по его объясненію (по Андресену и другимъ — съ поэтами), *adgnoscerе* (17) — слово, которое въ значеніи признать при помощи чувства слуха, по его объясненію, нигдѣ болѣе не встрѣчается, *elaboratus* (18) — о лицѣ, *spatia* (19) о длинотѣ рѣчей, *odoratus* (19) — по отношенію къ философіи, въ каковомъ переносномъ смыслѣ, это слово встрѣчается только у Лактанція (VII, 1, 11: *veritatem leviter odoratus*), *cortina* (19) — въ специальномъ смыслѣ круглаго мѣста, занимавшагося массой публики (*vulgus adstantium*), присутствующей на судилищѣ, *educabatur* (28) — въ физическомъ смыслѣ, что встрѣчается только у Варрона (*educat nutritrix*), но въ приближенномъ къ этому значенію и у Цицерона (*Brut.* 58, 211 и *Orat.* 11, 42), *collectum* (въ смыслѣ сжатый) *genus dicendi* (31), что, дѣйствительно, встрѣчается очень рѣдко, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Гудеманъ.

Слова эти, списокъ которыхъ легко можно бы было увеличить, безспорно употреблены въ Діалогѣ не съ обычнымъ ихъ значеніемъ, но все-таки въ каждомъ изъ нихъ есть идея того общаго и этимологическаго значенія, которая и даетъ возможность употребленія ихъ въ смыслѣ специальномъ. Но относительно слова *statio* (собственно стояніе, стоянка) нужно усиленно добиваться, чтобы оно могло дать

¹⁾ Какъ измѣняли: Зауппе — *novem tam*, Шульцигъ — *secutam jam*, Шпенгель — *sex jam*, Урлихъ — *veritatem* и пр. См. варианты у Михаэлиса и Гудемана въ ихъ изданіяхъ, подъ текстомъ.

²⁾ Какъ предлагалъ Андресенъ въ прибавкѣ къ Ниппердеевскому Введенію къ *Литтониси*, р. 7: *warscheinlich ist sextam jam zu streichen*.

³⁾ *Proleg.* р. XXIII, прим. 22.

значение года правления. Приведеннымъ примѣрамъ въ немъ соотвѣтствуетъ значение поста императорской власти, которое и есть его специальное значение, въ какомъ оно и употреблено у Овидія ¹⁾, Веллея Патеркула ²⁾, Плинія Младшаго ³⁾, въ перепискѣ Фронтоня ⁴⁾. Но чтобы вывести изъ общаго значенія слова *statio* годъ правленія, для этого нужно прибѣгать къ той комбинаціи, что императорская власть, собственно *tribunicia potestas* императора, ежегодно въ январскія Календы возобновлялась, такъ какъ въ этотъ день высшія власти и сенатъ обыкновенно приносили присягу (*in acta iurabant*). Но въ этомъ объясненіи, единственномъ, которое возможно, и повторяемомъ всѣми, все-таки чувствуется натянутость, такъ какъ дѣйствительныхъ остановокъ, то-есть прерывовъ, во власти императора не было, и власть эта, хотя по принципу и выборная, была пожизненною; считать же ее ежегодно прерывающею было бы со стороны писателя нѣкотораго рода непозволительнымъ и отчасти даже рискованнымъ либерализмомъ. Изъ этого-то безспорно затруднительнаго положенія насъ неожиданно выводитъ г. Гудеманъ, высказывая предположеніе, что употребленіе въ этомъ случаѣ словъ *statio* есть *галлизмъ*. Предположеніе смѣлое, но противъ него нельзя ничего сказать, такъ какъ Аперъ былъ родомъ изъ Галліи ⁵⁾, гдѣ, по видимому, и получилъ риторическое образованіе. Такимъ образомъ, мы теперь можемъ съ нѣкоторою долей ббльшаго основанія выраженіе *sextam principatus stationem* принимать какъ шестой годъ правленія Веспасіана.

Этотъ шестой годъ Веспасіанова правленія, когда происходила столь прославленная авторомъ Діалога бесѣда объ ораторахъ, начался 1-го іюля 74 года по Р. Хр. ⁶⁾ и продолжался, значить, до 1-го іюля 75 года по Р. Хр. Такимъ образомъ бесѣда объ ораторахъ происходила или во второй половинѣ 74 или въ первой половинѣ 75 года по гражданскому счисленію. Это время неоспоримо падаетъ на время

¹⁾ *Trist.* II, 219: Scilicet imperii, princeps, *statione* relicta.

²⁾ II, 132: ut functus *longissima statione mortali* successores habeat, quam serissimos eosque optimos.

³⁾ *Paneg.*, 6, 7: adsumptus es in laborum curarumque consortium, nec te prospera et laeta *stationis istius*, sed aspera et dura ad capessendum compulerunt.

⁴⁾ *Anton. Pii Ep.* 6 (ed. Naber, p. 188): hunc diem, quo me suscipere *hanc stationem* placuit.

⁵⁾ *Dial.* 10.

⁶⁾ *Tac. Hist.* II, 79.

ранней молодости Тацита, который будучи „почти ровесникомъ“ Плинія Младшаго ¹⁾ и возведенный въ первую почетную должность при Веспасіанѣ ²⁾, который умеръ въ іюнь 79 года по Р. Хр., могъ родиться не раньше 53 и не позже 56 по Р. Хр. Онъ родился въ 53 или 54 году, если принимать, что первая его почетная должность (*dignitas*) была квестура, какъ обыкновенно думаютъ, должность, для получения которой требовался двадцать-пятый годъ, падавшій у Тацита въ такомъ случаѣ на 78—79 годъ нашей эры. Въ такомъ случаѣ онъ былъ дѣйствительно *почти* ровесникомъ Плинія, будучи старше его 7—8 годами, а въ годъ бесѣды объ ораторахъ былъ 20—21 года отъ роду, слѣдовательно могъ по праву считаться *jjuvenis admodum*, какимъ себя называетъ авторъ Діалога въ моментъ означенной бесѣды. Но онъ могъ родиться и въ 55 или даже въ 56 году, если вмѣстѣ съ Боргези и Урлихсомъ принять, что *dignitas*, полученная Тацитомъ отъ Веспасіана была не квестура, а какая-либо другая, именно квиндецимвиратъ, какъ думалъ раньше Урлихсъ ³⁾, или это было дарованіе *latus clavus*, то-есть введеніе въ *ordo senatorius*, съ которымъ былъ соединенъ для него вигинтивиратъ и служба въ легіонѣ съ званіемъ *tribunus militum laticlavus*, какъ тотъ-же Урлихсъ, слѣдуя Боргези, сталъ думать позже ⁴⁾, и что квестура была имъ получена черезъ два года, 5-го декабря 81 года при Титѣ. Тогда Тациту въ день описанной имъ бесѣды было 18—19 лѣтъ, причемъ онъ становился старше Плинія всего лишь на шесть лѣтъ и также могъ оставаться *prope admodum aequalis* послѣдняго, хотя для объясненія послѣдующихъ отношеній двухъ друзей, изъ которыхъ младшій видѣлъ въ старшемъ учителя въ краснорѣчьи, наилучшій во всей римской адвокатурѣ примѣръ для подражанія, это уменьшеніе разницы въ лѣтахъ не представляетъ выигрыша. Мы остаемся при прежнемъ своемъ мнѣніи, что Тацитъ родился не позже 54 года по Р. Хр. и что полученная имъ отъ Веспасіана первая почетная должность была квестура ⁵⁾.

¹⁾ *Ер.* VII, 20.

²⁾ *Тас. Hist.* I, 1: *dignitateu nostram a Vespasiano incolatam, a Tito auctam, a Domitiano longius provectam non abnuerim.*

³⁾ *Commentatio de vita et honoribus Agricolae* (Virceburgi, 1868), p. 25. См. Янсена указ. соч., p. 93.

⁴⁾ *Commentatio de vita et honoribus Taciti* (Virceburgi, 1879). См. у Ницпердеа-Андреазена въ изд. *Ann.*, Введ. p. 7.

⁵⁾ Тацитъ и его сочиненія (С.-Петербургъ, 1864), стр. 6. *Замѣтки по Тациту*, IV, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, декабрь, 1894, отд. II, стр. 331.

Г. Гудеманъ относительно года рожденія Тацита опредѣленнаго мнѣнія не имѣеть, а выражается такъ: „П. Корнелій Тацитъ родился *вѣроятно* не раньше, чѣмъ въ 54, и не позже, чѣмъ въ 56 по Р. Хр.“¹⁾. Осторожнѣе въ данномъ случаѣ нельзя было выразиться: это значить, что авторъ самостоятельно даннаго вопроса не изслѣдовалъ. Осторожность, далеко не всегда впрочемъ свойственная г. Гудеману, конечно, хорошее качество въ ученомъ. Но она для этого должна быть именно качествомъ, а не случайностью, какою она является въ данномъ случаѣ. Если авторъ не пришелъ ни къ какому опредѣленному мнѣнью о томъ, когда родился Тацитъ, то на какомъ основаніи онъ такъ развязно высказываетъ, что ему было 19—20 лѣтъ, а *вѣроятно нѣсколько меньше*²⁾? Если же вѣроятно, что ему не было и 19 лѣтъ, а было только 18 или даже 17, то почему черезъ три страницы (р. XXVIII) тотъ-же г. Гудеманъ находитъ, что Тацитъ былъ въ ту эпоху 20—21 года? Но еще страннѣе то, что страницей дальше (XXIX) онъ утверждаетъ („we contend“), что Тацитъ, называя себя *juvenis admodum*, имѣлъ „очень сильный мотивъ для того, чтобы представлять себя моложе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности“. Сколько же было на самомъ дѣлѣ лѣтъ Тациту въ дѣйствительный или фиктивный моментъ бесѣды объ ораторахъ? Нѣтъ, тутъ ужъ не ученая осторожность, а просто путаница.

Не установивъ для себѣ ни года рожденія Тацита, ни его возраста, когда онъ былъ въ 74—75 г. слушателемъ бесѣды объ ораторахъ, г. Гудеманъ хочетъ насъ увѣрить, что онъ твердо знаетъ, когда *Dialogus de oratoribus* былъ написанъ и изданъ. Для него не подлежитъ сомнѣнью, что сочиненіе это было написано и вышло въ свѣтъ при Титѣ (79—81 по Р. Хр.), и могло быть написано только въ это время. такъ что если допустить, что рукописи невѣрно приписываютъ его Тациту, то необходимо было бы прибѣгнуть къ „непозволительному предположенію, что какой-то совершенно неизвѣстный авторъ написалъ этотъ трактатъ между 79—81“³⁾. Къ такой формулировкѣ своего мнѣнія г. Гудеманъ видимо былъ принужденъ извѣстной альтернативой Штейнера: „Тацитъ написалъ Діалогъ до правленія Домиціана, ни во время этого правленія, ни послѣ него, или совсѣмъ не писалъ его“⁴⁾.

¹⁾ *Prolegom.*, р. XXIII.

²⁾ *Prolegom.*, р. XXV.

³⁾ *Ibid.* XXXI.

⁴⁾ Ueber den Dialogus (Крейцнахская программа, 1863), р. 20.

Изреченіе крѣйцнахскаго профессора такъ понравилось г. Гудеману своею рѣшительностью, что онъ два раза приводитъ его на разстояніи нѣсколькихъ страницъ и оба курсивомъ¹⁾. Всѣ возраженія, какія дѣлаются противъ столь ранняго (Тациту въ послѣдній годъ правленія Тита было не больше 27 лѣтъ) написанія Тацитомъ этого сочиненія, не имѣютъ въ глазахъ американскаго филолога никакой цѣны: ни то, что промежутокъ въ 7 лѣтъ между временемъ бесѣды и временемъ сочиненія слишкомъ малъ для того, чтобы оправдать употребленіе авторомъ выраженія *juvenis admodum* относительно своего возраста во время бесѣды, какъ на это съ особенною энергіею было указываемо Андресеномъ; ни то, что авторъ Діалога, говоря о своихъ учителяхъ Агрѣ и Секундѣ выражается: „знаменитѣйшіе въ *то время* таланты нашего форума“, указывая тѣмъ на другое время, не очень близкое, и при томъ такое, когда этихъ лицъ уже не было въ живыхъ (о чемъ свидѣлствуютъ употребляемая о нихъ прошедшія времена глаголовъ—*pop defuit, contempnebat, nesciebat*); ни то, что Фабію Юсту не пришло бы въ голову обращаться, и при томъ настойчиво, для рѣшенія столь важнаго и сложнаго вопроса, каковъ трактуемый вопросъ въ Діалогѣ, къ человѣку столь молодому, какъ былъ Тацитъ даже въ послѣдній годъ правленія Тита, ни другія соображенія²⁾.

Противъ возраженія, выдвинутаго на видъ въ свое время Ниппердеемъ³⁾ и теперь особенно поддерживаемаго Андресеномъ, что никто не говоритъ о себѣ, сдѣлавшись старше на семь или на восемь лѣтъ, что онъ былъ въ то время *juvenis admodum*, г. Гудеманъ выступаетъ прежде всего съ удивленіемъ: онъ совершенно не понимаетъ, какъ можно утверждать, „чтобы квесторъ П. Корнелій Тацитъ, который въ раннемъ возрастѣ 23—24 лѣтъ сдѣлался зятемъ консула Агриколы, бывшаго тогда въ зенитѣ своей славы, не могъ обозначить себя *juvenis admodum* по отношенію къ времени, когда онъ въ возрастѣ 20—21 года продолжалъ свои занятія подъ руководствомъ Апра и Секунда. Затѣмъ онъ видимо воспроизводитъ заявленіе Штейнера, говоря, что ни въ какомъ возрастѣ перемѣна такъ не чувствуется, какъ при переходѣ отъ юности къ возмужалости,

¹⁾ *Prolegom.*, pp. XX и XXVI.

²⁾ Эти возраженія высказаны нами въ статьѣ декабрьской книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894 г., стр. 350—351.

³⁾ Введеніе къ 3-му изданію *Литписи* (Berlin, 1862), p. VIII.

при чемъ замѣчаетъ, что если это бываетъ съ людьми среднихъ дарованій, то гораздо болѣе вѣрно по отношенію къ людямъ гениальнымъ, каковъ былъ Тацитъ. Далѣе выставляется на видъ безспорный фактъ, что Тацитъ, получившій отличное риторическое образованіе, уже въ раннемъ возрастѣ выдавался среди другихъ на ораторскомъ поприщѣ, доказательствомъ чему служитъ указаніе „почти ровесника“ его Плинія¹⁾ на то, что онъ, Плиній, *equidem adolescentulus*, старался подражать въ краснорѣчій Тациту, уже „процвѣтавшему извѣстностью и славой“ (*cum jam tu fama gloriaque floeres*). И такой-то человѣкъ, восклицаетъ г. Гудеманъ, не имѣлъ въ 27 лѣтъ достаточно умственного развитія и зрѣлости, чтобы подвергнуть разсмотрѣнію проблему, которая сама собой навязывалась всякому образованному наблюдателю литературныхъ особенностей его времени! Этимъ восклицаніемъ онъ мимоходомъ отвѣчаетъ и на другое, отмѣченное нами, возраженіе. Возвращаясь вслѣдъ затѣмъ снова къ *juvenis admodum*, г. Гудеманъ уже некстати въ данномъ случаѣ говоритъ о растяжимости значенія *juvenis* и высказываетъ совсѣмъ новое соображеніе, будто Тацитъ нарочно представилъ себя моложе, чѣмъ онъ былъ, съ цѣлью объяснить въ нѣкоторомъ родѣ странное обстоятельство, что онъ, допущенный къ участію въ бесѣдѣ, происходившей въ домѣ друга его учителей, такъ старательно оставался на заднемъ планѣ, не принимая участія не только въ бесѣдѣ, но даже и въ общемъ смѣхѣ, которымъ бесѣда была закончена (*cum adrisissent, discessimus*). Комбинація эта, хотя и остроумна, въ сущности, безцѣльна, такъ какъ порождаетъ новый вопросъ: сколькихъ же лѣтъ былъ Тацитъ въ 74—75 г., если для него и выраженіе *juvenis admodum* было сильно, и какъ съ нею согласить данныя, на основаніи которыхъ опредѣляется годъ его рожденія? Что же касается выше приведенныхъ психологическихъ соображеній въ пользу возможности для Тацита въ возрастѣ 27 (по Штейнеру даже 25) лѣтъ быть авторомъ такого крупнаго сочиненія, какъ *Dialogus de oratoribus*, то они, хотя и высказываются авторомъ патетически и съ знаками восклицанія, также мало, если не меньше, рѣшаютъ дѣло сами по себѣ, какъ и психологическія соображенія противниковъ такого рѣшенія вопроса: это лишь субъективные взгляды, не больше.

Не получивъ для рѣшенія вопроса о времени написанія и появленія Діалога ничего отъ психологическихъ соображеній г. Гудемана,

¹⁾ *Ep.* VII, 20.

посмотримъ, не дадутъ ли намъ чего-нибудь полезнаго его историческія комбинаціи.

Но и въ историческихъ своихъ комбинаціяхъ американскій филологъ не кажется намъ счастливымъ, хотя онъ тутъ нѣсколько оригинальнѣе. Возражая Андресену, находящему невѣроятнымъ, чтобы 8 и 13 главы Діалога могли быть написаны при жизни доносчиковъ Эпрія Марцелла и Вибія Криспа, изъ которыхъ послѣдній дожилъ, пользуясь благоволеніемъ Домиціана, до 93 года по Р. Хр., г. Гудеманъ очень резонно замѣчаетъ, что это выраженіе скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ ослабляетъ теорію происхожденія Діалога при Титѣ. И дѣйствительно, если было время, когда о Криспѣ (Марцеллъ, обвиненный въ заговорѣ противъ Веспасіана, кончилъ жизнь самоубійствомъ еще въ 79 по Р. Хр.) можно было говорить правду безъ всякихъ опасеній, то именно при Титѣ, который не только ненавидѣлъ доносчиковъ, но и жестоко ихъ преслѣдовалъ, какъ это мы знаемъ изъ Светонія¹⁾. Но г. Гудеманъ слишкомъ торопится торжествовать надъ противниками своей теоріи, заявляя, что еслибы *Dialogus de oratoribus* не былъ написанъ Тацитомъ въ это время, то нужно было бы признать, что и неизвѣстнымъ авторомъ онъ могъ быть написанъ только при Титѣ. Вопросъ о времени написанія сочиненія рѣшается не однимъ неудобствомъ говорить при Домиціанѣ о Вибіѣ Криспѣ, но и другими соображеніями, и при томъ это неудобство вовсе не безусловно. Еще недавно г. Петерсонъ²⁾ не безъ основанія указывалъ на необходимость различать въ правленіи Домиціана два періода, въ первомъ изъ которыхъ, по словамъ Светонія³⁾, его пороки уравновѣшивались добродѣтелями, „donec virtutes quoque in vitia deflexit“, и когда даже онъ старался оказывать покровительство литературѣ, устроивъ два конкурса, одинъ пятилѣтній, другой ежегодный⁴⁾. На этомъ основаніи Петерсонъ считалъ возможнымъ отнести происхожденіе Діалога къ 84—85, при чемъ, по его мнѣнію, примирялись всякія другія соображенія, къ этому вопросу

1) *Tit.*, 8. Nos (delatores mandatoresque) assidue in foro flagellis ac fustibus caesos ac novissime traductos per amphitheatri arenam, partim subici ac venire imperavit, partim in asperrimas insularum avehi.

2) Введеніе къ изд., р. XVIII. Изложеніе его аргументаціи смотри въ моей статьѣ—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, декабрь, 1894, отд. II, стр. 355—356.

3) *Domit.*, 3.

4) *Domit.*, 4.

относящіяся. Раньше его тоже самое высказывалъ Вольфъ ¹⁾, предполагавшій, что Діалогъ былъ въ это время написанъ, но не обнаругованъ. Гаазе ²⁾ и Экштейнъ ³⁾ не только считали невозможнымъ, чтобы Діалогъ былъ написанъ раньше правленія Домиціана, но и склонялись къ тому, что онъ былъ написанъ въ концѣ правленія этого императора. Мы, съ своей стороны, никогда не находили возможнымъ приписать происхождение Діалога тому времени, къ которому, вслѣдъ за многими другими, приписываетъ его г. Гудеманъ.

Но нашъ авторъ только поторопился сдѣлать рѣшительное заключеніе на основаніи комбинаціи, по которой всего безпрепятственнѣе было дѣлать выходки противъ доносчиковъ при Титѣ. У него есть и другія доказательства въ пользу своей теоріи. Отнести написаніе Діалога къ болѣе позднему времени мѣшаетъ заявленіе его автора, что онъ передаетъ рѣчь каждаго изъ участниковъ бесѣды *isdem numero isdemque rationibus*, а это обстоятельство стоитъ въ соотвѣтствіи съ написаніемъ Діалога при Титѣ, шесть или семь лѣтъ спустя послѣ бесѣды. Этотъ далеко не новый ⁴⁾ аргументъ, слабый самъ по себѣ, особенно теряетъ свою силу подъ перомъ ученаго, который неоднократно высказываетъ, что бесѣда, описываемая въ Діалогѣ, не существовала въ дѣйствительности, а выдумана авторомъ, какъ это и раньше его практиковалось въ литературѣ, напримѣръ, Платономъ и Цицерономъ. Правда, г. Гудеманъ тутъ-же заявляетъ, что авторъ хотя и вымышленной бесѣды все-таки долженъ былъ позаботиться о сохраненіи иллюзіи для читателей и не сталъ бы передавать имъ со всею точностью и подробностью разговоръ, происходившій двадцатью годами раньше. Но если иллюзія исторической дѣйствительности бесѣды объ ораторахъ въ домѣ Матерна могла быть сохранена при условіи промежутка между нею и описаніемъ ея въ 6—7 лѣтъ, то почему она утратилась бы при промежуткѣ въ 10—13 лѣтъ, когда автору, къ тому же, приличнѣе было называть себя *juvenis admodum*,

¹⁾ Введеніе къ изд. Діалога (Gotha, 1890), р. 2. Г. Гудеманъ указываетъ еще на Фогеля, диссертация котораго „De Dialogi, qui Taciti nomine fertur, sermone iudicium“ (Лейпц., 1881) мнѣ неизвѣстна.

²⁾ Введеніе къ изд., р. XVI.

³⁾ Prolegomena etc., р. 38.

⁴⁾ Самъ авторъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на Штейнера (см. р. 17 слд. вышеуказаннаго сочиненія), отъ котораго онъ вообще стоитъ въ большой зависимости по вопросу объ авторѣ и времени написанія *Dialogus de Oratoribus*.

говоря о времени, къ воспоминанію о которомъ онъ обращается? Янсень ¹⁾, который также допускаетъ возможность воспроизведенія Тацитомъ фиктивной бесѣды и считаетъ естественнымъ съ его стороны соблюденіе необходимой иллюзіи, держась, какъ и г. Гудеманъ, теоріи происхожденія Діалога при Титѣ, такъ же, какъ и нашъ авторъ, возражаетъ при этомъ только противъ тѣхъ, кто относитъ написаніе Діалога уже послѣ времени Домиціана, то-есть, слишкомъ двадцать лѣтъ спустя послѣ бесѣды въ домѣ Матерна. Слѣдовательно, написаніе Діалога во время Домиціана, въ первую половину его правленія, ихъ возраженіемъ нисколько не устраняется.

Иного свойства у г. Гудемана то *историческое* соображеніе, что тема, разсматриваемая въ Діалогѣ, была бы анахронизмомъ въ послѣ-Домиціановское время, когда будто бы этимъ вопросомъ не занимались, и что она была вопросомъ дня въ правленіе Тита, когда-де только и возможно было написаніе такого трактата, былъ ли авторомъ его Тацитъ, или другой кто. Это оригинальное соображеніе сопровождается у него пространнымъ разсужденіемъ о томъ, что въ извѣстныя времена въ литературѣ возникаютъ извѣстные вопросы, возбуждаютъ борьбу партій, которая мало-по-малу ослабѣваетъ подъ вліяніемъ компромиссовъ, и вопросъ, бывший нѣкоторое время жгучимъ, сходитъ со сцены. Авторъ не скупится на примѣры и приводитъ ихъ изъ литературной исторіи Греціи, Рима, Франціи и Англіи, особенно Франціи, гдѣ, напримѣръ, въ XVII столѣтіи много надѣлалъ шуму споръ о превосходствѣ древней мудрости надъ новою, или въ XVIII столѣтіи споръ объ упадкѣ вкуса и превосходствѣ Гомера, какъ эпическаго поэта, надъ всѣми другими эпическими поэтами. Вотъ такую же точно контроверсіей былъ вопросъ объ упадкѣ краснорѣчія въ латинской литературѣ въ 4 — 7 десятилѣтія перваго столѣтія нашей эры. Имъ занимается Петроній въ первой главѣ своего романа, риторъ Сенека во Введеніи къ своимъ *Контроверсіямъ*, философъ Сенека въ своихъ письмахъ и анонимный авторъ сочиненія *περί ἔθοος* въ знаменитой заключительной главѣ сочиненія, а въ правленіе Домиціана подобные голоса смолкли, и споръ, прошедши всѣ инстанціи, сошелъ со сцены ²⁾.

Сошелъ-ли? А что же въ такомъ случаѣ означало Квинтиліаново сочиненіе *De causis corruptae eloquentiae*, которое не дошло до насъ,

¹⁾ De Taciti Dialogi auctore, p. 19—20.

²⁾ Proleg., p. XXII—XXIV.

но на которое онъ прямо ссылается въ восьмой книгѣ (VIII, 6, 76) своей знаменитой *Institutio oratoria*? Что же значить его настойчивость въ этомъ послѣднемъ сочиненіи слѣдовать преимущественно Цицерону, какъ наилучшему образцу для подражанія, а не Сенекѣ, изъ школы котораго выходилъ тотъ *corruptum et omnibus vitiis fractum dicendi genus*, съ которымъ Квинтилианъ боролся своимъ преподаваніемъ? На эти обстоятельства уже указывалъ г. Гудеману Джонъ въ своей рецензіи въ *Berliner Philologische Wochenschrift* отъ 27-го іюля 1895 г., равно какъ и на то мѣсто въ письмѣ Плинія Младшаго, гдѣ онъ (I, 5, 12) говоритъ о себѣ: *est mihi cum Cicerone aemulatio, nec sum contentus eloquentia saeculi nostri*. Между тѣмъ г. Гудеманъ какъ бы не знаетъ объ этой непрерывной борьбѣ Квинтилиана съ ненавистнымъ ему направленіемъ, говоря, что, когда писалась *Institutio oratoria*, авторъ его находился подъ вліяніемъ оптимистическаго чувства и надеждъ на развитіе въ Римѣ здороваго и истиннаго краснорѣчія; онъ старается увѣрить себя, что еслибъ вопросъ объ упадкѣ краснорѣчія еще продолжалъ занимать умы, то это непременно отразилось бы въ эпиграммахъ Марціала, какъ и въ письмахъ Плинія, и что, напротивъ, у Плинія о паденіи ораторскаго искусства „ни слова“. Но, какъ мы только-что видѣли, это не вѣрно: Плиній прямо говоритъ, что онъ „не доволенъ краснорѣчіемъ своего вѣка“. Итакъ споръ объ упадкѣ краснорѣчія не только не прекратился со смертью Тита, а пережилъ и Домиціана. Джонъ ставитъ дѣло на болѣе твердую почву, когда говоритъ, что гораздо вѣроятнѣе, что вопросъ этотъ именно и былъ поднятъ серьезно въ школѣ Квинтилиана и черезъ нее получилъ практическій интересъ. Поэтому, какъ считаетъ себя вправѣ заявить тотъ же ученый, и *Dialogus de oratoribus* могъ выйдти только изъ подъ пера ученика Квинтилиана. Мы бы прибавили: хотя, быть можетъ, и не посѣщавшаго его риторической школы, но усвоившаго себѣ ея направленіе.

Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса о времени, когда написанъ *Dialogus de oratoribus*, ничего не выиграло отъ предисловія, которымъ снабдилъ свое изданіе Диалога г. Гудеманъ. Одни изъ его соображеній не новы, другія произвольны и не стоятъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ историческими или съ историко-литературными данными. Можно даже сказать, что въ изслѣдованіи американскаго филолога вопросъ этотъ скорѣе пострадалъ, чѣмъ выигралъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь въ рѣшеніе его внесены категорическій тонъ, который никакъ нейдетъ къ рѣшенію вопросовъ, не поддающихся точнымъ заклю-

ченіямъ. Тѣмъ болѣе онъ нейдетъ въ данномъ случаѣ, что данныя, на основаніи которыхъ задача рѣшается, допускаютъ выводы совершенно различныя. Все вниманіе г. Гудемана было устремлено на то, чтобы, утверждая принадлежность Діалога времени Тита, доказать невозможность написанія его послѣ Домиціана. Противъ этой послѣдней теоріи, не смотря на то, что она поддерживается нѣкоторыми крупными учеными (Ниппердеемъ, Зауппе, Андресеномъ), существуютъ важныя возраженія, устранимыя не иначе, какъ отнятіемъ сочиненія у Тацита. Какъ допустить, чтобы Тацитъ могъ писать въ одно и то же время столь разными стилями, каковъ стиль *Агриколы* и *Германіи*, вышедшихъ вскорѣ послѣ смерти Домиціана, и стиль *Dialogus de oratoribus*, носящій на себѣ явную печать другого періода въ литературной жизни великаго историка. Ниппердей ¹⁾, а за нимъ въ наше время и Шанцъ ²⁾ прибѣгаютъ къ совершенно невѣроятному въ нашихъ глазахъ предположенію, будто особый стиль Діалога есть сознательная попытка Тацита писать въ Цицероновскомъ стилѣ или, какъ выражается Шанцъ, *eine mit Bewusstsein vollzogene künstlerische That*, попытка, сдѣланная писателемъ тогда, когда уже онъ сталъ писать своимъ извѣстнымъ историческимъ, *Тацитовскимъ*, слогомъ. „Dies liegt wahrscheinlich in der *Absichtlichkeit*, mit der Tacitus seinem Stil das Ciceronische Gepräge zu geben gesucht hat“: таковы подлинныя слова столь заслуженнаго ученаго, какъ Ниппердей, вздумавшаго такимъ въ высшей степени натянутымъ аргументомъ защищать свою новую теорію (до тѣхъ поръ онъ защищалъ теорію о принадлежности Діалога времени Тита). Несравненно болѣе правъ Андресенъ, когда онъ, не находя возможнымъ появленіе Діалога раньше смерти Домиціана, выставляетъ альтернативу: „или нужно отнять *Dialogus de oratoribus* у Тацита и приписать образованному его современнику, или прибѣгнуть къ предположенію, что одинъ и тотъ же писатель въ одно и то же время пользовался самыми различными характерами стиля. Но подобная перемѣна была бы, конечно, неслыханною“... ³⁾. Уже эта полная противоположность воззрѣній авторитетныхъ ученыхъ при объясненіи ихъ мнѣнія, что *Dialogus* былъ написанъ по смерти Домиціана, даетъ сама по себѣ мѣру шаткости основаній для этого мнѣнія, требующаго, какъ мы видимъ, или неимовѣрно искусственнаго довода (что Тацитъ въ одно и то же

¹⁾ Введеніе къ 3-му изданію (Berl. 1862) *Литониси*, р. 33.

²⁾ *Geschichte der Römischen Literatur* (München, 1890—1892), II, р. 363.

³⁾ Введеніе къ изданію Діалога, 3-е изд. (Leipzig, 1891), р. 4.

время писалъ, по желанію, разными стилями), или приписанія сочиненія другому автору, тогда какъ всѣ другія данныя, начиная съ свидѣтельства рукописей, и историко-литературныя соображенія заставляютъ признать его авторомъ именно Тацита. Г. Гудеманъ съ полнымъ правомъ отвергалъ теорію послѣ-Домиціановскаго происхожденія Діалога, какъ несовмѣстимую съ принадлежностью его Тациту, которая для него не подлежитъ никакому сомнѣнію, но несостоятельность этой теоріи не обезпечиваетъ еще правильности его теоріи написанія Діалога при Титѣ. Противъ нея говоритъ и несовмѣстимость или по крайней мѣрѣ малая вѣроятность заявленія со стороны 25—27-лѣтняго юноши, что онъ тогда, когда происходила бесѣда объ ораторахъ, былъ *очень молодымъ* человѣкомъ, и зрѣлость сочиненія, не допускающая признанія въ авторѣ его начинающаго писателя и недостаточно испытаннаго гражданскаго дѣятеля, и очень ранній возрастъ въ 79—81 Фабія Юста, друга и вѣроятно ровесника Плинія, который неоднократно обращался къ Тациту за разрѣшеніемъ вопроса, изслѣдуемаго въ Діалогѣ, и, пожалуй, недостаточность 25—27-лѣтняго человѣка для разрѣшенія столь труднаго и сложнаго вопроса. Всѣ эти возраженія устраняются сами собой, если только отодвинуть дальше время написанія Діалога. Но такъ какъ существуютъ очень важныя, даже неустранимыя препятствія къ тому, чтобы допустить написаніе этого сочиненія Тацитомъ при Нервѣ и Траянѣ, когда онъ сталъ заниматься историческими сюжетами, то, значить, слѣдуетъ отнести написаніе его ко времени Домиціана, что мы въ статьѣ, разбиравшей изданіе Петерсона, и сдѣлали. Между тѣмъ г. Гудеманъ написаніе или появленіе Діалога при Домиціанѣ считаетъ политически невозможнымъ. Невозможность эта, въ его глазахъ, такъ велика, что онъ даже и не входитъ въ ея разсмотрѣніе. Поступая же такимъ образомъ, онъ себя лишаетъ единственно возможнаго выхода изъ затрудненія. Въ своей прежней статьѣ мы не могли согласиться вполне относительно этого спорнаго пункта съ выводами Петерсона, относящаго написаніе Діалога къ 84—85 гг., то-есть, къ первому пятилѣтію правленія Домиціана, но должны смѣло признать, что англійскій филологъ вездѣ разсуждаетъ гораздо серьезнѣе и строже американскаго.

Болѣе сильная сторона г. Гудемана заключается въ трудолюбіи, и только благодаря этому свойству автора его изданіе Діалога получаетъ несомнѣнное значеніе. Съ этимъ свойствомъ автора мы знакомимся еще въ его Прологоменахъ, именно начиная съ того пункта,

гдѣ оканчиваются психологическія и историческія его комбинаціи. Извѣстно, что самымъ важнымъ доказательствомъ принадлежности Діалога Тациту или по крайней мѣрѣ такимъ доказательствомъ, которое, когда на него было указано, повернуло дѣло въ пользу свидѣтельства рукописей, служить то, что *Dialogus de oratoribus* обнаруживаетъ большое сходство въ міросозерцаніи, въ политическихъ, нравственныхъ и социальныхъ, а также литературныхъ взглядахъ съ другими сочиненіями Тацита. Мѣста, указывающія на это сходство, были въ первый разъ сведены Ланге въ его знаменитомъ трактатѣ: „*Dialogus de oratoribus Tacito vindicatus*“ вышедшемъ въ первый разъ въ 1811 г. ¹⁾. Оттуда они переходили въ предисловія издателей Тацита, каково, напримѣръ, изданіе Руперти, и въ спеціальныя этюды, занимавшіеся тѣмъ же вопросомъ, каковъ, напримѣръ, не разъ упомянутый этюдъ Экштейна, то увеличиваясь въ числѣ, то сокращаясь, смотря по надобности или цѣлямъ авторовъ. Свести эти мѣста въ новомъ изданіи, въ хорошей группировкѣ, съ возможною полнотой—значить сдѣлать дѣло полезное, за которое ученые должны быть благодарны. Все, что также касается связи языка Діалога съ другими сочиненіями Тацита, а равно и условій перехода стиля Діалога въ характеристическій стиль Тацита, въ стиль *Исторій* и *Лѣтописи*, все это авторомъ также сведено, по возможности восполнено и рассмотрѣно подъ особыми рубриками, такъ что читателю въ настоящее время нѣтъ нужды обращаться за справками въ этомъ отношеніи къ Вейнкауфу, у котораго относящійся сюда матеріалъ, нерѣдко переходящій въ излишество, разбросанъ по разнымъ мѣстамъ книги и потому не совсѣмъ удобенъ для пользованія.

При видѣ этой массы приводимыхъ или только указываемыхъ данныхъ, обличающихъ внутреннее родство Діалога съ другими сочиненіями Тацита, невольно испытывается чувство удовольствія всякимъ, для кого принадлежность великому историку этого первокласснаго произведенія римской литературы всегда была дѣломъ убѣжденія. Вотъ прежде всего рядъ сопоставленныхъ мыслей Тацита о неизбѣжности перехода республики въ монархію подъ вліяніемъ потребности возстановленія политическаго спокойствія, хотя симпатіи его и были на сторонѣ республиканской формы правленія; вотъ вслѣдъ за ними рядъ свидѣтельствъ изъ *Исторій* и *Лѣтописи*, отчасти и изъ *Агриколы*, о томъ, что при данныхъ политическихъ условіяхъ Та-

¹⁾ См. въ моей предыдущей статьѣ (декабрь, 1894), стр. 326.

цить считаетъ особенно важнымъ правиломъ соблюденіе въ политическомъ поведеніи благоразумія и умѣренности, правиломъ, духомъ котораго проникнута въ Діалогѣ, рѣчь Матерна, который, какъ это основательно думаетъ и г. Гудеманъ, служить представителемъ истинной мысли Тацита. Далѣе, мы видимъ данныя разныхъ сочиненій Тацита, показывающія, какъ и Діалогъ, что свободно краснорѣчіе могло расцвѣтать только при широкой политической свободѣ, что оно тѣсно было связано съ волненіями политической жизни, и что, съ наступленіемъ имперіи, оно необходимо должно было быть усмирено, какъ и все остальное. Жаль только, что въ этомъ мѣстѣ г. Гудеманъ навязалъ Тациту вовсе не принадлежащую ему мысль, будто „всякая напряженная литературная дѣятельность несомѣстима съ политическимъ спокойствіемъ“, и привсдять въ подтвержденіе этого мѣсто изъ начальной главы *Исторій*, гдѣ Тацитъ заявляетъ, что съ водвореніемъ единодержавія великіе таланты (рѣчь идетъ объ историкахъ) исчезли, magna illa ingenia cessere. Если Тацитъ въ разныхъ мѣстахъ ¹⁾ такъ или иначе заявляетъ, что для процвѣтанія краснорѣчія и для простора историческаго повѣствованія требуется полная политическая свобода, то отсюда очень далеко до того, будто „any intense literary activity is incompatible with political tranquillity“ ²⁾. Тацитъ не только этого не говорилъ, но и не могъ говорить уже потому, что литературная дѣятельность въ Римѣ никогда не находилась въ болѣе напряженномъ состояніи, какъ въ первый вѣкъ имперіи, особенно при Августѣ. И это понятно. Люди, которые прежде посвящали свое время и свои силы главнымъ образомъ политической жизни, съ суженіемъ этой послѣдней стали искать приложенія своихъ дарованій и удовлетворенія своего честолюбія въ литературѣ. Сдѣланная авторомъ ошибка не помѣшала ему однако вывести изъ столь неправильной параллели заключеніе, что „только слѣное предубѣжде-

¹⁾ *Dial.* 36: magna eloquentia, sicut flamma, materia alitur et motibus excitatur et urendo clarescit (по Гудеману: *calescit*). Eadem ratio in nostra quoque civitate antiquorum eloquentiam provexit... 40: sed est magna illa et notabilis eloquentia alumna licentiae, quam stulti libertatem vocant (по Гудеману: *vocitant*), comes seditionum, effrenati populi incitamentum, sine obsequio, sine severitate, contumax, temeraria, adrogans, quae in bene constitutis civitatibus non oritur. *Hist.*, 1,1: dum res populi Romani memorabantur pari eloquentia et libertate. Postquam bellatum apud Actium et omnem potentiam ad unum conferri pacis interfuit, magna illa ingenia cessere... Principatum divi Nervae et imperium Trajani... senectuti seposui, rara temporum felicitate, ubi sentire quae velis et quae sentias dicere licet.

²⁾ *Proleg.*, p. XXXIX.

ніе“ можетъ не видѣть важности этой параллели въ вопросѣ о принадлежности Діалога Тациту. Гораздо правильнѣе заявленіе, что авторъ Діалога съ авторомъ другихъ сочиненій Тацита сходятся въ сожалѣніи объ уtratѣ свободы слова, хотя въ Діалогѣ это сожалѣніе высказывается одинъ разъ, да и то въ видѣ мимоходнаго замѣчанія Матерна о томъ, что, говоря о древнихъ, нужно пользоваться и древней свободой, „*qua vel magis degeneravimus, quam ab eloquentia*“¹⁾. Очень важны параллельныя данныя, касающіяся ненависти къ доносчикамъ, равно какъ и мнѣнія о такихъ политическихъ личностяхъ, какъ Гракхи и Помпей. Множество параллелей относительно нравственныхъ и социальныхъ воззрѣній видимо усиливаютъ впечатлѣніе тождества свойствъ Діалога съ историческими сочиненіями Тацита. Сюда-же относится и любовь автора Діалога къ нравственнымъ сентенціямъ, которыми такъ изобилуютъ тацитовскія сочиненія. Ко всему этому присоединяются параллели, которыя вытекаютъ изъ ораторскаго образованія Тацита и его сужденій о краснорѣчии разныхъ политическихъ личностей.

Принадлежность Діалога Тациту, приписываемаго ему рукописями, подтверждаемая внутреннимъ родствомъ этого сочиненія съ другими произведеніями великаго историка, не встрѣчающая никакого препятствія въ исторической обстановкѣ, указываемой какъ самымъ сочиненіемъ, такъ и историко-литературными данными эпохи, можетъ уже считаться доказанною. Противъ нея стоитъ лишь одно возраженіе, именно различіе стили Діалога съ стилемъ другихъ сочиненій Тацита. Это различіе есть фактъ несомнѣнный, и не признавать его не можетъ самый горячій сторонникъ происхожденія Діалога отъ Тацита. Но положеніе дѣла относительно этого пункта теперь совсѣмъ не то, какимъ оно было при Липсіѣ и послѣ него, пожалуй, вплоть до шестидесятихъ годовъ нашего столѣтія. Теперь стало несомнѣнно, что это различіе совсѣмъ не такъ велико, какъ думали прежде, такъ какъ рядомъ съ различіемъ, которое вполнѣ объяснимо, существуетъ и сходство, которое теперь до очевидности доказано. Мало того, теперь вполнѣ выяснено, что такъ называемый тацитовскій стиль создавался постепенно, достигнувъ полнаго своего выраженія лишь въ послѣднемъ сочиненіи историка, въ *Летописи*.

Г. Гудеману извѣстно и вполнѣ ясно такое положеніе дѣла, и потому онъ смѣло объявляетъ, что вся теорія, отвергающая принад-

¹⁾ *Dial.*, 27.

лежность Діалога Тациту, основана, какъ онъ выражается, „на методологической аберраціи“. Не хотѣли знать свидѣтельства рукописей и, замѣтивъ разницу въ стиляхъ, не думали изслѣдовать дѣло глубже, а возвели въ аксіому ничѣмъ не оправдываемое заключеніе. Авторъ новаго изданія Діалога очень кстати приводитъ по этому поводу замѣчательное разсужденіе Тэйфеля¹⁾, которое и мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь въ русскомъ переводѣ:

„Въ самомъ дѣлѣ мы едва-ли знаемъ болѣе тяжкое заблужденіе сужденія, чѣмъ заподозриваніе или отрицаніе тацитовскаго происхожденія нашего сочиненія, и мы усматриваемъ въ этомъ ужасающее доказательство, въ какіе дебри могутъ зайдти люди, если, разсматривая авторскія произведенія, вмѣсто того, чтобы углубиться въ нихъ, предпочитаютъ оставаться прилипнувшими къ поверхности и внѣшности. Что существуетъ различіе между слогомъ нашего сочиненія и остальныхъ сочиненій Тацита, особенно если мы хотимъ брать въ основаніе сравненія *Лѣтописи*, можетъ и слѣпой видѣть; но также слѣпой только можетъ не замѣчать вполне существенныхъ пунктовъ одинаковости и сходства, и только грубое непониманіе можетъ изъ этихъ разностей заключать къ разности автора, вмѣсто того, чтобы наслаждаться счастьемъ, что изъ достопримѣчательнаго хода развитія писательской дѣятельности для насъ сохранились оба конечные члена, какъ и среднія ступени“.

У г. Гудемана есть особая глава, посвященная „стилю и языку“, гдѣ этотъ предметъ разсматривается съ большою подробностью. Мы ея не коснемся, такъ какъ мы движемся специально въ предѣлахъ вопроса объ авторѣ Діалога. Здѣсь мы должны лишь указать, что авторъ разсматриваемаго нами изданія собралъ въ числѣ внутреннихъ доказательствъ вѣрности рукописнаго преданія если не всѣ, то наиболѣе выдающіяся совпаденія языка и стиля Діалога съ языкомъ и стилемъ историческихъ сочиненій Тацита. Сначала идутъ слова и выраженія Діалога, встрѣчающіяся только у Тацита: (*histrionalis, cliēntulus, educationibus* во мн. числѣ и нѣкоторыя другія, не указываемыя г. Гудеманомъ, частію отмѣчены, какъ таковыя, еще въ *Lexicon Taciteum* (Берлинъ, 1830) Бѣттихера); затѣмъ — выраженія, снабженныя новымъ значеніемъ и нигдѣ не встрѣчающіяся съ таковымъ въ прозѣ, каковы напр. *ciga=liber, sacra=sacra loca, cogitatio=consilium, lenocinari* и др.; далѣе—выраженія; очень рѣдко попадающіяся въ хорошей ла-

¹⁾ Введеніе къ нѣмецкому переводу Діалога (Stuttg. 1869), p. 18.

тинской прозѣ, но употребляющіяся и въ Діалогѣ, и въ историческихъ сочиненіяхъ Тацита, какъ quisque съ множественнымъ сказуемаго, utrique=uterque, modo=nunc, ut=ita ut, facile dixerim и многія другія; потомъ—слова и конструкціи въ *Диалогѣ*, особенно часто встрѣчающіяся у Тацита или составляющія характеристическія особенности его стиля: ipse, tamquam въ объективномъ употребленіи, nec—et, in quantum, quominus=quin, praevalere=plus valere, auditus=auditu cognitus, principes in amicitia, ita=itaque, primum—шох и т. п.; особенныя сочетанія и фигуративныя выраженія, общія историческимъ сочиненіямъ и Діалогу, куда относятся повторенія слова на близкомъ разстояніи, какъ non modo, non... modo, non solum, non tantum, опредѣленія общаго понятія болѣе тѣснымъ образомъ при помощи специфическаго слова или фразы, какъ in herba vel flore, natura... denegavit, oblectare otium, nomen inserere famae, sacra studiorum, nullis contacta vitilis pectora и др.; наконецъ, одна изъ наиболѣе характеристическихъ чертъ тацитовскаго стиля—особенная любовь къ аллитеративнымъ сочетаніямъ, одинаково свойственна Діалогу и историческимъ сочиненіямъ Тацита.

Вопросъ объ языкѣ и стилѣ Діалога теперь представляется рѣшеннымъ. Нѣтъ болѣе причинъ считать этотъ языкъ не имѣющимъ ничего общаго съ языкомъ историческихъ сочиненій Тацита. Напротивъ, если есть различія, и весьма существенныя, то-есть также и существенныя сходства, и связь между языкомъ Діалога тѣмъ будетъ яснѣе, чѣмъ мы больше обратимъ вниманіе на генетическое развитіе стиля Тацита и не будемъ прямо сравнивать Діалога съ *Исторіями* и *Лѣтописью*, какъ поступали со временъ Липсіа тѣ, которые отрицали принадлежность Діалога Тациту. Но если языкъ Діалога есть также несомнѣнно языкъ Тацита, какъ и языкъ *Агриколы*, *Германія*, *Исторій* и *Лѣтописи*, тѣхъ сочиненій, черезъ которыя онъ прошелъ, чтобы вылиться въ свою наиболѣе типическую и отличительную форму, то представляются два вопроса: 1) какъ случилось, что Тацитъ сталъ писать плавнымъ, обильнымъ, риторическимъ стилемъ Діалога? 2) Какъ случилось, что онъ покинулъ этотъ стиль для нервной энергіи, краткости и сжатости выраженія *Лѣтописи*?

Вопросы эти—и по праву—задаетъ себѣ г. Гудеманъ и отвѣчаетъ на первый изъ нихъ рубриками: *цицероновское вліяніе, современное употребленіе, индивидуальность автора*. О *цицероновскомъ вліяніи*, вызванномъ борьбою Квинтиліана противъ школы Сенеки, мы много говорили въ предыдущей статьѣ; *неизбѣжность подчиненія въ извѣст-*

ной степени языку своего времени, языку серебряной латыни, понятна само собой и не требуетъ разъясненій ¹⁾). Что же касается вліянія авторской индивидуальности, то естественно, что она не могла проявиться въ произведеніи молодыхъ лѣтъ въ той силѣ, какъ сказала въ послѣдствіи. Но она уже замѣтна и здѣсь въ стремленіи создавать новыя выраженія или придавать старымъ словамъ новое употребленіе, а еще болѣе въ смѣлости составленія метафоръ и въ особенныхъ риторическихъ свойствахъ. Г. Гудеманъ, языкомъ котораго мы въ данномъ случаѣ говоримъ, старается тутъ же подтвердить свою характеристику авторской индивидуальности въ языкѣ Тацита нѣсколькими примѣрами. Таковы встрѣчающіяся въ Діалогѣ слова: *sanguinans*—*sanguinarius*, *statio*—годъ правленія, *planitas*, *tinnitus* въ переносномъ смыслѣ—все это ἀπαξ εἰρημένα, а также специальное употребленіе абстрактныхъ существительныхъ съ риторическимъ значеніемъ, каковы: *altitudo*, *scurrilitas*, *laetitia*, *sordes*, *tempor*, *lentitudo*, *planitas* и др. Изъ метафорическихъ выраженій приводятся: *complecti provincias*, *substantia facultatum*, *utilitates alunt*, *suum genium propitiare*, *odoratus philosophiam*, *adfluens auditor* и нѣкоторые другіе. Въ примѣръ риторической постройки указываются два синонимическіе глагола, связанные *et*, а также и *atque*, если второй глаголъ находится по отношенію къ первому въ нѣкоторомъ каузальномъ отношеніи, и дѣлаются ссылки на 10 мѣстъ, гдѣ можно найти примѣры уравновѣшенія членовъ періода.

Отвѣтъ на другой вопросъ важнѣе и любопытнѣе. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, Тацитъ, начавшій ²⁾ свою литературную дѣятельность блестящимъ сочиненіемъ, въ которомъ онъ является такимъ крупнымъ представителемъ возродившагося, подъ вліяніемъ Квинтилиановской

¹⁾ Примѣры словъ и выраженій общихъ серебряной латыни приведены въ Діалогѣ у Клейбера въ диссертациі: *Quid Tacitus in Dialogo prioribus scriptoribus debeat* (Гаале, 1883), р. 38—68, и у Вейнкауфа среди „Нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся у другихъ писателей вообще“, р. 30 слд. Самъ г. Гудеманъ указываетъ лишь на мѣста Діалога цифрами.

²⁾ Литературная дѣятельность Тацита, предшествовавшая изданію Діалога, намъ неизвѣстна. Мы знаемъ только, что онъ рано сталъ говорить судебныя рѣчи. У грамматика Фульгентія (VI вѣка) ему приписывается *Facetiarum liber* (см. объ этомъ въ моей книгѣ „Тацитъ и его сочиненія“, стр. 31), книга, которой онъ вѣроятно никогда не издавалъ: тутъ мы имѣемъ дѣло, быть можетъ, съ ошибкой въ цитатѣ или съ опиской переписчиковъ очень плохо дошедшаго грамматика. Поэтому *Dialogus de oratoribus* для насъ, а можетъ быть такъ было и для современниковъ автора, является первымъ сочиненіемъ Тацита.

пропаганды, цicerоніанизма, могъ перейти къ языку *Исторій и Лѣтописи*?

Переходъ этотъ, безъ сомнѣнія, могъ совершиться естественно лишь по тому мосту, какой представляла авторская индивидуальность Тацита. Слабо еще развитая въ первомъ сочиненіи, но лишь дававшая себя чувствовать какъ постройкой новыхъ словъ или видоизмѣненіемъ значенія старыхъ, такъ особенно уже замѣтною любовію къ сильнымъ и сентенціознымъ выраженіямъ ¹⁾, она могла развиваться при благопріятныхъ обстоятельствахъ тѣмъ сильнѣе, что усвоеніе себѣ цicerоновскаго стиля было для Тацита дѣломъ изученія ²⁾, а не естественной склонности выражаться искусно расчлененными, округленными періодами, обильно и многословно. Прилежныя занятія исторіей, углубленіе въ источники и сочиненія, касающіяся уже времени имперіи, самая обработка историческихъ сюжетовъ, требовавшая, какъ это понимали хорошо и древніе ³⁾, иного литературнаго изложенія, были очень благопріятными условіями къ выработкѣ новаго стиля. Если къ этому прибавить то, что такъ прекрасно развилъ Янсень ⁴⁾, и что г. Гудеманъ называетъ „психологическимъ элементомъ“, то есть измѣненіе нравственнаго настроенія писателя подъ вліяніемъ ужасовъ Домиціановскаго правленія, то сдѣлается вполне яснымъ, какимъ образомъ у Тацита, старавшагося въ юности сдѣлаться цicerоніанцемъ, впоследствии образовался новый стиль, тотъ стиль, который болѣе отвѣчалъ и его характеру, и его нравственному настроенію (настроенію общественнаго дѣятеля, пережившаго время Домиціана). и, наконецъ, его новому литературному жанру, такъ далекому отъ рѣчей, произносимыхъ передъ судьями на форумѣ.

Отвѣчая на тотъ-же вопросъ, г. Гудеманъ не говоритъ о томъ, что, намъ кажется, важнѣе всего въ данномъ случаѣ, именно, что переходъ отъ одного способа литературнаго выраженія къ другому образовался въ Тацитѣ прежде всего на почвѣ его индивидуальнаго характера, который, чѣмъ дальше, тѣмъ больше долженъ былъ сказываться въ его литературной дѣятельности. Г. Гудеманъ, напротивъ, отмѣчаетъ на первомъ планѣ „психологическій элементъ“, упомянутый

¹⁾ См. въ прежней статьѣ, декабрь 1894, стр. 346.

²⁾ Ibid. стр. 335 слѣд.

³⁾ *Plin.* V, 8: Habet quidem oratio et historia multa communia, sed plura diversa in his ipsis, quae communia videntur. Narrat illa, narrat haec, sed aliter... alia verba, alius sonus, alia constructio.

⁴⁾ De Tacito Dialogi auctore, p. 69 squ.

нами раньше. Перемена нравственного настроенія, происшедшая въ авторѣ отъ впечатлѣній ужасовъ Домиціановскаго правленія, была будто бы главною причиною (the principal reason) къ переменѣ и тацитовскаго стиля. Не будь, слѣдовательно, черезчуръ жестокаго правленія Домиціана, не было бы и никакой причины къ проявленію у Тацита его историческаго стиля. Но, во первыхъ, элементы этого стиля, какъ знаетъ хорошо самъ г. Гудеманъ, находятся уже въ Діалогѣ, который, по его мнѣнію, написанъ до времени правленія Домиціана, а во вторыхъ, если вѣрно приводимое также и нашимъ авторомъ изреченіе Бюффона „le style c'est de l'homme même“ ¹⁾, то странно думать, что онъ создается извѣстнымъ психологическимъ моментомъ, который проходитъ и смѣняется другими моментами, а не является продуктомъ всей внутренней жизни человѣка. Нужно замѣтить, что Тацитъ писалъ свои историческія сочиненія не при Домиціанѣ, а при Нервѣ и Траянѣ (отчасти и при Адрианѣ): при чемъ же тутъ рѣшающее дѣйствіе психологическаго момента, явившагося у него при Домиціанѣ? Мы можемъ допустить такимъ образомъ, что впечатлѣнія ужасовъ Домиціановскаго правленія дали сильный толчекъ къ развитію той индивидуальной особенности тацитовскаго характера, которая опредѣлила его литературный стиль послѣдующаго времени, но назвать ее „главною причиною“ къ переменѣ Тацитомъ литературнаго выраженія не можемъ.

Что касается второго указываемаго авторомъ обстоятельства, дѣйствовавшаго на перемену стиля, именно влиянія сюжета, то тутъ мы ничего не можемъ возразить, кромѣ того, что г. Гудеманъ, какъ это съ нимъ нерѣдко случается, высказывается съ излишней смѣлостью. Рѣчь, исторія, діалогъ или письмо, говоритъ онъ, требуютъ совершенно различнаго стилистическаго изложенія, и прибавляетъ, что древніе языки, „въ силу несравненной гибкости ихъ структуры и эластичности формы“, могутъ выражать это различіе стиля „какъ музыкальный инструментъ, характеризующій особенности мысли и чувства“ ²⁾. Намъ кажется, что различіе литературнаго изложенія

¹⁾ Г. Гудеманъ приводитъ еще изреченіе Гѣре: „In Ganzen ist der Stil eines Schriftstellers ein treuer Abdruck seines Inneren“.

²⁾ Авторъ по этому поводу говоритъ, что новые языки гораздо въ меньшей степени обладаютъ способностью выражать, подобно музыкальному инструменту, особенности разныхъ литературныхъ видовъ, такъ какъ въ нихъ меньше гибкости и эластичности. Это замѣчаніе можетъ относиться, пожалуй, къ англійскому и французскому языкамъ, въ которыхъ такъ много условности, но никакъ не къ

въ этихъ видахъ прозы не можетъ быть такъ рѣшительнымъ, *distinctly different*, какъ выражается авторъ, особенно у древнихъ, гдѣ, напримѣръ, краснорѣчіе такъ тѣсно сплетается съ исторіей. Если въ рѣчахъ, приводимыхъ Тацитомъ въ историческихъ его сочиненіяхъ, и можно подмѣтить нѣкоторую разницу, — которая уже обусловливается до нѣкоторой степени характеромъ и положеніемъ личности, въ уста которой влагается рѣчь, — разницу противъ прямо историческаго изложенія, то все-таки вполне видны и въ этихъ рѣчахъ, выражаясь языкомъ Липсія, *lineamenta ejusdem viri et vultus*, то-есть — особенности тацитовскаго историческаго стиля (вспомнимъ хотя рѣчь Кремутія Корда въ *Ann.* 34 — 35). Когда Плиній ¹⁾, сообщая намъ о рѣчи, произнесенной Тацитомъ въ сенатѣ противъ проконсула Африки Марія Приска, говоритъ, что Тацитъ отвѣчалъ защитнику Марія „eloquentissime et, quod *eximium orationi ejus inest*, *σαρμῶς*“, то мы понимаемъ, что трудно было и охарактеризовать ораторскій стиль Тацита этого времени иначе, понимаемъ, что эта была та же *σαρμῶτης*, та же импонирующая *gravitas*, которая составляетъ душу всего, что написалъ Тацитъ, начиная съ первыхъ строкъ предисловія къ *Агриколѣ*. Но за всѣмъ тѣмъ, безусловно вѣрно то, что стиль исторіи долженъ быть другой, чѣмъ Діалога, и переходъ Тацита къ историческому жанру несомнѣнно долженъ былъ болѣе существеннымъ образомъ отозваться на перемѣнѣ его литературнаго выраженія, чѣмъ тотъ психологическій моментъ, который г. Гудеманъ выставляетъ главной причиной этой перемѣны.

Американскій филологъ утверждаетъ, что этихъ двухъ причинъ — перемѣны настроенія и перемѣны литературнаго жанра — въ соединеніи съ длиннымъ промежуткомъ времени между Діалогомъ и историческими сочиненіями (прибавляетъ онъ) было вполне достаточно самихъ по себѣ, чтобы объяснить переходъ Тацита отъ стиля Діалога къ его настоящему стилю. Но онъ встрѣтился съ утвердившимся въ наукѣ фактомъ, что тацитовскій стиль даже въ историческихъ сочиненіяхъ не представляетъ чего-нибудь сложившагося съ одного раза, а ясно обнаруживаетъ послѣдовательное развитіе, которое, будучи не такъ далеко отъ Діалога въ *Агриколѣ* и *Германіи*, является гораздо дальше отъ него въ *Лѣтписи*. Поэтому онъ считаетъ нужнымъ къ двумъ

русскому, гибкость и эластичность котораго не можетъ уступить и греческому, не говоря о латинскомъ, гибкость котораго г. Гудеманъ выхваляетъ, кажется, необдуманно.

¹⁾ Ер. II, 11.

факторамъ, произведшимъ перемѣну, стилиа у Тацита, прибавить еще третій: генетическое развитіе, факторъ, который имѣлъ „свою долю“ въ произведеніи этой перемѣны. Между тѣмъ генетическое развитіе, вытекавшее изъ природныхъ свойствъ автора и усиливавшееся или ослаблявшееся обстоятельствами, не есть побочный факторъ или даже равный съ новымъ психологическимъ элементомъ и новымъ литературнымъ жанромъ, а основной, который существовалъ и до новаго психологическаго элемента, и послѣ него, и продолжалъ свое дѣйствіе до конца литературной дѣятельности Тацита. Впечатлѣнія Домиціанова правленія и переходъ къ историческимъ занятіямъ были лишь обстоятельствами, при которыхъ это генетическое развитіе совершалось.

Фактъ генетическаго развитія языка Тацита былъ, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ отмѣченъ Бѣттихеромъ въ его *Lexicon Taciteum*¹⁾, долгое время служившимъ главнымъ источникомъ детальнаго знакомства съ языкомъ Тацита, съ его составомъ, грамматикой и употребленіемъ словъ и выраженій въ разныхъ сочиненіяхъ великаго историка. Но идея этого развитія у него не была ни развита, ни разъяснена примѣрами, и потому о языкѣ Тацита продолжали толковать безъ различенія его періодовъ вплоть до Вѣльфлина²⁾, который первый далъ этому вопросу надлежащее освѣщеніе и тѣмъ открылъ очень важную точку опоры для доказательствъ принадлежности Діалога Тациту. Принципы Вѣльфлина были приняты Янсенемъ, Вейнкауфомъ и въ настоящее время составляютъ своего рода догматъ, которому подчиняются всѣ или почти всѣ³⁾ и который служитъ руководствомъ и для нашего автора.

Желая показать на примѣрѣ генетическое развитіе языка Тацита, г. Гудеманъ прежде всего отмѣчаетъ такіа слова Діалога, которыя употребляются въ *Агриколѣ* и *Германіи*, но уже не встрѣчаются потомъ въ большихъ его историческихъ сочиненіяхъ таковы: *adligo*, *ascendo*, *attinet*, употребляемое безлично, *saementum*, *citra* = *sine*, *coligo* = *computo*, *cognatio*, *in comune* = *in publicum*, *concentus*, *concito*, *confero* въ значеніи обсуждать, *offensa*, *opinari*, *positio*, *remissio* и др.

¹⁾ См. р. XI.

²⁾ *Philologus* XXV (1867) p. 92: *Schriften über den Taciteischen Stil und genetische Entwicklung desselben* (Jahresbericht).

³⁾ Исключеніе можетъ составить, напримѣръ, Шанцъ, имѣющій вообще очень странное воззрѣніе на развитіе Тацитоваго стилиа. См. *Gesch. der Römisch. Literatur*, II, p. 363.

Затѣмъ онъ указываетъ на фактъ послѣдовательнаго уменьшенія синонимъ или синонимическихъ сочетаній. Всего больше такихъ сочетаній въ Діалогѣ; въ *Агриколѣ* насчитывается 64 случая, въ *Германіи* уже только 28, и въ тоже время на оба большихъ историческихъ труда ихъ всего 50 примѣровъ, при чемъ относительная пропорція ихъ вдвое больше въ *Исторіяхъ*, чѣмъ въ *Лѣтописи*. Нѣкоторыя синонимическія сочетанія Діалога повторяются только въ тѣхъ-же *Агриколѣ* и *Германіи*, какъ: *metus ac terror, tueri et defendere, nemora et luci, ingenium ac studium, vis et potestas, vis et ardor, severitas et disciplina, remissiones lususque, consilium et auctoritas* и др. вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣчаемъ постепенное распространеніе употребленія *oratio bimembris* и *trimembris*, многочисленныя ¹⁾ примѣры котораго мы приводили въ прежней статьѣ. Этого рода *oratio amplificata* не принадлежитъ въ сущности Тациту, какъ его особенность, такъ какъ она была употребительна и у Цицерона, и послѣ него. Но г. Гудеманъ представляетъ особые ея виды, которые болѣе, чѣмъ другимъ, свойственны Тациту. Таковы:

Во-первыхъ, когда распространяемому члену періода предшествуетъ вводное предложеніе: D. 2: *purus et pressus et, in quantum satis erat; profluens*; G. 2: *immensus ultra, utque sic dixerim, adversus Oceanus*, H I, 51: *odio, metu et, ubi vires suas respexerant, auctoritate*.

Во-вторыхъ, когда распространяемая фраза есть отрицательный членъ періода, начинающееся обыкновенно *et nullus*: D. 12: *in illa casta et nullis contacta vitilis pectora*; Agr. 16: *innocens Bolanus et nullis delictis invisus*; G. 10: *candidi et nullo mortali opere contacti*; H. IV, 42: *ignotum adhuc ingenium et nullis defensionibus expertum*; Ann. II, 25: *invictos et nullis casibus superabiles Romanos*.

Въ-третьихъ, когда послѣднему члену предшествуетъ *et tantum* D. 6: *illa secretiora et tantum ipsis orantibus nota*; G. 4: *magna corpora et tantum ad impetum valida*; H. II, 45: *expeditis et tantum ad proelium egressis*. Или когда послѣднему члену предшествуетъ *et ceteri*, или *относительное мнѣстоимѣніе*, или *нарѣчіе* (*et olim, et iam pridem, et nuper, et tum primum* и др.).

Въ-четвертыхъ, когда за *sine* съ существительнымъ слѣдуютъ прилагательныя: D. 40: *sine obsequio, sine severitate, contumax, temeraria*; G. 36: *sine cupiditate, sine impotentia, quieti secretique*.

Въ-пятыхъ, когда послѣдній членъ просто распространяется: D. 6: *veteres et senes et totius orbis gratia subnixos*; Agr. 41: *vigorem*

¹⁾ См. въ прежней статьѣ декабрь, 1894, стр. 342—345.

et constantiam et *expertum belli* animum; Н. III, 14: vis et pecunia et *ruentis fortunae novissima* libido; Ann. II, 14: pila et gladios et *haerentia corpori* tegmina.

Примѣровъ начавшейся у Тацита еще въ *Dialogus de Oratoribus* и какъ бы взамѣнъ сокращенія простыхъ синонимовъ распространявшейся въ историческихъ сочиненіяхъ *oratio amplificata* можно привести очень много (Вейнкауфъ¹⁾ собралъ ихъ больше 300), но въ этомъ нѣтъ нужды: мы хотѣли только указать на то, что г. Гудеманъ вноситъ новаго или своеобразнаго въ рѣшеніе вопроса объ авторѣ *Dialogus de Oratoribus*.

На этомъ мы можемъ и остановиться, такъ какъ наша задача была поговорить объ американскомъ изданіи, произведшемъ нѣкоторое впечатлѣніе среди европейскихъ филологовъ, лишь настолько, насколько оно въ своихъ Прологоменахъ касается *вопроса* о Діалогѣ. Касаться другихъ отдѣловъ этой книги, особенно текста Діалога, въ который г. Гудеманъ вноситъ много своихъ поправокъ²⁾, или необык-

¹⁾ De Tacita Dialogi.. auctore, p. 89 слд.

²⁾ Вотъ онѣ (строки мы указываемъ по Гальму): 4 въ концѣ *eloquentiam colam solam* (по Валену), вм. *eloquentiam colam*; 5, 12 *non inveni* вм. *inveni*; 5, 28 *quae est* (по Валену) *praesidium* вм. *praesidium*; 6, 27 *quamquam quae [alia] diu seruntur et elaborantur grata* вм. *quamquam † alia diu serantur et elaborentur* Гальма, *quamquam alia diu serantur et elaborentur* Михаэлиса; 7, 12 *quid non inlustres* (по Роту) *sunt* вм. *quinam inlustriores sunt* Гальма, *qui tam illustres sint* Михаэлиса; 8, 4 *non minores esse* вм. *non minus notos esse* Гальма, *notos non minus esse* Михаэлиса; 8, 23 *quaeque et ipsis accumulare* вм. *quaeque ipsi accumulare* Гальма; 10, 4 *quando enim vel rarissimarum* вм. *quando enim rarissimarum*; 10, 21 *et mox summa* вм. *et summa*; 10, 26 *in forum et [ad causas et ad] vera proelia* вм. *in forum et ad causas et ad vera proelia*; 10, 33 *meditatus videris [aut] elegisse* вм. *meditatus videris etiam elegisse* Гальма, *meditatus videris ultro elegisse* Михаэлиса; 10, 38 *satis sit privatas causas et* вм. *satis sit privatas et*; 11, 16 *innocentia tuetur* вм. *innocentia tueor*; 12, 15 *gloria major erat* (по Раттеру), вм. *gloria major* Гальма; 12, 18 *ac Linum et* вм. *et Linum ac* Гальма, *ac Linum ac* Михаэлиса; 13, 3 *vel ad consulatus* вм. *ad consulatus*; 13, 14 *non praestant* вм. *† praestent* Гальма, *praestant...* Михаэлиса; 14, 14 *sermo ille* вм. *sermo iste*; 15, 5 *contenderes [antiquis] eoque* вм. *contenderes parem antiquis*, *eo* Гальма, *contenderes prae antiquis*, *eo* Михаэлиса; 16, 22 *ut huic* (по Валену) *utrique* вм. *ut utrique*; 17, 27 [*nam [Corvurus... duravit]*] вм. *nam. Cornimus duravit*; 18, 6 *miratus esset* вм. *imitatus esset*; 18, 18 *Porcio Catone* вм. *prae Catone*; 19, 3 *Cassium Severum...* вм. *Cassium*** Гальма, *Cassium Severum [faciunt]* Михаэлиса; 19, 12 *et narrationum* вм. *et narrationis*; 20, 2 *sunt omnia fere* вм. *sunt fere*; 20, 7 [*in]vitiatus* вм. *invitatus*; 21, 3 *de populo...* † *Canuti aut Atti* вм. *de populo Canuti aut Atti*** Гальма; 21, 6 *aut altera* вм. *et altera*; 21, 33 *in orationibus* вм. *orationibus*; 21, 40

новенно обширнаго комментарія, значило бы зайти очень далеко безъ особенной пользы для дѣла. Это имѣло бы смыслъ, если бы роскошное по виѣшности и дорогое по цѣнѣ изданіе ранняго изъ сочиненій Тацита могло получить у насъ какое-нибудь распространеніе; но ожидать этого нельзя ни въ какомъ случаѣ. Иное дѣло—вопросъ объ авторѣ Діалога и времени происхожденія сочиненія. Этотъ вопросъ стоитъ почти виѣ всякой зависимости отъ пользованія текстомъ, какъ онъ является въ томъ или другомъ изданіи, и отъ комментаріевъ, которыми этотъ текстъ сопровождается, и долго не перестанетъ быть самымъ интереснымъ пунктомъ, когда заходитъ рѣчь о Діалогѣ. Всякій вкладъ въ разрѣшеніе этого вопроса если не новыхъ данныхъ, то новыхъ комбинацій поневолѣ возбуждаетъ вниманіе и является поводомъ къ новому обсужденію дѣла.

Въ Пролегоменахъ г. Гудемана мы встрѣтились тамъ и сямъ съ новыми данными и комбинаціями. Если мы во многихъ случаяхъ находили выводы американскаго филолога слишкомъ смѣлыми или даже прямо несостоятельными, то въ общемъ, послѣ строгой провѣрки внесенныхъ въ его трактатъ данныхъ и комбинацій, у насъ все-таки остается впечатлѣніе, что чѣе бы то ни было убѣжденіе въ принадлежности Діалога Тациту найдеть для себя въ Пролегоменахъ г. Гудемана новыя точки опоры, и что положеніе противниковъ рѣшенія вопроса въ пользу Тацита стало еще болѣе колеблющимся.

В. Модестовъ.

videmus enim (по Баренсу) *quam* (по Джону) *vm. et videmus, in quantum*; 22, 16 *est et duraturus vm. et duraturus*; 22, 23 *et obsoleta vm. et olentiā*; 24, 10 *a veteribus philosophis vm. a nostris philosophis*; 25, 13 *omnium tamen concessu vm. omnium autem concessu*; 25, 14 *sic et apud nos vm. sic apud nos*; 25, 28 *livore* (по Ритгеру) *vm. livere*; 25, 33 *Aper agitare vm. agitare*; 26, 13 *frequens sicut † his... cla... et ut vm. frequens quibusdam exclamatio, ut Гальма*; 27, 7 *Apri mei vm. Apri*; 28, 16 *Aut eligebatur vm. eligebatur*; 28, 15 *in gremio vm. gremio*; 28, 23 *Augusti [matrem] vm. Augusti Гальма*; 29, 4 *erroribus[et] virides statim et teneri [rudes] animi vm. erroribus teneri statim et rudes animi Гальма, erroribus et vitiis teneri statim et rudes animi Михаэлиса*; 29, 9 *[et sui alienique contemptus]*; 30, 7 *[de curiis]... referam vm. statim dicturus prius referam Гальма*; 31, 4 *[in] iis*; 31, 7 *[ad dicendum]*; 32, 29 *[ex] rhetorum; [ex] Academiae*; 34, 21 *sic auditorium* (какъ Михаэлисъ) *vm. nec auditorium*; 34, 22 *[semper novum]*; 35, 4 *a [M] Crasso*; 35, 21 *quidquid aliud vm. quidquid*; 36, 3 *c(1)alescit vm. clarescit*; 36, 25 *qui quin vm. quin*; 36, 32 *in publicis judiciis* какъ Михаэлисъ; 37 въ концѣ *ut segura velint, periculosa extollant*; 38, 2 *aptior † extiterit*; 39, 13 *praetor indicit vm. inpatiens indicit Гальма, protinus indicit Михаэлиса*; 40, 5 *populi quoque, †*; 40, 7 *admovebant!...*; 40, 10 *vocitant vm. vocant*.

ясно понимаю, что человѣческой умъ есть твореніе Божіе и изъ превосходнѣйшихъ.

„*Сагрето*. Часто случалось мнѣ, когда я касался предмета, о которомъ идетъ теперь рѣчь, признавать, какъ велика проникаемость ума человѣческаго. И когда я отъ столькихъ удивительныхъ открытій въ искусствѣ и наукѣ обращаюсь къ себѣ и вижу, что я не только не въ состояніи открыть что-либо новое, но даже уразумѣть найденное, то прихожу въ смущеніе и отчаяніе, и готовъ признать себя несчастнымъ. Когда смотрю я, какія произведены статуи, спрашиваю себя, научусь ли когда-либо изъ куска мрамора вызвать эту прекрасную фигуру, которая въ немъ сокрыта? или какъ Микель Анжело, Рафаэль, Тиціанъ чрезъ наложеніе красокъ на полотно или стѣну изобразить цѣлое царство видимаго? Могу ли не дивиться, когда вспомню, какъ научился человѣкъ раздѣлять музыкальные интервалы установкой правилъ, помощію которыхъ становится возможнымъ прельщать слухъ? А разнообразныя инструменты! А произведенія поэтовъ, чтеніе которыхъ открываетъ намъ такія богатства изобрѣтенія и выраженія! А архитектура и мореплаваніе! Наконецъ, насколько выше всѣхъ этихъ чудныхъ изобрѣтеній поднялся гений того, кто нашелъ средство сообщать секретнѣйшія мысли другому, какъ бы далеко въ пространствѣ и времени онъ ни находился! Говорить съ находящимся въ Индіи, говорить съ тѣми, кто еще не родился и родится чрезъ тысячу, десять тысячъ лѣтъ? И съ какою легкостію! Чрезъ соединеніе нѣсколькихъ значковъ на бѣлой бумагѣ. Пусть будетъ чудо это для насъ вѣнцомъ всѣхъ чудесъ человѣка и заключеніемъ сегодняшней бесѣды!“...

Бесѣда втораго дня.

XI. *Вопросъ о движеніи земли около оси.* Когда пріятели собрались, Сагрето припоминаетъ въ краткихъ словахъ, о чемъ навазунѣ шла бесѣда. „Признаюсь, — прибавляетъ съ своей стороны Симпличіо, — я всю ночь обдумывалъ наши вчерашнія разсужденія. Нахожу въ нихъ немало прекраснаго, новаго, мѣткаго. Но я еще болѣе про-

ниися уваженіемъ къ великимъ писателямъ, особенно... Что вы качаете головой и посмѣиваетесь, синьоръ Сагрето, точно я сказалъ что-то необычайное?

„Сагрето. Я не посмѣиваюсь, но, повѣрьте, почти задыхаюсь, чтобы громко не раскохотаться. Вы напомнили мнѣ куріозный анекдотъ, котораго я былъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, свидѣтелемъ вмѣстѣ съ нѣсколькими пріятелями, которыхъ имена могъ бы назвать.

«Салватти. Хорошо, если бы вы рассказали эту исторію, а то у синьора Симпличіо можетъ остаться мысль, что это онъ заставилъ васъ смѣяться.

„Сагрето. Извольте. Однажды я былъ въ домѣ одного очень извѣстнаго въ Венеціи врача, куда многіе приходили отчасти чтобы учиться, отчасти изъ любопытства посмотреть вскрытіе трупа, производимое такимъ ученымъ и искуснымъ анатомомъ. Случилось, что въ этотъ день изслѣдовалось, откуда выходятъ нервы, чтобы рѣшить знаменитый споръ между врачами изъ школы Галена и перипатетиками. Когда анатомъ показалъ, что главный нервный стволъ выходитъ изъ мозга, распространяется чрезъ позвоночникъ и развѣтвляется по всему тѣлу, посылая лишь тонкую, какъ нить, вѣтвь къ сердцу, онъ обратился къ одному присутствовавшему дворянину, котораго зналъ за перипатетика и которому потому особенно внимательно показывалъ препаратъ, съ вопросомъ, удовлетворенъ ли онъ и убѣдился ли, что нервы выходятъ изъ мозга, а не, изъ сердца. На это нашъ философъ, подумавъ немного, возразилъ: „вы такъ все это ясно и наглядно показали, что, не будь въ текстѣ Аристотеля, въ противность тому, прямо сказано, что нервы происхожденіе имѣютъ изъ сердца, я долженъ бы былъ согласиться, что вы правы“.

„Симпличіо. Позвольте однако обратить вниманіе, что вопросъ о происхожденіи нервовъ вовсе еще не такъ окончательно рѣшенъ, какъ ныне, быть можетъ, думаютъ.

„Сагрето. Да и никогда не сдѣлается окончательно рѣшеннымъ, ибо всегда окажутся подобныя возраженія. Во всякомъ случаѣ то, что вы говорите, не дѣлаетъ отвѣта перипатетика менѣе удивив-

тельнымъ. Онъ противъ очевиднаго наблюденія приводитъ не другія какія-либо наблюденія или основанія Аристотеля, а только его авторитетъ, простое *ipse dixit*.

„*Симпличю*. Аристотель достигъ столь великаго уваженія именно чрезъ свои несокрушимыя доказательства и глубокомысленныя изслѣдованія. Надо только понимать его и не только понимать, но и настолько изучить писанія его, чтобы обозрѣвать ихъ въ полномъ, такъ чтобы каждое слово носилось постоянно предъ душою. Онъ писалъ не для толпы, не принуждалъ себя элементарнымъ образомъ располагать доказательства и перечислять ихъ по пальцамъ. Послѣдовательность у него иногда сбивчива, и онъ приводитъ иногда доказательства положенія въ главѣ, трактующей совсѣмъ объ иномъ. Требуется потому широкое обозрѣнiе цѣлаго. Надлежитъ соединять мѣста, сравнивать параграфы. Нѣтъ сомнѣнiя, что тотъ, кто обладаетъ такимъ искусствомъ, почерпнетъ изъ книгъ Аристотеля доказательства для всего познаваемаго. Въ нихъ все содержится... Если отказаться отъ Аристотеля, то кто же будетъ намъ проводникомъ въ наукѣ? Назовите другаго автора.

„*Сальвиати*. Проводникъ требуется въ странахъ неизвѣстныхъ и дивныхъ; въ открытой, ровной странѣ проводникъ нуженъ лишь слѣпому. Тому лучше оставаться дома. Кто имѣетъ глаза—тѣлесные и духовные—пусть ихъ беретъ въ проводники. При этомъ, я не говорю, что не нужно слушать Аристотеля. Я даже хвалю, когда его внимательно изучаютъ. Но я не одобряю, когда отдаютъ ему слѣпо и каждое слово его принимаютъ какъ законъ... Это злоупотребленiе, ведущее за собою вредное послѣдствiе: не заботятся убѣдиться въ строгости его доказательствъ. Развѣ не достойно посмѣянiя, когда на диспутѣ о какомъ-нибудь предметѣ, подлежащемъ доказательству, вдругъ кто-нибудь приведетъ цитату, часто относящуюся совсѣмъ къ другому предмету, и ею затыкаетъ ротъ противнику? Если вы хотите такъ продолжать въ дѣлѣ науки, то не называйтесь философами; зовитесь историками, докторами зубрениа. Кто никогда не философствуетъ, не имѣетъ права на почетный титулъ философа... Потому, синьоръ Сим-

пличію, приведите намъ ваши доказательства или аристотелевы доказательства и основанія, а не цитаты и ссылки на авторитеты. Наши изысканія имѣютъ предметомъ міръ чувствъ, а не міръ бумаги. Въ нашей вчерашней бесѣдѣ земля выведена была изъ тьмы и перемѣщена въ дальнее небо, такъ какъ мы показали, что принадлежность ея къ такъ называемымъ небеснымъ тѣламъ далеко не такое опровергнутое и побѣжденное воззрѣніе, чтобы не могло сдѣлаться жизнеспособнымъ. Теперь намъ предстоитъ разобрать, что побуждаетъ считать землю стоящей и совершенно неподвижною — говорю о землѣ, какъ цѣломъ — и какія съ другой стороны вѣроятныя соображенія говорятъ въ пользу ея подвижности и приписываютъ ей тотъ или другой родъ движенія. Такъ какъ я колеблюсь въ этомъ вопросѣ, а синьоръ Симпличію, вмѣстѣ съ Аристотелемъ, рѣшительно высказывается за неподвижность земли, то пусть онъ шагъ за шагомъ приведетъ доводы въ пользу своего мнѣнія; я выскажу возраженія и основанія съ противоположной точки зрѣнія, а синьоръ Сагредо выскажетъ намъ свои впечатлѣнія и то, какая сторона его привлекаетъ“.

Первымъ предметомъ бесѣды Сальвіати ставитъ суточное движеніе свѣтилъ и указываетъ трудности, соединенныя съ представленіемъ объ обращеніи въ двадцать четыре часа всей небесной сферы вокругъ земли. „Если принять во вниманіе, — говоритъ онъ, — громадность звѣздной сферы въ сравненіи съ малостью земнаго шара, который меньше противъ нея во много миллионъ разъ, и вообразить скорость движенія, какую она должна имѣть, чтобы совершить въ теченіе одного дня и одной ночи полный оборотъ, не могу понять, какъ кто-либо можетъ считать болѣе разумнымъ и болѣе вѣроятнымъ, что движется небесный сводъ, а земля, напротивъ, остается неподвижною“.

„Сагредо. Такъ какъ всѣ явленія, отъ этихъ движеній зависящія, объясняются совершенно одинаково, принять ли то или другое, то мнѣ кажется, что мнѣніе, которое заставляетъ всю вселенную двигаться, чтобы сохранить неподвижность земли, еще неразумнѣе, чѣмъ

если бы кто-нибудь, ставъ на куполь собора въ Венеціи съ цѣлью обозрѣть городъ и окрестности, потребовалъ, чтобы всю страну около него вращали, дабы ему не трудиться поворачивать голову“.

Сальвиати указываетъ еще цѣлый рядъ затрудненій, если допустить движеніе неба. Такъ, чѣмъ дальше отъ земли находятся движущіяся тѣла — планеты, тѣмъ ихъ движеніе медленнѣе. Юпитеръ движется медленнѣе Марса, Сатурнъ—медленнѣе Юпитера. Послѣдовательность сохранилась бы, если допустить обращеніе земли около оси, ибо, при переходѣ отъ сферы Сатурна къ сферѣ неподвижныхъ звѣздъ, послѣдней надо бы было по расчету приписать движеніе, во много тысячъ разъ медленнѣйшее. Въ случаѣ неподвижности земли послѣдовательность нарушается: вся сфера неподвижныхъ звѣздъ должна въ 24 часа совершать кругъ, а планеты имѣть два движенія, противоположно направленныя. Кромѣ того, въ случаѣ неподвижности земли скорости звѣздъ должны быть чрезвычайно различны при полюсахъ неба и при его экваторѣ. А такъ какъ звѣзды на небесномъ сводѣ медленно перемѣняютъ положеніе, то скорости эти должны измѣняться съ теченіемъ времени. Согласно справедливому правилу самого Аристотеля: „frustra fit per plura quod potest fieri per pauciora“ суточное движеніе земли должно казаться намъ вѣроятнѣе, чѣмъ движеніе вселенной за исключеніемъ земли.

„*Синредо*. Попросимъ синьора Симпличіо высказать соображенія, препятствующія, по его мнѣнію, принять новое міростроеніе.

„*Симпличіо*. Міростроеніе это вовсе не новое, а очень старое. Доказательство,—что Аристотель отвергъ его и вотъ по какимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, еслибы земля двигалась около оси, оставаясь въ центрѣ міра, или по кругу, не будучи въ центрѣ, то во всякомъ случаѣ движеніе ея необходимо должно бы быть насильственнымъ, ибо это не есть движеніе естественно землѣ свойственное. Будь оно естественное, оно принадлежало бы каждой части ея, а между тѣмъ части эти движутся по прямой линіи къ центру. А если это движеніе насильственное, противъ природы, то оно не можетъ быть вѣчнымъ, между тѣмъ міропорядокъ вѣченъ, слѣдовательно и т. д. Во-вторыхъ,

всѣ другія, по кругу движущіяся тѣла явственно отстаютъ и имѣютъ болѣе чѣмъ одно движеніе, исключая *primum mobile*. И земля бы, значить, должна имѣть двойное движеніе. А если бы это было, то звѣзды должны бы обнаружить перемѣны, какія не наблюдаются. Безъ всякой перемѣны тѣ же звѣзды восходятъ и заходятъ на тѣхъ же мѣстахъ. Въ третьихъ, движеніе какъ въ частяхъ, такъ и въ цѣломъ, направлено по природѣ къ центру міра. Потому и земля имѣетъ пребываніе въ этомъ центрѣ. Аристотель далѣе выдвигаетъ спорный вопросъ, направлено ли движеніе частей къ центру міра или къ центру земли, и приходитъ къ заключенію, что собственное стремленіе ихъ направлено къ центру міра, и только случайно къ центру земли, о чемъ мы вчера немало бесѣдовали. То же подтверждается четвертымъ аргументомъ, заимствованнымъ отъ паденія тяжелыхъ тѣлъ. Когда тѣла эти падаютъ сверху внизъ, они приходятъ вертикально къ поверхности земли и точно также вертикально брошенные вверхъ возвращаются по тому же вертикальному направленію, хотя бы брошены были на неизмѣримую высоту. Все это доказываетъ неоспоримо, что движеніе ихъ направлено къ центру земли, и она, не двигаясь, ожидаетъ ихъ и принимаетъ. Онъ упоминаетъ далѣе, что астрономы имѣютъ и другія основанія, подтверждающія воззрѣніе, что земля находится въ центрѣ міра и неподвижна. Приводитъ одно: всѣ явленія, замѣчаемыя въ движеніи звѣздъ, находятся въ согласіи съ положеніемъ земли въ центрѣ, чего не было бы, если бы она тамъ не находилась“.

XII. *Возраженія Птолемея и другихъ астрономовъ противъ движенія земли около оси.* Возраженія Птолемея, Тихо и другихъ астрономовъ Симплиціо предлагаетъ Сальвиати изложить самому, такъ какъ они ему, по всей вѣроятности, лучше и подробнѣе извѣстны.

„Сальвиати. Какъ самый сильный изъ всѣхъ аргументовъ, считается аргументъ, заимствованный отъ паденія тѣла по вертикальному направленію. Это кажется неопровержимымъ доказательствомъ неподвижности земли. Имѣй земля суточное движеніе, башня, съ вершины которой падаетъ камень, во время его паденія успѣла бы

уйти къ востоку на много сотенъ локтей. На столько и камень долженъ бы былъ, достигая земли, оказаться отдаленнымъ отъ основанія башни. Для подтвержденія приводятъ дальнѣйшій опытъ, а именно паденіе свинцовой пули съ вершины корабельной мачты. Пока корабль не движется, отмѣтимъ мѣсто паденія: оно находится при основаніи мачты. Но если пуля падаетъ во время движенія корабля, то мѣсто паденія будетъ удалено отъ прежняго на столько, на сколько въ это время успѣлъ уйти корабль. Это потому, что естественное движеніе пули, предоставленной себѣ, направлено къ центру земли. Аргументъ подтверждается и усиливается еще опытомъ съ тѣломъ, высоко брошеннымъ вверхъ, напримѣръ, ядромъ, пущеннымъ вверхъ изъ пушки, поставленной вертикально. Ядро для восхожденія и нисхожденія употребляетъ столько времени, что въ нашихъ широтахъ пушка и наблюдатель успѣваютъ пройти, вмѣстѣ съ землею, нѣсколько миль, и ядро должно упасть никакъ не вблизи отъ пушки, а на столько западнѣе, на сколько ушла земля въ это время. Прибавляютъ еще третье очень сильное доказательство, состоящее въ слѣдующемъ. Пускаютъ ядро на востокъ и потомъ подъ тѣмъ же наклономъ на западъ. Западное разстояніе выстрѣла должно быть значительно болѣе, чѣмъ восточное. Когда ядро движется на западъ, а пушка съ землею уносится на востокъ, ядро должно упасть на землю на разстояніи равномъ суммѣ двухъ движеній, именно собственнаго движенія ядра, направленнаго на западъ, и движенія на востокъ пушки, уносимой землею. Наоборотъ, при выстрѣлѣ на востокъ изъ пушки ядра надо вычесть, на сколько пушка прошла въ это время.. И при выстрѣлахъ на сѣверъ и югъ выпущенное ядро не должно бы попадать въ цѣль, на которую направлено, такъ какъ цѣль во время полета ядра перемѣщается. Никогда нельзя было бы правильно цѣлиться. Опытъ показываетъ однако противное. Значитъ, земля неподвижна.

„*Симпличіо*. Вотъ аргументы, на которые ничего нельзя возразить!

„*Сальвати*. Развѣ они для васъ новы?

„*Симпличіо*. По правдѣ, да. Только теперь вижу я, какіе прекрас-

ные опыты предлагаетъ намъ природа, чтобы облегчить познаніе истины. Какъ прекрасно одна истина согласуется съ другою и всё соединяются въ неотразимую силу“.

Сальвиати обращаетъ вниманіе на то, что Коперникъ хорошо зналъ всё эти аргументы противниковъ.

Сагрето разказываетъ, какъ онъ познакомился съ системою Коперника. „Я былъ еще очень юнъ и только-что прошелъ курсъ философіи, когда въ эту страну прибылъ одинъ сѣверный ученый изъ Ростова, Христіанъ Вурстейзенъ (Wursteisen), приверженецъ Коперниковой системы. Въ одной изъ академій онъ прочиталъ двѣ или три лекціи объ этомъ предметѣ, при большомъ стеченіи слушателей. Я не былъ, такъ какъ думалъ, что такое возрѣніе слишкомъ бессмысленно. Когда потомъ я спрашивалъ нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, всё смѣялись, исключая одного, который сказалъ мнѣ, что дѣло никакъ не подлежитъ осмѣянію. А такъ какъ я зналъ его за человѣка умнаго и осторожнаго, то сталъ жалѣть, зачѣмъ не былъ самъ. Съ тѣхъ поръ я началъ, какъ только попадался мнѣ приверженецъ Коперника, спрашивать, всегда ли онъ былъ такимъ. Не встрѣтилъ ни одного, который бы не сказалъ мнѣ, что прежде долго былъ противнаго мнѣнія и перемѣнилъ его только потому, что убѣдился доводами. Я испытывалъ, насколько знакомъ онъ съ доказательствами противниковъ, и убѣждался, что они ему вполне извѣстны... Напротивъ, сколько ни случалось мнѣ спрашивать перипатетика или птоломеевца — изъ любопытства я многихъ спрашивалъ — изучалъ ли онъ систему Коперника, постоянно находилъ, что знакомство съ нею было самое поверхностное, и ни одного не встрѣтилъ, который бы ее понималъ... Не встрѣтилъ также ни одного приверженца Аристотеля и Птолемея, который былъ бы прежде коперниканцемъ, а потомъ перешелъ къ Аристотелю.

„Сальвиати. Прежде чѣмъ пойдемъ далѣе, обращу вниманіе синьора Симпличіо, что въ нашихъ бесѣдахъ я играю роль коперниканца и до извѣстной степени надѣваю его маску. Но о томъ, какое внутреннее мое убѣжденіе подъ дѣйствіемъ аргументовъ, приво-

димыхъ мною, повидимому, въ пользу системы, прошу не судить по моимъ словамъ, пока мы находимся въ разгарѣ нашей игры. Подождите, когда сложу костюмъ. Можетъ быть, найдете меня инымъ, чѣмъ на подмосткахъ. Пойдемъ далѣе. Птоломей и его приверженцы выставляютъ еще другія наблюденія, кромѣ бросанія тѣлъ. Они касаются тѣлъ отдѣльныхъ отъ земли и долго носящихся въ воздухѣ, какъ облака и летающія птицы. Про этихъ нельзя сказать, что ихъ несетъ земля, такъ какъ они ея не касаются. Они не могутъ потому слѣдовать за землею. Еслибы она двигалась, намъ должно бы казаться, что они быстро несутся на западъ... Ничего подобнаго не замѣчается... Далѣе. Когда ѣдемъ быстро на лошади, то чувствуемъ въ лицо сильный потокъ воздуха. Какой сильный вѣтеръ долженъ бы былъ образоваться и постоянно чувствоваться нами съ востока, еслибы противъ воздуха мы были увлекаемы землею? Ничего подобнаго не чувствуется.

„Вотъ еще серьезный аргументъ, основанный на весьма опредѣлительныхъ наблюденіяхъ¹⁾. Тѣла, движущіяся круголинейно, обнаруживаютъ стремленіе удалиться отъ центра, улетѣть отъ него, разсѣваются, если движеніе быстро и тѣла не соединены крѣпко между собою. Представимъ себѣ, на примѣръ, большое колесо, приводимое въ движеніе находящимися внутри его однимъ или нѣсколькими рабочими. Такія машины употребляются для передвиженія большихъ тяжестей, каковы камни для укрѣпленій или нагруженные суда, перевозимыя по землѣ изъ одного канала въ другой. Приведемъ такое колесо въ сильнѣйшее движеніе. Его части разлетѣлись бы, если бы не были между собою связаны. Еслибы на окружности былъ камень или другое какое тяжелое тѣло, даже крѣпко привязанные, они оторвались бы и полетѣли бы въ разныхъ направленіяхъ, далеко уходя отъ колеса и, слѣдовательно, отъ центра. Двигайся земля съ своею много, много бѣльшею скоростію, какого вѣса быть, какимъ крѣпкимъ цементомъ сдерживаться должны бы были камни,

¹⁾ По замѣчанію Штрауса, этого аргумента у Птолемея не встрѣчается.

дома, города, чтобы оставаться на мѣстѣ и не быть, какъ вихремъ, унесенными къ небу. Люди и звѣри, не приврѣпленные къ землѣ, какъ могли бы противостоятъ такой силѣ? Мы видимъ однако, что не только такія, но и другія гораздо менѣе способныя къ сопротивленію вещи, какъ камешки, песчинки, листья, спокойно лежатъ на землѣ и падаютъ на нее, хотя и медленнымъ движеніемъ.

„*Салредо*. Что скажете, синьоръ Симпличіо? Находите ли вы, что синьоръ Сальвиати знаетъ птоломеевы и аристотелевы доводы и умѣетъ ихъ излагать? Думаете ли вы, что есть хотя одинъ перепатетикъ, который былъ бы въ такой же мѣрѣ знаткомъ Коперниковыхъ доказательствъ?*

Симпличіо высказываетъ, что онъ тѣмъ съ большимъ любопытствомъ желаетъ выслушать дальнѣйшія объясненія Сальвиати. „Какая возможность спорить противъ такихъ наглядныхъ фактовъ, какъ изложенные?*

1 XIII. *Физическій разборъ вопроса о движеніи тѣлъ на вращающейся землѣ*. Сальвиати приступаетъ къ разбору аргументовъ, представленныхъ противъ системы Коперника, и ослабивъ первые аргументы Аристотеля, постепенно переходитъ къ болѣе существеннымъ, физическимъ аргументамъ. Разговоръ касается вопроса о паденіи камня на землѣ и на движущемся кораблѣ.

„*Сальвиати*. Вы говорите, синьоръ Симпличіо: такъ какъ при покоящемся кораблѣ камень падаетъ къ подножію мачты, а при движущемся отъ него отстуетъ, — то наоборотъ слѣдуетъ заключить, что если камень упадетъ при подножіи, значитъ, корабль въ покоѣ, если не у подножія, — корабль въ движеніи. А такъ какъ случающееся на кораблѣ должно имѣть мѣсто и при паденіи камня съ башни, то изъ паденія его при основаніи слѣдуетъ заключить, что земля неподвижна. Таково ваше доказательство?

„*Симпличіо*. Да, и въ очень строгой формѣ, облегчающей пониманіе.

„*Сальвиати*. Но скажите теперь: что, еслибы при паденіи камня съ мачты, онъ даже при быстро движущемся кораблѣ упалъ бы совершенно на то же мѣсто, какъ при кораблѣ покоящемся, имѣли

бы тогда какую-нибудь цѣну опыты съ паденіемъ для рѣшенія вопроса, идетъ или стоитъ корабль?

„Симпличіо. Абсолютно никакой. Точно такъ, напримѣръ, по біеніямъ пульса нельзя узнать, спитъ кто-либо или бодрствуетъ, ибо пульсъ бьется одинаково и у спящаго, и у бодрствующаго.

„Сальвіати. Отлично. Подѣлали ли вы опытъ на кораблѣ?

„Симпличіо. Я не дѣлалъ, но думаю, что авторы, приводящіе его, тщательно имъ занимались. Впрочемъ, причина разницы такъ очевидна, что сомнѣнія быть не можетъ.

„Сальвіати. Что авторы, быть можетъ, приводили опытъ, не дѣлая его, тому вы сами классической примѣръ. Вы его не дѣлали и однако приводите, какъ вѣрный, по довѣрію къ ихъ словамъ. Можетъ быть точно также и они полагались на своихъ предшественниковъ, и мы не дойдемъ до такого, который бы самъ дѣлалъ опытъ. Такъ оно и есть, ибо всякій, кто его слѣдуетъ, найдетъ прямо противоположное тому, что пишутъ: убѣдится, что камень падаетъ на то же мѣсто, стоитъ ли корабль или находится въ движеніи, съ какою угодно скоростью. А такъ какъ земля и корабль должны обнаруживать одинаковое явленіе, то изъ вертикальнаго паденія камня къ основанію башни ничего нельзя заключить о движеніи или покоѣ земли.

„Симпличіо. Еслибы вы не перевели бесѣду на путь опыта, то, по мнѣнію моему, нашимъ препираніямъ конца бы не было. Вопросъ кажется мнѣ въ такой мѣрѣ недоступнымъ человѣческому разсужденію, что тутъ, безъ опыта, никто не отважится что-либо утверждать или предполагать.

„Сальвіати. Я однако отважусь... Скажите мнѣ: если вы имѣете ровную, совершенно гладкую, зеркалоподобную плоскость изъ твердаго, какъ сталь, матеріала, которая поставлена не горизонтально, но нѣсколько наклонно и на которой положенъ шаръ строго сферической изъ тяжелаго и твердаго вещества, напримѣръ, изъ бронзы,— что произойдетъ, если шаръ предоставленъ самъ себѣ? Останется ли онъ въ покоѣ?

„Симпличіо. Плоскость наклонна, говорите вы?

„Сальвиати. Да, это условіе я уже высказалъ.

„Симпличіо. Никонимъ образомъ, полагаю, въ покоѣ не останется, а конечно придетъ въ движеніе въ сторону наклона.

„Сальвиати. Обдумайте ваши слова, синьоръ Симпличіо. Я, напротивъ, убѣжденъ, что тоже останется въ покоѣ, гдѣ бы я его ни положилъ.

„Симпличіо. Ну, если вы основываетесь на такого рода доказательствахъ, то я начинаю понимать, почему приходите къ ложнымъ въ основаніяхъ заключеніямъ.

„Сальвиати. Значитъ, вы убѣждены, что шаръ самъ собою будетъ двигаться по наклону?

„Симпличіо. Вотъ вопросъ!

„Сальвиати. И вы считаете это безспорнымъ не потому, что я научилъ васъ — напротивъ, я старался васъ разубѣдить — и по свободному убѣжденію, по здравому человѣческому смыслу.

„Симпличіо. Теперь понимаю вашъ оборотъ. Вы выражаетесь такъ, чтобы, какъ говорится, приручить меня, а не потому, что сами такъ думаете.

„Сальвиати. Именно такъ. Сколько же времени и съ какою скоростью будетъ двигаться шаръ? Не забудьте, что я говорю о совершенно кругломъ шарѣ, о поверхности совершенно гладкой, чтобы исключить всякое внѣшнее и случайное препятствіе. Отвлекитесь также отъ сопротивленія, оказываемаго воздухомъ, и отъ всякаго инаго затрудненія, если такое можетъ оказаться.

„Симпличіо. Я все это очень хорошо понимаю и отвѣчаю: шаръ будетъ бесконечно продолжать движеніе, пока плоскость будетъ представлять наклонъ, и притомъ ускорительнымъ движеніемъ, ибо по природѣ своей тяжелыя тѣла *vires-acquirunt eundo*. И скорость будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ значительнѣе наклонъ.

„Сальвиати. А если бы я хотѣлъ, чтобы шаръ на этой же плоскости шелъ вверхъ, пойдеть ли онъ?

„Симпличіо. Конечно, нѣтъ, развѣ только, если насильственно двинуть его или дать ему толчокъ.

Сальвати. Ну, а если насильственно толкнуть его, какое будет движение и долго ли продолжится?

„*Симпличю.* Движение это будет замедляться, ибо оно против природы. Долго ли продлится замедление, будет зависеть от силы толчка и степени наклона.

„*Сальвати.* Таким образом вы изобразили, кажется мнѣ, движение тѣла на двухъ различныхъ плоскостяхъ. На наклонной плоскости, говорили вы, тяжелое тѣло движется внизъ ускореннымъ движениемъ и, чтобы его удерживать въ покоѣ, требуется, употребить силу; на восходящей плоскости сила, напротивъ того, требуется, чтобы гнать его вверхъ, а также, чтобы его тамъ удержать. Сообщенное ему движение, говорили вы далѣе, при этомъ постоянно ослабѣваетъ, пока не прекратится совсѣмъ. Далѣе вы утверждали еще, что въ томъ и другомъ случаѣ на движение вліяетъ покатость и отлогость плоскости: при большей покатости скорость движениа значительнѣе, чѣмъ при меньшей, а при той же силѣ данное тѣло по восходящей плоскости подыметъ тѣмъ далѣе, чѣмъ меньше наклонъ. Теперь скажите, что будетъ съ тѣмъ же тѣломъ на плоскости, которая ни внизъ не спускается, ни вверхъ не подымается.

„*Симпличю.* Позвольте немного подумать. Если нѣтъ никакого склона, то нѣтъ и естественнаго стремленія къ движению, а если нѣтъ подъема, то нѣтъ противодѣйствія движению. Значитъ, тѣло безразлично должно быть и къ тому, чтобы приходить въ движение и къ тому, чтобы противиться движению. Оно должно, кажется мнѣ, по природѣ остаться въ покоѣ.

„*Сальвати.* Таково и мое мнѣніе, предполагая, что положено оно тихо, безъ толчка. А если дать ему толчекъ въ ту или другую сторону—что будетъ?

„*Симпличю.* Не вижу никакого основанія ни къ ускоренію, ни къ замедленію, такъ какъ нѣтъ ни спуска, ни подъема.

„*Сальвати.* Хорошо. Но если нѣтъ основанія къ замедленію, то тѣмъ менѣе основанія къ полной остановкѣ. Сколько же времени будетъ тѣло продолжать двигаться?

„*Симпличіо*. Сколько хватить плоскости, не представляющей ни спуска, ни подъема.

„*Сальвати*. Если, значить, длина ея будетъ безконечна, то и движеніе будетъ безъ границъ, то-есть вѣчно. Не такъ ли?

„*Симпличіо*. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, предполагая, что тѣло изъ прочнаго матеріала.

„*Сальвати*. Это предполагается уже тѣмъ, что мы допустили устраненіе всѣхъ случайныхъ, внѣшнихъ препятствій. Разрушимость тѣла одно изъ нихъ. Скажите теперь: что думаете вы о причинѣ, по которой шаръ на наклонной плоскости движется свободно, на восходящей, напротивъ, лишь по принужденію?

„*Симпличіо*. Основаніе то, что стремленіе тяжелаго тѣла направлено, чтобы двигаться къ центру земли, но вверхъ къ окружности міра тѣло можетъ двигаться лишь по принужденію. Наклонная плоскость производитъ приближеніе къ центру, восходящая—удаленіе отъ него.

„*Сальвати*. Слѣдовательно, плоскость, ни склоняющаяся, ни поднимающаяся остается равно удаленною отъ центра. Есть ли такая поверхность въ мірѣ?

„*Симпличіо*. Есть. Такова поверхность земнаго шара, предполагая, что она совершенно гладка, а не шероховата и гориста. Далѣе, поверхность воды, когда она неподвижна и спокойна.

„*Сальвати*. Корабль, плывущій при тишинѣ, представляетъ собою тѣло, движущееся по поверхности, не восходящей и не спускающейся. Онъ стремится, слѣдовательно, при удаленіи всѣхъ случайныхъ и внѣшнихъ препятствій и сообщеніи ему начальной скорости, безостановочно продолжать равномерно двигаться.

„*Симпличіо*. Такъ должно быть, кажется мнѣ.

„*Сальвати*. А камень, находящійся на вершинѣ мачты, несомый кораблемъ, не совершаетъ ли движеніе около центра по круговой линіи, то-есть такое, какое въ немъ, если отвлечься отъ постороннихъ препятствій, неизбежно сохраняется. А движеніе это не той ли скорости, какъ движеніе корабля?

„*Симплиціо*. До сихъ поръ все такъ. Что же дальше?

„*Сальвіати*. Выводите сами послѣднее заключеніе, такъ какъ всѣ послылки вамъ извѣстны.

„*Симплиціо*. Подъ послѣднимъ заключеніемъ вы разумѣте: что камень, такъ какъ ему неистребимо сообщено движеніе, не утратитъ его, а будетъ слѣдовать за кораблемъ и потому упадетъ тамъ, гдѣ упалъ бы, если бы корабль былъ въ покоѣ. И я думаю, что такъ было бы, если бы не внѣшнія препятствія, которыя разстроиваютъ движеніе камня, послѣ того какъ онъ выпущенъ. Такихъ препятствій два: одно то, что камень—на который не дѣйствуетъ уже движущая сила весель, какъ было, когда онъ составлялъ часть корабля, находясь на мачтѣ—не будетъ импульсомъ своимъ разсѣвать воздухъ, другая—новое движеніе паденія внизъ, которое теперь должно необходимо препятствовать поступательному движенію.

„*Сальвіати*. Что касается сопротивленія воздуха, то о немъ не спорю, и если бы падающее тѣло было изъ легкаго матеріала, какъ, напримѣръ, пухъ, противодѣйствіе было бы большее, но оно исчезаетъ въ случаѣ тяжелаго камня... Что касается движенія внизъ, то ясно, что два движенія—круговое около центра и прямолинейное къ центру—не противоположны между собою, не уничтожаются взаимно и могутъ быть совмѣстно. Движущееся тѣло не имѣетъ въ себѣ никакого противодѣйствія относительно круговаго движенія: противится оно движенію, удаляющему его отъ центра. А относительно движенія къ центру тѣло имѣетъ, напротивъ, стремленіе. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что тѣло по отношенію къ движенію не производитъ ни приближенія къ центру, ни удаленія отъ него, не имѣетъ ни стремленія, ни противленія, а потому нѣтъ никакой причины къ уменьшенію сообщеннаго импульса. Тутъ не одна движущая сила, которая ослабѣвала бы отъ новаго дѣйствія, а двѣ между собою различныя: одна—тяжесть, занимающаяся тѣмъ, чтобы привлекать тѣло къ центру, и другая—сообщенное движеніе, ведущее тѣло вокругъ центра¹⁾ Нѣтъ повода, чтобы одно движеніе препятствовало другому.

¹⁾ Когда мы говоримъ о законѣ вѣсности, то, какъ основной примѣръ, при-

„Симплиціо. По видимости, доказательство ваше весьма вѣроятно; но есть крюкъ, отъ котораго трудно освободиться. Во всѣхъ заключеніяхъ вы дѣлаете предположеніе, которое не легко уступить вамъ перипатетическая школа, такъ какъ Аристотель ему противорѣчить. Вы считаете за нѣчто извѣстное и очевидное, что тѣло, освобожденное отъ двигателя, который придаетъ ему скорость, можетъ продолжать движеніе вслѣдствіе приобрѣтенной отъ двигателя силы... Перипатетическая школа допускаетъ, что брошенное тѣло несется средою, въ нашемъ случаѣ воздухомъ... Если бы камень слѣдовалъ за движеніемъ корабля, то это должно бы приписать воздуху, а не сообщенной силѣ. А вы, надо думать, принимаете, что воздухъ остается въ покоѣ, а не слѣдуетъ за кораблемъ!“

Сальвати и Сагрето легко опровергаютъ нелѣпое съ физической стороны школьное мнѣніе о томъ, что брошенное тѣло сохраняетъ движеніе чрезъ воздѣйствіе воздуха, въ которомъ летитъ. Сагрето предлагаетъ пустить стрѣлу двоякимъ образомъ: одинъ разъ какъ слѣдуетъ—положивъ на лукъ вдоль, то-есть остриемъ впередъ, другой разъ, положивъ ее на лукъ поперечно. Когда пролетитъ она болѣе длинный путь? „Ни разу не стрѣлялъ я такимъ образомъ, замѣчаетъ Симплиціо, но увѣренъ, что если пустить стрѣлу, въ такомъ извращенномъ положеніи, она не пролетитъ и двадцатой доли пути, какой проходитъ пущенная остриемъ впередъ“. Какая же тому причина? спрашиваетъ Сагрето.

„Симплиціо. Причина, кажется мнѣ, ясна. Стрѣла, летящая остриемъ впередъ, разсѣкаетъ небольшое количество воздуха, тогда какъ летя-

вовать случай шара катящагося, вслѣдствіе приданной ему скорости, но безъ граничной плоскости. Галилей, какъ можно заключить изъ предыдущаго разсужденія, полагалъ, что и на сферической поверхности шаръ, получившій начальную скорость, будетъ неопредѣленное время продолжать движеніе, не сходя съ поверхности. Въ случаѣ земли это вѣрно, ибо шаръ имѣетъ вѣсъ. Иначе сошелъ бы по касательной. Ниже, впрочемъ, гдѣ рѣчь идетъ о центробѣжной силѣ, Галилей принимаетъ въ разсмотрѣніе стремленіе къ центру, не позволяющее тѣлу удалиться, какъ мы уже замѣчали, по касательной. Но представленіе о тяжести, какъ о вѣшной тѣлу физической силѣ, еще отсутствуетъ.

щая поперегъ должна разсѣкать гораздо большее, соотвѣтствующее всей длинѣ стрѣлы.

„*Сагрето*. Летящая стрѣла должна, значить, разсѣкать воздухъ. Но если воздухъ ее несетъ и двигается съ ней, какая же можетъ быть рѣчь о разсѣченіи воздуха? Развѣ не видите, что въ этомъ случаѣ стрѣла должна двигаться съ большею скоростію, чѣмъ воздухъ? Что же сообщаетъ стрѣлѣ эту большую скорость? Неужели хотите утверждать, что воздухъ даетъ стрѣлѣ большую скорость, чѣмъ какую самъ имѣетъ? Вы видите, что дѣло происходитъ совсѣмъ наоборотъ тому, что говорить Аристотель. Столь же неосновательно видѣть въ средѣ движущую причину брошеннаго тѣла, сколько справедливо, что среда, напротивъ, сопротивляется движенію..

„*Сальвати*. Сколько замѣтилъ я утверженій у Аристотеля—говорю только о его философіи природы—которыя не только ложны, но прямо противоположны истинѣ, какъ въ настоящемъ случаѣ!..“

Сагрето останавливаетъ вниманіе на любопытномъ свойствѣ движенія брошенныхъ тѣлъ. Пусть корабль стоитъ; время паденія камня съ мачты пусть равняется двумъ ударамъ пульса. Затѣмъ пусть корабль приходитъ въ движеніе: чѣмъ быстрѣе движеніе, тѣмъ большее пространство корабль проходитъ во время двухъ ударовъ пульса. Истинная линія, проходимая въ этомъ случаѣ падающимъ камнемъ, косвенная, которая тѣмъ наклоннѣе и длиннѣе, чѣмъ быстрѣе плыветъ корабль. Но время достиженія камнемъ палубы всегда будетъ одно и то же: тѣ же два удара пульса. То же въ случаѣ ядра, пущеннаго изъ пушки, поставленной горизонтально. Ядро достигаетъ земной поверхности,—предполагая ее горизонтальной,—въ то время, какое ядро это употребило бы, чтобы достичь земли, если бы, безъ выстрѣла, вертикально падало съ высоты пушки. „Не замѣчательная ли вещь“,—прибавляетъ Сагрето,—„что въ то самое малое время, которое требуется для вертикальнаго паденія на землю съ высоты какихъ-нибудь ста локтей, ядро, силою пороха выброшенное изъ пушки, пройдетъ четыреста, тысячу, четыре тысячи, десять тысячъ

локтей,—такъ что при всѣхъ горизонтально направленныхъ выстрѣлахъ останется въ воздухѣ одинаковое время“.

„*Сальвати*. Размышленіе ваше прекрасно и ново, и если фактъ справедливъ, а въ справедливости его не сомнѣваюсь, то явленіе удивительно. Если бы не было случайнаго сопротивленія воздуха, то можно бы, одновременно съ выстрѣломъ, другое отдаленное ядро выпустить изъ рукъ такъ, чтобы оно упало вертикально,—и оба ядра достигли бы земли въ одно время, хотя одно прошло быть можетъ десять тысячъ локтей, тогда какъ другое—сто. Предполагается, что земная поверхность ровная, почему для точности опытъ удобно было бы сдѣлать гдѣ-нибудь на озерѣ. Сопротивленіе воздуха, конечно, нѣсколько замедлитъ быстрое движеніе ядра, брошеннаго силою выстрѣла.

„*Симпличю*. Я еще не свободенъ отъ нѣкотораго раздумья, быть можетъ по моей винѣ, такъ какъ я не схватываю вещи такъ легко и быстро, какъ синьоръ Сагрето. Если камень свое общее съ кораблемъ движеніе,—какое онъ имѣлъ, находясь на мачтѣ,—сохраняетъ и послѣ того какъ отдѣлился отъ корабля, то не должно ли произойти нѣчто подобное, если, находясь на лошади, выронить изъ рукъ на быстромъ скаку мячъ. Значитъ, и мячъ долженъ слѣдовать за движеніемъ лошади и не отстать отъ нея. Не думаю, однако, чтобы такъ было. Думаю, если только ѣздокъ не броситъ его впередъ по направленію движенія, мячъ упадетъ на землю тамъ, гдѣ выпущенъ изъ рукъ.

„*Сальвати*. Думаю, что вы очень ошибаетесь. Я увѣренъ, что опытъ покажетъ противное. Мячъ, достигая земли, будетъ слѣдовать за лошадыю и не отстанетъ, если движеніе происходитъ безпрепятственно на ровномъ мѣстѣ. Причина, кажется мнѣ, ясна. Если вы, не двигаясь сами, тотъ же мячъ двинете по землѣ, развѣ, по отдѣленіи отъ вашей руки, не будетъ онъ продолжать движенія? И даже тѣмъ на большее протяженіе, чѣмъ глаже поверхность, на льду, напрямѣръ, очень далеко.

„*Симпличю*. Безъ сомнѣнія такъ будетъ, если вы его бросите ру-

кою. Но мы предполагаемъ что ѣздокъ не бросаетъ, а только выпускаетъ мячъ изъ рукъ.

„Сальвати. Такъ что же? Когда вы бросаете мячъ рукой, что, какъ не сообщенное рукой движеніе, остается въ шарѣ по его отдѣленіи отъ руки? Оно въ немъ пребываетъ и продолжаетъ влечь его впередъ. Но какая же разница — сообщено ли движеніе рукою или лошадыю? Когда вы ѣдете, развѣ не движется ваша рука, а съ нею и мячъ, съ тою скоростію, какую имѣетъ лошадь? Очевидно, движется. Вамъ достаточно раскрыть руку, и мячъ начинаетъ движеніе со скоростію, сообщенною ему не отъ васъ исходящимъ движеніемъ руки, но движеніемъ самой лошади. Ея движеніе сообщено вамъ, вашей рукѣ и наконецъ мячу“...

Сальвати обращаетъ вниманіе на случай соединенія въ брошенномъ тѣлѣ поступательнаго движенія съ вращательнымъ, вслѣдствіе чего въ игрѣ съ вращающимся дискомъ (guzzola), брошенный дискъ, попавъ на землю, приобретаетъ усиленно быстрое движеніе. Сагрето, съ своей стороны описываетъ весьма любопытный опытъ.

„Представимъ себѣ вѣдущій экипажъ, съ боку котораго, на внѣшней сторонѣ, находится наклонная плоскость—доска, направленная наклономъ своимъ къ лошадямъ, а верхнюю частію къ заднимъ колесамъ. Сидящій въ экипажѣ пускаетъ по наклонной доскѣ шаръ. Шаръ покатится, и скорость его движенія будетъ прибавляться къ той, какую онъ имѣетъ вслѣдствіе движенія экипажа. Потому шаръ понесется по землѣ быстрѣе, чѣмъ экипажъ. Но если поставить наклонную доску въ обратномъ направленіи—наклонномъ отъ лошади къ заднимъ колесамъ—то можно такъ соразмѣрить движеніе экипажа, что шаръ, сбѣгая на землю, остановится неподвижно или же побѣжитъ нѣкоторое время въ противоположную отъ экипажа сторону“.

Сагрето спрашиваетъ далѣе, какой же въ дѣйствительности путь описываетъ тѣло, движущееся естественнымъ паденіемъ своимъ внизъ. Сальвати обращаетъ вниманіе, что, въ предположеніи вращенія земли, камень, падая съ башни, имѣетъ два движенія: одно прямолинейное къ центру, ускорительное; другое круговое, общее землѣ, башнѣ,

намъ, не доходящее до сознанія и для насъ какъ бы не существующее. Въ разрѣшеніе предложенной Сагрето задачи ссылается на рѣшеніе „академика“ (Галилея), автора сочиненія „De motu naturaliter accelerato“, согласно которому описываемая линія должна быть дугою круга. Сагрето развиваетъ самое рѣшеніе (основанное на не точномъ сложеніи движеній и дающее круговую линію вмѣсто параболы). Сагрето заключаетъ, что природа вообще никогда не пользуется прямолинейнымъ движеніемъ и даже рѣшенія задачи—возвратить на ихъ мѣсто части удаленныя, на главныхъ тѣлахъ мірозданія, отъ ихъ цѣлаго—достигаетъ помощію круговаго движенія. При разсужденіи о камнѣ, падающемъ съ башни на землю, ошибаются, замѣчаютъ Сальвіати, въ томъ, что начинаютъ разсужденіе такъ, какъ будто камень приходитъ въ движеніе изъ состоянія покоя, и забываютъ, что камень первоначально находится уже въ движеніи вмѣстѣ съ землею. Сагрето, помощію остроумнаго фантастическаго представленія, старается разъяснить значеніе относительнаго движенія предметовъ сравнительно съ общимъ движеніемъ ихъ совокупности. Сагрето говоритъ, что мысль пришла ему во время поѣздки изъ Венеціи въ Алеппо, куда онъ былъ назначенъ консуломъ. Представимъ себѣ, что на борту корабля былъ укрѣпленъ карандашъ, конецъ котораго во все время пути оставлялъ по себѣ въ воздухѣ слѣдъ своего движенія. Какая получилась бы линія? Такъ какъ корабль, описывая движеніемъ своимъ круговую линію, вмѣстѣ съ тѣмъ во время пути имѣлъ колебанія вверхъ, внизъ, въ бока, то получилась бы въ общемъ круговая линія съ зубчатымъ очертаніемъ. Представимъ себѣ далѣе, что карандашъ былъ во время пути въ рукахъ художника, который на положенной предъ нимъ бумагѣ рисовалъ домъ, пейзажъ, звѣрей и т. под. И такой карандашъ оставилъ бы по себѣ, вслѣдствіе истиннаго, абсолютнаго движенія, кругообразный слѣдъ съ множествомъ мелкихъ зазубринъ. Что касается живописца, онъ рисовалъ совершенно такъ, какъ еслибы корабль былъ въ покоѣ. То обстоятельство, что на самомъ дѣлѣ „отъ чрезвычайно длиннаго пути карандашъ не оставилъ другаго слѣда, кромѣ

нарисованнаго на бумагѣ изображенія, объясняется тѣмъ, что движеніе отъ Венеціи въ Александретту было общимъ бумагѣ и карандашу, какъ и всѣмъ предметамъ, находившимся на кораблѣ“.

XIV. *Указанный Галилеемъ законъ относительнаго движенія.* Послѣ разъясненія опытовъ съ пушкой, выбрасывающею ядро въ вертикальномъ направленіи или по направленію разныхъ странъ свѣта, разговоръ переходитъ къ объясненію того, какъ, несмотря на вращеніе земли, птица можетъ перелетать съ мѣста на мѣсто или держаться долгое время на одномъ мѣстѣ въ воздухѣ. Сагредо признается, что это явленіе его крайне затрудняетъ. „Эти живыя существа могутъ по произволу предаваться тысячѣ разнообразныхъ движеній, могутъ далеко отъ земли держаться въ воздухѣ, описывая разнообразныя кривыя. Какимъ образомъ при такомъ смѣшеніи движеній не утрачивается первоначальное общее движеніе... Я безъ труда понимаю, что воздухъ увлекаетъ съ собою облака, которыя по своему малому вѣсу легко подвижны, не имѣютъ стремленія къ противоположному движенію, а сами связаны земными свойствами и условіями. Но птицы, живыя существа, могущія двигаться противъ суточного вращенія—какъ онѣ, прервавъ для себя это движеніе, снова воздухомъ въ него вовлекаются, понять затрудняюсь, тѣмъ болѣе, что онѣ плотныя, тяжелыя тѣла“.

Чтобы разомъ удалить всѣ эти трудности, Сальвиати приводитъ опытъ, представляющій собою вѣнецъ всѣмъ описаннымъ.

„*Сальвиати.* Заключите себя съ какимъ-нибудь пріателемъ въ возможно просторномъ помѣщеніи подъ палубою большаго корабля и пустите туда мухъ, бабочекъ и другихъ подобныхъ маленькихъ летающихъ животныхъ. Пусть будетъ тамъ также большой сосудъ съ водою, и въ немъ рыбы. Повѣсьте также на потолокъ ведро, изъ котораго капля за каплею вытекала бы вода въ другой сосудъ съ узкимъ отверстіемъ, находящійся внизу подъ нимъ. Пока не движется корабль, наблюдайте, какъ эти летающія животныя съ равною быстротой будутъ летать во всѣ стороны комнаты. Увидите, что рыбы будутъ плавать безразлично во всѣ стороны; падающія капли будутъ

попадать всё въ подставленный сосудъ. И вы, бросая пріятелю какую-нибудь вещь, не будете принуждены употреблять большую силу для того, чтобы бросить ее въ одну сторону, чѣмъ въ другую, если только разстоянія одинаковы. Прыгая, вы будете проходить одинаковыя пространства во всё стороны, куда бы ни прыгали. Наблюдайте хорошенько за всёмъ этимъ и заставьте привести въ движеніе корабль, съ какою угодно быстротой. Если движеніе будетъ равномерно, то вы не замѣтите ни малѣйшей перемѣны во всёхъ указанныхъ дѣйствіяхъ и ни по одному изъ нихъ не въ состояніи будете судить, движется ли корабль, или стоитъ на мѣстѣ. Вы, прыгая, будете проходить по полу тѣ же самыя пространства, какъ и прежде, т. е. вы не сдѣлаете, вслѣдствіе того, что корабль движется весьма быстро, большихъ прыжковъ къ кормѣ, чѣмъ къ носу корабля, хотя въ то время, когда вы находитесь въ воздухѣ, полъ, находящійся подъ вами, бѣжитъ къ части, противоположной вашему прыжку. Бросая вещь товарищу, вамъ не нужно съ большею силою бросать ее, если онъ будетъ около носа корабля, вы же около кормы, чѣмъ наоборотъ. Капли будутъ падать, какъ прежде, въ нижній сосудъ, и ни одна не упадетъ по направленію къ кормѣ, несмотря на то, что, въ то время какъ капля находится въ воздухѣ, корабль уходитъ впередъ на нѣсколько локтей. Рыбы въ своей водѣ не съ большимъ трудомъ будутъ плавать къ одной, чѣмъ къ другой сторонѣ сосуда, и будутъ приходить съ одинаковою ловкостью къ пищѣ, положенной на какое угодно мѣсто края сосуда. Наконецъ, бабочки и мухи будутъ летать по-прежнему во всё стороны и не будутъ держаться болѣе около той стѣны, которая ближе къ кормѣ, какъ будто устали слѣдовать за быстрымъ ходомъ корабля, отъ котораго онѣ, находившись долго въ воздухѣ, какъ будто разъединены. И если зажжете нѣсколько ладона, то дымъ пойдетъ вверхъ и будетъ держаться въ видѣ облачка и безразлично двигаться въ ту или въ другую сторону. А причина того, что всё эти дѣйствія такъ соотвѣтствуютъ одно другому, заключается въ томъ, что движеніе корабля обще всему находящемуся въ немъ,— и воздуху. Для этого нужно, говорилъ я, чтобы мы находились подъ

палубой. Если бы мы были надъ нею, на открытомъ воздухѣ, который не слѣдуетъ за движеніемъ корабля, то замѣтили бы разницу, болѣе или менѣе ощутительную въ нѣкоторыхъ изъ описанныхъ явленій. Дымъ, безъ сомнѣнія, отставалъ бы, какъ и самъ воздухъ. Мухи и бабочки, встрѣчая сопротивленіе воздуха, не могли бы слѣдовать за кораблемъ, если хоть немного отъ него отдалятся. Держась совсѣмъ вблизи, онѣ могли бы еще непрепятственно и безъ напряженія слѣдовать за кораблемъ. Какъ постройка неправильной формы, корабль увлекаетъ съ собою прилежащія части воздуха. По такой же причинѣ видимъ мы иногда, какъ влекомы мухи и слѣпни слѣдуютъ за быстро идущими лошадьми, по временамъ садясь то на ту, то на другую часть тѣла. При падающихъ капляхъ разница будетъ самая незначительная, а при прыжкѣ и при бросаніи тяжелыхъ тѣлъ не будетъ никакой.

„*Сарредо*. Хотя, когда случалось находиться на морѣ, мнѣ не приходило на мысль произвести описанные опыты съ такою цѣлью, но я болѣе чѣмъ увѣренъ, что они произойдутъ именно, какъ сказано. Такъ, напримѣръ, сто разъ случалось спрашивать въ каютѣ, идетъ корабль или стоитъ? И не разъ случалось воображать, что онъ идетъ въ какую-либо сторону, тогда какъ на дѣлѣ онъ плылъ въ противоположномъ направленіи. Потому я также вполне удовлетворенъ и твердо увѣренъ, что опыты, которые должны свидѣтельствовать болѣе противъ вращенія земли, чѣмъ за него, значенія не имѣютъ. Остается ослабить еще возраженіе, основанное на опытѣ, показывающемъ, что при быстромъ вращеніи предметы, находящіеся на вращающейся машинѣ, разбрасываются и разлетаются. Потому многіе и между ними Птоломей, думали, что если земля вертится съ такою большою скоростью, то камни, звѣри должны быть разбрасываемы до звѣздъ, и никакой цементъ, какъ бы крѣпко ни связывалъ зданія съ фундаментомъ, не охранялъ бы ихъ отъ разрушенія.

„*Сальватти*. Прежде чѣмъ перейду къ опроверженію этого возраженія, не могу не сказать о наблюденіи, какое тысячу разъ дѣлалъ и которое всегда меня смѣшитъ. Оно касается впечатлѣнія, какое

всѣ почти испытываютъ, когда слышать въ первый разъ рѣчь о движеніи земли. Они считали ее до того времени прочной и недвижной, знали, что не только они, но и всѣ люди сначала ее такою почитали и что такъ было во всѣ протекшія столѣтія. При такомъ возрѣніи, они ошеломлены, когда слышать, что кто-либо приписываетъ землѣ подвижность; имъ чудится, что онъ имѣетъ такую глупую мысль: прежде земля стояла, а пришла въ движеніе съ тѣхъ поръ, какъ Пифагоръ или кто другой сказалъ, что она движется. Не удивляюсь, впрочемъ, что такая вздорная мысль находитъ мѣсто въ головахъ людей съ поверхностнымъ пониманіемъ. Такіе могутъ полагать, будто приверженцы ученія о движеніи земли думали, что земля съ ея сотворенія до времени Пифагора стояла и пришла въ движеніе съ тѣхъ поръ, какъ Пифагоръ высказалъ этотъ взглядъ. Но что Аристотель и Птоломей провинились въ такой ученической ошибкѣ, кажется мнѣ дѣйствительно удивительною и неизмѣною оправданія наивностію... Говорятъ: земля неподвижна, ибо звѣри, люди, зданія, которые теперь на ней находятся, были бы сброшены. Значитъ, принимаютъ, что земля была въ такомъ состояніи, когда возможно было пребываніе на ней звѣрей, людей и постройка зданій... Желаящему опровергать возрѣніе, согласно которому земля со времени созданія своего имѣетъ движеніе, слѣдовало бы сказать: еслибы земля съ первоначала двигалась, на ней нельзя бы было помѣстить людей, воздвигнуть зданія, основать городъ и т. д.

„*Симплиціо*... Ошибка Птолемея, объясняющаяся невниманіемъ, не приведетъ земли въ движеніе. Но оставимъ шутки и займемся первымъ доказательствомъ, которое кажется мнѣ неопровержимымъ.

Слѣдующія страницы „Диалога“ посвящены вопросу о центробѣжной силѣ. Не должно забывать, что въ механикѣ Галилея ученіе о центробѣжной силѣ (точное механическое изслѣдованіе ея принадлежитъ Гюйгенсу) было еще весьма несовершенно. Галилей зналъ, что тѣло, вращающееся по кругу,—въ случаѣ, напримѣръ, камня, вращаемаго на веревкѣ около руки или въ случаѣ пращи,—какъ скоро удалено препятствіе, не отпускающее его отъ центра: оборвалась

веревка, тѣло пущено изъ пращи—удаляется отъ круга по касательной линіи въ той точкѣ, гдѣ оно находилось въ моментъ удаленія препятствія; но опредѣленіе величины центробѣжной силы Галилею извѣстно не было.

Галилей стремится доказать, что на кругѣ большаго радіуса, гдѣ касательная линія на значительномъ протяженіи идетъ очень близко къ дугѣ, самаго меньшаго влеченія, направленнаго къ центру круга достаточно, чтобы не дать тѣлу удалиться съ окружности, хотя бы скорость движенія по кругу была очень значительна. Такъ происходятъ явленія къ землѣ, гдѣ находящіяся на поверхности тѣла стремятся къ центру. Центробѣжная сила слишкомъ незначительна, чтобы привести замѣтное дѣйствіе.

XV. *Возраженія нѣкоторыхъ новыхъ авторовъ противъ ученія Коперника.*

„Сальвати. Я не потерялъ время и слова, если мнѣ удалось и въ глазахъ синьора Симпличіо, не скажу—сдѣлать ученіе о движеніи земли вѣроятнымъ, но по крайней мѣрѣ показать, что мнѣніе приверженцевъ Коперника вовсе не такъ смѣшно и глупо, какъ полагаютъ въ толпѣ заурядныхъ ученыхъ.

„Симпличіо. Дѣйствительно, приведенныя опроверженія относительно движенія тѣла, падающаго съ башни, брошеннаго вертикально или въ сторону на востокъ, западъ, югъ или сѣверъ и т. д., уменьшили отчасти вкоренившееся во мнѣ невѣріе къ сказанному ученію. Но въ умѣ моемъ возникаютъ другія болѣе вѣскія соображенія, отъ которыхъ я безусловно не могу освободиться; думаю, не отдѣлаться и вамъ. Можетъ быть, даже они не дошли еще до вашего слуха, такъ какъ они совершенно новы. Это возраженія двухъ авторовъ, ех professoro пишущихъ противъ Коперника. Они заключаются, одни въ книжкѣ естественно-историческихъ тезисовъ ¹⁾, другія—въ сочиненіи ²⁾

¹⁾ «Disquisitiones mathematicae» Лохера (Locher), ученика іезуита Шейнера, ученаго противника Галилея.

²⁾ „De tribus novis stellis, quae annis 1572, 1600, 1604 comparuere. Caesenaе. 1628. Авторъ Chiaramonti (Scipio Claramontius).

извѣстнаго философа и вмѣстѣ съ тѣмъ математика, защищающаго Аристотеля и его мнѣніе о неизмѣнности небесъ. Онъ доказываетъ, что не только кометы, но и новыя звѣзды — появившіяся, одна въ 72 году въ созвѣздіи Кассіопеи, другая въ 604 году въ созвѣздіи Стрѣльца—никоимъ образомъ не пребываютъ по ту сторону планетныхъ сферъ, но безусловно находятся ниже лунной сферы, въ области элементныхъ тѣлъ. Онъ доказываетъ это въ противность Тихо, Кеплеру и другимъ наблюдателямъ, поражая ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ—помощію параллакса.

„Сальвати. Такъ какъ главная цѣль наша все привести въ извѣстность, что можетъ быть выставлено за и противъ относительно двухъ системъ, Птоломеевой и Коперниковой, то будетъ полезно ничего не опустить, что писано объ этомъ предметѣ“.

Симплиціо прежде всего указываетъ, что въ „Книжкѣ тезисовъ“ авторъ, вычисливъ, сколько миль проходила бы вращающаяся земля подъ экваторомъ и разными широтами въ часъ, минуту, секунду, разрѣшаетъ такую задачу: сколько времени употребило бы, чтобы достичь земли, ядро, перенесенное чудесною рукою на разстояніе лунной сферы въ зенитъ наблюдателя и тамъ выпущенное отъ рукъ. По его вычисленію оказывается, что тѣло употребило бы для этого болѣе шести дней. Вѣроятно ли, чтобы оно все это время оставалось на вертикалѣ наблюдателя и слѣдовало бы за движеніемъ земли, описывая подъ экваторомъ спиральную линію въ плоскости большаго круга, подъ другими широтами спиральную линію вкругъ конуса, подъ полюсами прямую линію?

Сальвати указываетъ несостоятельность соображеній автора и утверждаетъ, что если уже вычислять, принимая во вниманіе ускореніе движенія, время потребное для достиженія земли съ разстоянія равнаго разстоянію луны, то получилось бы три часа и двадцать минутъ.

Куриозная задача даетъ поводъ повести рѣчь о паденіи тѣлъ. Устами Сальвати Галилей сообщаетъ свои знаменитыя заключенія касательно ускореннаго движенія, а также отчасти касательно маятника (заключенія полнѣе и научнѣе развиты въ другомъ его сочиненіи).

ніи „Разговоръ о двухъ новыхъ наукахъ“. О нихъ будемъ говорить во второмъ отдѣлѣ этой части).

Авторъ „Книжки тезисовъ“ требуетъ отвѣта—какая можетъ быть внутренняя или внѣшняя причина круговаго движенія земли, и хотеть доказать, что она не можетъ быть ни внутреннею, ни внѣшнею. Симпличіо повторяетъ это за нимъ.

„Сальвиати. Я не говорилъ, что земля имѣетъ внутренній или внѣшній принципъ круговаго движенія. Я сказалъ только, что не знаю этого... Но если вашъ авторъ знаетъ помощію какого принципа приведены въ движеніе несомнѣнно движущіяся міровыя тѣла, то я утверждаю, что движущая причина земли подобна той, которая приводитъ въ движеніе Марсъ, Юпитеръ, а по его воззрѣнію также и неподвижныя звѣзды. Если онъ укажетъ мнѣ, въ чемъ состоитъ двигатель этихъ тѣлъ, то обязуюсь сказать ему, что двигаетъ землю. Даже болѣе: я дамъ ему отвѣтъ, если онъ покажетъ мнѣ, какою причиною части земли гонятся внизъ.

„Симпличіо. Причина этого явленія общеизвѣстна. Всякій знаетъ, что это тяжесть.

„Сальвиати. Вы ошибаетесь, синьоръ Симпличіо. Надо сказать: всякій знаетъ, что причину эту называютъ тяжестью. Но я спрашивалъ не объ имени, а о сущности дѣла. О сущности этой мы имѣемъ столь же мало понятія, какъ вы о сущности движущаго начала звѣздъ... Мы также мало знаемъ о принципѣ или силѣ, которая гонитъ камень внизъ, какъ и о томъ, что двигаетъ его вверхъ, когда бросающая рука его оставляетъ, или о томъ, что удерживаетъ луну на ея круговомъ пути. Для случая паденія выбрали имя тяжесть, а въ другихъ случаяхъ пользуются болѣе общими выраженіями, говоря или о впечатлѣнной силѣ или объ *intelligentia informans* или объ *intelligentia assistens*, а при множествѣ другихъ движеній употребляя въ смыслѣ причины выраженіе „природа“ ¹⁾.

¹⁾ „*Intelligentia informans*“—внутреннее начало движенія, какъ въ одушевленныхъ существахъ и по ихъ подобію въ небесныхъ тѣлахъ. „*Intelligentia assistens*“—воздѣйствіе извнѣ нѣкотораго духовнаго существа, ангела, водящаго небесное тѣло.

„*Симплиціо* Авторъ книжки не спрашиваетъ отъ васъ такъ много. Онъ хочетъ только знать, рассматриваете ли вы движущее начало какъ внутреннее или какъ внѣшнее... Если я не знаю, что такое тяжесть, вслѣдствіе которой камень движется внизъ, то я знаю все-таки, что это внутренній принципъ, ибо дѣйствуетъ самъ отъ себя, какъ скоро нѣтъ препятствій. Точно также я знаю, наоборотъ, что начало, которое движетъ его вверхъ, внѣшнее, хотя и не знаю, въ чемъ состоитъ сообщенная ему бросающимъ сила“.

Сальвиати высказывается противъ раздѣленія движенія на естественное и насильственное. Устраненіе этого различія, служившаго фундаментомъ аристотелевской механики, было исходнымъ пунктомъ новой механики. Галилей—по крайней мѣрѣ въ „Диалогѣ“—устраняетъ различіе тѣмъ, что онъ движеніе насильственное, каково движеніе брошеннаго тѣла, признаетъ такимъ же естественнымъ, какъ и то, какое въ школьной механикѣ эпохи обозначалось этимъ именемъ. Дальнѣйшій шагъ, сдѣланный послѣ Галилея, было признаніе наоборотъ всякаго движенія насильственнымъ въ томъ смыслѣ, что для приведенія тѣла въ движеніе или для измѣненія его движенія требуется дѣйствіе извнѣ, дѣйствіе силы, сообщающей движеніе тѣлу, которое само по себѣ косно. Такого понятія о косности, какъ основнымъ свойствѣ матеріи, а о силѣ, какъ физической причинѣ движенія, еще не было у Галилея.

„*Сальвиати*. Вы называете внѣшнимъ, можетъ быть даже противоположнымъ, насильственнымъ принципомъ то что гонитъ вверхъ брошенное тяжелое тѣло. Но, можетъ быть, и онъ не менѣе внутренній и естественный, какъ тотъ, который ведетъ тѣло внизъ. Во всякомъ случаѣ, внѣшнимъ и насильственнымъ его можно назвать только, пока тѣло было въ связи съ бросающимъ. Но когда отрѣшилось? Какое внѣшнее обстоятельство является тутъ двигателемъ стрѣлы или шара? Нельзя не признать, что сила, которая гонитъ тѣло вверхъ, столь же внутренняя, какъ та, которая двигаетъ его внизъ. Для меня движеніе вверхъ сообщеннаго тѣлу стремленія столько же естественно, какъ движеніе внизъ отъ тяжести“.

ственное движеніе само собою можетъ обратиться въ насильственное, когда, напримѣръ, спустившееся по наклону тѣло, продолжая двигаться, подымается вверхъ, когда качается маятникъ, спускаясь съ одной стороны и подымаясь въ другую, когда въ воображаемомъ прорытомъ сквозь землю каналѣ шаръ, пройдя чрезъ центръ, продолжаетъ движеніе до противоположной стороны и т. д.

Авторъ другой книги („О трехъ новыхъ звѣздахъ“) обвиняетъ систему Коперника въ томъ, что ею отрицается главный критерій философіи природы. „Въ случаѣ принятія мнѣнія Коперника,—цитуетъ Симпличіо,— критерій философіи природы будетъ если не совсѣмъ уничтоженъ, то сильно потрясенъ“.

„Симпличіо. Согласно этому, всѣми школами философовъ признаваемому критерію, чувства и чувственное познаніе суть наши руководители при изслѣдованіи истины. А Коперниково ученіе говоритъ, что чувства насъ грубо обманываютъ, даже когда мы наблюдаемъ явленія съ полною ясностью въ непосредственной близи, какъ въ случаѣ, когда въ прозрачномъ воздухѣ тяжелое тѣло падаетъ отвѣсно внизъ, на волосъ не отступая отъ прямой линіи. Несмотря на все это, по Копернику, зрѣніе обманываетъ насъ, и движеніе это свершается не по прямой линіи, а состоитъ изъ соединенія прямолинейнаго движенія съ круговымъ.

„Сальвиати. Да, это первый аргументъ, выставленный Аристотелемъ, Птолемеемъ и всѣми ихъ послѣдователями, съ которыми мы достаточно ознакомились и ошибочность котораго достаточно обнаружилась. Какъ мы ясно это видѣли, движеніе, общее намъ съ окружающимъ тѣломъ, для насъ какъ бы не существуетъ“.

Объясненіе свое Сальвиати пополняетъ указаніемъ интереснаго опыта.

„Сальвиати. Пусть философъ вашъ пойдетъ на корабль, потребуетъ достаточно глубокой, наполненный водою, сосудъ, приготовитъ шаръ изъ воску или другаго матеріала, такой, чтобы въ водѣ онъ падалъ очень медленно, едва, напримѣръ, на одинъ локоть въ минуту. Пусть корабль приведенъ будетъ въ быстрое движеніе, проходя бо-

лѣе, на примѣръ, ста локтей въ минуту. Пусть опуститъ шаръ въ воду и наблюдаетъ его движеніе. Онъ замѣтитъ, что шаръ упадетъ на то самое мѣсто дна сосуда, на какое упалъ бы, еслибы корабль былъ въ покоѣ. И движеніе шара будетъ отвѣсно и прямолинейно. А между тѣмъ тутъ оно несомнѣнно составлено изъ прямолинейнаго движенія внизъ и круговаго по водѣ“.

Симпличіо предлагаетъ обратить вниманіе на аргументы автора противъ движенія земли, заимствованные отъ природы вещей, *ex rebus natura*. Коперникъ придаетъ землѣ сложное, тройное движеніе. Чтобы звѣри и человѣкъ могли дѣлать разнообразныя движенія, имъ даны сочлененія. Но если возможны, какъ въ случаѣ земли, сложныя движенія безъ сочлененій, то зачѣмъ природа, не дѣлающая ничего лишняго, дала безъ нужды животнымъ члены? Но если члены для сложныхъ движеній необходимы, то земля—однородное, безчленное тѣло, такихъ движеній имѣть не можетъ. „Серьезно вы говорите, или съ ироніей?“—спрашиваетъ Сальвіати.—„Совершенно серьезно,“—отвѣчаетъ Симпличіо. Сальвіати вынужденъ разъяснить, что такъ какъ движеніе земли не есть движеніе однѣхъ ея частей относительно другихъ, а движеніе цѣлаго, то въ механизмѣ сочлененій нѣтъ надобности. Другой аргументъ нѣсколько серьезнѣе.

„Симпличіо. Тѣла одного рода согласуются между собою относительно движенія или покоя. А по ученію Коперника тѣла одного рода и чрезвычайно сходныя между собою, по отношенію къ движенію, не только различаются между собою, но и представляютъ полную противоположность. Совершенно подобныя между собою звѣзды разно относятся къ движенію: шесть планетъ идутъ по кругамъ, а солнце и всѣ неподвижныя звѣзды пребываютъ безъ движенія.

„Сальвіати. Аргументъ лишь по формѣ кажется убѣдительнымъ. Цѣпь заключеній такова. Между небесными тѣлами шесть, несомнѣнно, движутся,—это планеты; относительно остальныхъ—земли, солнца и звѣздъ—существуетъ сомнѣніе, какія движутся, какія стоятъ, земля ли, или солнце и звѣзды. Возникаетъ вопросъ: кому болѣе приличествуетъ двигаться, землѣ или солнцу и звѣздамъ. Здра-

вый смысл говорить, что движеніе должно принадлежать тому тѣлу, которое по роду и сущности сходно съ тѣлами, несомнѣнно движущимися, а покой—тѣмъ, которыя наиболѣе отличны отъ движущихся. Что сходнѣе съ планетами, солнце и звѣзды или земля? Природа даетъ тутъ указаніе помощью важнаго свойства, а именно свѣта и темноты... Имѣющія свой собственный и вѣчный блескъ по существу отличаются отъ лишенныхъ собственнаго свѣта. Земля не имѣетъ своего свѣта; солнце и звѣзды имъ обладаютъ. Шестъ планетъ также не имѣютъ собственнаго свѣта, какъ и земля. Значить, онѣ сходны съ землею и отличны отъ солнца и звѣздъ.

„*Симплиціо*. Авторъ никакъ не согласится, что шесть планетъ—суть темныя тѣла, и будетъ настаивать на противномъ или утверждать на другихъ основаніяхъ, помимо свѣта и темноты, сходство планетъ съ солнцемъ и звѣздами и несходство ихъ съ землею. Припоминаю, что въ слѣдующемъ своемъ возраженіи онъ выставляетъ полное отличіе земли отъ небесныхъ тѣлъ и пишетъ: „Гипотеза Коперника вноситъ великую путанность и разстройство въ строеніе вселенной и ея частей. Между тѣлами, согласно Аристотелю, Тихо и другимъ, неизмѣнными и неразрушимыми, которыя, по общему—въ томъ числѣ и самого Коперника—признанію, отличаются такимъ благородствомъ, такъ превосходно распредѣлены; между тѣлами, говорю я, такой чистоты, какъ Марсъ, Венера, гипотеза Коперника помѣщаетъ землю, — осадокъ всего разрушаемаго въ матеріи, и воду, и воздухъ, и всяческія ихъ смѣшенія. Насколько правильнѣе, согласнѣе съ природою и самимъ Божественнымъ Строителемъ, чтобы чистое было отдѣлено отъ нечистаго, переходящее отъ неразрушаемаго, какъ учать другія школы, помѣщающія всѣ эти нечистыя субстанціи въ тѣсномъ вмѣстилищѣ лунной сферы, тогда какъ надъ нею высятся, въ непрерывномъ рядѣ, небесныя построенія.

„*Сальвати*. Коперникова система дѣйствительно вноситъ разстройство въ міръ Аристотеля, но мы говоримъ о нашемъ истинномъ, дѣйствительномъ мірѣ. Да и Аристотель заключаетъ о неразрушимости небесныхъ тѣлъ, именно отъ ихъ движенія, которое мы под-

вергли спору. О ничтожествѣ этого риторическаго аргумента мы говорили уже достаточно. И что можетъ быть безсмысленнѣе, какъ выдѣлять землю и элементы изъ общества небесныхъ сферъ и заключать внутри лунной сферы! Развѣ это не небесная тоже сфера, да еще помѣщенная въ самой срединѣ! Какой новый способъ отдѣлять чистое отъ нечистаго, больное отъ здороваго—помѣщать зачумленныхъ въ сердцѣ города! Я всегда полагалъ, что лазареты помѣщаются по возможности далеко отъ городскаго центра. Коперникъ дивится мудрости Творца, помѣстившаго могущественный свѣточъ, долженствующій наполнять блескомъ Его храмъ,—въ срединѣ его, а не съ боку*!

Курьезный аргументъ о томъ, что земля, какъ тѣло разрушимое, не можетъ имѣть неустаннаго и вѣчнаго движенія, какъ не имѣютъ его животныя, движимыя также внутреннею силою, но требующія отдыха и успокоенія, вызываетъ ироническій отвѣтъ Сагрето. „Я, кажется, слышу,—говоритъ онъ,—Кеплера, который на подобное возраженіе отвѣтилъ, что есть звѣри, которые освобождаютъ себя отъ усталости, катаясь по лугу. Нечего, значитъ, беспокоиться, что земля устанетъ“.

Въ концѣ бесѣды Симпличіо соглашается, что нѣтъ прямыхъ доказательствъ того, что земля стоитъ; но нѣтъ также прямыхъ доказательствъ и того, что она движется.

„*Сальвиати*. Не имѣю претензіи измѣнить ваше мнѣніе и не дерзаю окончательно высказаться въ великомъ спорѣ. Мое намѣреніе—показать, что защищающіе систему Коперника не отдаются слѣпо этому мнѣнію, отлично понимаютъ и разбираютъ аргументы противниковъ и даютъ отвѣты, заслуживающіе серьезнаго вниманія“...

Пріятели расходятся, отложивъ бесѣду о движеніи земли воеругъ солнца до другаго дня.

Бесѣда третьяго дня.

XVI. *Вопросъ о движеніи земли около солнца*. На третій день бесѣду начинаютъ Сагрето и Сальвиати, поджидая запоздавшаго Симпличіо.

„*Сарредо*. Я нетерпѣливо ждалъ вашего прибытія, чтобы услышать новыя мысли касательно годичнаго движенія земнаго шара. Часы ночи казались мнѣ долги, утро тянулось, хотя я проводилъ время не въ праздности, вращая въ головѣ наши вчерашнія разсужденія. Взвѣсивая аргументы, выставляемые съ своей точки зрѣнія каждой изъ двухъ партій—Аристотеля и Птолемея съ одной стороны, Аристарха и Коперника съ другой,—я пришелъ къ заключенію, что кто бы изъ нихъ ни ошибался, ошибка простибельна. Аргументы и той и другой стороны такъ, по видимости, основательны, что могли породить убѣжденія этихъ мужей. Только мы должны оставаться при аргументахъ, выставляемыхъ этими первыми, знаменитыми писателями. Вслѣдствіе своей давности перипатетическое воззрѣніе приобрьло массу послѣдователей и приверженцевъ; другое же воззрѣніе по трудности пониманія и новости раздѣляется немногими. Среди множества первыхъ, особенно между нынѣшними послѣдователями направленія, есть немало такихъ, которые приводятъ въ подтвержденіе раздѣляемаго ими мнѣнія самыя дѣтскія, почти смѣшныя соображенія.

„*Саллівати*. То же впечатлѣніе, какъ и вы, получалъ и я, слыша аргументы, которые стыжусь повторять не за тѣмъ, чтобы щадить ихъ составителей,—ихъ имена всегда можно бы умолчать,—но чтобы не налагать пятна на родъ человѣческій. Нѣкоторые люди—не разъ случалось наблюдать—выведа послѣшныя заключенія, вобьютъ себѣ въ голову какое-нибудь утвержденіе и упорно его держатся, какъ собственнаго или какъ приобрьтеннаго отъ акредитованныхъ лицъ, такъ что искоренить его изъ ихъ головъ оказывается невозможнымъ. Доводы, какъ бы неосновательны и даже безсмысленны ни были, если кажутся подтверждающими предвзятое мнѣніе, принимаются съ одобреніемъ; возраженія, какъ бы ни были разумны и убѣдительны, принимаются не только съ неохотою, но съ раздраженіемъ и сильнѣйшимъ гнѣвомъ. Иногда осмѣливаются въ ярости прибѣгать ко всякимъ средствамъ, чтобы уничтожить и принудить къ молчанію противниковъ. Въ этомъ отношеніи я имѣю нѣкоторую опытность.

„*Сарредо*. Люди этого пошиба не выводятъ заключеній изъ посылокъ и не доказываютъ ихъ помощію аргументовъ, а оборачиваютъ, вертятъ и перевертываютъ посылки, пока не согласятъ ихъ съ своими укорененными утверженіями. Потому лучше не связываться съ такими людьми, тѣмъ болѣе, что ихъ метода не только неприятна, но и опасна. Напротивъ, мы можемъ продолжать бесѣду съ синьоромъ Симпличіо, котораго давно знаемъ за человѣка прямодушнаго, безъ фальши и коварства, и который вмѣстѣ съ тѣмъ отличный знатокъ перипатетической философіи. Я увѣренъ, что не легко найти аргументъ къ подтвержденію мнѣній Аристотеля, который былъ бы ему неизвѣстенъ. А вотъ и онъ. Какъ запыхался. А мы только-что васъ злословили, синьоръ Симпличіо.

„*Симпличіо*. Вина не на мнѣ, а на Нептунѣ. Онъ такъ удалилъ сегодня море при отливѣ, что гондола, на которой я ѣхалъ, съѣла на мель недалеко отсюда въ неуглубленномъ капалѣ, и мнѣ пришлось цѣлый часъ ждать, пока вода вернулась...“

При этомъ Симпличіо замѣтилъ, что вода ни на минуту не оставалась въ одномъ уровнѣ и, достигнувъ наибольшаго пониженія, немедля перешла къ повышенію.

Значительную долю бесѣды въ началѣ третьяго дня занялъ разборъ сочиненія Кіарамонти (*Chiaramonti*) „О трехъ новыхъ звѣздахъ“ („*De tribus novis stellis*“), о которомъ была уже рѣчь въ бесѣдѣ втораго дня. Сочиненіе имѣло цѣлью показать, что звѣзды эти суть метеоры, имѣющіе мѣсто ниже планетныхъ сферъ. Сальвіати доказываетъ неточность наблюденій, приводимыхъ авторомъ, и неосновательность его выводовъ. Подробности, въ какія входятъ бесѣдующіе, не лишены интереса для исторіи астрономіи, были бы утомительны и мало понятны современному читателю.

Бесѣда возвращается къ главному ея предмету.

„*Сальвіати*. Выскажите же, синьоръ Симпличіо, тѣ соображенія, которыя не позволяютъ вамъ допустить, что земля можетъ, подобно другимъ планетамъ, обращаться около нѣкотораго неподвижнаго центра.

„Симпличю. Первую и наибольшую трудность представляет несогласимое противорѣчіе между центральнымъ и нецентральнымъ положеніемъ. Если земля въ теченіе года движется по окружности нѣкотораго круга, а именно зодіака, то она не можетъ быть въ центрѣ этого круга. Но Аристотель, Птоломей и другіе доказали многоразличными способами, что она находится въ этомъ центрѣ.

„Сальвати. Вы заключаете совершенно правильно. Несомнѣнно, что если земля движется по нѣкоторой окружности, то она не можетъ быть въ центрѣ этой окружности. Потому намъ и предстоитъ изслѣдовать, находится ли земля въ центрѣ или нѣтъ. Я утверждаю, что она около центра движется. Вы говорите, что она стоитъ въ немъ. Но прежде надо уяснить, понимаете ли вы подъ этимъ часто употребляемымъ центромъ то же, что понимаю я. Скажите же, что собою представляетъ и гдѣ находится этотъ подразумеваемый вами центръ?

„Симпличю. Я понимаю подъ этимъ центромъ центръ вселенной, міра, сферы неподвижныхъ звѣздъ, неба.

„Сальвати. Я бы весьма основательно могъ поставить здѣсь на видъ спорный вопросъ—есть ли вообще центръ въ природѣ, ибо ни вы и никто не доказали, что міръ конеченъ и имѣетъ опредѣленную форму, а не бесконеченъ и неограниченъ. Но уступаю вамъ, что міръ шарообразенъ и имѣетъ центръ. Тогда надлежитъ изслѣдовать, земля ли находится въ этомъ центрѣ или какое другое тѣло.

„Симпличю. Что міръ конеченъ, ограниченъ, шаровиденъ—Аристотель это сто разъ доказываетъ.

„Сальвати. И всѣ эти доказательства приводятся къ одному, и то не есть доказательство. Если отнять основное положеніе, а именно движеніе вселенной, то всѣ доказательства падаютъ, ибо конечность и ограниченность вселенной обуславливаются ея движеніемъ. Но, чтобы не увеличивать число спорныхъ вопросовъ, примемъ конечность и шаровидность міра и, слѣдовательно, существованіе центра. Но такъ какъ и эта форма и существованіе центра выводятся изъ движенія, то надлежитъ это круговое движеніе сдѣлать исходною точкою для ближайшаго изслѣдованія о дѣйствительномъ положеніи

центра. Такъ приступалъ къ дѣлу и Аристотель. Онъ принялъ за центръ міра пунетъ, вокругъ котораго обращаются всѣ небесныя сферы, и въ которомъ, по его мнѣнію, стоитъ земля. Но скажите мнѣ, синьоръ Симпличіо: если бы Аристотель, вслѣдствіе очевиднѣйшихъ приобретенныхъ свѣдѣній, вынужденъ былъ отказаться отъ такого строенія міра и признать, что онъ ошибся въ томъ и другомъ изъ своихъ утвержденій, то, какъ думаете вы—призналъ ли бы онъ свою ошибку въ томъ, что помѣстилъ землю въ центрѣ, или усмотрѣлъ бы эту ошибку въ томъ, что заставилъ небесныя сферы обращаться именно вокругъ земли?

„Симпличіо. Я думаю,—будь такой случай,—перипатетики...

„Сальвіати. Я спрашиваю не о томъ, что сдѣлали бы перипатетики, а о томъ, что сдѣлалъ бы Аристотель. Что касается перипатетиковъ, я знаю что они отвѣтили бы. Они, какъ почтительные и смиренные лакеи Аристотеля, отвергли бы всѣ наблюденія и опыты въ мірѣ. Они даже не хотятъ ихъ видѣть, чтобы не быть вынужденными признать ихъ справедливость. Они сказали бы, что міръ таковъ, какъ описалъ его Аристотель, а не таковъ, какъ хочетъ природа. Если бы отнять у нихъ опору въ этомъ авторитетѣ, съ чѣмъ выступили бы они въ поле? Потому скажите мнѣ, что, по вашему мнѣнію, сдѣлалъ бы самъ Аристотель.

„Симпличіо. Сказать по правдѣ, не знаю, какое изъ двухъ указанныхъ золъ Аристотель счелъ бы за меньшее.

„Сальвіати. Не называйте зломъ то, что представляется необходимымъ. Зломъ было бы землю сдѣлать центромъ движенія небесныхъ тѣлъ. Но такъ какъ вы не знаете, въ какую сторону склонился бы Аристотель,—а я почитаю его человѣкомъ великаго ума,—то разберемъ, какой изъ выводовъ является разумнѣйшимъ, и его признаемъ за тотъ, какой былъ бы принять Аристотелемъ. Вернемся назадъ и предположимъ, согласно Аристотелю, что міръ,—о которомъ мы, за предѣломъ неподвижныхъ звѣздъ, никакого чувственнаго знанія не имѣемъ—шаровиденъ, имѣетъ круговое движеніе и потому—вслѣдствіе фигуры и движенія—обладаетъ центромъ. А такъ какъ мы кромѣ того досто-

вѣрно знаемъ, что внутри звѣздной сферы содержатся многія другія сферы, одна внутри другой, съ принадлежащими имъ движущимися по кругамъ свѣтилами, то спрашивается, какое мнѣніе болѣе разумно: должно ли принять, что эти внутреннія сферы обращаются около того же центра міра, или допустить, что центръ ихъ движенія другой, далеко отстоящій отъ перваго. Скажите, синьоръ Симпличіо, какъ вы объ этомъ думаете?

„Симпличіо. Если бы мы могли остаться при этомъ допущеніи, въ увѣренности не наткнуться на какое-либо противорѣчіе, то я счелъ бы разумнѣе принять, что всѣ части, и обнимающая и обнимаемая, движутся около одного и того же центра, а не около разныхъ.

„Сальвіати. Но если въ самомъ дѣлѣ центръ міра тождествененъ съ центромъ, около котораго обращаются небесныя тѣла, а именно планеты, то этимъ порѣшится, что не земля, а скорѣе солнце стоитъ въ центрѣ міра. Это первое, простое и общее разсужденіе предоставляетъ слѣдовательно солнцу центральное положеніе, отъ котораго земля удалена настолько, насколько, она удалена отъ солнца.

„Симпличіо. Но изъ чего вы заключаете, что не земля, а солнце— центръ планетныхъ движеній?

„Сальвіати. Это слѣдуетъ изъ наблюденій, совершенно наглядныхъ и потому самыхъ доказательныхъ. Изъ нихъ убѣдительнѣйшее, свидѣтельствующее, что земля удалена отъ этого центра, а въ немъ находится солнце, есть тотъ фактъ, что планеты то приближаются къ землѣ, то удаляются отъ нея, и разница разстояній весьма значительна. Венера, на примѣръ, при наибольшемъ ея удаленіи въ шесть разъ дальше отъ насъ, чѣмъ когда находится на ближайшемъ разстояніи. Марсъ въ первомъ случаѣ находится въ восемь разъ дальше, чѣмъ во второмъ. вмѣстѣ съ тѣмъ вы видите, насколько ошибался Аристотель, когда считалъ разстоянія ихъ отъ насъ неизмѣнными.

„Симпличіо. Но въ чемъ же признакъ, что движенія планетъ происходятъ именно около солнца?

„Сальвіати. Относительно трехъ верхнихъ планетъ: Марса, Юпитера и Сатурна, это слѣдуетъ изъ того, что онѣ въ ближайшемъ

разстояніи отъ земли находятся, будучи въ противоположеніи съ солнцемъ, а въ дальнѣйшемъ, будучи съ нимъ въ соединеніи. Эти приближенія и удаленія настолько значительны, что Марсъ при приближеніи къ землѣ кажется въ 60 разъ болѣе, чѣмъ когда удаленъ. Движеніе около солнца Меркурія и Венеры слѣдуетъ изъ того, что они никогда далеко отъ него не удаляются и бывають то передъ нимъ, то сзади его, какъ это необходимо явствуетъ изъ перемѣнъ въ фазахъ Венеры. Что касается луны, то изъ основаній, которыя разовьемъ потомъ подробнѣе, слѣдуетъ, что ее никоимъ образомъ нельзя отдѣлить отъ земли. Тѣмъ не менѣе и она обращается вокругъ солнца, сопровождая землю въ ея годичномъ движеніи...

„Симпличіо. Все это построеніе мнѣ не совсѣмъ понятно. Не лучше ли сдѣлать небольшой рисунокъ, уясняющій дѣло. Тогда легко было бы соображать.

„Сальвіати. Очень хорошо. И для большаго удовлетворенія и удивленія потрудитесь сами сдѣлать чертежъ, какъ вы понимаете изложенное—хотя и говорите, что не понимаете. Изображайте въ отвѣтъ на мои вопросы. Возьмемъ лишь бумагу и циркуль. Пусть эта бумага представляетъ необозримое протяженіе вселенной...”

Изобразивъ землю и солнце точками, Симпличіо, слѣдя за указаніями Сальвіати, наноситъ на бумагу положеніе планетъ согласно системѣ Коперника.

„Сальвіати. Что же теперь остается намъ сдѣлать съ неподвижными звѣздами? Должны ли мы вообразить ихъ разсѣянными въ неизмѣримыхъ глубинахъ вселенной на различныхъ разстояніяхъ отъ каждаго произвольно взятаго пункта, или распредѣленными на сферической поверхности, имѣющей центръ, отъ котораго всѣ онѣ одинаково удалены?

„Симпличіо. Я бы предложилъ средній путь. Пусть звѣзды находятся между двумя сферическими поверхностями, одною дальней вогнутою, другою, болѣе къ намъ близкой, по отношенію къ звѣздамъ—выпуклой. Между этими двумя сферами звѣзды, въ безчисленномъ множествѣ, разсѣяны различнымъ образомъ. Совокупность этихъ

сферу можно назвать сферою вселенной. Внутри ея находятся сферы планетъ“.

Галилей, какъ не трудно догадаться, раздѣлялъ относительно звѣзднаго неба ученіе Бруно, дополнившее систему Коперника, и согласно которому звѣзды, представляющія собою каждая отдѣльное солнце, разбѣяны въ безграничномъ пространствѣ вселенной, не образуя какой-либо совокупности, которую можно было наименовать сферою неподвижныхъ звѣздъ (такую сферу допускалъ Коперникъ). Ученіе это не только лишало землю центральнаго значенія во вселенной, но и всю солнечную систему помѣщало въ пространствѣ, какъ небольшой островокъ въ безбрежномъ океанѣ вселенной, гдѣ такихъ островковъ безчисленное множество. Понятіе о небѣ, какъ о чемъ-то опредѣленно ограничивающемъ матеріальный міръ, уничтожалось въ понятіи о безграничномъ пространствѣ. Такое ученіе было строго осуждено, какъ одно изъ заблужденій Бруно, возведшихъ его на костеръ. Понятна осторожность, съ какою Галилей касался вопроса, ограничиваясь намеками.

„*Salviamti*. Итакъ мы расположили небесныя тѣла въ точности по системѣ Коперника, и вы сдѣлали это собственною рукою. Далѣе, мы всѣмъ имъ приписали движеніе, исключая солнца, земли и неподвижныхъ звѣздъ... Остается относительно ихъ дать рѣшеніе по тремъ пунктамъ. Пункты эти: покой, повидимому, принадлежащій землѣ, годичное движеніе, въ поясѣ зодіака совершаемое, повидимому, солнцемъ, и суточное движеніе сферы звѣздъ, отъ которой оно сообщается всему міру, исключая земли. Но если вѣрно, что пути планетъ, — Меркурія, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна — имѣютъ центромъ солнце, то настолько же основательнѣе приписать покой солнцу, а не землѣ, насколько правильнѣе приписать неподвижность центру вращающихся сферъ, чѣмъ другому какому-либо мѣсту, отличному отъ этого центра. Къ тому же землѣ, помѣщенной между Венерою, обращающеюся въ девять мѣсяцевъ, и Марсомъ, свершающимъ оборотъ въ два года, очень подходяще имѣть обращеніе, продолжающееся годъ, предоставивъ покой солнцу. Если же такъ, то

необходимо, чтобы земля имѣла и суточное обращеніе. Ибо если бы солнце было въ покоѣ, земля же имѣла бы только годичное движеніе около него, то нашъ годъ состоялъ бы только изъ одного дня и одной ночи—по шести мѣсяцевъ тотъ и другая. Вы видите, какъ прекрасно облегчается вселенная отъ безмѣрно быстрого двадцати-четыре-часоваго движенія, а звѣздамъ,—которыя суть такія же солнца—и самому солнцу предоставляется наслаждаться вѣчнымъ покоемъ. И съ какой крайней легкостію дается этотъ первый очеркъ основаній, способныхъ объяснить величественныя явленія, представляемыя небесными тѣлами.

„*Сагрето*. Это такъ. Но если эта простота имѣетъ большой вѣсъ, какъ аргументъ вѣроятности въ пользу системы Коперника, то наоборотъ не можетъ ли кто-либо вывести изъ нея совсѣмъ обратное заключеніе. Не должно ли ему показаться страннымъ, что это древнее пифагорейское воззрѣніе, такъ подходящее къ объясненію явленій, въ теченіе тысячелѣтій такъ мало нашло приверженцевъ, отвергнуто Аристотелемъ и даже послѣ Коперника терпитъ ту же участь.

„*Сальвати*. Если бы вы, синьоръ Сагрето, хоть разъ пережили то, что неоднократно испыталъ я, и послушали, въ какой мѣрѣ бессмысленный вздоръ можетъ сдѣлать людей упорными и недоступными аргументамъ, такъ что и слышать не хотятъ о новыхъ воззрѣніяхъ, не только что ихъ одобрить,—то полагаю, вы не удивлялись бы малому числу примыкающихъ къ этимъ воззрѣніямъ. Но думаю, мы не должны считаться съ мнѣніемъ людей, держащихся вѣры въ неподвижность земли на основаніи того факта—кажущагося имъ серьезнымъ аргументомъ,— что они не могутъ сегодня пообѣдать въ Константинополѣ, а поужинать въ Японіи; людей, которые убѣждены, что земля не можетъ же подниматься вверхъ выше солнца, чтобы оттуда головой внизъ валиться въ глубину. На такихъ—а число ихъ легіонъ,—нечего обращать вниманіе и подводить итоги ихъ глупости. Нечего пропагандировать тончайшія и труднѣйшія изысканія между людьми, которые суть люди лишь по роду, а не по видовымъ при-

знакамъ ¹⁾. Что могутъ сдѣлать всевозможныя въ мѣрѣ доказательства въ головахъ, которыя собственнымъ усиліемъ не въ состояніи сознать своихъ грубыхъ заблужденій. Во мнѣ изумленіе вызываетъ нѣчто совсѣмъ иное. Вы удивляетесь тому, что Пифагорово ученіе нашло такъ мало приверженцевъ, а я удивляюсь, какъ эти немногіе могли къ нему пристать. Не могу достаточно надивиться тѣмъ, которые приняли это ученіе, дѣлая насиліе надъ собственными чувствами и поднявшись, вопреки запретамъ разсудка, надъ ихъ очевидными противоположеніями. Мы видѣли, какіе вѣскіе аргументы имѣются противъ суточного движенія земли. Уже то обстоятельство, что они признаны приверженцами Птолемея, школою Аристотеля и всѣми его послѣдователями,—есть внушительное свидѣтельство ихъ значительности. А то, что приводятъ противъ годичнаго движенія, поставляютъ на видъ такія противорѣчія съ этимъ ученіемъ, что, повторяю, изумленіе мое не имѣетъ предѣловъ, когда подумаю, какъ могъ умъ Аристарха и Коперника въ такой мѣрѣ побѣдить чувства, что восторжествовалъ надъ довѣріемъ къ ихъ показаніямъ“...

XVII. *Подтвержденія Коперниковой системы, доставленныя наблюденіями помощію телескопа.* Искусно подготовивъ почву, Сальвіати переходитъ къ указанію явленій, находящихся повидимому въ неподвижномъ противорѣчій съ системою Коперника, но на самомъ дѣлѣ обращающихся въ блистательное ея подтвержденіе, благодаря открытіямъ, сдѣланнымъ при помощи зрительной трубы. Выше онъ говорилъ объ измѣненіяхъ видимой величины Венеры и Марса, какъ о фактѣ согласномъ съ наблюденіями, умолчавъ, что наблюденія, дѣлаемыя простымъ глазомъ, находятся, повидимому, въ прямомъ противорѣчій съ заключеніемъ теоріи. Теперь онъ обращается къ этимъ явленіямъ.

„Сальвіати. Мы набросали очеркъ Коперниковой системы. Но

¹⁾ Человѣкъ — animal mortale, rationale: животное смертное, разумное. Animal, животное — есть genus, родъ; mortale, rationale—differentia specifica, видовыя различія. Если ихъ отнять, останется—животное. Это и хочетъ сказать Сальвіати.

противъ справедливости ея выступаетъ прежде всего самъ богъ войны, Марсъ. Если принять, что разстояніе Марса отъ земли дѣйствительно измѣняется такъ, какъ требуетъ система, а именно, что разница между наибольшимъ и наименьшимъ его разстояніемъ отъ земли равняется двойному разстоянію земли отъ солнца, то дискъ его необходимо долженъ казаться при ближайшемъ разстояніи въ 60 разъ болѣе чѣмъ при дальнѣйшемъ. И однако такого различія видимой величины не наблюдается. При противоположеніи, когда Марсъ всего ближе къ землѣ, онъ едва въ пять-шесть разъ кажется больше, чѣмъ при соединеніи, когда онъ постепенно исчезаетъ въ лучахъ солнца. Еще большую трудность представляетъ Венера... Если тѣло Венеры также темно, какъ тѣло луны, и освѣщается, подобно лунѣ, лишь лучами солнца, то, будучи вблизи солнца, она должна казаться въ видѣ серпа, какъ представляется луна, будучи вблизи солнца. Но этого мы не замѣчаемъ. Потому Коперникъ высказался въ пользу того, что она самосвѣтяща или такъ проницаема для лучей солнца, что они пропитываютъ ее во всю глубину, и она является въ полномъ освѣщеніи. Такимъ способомъ Коперникъ старался объяснить отсутствіе ея фазъ. Объ измѣненіи кажущейся величины Венеры онъ не говоритъ ничего, а о Марсѣ много менѣе, чѣмъ слѣдовало бы, вѣроятно потому, что не могъ найти удовлетворительнаго объясненія явленію, столь несогласному съ его ученіемъ. Тѣмъ не менѣе убѣжденный другими многочисленными доказательствами, онъ не оставилъ его и продолжалъ считать истиннымъ. Но есть и кромѣ того возраженія. Допускать, что всѣ планеты и земля обращаются около солнца, какъ центра, и что только луна составляетъ исключеніе—имѣя особое движеніе вокругъ земли, а вмѣстѣ съ нею и всю элементную сферой обращаясь вокругъ солнца,—не значитъ ли въ такой мѣрѣ нарушать общій порядокъ, что допущеніе кажется невѣроятнымъ. Вотъ затрудненія, заставляющія меня удивляться, какъ Аристархъ и Коперникъ, которые, конечно, ихъ не проглядѣли, могли держаться,—въ силу другихъ удивительно согласныхъ фактовъ,—того, что диктовалъ имъ разумъ, и утверждать, что строеніе міра не

можетъ быть инымъ, какъ указанное ими. Есть и другія заслуживающія вниманіе возраженія, которыя не легко устранить посредственнымъ умомъ, но которыя Коперникъ проникъ и разъяснилъ. Къ нимъ еще вернемся. Что касается приведенныхъ трехъ труднѣйшихъ, то я утверждаю, что два первыхъ не только не противорѣчатъ Коперниковой системѣ, но несомнѣнно чрезвычайно говорятъ въ ея пользу. Марсъ и Венера дѣйствительно обнаруживаютъ указанные различія видимой величины. Венера дѣйствительно кажется серпомъ предъ солнцемъ и обнаруживаетъ фазы какъ луна.

„*Сагрето*. Какъ же было это неизвѣстно Копернику, когда вы это знаете?

„*Сальвати*. Эти вещи можно наблюдать лишь помощію чувства зрѣнія, а чувство это дано природою человѣку не въ такомъ совершенствѣ, чтобы сдѣлать доступными наблюденію такія различія. Орудіе зрѣнія само полагаетъ препятствіе наблюдателю. Но послѣ того какъ въ наши дни Богу угодно было даровать людямъ удивительное открытіе, которое позволяетъ увеличить остроту зрѣнія въ четыре, шесть, десять, двадцать, тридцать, сорокъ разъ, безконечное множество вещей, бывшихъ невидимыми по отдаленности или малости, при помощи зрительной трубы, сдѣлались доступны зрѣнію.

„*Сагрето*. Но Венера и Марсъ не принадлежать къ числу предметовъ, не видимыхъ по причинѣ отдаленія или малости. Мы видимъ ихъ простымъ глазомъ. Почему же не замѣчаемъ измѣненій ихъ величины и вида?

„*Сальвати*. Здѣсь отъ самого глаза происходитъ затрудненіе, какъ я сказалъ. Блестящій далеко стоящій предметъ представляется намъ не въ простомъ и рѣзкомъ очертаніи: глазъ даетъ намъ изображеніе, окруженное вѣнцомъ лучей. Эти-то привходящіе чуждые лучи такъ длинны и густы, что собственно ядро кажется намъ въ десять, 20, 100, 1.000 разъ больше, чѣмъ казалося бы, еслибы удалить этотъ вѣнецъ лучей“.

Сагрето припоминаетъ, что онъ что-то читалъ объ этомъ въ „*Saggiatore*“, „нашего общаго друга“.

„*Симплиціо*. Для меня по-истинѣ ново все высказанное вами, синьоръ Сальвиати. Сказать откровенно, у меня не было охоты читать подобныя книги, и я не имѣю большого довѣрія къ недавно введенной зрительной трубѣ. Слѣдуя по стопамъ моихъ коллегъ, другихъ философовъ-перипатетиковъ, я считалъ стекла трубы доставляющими обманныя изображенія, хотя иные и считаютъ показываемое ими за удивительныя откритія. Если я ошибался, мнѣ пріятно получить наученіе относительно моей ошибки. То новое, что услышалъ отъ васъ, меня привлекаетъ, и я съ особымъ вниманіемъ буду слушать ваши дальнѣйшія объясненія.

„*Сальвиати*. Высокое мнѣніе о своей мудрости людей этого класса столь же мало основательно, какъ ихъ пренебреженіе къ способности сужденія другихъ. Довольно сказать, что они воображаютъ, будто могутъ лучше судить объ инструментѣ, къ которому не прикасались, чѣмъ люди, которые сдѣлали съ нимъ тысячи наблюденій и ежедневно продолжаютъ дѣлать. Но не будемъ говорить объ этомъ крѣпкоголовомъ людѣ—относиться къ нему критически было бы слишкомъ большою для него честью“.

Сальвиати указываетъ на зрительную трубу, какъ на лучшее средство устранить описанную иррадіацію. Въ зрительную трубу планеты представляются, какъ правильные диски. Наблюденія помощію этого инструмента, приводитъ онъ, оправдали заключенія, вытекающія изъ системы Коперника.

„*Сарредо*. О, Николай Коперникъ! какъ обрадовался бы ты, видя, какъ подтверждена этими ясными фактами твоя истина!

„*Сальвиати*. Но и насколько меньше была бы его духовная доблесть въ глазахъ людей, понимающихъ дѣло!... Теперь намъ остается устранить то, повидимому, столь невыгодное для системы Коперника обстоятельство, что тогда какъ всѣ остальные планеты движутся вокругъ солнца каждая отдѣльно, земля идетъ, сопровождаемая, въ годичномъ движеніи, спутникомъ и всею элементною сферою, причѣмъ спутникъ ежемѣсячно обращается вокругъ нея. Здѣсь надлежитъ громко высказать удивленіе проницательности Коперника и только

пожалѣть, что онъ не живетъ въ нашъ вѣкъ, когда устранена эта кажущаяся несообразность общаго движенія земли и луны; когда въ Юпитерѣ мы научились видѣть какъ бы другую землю, сопровождаемую не одною, а четырьмя лунами и обходящую солнце въ 12 лѣтъ со всѣмъ, что можетъ заключаться внутри пути четырехъ звѣздъ Медичи.

„*Сарредо*. На какомъ основаніи называете вы спутниковъ Юпитера лунами?

„*Сальвиати*. Такими кажутся они для наблюдателя съ Юпитера, ибо они, также какъ луна, темны и заимствуютъ свѣтъ отъ солнца и также затмеваются, когда входятъ въ тѣнь Юпитера“.

Сальвиати обращаетъ далѣе вниманіе собесѣдниковъ на ту сложность движеній по эпицикламъ, къ какой должны были прибѣгать Птоломей и его послѣдователи, чтобы объяснить видимыя движенія планетъ по небесному своду, сопровождающіяся остановками и временными возвратными движеніями.

„*Сарредо*. Я очень бы желалъ поближе узнать, какъ по Коперниковой системѣ происходятъ эти остановки, и это то возвратное, то поступательное движеніе, всегда казавшееся мнѣ чѣмъ-то невѣроятнымъ“.

Сальвиати помощію чертежа показываетъ, какъ всѣ явленія эти легко объясняются изъ совокупности движеній планеты и земли, свершающихся каждое безъ остановокъ и возвратовъ. Наблюдатель съ земли пролагаетъ планету на видимый небесный сводъ помощію луча зрѣнія, проведеннаго отъ его глаза къ планетѣ и продолженнаго до небеснаго свода. Лучъ этотъ измѣняетъ направленіе вслѣдствіе перемѣщенія какъ планеты, такъ и земли. Такимъ образомъ явленіе представившее столько трудностей для системы Птолемея, по системѣ Коперника объясняется съ чрезвычайною простотою.

Наконецъ, прибавляетъ Сальвиати, само солнце пожелало, кажется, дать свидѣтельство въ пользу ученія о движеніи земли. Вотъ въ чемъ состоитъ это новое замѣчательное чудо. Дѣло идетъ о пятнахъ, замѣчаемыхъ въ зрительную трубу на солнечномъ дискѣ. „Первый,

кто открылъ пятна на солнцѣ, былъ нашъ другъ, академикъ dei Lincei. Онъ замѣтилъ пятна въ 1610 году, когда былъ профессоромъ въ Пизѣ. Тамъ и въ Венеціи онъ сообщилъ объ этомъ многимъ и нынѣ находящимся въ живыхъ. Черезъ годъ онъ показывалъ ихъ въ Римѣ, какъ сообщалъ въ свое время въ письмѣ къ Марку Вельзеру (Marc Velsler)⁴. Сальвиати входитъ въ подробности относительно движенія наблюдаемыхъ пятенъ и доказываетъ, что всё представляемая имъ явленія объясняются, если допустить движеніе солнца около оси и обращеніе вмѣстѣ съ тѣмъ земли около этого свѣтила.

Сагрело предлагаетъ возвратиться къ разбору книжки о тезисахъ („Disquisit. mathem.“, ученика Шейнера Лохера), которую Симпличіо опять привезъ съ собою.

„Симпличіо. Описавъ Коперниково строеніе міра, авторъ начинаетъ свои возраженія противъ годичнаго движенія земли. Начинаетъ иронически, осмѣивая Коперника и его приверженцевъ. Согласно такому фантастическому построенію, пишетъ онъ, утверждаются очевидныя нелѣпости: что солнце, Венера, Меркурій находятся подъ землею, что тяжелыя тѣла по природѣ движутся вверхъ, легкія внизъ; что Христось, нашъ Господь Спаситель, восходилъ въ адъ и спускался на небо; что по слову Іисуса Навина—да станеть солнце, остановилась земля или солнце пошло въ другую съ нею сторону; что когда солнце стоитъ въ созвѣдіи Рака, земля бѣжитъ къ Козерогу; что зимніе знаки зодіака производятъ лѣто, лѣтніе зиму; что не звѣзды восходятъ и заходятъ для земли, а земля для звѣздъ; что востокъ начинается на западѣ, западъ на востокѣ. Словомъ, вся вселенная пошла заднимъ ходомъ.

„Сальвиати. Согласно допустить всякія возраженія, кромѣ того, чтобы мѣста священнаго писанія, требующія почитанія, смѣшивались съ шутовскими и дѣтскими замѣчаніями. Составитель хочетъ поразить противниковъ священными вещами, съ своей стороны выставляя смѣхотворные аргументы, ничего не опровергающіе, и самымъ безцеремоннымъ образомъ обращаясь съ гипотезами или предположеніями.

„Симпличіо. Дѣйствительно, и на меня это производитъ не хоро-

шее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что онъ сейчасъ же прибавляетъ: хотя коперниканцы на эти возраженія сумѣли дать отвѣты, правда, странные, но что-то скажутъ на слѣдующія возраженія.

„*Сальвіати*. Это еще хуже. Отсюда слѣдовало бы, что есть возраженія болѣе сильныя и внушительныя, чѣмъ авторитетъ священнаго писанія. Но я просилъ бы, заплативъ дань благоговѣнію писанію, обратиться къ соображеніямъ человѣческаго разума.

„*Симпличіо*. Авторъ весьма точными вычисленіями доказываетъ, что если принять систему Коперника, то, какъ слѣдуетъ изъ его собственныхъ словъ, годичный путь земли долженъ быть исчезающе малъ сравнительно съ громадностію сферы неподвижныхъ звѣздъ; что звѣзды должны быть на такомъ невообразимо громадномъ отъ насъ разстояніи, что малѣйшая изъ нихъ должна быть больше всей земной орбиты, а значительнѣйшія больше орбиты Сатурна, величины которыхъ ни понять, ни вообразить себѣ нельзя“.

Сальвіати поясняетъ, что заключеніе это основано на невѣрномъ сужденіи о видимой величинѣ звѣздъ и на дурно понятыхъ словахъ Коперника. Коперникъ говорилъ о кажущемся перемѣщеніи звѣздъ на небесномъ сводѣ вслѣдствіе перемѣщенія самой земли вокругъ солнца (параллаксъ). Незамѣтность такого перемѣщенія звѣздъ и есть свидѣтельство громадности ихъ разстояній отъ земли и отъ всей солнечной системы.

XVIII. *Опытъ Галилея надъ опредѣленіемъ видимой величины предметовъ*. Преувеличенное понятіе о томъ, какую величину должны имѣть звѣзды, чтобы, при такихъ громадныхъ разстояніяхъ, оставаться видимыми подъ углами зрѣнія той величины, какую даютъ наблюденія, происходило отъ крайней неточности этихъ наблюденій. Астрономы эпохи и самъ Тихо приписывали звѣздамъ первой величины угловую величину въ двѣ, даже три минуты. Зрительная труба разсѣяла ошибку. Да и помощью наблюденій простымъ глазомъ, прибавляетъ Сальвіати, можно обнаружить, что видимый діаметръ звѣздъ даже первой величины никакъ не болѣе пяти секундъ. Устами Сальвіати Галилей описываетъ способъ, какимъ производилъ опытъ.

Способъ основанъ на загоразиваніи предмета, видимый діаметръ котораго имѣется въ виду опредѣлить, другимъ предметомъ, угловая величина котораго подлежитъ непосредственному измѣренію.

„*Сальвиати*. Я вѣшаю предъ какою нибудь звѣздой шнуръ. Я пользовался звѣздой Вега въ созвѣздіи Лиры, восходящею между сѣверомъ и сѣверо-востокомъ. Приближаясь къ шнуру, висащему между мною и звѣздой и удаляясь отъ него, я находилъ мѣсто, съ котораго ширина шнура точно прикрывала звѣзду. Затѣмъ я измѣрялъ разстояніе глаза отъ шнура, равное длинѣ сторонъ угла зрѣнія, опирающагося на ширину шнура какъ на противоположащую сторону. Этотъ уголь подобенъ, или лучше сказать, равенъ углу зрѣнія, упирающемуся на діаметръ звѣзды на небесномъ сводѣ. Изъ отношенія ширины шнура къ разстоянію между шнуромъ и глазомъ я нашелъ попомощію таблицъ величину угла. Пользуясь предосторожностями, обычными при опредѣленіи малыхъ угловъ, надлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить точку схождения лучей зрѣнія не въ центрѣ глаза, куда они достигаютъ преломленными, а внѣ глаза, тамъ, гдѣ они дѣйствительно сходятся въ зависимости отъ ширины зрачка ¹⁾).

„*Сагрето*. Понимаю предосторожность, хотя и не безъ нѣкотораго недоумѣнія. Но наибольшее затрудненіе возбуждаетъ во мнѣ то обстоятельство, что при этомъ опытѣ, если производить его въ темную ночь, мѣряется діаметръ диска звѣзды вмѣстѣ съ окружающимъ его вѣнцомъ лучей, а не самый дискъ звѣзды.

„*Сальвиати*. О нѣтъ. Шнуръ какъ только закроетъ самое тѣло звѣзды, лишаетъ ее вѣнца, такъ какъ вѣнецъ происходитъ не отъ нея, а отъ нашего глаза и исчезаетъ, какъ только загорожень дѣй-

¹⁾ Въ подлинникѣ: „Usando pero la solita cautela che si osserva nel prendere angoli cosi acuti, di non formare il concorso de raggi visuali nel centro dell'occhio, dove non vanno se non refratti, ma oltre all'occhio, dove realmente la grandezza della pupilla gli manda a concorrere“. Штраусъ (переводчикъ „Диалога“ на нѣмецкій языкъ) замѣчаетъ, что мѣсто это не ясно. О какой въ самомъ дѣлѣ, точкѣ пересѣченія лучей зрѣнія идетъ рѣчь? Ниже найдемъ объясненіе въ связи съ описаніемъ моихъ опытовъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1895 г.

(СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ ШКОЛА“

Содержаніе октябрьской книжки слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству; 2) Сорокъ лѣтъ тому назадъ. (Изъ воспоминаній о гимназій и пансіонахъ при ней). (Продолженіе). **Ө. С. Стулли**; 3) Обрусеніе прибалтійской школы. (Окончаніе). **М. Сто—рова**; 4) О воспитаніи воли. (Продолженіе). **П. Ө. Каптерева**; 5) Ремесленное и профессиональное обученіе. **А. Ядрога**; 6) Одна изъ задачъ секціи по общимъ вопросамъ на второмъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію **И. В. Тулугова**; 7) Къ вопросу о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ и вліяніи ихъ на крестьянское хозяйство. **М. П. Зубрилова**; 8) Изъ воспитательныхъ опытовъ. **В. В. Бирюновича**; 9) Сводъ свѣдѣній о дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію. (Окончаніе). **Д. Д. Лобанова**; 10) Двадцать пять уроковъ въ тюремной школѣ. **Гр. Дубовенно**; 11) О распредѣленіи занятій по русской грамматикѣ въ городскихъ по положенію 31-го мая 1872 г. училищахъ. **М. Зорина**; 12) Критика и библиографія (14 рецензій); 13) Педагогическая хроника; 1) Женскіе педагогическіе курсы въ Лейпцигѣ. **А. О.**; 2) Распространеніе грамотности въ Португаліи; 3) Новый школьный законъ въ Бельгій. **А. Я.**; 4) Вопросы народнаго образованія въ Ставропольскомъ уѣздѣ; 5) Вопросъ о всеобщемъ начальномъ образованіи въ Нижегородской губерніи; 6) Начальное образованіе въ Московскомъ уѣздѣ; 7) Народное образованіе въ Казанскомъ уѣздѣ; 8) Народное образованіе въ Ярославской губерніи; 9) Первоначальное образованіе въ Тверской губерніи; 10) Въ С.-Петербургскомъ Комитетѣ грамотности; 11) Библіотеки для народнаго чтенія при сельскихъ народныхъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа. **И. О—ва**; 12) Библіотеки при народныхъ школахъ въ Курской губерніи; 13) Хроника профессиональнаго образованія. **В. Б—ча**; 14) Обсужденіе проекта сельско-хозяйственнаго совѣта на совѣщаніи о среднемъ

сельско-хозяйственномъ образованіи. В. Ш.; 15) Организациа и правила выставки при 2-мъ създѣ русскихъ дѣателей по техническому и профессиональному образованію въ 1895—1896 году; 16) Высшіе женскіе курсы; 17) Пятидесятилѣтній юбилей С.-Петербургской пятой гимназін. К. А. Иванова; 18) Годовой актъ въ женской гимназін М. Н. Стоюниной; 19) Двадцатипятилѣтній юбилей В. В. Руссета; 20) А. Е. Покровскій. (Некрологъ) К. М.; 14) Разныя извѣстія и сообщенія; 15) Объявленія.

Журналъ выходитъ **ЕЖЕМѢСЯЧНО** книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая.

Подписка на „**РУССКУЮ ШКОЛУ**“ принимается въ главной конторѣ редакціи (Литовка, д. № 1—43) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы, въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и „**Новаго Времени**“. Въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ К. Д. Тихомирова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ Петербургѣ съ доставкою **6 руб. 50 коп.**, для иногородныхъ съ пересылкою — **семь рублей**; за границу **девять руб.** Учителя школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, вписывающія не менѣе десяти экземпляровъ, пользуются уступкою въ **10%**.

Въ главной конторѣ редакціи имѣется еще небольшое число экземпляровъ за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 годы по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССІІ.

1895.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К^о. Наб. Фонтанки, д. 95.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	19
А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи эпитета	179
А. С. Хахановъ. Грузинскій поэтъ XII вѣка Ш. Руставели и его поэма „Барсова кожа“	200
Н. В. Ястребовъ. Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Петра Хельчицкаго	224
Э. Л. Радловъ. Ученая дѣятельность профессора М. И. Каринскаго (окончаніе)	281
В. И. Курдиновскій. Губныя учрежденія Московскаго государства (окончаніе)	309

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. С. Ланпо-Данилевскій. Исторія эконоическаго быта Великаго Новгорода. А. И. Никитскаго	343
Ө. Ө. Зигель. „Россія“. В. Р. Морфиля	397
Ө. Д. Батюшковъ. Французско-русскій этимологическій словарь, содержащій въ постепенномъ порядкѣ всѣ слова французскаго языка, разобранныя и группированныя по корнямъ. Составилъ П. Токкелли С.-Пб. 1893—1894	404
— Книжныя новости	418
— Наша учебная литература (разборъ 13 книгъ и изданій)	45

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Отчетъ о тридцати семью присужденіи наградъ графа Уварова	25
— Наши учебныя заведенія: Среднія и низшія школы Киевскаго учебнаго округа въ 1894 году	45
Ю. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Е. А. Вѣловъ (некрологъ)	102

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

N. Novossadsky. Ad papyrum magicam bibliothecae parisiuae nationalis adnotaciones palaeographicae	81
Ө. Ө. Соколовъ. Новая книга о Дельфахъ	88
А. Ө. Эмануэль. Легенда о римскихъ царяхъ (продолженіе)	100
М. Н. Крашенинниковъ. Нугін	118

О ВЪЯВЛЕНІЯХЪ.

Редакторъ **В. Васильевскій**.
(Вышла 1-го декабря).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССІІ.

1895.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1895.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (9-го іюня 1895 года). *О присвоеніи наименованія „пенсій и пособій Имени Императора Николая II“ воспособленіямъ, производимымъ нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 9-й день іюня 1895 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе наименованія „пенсій и пособій Имени Императора Николая II“ воспособленіямъ, производимымъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 13-го января 1895 года, нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ.

4. (30-го сентября 1895 года). *Объ учрежденіи при Устюженскомъ городскомъ училищѣ стипендіи въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день сентября 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Устюженскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ стипендіи на проценты съ капитала въ двѣсти пятьдесятъ рублей, пожертвованнаго мѣстными гласными въ ознаменованіе дня бракосочетанія Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

5. (30-го сентября 1895 года). *Объ учрежденіи стипендіи Имени въ Бозѣ почивающаю Государя Императора Александра III при Устюженскомъ городскомъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день сентября 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе стипендіи Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III при Устюженскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти пятьдесятъ рублей, пожертвованнаго для сего мѣстнымъ городскимъ головою. При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

6. (30-го сентября 1895 года). *Объ учрежденіи при Козьмодемьянскомъ городскомъ училищѣ стипендіи Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день сентября 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Козьмодемьянскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ стипендіи Имени Его Императорскаго Величества на счетъ процентовъ съ капитала въ 200 рублей, вырученнаго отъ продажи составленной учителемъ-инспекторомъ упомянутаго училища Рябинскимъ и изданной на пожертвованныя почетнымъ смотрителемъ сего училища Бычковымъ средства книги „Къ столѣтію Козьмодемьянскаго городского училища. Историческая записка объ училищѣ. 1791—1890“. При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

7. (30-го сентября 1895 года). *О присвоеніи учреждаемой въ городѣ Кустанаѣ, Тургайской области, русско-киргизской женской прогимназіи наименованія „Александринской“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день сентября 1895 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе учреждаемой въ городѣ Кустанаѣ, Тургайской области, русско-киргизской женской прогимназіи наименованія „Александринской“, по Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

8. (30-го сентября 1895 года). *О присвоеніи тремъ киргизскимъ стипендіямъ при Троицкой гимназіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день сентября 1895 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе тремъ стипендіямъ для учениковъ киргизовъ при Троицкой гимназіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III.

9. (30-го сентября 1895 года). *О разрѣшеніи учреждать при приходскихъ и начальныхъ училищахъ Закаспійской области должности почетныхъ блюстителей.*

По дѣйствующимъ правиламъ, учрежденіе должности почетныхъ блюстителей при приходскихъ и начальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ имперіи предоставлено министру народнаго просвѣщенія, а утвержденіе лицъ, избранныхъ училищнымъ начальствомъ на сіи должности,—подлежащимъ начальникамъ губерній или областей. Согласно же Высочайшему повелѣнію 9-го іюня 1887 г. учрежденіе помянутыхъ званій при приходскихъ и начальныхъ училищахъ на Кавказѣ предоставлено главноначальствующему гражданскою частью того края, по представленіямъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа.

Нынѣ тайный совѣтникъ Яновскій обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о разрѣшеніи учреждать званія почетныхъ блюстителей также при приходскихъ и начальныхъ училищахъ Закаспійской области.

Находя съ своей стороны учрежденіе должности почетныхъ блюстителей при означенныхъ училищахъ весьма желательнымъ, но принимая во вниманіе, что Закаспійская область неподчинена главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ, министр народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на удовлетвореніе изложеннаго выше ходатайства тайнаго совѣтника Яновскаго, съ тѣмъ, чтобы самое учрежденіе сказанныхъ должностей, по общему порядку, принадлежало министру народнаго просвѣщенія, а утвержденіе лицъ, избранныхъ на оныя училищнымъ начальствомъ, было предоставлено начальнику Закаспійской области.

Государь Императоръ, въ 30-й день сентября 1895 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

10. (30-го сентября 1895 года). *Объ учрежденіи при Симбирской мужской гимназіи двухъ стипендій Имени въ Бозѣ почивающихъ Императоровъ Александра II и Александра III.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день сентября 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Симбирской мужской гимназіи двухъ стипендій Имени въ Бозѣ почившихъ Императоровъ Александра II и Александра III на проценты съ капитала въ 6.000 руб., пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Исаковымъ въ 1881 и 1885 гг. на устройство убѣжища для бѣдныхъ дворянъ Симбирской губерніи и достигшаго нынѣ до 9.100 руб. При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

11. (30-го сентября 1895 года). *О переводѣ изъ Оренбургской гимназіи въ Астраханскую шести стипендій, назначенныхъ для дѣтей киргизовъ Внутренней Орды.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день сентября 1895 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: перевести изъ Оренбургской гимназіи въ Астраханскую 6 стипендій, назначенныхъ для дѣтей киргизовъ внутренней орды, постепенно, по мѣрѣ выbytія изъ этой гимназіи наличныхъ пансіонеровъ, съ предоставленіемъ получающимъ таковыя стипендіи права продолжать образованіе въ томъ же заведеніи или перейти въ соотвѣтствующій классъ Астраханской гимназіи, съ переводомъ въ послѣднюю стипендій на нихъ.

12. (13-го октября 1895 года). *Объ учрежденіи Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 13-й день октября 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвердить уставъ этого общества.

13. (19-го октября 1895 года). *Объ учрежденіи Саратовскаго Общества естествоиспытателей и любителей естествознанія и Туркестанскаго кружка любителей археологій.*

Государь Императоръ, согласно положенію комитета министровъ, въ 19-й день октября 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе Туркестанскаго кружка любителей археологій и Саратовскаго общества естествоиспытателей и любителей естествознанія, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвердить уставы таковыхъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, 30-го минувшаго октября, Всемиловѣйше соизволилъ пожаловать по министерству народнаго просвѣщенія, за отличное усердіе и особые труды, орденами: *св. равноапостольнаго князя Владимира 3-й степени* — члена Ярославскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и попечителя Ярославскаго городского Вознесенскаго женскаго начальнаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина *Ивана Вахромѣева*; *св. Анны 2-й степени* — учредителя и попечителя Митрофановскаго сельскаго училища, Балахнинскаго уѣзда, балахнинскаго купца *Ивана Ноздринскаго*; *св. Станислава 2-й степени*: потомственныхъ почетныхъ гражданъ: почетнаго попечителя Мариупольской гимназіи, Мариупольскаго первой гильдіи купца *Давида Харраджеева*, почетнаго блюстителя Никольскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища *Алексѣя Морозова* и попечителя Смольневскаго начальнаго училища, Покровскаго уѣзда, *Петра Соловьева* и литографа Императорской академіи наукъ, личнаго почетнаго гражданина *Александра Мюнстера* и *3-й степени* — содержателя Дубасовскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Судогодскаго уѣзда, кандидата Императорскаго Московскаго университета *Михаила Коммисарова* и попечителя Селецкихъ мужскаго и женскаго сельскихъ училищъ, Рязанскаго уѣзда, можайскаго второй гильдіи купца *Павла Полякова*.

Государь Императоръ, 26-го октября 1895 года, Всемиловѣйше соизволилъ на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народ-

наго просвѣщенія, медалями, съ надписью „за усердіе“: для ношенія на шеѣ: золотыми, на лентахъ: *Андреевской*: старосты домовоѣ церкви при Серпуховской Александровской прогимназіи, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана *Костякова* и попечителя Богословскаго начальнаго училища, Владимірскаго уѣзда, крестьянина села Богослова Пигасія *Кононова*; *Александровской*—почетнаго смотрителя Вытегорскаго двухкласснаго городского училища, вытегорскаго 2-й гильдіи купца Николая *Веретенникова*; *Владимірской*: члена попечительнаго совѣта Севастопольской женской гимназіи, севастиопольскаго купца Петра *Базова*, купцовъ второй гильдіи: почетнаго смотрителя Суздальскаго городского трехкласснаго училища Ивана *Бѣлова* и почетнаго блюстителя кузнецкаго мужскаго приходскаго училища, Томской губерніи, Степана *Попова*; *Аннинской*: члена попечительнаго совѣта Весъегонской женской прогимназіи, весъегонскаго второй гильдіи купца Василя *Звърева*, почетнаго блюстителя Владимірскаго 2-го городского приходскаго училища, купца Андрея *Шилова* и купцовъ второй гильдіи: старостьъ церквей: при Кыржачской учительской семинаріи Алексѣя *Вихляева* и Ташкентской мужской гимназіи Александра *Блиновскаго* и *Станиславской*: потомственныхъ почетныхъ гражданъ: почетнаго смотрителя Алатырскаго городского трехкласснаго училища Дмитрія *Попова*, попечителя Лавриковскаго начальнаго народнаго училища, С.-Петербургскаго уѣзда, Михаила *Евстафьева* и почетнаго блюстителя Новогеоргіевскаго двухкласснаго мужскаго приходскаго училища, Александрійскаго уѣзда, Михаила *Шапошникова*; попечителя Борскаго и Койновскаго сельскихъ училищъ, Томской губерніи, томскаго первой гильдіи купца Владимира *Горохова*, почетнаго попечителя Александровскаго евангелическаго городского въ Москвѣ училища, второй гильдіи купца Эдгара *Руперти*, учредителя и попечителя Городецкаго ниже-слободскаго училища, Балахнинскаго уѣзда, балахнинскаго купца Якова *Пугина* и почетнаго блюстителя Ряховскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, ковровскаго купца Семена *Швецова* и *серебряными*: на лентахъ: *Аннинской*: служащаго, по найму, въ типографіи Императорскаго Московскаго университета метранпажа, московскаго мѣщанина Василя *Смирнова*, швейцара С.-Петербургской пятой гимназіи, отставнаго унтеръ-офицера Василя *Никитина* и почетнаго блюстителя Ставропольскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, крестьянина села Ставрова Михаила *Бажанова*, и *Станиславской*: почетнаго смотрителя Каргопольскаго

городскаго училища, каргопольскаго второй гильді купца Петра *Басова*; попечителей училищъ: Бабинскаго и Горбатовскаго, Горбатовскаго уѣзда, нижегородскаго купца Анатолія *Маркова* и Боровскаго сельскаго, Касимовскаго уѣзда, купческаго сына Василя *Качкова*, купческаго сына Ѳедора *Качкова*, исполняющаго по найму обязанности эконома Псковской мужской гимназіи, отставнаго унтеръ-офицера Парамона *Иванова*, служителей инспекціи Императорскаго Московскаго университета: запаснаго старшаго унтеръ-офицера Петра *Аверьянова* и отставнаго старшаго унтеръ-офицера Николая *Иванова*, вахтера при аудиторіяхъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, запаснаго унтеръ-офицера Дмитрія *Строганова*, вахтера С.-Петербургской Ларинской гимназіи, запаснаго унтеръ-офицера Степана *Васильева*, старшаго швейцара той же гимназіи, отставнаго унтеръ-офицера Конона *Андреева*, отставныхъ унтеръ-офицеровъ: швейцаровъ: гимназій: С.-Петербургской седьмой—Михаила *Кондрашева* и Московской третьей—Якова *Ефремова* и пансіона Тульской женской гимназіи Онуфрія *Золотова*; нижнихъ служителей: Императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, отставнаго унтеръ-офицера Василя *Гаврилова*, канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, отставнаго младшаго писаря унтеръ-офицерскаго званія Гордея *Иванова*, С.-Петербургской пятой гимназіи, отставнаго унтеръ-офицера Антонина *Торбина*, С.-Петербургской седьмой гимназіи, отставнаго унтеръ-офицера Никиты *Иванова*, почетнаго блюстителя Ладриискаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Петрозаводскаго уѣзда, крестьянина, торгующаго по второй гильдіи Алексѣя *Кипрушкина*; служителей: инспекціи Императорскаго Московскаго университета: младшаго фейерверкера Дмитрія *Грачева* и запаснаго ротнаго каптенармуса Егора *Александрова* и Московской третьей гимназіи, московскаго цеховаго Порфірія *Емельянова*, попечителя Ново-слободскихъ мужскаго и женскаго и Кузнецовскаго сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ, Малоярославецкаго уѣзда, авчининскаго волостнаго старшины Николая *Сомбурова*, и для ношенія на груди: золотыми: на лентахъ: Аннинской: почетныхъ блюстительницъ училищъ: Кишиневскаго женскаго, жены дворянина Маріи *Семигравовой* и Новогеоргиевскаго двухкласснаго женскаго приходскаго, попечительницы Баштинскаго сельскаго училища, Александрійскаго уѣзда, вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Екатерины *Шатошниковой* и *Станиславской*: купцовъ второй гильдіи: почетнаго

блюстителя Мелекесскаго, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи, народнаго, министерства народнаго просвѣщенія, училища и попечителя тамошняго же женскаго начальнаго училища Александра *Маркова* и старосты Александро-невской церкви при Аккерманской прогимназіи Георгія *Спилюти* и попечителей училищъ: Подлѣсно-слободскаго сельскаго, Зарайскаго уѣзда, крестьянина Василя *Еюрова* и начальныхъ: Дальне-константиновскаго, Нижегородскаго уѣзда, крестьянина Ивана *Карабаева* и Елизаровскаго, Переславскаго уѣзда, крестьянина Тимофея *Гуменкова* и *серебрянами: на лентахъ: Аннинской:* попечителя Суворовскаго женскаго станичнаго училища, отставнаго казака Ивана *Мищенкова*, луганскаго волостнаго старшины Славяносербскаго уѣзда, крестьянина Капитона *Орѣхова* и попечителя Крестобогородскаго начальнаго училища, Ярославскаго уѣзда, крестьянина Александра *Кошлакова*, и *Станиславской:* попечителей училищъ: Назмоинскаго начальнаго, Оханскаго уѣзда, временнаго оханскаго купца Петра *Кунгурова* и Передѣльскаго сельскаго начальнаго народнаго, Медынскаго уѣзда, купца Семена *Волкова*; почетныхъ блюстителей училищъ: приходскихъ, Донской области: Каныгинскаго, купца второй гильдіи Еремѣя *Айвазова* и Маринскаго, урядника Александра *Попова* и министерства народнаго просвѣщенія: Милештскаго, старшины Яловинской волости, Кишиневскаго уѣзда, поселянина Константина *Бырки* и Ивановско-русскаго, Аккерманскаго уѣзда, поселянина Василя *Чудака*, попечителя Кыласовскаго двухкласснаго, министерства народнаго просвѣщенія, училища, Кунгурскаго уѣзда, Александра *Первошикова*, почетнаго блюстителя Кузнецовскаго приходскаго училища, Донской области, крестьянина Федора *Пузоцатова*; попечителей училищъ: Новозлатоустовскаго народнаго, Красноуфимскаго уѣзда, крестьянина Николая *Чебыкина*, Черновскаго сельскаго, Касимовскаго уѣзда, крестьянина Григорія *Шарашкина*; сельскихъ начальныхъ народныхъ: Кувшиновскаго, Медынскаго уѣзда, крестьянина Трофима *Жаркова* и Воронинскаго, Мещевскаго уѣзда, крестьянина Алексѣя *Сурнова* и начальныхъ: Варежскаго, Муромскаго уѣзда, старшины Варежской волости, крестьянина Алексѣя *Моренова* и Версинскаго, Пермской губерніи, крестьянина Якова *Черепанова*, волостнаго писаря Варежскаго волостнаго правленія, отставнаго унтеръ-офицера Алексѣя *Копылева*; волостныхъ старшинъ: волостей: Ртинской, Мосальскаго уѣзда, Ивана *Ремизова*, Ставропольской, Гдовскаго уѣзда, крестьянина Григорія *Андреева* и Кузовской, Медынскаго уѣзда, крестьянина Василя *Ни-*

китина, разсыльнаго состоящей при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ коллегіи Императора Александра II, отставнаго унтеръ-офицера Егора *Никитина*; служителей инспекціи Императорскаго Московскаго университета: запаснаго ротнаго фельдшера Самуила *Емисьева*, запаснаго старшаго госпитальнаго надзирателя Василія *Смирнова* и запасныхъ старшихъ унтеръ-офицеровъ: Герасима *Кашутина* и Василія *Коробкова*; запасныхъ рядовыхъ: вахтеровъ: состоящей при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ коллегіи Императора Александра II Петра *Яковлева* и С.-Петербургской третьей гимназіи Алексѣя *Куркова*; отставныхъ рядовыхъ: старшаго дядьки при пансіонѣ С.-Петербургской Ларинской гимназіи Михаила *Савельева* и дядьки при пансіонѣ С.-Петербургской третьей гимназіи Яна *Казака*; нижнихъ служителей гимназій: С.-Петербургской первой: запаснаго ефрейтора Матвѣя *Дмитріева* и петергофскаго мѣщанина Константина *Емельянова*; Ярославской, отставнаго рядоваго Ефрема *Шеметова*; С.-Петербургской первой: запаснаго рядоваго Михаила *Феофанова* и крестьянина Василія *Скобелева* и при частной женской Гедда въ С.-Петербургѣ. крестьянина Онисима *Корниенко*: старшаго дворника С.-Петербургской Ларинской гимназіи, крестьянина Ксенофонта *Васильева* и крестьянъ: деревни Ямкиной, Спасскаго уѣзда, Василія *Бурмистрова* и деревни Чижкова, Нижегородскаго уѣзда Сергѣя *Дмитричева*.

Государь Императоръ согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 26-го октября 1895 года, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, *серебряною медалью, съ надписью „за усердіе“*, на *Александровской лентѣ, для ношенія на груди*: учителей училищъ: Хрущево-Никитскаго начальнаго народнаго, Богодуховскаго уѣзда, коллежскаго секретаря Ивана *Потакевича*, губернскихъ секретарей: Судогодскаго городскаго приходскаго Ивана *Свавицкаго*, Вольмарскаго евангелическо-лютеранскаго приходскаго Вольдемара *Баллода* и Семеновскаго однокласнаго, министерства народнаго просвѣщенія, Елисаветградскаго уѣзда, Стефана *Левицкаго*; коллежскихъ регистраторовъ: смотрителя и учителя Гадрутскаго сельскаго нормальнаго училища — Ивана *Давидбекова* и учителей сельскихъ училищъ: Варениковскаго — Константина *Нестеренко*, Агджабединскаго — Абдуль-Али-Багира-Оглы *Муктарова*, Ново-Михайловскаго — Θεодора *Рязанскаго* и Павлышскаго начальнаго, Александровскаго уѣзда, Михаила *Черненко* и неимѣющихъ чиновъ: учителей приходскихъ учи-

лицъ: въ гор. Одессѣ: Михайловскаго мужскаго — Антона *Пароконнаго* и Кривобалкскаго — Петра *Дубашевскаго*, мужскихъ: Сердобскаго 1-го — Андрея *Никифорова*, въ гор. Самарѣ: восьмаго — Михаила *Зырино* и девятаго — Василя *Тиминскаго*, Троицкаго 1-го — Никифора *Жукова*; Пермскаго уѣзда: Архангело-Пашійскаго — Василя *Козельскаго*, Лысвенскаго — Павла *Исакова* и Чердынскаго — Александра *Жикина* и Чермозскаго однокласнаго, Соликамскаго уѣзда, Андрея *Борисова*; учителей, завѣдывающихъ двухклассными училищами: Суксунскимъ, Красноуфимскаго уѣзда, Николая *Собакина*, Шабскимъ приходскимъ, Аккерманскаго уѣзда, Василя *Филимонова*, сельскими министерства народнаго просвѣщенія: Фетельскимъ, Венденскаго уѣзда, Карла *Юргена*, Царевскаго уѣзда: Быковскимъ — Николая *Воронина* и Николаевскимъ — Константина *Евдокимова* и Кинель-Черкасскимъ, Бугурусланскаго уѣзда, Дмитрія *Анфимова*, смотрителя и учителя Адгамскаго сельскаго училища Багира *Ибраилбекова*; старшихъ учителей двухклассныхъ училищъ: начальныхъ: Яновскаго мужскаго, Сѣдлецкой губерніи, Николая *Троцевича*, Крестовскаго сельскаго, Люблинской губерніи, Антона *Каминскаго* и Радомскаго мужскаго — Франца *Збровскаго*, начальныхъ общихъ; Зволенскаго, Радомской губерніи, Петра *Хенцинскаго* и Сосновицкаго Александровскаго, Петроковской губерніи, Константина *Ольшевскаго*, однокласныхъ городскихъ начальныхъ общихъ: Петроковской губерніи: Лодзинскаго № 3 — Теофила *Закржевскаго*, Лодзинскаго № 18 — Мечислава-Константина (2-хъ именъ) *Колудзскаго*, Ласкаго — Варооломея *Крака*, Эгержскаго № 2 — Богумила-Феодора (2-хъ именъ) *Пашке*, Заверцскаго фабричнаго, Феликса *Козьминскаго* и Лодзинскаго еврейскаго мужскаго — Иноха *Штейнмауера*; учителей училищъ двухклассныхъ: Сылвинскаго, Красноуфимскаго уѣзда, Василя *Попова*, Билимбаевскаго, Екатеринбургскаго уѣзда, Семена *Овсянникова*, Кудымкорскаго мужскаго, Соликомскаго уѣзда, Ермолая *Попова*, Бековскаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Сердобскаго уѣзда, Павла *Быстрякова*, Кѣлецкаго городского мужскаго начальнаго и воскресно-ремесленнаго Василя *Андреева* и Августовскаго городского — Ивана *Остапенко*; министерства народнаго просвѣщенія: Святогорскаго сельскаго, Опочецкаго уѣзда, Александра *Иванова*, Очерскаго, Оханскаго уѣзда, Якова *Филатова* и Мелекесскаго сельскаго, Ставропольскаго уѣзда, Ивана *Пышкова* и Алексѣя *Никольскаго* и городскихъ начальныхъ еврейскихъ: въ гор. Одессѣ: перваго — Юся-Ханма *Бернштейна*, Мовши *Троицкаго* и Ицхока-Шлемы *Ръзнника* и втораго: Аропа

Гибша, Вольфа *Бортмана* и Антона *Теребенникова* и Люблинскаго мужскаго еврейскаго—Антоня *Лебединскаго*; одноклассныхъ: Карамахметскаго мужскаго — Николая *Рунцева*, Красногородскаго сельскаго, Псковской губерніи, Семена *Шевтанова* и при Вейверской учительской семинаріи—Викентія *Войцеховскаго*; начальныхъ: Екатеринбургскаго уѣзда: Режевскаго—Алексѣя *Кискина*, Леновскаго — Степана *Ведунова*, Грбовскаго—Алексѣя *Овчинкина*, Бруснятскаго — Петра *Короткова*, Щелкунскаго—Георгія *Атманскихъ*, Логиновскаго—Николая *Федотова*, Богорьяскаго—Ипполита *Теткина* и Воскресенскаго—Петра *Рольщикова*, Красноуфимскаго уѣзда: Крестовоздвиженскаго—Аркадія *Калашикова*, Сухановскаго—Адріана *Лыбина*, Нижне-Синячихинскаго—Герасима *Горохова*, Симбирско-пріютскаго—Ивана *Винкурова*, при Новочеркасской учительской семинаріи—Виктора *Гукова*, при Новобугской учительской семинаріи—Акима *Кармазина*, Бердянскаго уѣзда: лютеранскихъ: Нейштутгардскаго—Георгія *Капа* и Розенфельдскаго—Нестора *Левченко*, Темясовскаго русско-башкирскаго, Орскаго уѣзда, Имамудина *Сейфуллина*, Люблинской губерніи: Сычинскаго — Михаила *Алехтѣичука*, Моложовскаго — Θεодора *Громы*, Поболовицкаго—Адама *Гладжевича*, Злоецкаго — Александра *Дашкевича*, Бончанскаго — Семена *Козачука*, Дубскаго — Луки *Ксенжика*, Бартатычскаго—Ивана *Кацля*, Тарногурскаго—Георгія *Микелянниса*, Грабовскаго—Викентія *Мельника*, Старосельскаго—Михаила *Степаннишина*, Плаваницкаго — Павла *Фыка*, Пересяскаго—Георгія *Франковскаго* и Невьянскаго мужскаго—Петра *Мартьянова*, одноклассныхъ: Радомскаго — Михаила *Демскаго*, Стутзянскаго, Опоченскаго уѣзда, Эдуарда *Полубича*, Выгнанскаго, Сѣдлецкой губерніи, Евгенія *Силвоника*, Бранщикскаго, Ломжинской губерніи, Максимилиана-Эдуарда (2-хъ имени) *Ижницкаго*; народныхъ въ Одессѣ: Пересыпскаго 3-го—Ипполита *Козленко* и Приморскаго — Николая *Сосновскаго*, Филатовскаго, Пермской губерніи, Михаила *Бажина*, Севастопольскаго—Николая *Низдѣйковскаго*, Харьковской губерніи, Зміевскаго уѣзда: Андреевскаго—Захарія *Филоновича*, Волохоярскаго—Павла *Орла*, Зачуговскаго—Леонида *Козьменко*, Лиманскаго—Ивана *Лебединскаго*, Отрадовскаго—Антоня *Родионова* и Соколовскаго—Θеодора *Корипенко*, Кадинчанскаго, Харьковскаго уѣзда, Павла *Лазарева*, Замоско-Кутскаго, Валковскаго уѣзда, Василя *Яновскаго*, Тарасовскаго, Богодуховскаго уѣзда, Ивана *Съраго* и Сысертскаго мужскаго, Екатеринбургскаго уѣзда, Александра *Машукова*; одноклассныхъ начальныхъ общихъ: Варшавской губерніи: Кампиноскаго — Петра *Куцинскаго*,

Маркскаго—Андрея *Лобаржевскаго* и Юзефовскаго—Осипа *Кобылинскаго*; Радомской губерніи, Радомскаго 1-го — Богумила *Зиса*, Сельпійскаго, Конскаго уѣзда, Казимира *Хлѣбнаго* и Солецкаго, Илжецкаго уѣзда, Антона *Витковскаго*; Сѣдлецкой губерніи: Сухавскаго—Иннокентія *Миллткевича*, Близощко-Вольскаго — Филиппа *Теодоровича-Балейко*, Старовойскаго 1-го — Мартина *Туза*, Головенскаго — Козьмы *Кравчинскаго*, Выгалевскаго—Павла *Лысковича*, Роговскаго—Виктора *Мазмушевскаго*, Бокинскаго 2-го—Василія *Мушница*, Сворнскаго—Петра *Юшкевича*, Любенкскаго—Пантелеймона *Волоса*, Горостынскаго — Александра *Стефаницкаго*, Жабческаго — Нестора *Гая*. Стердыннскаго — Романа *Красейко* и Збережскаго — Павла *Замулки*; Ломжинской губерніи: Радзиловскаго — Леона *Гарбовскаго*, Цѣхановецкаго — Ивана *Казакевича* и Недзвядненскаго — Юсифа *Мильчевскаго*, Влодзимѣржскаго, Петроковской губерніи, Адольфа-Ивана (2-хъ именъ) *Кемтинскаго*; Кѣлецкой губерніи: Палечницкаго — Войцеха *Мадейскаго*, Пилицкаго — Андрея *Сикорскаго*, Недзвѣдскаго — Александра *Майхровича*, Ксенжь-Малаго—Ивана *Середина*, Крочицкаго—Казимира *Яблонскаго*, Пржонцлавицкаго — Ивана *Пуخالскаго*, Бодзентинскаго — Казимира *Грунерта* и Мржиглодскаго, Петроковской губерніи, Матвѣя *Конца*; однокласныхъ гминныхъ начальныхъ: Любанскаго, Петроковской губерніи, Владислава-Станислава (2-хъ именъ) *Спикевича*, Сувалской губерніи: Выходненскаго — Осипа *Жолинаса*, Мирославскаго—Ивана *Буцевича*, Даукшанскаго—Ивана *Мисюревича*, Антоновскаго—Осипа-Аванасія *Мордаса*, Курпикскаго—Казимира *Рачилло*, Кетурлокскаго—Георгія *Венууса*, Поевонскаго—Осипа *Гавялиса* и Пильвишскаго—Вячеслава-Виктора *Доминскаго*, Липновскаго 2-го однокласнаго городскаго начальнаго общаго, Плоцкой губерніи. Эмилія *Шифера*, однокласныхъ гминныхъ общихъ начальныхъ: Ломжинской губерніи: Люботынскаго—Семена *Гринкевича*, Червонкскаго—Матвѣя-Петра (2-хъ именъ) *Ляма*, Мястовскаго — Станислава *Меллера* и Пискскаго—Николая *Пупика*; Плоцкой губерніи: Лековскаго—Ипполита *Пневскаго*, Чарненскаго—Флоріана *Мочильскаго*, Ставшинскаго—Франца *Горжендзельскаго*, Моковскаго—Станислава *Витковскаго*, Хоржельскаго—Маріана *Лонцакаго*, Дзялынскаго—Феликса *Заблоцкаго*, Збуйновскаго — Станислава-Чеслава (2-хъ именъ) *Яблонскаго*, Витковскаго—Викентія *Щеснаго*, Роговскаго—Немезія *Бржускаго* и Пржерадзскаго — Мечислава *Рыбинскаго* и Петроковской губерніи, Ждзарскаго—Вареоломея *Наріевскаго*, Балутскаго № 1-й—Адольфа-Густава (2-хъ именъ) *Пашке*, Цѣлендзскаго—Юсифа *Помя-*

новскаго и Высокопилицкаго — Юсіфа *Дуды*; одноклассныхъ городскихъ начальныхъ: Пронскаго 1-го, Сувалкской губерніи, Викентія *Пильчевскаго*; Петроковской губерніи: мужскихъ: Бендинскаго — Эдуарда-Густава (2-хъ именъ) *Рытца*, Равскаго — Людовика *Карулевича* и Пабяницкаго однокласснаго городского еврейскаго начальнаго общаго, Хаима *Шиточкина*; сельскихъ: Кузнецкаго округа: Бачатскаго—Ивана *Ильина* и Борисовскаго—Михаила *Крейтера*, Локтевскаго. Бійскаго округа, Александра *Степанншцева*, Попутнаго — Ивана *Щелова*, Дигорскаго — Петра *Алексѣеви*, Арцеванинскаго — Аршака *Газарова*, Саровскаго—Николая *Григорова*, Самарскаго уѣзда: Кандабулакскаго—Александра *Короткова*, Нижне-Сызранско-Хуторскаго—Николая *Рожкова* и Богдановскаго мужскаго—Николая *Трошина* и Красно-Поселенскаго—Александра *Потанова* и Трофима *Ревина* и Николаевскаго уѣзда: Андреевскаго—Александра *Феодотѣва*, Мало-Быковскаго—Георгія *Невзорова* и Базельскаго—Николая *Арнольда*; сельскихъ нормальныхъ: Джебрайльскаго—Аршака *Туманова* и Гадрутскаго—Гашимъ-бека *Нариманбекова*, сельскихъ начальныхъ: Бердянскаго уѣзда: Новопавловскаго 1-го—Юсіфа *Садоваго*, Александровскаго — Федора *Ганева*, Андреевскаго—Федора *Кирьяно*, Вербовскаго 1-го — Петра *Дончева*, Малотокмакскаго 1-го — Василя *Шульмина* и Борисовскаго — Ивана *Калишевскаго*, Сямбирской губерніи. Карсунскаго уѣзда: Бѣло-Ключевскаго—Михаила *Грошева*, Большеберезниковскаго—Василя *Назаркина* и Котяковскаго—Василя *Ясницкаго*; Саратовской губерніи: Балашовскаго уѣзда: Зубриловскаго—Дмитрія *Виноградова* и Дурникинскаго 1-го — Василя *Мясоедова*; Керчь-Еникольскаго градоначальства: Катерлезскаго — Саввы *Алексѣева* и Баксинскаго — Василя *Строганова*, Заводовскаго, Ананьевскаго уѣзда — Игнатія *Гайдукевича*, Елисаветградскаго уѣзда: Дыминскаго — Романа *Матроса*, Константиновскаго—Серафима *Расенкова*, Липняжскаго—Николая *Богданова*, Лозовскаго — Спиридона *Гришенко* и Добровеличковскаго — Николая *Гутовскаго*, Варваровскаго. Александрійскаго уѣзда—Захарія *Пишая*, Загвоздинскаго, Тобольскаго округа — Ильи *Латтева*, Сладковскаго, Ишимскаго округа — Петра *Тресвятскаго*, Сувалкской губерніи: Калетникскаго—Казимира *Козина*. Неттянскаго — Андрея *Балтрукониса* и Виштынецкаго — Людовика *Вимера*, Варшавской губерніи, Стржегоцинскаго — Михаила *Островскаго*, Кольбельскаго — Антона-Владислава (2-хъ именъ) *Опочинскаго* и Скорошскаго—Адольфа *Творковскаго* и Плоцкой губерніи: Лубковскаго — Маріана *Мыслоковскаго* и Ионненскаго — Антона *Розальскаго*;

сельскихъ начальныхъ народныхъ: Новоладожскаго уѣзда: Хваловскаго—Сергѣя *Альбова*, Михайловскаго—Ивана *Семенова* и Лунгачскаго—Василія *Степанова*; содержателя частнаго мужскаго училища III разряда, въ гор. Александрополѣ, Эриванской губерніи, имѣющаго званіе учителя начальнаго училища, Александра *Арабаджева*; учителей училищъ: Великокняжескаго Колонійскаго — Давида *Класена*, Шишнурскаго инородческаго, Бирскаго уѣзда—Владимира *Федорова*, Оренбургскаго русскаго класса при медресе — Гайсы *Еникеева*, Бердянской общественной талмудъ-торы — Наума *Минскера*, Тогульскаго, Кузнецкаго округа—Михайла *Семенова*, Верхне-Сергинскаго, Красноуфимскаго уѣзда — Василія *Лукашкина*, Солимскаго уѣзда: Архангельскаго—Семена *Желмина*, Никитинскаго—Петра *Чадова*, Троицкаго—Петра *Гребенщикова* и Александровскаго ремесленнаго въ гор. Волченскѣ, Харьковской губерніи—Василія *Мельниченко* и помощника учителя Ровенскаго 2-го сельскаго начальнаго училища; Елисаветградскаго уѣзда, Мартына *Дудина*; учительницы завѣдывающей Уфимскимъ Маріинскимъ женскимъ городскимъ двухкласснымъ приходскимъ училищемъ, Александры *Литницкой*; учительницъ приходскихъ училищъ: Уфимскаго Маріинскаго женскаго городского двухкласснаго—Александры *Киртичниковой*, Мелитопольскаго: Любви *Пезелли* и Александры *Кузменко*, въ гор. Одессѣ: Пушкинскаго — Ксеніи *Тимофеевой*, Тираспольскаго 3-го—Анисіи *Палчинской* и Пересыпскаго женскаго — Вѣры *Гребинской*, въ городѣ Самарѣ мужскихъ: седьмаго — Валентины *Савиновой* и девятаго — Лидіи *Фармаковской* и женскихъ: третьяго — Анны *Зиновой*, четвертаго — Евгеніи *Молиной*, пятаго — Клавдіи *Остролазовой* и шестаго — Александры *Кругловой*, Оргѣвскаго—Анастасіи *Архангельской*, Орскаго Александровскаго—Евдокіи *Староватовой*, Уфимскаго однокласснаго—Ольги *Плаксиной* и Саратовской губерніи: Лапшевскаго—Агніи *Мордвиновой* и Спасскаго—Ольги *Соколовой*, старшей учительницы Влоцлавскаго женскаго городского двухкласснаго начальнаго училища, Варшавской губерніи, Паулины *Хоросевичъ*; учительницъ двухклассныхъ училищъ: Бериславскаго приходскаго—Антонины *Фальманъ*, Саратовскаго 1-го женскаго приходскаго—Елизаветы *Ирудниковой*, Александрійскаго уѣзда: Новогеоргіевскаго женскаго городского приходскаго — Леонилы *Дерманской* и Ново-Прагскаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія — Гулиты *Евко*, женскихъ: Красноуфимскаго—Раисы *Скачковой*, Соликамскаго уѣзда: Соликамскаго—Александры *Собашиниковой* и Усольскаго—Лидіи *Лыжиной*, Самарскаго—Екатерины *Грѣшневой* и

Верхне-Уральскаго—Фелицаты *Батутиной*; младшихъ учительницъ: двухклассныхъ училищъ: Тарногородскаго начальнаго, Люблинской губерніи—Михалины *Ермоловой*, Межирѣцкаго мужскаго городского начальнаго, Сѣдлецкой губерніи—Глафиры *Янушевичъ* и Ново-Минскаго городского общаго, Варшавской губерніи—Александры *Нинуловой*, третьей учительницы Плоцкаго городского начальнаго женскаго—Ядвиги *Петрашевской*; учительницъ училищъ: начальныхъ: Люблинской губерніи: Бердышкаго—Маріи *Савлукъ*, Депультычскаго—Юліи *Еремьевой*. Раколупскаго—Феофилы *Черлончакевичъ*, Вершинскаго—Маріи *Занской*, Обровецкаго—Сусанны *Хоминской*, Гонятинскаго—Вѣры *Дементьевой*, Посадовскаго—Леонилы-Камиллы (2-хъ именъ) *Чугалинской*, Кособудскаго—Маріи *Мацейко*, Сербешовскаго—Елены *Мошльницкой*, Велюнчскаго—Александры *Куявской* и Пяскаго—Клементины *Жимирской*; Бирскаго уѣзда: Новотроицкаго—Наталиі *Кудряцевой* и Чарауловскаго—Лидіи *Пироговской*, Красноуфимскаго уѣзда: Торговишскаго—Анны *Фокиной* и Ново-Златоустовскаго—Фавсты *Боголуповой*, женскихъ: Екатеринбургскаго уѣзда: Каслинскаго—Елены *Налимовой* и Невьянскаго—Парасковьи *Доропиной*, Маріинско-Посадскаго, Чебоксарскаго уѣзда, Анны *Суцинской*, Мелекесскаго, Ставропольскаго уѣзда, Маріи *Коноваловой*. Бердянскаго 1-го Елены *Демчинской* и Маріи *Волобуевой*, Кѣлецкаго однокласнаго начальнаго—Пелагеи *Емельяновой* и Олешновскаго однокласнаго общаго начальнаго, Кѣлецкой губерніи, Елисаветы *Дулевской*, начальныхъ народныхъ: Екатеринбургскаго Мельковскаго—Анны *Шапошниковой*, Нязепетровскаго 3-го, Красноуфимскаго уѣзда—Анны *Бахтеревой*, Константиновскаго, въ гор. Николаевѣ—Елены *Некрыловой*, Пересадовскаго, Херсонскаго уѣзда—Александры *Лобковой*, Севастопольскаго—Ирины *Грекуловой*, Таборскаго, Оханскаго уѣзда—Серафимы *Андроновой*, Шемякскаго—Ольги *Соболевой*, Устькатавскаго—Вѣры *Терсицкой* и Катавъ-Ивановскаго—Анны *Черемисиновой*; однокласныхъ начальныхъ общихъ: Сѣдлецкой губерніи: Коссовскаго—Камиллы *Жуковской*, Збучинскаго—Александры-Ванды (2-хъ именъ) *Жуковкой* и Ливскаго—Владиславы *Косцинской*; городскихъ начальныхъ: Ольвиопольскаго 2-го, Елисаветградскаго уѣзда—Вѣры *Хмелевской*, въ городѣ Казани: одинадцатаго—Юліи *Соколовой*, двѣнадцатаго—Александры *Григорьевой*, четырнадцатаго—Маріи *Анжикиной* и двадцатаго—Анны *Капустинной* и Алатырскаго—Парасковьи *Онуфриевой*: женскихъ городскихъ: Свіязскаго—Пелагеи *Пяхомовой*, Чебоксарскаго—Екатерины *Добронравовой*, Майковскаго Ма-

иринскаго—Анны *Петровой* и Анапскаго—Екатерины *Барановской*,
 Майданъ-Замостскаго городскаго начальнаго общаго, Люблинской гу-
 берніи—Олимпиады *Поповой*, Балашовскаго 1-го—Елизаветы *Паро-*
моновой и Маргариты *Звяжиной*, Гальварійскаго—Наталиі *Мацѣвской*,
 народныхъ: въ Одессѣ: Вокзальнаго—Софіи *Койко* и Прохоровскаго
 1-го—Пелагеи *Морисовой*, Новослободскихъ: третьяго—Надежды *Лю-*
девичъ и четвертаго—Александры *Топлианъ*. Херсонскаго—Наталиі
Коломейцевой и Елисаветы *Савичъ*, Николаевскаго на хуторѣ „Ши-
 рокая Балка“—Ольги *Подмайловой*, Варшавской губерніи: Пулту-
 скаго 1-го—Бальбины *Сойковской*, Гомбинскаго—Маріи *Шелепиной*,
 Замостскаго—Елисаветы *Ловяжиной* и Соколовскаго—Маріи *Артец-*
кой, Сѣдлецкой губерніи: Межирѣчскаго—Капитолины *Радецкой*,
 Бѣльскаго—Ефросиніи *Барановской*, Влодавскаго—Юліи *Титаренко*
 и Сѣдлецкаго 1-го—Прасковьи *Карасевой*, Ломжинской губерніи:
 Кольненскаго—Маріи *Грабовской*, Маковского—Дари *Потекальной*
 и Остроленскаго—Маріи *Тейхманъ* и Плоцкой губерніи: Серпецка-
 го—Маріи-Аурелии (2-хъ именъ) *Каменской* и Праснышскаго—Маріи
Яськевичъ, сельскихъ, Самарской губерніи: Самарскаго уѣзда: Ли-
 повскаго—Татьяны *Кочетковой* и Богдановскаго женскаго—Аделаиды
Свѣтухиной, Ставропольскаго уѣзда: Курумовскаго—Пелагеи *Ворон-*
цовой, Озерскаго—Прасковьи *Изматъевой*, Старо-Маянскаго женска-
 го—Надежды *Коробициной*, Архангельскаго—Александры *Шшиканов-*
вой, Хрящевскаго—Варвары *Зиминой* и Нижне-Санчелѣвскаго—
 Маріи *Хорьковой*, Николаевскаго уѣзда, Красно-Полянскаго—Екате-
 рины *Андреевой* и Кормежскаго—Наталиі *Цѣтковой*, Велейскаго
 министерства народнаго просвѣщенія, Псковской губерніи—Маріи *Пе-*
тровой, Слуцскаго общаго, Ломжинской губерніи—Ядвиги *Влодар-*
кевичъ, Свѣжскаго уѣзда: Майданскаго—Прасковьи *Ионенковой*, Юма-
 товскаго—Юліи *Фирсовой*, Кураловскаго—Маріи *Поповой* и Каинков-
 скаго—Наталиі *Михайловой*, Чебоксарскаго уѣзда: Карачевскаго—
 Евдокіи *Охотниковой* и Поморскаго—Надежды *Кузнецовой*, Краснояр-
 скаго, Чистопольскаго уѣзда—Любови *Соловьевой*, Михайловскаго—
 Клавдіи *Скворцовой*, Бердянскаго уѣзда: Андреевскаго 1-го—Деспи-
 ны *Вихляевой*, Борисовскаго—Дарьи *Калишевой*, Малотокмаскаго
 1-го Наталиі *Шульгиной* и Щербаковскаго—Анастасіи *Введенской*,
 Казанской губерніи: Казанскаго уѣзда: Большекляковскаго—Алек-
 сандры *Арпитовой*, Ильинскаго—Анны *Степановой*, Вознесенскаго—
 Надежды *Бѣловой*, Кулаевскаго—Екатерины *Сушиновой*, Столбищен-
 скаго—Феклы *Спицаковой*, Никольскаго—Екатерины *Романовой* и

Пестречинскаго мужскаго — Алевтины *Ястребовой*, Царевкокшайскаго уѣзда: Акатевскаго — Александры *Ястребовой*, Суртовскаго — Клавдіи *Болдыревой*, курминскаго — Надежды *Троицкой* и Маркинскаго мужскаго — Александры *Соловьевой*, Симбирской губерніи: Чуфоровскаго, Карсунскаго уѣзда, Александры *Сергѣевской* и Свинушевскаго, Курмышскаго уѣзда, Маріи *Зайцевой*; Саратовской губерніи, Балашовскаго уѣзда: Больше-Моликскаго — Евдокіи *Смирновой*, Новопокровскаго — Екатерины *Космолинской*, Мордовско-Карайскаго — Маріи *Контушевой* и Романовскаго 1-го Елены *Ивановой*, Средне-Ахтубинскаго мужскаго, Царевскаго уѣзда, Александры *Тычиной*, Александрійскаго уѣзда: Машоринскаго — Александры *Ульяницкой* и Покровскаго — Маріи *Мальцевской*, Елисаветградскаго — Анны *Кондратьевой*, Захаровскаго, Елисаветградскаго уѣзда, Евдокіи *Карповой*, Катаржинскаго, Тираспольскаго уѣзда. Александры *Ганчевской*, Ананьевскаго уѣзда: Кондратовскаго — Надежды *Святовецъ-Валевичъ*, Мариновскаго — Анастасіи *Шилингъ* и Николаевскаго 2-го Маріи *Святовецъ-Валевичъ*, Тобольскаго округа: Абалакскаго — Екатерины *Протопоповой* и Юровскаго — Θεоктисты *Бабановской*, Исетскаго, Ялutorовскаго округа, Маріи *Бронниковой*, Моревскаго, Курганскаго округа, Евгениі *Котельниковой*, Тюменскаго округа: Караульнoярскаго — Клавдіи *Филатовой*, Липчинскаго — Евдокіи *Деминoвой*, Фоминскаго — Валентины *Виноградовой* и Зырянскаго — Θεоны *Россомахиной*, Ишимскаго округа, Бердюшскаго — Степаниды *Федуловой*, Теплодубровскаго — Ефросиньи *Михайловой*, Абатскихъ: женскаго — Людмилы *Грѣховой* и мужскаго — Анастасіи *Ивановой*, Тюкалинскаго округа: Кабырдакскаго — Маріи *Растягаевой*, Еланскаго — Маріи *Закревской* и Крутинскаго — Олимпіады *Постниковой*, Новоладожскаго уѣзда: Черновскаго — Анны *Михайловой* и Мысловскаго — Маріи *Ерофьевой*, Екатеринбургскихъ: Вознесенскаго — Надежды *Миловзоровой* и Екатеринбургскаго — Серафимы *Толмачевой*, Нижне-Сергинскаго Ахманаевскаго, Красноуфимскаго уѣзда, Павлы *Поповой*, Чаегинскаго, Оханскаго уѣзда, Анны *Ярыкаловой*, Лайскаго, Верхотурскаго уѣзда, Пелагеи *Стрехиной*, Камышевскаго, Екатеринбургскаго уѣзда, Маріи *Дягилевой*, Красноуфимскаго уѣзда: Михайловскаго — Маріи *Соколовой* и Оханскаго — Ольги *Калининой* и Алевтины *Варвoломъевой*, Нижне-Тагильскаго, Павловскаго, Верхотурскаго уѣзда, Евлампіи *Левицкой* и Троицкаго Александровскаго Наталіи *Дмитріевой*; помощницъ учительницъ: Знаменскаго, министерства народнаго просвѣщенія, Александрійскаго уѣзда. Анны *Александровой*, Красноуфимскаго мужскаго — Дарьи *Вят-*

киной, Ораловскаго начальнаго, Чердынскаго уѣзда, Мавры *Калининой* и Елисаветградскаго Быковскаго городскаго начальнаго—*Маріи Зазулиной*; бывшихъ учителей училищъ: Дзялошицкаго общаго начальнаго, Кѣлецкой губерніи, Ивана *Яковлева* и Башнораменскаго сельскаго нормальнаго—*Алякпера Сулейманова*; бывшей учительницы Одесскаго Пушкинскаго приходскаго училища *Анны Емельяновой* и бывшей помощницы учительницы Уфимскаго женскаго однокласснаго приходскаго училища *Раисы Брусляниной*.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

26-го октября 1895 года. *Назначены*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ церковнаго права, коллежскій совѣтникъ *Красноженъ*—исправляющимъ должность ординарнаго профессора того же университета по кафедрѣ церковнаго права, съ 30-го сентября; исполняющій обязанности инспектора Полтавскаго Александровскаго реальнаго училища, заслуженный преподаватель сего училища, статскій совѣтникъ *Каменскій*—директоромъ Новозыбковскаго реальнаго училища, инспекторъ Черкасской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Миловскій*—правителемъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Прозоровъ*—дѣлопроизводителемъ VI класса того же департамента; приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Земацкій*—старшимъ ассистентомъ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, съ 3-го сентября.

Утверждены: надворный совѣтникъ *Хвостовъ*—почетнымъ попечителемъ Елецкой гимназіи, на три года; почетный смотритель Енисейскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Китмановъ*—почетнымъ попечителемъ Енисейской прогимназіи, на три года.

Уволенъ отъ службы, согласно прошенію, сверхштатный помощникъ директора главной физической обсерваторіи, коллежскій ассессоръ *Годманъ*, съ 20-го іюля, съ производствомъ, за выслугу лѣтъ, въ надворные совѣтники, со старшинствомъ съ 1-го мая 1894 г.

Произведенъ за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ изъ титуляр-

ныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія *Молчановъ*—съ 26-го сентября 1895 г.

1-го ноября 1895 года. *Переименованъ*, со старшинствомъ, въ *коллежскіе ассессоры*: помощникъ правителя дѣлъ канцеляріи правленія Императорской Академіи Наукъ, отставной капитанъ гвардіи *Кетень*.

4-го ноября 1895 года. *Назначенъ*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ ботаники, статскій совѣтникъ *Ришави*—ординарнымъ профессоромъ того же университета по кафедрѣ ботаники.

Уволенъ отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Пензенскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Мясоедовъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

11-го ноября 1895 года. *Назначены*: директоръ народныхъ училищъ Бакинской губерніи и Дагестанской области, статскій совѣтникъ *Бондаренко*—директоромъ Новобугской учительской семинаріи; директоръ Новобугской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Крыловъ*—директоромъ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Молчановъ*—правителемъ канцеляріи попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа.

Утвержденъ, статскій совѣтникъ *Маврокордато*—вновь почетнымъ попечителемъ Одесской 2-й гимназіи, на три года.

Уволенъ отъ службы, согласно прошенію, директоръ Кіевской 4-й гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шульженко*.

Умершій исключенъ изъ списковъ, директоръ Псковской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кестнеръ*, съ 20-го октября.

15-го ноября 1895 года. *Назначены*: инспекторъ народныхъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, коллежскій совѣтникъ *Стороженко*—директоромъ Кіевской 4-й гимназіи; лаборантъ Харьковскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, титулярный совѣтникъ *Рязанцевъ*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ того же института, по зоофизиологіи, съ 15-го сентября.

Уволены отъ службы: согласно прошенію, врачъ Землянскаго, Воронежской губерніи, уѣзднаго училища, лѣкарь, коллежскій совѣтникъ *Эйхенбаумъ*, съ 20-го декабря 1894 г.; согласно прошенію,

по болѣзни, начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи, магистръ уголовного права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Колосовскій*, съ 1-го ноября, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе исключены изъ списковъ: начальникъ Холмской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рублевскій*, съ 18-го октября, и экстраординарный профессоръ Императорскаго Юрьевского университета, коллежскій совѣтникъ *Поповъ*, съ 19-го октября.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

5. (10-го октября 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени Александра Романовича фонъ-Эссенъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двадцать тысячъ рублей, завѣщаннаго Императорскому С.-Петербургскому университету вдовою Софіею Михайловною фонъ-Эссенъ, учреждаются при семъ университетѣ три стипендіи имени покойнаго мужа завѣщательницы коллежскаго секретаря Александра Романовича фонъ Эссенъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ неприкосновенную собственность университета и долженъ храниться въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ университета.

§ 3. Стипендіи, по 300 рублей каждая, должны быть назначаемы правленіемъ университета, на основаніи общихъ правилъ назначенія стипендій и пособій студентамъ университетовъ, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія кандидатовъ на стипендію.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ стипендій должны быть обрацаемы или на приращеніе стипендіальнаго капитала или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ, по усмотрѣнію правленія университета.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

6. (10-го октября 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы генераль-маіора Августья Николаевны Бекманъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ рублей, завѣщаннаго Императорскому С.-Петербургскому университету вдовою генераль-маіора Августиою Николаевною Бекманъ, учреждается при семъ университетѣ одна стипендія имени завѣщательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ неприкосновенную собственность университета и долженъ храниться въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ университета.

§ 3. Стипендія должна быть назначаема правленіемъ университета на основаніи общихъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ стипендіи должны быть обрацаемы или на приращеніе стипендіального капитала, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ, по усмотрѣнію правленія университета.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (28-го октября 1895 года). *Циркулярное предложеніе и. почетелямъ учебныхъ округовъ объ обмѣнѣ учебными заведеніями облигацій 4⁰/₁₀₀ внутреннихъ займовъ на свидѣтельства Государственной 4⁰/₁₀₀ ренты.*

На основаніи Высочайшаго указа 24-го марта 1895 года всѣмъ владѣльцамъ облигацій 4⁰/₁₀₀ внутреннихъ займовъ 1887 и 1891 гг. предоставлено обмѣнить таковыя на свидѣтельства Государственной 4⁰/₁₀₀ ренты, на нарицательный капиталъ, равный нарицательному капиталу 4⁰/₁₀₀ облигацій, съ расчетомъ процентовъ по срокъ начала теченія процентовъ по вновь выдаваемой рентѣ (1-го декабря 1895 г.), во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго банка и сберегательныхъ кассахъ, при уѣздныхъ казначействахъ (въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ конторы и отдѣленій Государственнаго банка) съ 1-го ноября по 1-е декабря 1895 г. Обмѣнъ этотъ, представляя для держателей облигацій 4⁰/₁₀₀ внутреннихъ займовъ извѣстныя выгоды, какъ въ смыслѣ

представленія имъ нѣкоторыхъ преимуществъ, какъ-то: отсутствія необходимости слѣдить за тиражами, трехмѣсячные купоны, пріемъ ихъ въ казенные платежи за три мѣсяца до срока, такъ и вслѣдствіе болѣе высокой биржевой цѣны, въ то-же время является весьма желательнымъ и для правительства.

Въ виду вышеизложеннаго и принимая во вниманіе, что въ казначействахъ могутъ находиться названныя облигаціи, внесенныя учрежденіями вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, распоряженіе каковыми бумагами зависитъ отъ внесшихъ ихъ учреждений, министръ финансовъ проситъ меня безотлагательно сдѣлать по указаннымъ учреждениямъ надлежащее распоряженіе о немедленномъ сообщеніи сими учреждениями казначействамъ зависящихъ отъ нихъ указаній касательно предъявленія выше упомянутыхъ 4°/_o облигацій къ обмѣну на 4°/_o ренту.

Сообщая о вышеизложенномъ и раздѣляя взглядъ на это дѣло министра финансовъ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство по полученіи сего предложить начальствамъ подвѣдомственныхъ вамъ учебныхъ заведеній и учреждений сдѣлать немедленно зависящія распоряженія объ обмѣнѣ названныхъ облигацій на свидѣтельства 4°/_o Государственной ренты.

8. (31-го октября 1895 года). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ имени бывшаго заслуженнаго ординарнаго профессора сего университета, нынѣ покойнаго статскаго совѣтника Ивана Ивановича Федоренко.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 5.547 руб. 50 коп., полученнаго Харьковскимъ университетомъ въ силу утвержденнаго Харьковскимъ окружнымъ судомъ, 23-го января 1889 года за № 944, духовнаго завѣщанія бывшаго заслуженнаго профессора сего университета, статскаго совѣтника Ивана Ивановича Федоренко, учреждается при названномъ университетѣ стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, обращенный нынѣ университетомъ въ 4¹/₂^o/_o закладные листы дворянскаго земельного банка и въ 4¹/₂^o/_o государственныя облигаціи внутренняго займа, долженъ храниться въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія должна быть назначаемая, по усмотрѣнію правленія университета, одному изъ студентовъ физико-математическаго факультета университета, безъ различія въ роисповѣданіи, при чемъ преимущество должно быть оказываемо студентамъ математическаго отдѣленія факультета.

§ 4. Студентъ, коему назначена стипендія, продолжаетъ пользоваться ею во все время пребыванія въ университетѣ, при условіи отличнаго поведенія и удовлетворительныхъ успѣховъ въ занятіяхъ.

§ 5. Размѣръ годовой стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала.

§ 6. Могушіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала должны быть присоединяемы къ самому капиталу для учрежденія съ теченіемъ времени новыхъ стипендій на основаніяхъ настоящаго положенія.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (31-го октября 1895 года). *Правила о единовременныхъ пособіяхъ имени Федора Тихоновича Смирнова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капиталовъ, полученныхъ Императорскимъ Московскимъ университетомъ согласно съ утвержденными Рязанскимъ окружнымъ судомъ, 24-го іюня 1892 года и 4-го марта 1895 года. духовными завѣщаніями вдовы надворнаго совѣтника Анны Николаевны Смирновой и сына ея бывшаго студента Демидовскаго юридическаго лицея Михаила Федоровича Смирнова, учреждаются при семъ университетѣ для недостаточныхъ студентовъ университета единовременныя пособія имени покойнаго надворнаго совѣтника Федора Тихоновича Смирнова.

§ 2. Означенные капиталы, заключающіеся въ $4\frac{1}{2}\%$ закладномъ листѣ Государственнаго дворянскаго земельного банка въ одну тысячу рублей за № 72155 и въ 5% билетѣ внутренняго съ выигрышами займа за № $\frac{27}{0237}$ и въ наличныхъ деньгахъ 1476 р. 82 к., обращенныхъ въ настоящее время Московскимъ университетомъ въ правительственныя процентныя бумаги, должны храниться въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ

средствъ Московскаго университета, оставаясь навсегда неприкосновенными.

§ 3. Пособія должны быть назначаемы бѣднѣйшимъ студентамъ, безъ различія факультетовъ, правленіемъ университета, съ соблюденіемъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 4. Пособія могутъ быть назначаемы для взноса платы за слушаніе профессорскихъ лекцій и въ этомъ случаѣ не должны быть выдаваемы на руки студентамъ, а должны быть причисляемы въ суммы сбора за слушаніе лекцій студентами университета.

10. (31-го октября 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Ивана Марковича Гаюса при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ 10.000 руб., пожертвованнаго Императорскому Новороссійскому университету дворяниномъ Константиномъ Ивановичемъ Гаюсомъ наличными деньгами и обращеннаго нынѣ въ 4% государственную ренту, учреждается при семъ университетѣ одна стипендія имени отца жертвователя, нынѣ покойнаго дворянина Ивана Марковича Гаюса.

§ 2. Стипендіальный капиталъ долженъ храниться въ Одесскомъ уѣздномъ казначействѣ и составляетъ неотъемлемую собственность Новороссійскаго университета.

§ 3. Право избранія стипендіата принадлежитъ правленію Императорскаго Новороссійскаго университета.

§ 4. Стипендія должна быть назначаема студенту университета изъ уроженцевъ Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губерніи, православно исповѣданія, изъ потомственныхъ дворянъ, а если-бы такового не нашлось, то стипендія должна быть предоставляема студенту христіанину изъ уроженцевъ Херсонской губерніи, изъ числа русскихъ дворянъ.

§ 5. Могущіе оказаться по какимъ либо причинамъ, остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала должны быть выдаваемы въ пособіе бѣднѣйшимъ студентамъ университета, по усмотрѣнію правленія университета.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (2-го ноября 1895 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Варвары Андреевны и Андрея Алексѣевича Алексѣевыхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ для окончившихъ въ немъ курсъ и пожелавшихъ посвятить себя дальнѣйшему усовершенствованію въ наукахъ въ Россіи и за границей.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ пятьдесятъ тысячъ рублей, полученнаго Московскимъ университетомъ по утвержденному Московскимъ окружнымъ судомъ, 14-го декабря 1894 г., духовному завѣщанію вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Варвары Андреевны Алексѣевой и обращеннаго университетомъ въ правительственныя процентныя бумаги, учреждаются при семъ университетѣ три стипендіи для лицъ, окончившихъ въ немъ курсъ и пожелавшихъ посвятить себя дальнѣйшему усовершенствованію въ наукахъ въ Россіи и за границей, изъ числа оставленныхъ при университетѣ для приготовления къ профессорскому званію.

§ 2. Стипендіальный капиталъ долженъ храниться въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ университета, и оставаться навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіи эти должны именоваться: „Стипендіями имени Варвары Андреевны и Андрея Алексѣевича Алексѣевыхъ“ и имѣють быть назначаемы на два года, поровну каждому изъ стипендіатовъ.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ пожизненно племяннику мужа завѣщательницы, Алексѣю Гавриловичу Алексѣеву, а послѣ его смерти право это переходитъ къ университету.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала должны быть присоединяемы къ самому капиталу для увеличенія размѣровъ стипендій изъ процентовъ съ возросшаго капитала.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

12. (2-го ноября 1895 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Варвары Андреевны и Андрея Алексѣевича Алексѣевыхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ пятьдесятъ тысячъ руб., полученнаго Московскимъ университетомъ по утвержденному Москов-

скимъ окружнымъ судомъ, 14-го декабря 1894 г., духовному завѣщанію вдовы потомственного почетнаго гражданина Варвары Андреевны Алексѣевой и обращеннаго университетомъ въ правительственныя процентныя бумаги, учреждаются при семъ университетѣ пять стипендій имени Варвары Андреевны и Андрея Алексѣевича Алексѣевыхъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ долженъ храниться въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіи, опредѣляемыя въ своемъ размѣрѣ процентами съ 10.000 руб. каждая, должны быть выдаваемы отличнымъ по поведенію студентамъ недостаточнаго состоянія, безъ различія факультетовъ.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ пожизненно племяннику мужа завѣщательницы, Алексею Гавриловичу Алексѣеву, а послѣ его смерти переходитъ къ университету.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентныхъ денегъ со стипендіальнаго капитала должны быть обращаемы на составленіе капитала для образованія новыхъ стипендій на основаніяхъ настоящаго положенія.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

13. *Циркулярное предложеніе и. попечителямъ учебныхъ округовъ о приѣмъ золотой монеты въ платежи кассами учебныхъ заведеній.*

6-го сего ноября Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о приѣмѣ золотой монеты въ платежи и взносы кассами правительственныхъ учреждений, а также кассами желѣзныхъ дорогъ частныхъ обществъ.

Влѣдствіе сего и по соглашенію съ министромъ финансовъ имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство принять вышеприведенное Высочайшее повелѣніе къ немедленному исполненію и предложить начальствамъ всѣхъ подвѣдомственныхъ вамъ учреждений о приѣмѣ золотой монеты и депозитныхъ квитанцій кассами специальныхъ сборщиковъ и лицами, которымъ предоставлено принимать государственные доходы, специальныя средства и депозиты, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ.

§ 1. Кассы специальныхъ сборщиковъ принимаютъ во всѣ платежи золотую монету исключительно новыхъ чекановъ 1886 и по-

слѣдующихъ лѣтъ и депозитныя квитанціи, по курсу 14 р. 80 коп. кредитными за имперіальъ и 7 р. 40 к. за полуимперіальъ, установленному по 31-е декабря нынѣшняго года включительно.

§ 2. О пріемѣ золотой монеты и депозитныхъ квитанцій и о курсѣ, по которому онѣ принимаются, кассы специальныхъ сборщиковъ вывѣшиваютъ въ присутственныхъ комнатахъ объявленія, для свѣдѣнія публики, немедленно по полученіи распоряженій о пріемѣ монеты и квитанцій.

§ 3. Квитанція, выдаваемая плательщику, пишется на полную сумму платежа въ кредитной валютѣ, то-есть, по перечисленіи представленныхъ золотыхъ цѣнностей въ кредитную валюту по курсу (п. 1).

§ 4. Въ приходо-расходныхъ книгахъ зачисленные въ платежи золотая монета и депозитныя квитанціи показываются по перечисленіи номинальной цѣны въ кредитную валюту по курсу (п. 1).

§ 5. Если сумма представленной плательщикомъ золотой монеты и депозитныхъ квитанцій, по перечисленіи ихъ въ кредитную валюту по курсу, превышаетъ сумму причитающагося съ вносителя платежа, то вносителю слѣдуетъ выдавать сдачу кредитными билетами или разнѣнной монетой.

§ 6. Принятая отъ плательщиковъ золотая монета и депозитныя квитанціи сдаются кассами специальныхъ сборщиковъ въ казначейства при установленныхъ вѣдомостяхъ, съ точнымъ обозначеніемъ въ нихъ номинальной и особо дѣйствительной по курсу (п. 1) стоимости высылаемыхъ металлическихъ цѣнностей отдѣльно отъ прочихъ суммъ. Въ полученіи этихъ суммъ казначейства обязаны выдавать квитанціи, въ которыхъ также должна быть указана номинальная и особо дѣйствительная по курсу (п. 1) стоимость полученныхъ казначействами золотой монеты и депозитныхъ квитанцій.

§ 7. Въ отчетныхъ вѣдомостяхъ, посылаемыхъ въ контрольныя палаты, кассы специальныхъ сборщиковъ должны показывать принятую въ платежи золотую монету и депозитныя квитанціи съ отмѣткою, въ какой суммѣ въ кредитной валютѣ эти цѣнности зачислены въ платежъ.

Какъ видно изъ пункта 1-го настоящаго предложенія, курсъ на золотую монету установленъ лишь по 31-е декабря текущаго года; о всякомъ дальнѣйшемъ измѣненіи сего курса министерство финансовъ будетъ заблаговременно публиковать во всеобщее свѣдѣніе. Для избѣжанія возможности риска отъ измѣненія курса, за таковыми публикаціями надлежитъ строго слѣдить и въ свое время обмѣнивать

золотую монету и депозитныя квитанціи, поступившія въ спеціальныя кассы и въ депозиты учрежденій министерства народнаго просвѣщенія, на кредитныя рубли, чтобы отъ измѣненія курса не произошло какихъ-либо потерь въ суммахъ учебныхъ заведеній.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда между временемъ установленія новаго курса и публикаціею о томъ будетъ короткій промежутокъ времени, министерство финансовъ не замедлитъ сдѣлать распоряженіе о приѣмѣ изъ кассъ министерства народнаго просвѣщенія въ отдѣленіяхъ государственнаго банка золотой монеты и депозитныхъ квитанцій по прежней цѣнѣ, въ теченіе 7 дней по измѣненіи курса. Тамъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій государственнаго банка, операція обмѣна будетъ производиться казначействами.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Очерки православно-христіанскаго вѣроученія. Курсъ VII класса гимназій. Составилъ *Алексій Покровский*. Изданіе второе, исправленное. Самара. 1895. Стр. IV + 183. Цѣна 60 коп.“—одобрить какъ руководство по Закону Божию для VII класса гимназій.

— Книгу: „Очерки православно-христіанскаго нравоученія. Курсъ VIII класса гимназій. Составилъ *А. Покровский*. Изданіе третье, исправленное. Самара. 1895. Стр. II + 127 + III. Цѣна 60 коп.“—одобрить какъ руководство по Закону Божию для VIII класса гимназій.

— Книгу: „Сочиненія *Григорія Федоровича Квитки (Основаляненка)*. Харьковъ. 1894. Томъ V. Стр. 415. Цѣна 1 руб. 50 коп. и томъ VI. Стр. 406. Цѣна 1 руб. 75 коп.“—томъ V одобрить для учительскихъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а томъ VI допустить въ означенныя библиотеки.

— Изданіе: „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. „*Н. П. Семенова*. Изданіе *М. Е. Комарова*. Томъ I. С.-Пб. 1889, стр. XIX + 848; томъ II. С.-Пб. 1890, стр. 1020; томъ III, часть I. С.-Пб. 1891, стр. VII + 510; томъ III, часть II, С.-Пб. 1892; стр. 847; Указатель, С.-Пб. 1893, стр. VI + 124. Цѣна

25 руб.; для учебныхъ заведеній 10 руб. съ пересылкой. (Съ требованіями обращаться къ Петру Николаевичу Семенову, С.-Пб., Галерная ул. д. 4)—рекомендовать вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки.

— Книгу: „Мысль и языкъ. *А. Потебни*. 2-е изданіе. Съ портретомъ автора. Харьковъ. 1892. Стр. VI + 228. Цѣна 2 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: *А. А. Потебня*. „Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, пословица, поговорка. Харьковъ. 1894. Стр. II + 162 + II. Цѣна 1 руб. 35 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: *Всеволодъ Чешихинъ*. „Жуковский, какъ переводчикъ Шиллера. Критическій этюдъ (увѣнчанный Императорскою Академіей Наукъ преміей за сочиненіе о В. А. Жуковскомъ). Рига. 1895. Стр. въ 16-ю д. л. 172. Цѣна 60 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Стѣнные орографическія таблицы. Составилъ *П. Красногорскій*. Три таблицы. Цѣна 1-й и 2-й безъ наклейки по 20 коп., третьей 10 коп.“—допустить къ употребленію въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, педагогическіе совѣты коихъ признають приобрѣтеніе этихъ таблицъ желательнымъ.

— Книгу: „Полибій. Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Переводъ съ греческаго. *Ө. Г. Мищенко*, съ его предисловіемъ, указателемъ, картами. Томъ II (Книги VI—XXV). Москва 1895. Стр. 805. Цѣна 5 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Выпуски „Иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей *Льва Георгіевскаго* и *Сергья Манштейна*: 1) Гай Юлій Цезарь. Записки о галльской войнѣ въ избранныхъ отрывкахъ. (Войны въ Галліи, Германіи и Британіи). Съ вводными статьями, примѣчаніями, рисунками, реальнымъ указателемъ, 2 планами и картой Галліи. Обработалъ *Михаилъ Ростовцевъ*, преподаватель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи. Часть I: текстъ. Часть II: комментарий. С.-Пб. 1895. Стр. II + 142 + 56 + 21. Цѣна за обѣ части 1 руб. 2) Пуб-

лій *Виргилій Маронъ*. Энеида. Пѣснь III съ введеніемъ и примѣчаніями, 4 рисунками и географическою картою. Объяснилъ *Д. Назуевскій*, профессоръ Императорскаго Казанскаго университета. Изданіе третье исправленное и дополненное. Часть I и II. С.-Пб. 1895. Стр. 24 + 45. Цѣна за обѣ части 40 коп. 3) Гомеръ. Одиссея въ сокращеніи. Выпускъ I. Приключенія Одиссея на чужбинѣ (Пѣсни, I, 1—87 и V—XIII, 125, съ пропусками) съ краткими примѣчаніями, указателемъ собственныхъ именъ и картою Эллады. Преимущественно для курсорнаго чтенія обработалъ *Н. А. Счастливцевъ*, преподаватель Виленской 1-й гимназіи. С.-Пб. 1895. Стр. 112 + 6. Цѣна 60 коп.—рекомендовать въ качествѣ учебныхъ пособій для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Греческій синтаксисъ, изложенный сравнительно съ латинскимъ. Для высшихъ классовъ гимназій. Составилъ *Ил. Рядниковъ*. Изданіе третье, исправленное и значительно дополненное. Самара. 1895. Стр. 201 + V. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій.

— Книгу: „Начальное руководство къ изученію латинскаго языка для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Грамматика и хрестоматія. Составилъ преподаватель 5-й С.-Петербургской гимназіи *М. Михайловскій*. Изданіе 2-е, переработанное. Стр. VIII + 300. Цѣна 1 руб.“—одобрить какъ учебное руководство для младшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Книжку: *А. И. Гольденбергъ*. „Собраніе ариѳметическихъ упражненій для гимназій и реальныхъ училищъ. Курсъ приготовительнаго класса. Цѣна 25 коп. С.-Пб. 1895. Стр. 80“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи ариѳметики въ приготовительныхъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ въ начальныхъ школахъ.

— Книгу: „Ариѳметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. Малининъ*, исправляющій обязанности инспектора Московскаго реального училища. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1895. Стр. 1 + 232 + II. Цѣна 90 к.“—допустить какъ руководство для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Основы метеорологіи и климатологіи. *Д. А. Лачинова*, профессора физики и метеорологіи въ С.-Петербургскомъ Лѣсномъ институтѣ. Второе, вполне передѣланное изданіе съ 234 рисунками въ текстѣ и 13-ю раскрашенными картами. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Девриена*. 1895. Стр. XII + 563. Цѣна 4 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ

мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и для фундаментальныхъ библиотекъ женскихъ гимназій и учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книжку: „Простое слово о мудреной наукѣ (Начатки химіи). Якова Пасынкова. Съ 5-ю рисунками. Изданіе книжнаго склада П. К. Прянишникова. М. 1895. Стр. въ 16-ю д. л., 336. Цѣна не обозначена“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Курсъ общей географіи въ объемѣ гимназической программы. Составилъ по Гевальду, Даниелю, Кледену, Реклю, Сулану и другимъ источникамъ Л. П. Весинъ. Азія, Африка, Америка и Австралія (100 рисунковъ въ текстѣ). Изданіе второе. С.-Пб. 1895. Стр. 143. Цѣна 80 коп.“—допустить въ ученическія, младшаго возраста, библиотеки гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Забутый путь изъ Европы въ Сибирь. Енисейская экспедиція 1893 года. Составилъ В. И. Семеновъ. С.-Пб. 1894. Стр. 185. Цѣна 75 коп.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „О заразныхъ болѣзняхъ и мѣрахъ борьбы съ ними. Три общедоступныя лекціи д-ра М. К. Бурды, прочитанныя въ Одесской городской аудиторіи для народныхъ чтеній. Одесса. 1894. Стр. 62. Цѣна 15 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и для народныхъ бесплатныхъ читателей.

— Книгу: „Домашнія древнегреческія сказки Э. Клея. Обработалъ для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и снабдилъ грамматическими и другими примѣчаніями и словаремъ К. Ганъ, заслуженный учитель Тифлисской I классической гимназій, преподаватель Тифлискаго кадетскаго корпуса и Тифлисской I женской, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Θεодоровны, гимназій. Тифлясь, 1895. Стр. III+104, Цѣна не обозначена“—допустить какъ учебное пособіе по нѣмецкому языку для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этой книги она была напечатана болѣе крупнымъ шрифтомъ.

— Книгу: L. K. Jacobson. „Schillers Historische Prosa. Bruchstücke aus der Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande und der Geschichte der dreissigjährigen Kriegs. Отрывки изъ историческихъ сочиненій Шиллера. Снабдилъ примѣчаніями и словаремъ Л. К.

Якобсонъ. С.-Пб. 1895. Стр. VI+156. Цѣна 45 коп. — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этой книги она была напечатана болѣе крупнымъ шрифтомъ.

— Книжку: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. *Voltaire, Histoire de Charles XII, roi de Suède*. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ и географическою картою. Объяснилъ *В. С. Игнатовичъ*. Изданіе *С. А. Мамитейна*. С.-Пб. 1894. Стр. въ 16-ю д. л., 157+53. Цѣна со словаремъ 50 коп.“ — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „*Deutsches Lesebuch für mennonitische und lutherische Elementarschulen in Russland, herausgegeben von K. Unruh und K. Wilhelm*. Erste Abteilung. Стр. VII+88. Zweite Abteilung. Стр. VIII+180. Цѣна не обозначена“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия, а именно первую часть для меннонитскихъ и лютеранскихъ школъ грамотности, а вторую часть для меннонитскихъ и лютеранскихъ начальныхъ училищъ.

— Книгу: „*Grundzüge der deutschen Grammatik für höhere Lehranstalten und zum Selbstunterricht nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung. Zweite Auflage*. Основы нѣмецкой грамматики съ правилами нѣмецкаго правописанія и географическимъ указателемъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія составилъ *К. Л. Микшицъ*. 2-е изданіе. С.-Пб. 1895. Изданіе *И. И. Глазунова*. Стр. XII+176+41. Цѣна не обозначена“ — одобрить какъ руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ тѣхъ же заведеній.

— Книгу: „*Мево леседеръ оламъ*. Введеніе къ книгѣ „Порядокъ міра“. Критическій обзоръ еврейской хронологіи. *Б. Ратнера*. Вильна. 1894. Стр. 162“ — одобрить для бібліотеки Виленскаго еврейскаго учительскаго института и для учительскихъ бібліотекъ еврейскихъ начальныхъ училищъ.

— „Изданные книгопродавцемъ *В. Думновымъ*, по мысли преодателя 5-ой С.-Петербургской гимназіи Михаила Михайловскаго портреты Государя Императора Николая Александровича, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны и въ Бозѣ почившаго Императора Александра III-го, съ текстомъ телеграммы Государя Императора на имя г. министра

народнаго просвѣщенія“ — допустить въ среднія и низшія учебныя заведенія, съ тѣмъ, чтобы цѣна этому изданію для низшихъ учебныхъ заведеній была назначена не дороже 20 коп., а для среднихъ учебныхъ заведеній не дороже 50 коп. за экземпляръ.

— Книжку „Сборникъ правилъ русскаго правописанія. Составилъ по „Русскому правописанію“ академика Я. К. Грота *Я. Д. Малиссъ*. Москва. 1895. Стр. 98. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для городскихъ училищъ, а также для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книжку „*Н. Н. Мионовъ*. Изъ „Методики роднаго слова“. Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку. Рига. 1894. Стр. 87. Цѣна 75 коп.“ — допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „*А. Суловъ*. Разборъ комедіи „Горе отъ ума“, читанный на литературной бесѣдѣ 8-го января въ м. Хони по случаю столѣтія со дня рожденія А. С. Грибоѣдова. Тифлисъ. 1895. Стр. 22. Цѣна 40 коп. съ пересылкой“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Пособіе для историческаго изученія главнѣйшихъ произведеній древне-русской словесности—устной и письменной. (Для средне-учебныхъ заведеній). Составилъ *Вл. Штененко*. Керчь. 1895. Стр. 180 + 4. Цѣна не обозначена“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*В. П. Мининъ*, преподаватель Московской 3-ей гимназіи. Сборникъ тригонометрическихъ задачъ, примѣненный къ курсамъ гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Изданіе третье (16-я тысяча экземпляровъ). значительно дополненное. Съ приложеніемъ большого числа задачъ, рѣшаемыхъ совмѣстнымъ примѣненіемъ геометріи и тригонометріи. Москва. 1895. Стр. IV + 146. Цѣна 85 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Электричество и его примѣненія. Два чтенія. Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній. С.-Пб. 1894. Стр. 90. Цѣна 30 коп.“—рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ

среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библиотекъ городскихъ училищъ, для учительскихъ библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и для народныхъ читаленъ.

— Книжку: „Очеркъ физическихъ основаній электротехники въ общепонятномъ изложеніи. Шестъ популярныхъ опытныхъ чтеній *Эттейна*. Переводъ съ 2-го изданія *Н. С. Дрентельна*. Съ 39-ю рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе Эггерсъ и К°. (Годъ не обозначенъ). Стр. II+95. Цѣна не обозначена“ — рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „*Θ. Успенскій*. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Рѣчь, произнесенная 11-го мая 1888 г. въ торжественномъ собраніи Одесскаго славянскаго благотворительнаго общества въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. Изданіе Кирилло-Меѳодіевскаго книжнаго склада при Одесскомъ славянскомъ обществѣ. 1888. Стр. 38. Цѣна 50 коп.“ — рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Систематическій курсъ древней исторіи. Курсъ IV класса мужскихъ гимназій и прогимназій. Составилъ примѣнительно къ новымъ учебнымъ планамъ преподаватель Ришельевской гимназій *Николай Знойко*. Изданіе второе, исправленное. Одесса. 1895. Стр. VIII+240+X. Съ 2-мя картами. Цѣна 1 рубль“ — допустить въ качествѣ учебнаго руководства для IV класса гимназій и прогимназій, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этой книги помѣщенный въ ней вопросникъ былъ напечатанъ болѣе крупнымъ шрифтомъ.

— Книжку: „Краткій историко-географическій словарь. Составилъ *Н. Вершинъ*, преподаватель Рыбинской гимназій. Тверь. 1895. Стр. IV+161. Цѣна 50 коп.“ — одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Географическую карту: „Фото-рельефъ Кавказа. Составилъ *Г. Г. Меуъ*, дѣйствительный членъ Парижскаго географическаго общества. (Цѣна экземпляра для учебныхъ заведеній не выше 40 коп., въ розничной продажѣ 50 коп.)“ — одобрить для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ необязательнаго пособія при преподаваніи географіи.

— Книжку: „Жизнь и сочиненія главнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ XVIII вѣка. (На нѣмецкомъ языкѣ). Руководство для преподаванія нѣмецкой литературы въ VII классѣ реальныхъ училищъ согласно

учебнымъ планамъ составилъ Э. С. Москва. Изданіе К. И. Тихомирова. 1895. Стр. 70. Цѣна 25 коп.“ — допустить въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Нѣмецкая хрестоматія. Составилъ *Ө. Ө. Яновскій*. Рига. 1895. Стр. XIV+186. Цѣна 60 коп.“ — одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи нѣмецкаго языка въ начальныхъ училищахъ и въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книжку: „Нѣмецкая азбука. Составили *К. Грубе, В. Доннеръ. Фр. Дohne, Н. Фриденбергъ*. Lesebibel. Vorstufe zum deutschen Lesebuche „Jugendschatz“. Herausgegeben von *K. Grube, W. Donner, Fr. Dohne, N. Friedenbergr*. Riga. 1895. Verlag von W. Mellin & Co. Стр. 96. Цѣна въ переплетѣ 36 коп.“ — одобрить для употребленія въ начальныхъ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Книга для нѣмецкаго чтенія въ начальныхъ училищахъ и низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Jugendschatz, Deutsches Lesebuch für Elementarschulen und untere Klassen mittlerer Lehranstalten. Herausgegeben von *K. Grube, W. Donner, Fr. Dohne, N. Friedenbergr*. I. Theil. Riga. 1895. Verlag von W. Mellin & Co. Стр. VIII+168. Цѣна въ переплетѣ 50 коп.“ — одобрить для употребленія въ начальныхъ училищахъ и въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Курсъ гигіены для женскихъ гимназій. Составили женщина-врачъ *М. М. Волкова* и кандидатъ естественныхъ наукъ *В. Д. Вольфсонъ*. Съ 70 полнотипажамъ. С.-Пб. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмою „Наслѣдники бр. Салаевыхъ“ въ Москвѣ. 1895. Стр. VIII+298. Цѣна 1 р. 50 коп.“ — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— „Учебникъ геометріи и собраніе геометрическихъ упражненій. Составилъ *П. Мироновъ*. Уфа 1895. Въ 8-ку. Часть I (курсъ 3-го

отдѣленія городскихъ училищъ). Стр. 104, съ приложеніемъ 12 таблицъ „Развертки тѣлъ. Цѣна 45 коп.“—Часть II (курсъ 4-го отдѣленія городскихъ училищъ). Стр. 158. Цѣна 50 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Брошюру „Зубы. Уходъ за зубами, сохраненіе и сбереженіе ихъ на долгое время и ихъ лѣченіе. Составилъ Алексѣй *Савельевъ*. Изд. 2-ое. С.-Пб. 1895. Въ 12-ю д. л., 50 стр. Цѣна 15 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу „Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Синтаксисъ въ образцахъ. Составилъ *Конст. Федор. Петровъ*. Изд. 6-ое, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1896. Въ 8-ку, 130 стр. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— „Начальное правописаніе для начальныхъ школъ и домашняго обученія. Составилъ *П. И. Кротовъ*. Астрахань. 1895. Въ 8-ку, 52 стр. Цѣна 15 коп.“—допустить въ начальныя школы, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно указаніямъ.

— Книгу „*В. П. Авенаріусъ*. Меньшой потѣшный. Историческая повѣсть изъ молодости Петра Великаго. Съ портретомъ князя Меншикова (изъ книги „Васильки и Колосья“). С.-Пб. Цѣна 40 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу „*А. Димитріу*. Географія, какъ учебный предметъ. Опытъ методико-дидактическаго руководства къ преподаванію географіи. Основныя понятія изъ математической и физической географіи. Съ 6-ю чертежами и 14 статистическими таблицами. Одесса 1895. Въ 8-ку, 162 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію начальства Кавказскаго учебнаго округа, 10-го минувшаго сентября открыта въ городѣ Новороссійскѣ женская прогимназія.

— Начальствомъ Кавказскаго учебнаго округа разрѣшено открыть съ 1-го минувшаго сентября въ городѣ Пятигорскѣ женскую прогимназію.

— По донесенію начальствъ учебныхъ округовъ—Оренбургскаго— въ городѣ Кустанаѣ, Тургайской области, 8-го минувшаго октября открыта, въ составѣ 1-го класса, при 18 ученицахъ, русско-киргизская женская прогимназія и Кавказскаго—занятія въ разрѣшенной имъ къ открытію 4-хъ классной женской прогимназіи въ городѣ Пятигорскѣ начались 25-го сентября сего года, при 60 ученицахъ.

— По донесенію начальства Оренбургскаго учебнаго округа, 3-го минувшаго сентября открыто общежитіе для бѣдныхъ ученицъ Ирбитской женской прогимназіи, на счетъ ассигнованной мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ суммы 2.500 руб., въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

— По донесенію начальствъ учебныхъ округовъ—Казанскаго— 17-го сентября сего года, послѣдовало открытіе, при 86 учащихся. Глазовскаго городскаго трехкласснаго училища по положенію 31-го мая 1872 г., преобразованнаго изъ уѣзднаго училища и Оренбургскаго—2-го минувшаго октября состоялось освященіе вновь устроенной при Белебеевскомъ городскомъ четырехклассномъ мужскомъ училищѣ домовою церкви во имя св. Равноапостольнаго Князя Владиміра.

— Съ разрѣшенія начальства Казанскаго учебнаго округа, 20-го августа сего года, открыто Самарское городское трехклассное училище въ составѣ первыхъ двухъ классовъ, при 110 учащихся, преобразованное изъ городскаго училища.

— По донесенію начальства Одесскаго учебнаго округа, 8-го минувшаго сентября открыто Новогеоргіевское, Херсонской губерніи. городское трехклассное училище, при 110 учащихся.

— По донесенію начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ городѣ С.-Петербургѣ вновь открыты городскія трехклассныя училища—Вознесенское 14-го минувшаго сентября, при 60 учащихся въ I-мъ классѣ и 12 во II-мъ классѣ и Сергіевское 19-го того же сентября, при 70 учащихся въ I-мъ классѣ и 20 во II-мъ.

— 5-го минувшаго октября открыто въ городѣ Кустанаѣ (бывшій Николаевскъ), Тургайской области, двухклассное городское по положенію 31-го мая 1872 года училище, при 51 ученикѣ.

-- Начальствомъ С.-Петербургскаго учебнаго округа разрѣшено устроить съ 1-го минувшаго сентября въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Андреевскаго городскаго училища воскресныя занятія по рисованію и черченію для рабочихъ на заводахъ, фабрикахъ и въ ремесленныхъ заведеніяхъ.

— По донесеніямъ учебно-окружныхъ начальствъ открыты новыя

училища: двухклассное министерства народнаго просвѣщенія, съ классомъ ручного труда, въ с. Тамбунарахъ, Измаильскаго уѣзда. Бессарабской губерніи, русское центральное—въ Орловской волости, Херсонскаго уѣзда, и русско-киргизскія начальныя женскія въ городѣ Актюбе и укрѣпленіи Карабутакѣ, Тургайской области, при чемъ первое изъ нихъ—съ интернатомъ на 20 киргизскихъ дѣвочекъ и второе на 10 дѣвочекъ.

— По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа, имъ разрѣшено открыть въ посадѣ Клинцахъ, Черниговской губерніи, двухклассное женское приходское училище по уставу 8-го декабря 1828 г. на средства, ассигнуемыя Клинцовскою посадскою думою, въ размѣрѣ 1.500 руб. въ годъ.

— По донесеніямъ учебно-окружныхъ начальствъ, открыты новыя училища: въ сѣ Юрьевцѣ—Поволжскомъ, Костромской губерніи, при фабрикѣ товарищества Юрьевской ляннопрядильной мануфактуры, одноклассное министерства народнаго просвѣщенія и въ городѣ Алатырѣ, Симбирской губерніи, начальное по положенію 25-го мая 1894 г.

— По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа, въ селѣ Перекоповкѣ, Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи, открыто сельское одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, учрежденное на средства, завѣщанныя покойнымъ генераль-лейтенантомъ Лодинскимъ, съ пособіемъ отъ Роменскаго земства. Учащихся поступило 110 человѣкъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЭПИТЕТА ¹⁾.

Если я скажу, что история эпитета есть история поэтического стиля въ сокращенномъ изданіи, то это не будетъ преувеличеніемъ. И не только стиля, но и поэтического сознанія отъ его физиологическихъ и антропологическихъ началъ и ихъ выраженій въ словѣ—до ихъ закрѣпощенія въ ряды формулъ, наполняющихся содержаніемъ очередныхъ общественныхъ міросозерцаній. За инымъ эпитетомъ, къ которому мы относимся безучастно, такъ мы къ нему привыкли, лежитъ далекая историко-психологическая перспектива, накопленіе метафоръ, сравненій и отвлеченій, цѣлая исторія вкуса и стиля въ его эволюціи отъ идей полезнаго и желаемаго до выдѣленія понятія прекраснаго. Если бы эта исторія была написана, она освѣтила бы намъ развитіе эпитета; пока хронологія эпитета можетъ послужить матеріаломъ будущаго, болѣе широкаго обобщенія. Польза такой хронологія стоитъ въ прямой зависимости отъ богатства и разнообразія данныхъ, находящихся въ рукахъ собирателя; я не могу похвалиться ни тѣмъ ни другимъ и потому даю лишь наброски, ставлю вопросы и прошу дополненій ²⁾.

Эпитетъ свойственъ и поэзіи, и прозаической рѣчи; въ первой онъ обыченъ и рельефнѣе, отвѣчая поднятому тону рѣчи. Гельги возвышается надъ другими витязями, какъ *благородный* ясень надъ терновникомъ, — какъ *росою увлажненный* телець надъ стадомъ, впереди котораго онъ бѣжитъ (Helgakv. Hundingsbana, II, 36); Сигурдъ

¹⁾ Читано въ засѣданіи Неофилологическаго общества, состоящаго при С.-Петербургскомъ университетѣ, 14-го апрѣля 1895 г.

²⁾ Указанія на источники и пособія, которыми я пользовался, найдутъ себѣ мѣсто въ книгѣ, изъ которой извлечена предлагаемая замѣтка.

сравнивается съ *благороднымъ* или *зеленымъ* пореемъ, *блестящимъ* (драгоценнымъ) камнемъ, *высоконогимъ* оленемъ, *краснымъ* золотомъ (Gudrunarkv. I, 18; II, 2). Вотъ общій типъ эпитета.

Эпитетъ—одностороннее опредѣленіе слова, либо подновляющее его нарицательное значеніе, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета. Первый родъ эпитетовъ можно бы назвать *тавтологическими*: *красна двѣнца*, напримѣръ, въ сущности тождесловіе, ибо и прилагательное, и существительное выражаютъ одну и ту-же идею свѣта, блеска, причемъ въ ихъ сопоставленіи могло и не выражаться сознаніе ихъ древняго содержательнаго тождества. См. еще: *солнце красное*, *жuto золото* (сербск.), *грязи топучія* и друг.

Второй отдѣлъ составляютъ эпитеты *пояснительные*: въ основѣ какой-нибудь одинъ признакъ, либо 1) считающійся существеннымъ въ предметѣ, либо 2) характеризующій его по отношенію къ практической цѣли и идеальному совершенству. По содержанію эти эпитеты распадаются на цѣлый рядъ групповыхъ отличій; въ нихъ много переживаній, отразились тѣ или другія народно-психическія воззрѣнія, элементы мѣстной исторіи, разныя степени сознательности и отвлеченія и богатство аналогій, растущее со временемъ.

Говоря о существенномъ признакѣ предмета, какъ характерномъ для содержанія пояснительнаго эпитета, мы должны имѣть въ виду относительность этой существенности.

Возьмемъ примѣры изъ народной поэзіи. Бѣлизна лебеди, напри- мѣръ, можетъ быть названа ея существеннымъ признакомъ, какъ и *ὑγρόν ἄδωρ* (Od. IV, 458), что намъ казалось-бы излишнимъ; но старо- франц. *escut bucler* (Ch. d. Rolant v. 526) характеризуетъ щитъ не со стороны его крѣпости или формы, а по выпуклому, обыкновенно украшенному возвышенію въ срединѣ; „руино вино“ сербской пѣсни отзывается случайностью подбора (Гом. *αἴθοψ*, рѣже *μέλας*, *ἔροδρος*; ит. *vinu negro*), ея „честити цар“, „бјели двори“, „вода ладна“, „ситна мрежа“, „ступистая лошадушка“, „тихомѣрныя бесѣдушки“ (Барсовъ, Причит.), „стола бѣлодубовые“, „ножки рѣзвыя“, „ѣствушка сахарная“ и т. п. нашихъ былинъ указываютъ на желаемый идеаль: коли царь, то честитый, стола бѣлодубовый, стало быть, хорошій, крѣпкій.

Отсюда пристрастіе къ эпитету „золотой“: у Асвиновъ колесница, и ось, и сидѣнье, и колеса, и вожжи—золотыя, у Варуны золотой панцырь, у Индры громовыя стрѣлы и жилище изъ золота; Слово о

Полку Игоревѣ говорить о „златомъ столѣ“, златомъ сѣдлѣ и т. д.; въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ являются золотые столы, ножи, челнокъ, весло, соха, серпъ и т. д.; въ литовскихъ: кольцо, шпоры, подковы, стремя, сѣдло, ключи ¹⁾. У древнихъ германцевъ золото принадлежность боговъ, серебро героевъ; желѣзо является лишь въ позднѣйшихъ произведеніяхъ англо-саксонской и сѣверной поэзіи.

Мѣриломъ подобнаго рода опредѣленій служить нерѣдко бытовое или этнографическое преданіе, сохранившееся въ переживаніяхъ. Лучшимъ матеріаломъ для копейныхъ древокъ считался ясень, оттуда ясеневое копые гомеровскихъ и старо-французскихъ поэмъ: *δόρο, ἔγχος μείλιον, lance fraispine, espiel frespin*; рядомъ съ ними, хотя и въ менѣе частомъ употребленіи, *ἔρχεα ὀξύωντα* (буковья; или острья? рѣдко у Гомера), *baston rommerin, espiel de cornier, lance sarine*. Въ нашемъ эпосѣ копые мурзаецкое (сл. сѣдельшко черкасское) указываетъ на историческія отношенія, какъ и старо-французское *agabi* при конѣ: то и другое было типомъ хорошаго коня (сербск. *вито коцје*), добраго коня (сербск. *добар коњ*). Можетъ быть, такими же отношеніями объясняются „зеленые“ щиты старо-французскаго эпоса; наше зелено вино не идетъ въ сравненіе: вино и виноградъ смѣшивались, эпитетъ послѣдняго перенесенъ былъ на первое, тѣмъ легче, чѣмъ менѣе знакомы были съ лозой; зелено вино вызвало далѣе образъ „синяго“ кувшина. Иное дѣло *зеленые пути* (*groenir brautir, gréne stræta*) сѣверной и англо-саксонской поэзіи: дорѣгъ нѣтъ, путь идетъ *зеленымъ* полемъ; въ болгарской поэзіи эти пути, друмы—*бълме*; въ старо-французскомъ эпосѣ ихъ эпитетъ *anti* = *antiquus*: *старыя* римскія дороги. Эпитетъ бросаетъ свѣтъ на три культурныя перспективы.

Цвѣтъ волосъ—этнической признакъ; какъ греческіе, такъ и средневѣковые витязи волосаты, въ гомеровскихъ поэмахъ ахеяне зовутся „кудреглавыми“ (*κάρηκομόωντες*), женщины *ῥῆχορος* и *καλλιπλόχαρος*, прекраснокудрыми; волосы свѣтлорусые: это любимый цвѣтъ у грековъ и римлянъ; всѣ гомеровскіе герои бѣлокуры, кромѣ Гектора. Рѣже черные волосы съ синимъ отливомъ, *χαίνας*, у Гомера это цвѣтъ стали, шкуры дракона, кораблей, эпитетъ волосъ (*Κοανοχαίτης* = Посейдонъ); грозовой тучи; у Платона *κοανοῦν* отвѣчаетъ темносинему, у Гезихія *κοανοῦν*— цвѣтъ неба. Это синкретическое представленіе чер-

¹⁾ Указаніями на эпитеты литовской и латышской народной поэзіи я обязанъ любезности Э. А. Вольгера. Другія сообщенія изъ области эпитета сдѣланы были мнѣ Л. Н. Майковымъ, В. К. Ернштедомъ и Гр. Де Ла Бартомъ.

наго, отливающегоъ въ синій цвѣтъ, лежитъ въ эпитетѣ киргизской эпикѣ: черный стальной мечъ, старофр. *acier brun*, и въ основѣ сѣвернаго *blár* = нѣм. *blau*: *blámaðr* = эіопъ; въ древне-русскихъ текстахъ бѣсы изображаются эіопами — *синьцами*; *синь*, какъ эпитетъ камня въ болгарскихъ пѣсняхъ и галицкой колядкѣ, относится сюда же, какъ, можетъ быть, и *marbre bloi* въ *Chanson de Roland*.

И въ сербскомъ (руса глава), и въ русскомъ эпосѣ излюбленный цвѣтъ волосъ русый; въ средневѣковой поэзіи запада—золотистый: *crin d'or*; *si cheveul resembloient d'or fin ou de leton*; *plus furent luisans d'une coupe dorée*; *leur cheveulx reluisoient comme renne de raon*; *plus jaunes que renne de raon*. Эта предилекція западныхъ эстетиковъ настолько же этническаго, насколько историко-культурнаго свойства, наслѣдіе, отчасти, римскаго вкуса; въ другихъ случаяхъ предпочтеніе извѣстныхъ цвѣтовъ, стало быть, и эпитетовъ, можетъ возбудить вопросъ: имѣемъ-ли мы дѣло съ безучастнымъ переживаніемъ древнѣйшихъ физиологическихъ впечатлѣній, или съ этническимъ признакомъ. Извѣстно, что красный и желтый цвѣтъ раньше другихъ распознаются ребенкомъ, и физиологи указываютъ тому причину; красный, желтый, оранжевый цвѣта—излюбленные цвѣта дикихъ, оставшихся на степени дѣтски-наивнаго міросозерцанія; мы не удивимся, послѣ этого, если и гомеровскія поэмы обнаруживаютъ любовь къ красному, но когда Грантъ Алленъ говоритъ о такомъ же предрасположеніи у англійскихъ поэтовъ вообще, вопросъ о народныхъ особенностяхъ эстетическихъ впечатлѣній возникаетъ самъ собою. Нашъ „дородный добрый молодецъ“ и „парень красавецъ“ (*fetū frumos* = *formosus*) румынской народной поэзіи принадлежать двумъ различнымъ обобщеніямъ.

Двѣ группы пояснительныхъ эпитетовъ заслуживаютъ особаго вниманія: *эпитетъ-метафора* и *символическій*, сливающиеся для насъ въ одно цѣлое, тогда какъ между ними лежитъ полоса развитія: отъ безразличія впечатлѣній къ ихъ сознательной раздѣльности.

Эпитетъ-метафора предполагаютъ параллелизмъ впечатлѣній, ихъ сравненіе и логическій выводъ уравненія. *Черная тоска*, напримѣръ, указываетъ на а) противоположеніе тьмы и свѣта (дня и ночи)—и веселаго и грустнаго настроенія духа; б) на установленіе между ними параллели: свѣта и веселья и т. д.; с) на обобщеніе эпитета свѣтовой категоріи въ психологическое значеніе: черный, какъ признакъ печали.—Или—*мертвая тишина*, предполагающая рядъ приравне-

ній и обобщеній: а) мертвецъ молчить; б) молчаніе—признакъ смерти; с) перенесеніе реального признака (молчаніе) на отвлеченіе: тишина.

Развитіемъ эпитета-метафоры объясняются тѣ случаи, когда, на-примѣръ: а) дѣйствіе, совершающееся при извѣстномъ объектѣ, въ предѣлахъ одного представленія, либо его сопровождающее, переносится на него, какъ дѣйствіе, ему свойственное, при большемъ или меньшемъ развитіи олицетворенія. Глухое окно, *blindes Finster*—это окно, въ которое не видать, изъ котораго не слышно; сл. франц. *lanterne sourde*; глѣсъ глухой (Пушкинъ); *vada caeca* (Aen. I, 536). Ленау говоритъ о звучащемъ, звучномъ утрѣ (*der klingende Morgen*), у Пушкина встрѣчаемъ и „голодную волну“ и „зиму съдую“, и „грѣхъ алчный“. Сюда относится „и золотая Церера“ и „блѣдный страхъ“ у Гомера и Эсхила, и „блѣдная зависть“, франц. *colère bleue*, и *saecus Aetor*, и „розовый стыдъ“ Шекспира; сл. сербскія: *нијана механа*—корчма; оружье *плашиво*—страшное; лит. молодые дни. — Либо б) эпитетъ, характеризующій предметъ, прилагается и къ его частямъ: такъ синій, *caeruleus* переносится отъ моря каплямъ пота Ареутузы (Ov. Met. V, 633: *caeruleae cadunt toto de corpore guttae*); у нерейдъ, обитательницъ моря, волосы зеленые (цвѣтъ моря или морской травы?), а у Ленау (зеленая) тропа олицетворена: ей нечего повѣдать о былой любви, и она печально замкнула свои *зеленія уста*:

Der Pfad, der nichts der Liebe mehr zu künden,
Schloss trauernd seine grüne Lippen zu.

См. у Гейне, *Neuer Frühling* 15: *Da grüsst der Mond herunter — Mit Nchtem Liebesweh.*

Другіе эпитеты, повидимому сходные съ предыдущими, объясняются физиологическимъ синкретизмомъ и ассоціаціей нашихъ чувственныхъ воспріятій, въ которой, при нашей привычкѣ къ аналитическому мышленію, мы обыкновенно не даемъ себѣ отчета, тогда какъ нашъ глазъ поддерживается слухомъ, осязаніемъ и т. п., и наоборотъ, и мы постоянно воспринимаемъ впечатлѣнія слитнаго характера, природа котораго раскрываются намъ случайно, или при научномъ наблюденіи. Такъ впечатлѣнія свѣта могутъ быть искусственно вызваны впечатлѣніями звука, слѣпой выражаетъ ощущеніе солнечныхъ лучей, говоря, что онъ его слышитъ; мы говоримъ о *Klangfarbe*, *auditions colorées*. Эпитеты, которые я называю *синкретическими*, отвѣчаютъ этой слитности чувственныхъ воспріятій, которыя первобытнй человѣкъ выражалъ нерѣдко одними и тѣми-же лингвистическими

показателями; цѣлый рядъ индоевропейскихъ корней отвѣчаютъ понятію напряженнаго *движенія*, *прониканія* (стрѣлы) и одинаково—понятіямъ *звука* и *свѣта*, горѣнія (сл. нѣм. *singen* и *senzen*), обобщаясь далѣе до выраженія отвлеченныхъ отношеній: греч. *ὄψος*, лат. *ascer*, церк.-сл. остръ служатъ для обозначенія и звуковыхъ и свѣтовыхъ впечатлѣній; нѣм. *hell* прилагается и къ звуку и къ тону краски (сл. старо-фран. *le vis cler*; *clers fut li jors*; *Munjoie escrient et haltement e cler*. *Ch. de Rol.* v. 1159, 1002, 1974). Мы говоримъ о ясномъ, то-есть, свѣтломъ солнцѣ и о ясномъ, то-есть, стремительномъ, быстромъ соколѣ, не отдавая себѣ отчета въ первичномъ значеніи эпитета во второмъ его употребленіи; французское *voix sombre*, *heller Ton*, глухая ночь, острое слово насъ не смущаютъ, иначе дѣйствуютъ сочетанія *voix blanche*, *froid noir*, вихоръ черный (Пушк.), *bleu sourd* (Goncourt, *Journal*), пестрая тревога (Пушк.), — и мы раздумываемся надъ своеобразностью такихъ сопоставленій въ тѣхъ случаяхъ, когда поэтъ разовѣетъ ихъ съ необычною картинностью, какъ Гюго: *Un bruit farouche, obscur, fait avec des ténèbres*, либо Данте: *Inf. V, 28: io venni in luogo d'ogni luce muto: я пришелъ въ мѣсто, нѣмотствовавшее свѣтомъ, то-есть, лишенное свѣта*. Сл. еще у Данте *молчаніе солнца* (*dove'l sol tace Inf. I 60*) *per amica silentia lunae* (Aen. II 255).

Если я позволилъ себѣ отнести къ выраженіямъ не метафоры, а синкретизма и слѣдующіе примѣры, въ которыхъ впечатлѣнія свѣта и звука сливаются съ представленіями иного, не чувственнаго порядка, то потому лишь, что и это сліяніе произошло уже на почвѣ языка, выразившаго его однимъ комплексомъ звуковъ. Въ Ригведѣ смѣется молнія, смѣется сквозь тучи *Dyaus*; въ Иліадѣ „подъ пышнымъ сіяніемъ мѣди — окрестъ, смѣялась земля“ (*ἤλασσε δὲ κᾶσα περὶ χθών ἡλκῶ ὀπὸ στερρότης*); у Вальтера фонъ-дерь-Фогельвейде смѣются цвѣты, какъ и у Данте (Par. XXX, 65, 70); „прекрасное свѣтило, побуждающее къ любви (планета Венеры), заставляетъ улыбаться востокъ“ (Purg. I, 19—20). Если греч. *ἤλαω*—смѣяться связано съ корнемъ *gal*: быть свѣтлымъ, блестящимъ, мы поймемъ синкретическія основы эпитета. Или Данте говоритъ о *Виргиліѣ*, что онъ отъ долгаго молчанія казался—хриплымъ или слабымъ (*che per lungo silenzio ragaа fisco*). Стихъ этотъ вызывалъ много толкованій: *fisco* по итальянски значить, собственно, слабый, разслабленный; молчаніе — признакъ слабости, упадка силъ; такъ понималъ это языкъ: гот. *slavan*—σλαπᾶν, сѣв. *sljór*, старосакс. *sleu*: слабый, безсильный; сл.

груз. корень кдм, оттуда кдома, кудома = умирать, но кдома = молчать (сообщение проф. Марра).

Въ основѣ такого рода двойственности нѣтъ метафоры, предполагающей известную степень сознательности, а безразличіе или смѣшанность опредѣленій, свойственная нашимъ чувственнымъ воспріятіямъ и, вѣроятно, болѣе сильная въ пору ихъ закрѣпленія формулами языка.

Исторія эпитета, къ которой и перехожу, укажетъ, какъ и подь какими вліяніями совершалась эволюція его содержанія.

Въ связи съ его назначеніемъ: отмѣтить въ предметѣ черту, казавшуюся для него *характерной*, существенной, показательной, стоять, по видимому, его *постоянство* при известныхъ словахъ. Греческій, славянскій и средневѣковой европейскій эпосъ представляютъ обильные примѣры. У Гомера море темное (ιοειδής, ἰοδιφής, οἶνοψ) или сѣрое (πολιός), снѣгъ холодный (ψυχρή), немочь злая (κακή, στυγερή, ἀργαλέη), вино темное, красное. небо звѣздное, мѣдное. Сл. *сербск.* вита жѣла (то-есть, стройная), вито, бојно копье, соко сиви (русск. ясный, сивый), бритка сабље (русск. острая), грозне сузе (русск. горячія, лит. горькія), био дан, сухо, жуто, же жено золото (русск. красное; старонѣм. *gothez gold*), сиѣе, слано море (русск. сине море; старофр. *salée*), живи огаъ, равно поле, црна земља (русск. мать сыра земля, лит. черная), вјерна љубо, огријано-жарко, сјајно сунце, перени щит; брз, добар коњ; красан (поле, чедо, двор, пријателя), уста медана, (русск. сахарный), змија љута (русск. *id.*), шарена; ситан бисер; танак (о дѣвущкѣ, юнакѣ, деревѣ и т. д.), тахій Дунав (лит.: глубокій), гусле јаворове (русск. яровчатя); *бол.*: бойно копье, бързъ, вранъ конь, вита елха, добаръ юнакъ, ситни звѣзды (русск. частыя), дробенъ бисеръ и др.; *русск.* поле чистое, вѣтры буйныя, буйная головушка, пески сыпучей, лѣса дремучіе, лѣсъ стоячій, камешки катучіе, сабля острая, калена стрѣла, тугой лукъ, крутыя бедра, касата ластушка, сизый орелъ, сѣрый волкъ, ясный соколъ, ретиво сердце, палаты бѣлокаменныя, окошечко косящатое, высокъ теремъ (сл. лит.: высокая клѣтъ, *aikstas svirnelis*); въ *малорусскихъ* думахъ: вѣтры буйны, степы широки, туманы (голубь, кинь, орелъ, зозуля) сизы, волкъ сирый, байраки зелены, ничка (хмары, лѣсъ, лугъ) темная, свить вольный и т. д. Въ сѣверномъ эпосѣ и сагахъ: земля, пути (*stígar, brautar*) зеле-

ные, мѣсь темный, волны холодныя, море синее, темносинее (но и зеленое, сѣрое, красное). Цвѣтовые эпитеты обнаруживаютъ въ старо-германской поэзіи склонность пристраиваться постоянно, тогда какъ другіе свободнѣе.

Какъ объяснить это постоянство въ связи съ хронологіей стиля? Обыкновенно его вмѣняютъ глубокой древности, видятъ въ немъ принадлежность эпики, эпического міросозерцанія вообще. Едва-ли это такъ. Объ эпитетѣ можно сказать тоже, что о воображаемомъ постоянствѣ обряда, церемоніи, этикета, которое Спенсеръ считаетъ особенностью первобытнаго общества, такъ называемаго обрядоваго правительства: постоянствѣ, разлагающемся со временемъ и уступающемъ разнообразію. Но „обрядовыя правительства“ — уже продуктъ эволюціи, за ихъ постоянствомъ лежатъ тысячелѣтія выработки и отбора. Такъ и съ эпитетомъ: по существу онъ такъ-же одностороненъ, какъ и слово, явившееся показателемъ предмета, обобщивъ одно какое нибудь вызванное имъ впечатлѣніе, какъ существенное, но не исключющее другія подобныя опредѣленія. При дѣвѣ — блестящей возможенъ былъ, напримѣръ, не одинъ, а нѣсколько эпитетовъ, разнообразно дополняющихъ основное значеніе слова; выходъ изъ этого разнообразія къ постоянству принадлежитъ уже позднѣйшему подбору на почвѣ усилившейся поэтической традиціи, пѣсеннаго шаблона, школы: иные эпитеты понравились по той же причинѣ, по которой пошла въ ходъ и перепѣвы та или другая пѣсня, а съ нею и ея образы и словарь, по которой, напримѣръ, инд. Агни выдвинулось изъ другихъ обозначеній огня въ обозначенію божества. Что въ подобномъ подборѣ, отвѣчающемъ подбору народно-поэтическихъ символовъ, участвовало и историческое преданіе, примѣры тому мы видѣли („копье мурзаецкое“) и т. п. Очень можетъ быть, что въ пору древнѣйшаго пѣсеннаго развитія, которую мы отличаемъ названіемъ лирико-эпическаго или синкретическаго, это постоянство еще не установилось, лишь позднѣе оно стало признакомъ того типически-условнаго — и словнаго міросозерцанія и стиля (отразившагося и въ условныхъ типахъ красоты, героизма и т. д.), который мы считаемъ, нѣсколько односторонне, характернымъ для эпоса и народной поэзіи.

И здѣсь представляются отличія: народныя или историческія — это можетъ разъяснить только частичное изслѣдованіе, распространенное и на эпическія или эпико-лирическія пѣсни народовъ, стоящихъ на низшей степени культуры. Мнѣ сдается, что у нихъ мы не найдемъ того обилія повторяющихся эпитетовъ, какимъ отличается, на-

примѣръ, русскій и сербскій эпосъ; что послѣднее явленіе, какъ и повтореніе стиховъ и цѣлыхъ группъ стиховъ, и богатство общихъ мѣстъ не что иное, какъ мнемоническій приѣмъ эпики, уже не творящейся, а повторяющейся, или воспѣвающей и новое, но въ старыхъ формахъ. Такъ поютъ киргизскіе пѣвцы: ихъ творчество—въ комбинаціи готовыхъ пѣсенныхъ формулъ; такъ пѣли скоморохи и шпильманы, о чемъ мнѣ придется говорить въ моихъ „Южно-русскихъ былинахъ“.

Это можетъ возбудить вопросы хронологіи. Если, напримѣръ, въ гомеровскихъ поэмахъ эпитеты обнаруживаютъ большее постоянство, чѣмъ во французскихъ *chansons de geste*, то не потому ли, что за первыми стояли пѣсни арханческаго, формально-отстоявшагося стиля, тогда какъ авторы послѣднихъ встрѣтились съ болѣе свѣжимъ пѣсеннымъ преданіемъ лирико-эпическаго характера, еще не распѣтымъ до преобладанія шаблона.

Я далекъ отъ мысли построить хронологію эпическаго изложенія на эпитетѣ, но полагаю, что взгляды на его постоянство, какъ на признакъ переживанія, не вмѣнятся мнѣ въ ересь.

Понималъ ли и понимаетъ ли народный пѣвецъ этотъ незыблемый эпитетъ, какъ нѣчто яркое, всякій разъ освѣщающее образъ, или повторялъ его, какъ старину и дѣянье? Быть можетъ, мы не вправѣ отдѣлять въ этомъ вопросѣ народную поэзію отъ всѣмъ знакомаго явленія на почвѣ поэзіи личной. Отъ провансальской лирики до довольно банальныхъ цвѣтовыхъ эпитетовъ Гюго извѣстныя опредѣленія повторяются при извѣстныхъ словахъ, если только не перечить тому общее положеніе или колорить картины. Это дѣло школы, безсознательно орудующей памяти; примѣры у всѣхъ на лицо: къ инымъ зеленымъ лугамъ и синимъ небесамъ не относился сознательно и самъ поэтъ, не относимся и мы; эпитетъ потерялъ свою конкретность и только обременяетъ слово.

Все дальнѣйшее развитіе эпитета будетъ состоять въ разложеніи этой типичности индивидуализмомъ.

Въ исторіи этого развитія отмѣтимъ нѣсколько моментовъ.

Къ однимъ изъ нихъ принадлежитъ *забвеніе* реального смысла эпитета съ его слѣдствіями: безразличнымъ употребленіемъ одного эпитета вмѣсто другого, когда, напримѣръ, французскій труверъ не стѣсняется кличками *arabi*, *aragon*, *gascon* для одного того же коня,

либо бессознательнымъ употребленіемъ въ тѣхъ случаяхъ и положеніяхъ, которые его не только не вызываютъ, но и отрицаютъ. Мы могли бы назвать это явленіе *окамененіемъ*; въ русскомъ, греческомъ и старо-французскомъ эпосахъ оно вырастаетъ за предѣлы собственнаго эпитета, когда оцѣнка явленій извѣстнаго порядка переносится на явленія другого, враждебнаго или противоположнаго, когда, на примѣръ, царя Калина обзываютъ собакою не только враги, но и его собственный посолъ въ рѣчи, которую онъ держитъ къ князю Владимиру, какъ Елена зоветъ себя *χοῦφις* (II. III, 180, Od. IV, 145), когда въ пѣснѣ о Роландѣ кликъ Карлова войска: *Monjoie* усвоенъ и сарацинами и т. п. Во французскомъ эпосѣ этому отвѣчаетъ окамененіе историческаго типа. У Карла Великаго цѣлая легенда, обнимающая его юность и старость, когда онъ сталъ *le viel roi asoté* но одинъ типъ его особенно приглянулся. типъ зрѣлаго мужа, съ просвѣдью, *à la barbe fleurie*; не исключая другіе, этотъ эпитетъ при немъ устойчивѣе, не всегда въ уровнѣ съ положеніемъ.

Приведемъ нѣсколько соотвѣтствующихъ примѣровъ изъ области эпитета. Ходячее опредѣленіе руки—*бѣлая*; сербская пѣсня употребляетъ его, говоря и о рукѣ арапа. Въ старо-англійскихъ балладахъ выраженіе *моя* (или его) *вѣрная любовь* (*my-his-own true love*) безразлично возвращается, идетъ ли дѣло о вѣрной или невѣрной любви. *Liebe lange Nacht*—ходячій эпитетъ; въ нѣмецкой пѣснѣ онъ вложенъ въ уста молодой женѣ, желающей, чтобы ночь прошла скорѣе, потому что ей противенъ старый мужъ:

Ei, ist es Tag, oder will es schier her lagen,
 Oder will die *liebe lange Nacht*
 Nimmermehr kein End nicht haben?

Сл. въ сербскихъ пѣсняхъ: *од зла миле тајке* твоје; *крива мила* мајка; *немила драга* и др.; проклятая темница (*тавница* *клетка*) въ устахъ палача, вызывающаго узника на казнь; въ русской народной пѣснѣ:

Ты не жги свѣчу *салную*,
 Свѣчу *сальную*, *воску яраю*;

Если въ II. XXII, 154—155, троянскія жены и дочери *могутъ блестящія одежды* (*εἴματα σγαλοέντα*), то здѣсь, можетъ быть, и нѣтъ противорѣчія, если *σγαλοέντα*—разноцвѣтныя, расшивныя, хотя подобное же *contradictio in adjecto*, безъ возможности иного объясненія, встрѣчается, на примѣръ, и въ болгарской пѣснѣ, гдѣ *острия* сабля должна быть *наострена* (Да наостра моѳа остра сабля); но когда

Эрифилу предаеть своего милого мужа (Od. XI, 327), а въ II. XV, 377 (= Od. IX, 527) Несторъ (въ Од. Полифемъ) среди бѣла дня воздымаетъ руки къ звѣздному небу (*ἀστρόρουτα*), то, очевидно, эпитетъ застылъ до безсознательности и употребляется по привычкѣ, какъ „быстрый“ при корабляхъ, „быстроногий“ при Ахиллѣ, когда одни стоятъ у берега, другой плачется у матери: эпитетъ считается не съ временнымъ положеніемъ, а съ существеннымъ признакомъ, свойствомъ лица или предмета, какъ бы подчеркивая, противорѣчіе; мы сказали бы: быстрые,—а стоять.—Дальнѣйшимъ развитіемъ такого употребленія объясняется, что въ болгарскихъ: сивъ соколъ, бѣлъ голубъ, синьо седло, вранъ конь, руйно вино эпитеты не ощущается болѣе, какъ цвѣтовые, и прилагательное и существительное сплылись въ значеніе нарицательнаго, вызывающаго новое опредѣленіе, иногда подновляющее прежнее, порой въ противорѣчьи съ нимъ: сл. руйно вино червено, чрна врана коня, но *сивъ бѣлъ* соколъ, *сиви бѣли* голуби, *синьо* седло *алено*.

Въ иныхъ случаяхъ можно колебаться, идетъ ли дѣло объ окамененіи или объ обобщеніи эпитета, о чемъ рѣчь далѣе. „Малый“, „маленькій“ можетъ не вызывать точной идеи величины, а являться съ значеніемъ ласкательнаго, чего-то своего, дорогого; въ такомъ случаѣ въ слѣдующей англійской балладѣ нѣтъ противорѣчій: смуглая дѣвушка вынимаетъ *маленькій ножикъ*, былъ онъ желѣзный, *длинный* и острый, — и закалываетъ имъ Эллинору. За то смѣшеніемъ, напоминающимъ нѣчто новое, манеру декадентовъ, отзывается у Pado Albinovanus „руки, бѣлѣе пурпурнаго снѣга“ (*braccia purpurea candidiora nive*). Розовый снѣгъ—это уже искусственная контаминація образовъ, раздѣльно знакомыхъ и народной рѣчи (кровь съ молокомъ), и Парсивалу, раздумывавшемуся о красотѣ своей милой при видѣ павшихъ на снѣгъ капель крови, какъ и киргизскій пѣвецъ говоритъ о лицѣ дѣвушки, что оно краснѣе обогрѣннаго кровью снѣга. Сл. *бѣлъ червенъ триндафилъ* болгарскихъ пѣсень.

Другое явленіе, которое мы отмѣтимъ въ исторіи эпитета, это его *развитіе, внутреннее и внѣшнее*. Первое касается *обобщенія* реального опредѣленія, что даетъ возможность объединить имъ цѣлый рядъ предметовъ. Я имѣю ввиду не процессъ, обычный въ исторіи языка, которымъ, напримѣръ, старо-французск. *chétif* (= *captivus*) перешелъ къ своему современному значенію, греч. *πολύχορδος* = многострунный обобщился, какъ полнозвучный, и прилагается къ флейтѣ и пѣнію соловья. Мои примѣры касаются поэтическаго

и народно-поэтического словоупотребления. Бѣлый день, лебедь бѣлая — реальны, но понятие свѣта, какъ чего-то желаннаго, обобщилось: въ сербской народной поэзии всѣ предметы, достойные хвалы, чести, уваженія, любви—бѣлы; сл. въ русскихъ и малорусскихъ пѣсняхъ: бѣлый царь, бѣлый молодець, бѣлый сынъ, бѣла дѣвка, бѣлое дитя, бѣлая моя сосѣдушка, болг. бели сватове, бѣли карагрошове (то-есть, черные гроши)—подъ влияніемъ-ли бѣлыхъ „пари“ или въ обобщенномъ значеніи, въ которомъ участвуетъ и литовское *baĩtas*, являющееся въ свою очередь въ состояніи окамененія въ пѣснѣ, гдѣ большіе мосты наможены изъ „бѣлыхъ братцевъ“; сл. латыш. бѣлая (милая) матушка, доченька, сестрицы, деверья бѣлые братцы—и бѣлые, то-есть, счастливые дни. Бѣлый, здѣсь, очевидно, обобщенъ: реальное, физиологическое впечатлѣніе свѣта и цвѣта служитъ выраженіемъ вызываемаго имъ психическаго ощущенія и въ этомъ смыслѣ переносится на предметы, неподлежащіе чувственной оцѣнкѣ. На такой метафорѣ основана отчасти *символика цвѣтовъ*; я разумѣю символику народную. Въ сѣверной литературѣ, напримѣръ, зеленый цвѣтъ былъ цвѣтомъ надежды и радости (*groenleikr: splendor*) въ противоположность сѣрому, означавшему злобу; черный вызывалъ такія же отрицательныя впечатлѣнія, рыжій былъ знакомъ коварства. Характеръ обобщенія зависѣлъ отъ эстетическихъ и другихъ причинъ, иногда неуловимыхъ: почему, напримѣръ, у чувашей *черный* часто означаетъ: хорошій, честный?—*Золотыя* маслина, лавръ, *хρῶσαι παῖδες εὐβοῦλου Θέριτος*, золотыя Ника, музы, nereиды у Пиндара, золотыя паликары ново-греческой пѣсни, очевидно, относятся не къ цвѣту или матеріальному качеству предметовъ, а выражаютъ вообще идею цѣнности, какъ и *goldne Mädchen, goldne Thäler* нѣмецкихъ пѣсень; можетъ быть, такъ слѣдуетъ понять и иные изъ эпитетовъ Ригvedы, тамъ, гдѣ дѣло идетъ не о подѣлкахъ изъ золота, а о золотыхъ рукахъ и бородѣ (сл. въ малорусск. пѣсняхъ золотые волосы, грива), о золотыхъ путяхъ, о „золотыхъ, звучныхъ пѣсняхъ“, посѣщающихъ Агни.

Къ числу распространенныхъ принадлежитъ обобщеніе *зеленаго* цвѣта въ смыслѣ свѣжаго, юнаго, сильнаго, яснаго: *viridis senectus*, (Verg.), *sonus . . . viridior vegetiorque* (Gell.); средне-верхненѣмец. *mīn herze daz wirt grūene, mīn grūenti freude ist val* (Parz. 330), 20, Lachm.); *grūenes Fleissch, grūene Fische*: сырое мясо, непосоленныя рыбы; *Grün ist des Lebens goldner Baum* (Goethe); у Пушкина, наоборотъ: *мертвая* зелень. Если въ сербской поэзии зеленый

является эпитетомъ коня, сокола, меча, рѣки, озера, то, очевидно, не подѣ влияніемъ этимологіи (зелень и желть, золото), а по указанному обобщенію понятія, что не исключаетъ въ иныхъ случаяхъ (кош зеленко сербск., сивзеленъ болгарск.) отгѣнокъ цвѣтового порядка, какъ въ отмѣченномъ нами выше употребленіи *χοῦρος*, *βλάγ*. Наоборотъ: Гёте говоритъ о сѣрыхъ слезахъ:

Vermagert bleich sind meine Wangen
Und meine Herzensthänen grau
(Divan, Nachklang)

Этихъ сѣрыхъ слезъ и золотыхъ полянъ не изобразить въ живописи: эпитеты суггестивны въ смыслѣ тона, яркости ощущенія, не матеріальной качественности предмета. Греческіе боги не всегда такъ писались, какъ описывались; розоперстая Эось принадлежитъ поэзии, не живописи, какъ Шекспировскій образъ занимающагося утра, шествующаго въ рыжебуромъ плащѣ по восточнымъ покрытымъ росой холмамъ (HamI. I, 1).

Внѣшнее развитіе эпитета, напримѣръ, въ старо-французскомъ и греческомъ эпосѣ, очевидно, не принадлежитъ доисторической, лирико-эпической чередѣ, а стоитъ по сю сторону „постоянства“: постоянные эпитеты сгладились, не вызываютъ болѣе образнаго впечатлѣнія и не удовлетворяютъ его требованіямъ; въ ихъ границахъ творятся новые, эпитеты *накаплиются*, опредѣленія разнообразятся *описаніями*, заимствованными изъ матеріала саги или легенды. Говоря о накопленіи эпитетовъ, я разумѣю не тѣ случаи, когда при одномъ словѣ стоятъ нѣсколько опредѣленій, дополняющихъ другъ друга (сл. русскій удалый добрый молодець, перелетныя сѣрья малыя уточки, болгарск. мила стара майка и т. д.), а накопленіе эпитетовъ однозначущихъ или близкихъ по значенію, когда напримѣръ въ греческомъ эпосѣ о мужѣ говорится: ἦδ' ἄγε τε μετὰ τε; о Пенелопѣ: ἄϊστος, ἄκαστος ἐδῆτύος (Od. IV 788), ἄϊστος ἄκαστος; сл. русск.: сытъ — питанень. Сюда относятся *парные* эпитеты старо-французскаго и нѣмецкаго эпосовъ: *baus et jolis, baus et envoisié, corageux et hardi, dolent et mas, fins et loiaus, sos et fous, bataille merveilleuse et pesant (или grant); bel et cher, isnel et legiers; doucement et soeif, curant et aati (о конѣ); mâri und mahtig, bald endi strang, thimm endi thiustri; stark und viel küene, küen unde guot, küene unde balt, edel unde küene; малор. чудный пречудный, болгарск. ситни дребни пилци, силенъ буень вѣтръ. — Если я отнесъ эти эпитеты-дублеты къ развитію и разложенію постоянного эпитета,*

то потому лишь, что на почвѣ писаннаго эпоса, нѣмецкаго и французскаго, они нерѣдко являются въ качествѣ *cheville*, вызванной требованіемъ стиха. Но, быть можетъ, подобные дублеты — древніе, простѣйшее выраженіе плеоназма: накопленіе должно было поднять тонъ, подчеркнуть настроеніе; сл. гом. хитроумный, стародревній нашихъ причитаній; Ай-же ты вѣдь старья старикъ (Вольга и Микула); чернымъ черно (был.) то же, что *bataille merveilleuse* (см. *merveilleusement*) *pesant*. Такъ многорукіе истуканы индусовъ и многоочитый Аргусъ выражали понятіе силы, могущества, бдительности.

Отмѣтимъ, вѣтъ эпитета, подобныя-ли парныя формулы эпоса: *ψάμαθός τε χόνις τε, σὺ δῆμας οὐδὲ φύην; ἔπος φάτο φώνησεν τε*; был. бится-ратиться, провѣщиться-проязычиться, пиръ-бесѣда; мдрс. думы: плаче-рыдае, грае-выгравае, тяжко-важко; старо-сакс. *hugi endi herta, égan endi erbi* и др. На сколько это явленіе связано съ явленіемъ синтаксическаго параллелизма, отмѣченнаго въ изложеніи старо-германскаго, французскаго, славянскаго и финскаго эпосовъ—этого вопроса я здѣсь не коснусь.

Позднему времени отвѣчаютъ *сложные эпитеты*, сокращенные изъ опредѣленій (болгарск. кравицы бѣлобозки, коньовци лѣвогровка и др.) и сравненій, какъ у Гомера (волокая, розоперстая), въ Ригведѣ („сильный—какъ—быкъ“ и др.), нѣмецк. *blitzschnell* — и *опиcательная опредѣленія* французскаго эпоса, на примѣръ для *храбраго* витязя: *en lui a chevalier molisme bon, vaillant chevalier, miudre de li fu adonc trové; où tant de noblesse a; le plus biaux bacelers qui soit en palenime n'en la crestienté* и т. д. Богъ вседержитель, Господь всемогущій и т. д.—эти выраженія развились въ цѣлую фразеологию: эпитетъ забыть за описаніемъ, внушеннымъ данными евангелія и церковными представленіями о Божествѣ, но личный элементъ сдерживается не ими одними, а и предѣлами древняго эпитета. Сл. слѣдующія старо-французскія опредѣленія при Богѣ и Христѣ: *Damnes Deus (Dominus Deus), le magne rei de Trinitat; nostre pere, biaux dous Dieu, bias sire Diex; Deu le grant, le bel, Dex saint vertu nommé, la grant vertu souveraine, sainte vraie paterne; qui maint là sus, qui maint en Bellient, au firmament, en Orient, qui haut siet et loing voit; Deu le roi, le roi auçor; vrai pere posteis; donneres de jole, li vrai guerredonnere, le roi du firmament, del tron, qui au ciel, el mont fait vertu, qui fait par toutes terres miracles et vertu, croistre jardins et blez et reverdir le fus; qui del limon fist Eve, Adan en ot formé, qui fist ciel et rousée, qui fist nuit et*

jour; biau peres reiemant; le bon qui non mentid; qui le mont doit sauver, qui maint âme a sauvé, qui sauva Daniel; le roi jasticier, droiturier, qui les pechiés pardone; à cui m'âme s'atent, cui j'ai m'âme voée, où nous sammes créant; cel signor que l'on doit aorer; qui pardonne péchies, qui de le mort nous vaut tous racater; c'on pourtrait en peinture; qui de vierge fu nes; qui est sans fin и т. д.

Такъ разнообразятся эпитеты и опредѣленія при Франціи (douce France, le bon país proisié, la garnie, la loée, la jollie, la bele и др.), императорѣ (frans, loleuz), Карлѣ Великомъ: le fiz Pepin, le roi, li frans, li nobiles, nostre avoé, nostre enperères, l'enperère d'Als; qui dolce (tote) France tient, à l'aduré coraige, au cuer franc, droiturier, le ber, le fier, a le cuer fier, à la fiere vertu; le guerrier, qui tant fait a proisier, qui tant fu redotés; le viel chenu, le flouris; à la barbe canue, florie, grifaigne, meslée, à la chièrè membrée и т. д.

Накопленіе эпитетовъ и ихъ развитіе опредѣленіями я объясняю себѣ наступленіемъ личной череды эпического творчества. Иные изъ эпитетовъ Карла принадлежатъ къ древнимъ и постояннымъ при витязѣ, героѣ (li ber, li frans и др.); emperère, le viel, à la barbe canue характеризуютъ точнѣе; описанія развиваютъ это впечатлѣніе, обращаясь нерѣдко въ общія мѣста, дополняящія недочеты стиха. Въ срединѣ развитія, между постояннымъ, такъ сказать, видовымъ эпитетомъ и наплывомъ описаній, стоитъ выдѣленіе личнаго, характеризующаго историческую особь, вошедшую въ оборотъ народнопоэтической памяти: Карлъ à la barbe fleurie не со всѣмъ то, что „ласковый“ Владимиръ князь, въ послѣднемъ есть элементъ желаемости, идеальныхъ требованій отъ царя, какъ въ сербскомъ—честитый; въ первомъ—остатокъ портрета. Такимъ-же образомъ отлагались въ преданіи, при разнообразныхъ условіяхъ подбора, образы гомеровскихъ героевъ, Илья оказался навсегда старымъ, какъ и Вейнемейненъ, Ильмариненъ молодымъ, какъ нашъ Добрыня и т. п.

Представимъ себѣ, что одна изъ описательныхъ формулъ, на которыя разложился эпитетъ, показала характерной, приглянулась и вошла въ частое употребленіе — и мы объяснимъ себѣ нѣкоторыя явленія гомерической рѣчи и сѣвернаго поэтического языка. У Гомера корабли сравниваются съ морскими конями, ἀλὸς ἵπποι (II. IV, 708 слѣд.), вѣялка или лопата для вѣянія хлѣба зовется истребительницею ости, ἀθηρηλογός (Od. XI, 128 = XXIII, 275); греческія опредѣленія для царя: пастырь народовъ, богорожденный, кормчій и т. д.; у Эсхила корабли: колесницы мореходовъ,

плавающія по морю съ полотняными крыльями; улитка — носительница дома; полипъ — безкостный (Гезіодъ); плащъ: защита — отъ холоднаго вѣтра (Пиндаръ).—Сюда относится простѣйшая группа такъ называемыхъ сѣверныхъ *kenningar*; разница та, что сѣверная поэзія послѣдовательно разработала то, что въ греческой осталось частнымъ явленіемъ, и разработала, какъ средство реторики: опредѣленіе или анпозиція выдѣлена какъ самостоятельный показатель лица, или предмета, къ которому она относилась, а лицо и предметъ умалчиваются. О бурѣ, напримѣръ, говорили, какъ о „ломающей вѣтви“; это опредѣленіе („вѣтви — ломающая“, сл. у Лукреція: *silvifraga flabra*) и становится вмѣсто „бури“; или король, конунгъ щедръ, щедрость выражалась тѣмъ, что онъ раздавалъ, ломая ихъ, запястья, служившія на сѣверѣ выраженіемъ денежной цѣнности; коли онъ того не дѣлалъ, онъ оказывался не щедрымъ, не ломающимъ запястья. Такъ явился рядъ выражений—эпитетовъ, возведенныхъ къ значенію нарицательныхъ: *baugabroti*—ломающій запястья (сл. англосакс. *beaggeafa*: раздающій ихъ), *baugskynDIR*, *baugskati* — и *baughati*: ненавидящій запястья, то-есть, золото; во всѣхъ случаяхъ въ значеніи короля. Такимъ же образомъ создались эпитеты—образы: кубокъ вѣтровъ=небо, путь чаекъ=море, путь ланей=горы и т. д. Ихъ обиліе и чрезмѣрное сочетаніе затрудняетъ чтеніе скальдовъ, это сторона искусственности; въ основѣ эпитетъ—образъ принадлежитъ естественному развитію народно-эпического стиля; сравненіе съ параллелями греческими и описательнымъ приѣмомъ французскаго эпоса подтверждаетъ общія отношенія народно-поэтической эволюціи къ инициативѣ личнаго поэта или поэтической школы.

Одностороннее опредѣленіе эпитета не всегда выражалось въ формѣ прилагательнаго или соотвѣтствующаго существительнаго; вмѣсто того, чтобы сказать: это совершилъ такой-то сильный воитель можно было выразиться: сила, мощь воителя; мощь = мышцы, тѣло; то и другое обобщалось въ опредѣленіи самого героя. Сл. употребленіе греческ. эпоса: βίη, ἰς, μένος, σθένος, старо-француз. *cors*, *cors*, *char*: βίη Ἡρακλῆος или Ἡρακλεΐη (Il. 5,638; Hes. Theog. 333): сила Геракла или Гераклова = сильный Гераклъ; κρατερή ἰς Ὀδυσῆος (Il. 23, 720), ἰερή ἰς Τηλεμάχου (Od. 16, 476 слѣд.); *mais ne cuidoie à vo gent cors parler* = съ вами; *Il meismes ses cors est maintenant montez; cors Deu; cor saint Espir, le cors Rollant* (Ch. de Rol. v.

613); De Mahomet les vertuz e le cors (ib., v. 3233); La char du bon roys ont forment regretée, то-есть, короля. Сл. *sin Iir* (Сигфрида) *der ist so küene* (Нибелунги) и въ томъ-же значеніи малорусскія: „Головонька-же моя бідная“, „голова моя казацкая! Бувала ты у земляхъ у турецкихъ, у вірахъ бусурманскихъ“ и т. д. (Иларіонъ, Слово о ветхомъ и новомъ завѣтѣ: вѣстани, о честная главо). Сл. сербск. *моја драга, мое име драго*; ново-греческ. *εις τοῦ λόγου σοῦ* = тотъ и т. д. Это не отвлеченіе, а *rago pro toto*; эпитетъ, заступившій мѣсто нарицательнаго, какъ въ старо-сѣверномъ кеннингѣ: раздѣлитель запястій. Сербск. выраженія: *сила* и *сватови*, *кита* и *сватови* вмѣсто *сильни*, *киѣни сватове*, *чуда* и *јунаке* вмѣсто *чудни јунаке* свидѣтельствуютъ уже о другомъ психическомъ актѣ; *сила*, *чудо* указываютъ на обобщеніе и на другую череду развитія.

Перенесите этотъ приемъ на другую почву, и вы придете къ римскимъ отвлеченіямъ: *Virtus*, *Victoria*, и цѣлой вереницѣ иносказательныхъ образовъ, унаслѣдованныхъ средневѣковымъ и болѣе позднимъ европейскимъ аллегоризмомъ. Еще нѣсколько шаговъ далѣе, и мы еще въ XVII вѣкѣ, но уже на стезяхъ новой поэтики, которая подскажетъ намъ нѣчто подобное гомеровскому βίη, но съ другимъ личнымъ оттѣнкомъ и другимъ пониманіемъ. „Сила Геркулеса“—это просто мышцы, крѣпость мышцъ; *Maupard* во 2-й одѣ къ *Ришелье* говоритъ не о *beauté des jaunes moissons*, а о *la jaune beauté des moissons*. Что его поразило прежде всего, это не реальной видъ золотой *жатвы*, а именно *красота*, она все застилаетъ, на нее-то и перенесенъ реальный эпитетъ: желтый, золотой. Это какъ-бы переживание древняго поэтического или риторическаго приема на почвѣ личного аффекта. Сл. *кићу*, *силу* сербск. пѣсни и такіе же образы у *Золя* и *Додэ*: *la gaieté blonde* (*Zola, Le rêve*); *l'éternité voyageuse de la mer* (*Daudet, Contes du lundi: La moisson au bord de la mer, le calme opulent qui vient de l'ordre de choses* (ib. *La partie de billard*) и др.

Сила Геркулеса—это пластическій эпитетъ въ формѣ существительнаго; *Virtus*—разсудочное отвлеченіе, одѣтое въ образъ; *красота* и *веселье* и вѣчность—обобщенія основнаго впечатлѣнія объекта, какъ-бы устраняющія его формы, чтобы подчеркнуть общій тонъ ощущенія.

Синкретическіе и метафорическіе эпитеты новѣйшей поэзіи даютъ поводъ говорить о такомъ же переживаніи, которымъ можно измѣрить историческое развитіе мысли въ сходныхъ формахъ словеснаго творчества. Когда въ былое время создавались эпитеты: *ясень соколъ* и

ясень мѣсяць, ихъ тождество исходило не изъ сознательнаго поэтическаго *исканія* соотвѣтствія между чувственными впечатлѣніями, между человѣкомъ и природой, а изъ физиологической неразборчивости нашей, тѣмъ болѣе первобытной психики. Съ тѣхъ поръ мы научились наслаждаться раздѣльно и раздѣльно понимать окружающія насъ явленія, не смѣшиваемъ, такъ намъ кажется, явленій звука и свѣта, но идея цѣлаго, цѣль таинственныхъ соотвѣтствій, окружающихъ и опредѣляющихъ наше „я“, полонить и опутываетъ насъ болѣе прежняго, и мы вторимъ за Бодлеромъ: *Les parfums, les couleurs et les sons se répondent*. Языкъ поэзи и наша групповая впечатлительность оправдываютъ въ извѣстной мѣрѣ это положеніе. Гюго видится *la dentelle du son que le fifre découpe*, у Зола читаемъ о *musique bondissante de cristal, o fontaines ruisselantes de muettes clartés* (*Le Rêve*); у Эйхендорфа о *пурпурной влажн вечера* (*rothe Kühle*). Гейне говоритъ въ „Флорентійскихъ ночахъ“ о способности воспринимать музыкальныя впечатлѣнія образно, такъ сказать глазомъ: играетъ Паганини, и каждый ударъ его смычка вызываетъ въ воображеніи рядъ осязательныхъ, фантастическихъ картинъ и положеній, музыка рассказываетъ и изображаетъ въ звучащихъ гіероглифахъ, *in tönender Bilderschrift*: „то были звуки, которые то сливались въ поцѣлуѣ, то, капризно повздоривъ, разбѣгались, то снова обнимались, смѣясь, и опять слившись, умирали въ опьяненіи союза“. Нѣчто подобное испыталъ Гете, когда молодой Мендельсонъ съигралъ ему увертюру Баха: ему казалось, онъ видитъ торжественную процессію сановниковъ, въ парадныхъ одеждахъ, спускающуюся по гигантской лѣстницѣ. Той-же способностью къ смежнымъ, безсознательно переплетающимся впечатлѣніямъ объясняются иные эпитеты у гр. А. Толстаго: *Звуки* скрипки такъ дивно звучали, разливаясь въ безмолвіи ночи, Въ нихъ *разказъ* опьянительно—*ложивый* развивалъ невозможную *повѣсть*, *И змѣннаго цвѣта отлива*—соблазняли и мучили совѣсть (т. I, стр. 250—251). „Если я перенесусь въ настроеніе, какое дають стихотворенія Гете, я точно воспринимаю впечатлѣніе золотисто-желтаго цвѣта, отливающего въ червонный“, говоритъ Отто Людвигъ, и Argeatъ подтверждаетъ подобную-же слитность впечатлѣнія у живописцевъ, музыкантовъ въ душѣ, для которыхъ Моцартъ—синій, Бетховень—красный; Nourritъ выразился объ одномъ итальяскомъ пѣвцѣ, что у него въ распоряженіи всего два цвѣта: бѣлый и черный и т. п.

На почвѣ такого рода психологическихъ скрещиваній выросли син-

критическіе эпитеты новѣйшей поэзіи; ея необычныя эпитеты—метафоры предполагаютъ такую-же бессознательную игру логики, какъ знакомыя намъ обиходныя формулы: черная тоска, мертвая тишина, только болѣе сложную, потому что усложнились и историческій опытъ и спросъ анализа. Голубая даль переносится отъ понятія пространства во время и получается „сонъ о жизни въ голубой дали, vom *ferneblauen Leben* у Готфрида Келлера; такъ явились у Гейне цвѣты, шепчущіе другъ другу *душистыя сказки*: въ основѣ простѣйшій параллелизмъ (цвѣтокъ—человѣкъ) и анимизмъ—цвѣтокъ живетъ, какъ человѣкъ; у цвѣтовъ своя рѣчь—ароматъ; когда они стоятъ, склонивъ другъ къ другу головки, они точно нашептываютъ другъ другу сказки, и эти сказки—*душистыя*. У г. Фофанова звѣзды нашептываютъ цвѣтамъ „сказки чудныя“, которые разказываютъ ихъ вѣтрамъ; тѣ распѣли ихъ надъ землей, надъ волной, надъ утесами. „И земля подъ весенними ласками, наряжаяся тканью зеленою“, переполнила „звѣздными сказками“ безумно-влюбленную душу поэта, который въ дни многотрудныя, въ темныя ночи ненастныя, отдаетъ звѣздамъ (въ ненастныя ночи!?) ихъ задумчиво прекрасныя сказки.—Образъ тотъ-же, но доразвитый до потери реализма.

Вернемся еще разъ къ синкретическимъ эпитетамъ. Выдѣлить среди нихъ тѣ, которые восходятъ къ физиологическому синкретизму чувственныхъ впечатлѣній, отъ другихъ, которые говорятъ скорѣе за *сознательное смѣшеніе* красокъ, дѣло нелегкое: надо имѣть въ своемъ распоряженіи массу самыхъ разнообразныхъ и разновременныхъ примѣровъ, чтобы разобраться въ ихъ хронологіи. Къ какой изъ двухъ категорій отнести напримѣръ—„обширную тишину“, *vastum silentium* Тацита (съ инымъ отгѣнкомъ въ App. 3, 4: *dies per silentium vastus*), темный (тѣнистый) холодъ, *frigus orasum* Виргилія (Сл. франц. *froid noir* и сербск. *дебел хлад*)? Вѣрно одно, что чѣмъ подробнѣе и раздѣльнѣе становится наше знаніе природы и жизни, тѣмъ шире игра психическихъ соотвѣтствій и разнообразная суггестивность эпитета; что если въ творчествѣ мѣла человѣкъ проэктировалъ себя въ природу, оживляя ее собою, то съ нарастающимъ обособленіемъ личности, она стала искать элементовъ самоанализа въ природѣ, очищенной отъ антропоморфизма, перенося ее внутрь себя, и это исканіе отразилось въ новой вереницѣ эпитетовъ. Въ томъ и другомъ отношеніи поэты—символисты идутъ въ колеѣ, давно проторенной поэзіей; все дѣло въ мѣрѣ и признаніи; если порой символисты не понять, въ этомъ отчасти ихъ вина. „Мысли *туртурныя*, мысли *лазурныя*“ одного изъ современныхъ рус-

скихъ представителей символизма поражаютъ насъ, хотя въ основѣ лежитъ тотъ-же психическій актъ, который позволяетъ намъ говорить о *ясныхъ мысляхъ, düstere Gedanken* Гейне, хотя насъ не смущаютъ и его *blaue Gedanken* (*Neuer Frühling* 18). Разница въ специальномъ характерѣ перенесенія впечатлѣній пурпура и лазури, яркихъ и горячихъ, либо мягкихъ и спокойныхъ на настроенія мысли. Такого рода личные настроенія могутъ выразиться въ эпитетѣ, выводѣ изъ цѣлаго рода уравненій, взаимная зависимость которыхъ не всегда ясна, а ощущается, какъ нѣчто искомое, неуловимое, настраивающее на извѣстный ладъ: *la chanson grise* символистовъ, оу *l'Indécis au Précis se joint*. Сдѣлать такого рода личные эпитеты общеупотребительными можетъ энергія сильнаго таланта (личная школа) и тактъ художника. Примѣромъ можетъ послужить характеристика Бориса и Пьера въ „Войнѣ и Мирѣ“: разговариваетъ Наташа съ матерью „И очень миль, очень, очень миль! говоритъ Наташа о Борисѣ; только не совсѣмъ въ моемъ вкусѣ,—онъ *узкій* такой, какъ часы столовые... Вы не понимаете?... *узкій*, знаете, *свѣтлый*, *свѣтлый*...—Что ты врешь? сказала графиня.—Наташа продолжала: Неужели вы не понимаете? Николенька бы понималъ... Безухій—тотъ *синій*, *темно-синій съ краснымъ*, и онъ *четвероугольный*“ (т. II, ч. 3, гл. 13). Голубыя мысли, мечты Гейне не поражаютъ, а нравятся потому, что обставлены цѣлымъ рядомъ образовъ, наводящихъ на нихъ соответствующую окраску: *blaue Augen, ein Meer von blauen Gedanken*. Такъ и у Гонкуровъ (*Journal*): *ainsi que les nuages, ainsi que ce lointain se renvolent lentement au ciel l'horizon de la jeunesse, les espoirs, tout le bleu de l'âme*. Вырванные изъ голубой атмосферы эти эпитеты рѣжутъ ухо.

Но помимо личной школы, есть еще школа исторіи: она отбираетъ для насъ матерьялы нашего поэтического языка, запасъ формулъ и красокъ; она наложила свою печать на эпитеты романтической поэзіи, съ ея предилекціей къ „голубому“, какъ заставила насъ вѣрить въ „*contes bleus*“ и „*blauen Wunder*“. А какое богатство новыхъ представлений и соответствующихъ имъ образовъ принесло намъ христіанское міросозерцаніе, этого вопроса касались съ разныхъ точекъ зрѣнія, но со стороны стилиа онъ остается открытымъ.

Въ нашемъ культурно-историческомъ и этнографическомъ языкѣ пошло въ ходъ слово переживаніе (*survivals*) и даже „пережитокъ“; въ сущности переживанія нѣтъ, потому что все отвѣчаетъ какой нибудь потребности жизни, какому нибудь переходному оттѣнку

мысли, ничто не живетъ насильно. Современное суевѣріе относится къ языческому мѣу или обряду, какъ поэтическія формулы прошлаго и настоящаго: это кадры, въ которыхъ привыкла работать мысль и безъ которыхъ она обойтись не можетъ.

Эти кадры ветшаютъ; ихъ живучесть зависитъ отъ нашей способности подсказать имъ новое содержаніе и отъ ихъ — вмѣстимости. Когда-то греческіе храмы и средне-вѣковые соборы блестѣли яркими красками и цвѣтовой эффектъ входилъ въ составъ впечатлѣнія, которое они производили; для насъ они полиняли, за то мы вжились въ красоту ихъ линий, они стали для насъ суггестивны иной стороною, и намъ приходится насильно вживаться въ впечатлѣніе росписной греческой статуи. Удастся-ли такое вживаніе — вотъ вопросъ, надъ которымъ стоитъ задуматься не однимъ лишь историкамъ литературы. Мы твердимъ о банальности, о формализмѣ средне-вѣковой поэзіи любви, но это *наша* оцѣнка: что до насъ дошло формулой, ничего не говорящей воображенію, было когда-то свѣжо и вызывало ряды страстныхъ ассоціацій.

Эпитеты холодѣютъ, какъ давно похолодѣли гинерболы. Есть поэты цѣломудренной формы и пластической фантазіи, которые и не ищутъ обновленія въ этой области; другіе находятъ новыя краски и — тоны. Здѣсь предѣлъ возможнаго указанъ исторіей: искать обновленія впечатлительности въ эмоциональной части человѣческаго слова, выдѣлившагося въ особую область музыки, не значить-ли идти противъ теченія?

Александръ Весселовскій.

ГРУЗИНСКІЙ ПОЭТЪ XII ВѢКА ШОТА РУСТАВЕЛИ И ЕГО ПОЭМА „БАРСОВА КОЖА“.

Грузіи не было суждено играть особенно выдающуюся роль во всемирной исторіи; но она имѣла свой золотой вѣкъ, свою эпоху славы и могущества. Это XII вѣкъ. Во второй половинѣ этого столѣтія вступила на грузинскій престолъ царица Тамара, доставившая Грузіи преобладающее политическое вліяніе во всей Малой Азійи и на Кавказѣ. Водворившійся затѣмъ миръ благотворно отразился на развитіи науки и искусства и на блестящемъ разцвѣтѣ грузинской литературы, создавшейся подъ вліяніемъ трехъ культуръ — арабской, персидской и византійской¹⁾. При дворѣ царицы Тамары собралась цѣлая плеяда славныхъ писателей, возведшихъ грузинскій языкъ до полного совершенства. Вѣкъ Тамары ознаменованъ литературною дѣятельностью поэтовъ Руставели, Шавтели и Чахруха, написавшихъ поэмы въ прославленіе царицы, нѣчто въ родѣ Державинской Фелицы. Ея царствованіе украшаютъ имена талантливыхъ романистовъ Мосе Хонели и Саргисъ Тмогвели, произведенія которыхъ, по словамъ Уордропа, автора „Kingdom of the Georgia“, могутъ занять почетное мѣсто и въ европейской литературѣ.

Но дѣятельность грузинскихъ классиковъ блѣднѣетъ предъ па-

¹⁾ Это тройное вліяніе весьма ярко выразилось въ музыкѣ и искусствѣ. См. *Ипполитовъ-Ивановъ*, Грузинская народная пѣсня въ журналѣ *Артистъ*, № 45; *А. Сомовъ*, Грузинское искусство въ Энциклопедическомъ словарѣ, изд. Брокгауза и Ефрона, т. IX А. (С.-Пб. 1893); *Кондаковъ*, Опись памятниковъ древности въ храмахъ Грузіи (С.-Пб. 1887); *моя статья*, читанная въ Женевѣ на конгрессѣ сѣриенталистовъ „Иноземное вліяніе на грузинскую культуру“ въ *Этнографическомъ Обзорнѣи*, кн. XXV.

мятью поэта Шота Руставели, имя котораго произносится каждымъ грузиноиъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ священнаго благоговѣнія. Его поэма „Барсова кожа“ (или „Человѣкъ въ барсовой кожѣ“), современница русскому „Слову о полку Игоревѣ“, сдѣлалась достояніемъ всего грузинскаго населенія; многіе ея стихи стали народными поговорками, и нѣтъ ни одного грузина, который бы не зналъ нѣскольکو мудрыхъ его изреченій. На пространствѣ болѣе семисотъ лѣтъ „Барсова кожа“ служила воспитательною книгой чтенія наравнѣ съ Евангелиемъ и Апостоломъ, а нынѣ грузины, въ горделивомъ сознаніи высокыхъ достоинствъ столь популярной среди нихъ поэмы, настойчиво приглашаютъ иностранцевъ знакомиться съ бессмертнымъ твореніемъ своего Руставели. Ренапъ, Сютнеръ, Уордропъ, читавшіе „Барсову кожу“ въ рукописи на французскомъ языкѣ, согласны въ томъ, что эта поэма — высоко-художественное произведеніе, проникнутое глубокою мыслью и теплотою чувствъ.

Великаго поэта постигла судьба многихъ великихъ людей. Намъ въ достовѣрности неизвѣстно ни семейное происхожденіе Шота Руставели, ни общественное его положеніе, ни школьное образованіе, ни мѣсто и время его рожденія, — словомъ наши біографическія о немъ свѣдѣнія столь же скудны, какъ о древнемъ Гомерѣ и гениальномъ Шекспирѣ. Само названіе Шота чисто грузинское и весьма древнее ¹⁾ — сокращенное изъ Апота, по мнѣнію нѣкоторыхъ, — не встрѣчается въ святцахъ христіанскихъ, такъ какъ не было обязательнаго обычая у древнихъ христіанъ, какъ и у грузинъ, давать при крещеніи имена святыхъ, прославленныхъ церковью ²⁾. Прозваніе же Руставели поэтъ получилъ по мѣсту своего рожденія въ Рустави аналогично съ Хонели изъ Хони, Тмогвели изъ Тмогви. Но недоумѣніе наше о родинѣ поэта не находитъ разрѣшенія въ виду того обстоятельства, что географическій пунктъ „Рустави“ мы встрѣчаемъ въ исторіи Грузіи съ древнѣйшихъ временъ въ двухъ противоположныхъ концахъ: въ Южной и Верхней Карталиніи, по тепе-

¹⁾ *Царевичъ Теймуразъ* въ своихъ комментаріяхъ къ „Барсовой кожѣ“ говоритъ, что имя Шота или Шотта восходитъ къ языческимъ временамъ Грузіи: главный идолъ ея Армази носилъ названіе „Шота“. См. мое письмо въ *Исери*, 1892, № 17.

²⁾ О некалендарныхъ именахъ у грузинъ см. мою статью въ *Этнографическомъ Обзорннн*, 1894 г., № 2. Имя Шота находимъ въ надписи на Зарамской церкви XI в. (въ Ахалцихскомъ уѣздѣ). См. *Матеріалы* по археологіи Кавказа, в. IV (М. 1894), стр. 53.

решенію административному дѣленію, въ тифлискомъ и ахалцихскомъ уѣздахъ. Рустави есть названіе древняго города грузинскаго царства, извѣстнаго подъ именемъ „Бостанъ-калаки“ на лѣвомъ берегу рѣки Куры ниже Тифлиса; епископы, сидѣвшіе тамъ, титуловались *Руставскими*; въ половинѣ XIII вѣка городъ этотъ опустошили монголы, и попытки кахетинскаго царя Ираклія I возстановить его изъ развалинъ были безуспѣшны. Но ко времени царицы Тамары центръ грузинскаго просвѣщенія былъ перенесенъ въ Верхнюю Карталинію, гдѣ по нынѣ лежитъ село Рустави, первая станція отъ г. Ахалциха по почтовому тракту въ сторону г. Ахалкалаки. Вѣроятноже, что поэтъ Шота, пѣвецъ царицы Тамары, происходилъ изъ этого послѣдняго Рустави ¹⁾ месхійскаго или Верхне-карталинскаго, а не изъ древняго Бостанъ-калаки, такъ какъ вообще Ахалцихскій уѣздъ или Саатабаго въ X—XII вѣкахъ игралъ выдающуюся культурную роль въ исторіи Грузіи.

Итакъ, Руставели былъ родомъ месхъ (или мосохъ—мосхъ) изъ того грузинскаго племени, названіе котораго встрѣчаемъ въ Библии и у классическихъ писателей, а нынѣ звучитъ въ словѣ „Мцхетъ“ ²⁾. По народной традиціи извѣстно, что Шота рано остался сиротою на попеченіи дяди-монаха, который отдалъ своего племянника для первоначальнаго обученія въ Руставскую церковную школу, откуда будущій поэтъ былъ переведенъ въ Тбетское монастырское училище. Пробывъ еще нѣсколько лѣтъ въ двухъ извѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Греми и Икальто (Телавскій уѣздъ Тифлисскаго губ.), основанныхъ при Давидѣ Возобновителѣ (1089—1125) Арсеніемъ, епископомъ Икалтойскомъ, Руставели былъ отправленъ въ Грецію для довершенія своего образованія. Въ Аѳонскихъ, Олимпійскихъ (Улумбійскихъ, въ устахъ и подъ перомъ грузинскихъ писателей) монастыряхъ и въ Іерусалимѣ, гдѣ явились обители, построенныя грузинскими царями, Руставели въ совершенствѣ изучилъ греческій языкъ и филосо-

¹⁾ Ср. слова самого поэта (строфа 1643): „Пишу нѣкій месхъ стихотворецъ изъ села Рустави“.

²⁾ Первое упоминаніе о месхахъ находимъ въ X главѣ кн. Бытія, гдѣ названы Месехъ и Тубаль. Пророкъ Іезекиль называетъ тѣхъ же Месехъ и Тубаль, а столѣтіемъ позже Геродотъ вводитъ въ XIX сатрапію персидской монархіи мосоховъ и тибареновъ. Месехъ или Месехъ Библии названы у галикарнасскаго историка мосхами, о которыхъ упоминаетъ и Страбонъ, а грузинскій географъ подъ именемъ месхи (ср. мусковъ ассирійскихъ надписей). *Мой очеркъ* „Месхи“ стр. 1—2. Москва, 1891.

фію, а впоследствии онъ ознакомился съ языками персидскимъ и арабскимъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ его поэма. По возвращеніи на родину онъ былъ назначенъ казначейникомъ царицы Тамары въ награду за тѣ похвальные оды, которыя онъ ей посвятилъ. Это было время политическаго могущества Грузіи и разцвѣта лирической поэзіи при пышномъ дворѣ молодой царицы со всѣми признаками средневѣковаго рыцарскаго служенія. Молодой воспитаникъ греческихъ школъ, ознакомившійся съ поэмами Гомера и философіею Платона,—на которыхъ онъ любитъ ссылаться,—богословіемъ. началами піитики и риторики, всецѣло посвящаетъ себя литературной дѣятельности и создаетъ знаменитую поэму „Барсову кожу“—красу и гордость грузинской письменности... „Раздались звуки лиры: онъ пѣсни сталъ слагать: то были перлы слова—алмазъ и брилліантъ. Межъ камней самоцвѣтныхъ въ оправѣ золотой былъ жемчугъ бѣлоснѣжный и яхонтъ дорогой“... Подобными сравненіями въ восточномъ гиперболическомъ вкусѣ характеризуетъ недавно сошедшій въ могилу поэтъ кн. В. В. Орбелиани высокое содержаніе Ш. Руставели. Поэтъ, безнадежно влюбленный въ свою повелительницу, кончилъ жизнь въ монастырской кельѣ. Тимофеей, митрополитъ грузинскій въ XVIII вѣкѣ, видѣлъ въ Іерусалимѣ, въ церкви Св. Креста, построенной грузинскими царями, могилу и портретъ его на стѣнѣ храма въ власяницѣ подвижника ¹⁾). Поэтъ отдался религіи и нашелъ идеаль истины, добра и красоты въ христіанствѣ и пѣснопѣніяхъ церкви по лирѣ Сіона.

На ряду съ этою легендой объ отношеніяхъ Руставели къ Тамарѣ сохранились еще другія народныя преданія, разукрашенные пылкою фантазіею. Поэтъ, влюбленный въ царицу, женится, однако, на какой-то Нинѣ, и вскорѣ послѣ свадьбы получаетъ отъ „дамы идеальнаго поклоненія“ приказаніе перевести на грузинскій языкъ литературный подарокъ, поднесенный ей побѣжденнымъ шахомъ. Руставели блестяще исполняетъ порученіе Тамары, но отъ награды за трудъ свой отказывается. Черезъ недѣлю послѣ этого нашли обезглавленный трупъ поэта, признаннаго несчастною женой. Заслуживаетъ изъ цѣлаго цикла сказаній еще одно воспоминаніе народа, по которому царица за дивное твореніе подарила поэту золотое кольцо, мужъ ея опоясалъ его мечомъ, а свита въ „восторженномъ очарованіи“ поднесла

¹⁾ Путешествіе по святымъ мѣстамъ, стр. 154. Ср. *Цагарели*, Памятники грузинской старины въ Святой землѣ и на Синаѣ, стр. 244 (С.-Пб. 1888).

ему разныя драгоцѣнности. Во время торжественнаго пира поэтъ былъ вызванъ неизвѣстнымъ юношей, который посовѣтовалъ послѣшить къ женѣ. Руставели засталъ ее въ объятіяхъ араба Адула. Въ гнѣвѣ онъ убиваетъ проводника-юношу, который оказывается переодѣтою дѣвушкою, первую, брошенною имъ его невѣстой. Опозоренный красивый и талантливый поэтъ, любимецъ царицы, съ горя постригся въ монахи, а араба убилъ братъ жены Шота, и голову убитаго повѣсилъ на шею измѣнницѣ-сестрѣ¹⁾). Любопытно, что всѣ легенды приурочиваютъ мѣсто рожденія къ ахалцихской области, и еще недавно записано преданіе о мудромъ сынѣ одного слѣпаго грузина, жившемъ при царицѣ Тамарѣ: онъ состоялъ при ней секретаремъ и ближайшимъ совѣтникомъ²⁾).

Не останавливаясь на подробномъ разборѣ приведенныхъ сказаній и не удлиняя ихъ новыми дополненіями, извѣстными въ устномъ обращеніи, можно съ нѣкоторою вѣроятностію сказать, что пѣвецъ царицы Тамары происходилъ изъ Месхетіи, пользовался большою популярностію благодаря своимъ знаніямъ и таланту и кончилъ жизнь въ тиши монастырскихъ стѣнъ, вдали отъ боготворимой царицы, въ прославленіе которой, по его же словамъ, была написана „Барсова кожа“.

Отсутствіе точныхъ біографическихъ данныхъ въ глазахъ нѣкоторыхъ скептиковъ, умаляющихъ, по незнанію вопроса, значеніе грузинской литературы, служило достаточнымъ доказательствомъ той мысли, что Руставели поэтъ позднѣйшей эпохи, первое упоминаніе о которомъ находимъ будто бы въ письменныхъ памятникахъ лишь XVII столѣтія. Опроверженіе этой, ни на чемъ не обоснованной, гипотезы даютъ дошедшіе до насъ древніе списки „Барсовой кожи“. Самый древній изъ нихъ на пергаментѣ неполный (и безъ даты), писанный крупными круглыми буквами гражданскаго письма, хранился, по словамъ грузинскаго археолога Пл. Игн. Иосселиани, у имеретинскаго князя полковника Григорія Церетели. Второй экземпляръ на лощеннои бумагѣ, принадлежавшій царю Александру (1443 годъ), найденъ у дворянина Николая Эліозова, древній родъ котораго всегда былъ

¹⁾ Легенда о Ш. Руставели см. Повѣсть „Вардцихе“ въ газетѣ *Кавказъ* 1846 г. №№ 30, 31 и 32, ср. мою замѣтку 1892, 95 въ „Иверіи“; Ш. Руставели и его супруга *А. Пурцисладзе*; (Тифлисъ, 1886) и въ моей книгѣ „Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. I. Народный эпосъ и апокрифы“, стр. 281—2 (М. 1895). *Иверія*, 1895 № 21 Легенда о Рустави, родинѣ „Шота“ *В. Коптонашвили*.

²⁾ Въ Грецію отправляли грузинскихъ юношей довершать образованіе со времени Давида Возобновителя. Исторія *Вардана* (переводъ Эмина, 1861) стр. 147.

служебнымъ при дворѣ католикосовъ—патріарховъ грузинскихъ, большею частью происходившихъ изъ царскаго дома. Третій списокъ съ надписью, свидѣтельствующею о принадлежности его царю Вахтангу Шахъ-Навазу (1678 г.), находился въ рукахъ царицы Теклы Иракліевны, скончавшейся въ 1846 году. Рукописи эти писаны очень красиво, но по мѣстамъ съ ошибками правописанія. По этимъ спискамъ явилось первое печатное изданіе 1712 года при царѣ Вахтангѣ VI въ Тифлисѣ съ комментаріями и портретомъ ученаго царя. Броссе ¹⁾ видѣлъ въ Парижѣ списокъ „Барсовой кожи“, переписанный въ 1702 году. Въ основаніе „Барсовой кожи“, изданной Картвеловымъ въ Тифлисѣ, положенъ манускриптъ XVII в. Наконецъ, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ хранится любопытный вариантъ поэмы Ш. Руставели, къ сожалѣнію, не сохранившій ни даты, ни имени переписчика, ни мѣста, гдѣ она переписана. Время, къ которому относится этотъ памятникъ, можно опредѣлять по палеографическимъ его особенностямъ, а въ особенности по начертанію буквъ *h* и *p*. Еще покойный Бакрадзе замѣтилъ, что изображеніе грузинскаго *h* съ четырьмя зубцами, притомъ въ обратномъ положеніи, и буквы *p* съ тремя зубцами, также *vice versa*, сравнительно съ ихъ позднимъ начертаніемъ, восходятъ къ XV—XVII вѣкамъ. Такъ какъ матеріалъ—бумага, на которой писана поэма Руставели, не позволяетъ отодвигать ее къ XV вѣку, то я отношу къ концу XVI или къ началу XVII вѣковъ. Въ рукописи, нужно еще замѣтить, имѣемъ букву, представляющую сочетаніе согласнаго *v* и гласнаго *u* (*vu*), притомъ эта орфографія строго не выдерживается: вмѣсто лигатуры встрѣчается двѣ буквы *vu*. Такъ какъ сложное изображеніе для *vu* введено не ранѣе XVII вѣка (*Чубиновъ*, Грузино-русскій словарь, предисловіе, II), то я, наряду съ вышеназванными палеографическими особенностями архивнаго памятника, принимаю во вниманіе для установленія его даты неустойчивость этой буквы, еще не вошедшей въ твердое употребленіе, какъ въ рукописяхъ XVIII вѣка, которыя уже не носятъ слѣдовъ колебанія въ изображеніи однимъ начертаніемъ сложнаго звука *vu* ²⁾.

Изъ обзора списковъ „Барсовой кожи“ естественно является заключеніе, что поэма Ш. Руставели къ концу XVI вѣка, въ виду

¹⁾ *Brosset*, De la poésie géorgienne. Paris. 1830.

²⁾ Ш. Руставели, статья *Па. Госселіани* въ газетѣ *Кавказъ*, 1870 года, № 13. Объ архивномъ вариантѣ „Барсовой кожи“ см. мою статью въ *Восточныхъ дребностяхъ* (Труды Моск. Археол. Общ.), вып. I, т. II.

своей популярности, представляла массу интерполяцій и дополненій, вызвала продолженіе ея сюжета, извѣстное нынѣ подъ именемъ *Оманіани* ¹⁾). Къ изданной Д. І. Чубиновымъ въ 1860 году „Барсовой кожѣ“ появилось въ журналѣ „Иверія“ дополненіе въ 308 строфъ, найденное грузинскимъ библіофиломъ П. Карбеловымъ. Московская архивная рукопись, при сличеніи съ существующими печатными изданіями поэмы и ея продолженіями, даетъ еще массу разночтеній и дополненій, которыя выдѣляютъ нами открытый вариантъ въ особую редакцію. Словомъ, ни одна грузинская поэма не подвергалась такимъ исправленіямъ, передѣлкамъ и дополненіямъ, какъ „Барсова кожа“, и ни одно произведеніе грузинскаго творчества не пользуется такимъ высокимъ уваженіемъ и распространеніемъ, какъ созданіе Ш. Руставели. Эти особыя условія, отличающія поэму пѣвца царицы Тамары, заставляють думать, что литературное произведеніе, завоевавшее такое почетное положеніе, должно было долгое время обращаться среди народа, чтобы слиться и сродниться съ духомъ поэтическихъ требованій и высшаго и низшаго класса читающей публики. Мощное вліяніе „Барсовой кожи“ иллюстрируетъ ужъ то обстоятельство, что имя Руставели въ грузинской литературѣ есть не имя поэта, а имя возвышенной и художественной поэзіи.

Причина отсутствія древнѣйшихъ списковъ поэмы, близкихъ къ ея созданію, заключаются, помимо тяжелыхъ бѣдствій, постигавшихъ Грузію отъ нашествія иноземныхъ полчищъ, въ томъ, что „Барсова кожа“ съ эпохи царицы Тамары преслѣдовалась духовенствомъ, какъ противное христіанскому смиренію сочиненіе свѣтскаго характера. Католикось Іоаннъ, по преданію, еще при жизни царицы, покровительствовавшей поэту, воздвигъ гоненіе на Руставели. Достоверно извѣстно, что въ XVIII вѣкѣ патріархъ Антоній I, просвѣщенный писатель, предалъ сожженію нѣсколько экземпляровъ отпечатанной царемъ Вахтангомъ „Барсовой кожи“. Въ своемъ посвященіи памяти Шота Руставели католикось-патріархъ Антоній I называетъ его мудрымъ знатокомъ персидскаго языка, философомъ, чуднымъ поэтомъ и бого-

¹⁾ „Оманіани“—продолженіе „Барсовой кожи“. *Мои письма изъ Парижа въ Иверію*, 1889 года, № 188: „Грузинскія рукописи Парижской Національной Библіотеки“. По списку памятниковъ „грузинской письменности“, составленному въ 1810 году, „Оманіани“ считается переводомъ съ персидскаго языка. См. *Царели*, Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, в. III, стр. 258 (С.-Пб., 1894 года). Ср. *Brosset. Mélanges Asiatiques*, t. VIII, p. 438.

словомъ, „но тщетно и всеу потрудившимся“ ¹⁾. Такимъ образомъ, поэму не спасло отъ злой участи объясненіе царя Вахтанга, который въ своихъ примѣчаніяхъ къ „Барсовой кожѣ“ пытается толковать аллегорически выраженія поэта, сводя ихъ къ текстамъ Священнаго Писанія и правиламъ евангельскаго ученія. Онъ утверждалъ, что поэма Руставели—иносказаніе, вымышленное для поученія, и имѣющее главною цѣлью представить непоколебимую вѣрность супруговъ при всѣхъ превратностяхъ человѣческой жизни. Не отвергая мысли, что въ основаніи поэмы лежитъ нравственная идея, всетаки никакъ нельзя видѣть въ ней какую-то христіанскую мистическую поэму. Но почему же геній поэзіи заслужилъ гнѣвъ и укоръ просвѣщеннаго католика ²⁾, извѣстнаго своими твореніями? Послѣ Шахъ-Аббаса I, разорившаго Грузію за сношенія съ православною Россіей при Борисѣ Годуновѣ, цари и народъ грузинскій являются ослабленными. Новые обычаи, нравы, музыка персовъ нарушали чистоту патріархальнаго быта и христіанской жизни,—отсюда необходимость реакціи, и католикосъ Антоній въ началѣ XVIII вѣка запретилъ чтеніе Руставели. увлекавшаго народъ къ поэзіи персидской, тонамъ музыки лидійской. Народъ искалъ въ немъ меду, а находилъ отраву, говоритъ вышеупомянутый грузинскій археологъ Пл. Игн. Юсселіани.

Какъ неразрѣшимы вопросы о мѣстѣ и времени рожденія, о происхожденіи и школьномъ образованіи, общественномъ положеніи и кончинѣ Руставели, такъ до настоящаго времени остается невыясненнымъ, откуда заимствовалъ онъ сюжетъ своей поэмы. Въ литературѣ этого предмета было высказано три мнѣнія: первое основывается на словахъ самого Руставели, который въ 16-й строфѣ заявляетъ, что „онъ нашель *персидскій* разказъ и переложилъ его стихами, словно крупную жемчужину, переходящую изъ рукъ въ руки“; однако, персидскій оригиналъ грузинской поэмы до сихъ поръ не найденъ; второе мнѣніе впервые было высказано Д. І. Чубиновымъ, который доказываетъ, что „Руставели не заимствовалъ сюжета „Барсовой

¹⁾ Мѣрвое слово *Антонія I*, католикоса-патріарха всей Грузіи, № 802. Тифлисъ, 1853 года.

²⁾ Католикосъ Антоній оставилъ намъ слѣдующія сочиненія: „Богословіе“ (рукопись въ 430 стр. in folio); „Готовое слово“, изд. епископомъ Александромъ въ 617 стр. in 8°, Тифлисъ, 1892 года; „Грамматику“ въ 298 стр. in 8°, Тифлисъ, 1885 года; „Метафизику“ въ 250 стр. in 8° (рукопись); „Философію“ въ 320 стр. in 8° (рукопись); „Катихизисъ“; „Категоріи“; „Нравственную философію“ Баумейстера; „Риторику“ и др.

кожи“ у восточныхъ писателей; она создана имъ самимъ и направлена къ прославленію царицы Тамары“. Третье мнѣніе принадлежитъ мнѣ: въ одной статьѣ, посвященной сравненію отдѣльныхъ стиховъ Руставели и народныхъ пѣсенъ о Таріелѣ, я предположилъ, что искусственная поэма XII вѣка имѣетъ своимъ основаніемъ народную поэзію, подобно тому, какъ Фаустъ и Гамлетъ восходятъ къ средне-вѣковымъ народнымъ традиціямъ ¹⁾). При этой коллизіи мнѣній—считать-ли „Барсову кожу“ національнымъ произведеніемъ или простымъ заимствованіемъ изъ персидской поэзіи, слѣдуетъ вспомнить слова Сеттембрини о „Неистовомъ Роландѣ“ Аріоста: „Не говорите мнѣ, что сюжетъ этой эпопеи не *націоналенъ*, но вспомните, что не матеріалъ опредѣляетъ достоинство поэмы, а *духъ*, живущій въ поэмѣ. Мірѣ, изображенный въ этой эпопеѣ, не принадлежитъ никакой національности, — этотъ міръ созданъ поэтомъ. Но манера, съ которою онъ создаетъ этотъ міръ, духъ, вдохнутый въ эту поэму,—чисто итальянскіе. Это есть лучшее изображеніе всего итальянскаго быта, итальянской фантазіи и всего нравственнаго строя“. Эти слова вполне приложимы къ поэмѣ Руставели. Природа и характеръ дѣйствующихъ лицъ, семейный и государственный бытъ, нравы и обычаи носятъ всѣ признаки грузинской жизни, карталинскій элементъ разлитъ, словно запахъ розъ, по всей поэмѣ, намѣренно перенесенной въ идеальную мѣстность: „въ Индію, Аравію, Китай—царство морей и каджовъ“ ²⁾).

Изъ разбора спорныхъ вопросовъ о Ш. Руставели мы склонны заключить, что онъ происходилъ изъ Рустави Месхетской провинціи или Верхней Карталини, жилъ при царицѣ Тамарѣ, о которой онъ говоритъ въ четвертой строфѣ: „Станемъ же воспѣвать царицу Тамару, проливая кровавыя слезы. Уже ее прославляли похвалами ³⁾), не худо сложенными: черниломъ было гишеровое озеро, а перомъ гибкій станъ, пронзающій стрѣлою сердце слушателя“. Руставели не только современникъ царицы Тамары, но и придворный ея поэтъ, безумный влюбленный въ свою славную повелительницу. „Изъ-за нея теряю рассудокъ

¹⁾ Чубиновъ, Грузинская Хрестоматія (С.-Пб., 1846 года), стр. VII; моя статья въ *Искрѣнн*, 1890 года, № 25; отвѣтъ на нее *Важа-Пшавела*, *Искрѣнн*, 1890 года, № 39. См. еще статью *А. На—ли* въ *Искрѣнн*, 1890 года, № 14.

²⁾ *Н. Гулакъ*, О „Барсовой кожѣ“ Руставели. Двѣ публичныя рѣчи (Тифлисъ, 1884 года), стр. 3.

³⁾ Вѣроятно, Руставели здѣсь намекаетъ на оды Шавтели и Чахруха, посвященные ими царицѣ Тамарѣ.

и умираю; она—моя жизнь, но немилосердна, какъ дивъ; она мнѣ приказала ее прославлять сладкими стихами, восхвалять ее брови, рѣсницы, кудри, уста—рубины и зубы — жемчужины“. Сюжетъ поэмы не заимствованъ изъ персидскаго оригинала: царь Вахтангъ, жившій долгое время въ Персіи, изучившій языкъ и литературу ея, свидѣтельствуетъ, что нигдѣ онъ не нашелъ повѣсти о Таріелѣ. Слова же самого Руставели относительно этого „таинственнаго перла“, персидскаго разказа, отдѣланнаго въ грузинскомъ вкусѣ, могутъ быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что поэтъ намѣренно отводитъ читателя съ цѣлью скрыть свою любовь къ той, которой повинуются полчища. „Я заболѣлъ отъ любви и нѣтъ для меня лѣкарства, развѣ земля дастъ мнѣ исцѣленіе и могилу“ (стр. 15).

Или, быть можетъ, Руставели хотѣлъ придать больше цѣны своей поэмі: извѣстно, говоритъ покойный Чубиновъ, что чужеземное всегда цѣнится дороже своего. Но нельзя отрицать, что поэма Руставели создана по образцамъ восточныхъ писателей: имена ея героев имѣютъ значеніе на языкахъ персидскомъ и арабскомъ, какъ Ростеванъ, Рамазъ, Сариданъ, Фатманъ, Парсаданъ и др., хотя главные герои носятъ названія грузинскія: Таріель, Автандилъ, Тинатина¹⁾. Отвергая заимствованіе непосредственно изъ персидскаго письменнаго памятника, мы предположили, что Руставели могъ воспользоваться устнымъ сказаніемъ о Таріелѣ, вошедшимъ съ востока въ предѣлы Грузіи, подобно другимъ странствующимъ сюжетамъ. Самъ Руставели заявляетъ, что онъ „персидскій разказъ переложилъ въ стихи“, или—по переводу Е. С. Сталинскаго—поэтъ признается:

Помня авторскую совѣсть,
Долженъ вамъ я передать,
Что у персовъ эту повѣсть
Взялъ я съ цѣлью въ свѣтъ издать.
Смысль ея одѣлъ въ порфиру,
Слово въ перлы нанизалъ,
И свою настрой въ лиру
Повѣсть въ римахъ написалъ.

Изъ сопоставленія обращающихся среди грузинскаго народа пѣсенъ о Таріелѣ съ поэмой Ш. Руставели легко усмотрѣть ихъ безусловную близость въ общемъ сюжетѣ и въ отдѣльныхъ деталяхъ.

¹⁾ См. *Мой докладъ на VIII археологическомъ сѣздѣ въ Москвѣ*, въ которомъ я приводилъ изъ сванетскихъ свитковъ XI—XII вѣковъ имена Тинатина, Нестанъ и др. „Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея“. М. 1895 г.

Конечно, эту близость искусственной и устной поэмы можно объяснить двояко: или распространениемъ литературнаго произведенія среди народа, или же воздѣйствіемъ безъискусственнаго творчества на личное созданіе одного поэта. Принимая къ свѣдѣнію, что пѣсни о Таріелѣ сохранились съ большими подробностями въ горахъ у пшавовъ и хевсурь,—весьма мало знакомыхъ съ письменною литературой, можно было бы склониться къ мысли, что Руставели не причастенъ въ дѣлѣ сообщенія сюжета „Барсовой кожи“ грузинамъ—горцамъ. Съ другой стороны предполагать, что съ древнѣйшихъ временъ распространилось содержаніе поэмы Руставели среди пшавовъ и хевсурь, препятствуетъ то обстоятельство, что, въ горахъ Грузія никогда не имѣла центровъ просвѣщенія и заселеніе ихъ вообще относится къ поздней эпохѣ, приблизительно XVI—XVIII вѣкамъ¹⁾. Въ виду этихъ соображеній трудно согласиться съ гипотезой, что только письменная поэма по своей популярности распространилась среди народа при отсутствіи соотвѣтствующей къ ея воспріятію почвы, хотя безъ сомнѣнія вѣрно и то, что поэма Руставели также имѣла въ свою очередь вліяніе на народное воображеніе и сообщала ему нѣсколько мудрыхъ изреченій.

Не настаивая на мысли о пользованіи Руставели народнымъ сказаніемъ, мы считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ тѣми доводами, которые могутъ служить освѣщеніемъ нашего предположенія. До настоящаго времени извѣстны слѣдующіе варианты пѣсенъ о Таріелѣ, записанные частью мною, частью же другими въ различныхъ концахъ Грузіи: Пшавскій („Иверія“, 1888. № 45); Бицмендскій („Иверія“, 1888, № 165); Кизлярскій (ibid. 1888, № 131); Кахетинскій (ibid. 1887, № 224 и 1890, № 252); Карталинскій (ibid. 1890, № 240 и 1890 №№ 7 и 8); Тіонетскій (ibid. 1888, №№ 230 и 231); Чирдильскій (ibid. 1831, № 74 и 75); Хевсурекій (ibid. 1890, № 239) и недавно записанный въ сел. Чалахъ пѣсни съ прозаическимъ разказомъ о Таріелѣ и Нестанъ-Дареджанѣ. Во всѣхъ этихъ вариантахъ сохранилась одна и та же фабула поэмы Руставели то въ отдѣльныхъ эпизодахъ, то въ полномъ разказѣ. Географическія имена изъ „Барсовой кожи“ извѣстны и въ народныхъ пѣсняхъ: Аравія, Хоросанъ, Каджети; дѣй-

¹⁾ О центрахъ просвѣщенія въ Грузіи см. мое соч. Очерки по исторіи грузинской словесности, ч. I, 155—164 (М. 1895). О переселеніи жителей равнины въ горы у *Дубровина*, Исторія войны на Кавказѣ.

ствующія лица въ нихъ—Таріель, Автадилъ, Фридонъ, Нестанъ-Дареджанъ. Въ виду невозможности привести детали сопоставленія искусственной и безыскусственной поэмы, укажемъ только на то любопытное обстоятельство, что краткій, лаконическій разказъ народныхъ пѣсенъ часто развитъ поэтомъ въ цѣлыя строфы, разукрашенные философскими размышленіями. Сохраняя одинъ и тотъ же сюжетъ, форма народнаго и личнаго творчества представляютъ ту разницу, которая неизбежно пристекаетъ при литературной обработкѣ устныхъ сказаній. Пѣсни объ Автадилѣ¹⁾ и его охотѣ, распѣваемые еще нынѣ въ Грузіи среди крестьянскаго населенія, нашли отголосокъ въ 199 строфѣ поэмы Ш. Руставели. Обычные эпитеты и сравненія, распространенные въ народныхъ произведеніяхъ, отразились въ „Барсовой кожѣ“: таковы чинаровый станъ, зубы—жемчужины, розовыя уста. Даже мудрыя изреченія знаменитаго поэта находятъ иногда прототипъ въ житейской философіи народа: „лучше ужъ умереть, чѣмъ постоянно тосковать“, говоритъ грузинская пословица, параллелью которой можетъ служить 826 строфа Руставели, гласящая, что „именитая смерть лучше позорной жизни“. При этомъ сходствѣ общаго содержанія мы замѣчаемъ значительныя отличія въ обработкѣ богатой приключеніями судьбы Таріеля и Нестанъ-Дареджана въ „Барсовой кожѣ“ Руставели. Просвѣщенный и даровитый поэтъ сумѣлъ облагородить и возвысить романтическую интригу идеей неизмѣнной преданности и свѣтлаго чувства любви, талантливо объединилъ и связалъ сюжетъ поэмы психологическими наблюденіями и философскими размышленіями, придавъ художественную цѣльность поэмѣ и облекъ ее въ такую чудную литературную форму, которая остается и нынѣ образцомъ поэтическихъ произведеній.

Розысканіе источниковъ вдохновенія въ народныхъ сказаніяхъ—путь, достаточно установленный въ исторіи всеобщей литературы. Фаустъ, Тартюфъ, Гамлетъ, прежде чѣмъ дѣлаются предметомъ личнаго творчества, долгое время живутъ въ устной передачѣ. Пѣсни о Таріелѣ также могли обращаться въ народѣ²⁾ до литературной

¹⁾ Другой пунктъ совпаденія народныхъ пѣсенъ съ „Барсовой кожей“ можно указать въ имени героини Нестанъ-Дареджанъ,—вторую половину этого названія мы встрѣчаемъ въ легендахъ объ Амيرانѣ Дареджанидзе, то-есть, сынѣ Дареджана.

²⁾ Въ народныхъ пѣсняхъ приводятся имена двухъ братьевъ Едемъ и Омаръ, посланныхъ царемъ Аравіи Ростеваномъ привести къ нему „плачущаго юношу“ (Таріеля), у Руставели эти гонцы названы безъ имени.

обработки гениемъ Руставели. Эти пѣсни, нынѣ сопровождающіяся и прозаическимъ пересказомъ для сцѣпленія отдѣльныхъ моментовъ изъ жизни героевъ, взаимно утраченнаго изъ памяти народа риэмованнаго повѣствованія,—могли быть устно занесены въ Грузію съ востока, подобно другимъ странствующимъ сюжетамъ. Если наше предположеніе представляется правдоподобнымъ, то тогда слова Руставели, что онъ „персидскій разказъ переложилъ въ стихи“, получаютъ нѣкоторое объясненіе: восточный сюжетъ своей поэмы онъ называетъ персидскимъ, потому что Персія передала Грузіи много эпическихъ произведеній и въ литературной обработкѣ и устныхъ сказаніяхъ.

Фабула поэмы ¹⁾ Ш. Руставели можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: Арабскій царь, „великій и щедрый“ Ростеванъ, чувствуя приближеніе старости, за неимѣніемъ наслѣдника рѣшается возвести на престоль единственную свою дочь, красавицу Тинатину. Совѣтъ вельможъ пытается отклонить царя отъ этого намѣренія, говоря, что не можетъ спорить восходящая звѣзда съ потухающею полною звѣздой. Владыка Аравіи настаиваетъ на своемъ отреченіи отъ власти и такъ обнародовалъ царскую волю: „Я, Ростеванъ, Тинатину мою возвожу на престоль свой. Да свѣтитъ она народу, какъ ликъ лучезарнаго солнца! Спѣшите, и зрите ее достойные славить царицу!“ Отецъ самъ возвелъ Тинатину на престоль „возложилъ корону на голову дѣвы и юныя плечи одѣлъ въ багряныя ткани порфиры. Свѣтла Тинатина, какъ солнце,—и взоръ ея мудрости полонъ“. На торжественную коронацію молодой царевны, которая въ сонмѣ планетъ поражала могуществомъ блеска и отнимала у всѣхъ и разумъ и сердце, и душу, стекаются вельможи страны, а въ числѣ ихъ и пламенно влюбленный въ Тинатину вождь Автандилъ, который

Станомъ стройлѣ кипариса, а ликомъ свѣтелъ и ясенъ ²⁾.

Еще безбородъ, а душой подобенъ кристаллу алмаза.

Густыя рѣсицы царевны терзали въ немъ пылкую душу.

По окончаніи торжественной церемоніи коронаціи, въ самомъ разгарѣ веселья царю почему-то взгрустнулось. Гости замѣтили мрачное настроеніе владыки, и старый визирь его Сократъ съ молодымъ

¹⁾ Поэма состоитъ изъ 1637 четверостишіи (по изданію Броссе и Чубинова. С.-Пб. 1846) по 16 слоговъ въ стихѣ.

²⁾ Стихотворный переводъ двухъ главъ этой поэмы, сдѣланный Бардинскимъ, приложенъ къ изданію Чубинова.

Автанდიломъ пытаются заговорить съ нимъ и вывѣдать причину грусти.
Ростеванъ жалуется имъ, что

Старость его исчерпала дни молодые...
А нѣту въ Аравіи всей такого надежнаго мужа,
Кто-бъ могъ замѣнить вамъ привычкой ратнаго дѣла...
Хоть тѣнь бы метателя стрѣлъ, иль въ мячъ игрока удалаго.

Молодой Автандиль предлагаетъ побиться съ царемъ объ закладъ и помѣриться съ нимъ въ ратномъ искусствѣ на охотѣ. Слуги, довѣренныя вести счетъ выпускаемыхъ соперниками стрѣлъ и убитыхъ ими звѣрей, донесли, что побѣдителемъ оказался Автандиль, какъ „чинаръ багряноцвѣтущій въ Эдемѣ“. Утомленные состязаніемъ, они остановились у рѣчки, протекавшей подъ нависшей скалой, и окруженные прибывшимъ войскомъ, сѣли отдохнуть въ прохладной тѣни деревьевъ, глядя на волны потока.

Смотрять, а юноша дивный сидитъ надъ потокомъ и плачетъ:
Покоюсь какъ левъ,—въ поводу онъ держитъ коня вороного.
Оружіе, сѣдло и приборъ разубраны жемчугомъ пышно...
Плачь сердца слезами тоски обиндивѣлъ свѣжую розу ¹⁾.
Могучіе члены красавца окутаны кожей барса,
И барсовой кожей покрыто чело молодаго героя,
Съ нимъ крѣпкій окованный кнутъ, толще руки Голиафа
Узрѣли, и взоромъ отвестъ не могли, удивляясь видѣнью.

Царь посылаетъ слугу привести къ нему этого загадочнаго юношу, но
Тутъ море тоски—онъ не можетъ слышать посланника рѣчи,
Ни криковъ веселыхъ отъ войскъ, разсыпанныхъ вдоль по зарѣчью.
Непостижимо рыдало то сердце, упавшее въ пламя.
Плачь сердца съ кровью прихлынывалъ въ очи, какъ волны сквозь щели преграды.

Слуга два раза почтительно передаетъ ему царскую волю, но такъ какъ онъ не внемлетъ и не раскрываетъ устъ, то вернувшись докладываетъ царю, что „приглашенія онъ слышать не можетъ“. Разгнѣванный Ростеванъ,—„въ немъ сердце вскипѣло обидой“—приказалъ воинамъ привести насильно того, кто сидитъ у потока. Заслышавъ звуки оружія, плачущій юноша очнулся, отеръ слезы и, не бросивъ взгляда на воиновъ, тихонько поѣхалъ вдоль берега.

Но войны руки простерли, чтобы взять молодаго упряма...
Горе что съ ними сбылось, то видѣть врагу было бы жалко.
Онъ былъ другъ о друга ихъ всѣхъ—для помощи не было мига...
Иныхъ убивалъ онъ кнутомъ, разсѣкая по самыя груди.

¹⁾ Розой Ш. Руставели называетъ лицо то мужчины, то женщины.

Войско, поспѣшившее за нимъ по приказанію оскорбленнаго этою расправою царя, потерпѣло ту же горькую участь: „людьми въ людей онъ металъ и тѣмъ унижалъ Ростевана“. Когда же самъ владѣтель Аравіи съ Автандиломъ погнались за незнакомцемъ, то послѣдній мигомъ исчезъ, точно „или къ небу взлетѣлъ, или вдругъ провалился сквозь землю“. Съ этого дня горе Ростевана удвоилось; его занимаетъ образъ таинственнаго челоуѣка въ барсовой кожѣ. Унылымъ и мрачнымъ вернулся царь во дворецъ. Тинатина, желая его успокоить, предлагаетъ послать гонцовъ во всѣ стороны развѣдать о томъ незнакомцѣ— „челоуѣкъ онъ иль духъ безтѣлесный“. Гонцы черезъ годъ возвращаются, обойдя „всю сушь до края“, и докладываютъ, что нигдѣ не видѣли дивнаго юноши. Царь относитъ свое приключеніе къ наводженію нечистаго духа, и снова водворяется въ царскихъ палатахъ веселье и пиръ.

Тѣмъ временемъ вождь Автандилъ небрежно сидѣлъ въ своей спальнѣ, Безпечно онъ пѣлъ; подъ рукой звучала стогласная арфа... Вдругъ быстро вбѣжалъ къ нему негръ, посланникъ и рабъ Тинатины: Чинаровый станъ, онъ сказалъ, встань и иди къ луноликой.

Автандилъ спѣшитъ на свиданіе „къ розѣ“. Она же несравненная угрюмо сидитъ, „прекрасна какъ молнія и лучи“, исходящія отъ нея, затмеваютъ свѣтлый мѣсяць. Тихимъ движеніемъ руки приглашаетъ она сѣсть своего пламеннаго поклонника.

Онъ молвилъ: Что смѣю сказать? Ужасаюсь коснуться до рѣчи!
Луна исчезаетъ въ лучахъ свѣтозарно горящаго солнца!
Страшусь за себя самого и мыслей собрать не могу я...
Повѣдайте мнѣ царица, о томъ, что вашъ духъ угнетаетъ.

Тинатина признается, что таинственный незнакомецъ, встрѣченный ею отцомъ на охотѣ, тревожитъ ей сердце и проситъ его отправиться въ поиски за нимъ, давъ ему три года сроку: „и розу тебѣ сохранию, какъ даръ непорочный и чистый“. Поклявшись другъ другу въ любви и неизмѣнной вѣрности, они расстаются, при чемъ царица называетъ свое сердце „раненымъ ножомъ“ а Автандилъ свое— „опаленнымъ огнемъ“. Тихо онъ пошелъ... Кристаллы росили о розѣ ¹⁾, а стальное тѣло дрожало. О, сердце онъ сердцу сроднилъ, любовь ужъ была неразрывна“. Проплакавъ цѣлую ночь, утромъ онъ является къ царю и подъ предлогомъ военной экспедиціи къ границамъ государ-

¹⁾ То-есть глаза плакали о возлюбленной.

ства испрашиваетъ у него разрѣшенія на свой отъѣздъ. Въ удѣльномъ своемъ городѣ онъ повѣряетъ своему преданному слугѣ, Шермадину, тайну своей любви и цѣль поѣздки, назначивъ его въ указѣ народу и войску намѣстникомъ за время своего отсутствія.

Два года и десять мѣсяцевъ бродитъ онъ по свѣту среди нуждъ и лишеній; труды и опасности такъ его истомили, что у него является мысль о самоубійствѣ; слезы его льются и вливаются въ море безконечнымъ потокомъ. „Такихъ страданій, какъ онъ, не испытывалъ ни Висъ, ни Раминъ“¹⁾. Назначенный срокъ истекалъ; Шермадинъ можетъ объявить, по его же порученію, царю о смерти любимаго вождя, а возвращаться ни съ чѣмъ также тяжело. Находясь въ этомъ печальномъ размышленіи въ пустынной мѣстности, онъ однако, какъ „сынъ Адама“ захотѣлъ поѣсть и убивая дичь „рукою длиннѣе Рустема“²⁾, онъ жаритъ изъ нея себѣ шашлыкъ. Вдругъ появляются три всадника, которые оказываются охотниками изъ китайцевъ; къ несчастью, имъ встрѣтился какой-то таинственный юноша, одѣтый въ барсову кожу, который разрубилъ голову плетью младшему изъ нихъ. По примѣтамъ Автандилъ узнаетъ въ ускокавшемъ юношѣ того, кого онъ такъ долго искалъ и скачетъ за нимъ.

Скоро онъ завидѣлъ его, но не рѣшился подойти къ нему, такъ какъ разсудилъ, что лучше издали слѣдить и проникнуть въ его жилище. Къ вечеру третьяго дня человекъ въ барсовой кожѣ приблизился къ высокимъ скаламъ, окруженнымъ гигантскими деревьями и усѣяннымъ пещерами. На шумъ конскихъ копытъ вышла навстрѣчу юношѣ изъ пещеры какая-то женщина въ черной курткѣ и стали они вмѣстѣ горько плакать. Автандилъ на вершинѣ дерева, съ котораго онъ наблюдалъ сцену ихъ встрѣчи, прождалъ цѣлую ночь, а на другое утро, когда таинственный незнакомецъ уѣхалъ, слезно простившись съ женщиной, подведшемъ ему коня, направился къ пещерѣ. На звукъ конскаго топота вышла опять та же женщина, полагавшая, что за чѣмъ-нибудь вернулся „солнцепоподобный юноша, на губахъ котораго

¹⁾ Герои романа Висраміани, принадлежащаго персидскому писателю Гургани. См. Vis und Ramin въ Zeitschrift d. Morgenländ. Gesellsch. Вып. XXIII. Переводъ этого романа на грузинскій языкъ относится къ XI—XII вѣкамъ. Нынѣ онъ изданъ въ Тифлисѣ.

²⁾ Это мѣсто указываетъ на извѣстность въ XII вѣкѣ въ Грузіи устныхъ сказаній о Ростомѣ или поэмы „Ростоміани“, представляющей сокращенный переводъ Шахъ-Намэ *Фирдоуси*.

едва пробивался пушокъ“. Но замѣтивъ незнакомое лицо, она бросилась бѣжать. Автандиль успѣлъ поймать ее арканомъ и сталъ умолять открыть, кто такой Таріель, къ которому она обращается за помощью. Выведенный изъ терпѣнія ея упорнымъ отказомъ, онъ приставилъ ножъ къ горлу и грозилъ ее убить. Смерть ея не испугала: „весь міръ для меня ничтожество и ничтожество ему имя“, отвѣчала она. Видя безуспѣшность своихъ угрозъ, Автандиль, отойдя въ сторону, сталъ горько плакать, и она изъ жалости къ нему начала лить слезы. Замѣтивъ эту симпатію къ себѣ, Автандиль проситъ ее простить его вспышку и сжалиться надъ человѣкомъ много пострадавшимъ изъ-за страсти къ возлюбленной своей Тинатинѣ, поручившей розыскать таинственнаго юношу въ барсовой кожѣ. Любовныя страданія Автандила окончательно расположили къ нему эту женщину, по имени Асмать, и она пообѣщала мирно свести его съ Таріелемъ. Вскорѣ показался и самъ Таріель, освѣщая воды своимъ блескомъ. Асмать поспѣшила спрятать Автандила въ пещеру, а сама со слезами вышла на встрѣчу къ пріѣзжему. Женщина разостлала барсову кожу и стала жарить ему мясо, отъ котораго въ избыткѣ горя отказался Таріель и прилежъ отдохнуть. Когда онъ проснулся, Асмать заговорила съ нимъ объ одиночествѣ и пребываніи его въ обществѣ звѣрей, советуя ему поискать друга среди людей. Таріель не выразилъ открытаго нежеланія имѣть друга, хотя усомнился въ возможности найти человѣка, который раздѣлилъ бы съ нимъ горькую участь. Асмать предложила познакомить его съ Автандиломъ, взявъ съ него слово, что онъ не убьетъ его. Таріель, дѣйствительно, встрѣтилъ его привѣтливо: они бросились другъ другу въ объятія, а потомъ вмѣстѣ долго плакали. Автандиль разказалъ свою исторію, а за нимъ Таріель приступаетъ повѣствовать о себѣ, приказавъ предварительно Асмать принести воды и приводить его въ чувство, если онъ будетъ падать въ обморокъ. Затѣмъ обнаживъ себѣ грудь, человѣкъ въ барсовой кожѣ разказалъ слѣдующее:

Зовутъ его Таріелемъ; онъ былъ военачальникомъ у царя Парсадана, повелителя шести индійскихъ царствъ. Отецъ Таріеля добровольно уступилъ ему седьмое индійское свое царство и въ награду за это великодушіе Парсаданъ сдѣлалъ его начальникомъ своихъ войскъ и, будучи бездѣтнымъ, усыновилъ Таріеля, пообѣщавъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Таріель выросъ при дворѣ подъ руководствомъ лучшихъ мудрецовъ государства. Ему было пять лѣтъ,

когда у царя Парсадана родилась дочь Нестанъ-Дареджана ¹⁾. Малютка была прекрасна и затмевала луну и солнце блескомъ своего лица. Тариель и Нестанъ сначала воспитывались вмѣстѣ, какъ царскія дѣти. Когда же онъ возмужалъ, то царевну помѣстили въ отдѣльномъ роскошномъ дворцѣ, приставивъ къ ней воспитательницей тетку Даваръ, а нянькой Асмать. По смерти отца 15-лѣтній Тариель наслѣдовалъ ему въ должности военачальника. Послѣ траура, онъ началъ участвовать во всѣхъ придворныхъ увеселеніяхъ и празднествахъ. Разъ, возвращаясь съ охоты съ Парсаданомъ, имъ пришлось проходить мимо дворца царевны. Царь зашелъ къ дочери, а Тариель поджидалъ его въ саду, держа въ рукахъ убитую дичь, за которой вскорѣ прислалъ Парсаданъ Асмать, чтобы подарить ее дочери. Асмать случайно слишкомъ раскрыла завѣсу покоевъ царевны, и предъ глазами Тариеля красавица предстала во всемъ своемъ блескѣ. Юноша не выдержалъ ослѣпительныхъ чаръ Дареджаны и упалъ въ обморокъ. Черезъ три дня, когда къ нему вернулось сознание, онъ увидѣлъ себя въ роскошныхъ покояхъ царя, окруженнымъ вельможами, волхвами и врачами, которые таинственно бесѣдовали между собою о постигшей его странной болѣзни.

По выздоровленіи, онъ перебрался изъ дворца къ себѣ въ домъ, гдѣ ему Асмать подала письмо отъ Нестанъ-Дареджаны, въ которомъ чудная красавица клялась въ любви и увѣщевала не лить слезы напрасно, а искать побѣдной славы въ войнѣ съ китайцами. Тариель посылаетъ дерзкій вызовъ китайскому царю, а тѣмъ временемъ получаетъ приглашеніе отъ царевны явиться во дворцѣ. Вскорѣ послѣ этого вспыхнула война; Тариель побѣждаетъ и приводитъ въ Индію китайскаго царя въ плѣнъ, какъ военный трофей. Отецъ Дареджаны устраиваетъ ему триумфальный въѣздъ въ столицу, осыпая молодого героя всевозможными милостями. Но не подозрѣвая любви Тариеля къ своей дочери, царь задумываетъ выдать ее замужъ за хваразмійскаго принца, и Тариель, присутствовавшій на совѣтѣ, созванномъ по этому вопросу, даетъ свое согласіе на ея бракъ съ иностранцемъ, не рѣ-

¹⁾ Въ довольно удачныхъ стихахъ изложены главы о Ростеванѣ, Тинатинѣ и др. въ книгѣ г. Сталинскаго „Барсова вожа“ Ш. Руставели (Тифлисъ. 1888). Книжка эта заключаетъ въ себѣ переводы изъ Руставели въ отрывкахъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и армянскомъ языкахъ; а на польскомъ языкѣ было передано содержаніе поэмы въ „Biblioteka Warszawska“ (1863, IV).

шаясь открыто заявить о своей любви къ царевнѣ. Нестанъ-Дареджана, узнавъ объ этомъ, на тайномъ свиданіи упрекаетъ его въ измѣнѣ, а когда онъ оправдывается передъ нею, ссылаясь на свою боязнь противорѣчить царю, она успокаивается и предлагаетъ своему возлюбленному украдкой убить хваразмійскаго принца въ виду того, что престолъ Индіи долженъ принадлежать только Таріелю.

Нареченный женихъ Нестанъ-Дареджаны является въ столицу Парсадана, и Таріель въ качествѣ военачальника сначала торжественно его встрѣчаетъ, а затѣмъ ночью проникаетъ въ станъ принца и, заставъ его спящимъ, разбиваетъ ему голову о столбъ палатки; пользуясь смятеніемъ въ войскѣ, онъ безнаказанно исчезаетъ. Царь по этому происшествію догадывается о любви Таріеля къ своей дочери и укоряетъ его въ письмѣ, зачѣмъ онъ скрывалъ свои чувства и не просилъ руки царевны. Таріель отвѣчаетъ царю, что дочь свою онъ можетъ выдать за кого хочетъ, но престола Индіи онъ никому не уступить.

Сестра же Парсадана, Даваръ, возмущенная поступкомъ своей воспитанницы, страшно избива ея и отдала двумъ чернымъ рабамъ бросить ея въ море, а сама, опасаясь гнѣва царя, лишила себя жизни. О судьбѣ царевны сообщила Таріелю нянька ея, Асмать, а черные рабы вмѣсто того, чтобы топить дѣвушку, выгодно продаютъ ея въ морскомъ царствѣ. Царевна здѣсь очутилась у богатой купчихи, Фатманъ, которой она понравилась своею красотой. Но вскорѣ мужъ ея проговорился въ присутствіи морскаго царя о Дареджанѣ, и тотъ потребовалъ ея доставить и выдать за своего сына. При раставаніи Фатманъ даритъ дѣвушкѣ драгоцѣнный поясъ, которымъ ей удается подкупить слугъ морскаго царя и бѣжать изъ плѣна. На дорогѣ ея перехватываютъ послы изъ каджетскаго царства, которые запираютъ ея въ неприступную крѣпость. Таріель же въ теченіе трехъ лѣтъ напрасно ищетъ царевну въ сопровожденіи Асмать и, отчаявшись ея найти, поселяется въ пещерахъ дэвовъ, которыхъ Таріель побѣждаетъ и изгоняетъ. Здѣсь онъ одичалъ и отсюда онъ вступалъ въ случайныя кровавыя столкновенія съ людьми.

Встрѣча съ Автандиломъ даетъ новый поворотъ его судьбѣ. Повѣдавъ другъ другу свои горести, они условливаются снова встрѣтиться черезъ два мѣсяца въ томъ же мѣстѣ и предпринять новые поиски Дареджаны. Автандиль спѣшитъ въ Аравію сообщить Тинатинѣ о своей находкѣ. Ростеванъ не соглашается на вторичный отъѣздъ

Автадила, чтобы помочь другу въ несчастіи. Автадилъ, извинившись предъ царемъ письменно, уѣзжаетъ безъ его согласія, но съ позволенія своей возлюбленной. Въ пустынь онъ находитъ Таріеля лежащимъ безъ чувствъ рядомъ съ трупами убитыхъ имъ льва и барса. Приведенный въ сознаніе Таріель разказываетъ, что онъ убилъ льва, гонявшагося въ любовной игрѣ за барсомъ, который ему напомнилъ его возлюбленную, а когда онъ хотѣлъ приласкать барса, и тотъ огрызнулся, то онъ покончилъ и съ нимъ.

Автадилъ, успокоивъ Таріеля, уговорилъ его вернуться къ Асматъ и ждать вѣстей отъ него, а самъ отправился искать Дареджану. Онъ ѣдетъ въ морское царство, заводитъ знакомство съ Фатманъ, входитъ въ ея довѣріе, убиваетъ ея прежняго любовника, погрозившаго ей местию за измѣну, и при помощи волшебниковъ (каджи), посланныхъ Фатманъ, узнаетъ о мѣстѣ заточенія Дареджаны и получаетъ отъ нея письмо къ ея возлюбленному. Вернувшись къ Таріелю, онъ беретъ его съ собою, захватываетъ царя мулганзарскаго Придона, которому Таріель однажды помогъ въ его борьбѣ съ родственниками, и они берутъ штурмомъ ту Каджетскую крѣпость, гдѣ содержалась Дареджана. Герой и героиня послѣ десятилѣтней разлуки радостно встрѣчаются, и всѣ они ѣдутъ сначала въ Аравію, гдѣ присутствуютъ на свадьбѣ Автадила и Тинатины, а затѣмъ подъ охраной аравійскихъ войскъ Таріель возвращается съ своей невѣстой въ Индію, завоевываетъ себѣ престолъ и сочетается бракомъ съ Нестанъ-Дареджаной ¹⁾.

Познакомившись съ содержаніемъ „Барсовой кожи“, мы остановимся на толкованіи Д. Чубинова ²⁾, усматривающаго въ ней *національное* произведеніе, направленное къ прославленію царицы Тамары. Сравнивая жизнь царицы съ событіями, описываемыми въ поэмѣ, говоритъ онъ, находимъ разительныя черты сходства, которыя подаютъ поводъ думать, что подъ именемъ главной героини Нестанъ-Даред-

¹⁾ На этомъ кончается поэма Руставели по принятому Вахтангомъ Броссе и Чубиновымъ тексту „Барсовой кожи“. Продолженіе же ея, извѣстное по открытой Карбеловымъ рукописи Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, доводитъ ее до смерти Таріеля и Автадила. Вся поэма недурно изложена у Г. Лоссемиани для дѣтей на 66 стр. (Тифлисъ. 1892), а переводъ поэмы на нѣмецкій языкъ предпринялъ *Артуръ Лейстъ*, Der in Tigerfelle von Schota Rustaveli. Dresden, Leipzig.

²⁾ Чубиновъ, Грузинская хрестоматія, стр. VII (С.-Пб. 1846).

жанъ скрывается сама Тамара, а по мнѣнію Н. Гулака ¹⁾ „славная царица скрывается не только подъ образомъ Дареджаны, но и подъ образомъ Тинатины, а еслибы въ поэмѣ было нѣсколько героинь, то всѣ онѣ носили бы на себѣ черты Тамары по той простой причинѣ, что Руставели пылалъ глубокою любовью къ своей царицѣ“. Д. Чубиновъ указываетъ черты сходства Тамары и Дареджаны. Послѣдняя была единственною дочерью индійскаго царя, Парсадана, точно такъ же, какъ Тамара была единственною дочерью грузинскаго царя Георгія III. Воспитаніе Дареджаны Парсаданъ поручилъ сестрѣ своей Давари, воспитаніе Тамары было поручено Георгіемъ III сестрѣ его Русудани, которая была въ супружествѣ за осетинскимъ княземъ; она воспитывала ее вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ по мужу Давидомъ Сослани, точно такъ же, какъ Дареджана росла съ Таріелемъ въ „Барсовой кожѣ“. Слѣдствіемъ совмѣстнаго воспитанія Нестанъ-Дареджаны и Таріеля была взаимная ихъ любовь; такъ, вѣроятно, и Тамара была привязана къ Давиду Сослани, за котораго она выходитъ замужъ, по расторженіи заключеннаго по политическимъ соображеніямъ брака съ Юріемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго. Далѣе, Парсаданъ по государственнымъ видамъ хотѣлъ выдать свою дочь за могущественнаго шаха хоразмійскаго, но Дареджана отказалась повиноваться рѣшенію отца; по грузинской лѣтописи шахъ хоразмійскій тщетно искалъ руки царицы Тамары, хотя онъ и не подвергся той ужасной участи, какая постигла хоразмійскаго принца въ поэмѣ Руставели.

Помимо этихъ совпадающихъ чертъ „Барсовой кожи“ и исторіи царицы Тамары, близость поэмы къ Грузіи явствуетъ и по другимъ признакамъ. Мѣсто дѣйствія поэмы—Индіа. Руставели раздѣлилъ ее на семь царствъ, и древнѣйшіе грузинскіе акты называютъ владѣтелей Грузіи царями семи царствъ, о чемъ свидѣтельствуетъ грузинскій историкъ царевичъ Вахушти. Отецъ Тамары, Георгій III, дѣйствительно владѣлъ, подобно Парсадану, семью царствами, имена которыхъ сохранились въ лѣтописи: Абхазское, Геретинское, Саатабагское, Карталинское, Кахетинское, Ранское и Осетинское, въ которомъ господствовала отрасль грузинской дннстiи Багратидовъ. Упоминаемая въ поэмѣ крѣпость Каджети-Каджетисцихе—мѣсто заключенія Нестанъ-Дареджаны—находится по грузинскимъ картамъ въ За-

¹⁾ Гулакъ, „О Барсовой кожѣ“, стр. 6 (Тифлисъ, 1884).

падной Грузіи. Природа, описанная въ поэмѣ, носятъ всѣ признаки Грузіи. Были, однако, попытки указать прототипъ „Барсовой кости“ въ персидской литературѣ: такъ Н. Д. ¹⁾ называлъ повѣсти Низама „Меджунъ и Лейла“, и Гургани „Висъ и Раминъ“, послужившія не только образцомъ, но давшія сюжетъ грузинскому поэту. Нѣтъ нужды указывать, насколько неправдоподобнымъ представляется эта гипотеза тѣмъ, кто знакомъ съ содержаніемъ названныхъ романовъ, извѣстныхъ и въ грузинскомъ переводѣ съ древнихъ временъ ²⁾. Мы вернемся къ разбору этого мнѣнія.

Не только Чубиновъ настаиваетъ на національномъ происхожденіи поэмы Руставели, но и лица, которыхъ нельзя обвинить въ патриотическомъ пристрастіи. Съ Руставели въ Грузіи, говоритъ г. Гулакъ, повторилось то же самое, что испытывали современные ему трубадуры на Западѣ. Трубадуръ, по словамъ Edgard Quinet (Révolutions d'Italie), почти всегда происходилъ изъ низшаго сословія, но благодаря своему гению, возвышенности чувствъ, онъ дѣлался временно ровнею феодальной аристократіи. Онъ, дитя простонародія, съ душою, преисполненною наивности, поэзіи, страсти, вступая въ феодальные замки, сначала ослѣпленъ блескомъ феодальной дамы, своей повелительницы, онъ едва смѣетъ поднять взоры на нее. Вслѣдствіе этого, любовь трубадура въ самомъ корнѣ зиждется на другомъ основаніи, чѣмъ любовь древности: тутъ женщина является сильнымъ, а мужчина слабымъ существомъ. Отношенія половъ какъ бы измѣнились: женщина оказываетъ покровительство, а мужчина ищетъ опоры. На сторонѣ женщины авторитетъ, приказываніе, власть; на его же сторонѣ только робость и послушаніе подданнаго. Онъ повергаетъ свои чувства предъ особою, высокое общественное положеніе которой должно его подавлять, и которая остается для него недосыгаемымъ идеаломъ. Это какъ бы первый *идеальный бракъ* между аристократіей и народомъ, но необходимое условіе такого союза есть тайна: нужно, чтобы его стихи, довольно прозрачныя для той, къ которой относятся, оставались не разгаданы для другихъ, и горе поэту, если его чувства были слишкомъ прозрачны. Тогда часто въ ближайшемъ лѣсу находили его тѣло пронзеннымъ стрѣлою или

¹⁾ „Сѣверный Вѣстникъ“, 1889, № 9 и 10.

²⁾ Лейла и Меджунъ пер. на груз. языкъ царемъ Теймуразомъ I въ XVII вѣкѣ, остается въ рукописи, Висраміани же изданъ въ Тифлисѣ въ 1884 г.

копьемъ. Или на старости лѣтъ, чувствуя себя лишнимъ въ феодальныхъ дворахъ, гдѣ прежнее его присутствіе возбуждало радость и веселье, онъ, не считая возможнымъ возвращаться въ убогую деревенскую обстановку, удалялся на покой, въ стѣны монастыря. Такова была участь и Руставели, проведшаго молодость при блистательномъ дворѣ царицы Тамары, отъ которой „онъ терялъ разсудокъ и умиралъ“. Быть можетъ, за слишкомъ „прозрачно“ явленное къ ней чувство, котораго онъ не сумѣлъ скрыть [„и самый твердый камень разобьется отъ мягкаго свинца“], онъ былъ обезглавленъ и брошенъ въ рѣку по одной легендѣ, или же подъ старость лѣтъ, потерявъ расположеніе своей повелительницы и кумира любви, онъ удалился въ монастырь, какъ свидѣтельствуешь надпись въ церкви св. Креста въ Іерусалимѣ. Пѣвецъ царицы Тамары, по всѣмъ сохранившимся о немъ свѣдѣніямъ, вышелъ непосредственно изъ народа, и потому вѣчно юная его поэма, исполненная силы и страсти, жива и свѣжа до настоящей минуты. Семьсотъ лѣтъ для грузинской музыки прошли, какъ одна минута! Если при этомъ вспомнить, что Руставели могъ воспользоваться существовавшимъ устнымъ народнымъ сказаніемъ о Таріелѣ и Дареджанѣ, то станетъ еще понятнѣе, почему „Барсова кожа“ такъ дорога грузинскому читателю. Сюжетъ своей поэмы поэтъ взялъ изъ глубины сердца самого народа и одухотворенный единствомъ высокаго чувства и философскаго размышленія, возвратилъ его тому же народу въ тихихъ и страстныхъ стихахъ, написанныхъ то нѣжнымъ, то пламеннымъ языкомъ. Стиль Руставели олицетворялъ собою какъ бы идеалы, близкіе природѣ горячаго юга, гдѣ тропическій палящій зной долинъ и серебряныя горныя вершины вѣчнаго льда и свѣговъ съ одинаковою любовью цѣлуются съ бездонною синевою лазуреваго кавказскаго неба. Внѣшнее совершенство стиховъ Руставели настолько велико, что, по словамъ даже иностранца г. Гулака, „если ихъ читать громко, соблюдая цезуру и ударенія, то они дивно гармоничны и не уступаютъ гекзаметрамъ Гомера и Вергилія“¹⁾.

Со стороны внутренняго содержанія поэмы, которая донинѣ служитъ воспитательной книгой, „Барсова кожа“ есть торжественный гимнъ „любви, добру и красотѣ“, а главнымъ образомъ женщинамъ, предъ которыми поэтъ благоговѣлъ, какъ предъ лучшимъ созданіемъ

¹⁾ Лестные отзывы о поэмѣ дали еще Ренанъ, Сютнеръ Уордропъ.

природы. Основными чертами характера двухъ первыхъ героевъ поэмы Дареджаны и Таріеля является выраженіе непоколебимой супружеской любви, основанной на свободномъ выборѣ и разумномъ пониманіи взаимныхъ личныхъ достоинствъ, а не исключительно на страсти или бессознательной привязанности. Характеристикѣ героевъ поэмы и извлеченію изъ нея выдающихся мѣстъ мы посвятимъ другую статью.

А. Жахановъ.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРА ХЕЛЬЧИЦКАГО.

(Изъ исторіи гусситства).

Ярославъ Голль, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Хельчицкаго, начинаетъ свое изслѣдованіе о немъ слѣдующими словами: „Мракъ, скрывающій отъ нашихъ очей образъ Петра Хельчицкаго, его личную судьбу и отношенія, никогда не разсѣется“. Этотъ грустный для исторической любознательности, но правдивый приговоръ объясняется самымъ состояніемъ и характеромъ источниковъ для біографіи Хельчицкаго.

Если мы обратимся къ современнымъ Хельчицкому литературнымъ памятникамъ—будутъ ли то хроники подобойевъ и таборитовъ, или донесенія папскихъ легатовъ, или акты и артикулы многочисленныхъ соборовъ, съѣздовъ, сеймовъ и частныхъ собраній,—нигдѣ не найдемъ извѣстій о Хельчицкомъ. И это очень естественно: шумная гусситская эпоха заносила на страницы своей исторіографіи лишь тѣхъ и то, кто и что дѣлали эту шумную и страстную жизнь эпохи, всѣ эти споры, проклятія, отлученія, изгнанія, костры, единичныя и массовыя убійства, Якубка, Прокопа, Пшибрама, Капистрана и т. д. Хельчицкій, въ своемъ христіанско-пессимистическомъ настроеніи, отрицалъ эту жизнь и, сколько возможно, сторонился ея: разумѣется, онъ не попалъ въ ея лѣтописи.

Другой источникъ для біографіи Хельчицкаго—его собственныя сочиненія даютъ намъ также мало фактовъ. Большая часть фактическихъ и хронологическихъ указаній въ литературныхъ произведеніяхъ Хельчицкаго относятся къ этимъ же самымъ произведеніямъ: говорить о ихъ подлинности, времени и поводѣ написанія. Изъ подобныхъ указаній выносишь странное впечатлѣніе, будто вся жизнь Хельчиц-

каго сводилась къ литературной дѣятельности, и попытка написать его біографію приводитъ лишь къ размѣщенію его произведеній въ хронологическихъ рамкахъ. Самое размѣщеніе оказывается проблематичнымъ и условнымъ: хронологическія даты такъ отрывочны и темны, какъ тощія вѣхи на занесенномъ снѣгомъ полѣ въ темную зимнюю ночь. И, можетъ быть, скромны автобіографическія указанія потому особенно, что скромень былъ самъ Хельчицкій; онъ говорилъ о себѣ: „Но если я, смысла нѣчто о правдѣ, скажу что нибудь о ней, то развѣ мудрые и мощные міра примутъ это, какъ правду, отъ меня, который у нихъ въ такомъ же уваженіи, какъ выплевье-мая слюна“¹⁾).

Третій источникъ біографіи Хельчицкаго—это историческая традиція, извѣстія потомства. Здѣсь можно различить два вида источниковъ и свѣдѣній, доставляемыхъ ими: съ одной стороны, извѣстія „братьевъ чешскихъ“, духовныхъ дѣтей Хельчицкаго, а съ другой—сообщенія писателей католиковъ.

Извѣстія „братьевъ“ идутъ на протяженіи всей исторіи ихъ „общины“, начиная братомъ Григоріемъ и кончая Амосомъ Коменскимъ, но они даютъ только слѣдующее: „братья“ читали сочиненія Хельчицкаго, видѣлись съ нимъ лично и подъ влияніемъ того и другого основали свою „Общину“, къ которой и послѣ смерти Хельчицкаго многіе присоединялись подъ влияніемъ его сочиненій; Янъ Благодславъ и Амось Коменскій хвалятъ чешскій языкъ Хельчицкаго. Собственно о жизни Хельчицкаго „братья“ ничего не говорятъ, за исключеніемъ Луки, который въ своемъ „Odpise proti Održenciom, jenž se Malau Stránkau pazývají“ (1524) сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній, подрываемыхъ въ своей цѣнности замѣчаніемъ самого Луки: „я привелъ слышанную рѣчь, не утверждая ея, но и не отрицая“. Скудость свѣдѣній „братскихъ“ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что вскорѣ же послѣ своего основанія „Община“ стала отступать отъ завѣтовъ и ученій своего духовнаго отца: „Малая сторона“, хранившая память Хельчицкаго, въ 1496 г. выступила изъ „Общины“, но чрезъ 45 лѣтъ безслѣдно исчезла.

Извѣстія писателей-католиковъ еще скуднѣе. Сообщая извѣстіе о томъ, что Хельчицкій — духовный отецъ „братской Общины“ (пикардовъ или вальденсовъ, по ихъ терминологіи), эти писатели знакомятъ насъ лишь съ одной новостью о жизни Хельчицкаго: будто

¹⁾ „O rotách českých“ по указанію „брата“ Яфета въ его „Hlas Strážného“.

онъ былъ сапожникъ по ремеслу; но новость оказывается сказкой. Такъ какъ извѣстія католическихъ писателей о Хельчицкомъ встрѣчаются лишь въ полемическихъ трактатахъ противъ „Общины“, то съ исчезновеніемъ „Общины“ (1670) должны были исчезнуть и всякія упоминанія католиковъ-полемистовъ о немъ. Такъ умерла „братская“ и католическая традиція Хельчицкаго. Отъ XVIII вѣка мы имѣемъ единственное и глухое указаніе о Хельчицкомъ, какъ о составителѣ чешскаго канціонала, въ *Evangel. kancional' Vaclava Kleusch'a* (1727 г.).

Лишь „историческій“ XIX вѣкъ вызвалъ изъ мрака забвенія интересную личность Хельчицкаго; но здѣсь мы переходимъ уже въ область литературы о немъ.

Первые шаги этой научной литературы, представителями которой являются I. Добровский и Юнгманъ, еще вполнѣ обусловлены жалкими остатками исторической традиціи о Хельчицкомъ, въ католическомъ ея видѣ. Добровский въ „Исторіи чешскаго языка и литературы“ говоритъ о Хельчицкомъ слѣдующее: „Самое извѣстное его сочиненіе разбито на 40 главъ; онъ, какъ сапожникъ по ремеслу, назвалъ ихъ *Koruta* (то-есть, сапожная колодка); поэтому онъ былъ прозванъ своими противниками „*Doctor korutaum*“¹⁾. То же самое повторяетъ и Юнгманъ въ обоихъ изданіяхъ своей „Исторіи литературы чешской“ (1825 и 1849 гг.)²⁾; лишнее у него противъ Добровскаго—это перечисленіе 8 сочиненій Хельчицкаго.

Въ половинѣ 50-хъ годовъ начинается новый періодъ въ изученіи Хельчицкаго: къ изученію Хельчицкаго привлекаются два важнѣйшіе источника: его собственныя сочиненія и извѣстія „братьевъ“; первое сдѣлалъ Фр. Палацкій, второе—Шафарикъ.

Палацкій изучилъ два важныя сочиненія Хельчицкаго: „*Postilla*“ и „*Sit' vřy*“, которыя имѣлись въ книгохранилищахъ Праги, знакомъ былъ отчасти съ открытой въ 1853 году Парижской рукописью сочиненій его и самъ изслѣдовалъ въ 1856 году Оломуцкую рукопись трактатовъ Хельчицкаго; хорошо онъ зналъ и рукописную „братскую“ литературу. Обладая, такимъ образомъ, почти всеми первоисточниками, чешскій историографъ далъ первый до нѣкоторой степени отвѣчающій научнымъ требованіямъ, опытъ о Хельчицкомъ въ своихъ „*Dějiny národu českého*“, на стр. 407 — 425 1-й

¹⁾ *Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur*, 2-е изд., стр. 229.

²⁾ *Historie literatury české*, изд. 1849, стр. 569.

части 4-го тома ¹⁾). Палацкій высоко цѣнитъ Хельчицкаго: онъ считаетъ его „писателемъ, который по самостоятельности духа, по оригинальности и продуктивности мысли и силѣ слога занялъ первое мѣсто среди современныхъ ему соотечественниковъ и въ половинѣ XV вѣка вообще долженъ быть упомянутъ прежде всѣхъ, тотчасъ послѣ мистра Яна Гуса“ (стр. 408). Изложивъ, со свойственною ему осторожностью, несомнѣнные біографическія данныя о Хельчицкомъ и не входя въ вопросъ о хронологическомъ размѣщеніи его сочиненій, Палацкій приступаетъ къ изложенію ученія его. Вѣроученіе Хельчицкаго оказывается не характернымъ для его личности; его сила—въ правоученіи, какъ то же можно сказать о М. Яновскомъ. Изложеніе правоученія Хельчицкаго ведется по сочиненію „O šelšě a obgazi jejím“ и „Sít' víry“. По мнѣнію Палацкаго, „мыслью, которая прежде всего отличала систему Хельчицкаго и которая стала его собственностью, было рѣшительное отрицаніе права войны, даже права смертной казни между христіанами“ (стр. 418). За характеристикой слога Хельчицкаго, какъ слога чисто новаго времени (стр. 420), слѣдуетъ критика правоученія Хельчицкаго, указывающая на невыполнимость этого ученія въ жизни: „кто долженъ будетъ терпѣть неправду, если всѣ люди будутъ вести себя по наставленіямъ Хельчицкаго, а нигдѣ не будетъ насилія и преслѣдованія? Эти наставленія имѣютъ въ виду лишь меньшую часть человѣческаго общества, ибо совокупность гонимыхъ за вѣру предполагаетъ совокупность гонителей, остающихся внѣ вѣры“ (421 стр.). Это обстоятельство и отразилось пагубно на судьбахъ „Общины братской“; къ изображенію начатковъ ея подъ вліяніемъ Хельчицкаго и переходитъ теперь Палацкій и этимъ кончаетъ свое разсужденіе. На стр. 469—476 того же тома Палацкій пользуется сочиненіями Хельчицкаго для изображенія нравовъ эпохи.

Шафарикъ еще съ 1854 года началъ собирать матеріалы для біографіи Хельчицкаго; но они такъ и остались у него „*membra disjecta*“, хотя Гиндели утверждаетъ, что „Шафарикъ прочелъ въ „*Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften*“ нигдѣ не напечатанную біографію Хельчицкаго“ ²⁾. Матеріалы Шафарика напечаталъ Иречекъ; они состоятъ изъ нѣсколькихъ экскурсовъ по частнымъ вопросамъ біографіи Хельчицкаго, краткаго внѣшняго обзора его сочиненій

¹⁾ Изданіе 1857 года.

²⁾ *Gindely, Geschichte der Böhmisken Brüder*, т. I, стр. 489. Изд. 1857 г.

и приложений¹⁾. Вотъ въ этихъ-то приложенияхъ и заключается цѣнность матеріаловъ: Шафарикъ собралъ все, что сохранилось о Хельчицкомъ въ сочиненіяхъ „братьевъ“ и католиковъ, и привелъ въ текстуальномъ изложеніи (21 извѣстіе); здѣсь же напечатано одно сочиненіе Хельчицкаго: „Psaln dvěma kněžím“. Въ томъ же 1857 году, къ которому относится появленіе труда Палацкаго о Хельчицкомъ, вышло въ свѣтъ сочиненіе Гиндели: „Geschichte der Böhmischen Brüder“; авторъ его коснулся и Петра Хельчицкаго, поскольку этотъ послѣдній повліялъ на образованіе „Общины“. Но изложеніе Гиндели, сравнительно съ Палацкимъ, слабѣе и по содержанию, и по освѣщенію его. Онъ даетъ намъ краткія біографическія свѣдѣнія о Хельчицкомъ и, упоминая лишь о трехъ его сочиненіяхъ²⁾, излагаетъ ученіе Хельчицкаго. Онъ усматриваетъ въ Хельчицкомъ чувство глубокой ненависти къ чешскому дворянству и духовенству; „сочиненія Хельчицкаго оказываются точнымъ изображеніемъ всего этого настроенія и его логическимъ развитіемъ“³⁾. Соціологическія построенія Хельчицкаго—„eine unfreundliche, nicht eben bezaubernde Theorie“, которая и могла зародиться лишь „въ мозгу уединеннаго мыслителя“. „Кто могъ бы ожидать,—спрашиваетъ Гиндели,—что она найдетъ друзей и исповѣдниковъ“? (стр. 15). Объясняетъ онъ это слѣдующимъ образомъ.

„Относительно всѣхъ сектантовъ можно доказать, что на ихъ вѣроученіи или правоученіи удивительнымъ образомъ отражаются вліянія времени, къ которымъ они или приспособляются или съ которыми борются. Сила меча болѣе чѣмъ въ теченіе 30-ти лѣтъ господствовала въ Чехіи, и, благодаря ей, различныя религіозныя партіи получали или сохраняли свое бытіе. Всѣ одинаково страдали отъ нея. Но *теперь* всѣ появившіеся новаторы... не могли ожидать благоклонныхъ отношеній со стороны этой желѣзной силы; они начали смотрѣть на нее или вообще на свѣтскую власть, какъ на противодействующую *не только* имъ, но и какъ на *абсолютно* враждебную христіанскому развитію... Петръ Хельчицкій какъ въ своемъ собственномъ развитіи, такъ и въ томъ вліяніи, какое оказывалъ онъ на другихъ, даетъ доказательство въ пользу выставленнаго нами утвержденія“ (стр. 12—13). Таковы взгляды Гиндели. На основаніи трудовъ

¹⁾ См. *Časop. česk. tis.* 1874, 91—109.

²⁾ *Ibid.*, стр. 489, 490, Гиндели даетъ списокъ всѣхъ сочиненій Хельчицкаго.

³⁾ *Ibid.*, стр. 14.

Палацкаго и Гиндели трактуютъ о Хельчицкомъ Bernhard Czerwenka въ своей „Geschichte der Evangelischen Kirche in Böhmen“ ¹⁾ и Gotthard Lechler въ сочиненіи „Johann von Wiclif und die Vorgeschichte der Reformation“ ²⁾; ничего новаго эти авторы не даютъ, лишь Лехлеръ указываетъ на зависимость Хельчицкаго отъ Виклефа въ ученіи о таинствѣ евхаристіи.

Въ 1875 г. I. Иречекъ издалъ свою „Rukovět k dějinám literatury české do konce XVIII věku“, въ которой помѣщена и статья о Хельчицкомъ ³⁾. Здѣсь мы находимъ біографію Хельчицкаго и списокъ его сочиненій. Въ біографію Иречекъ внесъ лишь тѣ факты жизни и литературной дѣятельности Хельчицкаго, которые могутъ быть подтверждены несомнѣнными данными источниковъ. Никакихъ гипотезъ Иречекъ не даетъ; общаго фона эпохи тоже нѣтъ: этимъ, можетъ быть, обуславливается и то, что изъ біографіи Иречека не выносишь сколько нибудь живаго образа Хельчицкаго, тѣмъ болѣе, что Иречекъ вовсе не излагаетъ и ученія его.

Въ 1875 году мы встрѣчаемся съ новою попыткою войти въ болѣе внимательное изученіе Хельчицкаго: мы разумѣемъ трудъ Ferdinanda Schulze: „Petr Chelčický“ ⁴⁾. Шульце, по вѣрному признанію слѣдующаго изслѣдователя—Голя, сдѣлалъ такъ много для выясненія темныхъ пунктовъ жизни Хельчицкаго, что едва ли удастся кому нибудь сказать что нибудь новое послѣ него: возможны лишь перестановки нѣкоторыхъ хронологическихъ датъ. Новую и пріятную сторону въ трудѣ Шульца составляетъ изображеніе той обстановки, при которой имѣли мѣсто тѣ или другія событія въ жизни Хельчицкаго. Появленіе почти всѣхъ сочиненій Хельчицкаго приурочивается къ опредѣленному времени, показывается связь содержанія каждаго сочиненія съ социально-политическими условіями момента и съ разнообразіями гуссятскаго ученія. Все это занимаетъ до 36 печатныхъ страницъ. На слѣдующихъ 28 стр. Шульце пытается дать общій очеркъ ученія Хельчицкаго, но этотъ отдѣлъ его труда довольно слабъ. Шульце осуществляетъ эту задачу слишкомъ примитивнымъ образомъ. Онъ беретъ рядъ рубрикъ и помѣщаетъ подъ ними выписки изъ разныхъ сочиненій Хельчицкаго. Вотъ эти рубрики: Хри-

¹⁾ Томъ II-й, стр. 6—14, 1870 г.

²⁾ Томъ II-й, стр. 504—506, 1873 г.

³⁾ Стр. 285—292.

⁴⁾ *Osvěta*, 1875 г., № 1—6.

стось и вѣра въ него; пользованіе разумомъ въ дѣлахъ вѣры; внѣшнее служеніе Богу; въ чемъ не заключается спасеніе? въ чемъ оно? священники говорятъ, что они—источникъ спасенія; папа—главный источникъ спасенія; папа—антихристъ; папство исказилось главнымъ образомъ при цезарѣ Константинѣ; власть духовная и свѣтская; святокупство (симонія); испорченность священниковъ; поборы ихъ съ народа; чистилище и поминовеніе; призываніе святыхъ и т. д., и т. д. Рубрики эти не связаны одна съ другою, такъ что въ изложеніи не можетъ быть и внѣшней системы, не говоря уже внутренней. Хрестоматическіе отрывки изъ Хельчицкаго въ изложеніи Шульце не могутъ даже служить матеріаломъ для научнаго изложенія ученія Хельчицкаго, такъ какъ авторъ не указываетъ, изъ какихъ именно сочиненій онъ черпаетъ, и такъ какъ не соблюдена пропорція между существеннымъ и несущественнымъ для Хельчицкаго. Въ заключеніи Шульце предлагаетъ свой общій взглядъ на личность Хельчицкаго, на роль его въ гусситскомъ движеніи и значеніе для современности. „Петръ,—говоритъ Шульце,—былъ христіанскимъ моралистомъ“. „Благодаря этому главному своему свойству, онъ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ чешскимъ реформаторамъ, своимъ предшественникамъ: Штитному, Миличу и Гусу“. „Хельчицкій совершенно сбросилъ съ себя тѣ духовныя путы (которыя связывали еще и Гуса) и какъ *самостоятельно* и оригинально писалъ, такъ и мыслялъ“¹⁾. Шульце далекъ отъ того, чтобы детально изслѣдовать вопросъ о вліяніи на него предшественниковъ и современниковъ, особенно Виклефа; вліяніе послѣдняго онъ рѣшительно отрицаетъ²⁾. Авторъ такъ высоко ставитъ Хельчицкаго, что заявляетъ: „духовное направленіе и жизненныя потребности культуры въ XIX вѣкѣ уже на нѣсколько ступеней выше, чѣмъ они были 4 вѣка назадъ; но изъ сочиненій Петра Хельчицкаго на насъ вѣетъ сидой и свѣжестью современныхъ идей“; „Постила“ и 2-я часть „Сѣти вѣры“ и теперь нашли бы (много) иныхъ читателей, кромѣ филологовъ и историковъ“³⁾. И, можетъ быть, Шульце правъ въ этомъ своемъ заявленіи, хотя Голль упрекаетъ его за то, что у него „den Ideen Chelčický's mitunter ein geradezu modernes Gepräge gegeben wird“⁴⁾.

¹⁾ *Osvěta*, 1875 г., 6, стр. 455.

²⁾ *Ibid.*, стр. 456.

³⁾ *Ibid.*, стр. 453.

⁴⁾ *Jrosł. Goll*, Quellen und Untersuch., вып. II-й, стр. 5, прим. 1.

отъ чего предостерегаетъ читателей Хельчицкаго и Ягичъ, издатель „Сѣти вѣры“¹⁾).

Ярославъ Голль въ двухъ трудахъ: „Petr Chelčický a Spisy jeho“²⁾ и „Peter Chelčický und seine Lehre“³⁾ представилъ послѣднее по времени изслѣдованіе о Хельчицкомъ. Первый трудъ представляетъ изъ себя біографію Хельчицкаго, написанную на основаніи всего относящагося сюда матеріала и на основаніи трудовъ предшественниковъ. Жизнь и дѣятельность Хельчицкаго представлены въ связи съ главнѣйшими политическими и умственными теченіями того времени (вопросъ о правѣ войны и споры объ евхаристіи). Особенную заслугу Голя составляетъ то, что онъ прочно установилъ число и отношеніе другъ къ другу трактатовъ Хельчицкаго и съ большою вѣроятностью отнесъ ихъ къ опредѣленнымъ хронологическимъ пунктамъ. Въ заключеніе своей работы онъ коротко излагаетъ сущность возрѣній Хельчицкаго и общее положеніе Хельчицкаго въ гусситскомъ движеніи: „Хельчицкій занимаетъ самостоятельное мѣсто въ гусситскомъ движеніи, упрекая пражскихъ магистровъ (подобойевъ) за то, что они ни въ чемъ существенномъ не отдѣлились отъ церкви и ея порчи, таборитовъ—за то, что они не привели къ истинно-христіанской жизни порученный имъ народъ, обѣ стороны—за то, что они допустили и провозгласили нехристіанскіе бои за правду Божию, религіозную войну“⁴⁾. Второй трудъ Голя въ первой своей части представляетъ изъ себя повтореніе его перваго сочиненія. Второй отдѣлъ даетъ намъ самое полное до сихъ поръ систематическое изложеніе ученія Хельчицкаго, хотя уже самъ авторъ опасается, что „его попытка не удовлетворить богословски-образованныхъ читателей, а въ другихъ не возбудить настоящаго интереса къ ученію, возникшему въ головѣ мыслителя и умствователя, который, живя въ вѣкъ гуманизма, не подчинялся, правда, великимъ авторитетамъ средневѣковья, однако по всему своему существу принадлежалъ этому средневѣковью“⁵⁾. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ Голль пытается рѣшить вопросы: „Какое мѣсто занимаетъ Петръ Хельчицкій въ духовномъ движеніи XV столѣтія? Что—его собствен-

1) Сборн. отд. рус. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. 55-й, 1893 г., стр. XXXIV.

2) *Časop. česk. musea*, 1881, 3—37.

3) *Quellen und Untersuch*, Theil II, 1882.

4) *Časop. česk. musea*, 1881, стр. 37.

5) *Quell. und Unters.*, Theil II, стр. 22.

ность, что онъ заимствовалъ у другихъ, и откуда это возникло? Какъ же рѣшаетъ онъ эти вопросы? По его мнѣнію, „образъ Хельчицкаго не выходитъ изъ рамокъ гусситскаго движенія“ (стр. 34); съ этой точки зрѣнія онъ и указываетъ на то вліяніе, которое имѣли на Хельчицкаго Янъ Протива, Виклефъ и Вальденсы, правда, въ чертахъ общихъ, не входя въ подробности совпаденія мыслей и выраженій. Къ изслѣдованію о Хельчицкомъ присоединены приложения: 1) Къ вопросу объ оправданіи войны, 2) Къ исторіи хилиастическихъ мечтаній, 3) Къ таборитскому ученію объ евхаристіи, 4) Извлеченія изъ нѣкоторыхъ сочиненій Петра Хельчицкаго ¹⁾.

Со времени появленія въ свѣтъ второй работы Голля, значительно улучшились условія для изученія жизни и дѣятельности Хельчицкаго.

Сочиненія Хельчицкаго почти всѣ изданы: къ напечатанному Иречкомъ и Голлемъ прибавились новыя изданія сочиненій Хельчицкаго: въ 1891—1892 годахъ, Пражское общество „Comenium“ издало въ 2-хъ томахъ всю (за исключеніемъ „Repliku proti Miculáší z Pelhřimova“) такъ называемую Оломуцкую рукопись, то-есть, трактаты: „Řeč a správa o těle Božím“, „O Šelmě a obrazu jejím“, „Řeč o základu zákonů lidských“, „O očistci“, „Řeč Sv. Pavla o Starém člověku“, „Řeč na avacátov kapitolu Sv. Matouše: o dělnících na vinici Páně“, „Výklad na pašjí Sv. Iana“; въ 1892 г. „Družstvo Českobratrské“ издало 1-ю часть „Постилы“ ²⁾ (Kniha výkladů Spasitelných etc.), а С.-Петербургская Академія Наукъ въ 1893 г.—„Repliku proti Miculáší“ и „Sít vřy“ ³⁾. Имѣя подъ руками такой богатый матеріалъ, можно не смущаться тѣмъ обстоятельствомъ, что остаются еще неизданными нѣсколько маленькихъ и неважныхъ трактатовъ.

Затѣмъ, оживленіемъ изученій Виклефа и его значенія въ гусситскомъ движеніи почва для Vorgeschichte Хельчицкаго уже на половину подготовлена, а его Nachgeschichte все болѣе и болѣе должна уясняться съ тѣхъ поръ, какъ 300 лѣтній юбилей рожденія Коменскаго обратилъ вниманіе ученаго міра на самого Коменскаго, пред-

¹⁾ Replik gegen Nicolaus von Pilgram, Erklärung der Passion Christi nach dem Evangelium Ioh., Von den Sacramenten, Replik gegen Rokycana.

²⁾ Рукопись не сохранилась. Была напечатана еще въ XVI вѣкѣ въ Прагѣ (у Северина): I ч. въ 1522 и 1529 годахъ, II въ 1522 и 1532 годахъ. Хранится въ Клементинской библіотекѣ Пражскаго университета, въ библіотекахъ Чешскаго музея и зн. Лобковица.

³⁾ Рукопись не сохранилась. Печатное изданіе 1521 г. Экземпляры существуютъ въ библіотекахъ Пражскаго университета и зн. Лобковица.

ставляемую имъ „братскую общину“, это духовное дѣтище Коменскаго, и на тѣ протестантскія секты, въ которыхъ исчезла „Община“.

I.

6-го юля 1415 года сожженъ былъ на кострѣ, по опредѣленію Констанцкаго собора. мистръ Янъ Гусъ. Для подавленія ереси въ самой Чехіи король Вячеславъ обязался предъ соборомъ: 1) защищать римскую церковь въ ея правахъ и въ частности возвратить церквамъ всѣ отнятыя у нихъ имѣнія, а пражскому капитулу его реликвию и сокровища, 2) возстановить въ приходахъ изгнанное духовенство, 3) устроить въ римско-католическомъ духѣ Пражскій университетъ, 4) ниспровергнуть гусситскій культъ (институтъ странствующихъ проповѣдниковъ долженъ быть уничтоженъ, пѣніе гусситскихъ пѣснопѣній — повсюду запрещено, гусситскія книги — сожжены), 5) уничтожить гусситскіе союзы, 6) побудить вліятельнѣйшихъ гусситскихъ учителей и духовныхъ, поставленныхъ въ Липницѣ, явиться къ отвѣту предъ папскимъ престоломъ. Вячеславъ долгое время не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ гусситовъ; лишь съ февраля 1419 года начались его мѣропріятія. Янъ Есеницъ, навлекшій на Прагу интердиктъ 1-го ноября 1415 года, долженъ былъ оставить Прагу; изгнанные римско-католическіе священники были возстановлены въ своихъ приходахъ. Эти мѣры, равно какъ и то обстоятельство, что возвращенные католическіе священники начали вновь святить свои храмы, причащать подъ однимъ видомъ и т. п., возбуждали населеніе. 25-го февраля представители города были приглашены въ королевскій совѣтъ, гдѣ имъ было объявлено рѣшеніе короля объ уступкѣ трехъ городскихъ храмовъ для гусситскаго богослуженія. Но это было принято не какъ уступка, а какъ ограниченіе: поэтому гусситы посредствомъ просьбъ, представленій и даже силы пытались получить себѣ большее количество храмовъ. Но главнымъ яблокомъ раздора были школы. Гусситы, передавая католическимъ священникамъ церкви, не хотѣли уступать церковныхъ школъ, содержимыхъ ими на свои средства; а такъ какъ священники устраивали въ церковныхъ колокольныхъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ свои школы, то при одной и той же церкви оказывались и гусситскіе и католическіе ученики. Между школьниками завязывались ссоры, въ которыхъ принимали участіе и горожане; такъ, едва не каждый день

въ Прагѣ происходили побоища и кровавыя схватки между гусситами и католиками.

Перемѣна, происшедшая въ королѣ съ начала 1419 года, не могла остаться безъ вліянія и на его окружающихъ, въ числѣ которыхъ были и гусситы: ревностные изъ послѣднихъ уже не могли оставаться при дворѣ. Такъ, удалились отъ королевскаго двора два до сихъ поръ близкіе Вячеславу челоуѣка: одинъ — государственный мужъ Николай изъ Пистны, королевскій бургграфъ Гуса и Прахатиць, другой — военный герой Янъ Жижка изъ Троцнова, мелкій дворянинъ, имѣвшій небольшія владѣнія, но посѣдѣвшій въ бояхъ. Оба они постепенно стали народными гусситскими вождями. Король чувствовалъ приближеніе грозы и удалился изъ Праги въ построенный имъ замокъ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе о томъ, какъ 30-го іюля гусситская процессія въ Новомъ мѣстѣ (Прага) была остановлена и оскорблена у ратуши, и какъ, вслѣдствіе этого, толпа подъ предводительствомъ Жижки взяла приступомъ ратушу и выбросила изъ окна семь ея совѣтниковъ. Съ королею отъ испуга случился ударъ, а послѣ повторенія его король скончался 19-го августа 1419 года.

Тотчасъ послѣ смерти Вячеслава Прага бурно выразила свои съ трудомъ сдерживаемыя гусситскія симпатіи: онѣ проявились въ разрушеніи ненавистныхъ монастырей. Наслѣдникъ покойнаго короля, Сигизмундъ, былъ вполнѣ преданъ папскому престолу, но лишь меньшинство въ странѣ, — прелаты и монахи, часть дворянства и чешскіе нѣмцы, — было настроено папистски; большая часть населенія, — рыцари, горожане и крестьяне, университетъ и большая часть приходскаго духовенства, — была настроена гусситски; нельзя было предвидѣть чего нибудь добраго... Гусситскія народныя собранія съ одной стороны, приготовленія правительства съ другой, — приводили къ кровавымъ столкновеніямъ, пока, наконецъ, не вспыхнула настоящая междоусобная война.

Что же представляло изъ себя гусситство? Уже съ 1416 года въ немъ проявляются различныя оттѣнки, умѣренная и радикальная фракція. Оба направленія уже имѣютъ своихъ говоруновъ, заступниковъ и вождей. Во главѣ умѣренной партіи руководящее значеніе имѣлъ баронъ Ченекъ изъ Вартенберка. Между учеными ея слѣдуетъ назвать Якуба изъ Стжибра (Якобеллусъ), Яна изъ Есениць, Яна „кардинала“, Кшистана изъ Прахатиць, Симона изъ Тоснова; университетъ и сама Прага много значили въ этой партіи. Гусситская дворянская партія стояла большею частью на этой сторонѣ; это да-

вало умѣренной фракціи нѣсколько аристократическую окраску. Пражскій университет со своимъ правомъ третейскаго суда давалъ ей отпечатокъ науки и образованія. Церковно-консервативная реформа, по примѣру Гуса, придавала ей консервативно-католическій оттѣнокъ.

На другой сторонѣ стояли нѣсколько фанатическихъ умовъ, какъ пражскій мистръ Янъ изъ Ичина, Николай изъ Пистны, Янъ Жижка изъ Троцнова и другіе. Къ этой партіи принадлежали нѣкоторые горожане маленькихъ городовъ и сельское населеніе; она какъ въ религиозныхъ, такъ и въ политическихъ дѣлахъ была настроена демократически, радикально, даже фанатически.

Обѣ фракціи имѣли мѣстные и соціальные средоточные пункты. Прага съ самаго начала была спорнымъ пунктомъ и центромъ болѣе знатной, образованной и умѣренной партіи ¹⁾. Радикальная сторона сосредоточивалась въ той области, къ югу отъ Праги, въ которой пребывалъ Гусъ во время своего добровольнаго изгнанія изъ Праги въ 1412—1414 годахъ, именно, сначала въ городкѣ Аустіи (Устьѣ). Но когда въ силу королевскаго приказа (февр. 1419 г.) католическое духовенство снова было водворено въ своихъ приходяхъ, а гусситское духовенство должно было удалиться изъ Устья, то послѣднее вмѣстѣ съ громадными толпами народа лѣтомъ 1419 года собиралось для богослуженія, проповѣди и причащенія подѣ обоими видами на близъ лежащемъ холмѣ, которому дано было имя „горы Таборъ“. Эти собранія все учащались, и съ 20-го года изъ нихъ возникаетъ городъ (военный станъ) Таборъ; отсюда и радикальная партія получаетъ названіе „таборитовъ“.

Въ таборитской партіи еще при жизни короля Вячеслава начинается интересное внутреннее движеніе, которое въ связи съ политикой „легитимнаго“ правительства опредѣляетъ дальнѣйшій ходъ чешскаго религиознаго движенія: это былъ хилиазмъ. Мечтатели, углубляясь въ смыслъ пророчествъ, ожидали пришествія Христа, не какъ послѣдняго судіи, но какъ царя тысячелѣтняго царства на землѣ вплоть до послѣдняго суда. Христосъ будетъ царствовать надъ умершими святыми, которые воскреснутъ изъ мертвыхъ, — а прежде всѣхъ, разумѣется, Янъ Гусъ, — и надъ праведными изъ живыхъ, которыхъ сохранить судъ Божій, въ то время какъ безбожные чудесно погибнутъ, подобно Содому и Гоморѣ. Люди въ этомъ новомъ царствѣ

¹⁾ Поэтому въ 20-хъ годахъ и самая партія называлась „пражанами“; послѣ она звалась „каликстинцами“ или „чашниками“, такъ какъ защищала общеніе чаши для мирянъ.

окажутся на высшей ступени совершенства, чѣмъ христіане перво-бытной церкви. Они не будутъ нуждаться въ поученіи и дисциплинѣ: они будутъ просвѣщены въ своемъ разумѣ непосредственнымъ свѣтомъ Божиимъ и безгрѣшны въ своихъ поступкахъ. Предъ самымъ началомъ этого царства рушатся всѣ человѣческія измышленія, и останется лишь то, что заключено въ писаніи: потомъ и библія окажется излишнею, а писанный законъ потеряетъ силу. При господствѣ новаго закона, который будетъ написанъ въ сердцѣ каждого, рушатся церковь и государство, исчезнутъ сословія и общественныя различія. Никто никому не будетъ обязанъ службой или платой; исчезнетъ бѣдность, когда всѣ земли и имущества погибшихъ безбожныхъ перейдутъ въ руки святыхъ. Въ новомъ царствѣ не будетъ земнаго короля, такъ какъ будетъ царствовать Христосъ. Всѣ будутъ равны, не будетъ ни пана, ни холопа, ни богатаго, ни бѣднаго, ни учителя, ни ученика. Исчезнетъ церковь, государство, школа ¹⁾...

Между тѣмъ, начавшіеся въ Прагѣ послѣ смерти короля Вячеслава, безпорядки послѣ короткаго промежутка, еще съ большею силою возобновились въ октябрѣ 1419 г. На помощь пражанамъ изъ окрестныхъ мѣстъ потянулись въ городъ со своими священниками толпы народа, настроеннаго хилиастически и готоваго оружіемъ защищать истину слова Божія. Но среди народныхъ вождей въ послѣднемъ пунктѣ не было согласія: Николай изъ Пельгржимова допускалъ войну за истину слова Божія лишь подъ извѣстными условіями, тогда какъ Вячеславъ Коранда стоялъ за безусловную войну. Спорный вопросъ былъ предложенъ на разрѣшеніе университета, и мистры Якубекъ и Кшистьянъ изъ Прахатиць дали такой отвѣтъ: война допустима для защиты жизни и правды Божіей; но начинать войну самимъ, первыми выступать противъ враговъ Божіихъ, прежде чѣмъ они начнутъ войну, — нельзя. Мистры надѣялись еще на мирный исходъ столкновения Праги съ правительствомъ, то-есть, съ регентшей (до прибытія Сигизмунда) Софіей, оберъ-бургграфомъ Ченекомъ и другими панами. И, дѣйствительно, 13-го ноября 1419 года заключенъ былъ договоръ, по которому обѣ стороны обязались стоять за свободу чаши для мірянъ, а пражане — не допускать иконоборства въ стѣнахъ города. Пришлый народъ съ неудовольствіемъ долженъ былъ оставить Прагу; за нимъ послѣдовали Николай изъ Гуса и Жижка.

¹⁾ Лаврентій изъ Бжезова у Гёфлера въ его *Geschichtschreiber der huss. Beweg.* I, 349 и слѣд.

Въ Прагѣ, между тѣмъ, правительство проводило реакціонно-католическую политику: католическіе монахи и священники, противники чашы, возвращались въ Прагу и благосклонно принимались теперь уже регентомъ—Ченекомъ. Народъ, оставившій Прагу, продолжалъ собираться толпами: божественное чудо истребленія безбожныхъ не совершалось, и онъ рѣшилъ, для приготовленія тысячелѣтняго царства, начать истребительную войну противъ враговъ закона Божія. Жижка предусмотрительно обучалъ эти народныя толпы военному искусству, готовый двинуться въ Прагу. И вотъ, когда Сигизмундъ лѣтомъ 1419 года провозгласилъ крестовый походъ противъ Чехіи, когда послѣдняя попытка примиренія съ королемъ при посредствѣ Ченека не удалась, пражскіе мистры признали войну неизбежной: подъ влияніемъ горячихъ проповѣдей Яна изъ Желива пражане призвали на помощь таборитовъ и Жижку. Готова была вспыхнуть война: теперь всѣ гусситы считали ее священной и законной...

Но среди этого общаго воинственнаго настроенія послышался одинокій голосъ человѣка, который на вопросъ объ условіяхъ и правѣ войны давалъ совершенно другой отвѣтъ: онъ не признавалъ за христіанами ни права, ни обязанности защищать истину мечемъ. Этотъ человѣкъ былъ Петръ Хельчицкій (z Chelčic). Всякій бой онъ считалъ нехристіанскимъ. Когда Богъ отмѣнилъ свою заповѣдь: не убій? А эта заповѣдь запрещаетъ убійства, смертную казнь и войну. Примѣръ и слова Спасителя повелѣваютъ любить враговъ, не мстить, терпѣливо переносить страданія. Не подчиняйся врагу правды Божіей, но и не отвѣчай насиліемъ на его насиліе. Мистры впали въ заблужденіе, когда войну подъ условіями провозгласили дозволенной. При личной встрѣчѣ съ главнымъ изъ пражскихъ мистровъ Якубомъ въ Виелеемской часовнѣ, вскорѣ послѣ рѣшенія вопроса о войнѣ, онъ высказалъ эти самыя мысли. Когда Якубекъ за это мнѣніе, „что христіанинъ никогда не долженъ употреблять силы“, объявилъ его еретикомъ, Хельчицкій спрашивалъ мистра: „если эта сила дѣйствительно согласна, по твоимъ словамъ, съ вѣрою, то имѣетъ ли она въ Писаніи наставленіе къ своимъ дѣламъ, къ боямъ и другимъ жестокостямъ“? Мистръ отвѣчалъ: „этого нигдѣ нѣтъ, но старыя святыя говорятъ это“; очевидно, онъ разумѣлъ прежде всего Августина, который признавалъ за государственной властью право и обязанность защищать церковь отъ враговъ ¹⁾.

¹⁾ „Реплика противъ Ровицаны“, стр. 90 (у Голя).

Въ этотъ моментъ мы впервые встрѣчаемся съ Хельчицкимъ. Кто-же онъ былъ, какого званія, происхожденія? когда онъ и гдѣ родился? въ чемъ проходила его жизнь до этого времени? — вотъ естественные, но, къ сожалѣнію, трудно разрѣшимые вопросы объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Мы не знаемъ даже, въ какомъ году родился Хельчицкій: судя по тому, что въ 1419 г. онъ уже возвращается въ обществѣ виднѣйшихъ гусситскихъ дѣятелей и выступаетъ со своими самостоятельными мнѣніями, можно отнести его рожденіе приблизительно къ 1390 году, какъ это сдѣлалъ еще Палацкій ¹⁾. Такъ какъ прозваніе его „Хельчицкій“ (z Chelčic) могло возникнуть отъ позднѣйшаго его пребыванія (кажется, до конца жизни) въ Хельчицахъ, то также лишь предположительно можно утверждать, что онъ родился въ Хельчицахъ, мѣстечкѣ южной Чехіи, на разстояніи получаса ходьбы отъ Воднянъ и четверти часа—отъ Либейць.

Указанія источниковъ о сословномъ происхожденіи и общественномъ положеніи Хельчицкаго настолько малочисленны и неясны, что въ литературѣ было высказано нѣсколько мнѣній по этому вопросу.

Въ старой литературѣ (Добровский, Юнгманнъ) держалось мнѣніе, будто Хельчицкій былъ сапожникъ по ремеслу. Оно основано на показаніяхъ католическихъ писателей-полемистовъ. Посланный въ Чехію папой Александромъ VI инквизиторъ Henricus Institoris въ изданномъ имъ (1501 и 1502 гг.) сочиненіи „Defensiois clareus“ первый высказалъ эту мысль: Петръ Хельчицкій, сапожный мастеръ, собралъ въ одинъ сборникъ („Obraz selny“) книги, написанныя другими, диктуя ихъ содержаніе своему сыну; въ память своего ремесла отдѣльныя главы своего сборника онъ назвалъ „korytá“ (по-чешски колодка), откуда и вся книга получила названіе kniha koryt, liber corpitarum. Въ трактатѣ „Protí articulum pikhartským“ (Плзно, 1510) опредѣленно говорится о „Петрѣ Кельчанскомъ, сапожникѣ изъ Праги“. Янъ Босакъ изъ Воднянъ въ „Locustarium“ упоминаетъ „Яна Хельчицкаго, человѣка сапожнаго ремесла“ (тамъ же говоритъ о письмѣ Петра Хельчицкаго къ Рокицанѣ ²⁾).

Но всѣ эти извѣстія не заслуживаютъ довѣрія. Во-первыхъ, извѣстія „братьевъ“ ничего не говорятъ о томъ, будто Хельчицкій

¹⁾ Dějiny, т. IV, 408.

²⁾ Это извѣстіе повторяетъ и Камерарій въ „Historica Narratio, 1605“, указывая, впрочемъ, что онъ заимствовалъ его у Генриха Инс-риса.

былъ сапожникъ; но еслибы то была правда, то они не молчали бы, ибо не стыдились низкаго общественнаго происхожденія своихъ учителей¹⁾. Во-вторыхъ, сила этихъ извѣстій подрывается уже тѣмъ, что авторъ втораго трактата даже не знаетъ прозвища Хельчицкаго (Кельчанскій), а Янъ Босакъ смѣшиваетъ Петра и Яна Хельчицкаго. Въ-третьихъ, очевиденъ полемическій смыслъ этихъ извѣстій: католики хотѣли унижить „Общину“, учитель которой—просто сапожникъ; доводы противъ „братьевъ“ и таборитовъ „въ такомъ родѣ“ выставлялись и католиками, и пражскими мистрами²⁾. И можно догадываться, какъ Генрихъ самъ сочинилъ свое извѣстie. Онъ, вмѣстѣ со священникомъ изъ Klosterneburg'a, былъ въ 1500 году въ Оломуцѣ и, вѣроятно, видѣлъ здѣсь существующую тамъ и до сихъ поръ рукопись Хельчицкаго, въ которой дѣйствительно встрѣчается слово корута (сокращенiе изъ karitola), объясненное имъ по-своему. Можетъ быть, впрочемъ, среди враговъ Хельчицкаго уже и ранѣе вращалась эта сказка, къ которой могли давать поводъ и насмѣшки самого Хельчицкаго надъ таборитами-сапожниками, желавшими воевать по примѣру рыцарей³⁾.

Другое мнѣнiе высказалъ Шафарикъ: „Петръ былъ священникъ“. Онъ приводитъ слѣдующiя пять доказательствъ своего положенiя: 1) Рокицана называетъ Хельчицкаго „своимъ дорогимъ братомъ въ Господѣ Христѣ“. 2) Самъ Хельчицкiй пишетъ священникамъ, какъ братъ и другъ, какъ равный равнымъ. И съ ними, и съ Рокицаню онъ толкуетъ о вещахъ, касающихся священническаго призванiя. 3) Благославъ въ „Исторiи братьевъ“ пишетъ о немъ буквально такъ: „братья“ до 1459 г. все еще со спросу и разрѣшенiя Рокицаны держались иныхъ священниковъ, и между ними похвалилъ имъ (Рокицана) Петра Хельчицкаго“. 4) М. Колинъ говоритъ, что онъ былъ beneficiarius партiи Рокицаны и калишниковъ. 5) Былъ образованъ и зналъ по-латыни. Онъ, дѣйствительно, цитуетъ св. отцовъ и мистровъ, что нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что онъ читалъ ихъ латинскiя сочиненiя“⁴⁾.

¹⁾ См. споръ „брата“ Михалеца съ Бартошемъ изъ Вильно у Шафарика, Сав. Сав. М., 1874, стр. 94.

²⁾ Ibid., стр. 93-4. Припоминается, какъ на Руси XVI вѣка Зиновiй Отенскiй выставлялъ противъ Θεодосiя Косого въ качествѣ сильнаго довода рабство Θεодосiя.

³⁾ Реплика противъ Рокицаны, у Палацкаго, т. IV, стр. 419.

⁴⁾ С. С. М., 1874, 92.

Но Шульце ¹⁾ отвергъ всѣ доводы Шафарика. Первый доводъ онъ обезсиливаетъ слѣдующими соображеніями: слово „братъ“ въ эпоху, когда жилъ Хельчицкій, помимо кровныхъ связей, относилось и къ связямъ духовнымъ не только по священству, какъ нынѣ, но и во взглядахъ, убѣжденіяхъ; „братства“ процвѣтали тогда по всей Чехіи.... Хельчицкій былъ для Рокицаны духовнымъ братомъ. А если такъ, то теряетъ свою доказательность и второе положеніе Шафарика: Хельчицкій называетъ священниковъ „братьями“ въ смыслѣ особой дружбы и пріязни къ нимъ. Еслибы кто нибудь указалъ, что все-таки эти „братья“ Хельчицкаго были священники (таборитскіе), то противъ него можно, въ свою очередь, указать на то, что въ средѣ „братъевъ Хельчицкихъ“, общины, основанной Хельчицкимъ, не всѣ же были священники.... Третье доказательство священства Хельчицкаго также недостаточно: образованіе, хотя бы и богословское, не было уже тогда привилегіей однихъ только священниковъ (примѣръ Оомы Штитнаго). Что касается знанія Хельчицкимъ латинскаго языка, то оно, по собственному его признанію, было недостаточно. Вотъ буквальные его слова изъ 28 гл. „Реплики противъ Николая (бискупца) изъ Пельгржимова“: „хотя я мало и слабо знаю по-латыни (Ač já malé neb lehké svědectví mohu o latině vydati), однако имѣю нѣкоторое объясненіе мистра Гуса и другихъ, особенно то, какъ вы по-латыни говорите Sacramentaliter и по-чешски Svátostě“ ²⁾ и т. д. Свидѣтельство Коллина (въ его „Antiqua et constans confessio“, 1574 г.), будто Хельчицкій былъ бенефициаріемъ калищниковъ, тотчасъ падаетъ, если мы припомнимъ, какъ сурово писалъ Хельчицкій о всѣхъ бенефициаріяхъ: въ его идеальномъ строѣ христіанскаго общества не было мѣста для бенефициаріевъ.... Свидѣтельство Благослава (1513—1571) гораздо серьезнѣе и по своей опредѣленности, и по авторитетности свидѣтеля; но и противъ него Шульце выставляетъ контръ-свидѣтельство „брата“ Луки Пражскаго въ его сочиненіи „Объ обновленіи церкви“ (1510 г.). „Братъ“ Лукашъ разказываетъ о началѣ „Общины“ и, указывая на безуспѣшность попытокъ первыхъ „братъевъ“ привлечь Рокицану къ своей новой духовной семьѣ, пишетъ на листѣ 83: „И шли они къ другимъ благочестивымъ священникамъ, какъ въ Дивишовѣ и Вилемовѣ, пока, наконецъ, не дошли до Петра

¹⁾ *Osvěta*, 1875, 1, 39—43.

²⁾ Сборникъ Академіи Наукъ, т. 55, стр. 479. Ср. также предисловіе къ печатному изданію „Сѣти вѣры“ 1521 года.

Хельчицкаго, этого пѣтуха, который, будучи *мірянникомъ*, вѣщалъ только писаньемъ, а отчасти пѣніемъ дома; и что онъ напѣлъ на бумагѣ и особенно объ „образѣ звѣря“, то они со спросу и разрѣшенія мистра (Рокицаны) прочитали и только тогда гораздо лучше поняли, такъ что нельзя уже было не сомнѣваться о мистрѣ Рокицанѣ, и о его священникахъ“ и т. д. Шульце отдаетъ преимущество извѣстію Луки: Лука на 50 лѣтъ жилъ ближе къ Хельчицкому, чѣмъ Благославъ, и писалъ исторію „Общинъ“ еще въ колыбели ея, пользуясь разказами современниковъ Хельчицкаго, со смерти котораго прошло всего лишь около 20 лѣтъ. Голль, послѣ Шульце, доказалъ, что Благославъ почерпнулъ свое извѣстіе изъ соч. Луки „O rívodu Jednoty“ (1527 г.), извративши его смыслъ посредствомъ перемѣны одного слова. Лука пишетъ: „přidžeu se (t. Bratří) i jiných kněží,.... *A mesi tím schvalil Rokycana*“.... и т. д., а Благославъ: „přidželi se jiných kněží některých. *A mesi těmi*“ и т. д. Итакъ, очевидно, Хельчицкій былъ мірянникъ. Это третье мнѣніе можно считать теперь господствующимъ: высказанное еще Палацкимъ, оно поддерживается Шульце, Иречкомъ и Голлемъ. Въ „Репликѣ противъ Рокицаны“ Хельчицкій называетъ себя „мужикомъ“¹⁾ (*sedlák*), собираясь полемизировать съ важнымъ мистромъ; быть можетъ, это литературная фраза и полемическая уловка... Вѣроятно, какъ думалъ еще Палацкій, что Хельчицкій былъ земець, мелкій дворянинъ (*zeman*), маленькій собственникъ въ Хельчицахъ изъ разряда тѣхъ, что „обработывали поле однимъ или двумя плугами“²⁾. Этотъ слой дворянства, къ которому принадлежалъ еще и Тома Штитный, подчасъ стоялъ ближе къ крестьянству, чѣмъ къ подлинному дворянству: не отсюда ли объясняются социальныя симпатіи и антипатіи Хельчицкаго, рѣзкія выходки противъ „гербовыхъ сбродовъ“ и жалость къ угнетаемымъ крестьянамъ?....

Мы уже видѣли, что *zemanъ* Хельчицкій во второй половинѣ 1419 года жилъ въ Прагѣ и выступилъ противъ мистровъ съ ученіемъ о недовольности всякаго рода убійства, будетъ ли то смертная казнь или война. Очевидно, гусситское движеніе, всколыхнувшее всю Чехію и сосредоточенное въ Прагѣ, привело сюда изъ Хельчицъ и Петра. Едва ли Хельчицкій посѣщалъ университетскія лекціи: малое знаніе, — въ то время, можетъ быть, и полное незнаніе — латинскаго языка препятство-

1) У Голля, стр. 82.

2) Сборникъ Академіи Наукъ, „Сътъ вѣры“, стр. 254.

вало этому, ибо лекціи читались по-латыни. Онъ усердно слушалъ проповѣди священниковъ Вишеемской часовни, этого чешскаго Extension-University того времени. Онъ любилъ разговаривать съ учеными людьми, или, какъ онъ говоритъ, „съ вѣрными чехами“, поученія которыхъ старался хранить въ своей памяти. Сочиненія Виклефа, которыя тогда владѣли умами, если онъ и читалъ, то лишь отчасти; подробнѣе объ ихъ содержаніи онъ узнавалъ отъ „людей, которые ихъ читають“. Въ 26-ой главѣ „Реплики противъ Николая (бискупца)“, толкуя о двухъ книгахъ Виклефа о Тѣлѣ Христовомъ, Хельчицкій говоритъ: „Поэтому я не скажу того, чтобы хотѣлъ возражать вамъ изъ его сочиненій такъ, какъ будто я прочиталъ ихъ сполна; нѣтъ; но немного я прочиталъ, хотя болѣе разговаривалъ о нихъ съ вѣрными чехами, которые сердеченно любятъ Бога и ту правду, которую написалъ Виклефъ въ этихъ двухъ книгахъ о тѣлѣ Христовомъ... какими были доброй и святой памяти мистръ Янъ Гусъ, мистръ Якубекъ, которые болѣе другихъ чеховъ понимали эти книги“¹⁾. На основаніи этихъ словъ можно заключать (какъ это сдѣлалъ Иречекъ), что Хельчицкій лично зналъ Гуса; а тогда прибытіе его въ Прагу можно отнести къ 1410 году. Уже и гораздо позднѣе, а въ это время тѣмъ болѣе, Хельчицкій сознавалъ недостатокъ своего образованія и стремился его пополнить: „слишкомъ далеко стою я позади, поздно начиная, постигая вещи минувшія“²⁾, говорилъ онъ. Ему помогали его пражскіе друзья, особенно вишеемскіе мистры, какъ Якубекъ и Мартинъ изъ Волины³⁾. Но Хельчицкій былъ настолько независимъ въ своихъ убѣжденіяхъ и поступкахъ, что имѣлъ знакомства и не въ правосѣрно-гусситской средѣ, на примѣръ, съ мистромъ Противой, врагомъ Гуса; онъ раздѣлялъ мнѣніе Противы, „что законъ Христовъ безъ законовъ человѣческихъ достаточенъ для основанія и управленія всего христіанскаго общества“. Вращаясь въ обществѣ священниковъ-проповѣдниковъ, Хельчицкій, дѣйствительно, могъ стать однимъ изъ тѣхъ „мірскихъ проповѣдниковъ“, о которыхъ говоритъ Миличъ въ одной изъ своихъ проповѣдей. Самъ Хельчицкій рисуетъ намъ характеръ и призваніе этихъ проповѣдниковъ, ставя ихъ не выше священниковъ. „Только тѣ, которые имѣють даръ Божій и свѣтъ Его мудрости, могутъ указать правду Закона Божія посредствомъ

¹⁾ Ibid., стр. 472.

²⁾ Реплика противъ Рокицаны; у Голая, стр. 82.

³⁾ О немъ упоминаетъ Хел-ій въ 26 главѣ „Реплики противъ Николая бискупца“, Сборникъ Академіи Наукъ, стр. 472.

разумнаго и справедливаго толкованія“. Мы уже видѣли, какъ рѣзко разошелся Хельчицкій съ гусситскими священниками-вождями по вопросу о войнѣ еще въ концѣ 1419 года. Военные успѣхи гусситовъ въ битвахъ на Витковой горѣ (14-го іюля 1420 г.) и у Вышеграда (31-го іюля) и послѣдовавшее за тѣмъ низложеніе Сигизмунда не измѣнили убѣжденій Хельчицкаго. Онъ еще разъ посѣтилъ Якубка, еще разъ указывалъ ему на запрещеніе войны и убійствъ самимъ Іисусомъ Христомъ. Но Якубекъ „оправдывалъ убійцъ“, и Хельчицкій ушелъ отъ него, удивляясь тому, „какъ строго относится мистръ къ съѣвшему въ пятницу кровяную колбасу и какъ снисходительно къ пролитію человѣческой крови“¹⁾. Послѣ этого въ нашихъ источникахъ нѣтъ ни одного указанія на пребываніе Хельчицкаго въ Прагѣ: онъ, вѣроятно, оставилъ еѣ во второй половинѣ 1420 года и поселился у себя на родинѣ, въ Хельчицахъ, гдѣ мы его и видимъ уже въ слѣдующемъ году. Можно только гадать о причинахъ его удаленія изъ Праги: вѣроятно, одною изъ главныхъ причинъ было несимпатичное ему направленіе пражскихъ мистровъ, въ частности въ вопросѣ о войнѣ. Въ той мѣстности, куда удалился Хельчицкій, сосредоточивалась въ 1420 году крайняя гусситская партія—табориты, къ священникамъ которыхъ онъ обращался съ такими словами: „Издавна я имѣлъ къ вамъ добрую пріязнь и согласіе во многихъ вещахъ вѣры нашей“: или „я всегда любилъ васъ болѣе, чѣмъ другихъ священниковъ“²⁾. Правда, по вопросу о войнѣ табориты стояли отъ Хельчицкаго еще дальше, чѣмъ „пражане“ (мистры); за то въ другихъ вопросахъ вѣры, нравственности, культа, церковнаго (и общественнаго) устройства табориты имѣли гораздо болѣе общаго съ Хельчицкимъ, чѣмъ „пражскіе мистры“. Поэтому-то Хельчицкій и предпочелъ жить на родинѣ вблизи отъ единомыслящихъ вообще людей. Онъ еще въ Прагѣ могъ познакомиться съ нѣкоторыми пунктами таборитскаго ученія, поскольку они уже въ ту пору начали выясняться въ своей противоположности ученію „пражскому“ (калишницкому)“.

II.

„Четыре пражскія статьи“ 1420 года представляли собою максимумъ требованій умѣренной партіи. Первая статья высказывалась за свободную проповѣдь Слова Божія, но *лишь законными* священниками.

¹⁾ Реплика противъ Рокицаны; у *Голлн*, стр. 90.

²⁾ „Реплика противъ Николая“.

Вторая статья требуетъ Причащенія подъ обоими видами, но молчитъ о существѣ таинства. Третья — отрицаетъ мірскую власть клира и владѣніе его недвижимыми имуществами, четвертая—стоитъ за уничтоженіе всѣхъ смертныхъ грѣховъ и противорѣчащихъ Закону Божию непорядковъ въ каждомъ званіи. Отъ этихъ статей, какъ начального пункта, отправляется по двумъ расходящимся линіямъ дальнѣйшее ученіе гусситства. „Пражане“ начинаютъ все болѣе и болѣе ограничивать противоположность своего ученія римско-католическому, такъ что наконецъ ихъ отличіемъ остаются одно почтеніе къ памяти Гуса и причащеніе подъ обоими видами. Но это движеніе впервые открыто выразилось лишь въ 23 статьяхъ Пшибрама въ іюлѣ 1421 года. Для насъ теперь интереснѣе другое направленіе, таборитское, которое также отправилось отъ 4 пражскихъ статей, но проявилось еще въ томъ же 1420 году. Уже 5-го августа 1420 года таборитская община представила „пражанамъ“ 12 статей, въ которыхъ особенно настаивала на практическомъ осуществленіи третьей и четвертой „пражскихъ“ статей, но шла уже гораздо далѣе и требовала, чтобы было уничтожено все „языческое“, то-есть, римское, а также и „нѣмецкое“ право; чтобы все въ управленіи и правосудіи совершалось лишь по божественному праву; монастыри должны быть уничтожены, равно какъ и лишнія церкви съ иконами; богослужебный блескъ долженъ быть отмѣненъ и т. д. На диспутѣ, происходившемъ между „пражскими“ мистрами и таборитскими священниками въ домѣ Змрзлика въ Прагѣ 10-го декабря того же года (Прокопъ Пазненскій, Якубекъ, Петръ Младеновицъ, съ одной стороны, и Жишка, бискупецъ Николай изъ Пельгржимова, Мартинъ Гуска, съ другой), выяснилось ученіе таборитовъ. Судя по выставленнымъ противниками таборитовъ 76 пунктамъ „Заблужденій“ послѣднихъ, это ученіе сводилось къ слѣдующему: 1) Св. Писаніе—*единственное* мѣрило ученія и практики церковной; 2) святые не могутъ быть посредниками и ходатаями предъ Богомъ; 3) лишь крещеніе и причащеніе—таинства; 4) священникъ въ состояніи смертнаго грѣха не можетъ совершать таинствъ; 5) въ таинствѣ причащенія не совершается пресуществленія даровъ; 6) чистилище не существуетъ; 7) образа, мощи и ихъ почитаніе уничтожаются; 8) богослуженіе упрощается: не нужны церемоніи при крещеніи и причащеніи, священническія облаченія, древніе гимны и церковныя пѣсни; 9) праздники, за исключеніемъ воскресенья, отмѣняются; 10) также и посты, какъ дѣло покаянія, равно какъ и 40-дневный постъ; 11) священники имѣютъ право из-

бирать и поставлять себѣ епископа и 12) уничтожается изученіе латинскаго языка и философіи. Если мы вспомнимъ содержаніе сочиненій Хельчицкаго, то должны будемъ допустить, что Хельчицкій уже въ концѣ 1420 года выражалъ болѣе сочувствія къ партіи таборитовъ, чѣмъ „пражанъ“. Поэтому онъ, можетъ быть, и переселился на родину, въ сосѣдство таборитовъ. Слѣдующіе извѣстные намъ факты изъ жизни Хельчицкаго находятся въ тѣсной связи съ дальнѣйшей исторіей таборитовъ. Въ средѣ этой партіи продолжалось развитіе вѣроученія, и при томъ до крайнихъ предѣловъ; коснулось оно именно ученія о таинствѣ причащенія. Табориты, какъ мы видѣли, отрицали пресуществованіе евхаристійныхъ видовъ хлѣба и вина въ тѣло и кровь І. Христа; пока только это. Но въ концѣ января 1421 года мы видимъ уже Мартина Гуску схваченнымъ въ рукахъ пана Ольдшиха Вавака изъ Градца за то, что онъ проповѣдовалъ „пикардскую ересь“: такъ какъ святой хлѣбъ въ таинствѣ причащенія—всего лишь простое знаменіе отсутствующаго тѣла Христа, которое, будучи на небесахъ, не можетъ вмѣстѣ быть дѣйствительно (реально) и на землѣ, то міряне сами должны брать этотъ хлѣбъ въ руки и дѣлить между собою. По ходатайству друзей, Мартинекъ былъ освобожденъ, но, возвратившись на Таборъ, еще въ февралѣ продолжалъ распространять свое ученіе. Мартинекъ нашелъ себѣ до 400 послѣдователей и между ними священниковъ Петра Каниша, Быдлинскаго, Бартоша, Прокопа и другихъ. Духовный глава таборитовъ—бискупецъ Николай началъ борьбу противъ приверженцевъ новаго ученія, но довольно безуспѣшную. Онъ обратился за совѣтомъ къ „пражскимъ“ мистрамъ—Якубку и Пшибраму. 2-го марта 1421 года въ Воскресенье—Laetare во всѣхъ церквахъ Праги проповѣдовали противъ „гибельной ереси“; городской совѣтъ воспретилъ появляться въ стѣнахъ города всякому приверженцу „пикардской ереси“ и грозилъ строгими наказаніями каждому пражскому гражданину за ея принятіе, что не помѣшало, впрочемъ, ереси укрѣпиться и въ Прагѣ (башмачникъ Вячеславъ). Борьба бискупца съ Мартинекомъ и его приверженцами на Таборѣ кончилась изгнаніемъ новаторовъ изъ города и удаленіемъ ихъ сначала въ близкія оттуда Пшибеницы, а потомъ въ Дражицкій лѣсъ надъ Лужницей.

Но побѣдители на Таборѣ, во главѣ съ бискупцемъ Николаемъ, не чувствовали себя спокойными и послѣ изгнанія Мартинка: они опасались, что и ихъ правовѣріе заподозрѣно въ народѣ, благодаря

исторіи съ Мартинкомъ¹⁾; съ другой стороны, они, можетъ быть, и сами не вполне были увѣрены въ степени и качества своего право-вѣрія, не привели еще въ ясность своего собственнаго ученія о таинствахъ причащенія. И вотъ это время, съ изгнанія Мартинка до Писецкаго съѣзда въ февралѣ 1422 года подъ предсѣдательствомъ бискупца, таборитскіе учителя употребляютъ на то, чтобы формулировать точно свое ученіе объ евхаристіи въ его отличіи отъ „пикардскаго“ и поддержать въ народѣ свою репутацію право-вѣрія. Въ этихъ видахъ, кажется, они и вошли въ близкія сношенія съ Петромъ Хельчицкимъ, о которыхъ мы имѣемъ извѣстіе въ сочиненіяхъ самого Петра²⁾. Вотъ въ какихъ чертахъ они представлены имъ.

Бискупецъ Николай, въ сопровожденіи священника Лукаша, приехалъ—неизвѣстно, случайно или намѣренно—въ Водняны и послалъ за Хельчицкимъ. Тотъ явился, и за городомъ, на прудовой плотинѣ они встрѣтились и очень долго говорили. Табориты спрашивали Хельчицкаго, какіе отзывы слышалъ онъ въ народѣ объ ихъ евхаристійномъ ученіи. Тотъ отвѣчалъ, что одни хвалятъ ихъ ученіе, другіе—порицаютъ. Бискупецъ засвидѣтельствовалъ передъ Хельчицкимъ согласіе своего ученія съ Писаніемъ и свои стремленія и заботы объ уничтоженіи ложныхъ и измышленныхъ людьми толкованій таинства. Хельчицкій одобрилъ всѣ разсужденія бискупца и такъ они дружески разстались. Черезъ нѣкоторое время бискупецъ снова послалъ за Хельчицкимъ, они снова свидѣлись (неизвѣстно, гдѣ; „*ty vieš u koňo a s kým*“, говоритъ Хельчицкій въ своей Репликѣ), много говорили о старомъ предметѣ и въ старомъ смыслѣ. Хельчицкій, уходя домой, попросилъ бискупца написать свои мысли на бумагѣ и дать ему на память и поученіе. Вскорѣ бискупецъ и исполнилъ его просьбу: онъ еще разъ посѣтилъ Хельчицкаго и при этомъ далъ ему одинъ свой трактатъ объ евхаристіи; другіе трактаты бискупца, писанные его собственною рукою, переданы были Хельчицкому спутниками того³⁾. Первый трактатъ, кажется, былъ написанъ специально

¹⁾ Уже на декабрьскомъ диспутѣ 1420 г. въ домѣ Змрзлика „пражане“ укоряли всю таборитскую партію въ „пикардской ереси“.

²⁾ „Реплика противъ бискупца“.

³⁾ Около того же времени Хельчицкій ознакомился съ трактатами о Таинствѣ Причащенія другого таборитскаго богослова—Яна Нѣнца Жатецкаго. Кроме того, Хельчицкій упоминаетъ еще таборитскій трактатъ „о четырехъ формахъ существованія Христа“ (o štútech bytech), чешскій текстъ котораго въ Музейной рукописи сохраняется и доселѣ.

для Хельчицкаго и извѣстенъ лишь по „Репликѣ“ его. Другіе трактаты были, быть можетъ, тѣ самыя, изъ которыхъ извлекъ статьи мистръ Янъ Пшибрамъ въ видахъ полемики съ таборитами: одинъ, начинавшійся словами: „ad magnificationem...“ (сохранившійся донынѣ по-чешски въ рукописи Горлицкой городской библіотеки) и другой, начинавшійся словами: „Utrum secundum legem evangelicam“¹⁾. Познакомившись съ содержаніемъ таборитскихъ трактатовъ, Хельчицкій съ удивленіемъ замѣтилъ, что излагаемое въ нихъ ученіе о таинствѣ причащенія совсѣмъ не то, что онъ привыкъ считать таборитскимъ ученіемъ, судя по диспуту въ мрзливомъ домѣ въ Прагѣ и по рѣчамъ самого бискупца. Прежде табориты, какъ и Виклефъ, лишь отрицали превращеніе евхаристійныхъ видовъ (transsubstantiatio), но, настаивая на ихъ сохраненіи (retentio), они не отвергали реальнаго и субстанціальнаго присутствія Христа въ таинствѣ. Это было и ученіемъ Хельчицкаго еще во время пребыванія его въ Прагѣ: онъ вспоминалъ, какъ одинъ „великій и славный мистръ пражской школы“ хотѣлъ отклонить его отъ этого ученія и далъ ему одинъ трактатъ, опиравшійся на взгляды великихъ схоластиковъ, но какъ онъ еще тогда хотѣлъ болѣе, чѣмъ Томъ (Аквинскому) и Скотту, вѣрить тому апостолу, который сказалъ: „хлѣбъ, который мы ломимъ“.

Какое же ученіе о таинствѣ причащенія было развито таборитами въ сочиненіяхъ, представленныхъ Хельчицкому?

Табориты отвергали теперь не только пресуществленіе, но и „личное и существенное“ присутствіе Христа въ таинствѣ. „Лично и существенно“ Христосъ присутствовалъ и присутствуетъ лишь тамъ, гдѣ—Его тѣло: на землѣ, на крестѣ, потомъ преображенное—послѣ воскресенія на землѣ и послѣ вознесенія—одесную Отца. Хотя преображенное тѣло Христа—„быстро и проникающе“, однако оно ограничено временемъ и мѣстомъ. Духовно Христосъ и послѣ своего вознесенія пребываетъ здѣсь на землѣ и при томъ различнымъ образомъ, но преимущественно въ людяхъ и съ ними, когда Онъ насыщаетъ ихъ дарами Св. Духа, когда хранитъ Своею силою своихъ вѣрующихъ, помогаетъ имъ и возвращаетъ въ добрѣ.

Таборитское пониманіе причащенія ставило на мѣсто дѣйствительнаго присутствія Христа присутствіе дѣятельное. И этимъ оно

¹⁾ Напечатаны (по Пшибраму) у *Голля*, стр. 61—63, и еще ранѣе у *Гѣфлера*, II, 822—823.

хотѣло отличатьея отъ пикардскаго ученія о знаменіяхъ, поскольку считало сакраментальный хлѣбъ болѣе близкимъ знаменіемъ, чѣмъ скала, виноградная лоза и вообще знаменія Ветхаго Завѣта. Таинства Новаго Завѣта — и именно таинство тѣла и крови Христа — обозначаютъ (знаменуютъ) Христа и имѣютъ Его какъ бы то ни было присутствующимъ¹⁾.

Хельчицкій видѣлъ всё несогласіе этого новаго таборитскаго ученія съ ихъ прежнимъ ученіемъ и его собственнымъ и высказалъ это въ своемъ (несохранившемся) посланіи къ бискупцу. Бискупецъ отвѣтилъ на посланіе Хельчицкаго очень недружелюбно, укоряя Хельчицкаго за то, что онъ изъ хитрости просилъ письменнаго изложенія таборитскаго ученія, чтобы воспользоваться писаніями прдтивъ самого бискупца. Отвѣтное посланіе бискупца (тоже несохранившееся) заставило Хельчицкаго снова взяться за перо: такъ возникло первое извѣстное намъ сочиненіе Хельчицкаго: „*Replika proti Mikuláši biskupci táboorskému*“.

„Реплика“ раздѣляется на 36 главъ, которыя по своему содержанию распадаются на три части:

I) Въ первой (гл. 1—8) Хельчицкій говоритъ, какъ онъ встрѣчался съ Николаемъ, Лукой и Конрадомъ, которые сами искали съ нимъ знакомства, при чемъ энергически защищается противъ обвиненія Николая, будто онъ, Хельчицкій, хитростью выманилъ у него его сочиненіе объ евхаристіи и умышленно искажилъ его мысли, чтобы воспользоваться имъ для полемической цѣли. Поэтому Хельчицкій приводитъ мысли Николая, цитуетъ ихъ дословно.

II) Вторая часть (съ половины 9 гл., кончая гл. 26) излагаетъ ученіе Николая о таинствѣ евхаристіи, которое Хельчицкій опровергаетъ при помощи Св. Писанія и собственныхъ разсужденій. Здѣсь Хельчицкій цитуетъ утраченное сочиненіе Мартинка.

III) Въ третьей части (гл. 27—36) онъ излагаетъ положеніе Виклефа объ евхаристіи и доказываетъ таборитамъ, что они или дурно поняли Виклефа, или своевольно исказили его примѣнительно къ своимъ цѣлямъ. Такимъ образомъ, Хельчицкій защищаетъ противъ учениковъ таборскихъ ихъ же учителя, „мистра“ Виклефа. Въ концѣ концовъ, онъ опровергаетъ ученіе таборитовъ, сводя все вмѣстѣ, и объясняетъ, что побудило его писать свою „Реплику“²⁾. Когда, та-

¹⁾ Гольцъ, II, 17.

²⁾ „Реплика“ была однимъ изъ популярнѣйшихъ сочиненій Хельчицкаго: въ рукописи Оломуцкой она испещрена многочисленными замѣтками читателей (на поляхъ).

кимъ образомъ, Хельчицкій объявилъ несущественными и ошибочными всѣ стремленія таборитовъ отдѣлить свое ученіе отъ пикардскаго, всѣ дружескія связи его съ таборитскими священниками навсегда порвались. Объ этомъ свидѣлствуетъ и позднѣйшее сочиненіе Хельчицкаго: „*Ěes a správa o těle božím*“, въ которомъ онъ называетъ таборитовъ „*Pikarty pod kalichem*“.

Появленіе „Реплики“ слѣдуетъ отнести къ 1424 году, какъ это сдѣлалъ Шульце, а за нимъ Голль. Такъ какъ измѣненіе во взглядѣ на существо таинства причащенія у бискупца Николая началось въ связи съ изгнаніемъ новатора-Мартинка изъ Табора, а установилось окончательно на Писецкомъ съѣздѣ (февраля 1422 г.), то встрѣчи Хельчицкаго съ бискупцемъ, очевидно, относятся къ 1421 году; между тѣмъ, въ „Репликѣ“ Хельчицкій пишетъ: „Теперь, я думаю, уже *три юда тому*, какъ вы были со священникомъ Лукой въ Воднянахъ, посылали за мной и спрашивали меня, сидя на прудовой плотинѣ“; слѣдовательно, онъ писалъ эти слова въ 1424 году. Пречекъ¹⁾ относить и сношенія съ бискупцемъ, и самую „Реплику“ ко времени послѣ Кутногорскаго съѣзда 1443 года, приблизительно къ годамъ 1443—1445. Но это представляется маловѣроятнымъ. Въ 40-хъ годахъ, благодаря таборитскимъ трактатамъ и многочисленнымъ съѣздамъ и диспутамъ, таборитское ученіе сдѣлалось настолько общезвѣстнымъ, что Хельчицкій прямо-таки *не могъ* лишь теперь только узнать его въ истинномъ видѣ, заблуждаясь въ продолженіе 20 лѣтъ. Наконецъ, сношенія съ бискупцемъ, судя по „Репликѣ“, шли въ тѣснѣйшей временной связи со сношеніями съ Мартинкомъ; между тѣмъ Мартинекъ былъ сожженъ въ Рудницѣ уже 21-го августа 1421 года.

Изгнанный изъ Табора Мартинекъ посѣтилъ Хельчицкаго изъ своего убѣжища въ Дражицкомъ лѣсѣ. „Мартинекъ, говоритъ Хельчицкій, не былъ простъ и не думалъ добровольно страдать за Христа. Ибо мы много говорили съ нимъ о томъ и о другомъ, и онъ признался намъ, что на землѣ будетъ новое царство святыхъ, что добрые уже не будутъ страдать, и что, еслибы христіане всегда должны были такъ страдать, то онъ не хотѣлъ-бы быть слугой божіимъ“. Характерный для положенія Хельчицкаго въ гусситскомъ движеніи фактъ: Хельчицкій былъ такъ нейтраленъ, такъ высоко стоялъ надъ партійными взглядами и интересами, что къ нему идутъ искать со-

¹⁾ Rucovět', стр. 288—289.

вѣта и поддержки личные враги: Николай и Мартинекъ... По крайней мѣрѣ 10 лѣтъ проходить послѣ этихъ столкновений Хельчицкаго съ таборитами и написанія „Реплики противъ бискупца“, и въ теченіе этихъ 10 лѣтъ мы ни разу не встрѣчаемся съ Хельчицкимъ... Между тѣмъ гусситское движеніе шло своей чередой и въ духѣ, противномъ воззрѣніямъ Хельчицкаго.

III.

Гусситскія войны начались еще въ 1419 году. До 1427 года онѣ имѣли оборонительный характеръ. Но когда чехи увидѣли, что, не смотря на ихъ многочисленныя побѣды надъ крестоносцами въ самой Чехіи, Римъ не склоняется къ уступкамъ, тогда они рѣшили перенести войну за предѣлы Чехіи; эта перемѣна театра войны совершена была таборитскимъ полководцемъ Прокопомъ Большимъ. Побѣдоносные походы 1427—1431 годовъ въ Австрію, Силезію, Лужицы, Венгрію, Баварію, Саксонію и Франконію сдѣлали свое дѣло: послѣ того какъ послѣдняя попытка крестоваго похода противъ Чехіи, подъ главенствомъ кардинала Юліана Цезарини, позорно кончилась пораженіемъ у Домажлицъ 14-го августа 1431 года, самъ кардиналъ понялъ, что не силой, а уступками и терпимостью можно возвратить Чехію въ лоно единоспасающей католической церкви. Это убѣжденіе онъ высказалъ и какъ предсѣдатель новаго собора—Базельскаго: 10—15 октября 1431 года Базельскій соборъ обратился къ чехамъ съ формальнымъ приглашеніемъ передать рѣшеніе спорныхъ религіозныхъ вопросовъ вселенскому собору (то-есть, базельскому) и выслать для этого въ Базель своихъ представителей. Хотя разсужденія явившихся въ Базель чешскихъ представителей (7 представителей отъ дворянства и городовъ и 8 богослововъ, въ томъ числѣ Прокопъ Большой, Янъ Рокицана, англичанинъ Петръ Раупе и Николай бискупецъ) съ отцами собора ни къ чему не привели (1437 г.), однако этимъ дѣломъ не кончилось: послѣ нѣсколькихъ посольствъ обѣихъ договаривавшихся сторонъ и долгихъ переговоровъ, 3-го ноября 1433 года были заключены „первые компактаты“. Онѣ состояли въ принятіи извѣстныхъ „4-хъ пражскихъ статей“ 1420 года, но были такъ редактированы, что лишь 1-я—причащеніе подъ обоими видами для всѣхъ желающихъ—имѣла полную силу: уступки касательно свободной проповѣди Слова Божія, дисциплины нравовъ и мірскаго владычества клира были сдѣланы съ такими оговорками, что и самыя

уступки оказывались иллюзорными. Хотя эти компактаты получили законную силу и руководящее значеніе въ дальнѣйшей исторіи Чехіи лишь со времени Иглавскаго сейма 1436 года (5-е іюля), однако уже въ 1433 году многіе видѣли ихъ печальный смыслъ.

Компактаты удовлетворяли лишь реакціонную часть партіи калишниковъ, такихъ людей, какъ Пшибрамъ, Кристьянъ изъ Прахатицъ, Петръ Младеновицъ. Еще во второй половинѣ 20-хъ годовъ эти люди полемизировали противъ Виклефа и его чешскихъ поклонниковъ (Ephluš Петръ Раупе), не говоря уже о таборитахъ. Якубекъ, Рокицана, Петръ Раупе—люди той же калишницкой партіи—опасались, что скоро придется считать еретикомъ и Гуса. Раупе счелъ за лучшее перейти въ ряды партіи „сиротокъ“¹⁾. Компактатами не былъ удовлетворенъ Рокицана, тѣмъ болѣе „сиротки“ и табориты. Раздоръ, вновь усилившійся между гусситскими партіями, разразился междоусобною войной. Въ битвѣ у чешскаго Брода и у Липянь 30-го мая 1434 года табориты и „сиротки“ были на голову разбиты дворянскою партіей, стоявшей за компактаты. Оба Прокопа, Большой и Малый, и громадное число священниковъ пали въ сраженіи; политическое и духовное могущество таборитовъ было сломлено. Партія „сиротокъ“ отнынѣ совершенно исчезаетъ; большинство ея, напри- мѣръ, Петръ Раупе, присоединяется къ таборитамъ; другіе—соединяются съ Рокицаной.

Если мы вспомнимъ, что еще въ 1419 году Хельчицкій отрицательно отнесся къ принятому гусситскимъ движеніемъ направленію, то мы поймемъ, что компактаты не удовлетворили-бы его даже въ томъ случаѣ, еслибы въ нихъ вполнѣ осуществились „4 пражскія статьи“. Послѣ битвы у Липянь Хельчицкій ясно видѣлъ начинающуюся римско-феодалную реакцію. Не будучи связанъ ни съ одною изъ домашнихъ партій—ни съ пражскою, ни съ таборитскою, ни съ католическою, онъ началъ острую критику всѣхъ настроеній въ римскомъ и чешскомъ христіанствѣ.

Хельчицкій не былъ политикомъ и не старался найти какую нибудь формулу для устройства чешскаго государства. Надъ всѣми вопросами государственнаго устройства возвышалось у него евангеліе; надъ всякою церковью—жизнь по слову и примѣру Христа.

¹⁾ „Сиротки“—имя партіи гусситовъ, отдѣлившихся отъ таборитовъ, вслѣдъ за Жижкой, не одобрявшимъ таборитскихъ новшествъ въ ученіи объ евхаристіи; эта партія стояла вообще между таборитами и калишниками.

Эта исходная точка его критики опредѣляла и ея внѣшнюю форму. Обычными формами общественнаго учительства въ Чехіи XIV и XV столѣтій были проповѣдь съ церковной кафедрѣ и лекціи въ университетской аудиторіи; сюда можно присоединить еще агитационную дѣятельность чешскихъ сектантовъ. Хельчицкій, между тѣмъ, не былъ ни священникомъ, ни мистромъ, ни странствующимъ агитаторомъ. Хельчицкій былъ лишь писателемъ и для распространенія своихъ идей принужденъ былъ ограничиваться существовавшими въ то время литературными формами.

Излюбленною литературною формою религіозныхъ писателей того времени была „постилла“, то-есть, объясненіе евангельскихъ чтеній на воскресные (и праздничные) дни цѣлаго года, какъ они были установлены въ римской церкви ¹⁾. Штитный, Миличъ и Гусъ писали постиллы. Хельчицкій для своей критики современнаго ему христіанства точно также воспользовался формою постиллы: благодаря этой формѣ, даже внѣшнимъ образомъ выставлялся исходный идеальный пунктъ Хельчицкаго, то-есть, св. Писаніе; простота и свобода изложенія этой формы, отсутствіе условной схематичности ученыхъ трактатовъ—обеспечивали широкій кругъ читателей. Такъ изъ-подъ пера Хельчицкаго явилась „*Kniha výkladův spásitelných na čtení nedělní celého roku*“ (Postilla), толкованія которой начинаются съ евангелія 1-й недѣли поста. Время написанія „Постиллы“ можно опредѣлить лишь приблизительно: въ 1434—1436 годахъ. Что она написана не ранѣе 1434 г., объ этомъ можно заключать изъ слѣдующихъ словъ Хельчицкаго въ „Постиллѣ“: „И развѣ нѣтъ великаго угнетенія простаго народа отъ королей и князей, пановъ, рыцарей, паншей и ихъ управителей? То же самое и отъ духовныхъ, папъ, кардиналовъ, епископовъ, аббатовъ, приходскихъ священниковъ и другихъ, имена коихъ не написаны въ книгахъ жизни, кои понесутъ великое осужденіе, негодно стоя на священныхъ мѣстахъ, противясь истинѣ, насиліемъ угнетая простой народъ и уклоняя его отъ истины. И что только дурнаго можно сказать, все это есть въ нихъ, если, благодаря имъ, вся земля должна терпѣть великое угнетеніе и натискъ... 15 лѣтъ продолжалась жестокая война... Многие крестьяне

¹⁾ Авторъ приводитъ слова св. Писанія и послѣ нихъ (post illa) начиналъ свое толкованіе; отсюда и самое названіе „Postilla“. Общественное значеніе постиллы сравнивается Шульце съ значеніемъ романа въ новое время (*Osvěta*, 2; 148).

и рабочіе люди изъ-за бѣдности и голода не могли оставаться на своихъ владѣніяхъ и т. д.“¹⁾).

А что „Постилла“ окончена еще до объявленія первыхъ компактатъ въ Иглавѣ въ 1436 году, то-есть, до признанія чаши для чеховъ и мораванъ, это ясно изъ заключительныхъ словъ „Постиллы“. „Сколько кардиналовъ, епископовъ, аббатовъ, приходскихъ священниковъ, различныхъ монаховъ, мистровъ и докторовъ—въ Констанцѣ. *Базель*, въ приходсахъ и въ другихъ мѣстахъ Чехіи, Австріи, Польши стараются о томъ, чтобы бѣдный, трудящійся, скорбный Христосъ со своими апостолами оказался глупымъ, а они, почтенные отцы, мудрые и духовные во всемъ своемъ властвованіи. въ роскоши и любви къ этому міру—чтобы во всемъ остались правыми. Объ этомъ они совѣщаются много лѣтъ, собираютъ всякіе доводы, законы, декреталии, права, докторовъ писанія и всякаго рода домыслы, чтобы сдѣлать глупую рѣчь Его и Его апостоловъ, и не только глупую, но и еретическою, ибо, имѣя въ этихъ собраніяхъ проповѣдниковъ Писанія Христова, они сожгли ихъ и провозгласили главнѣйшими архи-еретиками.... И сколько въ этихъ совѣщаніяхъ *они нарпомоздили коварныхъ доводовъ противъ чаши Божіей, опровергая ее* правами, соборами, славными докторами и давнимъ обычаемъ всей римской церкви“.

Все, чего достигла до сихъ поръ чешская реформація, не имѣло въ глазахъ Хельчицкаго особенной цѣны. Въ главномъ, въ испорченности христіанской жизни, все осталось по-старому. Къ этому старому злу присоединилось еще новое: сомнѣнія, неувѣренность и разномыслія въ вѣрѣ, въ чемъ Хельчицкій обвиняетъ различныхъ чешскихъ проповѣдниковъ и мистровъ. Описавъ въ самомъ началѣ „Постиллы“ матеріальныя бѣдствія и тѣлесныя страданія, обрушившіяся на чеховъ вслѣдствіе непрерывной войны, онъ говоритъ слѣдующее: „Впрочемъ это людское изнеможеніе и величайшія мученія мы можемъ понимать въ смыслѣ духовныхъ нуждъ, которыя многіе имѣли и еще имѣютъ въ своей совѣсти въ силу поврежденія вѣры, и изъ-за которыхъ они могли томиться и соблазняться. Ибо эта скорбь на нѣкоторыхъ пришла, болѣе всего благодаря *ложнымъ пророкамъ*. Господь Христосъ возвѣстилъ, что они придутъ во имя Его и соблазнятъ многихъ. Они, видя, что король и паны противятся истинной проповѣди и чашѣ Божіей, сначала подняли войну противъ нихъ. А потомъ эти

¹⁾ „*Kniha vŷkladŷv*“, 1892, стр. II.

священники измѣнили истинную проповѣдь и направили народъ на другіе пути, побуждая его къ боямъ противъ враговъ, различными ученіями расторгли этотъ народъ въ сброды (роты); одни люди возстановлены противъ другихъ, а вслѣдствіе этого болѣе всего умерщвлена любовь, и поднялась великая злоба среди людей... Никакими тѣлесными лишеніями и мученіями не были отягощены люди такъ, какъ блужданіями въ вѣрѣ, не зная, что считать истиннымъ, такъ какъ одинъ священникъ учить такъ, другой—иначе“.

Хельчицкій говоритъ объ этихъ проповѣдникахъ и мистрахъ, что „нѣтъ надежды, чтобы они исправили нынѣшнія блужданія и сомнѣнія въ вѣрѣ“, далѣе, что „въ эти злыя, опасныя и содомскія времена снова оказывается потребность въ томъ, чтобы дано было свидѣтельство о Христѣ“. Ибо извѣстно, какъ Христось уже умеръ въ людяхъ, и какъ погибли его вѣра и дѣла изъ-за того, что престало истинное свидѣтельство о Христѣ, и умолкли о Немъ псы нѣмые, не умѣющіе лаять: великіе и богатые священники, стоя на мѣстахъ апостольскихъ, пребывая въ домахъ королевскихъ и мірскихъ удовольствіяхъ, мужи румяные, раздобрѣвшіе, съ большими животами, всегда имѣя больше попеченія и старанія о тучномъ столѣ, чѣмъ о душѣ человѣческой. Они не могутъ быть истинными свидѣтелями Христа Иисуса—бѣднаго, страдающаго, унижаемаго міромъ, они и во вѣки не будутъ Его свидѣтелями, будучи врагами креста Его, всегда умерщвляя Его въ людяхъ и устраивая черезъ Него жизнь свою. Они могутъ свидѣтельствовать только о своихъ панствахъ, какъ они велики, о доходѣ, который имѣютъ, продавая тайнства, о своемъ добрѣ и хозяйствѣ, о винахъ, сколько ведеръ его имѣютъ они, о густыхъ, старыхъ пивахъ и о ядахъ, какъ бы вылить ихъ въ храмахъ въ людей, не знающихъ Бога, чтобы этими ядами Христось былъ вовсе умерщвленъ и забытъ въ народѣ“.

Но какъ бы ни казалась испорченною и гибельною въ глазахъ Хельцицкаго вся жизнь христіанскаго общества, онъ все-таки надѣялся, что скоро настанетъ желанное исправленіе. Уже въ началѣ „Постиллы“ онъ выражаетъ надежду на то, что „Господь Богъ по Своей милости укоротитъ рамена этихъ людскихъ соблазнительей, сотретъ силу ихъ и развѣтетъ память ихъ, какъ мякину вѣтромъ, дабы они были въ вѣчномъ проклятій у людей за то, что изъ-за своего брюха умерщвляли въ людяхъ Христа, животворящаго душу. Уже и теперь, благодаря посламъ Божиимъ, близится этотъ часъ; въ нѣмецкихъ земляхъ и повсюду люди понимаютъ уже священническій

разбой и свою гибель отъ нихъ. Уже приходитъ это время, что Богъ дастъ все это и вышлетъ работниковъ на ниву свою“. Моментъ появленія „Постиллы“ и ея содержаніе сулили ей великую историческую роль.

1434—1436 годы были критическою минутой въ исторіи Чехіи: Чехія снова стояла на историческомъ распутьи. Оставшіеся въ живыхъ главари гусситства рѣшили примириться съ католическою германо-романскою Европою: этимъ они думали уничтожить тяжелое изолированное положеніе чешскаго народа въ общей международной семьѣ и возстановить разрушенное партійностью чешское народно-государственное единство. Исторія скоро обнаружила тщету этихъ надеждъ. Но уже и въ то время Хельчицкій своею „Постиллою“, всѣмъ ея содержаніемъ выступалъ противъ этихъ надеждъ, указывая чешскому народу совершенно иную цѣль: „полное и всеобщее возвращеніе къ первобытному образу жизни временъ Христа и апостоловъ“ безъ борьбы, безъ участія, не говоря уже о грубомъ насиліи, всякой свѣтской власти.

И народъ чешскій въ то время болѣе, чѣмъ когда либо, могъ принять эту проповѣдь. 15 лѣтъ неустанно воевалъ онъ съ врагами за свою политическую независимость и за Божію чашу. Много новыхъ ученій пришлось слышать ему въ военныхъ таборахъ, много старыхъ традиционныхъ взглядовъ пришлось и потерять; но не было времени и мѣста дать себѣ отчетъ во всемъ этомъ, примирить оставшееся старое съ принятымъ новымъ, хотя какъ нибудь систематизировать свою вѣру и убѣжденія и примѣнить ихъ къ жизни въ обычной мирной обстановкѣ. Теперь, съ прекращеніемъ войны, все это сдѣлалось и возможнымъ, и необходимымъ; но, возвратившись изъ военного стана въ родныя тихія деревни, народъ не нашелъ руководителей-пастырей: большинство ихъ перебито въ сраженіяхъ, оставшіеся въ живыхъ вершили большія дѣла въ Прагѣ и Базелѣ, на сеймахъ и соборахъ, вдали отъ народа. Хельчицкій со своею „Постиллою“ и явился общимъ народнымъ учителемъ и руководителемъ. И очень вѣроятно: сдѣлайся „Постилла“ общимъ народнымъ достояніемъ, не были бы приняты компактаты, не переживала бы потомъ Чехія всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ, которыя были обусловлены примиреніемъ съ Римомъ....

Но въ то время „Постилла“ не могла скоро сдѣлаться такимъ народнымъ достояніемъ: еще не было книгопечатанія.... Возможная историческая роль „Постиллы“ не осуществилась.

Хотя Хельчицкій писалъ по-чешски и для поученія, утѣшенія и исправленія народа, однако его слова для своего дѣйствія на людей нуждались въ какомъ нибудь посредничествѣ. Сочиненія Хельчицкаго при жизни его были болѣе извѣстны пражскимъ и таборитскимъ мистрамъ и проповѣдникамъ, чѣмъ обывателямъ изъ окрестностей Хельчиць. Только личное его вліяніе, ограниченное сосѣдствомъ и основанное на силѣ примѣра, сгруппировало вокругъ него нѣкоторыхъ жителей Хельчиць и окрестныхъ мѣстъ. Хельчицкій не заботился о славѣ вождя болѣе широкаго общественнаго союза и о размноженіи такъ ненавистныхъ ему „ротъ“ (сбродовъ).

Историческія извѣстія половины XV вѣка говорятъ намъ объ особенныхъ „братьяхъ Хельчицкихъ“, и въ основаніи этого братства нельзя отрицать вліянія Хельчицкаго, такъ какъ „братья“ соединились во имя убѣжденія, составлявшаго оригинальную черту въ реформаціонныхъ стремленіяхъ самого Хельчицкаго: они вслѣдъ за Хельчицкимъ отрицали примѣненіе силы въ дѣлахъ вѣры. Между членами „братства“ можно отмѣтить Яна Коларжа изъ Витановиць, Мл. Вожица, позднѣе и Яна Хельчицкаго, священника римскаго посвященія. „Братство“ было немногочисленно, и это уже говоритъ за то, что Хельчицкій вліялъ на „братьевъ“ не своими сочиненіями, а примѣромъ своей многолѣтней жизни среди нихъ: еслибы дѣйствовали его сочиненія, то они должны были бы соединить гораздо большее число людей въ мѣстности (южная Чехія), гдѣ давно уже находилось много народа, готоваго слѣдовать и за менѣе значительными учителями... Братья Хельчицкіе не составляли какой нибудь церкви съ особымъ устройствомъ, но, по слову Хельчицкаго, „въ простотѣ вѣрили такъ, какъ заповѣвалъ Господь Иисусъ“.

Шафарикъ ¹⁾, а за нимъ и Иречекъ ²⁾ относятъ къ Хельчицамъ и къ личному вліянію Петра Хельчицкаго появленіе и такъ называемыхъ сѣрыхъ священниковъ, о которыхъ говорятъ намъ извѣстія около половины XV столѣтія. Единственное основаніе для этого—это сходство ихъ ученія съ ученіемъ Хельчицкаго, насколько можно судить по словамъ „Разговора стараго чеха съ молодымъ рыцаремъ“ (Rozmluva starého čecha s mladým rytířem): „Сѣрые священники, истинные гусситы, истинные христіане, истинные послѣдователи первобытной святой апостольской церкви, не одобряли войнъ и штурмовъ,

¹⁾ *Časopis česk. mus.*, 1874, 96.

²⁾ *Rukověť*, 287.

при своей горячей религіозности и нравственности все терпѣли, какъ первые христіане“.

Но другое извѣстіе ставитъ „сѣрыхъ священниковъ“ въ связь съ Рокицаной. Тотчасъ по смерти короля Ладислава (1457 г.) одинъ католикъ написалъ латинскую элегію, въ которой жалуется на злоключенія католической церкви въ Чехіи послѣ и въ силу распространенія въ ней ученія Виклефа. Авторъ элегіи, упомянувъ наиболѣе замѣчательныхъ пражскихъ и таборитскихъ учителей, кончаетъ слѣдующими словами: „Всѣ они, извѣстные въ Чехіи своимъ безумствомъ, наполнили всю страну гибельными заблужденіями. Самый послѣдній въ ихъ ряду—Рокицана, злѣйшій и упорнѣйшій грѣшникъ, поддерживаетъ нынѣ ересь. За нимъ идетъ хвостъ отступниковъ: Матѣй, Прокопъ, Вацлавъ изъ Здераза: эти ходятъ въ сѣрыхъ плащахъ, въ шапкахъ съ длинными концами“. Итакъ, очевидно, „сѣрые священники“ были не въ Хельчицахъ, а въ Прагѣ и оказываются послѣдователями Рокицаны, который въ своихъ проповѣдяхъ 50-хъ годовъ выражалъ мысли, сходныя съ мыслями Хельчицкаго, такъ какъ онъ читалъ сочиненія Хельчицкаго и видѣлся съ нимъ лично.

Такимъ образомъ ясно, что общественная дѣятельность Хельчицкаго выразилась лишь въ основаніи тѣснаго кружка „братьевъ Хельчицкихъ“, поскольку идетъ рѣчь о 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ XV вѣка. Въ эти годы онъ исключительно занимается литературною работою, пишетъ, вслѣдъ за „Постиллою“, рядъ новыхъ трактатовъ.

Въ самой „Постиллѣ“, какъ въ зародышѣ, заключенъ цѣлый рядъ такихъ трактатовъ: эти трактаты суть не что иное, какъ распространенныя отдѣльныя толкованія „Постиллы“; написаны они были, вѣроятно, очень скоро послѣ нея. Особенно вѣроятнымъ представляется это въ отношеніи къ „Объясненію на 20-ю главу св. Матѣя о работникахъ, нанятыхъ на виноградникъ“ (Uýklad na 20 kor. sv. Matouše o dělnících na vinici přijatých) и къ „Рѣчи на пасею св. Іоанна“ (Řeč na pašije sv. Jana)“. Уже въ Постиллѣ, которая даетъ толкованіе на евангеліе восьмой недѣли по Рождествѣ, то-есть на 20-ю главу св. Матѣя, Хельчицкій говоритъ, что въ ней „заключается тайна, полная великихъ вещей“, замѣчая въ концѣ, что его объясненіемъ „та рѣчь еще не исчерпана“. Въ томъ же мѣстѣ онъ приводитъ разбойника на крестѣ въ примѣръ челоуѣка, который можетъ быть спасенъ въ 11-й часъ, то-есть, предъ смертью и даже безъ добрыхъ дѣлъ. Оба вышеназванные трактата дополняютъ другъ друга.

„Объясненіе на 20-ю главу св. Матѣя“ состоитъ изъ 10 главъ;

въ каждой объясняется приведенный въ началѣ ея текстъ изъ Евангелія. Изъ притчи о двухъ сыновьяхъ Хельчицкій заключаетъ, что еврей—это старшій сынъ, который съ самаго начала пребывалъ въ вѣрѣ Божіей, а младшій—язычники, которыхъ апостолы привели къ Отцу, когда они приняли вечерю Христову. Старшій братъ ропталъ на отца и брата. Какъ прежде законники завидовали язычникамъ, такъ теперь священники завидуютъ грѣшникамъ, которые обратились къ Богу. Поэтому они выдумали чистилище, будто бы Богъ не былъ бы справедливъ, еслибы грѣшникъ не терпѣлъ за грѣхи свои въ чистилищѣ. Справедливый Господь не допуститъ, чтобы человѣкъ терпѣлъ больше, нежели онъ можетъ снести; Онъ даетъ людямъ воздаяніе не по заслугамъ ихъ, а по безграничной добротѣ и щедрости своей. Народъ избранный былъ все-таки народъ іудейскій—таковъ и человѣкъ, который служитъ Богу въ увичженіи своемъ. Люди должны съ покорностью исполнять повелѣнія божіи, никогда не роптать на справедливость божію, а стараться осилить, одолѣть тѣло, ибо оно служитъ причиной ко многимъ роптаніямъ. „Рѣчь на пассію св. Іоанна“ содержитъ въ себѣ толкованіе мѣста Евангелія Іоанна о томъ, какъ со Христомъ были распяты два разбойника. Хельчицкій беретъ, по обыкновенію, для толкованія текстъ по фразамъ. Христось для большаго позора распятъ между двухъ разбойниковъ: это должно научить насъ избѣгать гордости. Какъ съ Христомъ были распяты два разбойника, такъ и между христіанами два рода людей: 1) истинные и 2) тѣ, которые хотя и страдаютъ во Христѣ, но не имѣютъ настоящаго познанія Его Слова: „Истину глаголю тебѣ: днесъ будеши со Мною въ раю“—утѣшеніе грѣшныхъ, которые ищутъ милости Божіей, и гибель злыхъ, которые возлагаютъ надежду на милость Божію. Укусъ обозначаетъ, что свѣтъ не позналъ Его, иначе же можетъ быть объясняемъ, какъ то питье, которымъ мы напоили Христа чрезъ грѣхи свои. Смертію Христа завершился старый законъ и спасеніе наше. Христіанинъ долженъ умереть со Христомъ, долженъ вмѣстѣ съ нимъ страдать. Войны перебили голени разбойникамъ, но не Христу; по этому можно судить, что Христось соединенъ съ нами особенною любовью. Кости суть дары Духа Св., руки—вѣра, которая обуславливаетъ дѣянія, ноги—желанія, спина (позвоночный хребетъ)—разумъ, который при помощи глазъ—горній свѣтъ—познаетъ великое. Въ этомъ случаѣ особенно важенъ разумъ: ибо темный разумомъ народъ не знаетъ, чтó такое вѣра въ истинномъ значеніи слова, а знаетъ только то, чтó дѣлаютъ священники въ церквахъ, и чтó одо-

брать священники, то они и считают вѣроу. Съ другой стороны авторъ исчисляеть грѣхи, творимые народомъ, который хотя и имѣеть вѣру Христову, не имѣеть, однако, вѣры живой. Человѣкъ не долженъ жить въ зависимости отъ окружающаго: это сотворено для него, а не онъ для окружающаго. Кто любитъ мірскую хвалу, тотъ не радѣеть о себѣ. Открытіе (отъ прободенія) бока, который находится на сторонѣ сердца, указываетъ на особую любовь Христа къ намъ. Христось смертію Своею выказалъ къ намъ безграничную любовь. Какъ Ева происходитъ отъ ребра изъ бока адамова, такъ и Христось по любви открылъ бокъ Свой всѣмъ вѣрующимъ, которые суть жены Его. По этому случаю говорится о бракѣ. Гдѣ нѣтъ любви, является гнѣвъ, ссоры, неприязнь. При этомъ авторъ входитъ въ разсужденіе о послѣдствіяхъ того и другаго.

Въ связи съ вышеизложенными трактатами по содержанию стоитъ третій трактатъ Хельчицкаго: „Reč sv. Pavla o Starém člověku“ (Рѣчь св. Павла о старомъ человѣкѣ), разбитый на 12 параграфовъ, изъ которыхъ каждый начинается словами: „Далѣе говоритъ апостоль“...

Ветхій человѣкъ—это не старецъ вообще, а Адамъ, первый человѣкъ, умершій въ глубочайшей старости; поэтому всѣ происходящія отъ него старѣются и умирають. Ветхій человѣкъ, такимъ образомъ, равняется старой жизни (жизни во грѣхахъ). Милости Божіи напоминають человѣку о крестѣ христовомъ и его свойствахъ. И наше тѣло подвержено грѣху, поэтому и въ нашемъ тѣлѣ долженъ быть распять ветхій человѣкъ, почему тогда только и является въ насъ живой Христось. Поэтому, пока этого распятія плоти нѣтъ, пока грѣшная плоть не уничтожена, до тѣхъ поръ мы—служители дьявола. Кто умеръ со Христомъ на крестѣ, свободенъ отъ грѣха, который и удерживаетъ человѣка отъ распятія со Христомъ. Если же мы умремъ во Христѣ, то возстанемъ съ Нимъ и изъ мертвыхъ; то-есть, смерть уже не будетъ имѣть власти надъ Христомъ. А такъ какъ Христось вторично уже не умретъ, то въ смерти христіанинъ находитъ освобожденіе отъ грѣха.

IV.

Въ то время какъ Хельчицкій писалъ эти свои трактаты, въ Прагѣ развертывалась во всей своей широтѣ и силѣ та религіозно-политическая реакція, первымъ проявленіемъ которой были „компактаты“, получившія на сеймѣ въ Иглавѣ (5-го іюля 1436 г.) силу

закона. Въ силу „компактатъ“ Сигизмундъ, низложенный 17 лѣтъ тому назадъ, былъ признанъ чешскимъ королемъ. Но едва онъ прибылъ въ Прагу, какъ уже начались нареканія на „компактаты“. Къ тому же придворное общество нарушало обычную пуританскую простоту пражской жизни. Рокицана, выбранный сеймомъ 1435 года въ архіепископа подобойевъ, началъ проповѣдывать съ кафедръ, что, со времени королевскаго пріѣзда, Прага стала Содомомъ. Сигизмундъ, укрѣпившись въ странѣ, заботился о восстановленіи стараго порядка. На высшія должности, въ земскій судъ, въ пражскій совѣтъ (ратуша) были назначены католики или калишники направленія Пшибрама. 13-го февраля 1437 г. въ Прагѣ была объявлена ратификація „компактатъ“ соборомъ, и въ Базель должны были отправиться новые послы. Король хотѣлъ, чтобы и Рокицана былъ въ числѣ ихъ, но тотъ отказался и вскорѣ былъ лишенъ своего тынскаго прихода. вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе приходы въ Прагѣ и королевскихъ городахъ были отданы пшибрамовцамъ, а священники противоположнаго направленія, напримѣръ, Лупачъ, Коранда и другіе, были смѣщены. Рокицана не оставался равнодушнымъ къ такому обороту дѣлъ, напротивъ, выражалъ въ своихъ проповѣдяхъ горячую скорбь и негодованіе. Хотя сеймъ настаивалъ на утвержденіи архіепископа, Сигизмундъ, вмѣсто того, назначилъ Кшиштяна изъ Прахатиць администраторомъ in Spiritualibus пражской архіепископіи, а Рокицана лишень былъ всякаго участія въ управленіи чешскимъ духовенствомъ. Теперь Рокицана уже не чувствовалъ себя безопаснымъ въ Прагѣ и оставилъ ее 17-го іюня 1457 г.: отправившись на Кунетицкую гору, онъ скоро переселился оттуда въ Градецъ, гдѣ и жилъ въ теченіе слѣдующихъ 10-ти лѣтъ. Послѣ смерти Сигизмунда (9-го декабря 1437 г.) на чешскій престолъ вступилъ Альбрехтъ Австрійскій ¹⁾, но его управленіе длилось менѣе 2-хъ лѣтъ.

Съ конца 1439 года въ Чехіи наступило 18-ти-лѣтнее междуцарствіе: страну терзали своими междоусобіями четыре „едноты“ (партіи): Менгарта, Птачка, Ольдриха изъ Розенберка ²⁾ и Таборитовъ, пока, наконецъ, послѣ короткаго королевствованія Ладислава Погробка (Постума)—въ 1453—1457 годахъ,—на престолъ Чехіи не вступилъ Юрій Подѣбрадъ.

¹⁾ Альбрехтъ былъ женатъ на Елизаветѣ, дочери Сигизмунда.

²⁾ Альбрехтъ, умершій на берегу Тиссы въ походѣ противъ турокъ, отправляясь въ этотъ походъ, назначилъ правителями Чехіи Менгарта и Ольдриха.

Если въ 1434 году табориты потеряли свое значеніе, какъ политическая сила, то съ 1439 года они исчезаютъ, и какъ религіозная партія.

Рокицана, примкнувшій къ „еднотѣ“ Гинека Птачка и признаваемый архіепископомъ на территоріи властвованія Птачка—въ краяхъ Куримскомъ, Чаславскомъ, Хрудимскомъ и Градецкомъ, былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ борьбѣ противъ таборитовъ. Важнѣйшимъ фактомъ этой борьбы былъ созванный Птачкомъ на Кутной горѣ въ юлѣ 1443 года съѣздъ таборитовъ и калишниковъ—духовныхъ и свѣтскихъ. Пренія вращались около вопроса о таинствѣ причащенія; табориты твердо стояли на своемъ ученіи, что въ таинствѣ тѣло Христова присутствуетъ духовно и дѣйственно, но не субстанціонально; противники ихъ попрежнему считали это ученіе „пикардской ересью“. На пражскомъ сеймѣ слѣдующаго года ученіе Рокицаны и пражскихъ мистровъ было санкціонировано, а ученіе таборитовъ объявлено ересью; съ этихъ поръ таборитскія общины постепенно примыкаютъ къ калишникамъ и къ серединѣ XV-го вѣка совершенно исчезаютъ.

За это время политической и религіозной реакціи, съ 1436 по 1443—1444 годы, источники сообщаютъ намъ всего лишь два факта изъ жизни Хельчицкаго.

О первомъ фактѣ сообщаетъ Коллинъ ¹⁾. Когда въ 1437 году Сигизмундъ лишилъ Engliša Петра Раупе права проживать не только въ Прагѣ, но и вообще въ Чехіи, Раупе нашелъ себѣ гостепріимный и безопасный пріютъ у Петра Хельчицкаго. Такъ какъ Петръ Раупе въ февралѣ 1439 года былъ схваченъ въ Клатэвахъ Буріаномъ изъ Гутштейна, то, очевидно, пребываніе его въ Хельчицахъ продолжалось съ весны 1437 г. до начала 1439 г.

Другой фактъ сообщаетъ „братъ“ Лука въ „Odpis proti Odrzencům, jenž se Malau Strápnkau nazývají“: „когда былъ съѣздъ у Горы (Кутной, 1443 г.), и онъ (Петръ) долженъ былъ предстать для оправданія, то онъ такъ боялся христова креста, что изъ страха готовъ былъ сжечь всѣ свои сочиненія“ ²⁾ Но достовѣрность этого факта, кажется, достаточно подорвана соображеніями Шульца ³⁾. Во-

¹⁾ *Collinus*, Antiqua et constans confessio fidei catholicae. A. 1574. Предисловіе.

²⁾ Лука сообщаетъ здѣсь и другія черты Хельчицкаго, рисующія послѣдняго съ неприглядной стороны.

³⁾ *Osvěta*, III, 214.

первыхъ, Птачекъ и другіе кутногорскіе компактатисты (во главѣ съ Рокицаной) не могли требовать Хельчицкаго на съѣздъ для оправданія передъ съѣздомъ; Хельчицкій еще съ 1420 г. былъ далекъ отъ всякихъ общественныхъ собраній и споровъ, не основывалъ никакихъ религиозныхъ обществъ и не разрушалъ народнаго единства,—это съ одной стороны; съ другой стороны, самый съѣздъ, вѣдь, былъ собранъ для опроверженія и уничтоженія таборитскаго ученія объ евхаристіи, и Хельчицкій еще въ первой половинѣ 20-хъ годовъ рѣшительно высказался противъ этого ученія, и ему не нужно было въ чемъ нибудь оправдываться на ряду съ таборитами.

Во-вторыхъ, еслибы Хельчицкій дѣйствительно и былъ призванъ на съѣздъ, то ему нечего было бояться: на всѣхъ гусситскихъ съѣздахъ той эпохи царилъ полная свобода мысли и слова, никому не дѣлалось никакого зла, и напримѣръ табориты, противъ которыхъ собственно и собранъ былъ съѣздъ кутногорскій, безбоязненно явились на него; еще и потому нечего было бояться Хельчицкому, что главнымъ и вліятельнѣйшимъ рѣшителемъ религиозныхъ вопросовъ на съѣздѣ былъ Рокицана, „milý bratr“ Хельчицкаго.

Въ-третьихъ, наконецъ, самый характеръ источника и лица, сообщающихъ указанный фактъ, заставляетъ усомниться въ достоверности послѣдняго. Изданный Лукой въ 1524 г. „Odpis proti odštěncům“ есть полемическое сочиненіе противъ братскаго меньшинства, выступившаго изъ „Общины“, когда въ послѣдней, по стараніямъ именно Луки, произведены большія перемѣны первоначальнаго ея устройства. Это меньшинство стояло за старое устройство „Общины“, данное ей „братомъ“ Григоріемъ въ согласіи съ идеями Хельчицкаго, и въ борьбѣ съ новаторомъ Лукою опиралось на авторитетъ Петра. Чтобы ослабить этотъ авторитетъ, Лука въ своемъ сочиненіи „противъ раскольниковъ“ и приводитъ нѣсколько неблагоприятныхъ для Хельчицкаго фактовъ изъ его жизни, замѣчая, что „Slyšenú řeč přivedl, nejistě ji, ani zase ovšem zamietuje“.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній слѣдуетъ думать, что сообщаемый Лукою фактъ не имѣлъ мѣста въ дѣйствительности.

Вмѣсто того мы можемъ указать несомнѣнные, до сихъ поръ сохранившіеся факты изъ жизни Хельчицкаго: это—его сочиненія начала сороковыхъ годовъ. Первое мѣсто между ними несомнѣнно занимаетъ „Sít víry“, стоящая въ связи съ „Постиллой“, въ которой Хельчицкій, объясняя евангельское чтеніе 5-ой недѣли по св. Троицѣ — о чудесномъ ловѣ, говорить: „Святое Писаніе касается

здѣсь многихъ вещей, которыя могли бы быть полезными, еслибы у меня достало разума и силъ изложить ихъ"; въ „Сѣти вѣры“ Хельчицкій и отважился на это дѣло. Содержание „Сѣти вѣры“ таково. Первая часть: Чистая и истинная христіанская вѣра, основанная на поклоненіи Богу въ духѣ истины и на любви къ ближнимъ, существовала только въ первоначальной церкви до 320 г., то-есть, до царствованія Константина Великаго. При Константинѣ Великомъ и скоро послѣ него въ христіанство незамѣтно и тайно проникло старое язычество. Свѣтская власть, повидимому принявши христіанство, внутри осталась попрежнему языческой. Власть духовная, папская впервые тогда же основанная, облачилась въ язычество. Христіанство обратилось въ язычество. Съ тѣхъ поръ эти двѣ власти взаимно поддерживаютъ другъ друга: онѣ-то именно душатъ и губятъ вѣру, все въ церкви и въ христіанствѣ обращая въ свою пользу. Хельчицкій совсѣмъ отрицаетъ духовную власть, а свѣтскую—съ ограниченіемъ, о которомъ опредѣленіе говорить въ послѣдней—95-й главѣ этой части.

Во второй части Хельчицкій трактуетъ о „ротахъ“, то-есть, различныхъ сословіяхъ и чинахъ въ христіанствѣ, перечисляя ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сословіе пановъ и владыкъ, сословіе городское, ордена монашескіе, „роты“ коллегіальныхъ мистровъ и докторовъ или сословіе ученыхъ, наконецъ, „роты приходскихъ священниковъ“; онъ живыми красками и съ необычайною смѣлостью изображаетъ тогдашнюю испорченность нравовъ во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ, не исключая простаго народа.

Еще Палацкій, не приводя доказательствъ, утверждалъ, что „Сѣть вѣры“ написана въ 1440—1443 годахъ. Шафарикъ и Иречекъ относили появленіе ея къ 1455—1456 годамъ. Но Голль доказалъ справедливость предположенія Палацкаго.

На основаніи данныхъ самой „Сѣти вѣры“ можно заключать, что, во-первыхъ, она написана послѣ окончанія войны, то-есть, послѣ 1434 года. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія слова 45 главы 1-й части: „Нѣкоторыя власти возстаютъ къ устроенію земли, а нѣкоторыя—къ гибели ея. Такъ это было и въ наши дни: въ продолженіе 15-ти лѣтъ жестокая власть губила всѣ вещи, не заботясь о томъ, чтобы земли были населенными, а суды справедливо судили народъ.“

Другое мѣсто „Сѣти вѣры“ опредѣленіе обозначаетъ время, когда она писалась. Въ 14-й главѣ Хельчицкій обличаетъ властолю-

бивья „роты“, которыя не только разодрали сѣти вѣры, но расхватали по рукамъ земныя королевства, „такъ что главный панъ, король, не имѣеть надъ кѣмъ властвовать и не можетъ имѣть достаточно имущества, чтобы содержать себя и свою челядь, ибо широко охватили всю землю, паны-аббаты, каноники и монахини, съ другой стороны—хоругвенные паны и паноши, такъ что здѣсь въ цѣломъ краю на много миль король не имѣеть въ своей власти и одной деревни. Поэтому земскіе паны хотѣли бы себѣ какого нибудь чужаго короля, богатаго нѣмца, который бы захватилъ въ свои владѣнія чужія земли. Ибо они, захвативши королевскія владѣнія и не отъказываясь отъ нихъ, желаютъ, чтобы такой король еще что нибудь далъ имъ, награбивъ въ чужихъ земляхъ“. Эти слова Хельчицкаго указываютъ на время, наступившее послѣ смерти Альбрехта Австрійскаго, въ частности на переговоры чеховъ съ Альбрехтомъ Баварскимъ и условія, предложенныя ему для вступленія на престоль. Очевидно, „Сѣти вѣры“ писалась въ 1440—1443 годахъ.

Въ рукописи пражскаго капитула (Sign. D. 82. 4°) сохранился рядъ трактатовъ, которые Голль, считаетъ возможнымъ приписать Хельчицкому, судя по слогу, по нѣкоторымъ относящимся къ личности Хельчицкаго намекамъ и очень близкому къ другимъ его сочиненіямъ содержанію: „согласіе этихъ трактатовъ, которые мы считаемъ сочиненіями Хельчицкаго, —говоритъ Голль—по содержанію съ другими несомнѣнными его сочиненіями такъ значительно, что хотя ими не расширяется по существу наше знаніе его ученія, однако увеличивается наше знаніе о его литературной плодовитости“¹⁾).

Сюда относятся, прежде всего, близкія къ „Сѣти вѣры“ по тону и содержанію 4 связанные одинъ съ другимъ краткіе трактата, въ которыхъ изображается прельщеніе антихриста и отпаденіе отъ христіанства въ видѣ толкованій на мѣста изъ посланій св. Іоанна.

Первый трактатъ²⁾, не имѣющій особеннаго заглавія, есть объясненіе рѣчи св. Іоанна, „miláčka Jezu Kristova“, во второмъ его посланіи, при чемъ Хельчицкій похоже и часто въ тѣхъ же словахъ, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, живо описываетъ ту порчу, которую антихристъ причинилъ христіанству. „Антихристъ появился еще при апостолахъ, а потомъ росъ въ продолженіе болѣе 11 сотъ лѣтъ и достигъ римскаго престола. Потомъ добылъ себѣ на помощь

¹⁾ *Časop. česk. mus.*, 1881, 24.

²⁾ Стр. 50—77 рукописи.

цезарей, королей, князей, пановъ, рыцарей, земли, края, народы и повсюду—въ земляхъ и народахъ—назначилъ въ костелы своихъ апостоловъ, чтобы привести въ послушаніе себѣ великихъ и малыхъ, чтобы проникнуть въ человѣческія души и напоить ихъ своимъ духомъ, противнымъ Іисусу Христу—согласно тому, что онъ, антихристъ, долженъ былъ придти и пришелъ во всякомъ соблазнѣ неправды, въ знаменіяхъ и чудесахъ ложныхъ, которыми онъ поставилъ свѣтъ противъ Христа и отравилъ его ядомъ своихъ знаковъ... Я спрашиваю: гдѣ теперь законъ Божій? Какъ только антихристъ на римскомъ престолѣ получилъ мірское господство, такъ и утратилъ законъ Божій, такъ что о немъ вовсе и не слышно было; установилъ свои законы, противные Божію, размножилъ ихъ и установилъ на нихъ міръ; а законъ Божій онъ осуждаетъ, поपालаетъ, запрещаетъ проповѣдовать и давно уже палить, морить и губить вѣрныхъ христіанъ за Божій законъ. Іисусъ Христосъ въ своемъ духовномъ могуществѣ, которымъ онъ совершаетъ человѣческое спасеніе, давно уже ниспровергнуть и замалчивается, его уже стыдятся и не смѣютъ называть, ибо поколѣніе антихриста узнаетъ еретика въ томъ, кто говоритъ: Господь Іисусъ". Какъ и въ „Сѣти вѣры“, Хельчицкій укоряетъ церковь за то, что она отнимаетъ чашу у мірянъ и такимъ образомъ отвергаетъ законъ Христовъ за воображаемое несовершенство его, что она мѣняетъ божественныя установленія сообразно времени, „какъ это очевидно на *Базельскомъ соборѣ*, гдѣ было собрано сердце антихриста, гордые доктора“. Въ концѣ трактата имѣется слѣдующее мѣсто: „антихристъ въ концѣ міра—уже великій панъ, владѣя господствомъ надъ королями земными и имѣя широкое тѣло по краямъ свѣта, равно и многообразныя владѣнія... Онъ уже погубилъ міръ, оставивъ его безъ Бога. Антихристъ въ чуждомъ смыслѣ говоритъ міру о Христвѣ, засѣдаетъ въ совѣтахъ городскихъ, въ лицѣ городскихъ совѣтниковъ имѣетъ воспріимниковъ, мудро судить въ совѣтахъ, поставляетъ управителей, назначаетъ мѣста, по которымъ должны идти окопы около города, какой толщины должны быть они, гдѣ должны стоять башни, бастіоны, пушки. Такой антихристъ такія и столькія вещи можетъ говорить свѣту и умѣетъ доказать и подтверждать христовымъ ученіемъ, что все это относится къ христіанскому спасенію; онъ столько домысловъ имѣетъ въ ученіи христовомъ, что ко всему прикладываетъ это ученіе, какъ пластырь къ болѣзни... Повсюду преклоняютъ голову передъ антихристомъ, привѣтствуютъ его, чтутъ, зовутъ, угощаютъ,

ищутъ его пріязни, не вѣдая, какъ онъ, слава Христа, умертвилъ его въ нихъ и горше. чѣмъ палачъ, который рубить головы, и разбойникъ, который палить житницы. Поэтому всякій, кто можетъ знать эти опасности, обязанъ не водить дружбы съ такими божіими врагами, и было бы лучше терпѣть отъ нихъ, чѣмъ быть съ ними въ дружбѣ или по ихъ принужденію склоняться къ какимъ нибудь заблужденіямъ. Трактатъ этотъ, близкій по тону и содержанию къ „Сѣти вѣры“, вѣроятно, былъ написанъ Хельчицкимъ вскорѣ послѣ „Сѣти“.

Второй трактатъ о необходимомъ и полезномъ „осужденіи сердца“ представляетъ собою толкованіе словъ 3 гл. 1 посл. Іоанна: „Ибо хотя осудить насъ сердце“. Хельчицкій и здѣсь входитъ въ изображеніе соблазновъ антихриста, который унижилъ и погубилъ законъ божій. „Поэтому мы очень слабо говоримъ о законѣ божіемъ, какъ какіе-то новички, пришедшіе въ года, кое о чемъ догадываясь и кое-чего не зная, какъ бы изъ великой тьмы немного увидѣвши свѣтъ. Вотъ тутъ-то и есть великая милость божія, что мы несо-всѣмъ погибли во тьмѣ“. „Когда священникъ служить за деньги 30 обѣденъ, за 15 грошей тридцать разъ продаетъ Христа, тогда совѣсть нисколько не укоряетъ. Другіе люди чтутъ постные дни, пятницы, вигиліи зеленю, киселемъ, дикими грушами и тому подобными вещами. А того, что надонть корова или коза, не смѣютъ коснуться изъ-за укоровъ совѣсти; а великій грѣхъ у нихъ—все это. Но постясь киселемъ и шафраномъ, они не стыдятся осуждать другъ друга и ссориться цѣлый постный день“.

Третій трактатъ говоритъ объ испытаніи и различеніи духовъ примѣнительно къ словамъ Іоанна: „милые, не всякому духу вѣруйте... (1 посл., 4)... „Эта рѣчь—не смертельная и не къ опившимся (духовно) людямъ писана, но высшаго смысла въ вѣрѣ, чѣмъ нынѣшніе мистры, ибо они со своими семью искусствами (artes liberales) не достигли осьмаго, которое—во Христѣ Иисусѣ, то-есть, осьми блаженствъ его ¹⁾. Поэтому они не имѣютъ силы испытывать духовъ, въ которыхъ заключается враждебность Христу“. Главный антихристъ (то-есть, папа) „имѣетъ силу многихъ королей, можетъ противъ одного короля вести войну съ другими и осудить его въ адъ

¹⁾ Ср. предисловіе къ „Сѣти“, гдѣ издатель (XVI вѣка) говоритъ о Петрѣ: „хотя онъ не былъ мистромъ семи искусствъ, за то было исполнителемъ восьми блаженствъ“.

вмѣстѣ съ народомъ, какъ, напримѣръ, Ладислава Неаполитанскаго¹⁾. Четвертый трактатъ перечисляетъ „признаки антихриста“ сообразно со словами Іоанна: „тѣ суть отъ міра...“. Здѣсь же заключается полемика противъ пражскихъ мистровъ, особенно о чистилищѣ, часто въ тѣхъ же словахъ и выраженіяхъ, какъ въ позднѣйшей „Репликѣ противъ Рокицаны“.

Въ то же время безкоролья и смуть написана Хельчицкимъ и „Zprava o svätostech“ (Разсужденіе о таинствахъ): выставляя положеніе, что въ бракѣ моногамія также необходима, какъ монархія въ государствѣ, Хельчицкій говоритъ: „и если въ странѣ нѣтъ этого устройства, какъ это случилось теперь, то бѣднякъ захочетъ господствовать надъ знатнымъ человекомъ; тотъ, кто что нибудь имѣлъ, не будетъ имѣть ничего; тотъ, кто не работаетъ, будетъ наслаждаться“. Разсужденія о всѣхъ семи таинствахъ по порядку ведутся на основаніи Новаго Закона, начиная съ крещенія, ибо это таинство прежде всего необходимо человеку. Говоря о таинствѣ Тѣла и Крови Христовыхъ, Хельчицкій замѣчаетъ: „но объ этомъ таинствѣ больше писано въ другомъ мѣстѣ“,—безъ сомнѣнія, намекая на свои болѣе раннія сочиненія, именно на „Реплику противъ Николая (бискупца)“; и здѣсь идетъ полемика противъ таборитовъ. Мистровъ онъ укоряетъ за то, что они сдѣлали таинство слишкомъ доступнымъ и тривиальнымъ, какъ уличная торговка свой мелочной хламъ. (То же самое въ позднѣйшей „Репликѣ противъ Рокицаны“, которая обнаруживаетъ слѣды многочисленныхъ заимствованій изъ этой „Sprava o svätostech“). Говоря о таинствѣ покаянія, авторъ припоминаетъ разсужденія Якубка (изъ Виолеема) о томъ, что христіанинъ не обязанъ исповѣдаться дурнымъ священникамъ. Толкуя о священническомъ чинѣ, онъ говоритъ, что Богъ не всегда ведетъ народъ черезъ священниковъ, давая иногда познаніе правды и безъ нихъ. „Поэтому смѣло могу сказать,—прибавляетъ Хельчицкій,—что, въ противномъ случаѣ, вслѣдствіе священнической порчи ни одинъ человекъ въ Чехии не былъ бы спасенъ въ эти 6 лѣтъ“²⁾. Миропомазаніе, 6-е по счету таинство, не признается таковымъ на основаніяхъ тѣхъ же, что у таборитовъ и ранѣе того—у Виклефа; Хельчицкій ссылается

¹⁾ Ср. „Сѣтъ“, гл. 17-ю 1-ой части, стр. 50 авад. изданія.

²⁾ Темное хронологическое указаніе. Откуда начинать счетъ этихъ 6 лѣтъ? Можетъ быть, съ года утвержденія „компактата“—1436 г.?—тогда: 1436 + 6 = 1442 годъ.

на разсужденія Станислава изъ Знойма, когда тотъ былъ еще викарїистомъ. Елеосвященіе разсматривается, лишь какъ обычай, поддерживаемый католическимъ духовенствомъ изъ-за денежныхъ видовъ.

V.

Пока Хельчицкій въ своемъ деревенскомъ уединеніи и тиши писалъ всѣ эти трактаты, видные люди дѣлали свои дѣла и текущую чешскую исторію. Въ 1444 году умеръ Ганекъ Птачекъ, и его замѣстителемъ явился Юрій Подѣбрадь, молодой еще человекъ (24 л.), но съ блестящими дарованіями—политическими и военными. Чтобы устроить церковныя дѣла, онъ отправилъ въ 1446 году посольство въ Римъ къ папѣ Евгенію IV объ утвержденіи Рокицаны на архіепископіи пражской; но посольство осталось безъ отвѣта. Новое посольство въ 1447 году было также безуспѣшно, такъ какъ Ольдрихъ изъ Розенберка, глава католической партіи, уговаривалъ папу не соглашаться. Новый папа Николай V обѣщалъ прислать легата для разсмотрѣнія чешскихъ дѣлъ. Въ маѣ 1448 года пріѣхалъ кардиналъ Карвайаль, но рѣзко высказываясь противъ чаши, возбудилъ недовольство и долженъ былъ уѣхать. Политическія отношенія Чехи были также неудовлетворительны. Послѣ неудачныхъ переговоровъ о вступленіи на престолъ Альбрехта Баварскаго (интриги Ольдриха) имѣлось въ виду посадить на чешскій престолъ сына Альбрехта Австрійскаго — Ладислава Постума, родившагося уже послѣ смерти отца: но опекунъ его изъ младшей австрійской линіи, Фридрихъ V Штирійскій (Фридрихъ III, императоръ), не давалъ чехамъ опредѣленнаго отвѣта. Менгартъ, владѣвшій Прагой, былъ доволенъ этимъ. Юрій Подѣбрадь, человекъ тонкій и скрытный, видѣлъ, что ничего нельзя сдѣлать при Ольдрихѣ и Менгартѣ. Поэтому онъ рѣшилъ собирать войско яко бы для похода на Саксонію и, двинувшись на Прагу, захватилъ Менгарта и заключилъ его въ свой замокъ. Побѣдивъ своихъ враговъ, „едноту“ страконицкую и таборитовъ, Юрій сдѣлался „справцею“ Чехи и вершителемъ ея судьбы. Въ 1448 году вмѣстѣ съ Подѣбрадомъ возвратился въ Прагу и Рокицана; онъ снова получилъ тынскій приходъ и руководилъ церковными дѣлами подобоивѣвъ сначала вмѣстѣ съ Пшибрамомъ, а послѣ его смерти—единолично. Въ 1449 году Рокицана сдѣлалъ новую попытку примиренія съ Римомъ и отправился лично въ Римъ, но принужденъ былъ возвратиться съ дороги. Впрочемъ, въ 1451 году самъ

папа Николай началъ переговоры съ Чехіей. Онъ отправилъ кардинала Николая Кузанскаго легатомъ въ Германію и поручилъ ему чешскія дѣла; для рѣшенія ихъ чешскіе послы должны были отправиться въ Регенсбургъ. Въ самую Чехію въ качествѣ миссіонера явился миноритскій монахъ Іоаннъ Капистранъ; но такъ какъ онъ говорилъ дерзко, бранилъ чашу, то Юрій Подѣбрадъ изгналъ его изъ Чехіи.

Сѣздъ въ Регенсбургѣ точно также ни къ чему не привелъ: Кузнъ объявилъ чехамъ, что онъ только тогда вступитъ въ переговоры, когда Чехія откажется отъ заблужденій....

Въ связи съ событіями 1448—1451 годовъ появляется новый рядъ сочиненій Хельчицкаго. Прежде всего приходится указать на „Реплику противъ Рокицаны“. Въ самой „Репликѣ“ есть указаніе на то, что она не была первымъ фактомъ въ отношеніяхъ Хельчицкаго и Рокицаны: „О томъ, что ты мнѣ отвѣтилъ, я могъ бы много сказать“¹⁾, пишетъ Хельчицкій Рокицанъ; значитъ, „Реплика“ была вызвана отвѣтнымъ сочиненіемъ Рокицаны на какое-то писаніе Хельчицкаго. Отвѣтнаго сочиненія Рокицаны мы до сихъ поръ не знаемъ, но владѣемъ однимъ документомъ, который, кажется, и есть первое писаніе Хельчицкаго къ Рокицацѣ.

Во второмъ томѣ „братскаго“ архива въ Охрановѣ (Гернгутъ) содержится документъ, начинающійся такими словами: „мы бесѣдовали другъ съ другомъ о томъ, почему люди, такъ называемые священники, своимъ ученіемъ не приносятъ никакой пользы народу. Много причинъ этого. Имъ недостаетъ истиннаго призванія, такъ какъ они ни посланы Христомъ, ни избраны церковью; они черезъ симонію купили у симонистовъ свою должность; ихъ ученіе—ложно, ихъ поведеніе—дурно. Они дѣлаютъ людей христіанами посредствомъ воды, а не слова Божія. Истинный христіанинъ долженъ избѣгать ихъ. Писаніе грозитъ наказаніями тѣмъ, которые изъ страха не смѣютъ исповѣдывать истину, которые больше боятся людей, чѣмъ Бога. „Но ты, братъ мой, бойся болѣе Бога, чѣмъ людей. Ибо, кто боится Бога, тотъ никого другого не будетъ бояться, какъ говоритъ Писаніе; но кто не боится Бога, тотъ будетъ бояться людей“. Въ „братскомъ“ архивѣ имѣется въ заключеніе слѣдующая замѣтка: „Янъ Рокицана къ Петру Хельчицкому“.

Эту замѣтку слѣдуетъ, вслѣдъ за Голлемъ, признать ошибочною, ибо, съ одной стороны, Рокицана не могъ предостерегать Петра

¹⁾ „Replica“, у Голля, стр. 82.

Хельчицкаго отъ общенія съ дурными священниками и, съ другой стороны, мысль, развиваемая въ этомъ документѣ, часто встрѣчается въ сочиненіяхъ Хельчицкаго (напримѣръ, въ „Spravě o Svátostech“). Указанный документъ есть, вѣроятно, посланіе Хельчицкаго къ Рокицанѣ. А если—такъ, то мы должны отмѣтить еще болѣе ранній фактъ ихъ отношеній: оба они когда-то встрѣтились и „разговаривали при этомъ о людяхъ, такъ называемыхъ священникахъ, и о томъ, какъ мала приносимая ими людямъ польза“. Вѣроятно, эта встрѣча относится къ тому времени, когда Рокицана въ послѣдніе дни короля Сигизмунда на долгое время принужденъ былъ оставить Прагу (1437—1448 гг.). Послѣ этой встрѣчи у Хельчицкаго съ Рокицаной возникла переписка о томъ же самомъ предметѣ, о которомъ они бесѣдовали ранѣе лично. „Реплика“ представляетъ собою, такъ сказать, вершину этой замѣчательной политической переписки. Трактую вопросъ, Хельчицкій не могъ не причислить утраквистскихъ священниковъ, единомышленниковъ Рокицаны, къ тѣмъ, дѣятельность которыхъ не приносятъ никакихъ плодовъ. „Ужасно то,—воскликаетъ Петръ, обращаясь къ нимъ,—что вы не думаете о томъ, насаждаете ли вы Христа въ народѣ или желаете помочь своимъ трудомъ и наукой антихристу!“ „Реплика противъ Рокицаны“ содержитъ въ себѣ объясненія Хельчицкаго съ гусситскими партіями, равно какъ и ихъ вождями, не исключая и Яна Гуса, но особенно съ утраквистами въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Хельчицкій писалъ этотъ трактатъ не только по собственному почину, но и по желанію многихъ лицъ, просившихъ его. Въ самомъ началѣ онъ указываетъ на прямоту и откровенность своего посланія: „Хочу я изложить на бумагѣ вещи, для тебя непріятныя“. Въ трактатѣ онъ обвиняетъ пражанъ и Якубка за то, что этотъ одобрялъ войну, говорить о чистилищѣ, противъ котораго энергично возстаетъ; полемизируетъ противъ самого Гуса и мистровъ, которые допускаютъ войну. Въ этомъ же трактатѣ Хельчицкій восхваляетъ Виллефа. Постановленія соборовъ онъ признаетъ, но требуетъ при этомъ, чтобы они были доступны пониманію народа: хорошо только то, что чело-вѣкъ дѣлаетъ безъ принужденія, къ вѣрѣ же принудить никого нельзя. Богъ также не желаетъ, чтобы Его восхваляли только на словахъ въ пѣснопѣніяхъ. Онъ желаетъ и дѣлъ. Первоначальная церковь въ теченіе 320 лѣтъ слѣдовала завѣщанному апостолами терпѣнію, и только во времена Константина Великаго въ церковь проникъ ядъ порчи. Исповѣди грѣховъ Хельчицкій не отрицаетъ, но

требуетъ все-таки, чтобы эта исповѣдь совершалась людьми у опытнаго, разумнаго священника, а не у такихъ, какъ современные ему, которые не могутъ заставить человѣка не грѣшить послѣ исповѣди. Во времена апостольскія не существовало насильственнаго обращенія къ вѣрѣ, а совершали это любовь и мягкое отношеніе къ ближнему; поэтому желательно, чтобы священники обращали людей на путь истиннаго покаянія; съ другой стороны, священники, которые не обладаютъ истинною мудростью и нарушаютъ законъ господень, лишены всякой силы. Все это авторъ подтверждаетъ словами апостоловъ, при чемъ, однако, добавляетъ, что въ Новомъ Завѣтѣ онъ нигдѣ не нашелъ мысли, будто князья имѣютъ право защищать церковь силою оружія. Поэтому съ его точки зрѣнія и Іуда Маккавей не болѣе, какъ разбойникъ. Поэтому, онъ согласенъ съ тѣми учеными докторами, которые писали и проповѣдовали противъ употребленія оружія. Далѣе возстаетъ онъ противъ дурныхъ священниковъ и кривыхъ толковъ объ евхаристіи: это—законъ любви къ ближнему, законъ, исполнѣнъ точно установленный Богомъ, почему установленія, дѣлаемые людьми, излишни; поэтому нѣтъ надобности въ іерархіи и въ правительствѣ, ибо Христосъ сказалъ: „Симонъ, сынъ Іонинъ, любиши ли Мя?... Паси овцы моя“ (Іоан. XXI, 15). О князьяхъ же ничего подобнаго не находится въ Писаніи.... Тотъ, кто соблюдаетъ въ жизни справедливость, можетъ быть и добрымъ и снискать себѣ своими заслугами спасеніе.... Далѣе Хельчицкій указываетъ на историческую важность времени апостольскихъ, объясняя писанія апостола Павла на основаніи фактовъ и обстоятельствъ времени апостоловъ. Священники грѣшатъ, унижаютъ таинство, преподавая его всѣмъ людямъ и не стараясь объ улучшеніи человѣка. Обращенныя къ Рокицанѣ слова Хельчицкаго: „Я хочу писать тебѣ...., какъ мужу, сильному въ великихъ вещахъ, зная, что ты много имѣешь, много несешь и, наконецъ, многія вещи запечатлѣешь собою“, показываютъ, что „Реплика“ писана въ такое время, когда Рокицана началъ снова играть важную роль въ чешскихъ дѣлахъ, то-есть, не ранѣе 1448 года и возвращенія Рокицаны въ Прагу послѣ взятія ея Подѣбрадомъ.

Съ другой стороны, она написана едва ли позднѣе 1451 года, какъ объ этомъ можно заключать изъ разсмотрѣнія серіи трактатовъ Оломуцкой рукописи, которые при своемъ одинаковомъ съ „Репликою“ содержаніи и направленіи были, кажется, написаны Хельчицкимъ вскорѣ послѣ „Реплики“.

Всѣ эти трактаты имѣютъ одно общее заглавіе: „O šelmě a obzagu jejiem“, и начинаются двумя вводными главами.

Первый трактатъ носить заглавіе: „Řeč a správa o těle božím“. Въ немъ Хельчицкій систематически излагаетъ свои взгляды на таинство евхаристіи, тогда какъ въ „Репликѣ противъ Николая (бискупца)“ онъ полемизируетъ противъ ученія таборитовъ.

Противъ таинства грѣшати двоякимъ способомъ: 1) недостаткомъ уваженія и 2) еще болѣе—излишнимъ уваженіемъ: свѣчами, колѣно-преклоненіемъ, звономъ, паданіемъ ницъ, моленіемъ. Ради первыхъ Христосъ назвалъ хлѣбъ тѣломъ своимъ, чтобы онъ былъ воспоминаніемъ о Немъ; другіе (папа и его церковь) полагаютъ, что дѣлаютъ тѣло Христово изъ хлѣба, что хлѣбъ предлагается въ тѣло Христово и вино въ кровь Его.

Та часть трактата, которая касается самаго таинства, кончается собственно главою 16-й или 17-й. Глава 17-я, начинаясь словами: „но уже конецъ этихъ вещей“, содержитъ еще, въ дополненіе къ предыдущему, нѣсколько фразъ о достойномъ и недостойномъ принятіи таинства, послѣ которыхъ Хельчицкій прибавляетъ: „Тутъ сказано нѣчто о тѣхъ опасностяхъ, которыя имѣютъ мѣсто при Тѣлѣ Божіемъ“. Потомъ среди 17-й главы онъ переходитъ къ новому предмету въ слѣдующихъ словахъ: „Но давно насѣяно между христіанами слишкомъ много другихъ опасностей“. Объ этихъ опасностяхъ и говорится въ слѣдующихъ главахъ до 21-й включительно, которая кончается такъ: „Тяжки эти опасности, въ которыя попадаютъ люди, начиная творить добрыя дѣла, но не преуспѣвая въ нихъ и нечувствительно погибая“.

Глава XXII (Оломуцкой рукописи) начинается словами: „Но самыя тяжкія опасности для христіанъ возникаютъ тогда, когда грѣхи, преступленія, заблужденія и ереси вводятся и идутъ подъ личиною закона божія, подъ словами божіими, подъ благочестіемъ и подъ путемъ спасенія“. Начиная съ этой главы и кончая 36-й, Хельчицкій и толкуетъ объ этихъ скрытыхъ и потому тягчайшихъ опасностяхъ; этотъ отдѣлъ рукописи представляетъ собою специальный „Трактатъ объ антихристѣ, помѣщенный еще и въ другомъ мѣстѣ—тотчасъ за вводными главами ко всей серіи.

Звѣрь—это Антихристъ. Та слава, въ которую одѣта ложь антихриста, есть одежда или личина, или образъ звѣря. Образъ звѣря слагается изъ двухъ родовъ дѣлъ антихриста. Одни дѣла—это тѣ, которыя пошли отъ самого антихриста, его силою и установленіемъ,

когда онъ, гордо отвергая божіи установленія, устанавливаетъ свои и хочетъ, чтобы они считались и почитались божіими“. „Другія дѣла собственно установлены и узаконены самимъ Богомъ, чтобы въ нихъ служили Богу и творили Его волю; но антихристъ и эти дѣла присвоилъ своимъ ложнымъ духомъ и творить ихъ такъ, что они повидимому—Божіи, но на самомъ дѣлѣ—чужды Божьяго намѣренія, какъ и самъ антихристъ чуждъ Бога и Его духа“¹⁾). Въ послѣдней 36-й главѣ находится особое заглавіе: „Tato se již rošíná jiná řeč o šelme a obgazi jejíet“, съ текстомъ небольшого объема, въ двухъ параграфахъ. Всѣ христіане дѣлятся на 2 сословія: свѣтское и духовное. Свѣтскіе люди—волы, полные стремленій къ блуднымъ дѣламъ, великій, жестокой и кровожадный звѣрь (17 гл. Апокалипсиса). Духовные—это жена, какъ царица, украшенная золотомъ, съ золотымъ кубкомъ, изъ котораго она всѣхъ опьяняетъ виномъ разврата. Эта развратная жена сидитъ на звѣрѣ, но звѣрь скоро свергнетъ ее.

Третій трактатъ указанной серіи—„Řeč o základu zákonů lidských“. Онъ предполагаетъ уже предыдущій „трактатъ объ антихристѣ“, какъ это видно уже изъ начала его: „Уже я кое-что сообщалъ о враждѣ и соблазнахъ антихриста, что я могъ сказать о нихъ“.

Въ 18-ти главахъ трактата Хельчицкій намѣренъ „повторить нѣкоторые изъ этихъ соблазновъ“.—Священниковъ и докторовъ слѣдуетъ слушать только до тѣхъ поръ, пока они говорятъ со словъ закона Божія. Церковь учитъ, что обычай церковный долженъ быть сохраняемъ, даже если о томъ не говорится въ Писаніи. Поколѣніе Каина отступило отъ закона Божія и живетъ по закону людскому, основанному на самоволіи; законы человѣческіе, напримѣръ, пепель въ первую среду поста, церковное пѣніе, глухая исповѣдь на ухо, негодны. Съ гл. VIII до конца идетъ полемическое разсужденіе о чистилищѣ: Хельчицкій отрицаетъ существованіе чистилища. Католическіе священники выдумали его, чтобы пѣніемъ псалмовъ и молитвами за умершихъ получать „задушное“, глотать мясо живыхъ на костяхъ ихъ умершихъ братій. Въ началѣ 12-й главы мы читаемъ: „это все говорится затѣмъ, чтобы было извѣстно, чѣмъ подтверждаютъ мистры и вся „рота“ антихриста существованіе чистилища въ аду. Я писалъ уже объ этомъ мистрамъ, но они не приняли моихъ доводовъ, напротивъ обвинили меня въ невѣріи“²⁾). Такъ какъ „Реплика

1) Comenium, вып. 1-й, стр. 58 и 59; гл. 32 и 33.

2) Comenium, 1, 94.

противъ Рокицаны“ въ большей своей части отличается сильнымъ сходствомъ съ „Рѣчью объ основаніи человѣческихъ законовъ“ какъ по содержанию, такъ и по выраженіямъ, то, очевидно, Хельчицкій имѣетъ въ виду именно „Реплику“, которая, такимъ образомъ, написана ранѣе всей указываемой серіи трактатовъ. 30-я глава „трактата о тѣлѣ Божіемъ“ или собственно 9-я глава „трактата объ антихристѣ“ даетъ намъ нѣкоторое указаніе на время ихъ появленія. „Антихристъ,—говоритъ Хельчицкій,—имѣетъ власть въ отношеніи къ различнымъ костеламъ: гдѣ хотятъ его апостолы и гдѣ даютъ ему золотые, тамъ онъ и выдаетъ отпуски отъ грѣховъ и мукъ; и тотчасъ начнется славный путь, вымогательство у народа денегъ и губительство душъ, какъ было въ Чехіи и Моравіи за 40 лѣтъ предъ этимъ“¹⁾). Но съ какого пункта начинать счетъ этихъ 40 лѣтъ, чтобы опредѣлить неясную хронологическую дату? Иречекъ²⁾ и Шульцъ³⁾ стоятъ за 1405—1406 годы и видятъ въ словахъ Хельчицкаго намекъ на происшествія этого года, о которыхъ упоминаетъ и Гусъ въ трактатѣ „De Sanguine Christi“⁴⁾; въ такомъ случаѣ годъ написанія трактата Хельчицкаго будетъ 1445—1446 (1405—6 + 40 = 1445—1446).

Но, по мнѣнію Голя⁵⁾, изъ указанія на костелы, назначенные для отпусковъ, можно заключать, что Хельчицкій имѣлъ въ виду происшествія, находившіяся въ связи съ извѣстной буллой папы Іоанна XXIII, конца 1411 года; тогда, значить, трактатъ Хельчицкаго написанъ въ 1451—1452 годахъ (1411 + 40 = 1451 г.), что, косвенно, подтверждается и тѣмъ, что онъ, во всякомъ случаѣ, появился позднѣе „Реплики противъ Рокицаны“ и, слѣдовательно, не ранѣе, какъ 1448 года. (Отсюда же—обратное заключеніе, что „Реплика“ появилась до 1451 года).

Можетъ быть, въ то же время — въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ XV вѣка — появились сходныя съ „Репликой противъ Рокицаны“ и трактатами „O šelmě a obrazu jejím“ по содержанию и тону еще три мелкія сочиненія Хельчицкаго (хронологическихъ данныхъ не имѣется). Вотъ они:

1) Psaní dvěma kněžím Miculáší a Martinovi. Въ немъ Хельчицкій

¹⁾ Comenium, 54.

²⁾ Rucovět', ч. 1, 289.

³⁾ Osvěta, 3, 213.

⁴⁾ Чудотворенія въ Вюлсенякъ (Виленакъ въ Бранденбургѣ), Градиштѣ и на горѣ Бланикъ.

⁵⁾ Čas. Čes. M., 1881, стр. 20—21.

просить этихъ священниковъ, чтобы они были вѣрными и осторожными слугами Божиими, и убѣждаетъ ихъ заботиться о вѣренной имъ паствѣ: онъ ставитъ имъ въ примѣръ отношенія апостоловъ къ своей паствѣ и предостерегаетъ отъ горькой участи ложныхъ пророковъ и нерадивыхъ священниковъ народа еврейскаго (Іер., гл. 26 и 50) ¹⁾. Священникъ Николай просилъ у Хельчицкаго дальнѣйшаго поученія; такъ явилось:

2) „Psaní“, въ которомъ Хельчицкій объясняетъ характеръ истиннаго покаянія и опровергаетъ католическое ученіе о чистилищѣ ²⁾.

3) „Výklad na čtení sv. Jana v I kapitole“ (Объясненіе 1-й гл. евангелія св. Іоанна) представляетъ собою толкованіе словъ: „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу“ (Іоан. I, 1). Заключая въ себѣ массу цитатъ изъ св. Писанія этотъ „Výklad“ развиваетъ часть мыслей „Реплики противъ Рокицаны“.

Необходимо упомянуть еще два трактата Хельчицкаго: хотя мы и не знаемъ, когда именно они были написаны, однако среди происшествій, поведшихъ къ основанію „братской общины“. уже можно видѣть указаніе на одно изъ этихъ сочиненій; другое сочиненіе мы вынуждены отнести къ этому же времени, такъ какъ основаніе „Общины“ — *послѣдній* историческій фактъ, связанный съ жизнью Хельчицкаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ собственно и кончается наша біографія Хельчицкаго.

Первый трактатъ (л. 77—106 рук. Пражск. капитула Sign. D 82 4°) носитъ заглавіе: „O trojím lidu řec, o duchovníchъ a o světskýchъ“. Подъ тройкимъ народомъ Хельчицкій разумѣетъ духовенство, рыцарей и престоноародѣе. Трактатъ возникъ изъ полемиической переписки съ какимъ-то таборитскимъ священникомъ, который принималъ троякое дѣленіе воинствующей церкви, изложенное Виклефомъ въ трактатѣ „De Christo et suo adversario Antichristo“ (клиръ, государство и народъ). „Я несомнѣнно знаю, — пишетъ Хельчицкій, — что о священствѣ и простомъ народѣ въ вѣрѣ Христовой ты можешь достаточно разумѣть и безъ моего писанія. Но свое пониманіе о чинѣ мірской власти я доказалъ доводами Писанія. Съ начала войны я внимательно просматривалъ писанія таборитскихъ священниковъ и праж-

¹⁾ Оригиналъ находится въ „братскомъ“ архивѣ въ Охрановѣ съ надписью А. Коменскаго: „List zlatý!“. Напечатанъ въ *Čas. Čes. M.*, 1874, 99—102.

²⁾ Находится въ Парижской рукописи и въ копіи съ нея (рукою Станка въ 1853 г.) Пражскаго музея.

скихъ мистровъ и размышлялъ о томъ, какъ и что они доказывали и до сихъ еще поръ доказываютъ объ этой власти“. Отказываясь отъ разсмотрѣнія всего множества этихъ писаній и доводовъ, онъ хочетъ коснуться нѣкоторыхъ изъ нихъ. Голль предполагаетъ, что этотъ трактатъ упоминается „братьями“ въ ихъ перепискѣ съ Рокицаной подъ именемъ „Spis o šosi“¹⁾.

Другой трактатъ „O rotách českých“¹⁾ не сохранился до нашего времени; онъ упоминается въ „Hlas strážného“ (Голось пастыря, — 1605 года) „брата“ Яфета, который приводитъ начальныя слова Хельчицкаго („Чехи не были еретиками и въ настоящее время не могутъ считаться таковыми“) и передаетъ кратко содержаніе всего трактата, а, можетъ быть, только выдержки изъ него. Хельчицкій, по словамъ Яфета, различалъ въ Чехіи 4 религіозныхъ партій: 1) была „рота“ папистовъ, 2) „рота“ мистровъ и священниковъ пражскихъ, отчасти отличная отъ первой, отчасти и согласная съ нею, 3) „рота“ таборитскихъ священниковъ, проповѣдовавшихъ насильственную защиту правды и Закона Божія отъ враговъ Божіихъ. Четвертая „рота“ соединяется съ 3-ю въ тѣхъ явныхъ дѣлахъ, которыя творить послѣдняя (кровопролитіе, разбой и т. п.), но она растетъ и расширяется на счетъ 3-й и двухъ первыхъ. Отличительный ея признакъ—таковъ: она проповѣдуетъ жизнь Христа и апостоловъ, а ведетъ жизнь антихриста и отступниковъ. Четвертая „рота“ распадается на множество мелкихъ „ротъ“, различающихся своими заблужденіями въ вѣрѣ. Одни говорятъ, что Христось—не прирожденный сынъ Божій, а лишь призванный въ сыновство. Другіе говорятъ, что Онъ былъ грѣшникъ, причинившій людямъ много зла, запрещающій имъ исполнять повелѣнія Божіи и уничтожая прирожденную ихъ свободу. Третьи ничего не признаютъ въ вѣрѣ: ни Бога, ни Христа, ни ада, ни грѣха, ни совѣсти, ни Писанія, все презрѣли и не вѣрятъ въ послѣднее воскрешеніе и день судный. Четвертые пребываютъ въ любодѣяніи, требуя, чтобы каждый мужчина могъ имѣть всѣхъ женщинъ. Совершенная жизнь, по ихъ мнѣнію,—свободно любодѣйствовать, постоянно ѣсть и пить, сколько можетъ снести брюхо. Пятые, правда, не творятъ этихъ грѣховъ, толкуютъ о справедливости и пророчествуютъ о человѣческомъ совершенствѣ, но они исказили жертву Божію (причащеніе) и ругаются надъ ней.

1) С. С. М., 1881, стр. 27.

2) Этотъ трактатъ „O сбродэхъ чешскихъ“, вѣроятно, заключалъ въ себѣ много данныхъ для уясненія положенія Хельчицкаго въ гусситскомъ движеніи.

Спрашивается: что же теперь будетъ дѣлать истина, предъ кѣмъ она будетъ проповѣдываться, кто будетъ слушать ее, познаетъ ее и поможетъ ей? „Если я,—заключаетъ Хельчицкій,—кое-что смысла объ истинѣ, буду говорить о ней, то развѣ мудрые и сильные міра примутъ ее отъ меня, который у нихъ такъ же уважается, какъ слюна, выплевываемая изъ усть?“ Хельчицкій въ этомъ случаѣ ошибался и прежде всего относительно „мудраго и сильнаго“ Рокицаны.

VI.

Рѣзкій тонъ „Реплики“ Хельчицкаго противъ Рокицаны не оттолкнулъ послѣдняго отъ Хельчицкаго и его ученія; напротивъ, архіепископъ подобоевъ со многимъ, что проповѣдовалъ Хельчицкій, соглашался. Обстоятельства времени многому научили Рокицану. Въ 1453 году на чешскій престолъ вступилъ Ладиславъ Постумъ, католикъ изъ школы Еннія Сильвія (впослѣдствіи папа Пій II): Рокицана видѣлъ водвореніе въ Чехіи стараго господства римско-католической церкви и невозможность существованія рядомъ съ нею правомѣрной и самостоятельной церкви подобоевъ; испытавъ скоро лично на себѣ неблаговоленіе Ладислава, онъ сталъ въ оппозицію и королю Ладиславу и „справцѣ“ Юрію Подѣбраду. Въ 1453 году своды Тинскаго храма снова огласились обличительною проповѣдью Рокицаны. Онъ проповѣдовалъ противъ испорченности всего христіанства и особенно священства: гибнуть истина, вѣра, любовь, первоначальный строй Христовой церкви. Съ другой стороны, онъ говорилъ объ обновленіи церкви, о рѣдкости послѣдованія истинѣ, что міръ не приметъ истины, а тѣ, которые захотятъ руководиться ею, попадутъ въ великія и грозныя опасности. Онъ бралъ въ примѣръ сожженный, разграбленный и опустѣвшій городъ, на основаніяхъ и развалинахъ котораго выросли побѣги и кустарники, а въ этихъ кустарникахъ расплодился различные свирѣпые и лютые звѣри, не позволяющие никому чего нибудь коснуться на этихъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе поискать основаній; объясняя этотъ примѣръ, онъ говорилъ: „такъ мы ходимъ еще поверху; и прежде чѣмъ люди снова доберутся до основаній и на этихъ основаніяхъ начнутъ воздѣлывать доброе и твердое дѣло, противъ нихъ возстанетъ лютый звѣрь и будетъ препятствовать имъ“¹⁾). Подобныя проповѣди оказывали сильное вліяніе на слуша-

¹⁾ Такъ передаетъ содержаніе проповѣдей Рокицаны Благовѣстъ въ „Historia Bratří“. Извлеч. Шафарика въ С. С. М., 1862.

телей. Среди нихъ выдѣлялся нѣкто Григорій, человекъ уже престарѣлаго возраста, ремесломъ портной. „Это былъ человекъ благочестивый и разумный, скромный и вмѣстѣ твердый, дѣятельный и смѣлый, не стремившійся къ почестямъ, богатству и власти; не будучи ученымъ, онъ, однако, многихъ превосходилъ силою слова и пера“. Около Григорія группировался кружокъ людей, отличавшихся глубокою религіозностью и чистотою нравовъ и недовольныхъ одинаково направлениемъ церкви римско-католической и калишницкой. То были, по извѣстію „брата“ Яфета (въ „Hlas Strážného“): Габриель Комаровскій, Матвѣй изъ Кунвалда, Еліашъ, Млинаржъ, бакалавръ Прокопъ изъ Градца, Юрій Петикостельскій, Важъ Большой, Янъ Хельчицкій, Ёома, Михайлъ, священникъ Жамберскій, Янъ Кленовскій, Янъ Естржибскій и др. Сначала они входили въ сношенія съ различными священниками, напримѣръ, съ Якубкомъ въ Давишовѣ, Яномъ въ Опочнѣ и Март. Лупачемъ.

Проповѣди Рокицаны еще сильнѣе сплотили ихъ и обратили ихъ взоры на проповѣдника. „Рокицана внушилъ имъ страхъ, что они не могутъ спастись, пребывая въ этомъ возмѣщенномъ имъ заблужденіи христіанской церкви и не слѣдуя познанной правдѣ“¹⁾. Григорій не довольствовался проповѣдями Рокицаны и сталъ посѣщать его на дому, гдѣ полились еще болѣе откровенныя рѣчи о порчѣ всего христіанства, объ апокалиптической блудницѣ—церкви римской. Въ этихъ домашнихъ бесѣдахъ Рокицана сообщилъ Григорію о Хельчицкомъ и его сочиненіяхъ, которыя онъ, вѣроятно, имѣлъ и у себя подъ руками²⁾. Янъ Коларжъ изъ Витановиць, одинъ изъ „братьевъ Хельчицкихъ“, доставилъ Григорію и его единомышленникамъ нѣсколько экземпляровъ трактатовъ „O šelmě a obgazi jejiem“. Но и эти трактаты и другія сочиненія Хельчицкаго „братство“ Григорія читало лишь съ предварительнаго разрѣшенія Рокицаны; въ „письмѣ братьевъ“ къ послѣднему отъ 1468 г. говорится: „еслибы ты (Рокицана) не одобрилъ намъ ихъ (сочиненія Хельчицкаго), то не знаемъ, приняли ли бы мы ихъ“³⁾; ту же мысль подтверждаетъ „братъ“ Лука въ сочиненіи своемъ „Объ обновленіи церкви“. Познакомившись съ сочиненіями Хельчицкаго⁴⁾, „братья“ посѣтили самого

¹⁾ Ibid.

²⁾ Содержаніе проповѣдей Рокицаны по Благославу напоминаетъ содержаніе сочиненій Хельчицкаго; см. особенно Comenius, I, стр. 56.

³⁾ С. С. М., 1874, стр. 105.

⁴⁾ „O šelmě“, „O moci“ (o trojím lidu) и еще какое-то 3-е.

Хельчицкаго и „много говорили съ нимъ“¹⁾; это было приблизительно въ 1454 году. Братья мало-по-малу приходили къ мысли основать особую церковь, чуждую недостатковъ церкви римско-католической и калишницкой: такъ какъ Хельчицкій былъ мирянинъ, то они только въ Рокицанѣ видѣли будущаго главу ихъ церкви; а Рокицана, съ своей стороны, видимо соглашался съ ними, но просилъ ихъ „подождать и не торопиться“....

Между тѣмъ, по словамъ Благослава, „перемѣнилась погода“: въ 1457 году умеръ Ладиславъ Постумъ и на престолъ Чехии вступилъ Юрій Подѣбрадъ, сторонникъ „компактатъ“ и покровитель Рокицаны. Рокицана снова сталъ надѣяться, что, наконецъ, папа, ради короля, утвердитъ его въ званіи архіепископа пражскаго, и перемѣнился въ отношеніяхъ къ „братьямъ“.

Когда „братья“ снова стали просить Рокицану отдѣлиться окончательно отъ испорченной церкви и сдѣлаться предстоятелемъ ихъ новой церкви, то онъ отвѣтилъ имъ: „Я знаю, что вы—правы; но еслибы я послѣдовалъ за вами, то былъ бы и униженъ вмѣстѣ съ вами“ (Благославъ). Теперь „братья“ окончательно поняли, что Рокицана—потерянь для нихъ²⁾. Дальнѣйшій ходъ дѣла объ основаніи особой церкви извѣстенъ. Товарищество Григорія, сначала немногочисленное, поселилось въ 1457 году въ дер. Кунвальдѣ Жамберскаго панства; изъ разныхъ мѣстъ Чехіи и Моравіи явились сюда дворяне и духовные, ремесленники и крестьяне. Члены товарищества называли себя „братьями“, безъ различія общественнаго положенія. Въ 1467 году въ дер. Лыготѣ у Рихнава собрались уполномоченные отъ 50 общинъ и довершили устройство единой „общины“—церкви. Отрекшись отъ всякаго общенія съ римской церковью и съ подобными, они избрали своихъ священниковъ и трехъ епископовъ или старѣйшинъ, которые и приняли посвященіе отъ какого-то вальденскаго епископа Стефана въ Австріи.

Источники, сообщающіе о событіяхъ 1457 и 1467 годовъ, ничего не сообщаютъ намъ о какомъ либо участіи Петра Хельчицкаго въ этихъ событіяхъ: онъ, вѣроятно, умеръ около 1457 года, оставивъ

¹⁾ „První list bratří Rokycanovi“ и „Zpráva o počátcích Jednoty“, Č. Č. M., 1874, 103 и 105.

²⁾ Впослѣдствіи—въ 1468 г.—„братья“ снова вошли въ письменныя сношенія съ Рокицаной. Въ первомъ и третьемъ посланіи они напоминаютъ Рокицанѣ, какъ самъ же онъ одобрялъ имъ писанія того самаго Хельчицкаго, ученіе котораго побудило ихъ основать свою „Общину“.

послѣ себя духовное дѣтище—„братскую общину“, которая попыталась осуществить въ жизни его ученіе. Ученіе Хельчицкаго осуществлялось въ жизни „общины“ въ теченіе болѣе, чѣмъ 200 лѣтъ. Правда, что оно постепенно слабѣло въ своей жизни, подавлялось протестантизмомъ, пока, наконецъ, вовсе не исчезло въ немъ вмѣстѣ съ послѣдними его послѣдователями—„братьями“ вскорѣ послѣ смерти послѣдняго „братскаго епископа“ Яна Амоса Коменскаго (1671 г.). Но ближайшее знакомство съ ученіемъ Хельчицкаго и въ настоящее время имѣетъ свой *raison d'être*. Не всегда въ исторіи сила на сторонѣ истины.... Знакомство съ ученіемъ Хельчицкаго съ этой точки зрѣнія можетъ вести къ болѣе правильной и безпристрастной оцѣнкѣ историческаго значенія главныхъ потоковъ протестантизма—лютеранства и кальвинизма во всемъ религіозномъ развитіи Европы (Западной) и отношенія этихъ потоковъ къ мелкимъ ручьямъ протестантскаго сектантства.

Н. Ястребовъ.

УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА М. И. КАРИНСКАГО ¹⁾.

II.

Теперь обратимся къ выводамъ отъ частныхъ предметовъ къ агрегату, въ составъ коего они всецѣло входятъ. Это суть выводы отъ части къ цѣлому, а не отъ частнаго къ общему. На этого рода выводы до М. И. Каринскаго не было обращено вниманія и ихъ смѣшивали съ выводами отъ частнаго къ общему ²⁾, между тѣмъ эти выводы хотя и имѣютъ много общаго съ выводами отъ частныхъ предметовъ къ логической группѣ, но и существенныя отличія; въ сужденіяхъ о логической группѣ предметовъ мы придаемъ имъ опредѣленіе, которое приложимо всецѣло къ каждому члену группы порознь, а поэтому опредѣленія частныхъ предметовъ мы не прилагаемъ одно къ другому, не составляемъ изъ нихъ суммы. Въ сужденіяхъ объ агрегатѣ опредѣленіе указываетъ не на то, что принадлежитъ той или другой его части или даже каждой его части, а на то, что принадлежитъ всему агрегату, то-есть, частямъ, взятымъ вмѣстѣ; поэтому опредѣленія частныхъ предметовъ составляютъ опредѣленіе агрегата лишь ежели соединить ихъ въ одну общую сумму, въ коллективное опредѣленіе; опредѣленіе агрегата тождественно не съ каждымъ опредѣленіемъ частнаго предмета, а со всѣми ими взя-

¹⁾ *Продолженіе.* См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1895 годъ, отд. II.

²⁾ Въ логикѣ Вундта есть анализъ подобныхъ выводовъ; книга Каринскаго, хотя и появилось поздне логика Вундта, но печаталась въ формѣ статей въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* ранѣе появленія сочиненія Вундта.

тыми за разъ. Эти выводы въ простѣйшей формѣ на столько безспорны, что считаются обыкновенно за выраженіе непосредственнаго изученія факта; но они представляютъ ту самую формулу, по которой дѣлаются всѣ математическіе выводы, покоющіеся на аксіомѣ: если къ равнымъ приложить равныя, то суммы будутъ равны. Эти выводы весьма разнообразны: вмѣсто отвлеченнаго опредѣленія числа извѣстныхъ частей можно поставить конкретный предметъ, имѣющій тѣ же части и то же число ихъ; такимъ образомъ я получаю два конкретныхъ предмета, опредѣляемый и опредѣляющій, которые можно обмѣнять. Если мы имѣемъ предметъ, представляющій сплошное цѣлое, то ничто не мѣшаетъ, смотрѣть на него какъ на величину продолжающуюся или протяженную; если всѣ части, взятыя какъ продолжающіяся или протяженныя величины, логически тождественны между собой и съ частями другого предмета, то мы можемъ отождествить и два соответственныхъ агрегата. Отвлекая отъ предмета всѣ ихъ качества за исключеніемъ одного ихъ протяженія, мы можемъ ихъ разсматривать какъ соединеніе опредѣленныхъ пространственныхъ величинъ, логически тождественныхъ по всему за исключеніемъ положенія; получатся геометрическія выводы основанные на аксіомѣ: если къ равнымъ приложить равныя, то цѣлыя получатся равныя. Опредѣляя составъ одного изъ предметовъ при посредствѣ другого, намъ нѣтъ необходимости указывать, какія части мы имѣемъ въ виду, такъ какъ части обоихъ предметовъ совершенно тождественны: на какія бы части мы ни дѣлили предметъ, на совершенно такія же мы можемъ подѣлить и другой. Мы можемъ характеризовать часть не только какъ отдѣльный предметъ, принадлежащій къ извѣстной логической группѣ, но просто какъ отдѣльный предметъ, принадлежащій къ той же группѣ, къ которой принадлежитъ и каждая изъ другихъ частей. Числа, взятыя въ ихъ ариметическомъ порядкѣ, служатъ для насъ сокращеннымъ выраженіемъ перечня состава разнообразныхъ предметовъ.

Въ условныхъ сужденіяхъ мыслятся опредѣленный порядокъ фактовъ или отношеній, слѣдовательно это суть сужденія состава; условныя сужденія, относящіяся къ математикѣ могутъ, быть разсматриваемы какъ чистыя сужденія состава; вотъ почему предшествовавшія формулы выводовъ могутъ имѣть къ нимъ примѣненіе. Не то въ сферѣ реальныхъ явленій; условныя сужденія естествознанія не допускаютъ, повидимому, возможности перенесенія опредѣленій съ частныхъ условій на тѣ же условія, взятыя въ совокупности. ибо порядокъ фак-

товъ или отношеній, къ которымъ мы относимъ извѣстное сужденіе, характеризуется не только его условіемъ, но подразумѣвается возможность постороннихъ обстоятельствъ, могущихъ видоизмѣнить результатъ. Невозможность перенесенія, при соединеніи условныхъ сужденій естествознанія, соединеннаго опредѣленія на агрегатъ субъектовъ недоказываетъ логической несостоятельности формулы, а объясняется особыми свойствами данныхъ въ этомъ случаѣ посылокъ. Тѣмъ не менѣе примѣненіе указанной формулы къ гипотетическимъ сужденіямъ естествознанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно, а именно когда мы не должны предугадать извѣстныхъ результатовъ, а лишь разъяснить данныя уже въ дѣйствительности соединенія фактовъ—выводъ, весьма сходный съ такъ называемой, полною индукціей. Выводы изъ условныхъ частей къ агрегату возможны еще и въ томъ случаѣ, когда мы въ меньшей послылкѣ беремъ условіе вмѣстѣ съ подразумѣвающейся въ ней мыслью объ отсутствіи обстоятельствъ, способныхъ видоизмѣнить результатъ, и когда въ самомъ агрегатѣ нѣтъ обстоятельствъ, способныхъ видоизмѣнить его результатъ. Такъ, напримѣръ: опредѣляемъ стоимость товара, зная стоимость одного его фунта и т. д. Эти выводы по такъ называемой полной аналогіи, которые по существу суть заключенія отъ частей къ агрегату. Когда говорятъ о математической вѣроятности, то имѣютъ въ виду или простые случаи расчисленія вѣроятностей, въ которыхъ рѣшеніе колеблется между многими одинаково вѣроятными случаями или же выводы сложные, гдѣ требуется опредѣлить вѣроятность встрѣчи двухъ событий, изъ которыхъ каждое колеблется между нѣсколькими одинаково возможными случаями. Эти сложные случаи расчисленія вѣроятностей соединяютъ въ себѣ два особые вывода—послѣдній представляетъ простой случай расчисленія вѣроятностей, а предварительный выводъ, превращающій сложный въ простой, есть ничто иное, какъ выводъ отъ частей къ агрегату.

Предметы и событія, наполняющіе опредѣленное пространство или время, представляютъ полную аналогію съ составными частями предмета, посему мы имѣемъ право перенести на агрегатъ все найденное въ его частяхъ. Напримѣръ, мореплаватель, объѣхавъ вокругъ извѣстной части земли рѣшаетъ, что это островъ—это не простое выраженіе факта даннаго воспріятія, ибо воспринимаются лишь части, сужденіе же о цѣломъ есть выводъ. Эти выводы хотя и напоминаютъ собою индуктивные, но не могутъ быть съ ними отождествлены, ибо выводное сужденіе говоритъ о цѣломъ, а не объ общемъ.

Если мы не знаемъ, что фактически содержится въ нѣкоторыхъ изъ частей агрегата, то это нисколько не препятствуетъ намъ отнести къ агрегату то, что мы нашли въ нѣкоторыхъ его частяхъ, мы не будемъ имѣть только права утверждать, что нами перечислено все содержаніе агрегата. Путешественнику нѣтъ необходимости обозрѣвать каждый клочекъ земли, чтобы составить сужденіе объ общемъ плодородіи страны. Въ данномъ случаѣ выводы отъ частей къ агрегату сближаются съ выводами отъ членовъ логической группы къ цѣлой группѣ.

До сихъ поръ мы рассматривали заключенія отъ частнаго къ общему, отъ части къ цѣлому, дѣлаемая на основаніи тождества, но очевидно, что на томъ же основаніи мы можемъ дѣлать обратныя заключенія, то-есть отъ логической группы или агрегата къ частнымъ предметамъ, или части агрегата. Эти выводы, противоположные первымъ, составляютъ второй обширный отдѣлъ положительныхъ выводовъ.

Къ этому роду выводовъ во-первыхъ относится такъ-называемая первая фигура силлогизма, въ который мы частный случай подводимъ подъ общее правило. Право на это логическое дѣйствіе обусловлено тождествомъ частнаго предмета съ однимъ изъ членовъ группы, къ которой мы относимъ предметъ. Положительная форма условнаго силлогизма ничѣмъ, съ точки зрѣнія логической, не отличается отъ первой фигуры силлогизма. Очень близки къ этому роду выводовъ заключенія, получаемыя благодаря примѣненію закона причинности къ явленіямъ. Если въ опытѣ данъ предметъ, совершенно подобный ранѣе наблюденному, при тѣхъ же обстоятельствахъ повторится то-же слѣдствіе. Затрудненіе подобнаго вывода заключается въ невозможности найти два совершенно подобныхъ предмета, находящихся въ совершенно тождественныхъ обстоятельствахъ; однако если ограничиться лишь предположительнымъ выводомъ, то таковой окажется вполнѣ законнымъ. Значеніе такого вывода состоитъ въ указаніи наблюдателю пути при изслѣдованіи явленія. Это выводы по такъ-называемой неполной аналогіи, которые вопреки ходячему мнѣнію М. И. Каринскій рассматриваетъ какъ заключенія отъ группы къ частному предмету, (а не отъ частнаго къ другимъ частнымъ) то-есть отъ группы характеризованной указаніемъ на частный случай, почему меньшая посылка можетъ быть лишь проблематическою.

Къ этой же группѣ положительныхъ выводовъ относится, во-вторыхъ, такъ-называемый раздѣлительный силлогизмъ. Намъ нужно найти основанія для исключенія нѣкоторыхъ предикатовъ, принад-

лежащихъ въ качествѣ возможныхъ опредѣленій известной группы; убѣдившись, что они не принадлежать занимающему насъ частному предмету, мы можемъ перенести оставшійся изъ включенныхъ въ раздѣлительное сужденіе предикатовъ, какъ точное опредѣленіе предмета. Осложненной формулою вывода отъ логической группы къ частному предмету нужно назвать тѣ случаи, гдѣ выдѣленіе предикатовъ, не относящихся къ этому предмету, совершается при помощи другого вывода отъ группы къ тому же предмету, такъ что весь процессъ доказательства оказывается перенесеніемъ на частный предметъ опредѣленій съ двухъ группъ, подъ которые онъ послѣдовательно подводится. Сюда же нужно отнести и доказательства причинной связи между явленіями, основанныя на методахъ, которые Милль назвалъ методомъ совпаденія (согласія) и методомъ сопутствующихъ измѣненій, ибо оба метода представляютъ заключенія отъ общаго къ частному, отъ группы съ составнымъ предикатомъ къ отдѣльному предмету, осложненные только необходимостью выдѣленія изъ состава группы предикатовъ, не относящихся къ изслѣдуемому предмету. Къ этой же формулѣ вывода относятся и аналогичныя доказательства Эвклидовой геометріи. Но можетъ случиться, что мы не найдемъ средствъ для выдѣленія изъ составнаго опредѣленія группы предикатовъ, не относящихся къ нашему предмету; тогда все-жъ можно перенести на частный предметъ опредѣленіе группы сполна,—въ качествѣ его неточнаго опредѣленія. Напримѣръ, когда мы знаемъ предшествующія известнаго событія, но не имѣемъ основаній для выдѣленія условій, не объясняющихъ этого событія, тогда мы говоримъ, что событіе должно имѣть свою причину среди этихъ предшествующихъ.

Къ этому же второму роду положительныхъ выводовъ относятся въ третьихъ, *вѣроятныя заключенія*. Когда известная группа имѣетъ преимущественный или господствующій предикатъ, то простое раздѣлительное сужденіе не выразитъ этого оттѣнка мысли, онъ пропадетъ и для вывода; нужно построить раздѣлительное сужденіе такъ, чтобы оно точно выражало все наше знаніе о группѣ, то-есть выражало бы и сравнительное значеніе предикатовъ группы; для этого нужно ввести въ члены дѣленія количественное отношеніе, которое и будетъ выражать собой большую или меньшую степень вѣроятности, что известный предметъ имѣетъ опредѣленное качество. Мы въ сужденіи можемъ имѣть сколько угодно предикатовъ, лишь бы только сравнительное значеніе каждаго изъ нихъ могло бы быть выражено съ прибли-

зительною точностью опредѣленными числами. Простые выводы такъ-называемой математической вѣроятности представляютъ только частный случай разсматриваемаго вывода; они суть различія отъ группы съ сложнымъ опредѣленіемъ къ отдѣльному предмету.

Подобно тому какъ возможны были выводы отъ частей къ агрегату такъ, наоборотъ возможны выводы отъ агрегата къ частямъ его; эти выводы составляютъ четвертый родъ положительныхъ выводовъ второго отдѣла. Въ агрегатѣ дано, конечно, все то, что дано въ какомъ-либо изъ частныхъ предметовъ, его составляющихъ; но въ немъ дано и гораздо больше, а именно все то, что находится въ другихъ его частяхъ, поэтому для опредѣленія частнаго предмета необходимо изъ опредѣленія выдѣлять то, что принадлежитъ только ему. Процессъ выдѣленія въ этомъ случаѣ возможенъ подъ условіемъ, что извѣстно все, заключающееся во всѣхъ тѣхъ частяхъ агрегата, которыя, однако, насъ непосредственно не интересуютъ; сличеніе этихъ частей съ составомъ агрегата укажетъ и составъ той части, которая насъ интересуеть. На мѣсто частей агрегата могутъ быть поставлены и стороннія величины, лишь бы онѣ логически были отождествлены съ частями агрегатовъ, тогда онѣ могутъ замѣщать собой агрегатъ.

Та же самая формула вывода примѣнима и въ случаѣ, когда агрегатъ состоитъ изъ порядка фактовъ или отношеній во времени. Общая формула, по которой получается выводъ, составляетъ основаніе такъ-называемаго метода различія, также и метода остатковъ. Когда дѣйствіе какъ агрегата условій, такъ и одной части этихъ условій дано фактически, тогда мы можемъ, сличая результатъ агрегата съ результатомъ одной изъ частей его, данной въ наблюденіи отдѣльно, рѣшить, видоизмѣнено ли дѣйствіе части въ агрегатѣ или осталось въ томъ видѣ, въ какомъ онъ происходитъ при отдѣльномъ существованіи части. Если сличеніе покажетъ, что частный порядокъ въ агрегатѣ остался неизмѣненнымъ, то остальные дѣйствія агрегата мы можемъ перенести на остальные условія, въ немъ соединенныя. Это и есть выводъ на основаніи метода различія. На практикѣ такой выводъ чрезвычайно труденъ, ибо чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ области чистой механики, тѣмъ болѣе дѣйствія, происходящія отъ агрегата условій, отличаются отъ дѣйствій, происходящихъ отъ этихъ условій, взятыхъ порознь. Очень обыкновенная ошибка нашихъ наблюденій состоитъ именно въ томъ, что на новыя явленія мы смотримъ, какъ на простое прибавленіе къ прежнимъ, а не какъ на замѣну ихъ.

Наконецъ, къ этой же категоріи положительныхъ выводовъ, слѣ-

дуетъ отнести въ-пятыхъ тотъ случай опредѣленія агрегата, когда мы не имѣемъ возможности выдѣлить изъ него того, что относится къ части насъ не интересующей; мы тогда поступаемъ какъ когда мы имѣемъ сужденіе о группѣ съ составнымъ опредѣленіемъ и не имѣемъ средствъ выдѣлить изъ этого опредѣленія предметы, не относящіеся къ занимающему насъ предмету; мы можемъ перенести на этотъ предметъ опредѣленіе въ его цѣломъ видѣ, въ качествѣ не точнаго опредѣленія. Опредѣленіе, перенесенное такимъ образомъ на предметъ, признанный частью агрегата, указываетъ на содержаніе среди, коего безспорно находится все содержаніе этого предмета, но въ которомъ оно не отдѣлено отъ содержанія къ нему не относящагося.

Отъ положительныхъ выводовъ перейдемъ теперь ко второму разряду, а именно къ отрицательнымъ и гипотетическимъ, основаннымъ на сличеніи предикатовъ.

Сличеніе предикатовъ можетъ имѣть въ выводѣ одну цѣль: чтобы при помощи дознаннаго субъекта одного изъ сужденій установить недознанный субъектъ другого. Но одно опредѣленіе можетъ быть предикатомъ очень различныхъ предметовъ, слѣдовательно, тождества предикатовъ недостаточно для заключенія относительно субъектовъ, поэтому простѣйшей формулой вывода должны быть заключенія отрицательныя; положительныя же (гипотетичныя) могутъ быть получены лишь при извѣстныхъ ограничительныхъ условіяхъ. Изъ двухъ возможныхъ формъ вывода, отрицательныхъ и гипотетичныхъ, обратимся сперва къ отрицательнымъ.

Простое отрицаніе тождества между двумя опредѣленіями не можетъ еще служить основаніемъ для мысли, что субъектъ одного изъ нихъ не можетъ быть субъектомъ другого, но ежели опредѣленія стоятъ въ строго логической противоположности другъ къ другу, то есть, ежели одно изъ нихъ будучи приписано предмету отрицало бы въ немъ именно то самое, что ставится въ немъ другимъ опредѣленіемъ,—то мы должны допустить, что предметъ перваго опредѣленія не можетъ быть предикатомъ, къ которому относится послѣднее опредѣленіе. Итакъ, простѣйшая форма заключеній черезъ сличеніе опредѣленій состоитъ въ заключеніи отъ строго логической противоположности двухъ опредѣленій къ мысли, что субъектъ одного изъ нихъ не можетъ быть субъектомъ другого.

Къ отрицательнымъ выводамъ относится, во-первыхъ, какъ извѣстно, вторая фигура силлогизма, смыслъ которой заключается въ выдѣленіи изъ извѣстной логической группы отдѣльнаго предмета или

другой группы; при чемъ безразлично имѣемъ ли мы дѣло съ категорическимъ или же гипотетическимъ сужденіями или же, наконецъ, съ раздѣлительнымъ; разница въ послѣднемъ случаѣ только та, что группа берется не съ однимъ, а съ нѣсколькими составными опредѣленіями, поэтому для выдѣленія необходимо знать о существованіи у предмета опредѣлений логически противоположныхъ каждому изъ предикатовъ, входящихъ въ составное опредѣленіе группы.

Если мы будемъ отрицать въ отдѣльномъ предметѣ содержаніе, которое приписали агрегату, то отсюда никакъ не будетъ слѣдовать, что предметъ не тождественъ съ частью агрегата, такъ какъ содержаніе, которое мы приписали агрегату, можетъ относиться къ другимъ частямъ агрегата, а не къ той, которая тождественна съ нашимъ предметомъ и въ такомъ случаѣ сужденіе объ агрегатѣ не будетъ касаться предмета и не будетъ стоять въ противорѣчій съ какимъ бы то ни было сужденіемъ о послѣднемъ. Такимъ образомъ отрицательный выводъ, повидимому, невозможенъ, когда содержаніе предмета характеризуется общими чертами, однако подобное заключеніе можно вывести, ежели въ предметѣ мы находимъ болѣе тождественныхъ составныхъ частей, чѣмъ сколько полагаемъ такихъ же въ агрегатѣ, тогда мы въ правѣ заключить, что въ предметѣ находится нѣчто, чего не дано въ содержаніи агрегата и, слѣдовательно, онъ не есть часть агрегата. Та же самая формула вывода, которая позволяетъ отождествить два предмета на основаніи тождественныхъ признаковъ, позволяетъ намъ и отрицать тождество предметовъ въ силу логичной противуположности признаковъ.

Сравнивая выводы положительные съ отрицательными легко замѣтить, что видовъ послѣднихъ гораздо меньше, чѣмъ первыхъ; чтобы объяснить этотъ пробѣлъ М. И. Каринскій показываетъ невозможность двухъ видовъ выводовъ, во-первыхъ, отрицательнаго по теоріи вѣроятности, во-вторыхъ, утвердительнаго при отрицательной формѣ вывода. Въ логикѣ установилось мнѣніе, что математическая вѣроятность не даетъ право на отрицательныя заключенія; но такъ какъ М. И. Каринскій показалъ, что выводы математической вѣроятности тождественны съ выводами отъ логической группы къ предмету, то ему приходится или призвать законность отрицательныхъ выводовъ по теоріи вѣроятности или же отрицать возможность всѣхъ вообще отрицательныхъ выводовъ изъ сужденія о группѣ съ составнымъ опредѣленіемъ. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что по теоріи вѣроятности отрицательные выводы невозможны, слѣдовательно нужно допустить, что невозможны

и вообще отрицательные выводы на основаніи противорѣчія опредѣленія предмета только нѣкоторымъ, а не всѣмъ сполна предикатамъ группы.

При выводѣ, основанномъ на противорѣчии другъ другу двухъ опредѣленій, получатся сужденія, которыя, если ихъ разсматривать отдѣльно отъ процесса вывода, могли бы быть толкуемы какъ утвердительныя сужденія, а именно когда одинъ изъ предметовъ (который долженъ занять мѣсто сказуемаго въ выводномъ сужденіи) будетъ характеризованъ отрицательно, тогда выводное сужденіе само собою превратится въ утвердительное. Вопросъ только въ томъ, нужно ли прибѣгать къ такой модификаціи (категорическаго и условнаго) вывода и найдетъ ли она примѣненіе въ нашемъ знаніи? На это приходится отвѣчать отрицательно, такъ какъ примѣры, которыя наиболѣе ясно доказываютъ возможность при помощи отрицательной формулы вывести утвердительное сужденіе находятъ себѣ совершенно параллельные случаи въ отрицательныхъ заключеніяхъ, совершающихся по той же формулѣ.

Обратимся теперь ко второй группѣ выводовъ, получаемыхъ благодаря сличенію предикатовъ, къ выводамъ гипотетическимъ. Положительные выводы, столь важныя для знанія, заставляютъ человѣка искать средствъ къ устраненію той неопредѣленности предиката. вслѣдствіе которой его тождества съ другимъ предикатомъ оказывается недостаточнымъ для утвердительнаго рѣшенія вопроса. Мы стараемся сдѣлать изъ предиката характеристическую черту предмета, съ которой неизбѣжно является субъектъ сужденія, но которая не входитъ необходимо въ понятіе предиката. Мысль должна соединять многія сужденія съ однимъ и тѣмъ же субъектомъ, и искать въ широкомъ опытѣ опоры. Такимъ путемъ процессъ непосредственно способный давать лишь отрицательные результаты, превращается въ процессъ положительный.

Однимъ опредѣленіемъ предметъ еще не выдѣляется изъ ряда всѣхъ другихъ; но чѣмъ большее количество предикатовъ мы ему будемъ приписывать, тѣмъ точнѣе мы ограничимъ и самый предметъ, наконецъ. мы можемъ дойти до такого соединенія опредѣленій, для котораго наличное знаніе будетъ въ состояніи подчинить только одинъ какой-либо предметъ. Признать, однако, безспорнымъ утвердительное рѣшеніе (что это-то и есть искомый предметъ), на одномъ только основаніи, что сочетаніе разнообразныхъ чертъ, соединенныхъ въ опредѣленіи, находится въ немъ—мы, конечно, не можемъ, но это

признаніе будетъ вполнѣ законною догадкою. Въ этомъ-то и состоитъ логическая сторона гипотезы; итакъ гипотеза есть форма вывода, состоящая въ перенесеніи субъекта изъ одного сужденія въ другое причеъ за переносимымъ субъектомъ признается не безусловное. а исключительное право занимать это мѣсто.

Простѣйшій случай образованія гипотезы тотъ, когда къ опредѣленію подыскивается конкретный предметъ, но (во-вторыхъ) часто случается, что описываемый нами предметъ интересуеъ насъ не какъ единичный, а какъ членъ группы, тогда сужденіе о группѣ то же можетъ сдѣлаться искомой точкой гипотезы; или же (въ-третьихъ) предметъ можетъ подыскиваться къ опредѣленію составленному изъ частей, въ такомъ случаѣ достаточно ежели въ опытѣ мы имѣемъ отдѣльныя сужденія о частныхъ субъектахъ, которымъ принадлежать части опредѣленія въ отдѣльности: мы иногда гипотетически переносимъ всѣ эти субъекты въ совокупности на интересующее насъ опредѣленіе,—такъ составляются гипотезы, объясняющія явленія изъ соединенія причинъ. Далѣе (въ-четвертыхъ) если опредѣленіе состава предметовъ представляетъ сумму логически тождественныхъ опредѣленій, тогда для насъ достаточно, чтобы въ опытѣ былъ данъ субъектъ одной его части; увеличивая этотъ субъектъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ соотвѣтственной степени и составъ его, данный въ опредѣленіи, мы гипотетически переносимъ на послѣднее увеличенный субъектъ. Таковы гипотезы геологическія, въ которыхъ мы можетъ идти или путемъ соединенія условій, логически тождественныхъ, въ агрегатъ, то-есть, предположить усиленное дѣйствіе причины, или же путемъ представленія преемственной череды условій, составляющихъ непрерывный рядъ во времени; первый путь впрочемъ построенъ на не вполнѣ достовѣрной посылкѣ, а именно, что усиленіе условія не влечетъ за собой качественного измѣненія слѣдствія, а лишь количественное. Далѣе (въ-пятыхъ) можетъ быть дано опредѣленіе, субъектъ котораго безспорно состоитъ изъ частей; одна часть его можетъ быть дана непосредственно или быть извѣстной, а другая неизвѣстною. Если данное опредѣленіе могло быть разсматриваемо какъ опредѣленіе состава, то намъ осталось бы выдѣлить изъ него то, что относится къ извѣстной части предмета, и на остатокъ смотрѣть какъ на особое опредѣленіе имѣющее свой субъектъ; послѣ этого предварительнаго дѣйствія случай оказался бы тождествененъ со всякимъ подысканіемъ субъекта къ предикату, однако раздѣленіе опредѣленія предмета далеко не всегда возможно. Къ этой модификаціи гипотезы

приходится прибѣгать, когда извѣстное дѣйствіе при извѣстныхъ условіяхъ, является въ измѣненномъ видѣ. Наконецъ, гипотетически мы переносимъ субъектъ изъ одного сужденія въ другое, когда онъ имѣетъ только большее сравнительно съ другими право считаться предметомъ этого опредѣленія. Для извѣстнаго коллективнаго опредѣленія мы не находимъ въ опытѣ предмета, къ которому оно могло бы быть приложено въ его цѣлости, но находимъ нѣсколько предметовъ, изъ которыхъ къ каждому прилагаются безспорно тѣ или другіе элементы, но для указанія сравнительной важности элементовъ опредѣленія врядъ ли могутъ быть установлены общія правила чисто логическаго характера. Есть, однако, преимущества количественнаго характера, то-есть, предметъ, имѣющій извѣстное опредѣленіе, можетъ чаще встрѣчаться въ опытѣ или въ органической сферѣ его, въ такомъ случаѣ самый предметъ получить для насъ преимущественное значеніе. Сюда относятся тѣ отрицательные выводы, въ которыхъ мы заключаемъ отъ существованія признака, рѣдко встрѣчающагося въ группѣ, къ мысли, что предметъ не относится къ этой группѣ.

Разъяснивъ строеніе гипотезы и виды ея, М. И. Каринскій задается вопросомъ объ условіяхъ, при которыхъ гипотетическій процессъ можетъ приблизиться къ точности выводовъ, дающихъ безспорныя заключенія. Самая надежная гипотеза та, въ которой субъектъ переносится на томъ основаніи, что онъ одинъ въ границахъ нашего опыта можетъ претендовать на извѣстное опредѣленіе. Дойти до этого можно путемъ усложненія опредѣленій. Усложняя опредѣленіе прибавкою къ нему независимыхъ отъ него чертъ, мы выдѣляемъ перенесенный на это опредѣленіе субъектъ не только изъ извѣстныхъ уже намъ предметовъ, но изъ возможныхъ подобныхъ предметовъ; однако никогда нельзя опредѣлить съ точностью того пункта, на которомъ этотъ процессъ выдѣленія достигнетъ своей цѣли въ отношеніи къ дѣйствительности,—вотъ почему научная теорія, дающая возможность отчетливо объяснить цѣлый кругъ явленій, можетъ все-таки оказаться нетвердой. У гипотетическаго процесса отпадетъ и тѣнь предположительности и неточности, если опредѣленія предмета, на основаніи которыхъ устанавливается его тожество съ другимъ, будетъ безспорно единичнымъ. Въ мірѣ внѣшнихъ явленій достигнуть этого трудно; есть, однако, признакъ, который можетъ принадлежать лишь одному предмету: это опредѣленіе мѣста въ связи съ опредѣленіемъ времени. Ограниченность мѣста и времени даетъ возможность

гипотетическому процессу совершиться строже и полнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть и точнаго результата.

Оправдавъ и разъяснивъ виды гипотезы, М. И. Каринскій дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній относительно обычнаго ученія о гипотезѣ, какъ предположеніи, долженствующемъ объяснить факты. Это опредѣленіе несомнѣнно слишкомъ ограничиваетъ сферу примѣненія гипотезы. Если говорить, что гипотеза находитъ себѣ оправданіе въ своемъ сравнительномъ съ другими предположеніями достоинствѣ, то сомнительно, чтобы имѣло много значенія предположеніе, которое подлѣ себя имѣетъ нѣсколько равноправныхъ. Гипотезой слѣдуетъ назвать лишь такое законное перенесеніе субъекта изъ одного сужденія въ другое, при которомъ вовсе нѣтъ другого субъекта, къ которому могло бы быть приурочено то же опредѣленіе. Если говорить, что оправданіе гипотезы состоитъ въ томъ, что слѣдствія, выведенныя изъ нея оправдываются на дѣлѣ, то это лишь описанія процесса, а не указаніе логическаго смысла его и не опредѣленіе его значенія въ качествѣ доказательства. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенно ученіе о гипотезѣ не относятъ къ ученію о выводахъ, но если разобрать тѣ доводы, на основаніи которыхъ дѣлается это выдѣленіе гипотезы, то всѣ они окажутся весьма слабыми. Особенно нелѣпо это въ тѣхъ системахъ логики, которые къ выводамъ относятъ все-таки неполную индукцію *per enumeratiōem simplicem* и аналогію—выводы, не дающіе вполнѣ точныхъ результатовъ, слѣдовательно съ этой стороны вполнѣ подобныхъ выводамъ гипотетическимъ.

Мы достаточно подробно, изложили содержаніе „Классификаціи выводовъ“ М. И. Каринскаго. Очень возможно, что отвлеченная передача содержанія этого труда способна лишь ослабить то впечатлѣніе, которое каждый испытываетъ при чтеніи его. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что нашъ пересказъ можетъ дать нѣкоторое понятіе какъ о богатствѣ содержанія, такъ и о выдающихся достоинствахъ этого сочиненія, — единственнаго вполнѣ оригинальнаго и глубокаго по логикѣ на русскомъ языкѣ. Не наше дѣло критиковать этотъ трудъ, мы только укажемъ на нѣкоторые выдающіяся его черты.

Задачу логики М. И. Каринскій видитъ въ теоріи доказательства, это, конечно, не ново; но никому не удавалось въ такой полнотѣ представить разнообразную картину выводовъ, при чемъ всѣ они обоснованы простѣйшимъ логическимъ закономъ тождества и такимъ образомъ показано родство всѣхъ выводовъ между собой. До Ка-

ринскаго выводы группировались на два противоположных класса, на дедуктивные и индуктивные, которые, казалось, не могут быть объединены. Это былъ крупнѣйшій недостатокъ логики, который можно легко понять исторически, то-есть, если припомнить, какъ индуктивные выводы постепенно выдѣлялись изъ дедукции, но въ результатѣ этого выдѣленія получились двѣ логики, два противоположныхъ метода, какъ будто бы человѣкъ обладаетъ двумя различными разумами. Изъ русскихъ сочиненій по логикѣ указаннымъ недостаткомъ страдаетъ напр., Логика Владиславлева. М. И. Каринскій показалъ какъ средство дедукции съ индукцией, такъ и ихъ различіе. Оба рода выводовъ основываются на одномъ и томъ же логическомъ законѣ тождества и представляютъ, такимъ образомъ, не принципиальное, а просто видовое различіе. Для индукцій нѣтъ необходимости искать основаніе, какъ это дѣлалъ Милль, внѣ чисто логическихъ актовъ, и такъ называемыя четыре метода индукции, а именно методъ остатковъ, различія, сходства и сопутствующихъ измѣненій не представляютъ вовсе специально индуктивныхъ заключеній, и легко могутъ быть помѣщены въ число выводовъ, дѣлаемыхъ на обще-логическихъ основаніяхъ. Самое же основаніе выводовъ, законъ тождества,—заключаетъ въ себѣ очевидность и не нуждается въ оправданіи передъ мыслию. Въ этомъ объединеніи всѣхъ выводовъ, обоснованіи ихъ однимъ общимъ принципомъ, выразилось вполне ясно философское дарованіе М. И. Каринскаго, состоящее въ умѣннн въ разнообразіи находить единство; но не менѣе слѣдуетъ удивляться аналитическому таланту, съ которымъ М. И. Каринскій различилъ, а различивъ и описалъ, разнообразные выводы. Нужно удивляться той отчетливости и глубинѣ мысли М. И. Каринскаго, съ которою онъ находитъ различіе въ выводахъ, обыкновенно относимыхъ къ одной и той же группѣ и, наоборотъ, находитъ сходство въ тѣхъ выводахъ, которые обыкновенно считаются вполне различными. Онъ подмѣтилъ выводъ въ такихъ простыхъ актахъ мысли, въ которыхъ съ перваго взгляда легко усмотрѣть лишь тождество; онъ подробно разобралъ цѣлый отдѣлъ выводовъ отъ частей къ агрегату и наоборотъ—выводовъ, возможность которыхъ Джевонсъ, родственникъ въ известномъ отношеніи М. И. Каринскому, отрицалъ; онъ далъ правильное толкованіе нѣкоторыхъ выводовъ, какъ на примѣръ заключеній на основаніи математической вѣроятности, которые въ дѣйствительности суть заключенія отъ группы съ сложнымъ опредѣленіемъ къ отдѣльному предмету; наконецъ онъ указалъ мѣсто гипотезы среди другихъ выводовъ. Все это состав-

ляеть такую громадную заслугу по отношенію къ логикѣ, что заставить даже придирчиваго критика вовсе умолчать о тѣхъ случаяхъ, гдѣ извѣстный выводъ могъ бы быть истолкованъ иначе, чѣмъ это дѣлаеть М. И. Каринскій. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что несмотря на отвлеченность изложенія въ частяхъ книги, особенно въ концѣ ея (при разборѣ напримѣръ отрицательныхъ выводовъ не мѣшало бы подобрать большее количество примѣровъ) всюду чувствуется живая мысль автора и полное отсутствіе схоластики и рутинности; авторъ нигдѣ не считаетъ мысль истинной только на основаніи того, что она общепринята, а всюду добирается до послѣднихъ логичныхъ основаній ея. Все это взятое вмѣстѣ дѣлаеть книгу М. И. Каринскаго такою, которою можетъ по справедливости гордиться русская философская, и въ специальности логическая литературы.

Сдѣлаемъ одно характерное замѣчаніе относящееся къ недавнему прошлому: книга Каринскаго, появившаяся въ 1880 г. вызвала только одинъ отзывъ (въ „Православномъ Обзорѣніи“), о ней не упоминалось даже въ нѣкоторыхъ специальныхъ логическихъ изслѣдованіяхъ, вышедшихъ послѣ 1880 года. Только за послѣднее время эта книга по немногу стала завоевывать себѣ то мѣсто, которое ей по праву принадлежитъ.

III.

Намъ осталось теперь разобрать лишь послѣднее сочиненіе М. И. Каринскаго „Объ истинахъ самоочевидныхъ“ С.-Пб. 1893 г., вызвавшее большее оживленіе въ русской философской литературѣ. Но ранѣе мы нѣсколько остановимся на статьѣ М. И. Каринскаго „Явленіе и дѣйствительность“, появившейся въ „Православномъ Обзорѣніи“ за 1878 годъ (апрѣль). Различеніе явленія отъ дѣйствительности—начало, первый шагъ философіи. Видимый внѣшній міръ не тождественъ съ воспріятіемъ его и коренной вопросъ гносеологіи именно и состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить это отношеніе воспріятого міра къ дѣйствительному. Термины, которыми обыкновенно обозначаются эти два элемента отношенія, „явленіе“ и „дѣйствительность“, далеко не просты; можно прослѣдить измѣненіе значенія этихъ терминовъ въ исторіи и необходимо строго опредѣлить ихъ значеніе. Цѣль „статьи“ М. И. Каринскаго именно и состоитъ въ точномъ опредѣленіи понятій „явленіе“ и „дѣйствительность“.

Современная мысль, отвергающая всякую метафизику, утверждаетъ,

что человѣкъ можетъ познавать только явленія. Конечно, внѣшнія вещи не могутъ войти въ наше сознаніе, поэтому воспріятыя предметы замѣняютъ намъ внѣшнее бытіе. Называя предметы нашего внѣшняго воспріятія явленіями, мы высказываемъ простую и вѣрную мысль, что они принимаются нашимъ непосредственнымъ сознаніемъ не за то, что они есть на самомъ дѣлѣ (то-есть, только замѣною бытія). тогда какъ сами по себѣ они отнюдь не составляютъ дѣйствительности. Но этотъ смыслъ слова „явленіе“ не приложимъ къ внутреннимъ состояніямъ человѣка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣкъ въ своихъ внутреннихъ состояніяхъ имѣетъ дѣло съ живою дѣйствительностью, то-есть, такую, которую онъ непосредственно переживаетъ. Но долженъ ли человѣкъ ограничиться признаніемъ только этой дѣйствительности? Чтобы найти внѣшнюю дѣйствительность, Декартъ вышелъ въ своемъ разсужденіи изъ высшаго принципа, идеи Бога, но ни Декартъ, ни позднѣйшая философія, слѣдовавшая за Декартомъ, не могли найти внѣшней дѣйствительности; тогда показалось самымъ благоразумнымъ отвергнуть существованіе самаго предмета, самую внѣшнюю дѣйствительность. Беркли и Фихте старшій пошли этимъ путемъ, который привелъ къ знаменитому опредѣленію матеріи, какъ возможности ощущенія, опредѣленію, въ которомъ Милль хотѣлъ согласить убѣжденіе въ законсообразности природы съ отрицаніемъ реальности такъ называемой неодушевленной природы. М. И. Каринскій полагаетъ, что существованіе дѣйствительности внѣшней, лежащей въ основаніи міра явленій, составляетъ такую же точную истину, какая только доступна наукѣ въ ея настоящемъ положеніи. Безъ предположенія предметовъ далекихъ отъ изслѣдователя, событій давно прошедшихъ, никогда не испытанныхъ, онъ никогда не объяснитъ предметовъ и событій, ему непосредственно данныхъ. Фактъ законсообразности бытія несоединимъ и съ теоріей Милля. Вѣрить въ законсообразность природы—значитъ вѣрить, что одинъ моментъ воспріятія чѣмъ нибудь отличается отъ другого, что будь то же самое въ одинъ моментъ, что и въ другой,—необходимо послѣдовало и то же воспріятіе. Этого неизбежнаго отличія не существуетъ и по теоріи Милля. Все различіе между разными моментами воспріятія съ его точки зрѣнія сводится къ одной мысли: при нѣкоторыхъ дополнительныхъ ощущеніяхъ мы могли бы воспріять рядъ предшествующихъ извѣстному воспріятію измѣненій и эти неодинаковыя возможности отличаютъ этотъ моментъ отъ другого. Но эти возможности въ милліонахъ случаяхъ остаются неосуществимыми, если онѣ не имѣютъ никакой опоры вовнѣ, и не осуществи-

лись въ насъ: онѣ совершенное ничто, чистое небытіе. Дѣйствительныя условія различныхъ воспріятій дѣлаются не сходными только для насъ, а одинаковыми сами въ себѣ, вполне и безусловно. Если тѣмъ не менѣе Милль находитъ возможнымъ говорить о законообразности ощущеній, то только потому, что ссылаясь на свои „постоянныя возможности ощущеній“, онъ невольно подразумѣваетъ подъ ними это-то дѣйствительное, способное видоизмѣнить существующія условія, жить и измѣняться, безъ всякаго отношенія къ чувствующему субъекту.

Только съ точки зрѣнія Юма защита внѣшней дѣйствительности теряетъ свое значеніе. Сомнѣніе въ законосообразности бытія отнимаетъ твердую почву у изслѣдователя внѣшней дѣйствительности, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ разрушаетъ всякое знаніе, какъ знаніе обыденной жизни такъ и точной науки.

Итакъ не явленія только, но и дѣйствительность, не дѣйствительность только внутренняя, непосредственно переживаемая нами, но и дѣйствительность, лежащая въ основаніи міра явленій, составляетъ такую точную истину, которая только доступна наукѣ въ ея настоящемъ положеніи.

На этой статьѣ мы остановились потому, что здѣсь мы встрѣчаемся съ положительными взглядами философіи, которыхъ авторъ держится и которые развиваетъ въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ.

Въ только что упомянутой статьѣ М. И. Каринскій касается лишь одного, хотя и весьма существеннаго вопроса философіи. Полнѣе его взгляды на гносеологию, въ которой онъ видитъ главную задачу философіи, можно будетъ извлечь изъ сочиненія, первый выпускъ коего появился и содержитъ въ себѣ критику философіи Канта („Объ истинахъ самоочевидныхъ“ С.-Пб. 1893. 8).

Теорія доказательствъ содержитъ въ себѣ двѣ задачи: во-первыхъ, классификацію выводовъ, которую мы уже разсмотрѣли, и во-вторыхъ, разсмотрѣніе истинъ, которыя нужно признать недоказуемыми и тѣмъ не менѣе достовѣрными. Право на достовѣрность этихъ истинъ (аксіомъ) понимается различно и прямо противоположнымъ образомъ въ двухъ различныхъ философскихъ школахъ, которыя занимаются этимъ вопросомъ, а именно въ рационализмѣ и въ эмпиризмѣ. Чтобы рѣшить вопросъ о самоочевидныхъ истинахъ, нужно подвергнуть критикѣ рѣшеніе рационалистовъ и эмпиристовъ. Первая задача, а именно критика главнаго рационалистическаго сочиненія, занятаго этимъ вопросомъ, „Критики чистаго разума“ Канта, и содержитсяъ въ рассматри-

ваемомъ нами трудѣ М. И. Каринскаго. Само собой разумѣется, что М. И. Каринскому нѣтъ надобности въ изложеніи содержанія „Критики чистаго разума“ или основныхъ ея идей, ибо онъ предполагаетъ знакомство съ ними; критика нашего философа направлена не на все сочиненіе Канта, а только на одну существенную его часть, а именно на положительное ученіе Канта о чувствахъ и разсудкѣ, ибо только здѣсь содержится ученіе Канта о самоочевидныхъ истинахъ; діалектику же или ученіе о разумѣ по Канту, М. И. Каринскій, какъ неотносящуюся къ намѣченной имъ задачѣ опускаетъ.

Изслѣдованіе М. И. Каринскаго можно раздѣлить на 4 неравныя по объему части ¹⁾: въ первой части авторъ даетъ краткій историческій обзоръ ученія объ аксіомахъ и критикуетъ исходное положеніе Канта (стр. 1 — 16), во второй ученіе Канта объ математическихъ аксіомахъ (стр. 17—44), въ третьей ученіе объ основоположеніяхъ разсудка (стр. 44 — 167), наконецъ въ четвертой (стр. 167 — 194), М. И. Каринскій критикуетъ конечные результаты ученія объ основоположеніяхъ Канта, то-есть, мысль о построеніи міра чистымъ самосознаніемъ. Разсмотримъ, по возможности кратко, всѣ четыре части.

Въ первой части М. И. Каринскій критикуетъ точку отправленія Канта, а именно ученіе, что аксіомы математики и основоположенія чистаго разума суть сужденія синтетическія и что эти истины не опираются на опытѣ. Въ такой постановкѣ дѣла заключается догматизмъ Канта. Кантъ, для оправданія своего мнѣнія, ссылается на всеобщность и необходимость указанныхъ сужденій; но эти признаки сами нуждаются въ обоснованіи, не составляя истины, не требующей доказательства. Этотъ догматизмъ Канту въ вину поставленъ быть не можетъ и вполнѣ понятенъ исторически. Декартъ первый въ новой философіи задался мыслью о безусловномъ критеріи истины. Онъ, такимъ образомъ, поставилъ задачу критической философіи, но рѣшилъ ее неудовлетворительно. Декартовскій критерій—ясность и отчетливость — самъ по себѣ не анализированъ, поэтому непонятенъ для самой мысли. Лейбницъ дѣлаетъ шагъ впередъ, желая въ самомъ содержаніи мысли усмотрѣть логическое оправданіе умозрительнаго знанія. Сужденія умозрительныя, и въ частности тѣ, которыя имѣютъ характеръ истинъ, не подлежащихъ спору (напримѣръ математическія), по Лейбницу должны быть разсматриваемы.

¹⁾ См. *Серебрянниковъ*. Новая книга о философіи Канта. *Вопросы Философіи* кн. 23.

какъ сужденія аналитическія, тождественныя. Но теорія Лейбница оставалась просто подысканной теоріей для оправданія принятаго на вѣру и ею необъясняемаго факта несомнѣнности умозрительныхъ сужденій и получала довѣріе не въ силу отчетливаго разъясненія съ ея помощью вліянія нѣкоторыхъ истинъ на мысль; критика Юма, показавшаго, что идея неизбѣжности, которую мы вкладываемъ въ понятіе причинности, не можетъ быть выведена ни изъ самихъ фактовъ, ни изъ понятія о нихъ, заставила Канта внимательнѣе всмотрѣться въ математическое знаніе, причѣмъ ему стало ясно, что математическія сужденія не имѣютъ чисто аналитическаго характера. Въ этомъ критическая заслуга Канта, но Кантъ не отрѣшился еще отъ вѣры въ безусловно всеобщій и необходимый характеръ аксіомъ, проистекающій изъ того, что онѣ имѣютъ своею основой природу самаго разсудка, и въ этомъ его догматизмъ, который долженъ былъ пасть подъ ударами критики, исходящей изъ эмпирической послѣ—кантовой философіи. Этимъ опредѣляется историческая роль Канта. Набросавъ общую историческую картину, М. И. Каринскій обращается къ подробному анализу Кантова рѣшенія вопроса объ аксіомахъ. Сужденіе М. И. Каринскаго въ общемъ неблагопріятно для Кантовой „Критики“¹⁾. Въ первой части своего анализа М. И. Каринскій разсматриваетъ ученіе Канта о математическомъ знаніи при чемъ не касается взгляда Канта на пространство и время. Изъ того, „что пространство и время суть чистыя то-есть возникающія изъ самой природы воспріимлющей способности созерцанія, слѣдуетъ непосредственно только то, что сужденія, въ которыхъ формулируются законы этихъ созерцаній, суть сужденія о законахъ созерцанія, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы самыя эти сужденія,—хотя они и сужденія о законахъ созерцанія, возникающаго изъ познающаго духа,—были непрѣнно умозрительными сужденіями“. Очевидно, что эти сужденія могли быть и опытнаго происхожденія. Кантъ находитъ, что эмпирическое созерцаніе не можетъ оправдать сужденій, въ которыхъ связь между понятіями мыслится какъ безусловно всеобщая и необходимая и что слѣдовательно созерцаніе, на которомъ покоится наша вѣра въ математическія истины, должно быть созерцаніемъ а priori. Однако созерцаніе даетъ всегда лишь конкретный образъ, частный случай, не могущій служить основаніемъ для всеобщаго и необходимаго сужденія; Кантъ

¹⁾ Отиѣтимъ еще авторитетный голосъ, направленный противъ Канта и новокантовской школы *Бретано*, „Die vier Phasen der Philosophie“. Stuttgart. 1895. 8°.

считаетъ возможнымъ избѣжать такого заключенія своимъ ученіемъ о конструкціи понятій: при частномъ созерцаніи смотрятъ лишь на дѣло конструкціи понятія и, такимъ образомъ, происходитъ абстракція отъ особенностей, не измѣняющихъ понятія, но для того чтобы найти въ частномъ образѣ относящееся къ конструкціи понятія, нужно уже имѣть ту аксіому, для открытія которой предназначается этотъ процессъ. Итакъ разъясненія возможности умозрительнаго математическаго знанія у Канта нѣтъ. Убѣжденіе Канта, что существованіе созерцанія а priori предполагаетъ возможность познанія а priori, стоитъ въ противорѣчій съ его ученіемъ о синтетичности математическихъ сужденій, благодаря которому отрицается всякая возможность изъ содержанія условій конструкціи дѣлать понятнымъ для себя и предугадывать слѣдствіе. Простая увѣренность въ происхожденіи нашихъ созерцаній пространства и времени а priori сама по себѣ не можетъ заключать въ себѣ ни малѣйшаго ручательства въ возможности умозрительнаго познанія законовъ этого созерцанія. Но еслибъ мы и приняли взглядъ Канта на пространство, какъ на созерцаніе а priori и убѣжденіе его въ аксіомахъ геометріи, какъ результатъ созерцательнаго усвоенія истинности ихъ изъ соответствующихъ геометрическихъ построеній, мы во всемъ этомъ не могли бы найти ровно ничего, что можно противопоставить предполагаемой неевклидовой геометріи, возможности пространствъ съ иными свойствами, чѣмъ тѣми, которыми обладаетъ наше пространство; безусловная всеобщность геометрическихъ положеній, которую должна была объяснить теорія Канта, оказывается простою фикціей. Итакъ, ясно, что на почвѣ тѣхъ разъясненій математическаго знанія, которыя даетъ трансцендентальная эстетика Канта, о безусловной всеобщности математическихъ аксіомъ говорить нельзя.

Переходя въ-третьей части къ анализу разсудочной дѣятельности, М. И. Каринскій отмѣчаетъ противорѣчіе, въ которомъ находится ученіе Канта о формахъ чувственности съ ученіемъ о разсудочной дѣятельности. Всякій синтезъ, по мнѣнію Канта, есть дѣло разсудка, слѣдовательно и законы пространства и времени должны быть результатами синтезирующей дѣятельности разсудка въ приложеніи ея къ формамъ созерцательности, но это противорѣчитъ ученію Канта о созерцаніи а priori, какъ послѣднемъ основаніи математическаго знанія. „Кто считаетъ невозможнымъ понять необходимость свойствъ пространства изъ синтезирующихъ формъ разсудка и предполагаемой неопредѣленной и обращенной вовнѣ созерцательности, для того эти свойства должны играть

роль роковыхъ, не объяснимыхъ далѣе, ограниченій созерцательной дѣятельности и соединеніе ихъ съ пространствомъ никакъ не можетъ быть знакомъ, вложеннымъ въ созерцаніе его же собственнымъ разсудкомъ“.

Ученіе о разсудкѣ состоитъ изъ разсмотрѣнія синтетическихъ основоположеній и лежащихъ въ основѣ ихъ категорій или необходимыхъ понятій объ объектѣ. Ученіе Канта о категоріяхъ неоднократно вызвало критическія замѣчанія и нѣкоторые изъ нихъ послужили исходной точкой для послѣ-Кантовской философіи. М. И. Каринскій своимъ замѣчаніямъ о категоріяхъ, въ которыхъ ему поневолѣ пришлось, хотя отчасти, повторить уже сказанное до него (напр.: о случайности таблицы категорій и о томъ что у Канта нѣтъ выведенія ихъ изъ разсудочной дѣятельности), сумѣлъ все-таки придать имъ совершенно своеобразный и новый характеръ; онъ подмѣтилъ то, что его предшественники по критикѣ упустили изъ виду.—Изъ простаго опредѣленія судящей способности, объединяющей представленія, нельзя вывести различныхъ видовъ ея функций; опора же въ традиціонной логикѣ, на которую указываетъ Кантъ, конечно, очень слабая; вѣдь онъ самъ критиковалъ нѣкоторые ученія этой логики. Въ ученіи о категоріяхъ Кантъ поступаетъ не какъ критическій философъ, а какъ догматикъ; въ этомъ легко убѣдиться, разсмотрѣвъ, на примѣръ, категорію отношенія: взаимодѣйствіе Кантъ выводитъ изъ дисъюнктивнаго сужденія, но это сближеніе очень неудачно, такъ какъ трудно придумать дисъюнктивное сужденіе, говорящее о взаимодѣйствіи между предметами; въ дѣйствительности Кантово дисъюнктивное сужденіе, дробящее понятіе на виды, не можетъ вовсе говорить о реальномъ взаимодѣйствіи. Изъ категорическаго и синтетическаго сужденія Кантъ вывелъ только категоріи субстанціальности и причинности, не упомянувъ объ отношеніяхъ сходства, объ опредѣленіяхъ въ пространствѣ и времени и т. д.,—всѣ отношенія не подходящія подѣ категоріи субстанціи и причинности; эти категоріи Канту пришлось или вовсе отрицать или же перетолковать въ смыслѣ согласномъ съ его построеніемъ; послѣднее и дѣлаетъ Кантъ, придавая категоріямъ одновременности и послѣдовательности лишь субъективное значеніе; объективное же значеніе онѣ приобрѣтаютъ лишь, когда обращаются въ сужденія причинности и взаимодѣйствія. Но это перетолкованіе есть отрицаніе безспорнаго факта. Историческія сужденія, на примѣръ, выражаютъ послѣдовательность событій, не имѣя иногда притязанія на установленіе причинной связи. Неудовлетворительность ученія о категоріяхъ

должна была отразиться и на основоположеніяхъ. Кантъ кратко разсматриваетъ основоположенія количества и качества и подробно останавливается на основоположеніяхъ отношенія. Основоположенія количества гласятъ, что всѣ созерцанія суть величины экстенсивныя. Экстенсивная величина есть то понятіе, въ которомъ синтезъ однородныхъ элементовъ созерцанія порождаетъ въ эмпирическомъ сознаніи представленіе объ опредѣленномъ пространствѣ и времени; но сужденіе о пространствѣ можетъ быть и не синтетическимъ; такъ какъ Кантъ при доказательствѣ основоположенія количества могъ выходить только изъ подчиненности всѣхъ явленій понятіямъ пространства и времени, то подчиненность ихъ экстенсивной величинѣ становится простымъ аналитическимъ слѣдствіемъ и нѣтъ мѣста для введенія синтетическаго сужденія, соединяющаго понятія о многообразіи чистаго созерцанія съ понятіемъ объ экстенсивной величинѣ. — Основоположеніе качества подчиняетъ явленія интенсивной величины, но достовѣрность этого основоположенія Кантомъ не доказана далѣе предѣловъ доказуемости опытомъ и не разъяснена возможность доказательства а priori для того, кто держался бы воззрѣній Канта на разсудокъ и на понятіе экстенсивной величины. Три правила всѣхъ отношеній явленій по времени должны предвѣщать опытъ и дѣлать его возможнымъ; эти правила—основоположенія субстанціальности, причинности и взаимодѣйствія. Въ основѣ Кантовыхъ доказательствъ основоположеній отношенія лежитъ вѣрная общая мысль, что созиданіе объективнаго порядка въ нашемъ сознаніи предполагаетъ активность и что эта активность неразрывно переплетается съ пассивной стороной, необходимой для установки объекта въ нашемъ сознаніи, но эта вѣрная мысль перетолкована Кантомъ частью вслѣдствіе несовершенства его психологическихъ воззрѣній, частью вслѣдствіе предвзятаго положенія, котораго онъ держится, а именно, что все воспринимается нами въ послѣдовательномъ порядкѣ, что въ самихъ явленіяхъ нѣтъ критерія для различія одновременности ихъ отъ послѣдовательности, а таковой находится исключительно въ нашемъ разсудкѣ.

При доказательствѣ основоположенія взаимодѣйствія Кантъ выходитъ изъ мысли, что вещи признаются вмѣстѣ существующими, когда воспріятія ихъ могутъ посмѣнно существовать въ сознаніи; только подъ условіемъ взаимодѣйствія между субстанціями фактъ посмѣннаго существованія ихъ въ воспріятіи даетъ возможность сознанію констатировать ихъ одновременное существованіе; но доказательство этого положенія заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе: не-

обходимо признать, что даже установка одной субстанции, содержащей въ себѣ возможность обособленнаго существованія, предполагаетъ уже примѣненіе основоположенія взаимодѣйствія. Кантово доказательство основоположенія взаимодѣйствія могло бы оперѣться только на мысль о необходимости взаимодѣйствія для сознанія одновременности существованія такихъ субстанцій, которыя заразъ восприняты быть не могутъ, но для выясненія этого предположенія нужно предварительно разсмотрѣть положеніе причинности. По ученію Канта всеобщее значеніе закона причинности обезпечивается тѣмъ, что сознаніе необходимой связи извѣстнаго явленія съ другимъ, ему предшествующимъ, составляетъ единственное условіе самой постановки его въ качествѣ событія. Но какъ сознаніе должно смотрѣть на предшествующее явленіе? Такъ какъ доказательствомъ предполагается, что ни одна объективная перемѣна не можетъ быть сознаніемъ установлена иначе какъ черезъ установку необходимой связи ея съ перемѣной, ей предшествующей, то потребуется предварительная установка этой послѣдней, а для установки ея—установка предшествующей ей и т. д. Такъ что окажется, что ни одно событіе не можетъ быть установлено безъ безконечнаго ряда событій, то-есть, ни одно событіе не можетъ быть объективнымъ для сознанія. Но установка объективной перемѣны дѣлается нами независимо отъ понятія причинности и Кантъ долженъ это признать, какъ въ томъ случаѣ, если онъ считаетъ, что въ воспріятіяхъ дана внѣшняя дѣйствительность, такъ и въ томъ, если дать его ученію толкованіе въ смыслѣ субъективизма. Для нашего сознанія, различающаго субъективныя отъ объективныхъ перемѣнъ, существуютъ особыя условія, признаки, при которыхъ воспріятое въ послѣдовательномъ порядкѣ тѣмъ не менѣе считается нами бытіемъ одновременно существующимъ. Этотъ признакъ не есть необходимая связь перемѣны съ другой перемѣной, непосредственно ей предшествующей въ нашемъ воспріятіи, онъ и не указываетъ сознанію на такую предшествующую перемѣну, ибо встрѣчается тамъ, гдѣ ея нѣтъ, наконецъ, онъ и не принимается сознаніемъ за указаніе на перемѣну, такъ какъ сознаніе, руководствуясь имъ, безъ всякаго колебанія признаетъ объективность только тамъ, гдѣ перемѣна, предшествующая событію, въ воспріятіи не имѣетъ необходимой связи съ событіемъ, слѣдовательно толкованіе Канта фактически не вѣрно.

Возвратимся къ основоположенію взаимодѣйствія; оно необходимо, думаетъ Кантъ, для установки объективной одновременности, поэтому

Канту приходится убѣждать читателя въ томъ, что фактическій процессъ, который Кантомъ признается за единственное фактическое условіе постановки одновременности, не можетъ безъ синтетическаго понятія возбуждать представленіе объ одновременности; между тѣмъ это совершенно произвольное и ошибочное предположеніе. Не очень трудно указать тѣ условія, при которыхъ человѣкъ считаетъ явленія одновременными, вовсе не прибѣгая къ понятію взаимодѣйствія. Да и Кантъ при своемъ доказательствѣ основоположенія взаимодѣйствія, говоритъ о воспріятіи вещей и смѣны ихъ, при чемъ открыто допускаетъ возможность установки бытія субстанцій и независимо отъ утвержденія взаимодѣйствія ихъ. Ученіе Канта объ условіяхъ объективности смѣны и одновременности предметовъ не разъясняетъ дѣйствительныхъ фактовъ сознанія. Всюду смѣшивается вопросъ о фактическихъ условіяхъ постановки смѣны и одновременности въ развитомъ сознаніи съ вопросомъ о послѣднихъ основаніяхъ, къ которымъ должны свестись эти условія, представляющія на дѣлѣ лишь косвенные, а иногда и отдаленные, признаки этихъ основаній; отсюда ни точнаго разъясненія этихъ условій, ни правильной мотивировки предполагаемыхъ основаній Кантъ дать не можетъ.

Третье основоположеніе, а именно субстанціальности, гласитъ, что при всякой смѣнѣ явленій, субстанція сохраняетъ свое бытіе и количество ея въ природѣ не можетъ ни уменьшаться, ни увеличиваться. Кантово доказательство основоположенія субстанціальности не можетъ быть состоятельно потому, что оно неизмѣняемость субстанціи выводитъ изъ необходимости для сознанія замѣны времени въ воспріятіи и слѣдовательно, оно должно воспріятіе всѣхъ отношеній во времени выяснять на субстанціи, а это невозможно, такъ какъ сама субстанція есть явленіе во времени и для возникновенія своего въ сознаніи нуждается въ томъ представленіи о времени, котораго сама должна быть единственной основой. Доказательство Канта сверхъ того несостоятельно потому, что, требуя воспріятію на субстанціи не только смѣны, но и сосуществованія, должно приписывать субстанціи не только неизмѣняемость, но и отсутствіе сосуществующихъ частей на томъ же основаніи, на которомъ приписываетъ ей неизмѣняемость.

Въ послѣдней части (167—196) своей работы М. И. Каринскій разсматриваетъ основной вопросъ философіи Канта, а именно ученіе о томъ, что сознаніе должно творить объектъ по своимъ понятіямъ: объектомъ сознанія можетъ быть только то, что отвѣчаетъ этимъ понятіямъ; для сознанія построеніе объекта не есть процессъ постиженія внѣш-

ней дѣйствительности, а построение изъ своихъ состояній внѣшней дѣйствительности въ силу не способныхъ логически быть оправданными синтетическихъ предложеній о бытіи. Это коренная ошибка Канта; онъ превращаетъ обнаружившееся безсиліе знанія постичь объективный міръ въ безусловную невозможность познанія, на что Кантъ не имѣетъ права. Несомнѣнно, что въ нашихъ ощущеніяхъ находится все содержаніе внѣшнихъ предметовъ. Эта мысль старая, принадлежащая еще досократовскому періоду философіи, но изъ этой мысли ровно ничего вывести нельзя. Во всякомъ случаѣ непосредственное сознаніе, констатируя зависимость своихъ ощущеній отъ внѣшней дѣйствительности, не имѣетъ ничего иного для характеристики этой дѣйствительности, кромѣ самихъ ощущеній; и если самоощущеніе во всей своей жизненности состоянія, непосредственно переживаемаго, должно войти въ составъ характеристики, то бытіе не можетъ не превратиться въ живую, стоящую передъ сознаніемъ дѣйствительность. Мы могли бы требовать отъ сознанія лишь того, чтобы, оставляя ощущеніе въ качествѣ состоянія переживаемаго сознаніемъ, оно утверждало-бы еще мысль о существованіи чего-то внѣ сознанія, какъ условія различія ощущеній. Это значило-бы, что мы требуемъ отъ сознанія, чтобы оно было не созерцаніемъ, а рефлективною мыслию, простымъ сужденіемъ. Во всякомъ случаѣ, созерцательность сознанія и есть причина, почему сознаніе чувствуетъ себя живущимъ и дѣйствующимъ среди дѣйствительнаго бытія, а не только среди собственныхъ представленій.

Для оправданія синтетическихъ основоположеній, недостаточно признать категоріи за условія постановки объекта въ нашемъ сознаніи, необходимо еще найти средство, обеспечивающее господство ихъ надъ матеріаломъ знанія. Кантъ говоритъ, что подчиненность созерцанія общимъ условіямъ постановки объекта есть неизбѣжный результатъ чистаго самосознанія, лежащаго въ основѣ всѣхъ актовъ эмпирическаго сознанія. Тождество апперцепціи чистаго сознанія, даннаго въ созерцаніи многообразнаго содержитъ въ себѣ синтезъ представленій и возможенъ только чрезъ сознаніе этого синтеза. Этотъ синтезъ и даетъ объективность представленіямъ. Кантъ дѣлаетъ чистое самосознаніе такою активностью, которая не только выдѣляетъ изъ независимаго отъ него теченія представленій то, что соотвѣтствуетъ необходимому для него синтезу, но и самодѣтельно производитъ этотъ синтезъ.

Еслибъ Кантъ внимательно всмотрѣлся въ это ученіе объ активности самосознанія, онъ, можетъ быть, и поборолъ бы сенсуализмъ,

но онъ ищетъ въ самосознаніи только оправданія господства категорій надъ матерьяломъ чувственнаго знанія и слишкомъ многое приписываетъ активности самосознанія, упустивъ изъ виду, что синтезъ, описываемый философомъ, не даетъ никакого опредѣленнаго порядка и законосообразности. Законъ причинности, напримѣръ, требуетъ чтобы каждому событію предшествовало другое, по опредѣленному правилу, но этимъ не предрѣшается, какое же именно другое событіе должно оказаться правильно ему предшествующимъ. Безъ знакомства съ теченіемъ явленій нельзя вывести законовъ причинной связи, слѣдовательно эти законы не могутъ быть результатомъ простаго примѣненія основоположенія къ явленіямъ. Тождественное самосознаніе должно имѣть внѣшній поводъ для направленія своей конструирующей дѣятельности. Простая идея законосообразности, какъ понимаетъ ее Кантъ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній на то, какое явленіе съ какимъ должно быть соединено, а безъ этого никакой законъ невозможенъ. Итакъ законосообразность міра не есть созданіе одного самосознанія.

Кантъ считаетъ тождество самосознанія условіемъ всякаго знанія, но въ тоже время онъ считаетъ, что тождество сознанія требуетъ синтеза явленій по категоріямъ, то-есть, что этотъ синтезъ является его условіемъ. Кантъ хочетъ соединить двѣ вещи: утверждая, что тождество апперцепціи необходимо содержать синтезъ представленій, соотвѣтствующій категоріямъ, онъ думаетъ черезъ то матеріалъ знанія роковымъ образомъ подчинить категоріямъ, но онъ хочетъ въ тоже время не противорѣчить факту, что не связанные одинъ съ другимъ категоріями отношенія акты созерцанія остаются тѣмъ не менѣе принадлежащими одному и тому же сознанію, способными становиться въ соотношеніе другъ съ другомъ, подвергаться научному изслѣдованію. Къ сожалѣнію это не соединимо: нельзя требовать неизбѣжной подчиненности категоріямъ доступнаго знанія матерьяла во имя необходимой связи этого синтеза съ тождествомъ сознанія и въ тоже время допускать въ тождественномъ сознаніи не связанные этимъ синтезомъ созерцанія.

Итакъ, можно сдѣлать общее заключеніе, что догматически принятая основоположенія разсудка, не получаютъ оправданія въ критическомъ изслѣдованіи Канта; они повлекли за собой предположеніе о синтезѣ самознанія, творящемъ объектъ знанія; но это предположеніе не можетъ быть доказано и влечетъ за собой цѣлый рядъ другихъ недоказываемыхъ предположеній. Догматизмомъ пропитано

все ученіе о самоочевидныхъ истинахъ въ „Критикѣ чистаго разума“. Оно осуждено окончательно и имѣетъ нынѣ только историческое значеніе.

Таково содержаніе труда М. И. Каринскаго. Хотя задача М. И. Каринскаго была по преимуществу критическая, но уже и по этому первому выпуску можно догадываться о нѣкоторыхъ положеніяхъ, которыя войдутъ въ составъ его положительнаго ученія, и которыя имъ намѣчены уже въ статьѣ „Явленія и дѣйствительность“.

„Критика чистаго разума“, неоднократно, подвергалась тщательному разсмотрѣнію; можно сказать, что нѣмецкая философія XIX вѣка представляетъ собой попытки пополненія пробѣловъ, исправленія недочетовъ, примиренія съ другими точками зрѣнія и т. д. дѣлаемыхъ на основаніи руководящихъ идей самой „Критики чистаго разума“. Я не думаю, чтобы теперь нашлся философъ, который сталъ бы защищать „Критику чистаго разума“ во всемъ ея составѣ, во всѣхъ ея подробностяхъ; но въ то же время никто не скажетъ, чтобы это сочиненіе было вполне безплоднымъ ¹⁾. На Канта и его сочиненіе слѣдуетъ смотрѣть, какъ на важный историческій моментъ въ развитіи ученія объ основахъ человѣческаго знанія. Онъ создалъ критическую философію и поборолъ догматизмъ, таково обычное представленіе; конечно, критицизмъ какъ терминъ обозначаетъ собой философское направленіе Канта, но по существу дѣла критицизмъ, какъ направленіе мысли, существовалъ до Канта и имъ возведенъ только на болѣе высокую ступень; благодаря новымъ фактамъ, болѣе точному психологическому анализу и въ сочиненіи Канта можно найти догматическіе элементы; это нисколько не умаляетъ заслугъ Канта, достоинства сочиненія котораго М. И. Каринскій очень ясно указываетъ: подробнымъ, разсматривающимъ доводы въ ихъ послѣднихъ основаніяхъ, анализомъ М. И. Каринскій хочетъ показать, почему рационализму въ той формѣ, въ которой онъ былъ выставленъ Кантомъ, не удалось поборотъ сенсуализма. Отмѣтивъ положенія, которыя не могутъ быть нынѣ защищаемы вслѣдствіе новыхъ фактовъ и новыхъ толкованій ихъ, М. И. Каринскій останавливается на тѣхъ внутреннихъ противорѣчійхъ, которыя замѣчаются въ построеніи „Критики чистаго разума“. Детальное разсмотрѣніе отдѣльныхъ положеній Канта приводитъ М. И. Каринскаго къ заключенію объ ошибочности точки отпращиванія Канта, то-есть, его ученія о творческомъ самосознаніи.

¹⁾ Отзывъ проф. Снегирева въ его Психологіи слѣдуетъ считать пристрастнымъ и необоснованнымъ.

Сочиненіе г. Каринскаго вызвало два сочувственныхъ отзыва, помѣщенныхъ въ „Вопросахъ философіи“, а именно проф. Алексѣй Введенскій и проф. В. Серебренниковъ указали на выдающіяся достоинства сочиненія о „Самоочевидныхъ истинахъ“,—достоинства, которыя легко было замѣтить и въ предшествовавшихъ трудахъ М. И. Каринскаго: рѣдкую добросовѣстность изслѣдованій, серьезность мысли, умѣніе проникнуть въ чужую мысль и т. д. Въ томъ же журналѣ былъ помѣщенъ отзывъ проф. Александра Ив. Введенскаго¹⁾, отрицающій всякое значеніе труда М. И. Каринскаго. Мысль г. Введенскаго состоитъ въ слѣдующемъ: М. И. Каринскій приписалъ Канту такое ученіе о времени, котораго въ дѣйствительности у Канта нѣтъ, и опроверженіе М. И. Каринскаго направлено именно противъ этого воображаемаго ученія. Ученіе же о времени составляетъ самый существенный пунктъ Кантовой „Критики чистаго разума“. Не понявъ его, М. И. Каринскій не могъ понять и остальнаго, то-есть, его критика направлена противъ несуществующаго Канта. Кантъ училъ, что времени нѣтъ ни внѣ насъ, ни внутри насъ, есть только представленіе о времени; М. И. Каринскій же думаетъ, что по мнѣнію Канта, наши душевныя явленія — (представленія, воспріятія) подвергаются внутри насъ дѣйствительной смѣнѣ, а не представляющейся смѣнѣ. Отсюда г. Введенскій заключаетъ, что вся книга о „Самоочевидныхъ истинахъ“ должна быть написана заново. Г. Введенскій повторилъ и обосновалъ и во второй своей статьѣ („Ученіе Канта о смѣнѣ душевныхъ явленій“—„Вопросы Психологіи“, № 29) мысль, что Кантъ училъ о существованіи въ самихъ насъ времени только какъ представленія и только представляющейся смѣны представленій, а не дѣйствительной. Кантъ, приписывая времени эмпирическую реальность и трансцендентальную идеальность не дѣлалъ исключенія, относительно душевныхъ явленій; они только, какъ явленія, находятся во времени.

Критика г. Введенскаго врядъ-ли попадаетъ въ цѣль, такъ какъ М. И. Каринскій различаетъ смѣну образовъ отъ времени и приписываетъ Канту ученіе о дѣйствительной смѣнѣ образовъ и ученіе о времени, какъ о простомъ представленіи; кажущейся же смѣны представленій Кантъ, конечно, не отрицалъ и эта хотя бы даже прозрачная смѣна все жъ нуждается въ объясненіи, котораго, въ общей формулѣ объ эмпирическомъ значеніи времени нѣтъ. Легко, конечно, сказать, что нѣтъ ни времени, ни смѣны душевныхъ явленій, что все

¹⁾ О Кантѣ дѣйствительномъ и Кантѣ воображаемомъ, *Воп. Психологіи*, № 25.

это только кажется. Можно-ли однако согласовать этотъ феноменологизмъ съ другими положеніями Кантовой философіи? Здѣсь объ этомъ не мѣсто говорить, объ одномъ, однако, слѣдуетъ упомянуть, а именно, что большая часть содержанія книги М. И. Каринскаго не зависитъ отъ толкованія ученія Канта о времени, ибо центральный пунктъ „Критики чистаго разума“ — ученіе о синтетическомъ единствѣ сознанія, а не ученіе о времени.

Мы желаемъ автору довести свой трудъ до конца, то-есть представить критику сенсуализма и изложеніе своего положительнаго ученія и увѣрены, что трудъ послужитъ, какъ и предшествовавшіе, на украшеніе русской философской литературы.

Разсматривая труды М. И. Каринскаго, легко замѣтить постепенный ростъ и углубленіе мысли автора. Начавъ съ незначительныхъ по объему историческихъ очерковъ, онъ постепенно перешелъ къ разсмотрѣнію сначала логическихъ вопросовъ и, наконецъ, къ самымъ серьезнымъ гносеологическимъ вопросамъ. Во всѣхъ своихъ работахъ онъ выказалъ одинаковую добросовѣстность, аналитическую способность и самостоятельность, и ежели до нынѣ можно было утверждать, что хотя на русскихъ философахъ и отразились самыя разнообразныя направленія западно-европейской мысли, но русской философіи нѣтъ, то теперь это уже болѣе невѣрно: вкладъ М. И. Каринскаго въ развитіе человѣческой мысли настолько значителенъ, что его имя будетъ упоминаться на ряду съ крупнѣйшими мыслителями, занимавшимися логикой и гносеологіей.

Э. Радловъ.

ГУБНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ¹⁾.

III.

Вѣдомство губныхъ органовъ.

а) *Вѣдомство губныхъ старостъ.* По вопросу о вѣдомствѣ губныхъ старостъ въ нашей исторической литературѣ существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія. Ученые говорятъ неодинаково какъ о самомъ характерѣ власти губныхъ старостъ, такъ и о ея предѣлахъ.

По мнѣнію Градовскаго, въ вѣдомствѣ губныхъ старостъ нужно различать два періода. Въ XVI вѣкѣ губнымъ старостамъ предоставлена была полицейская и судебная власть по дѣламъ о татѣбѣ, разбоѣ и душегубствѣ, то-есть въ это время старосты были органами судебно-полицейскими. При этомъ, говоритъ Градовскій, „власть ихъ по татиннымъ и убійственнымъ дѣламъ была въ XVI вѣкѣ весьма обширна. На нихъ перешло право, нѣкогда предоставленное общинамъ, казнить разбойниковъ безъ пощады, съ увѣреніемъ, что за это на нихъ опалы не будетъ. Въ это время губные старосты должны были и охранять общество отъ разбойниковъ и судить ихъ“. Въ XVII вѣкѣ, когда въ должности губныхъ старостъ усиливается приказный элементъ въ ущербъ земскому, „они превращаются въ органовъ преимущественно полицейскихъ съ слабой степенью судебной власти“. Доказательства этому заключаются въ слѣдующемъ. „Право жизни и смерти надъ татями и разбойниками было нѣсколько ограничено

¹⁾ *Окончаніе.* См. октябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

въ рукахъ губныхъ старость въ XVII вѣкѣ относительно лицъ, попавшихся въ первой татьбѣ. Такихъ лицъ били кнутомъ и, урѣзавъ имъ лѣвое ухо, садили въ тюрьму на два года, по истеченіи которыхъ преступникъ ссылался въ украинскіе города, „куда государь укажетъ“. Точно такъ-же поступали съ ними и въ томъ случаѣ, если они вновь попадались въ воровствѣ, но и въ другой разъ учинили одну только татьбу. Виновныхъ вновь били кнутомъ, урѣзывали правое ухо, садили въ тюрьму на 4 года, послѣ чего также отсылали въ украинскіе города. Но если человѣкъ обличался въ нѣсколькихъ кражахъ разомъ, виновнаго казнили смертію. Смертная же казнь грозила вору, совершившему на первой кражѣ убійство, и церковному татю. Подобная система примѣнялась и къ разбойнымъ дѣламъ“. Другимъ доказательствомъ той мысли, что въ XVII вѣкѣ губные старосты были по преимуществу полицейскими органами, по мнѣнію Градовскаго, служатъ указанія нѣкоторыхъ памятниковъ, изъ которыхъ видно, что губные старосты производили лишь слѣдствія, а судъ на основаніи этого слѣдствія творился въ Москвѣ. Это, впрочемъ, было, по замѣчанію самого-же Градовскаго, лишь до повсемѣстнаго введенія сыщиковъ въ 1669 году. „Староста (по этимъ памятникамъ), вслѣдствіе доноса, или „язычной молки“, или „лихованнаго обыска“, забиралъ обвиняемыхъ и ихъ имущество, подвергалъ ихъ пыткѣ, приказывалъ записывать ихъ пыточные рѣчи и сажалъ въ тюрьму. Протоколъ „пыточныхъ рѣчей“ и списокъ отобранныхъ вещей и вещественныхъ доказательствъ преступленія посылались въ Москву, а оговоренные люди и вещи хранились въ городѣ до государева указа. Государевъ указъ заключалъ въ себѣ приговоръ, послѣ котораго староста и могъ только распорядиться съ преступникомъ. Безъ государева указа изъ Разбойнаго приказа не могли казнить, а тѣмъ болѣе отпустить обвиняемаго“. „Кромѣ пыточныхъ рѣчей и слѣдствія Разбойный приказъ иногда требовалъ въ Москву и самихъ оговоренныхъ людей. Вслѣдствіи вышло общее распоряженіе—присылать въ Москву только дѣло, а не колодниковъ, которыхъ предписано было держать въ городахъ въ тюрьмѣ до указа“ (Исторія мѣстнаго управленія, стр. 342—344). Такимъ образомъ по мнѣнію Градовскаго, губные старосты обладали лишь въ XVI столѣтіи и судебной и полицейской властью; въ XVII вѣкѣ они обращаются въ органовъ по преимуществу полицейскихъ.

Совершенно противоположнаго взгляда держится Дмитріевъ. Онъ также различаетъ въ исторіи вѣдомства губныхъ старость два пе-

ріода, совпадающіє съ періодами исторіи губнаго округа. Когда, говоритъ онъ, губа была менѣе уѣзда, губные старосты имѣли назначеніе по преимуществу полицейское; тогда только разбойныя дѣла подлежали ихъ власти. Но съ того момента, какъ губа состоитъ изъ цѣлаго уѣзда, расширяется и ихъ вѣдомство по дѣламъ уголовнымъ. „Въ первомъ періодѣ, сколько можно замѣтить изъ первыхъ губныхъ грамотъ, казнь пойманныхъ разбойниковъ совершалась безъ суда, а потому и безъ доклада. Въ Москву сообщались лишь списки взятаго у разбойниковъ и розданнаго истцамъ имущества. Право судить безъ доклада принадлежало губнымъ старостамъ и въ то время, когда они были уже съ чисто судебнымъ характеромъ; но кажется, что въ иныхъ городахъ докладъ требовался“ (Исторія судебныхъ инстанцій, 54—55).

Если мы обратимся къ памятникамъ, то увидимъ, что губные старосты не только въ XVI вѣкѣ, но и въ XVII, при общинной и всеуѣздной организаціи губныхъ учреждений, были органами какъ полицейскими, такъ и судебными по преимуществу. Съ самаго момента возникновенія губныхъ учреждений и вплоть до ихъ уничтоженія, губные старосты и обыскиваютъ лихихъ людей, и творятъ надъ ними судъ и расправу. Вводя губныя учрежденія, правительство московское не имѣло въ виду истребленія безъ суда всѣхъ, обливованныхъ въ обыскѣ; оно требовало и отъ общины, и отъ выбранныхъ ею органовъ безпристрастнаго отношенія къ преступникамъ и строгаго изслѣдованія истины. „А по недружбѣ, въ земскомъ дѣлѣ, или въ брани какой ни буди, межъ себя не мстили-бы никто никому, говоритъ оно, по нашему крестному цѣлованію, и неповинно бѣ естя не имали и не казнили никакова челоувѣка, того бы есте межъ себя обыскивали накрѣпко, по нашему крестному цѣлованію, въ правду безъ хитрости“¹⁾.

Поэтому правительство и требовало отъ губныхъ старостъ не только поимки и казни разбойниковъ, но и суда надъ ними, то-есть, изслѣдованія ихъ виновности: старосты должны „лихихъ людей разбойниковъ обыскивати... и имати, и доведчи на нихъ (то-есть, удостоивѣрившись въ ихъ преступности) и пытати накрѣпко и, допытався у нихъ, что они разбиваютъ“, „тѣхъ разбойниковъ, бивъ кнудомъ, казнити смертью“²⁾.

Судебно-полицейскій (по преимуществу) характеръ власти губ-

¹⁾ *Будановъ*, Хрестоматія, II, стр. 113—114.

²⁾ А. А. Э., I, 187; то же, А. А. Э., II, 194, 281, 330, 244; Доп. къ 31., II. А.

ныхъ старость сохраняется и въ дальнѣйшій періодъ существованія губныхъ учреждений. Уставная книга Разбойнаго приказа (въ первой и во второй редакціи), XXI глава Уложения и Новоуказныя статьи представляютъ собою не что иное, какъ уставъ уголовного судопроизводства, то-есть, тѣ формы процесса, какими должны были руководствоваться губные старосты при разслѣдованіи вопросовъ о виновности подсудимыхъ. При этомъ, мы замѣчаемъ, что губнымъ старостамъ и въ этотъ періодъ принадлежала plena potestas въ уголовной юстиціи. По всѣмъ дѣламъ они постановляли окончательные приговоры; докладъ не былъ ихъ обязанностью, а лишь факультативнымъ правомъ, которымъ они могли пользоваться по своему усмотрѣнію въ случаѣ неясности закона ¹⁾.

Тѣ ограниченія этой власти, которыя выставляются Градовскимъ, не представляютъ въ сущности никакихъ ограниченій. Если первоначально разбойныя и татинныя дѣла во всѣхъ случаяхъ наказывались смертною казнью, а впослѣдствіи только въ нѣкоторыхъ, то это говорить лишь о смягченіи наказанія, а не объ ограниченіи судебной власти губныхъ старость. И въ первомъ, и во второмъ случаѣ они постановляютъ свой приговоръ на основаніи закона, безъ доклада въ высшую инстанцію.

Изъ XVII столѣтія дошло до насъ нѣсколько дѣлъ, по которымъ губные старосты производили лишь слѣдствіе, а приговоръ постановлялся въ Москвѣ. На основаніи этихъ нѣсколькихъ дѣлъ Градовскій и стараяся установить то общее положеніе, что губные старосты въ XVII вѣкѣ до 1669 года были преимущественно полицейскими органами. Но отдѣльные факты, вызванные, быть можетъ, совершенно случайнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, не могутъ свидѣтельствовать противъ общихъ положеній. А по общему закону, какъ мы видѣли, губнымъ старостамъ не только послѣ 1669 года, но и до этого времени принадлежала судебная власть. Отдѣльные случаи, когда губные старосты лишь производили слѣдствіе, а приговоръ постановлялся въ Москвѣ, нимало не доказываютъ, чтобы такой порядокъ былъ общимъ для всего Московскаго государства. Это обстоятельство могло быть вызвано злоупотребленіями мѣстныхъ губныхъ старость, что признаетъ и Градовскій (*ibid.*, стр. 343 — 344), а также неопредѣленностью вѣдомства Разбойнаго приказа, который наравнѣ съ об-

¹⁾ А. А. Э., I, 224; У. К. Р. Пр. Ст., 10--14, 24, 25 и др. Ул. XXI, 9, 10, 11, 12, 13 и др.; Нов. Ст. 8—12 и др.

ластными учреждениями былъ первою инстанціей съ обще-государственной подсудностью ¹⁾).

Тѣ же памятники, которые говорятъ о судебной власти губныхъ старостъ въ XVII вѣкѣ, постоянно имѣютъ въ виду и полицейскія ихъ функціи. Такъ, напримѣръ, въ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа (ст. 42) второй редакціи предписывается: „губнымъ старостамъ обыскивати про татей и разбойниковъ про всѣ годы и того беречь накрѣпко, чтобы однолично татей и разбойниковъ ни въ которой губѣ становъ и прїѣздовъ не было“. Это же самое постановленіе буквально повторяется и въ Уложеніи (XXI, 5) и затѣмъ (въ Новоуказныхъ статьяхъ (ст. 4). Шалфѣевъ въ установленіи особыхъ должностныхъ лицъ для поимки лихихъ людей (сотскихъ, десятскихъ и пятидесятскихъ) видитъ стремленіе правительства „отдѣлить полицейскую дѣятельность отъ судебной, предоставивъ только послѣднюю губнымъ старостамъ“; по его мнѣнію, хотя правительство и не сдѣлало вполнѣ такого раздѣленія полицейской и судебной власти, но изъ установленія особыхъ лицъ, которымъ ввѣренъ былъ полицейскій надзоръ, слѣдуетъ, что губные старосты суть преимущественно судьи, а не исключительно поимщики разбойниковъ ²⁾). Но о раздѣленіи властей въ то время не могло быть и рѣчи. Г. Чичеринъ очень хорошо разъяснилъ, что существованіе въ губномъ управленіи отдѣльныхъ органовъ, облеченныхъ исключительно полицейскою властью, нимало не доказываетъ стремленія правительства отдѣлить полицейскую власть отъ судебной. Эти органы были вызваны обширностью вѣдомства губныхъ старостъ ³⁾. Губные старосты не могли самостоятельно выполнять всѣ возложенныя на нихъ функціи; имъ потребовались помощники (между прочимъ и въ дѣлѣ полиціи), и эти помощники были созданы въ лицѣ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ.

Изъ вышесказаннаго видно, что губные старосты во весь періодъ существованія губныхъ учреждений были органами по преимуществу судебно-полицейскими. Но такъ какъ, по выраженію г. Чичерина, въ то время управленіе раздѣлялось „не по роду дѣлъ, а по тому, что извѣстные предметы требовали особаго способа управленія“, то въ рукахъ губныхъ старостъ, кромѣ суда и полиціи по дѣламъ разбой-

¹⁾ Шалфѣевъ, Уставная книга Разб. приказа, стр. 38. Законъ, стремившійся опредѣлить подсудность Разбойнаго Приказа, вышелъ лишь 20-го января 1673 г. (Карн. 538).

²⁾ Шалфѣевъ, 45.

³⁾ Чичеринъ, Областные учрежденія, 478—479.

нымъ. сосредоточивались и другія функціи, имѣвшія отношеніе къ губному управленію, напримѣръ, финансовое и административное управленіе по всѣмъ губнымъ дѣламъ; позже, съ обращеніемъ губнаго округа въ административную единицу, когда центральная власть стала смотрѣть на губныхъ старостъ, какъ на приказныхъ органовъ, она передаетъ въ руки ихъ, въ видахъ удобства управленія, отдѣльныя части, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и все приказное управленіе.

Такимъ образомъ, вѣдомство губныхъ дѣлъ было двояко: приказное и губное, причемъ въ послѣднемъ различались три вѣтви: судъ, полиція и финансовое и административное управленіе.

Судебная власть губныхъ старостъ. Въ исторіи судебной власти губныхъ старостъ нужно различать два періода, соотвѣтствующіе общинной и затѣмъ уѣздной или не общинной организаціи губныхъ учреждений. Губныя учрежденія, какъ это мы видѣли раньше, возникли первоначально для прекращенія разбоевъ, для искорененія вѣдомыхъ лихихъ людей разбойниковъ, то-есть, такихъ людей, которые занимались разбоемъ въ видѣ организованнаго промысла. Отсюда, въ первомъ періодѣ только эти преступленія, то-есть, вѣдомые разбои и подлежали суду губныхъ старостъ. Однако, нужно замѣтить, что понятіе разбоя въ то время во многомъ разнилось отъ современнаго. Московское законодательство разумѣло подъ разбоемъ не только специальное преступленіе—въ смыслѣ открытаго насиія не только надъ личностью, но и надъ имуществомъ субъекта,—но и всѣ преступленія, имѣвшія какое либо отношеніе или связь съ разбоемъ: пристанодержательство, подвождъ и понаровку ¹⁾). Такимъ образомъ, уже съ первыхъ моментовъ существованія губныхъ учреждений объемъ судебной власти губныхъ старостъ былъ шире, какъ мы видѣли, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Далѣе, по Уставной книгѣ Разбойнаго приказа уже въ первой редакціи, то-есть, по опредѣленію Шалфѣева, въ редакціи, появившейся около 1556 года ²⁾), объемъ судебной власти губныхъ старостъ расширенъ въ томъ смыслѣ, что суду ихъ съ этого времени подлежатъ также смертоубійства и зажигательства, но опять-таки не какъ самостоятельныя преступленія, а лишь какъ обстоятельства, особо увеличивающія виновность подсудимыхъ, то-есть, какъ преступленія, прикосновенныя къ разбою ³⁾). Затѣмъ, кругъ аксессуар-

¹⁾ А. А. Э., I, 187, 192; Доп. къ А. И., I, 31; А. А. Э., I, 194.

²⁾ Шалфѣевъ, 8.

³⁾ А. А. Э., II, 225.

ныхъ преступленій, то-есть, преступленій, вызываемыхъ организацией разбоя, какъ промысла, по Уставной книгѣ Разбойнаго приказа расширенъ; кромѣ указанныхъ выше: подвода, понаровки и пристанодержательства. Уставная книга Разбойнаго приказа упоминаетъ еще и перекупку, а также поклажу (то-есть, приѣмъ на храненіе) вещей, завѣдомо добытыхъ разбоемъ ¹⁾.

Съ обращеніемъ губы въ административный округъ, объемъ судебной власти губныхъ старостъ мало-по-малу расширился; ихъ суду по Уставной книгѣ Разбойнаго приказа ввѣряются и всѣ преступленія, связанныя съ вѣдомою татьбой и аналогичныя съ тѣми, которыя были перечислены выше, какъ-то: подводъ, понаровка, станы и приѣзды, а также перекупка и поклажа завѣдомо краденыхъ вещей ²⁾.

Затѣмъ въ XVI же вѣкѣ суду губныхъ старостъ подлежали также слѣдующія дѣла, тоже прикосновенныя къ татьбѣ или разбою: дѣла о ложныхъ показаніяхъ въ обыскѣ, въ неоказаніи помощи разбиваемымъ разбойниками, о неотведеніи слѣда не пошедшими въ погоню за преступниками и т. д.; уже въ XVI вѣкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вѣдомству губныхъ старостъ подлежало и душегубство, какъ самостоятельное преступленіе ³⁾.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ наравнѣ съ губными учрежденіями существовали и земскія, первыя должны были вступить въ извѣстныя отношенія къ послѣднимъ. Эти отношенія выражались или въ томъ, что земскія власти судили съ губными, или губныя учрежденія переставали дѣйствовать въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ введены были земскія учрежденія ⁴⁾. Въ первомъ случаѣ объемъ судебной власти губныхъ старостъ, кажется, былъ шире, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Такъ, въ судной грамотѣ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича крестьянамъ Замосковской Вохонской волости содержится слѣдующее постановленіе: „а кто на комъ взыщетъ пожеги, или душегубства, или разбоя, или татьбы, и выборнымъ судьямъ съ губными старостами про то сыскивать всѣми крестьяны: и скажутъ на кого крестьяне того села, ино ищѣй искъ заплатити изъ его статка, изъ отвѣтчиковыхъ животовъ, и то отписати на имя царя и вели-

¹⁾ А. А. Э., II, доп. 225.

²⁾ А. А. Э., II, доп. 225.

³⁾ А. А. Э., I, 329, 1585 г.; *см. Сокольскаго — Киевскія Университетскія Извѣстія*, 1871, 8; стр. 16—17, пр. 84.

⁴⁾ *Будановъ*, Обзоръ, I, стр. 163.

каго князя; а доведуть на кого разбой, или душегубство, и пожегу, и ябедничество, и подписку, или иное какое лихо, а будетъ вѣдомой лихой человекъ, и выборнымъ судіямъ съ губными старостами тѣхъ людей судити, и управу имъ чинити по губнымъ грамотамъ" ¹⁾). Изъ приведенныхъ словъ грамоты видно, что суду губныхъ старость (вмѣстѣ съ земскими судьями) подлежали въ данномъ случаѣ, кромѣ разбоя, татьбы и душегубства, и пожеги, ябедничество, подписка и „иное какое лихо“, какъ самостоятельныя преступленія. Это постановленіе не имѣло, очевидно, того общаго характера, какой старается придать ему г. Сокольскій ²⁾). Во всѣхъ другихъ случаяхъ, кромѣ указанного, объемъ судебной власти губныхъ старость въ XVI вѣкѣ ограничивался тѣми предѣлами, которые были установлены выше.

Въ XVII вѣкѣ, въ видахъ сосредоточенія въ рукахъ губныхъ старость всей уголовной юстиціи, объемъ судебной ихъ власти значительно расширяется. Такъ, уже по закону 14-го февраля 1625 года ³⁾) дѣла объ убійствахъ окончательно переходятъ въ вѣдомство губныхъ старость, при этомъ не только дѣла объ убійствахъ умысленныхъ, но и неумысленныхъ. Кромѣ того, съ Уложенія вѣдомству губныхъ старость подлежатъ и дѣла о мошенничествѣ, самоубійствѣ, насильственномъ ополченіи и подметѣ съ цѣлью ополченія ⁴⁾); затѣмъ, къ концу XVII вѣка—зажигательство, совращеніе съ вѣры, изнасилованіе женщины, сводничество и непочтеніе къ родителямъ ⁵⁾). Такимъ образомъ, къ концу XVII столѣтія въ рукахъ губныхъ старость сосредоточились всѣ уголовныя дѣла—„лихія дѣла“, какъ они называются въ памятникахъ, то-есть, дѣла, получившія въ это время общественный интересъ, приобрѣвшія публичный характеръ, за исключеніемъ преступленій, подлежащихъ въ это время, да и раньше, вѣдомству специальныхъ органовъ ⁶⁾). Но, чтобы данное преступленіе стало „лихимъ дѣломъ“ и подлежало, такимъ образомъ, вѣдомству губныхъ старость, для этого требовалось, чтобы по нему возбуждено было слѣдствіе по особымъ правиламъ, установленнымъ въ законѣ. Лишь дѣла, возникшія черезъ выемъ поличнаго, язычную молку и

¹⁾ А. А. Э., I, 257, также—А. А. Э., I, 242, 261, 243, 250; *Будановъ*, Хрестоматія, II, стр. 205, пр. 18.

²⁾ *Кіевскія Университетскія Извѣстія*, 1871, 8; статья Сокольскаго, стр. 16.

³⁾ *Будановъ*, Хрестоматія, III, стр. 65—68.

⁴⁾ Уложеніе, XXI, 11, 55, 56, 77.

⁵⁾ Нов. Ст., 90—92, 109—110; *Чичеринъ*, стр. 481; *Дмитріевъ*, стр. 54.

⁶⁾ А. А. Э., III, 31; Уложеніе, II.

лихованный обыскъ, судились у губныхъ старостъ¹⁾. Впрочемъ, это правило, какъ справедливо замѣчаетъ и г. Сокольскій²⁾, въ первое время не строго соблюдалось въ практикѣ губныхъ учреждений. Такъ, въ цитированной уже раньше грамотѣ крестьянамъ Вохонской волости 1585 г. и въ наказѣ губному старостѣ Измирѣ Амосову 1586 года содержатся постановленія, допускающія возникновеніе производства по дѣлу и въ губномъ вѣдомствѣ на основаніи частной жалобы, помимо другихъ законныхъ поводовъ. „А кто взыщетъ, говорится въ названной грамотѣ, пожеги, или душегубства, или разбои, или татьбы, и выборнымъ судьямъ съ губными старостами того сыскивати всѣми людьми вправду“³⁾. Въ наказѣ старостѣ Амосову: „а на которыхъ людей истцы ищутъ разбоевъ, а на тѣхъ людей языки въ разбоѣхъ не говорятъ, а истцы опричь поля улики никоторыя не учинять, и губному старостѣ Измирѣ про тѣхъ людей обыскивати“⁴⁾.

Лишь въ концѣ царствованія Феодора Иоанновича въ Разбойномъ приказѣ данъ былъ боярскій приговоръ, по которому частная жалоба, безъ поличнаго, язычной молки или лихованнаго обыска, не влекла за собою производства въ губныхъ судахъ; такихъ челобитчиковъ приказано „отсылати въ Судный приказъ, гдѣ кто судимъ; а будетъ въ Судномъ приказѣ сыщется, что тѣ дѣла разбойные дошли до пытокъ, тѣхъ исцовъ и отвѣтчиковъ изъ Суднаго приказу отсылать въ Разбойный приказъ“⁵⁾.

Полицейскія обязанности губныхъ старостъ. Полицейскія обязанности губныхъ старостъ заключались главнымъ образомъ въ томъ, что они должны были розыскивать и ловить вѣдомыхъ разбойниковъ и татей и заботиться о томъ, чтобы не было въ ихъ округахъ разбойничьихъ становъ и пріѣздовъ⁶⁾. Съ этой цѣлью уже съ 1549 года губные старосты производятъ ежегодные полицейскіе повальные обыски⁷⁾, требуютъ представленія имъ письменныхъ явокъ о покраденномъ или отнятомъ разбойниками имуществомъ⁸⁾ и явокъ о прохо-

¹⁾ *Будановъ*, Хрестоматія, III; Ук. К. Р. Пр., стр. 24; Уложение, XXI, 49; Нов. Ст., 72.

²⁾ *Кіевскія Университетскія Извѣстія*, 1871, 8, 18.

³⁾ А. А. Э., I, 257.

⁴⁾ А. А. Э., I, 330, II.

⁵⁾ *Будановъ*, Хрестоматія, III, Уст. К. Р. Пр., ст. 18.

⁶⁾ См. А. А. Э., I, 187, 192, 194 и др.

⁷⁾ А. А. Э., I, 224; *Будановъ*, Хрестоматія, III, Уст. книга. Р. Пр., 42; Уложение, XXI, 5; Нов. Ст., 4.

⁸⁾ Уложение, XXI, 51; Нов. Ст., 50.

жихъ людяхъ¹⁾. Вотъ тѣ общія постановленія о полицейскихъ обязанностяхъ губныхъ старостъ, которыя мы находимъ въ памятникахъ. Законъ не опредѣлялъ этихъ обязанностей въ подробностяхъ потому, что въ губномъ управленіи существовали спеціальныя полицейскіе органы, непосредственно къ которымъ и обращалось правительство съ своими грамотами и наказами.

Финансовое и административное управление губныхъ старостъ. Финансовыя функціи губныхъ старостъ заключались въ слѣдующемъ. Губные старосты обязаны были отбирать имущество казенныхъ преступниковъ въ казну и продавать его²⁾, производить денежные взысканія³⁾, собирать пошлины⁴⁾, завѣдывать сборомъ губныхъ податей⁵⁾, и, наконецъ, производить расходы по губному управленію⁶⁾.

Губные старосты должны были вести отчетность по всѣмъ этимъ поступленіямъ и расходамъ и представляли ежегодно отчеты. Кроме этого, они должны были заботиться о постройкѣ губнаго стана, тюремъ, о замѣщеніи второстепенныхъ должностей въ губныхъ учрежденіяхъ; имъ, наконецъ, принадлежалъ непосредственный надзоръ за исправнымъ отправленіемъ этихъ должностей и право облагать дисциплинарными взысканіями второстепенныхъ органовъ въ случаѣ злоупотребленій съ ихъ стороны и т. д.⁷⁾

Приказное вѣдомство губныхъ старостъ. Приказное вѣдомство во всемъ своемъ объемѣ или въ отдѣльныхъ частяхъ переходитъ въ руки губныхъ старостъ не ранѣе XVII вѣка. Въ XVI вѣкѣ губные старосты имѣли болѣе земскій характеръ и потому выполняли лишь тѣ спеціальныя функціи, которыя имъ ввѣрены были при созданіи губныхъ учреждений. Въ XVII вѣкѣ отношеніе центральной власти къ губнымъ старостамъ измѣняется: центральная власть смотритъ на губныхъ старостъ, какъ на приказные органы, и расширяетъ предѣлы ихъ власти по своему усмотрѣнію. Какими мотивами руковод-

¹⁾ Уложение, XXI, 77.

²⁾ А. А. Э., I, 187, 192, 194; IV, 159, 237; Уст. К. Р. Пр., ст. 1, 6, 11 и др.

³⁾ *Будановъ*, Хресгомація, III; Ук. К. Р. Пр., ст. 2, 3, 7, 12 и др.; А. А. Э., IV, 159 237; Уложение, XXI и Нов. Ст.

⁴⁾ Новоук. Ст., 124.

⁵⁾ А. А. Э., II, 19; III, 163, 271; IV, 159, 237.

⁶⁾ А. А. Э., IV, 72; Нов. Ст., 125.

⁷⁾ А. А. Э., I, 330; II, 19; III, 152, 154, 163; IV, 27, 72; *Шалфѣевъ*, стр. 35—36.

ствовалась при этомъ центральная власть,—не извѣстно. Можно думать, что исключительно мотивами удобства въ управленіи и стремленіемъ избѣжать излишнихъ расходовъ на созданіе специальныхъ органовъ для завѣдыванія тѣми или иными приказными дѣлами.

Все приказное управленіе было въ рукахъ губныхъ старостъ уже въ первой половинѣ XVII вѣка лишь въ половинахъ новгородскихъ пятинъ ¹⁾. Здѣсь губные старосты были единственными представителями верховной власти и находились въ непосредственной зависимости отъ новгородскихъ воеводъ, которые и перенесли на этихъ представителей губнаго института все областное управленіе. Въ другихъ мѣстностяхъ Московскаго государства отношеніе губныхъ старостъ къ приказному управленію было нѣсколько иное. Въ первой половинѣ XVII вѣка мы встрѣчаемся лишь съ отдѣльными предписаніями губнымъ старостамъ, ввѣрившими прелѣднимъ *временное* отправленіе тѣхъ или другихъ функций приказнаго вѣдомства. Такъ, въ 1611 году торусскій губной староста Кунаковъ отказываетъ земли и все находящееся въ нихъ движимое имущество во владѣніе Троицко-Сергіева монастыря ²⁾. Въ 1614 году углицкій староста Грязный вводитъ Алексѣевскій монастырь во владѣніе оброчными мельницами ³⁾. Въ 1639 году суздальскій староста производитъ перепись находящимся въ городѣ огнестрѣльнымъ снарядамъ ⁴⁾. Въ 1640 году муромскіе старосты рѣшаютъ вопросы о сѣнномъ трушеніи ⁵⁾ и т. д. Только по Уложенію губнымъ старостамъ ввѣряется постоянное (при извѣстныхъ условіяхъ) отправленіе нѣкоторыхъ функций приказнаго вѣдомства. Такъ, изъ ст. 130 главы X Уложенія мы видимъ, что губные старосты наравнѣ съ другими приказными органами производятъ судъ по нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ, при чемъ и они обязываются, въ случаѣ доклада, присылать въ Москву не только истцовъ и отвѣтчиковъ, но и поручныя по нимъ записи. По ст. 52 главы XVII Уложенія губные старосты участвуютъ въ межеваніи спорныхъ земель. „А посылати, говорится здѣсь, межевщиковъ спорныхъ земель разводить дворянъ добрыхъ, или къ воеводамъ и къ губнымъ старостамъ посылати государевы грамоты“. Далѣе, въ тѣхъ

¹⁾ А. А. Э., III, 201, 257; IV, 27, 58.

²⁾ А. А. Э., II, 192.

³⁾ А. А. Э., III, 47.

⁴⁾ А. А. Э., III, 291.

⁵⁾ А. А. Э., III, 295.

городахъ, въ которыхъ воеводы были неграмотные, губные старосты обязываются принимать и выдавать на холопей служилыя кабалы за своими руками ¹⁾. По закону 20-го іюля 1673 года они производятъ наравнѣ съ воеводами и приказными людьми отмежку дикихъ полей по отказнымъ грамотамъ, выданнымъ „разныхъ чиновъ людямъ“ ²⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда приказные органы вызывались въ Москву на службу, въ руки губныхъ старостъ переходило все областное управленіе. Такъ было, напримѣръ, въ 1661 г. ³⁾. Впослѣдствіи подобное явленіе повторялось довольно часто, именно во всѣхъ случаяхъ, когда центральная власть прибѣгала къ отставкѣ приказныхъ органовъ, въ видахъ прекращенія злоупотребленій въ областномъ управленіи.

б) *Вѣдомство губныхъ цѣловальниковъ.* Въ исторіи губныхъ цѣловальниковъ нужно различать два періода, соотвѣтственно общинной и административной организаціи губныхъ учреждений. Въ первомъ періодѣ губные цѣловальники были не только органами, исполнявшими тѣ или другія порученія губныхъ старостъ, но обладали и судебной властью, при чемъ послѣдняя функція имѣла даже преобладающее значеніе. Центральная власть, вводя губныя учреждения въ общинахъ и предписывая выбрать губныхъ цѣловальниковъ, постоянно имѣетъ въ виду, что эти органы будутъ садѣть на судѣ у губныхъ старостъ въ качествѣ хранителей правды и законности, будутъ „на судѣ беречи всякаго дѣла вправду, по крестному цѣлованію, безо всякія хитрости“ ⁴⁾. Съ обращеніемъ губы въ административный округъ, когда въ губныхъ учрежденіяхъ возобладалъ приказный характеръ, судебная власть губныхъ цѣловальниковъ исчезла сама собою. Г. Чичеринъ относитъ время потери губными цѣловальниками судебной власти ко времени потери таковой же власти земскими цѣловальниками ⁵⁾. Но съ этимъ мнѣніемъ невозможно согласиться. Дѣло въ томъ, что не только во второй, но и въ первой половинѣ XVI вѣка, когда о земскихъ цѣловальникахъ не могло быть и рѣчи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ губныя учреждения не имѣли общинной организаціи, губные цѣловальники не обладали судебною

¹⁾ Уложение, XX, 48, 72, 73.

²⁾ Карновичъ, Сборникъ, № 552, ст. 10.

³⁾ Карновичъ, Сборникъ, № 313.

⁴⁾ А. А. Э., I, 196; II, 242, 243, 250, 256—257.

⁵⁾ Чичеринъ, стр. 466.

властью. Такъ было, напримѣръ, въ селахъ Кириллова и владѣніяхъ Троицко-Сергіева монастырей, согласно постановленіямъ наказовъ отъ 1549 и 1586 годовъ ¹⁾).

Такой же порядокъ былъ введенъ во всемъ Бѣлозерскомъ уѣздѣ съ 1571 г. ²⁾. Въ XVII вѣкѣ, когда уѣздная организація губныхъ учреждений получаетъ значеніе общаго правила, а общинные порядки отступаютъ на задній планъ, о судебной власти губныхъ цѣловальниковъ больше не упоминается. Съ этого времени преобладающее значеніе получаютъ другія функціи губныхъ цѣловальниковъ; намѣченныя уже, впрочемъ, первыми губными грамотами и наказами. Въ XVII вѣкѣ они исполняютъ тѣ или другія порученія губныхъ старостъ и даже производятъ повальные обыски, — въ ихъ ближайшемъ и непосредственномъ завѣдываніи находятся тюрьмы; наконецъ, они же собираютъ деньги на жалованье себѣ и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя получали его въ губномъ вѣдомствѣ ³⁾. Изъ перечисленія этихъ функцій видно, что губные цѣловальники отнюдь не были спеціальными органами со строго ограниченнымъ кругомъ дѣятельности. Тѣ же функціи принадлежали и губнымъ старостамъ, такъ что губные цѣловальники являются, такъ сказать, въ качествѣ помощниковъ губныхъ старостъ, исполняющихъ нѣкоторыя изъ лежащихъ на послѣднихъ обязанностей.

с) *Вѣдомство сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ*. Сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, какъ уже было замѣчено выше, были полицейскими органами. Впрочемъ, въ первый періодъ существованія губныхъ учреждений они не имѣли значенія общихъ полицейскихъ органовъ, что старается приписать имъ г. Шалфѣевъ ⁴⁾, а были, какъ справедливо замѣчаетъ г. Сокольскій ⁵⁾, „спеціальными органами для преслѣдованія кочующихъ преступниковъ“. Однако уже въ XVI вѣкѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ губныя учреждения были соединены съ земскими, и гдѣ объемъ судебной и полицейской власти представителей губнаго института былъ значительно шире, на сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ возлагаются различныя функціи общей полиціи благочинія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они ловили

¹⁾ А. А. Э., I, 224, 330.

²⁾ А. А. Э., I, 281.

³⁾ *Будановъ*, Хрестоматія, III; Уст. К. Р. Пр., пр. 68; Уложеніе, XXI, 101; А. А. Э., II, 19.

⁴⁾ *Шалфѣевъ*, стр. 44—45.

⁵⁾ *Кіевскія Университетскія Извѣстія*, 1871, 8—11; пр. 82.

или представляли на судъ губныхъ старостъ не только разбойниковъ, но и всякихъ воровскихъ людей: скомороховъ, волхвовъ, ворожей; слѣдили также за тѣмъ, чтобы въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ не было корчемства и разврата, чтобы не было игры въ зернь и кости и т. д. ¹⁾).

Когда въ XVII вѣкѣ объемъ судебной власти губныхъ старостъ и ихъ полицейской власти всюду расширился, расширилось и вѣдомство сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, и окончательно укрѣпилось за ними значеніе общихъ полицейскихъ органовъ.

Функции второстепенныхъ органовъ губнаго управленія опредѣляются уже ихъ названіями.

IV.

Отношенія губныхъ властей къ другимъ органамъ и между собою.

Губные старосты съ перваго момента возникновенія губныхъ учреждений стали въ отношеніе зависимости къ Разбойному Приказу— именно относительно управленія разбойными дѣлами. Разбойный приказъ былъ высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ, заботившимся объ искорененіи вѣдомыхъ лихихъ людей; онъ наблюдалъ за правильнымъ отправленіемъ службы губнымъ начальствомъ, вѣдалъ судъ надъ губными старостами и, наконецъ, докладывалъ государю для рѣшенія дѣла, по которымъ губные старосты по какимъ либо причинамъ не могли постановить приговоръ ²⁾).

Съ расширеніемъ власти губныхъ старостъ, когда въ руки ихъ перешли и приказныя дѣла, относительно управленія этими дѣлами они стали въ зависимость отъ другихъ приказовъ. Такъ, изъ памятниковъ видно, что губные старосты по дѣламъ гражданского суда и управленія подчинялись областнымъ и финансовымъ приказамъ, изъ которыхъ они получали даже грамоты ³⁾). Нужно при этомъ замѣтить, что только съ этой стороны, то-есть, лишь по вопросамъ гражданского управленія, губные старосты зависѣли отъ областныхъ и финансовыхъ приказовъ. По специальнымъ же вопросамъ губнаго управленія они и въ это время подчинялись Разбойному приказу. Не такъ смотритъ на этотъ вопросъ г. Чичеринъ. По его мнѣнію, губные старосты

¹⁾ А. А. Э., I, 242, 243, 250, 261; II, 52.

²⁾ *Шалфетъ*, стр. 38.

³⁾ А. А. Э., III, 291, 297, 311.

сты въ первой половинѣ XVII вѣка подчинялись областнымъ приказамъ и относительно управленія уголовными дѣлами.

Въ подтвержденіе своей мысли г. Чичеринъ ссылается на записку о царскомъ дворѣ 1610—1613 г., гдѣ сказано: „и въ большихъ городѣхъ по боярину, а индѣ и два... и завѣдаютъ всякія дѣла; а на разбойныя и татебныя дѣла по всемъ городамъ устроены губные старосты изъ дворянъ, и ежегодно привозятъ дѣла къ Москвѣ, всякой въ свой приказъ, и на Москвѣ бояре дѣлъ слушаютъ и указъ чинятъ“¹⁾. Но приведенныя слова записки вовсе не подтверждаютъ мысли г. Чичерина. Здѣсь слова: „всякой въ свой приказъ“, совершенно справедливо замѣчаетъ г. Дмитріевъ, относятся равно и къ губнымъ старостамъ и къ боярамъ; далѣе, выраженіе здѣсь не ясно, и, наконецъ, другіе акты говорятъ, что въ XVI и въ первую половину XVII вѣковъ губные старосты по уголовнымъ дѣламъ постоянно завязѣли отъ одного Разбойнаго приказа²⁾.

Съ введеніемъ земскихъ излюбленныхъ головъ, воеводъ и сыщиковъ, губные старосты должны были стать въ извѣстное отношеніе и къ этимъ органамъ. Земскіе головы или вовсе не вступались въ губное управленіе, или судили вмѣстѣ съ губными старостами; въ послѣднемъ случаѣ они были товарищами губныхъ старостъ, при чемъ рѣшительное вліяніе на постановленіе приговора по разбойнымъ дѣламъ принадлежало губнымъ старостамъ, какъ главнымъ агентамъ въ губномъ управленіи³⁾. Что касается воеводъ, то они, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, не были прямыми начальниками губныхъ старостъ, хотя и имѣли ближайшее отношеніе къ уголовному судопроизводству, такъ какъ имъ было поручено: заботиться о предупрежденіи и искорененіи разбоевъ, дѣлать распоряженія о производствѣ слѣдствій, наблюдать за производствомъ ихъ, за приведеніемъ въ исполненіе приговоровъ и надзирать за тюрьмами. Правда, хотя воевода распоряжался выборами губныхъ старостъ и приводилъ къ присягѣ второстепенныхъ органовъ губнаго вѣдомства, но его роль этимъ и ограничивалась; послѣ этого онъ уже не имѣлъ никакого отношенія къ губному управленію. Но другіе изслѣдователи, и съ большимъ основаніемъ, полагаютъ, что губные старосты въ нѣкото-

¹⁾ А. И., II, 355.

²⁾ *Дмитріевъ*, *ibid.*, стр. 58—59. Также А. А. Э., I, 187, 194, 330; II, 19, 52, 225; III, 171, 210, 273; IV, 22.

³⁾ *Шалфмейеръ*, *ibid.*, стр. 43; *Градовскій*, 293.

рых мѣстностяхъ были подчинены воеводамъ ¹⁾). Дѣйствительно, при извѣстныхъ условіяхъ эта подчиненность имѣла мѣсто. Она стояла обыкновенно въ связи съ величиной губнаго округа. Губные старосты зависѣли отъ воеводъ лишь въ томъ случаѣ, если губа была меньше округа, которымъ управляли воеводы. Такъ было въ половинѣ Новгородскихъ пятинъ, гдѣ губные старосты подчинялись воеводамъ не только въ приказномъ, но и въ губномъ вѣдомствѣ ²⁾). Суздальскіе губные старосты зависѣли въ приказномъ вѣдомствѣ отъ воеводы потому, что ихъ округъ состоялъ изъ одного уѣзда, а округъ суздальскихъ воеводъ изъ двухъ: Суздальскаго и Шуйскаго ³⁾). Иногда правительство подчиняло губныхъ старостъ воеводамъ, если вслѣдствіе злоупотребленій губныхъ старостъ населеніе жаловалось на нихъ правительству и просило принять мѣры къ огражденію его правъ. Въ отвѣтъ на эти жалобы центральная власть предписывала обыкновенно воеводамъ—оберегать посадскихъ и уѣздныхъ крестьянъ отъ губныхъ старостъ, „чтобы напрасно на нихъ губный староста въ язычной молкѣ клепать не велѣлъ и для своей корысти тѣсноты и продажи и убытковъ не чинилъ“ ⁴⁾). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ губные старосты были совершенно независимы отъ воеводъ. Иногда они даже производили слѣдствія о злоупотребленіяхъ послѣднихъ и взыскивали съ нихъ штрафы по царскому приказанію. Такъ, напримѣръ, въ 1651 году губнымъ старостамъ было поручено взыскать съ воеводъ и приказныхъ людей нѣкоторыхъ городовъ по пятидесяти рублей за невыселку въ Москву нѣтчиковъ ⁵⁾).

Сыщики первоначально были товарищами губныхъ старостъ и въ то время грамоты писали на имя тѣхъ и другихъ ⁶⁾). Но по указу 22 января 1669 года губные старосты всюду были подчинены сыщикамъ. Съ этого времени сыщики руководятъ выборами губныхъ старостъ, приводятъ ихъ къ присягѣ, судятъ ихъ въ гражданскихъ дѣлахъ и, наконецъ, чинятъ имъ указъ въ томъ случаѣ, если кто-либо учнетъ „бити челомъ на котораго губнаго старосту недружбою или понаровкою“ ⁷⁾).

¹⁾ *Дмитріевъ*, 58; *Чичеринъ*, 483—484.

²⁾ А. А. Э., III, 152, 154, 201, 257, 263; IV, 58, 70, 72, 27.

³⁾ *Дмитріевъ*, *ibid.*, стр. 58.

⁴⁾ Доп. къ А. И., IV, 134.

⁵⁾ *Карновичъ*, Собраніе узаконеній, № 51.

⁶⁾ А. А. Э., III, 163.

⁷⁾ Нов. Ст., 3, 5, 6.

Остальные органы губныхъ учреждений находились въ непосредственной зависимости отъ губныхъ старостъ, какъ главныхъ начальниковъ въ губномъ управленіи. Губные старосты, какъ мы уже видѣли, дѣлали распоряженіе объ ихъ выборахъ, платили имъ жалованье или выдавали подмогу, давали имъ тѣ или другія инструкціи и, наконецъ, облагали ихъ дисциплинарными взыскаціями¹⁾). „Въ исцовѣхъ искѣхъ“ губные цѣловальники и губные дѣяки вмѣстѣ съ губными старостами судились первоначально въ Разбойномъ Приказѣ²⁾), а съ 1669 г.—у сыщиковъ³⁾). Подсудность по гражданскимъ дѣламъ для остальныхъ органовъ губнаго вѣдомства опредѣлялась, вѣроятно, общими правилами, такъ какъ въ специальныхъ законахъ, трактующихъ о губномъ управленіи, на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ постановленій.

V.

Дѣлопроизводство въ губныхъ учрежденіяхъ.

Въ дѣлопроизводствѣ губныхъ учреждений нужно различать дѣла губныя и дѣла приказныя. Мы остановимся здѣсь лишь на разсмотрѣніи первыхъ, такъ какъ они только имѣли ту специальную окраску, которая вызвана была особой организаціей губныхъ учреждений. Въ дѣлопроизводствѣ по губнымъ дѣламъ нужно различать дѣла: полицейскія, судебныя и финансовыя.

а) *Дѣла полицейскія*. Полицейская дѣятельность губныхъ учреждений выражалась главнымъ образомъ въ производствѣ полицейскихъ повальныхъ обысковъ и затѣмъ „въ явѣ нетутошнихъ людей“. Полицейскій повальный обыскъ первоначально производился общинами, въ которыхъ были введены губныя учреждения¹⁾), а съ распаденіемъ общинъ—губными старостами²⁾). Онъ состоялъ въ слѣдующемъ. Ежегодно губные старосты созывали въ извѣстное время все населеніе подвѣдомственнаго имъ округа безъ различія классовъ и состояній. То-есть, не только крестьянъ, но и дворянъ, дѣтей боярскихъ и ду-

¹⁾ Уложеніе, XXI, 83.

²⁾ *Будановъ*, Хрестоматія, III; Уст. К. Р. Пр., стр. 60; Уложеніе, XXI, 6.

³⁾ Нов. Ст., 5.

⁴⁾ А. А. Э., I, 187, 192.

⁵⁾ А. А. Э., I, 224, 281, 194 и др.; *Будановъ*, Хрестоматія, III, уст. кн. разб. прик., ст. 42.

ховенство. „Сѣхався имъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ въ одно мѣсто,—говорится въ наказѣ бѣлозерскимъ старостамъ,—да велѣти имъ у себя быти на сѣздѣ изо всея губы бѣлоозерскаго уѣзда княземъ, и дѣтемъ боярскимъ, и ихъ прикащикомъ, и архимаритомъ, и игуменомъ, и протопопомъ, и попомъ, и дьякономъ, и грамотчиномъ, и крестьяномъ, и всѣмъ безъ отвѣта, чей кто ни буди,—съ выти по человѣку; да какъ на сѣздѣ многіе люди сѣдуются и старостомъ обыскати, кто у нихъ въ губѣ на Бѣлоозерѣ на посадѣ и въ уѣздѣ лихихъ людей, татей и разбойниковъ, и къ кому тати и разбойники пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ, и отъ кого на разбой ѣздятъ, и кому разбойную рухлядь продаютъ за разбойное“¹⁾. Показанія всѣхъ этихъ людей, собравшихся на сѣздѣ, записывались, и затѣмъ по нимъ производились аресты. Въ Уложеніи уже не упоминается о ежегодномъ производствѣ полицейскаго повального обыска. Да и едва ли онъ имѣлъ мѣсто въ эпоху Уложенія. Въ это время полицейская дѣятельность цѣлой губы, говоритъ проф. Будановъ, была обращена „въ постоянную должностную дѣятельность губныхъ старостъ“²⁾.

„Явка ветутошнихъ людей“ была впервые установлена сольгалицкою грамотой 1541 года³⁾, и съ этого времени правила производства ея повторяются почти во всѣхъ губныхъ грамотахъ и наказахъ. Она состояла въ слѣдующемъ. Жители губнаго округа представляли всѣхъ пріѣзжихъ людей десятскимъ, десятскіе—пятидесятскимъ и, наконецъ, послѣдніе—сотскимъ. Сотскіе вмѣстѣ съ остальными полицейскими органами осматривали этихъ людей, спрашивали ихъ имена и затѣмъ отмѣчали, „въ которомъ дворѣ они ставятся“. Если эти пріѣзжіе люди отказывались сказать свои имена, или сказывались „непутно“, процедура „явки“ въ такомъ случаѣ усложнялась. Сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе обязаны были „имать“ такихъ людей, да про нихъ обыскивать безхитростно, вправду, по крестному цѣлованію, какіе они люди. Если оказывалось, что они люди добрые, ихъ имена писались „на списокъ“, а ихъ „отпускали не измѣшка“. Въ противномъ же случаѣ, то-есть, когда эти невѣдомые люди оказывались лихими разбойниками, начинался розыскъ⁴⁾.

¹⁾ А. А. Э., I, 281.

²⁾ Хрестоматія, III, стр. 58, прим. 50.

³⁾ А. А. Э., I, 192.

⁴⁾ А. А. Э., I, 192, 194.

За неисполненіе этихъ обязанностей сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе (а также и подвѣдомственное имъ населеніе) подвергались отвѣтственности: по приговорной грамотѣ Троицы-Сергіева монастырскаго собора 1555 года—сотскому и его сотнѣ грозитъ штрафъ въ 10 рублей, а по наказу 1656 года всѣмъ полицейскимъ органамъ— „великое наказаніе, опала и пеня“¹⁾.

Нужно, однако, замѣтить, что какъ полицейскій повальный обыскъ, такъ и „явка нетутошнихъ людей“ въ рукахъ губныхъ властей были плохими орудіями для борьбы съ кочующими шайками преступниковъ. Сама центральная власть прекрасно понимала это. Въ наказахъ губнымъ властямъ, поэтому, постоянно предписывается употреблять всѣ мѣры для преслѣдованія преступниковъ, сыскивать всякими сыски, „и того смотрѣти накрѣпко, чтобы однолично нигдѣ татей и разбойниковъ, разбойничьихъ становъ и прїѣздовъ нигдѣ не было“²⁾. Но губные старосты писали въ Москву, что у нихъ нѣтъ ни средствъ, ни людей для преслѣдованія преступниковъ. Правительство, въ отвѣтъ на подобное донесеніе, или предписывало брать людей и оружіе у воеводъ, или посылало въ помощь губнымъ старостамъ сыщиковъ, которымъ давалось нѣсколько десятковъ человѣкъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Но и эти мѣры въ большинствѣ случаевъ не давали хорошихъ результатовъ. Такъ, въ 1645 году въ Суздаль, Шую и Луху былъ посланъ князь Щетининъ для татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлъ; ему предписано было взять въ помощь себѣ у суздальскихъ и лухскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ сто человѣкъ. Съ такой силой Щетининъ поймалъ одного становаго разбойника, который оговорилъ своихъ товарищей, живущихъ въ Костромскомъ и въ другихъ уѣздахъ. Не имѣя средствъ преслѣдовать этихъ разбойниковъ, Щетининъ обратился къ губнымъ старостамъ съ просьбой, чтобы они послали въ уѣзды дѣтей боярскихъ и монастырскихъ служекъ. Но костромской губный староста отвѣтилъ, что „имъ де самимъ за тѣми разбойники ходить не съ кѣмъ, а у костромскаго воеводы ратныхъ людей нѣтъ“, что „ихъ самихъ разбойники разбиваютъ денно и ночью“³⁾. Только безпомощнымъ положеніемъ губныхъ властей въ борьбѣ съ преступниками можетъ быть объясненъ тотъ на первый взглядъ странный указъ, который 16-го

¹⁾ А. А. Э., I, 244; IV, 92.

²⁾ Уложение, XXI, ст. 5.

³⁾ А. А. Э., III, 325.

августа 1655 года издалъ патріархъ Никонъ. По этому указу предписывается всѣмъ приказнымъ людямъ и губнымъ старостамъ объявить всюду, „чтобы тати, и разбойники, и убійцы и всякіе воровскіе люди къ Богу приносили покаяніе, а ко государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу свои вины“; за это имъ обѣщается полная свобода отъ наказанія¹⁾. Понятное дѣло, что указъ этотъ не имѣлъ никакого дѣйствія. Въ Новоуказныхъ статьяхъ сыщикамъ предписывается: „ѣздить въ города и въ уѣзды самимъ, собрався со многими людьми; а имать имъ съ собою дворянъ и дѣтей боярскихъ съ меньшихъ статей, и стрѣльцовъ, и служебъ монастырскихъ и пушкарей, и рассыльщиковъ, и затинщиковъ и уѣздныхъ людей, и съ тѣми людьми на разбойничьи станы ходить тайнымъ обычаемъ, чтобы ихъ перенимать“ (ст. 122). Вѣроятно, эти организованные походы дали лучшіе результаты, чѣмъ мѣры, предложенныя патріархомъ Никономъ.

Судебная дѣла. Въ губныхъ учрежденіяхъ господствовала особая форма процесса, извѣстная въ памятникахъ подъ именемъ розыска. Розыскъ былъ явленіемъ сравнительно новымъ въ Московскомъ государствѣ, хотя и возникъ гораздо раньше губныхъ учреждений. Въ древнѣйшій періодъ русской исторіи существовала чисто обвинительная форма процесса какъ для дѣлъ гражданскихъ, такъ и для дѣлъ уголовныхъ. Но уже въ Псковской судной грамотѣ видны зародыши розыскаго процесса. По словамъ Энгельмана, „въ ней уже встрѣчаются первые слѣды различія процесса слѣдствениаго отъ исковаго; хотя слѣдственное судопроизводство является здѣсь только въ зародышѣ и еще не отрѣшилось отъ исковаго, но оно уже проявляетъ свой отличительный характеръ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, отступающихъ отъ общаго (исковаго) порядка судопроизводства, къ которому оно относится, какъ видъ къ своему роду“. Эти зародыши розыска въ Псковской судной грамотѣ заключаются 1) въ явкѣ, то-есть, въ объявленіи о совершившемся преступленіи, 2) въ обыскѣ въ дѣлахъ о татѣбѣ и, наконецъ, 3) въ разпросѣ въ дѣлахъ о боѣ и грабежѣ. Въ памятникахъ XV и первой половины XVI вѣка элементы розыскаго процесса выступаютъ яснѣе. Но опредѣленную форму принимаетъ розыскаго процессъ лишь въ губныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ онъ развился и обогатился содержаніемъ.

Различіе между этими двумя формами процесса—обвинительною

¹⁾ Карновичъ, № 163.

и розыскою или слѣдственнойю, состоитъ въ слѣдующемъ. 1) Дѣятельность судьи въ той или другой формѣ процесса различна. Участіе судьи въ веденіи дѣла при слѣдственномъ процессѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ при процессѣ обвинительномъ. Обвинительный процессъ — это споръ, или, лучше сказать, правильный бой между двумя противниками, до исхода котораго никому нѣтъ никакого дѣла. Судебная власть требуетъ отъ тяжущихся, чтобы они доказали свое формальное право, но рѣдко помогаетъ судоговоренію своею непосредственною дѣятельностью. Даже при уголовномъ дѣлѣ доставленіе доказательствъ и пользованіе ими лежало на самихъ тяжущихся. При слѣдственномъ же процессѣ судья не былъ безучастнымъ зрителемъ состязанія тяжущихся; для него въ виду особой цѣли слѣдственнаго процесса не было безразличнымъ то или иное окончаніе дѣла, а это обстоятельство вызывало значительную дѣятельность судьи какъ въ веденіи процесса вообще, такъ и въ употребленіи доказательствъ въ особенности. Далѣе, 2) различіе между слѣдственнойю и обвинительною формами процесса опредѣляется и тою цѣлью, которая лежитъ въ основаніи каждой изъ нихъ. Процессъ обвинительный имѣетъ цѣлью одну, такъ сказать, юридическую истину, основанную на формальномъ соотвѣтствіи факта съ правомъ; процессъ же слѣдственный имѣетъ цѣлью проникнуть въ самую сущность дѣла, въ матеріальное бытіе права за тою или другою стороною ¹⁾.

Раздѣленіе процесса на розыской и обвинительный не совпадаетъ, впрочемъ, съ современнымъ дѣленіемъ процесса на уголовный и гражданскій. Розыскъ, правда, не въ цѣломъ составѣ, но въ отдѣльныхъ частяхъ употреблялся и въ дѣлахъ гражданскихъ. Такъ, въ дѣлахъ о преступленіяхъ служебныхъ встрѣчаются сыскъ и очная ставка, въ дѣлахъ помѣстныхъ и вотчинныхъ — тоже сыскъ и очная ставка, въ дѣлахъ о бѣглыхъ холопахъ и крестьянахъ — сыскъ и разспросъ. Само собою разумѣется, что въ вышеуказанныхъ случаяхъ розыскъ не исключалъ обвинительнаго процесса, но соединялся съ нимъ. Что касается дѣлъ уголовныхъ, то для нихъ главною формою процесса былъ процессъ обвинительный. Однако нѣкоторыя категоріи преступленій судились розыскомъ въ цѣломъ его составѣ. Основаніе, по которому употребляли ту или иную форму процесса какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и въ дѣлахъ уголовныхъ, заключалось въ различномъ интересѣ суда. Если въ судѣ принимаетъ участіе

¹⁾ *Дмитріевъ*, стр. 183—190.

интересъ государевъ, говорить Дмитріевъ, или общественный, если дѣло идетъ объ обезпеченіи общаго благосостоянія, то къ обвинительной формѣ примѣшиваются нѣкоторые элементы слѣдственнаго процесса и, смотря по тому, насколько замѣшанъ въ дѣло интересъ государства, замѣтно большее или меньшее склоненіе къ послѣдней формѣ судопроизводства. Государство, посредствомъ своихъ судей слѣдитъ за ходомъ процесса, возбуждающаго его особенное вниманіе. Въ этомъ смыслѣ употребленіе той или иной формы судопроизводства объясняется не только исторією русскаго права, но даже до нѣкоторой степени политическою исторією Россіи. Такъ, напримѣръ, искорененіе лихихъ людей составляло одну изъ главныхъ заботъ молодого общества, а потому мы видимъ, что татьба съ поличнымъ и гласный разбой судятся уже совершенно слѣдственною формою—розыскомъ. Самое раздѣленіе лихихъ людей на простыхъ преступниковъ и вѣдомыхъ татей и разбойниковъ, устанавливающее различіе въ формѣ судопроизводства, получаетъ, намъ кажется, новый смыслъ при этомъ объясненіи. Не одна только гласность преступленія превращаетъ судъ изъ гражданскаго въ уголовный, но и самый характеръ преступленія, соединенный съ этою гласностью. Простой преступникъ не составляетъ еще постоянной угрозы для общества. Его незаконное дѣйствіе можетъ быть совершено вслѣдствіе личныхъ его отношеній къ тому лицу, чье право имъ было нарушено; но вѣдомый лихой человѣкъ есть постоянная язва для общества; отдѣлаться отъ него есть нужда настоятельная. Такой политическій характеръ замѣтенъ во всѣхъ подробностяхъ этого процесса. Такъ вора, пойманнаго съ татьбой уже въ другой разъ, прямо подвергаютъ пыткѣ; но, если онъ и послѣ этого не сдѣлаетъ признанія, то обыскъ рѣшаетъ исходъ дѣла: если обыскные назовутъ его лихимъ человѣкомъ, то его сажаютъ въ тюрьму, въ противномъ же случаѣ его отпускаютъ на поруки, какъ скоро подозрѣніе въ постоянной опасности для общества исчезаетъ, судъ снова принимаетъ гражданскій характеръ. По той же причинѣ въ исторіи розыска видно постоянное усиленіе строгости ¹⁾).

Такимъ образомъ, примѣненіе той или другой формы процесса стояло въ прямой зависимости отъ судимаго дѣянія. Если дѣяніе носило характеръ общественный, государственный и потому обращало на себя особенное вниманіе правительства, къ нему примѣнялась и слѣдственная форма процесса. Къ этой категоріи должны быть

¹⁾ *Дмитріевъ*, стр. 188.

отнесены и всё тѣ дѣянія, которыя вѣдали судомъ губные старосты. Общеопасный характеръ ихъ объясняетъ, почему въ губныхъ судахъ господствующею формою процесса былъ розыскъ.

Розыскной процессъ сложился изъ трехъ моментовъ: возбужденія преслѣдованія, собиранія и оцѣнки доказательствъ и постановленія приговора.

Статья 18-ая Уставной книги Разбойнаго Приказа устанавливаетъ три повода къ началу розыска: лихованный обыскъ, выемка поличнаго и язычная молка. Но изъ той же статьи видно, что въ губномъ производствѣ вплоть до царствованія Θεодора Иоанновича примѣнялся еще четвертый поводъ къ началу розыска, именно—частная жалоба. Остановимся на разсмотрѣннн этихъ поводовъ. Подъ лихованнымъ обыскомъ нужно разумѣть тотъ полицейскій повальный обыскъ, который производился ежегодно въ губномъ вѣдомствѣ полицейскими властями. Этотъ обыскъ, говоритъ Дмитріевъ, производился главнымъ образомъ для опредѣленія той улики, которая была поводомъ къ допущенію уголовного процесса, то-есть, для узнанія репутаціи подсудимаго ¹⁾. Въ обыскѣ участвовали всё жители даннаго губнаго округа, которые, по распоряженію губныхъ старостъ, собирались на съѣздъ въ городъ. Губный староста допрашивалъ собравшихся. Если они указывали на кого либо, даже не обвиняя прямо въ извѣстномъ преступленіи, „облихованнаго“ тотчасъ брали и подвергали пыткамъ, то-есть, начинали формальное слѣдствіе.

Поличное законъ опредѣляетъ такимъ образомъ: „поличное—то, что выймутъ изъ клѣти изъ-за замка; а найдуть что во дворѣ, или въ пустой хоромѣ, а не за замкомъ, ино то не поличное“ ²⁾. По объясненію Калачева, на основаніи этой статьи поличнымъ можно считать вещь, „которую похититель вынулъ изъ клѣти, изъ подъ замка; но если кто найдетъ вещь на дворѣ, или въ пустой хороминѣ, не за замкомъ, то—не поличное“. Очевидно, это объясненіе не вѣрно. Онъ обращаетъ вниманіе, такъ сказать, на способъ приобрѣтенія вещи воромъ, тогда какъ законъ имѣетъ въ виду изобличеніе вора посредствомъ выемки у него изъ-подъ замка украденной вещи. Такимъ образомъ, поличнымъ будетъ не та вещь, которую воръ похитилъ изъ-подъ замка, а та, которую у вора нашли подъ замкомъ, какъ непреложнымъ знакомъ желанія скрыть ее ³⁾. Но, чтобы поличное

¹⁾ *Дмитріевъ*, стр. 264.

²⁾ *Будановъ*, Хрестоматія, II. Бѣлооз. уст. грамота, 1488, стр. 11.

³⁾ *Будановъ*, Хрестоматія, II, стр. 77, прим. 14.

имѣло значеніе повода къ началу розыска, его слѣдуетъ вынуть въ присутствіи должностныхъ лицъ; только въ этомъ случаѣ невозможно было отводъ на томъ основаніи, будто обвиняемаго насильно ополчили. Впрочемъ, очистка полицнаго, то-есть, указаніе на законный способъ приобрѣтенія его, и въ этомъ случаѣ допускалась ¹⁾. Уложение, кромѣ перечисленныхъ условий, то-есть, нахождения полицнаго подъ замкомъ у обвиняемаго и выемки его въ присутствіи должностныхъ лицъ, прибавляетъ еще одно условіе: по статьѣ 51-й главы XXI требуется еще явка о кражѣ. Если такая явка не сдѣлана, въ такомъ случаѣ полицное ведетъ не къ розыскному, а къ обвинительному процессу. Это постановленіе Уложения повторяется и въ Новоуказныхъ статьяхъ (ст. 50).—Подъ „язычною молкой“ разумѣлось обвиненіе кого либо въ лихомъ дѣлѣ пойманнымъ преступникомъ во время пытки. Законъ различаетъ разные виды такого обвиненія. Такъ, оговоръ на пути къ казни, а также оговоръ со стороны преступниковъ послѣ того, какъ они нѣсколько лѣтъ сидѣли въ тюрьмѣ, не имѣли юридическаго значенія ²⁾. При существованіи одного изъ этихъ поводовъ, какъ полицейскія губныя власти, такъ и частныя лица могли начинать дѣло путемъ розыска ³⁾. Когда обвиненіе было сдѣлано, начинался самый процессъ. Первымъ актомъ его былъ допросъ обвиняемаго. Затѣмъ слѣдовало собраніе доказательствъ. Между доказательствами важнѣйшими были повальный обыскъ, оговоръ, полицное, собственное признаніе обвиняемаго, очная ставка и разпросъ. Доказательства обвинительнаго процесса не примѣняются въ розыскѣ; имъ не довѣряло правительство въ XV и XVI вѣкахъ. Важнѣйшими доказательствами (способами собиранія доказательствъ) розыска были повальный обыскъ и собственное признаніе обвиняемаго.

а) *Повальный обыскъ*. Повальный обыскъ производился въ губныхъ учрежденіяхъ губными старостами и дѣловальниками, или городскими приказчиками въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ губныхъ старость не было ⁴⁾. По введеніи земскихъ учреждений обыскъ производятъ и излюбленные головы или вмѣстѣ съ губными старостами, или сами, если послѣднихъ не было ⁵⁾. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были воеводы, и

¹⁾ Будановъ, Хрестоматія, III, стр. 52—53; 68—69.

²⁾ Будановъ, Хрестоматія, III. Уст. книга. Р. Пр., ст. 20, 43.

³⁾ А. А. Э., I, 192, 194, 244, 330.

⁴⁾ А. А. Э., I, 192, 194, 244.

⁵⁾ А. А. Э., I, 234, 257; III, 36.

эти представители верховной власти принимают дѣятельное участие въ производствѣ обыска: воеводы или сами производятъ обыскъ, или же дѣлаютъ распоряженіе о производствѣ его ¹⁾. Вѣроятно, и недѣльщики нѣкоторое время участвовали въ производствѣ обыска: основаніемъ подобному предположенію служитъ 62-я статья Уставной книги Разбойнаго приказа, которая запрещаетъ посылать ихъ въ обыскъ.

Законъ 21-го августа 1556 года впервые опредѣлилъ условія и порядокъ производства повального обыска. По этому закону характерныя черты обыска, отличающія его отъ простаго свидѣтельства, заключаются въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, обыскъ долженъ быть свидѣтельствомъ безыменнымъ, то-есть свидѣтельствомъ лицъ, не поименованныхъ отдѣльно тою или иною стороною. Во-вторыхъ, въ обыскѣ даютъ показаніе многіе: многолюдство составляетъ вторую особенность повального обыска. Законъ, впрочемъ, не опредѣляя, сколько лицъ нужно для того, чтобы обыскъ былъ правильнымъ. Правда, въ Судебникѣ существуетъ такое постановленіе: для обвиненія въ воровствѣ достаточно показаній 10 — 15 боярскихъ дѣтей, или 15 — 20 крестьянъ; но, во-первыхъ, при этомъ требуется, чтобы давшіе показаніе были людьми добрыми, а крестьяне—и цѣловальниками; во-вторыхъ, на основаніи показаній этихъ лицъ обвиняемый не подвергался уголовному процессу, если противъ него не было обвиненій по другимъ дѣламъ. Послѣдующія уставныя грамоты требовали, чтобы въ повальномъ обыскѣ число обыскныхъ людей простиралось до 50—100 человекъ. Въ губныхъ грамотахъ и Уставной книгѣ Разбойнаго приказа число обыскныхъ людей не опредѣляется; но, вѣроятно, оно было не меньше того, которое требовали уставныя грамоты. Нужно различать по числу обыскныхъ людей два вида обыска: собственно повальный обыскъ и обыскъ окольными людьми. Послѣдній видъ обыска примѣняется лишь въ двухъ случаяхъ: 1) когда нужно узнать, была ли оказана помощь разбиваемымъ разбойниками со стороны людей, слышавшихъ ихъ крикъ, и шли ли эти послѣдніе по требованію истца „на слѣдъ“ для отысканія преступника (ст. 25); 2) когда нужно узнать количество сожженного разбойниками имущества (ст. 51). Въ памятникахъ упоминается еще „большой повальный обыскъ“, хотя неизвѣстно, въ чемъ заключались его характерныя особенности.

При производствѣ повального обыска соблюдались слѣдующія пра-

¹⁾ Дмитриевъ, стр. 265.

вила. Лицо, производившее обыскъ, допрашивало обыскныхъ людей „сряду съ одного, а не выборомъ“, не принимая показаній отъ „семей и заговоровъ“. Вообще это лицо должно было заботиться о правдивости показаній и, еслибы узнало, что обыскные люди говорятъ „семьями и заговорами“, обязано было дать знать о томъ высшему начальству. Показанія обыскныхъ людей записывались губнымъ дьякомъ. Писать „за очи“ обыскныя рѣчи воспрещалось, а потому всѣхъ обыскныхъ людей требовали въ этомъ случаѣ изъ уѣзда въ городъ. Духовенство допрашивали по священству и иноческому обѣщанію, а остальныхъ людей—по крестному цѣлованію. По мнѣнію Дмитріева и Сокольскаго, выраженіе „по крестному цѣлованію“ обозначало не присягу, даваемую передъ допросомъ, а общую подданническую присягу государю.

Обыскныя рѣчи излагались въ особенномъ списокѣ послѣ письменнаго исчисления обыскныхъ людей и скрѣплялись или собственною ихъ подписью, или подписью ихъ духовныхъ отцовъ. Лицо, производившее обыскъ, прикладывало къ списку свою печать.

Значеніе обыска, какъ доказательства. „По общему правилу, говоритъ г. Шалфѣевъ, обыскнымъ рѣчамъ судья долженъ былъ вѣрить безусловно“ (стр. 56). Если разнорѣчія въ показаніяхъ не было, то о недовѣріи со стороны судей не могло быть и рѣчи. Но голоса могли раздѣлиться: 1) поровну и 2) на большинство и меньшинство. Въ первомъ случаѣ, то-есть, когда одна половина обыскныхъ людей называла обвиняемаго добрымъ человѣкомъ, а другая — лихимъ, обвиняемаго подвергали пыткѣ, и, если онъ не сознавался, отдавали его „на чистую поруку, съ записью, обыскнымъ людямъ, которые въ обыскѣхъ добрали“. Эта порука имѣла чисто полицейскій характеръ. Если, говоритъ законъ, „послѣ того прибудеть на него какое лихо въ розбойномъ дѣлѣ, и того человѣка казнити смертною казнію; а на обыскныхъ людяхъ, которые его добрали, взяти выть, да изъ нихъ же выбравъ лучшихъ людей человѣкъ дву или трехъ, бити кнутомъ; а поповъ, которые къ своимъ обыскнымъ рѣчамъ руки прикладываютъ, и тѣхъ поповъ въ ихъ пенѣ отсылати ко властямъ“¹⁾. Впрочемъ, эта полицейская порука примѣнялась лишь въ томъ случаѣ, если повальный обыскъ слѣдовалъ за оговоромъ подсудимаго однимъ языкомъ. При оговорѣ же двумя или тремя языками, обви-

¹⁾ *Будановъ*, Хрестоматія, III. Уст. кн. Разбойнаго приказа, ст. 7; Уложеніе, XXI, 42.

няемый не отдавался на поруки той половинѣ обыскныхъ людей, которая „добрела“ его; обвиняемаго садили „въ тюрьму на смерть“, и „животы его“ отдавались „въ исцовые иски“¹⁾. Если затѣмъ прибывало на него какое либо иное лихо, то съ одобрившей половиной обыскныхъ людей поступали согласно вышеизложенному.

При раздѣленіи обыскныхъ людей на большинство и меньшинство, дѣло рѣшалось на основаніи показаній большинства, причемъ законъ опредѣлялъ и это большинство: „будетъ, говорится въ статьѣ 4-й Уставной книги Разбойнаго приказа, въ той половинѣ больше обыскныхъ людей, его назовутъ лихимъ человѣкомъ, человѣкъ 15 или 20, и той половинѣ и вѣрить, и того человѣка пытать накрѣпко“. Шалфѣевъ полагаетъ, что и для оправданія обвиняемаго требовалось такое же большинство въ 15 или 20 голосовъ.

Мы видѣли, уже при какихъ условіяхъ повальный обыскъ имѣлъ силу абсолютнаго доказательства. Съ теченіемъ времени это значеніе обыска мало-по-малу падаетъ. Уже въ 72-й статьѣ Уставной книги Разбойнаго приказа возбужденъ вопросъ о томъ, можно-ли отводить повальный обыскъ. Вопросъ этотъ разрѣшенъ указомъ 1631 года 31-го августа въ отрицательномъ смыслѣ: повальный обыскъ неотводимъ. Однако, это правило относится только къ обыску, правильно произведенному. Доказать неправильность обыска и фальшивость показаній можно было только обыскомъ же; этотъ вторичный обыскъ долженъ охватывать большее число людей, чѣмъ первый²⁾.

б) *Оговоръ*. Выше уже сказано, что памятники различаютъ два вида оговора: 1) „язычная молка“ и 2) „язычныя молки“. Различіе между этими двумя видами оговора заключалось въ томъ, что „язычная молка“, „служба къ обвиненію, не имѣла силы самостоятельнаго судебного доказательства, тогда какъ „язычныя молки“ служили для обѣихъ цѣлей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняли собой даже повальный обыскъ“³⁾. Послѣ „язычной молки“ слѣдовала очная ставка, повальный обыскъ и пытка; послѣ „язычныхъ молокъ“—очная ставка и пытка. Различіе сказывалось и во влияніи на дальнѣйшую судьбу подсудимаго⁴⁾. При недоказанности преступленія въ первомъ случаѣ

¹⁾ *Будановъ*, Хрестоматія, III. Уст. кн. Разбойнаго приказа, ст. 8.

²⁾ *Будановъ*, Хрестоматія, III. Приложение къ Уст. кн. Разбойнаго приказа, VI; Уложение, XXI, 76.

³⁾ *Шалфѣевъ*, стр. 56.

⁴⁾ *Будановъ*, Хрестоматія, III. Уст. кн. Разбойнаго приказа, ст. 7, 8 и др.

слѣдовала отдача на поруки, во второмъ — тюрьма на смерть. Въ Уложеніи, однако, значеніе „язычныхъ молокъ“ сильно падаетъ. Такъ, по статьѣ 39-й главы XXI и за „язычными молками“ слѣдуетъ не очная ставка и пытка, какъ по Уставной книгѣ Разбойнаго приказа, а повальный обыскъ. Это постановленіе, впрочемъ, распространялось только на случай оговора нѣсколькими языками людей знатныхъ — дворянъ, дѣтей боярскихъ и торговыхъ людей, „которые прежде того въ приводѣ не бывали и ни въ какомъ воровствѣ не объявились и ни въ какихъ причинахъ не бывали“¹. Это постановленіе повторяется буквально и въ Новоуказныхъ статьяхъ (ст. 31).

с) *Поличное*. Третьимъ доказательствомъ въ розыскомъ процессѣ было поличное; оно раздѣлялось на разбойное и татебное¹). Впрочемъ, юридическія послѣдствія того и другого были одинаковы. Однако, чтобы служить доказательствомъ въ розыскомъ процессѣ, поличное должно было удовлетворять тѣмъ же условіямъ, что и поличное, какъ поводъ къ розыскому процессу.

д) *Сознаніе обвиняемаго*. Собственное сознаніе подсудимаго старались вынудить посредствомъ пытки. Пытка стала извѣстна въ Россіи съ XV вѣка²), но особое развитіе она получаетъ лишь въ губныхъ учрежденіяхъ, гдѣ сознаніе, добытое посредствомъ пытки, имѣло силу доказательства дѣйствительной виновности. Такъ какъ пытка влекла за собой очень тяжелыя послѣдствія для того лица, которое ей подвергали, то для примѣненія пытки требовалось убѣжденіе судьи въ дѣйствительной виновности обвиняемого³). Пытка употреблялась не только для вынужденія собственнаго сознанія подсудимаго, но и для того, чтобы преступникъ указалъ на своихъ товарищей, а также чтобы узнать количество добытаго разбоемъ, сожженнаго или похищеннаго имущества⁴). Пыткѣ подвергали всѣхъ лицъ, обвиняемыхъ въ лихомъ дѣлѣ; сословныя преимущества играли при пыткѣ лишь ту роль, что при обвиненіи въ лихомъ дѣлѣ дворянъ, дѣтей боярскихъ и ихъ крестьянъ, послѣднія подвергались пыткѣ раньше первыхъ⁵). Съ развитіемъ розыска пытка получаетъ все большее и большее значеніе. Если преступникъ и сознавался, то онъ все-таки подвергся

¹) *Будановъ*, Хрестоматія, III. Уст. вн. Р. Пр., ст. 17 и 18.

²) См. Судебникъ Іоанна III.

³) Нов. Ст., 8.

⁴) *Будановъ*, Хрестоматія, III. Уст. вн. Р. Пр., ст. 45—47.

⁵) *Ibid.*, ст. 15.

пыткѣ съ цѣлью узнать, не совершилъ ли онъ другихъ преступленій. Однако, болѣе трехъ разъ нельзя было производить пытку надъ однимъ лицомъ ¹⁾. Пытали сперва недѣльщики, а затѣмъ губные старосты. Если подвергались пыткѣ пріѣзжіе, въ такомъ случаѣ присутствовали при пыткѣ городской приказчикъ, дворянскій цѣловальникъ и „лутчіе люди“; дьякъ записывалъ рѣчи „пытаннаго“ ²⁾. Законъ запрещалъ пытать на дому ³⁾, усматривая въ такой пыткѣ самоуправство. Обыкновенно пытка производилась въ мѣстѣ нахождения губнаго стана. Законъ разрѣшалъ пытать во все дни, не исключая и праздниковъ, „потому что разбойники и тати и въ праздникъ православныхъ христіанъ бьютъ, и мучать, и огнемъ жгутъ и до смерти побиваютъ“ ⁴⁾. Боярскимъ приговоромъ отъ 23-го октября 1673 года опредѣлены и самые способы производства пытки. Этотъ приговоръ повелѣваетъ запирающихся воровъ „пытать трижды и огнемъ жечь; а въ первой пыткѣ дать имъ 80 ударовъ безъ спуска, а въ другія — 120, а въ третія—150 ударовъ“ ⁵⁾. Показаніе, данное съ пытки, имѣло значеніе абсолютной истины лишь въ томъ случаѣ, если оно относилось къ лицу, подвергавшемуся пыткѣ; если же оно касалось другихъ лицъ, въ такомъ случаѣ требовалась еще очная ставка.

е) *Очная ставка* имѣла цѣлью подтвердить справедливость „язычной молки“. Во избѣжаніе поклеповъ она производилась публично — „во многихъ людехъ“, при чемъ языкъ долженъ былъ узнать оговореннаго и повторить свое обвиненіе. Въ этомъ случаѣ оговоренный привлекался къ розыску. Въ противномъ случаѣ самъ языкъ подвергался новой пыткѣ съ цѣлью узнать, „не сговариваетъ ли онъ съ обвиняемаго по засылкѣ“. На очной ставкѣ производился разпросъ. Показаніямъ преступника въ этомъ разпросѣ не давали большой вѣры, почему и старались подтвердить ихъ пытками.

Взаимное отношеніе доказательствъ. Порядокъ, въ которомъ слѣдовали доказательства одно за другимъ, зависѣлъ отъ повода, которымъ начинался розыскъ. Если розыскъ начинался лихованнымъ обыскомъ, то за нимъ слѣдовала пытка и затѣмъ или наказаніе, или отдача на поруки. Такой порядокъ примѣнялся во всехъ случаяхъ

¹⁾ Ibid., ст. 5.

²⁾ А. А. Э., I, 192, 194.

³⁾ Уложеніе, XXI, 88; Нов. Ст., 16.

⁴⁾ Нов. Ст., 67.

⁵⁾ Карновичъ, *ibid.*, № 561.

обыска, было ли „облихованіе“ единогласнымъ, или большинствомъ голосовъ. За обыскомъ съ доводомъ слѣдовала также пытка, при чемъ, хотя бы подсудимый и не сознался, его все-таки подвергали смертной казни ¹⁾. За „язычную молкой“ слѣдовала очная ставка, на которой производился разспросъ; затѣмъ повальный обыскъ и пытка. Такой порядокъ соблюдался, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если каждое изъ доказательствъ уличало подсудимаго. Но этотъ порядокъ измѣнялся, если оговоренный не могъ просить о повальномъ обыскѣ, какъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда онъ былъ бродягой, и его никто не зналъ. За „язычными молками“ слѣдовали: очная ставка, разспросъ, пытка, полицейскій повальный обыскъ, если оговоренный не сознавался на пыткѣ. При полицномъ, вынужтомъ съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ въ законѣ, частными лицами или полицейскими властями и не очищенномъ или не отведенномъ, примѣнялась пытка. Если же обвиняемый не позволилъ вынуть полицное или ссылался на то, что его „ополичили“ насильно, слѣдовало сыскъ окольными людьми и затѣмъ пытка.

Окончаніе розыска. Когда доказательства были собраны, постановлялся приговоръ, послѣдствіемъ котораго были: или отдача на поруки, или наказаніе преступника, или полицейское заключеніе въ тюрьмѣ. Поручительство было необходимо: а) для одобренныхъ въ обыскѣ, б) для признавшихся во взводимыхъ на нихъ лихихъ дѣлахъ на пыткѣ; в) для преступниковъ, совершившихъ одну татьбу; г) для преступниковъ, совершившихъ неумышленное убійство, и е) для обвиняемыхъ языками въ приѣмъ въ поклажу и въ покупкѣ завѣдомо разбойной или татиной рухляди. Поручительствомъ обезпечивалось хорошее поведеніе отданнаго на поруки; оно же замѣняло полицейскій надзоръ для лицъ, оставшихся въ положеніи подозрѣваемыхъ.

Наказаніе. Наказаніе уже въ эпоху до Уложенія носило уголовный характеръ. Это видно изъ того, что на первомъ планѣ въ наказаніи стоитъ удовлетвореніе чувства абстрактной справедливости по *jus talionis*, и затѣмъ уже слѣдуетъ удовлетвореніе потерпѣвшихъ отъ преступленія. Въ эпоху уложенія на первый планъ выступаетъ въ наказаніи элементъ устрашенія. Однако слѣды этого устрашенія видны уже гораздо ранѣе. Такъ въ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря 1549 года предписывается повѣсить въ тѣхъ мѣстахъ тата, гдѣ „котораго тата понимаютъ съ татьбою“ (А. А. Э., I, 224).

¹⁾ А. А. Э., I, 330.

Въ губныхъ учрежденіяхъ примѣнялись слѣдующіе виды наказаній: смертная казнь, торговая казнь, лишеніе свободы, конфискація имущества, денежные штрафы или выти, изгнаніе изъ общины, въ которой было совершено преступленіе и, наконецъ, членовредительныя наказанія. Послѣднія съ эпохи Уложенія получаютъ преобладающее значеніе.

Заключеніе въ тюрьму. Полицейское заключеніе въ тюрьмѣ было пожизненнымъ и въ большинствѣ случаевъ не имѣло характера наказанія. Этому заключенію подвергались обыкновенно облюбованные въ обыскѣ, но не сознавшіеся на пыткѣ. Такихъ лицъ держали въ тюрьмѣ для того, чтобы имѣть возможность подвергнуть наказанію, если явится доказательство ихъ виновности ¹⁾.

Финансовыя дѣла. Финансовыя дѣла состояли въ исправленіи губныхъ повинностей, въ распоряженіи конфискованнымъ имуществомъ и вытими. Дѣлопроизводство здѣсь заключалось въ томъ, что всѣ поступления и расходы записывались въ приходныя и расходныя книги, которыя ежегодно отсылались въ Москву въ Разбойный приказъ, а изъ половинъ Новгородскихъ пятинъ — къ новгородскому воеводѣ. Въ частности сборъ денежныхъ губныхъ оброковъ производился слѣдующимъ образомъ: составлялась предварительно смѣта этимъ оброкамъ, и по ней уже производились взыскація „по развыткѣ со всѣхъ, по сошному письму, съ живущего, съ чети пашни поровну“. Собранныя деньги вписывались въ приходъ, а сошнымъ людямъ выдавались „въ тѣхъ деньгахъ отписки за руками губныхъ старостъ“ (А. А. Э., III. 271).

Мы рассмотрѣли существенныя особенности губныхъ учреждений. Учрежденія эти, какъ мы видѣли, возникли, какъ чрезвычайная мѣра въ борьбѣ съ организованнымъ разбоемъ, въ прекращеніи котораго имѣло потребность государство, и легли тяжелою повинностью на населеніе. Самоуправленіе по дѣламъ уголовнымъ и круговая порука, то-есть, начала, выработанныя историческою жизнью русскаго народа, послужили основаніемъ для этихъ учреждений. Такъ какъ круговая порука была слѣдствіемъ общинной жизни и существовала только въ общинахъ, то и губныя учрежденія были введены первоначально только въ общинахъ, то-есть, въ городахъ съ посадами и затѣмъ въ волостяхъ или станахъ. Общины обязаны были выбрать изъ своей среды множество должностныхъ лицъ для управленія разбойными дѣлами и

¹⁾ *Будимовъ*, Хрестоматія, III. Уст. кн. Р. Пр., 7—9, 11, 17.

сами отвѣчали по началамъ круговой поруки какъ въ случаѣ злоупотребленій этихъ лицъ, такъ и во всѣхъ вообще случаяхъ неисполненія губной повинности. Съ распаденіемъ общинъ губныя учрежденія уже не могли существовать въ первоначальномъ видѣ. Для нихъ потребовалась новая организація, соотвѣтствующая новымъ обстоятельствамъ времени. По распаденіи общинъ губныя учрежденія распределяются по искусственнымъ единицамъ — уѣздамъ и половинамъ Новгородскихъ пятинъ. Получивъ новую организацію, губныя учрежденія теряютъ свой первоначальный характеръ. Въ нихъ съ этого времени соединяются два начала — земское и приказное, при чемъ послѣднее съ теченіемъ времени приобретаетъ преобладающее значеніе и въ концѣ концовъ поглощаетъ первое. Перемены, произведенныя введеніемъ въ губныя учрежденія приказнаго начала, заключались въ слѣдующемъ. Выборное начало въ губныхъ учрежденіяхъ отступаетъ на второй планъ и къ концу этого періода почти не примѣняется. Второстепенные органы въ губномъ управленіи не выбираются уже населеніемъ, а просто нанимаются. Губные цѣловальники теряютъ мало-по-малу свое значеніе и окончательно уничтожаются въ 1669 году. Губные старосты изъ сословныхъ органовъ обращаются въ сословные и въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо назначаются правительствомъ. вмѣстѣ съ этимъ въ руки ихъ переходитъ или отчасти или въ полномъ своемъ объемѣ приказное вѣдомство. Институтъ круговой поруки больше не существуетъ, такъ какъ и самыхъ общинъ, вызвавшихъ къ жизни этотъ институтъ, больше нѣтъ. Правда, и въ это время примѣняется коллективная отвѣтственность, но она ничего общаго не имѣетъ съ отвѣтственностью древнихъ общинъ; она носитъ характеръ полицейской мѣры, установленной въ тѣхъ или другихъ административныхъ видахъ.

Получивъ приказный характеръ, губныя власти окончательно подчиняются Разбойному приказу, дѣятельность котораго постепенно развивается, но вмѣстѣ съ этимъ онѣ становятся въ иные отношенія и къ подвѣдомственному имъ населенію, отношенія, соотвѣтствующія ихъ новому положенію. Онѣ уже не органы земства, а приказные люди, чиновники, облеченные опредѣленною властью и дѣйствующіе на основаніи государственныхъ законовъ.

Въ такомъ видѣ губныя учрежденія могли бы существовать до тѣхъ поръ, пока существовали въ Московскомъ государствѣ вообще приказные люди, если бы только губныя власти добросовѣстно выполняли возложенныя на нихъ функціи. Но на дѣлѣ вышло иначе.

Губный староста, поставленный внѣ контроля земства и подчиненный Разбойному приказу, въ большинствѣ случаевъ находившемуся отъ него далеко, былъ по народной поговоркѣ „паномъ на всю губу“, то-есть, дѣйствовалъ въ большинствѣ случаевъ по своему усмотрѣнію, соблюдая только свои выгоды. Кромѣ этого, губные старосты избирались и *de jure* и *de facto* изъ интеллигенціи того времени, изъ благороднаго сословія, изъ людей знатныхъ и обязательно грамотныхъ. А такіе люди были еще тяжелѣе для подвѣдомственнаго имъ населенія. „Умный, говоритъ народная пословица, что староста губный, — человекъ опасный“. Дѣйствительно эта пословица оправдывалась дѣятельностью губныхъ старостъ. Злоупотребленія съ ихъ стороны встрѣчаются довольно часто во второй половинѣ XVII вѣка. Такъ, губные старосты обязаны были „по часту“ осматривать тюрьмы и тюремныхъ сидѣльцевъ для предупрежденія побѣга со стороны послѣднихъ. Но они не только этого не дѣлали, а даже брали тюремныхъ сидѣльцевъ въ холоцтво или къ себѣ, или отдавали другому. Въ Уложеніи старались предупредить это взысканіемъ съ губныхъ старостъ вытей вдвое противъ губныхъ цѣловальниковъ (Уложеніе, XXI, 101). Но эта мѣра не имѣла дѣйствія, почему въ Новоуказныхъ статьяхъ строгость наказанія усилена; здѣсь предписывается „губнымъ старостамъ за то чинити жестокое наказаніе, бити кнутомъ нещадно, да на нихъ же за тѣхъ воровъ правити выти“ (ст. 87). Что касается до отношеній губныхъ старостъ къ подчиненному имъ населенію, то они весьма картинно изображаются въ челобитныхъ послѣдняго, въ разное время подававшихся Московскому правительству. Такъ, на-примѣръ, въ 1614 году шуяне жалуются на губнаго старосту Посника Калачева: „и учаль, государь, тотъ Посникъ на насъ посацкихъ людишекъ похвалятся поклепомъ и подметомъ и наученіемъ язычною молвою, и учаль, государь, намъ угрожати всякими похва-лами, а велитъ намъ къ себѣ носить кормъ всегда, хлѣбъ, и мясо, и рыбу, и питье, медъ и вино, и учаль, государь, у насъ засто-ваючи къ себѣ на дворъ животину всякую бити, и учаль, государь, намъ посацкимъ людишкамъ чинити насильство и налоги великіе и многіе, государь, посацкіе люди отъ него Посникова насильства раз-бредили и посацкіе дворы отъ него Посника заустѣли“¹⁾ и т. д. Для облегченія населенія правительство неоднократно прибѣгало къ устраненію отъ должности губныхъ старостъ или замѣнѣ ихъ вое-

¹⁾ Чичеринъ, стр. 500.

водами и приказными людьми. Такъ, въ 1660 году губнымъ старостамъ низовыхъ городовъ „у губныхъ дѣлъ не велѣно быти“, „а тѣ всѣ дѣла вѣдать въ городахъ воеводамъ, до государева указа“ ¹⁾. Въ 1661 году эта мѣра получила обще-государственное значеніе ²⁾. Но къ 1669 году губные старосты были возстановлены и въ томъ же году подчинены сыщикамъ. Это, впрочемъ, не привело ни къ какимъ результатамъ; злоупотребленія продолжались. Поэтому въ 1679 году и губные старосты, и сыщики уничтожены, и всѣ губныя дѣла возложены на воеводу ³⁾. Въ 1683 году опять посылаются кое-гдѣ сыщики по просьбамъ мѣстныхъ помѣщиковъ, а въ 1684 году по именному указу съ боярскимъ приговоромъ повелѣно: „во всѣхъ городѣхъ быть губнымъ старостамъ и въ тѣхъ городѣхъ разбойныя и убійственныя и татинныя и всякія губныя дѣла вѣдать имъ попережнему, а воеводамъ тѣхъ дѣлъ не вѣдать“ ⁴⁾. Очевидно, центральная власть колебалась, кому лучше отдать губныя дѣла: въ руки ли выборныхъ органовъ или въ руки чиновниковъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію правительства. Императоръ Петръ I разрѣшилъ этотъ вопросъ въ смыслѣ соединенія приказныхъ началъ съ выборными. Уничтоживъ въ 1702 году губныя учрежденія, онъ повелѣлъ: „въ городѣхъ губнымъ старостамъ и сыщикамъ не быть, а вѣдать всякія дѣла съ воеводы боярамъ, тѣхъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, въ большихъ городахъ по четыре и по три, а въ меньшихъ по два человѣка“ ⁵⁾. Съ этого времени губныя учрежденія болѣе не возстановлялись: они стали достояніемъ исторіи.

В. Курдюковскій.

¹⁾ Карновичъ, № 282.

²⁾ Ibidem, № 313.

³⁾ Полное Собраніе Законовъ, 751.

⁴⁾ Полное Собраніе Законовъ, №№ 1011, 1062.

⁵⁾ Полное Собраніе Законовъ, № 1900.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. *А. И. Никитскій*. Москва. 1893.

I.

Положеніе вопроса объ исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода въ русской исторіографіи.

Историческое прошлое Новгорода Великаго давно уже привлекало вниманіе цѣлаго ряда изслѣдователей.

Не трудно замѣтить, что сочиненія, посвященныя разработкѣ этой темы, довольно ярко отражали на себѣ вліяніе разныхъ направленій, господствовавшихъ въ русской исторіографіи. Въ то время, на примѣръ, когда довольствовались сборниками матеріаловъ, классифицированныхъ большею частью на основаніи случайныхъ признаковъ, появляются и первыя топографическія и географическія описанія Новгорода и его области. Стремленіе къ болѣе детальному анализу разнородныхъ источниковъ и критической ихъ оцѣнкѣ, такъ сильно сказавшееся въ началѣ XIX вѣка (благодаря дѣятельности графа Румянцева), замѣтно въ трудахъ митрополита Евгенія, посвященныхъ Новгороду и Пскову. Еще позже Новгородомъ начинаютъ интересоваться представители западническаго и славянофильскаго направлений: С. М. Соловьевъ указываетъ на несостоятельность вѣчеваго устройства, а И. Д. Бѣляевъ настаиваетъ на законченныхъ формахъ общинной жизни въ Новгородѣ. Съ наступленіемъ новаго настроенія въ нашей исторіографіи, ознаменованнаго изученіемъ племенныхъ особенностей, повліявшихъ на ходъ русской исторіи, не за-

медлилъ появиться извѣстный трудъ Н. И. Костомарова о сѣверно-русскихъ народоправствахъ. Вслѣдъ за тѣмъ благодаря трудамъ А. И. Никитскаго и Ѳ. И. Леонтовича рѣзкія различія между научными взглядами славянофиловъ и западниковъ успѣли нѣсколько сгладиться. Вопросъ объ историческомъ прошломъ Великаго Новгорода нуждался въ пересмотрѣ съ новой точки зрѣнія. А. И. Никитскій не замедлилъ приняться и за это дѣло. Въ теченіе многихъ лѣтъ трудился онъ надъ изученіемъ историческихъ судьбъ роднаго своего города и его области. За время этихъ работъ монизмъ славянофильской и западнической школь уже смѣнился новымъ направлениемъ, приверженцы котораго пытались разяснить наше прошлое дѣйствіемъ разнообразныхъ взаимно переплетающихся началъ. Подчиняясь этому взгляду, авторъ очерка внутренней исторіи Пскова не замедлилъ обратиться къ изученію многихъ сторонъ быта Великаго Новгорода: его церковнаго, областнаго, военнаго и административнаго устройства.

Въ выборѣ этихъ темъ на А. И. Никитскаго, быть можетъ, въ послѣднее время его ученой дѣятельности уже успѣла повліять и новая точка зрѣнія, привлекавшая все большее и большее число сторонниковъ не только въ русской, но и въ западно-европейской исторіографіи. Отъ смѣлыхъ и широкихъ обобщеній, опиравшихся на апіорныя основанія, прямо переносимыхъ изъ области философіи въ исторію, русскіе историки перешли къ микроскопическимъ наблюденіямъ надъ явленіями народной жизни, чаще всего переповторяющимися и, при современномъ уровнѣ нашихъ знаній, всего болѣе доступными точному изученію, а такими свойствами, казалось, и отличались явленія экономическія. Съ полнымъ научнымъ безпристрастіемъ примѣняя эту новую точку зрѣнія къ изученію древненовгородскаго быта, А. И. Никитскій уже готовилъ къ печати „Исторію экономическаго быта Великаго Новгорода“, когда преждевременная кончина прервала начатый трудъ; „почти оконченный“, онъ, по словамъ самого автора, нуждался, однако, „въ окончательномъ просмотрѣ, незначительныхъ дополненіяхъ и снабженіи его необходимыми ссылками на источники“. Эту работу принялъ на себя г. Харизоменовъ; благодаря попеченіямъ редактора сочиненіе покойнаго историка не залежалось въ его бумагахъ и черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти А. И. Никитскаго вышло въ свѣтъ.

Обстоятельства, при которыхъ изданъ трудъ Никитскаго, принуждаютъ его рецензента остановиться лишь на самыхъ существенныхъ сторонахъ разбираемой книги и не придавать большаго значе-

нія мелкимъ пробѣламъ и промахамъ, которыхъ авторъ, вѣроятно, сумѣлъ бы избѣжать, еслибы самъ руководилъ изданіемъ своей книги.

II.

Основная точка зрѣнія и система изложенія „Исторіи экономического быта Великаго Новгорода“.

Тема, избранная Никитскимъ, какъ видно, удовлетворяетъ современнымъ запросамъ науки. Къ сожалѣнію, отсутствіе руководящаго предисловія лишаетъ насъ возможности ознакомиться съ взглядами самого автора на этотъ предметъ; въ его сочиненіи, однако, во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть, на ряду съ широкою разработкою многихъ важнѣйшихъ вопросовъ, существенныхъ пробѣловъ.

Подъ „Исторіей экономического быта Великаго Новгорода“, конечно, всего проще было бы разумѣть исторію народнаго хозяйства, въ предѣлахъ означенной области. Авторъ однако, не обратилъ вниманія на многія явленія экономического свойства, находящіяся въ самомъ близкомъ соприкосновеніи съ избранною имъ темой.

Количествомъ населенія, наиримѣръ, и его отношеніемъ къ площади занимаемой имъ территории, въ нѣкоторой степени предрѣшается характеръ всего экономического строя, особенно, если свойства ея почвы достаточно хорошо извѣстны. Къ сожалѣнію точныя свѣдѣнія о населенности самого Великаго Новгорода относятся къ позднѣйшему времени ¹⁾; болѣе раннему періоду принадлежатъ описанія Корелы, Орѣшка, Копорья, Яма, Ладоги и Ивангорода въ окладныхъ книгахъ 1495—1500 гг. ²⁾, а также рядковъ и другихъ поселеній Новгородской области въ оброчныхъ книгахъ того же времени, источникъ, которымъ самъ г. Никитскій охотно пользовался для ха-

¹⁾ А. Э., т. I, № 205. Счетъ дворовъ въ Великомъ Новгородѣ и пригородахъ Новгородскихъ 1545 г. (рук. XVI в.) хранится въ рукописномъ отдѣленіи, при библиотекѣ Академіи Наукъ. (Я. Березниковъ, О нѣкоторыхъ важныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ въ *Журналѣ Министертва Народнаго Просвѣщенія*, 1835 г., ч. VII, стр. 118). Ср. статья И. Купріянова о населенности Новгорода въ *Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, 1840 г., №№ 1—3, и въ *Вѣстникъ Географическаго Общества*, 1852 г., т. V, стр. 31—36.

²⁾ *Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей.*, тт. XI, 111—115 и XII, 1—7.

рактически хозяйственного быта Новгорода въ XIII вѣкѣ¹⁾. На основаніи всего этого матеріала возможно было бы прійти къ кое-какимъ заключеніямъ о населенности изучаемаго района если не въ древнѣйшее, то по крайней мѣрѣ въ болѣе позднее время, къ концу XV вѣка.

Писцовыя книги не даютъ намъ указаній на всю площадь, занимаемую перечисленными въ нихъ поселеніями, а только на приписанную къ нимъ обработанную землю; но перенося населенные пункты на карту, не трудно вычислить и занимаемую ими площадь, которая, судя по даннымъ XVI—XVII вѣковъ, должна была примѣрно занимать 282.127 квадратныхъ верст²⁾. Педологическія свойства этой территоріи хотя и обращаютъ на себя вниманіе А. И. Никитскаго, но разсматриваются имъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, несмотря на то, что современныя ему изслѣдованія почвъ даютъ уже возможность нѣсколько точнѣе выяснитъ и этотъ вопросъ.

Вычисленіе средней населенности данной площади во всемъ ея объемѣ можетъ оказаться, пожалуй, дѣломъ рискованнымъ; тѣмъ не менѣе отъ такого осторожнаго изслѣдователя, какимъ является Никитскій, слѣдовало бы ожидать рѣшенія этого вопроса примѣнительно къ отдѣльнымъ мѣстностямъ, болѣе или менѣе удачно подобраннымъ, въ зависимости отъ ихъ свойствъ и имѣющихся на лицо указаній. Этой задачи Никитскій также не ставитъ и не рѣшаетъ въ своемъ трудѣ.

Статистика населенія дала бы автору матеріалъ и для другихъ заключеній, не менѣе важныхъ. Хозяйственный типъ страны ярко характеризуется, напримѣръ, большей или меньшей степенью централизаціи населенія, разбросанности его по селамъ или скученности въ городахъ. Новгородъ казался „изумительно большимъ городомъ“ одному изъ иностранцевъ-путешественниковъ, посѣтившихъ его въ началѣ XV вѣка (1413 г.). Это извѣстіе, однако, едва ли заслуживаетъ полного довѣрія; его слишкомъ мало оправдываютъ другія данныя³⁾.

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги, изданныя Археографическою Комиссією, т. I—IV (1495, 1498, 1500 и др. годовъ). С.-Пб. 1859—1886.

²⁾ К. Невоминъ, Пятины и Погосты Новгородскіе, въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества, т. VIII, стр. 55 и 57.

³⁾ G. de Lannoy, Oeuvres, pub. par Ch. Potvin, Louvain. 1878, p. 32: „Est la ville de la grant Noegarde merveilleusement grant ville...“; черезъ нѣсколько строкъ однако, авторъ и рѣку Волховъ называетъ „une très grosse rivière“. Въ 1545 г. въ Новгородѣ можно было, повидимому, насчитать не болѣе 5000 дворовъ (А. Э. т. I, № 205).

Рядки, посады и города (въ современномъ смыслѣ) Новгородской области отличались незначительными размѣрами своего населенія; въ самомъ людномъ изъ Новгородскихъ пригородовъ, напримѣръ, въ Корелѣ, къ концу XV вѣка можно было насчитать тяглыхъ людей всего лишь 223 человекъ въ 177 дворахъ ¹⁾. И тѣмъ не менѣе эти пункты сравнительно съ маленькими поселками въ 2—3 двора, преобладавшими въ Новгородской области, въ то время могли имѣть значеніе крупно-населенныхъ городскихъ центровъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что централизація сказывалась не только въ количествѣ населенія, но и въ родѣ его занятій ²⁾.

Съ статистикой населенія, разумѣется, тѣсно связана и статистика переселеній; цифровыя данныя по этому вопросу еще болѣе гадательны, чѣмъ въ первомъ случаѣ, но самый процессъ переселенія возможно было бы изучать въ связи съ колонизаціей. Какъ поднимались переселенцы со старинныхъ мѣстъ и садились на новыя, шла ли колонизація хуторами или болѣе крупными поселками, представляли ли они родственные или общинные союзы, все это—явленія, которыя можно наблюдать по писцовымъ книгамъ и которыя поддаются обработкѣ (см. ниже). Въ сочиненіи Никитскаго означенные вопросы затронуты лишь вскользь, мимоходомъ, въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, безъ попытки дать имъ болѣе точную постановку и возможное рѣшеніе.

Еще сильнѣе чувствуется недостатокъ въ трудѣ Никитскаго какихъ бы то ни было изслѣдованій въ области исторіи цѣны. Матеріалъ по этому вопросу, хотя и скудный, все же существуетъ. Въ Новгородскихъ и Псковскихъ лѣтописяхъ можно встрѣтить указанія на максимальныя цѣны пшеницы, ржи, овса, пшена, хмѣля, рѣпы, меду, сухарей, соли и т. п. въ XII—XV вѣкахъ; крѣпостные акты XIV—XV вѣковъ содержатъ свѣдѣнія о цѣнѣ холоповъ, земельныхъ участковъ и цѣлыхъ хозяйствъ ³⁾. Между тѣмъ, подобнаго рода матеріалы позволили бы Никитскому приблизиться къ рѣшенію вопроса о доходности земельныхъ участковъ, промышленнаго труда и торговыхъ оборотовъ съ одной стороны, и о рыночной стоимости

¹⁾ Н. Чечулинъ, Города Московскаго государства, стр. 35.

²⁾ А: Ильинскій, Городское населеніе Новгородской области въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1876, июнь, стр. 258—259.

³⁾ Въ договорахъ Новгородцевъ съ Нѣмцами стоимость нѣкоторыхъ товаровъ также иногда переводится на деньги; см., напримѣръ, проектъ 1269 г. *G. Sartorius und I. Lappenberg*, Urkund. Gesch. der deutschen Hanse, II, 1830, ss. 98—98.

новгородскаго рубля съ другой. Упуская исторію цѣнъ, авторъ „Исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода“, по неволѣ долженъ былъ оставить въ сторонѣ изученіе явленій, безъ которыхъ надлежащаго понятія объ экономическомъ бытѣ страны мы не получимъ.

Такимъ образомъ, сочиненіе Никитскаго едва ли можно назвать исторіей народнаго хозяйства въ предѣлахъ Новгородской области. Оно посвящено главнымъ образомъ описанію промышленности и торговли Великаго Новгорода до XV вѣка. Разъясняя нѣкоторые изъ важнѣйшихъ вопросовъ о производствѣ и обращеніи богатствъ, авторъ, при этомъ, почти не касается ихъ распредѣленія и потребления.

Не выдерживая исходной точки зрѣнія, указанной выше, Никитскій нерѣдко выступаетъ и за ея предѣлы. Переходя, напримѣръ, изъ области вопросовъ чисто экономическаго свойства къ вопросу объ организациі хозяйственной дѣятельности, авторъ много мѣста удѣляетъ характеристикѣ русскихъ и нѣмецкихъ купеческихъ общинъ, постоянно касается не только фактическихъ, но и правовыхъ отношеній членовъ ихъ другъ къ другу; тѣмъ не менѣе, сущность этихъ послѣднихъ остается совершенно не разъясненною. Связывать производство съ организацией труда, конечно, необходимо, но въ такомъ случаѣ желательно было бы выяснитъ ея фактическіе и правовые элементы, ибо характеромъ ихъ взаимоотношенія опредѣляется и степень развитія самой организациі. Представляются ли участники даннаго союза родственниками, сонаслѣдниками, контрагентами договора найма или товарищами, словомъ, къ чему сводится юридическое отношеніе между ними, ихъ *vera societas*—все это вопросы, которые подлежатъ рѣшенію, должны быть поставлены и могутъ быть отчасти разъяснены, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о западно-европейскихъ „*Geselschap*“ или „*simpanie*“.

Еще далѣе отъ основной темы лежатъ, конечно, вопросы экономическаго законодательства и экономической политики. Никитскій касается ихъ вскользь, не выдѣляя въ особую группу. Между тѣмъ, такіе памятники, какъ уставъ „о городскихъ мостехъ“ или договоры Новгородцевъ съ Нѣмцами сами по себѣ заслуживали бы научнаго анализа, такъ какъ представляютъ до сихъ поръ довольно много спорнаго; новгородскія „скры“ въ ихъ разнообразныхъ редакціяхъ также оставлены авторомъ почти безъ всякаго вниманія ¹⁾. Много

¹⁾ При этомъ новѣйшая работа *Frensdorff'a* (*Das Statuarische Recht der deutschen Kaufleute in Novgorod, Göttingen, 1887*), осталась, повидимому, неизвѣстною Никитскому.

характернаго представляет исторія Новгорода и въ той зависимости, какая обнаруживается между его экономическимъ строемъ и его культурой, общественными отношеніями и политикой¹⁾). Въ своемъ изслѣдованіи авторъ не касался большинства этихъ вопросовъ и, такимъ образомъ, лишилъ себя возможности указать на связь экономической жизни Новгорода съ остальными ея проявленіями, что помѣшало ему опредѣлить и значеніе ея для Великаго Новгорода.

Итакъ, въ сочиненіи своемъ А. И. Никитскій сводитъ исторію народнаго хозяйства Великаго Новгорода на описаніе его промышленной и торговой дѣятельности, слишкомъ поверхностно толкуетъ объ ея организациі и почти вовсе не останавливается на экономическомъ законодательствѣ и хозяйственной политикѣ Новгорода.

А. И. Никитскій задался мыслью ознакомить читателей не только съ экономическимъ бытомъ Великаго Новгорода, но и съ исторіей этого быта. Подобнаго рода задачу трудно выполнить, не опредѣливъ предварительно порознь тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагалась хозяйственная жизнь Великаго Новгорода. Мы видѣли, однако, что нашъ авторъ довольно произвольно опустилъ изъ виду цѣлый рядъ такихъ элементовъ; естественно, что и развитіе ихъ взаимоотношенія остается далеко не выясненнымъ.

Схему экономической исторіи Новгорода авторъ старается прежде всего установить на основаніи общихъ соображеній. „Послѣдовательность, съ какой идутъ одинъ за другимъ производительные промыслы различныхъ націй вообще, пишетъ онъ, опредѣляется не закономъ экономического развитія, а исключительно природой и положеніемъ земли“. Подъ ея давленіемъ сказывается „различіе въ зачаткахъ производства“ у разныхъ народовъ, а такое различіе въ свою очередь обуславливаетъ особенности въ дальнѣйшихъ путяхъ его развитія и такимъ образомъ „отнимаетъ у прогресса производства всякую возможность служить нормой экономического развитія народовъ“ (стр. 1). Едва ли можно вполне согласиться съ безусловнымъ характеромъ такого утвержденія. 1) Оно основано на идеѣ о полной изолированности данной соціальной группы отъ остальныхъ. Какъ только мы предположимъ возможность со стороны этого „изо-

¹⁾ Здѣсь сильнѣе чѣмъ гдѣ либо въ другихъ древне-русскихъ земляхъ мы можемъ наблюдать, напримѣръ, какъ этотъ строй повліялъ на образованіе словныхъ дѣленій. Нѣсколько поверхностныхъ и едва ли правильныхъ замѣчаній по этому поводу мимоходомъ высказано Никитскимъ на стр. 47.

лированнаго государства“ сноситься съ другими народами, исключительная его зависимость отъ мѣстныхъ условій слабѣть. Между тѣмъ Ильменскіе Славяне уже съ древнѣйшаго времени находились въ какихъ то сношеніяхъ съ восточными и западными сосѣдями, причѣмъ эти группы племенъ не стояли на одинаковомъ уровнѣ развитія; такимъ образомъ условія благоприятныя для транзитной торговли были на лицо. 2) Въ основѣ вышеприведеннаго утвержденія лежитъ также идея о непосредственной связи между страной и ея кореннымъ, туземнымъ населеніемъ; такіе случаи, однако, встрѣчаются довольно рѣдко и, по крайней мѣрѣ въ европейской исторіи, едва ли не представляютъ исключенія. Ильменскіе Славяне, напримѣръ, подобно большинству другихъ народовъ, явились на мѣста, гдѣ застаеть ихъ исторія, изъ другихъ странъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ; устраиваясь здѣсь на новосельѣ, они уже обладали извѣстными зачатками культуры, могли, напримѣръ, заниматься не только скотоводствомъ, но и земледѣіемъ и обработкою нѣкоторыхъ металловъ (мѣди, а также золота, извѣстнаго славяно-германской группѣ народовъ. 3) Такимъ образомъ, благодаря зачаткамъ культуры, которые могли быть получены переселенцами независимо отъ мѣстныхъ условій страны вселенія, они получали возможность обнаруживать воздѣйствіе на окружающія ихъ условія природы, и чѣмъ далѣе шло развитіе, тѣмъ болѣе могло сказываться такое воздѣйствіе. 4) Замѣтимъ, наконецъ, что положеніе, высказанное Никитскимъ, едва ли согласно съ общей теоріей развитія. Первичныя условія хотя и имѣютъ нѣкоторое значеніе для какого нибудь отдаленнаго послѣдующаго періода данной исторіи, но вліяютъ на него гораздо меньше чѣмъ ближайшій предшествующій, въ которомъ, однако, могутъ оказаться элементы, невыводимые изъ первоначально данныхъ. Съ этой точки зрѣнія и отрицаніе за прогрессомъ производства *всякой* возможности служить нормой экономическаго развитія народовъ можетъ оказаться несостоятельнымъ.

Вышеприведенныя замѣчанія не уничтожаютъ, конечно, положенія, высказаннаго г. Никитскимъ; они только показываютъ, думается намъ, что безусловный его характеръ нуждается въ доказательствѣ и провѣркѣ, чего, однако, самъ авторъ, хотя бы примѣнительно къ Новгородской исторіи, не дѣлаетъ. Между тѣмъ Никитскій, исходя изъ этого утвержденія, заявляетъ, что „законъ экономическаго развитія“, то-есть, преимва, въ какомъ одинъ за другимъ слѣдуютъ

пастушескій бытъ, земледѣліе, мануфактуры и торговля, „не внушаетъ ни малѣйшаго довѣрія“ (стр. 1). Если мы обратимъ вниманіе на то, что указанные періоды характеризуютъ въ сущности развитіе одного производства, не приставлены другъ къ другу, а входятъ одинъ въ другой, что порядокъ ихъ представляетъ идеальную норму, которая въ *приложеніяхъ* своихъ, конечно, нарушается цѣлымъ рядомъ историческихъ обстоятельствъ, и что вышеприведенная формула простое эмпирическое обобщеніе, а не „законъ“, то и точка зрѣнія, высказанная на него Никитскимъ, вѣроятно, измѣнится.

Общія положенія, принятыя Никитскимъ, мало повліяли, однако, на послѣдующее его изложеніе, отличающееся строго фактическимъ характеромъ и большою осторожностью въ выводахъ. Быть можетъ, этимъ свойствомъ историка объясняется недостаточно ясная характеристика указанных имъ періодовъ новгородской экономической исторіи, по скольку о нихъ даютъ понятіе сами источники. Такихъ періодовъ г. Никитскій признаетъ всего три: къ первому относятся „зачатки Новгородской экономической жизни“ (IX—XII вѣка), во второмъ (XIII вѣкъ) авторъ обращаетъ вниманіе на натуральное хозяйство и торговлю съ Западомъ. въ третьемъ (XIV—XV вѣка) на торжество Московскаго порядка; эта послѣдняя глава распадается на два отдѣла, посвященные обзору „зачатковъ денежнаго хозяйства“ и „торговли съ Западомъ“. Подобнаго рода схема недостаточно характерна. Натуральное хозяйство и торговлю съ Западомъ мы, конечно, встрѣчаемъ и въ первомъ періодѣ (стр. 11, 14—36); ее же можно видѣть также въ третьемъ (229—300); наконецъ, „торжество“ Московскаго порядка въ сущности становится замѣтнымъ лишь съ XV вѣка, притомъ, главнымъ образомъ, съ 1456 года (стр. 279). Эти дѣленія слишкомъ мало оправдываются и послѣдующимъ изложеніемъ, въ которомъ г. Никитскій, быть можетъ, не успѣлъ окончательно выяснитъ характерныя особенности намѣченныхъ имъ періодовъ.

Извѣстное дѣленіе всякой экономической исторіи на два періода, характеризуемыхъ преобладаніемъ одного изъ типовъ: домашняго („ойкоснаго“, натурального) или общественнаго (мѣноваго, денежнаго, капиталистическаго) хозяйства, принято во вниманіе Никитскимъ. На первыхъ порахъ, замѣчаетъ онъ, каждое хозяйство заключало въ себѣ чуть ли не всѣ элементы промышленной жизни; говоря точнѣе, каждое хозяйство производило для собственнаго потребленія, а не для

обмѣна. При неудовлетворительности результатовъ, получаемыхъ отъ земледѣлія, природа Новгородской области открывала возможность ея обитателямъ заниматься еще и другими промыслами, напрімѣръ звѣроловствомъ и рыболовствомъ; „земледѣліе, звѣроловство и рыболовство поэтому входили въ составъ почти каждаго хозяйства“ (стр. 11). Не отмѣтивши порождаемую подобнаго рода хозяйственнымъ строемъ незначительность спроса и предложенія, сильно вліяющихъ и на образованіе цѣнностей, Никитскій прямо указываетъ на непосредственную мѣну товара на товаръ, какъ на „сущность натурального хозяйства“ (стр. 98, 100, 182). Между тѣмъ, натуральное хозяйство характеризуется, какъ мы видѣли, производствомъ для собственнаго потребленія, а не мѣною, которая возможна въ подобнаго рода строѣ лишь въ видѣ исключенія; авторъ забываетъ приэтомъ указать на ту незначительную роль, какую играли деньги, какъ мѣрило цѣнности, а не орудіе обращенія. Далеко не полно выяснивши основныя особенности натурального хозяйства, Никитскій предполагаетъ денежное хозяйство болѣе или менѣе извѣстнымъ читателямъ и безъ дальнѣйшихъ разъясненій прямо приступаетъ (въ гл. III) къ характеристикѣ денежной системы Новгородцевъ съ начала XV вѣка. Между тѣмъ въ хозяйственной исторіи Новгорода, подобно другимъ, не трудно замѣтить, какъ постепенно растетъ значеніе труда въ производствѣ; самъ авторъ обращаетъ вниманіе на развитіе новгородской промышленности въ XIII вѣкѣ и на „систему кунъ“, то-есть въ сущности денежнаго, хотя и не металлическаго обращенія, наряду съ которымъ, однако, замѣчаются и первые признаки новаго порядка вещей (стр. 60, 61, 64). Такимъ образомъ это переходное время можно характеризовать развитіемъ промышленности и первичными зачатками денежнаго хозяйства. Съ этого времени все большее и большее значеніе получаетъ крупная поземельная собственность, денежные капиталы и внѣшняя торговля, характеризующіе третій періодъ въ исторіи новгородскаго хозяйства.

Дѣленіе это, конечно, не исключаетъ дѣйствіе каждаго фактора предшествующаго періода въ послѣдующемъ и не предполагаетъ возможность установить рѣзкія грани между указанными періодами. Замѣтимъ приэтомъ, что въ исторіи новгородскаго хозяйства, къ которой примѣнны все эти ограниченія, второй періодъ въ виду цѣлаго ряда историческихъ обстоятельствъ очень скоро долженъ былъ уступить мѣсто третьему. Тѣмъ не менѣе каждому изъ періодовъ,

указанныхъ выше, присущи особенности, отличающія его отъ остальныхъ.

Въ первомъ изъ нихъ, напримѣръ ¹⁾, по всей вѣроятности важное значеніе имѣла колонизація. во второмъ она изъ общенародной превращается въ спеціальную, монастырскую (стр. 37) или военно-финансовую, въ третьемъ вырождается въ ушкунничество. Въ первомъ періодѣ мы видимъ преобладаніе натурального хозяйства, малое развитіе спроса и предложенія и смѣшеніе занятій. Во второмъ періодѣ картина мѣняется: наряду съ натуральнымъ хозяйствомъ видны зачатки денежнаго (ср. стр. 60, 61 и 64); подъ вліяніемъ усиливающегося спроса начинаетъ развиваться промышленная дѣятельность и ея организація (ср. стр. 85). Всѣ эти особенности еще сильнѣе выражены въ третьемъ періодѣ: денежное хозяйство въ это время окончательно водворяется, спросъ еще значительнѣе и вліяетъ на развитіе промышленности, которое сказывается въ раздѣленіи занятій (стр. 217) и въ появленіи обработанныхъ продуктовъ на рынкѣ. При натуральномъ характерѣ хозяйства въ древнѣйшій періодъ новгородской жизни обращеніе сводилось къ незначительной мѣнѣ товара на товаръ; отличаясь повидимому, перемежающимся, случайнымъ характеромъ оно состояло, главнымъ образомъ во внѣшней торговлѣ новгорода съ югомъ и югозападомъ Россіи, востокомъ и ближайшими торговыми центрами западной Европы (Готландомъ). Положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось во второмъ періодѣ: хотя заграничный торгъ все еще держится на мѣнѣ, тѣмъ не менѣе утверждается система кунъ, какъ денежныхъ знаковъ, (ср. стр. 151), зарождается внутренняя торговля въ предѣлахъ Новгородской области, обращеніе не только усиливается, но и становится болѣе регулярнымъ, торговые обороты съ Днѣпра начинаютъ переходить на Волгу, тогда какъ торговля съ Нѣмцами, болѣе постоянная благодаря появленію ихъ въ Новгородѣ и договорамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно захватываетъ Ганзейскіе города, порождая между купцами довольно сильную конкуренцію. Всѣ это обстоятельства вліяютъ на историческія судьбы Новгорода, какъ главнаго пункта торговыхъ операцій и способствуютъ централизаціи Новгородской области. Въ третьемъ періодѣ взамѣнъ кунъ начинаютъ появляться металлическія деньги, изгоняющія мѣну не

¹⁾ Ссылки на страницы въ текстѣ именно указываютъ на примѣры встречающіеся въ книгѣ Никитскаго, но не утилизированные имъ съ этой точки зрѣнія.

только изъ внутреннихъ, но вѣроятно, отчасти и изъ внѣшнихъ оборотовъ. Нѣсколько большее постоянство и регулярность сношеній и сравнительное обиліе капиталовъ способствуютъ развитію кредита ¹⁾, а противъ конкуренціи приходится бороться вредною системою монополій (стр. 253). Торговля Новгорода съ Поволожьемъ усиливается, но въ ней начинаютъ играть роль и новые конкуренты, московскіе купцы, состоящіе подъ покровительствомъ сильнаго сосѣда, Московскаго государя; что-же касается до западной торговли, то она все болѣе и болѣе отливаетъ изъ Новгорода въ лифляндскіе торговые центры. Различія въ производствѣ и обращеніи за указанные выше періоды развитія въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ условій вызвали перемѣны и въ распредѣленіи. Въ первомъ періодѣ незначительность матеріальныхъ средствъ населенія (стр. 9) приводитъ къ довольно равномерному распредѣленію богатствъ, нарушенному во второмъ появленіемъ земельныхъ и денежныхъ капиталовъ; усиливавшаяся неравномерность въ распредѣленіи (стр. 193) естественно ведетъ къ антагонизму общественныхъ классовъ, борьба которыхъ обостряется въ третьемъ періодѣ и грозитъ перейти во внутреннія междоусобія. При такихъ условіяхъ и значеніе Новгорода, какъ торговаго пункта, начинаетъ падать, тѣмъ болѣе что постоянно повторяющіяся хозяйственныя потери и зачатки роскоши придаютъ потребленію непродовольственный характеръ. Внутренніе беспорядки, при этомъ, все растутъ, а внѣшнія политическія условія становятся все менѣе благоприятными. Сравнительно независимый въ первые два періода своего существованія Новгородъ въ этотъ послѣдній принужденъ считаться не только съ Орденомъ, но и съ Литвою, съ Тверскими и, главнымъ образомъ, съ Московскими князьями. Послѣдніе оказались въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ остальные, для того что-бы въ 1477—1478 гг. окончательно смирить Новгородъ и подчинить его своей самодержавной „волѣ“.

Таковы важнѣйшія особенности, характеризующія періоды, которые указаны, но не установлены Никитскимъ.

Обратимся къ критическому обзорѣ важнѣйшихъ отраслей новгородскаго хозяйства, обратившихъ на себя вниманіе Никитскаго, причемъ каждую отрасль рассмотримъ вкратцѣ по возможности послѣдовательно за всѣ три періода ея развитія.

¹⁾ Das Rigische Schuldbuch (1286 — 1352) herausg. v. Dr. H. Hildebrand. Spt. 1872.

III.

Важнѣйшія отрасли народнаго хозяйства въ Великоѣ Новгородѣ и его области.*1. Колонизація¹⁾.*

Очеркъ географическихъ условій, при которыхъ совершалась новгородская колонизація, Никитскій дѣлаетъ на основаніи современныхъ данныхъ и древнѣйшихъ источниковъ Новгородской исторіи.

Первымъ рядомъ показаній онъ пользуется для того, чтобы характеризовать климатъ и почву Новгородской области. Недостаточное знакомство съ новѣйшей литературой предмета, быть можетъ, нѣсколько повліяло на неопредѣленность такой характеристики. Средняя температура, ея колебанія и количество осадковъ въ данной области, могутъ быть указаны съ достаточною точностью, которой, однако, не видно въ изложеніи Никитскаго; тотъ же недостатокъ можно указать и относительно свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ о почвѣ²⁾.

Если въ очеркѣ физико-географическихъ условій Новгородской области авторъ, быть можетъ, слишкомъ мало придерживается исторической точки зрѣнія, то въ изображеніи флоры и фауны она получаетъ слишкомъ преобладающее значеніе; ихъ характеристика сдѣлана Никитскимъ лишь по тѣмъ указаніямъ, которыя встрѣчаются въ старинныхъ лѣтописяхъ и актахъ. Свѣдѣнія подобнаго рода, хотя и должны служить основаніемъ для вырѣшенія вопросовъ исторической географіи, но не могутъ удовлетворить изслѣдователя во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ отличаются слишкомъ случайнымъ характеромъ, что готовъ признать и Никитскій (стр. 3). Авторъ

¹⁾ Въ послѣдующемъ изложеніи мы подвергли критическому пересмотру лишь данныя о производствѣ (промышленности) и обращеніи (торговлѣ) богатства въ Новгородѣ, но не касались его распредѣленія и потребленія, такъ какъ это вопросы вовсе не затронуты въ сочиненіи и Никитскаго, на что было указано выше.

²⁾ *Wild*, Die Temperaturverhältnisse des Russischen Reichs, 1877—1881 (по русски 1882) съ атласомъ; см. напр. рус. пер. стр. 222 и прилож., стр. 161—162. *В. Чаславскій*, Почвенная карта Европейской Россіи, изданная департаментомъ земледѣнія и торговли и *В. Докучаевъ*, Картографія русскихъ почвъ, С.-Пб. 1879 г.

едва ли погрѣшилъ бы противъ научнаго метода, если бы присоединилъ новѣйшія указанія къ древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, не смѣшивая, разумѣется, однихъ съ другими. Для этихъ цѣлей можно было бы воспользоваться географическими и топографическими описаніями прошлаго вѣка, а также разными путешествіями русскими и иностранными. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Флора Новгородской области остается почти вовсе незатронутой въ сочиненіи Никитскаго; матеріалы, собранные Палласомъ отчасти восполнили бы этотъ пробѣлъ ¹⁾. Описывая классъ рыбъ, Никитскій вовсе не упоминаетъ о стерлядяхъ, лещахъ, плотвахъ и щукахъ, которые, судя по описанію 1771 г. водились, однако, въ Волховѣ; селявы, платицы (плотвы?), сомы и судаки, также не встрѣчающіеся въ перечисленіяхъ автора, населяли воды Псковской провинціи въ позднѣйшее время. Такіе же примѣры можно подыскать изъ другихъ классовъ животнаго царства: лисицы, водившіяся на Печорѣ, еще въ XVIII вѣкѣ встрѣчаются въ уѣздахъ Изборскомъ, Островскомъ, Пусторжевскомъ и Великолуцкомъ, лоси—также извѣстны были въ двухъ послѣднихъ ²⁾. Замѣтимъ приэтомъ, что характеристика Никитскаго вышла бы, вѣроятно, точнѣе, если бы онъ постарался выдѣлить флору и фауну, характерную для Новгородской области, отъ общераспространенныхъ видовъ растений и животныхъ, что возможно было-бы сдѣлать на основаніи новѣйшихъ данныхъ ботанической и зоологической географіи. Странно, напримѣръ, на одну доску ставить медвѣдей, обитающихъ въ Сѣверной части Скандинавіи, въ восточной Европѣ и сѣверной Азіи съ космополитами въ родѣ зайцевъ и свиней, или тетеревовъ упоминать наравнѣ съ общераспространенными разновидностями anatidae и anseridae.

Множество водъ, изобиловавшихъ рыбою, и обширныхъ лѣсовъ, населенныхъ разновидностями пернатыхъ и четвероногихъ, при незначительности и разбросанности земельныхъ участковъ, годныхъ для обработки, обусловили и разсѣянность жилыхъ поселковъ, основанныхъ первыми колонистами изъ Славянъ въ области Ильмено-Невской системы. По справедливому замѣчанію Никитскаго „мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для того, чтобы судить, насколько эта обшир-

¹⁾ С. Р. И. О., т. XLII, стр. 358—367; *П. Палласъ*, Описание растений Россійскаго государства, перев. съ рукоп. В. Зуевъ, С.-Пб. 1786 г.

²⁾ Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской Имперіи, С.-Пб. 1771 г., т. 1, стр. 339, 341, 345, 363, 387.

ная область стала ареною культуры уже въ древнѣйшее время и какъ сформировались въ ней права собственности. Можно, однако, предполагать, что вся земля и въ цѣломъ составѣ достояніе Великаго Новгорода была открыта для занятія и обработки всѣхъ свободныхъ Новгородцевъ. Последніе дѣйствительно подъ именемъ смердовъ владѣли ею въ значительной части и черезъ это стояли въ нѣкоторомъ отношеніи къ князю, какъ представителю власти Великаго Новгорода“ (стр. 9). Такимъ образомъ, колонизація была скорѣе всего общенародною.

Древнѣйшіе процессы заселенія страны мы, однако, можемъ себѣ представить, по крайней мѣрѣ отчасти, судя по позднѣйшимъ явленіямъ такого же рода. Первоначальною формою поселковъ была по мнѣнію автора „весь, обозначающая такое селеніе, члены котораго были соединены между собою родственною связью“ (стр. 38). Никитскій не приводитъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, хотя, можетъ быть, они дѣйствительно существуютъ. Множество деревень съ наименованіями въ родѣ: Андреевичи, Домашевичи, Евоновичи, Мишутковичи, Нестеровичи и т. д., вѣроятно, образованы были родственниками ¹⁾. Авторъ, однако, видитъ въ XIII вѣкѣ уже новую форму поселенія, въ которомъ „родственные или даже общежительныя отношенія совершенно не играютъ никакой роли“ (стр. 38). Быстрый переходъ отъ первой формы ко второй остается необъясненнымъ, да и другія соображенія не говорятъ въ пользу такого утвержденія. Деревени съ патронимическими названіями продолжаютъ образовываться и въ позднѣйшее время ²⁾. Самъ авторъ замѣчаетъ, что „чуть ли не каждое появленіе новой семьи было равнозначительно съ заложеніемъ новыхъ поселковъ“ (стр. 37); обычай семейныхъ раздѣловъ, извѣстный намъ по новгородскимъ грамотамъ позднѣйшаго времени ³⁾ и существованіе почти рядомъ поселковъ съ одинаковыми названіями, быть можетъ, говорить въ пользу этого положенія ⁴⁾. Наконецъ и договоры купли продажи даютъ любопытныя свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу. Въ актахъ, закрѣпляющихъ подобнаго рода сдѣлки, обыкновенно упоминаются ихъ участники. Давно уже было замѣчено, что выраженія: „приобрѣсть имущество себѣ и своимъ

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги, т. II, С.-Пб. 1862, стр. 66, 68, 69, 93 и др.

²⁾ Ibid., стр. 119.

³⁾ А. Ю., стр. 111, 112 и 113.

⁴⁾ Новгородскія писцовыя книги, т. II, стр. 66, 68, 89, 100, 119, 131 и др.

дѣтямъ или уступить такому-то лицу и его дѣтямъ и, наоборотъ, приобрести имущество отъ такого-то лица и его дѣтей или уступить вмѣстѣ съ своими дѣтьми свое имущество—вызваны стремленіемъ родителей сохранить остающееся послѣ нихъ имущество въ пользу своихъ дѣтей противъ притязаній старшихъ родственниковъ и означаютъ только приобретение или отчужденіе имущества въ вѣчное и потомственное владѣніе¹⁾). Съ этой точки зрѣнія, однако, не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ упоминаніе отца съ дѣтьми, отчуждающаго данное имущество, могло удовлетворить родительское чувство: вѣдь оно открывало возможность „старшимъ родственникамъ“, не указаннымъ въ актѣ, выражать свои претензіи на объектъ сдѣлки, лишая одновременно такого же права прямыхъ наследниковъ продавца, согласившихся на ея совершеніе. Возможно, что въ виду этого „отецъ съ дѣтьми“ въ числѣ продавцовъ почти не встрѣчается; взаимнѣ этого перечисляются братья или родственники, отчуждающіе имущество²⁾). Но перечисленіе такихъ лицъ, которыя могли быть его совладѣльцами въ моментъ совершенія договора, невольно вызываетъ вопросъ: не были ли они не только дѣеспособными, но и правоспособными контрагентами заключаемой сдѣлки? Не были ли они *sui heredes* въ древнѣйшемъ смыслѣ этого термина, не почитались ли „*etiam vivo patre quodammodo domini*“³⁾).

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній мы не рѣшаемся утверждать вмѣстѣ съ Никитскимъ, что въ основѣ новыхъ формъ поселенія родственныя отношенія не играли никакой роли; возможно, напротивъ, что они предопредѣляли въ нѣкоторой мѣрѣ самый характеръ поселенія, землепользованія и землевладѣнія. Нѣтъ сомнѣнія однако, что въ этихъ явленіяхъ и „общежительныя отношенія“ играли нѣкоторую роль. Существованіе „приходской земли“ возможно было лишь благодаря духовному общенію между членами данной

¹⁾ К. Невоминъ, Исторія гражданского законодательства, т. I, стр. 345. С. Г. Г. и Д., т. I, № 6, 7 и 8. Здѣсь читаемъ между прочимъ слѣдующее: „А кто купилъ, а тый знаетъ своего истьца или дѣти ею: истьца ли не будетъ, ни дѣтий ею, цѣловати хрестъ; како истьца не свѣдаетъ взяти ему куны, колко будетъ данъ по исправѣ, а земля Новугороду“ (1305 г.).

²⁾ А. Ю., № 71, I, V, XII, XXI, XXVIII, XXXII и XXXVI; въ послѣднемъ актѣ продавцами оказываются отецъ съ дѣтьми.

³⁾ Вопросъ этотъ, кажется, до сихъ поръ окончательно не выясненъ въ древнегерманскомъ правѣ, хотя и рѣшается утвердительно въ англо-саксонскомъ; см. О. W. Holmes, The common law, pp. 342, 344, 346.

группы поселковъ ¹⁾, а сярбенное и складническое землевладѣніе предполагаетъ образованіе ассоціацій до приобрѣтенія земли, хотя и въ виду пользованія ею (см. ниже).

Одною изъ позднѣйшихъ формъ поселенія, по мнѣнію Никитскаго, можно считать село. „Какъ мѣсто поселенія, село заключало въ себѣ обыкновенно жилия помѣщенія и этимъ собственно отличалось отъ простой поземельной собственности“ (стр. 38). Но вѣдь и въ „весахъ“ были жилия строенія. Слѣдовательно, указаннаго признака недостаточно для опредѣленія понятія села. Послѣднее, дѣйствительно, содержало обыкновенно жилия строенія, принадлежавшія, однако, собственнику даннаго участка, а не его людямъ и поселеннымъ на его землѣ крестьянамъ. Въ актахъ, напримѣръ, участки, на которыхъ одинъ дворъ хозяина, нерѣдко называются селомъ, а тамъ, гдѣ такихъ дворовъ нѣсколько — селами; нѣтъ двора на участкѣ, осталось только дворце, то-есть, мѣсто, гдѣ стоялъ нѣкогда хозяйскій дворъ, и участокъ перестаетъ называться селомъ; то же, конечно, наблюдается, когда вовсе нѣтъ ни дворовъ, ни дворницъ ²⁾. Впрочемъ встрѣчаются случаи, когда дворъ — на участкѣ, но о селѣ нѣтъ и рѣчи, или, наоборотъ, когда говорится о ²/₃ села, хотя двора не упоминается ³⁾. Послѣдніе случаи, вѣроятно, объясняются раздѣлами сель пополамъ, по третямъ и т. д.; возможно, что съ теченіемъ времени, подобныя выраженія получили значеніе нѣкоторой мѣры; говорили: село земли, полсела, двѣ трети села...

Заселеніе края на первыхъ порахъ осложнялось тѣмъ, что славянамъ-колонистамъ приходилось встрѣчаться и ладить съ туземнымъ населеніемъ. Никитскій почти вовсе опустилъ изъ виду то влияніе, какое могло оказывать это общеніе, хотя бы въ области промышленности (стр. 78). Русскіе насельники, повидимому, скорѣе проиграли, чѣмъ выиграли отъ такого общенія. Западнымъ финнамъ они передали, напримѣръ, слѣдующія слова (преимущественно древнѣйшія): аршинъ, берковецъ, вервь, веревка, верста, гумно, долото, клѣтъ, ковшь, коробья, ложка, мошна, острога, печь, пирогъ, сапогъ, соха, товаръ, торгъ ⁴⁾, между тѣмъ какъ сами заимствовали

¹⁾ А. Ю., № 71, XXV, XXVI, XXIX, XXX, XXXI, XXXVII.

²⁾ А. Ю., № 71, *passim*.

³⁾ А. Ю., № 71, XVIII, XXVIII и XXXVI; *ibid.*, № XXV.

⁴⁾ *J. Mikkola*, *Berührungen zwischen den Westfinnischen und Slavischen Sprachen*, Hels. 1893, ss. 79—94.

лишь нѣсколько незначительныхъ выраженій изъ области промышленной техники: таковы, повидимому, сарья—снарядъ для битья шерсти, тарья—рѣшетка или заборъ „для препятствованія рыбѣ подниматься вверхъ по рѣкѣ“, шабала, шебала — всякая щепенная посуда, выраженія, и по сіе время употребляемыя на Мезени и Двинѣ; время ихъ заимствованія, впрочемъ, неизвѣстно ¹⁾. Лишь вліяніе, какое финны могли оказать на русскихъ въ развитіи металлургическаго искусства, отмѣчено Никитскимъ ²⁾.

Такъ же мало обращено вниманія авторомъ и на послѣдующія спеціальныя колонизаціи: монастырская почти вовсе не разработана, а военно-финансовая пройдена молчаніемъ. Между тѣмъ походы, предпринимаемые повольниками на новгородскія окраины, имѣли непосредственное экономическое значеніе для самого Новгорода; не говоря о новыхъ земляхъ, присоединяемыхъ военными отрядами къ новгородской территоріи и увеличивавшихъ количество данниковъ новгородскихъ, повольники, возвращаясь въ столицу, приносили обратно добычу, въ томъ числѣ нерѣдко приводили и полонъ, которымъ пополнялся контингентъ рабовъ, имѣвшихъ важное значеніе въ новгородскомъ хозяйствѣ ³⁾.

2. Промышленность.

При описаніи древнѣйшихъ видовъ хозяйственной дѣятельности звѣринаго и рыбнаго промысловъ, Никитскій останавливается лишь на новгородской флорѣ и фаунѣ, но подробнаго анализа экономическаго значенія звѣроловства и рыболовства въ новгородскомъ хозяйствѣ не даетъ. Внимательнѣе авторъ отнесся къ земледѣлію или, скорѣе, къ землепользованію. Остановимся на его заключеніяхъ по этой части.

Система полеваго хозяйства была первоначально подсѣчной. Это

¹⁾ *М. Веске*, Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка, Казань. 1890 г., стр. 93—95.

²⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что Славяне, какъ отрасль Индоевропейскаго племени, могли уже обрабатывать мѣдь и до знакомства съ Финнами; терминъ для означенія золота перешелъ въ западно-финскія нарѣчія изъ германскихъ (*О. Schwader*, Sprachvergleichung und Urgeschichte, 2-te Auf., Iena, 1890, s. 257).

³⁾ Новгородская лѣтопись по синодальному списку, стр. 160, 195, 223, 334, 404. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 168.

доказываетъ Никитскій, приводя въ пользу своего мнѣнія данныя конца XV вѣка (стр. 70); но и позже въ XVII вѣкѣ въ предѣлахъ прежнихъ Новгородскихъ владѣній продолжаютъ практиковаться тѣ же приемы. Такъ, напримѣръ, писцы, посланные въ 1624—1625 годахъ въ Тотемскій уѣздъ, „мѣрили живущую пашню и отхожую“. Эти земли получались „сѣченіемъ чернаго лѣса...“ „И опроставъ, пишутъ крестьяне въ своей челобитной государю, сойдемъ одинъ хлѣбъ и то мѣсто и покинемъ, покамѣста опять лѣсъ большой поростетъ“¹⁾. Мало по малу, однако, подсѣчное хозяйство смѣнилось трехпольнымъ. „Древнѣйшія писцовыя книги не знаютъ уже ни какой другой системы“ (стр. 221, ср. впрочемъ стр. 222—223, прим.). При этомъ на ряду съ экстенсивной культурой зарождается интенсивная; въ грамотахъ XIV—XV вѣковъ, напримѣръ, встрѣчаются указанія на хмѣлеводство²⁾.

Обработка земли требовала и болѣе или менѣе сложной организациі земледѣльческаго труда; на ея разновидностяхъ Никитскій останавливается съ особеннымъ вниманіемъ. „Весь строй новгородской жизни, пишетъ авторъ, проникнуть былъ господствомъ личнаго начала, трудно мирившагося съ какими либо ограниченіями личной самостоятельности“ (стр. 44). Не останавливаясь здѣсь на разборѣ этого положенія въ полномъ его объемѣ, посмотримъ, насколько оно согласно съ характеромъ организациі земледѣльческаго труда. Этому положенію противорѣчитъ прежде всего существованіе въ Новгородѣ несвободныхъ лицъ, цѣна которыхъ, судя по актамъ конца XV вѣка, колебалась отъ 1½ до 3 рублей новгородскихъ³⁾. „При перечисленіи принадлежностей древнихъ новгородскихъ частныхъ имѣній, мы встрѣчаемъ почти неизбѣжно указанія на присутствіе въ нихъ рабовъ, вѣрный признакъ, что обработка имѣній находилась на ихъ обязанности“ (стр. 10). Правда, что въ позднѣйшее время, по мнѣнію Никитскаго, этотъ порядокъ будто бы нѣсколько измѣнился. „Назначе-

1) Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, П. Д. С. Л. 7154—7156 г.: Дѣло по челобитью Тотемскаго уѣзда посыльщика Федора Дубровина. Ср. А. Ефименко, Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ въ „Исслѣдованіи народной жизни“, вып. I, изд. 2-е, стр. 201. А. Савитовъ, О системахъ земледѣлія, С.-Пб., 1867, стр. 15—16.

2) А. Ю., № 71, VII.

3) Записная книга вѣрностнымъ актамъ XV—XVI вѣковъ, явленныхъ въ Новгородѣ дьяку Алябьеву и въ копіи присланная А. Зерцаловымъ въ Археографическую Коммиссію.

ніе челяди, пишетъ нашъ авторъ, лежало, кажется, въ значительной долѣ внѣ сферы экономической жизни; она служила главнымъ образомъ для личныхъ потребностей хозяевъ“ (стр. 62—63). Не говоря о томъ, что „личныя потребности хозяевъ“ входятъ также въ „сферу экономической жизни“, трудно представить себѣ, какимъ образомъ порядокъ, только что установившійся въ XII вѣкѣ, успѣлъ уже распататься въ слѣдующемъ столѣтіи. Авторъ замѣчаетъ, что „освобожденіе рабовъ на волю“ способствовало уменьшенію ихъ количества; но съ другой стороны, взамѣнъ отпускаемыхъ, въ холопство поступали и новыя лица, на что указываетъ цѣлый рядъ актовъ XV—XVI вѣковъ; увеличеніе денежныхъ капиталовъ въ рукахъ землевладѣльцевъ также открывало новый источникъ холопской зависимости, укрѣпляемой служилою кабалой¹⁾. Примѣры небольшого количества рабовъ у нѣкоторыхъ изъ землевладѣльцевъ XIII вѣка также мало убѣдительно: по числу вкладовъ въ монастырь судить, на примѣръ, о числѣ принадлежавшихъ ему рабовъ опасно, такъ какъ случайныя упоминанія о вкладахъ не даютъ понятія о *цѣльномъ* монастырскомъ хозяйствѣ. Къ тому же Никитскій пользуется лишь двумя *примѣрами*, для *доказательства* весьма важнаго заключенія, которое свидѣтельствовало бы въ пользу значительнаго хозяйственнаго, да и общественнаго развитія обнаруженнаго Новгородцами при переходѣ изъ XII въ XIII вѣкъ. Далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что „земледѣльцы, кажется, вообще не имѣли обыкновенія привлекать крестьянъ къ воздѣлыванію своей пашни или по крайней мѣрѣ тѣхъ участковъ, которые оставались впустѣ“ (стр. 63). Наконецъ, въ періодъ Московскаго владычества нерѣдко встрѣчаются указанія на людей помѣщика, воздѣлывающихъ для него пашню или скашивающихъ сѣно²⁾, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется увеличеніе боярскихъ запашекъ въ это время (стр. 210).

Вышеприведенному заключенію Никитскаго противорѣчатъ и другія формы отношеній. „Кромѣ рабовъ, замѣчаетъ самъ авторъ, рабочую силу при обработкѣ частныхъ имѣній могли доставлять полусвободные...“ „Уже Русская Правда, какъ извѣстно, упоминаетъ о ролейныхъ закупахъ и нѣтъ никакого основанія отрицать ихъ присутствіе въ Новгородѣ...“ А подъ ролейными закупамъ слѣдуетъ разумѣть лицъ, „обязанныхъ за долгъ работать на владѣльческихъ зем-

¹⁾ А. Э., т. I, № 35 (ок. 1400 г.).

²⁾ Новгородскія писцовыя книги, *passim*.

ляхъ при помощи владѣльческаго скота и орудій...“ (стр. 11). Къ сожалѣнію Никитскій не указалъ на связь, какая существуетъ между этимъ состояніемъ и позднѣйшимъ серебрянничествомъ, легко приводившимъ, какъ мы видѣли, къ кабальному холопству.

Бывали, однако, случаи, когда по свободному обоюдостороннему договору одинъ изъ его контрагентовъ поставлялъ капиталъ, нужный для предпріятія, а другой, главнымъ образомъ, трудъ, необходимый для эксплуатаціи самаго капитала. Въ такомъ отношеніи, какъ кажется, находились землевладѣлецъ и половникъ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшее время оно лежало въ основаніи заключаемаго контракта. Никитскій слишкомъ не ясно выражаетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ. „Основаніе, которымъ (sic) опредѣлялись отношенія между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ, пишетъ онъ, вездѣ было (въ XIII вѣкѣ) одно и то-же, а именно не что иное, какъ половничество. Земля сдавалась крестьянамъ не подъ условіемъ платы опредѣленной ренты деньгами или хлѣбомъ, а подъ условіемъ внесенія извѣстной доли продукта. Но единство основанія не устраняло, однако, разнообразія (въ величинѣ доли продукта) формъ поземельныхъ отношеній, не только въ разныхъ краяхъ области, но даже въ одной и той же мѣстности. Первоначальною величиной, отъ которой получила свое названіе и вся система отношеній, было внесеніе въ казну землевладѣльца половья или половины общаго ежегоднаго дохода землевладѣльца. Но затѣмъ въ обычаѣ стало утверждаться рядомъ съ половьемъ и плата трети, четверти и пятины годичнаго дохода“ (стр. 59 — 60). Этотъ рядъ обобщеній, сдѣланныхъ Никитскимъ, страдаетъ большою неточностью. Основаніе отношенія между хозяиномъ и половникомъ, принятое авторомъ, не разъясняетъ намъ, почему половникъ не выплачиваетъ аренды землевладѣльцу и не работаетъ по найму, а дѣлитъ *доходы* съ хозяиномъ: при этомъ, Никитскій указываетъ, что избранное имъ основаніе „половье“ мѣнялось и, не смотря на такія перемѣны, считаетъ, однако, отношеніе на новомъ основаніи не измѣнившимся. Наоборотъ, если предполагать, что въ основѣ разбираемаго отношенія лежитъ соглашеніе двухъ контрагентовъ, направленное на приобрѣтеніе имущества (дохода) на общія средства, причемъ одинъ изъ нихъ вноситъ капиталъ, а другой трудъ, (иногда, можетъ быть, съ небольшою долей капитала въ видѣ орудій или сѣмянъ), то станетъ понятнымъ, почему члены товарищества, *по* выполненіи предпріятія, *дѣлятъ* полученные отъ него *доходы* между собою по паямъ. Указывая на то, что земля сдавалась крестьянамъ

не подѣ условіемъ платы опредѣленной ренты деньгами или хлѣбомъ, а подѣ условіемъ внесенія извѣстной доли продукта, Никитскій не разъясняетъ, въ чемъ онъ полагаетъ разницу между „рентой хлѣбомъ“ и долею продукта; вѣдь и поземельная рента можетъ входить въ „долю продукта“. Необходимо было бы опредѣлить, что значить эта „доля продукта“, всего вѣроятнѣе видѣть въ ней часть валового дохода съ оборотнаго капитала. При такихъ условіяхъ, искъ (actio pro socio) могъ быть направленъ на раздѣлъ общей прибыли и общихъ убытковъ.

Въ Новгородской области существовали и другіе союзы, образовавшіеся въ виду хозяйственной эксплуатаціи земельныхъ участковъ. Таковыми можно считать сябровъ и складниковъ, на значеніе которыхъ Никитскій не обратилъ никакого вниманія. Съ извѣстною долей вѣроятія можно предположить, что въ основѣ сябринства и складства лежали первоначально родственныя отношенія. Въ одной изъ старинныхъ новгородскихъ купчихъ (XIV—XV вѣковъ) встрѣчается, напримѣръ, упоминаніе о „сябрахъ“, которые всѣ оказываются родственниками „дѣтьми Сасиними“ и всѣ вмѣстѣ продаютъ свою тоню Ивану Чевакину. Извѣстны также весьма любопытные случаи перехода семейнаго союза въ складство въ предѣлахъ той же Новгородской области ¹⁾; съ теченіемъ времени подобнаго рода товарищества стали слагаться и на другой почвѣ ²⁾.

Распространенность сябринства, какъ особой формы земельной коопераціи, въ древней Россіи несомнѣнна. Въ посланіи митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Омѣ, XII вѣка, попадаютъ между прочимъ слѣдующія строки: „да скажу ти сущихъ славы хотящихъ: иж прилагаютъ домъ къ дому и села къ селомъ, изгонж и сябры и бортіи и пожнии ляда же и старины...“ ³⁾. Указанія на сябровъ встрѣчаются и въ судныхъ грамотахъ Псковской и Новгород

¹⁾ А. Ю., № 71, V. А. *Ефименко*, Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ въ „Исслѣдованіяхъ народной жизни“, вып. I, изд. 2, стр. 219—230. Особенно стр. 222, гдѣ приведенъ любопытный случай перехода семейнаго союза въ складство (1602 г.). И. *Луцичкій*, Сябры и сябринное землевладѣніе въ *Свердловѣ Вѣстникъ* за 1889 г., №№ 1 и 2. А. Ю., 71, V. Русская Историческая Библіотека, т. XIV, стр. 339, 602.

²⁾ См. ниже.

³⁾ Памятники древней письменности, № XC, С.-Пб. 1892, изд. X. Лопарева, стр. 14.

ской, въ связи съ дѣлами по поземельнымъ искамъ ¹⁾. Въ началѣ XVI вѣка въ Витебскѣ и Полоцкѣ упоминаются сябры городскіе. что внушаетъ мысль о существованіи сябровъ сельскихъ, которые позднѣе постоянно встрѣчаются въ Малороссіи. Сущность подобнаго рода союзовъ сказывается, напримѣръ, въ одной изъ новгородскихъ межевыхъ грамотъ 1521 года, выданной по поводу спора, возникшаго между старожильцами Кулгальскими и Кривецкими съ Гакукшанами. „А что по Сомбѣ рѣкѣ пожни, говорили старожильцы, и тѣ пожни косити Кулгалцомъ и Кривчаномъ и вѣвки по старинѣ; а к тому имъ тѣхъ поженъ не прибавливати а что являли передъ судьей Юрьевскаго монастыря крестьянинъ Полута Михѣевъ сынъ да в. к. крестьянинъ Пудожской Лучка Ѳедотовъ Панезерець, а сказывались въ томъ же ободѣ сябры и мы Кулгалцы и Кривчане за тѣхъ исцовъ съ Гакукшаны не мирились; а мы Гакукшаны тѣхъ исцовъ въ той земли себя сябрами не сказываемъ, а который насъ Кулгалецъ или Кривчанинъ перелѣзетъ за межу, а учнутъ пахати оиять ту землю и не устоимъ въ своемъ словѣ ино на насъ Кулгалце и на Кривчанахъ 10 рублевъ Московская“ ²⁾. Такимъ образомъ, сябры представляются намъ товариществомъ, которое владѣетъ землею въ одной межѣ. На эту землю сябры имѣютъ, повидимому, одну „купную (общую) грамоту“; каждый шаберъ или сябрь пользуется, однако, своимъ участкомъ земли, но распоряжаться имъ, помимо всего товарищества, не можетъ. Поэтому на судѣ „всѣ сябры становятся въ одномъ мѣстѣ“. хотя крестъ цѣловать долженъ одинъ „во всѣхъ сябровъ“, то-есть, за все товарищество ³⁾.

Къ тому же типу очень близко подходили и другіе союзы, извѣстные подъ названіемъ складствъ. Въ писцовыхъ книгахъ Новгородской области встрѣчаются извѣстія о складникахъ при описаніи земледѣльческихъ хозяйствъ ⁴⁾. Никитскій считаетъ такихъ лицъ „крестьянами, жившими за чужимъ тягломъ“ (стр. 65). Въ древнѣйшихъ памятникахъ мы, къ сожалѣнію, не встрѣчаемъ достаточно

¹⁾ Псковская судная грамота, ст. 92 и 106; Новгородская судная грамота, ст. 24. (М. Владимірскаго-Буданова, Христоматія, вып. I, стр. 160, 165 и 178). Сборникъ П. Муханова, № 83; А. З. Р., т. I, № 204; т. II, № 70.

²⁾ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7029 г. (выписку изъ этого дѣла обязательно сообщилъ мнѣ А. П. Вороновъ).

³⁾ Псковская судная грамота, ст. 92 и 106. Дальнѣйшихъ указаній на способы землепользованія союза сябровъ въ предѣлахъ Новгородской области мы къ сожалѣнію не имѣемъ.

⁴⁾ Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XI, стр. 56.

ясныхъ указаній на это состояніе. Сопоставленіе наиболѣе раннихъ текстовъ съ позднѣйшими даетъ намъ, однако, возможность нѣсколько разъяснить сущность складства. Одна изъ новгородскихъ купчихъ XIV—XV вѣковъ укрѣпляетъ сдѣлку между мужемъ съ женою и двумя лицами Василюмъ Филимоновичемъ и Евсеѣмъ Онаньинымъ. Василий и Евсеѣй вмѣстѣ покупаютъ у нихъ село Ижемское „за девять сороковъ бѣлки, а пополнка кура“. „А будетъ Евсеѣю не до земли и его дѣтемъ, ино имъ мимо Василья Филимонова и его дѣтей земли не продавати никому же; ни Евсеѣвымъ дѣтемъ мимо Васильевыхъ дѣтей земли не продавати никому же, ино взяти Евсеѣю и его дѣтемъ свои куны у Василья у Филимонова и у его дѣтей, польпята сорока бѣлки, а земля Василю Филимонову и его дѣтемъ одеренъ и ввѣки“¹⁾. Ясно, что Василий и Евсеѣй пріобрѣтаютъ землю на общія средства, въ складчину, едва ли даже не на равныхъ паяхъ²⁾. Нѣчто подобное встрѣчается и въ грамотахъ Соловецкаго монастыря XV вѣка, гдѣ есть указанія на то, что нѣсколько лицъ „компаніями, вдвоємъ, втроємъ покупали въ Поморѣ землю и селились на нихъ“³⁾.

Въ позднѣйшее время, судя, напримѣръ, по актамъ XVI—XVII вѣковъ, въ Двинскомъ краѣ члены такого товарищества назывались складниками; лица, состоявшія въ родственныхъ отношеніяхъ нерѣдко сохраняли общность движимаго имущества; въ противномъ случаѣ складники независимо другъ отъ друга распоряжались имъ⁴⁾, сообща владѣя при этомъ землею на правахъ собственности, которая укрѣплялась такою же „купною грамотою“, какъ и владѣнія сябровъ⁵⁾. Пользованіе общою собственностью, повидимому, было различно; встрѣчаются случаи, когда складники обрабатывали „впочую землю“ по переѣмамъ: одинъ годъ участокъ эксплуатировался однимъ изъ складниковъ, слѣдующій—другимъ⁶⁾; луга также, повидимому, иногда оставались,

¹⁾ А. Ю., № 71, X; „складствомъ“ называлось иногда общее тягло (Русская Историческая Библіотека, т. XIV, стр. 140).

²⁾ Василий и Евсеѣй всего заплатили 9 сороковъ бѣлки; Евсеѣй въ случаѣ выхода изъ товарищества (которое тѣмъ самымъ и прекращается) обязуется уплатить полпята сорока бѣлки Василю, то-есть половину покупной цѣны.

³⁾ В. Ключевскій, Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ—въ Извѣстіяхъ Московскаго Университета за 1867 г., № 7.

⁴⁾ А. Ефименко, *Op. cit.*, стр. 222. Русская Историческая Библіотека, т. XIV, стр. 713, 788.

⁵⁾ Русская Историческая Библіотека, т. XII, стр. 267; т. XIV, стр. 130 и 765.

⁶⁾ Русская Историческая Библіотека, т. XII, стр. 218, 219, 431, 450; т. XIV, стр. 570.

въ общемъ пользованіи, приче́мъ члены товарищества дѣлили между собою скошенное сѣно въ копнахъ ¹⁾); наконецъ, складники нерѣдко предпочитали раздѣлять свою поземельную собственность, обыкновенно пашню, на участки, жеребьи, которые обрабатывали независимо другъ отъ друга; къ сожалѣнію трудно сказать, переповторялись ли такіе дѣлежи, не приводили ли они къ передѣламъ? Существуютъ указанія на то, что они иногда уравнивались при дѣлежѣ ²⁾). Какъ юридическое лицо, складники всѣ вмѣстѣ облагались податями и вносили ихъ ³⁾), а также подобно сябрамъ „стояли за одно на судѣ“; сохранилась даже чрезвычайно любопытная „одинашная запись“ 1608 г., которая утверждаетъ подобнаго рода специфическій видъ солидарности. Лица, ее заключившія, обязуются „стояти всѣмъ вмѣстѣ за вопчую землю“ и для этого, на общія средства отпустить одного изъ „товарыщей“ въ ближайшій уѣздный городъ или Москву по дѣламъ, приче́мъ каждый изъ членовъ товарищества получаетъ по одному экземпляру „одинашной“ ⁴⁾).

Такимъ образомъ, ассоціаціи въ родѣ сябровъ и складниковъ имѣютъ много общаго между собою. Онѣ, можетъ быть, различались другъ отъ друга скорѣе способомъ пріобрѣтенія земельного имущества, чѣмъ пользованія имъ. Сябры владѣли сообща *унаслѣдованною* ими землею. Въ основѣ складства лежитъ, напротивъ, повидимому обоюдостороннее соглашеніе, направленное на пріобрѣтеніе имущества общими средствами, что обусловливаетъ и своего рода *condominium* товарищей на это имущество. Эти средства, конечно, могли быть различны: при захватѣ земли, участники предпріятія вкладывали, главнымъ образомъ, свой трудъ и при крайней ея дешевизнѣ, а также экстенсивной ея обработкѣ, вѣроятно, не нуждались въ большихъ капиталахъ. Поэтому, если такой типъ товарищества и имѣлъ смѣшанный характеръ, то не слѣдуетъ забывать во всякомъ случаѣ, что орегасе играли въ немъ едва ли не важнѣйшую роль; союзы сябровъ

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, т. XIV, стр. 763—764.

²⁾ Русская Историческая Библиотека, т. XIV, стр. 128, 769 и 832.

³⁾ Русская Историческая Библиотека, т. XII, стр. 14—29. Ср. впрочемъ стр. 26. т. XIV, стр. 140. А. Ефименко, *Op. cit.*, стр. 229—230.

⁴⁾ Русская Историческая Библиотека, т. XIV, стр. 555, 570, 583, 632, 661, 760. Одинашная запись напечатана тамъ же, стр. 832. А. Федотовъ-Чезговскій: Акты гражд. распр., т. II, № 151 (7195 г.). Судя по этому послѣднему акту, Митька Верещаганъ владѣетъ деревней въ Вотложемской волости Устюжскаго уѣзда; онъ отвѣчаетъ на судѣ „и вмѣсто складниковъ“.

и складниковъ съ этой точки зрѣнія легко приравнять къ поземельной артели. Дальнѣйшая связь между членами товарищества того или другого типа поддерживалась не только *condominium*'омъ, которое продолжало оставаться въ силѣ и при раздѣльномъ пользованіи общимъ имуществомъ, въ данномъ случаѣ земельнымъ участкомъ, но скрѣплялась также общимъ податнымъ бременемъ, падавшимъ на товарищество, и взаимными обязанностями его членовъ ограждать интересы на судѣ, утверждаемыми иногда особымъ актомъ, „одинашною записью“. Любопытно при этомъ, что сябры чаще всего встрѣчаются въ древнее время, въ области Приднѣпровской и Ильменской системы, тогда какъ складники извѣстны по болѣе позднимъ источникамъ преимущественно въ сѣверной Россіи ¹⁾. Если только подобнаго рода отношеніе не случайно вызвано слишкомъ скудными свѣдѣніями объ этихъ союзахъ то, при значительномъ сходствѣ ихъ между собою возможно было бы предполагать въ сябрахъ и складникахъ лишь двѣ разновидности или послѣдовательныя стадіи въ развитіи одного и того же явленія.

Такимъ образомъ, существованіе несвободныхъ состояній и первоначальный характеръ такихъ союзовъ, какъ сябринство и складство въ Новгородской области противорѣчитъ предположенію о господствѣ личнаго начала въ строѣ его жизни. Обобщеніе это понадобилось Никитскому для того, чтобы, опираясь на него, показать невозможность существованія общиннаго землепользованія съ передѣлами пашенныхъ участковъ. Намъ кажется достаточнымъ другое изъ доказательствъ, приводимыхъ авторомъ въ пользу этого мнѣнія. „Способъ расселенія земледѣльцевъ, по его словамъ, рѣшительно противорѣчитъ общинному владѣнію“ (стр. 44). И дѣйствительно, при разбросанности поселеній и сравнительномъ изобиліи земли, передѣлы становились излишними и были едва ли фактически возможными, по крайней мѣрѣ въ древній періодъ; впрочемъ, неосторожно было бы утверждать, при скудости нашихъ знаній, что они вовсе отсутствовали въ это время ¹⁾. Тѣмъ не менѣе Никитскій признаетъ существованіе крестьянской

¹⁾ Впрочемъ, сябринство въ Малороссіи пока извѣстно, главнымъ образомъ, по актамъ XVII в., на основаніи которыхъ и написана вышеприведенная работа г. Лучицкаго.

Временникъ М. О. И. и Д., т. XVI, смѣсь, стр. 15: „Се купи игумень Василен оу Гаврилы оу Малафѣевича землю на горѣ въ верхнемъ полѣ середняя полоса оу воротъ на круглицы четверть вопчемъ поли подгѣ оулицю“ (XIV вѣкъ).

общины въ предѣлахъ волости (стр. 42) и не отрицаетъ общаго владѣнія всей волостью нѣкоторыми угодьями и лѣсомъ (стр. 43). Можно думать, что луга состояли иногда въ общемъ пользованіи. Игумень Лука, напримѣръ, и староста и вся братья купили въ (XV вѣкѣ) землю у Гаврилки Носова. „А межа той земли по Верхней руцей по покотину общую“¹⁾. Встрѣчаются также указанія на земли, называемыя „вобчихами“²⁾. Права общины по владѣнію, пишетъ далѣе Никитскій, состояли не въ чемъ иномъ, какъ только въ простой раздачѣ пустыхъ участковъ крестьянамъ, желавшимъ ихъ занять“ (стр. 43). Это опредѣленіе одновременно и слишкомъ узко, и слишкомъ широко. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что община пользовалась вообще правами распоряженія своею землею (ея продажи и покупки новыхъ участковъ), изъ котораго естественно вытекало въ частности и право ея распредѣлять земельные участки между своими членами; ей принадлежало также право иска или защиты по земельнымъ дѣламъ. Едва ли, однако, власть общины можно характеризовать правомъ раздачи, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшее время³⁾; „тѣмъ же правомъ, замѣчаетъ Никитскій, пользовались иногда и сами крестьяне, хотя и не всей волости, а только нѣкоторой части ея“ (стр. 43). И дѣйствительно, при обиліи земли и захватномъ способѣ землепользованія (стр. 70), трудно предполагать, чтобы каждый „припускъ“ новой земли совершался лишь по разрѣшеніи общины: она, вѣроятно, далеко не всегда пользовалась этимъ правомъ. Такимъ образомъ, основной признакъ, будто бы характеризующій дѣятельность общины, выбранъ неудачно. Наконецъ, Никитскій останавливается на причинахъ выдѣленія участковъ, состоявшихъ на правахъ частной собственности, изъ общаго владѣнія. Последнее „продолжалось только до тѣхъ поръ, пока лѣсъ и вода не получали хозяйственнаго значенія не становились источниками дохода“. Коль скоро же эти угодья получали „спеціальное хозяйственное значеніе, служили ареною особеннаго (sic) труда, то и они исключались изъ общаго владѣнія и поступали въ частныя руки, входили въ составъ сельскихъ участковъ“ (стр. 43). Въ этомъ опредѣленіи очевидно, смѣшиваются два разныхъ признака: личный и интенсив-

¹⁾ А. Ю., № 71, XXVII.

²⁾ А. Ю., стр. 433. Временникъ М. О. И. и Д., т. XVI, Смѣсь, стр. 16.

³⁾ Извѣстные намъ случаи относятся къ позднѣйшему времени; см. А. Ю., № 6.

ный трудъ, прилагаемый къ участку, и доходность этого участка. Первый дѣйствительно можно считать главнымъ моментомъ, опредѣляющимъ самый процессъ выдѣленія, второй играетъ второстепенное значеніе; смѣшеніе обоихъ, не уясняющее ихъ взаимоотношенія, лишаетъ и вышеприведенное опредѣленіе должной опредѣленности.

Недостаточно внимательное отношеніе Никитскаго къ важнѣйшимъ формамъ организациі земледѣльческаго труда въ Новгородской области объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что авторъ главныя силы свои посвятилъ изученію обрабатывающей промышленности и торговли. Нельзя, однако, сказать, чтобы земледѣльческая культура не имѣла существеннаго значенія въ сельской жизни Новгородской области; лишь въ городахъ и столицѣ, по преимуществу, она уступала первое мѣсто промышленности и торговлѣ; несмотря на это, и „горожане въ значительной долѣ занимались также земледѣліемъ и только не многіе посвящали себя промысламъ“ (стр. 84), и торговлѣ.

Слабое развитіе обрабатывающей промышленности, въ древній періодъ новгородскаго хозяйства, вызвано было разнообразными причинами. Незначительность населенія, его разсѣянность, натуральное хозяйство и плохіе пути сообщенія—все это обстоятельства, конечно, не способствовавшія увеличенію спроса и предложенія. Отсутствие свободной конкуренціи, вѣроятно, вызвано было, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, и другими условіями соціального характера. „Значительныя дружины, замѣчаетъ Никитскій, находились въ распоряженіи новгородскаго владыки. Какъ показываютъ позднѣйшія извѣстія, плотницкая дружина (ремесленная артель) владыки состояла изъ 6 плотниковъ, то-есть, главныхъ мастеровъ и 10 дружинниковъ“ (стр. 84—85). Примѣру владыки слѣдовали и монастыри, крупныя землевладѣльцы того времени; такъ напримѣръ, на Сванскомъ волочкѣ, купленномъ великимъ княземъ у Валаамскаго монастыря, въ 1495—1500 гг. оказалось 29 дворовъ рыбныхъ ловцовъ и 26 дворовъ рядовыхъ людей, въ рядкѣ Спасскаго Хутынскаго монастыря было въ XVI вѣкѣ до 52 дворовъ монастырскихъ слугъ *безпашенныхъ*, которые „ѣли и пили монастырское“ ¹⁾. Что дѣлали такіе слуги? вѣроятно, по примѣру слугъ другихъ монастырей (напримѣръ, Чудовскаго) занимались промыслами и торговлей.

¹⁾ Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, XII, стр. 1—7. А. Ильинскій, *Ibid.*, стр. 223, 240.

Возможно, что и капиталисты изъ мірянъ держали съ такую же цѣлью значительное количество рабовъ. Въ 1484 г., напримѣръ, въ Литву бѣжалъ Иванъ Кузьминъ, новгородецъ, съ тридцатью слугами своими ¹⁾. Въ одной изъ новгородскихъ кабалъ XVI вѣка упоминается должникъ Федора Бутурлина Онисимка Савинъ, портной мастеръ ²⁾. Хотя явленія подобнаго рода могли наступить сравнительно поздно въ новгородской жизни, тѣмъ не менѣе они объясняютъ намъ, почему съ появленіемъ раздѣленія труда и денежнаго обращенія взаимнъ натурального хозяйства спросъ на промышленные продукты, поставляемые на рынокъ, все еще былъ весьма незначителенъ, а свободная конкуренція оставалась на первыхъ ступеняхъ развитія. Всѣ эти условія промышленнаго производства заслуживали бы подробнаго научнаго анализа, котораго, однако, не даетъ Никитскій.

Первые зачатки раздѣленія промышленнаго труда, направленнаго на обработку сырыхъ продуктовъ, во второмъ періодѣ исторіи новгородскаго хозяйства указаны авторомъ. „Такъ, подлѣ овчинниковъ, пишетъ онъ, занимавшихся въ селахъ выработкой овчинныхъ шкуръ и шерсти, мы встрѣчаемъ въ городахъ скорняковъ, не ограничивавшихся одной какой-нибудь статьей, а обрабатывавшихъ пушной товаръ, и кожевниковъ, выдѣлывавшихъ кожи. Въмѣсто домашней выдѣлки войлока, характеризующей сельскій бытъ, мы находимъ въ городахъ уже особыхъ мастеровъ, ткачей или дѣлателей опонъ, то-есть, завѣсъ, покрововъ, а также епанчей, сукольниковъ и колпачниковъ“ (стр. 85). То же заключеніе не трудно вывести, сравнивая извѣстія о добываніи желѣза на Неноксѣ съ довольно ранними упоминаніями лѣтописи о гвоздочникахъ, котельникахъ и щитникахъ; „серебряникъ“ также встрѣчаются довольно рано (1200 г.) ³⁾. Количественное соотношеніе различныхъ отраслей производства возможно было бы опредѣлить на основаніи данныхъ, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ; Никитскій довольствуется, однако, примѣрами, которые почерпаетъ изъ тѣхъ же книгъ, что, разумѣется, вовсе не можетъ замѣнить среднихъ величинъ, оставленныхъ безъ вниманія авторомъ. Но и выше намѣченные процессы развитія наблюдаются лишь относительно самыхъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 236 (6992 г.).

²⁾ Записная книга вѣрными актамъ XV—XVI вѣковъ, явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Алябеву.

³⁾ А. Ю., № 71, III; Новгородская лѣтопись по синодальному списку, изд. 2-е, стр. 178, 204, 244.

элементарныхъ видовъ промышленнаго производства; болѣе сложныя его отрасли оставались почти недоступными новгородцамъ XIII и даже XIV вѣковъ: отливка въ 1342 г. колокола въ 100 пудовъ или „свинчатыхъ“ досокъ для покрытія храма Св. Троицы въ Псковѣ въ 1420 г. не могла быть выполнена новгородскими мастерами (стр. 86—87). Свидѣтельства этого рода, однако, можетъ быть, и не отличаются тою степенью доказательности, какую готовъ признать за ними авторъ. Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, нѣсколько извѣстій о покрытіи церквей „свинцомъ“ подъ 1261, 1333, 1341, 1345 и 1408 гг. безъ какихъ либо замѣчаній объ иноземномъ происхожденіи матеріала или вывозѣ иностранныхъ мастеровъ для производства этихъ работъ¹⁾. Вообще свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ объ обрабатывающей промышленности, довольно скудны; они расширились бы, если бы Никитскій подвергъ болѣе внимательному анализу лѣтописныя извѣстія о постройкѣ разныхъ зданій, преимущественно церквей, и сопоставилъ бы ихъ съ памятниками древности, сохранившимися въ Новгородскомъ краѣ по настоящее время²⁾. Если „писца Грыцина Петровица“ „исписавшаго церковь на воротехъ“ въ 1196 г., пожалуй, слишкомъ смѣло было бы считать за русскаго, то во всякомъ случаѣ таковымъ уже можно признать Вячеслава, Малышева внука, украсившаго церковь 44 святыхъ въ Новгородѣ въ 1227 году³⁾. Сами Новгородцы гордились своими иконописцами; въ повѣсти о построеніи варяжской божницы въ Новгородѣ разказывается, между прочимъ, какъ Нѣмцы „сверъшиша ропату свою и наяша иконниковъ новгородскихъ и повелѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатномъ углу“⁴⁾. Произведенія этихъ „изографовъ“ преимущественно фрески, а не мозаики, до сихъ поръ украшаютъ стѣны новгородскихъ храмовъ; таковы, напримѣръ, фрески Софійскаго собора въ Новгородѣ, церкви Св. Георгія въ Старой Ладогѣ XII вѣка и многія другія; онѣ заслуживали бы подробнаго разсмотрѣнія съ точки зрѣнія промышленнаго производства Новгородцевъ, тѣмъ болѣе, что долгое время (еще въ XVII вѣкѣ) сохраняли слѣды новгородскихъ приемовъ иконописи⁵⁾. На той же почвѣ,

¹⁾ Новгородская лѣтопись по синодальному списку, изд. 2-е, стр. 281, 330, 340, 345, 396.

²⁾ Памятники старо-русской литературы, вып. IV, стр. 20.

³⁾ Новгородская лѣтопись по синодальному списку, стр. 172 и 224.

⁴⁾ Памятники старинной русской литературы, вып. I, стр. 252.

⁵⁾ *Н. Покровский*, Стѣнными росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ, въ Трудахъ II археологическаго съѣзда, т. I, (М. 1890), стр. 183—202.

вѣроятно, зародилось и серебрянныхъ дѣлъ мастерство, развившееся въ Новгородѣ за послѣдній періодъ его самостоятельнаго существованія ¹⁾).

На развитіи промышленнаго производства въ третьемъ періодѣ исторіи новгородскаго хозяйства Никитскій почти вовсе не останавливается; авторъ указываетъ только на усиленіе раздѣленія труда, сказавшееся въ землевладѣльческихъ хозяйствахъ, слѣдовательно въ предѣлахъ одного и того же поселенія, и обращаетъ вниманіе на значительное развитіе одной изъ отраслей обрабатывающей промышленности: производства серебряныхъ издѣлій. „Новгородцы въ концѣ своего (самостоятельнаго) существованія снискали себѣ славу хорошихъ серебряныхъ мастеровъ, безъ пособія которыхъ обойтись было трудно“ (стр. 198—199). Между тѣмъ писцовыя книги конца XV вѣка указываютъ на цѣлый рядъ отраслей промышленности, количественно не опредѣленныхъ авторомъ.

Развитіе промышленной дѣятельности порождало и особыя формы кооперации. Никитскій указываетъ, повидимому, на два типа ея, хотя точно и не опредѣляетъ присущія имъ особенности. Къ одному изъ нихъ онъ причисляетъ уже извѣстныя намъ товарищества сябровъ. Сябрами иногда назывались совладѣльцы тоней, ассоціаціи рыболововъ ²⁾). Никитскій не обращаетъ на нихъ вниманія; между тѣмъ, это можетъ быть, древнѣйшія изъ промышленныхъ товариществъ; справедливо было замѣчено, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего далекаго сѣвера, гдѣ рыбныя промыслы замѣняютъ собою земледѣліе, гдѣ море замѣняетъ поле, гдѣ промысловая община заступаетъ мѣсто земледѣльческой ³⁾), подобнаго рода артели должны были имѣть весьма важное значеніе. Въ позднѣйшее время каждая изъ нихъ получала участокъ на мѣстѣ улова по жребію; этими участками артели, въ совокупности составлявшія міръ, пользовались поочередно для того, чтобы уловъ равномернѣе распредѣлялся между всѣми членами міра. Никитскій имѣетъ въ виду лишь тѣхъ сябровъ, которые, какъ члены товарищества, пользовались извѣстною долею въ устроенныхъ сообща соляныхъ варницахъ; „доли эти иногда опредѣлялись частями, сугребами, а иногда ночами; устроители варницы располагали на правахъ собственности каждый своей долей, продавали ихъ и передавали ихъ во владѣніе другихъ“ ⁴⁾).

¹⁾ Н. Аристовъ, Промышленность древней Руси, С.-Пб., 1866 г., стр. 121.

²⁾ А. Ю., № 71, V.

³⁾ И. Дитятинъ, Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, т. I, стр. 285, пр.

⁴⁾ А. Ю., №№ 130, 131 и 132.

Замѣтимъ приэтомъ, что вмѣсто термина „артель“ до XVII вѣка говорили „ватага или складчина“¹⁾, что естественно напоминаетъ намъ уже ранѣе характеризованныхъ складниковъ и въ новой области отношеній обнаруживаетъ сходство ихъ съ сябрями.

Еще ближе къ типу артели (въ смыслѣ *societatis operarum*) подходили тѣ товарищества волховскихъ лоцмановъ и носильщиковъ, которыя, повидимому, для отправленія работъ не требовали капитала, хотя и имѣли свою организацію (старость) (стр. 146).

Никитскій намекаетъ, однако, на существованіе какихъ то другихъ организацій, извѣстныхъ подъ наименованіемъ дружинъ. „Въ Великомъ Новгородѣ, пишетъ нашъ авторъ, связь между ремесленниками устанавливалась на томъ же основаніи, на какомъ она получала свое начало въ другихъ сферахъ жизни. Какъ около каждаго знатнаго человѣка собиралась дружина, такъ та же дружина была формой связи и въ промышленной жизни. Дружина состояла обыкновенно изъ главнаго мастера, хозяина и его „друговъ“, „дружинниковъ“ или „рядовыхъ рабочихъ“ (стр. 84). На существованіе дружинъ плотниковъ, сокольниковъ, каменщиковъ или кузнецовъ и иконниковъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ указанія. Трудно предположить, однако, чтобы главный мастеръ набиралъ своихъ товарищей такъ, какъ напримѣръ, дѣлалъ это Василій Буслаевъ съ дружинниками. Судя по выраженіямъ, въ какихъ Никитскій описываетъ эти союзы, можно думать, что авторъ видѣлъ въ нихъ не дружины въ настоящемъ смыслѣ, а чуть ли не договоры найма: главный мастеръ, хозяинъ или подрядчикъ содержалъ рядовыхъ рабочихъ на свои средства или выдавалъ имъ жалованье. Но и въ артеляхъ избирались старосты; сами источники, наконецъ, не говорятъ, о „главномъ мастерѣ, хозяинѣ“ и о „рядовыхъ рабочихъ“, а упоминаютъ обыкновенно одно или даже нѣсколько лицъ по именамъ, прибавляя „я съ други“. Въ одномъ случаѣ встрѣчаются указанія на четырехъ старѣйшихъ начальниковъ-иконниковъ и „протчихъ, дружину ихъ“; всѣ дружинники получали обыкновенно поровну²⁾. Пока на однихъ этихъ основаніяхъ трудно придти къ какимъ-либо опредѣленнымъ выводамъ о внутренней организаціи подобныхъ союзовъ въ древнѣйшее время.

¹⁾ А. Ефименко, Артели Архангельской губерніи, въ Сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ, вып. II, стр. 136—146.

²⁾ И. Курьяновъ, Отрывки изъ расходныхъ книгъ Софійскаго дома въ *Извѣстіяхъ Имп. Археол. Общ.*, т. III, стб. 41, 42 и 43.

Ассоціаціи въ родѣ вышеописанныхъ, вѣроятно, складывались, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій природы, борьба съ которыми была не по силамъ одному человѣку и въ виду непри-
вычки къ самостоятельному личному труду; но полное сознание вы-
годъ коопераціи и стремленіе къ крупному производству едва ли въ
значительной мѣрѣ содѣйствовали образованію такихъ союзовъ. Этимъ
соображеніемъ объясняется, можетъ быть, и отсутствіе болѣе слож-
ныхъ формъ организаціи промышленнаго труда въ Новгородской
области до XVI вѣка.

3. Торговля.

Обмѣнъ, наступающій при раздѣленіи занятій, порождаетъ развитіе
мѣновыхъ цѣнностей; наиболѣе общепользная, а слѣдовательно и обще-
признанная изъ нихъ становится орудіемъ мѣны и получаетъ значеніе
денегъ, если только пригодна для обращенія. Такою цѣнностью въ Нов-
городѣ первоначально служилъ можетъ быть скоть¹⁾, на что Никит-
скій слишкомъ мало обратилъ вниманія; затѣмъ появились куны. А. И.
Никитскій признаетъ за ними значеніе мѣховъ, а не какихъ либо „метал-
лическихъ цѣнностей“²⁾. И Никитскій имѣлъ на это свои основанія.
Куньи мордки ходили на Новгородскомъ рынкѣ въ XIII—XIV сто-
лѣтіяхъ; князья вѣдали „на старыхъ мѣтѣхъ“ пошлины съ Новго-
родцевъ въ размѣрѣ мортки *объушмой* съ воза³⁾, Нѣмцы такъ же опла-
чивали услуги лоцмановъ при проѣздѣ по Волхову⁴⁾. Новгородская
лѣтопись подъ 1410 годомъ сообщаетъ, что Новгородцы „куны от-
ложиша, еже есть мордки кунья“; Лавнуа, наконецъ, также расска-
зываетъ въ своемъ путешествіи, что у новгородцевъ въ употребленіи
„шеице monnoye de têtes de gris et de martres“⁵⁾. Никитскій
присоединяетъ къ этимъ доказательствамъ еще одно соображеніе, не-
лишенное значенія. „Затѣмъ, пишетъ нашъ авторъ, нельзя не замѣ-

¹⁾ Лѣтопись по Лавр. сп., стр. 140. *Н. Аристова*, *Op. cit.*, стр. 40—41.

²⁾ *Гр. И. Толстой*, *Монеты Псковскія*, С.-Ив. 1886 г., стр. 11—13.

³⁾ Тексты подобраны въ соч. *Н. Аристова*, стр. 223, 225. Въ договорѣ, за-
ключенномъ между Полоцкомъ и Ригю около 1330 г., между прочимъ уравнины:
заушмя и *поль-овря*.

⁴⁾ *F. Bunge*, *U. B.*, I, 519: „*Hiidem vectores cum ad tabernam pervenerint*
 piscatorum, recipiant prutium suum, videlicet quilibet vectorum 8 capita martar-
orum et unum par mararum, 3 capita martarorum“ (1269).

⁵⁾ *G. de Lannoy*, *Op. cit.*, p. 33.

тить, что новыя куны выдавались въ Новгородъ изъ Онеги. Фактъ этотъ останется совершенно непонятнымъ, доколѣ мы будемъ смотрѣть на куны какъ на металлическія деньги; откуда въ самомъ дѣлѣ бралось серебро на Онегѣ и почему тамъ производилась чеканка новой монеты? Но при предположеніи, что куны были денежнымъ суррогатомъ, выдача ихъ съ Онеги становится совершенно ясною: Онега была центромъ движенія мѣховъ, а потому естественно, что оттуда выдавались и мѣховыя деньги“ (стр. 101). Соображеніе это получаетъ тѣмъ большее значеніе, что въ могилахъ южнаго Приладожья, серебра оказалось очень мало, а золота не было вовсе ¹⁾. Замѣтимъ при этомъ, что можно, кажется, подыскать случаи, когда выраженія куницы и куны употребляются какъ синонимы. Судя, напримѣръ, по одной изъ Новгородскихъ купчихъ, XIV—XV вѣковъ, игумень Лука, староста и вся братья купили землю по Левковѣ курьѣ у Гаврилка Носова „по отца своего купли, ... а то сверхъ—по кунамъ; а дали на той половинѣ села семь рублевъ, а по сту бѣлки за рубль; а опричь того семдесятъ бѣлки на хлѣбѣ, а куница съ шерстью по полнка за овцу“ ²⁾. Такимъ образомъ, въ прибавку къ прежней цѣнѣ „сверхъ по кунамъ“ покупателями дано было 70 бѣлокъ за хлѣбъ и куница за овцу. Примѣры употребленія словъ: куны и бѣлки также встрѣчается въ актахъ этого рода ³⁾. Терминъ „куны“, конечно, имѣлъ и болѣе широкое значеніе денегъ вообще, въ томъ числѣ и металлическихъ, какъ это видно, напримѣръ, по рукописанію князя Всеволода ⁴⁾.

Гораздо менѣе опредѣленный отвѣтъ даетъ Никитскій на во-

¹⁾ Н. *Бранденбургъ*, Курганы южнаго Приладожья въ „Матеріалахъ по археологии Россіи“, № 18, С.-Пб. 1895, стр. 25. Судя по монетамъ большинство этихъ кургановъ принадлежатъ еще ко времени новгородской вольности; но и въ противномъ случаѣ считая нѣкоторые изъ нихъ позднѣйшими, приводимый фактъ не теряетъ своего значенія.

²⁾ А. Ю., № 71, XXVII. Въ памятникахъ не новгородскаго происхожденія встрѣчаются такіе же примѣры. Проповѣдникъ XII вѣка, обличая богача своего времени, говоритъ между прочимъ: „ты облачишися и ходиши въ паволоцѣ и съ кунамъ, а убогій руба не имать на тѣлеси“ (Извѣстія Академіи Наукъ, X, 550). Ятвяги въ 1279 г. обратились къ Владиміру съ слѣдующею просьбою: „Не помори насъ..., поши къ намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ; чего восхочешъ—воску ли, бобровъ ли, чернытъ ли кунъ, бѣли-ль, серебра ли, мы рады дами“ (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 580).

³⁾ А. Ю., № 71, X. А. от. до Ю. Б., т. II, № 126, I.

⁴⁾ Новгородская лѣтопись по синод. списку, стр. 489.

прось объ отношеніи, въ какомъ находилась дѣйствительная (рыночная) стоимость кунъ къ нарицательной. „Куны, по мнѣнію Никитскаго, были не денежными знаками, а денежными суррогатами. Онѣ не были простыми лоскутками кожи, а настоящими мѣхами, имѣвшими свою рыночную цѣнность“ (стр. 101). Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько строкъ, авторъ считаетъ, „мнѣніе о томъ, что куны были не цѣльные мѣха, а ихъ обрѣзки, не лишеннымъ справедливости“; еще ниже онъ готовъ сознаться, что пожалуй придется остановиться и на кунныхъ мордакахъ, какъ на подобнаго рода отрѣзкахъ (стр. 101—102). При такихъ условіяхъ нельзя же и куны считать „настоящими мѣхами, имѣвшими свою рыночную цѣнность“. Приравненіе куны къ рѣзанѣ въ Русской правдѣ (2½ куны или *ръзаны* составляли 20 ногать) и вышеприведенное свидѣтельство Ланнуа также говорить скорѣе въ пользу нарицательной стоимости кунъ, что естественно при томъ значеніи мелкой размѣнной, легко обезцѣнивающейся монеты, какую играли куны на новгородскомъ рынкѣ.

Внимательно останавливаясь на изученіи системы кунъ, г. Никитскій указываетъ на любопытное паденіе курса на нихъ въ XIII столѣтіи,—почти вдвое). Стр. 103—104).

Предположеніе это построено на довольно шаткихъ основаніяхъ. Въ 1230 г., разсуждаетъ Никитскій, кадь ржи въ Новгородѣ стоила 20 гривенъ, а отдѣльный хлѣбъ—8 кунъ. Впослѣдствіи цѣна хлѣба еще увеличилась: кадь ржи возрасла до 4 гривенъ серебра, то-есть 30 гривенъ. Имѣя въ виду это возрастаніе цѣны кади ржи съ 20 на 30 гривенъ кунъ, мы должны были-бы ожидать, что и цѣна хлѣба возрастетъ въ той же пропорціи 20 : 30, то-есть увеличится до 12 кунъ; между тѣмъ цѣна отдѣльныхъ хлѣбовъ опредѣляется въ полугривну кунъ. Отсюда неизбежно должно заключить, что полугривна кунъ въ Новгородѣ содержала въ себѣ 12 кунъ¹⁾. Необходимо указать на то, что переводъ 4 гривенъ серебра на 30 гривенъ кунъ принадлежитъ не лѣтописцу, а Никитскому, который для опредѣленія этого соотношенія опирается на тотъ же 1230 г. въ двухъ спискахъ, причѣмъ въ одномъ говорится о покупкѣ хлѣба за гривну, въ другомъ о стоимости такого же хлѣба въ 7 съ лишкомъ кунъ. Авторъ, какъ видно, довѣрчиво пользуется текстомъ первой

¹⁾ Аргументація г. Никитскаго въ данномъ случаѣ нѣсколько отклоняется отъ положенія Д. Прозоровскаго: Монета и вѣсъ въ Россіи въ Запискахъ Археологическаго Общества, т. XII, стр. 512—514.

Новгородской лѣтописи по харатейному списку въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о цѣнѣ хлѣба въ гривну (стр. 105). Между тѣмъ, въ дальнѣйшемъ своемъ переложеніи лѣтописнаго разказа Никитскій почему то замѣняетъ это извѣстіе другимъ изъ списковъ Археографической комиссіи и Толстовскаго о томъ, что хлѣбъ стоилъ полу-гривну; изъ харатейнаго списка Новгородской лѣтописи, по которой ведется весь остальной разказъ безъ всякой мотивировки, опускается фраза: „куплякомъ по гривнѣ хлѣбъ и побольшю“, несогласная съ предположеніями Никитскаго. Далѣе авторъ полагаетъ, что цѣны на зерновой хлѣбъ и цѣны на отдѣльные хлѣбы должны были возрастать въ одинаковой прогрессіи, такъ что-бы возможно было установить пропорцію: $20 : 30 = 8 : 12$; весьма вѣроятно, однако, что цѣны на товаръ, продаваемый въ розницу, возрастали быстрѣе цѣнъ на зерновой хлѣбъ. Никто не можетъ поручиться и за то, что мука въ теченіе этого времени не подверглась фальсификаціи, а хлѣбъ не потерялъ прежняго вѣса. При такихъ условіяхъ вывести вышеприведенную пропорцію окажется невозможнымъ или сама пропорція будетъ въ сущности мнимою. Такимъ образомъ, первое изъ доказательствъ, приводимыхъ Никитскимъ въ пользу паденія курса на гривну кунъ съ 50 на 24, едва ли можно считать прочно установленнымъ. Остальные два внушаютъ нѣсколько болѣе довѣрія. Если въ XII вѣкѣ за 5 сорокоустовъ платили гривну кунъ, а за одинъ изъ нихъ по 6 кунъ, то гривна кунъ должна была приблизительно равняться $5 \cdot 6 = 30$. Но дальнѣйшія предположенія Никитскаго о существованіи уступки съ каждаго сорокоуста по 1 кунѣ, такъ что на 5 сорокоустовъ могло быть сдѣлано уступки до 5 кунъ и, слѣдовательно, гривна кунъ равна была 25 кунамъ, кажутся намъ довольно натянутыми. Выводъ этотъ понадобился Никитскому для того, чтобы имъ подтвердить предшествующій, по которому 1 гривна = 24 кунамъ. Не говоря о томъ, что сорокоусты, не были настоящимъ товаромъ и могли не подчиняться обычнымъ условіямъ рынка, слѣдовало бы доказать, что въ силу этихъ условій продавцу выгодно было дѣлать уступку покупателю въ 17% на товаръ, вся стоимость котораго въ сущности была довольно незначительна. Возьмемъ, наконецъ, третье доказательство Никитскаго; судя по договору 1269 г., за провозъ товара съ берега Волхова на нѣмецкій дворъ брали 15 кунъ, а съ вывоза его изъ этого двора—полугривну кунъ; на этомъ основаніи Никитскій считаетъ возможнымъ утверждать, что полугривна кунъ равна была 15 кунамъ. Въ основѣ этого дока-

зательства лежит сомнительное предположеніе автора о томъ, что привозъ и вывозъ товаровъ облагались одинаковою пошлиною. Такимъ образомъ, извѣстія о цѣнѣ сорокоустовъ и плата за провозъ товаровъ (если только считать послѣднее достаточно вѣроятнымъ) скорѣе указываютъ на гривну кунъ размѣромъ въ 30 кунъ; но и этотъ выводъ, давно уже высказанный, ожидаетъ провѣрки¹⁾.

Въ заключеніе отдѣла, посвященнаго изученію системы кунъ, г. Никитскій пытается опредѣлить отношеніе единицъ этой системы къ серебру: $7\frac{1}{2}$ гривенъ кунъ, по мнѣнію автора, составляли гривну серебра, равную одному новгородскому рублю въ 216 денегъ или 432 московскимъ деньгамъ (стр. 104 — 105). Этотъ выводъ Никитскій не примиряетъ съ другимъ извѣстіемъ (смоленскимъ) о томъ, что „за гривну серебра (братъ) по 4 гривны кунами“²⁾; между тѣмъ возможно, что съ переменою курса на гривну серебра стало приходиться до $7\frac{1}{2}$ старыхъ кунъ.

Любопытно также сопоставить паденіе курса на куны съ зачатками металлическаго обращенія, проявляющимися уже во второмъ періодѣ исторіи Новгородскаго хозяйства, что не сдѣлано Никитскимъ. Въ мирной грамотѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами конца XII вѣка ясно различаются старыя куны отъ гривенъ серебра, при чемъ первыми выплачиваются мелкія пени, а послѣднія употребляются лишь для уплаты пеней за самыя крупныя преступленія, напримѣръ убійство. Въ договорѣ 1229 г. (смоленскомъ) гривны серебра употребляются гораздо чаще и для уплаты пеней по маловажнымъ преступленіямъ; приэтомъ въ одномъ изъ списковъ этого договора (Д), составленномъ вѣроятно вскорѣ послѣ 1229 г., точно установлено и отношеніе новыхъ единицъ къ „старымъ“³⁾. Около того же времени начинаютъ встрѣчаться первыя указанія на взиманіе поборовъ съ Новгородцевъ серебромъ. Въ 1209 году посадникъ Дмитръ съ братьею „повѣлѣша на Новгородьскихъ сребро имати, а по волости куры (куны?) брати“⁴⁾.

Въ 1307 г. Новгородцы, дававшіе куны Борису Константиновичу, просили князя Михаила Ярославича, чтобы онъ не велѣлъ ему „нынѣ серебро емать“; черезъ десять лѣтъ тотъ же князь Михаилъ обязывался возвратить „за куны“ села взятыя княземъ „въ заматню“

¹⁾ Д. Прозоровскій, *Ibid.*, стр. 512—514.

²⁾ Русско-Ливонскіе акты, изданіе Археологической комиссіи. С.-Иб. 1868 г., стр. 423.

³⁾ *Ibid.*, стр. 415 и 423.

⁴⁾ Новгородская лѣтопись по синод. списку, стр. 191.

и обложили Новгородцевъ контрибуціей въ 12000 гривенъ серебра ¹⁾). Курсъ этого послѣдняго сталъ повидимому устанавливаться и за границею. Подъ 1290 г. напримѣръ въ долговой книгѣ города Риги записано: „*Jacobus de Bremis tenetur domino Iohanni Dovinch XXIII mrc. Novgardensis arg. per libram Novgardensem, Mychaelis solvet.*; или поды 1309 г.: *Conradus Prexse tenetur Henrico Wisen XL mrc. et V fert. Nogardensis arg., carnisprivio solvet*“. Такимъ образомъ, сдѣлки на новгородское серебро практиковались за границей въ XIII вѣкѣ и колебанія его курса, очевидно, не внушали слишкомъ большихъ опасеній, разъ самыя сдѣлки заключались въ кредитъ ²⁾). Гривна серебра ходила въ Новгородѣ и въ началѣ XV столѣтія. Ланнуа, бывшій здѣсь вскорѣ послѣ введенія новой монетной системы 1410 года, тѣмъ не менѣе засталъ въ обращеніи на новгородскомъ рынкѣ слитки серебра вѣсомъ въ 6 унцій ³⁾). Слѣдовательно, невозможно говорить о „натуральномъ хозяйствѣ“ Новгорода въ XIII вѣкѣ безъ ограниченій, которыхъ не дѣлаеть, однако, Никитскій.

Нельзя не похвалить на автора также за то, что онъ не собралъ и не сопоставилъ цѣнъ на предметы первой необходимости, выраженные „кунами“. Къ сожалѣнію въ лѣтописи точно не указано, въ какихъ единицахъ означены цѣны на такіе предметы; хлѣбъ оцѣнивается обыкновенно на гривны, должно быть, гривны кунъ, а не серебра. Послѣднія едва ли вошли во всеобщее обращеніе во второй трети XIII вѣка, да и размѣры цѣнъ вышли бы громадными, если бы мы поды гривнами разумѣли серебро: въ 1230 году, напримѣръ, кадъ пшеницы продавали за 40 гривенъ; если въ данномъ случаѣ разумѣть гривны серебра, то въ переводѣ на нашъ курсъ одна четверть стоила бы по меньшей мѣрѣ рублей 200. Слѣдовательно, цѣны, выставленныя, хотя бы напримѣръ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, поды 1127, 1137, 1170, 1214, 1215, 1228, 1230 годами даютъ понятіе о покупательной силѣ гривны кунъ; случаи когда 1 кунница „съ шерстью“ приравнивается овцѣ, также поучительны. Подобнаго рода сопоставленія, можетъ быть, и не привели бы г. Никитскаго къ точному опредѣленію мѣновой стоимости гривны кунъ, но придали бы этой цѣнности болѣе реальное значеніе, и позволили

¹⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 11 и 12.

²⁾ *Das Rigische Schuldbuch*, herausgeg. v. D. H. Hildebrand, № 212 und 610.

³⁾ *G. de Lannoy*, Op. cit., p. 38: Et est leur monnaie de keucelles (= lingots примѣч. издат.) d'argent pesans environ six onces *sans empreinte*, car point ne forgent de monnaie d'or.

бы её на этой почвѣ сопоставить съ нѣкоторыми другими данными, каковы любопытныя замѣтки въ Русской правдѣ о цѣнахъ на скоть, также выраженныхъ въ единицахъ кунной системы.

Послѣдній періодъ въ исторіи денежнаго обращенія въ Новгородѣ Никитскій начинаетъ съ описанія извѣстныхъ реформъ 1410 года. Причинъ, вызвавшихъ введеніе чеканныхъ металлическихъ денегъ на новгородскій рынокъ, авторъ вовсе не касается, несмотря на то, что позднее появленіе монеты въ Новгородѣ, казалось бы, требовало объясненія, что и принялъ во вниманіе другой изслѣдователь вопроса ¹⁾. Рижская система, цѣликомъ заимствованная Новгородцами, вскорѣ смѣнилась болѣе самостоятельной, новгородскою и псковскою въ 1424 или 1425 году ²⁾. „Но, кажется, замѣчаетъ Никитскій, новая собственная новгородская и псковская монета, замѣнившая пфенниги, не осталась безъ нѣкотораго воздѣйствія со стороны нѣмецкой жизни. На это указываютъ два обстоятельства. Съ одной стороны новая псковская монета дѣлалась домашними мастерами изъ чистаго серебра, а это, какъ мы уже показали, замѣчается и при преобразованіяхъ нѣмецкихъ денегъ. Съ другой—новая сѣверо-западная русская монета, новгородская и псковская, представляла въ XV столѣтіи нѣкоторыя отличія отъ юго-восточной, московской, обстоятельство всего удобнѣе могущее быть объясненнымъ тѣмъ соображеніемъ, что при выдѣлкѣ новгородской монеты не осталось безъ вліянія предшествующее знакомство съ нѣмецкими деньгами“ (стр. 185). Если бы пришлось намъ довольствоваться доказательствами, приводимыми Никитскимъ, то и общее его положеніе о нѣмецкомъ вліяніи на чеканъ новгородскій подлежало бы значительному сомнѣнію. вмѣсто апріорныхъ соображеній автора всего лучше обратиться къ нумизматическимъ наблюденіямъ. Лицевая сторона новгородокъ представляетъ очень мало сходнаго съ извѣстными доселѣ типами западно-европейскаго чекана; поэтому „пока не посчастливится кому нибудь открыть оригиналы новгородокъ, слѣдуетъ считать новгородскій типъ оригинальнымъ“ ³⁾.

¹⁾ *Гр. И. Толстой*, Монеты новгородскія, Спб. 1884 г., стр. 16.

²⁾ *Гр. И. Толстой*, Монеты псковскія, стр. 18. Авторъ на основаніи надписи на печати о сооруженіи персей кромскихъ готовъ признать не 1424, а 1425 годъ какъ время введенія денегъ новаго чекана.

³⁾ *Гр. И. Толстой*, Монеты новгородскія; стр. 22. Рейхель находилъ сходство между новгородскими деньгами 1478 г. и богемскими монетами, чеканенными при Владиславѣ I (1140—1175 гг.) (*L. Reichel*, Beiträge zur Russischen Münzkunde, S.-Pt., 1847, I, v. 13). Мнѣніе это, однако, подлежитъ сомнѣнію.

Наоборотъ, изображеніе головы князя, представленной на псковскихъ монетахъ, можно считать копіей съ изображенія епископа на монетахъ дерптскихъ, въ частности на шиллингахъ Генриха и Дидриха III Резлера, а также на артугахъ того же Дидриха III, занимавшаго епископскую кафедру съ 1413 по 1443 годъ; любопытно при этомъ, что въ числѣ буквъ, находящихся на штемпеляхъ разрядовъ перваго типа псковскихъ денегъ, встрѣчается готическое *p* и латинское *s*, что также свидѣтельствуетъ о нѣмецкомъ вліяніи ¹⁾. Такимъ образомъ, одинъ изъ выводовъ Никитскаго оказывается (по крайней мѣрѣ теперь) несостоятельнымъ съ нумизматической точки зрѣнія, въ данномъ случаѣ вполне пригодной, другой, напротивъ, возможно было бы поставить автору на гораздо болѣе прочныхъ основаніяхъ при помощи того же матеріала.

Указывая далѣе на отношеніе новаго новгородскаго рубля къ московскому, отъ котораго онъ отличался не только счетно, но и вещественно (1 новгородскій рубль=216 новгородскимъ деньгамъ=432 московскимъ деньгамъ), и обращая вниманіе на то, что новгородскія деньги послѣ перечековки 1447 года „прочно установились“ (стр. 186 — 190), Никитскій и здѣсь минуетъ совершенно капитальный вопросъ о стоимости новгородскаго рубля; между тѣмъ выводъ о томъ, что „московскій рубль конца XV вѣка по хлѣбнымъ цѣнамъ Вотской пятины равнялся 130 нынѣшнимъ“ ²⁾, нуждается въ провѣркѣ, которая была бы всего болѣе умѣстна въ сочиненіи, посвященномъ исторіи древне-новгородскаго хозяйства.

Вопросъ о развитіи кредита, столь облегчающаго обращеніе богатствъ, также остался почти не затронутымъ Никитскимъ. Въ XII вѣкѣ монастыри и церкви уже получали значеніе банковъ не только въ городахъ, но и въ уѣздахъ ³⁾. Новгородскіе капиталисты изъ мирянъ также открывали кредитъ: при разграбленіи двора Дмитра Мирокшинича въ 1209 году, Новгородцы разобрали по рукамъ наличныя богатства бывшаго посадника „и даша дѣщкы Дмитровы Святославу: а бяше на нихъ бещисла“. О томъ же свидѣтельствуетъ и извѣстный расказъ о посадникѣ Щилѣ ⁴⁾. Несмотря на неоднократ-

¹⁾ Die Reichelsche Münzsammlung in St.-Petersburg, I-er Theil, S.-Pt., 1842, s. 358, №№ 4282—4304. *Гр. И. Толстой*, Монеты псковскія, стр. 14 и 23.

²⁾ В. *Ключевскій*, Русскій рубль XVI—XVIII вѣковъ въ его отношеніи къ нынѣшнему. М., 1883, стр. 28.

³⁾ А. Ю., № 409, VI. Дощ. къ А. И., т. I, № 3.

⁴⁾ Новгородская лѣтопись по Синод. списку, стр. 191. Памятники старинной русской литературы, ч. I, стр. 19—27.

ныя запрещенія со стороны нѣмецкой конторы нѣмецкимъ купцамъ торговать въ долгъ съ русскими „кредитъ перѣдко оказывался, причѣмъ и уплата по нему слѣдовала также въ товарахъ“ (стр. 140—141, 153). Ростъ, по мнѣнію А. И. Никитскаго, по крайней мѣрѣ въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ землевладѣльцами, простирался ни болѣе ни менѣе, какъ до 6—7% (стр. 64). Самъ авторъ, однако, приводитъ примѣры, когда ростъ доходилъ до 10,3% (стр. 65, прим. 1); судя по даннымъ рижской долговой книги по торговымъ дѣламъ къ концу XIII вѣка брали 19^{13/18}—22^{2/3}%⁰, а въ первой половинѣ XIV (до 1338 года), изрѣдка 5—7, всего же чаще 7 и 8 съ небольшимъ (7^{1/7} и 8^{1/8}), въ одномъ же случаѣ 12^{1/2}%¹). Кредитныя сдѣлки и первые зачатки вексельнаго права, конечно, всего легче было бы изучать по записямъ рижской книги 1286—1352 годовъ; здѣсь упомянуто до 61 русскихъ гостей, вступавшихъ въ долговныя обязательства съ нѣмецкими купцами, на болѣе или менѣе продолжительные сроки.

Отъ орудій мѣны перейдемъ къ этой послѣдней. Такъ какъ о внутренней торговлѣ древнѣйшаго времени въ предѣлахъ новгородской области мы почти никакихъ точныхъ извѣстій не имѣемъ, да и развитіе ея было, вѣроятно, крайне незначительнымъ, то и приходится сосредоточить вниманіе на внѣшнемъ обмѣнѣ, установившемся между Новгородомъ и ближайшими сосѣдями, какъ это сдѣлалъ Никитскій²⁾. Общія причины, повліявшія на зарожденіе подобнаго рода торговли, довольно случайно указаны авторомъ. Скудная природа не удовлетворяла, конечно, всѣмъ насущнымъ потребностямъ Новгородцевъ и принуждала ихъ искать новыя хозяйственныя средства въ обмѣнѣ. Рыболовство могло подготовить Новгородцевъ къ торговой дѣятельности (стр. 14), еще важнѣе были политическія связи Новгорода съ Югомъ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшій періодъ, и сношенія Норманновъ съ востокомъ Европы (стр. 25). Сомнительно, однако, чтобы этимъ сношеніямъ содѣйствовало особенно сильно водвореніе христіанства въ Скандинавскихъ земляхъ (*ibid.*).

Описывая довольно подробно торговлю Новгородцевъ съ европейскими купцами, Никитскій почему то совершенно опускаетъ изъ

¹⁾ Das Rigische Schuldbuch etc., s. XXX.

²⁾ Впрочемъ, и по этому вопросу авторъ могъ бы подобрать нѣсколько извѣстій. Въ 992 году, напримѣръ, Пидбляинъ везъ въ Новгородъ свои издѣлія (горницы) на продажу. (*Н. Аристовъ*, *Op. cit.*, стр. 110).

виду мѣновую торговлю Новгорода съ Югрюю и Самоядью, къ которымъ „ходили“ уже задолго до 1096 года „мужи старіи“, и его торговля сношенія съ Смоленскою областью и Поволожьемъ, несмотря на то, что приписываетъ связямъ Новгорода съ Востокомъ особенно важное значеніе (стр. 24). Суда новгородскихъ купцовъ, какъ свидѣтельствуесть Константинъ Багрянородный, проѣзжали мимо Смоленска по великому водному пути „изъ Варягъ въ Греки“, извѣстному и нашему лѣтописцу ¹⁾. Смольняне вмѣстѣ съ Новгородцами участвовали въ однихъ и тѣхъ же походахъ; князья Смоленскіе имѣли большое значеніе въ Новгородѣ во второй половинѣ XII вѣка ²⁾. При такихъ условіяхъ трудно предполагать, чтобы между Новгородомъ и Смоленскомъ не завязалось бы какихъ нибудь торговыхъ сношеній, тѣмъ болѣе, что Смоленская земля обладала нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ продуктовъ новгородской торговли: медь, напримѣръ, добывался здѣсь въ значительномъ количествѣ ³⁾, слѣдовательно и въ воскѣ недостатка не было. Между тѣмъ въ грамотѣ князя Всеволода церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, уже упоминается объ особой пошлинѣ, которая взималась „отъ берковскаго отъ воцаного у гостя и Полочкого и Смоленскаго“ ⁴⁾.

На торговлю Новгорода съ Поволожьемъ, если не съ дальнимъ Востокомъ, указываютъ клады восточныхъ монетъ, не разъ попадавшіеся въ области Волги и въ предѣлахъ земли Новгородской; почти ежегодныя находки увеличиваютъ и безъ того уже значительное собраніе такихъ монетъ; карту монетныхъ кладовъ, составленную лѣтъ сорокъ тому назадъ, теперь можно было бы во многихъ отношеніяхъ пополнить ⁵⁾. Недавно найдено, напримѣръ, въ Новгородскомъ уѣздѣ два куфическихъ диргема аббасидскаго калифата и серебряная двуязычная пеглевійско-арабская монета Табаристанскаго испегбеда Саида, относящіяся къ концу VIII и началу IX вѣковъ ⁶⁾. Такія же открытія сдѣланы въ Петербургской губерніи (монетъ сас-

¹⁾ Const. Porphyg. De Administr. imp., ed. I. Bekkerus. В. 1840, с. 74.

²⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 2, стр. 340 и 362.

³⁾ П. Голубовскій, Исторія Смоленской земли въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ 1895 г., № 1, стр. 89 и 95. Русско-Ливонскіе Акты, № 135 (стр. 105).

⁴⁾ Доп. къ А. И., т. I, № 3.

⁵⁾ П. Савельевъ, Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи, Спб. 1847. М. Бережковъ, О торговлѣ съ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Спб. 1879, стр. 10—41.

⁶⁾ Отчетъ Археологической Коммиссіи за 1882 г., стр. XXIII.

санидскихъ, умейядскихъ, халифскихъ и табаристанскихъ VI—IX вѣковъ), и въ Псковскомъ уѣздѣ, гдѣ оказались куфическія и одна аркасидская монета IX—X вѣковъ ¹⁾). Клады большой цѣнности разрыты были также въ Великихъ Лукахъ и Холмѣ ²⁾). Трудно сказать, конечно, къ какому времени относятся торговыя сношенія, на существованіе которыхъ указываютъ подобныя находки; для этого надо было бы опредѣлить періодъ обращенія монетъ даннаго чекана, что при современномъ уровнѣ нашихъ знаній едва ли возможно. Совмѣстное находеніе монетъ VI и IX вѣковъ во всякомъ случаѣ показываетъ, что такіе циклы пожалуй могли обнимать нѣсколько вѣковъ, слѣдовательно, и присутствіе цѣнностей древнѣйшаго времени не говоритъ еще въ пользу столь же древнихъ торговыхъ сношеній Новгородцевъ съ Востокомъ. Замѣтимъ при этомъ, что тѣ же клады старинныхъ восточныхъ монетъ VIII—X столѣтій встрѣчаются и далѣе въ Курляндіи, Лифляндіи а также на островѣ Готландѣ, гдѣ уже до 1873 года, найдено не менѣе 13.000 диргемовъ; слѣдовательно, торговый путь, связывавшій Поволжье съ Балтійскимъ моремъ, проходилъ черезъ Новгородскую область. Ближайшимъ указаніемъ на народы, съ которыми жители сѣверо-западныхъ областей Россіи могли поддерживать торговыя связи, служить хотя бы кладъ пяти обломковъ монетъ изъ города Сувора, открытый въ Псковской губерніи ³⁾).

Съ особенною обстоятельностью Никитскій останавливается на торговлѣ Новгорода съ Западомъ; лишь немногіе изъ выводовъ автора въ этой области возбуждаютъ нѣкоторыя сомнѣнія. Такъ, напримѣръ, „появленіе нѣмцевъ въ Новгородѣ должно быть отнесено, по мнѣнію Никитскаго, къ исходу XII вѣка“ (стр. 30). Такое утвержденіе требовало бы со стороны Никитскаго подробной мотивировки. Уставъ о мостахъ, приписываемый Ярославу, указываетъ уже на пребываніе „Готовъ“ въ Новгородѣ; правда что самый памятникъ нуждается въ критикѣ; но въ такомъ случаѣ на Никитскомъ и лежала обязанность

¹⁾ Отчетъ Археологической Коммиссіи за 1875 г., стр. XXXVI, и за 1878, стр. XXXVIII.

²⁾ П. Савельевъ. *Op. cit.*, стр. XXIV и 21—24. Часть этого клада вѣсила до 7 пудовъ серебромъ; чеканеннаго серебра съ лигатурою болѣе 10% входитъ въ пудъ до 900 рублей (по расчету П. Савельева). Часть клада, найденнаго близъ Великихъ Лукъ, равноцѣнна, такимъ образомъ, 6.300 руб. по количеству серебра; но по его мѣновой цѣнности сумма эта должна была во многое число разъ превосходить означенную цифру.

³⁾ П. Голубовскій, *Op. cit.*, стр. 100—102.

доказать его несостоятельность по данному вопросу. Есть и другія указанія, позднѣйшія, несогласныя съ выводомъ Никитскаго. Монеты аугсбургскія, зальцбургскія и брейзахскія X вѣка, а также девентерскія, страсбургскія, утрехтскія, фрисландскія, богемскія, саксонскія и англо-саксонскія XI вѣка, оказались въ курганахъ южнаго Приладжья¹⁾. Въ Псковской губерніи найдены монеты нѣмецкія и англо-саксонскія IX—X вѣковъ вмѣстѣ съ обломкомъ „Владимірова серебра“, въ Оловецкой—такія же цѣнности XI столѣтія²⁾. Преданіе сагъ о появленіи нѣмецкихъ купцовъ въ Ладогѣ съ 1060 года, крушеніе новгородскихъ судовъ, возвращавшихся въ 1130 году съ Готланда, приключенія Новгородцевъ въ Даніи около того же времени (1134 г.) далѣе, грамота Кельнскаго архіепископа Райнальда городу Медебаху 1165 года, предполагающая возможность торговыхъ сношеній его жителей съ Даніей или Россіей (Висла), и, наконецъ, извѣстная грамота Фридриха (1187 года), разрѣшающая Новгородцамъ безошлинную торговлю въ Любекѣ—все это предполагает предварительное знакомство Новгородцевъ съ Нѣмцами, конечно, не за границей, а у себя дома, въ самомъ Новгородѣ³⁾. Въ договорѣ 1195 (?) года (1189—1199 годовъ, по мнѣнію Никитскаго, стр. 33), стороны „подтверждаютъ мира стараго“, выраженіе, которое мы невольно сопоставляемъ съ „простословесными“ договорами Кіева съ Византіей или тѣхъ „давнихъ докончаній“, которыя по актамъ начала XIII вѣка повторялись въ договорахъ Смоленска и Риги XIV столѣтія⁴⁾. Замѣтимъ, наконецъ, что въ Смоленскѣ, болѣе отдаленномъ отъ нѣмецкой границы, чѣмъ Новгородъ, къ концу XII вѣка уже существовали нѣмецкія учрежденія, какъ то: церковь, дворъ, староста, капиталы и гири⁵⁾. Такимъ образомъ, утвержденіе Никитскаго „о появленіи Нѣмцевъ въ Новгородѣ къ исходу XII вѣка“, намъ кажется

¹⁾ *Н. Бранденбургъ*, *Op. cit.*, въ Матеріалахъ по Археологіи Россіи, № 18, стр. 3—4.

²⁾ Отчетъ Археологической Коммиссіи за 1878 г., стр. XXXVIII; за 1887 г., стр. ССІ и за 1889 г., стр. 94.

³⁾ Новгородская лѣтопись по Синод. списку, стр. 125 и 127; *G. Sartorius—J. Lappenberg*, *Urk. Gesch.*, II, 9; *Н. Аристовъ*, *Op. cit.*, стр. 198.

⁴⁾ *П. Голубовскій*, *Op. cit.*, стр. 110—156.

⁵⁾ Русско-ливонскіе акты, стр. 436 и 437. Такое же мнѣніе о раннихъ сношеніяхъ Новгорода съ нѣмцами уже высказано было *W. Buck*’омъ въ сочиненіи *Der deutsche Kaufmann in Novgorod bis zur Mitte des XIV Jahrhunderts* (Berl. 1891, ss. 8—11) вслѣдъ затѣмъ появившемся въ болѣе полномъ видѣ подъ заглавіемъ: *Der deutsche Handel in Novgorod, St.-Petersb.*, 1895.

слишком опредѣленнымъ, даже въ томъ случаѣ, если предположить, что авторъ подъ Нѣмцами разумѣлъ не жителей Готланда, а нѣмецкихъ купцовъ въ узкомъ смыслѣ; возможно лишь предполагать, что „Нѣмцы“ не позже конца XII вѣка уже обстроились въ Новгородѣ, имѣли здѣсь свой торговый дворъ ¹⁾.

Внутренней Новгородской торговлѣ за второй и третій періоды ея развитія Никитскій также мало посвящаетъ мѣста въ своемъ трудѣ (стр. 89—98). Такой пробѣлъ объясняется частью недостаткомъ свѣдѣній по указанному вопросу до XV вѣка, частью нежеланіемъ автора воспользоваться показаніями писцовыхъ книгъ въ болѣе систематической формѣ, чѣмъ онъ это сдѣлалъ. Отмѣчая мимоходомъ число жителей въ нѣкоторыхъ изъ Новгородскихъ пригородовъ по книгамъ 1500 г., (стр. 89) Никитскій не опредѣляетъ количественнаго отношенія этого населенія къ уѣздному (что возможно было бы выяснитъ на основаніи тѣхъ же источниковъ ²⁾). Довольствуясь, далѣе, неопредѣленнымъ указаніемъ лѣтописи о пребываніи 2000 Новгородцевъ въ Торжкѣ „по преимуществу, безъ сомнѣнія, купцовъ“ (?), авторъ какъ бы забываетъ о необходимости для этой цѣли просмотрѣть писцовыя книги XV столѣтія. Въ городахъ, судя по этимъ даннымъ, изрѣдка уже попадаются купцы. Въ Иванъ-городѣ описываются, напримѣръ, четыре двора „купецкіе“, изъ которыхъ одинъ во всякомъ случаѣ принадлежалъ „Новгородцу“ ³⁾. Въ погостахъ Опоцкомъ, Дубровенскомъ и Березскомъ Шелонской пятины оказалось въ 1500 г. до 26 дворовъ мастеровыхъ и торговыхъ людей; въ рядкахъ Лижѣ, Креницахъ, Черномъ, С. Вельцѣ, Кобонѣ и Дубнѣ по описи 1469 г. было 19 дворовъ торговыхъ людей, а нѣсколько позднѣе (1500 г.) въ 7 другихъ рядкахъ и мѣстечкахъ той же Водской пятины не трудно насчитать 33 двора такихъ же лицъ. Въ Новгородскихъ селахъ также можно было встрѣтитъ купцовъ ⁴⁾. Конечно, не всѣ эти „торговые люди“ дѣйствительно торговали въ лавкахъ, многіе изъ нихъ вѣроятно, сами сбывали продукты своего промысла или ремесла на рынкѣ; тѣ и другія занятія не успѣли еще обособиться; производ-

¹⁾ К. *Koppman*, *Recesse der Hansatage*, I, s. XXIX, Leipz. 1870. А. *Winckler*, *Die deutsche Hansa in Russland*, s. 7.

²⁾ Цифры, подсчитанныя Никитскимъ (стр. 89), не вполне сходятся съ результатами, къ которымъ пришелъ Н. *Чечулинъ* (Op. cit., стр. 35—38). По счету Никитскаго въ Ямѣ—332, въ Корелѣ 232, а въ Ладогѣ 137 человекъ.

³⁾ Новгородскія писцовыя книги, т. IV, стр. 227—232.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I. № 1.

ство и обращеніе богатствъ лежало на однихъ и тѣхъ же лицахъ. Нельзя не замѣтить также, что эти первые зачатки торговой дѣятельности обнаруживаются въ Водской пятинѣ, черезъ которую проходилъ передаточный торговый путь изъ Балтійскаго моря въ рѣки Волховъ и Свирь, и въ Шелонской пятинѣ, по которой шла вдоль рѣки Шелони дорога въ гор. Псковъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, не мѣшало бы Никитскому нѣсколько остановиться и на уясненіи внутреннихъ путей сообщенія, связывавшихъ Новгородъ съ окружающими его землями. Кромѣ вышеуказанныхъ существовала, напримѣръ, еще дорога изъ Новгорода черезъ Обонежскую пятину на Сѣверную Двину; по этой же дорогѣ „за Онегомъ“ встрѣчался Волочекъ Кенской, изоброченный писцомъ Ю. К. Сабуровымъ въ 1496 г. ²⁾); по ней возили мѣха въ столицу (ср. выше). Обонежскіе купцы дѣйствительно упоминаются лѣтописями въ 1283 году и въ позднѣйшее время ³⁾).

При полномъ почти отсутствіи въ трудѣ Никитскаго указаній на внутреннюю Новгородскую торговлю, внѣшняя представляется еще болѣе крупною, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, послѣдняя дѣйствительно въ значительной мѣрѣ поглощала хозяйственную энергію Новгородцевъ; они, какъ извѣстно, находились въ торговыхъ сношеніяхъ не только съ землями Кіевской и Волынской, значеніе которыхъ стало падать со второй половины XIII вѣка, но и съ другими княжествами, какъ-то: Черниговскимъ (1224 г.) Суздальскимъ, Московскимъ и Тверскимъ ⁴⁾). Поставляя сырые продукты на иностранный рынокъ, новгородцы не имѣли возможности усиленно предаваться обрабатывающей промышленности, при отсутствіи которой и внутренняя торговля замѣнялась большею частью транзитною. Не удивительно поэтому, что описанію „торговли Новгорода съ западомъ“ въ XIII — XV вѣкахъ посвящена значительная часть сочиненія Никитскаго (стр. 105—181 и 229—306), едва ли не тщательнѣе всего разработанная. Тѣмъ не менѣе и въ этой части встрѣчаются не совсѣмъ понятные пробѣлы и недочеты. Такъ напримѣръ, вопроса о томъ, какіе общественные классы принимали участіе „въ торговлѣ

¹⁾ *А. Ильинскій*. *Op. cit.*, стр. 259 и 261.

²⁾ *А. Ильинскій*. *Op. cit.*, стр. 263.

³⁾ Новгород. лѣт. по синод. сп., изд. 2-е, стр. 300 и 318.

⁴⁾ Нѣсколько текстовъ подобрано въ названномъ сочиненіи *Н. Аристова*, стр. 138, 176, 177, 178, 180 и 248.

съ западомъ⁴ Никитскій не ставитъ и затрагиваетъ лишь мимоходомъ; между тѣмъ его рѣшеніе уяснило бы пониманіе дальнѣйшей судьбы этихъ сношеній въ XV—XVI вѣкахъ. Въ торговлѣ съ западомъ, надо полагать, нерѣдко принималъ участіе самъ князь: не даромъ же ему одною изъ статей договора 1270 г. и слѣдующихъ запрещены были непосредственныя торговыя сношенія съ Нѣмцами¹). Тѣмъ не менѣе князья могли сохранить извѣстную долю вліянія на дѣла Нѣмцевъ, такъ какъ послѣдніе обязаны были, повидимому, выплачивать имъ налогъ на товары, носившій названіе королевскаго сбора (стр. 126); такое объясненіе термина *Königs shot*, предлагаемое Никитскимъ, довольно вѣроятно: въ Смоленскѣ западно-европейскіе гости должны были также подносить княгинѣ въ подарокъ штуку частины, то-есть плотно вытканнаго холста, вѣроятно заграничнаго происхожденія²). Поэтому князья Новгородскіе нерѣдко вмѣшивались въ торговыя дѣла нѣмецкой конторы, чѣмъ возбуждали неудовольствіе заморскихъ гостей³). Въ позднѣйшее время (начало XVI вѣка), наконецъ, въ Новгородѣ нерѣдко упоминаются „гости государевы“, повидимому въ специальномъ, а не въ общемъ смыслѣ этого слова. Кромѣ князя въ Новгородской торговлѣ могъ принимать участіе и архіепископъ; въ казнѣ владыки много было заграничныхъ суконъ и иностранной монеты; онъ охотно покровительствовалъ нѣмецкимъ купцамъ и по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время продавалъ Нѣмцамъ продукты отъ церковныхъ земель⁴). Это участіе князя и архіепископа новгородскаго въ заграничной торговлѣ Новгорода совсѣмъ не разъяснено Никитскимъ; авторъ предполагаетъ только по аналогіи съ Полоцкомъ, что въ ней могли быть заинтересованы и новгородскіе бояре (стр. 95).

Съ XV вѣка наряду съ новгородскими купцами въ заграничной торговлѣ начинаютъ играть роль и московскіе гости. Въ 1436 году, на примѣръ, нѣмецкіе послы въ Новгородѣ увѣдомляли Ревель, что Новгородъ ходатайствовалъ у нихъ за схваченныхъ въ Ревелѣ московскихъ купцовъ и просили освободить ихъ, если противъ нихъ нѣтъ тяжкихъ обвиненій⁵). Такимъ образомъ нити Новгородской торговли

1) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 3.

2) Русско-ливонскіе акты, стр. 440.

3) Г. Гильдебрандтъ, Отчетъ и проч. въ *Запискахъ Академіи Наукъ*, т. XXIX, прил. 3, стр. 33 и 37.

4) М. Бережковъ, О торговлѣ Руси съ Ганзю, стр. 160, 167 и 239.

5) Г. Гильдебрандтъ, *Op. cit.*, стр. 41.

перехватывались сверху княземъ и архіепискомъ, снизу—московскими гостями; съ XV вѣка эти элементы стали поддерживать другъ друга и оказались для Новгородцевъ неудобными конкурентами на международномъ торговомъ рынкѣ.

Предметы торговли Новгорода съ западомъ Никитскій перечисляетъ урезвычайно тщательно, описывая даже мелкія разновидности ввозимыхъ товаровъ, напримѣръ суконь; едва ли въ этомъ перечисленіи можно указать какіе-либо существенные пробѣлы¹⁾.

Къ сожалѣнію полныхъ свѣдѣній для опредѣленія размѣровъ торговыхъ оборотовъ новгородскихъ купцовъ не имѣется; долговая книга г. Риги, которою съ этой точки зрѣнія не воспользовался Никитскій, даетъ лишь одностороннія показанія. Недавно отпечатанныя ревельскіе акты въ этомъ отношеніи гораздо цѣннѣе; хотя они и принадлежатъ уже первой трети XVI вѣка, однако, могутъ дать понятіе о минимальной стоимости товаровъ, пускаемыхъ въ оборотъ русскими купцами въ то время, когда торговля съ Ганзой не окончательно упала. Въ теченіе (приблизительно) десятилѣтія, отъ 1525 по 1535 г. напримѣръ, въ вышепоименованныхъ актахъ встрѣчается семь случаевъ оцѣнки товара, утеряннаго купцами при перевозкѣ его изъ Новгорода въ лифляндскіе города: оцѣнка эта выражена въ слѣдующихъ цифрахъ: 150 гривенъ пеннязей нѣмецкихъ, 200 и 230 гривенъ, 305 и 350 рублей, 415, 500 и даже 900 гривенъ²⁾. Замѣтимъ приэтомъ, что въ перечисленныхъ случаяхъ утеряна была каждымъ лицомъ не часть товара, а обыкновенно весь онъ цѣликомъ. Этими данными Никитскій, конечно, не могъ воспользоваться въ печатномъ видѣ. Но и такое важное указаніе, какъ стоимость всѣхъ товаровъ, конфискованныхъ на нѣмецкомъ дворѣ въ 1495 г. при его закрытіи величиною въ 96.000 марокъ серебра, зарегистрировано Никитскимъ просто какъ фактъ, иллюстрирующій отношеніе московскаго князя къ нѣмецкой конторѣ въ Новгородѣ, и только.

Не можемъ не указать еще на одну группу явленій, оставленныхъ безъ вниманія г. Никитскимъ и тѣмъ не менѣе имѣющихъ значеніе для характеристики новгородской торговли. Подобно отсутствію строгаго

¹⁾ Опущены, напримѣръ, указанія источниковъ на торговлю золою и шелкомъ и винными дрожжами для окраски суконь, уже отмѣченныя предшествующими изслѣдователями (*Н. Аристовъ*, *Op. cit.*, стр. 203; *F. G. A. Schmidt*, *Handelsgesellschaften in den deutschen Stadtsrechtsquellen des Mittelalters*, S. 19).

²⁾ Русская Историческая Библиотека, т. XV, Русскіе акты Ревельскаго геродскаго архива, №№ 17, 18, 20, 34 и 35.

раздѣленія занятій мы и въ торговой дѣятельности наблюдаемъ недостаточную спеціализацію. Еще въ самомъ началѣ царствованія великаго князя Василя III, напримѣръ, братья Левъ и Володя Дымялевы ивангородцы единовременно торговали съ Колыванью: мыломъ, синею крашениной, рукавицами, лукомъ, хомутами, пенязями нѣмецкими и хлѣбомъ¹⁾. При такомъ смѣшеніи совершенно отличныхъ другъ отъ друга предметовъ торговли, разновидности торговой дѣятельности по этимъ послѣднимъ, очевидно, не могли опредѣлиться. Спеціализація сказывалась въ локализациі торговой дѣятельности: существовали, напримѣръ, „обонежскіе“ купцы, но почти не было купцовъ, торговавшихъ исключительно однимъ какимъ нибудь родомъ товаровъ.

Патріархальный строй, не вполне еще расшатавшійся, и рискованныя условія международнаго рынка на Балтійскомъ поморьѣ XIII—XV вѣковъ, среди которыхъ приходилось вести коммерческія предпріятія, естественно приводили купцовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, къ образованію компаній, нерѣдко закрѣпляемыхъ религіозною санкціей. Не указывая на основные факторы, повліявшіе на возникновеніе подобнаго рода союзовъ, Никитскій довольствуется тщательнымъ ихъ описаніемъ и сообщаетъ по этому поводу множество особенностей ихъ организаціи, не связанныхъ, однако, единствомъ исходной точки зрѣнія и не порождающихъ въ читателѣ цѣльнаго впечатлѣнія. „Въ торговой дѣятельности своей, замѣчаетъ авторъ, новгородскіе купцы рѣдко выступали одинокими. Напротивъ подобно тому какъ князья и бояре являлись окруженные дружинами, какъ мастера имѣли свои собственныя дружины, такъ точно дружина была формой дѣятельности и въ торговомъ быту. Купеческія дружины, имѣвшія мѣсто особенно часто въ иноземной торговлѣ, составлялись на основаніи родства или простаго товарищества или на основаніи того и другого вмѣстѣ“ (стр. 95). Но и среди русскихъ купцовъ мы встрѣчаемъ ассоціаціи родственниковъ: стоило бы г. Никитскому заглянуть въ долговую книгу города Риги для того, чтобы натолкнуться на значительное число такихъ союзовъ. Сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ: *Iohannes dictus Zareleyne et Ludekinus Seymo tenentur communi manu Andree Parvo et fratri suo VIII mrc.* (1287 г.); *Chodere et frater suus Astaphe et filius suus Watsyle tenentur Thiderico de Plezkowia X mrc.* (1287 г.); *Smen et suus frater Germann et Ywan tenentur communi manu et Wassile III navalia*

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, т. XV, Id., № 35.

talenta cere et II Livonica talenta in duobus frustis, Pasche solvent (1288 г.); Lutgardis soror tenetur *pueris* Ivan IV mrc. (1301 г.); Andreas et Ywan, *filius sororis sue*, tenentur *communi manu* Ioachim et Wassile 26 mrc. et 1 fert. (1302 г.) ¹⁾. Ясно, что въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ союзами, выросшими на почвѣ родственныхъ отношеній и преслѣдующими торговыя цѣли, причемъ, разумѣется, начало патріархальное въ извѣстной мѣрѣ ограничено было началомъ сожительства, какъ это было и на западѣ въ то же время ²⁾. Этотъ типъ товариществъ можно считать древнѣйшимъ: онъ встрѣчается въ Германіи уже въ VIII вѣкѣ, попадаетъ и среди италіанскихъ, шведскихъ и ливонскихъ (нарвскихъ) купцовъ ³⁾.

Каждый членъ этихъ товариществъ родственниковъ, вѣроятно, вкладывалъ въ общее предпріятіе весь свой капиталъ и поэтому представлялъ все общество и безусловно отвѣчалъ за него. Весьма любопытна одна изъ древнѣйшихъ *obligationes*, падавшихъ на такіе союзы: такова обязанность участвовать въ общей мести. Слѣды ея замѣтны въ нѣкоторыхъ старинныхъ статутахъ западно-европейскихъ обществъ (напримѣръ, цизанскаго) ⁴⁾. Въ такомъ же смыслѣ, можетъ быть, слѣдуетъ толковать одно изъ извѣстій о новгородскихъ гостяхъ. По поводу ссоры, происшедшей между Новгородцами и Нѣмецкими купцами въ 1331 году, посадникъ говорилъ Нѣмцамъ, „чтобы до примиренія выплачены были 80 руб. с. дѣтямъ его сестры; иначе они выступятъ жалобщиками и стануть мстить Нѣмцамъ за своего отца, который былъ убитъ въ Дерптѣ и звали его Иваномъ Сыновымъ, при чемъ мстители потребуютъ 50 головъ и мужамъ новгородскимъ (въ этомъ?) уступки не сдѣлаютъ“ ⁵⁾. Въ данномъ случаѣ, какъ видно, дѣти собираются мстить за убійство отца, похвавшаго

¹⁾ Das Rigische Schuldbuch, №№ 91, 213, 464, 1152, 1518 и 1723.

²⁾ *M. Weber*, Zur Geschichte der Haudelsgesellschaften im Mittelalter, Stut., 1889, ss. 49—50, 53.

³⁾ *F. G. A. Schmidt*, Op. cit., ss. 5—8, 21 и 55 nota. *M. Weber*, (Op. cit., ss. 44—48) готовъ признать этотъ типъ древнѣйшимъ; но недавно еще *L. Goldschmidt* (*Alte und neue Formen der Handelsgesellschaft*, Berl. 1892, ss. 8 и 10) высказалъ скорѣе противоположное мнѣніе. „Die beide Gesellschaftsarten (*societas fratrum* und *commenda*), пишетъ онъ, haben sich wesentlich unabhängig von einander entwickelt und stehen selbständig neben einander“.

⁴⁾ *M. Weber*, Op. cit., ss. 58—59.

⁵⁾ Переводъ этого донесенія нѣмецкаго двора въ Новгородѣ рижскому магистрату 10-го ноября 1331 г. *А. Чумикова* см. въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, 1893 г., ч. I, Смѣсь, стр. 1—8.

въ Дерптѣ, вѣроятно, по торговымъ дѣламъ; возможно предполагать, что самое *право* (или обязанность) мести опирается не только на родственныя отношенія отца къ дѣтямъ, но и на соучастіе ихъ въ одномъ и томъ же товариществѣ патриархальнаго свойства ¹⁾).

Кромѣ патриархальныхъ отношеній, служившихъ готовыми формами для организациіи торговой дѣятельности, существовали и другія условія, вызвавшія образованіе купеческихъ компаній и также почти вовсе не обратившія на себя вниманіе г. Никитскаго. Не одна только нужда въ общихъ силахъ и средствахъ, необходимыхъ для содержанія судовъ, далекаго и опаснаго плаванія, а также для извлеченія достаточной прибыли изъ предпріятія порождали купеческія товарищества; къ этимъ причинамъ слѣдуетъ присоединить еще боязнь конкуренціи: участники компаніи должны были дѣлить прибыль и убытки предпріятія со всѣми товарищами и предохранить каждаго изъ нихъ отъ невыгодной конкуренціи сосѣда, который безъ такихъ обязательствъ не только пользовался бы всѣми законными мѣрами для того, чтобы приумножить свои богатства во вредъ соотечественнику, но готовъ былъ пустить въ ходъ и недозволенные средства съ цѣлью разорить своего противника на рынкѣ. Мы не знаемъ насколько это соображеніе примѣнимо къ русскимъ купеческимъ общинамъ; сложная регламентация, которой подчинялся нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ, несомнѣнно образовалась подъ его вліяніемъ, но что Никитскій обратилъ слишкомъ мало вниманія (стр. 108, 110, 126, 132, 137—138, 139, 140, 170). Замѣтимъ, наконецъ, что купеческія товарищества служили также кредитными и страховыми обществами для своихъ членовъ, что въ такой организациіи купецъ находилъ защиту отъ насилій и даже вооруженнаго нападенія со стороны чуждыхъ ему туземцевъ, среди которыхъ ему приходилось вести свои торговыя дѣла, и мы поймемъ то великое и благодѣтельное значеніе, какое въ свое время имѣли купеческія компаніи для средневѣковаго купечества ²⁾).

¹⁾ Съ вопросомъ о патриархальномъ характерѣ этихъ союзовъ любопытно сопоставить вопросъ о происхожденіи купеческихъ гильдій въ средневѣковыхъ городахъ, которые иногда связываютъ (быть можетъ слишкомъ безусловно) съ патриархальнымъ строемъ. Мнѣнія собраны А. Доррен'омъ: Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters in Gustav Schmoller's Staats und Soc.-wiss. Forsch., B. XII, Leipz. 1893, ss. 8, 9, 15—16.

²⁾ Въ 1421 г. (іюля 22-го) нѣмецкіе купцы въ Новгородѣ извѣщали, напри- мѣръ, Ревель, что они со всѣхъ сторонъ окружены въ торговомъ дворѣ, что 11 изъ ихъ земляковъ посажены въ тюрьму, что отправленныя письма перехвачены, но что при всемъ томъ торговля во Псковѣ и въ Нарвѣ не прекращена. (Г. Гильдебрандъ, Отчетъ, *ibid.*, стр. 32).

Естественно, что при такихъ условіяхъ купеческія товарищества должны были развиваться и независимо отъ чисто родственныхъ отношеній. Члены товарищества иногда назывались складниками ¹⁾. Никитскій подвергаетъ анализу лишь общину складниковъ, извѣстную намъ по грамотѣ князя Всеволода церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ; авторъ не задается, однако, вопросомъ о томъ, насколько самостоятельно возникла подобнаго рода организація въ Новгородѣ? Общества, весьма схожія съ Иваньскимъ, во всякомъ случаѣ хорошо извѣстны были и нѣмецкимъ купцамъ; и они образовывали нерѣдко *societates certae recipiae*, въ которыхъ вклады были большею частью одинаковы для всѣхъ товарищей и даже иногда, судя по ганзейскимъ актамъ, равны были 50 маркамъ серебра; и въ этихъ компаніяхъ право на участіе, полученное путемъ вклада, могло переходить по наслѣдству ²⁾. Кромѣ Иваньскаго, въ Новгородѣ существовали, повидимому и другія товарищества; таковы общины: Побережская, Лубяницкая, Даньславская и Чудинцевская; на нихъ Никитскій даже не указываетъ. Не разработаннымъ также остался тотъ богатый и любопытный матеріалъ, который по интересующему насъ вопросу о товариществахъ *русскихъ* купцовъ содержится въ долговой книгѣ города Риги; здѣсь нерѣдко упоминается нѣсколько купцовъ съ русскими именами, иногда прямо называемыхъ *socii*, причѣмъ каждая „*societas*“ вступаетъ отъ себя въ кредитныя сдѣлки ³⁾. Замѣтимъ, наконецъ, что описанныя выше складчины возникали не только между новгородскими гостями, но и между Новгородцами и нѣмецкими купцами, на что указываетъ любопытный актъ начала XV вѣка ⁴⁾.

Итакъ, въ Новгородѣ, какъ видно, существовало два типа торговыхъ ассоціацій: одинъ изъ нихъ приближался къ средневѣковой

¹⁾ Архивъ Историко-Юридическихъ свѣдѣній, изд. Н. Калачевымъ, кн. II, полов. 2, Мат., стр. 8. Русская Историческая Библиотека, т. XV, стр. 4, 49, 77 и 79.

²⁾ F. G. A. Schmidt, Op. cit., ss. 19, 53, 78 и 79.

³⁾ Das Rigische Schuldbuch, №№ 41, 50, 59, 1352, 1551, 1747, 1767 и много другихъ. О лицахъ, которыя называются *socios* (№ 1528) говорится въ многихъ другихъ мѣстахъ, что они задолжали кредиторамъ „*сommini manu*“; иногда товарищи, повидимому, упоминаются рядомъ безъ всякихъ указаній въ данной записи на существованіе между ними товарищества; ср. № 1528 съ №№ 1553, 1696, 1833, далѣе 1728 и многіе другіе.

⁴⁾ Н. Аристовъ, Op. cit., стр. 212.

„societas fratrum“, другой — къ „commenda“ (коммандитному обществу). Члены союзовъ перваго рода соединяли все свое имущество въ одинъ общій капиталъ (agca communitis), употребляемый для извѣстныхъ хозяйственныхъ цѣлей, и въ силу круговой поруки взаимно представляли и отвѣчали за все товарищество. Члены союзовъ втораго рода, напротивъ, вкладывали въ предпріятіе лишь часть своего капитала, сообразно которой ограничивалось право ихъ представлять и обязанность отвѣчать за товарищество. Юридическая сущность ассоціаций того и другаго типа до сихъ поръ остается не вполне ясною; возможно, что они носили характеръ своеобразныхъ обществъ (societates), но не обладали свойствами юридического лица въ строгомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ и отличались отъ позднѣйшихъ компаній на акціяхъ ¹⁾).

Въ заключеніе своего описанія „торговли съ западомъ“ Никитскій даетъ подробный анализъ причинъ, объясняющихъ ея паденіе; эти страницы—однѣ изъ наиболее удачныхъ въ книгѣ г. Никитскаго. Невыгодныя условія внутренняго, новгородскаго рынка, система монополій, которою Ганза думаетъ устранить участіе другихъ иностранцевъ, а Новгородъ — московскихъ купцовъ въ торговлѣ, разложеніе Ганзейскаго союза и торжество московскаго порядка, которому, однако, авторъ придаетъ, можетъ быть, слишкомъ большое значеніе, — всѣ эти моменты въ исторіи паденія новгородской торговли, такъ сильно повліявшіе на дальнѣйшую политическую судьбу Великаго Новгорода, намѣчены авторомъ довольно твердыми и смѣлыми штрихами.

IV.

Научное значеніе „Исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода“ А. И. Никитскаго.

Подведемъ итоги всему вышесказанному.

Тема, избранная Никитскимъ, представляетъ существенный и современный научный интересъ, но при ея разработкѣ, авторъ скорѣе *описываетъ*, чѣмъ *опредѣляетъ* явленія, съ которыми имѣетъ дѣло.

Описанія Никитскаго всегда основаны на первоисточникахъ, ве-

¹⁾ Мнѣніе это, высказанное *L. Goldschmidt'*омъ (*Alte und neue Formen der Handelsgesellschaft*, 8—17), и согласное со взглядами Laband'a, а также Gierke (*ibid.*, в. 15), ожидаетъ, впрочемъ, проверки новыми историческими данными.

дуются съ большимъ знаніемъ дѣла и не лишены кое-гдѣ яркихъ красокъ. Нѣкоторыя страницы „Исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода“, посвященныя обзорѣнію новгородской промышленности и торговли съ западомъ, а также анализу причинъ ея паденія, отличаются несомнѣнными достоинствами.

Но, пересказывая матеріалъ, Никитскій сплошь и рядомъ оставляетъ его безъ надлежащаго научнаго опредѣленія. Тема, напримѣръ, поставлена авторомъ не ясно, періоды въ исторіи древне-новгородскаго хозяйства намѣчены лишь вскользь, многіе изъ ея существенныхъ моментовъ произвольно опущены, а обильныя показанія *источниковъ* не подведены подъ общія категории изучаемыхъ *явленій*, при чемъ основное соотношеніе ихъ свойствъ нерѣдко, *по винѣ самого изслѣдователя*, остается скрытымъ отъ читателя. Связь между этими категориями, хотя бы, напримѣръ, между производствомъ и потребленіемъ въ движеніи цѣнъ, остается также, во многихъ случаяхъ, не затронуто. Никитскій пренебрегаетъ несовершенно-количественнымъ разсужденіемъ, которое возможно было бы, однако, приложить къ изученію нѣкоторыхъ отраслей новгородскаго хозяйства; методъ среднихъ величинъ и числовыхъ отношеній онъ оставляетъ безъ всякаго употребленія. Но и качественныя отношенія шатко установленныхъ категорій не всегда удовлетворительно опредѣлены въ „Очеркахъ экономической жизни Великаго Новгорода“. Едва ли правильны, напримѣръ, общія положенія, которыми открываетъ свое изслѣдованіе Никитскій: впрочемъ, вліянія ихъ на дальнѣйшій ходъ его разсужденій не замѣтно. Нельзя сказать того же о слишкомъ поверхностномъ взглядѣ автора на условія образованія цѣнностей на новгородскомъ рынкѣ, взглядѣ, который привелъ его къ одностороннему пониманію натурального хозяйства, исключительно характеризуемаго непосредственною мѣной, и изображенію дальнѣйшихъ моментовъ въ исторіи этого рынка въ не совѣтмъ вѣрномъ свѣтѣ. Такъ, напримѣръ, въ трудѣ Никитскаго обрабатывающая промышленность Новгорода едва ли не слишкомъ принижена, паденіе курса на его куны стоитъ внѣ всякой связи съ зарожденіемъ металлическаго обращенія; своевременно не отмѣченное авторомъ оно не объясняетъ появленія новгородскихъ денегъ самостоятельнаго чекана; всѣ эти промахи, въ связи съ значительными пробѣлами въ изложеніи, даютъ ложное понятіе о внутренней торговлѣ въ предѣлахъ Новгородской области. Въ организаціи земледѣльческаго и промышленнаго труда, а также торговой дѣятельности Никитскій сознательно опускаетъ патріархальныя начала и

слишкомъ суживаетъ общежительныя; поэтому новгородская колонизація, союзы сябровъ и складниковъ, торговыя товарищества родственниковъ, а затѣмъ и чужихъ между собою лицъ надлежащимъ образомъ не выяснены. Между тѣмъ разысканія подобнаго рода, можетъ быть, позволили бы автору указать на нѣкоторое движеніе въ новгородскомъ хозяйствѣ и не только установить послѣдовательность, но и выяснить непрерывность въ преемствѣ важнѣйшихъ его моментовъ.

Наконецъ, развитіе соотношенія между различными группами категорій новгородскаго быта, напримѣръ, распредѣленіемъ богатства и образованіемъ общественныхъ классовъ, оставлено безъ вниманія Никитскимъ, что лишило его возможности опредѣлить значеніе, какое имѣло народное хозяйство въ жизни Великаго Новгорода.

А. Лаппо-Данилевскій.

„Россія“. В. Р. Морфилла.

Въ настоящемъ столѣтіи въ западной Европѣ и Америкѣ все болѣе и болѣе распространяется интересъ къ славянскому міру. Цѣлый рядъ событій способствовалъ этому явленію, а именно ростъ русскаго государства и развитіе русской литературы, что увеличивало значеніе Россіи, постепенное освобожденіе славянскихъ національностей изъ-подъ турецкаго ига, восточныя войны и восточный вопросъ. польскія возстанія, болгарскія дѣла, наконецъ, возникновеніе сравнительной исторіи и постепенное, все увеличивающееся сознаніе ученыхъ, что безъ пониманія славянства западно-европейская общественность не можетъ быть выяснена во всей ея глубинѣ. Аріи—христіане распадаются на двѣ части, изъ которыхъ одна развивалась подъ почти исключительнымъ вліяніемъ католичества и римской образованности. другая—подъ такимъ же вліяніемъ православія и идеаловъ древней Греціи и средневѣковой Византіи. Вполнѣ оцѣнить значеніе католичества и древняго Рима, очевидно, возможно только черезъ сопоставленіе одной части Европы съ другою, жившею при иныхъ условіяхъ. При этомъ исторія сама какъ-бы облегчила сравненіе. Масса одного и того же народа, говорившая въ IX вѣкѣ почти однимъ языкомъ, имѣвшая почти одни и тѣже политическія учрежденія, считавшая сама себя и считаемая сосѣдями однимъ единымъ, была въ

IX вѣкѣ раздѣлена и подчинена подъ исключительное вліяніе тѣхъ или другихъ культурныхъ факторовъ. У чеховъ, поляковъ, хорватовъ мы видимъ католичество, рыцарство, гуманизмъ; у сербовъ, болгаръ, русскихъ этого нѣтъ; мы замѣчаемъ одно и то же направленіе въ развитіи однихъ (постепенное паденіе государственной власти, рѣзкія сословныя различія) и много общаго въ развитіи другихъ. Эти отклоненія отъ древне-славянскихъ представленій у однихъ въ одну, у другихъ въ другую сторону были вызваны дѣйствіемъ извѣстныхъ причинъ и вотъ, какъ химикъ опредѣляетъ качество новооткрытаго тѣла, подвергая его дѣйствію другихъ тѣлъ, какъ ботаникъ изучаетъ одинъ и тотъ же видъ растенія въ различныхъ климатахъ, чтобы установить характеръ ихъ вліянія, такъ и исторія здѣсь продѣлала то же самое и ученый долженъ только собрать слѣды происходившихъ процессовъ и постараться описать и уяснить ихъ. Эта важность исторіи славянскаго міра для пониманія самой западной Европы играетъ не малую роль въ оживленіи славяновѣдѣнія за границею. Мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ обратили вниманіе на выдающіеся труды французскаго ученаго Дареста, а теперь отмѣтимъ историческія сочиненія лектора славянскихъ нарѣчій въ Оксфордскомъ университетѣ Морфилля.

Г. Морфилль еще мальчикомъ въ 1851 г. заинтересовался славянскими нарѣчіями, а въ 1881 году появилось его первое сочиненіе о Россіи (издано въ *Foreign countries and British colonies*); въ 80-хъ годахъ опубликованъ цѣлый рядъ его филологическихъ работъ (*Early Slavonic Literature* 1883, небольшая польская грамматика въ 1884, маленькая сербская грамматика въ 1887, русская грамматика въ 1889 году); въ 1890 году въ изданіи „Исторія народовъ“ вышла „Россія“, а въ 1893 г. тамъ же „Польша“; наконецъ, въ настоящее время Г. Морфилль готовится переводъ съ примѣчаніями славянскаго текста апокрифическаго труда Еноха, который выйдетъ въ Оксфордѣ. Кромѣ этихъ сочиненій имъ напечатано много статей въ *Encyclopedia Britannica* и въ энциклопедіи Гамберса о Россіи, славянскихъ странахъ, различныхъ русскихъ и польскихъ авторахъ и т. п.; онъ также принимаетъ живое участіе по исторіи, языку и литературѣ славянъ въ англійскихъ ученыхъ журналахъ (*Academy, Athenaeum, Historical Reviews*). Съ 1890 г. Г. Морфилль получилъ въ Оксфордѣ официальное положеніе, соответствующее экстраординатурѣ славянскихъ нарѣчій въ континентальныхъ университетахъ и, кромѣ постоянныхъ университетскихъ

лекцій о славяновѣдѣніи, выступилъ съ публичными чтеніями, которыя будутъ вскорѣ напечатаны.

Исторія Россіи Морфиля, вышедшая въ 1891 г. вторымъ неизмѣненнымъ изданіемъ ¹⁾, глубоко отличается отъ обычныхъ заграничныхъ произведеній о нашемъ отечествѣ обстоятельнымъ, не только научнымъ, но и личнымъ ²⁾ знаніемъ его, а также очевидною симпатіей къ нему. Вотъ, что самъ авторъ говоритъ о своей книгѣ въ предисловіи: „Между тѣмъ какъ я не скрывалъ сознательно болѣе темныхъ сторонъ картины, я старательно избѣгалъ начертить мой очеркъ съ одной только англійской точки зрѣнія. Еще менѣе я чувствовалъ склонности искать дешевыхъ лавровъ приемами, употребительными у нѣкоторыхъ западныхъ писателей въ ихъ сочиненіяхъ о Россіи. Всѣ народы были завоевателями каждый въ своемъ родѣ и поэтому тщетно говорить черезъ чуръ много о русскихъ завоеваніяхъ ³⁾; всѣ народы имѣютъ нѣсколько опрысканныхъ кровью страницъ въ своихъ лѣтописяхъ и поэтому будетъ чѣмъ то похожимъ на лицемѣріе поражаться особеннымъ ужасомъ при русскихъ злодѣяніяхъ. Въ дѣйствительности, нѣтъ ничего политическаго при изданіи моей книги; я просто говорилъ истину, какъ она мнѣ представлялась. Я разсматривалъ Россію, какъ очень важный элементъ среди національностей міра, какъ страну большой сплоченности и силы. что бы тамъ ни говорили противъ этого. Она имѣетъ право на благодарность свѣта, хотя бы только за покровительство, оказанное подавленнымъ христіанамъ Востока. Приливъ магометанскихъ преслѣдованій и прозелитизма смѣнился отливомъ съ того времени, какъ Петръ Великій показалъ раямъ, стонущимъ подъ турецкимъ игомъ, что они могутъ искать въ Россіи помощи. Ей обязана своимъ рожденіемъ новая болгарская національность, которая подаетъ такіа прекрасныя надежды. Мы не должны удивляться, что христіане Востока чувствовали благодарность за ея благодѣянія. Она одна выступила противъ ихъ притѣснителей; и ея враги среди насъ должны чувствовать, что своею ошибочною политикою она только укрѣпляла

¹⁾ Russia by. W. R. Morfill, M. A. Second edition. London. T. Fisker Unwin Paternoster square. MDCCCXCI.

²⁾ Авторъ былъ нѣсколько разъ въ Россіи.

³⁾ Но мнѣнію Морфиля завоеванія были вызваны естественнымъ ходомъ событий, а не воинственнымъ характеромъ самаго населенія. См., на примѣръ, замѣчанія о завоеваніи Финляндіи (стр. 266), о присоединеніяхъ отъ Турціи (стр. 292).

ея руки". Говоря далѣ въ предисловіи о своемъ произведеніи, г. Морфилль указываетъ на то, что его цѣлью не была одна компиляція, но усиленная провѣрка сказаннаго источниками; для прида- нія книги большей свѣжести, авторъ перевелъ стихами нѣсколько русскихъ былинъ, присоединилъ бѣглый очеркъ русской литературы и отмѣтилъ этнографическій составъ населенія.

Обращаясь отъ поставленныхъ авторомъ себѣ задачъ къ ихъ вы- полненію, мы видимъ, что первая небольшая (1 — 12) глава зна- комитъ читателя съ географіей, этнографіей, нарѣчіями и стати- стикой страны; затѣмъ слѣдуетъ самая исторія съ 861 до 1889 г., времени написанія сочиненія (12 — 310); въ трехъ послѣднихъ гла- вахъ (311 — 380) г. Морфилль даетъ бѣглый, но хорошо составлен- ный очеркъ русской литературы, описываетъ социальныя условія Рос- сіи передъ и послѣ Петра Великаго и, наконецъ, въ заключительной главѣ набрасываетъ общую картину ея развитія, а также перечи- сляетъ литературу и источники русской исторіи; ко всему этому приложены двѣ географическія карты, генеалогическая таблица цар- ствующаго дома и немало прекрасно выполненныхъ рисунковъ и портретовъ русскихъ и иностранныхъ выдающихся дѣятелей. Изло- женіе очень живое и интересное—до установленія самодержавія и объединенія государства (1462 г.) по періодамъ (возникновеніе Рос- сіи, 861—1054, періодъ удѣловъ, 1054 — 1238, Россія подъ Монго- лами, 1238—1462), послѣ установленія — по правителямъ, при чемъ сначала описывается самое царствованіе, а въ концѣ отмѣчаются важнѣйшія событія и излагаются реформы, что и составляетъ объ- ективную оцѣнку рассказаннаго правленія. Такъ какъ книга предна- значалась для англичанъ и американцевъ, то всѣ сношенія съ Ан- гліей изложены особенно подробно, а также авторъ не разъ поль- зуется сравненіемъ русскихъ общественныхъ и литературныхъ явле- ній съ англійскими для придаванія имъ большей наглядности.

Какъ представляется Морфиллю общій ходъ русской исторіи, видно, изъ послѣдней его главы: „Вначалѣ мы имѣемъ ранній пе- ріодъ ея исторіи — героическій и полубогендарный. Онъ сосредото- чивается вокругъ Новгорода и Кіева съ первымъ христіанскимъ пра- вителемъ Владиміромъ и первымъ законодателемъ Ярославомъ. Од- нако, этимъ маленькимъ славянскимъ княжествамъ, подобно неболь- шимъ саксонскимъ королевствамъ гептархіи, сперва не предопредѣ- лено было объединеніе. Хотя связанныя въ одинъ братскій союзъ единствомъ языка и учрежденій, они были лишены національнаго ин-

стинкта и вначалѣ стремленіе къ частному увеличенію затрудняетъ объединеніе. Мы имѣемъ темный періодъ удѣловъ, въ которомъ маленькія государства полны внутреннихъ междоусобій. Они только вполне спѣлы для нападеній ужасныхъ монголовъ, которые, выйдя изъ своихъ восточныхъ и южныхъ тущобъ, преслѣдуютъ ихъ огнемъ и мечемъ. Но вотъ маленькое княжество Москва носить въ себѣ зародышъ національности и ея могучіе правители спасаютъ страну. Однако, Россія много утратила во время своей борьбы съ этими варварами — Кіевъ вмѣстѣ съ Волинью, Подоліей и Галиціей для ней потеряны — и послѣднюю изъ этихъ областей она никогда себѣ не возвратила. Когда мы видимъ, какъ туго держать бразды правленія Иванъ III и его два сильные послѣдователя и какъ они выходятъ изъ хаоса среднихъ вѣковъ, Россія уже имѣетъ на западѣ мощное литовское княжество, распространяющееся почти отъ Балтійскаго до Чернаго морей и бракомъ соединенное съ Польшею. Отсюда произойдутъ жаркія битвы между нею и поляками и „старый домашній споръ“, какъ его называлъ Пушкинъ, будетъ продолжаться столѣтія. Россія отѣснена отъ моря на сѣверѣ шведами, а на югѣ турками, которые поглотили монголовъ. Она лежитъ, какъ неподвижная масса, отрѣзанная отъ путей сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Когда Иванъ IV нуждается въ ремесленникахъ, дабы помочь ему въ его планахъ распространенія образованности въ Россіи, поляки могутъ недопустить ихъ въ его владѣнія. Поэтому мы не должны быть удивлены его радужнымъ пріемомъ отважному англійскому мореплаванію, которое приводитъ ему пословъ по Бѣлому морю. Онъ стремится получить выходъ въ Балтійское море, но это еще рановременно; однако, онъ имѣетъ нѣкоторый успѣхъ на югѣ и пріобрѣтаетъ Астрахань на Каспійскомъ морѣ. Онъ также распространяетъ свое господство на Сибирь. Страна снова отодвинута болѣе чѣмъ на 50 лѣтъ назадъ внутреннею борьбою и соперничествомъ искателей приключеній и, когда въ первой половинѣ XVII столѣтія Россіи предлагаютъ страстно желаемый Азовъ, она черезъ чуръ слаба для его занятія. Но Алексѣй превращаетъ отливъ въ приливъ: западныя области со включеніемъ историческаго Кіева получены обратно и перенесеніе подданства запорожскими казаками приближаетъ ее къ Черному морю. Страна полна полезными искателями приключеній, при чемъ искусные шотландцы естественно преобладаютъ, и все готово для Петра. Громадныя перемѣны, введенныя „чудотворцемъ-исполиномъ“, какъ Пушкинъ называетъ его, уже были описаны. Онъ успѣшно получилъ для Россіи

выходъ въ Балтійское море и С.-Петербургъ былъ основанъ; но Финляндія съ другой стороны осталась шведскою. Мы уже слышали о временномъ владѣніи Азовомъ и его вынужденной передачѣ въ болѣе позднемъ періодѣ. Россія должна была ждать временъ Екатерины II, дабы стать твердою ногою на Черномъ морѣ. Слабыя правленія Екатерины I, Петра II, Анны и Елизаветы совершили немного; достойный послѣдователь Петру не появился ранѣе восшествія на престолъ Екатерины II. Россія теперь приближается къ Черному морю, приобретаетъ Крымъ; строятся Одесса и Севастополь. Она получаетъ земли на западѣ посредствомъ трехъ раздѣловъ Польши, но Варшаву занимаетъ только позже. Это происходитъ въ правленіе Александра I, въ началѣ котораго она взяла всю Финляндію, появилась на югѣ Кавказа и включила въ свои границы интересное старое грузинское царство. Николай даетъ ей нѣкоторыя персидскія области, а Александръ II Туркестанъ и пріамурскую область¹⁾. Этотъ обзоръ „прогресса Россіи“ ясно показываетъ, что авторъ вѣрно понялъ существо важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи, напри- мѣръ, борьбу изъ-за морей, начавшуюся съ Ивана IV, русско-польскій споръ изъ-за западно-русскихъ земель.

Глава о русской литературѣ оканчивается характеристикой ея; авторъ находитъ, что не смотря на преобладавшее французское вліяніе при Екатеринѣ II и Александрѣ I, русскій умъ болѣе близокъ къ англійскому. „Истинный духъ ихъ литературы глубоко серьезный, религиозный и возвышенный. Они никогда не смотрятъ на жизнь, какъ на забавную комедію. Гдѣ только ни появились истинно національные писатели, характеристики ихъ глубоко реальны. Отсюда большая популярность между ними новой англійской школы новеллистовъ, Диккенса и Георга Еліота. Суровая дѣйствительность крестьянской жизни могуче описана въ сочиненіяхъ Тургенева, Толстаго, Достоевскаго и другихъ. Я уже указалъ на Некрасова и то же самое можетъ быть сказано о стихахъ Кольцова и Никитина. Замѣтна также глубокая религиозность среди „тихой, грустной музыки человечества“²⁾. Эта вѣрная характеристика указываетъ на основательное изученіе русской словесности.

Нѣсколько болѣе слабою является глава объ общественныхъ условіяхъ Россіи до и послѣ Петра Великаго. Авторъ не останавливается

1) Стр. 369—372.

2) Стр. 335, 336.

здѣсь на первомъ обширномъ періодѣ русскихъ славянъ, именно на времени съ IX вѣка до установленія самодержавія въ XV вѣкѣ; онъ не упоминаетъ о слабости княжеской власти, о „рядахъ“ князей съ народомъ, о вѣчахъ и т. п.; онъ говоритъ такъ, какъ будто-бы Россія всегда была самодержавною монархіей съ довольно рѣзко отличающимися между собою сословіями. Отсюда происходятъ двѣ слабыя стороны. Съ одной стороны теряется связь московскаго періода съ древнѣйшимъ славянскимъ общественнымъ бытомъ; съ другой стороны исчезаетъ развитіе въ русскомъ государствѣ; какъ въ какомъ-нибудь Китаѣ, основныя учрежденія (верховная власть, народонаселеніе) представлены пребывающими въ неизмѣнности съ начала до нашихъ временъ. Описаніе московскаго періода также страдаетъ нѣкоторыми неточностями; напримѣръ, составъ земскаго собора былъ гораздо болѣе многочисленнѣе, чѣмъ 40 человекъ (20 изъ дворянства и 20 изъ духовенства) и никогда не отличался сословнымъ характеромъ; въ немъ принимали участіе всѣ чины государства, и тяглые люди; бояре владѣли не только помѣстьями, но и вотчинами, которыя находились въ ихъ полной собственности; воеводы не были извѣстнымъ родомъ дворянства, а государственною должностію; дьяки были цѣлымъ общественнымъ классомъ, тогдашними грамотѣями, а не только секретарями земскаго собора. Всѣ эти ошибки, кажется, происходятъ отъ черезъ чуръ большаго довѣрія къ Флетчеру. Но взамѣнъ за эти упущенія характеръ раскола, какъ протеста противъ „введенія аристократическаго духовенства Запада“, какъ борьбы за сохраненіе древней религіозной жизни, отождествляемой народомъ со своими общинами, опредѣленъ замѣчательно вѣрно. Авторъ симпатизируетъ старымъ артельнымъ формамъ жизни и говоритъ: „образованность запада превратила-бы всѣхъ этихъ ремесленниковъ въ ремесленныя руки, повинующіяся повелѣніямъ мастера и его помощниковъ“. Неудивительно поэтому встрѣтить у него сжатое, но вѣрное изображеніе крестьянскаго „міра“, а за ознакомленіе запада съ земскими учрежденіями, хотя и чрезвычайно общее, мы должны быть особенно благодарны г. Морфиллю. Какъ онъ смотритъ на послѣдніе происходящіе въ крестьянской средѣ процессы, видно изъ слѣдующаго: „Русскій міръ все еще процвѣтаетъ не смотря на освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но кулаки и миропды уже развиваются въ опасный общественный классъ. Они, какъ пронырливые дѣловые люди запада, стремятся эксплуатировать крестьянина, который теперь сталъ свободнымъ дѣятелемъ, хотя простымъ и необразованнымъ, и

представляется во многихъ случаяхъ для нихъ готовою жертвою. Будемъ надѣяться, что домохозяинъ со своимъ маленькимъ участкомъ земли, который, правда, удерживаетъ его въ непрогрессивномъ состояніи, но обезпечиваетъ его и его семью отъ голодной смерти, не будетъ скупленъ новыми капиталистами, и что независимый ремесленникъ, которыхъ столько тысячъ, работающихъ въ артеляхъ, разбросанныхъ по Россіи, не будетъ превращенъ въ печальную ремесленную машину послѣдняго типа западной цивилизаціи¹⁾.

При изображеніи всего сказаннаго авторъ пользовался литературными пособіями, а изъ источниковъ въ особенности сказаніями иностранцевъ, преимущественно англичанъ, о древней и новой Россіи. Такъ какъ г. Морфилль писалъ не только для ученыхъ, но и для широкой публики, то, понятно, иностранцы могли дать ему особенно цѣнный матеріалъ вслѣдствіе картинности изложенія. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не могъ еще воспользоваться изслѣдованіемъ С. М. Середонина: „Сочиненіе Джильса Флетчера Of the russe common wealth какъ историческій источникъ“. С.-Петербургъ. 1891, въ которомъ не только подробно оцѣнена достовѣрность свѣдѣній, сохранныхъ Флетчеромъ, но и вообще указано мѣсто англійскихъ извѣстій среди другихъ источниковъ для исторіи Россіи XVI вѣка.

Ф. Зигель.

Французско-русскій этимологическій словарь, содержащій въ постепенномъ порядкѣ всѣ слова французскаго языка, разобранныя и группированныя по корнямъ. Составилъ П. Таккелля. С.-Пб. 1893—94. Удостоенъ большою премію Императора Петра Великаго.

Г-нъ Таккелля предназначаетъ свой трудъ практическимъ цѣлямъ преподаванія французскаго языка. Авторъ сообщаетъ, что „предпринялъ составленіе такого пособия, которое могло бы быть полезнымъ столько же ученику, сколько и учителю,—пособія, въ которомъ производныя слова сгруппированы вокругъ кореннаго слова, отъ какого бы языка они ни происходили“. „Коренныя слова,—замѣчаетъ онъ далѣе,—будучи болѣе близкими къ природѣ(?), представляютъ смыслъ гораздо болѣе конкретный, чѣмъ производныя, значенія которыхъ является уже болѣе или менѣе отдаленнымъ, переноснымъ и абстрактнымъ. такъ что первыя несравненно легче запечатлѣваются въ памяти, чѣмъ послѣднія. Какъ только корень слова станетъ извѣстнымъ, то уже

¹⁾ Стр. 365, 366.

не будет затрудненія посредствомъ осмысленнаго труда понять значеніе словъ, изъ него вытекающихъ“. Авторъ беретъ для примѣра латинское слово *venio-venire* (ходить, приходить): „мы, во-первыхъ, получаемъ,—говоритъ онъ,—простое французское слово *venir*, которое сохраняетъ значеніе латинскаго глагола; прибавивъ къ нему предлогъ *ad* (а, къ), мы получаемъ слово *advenir-avenir*, значеніе котораго становится понятнымъ *безъ всякаго объясненія*(?); прибавивъ потомъ *cum* (=соп, съ), мы получаемъ *convenir* (сойтись, соглашаться); прибавимъ еще предлогъ *in* (=въ, на), мы будемъ имѣть слово *inventer* (находить, изобрѣтать), и такъ дальше“. Позволимъ себѣ прежде всего выразить нѣкоторыя сомнѣнія въ томъ, чтобы значеніе производныхъ словъ стало понятнымъ человѣку, *не знающему* французскаго языка „безъ всякаго объясненія“, при установленіи только этимологіи слова: выраженіе „*avenir*“ онъ пойметъ въ смыслѣ „приходь“ и врядъ ли догадается, безъ знанія языка, что для даннаго значенія употребляется другая форма-*venue* или *avenement* (пришествіе), но болѣе обычно—*arrivée* (отъ основы *adipare*: пристать къ берегу), тогда какъ *avenir* означаетъ „будущее, будущность“¹⁾; врядъ ли человѣкъ, не знающій французскаго языка, пойметъ „безъ всякаго объясненія“, что, хотя *venir* значить пришедшій, *la venue*—прибытіе, то съ другой стороны *avenue* имѣетъ специальное значеніе дороги, обсаженной деревьями, аллеи; что *convenir* означаетъ въ тѣсномъ смыслѣ „соглашаться“, а „сходиться“ передается другимъ словомъ—*se réunir*; наконецъ, форма „*inventer*“ представится ему совершенно неожиданной: почему не *invenir*? Да и точное значеніе *inventer*—изобрѣтать, выдумывать, а „находить“ передается другимъ словомъ—*trouver*. Припомнимъ совершенно основательное замѣчаніе одного изъ наиболѣе авторитетныхъ лингвистовъ нашего времени—Мишеля Бреала—по поводу практическихъ результатовъ, которые могутъ быть достигнуты при помощи этимологіи словъ: „*on se trompe souvent, —* говоритъ онъ, *— sur la nature du secours que peut fournir l'étymologie: elle ne nous fait connaitre jamais que des possibilités*“²⁾. Именно—только „возможности“, ибо этимологія слова

¹⁾ Г-нъ Таккеля въ числѣ значеній „*avenir*“ (стр. 1093) даетъ, слѣдую Рейфу, переводъ: *avenir* = потомство; но никогда „*mon avenir*“ по-французски не означаетъ „мое потомство“, и только у поэтовъ употребительна сокращенная форма *avenir* вмѣсто *les générations à venir*. Врядъ ли удобно давать переносныя значенія безъ оговорокъ.

²⁾ М. Bréal, De l'enseignement des langues vivantes 1893, стр. 56—57.

никогда не опредѣляетъ его точнаго значенія въ томъ или другомъ случаѣ. Бреаль приводитъ примѣръ изъ нѣмецкаго языка: разныя значенія слова Anlage отнюдь не вытекаютъ непосредственно изъ его этимологіи—an и legen, ибо Anlage означаетъ—умственные способности (данныя) ребенка или человѣка; садъ или мѣсто для гулянія; эскизъ картины или закладка зданія и пр. „Les mots ont presque toujours moins d'étendue et plus de compréhension que n'en laisse voir l'étymologie. Ajoutez à cela tous les changements que peuvent faire subir au sens d'un mot les événements de l'histoire, la métaphore, l'allusion, et mille autres causes. Pour découvrir d'après le seul moyen de l'étymologie,—совершенно правильно заключаетъ М. Бреаль.—la valeur d'un terme, il faudrait avoir par la pensée vécu la vie entière de la nation“. Отсюда явствуетъ, что ошибочно сравнивать производства словъ съ доказательствами теоремы, какъ это дѣлаетъ г. Таккелля (стр. VI), ибо доказательствами служатъ, при объясненіи значенія слова, не его этимологія, а разныя другія, иногда совершенно случайныя обстоятельства: нельзя *доказать* на основаніи только этимологіи слова, что, напримѣръ, Rosenkranz по-нѣмецки значить „четки“, а не „вѣнокъ изъ розъ“, какъ передавали это выраженіе русскіе переводчики Шиллеровой „Маріи Стюартъ“; что Blend означаетъ бѣдствіе, горе, а не „чужая страна“, какъ явствуетъ изъ этимологіи слова (mhd. el-lende: чужбина); что schlecht означаетъ худой, дурной, а не гладкій, ровный и т. д. Хотя ассоціація понятій, вызвавшая перебой значенія, понятна при помощи этимологіи, но, какъ правильно выразился г. Бреаль, для того, чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ новомъ значеніи словъ, нужно было бы мысленно пережить всю духовную жизнь народа. Г-нъ Таккелля, закончивъ свой трудъ, убѣдился, повидимому, что переходъ значенія слова—дѣло не столь понятное безъ всякихъ объясненій, и, вопреки сказанному въ предисловіи къ Словарю, замѣчаетъ въ приложеніи, что: „отдаленное и переносное значеніе (нѣкоторыхъ выраженій) нуждается въ объясненіяхъ, потому что безъ этого не будетъ понятнымъ, какимъ образомъ эти выраженія въ настоящее время потеряли свое первоначальное значеніе и удержали только переносный смыслъ“. Нельзя назвать примѣрныя объясненія, предложенныя г-номъ Таккелля, ни его теорію о „природномъ происхожденіи языка“, о которой будетъ сказано нѣсколько словъ ниже, особенно удачными. Такъ, объясняя значеніе французскаго tôt (быстро, рано) изъ латинскаго tostus отъ torrere: жечь, вмѣсто того, чтобы привести объясненіе

Литтрэ: „par assimilation de la rapidité de la flamme“ (какъ у Данте: *impera tosta* = *entreprise rapide*), или указать на аналогичный переходъ значенія въ русскомъ—горячо, то-есть, живо, быстро, горячка = поспѣшность, торопливость, преждевременность (ср. итал. *caldo caldo*—скоро, быстро; дословно—горячо), г. Таккелля изобрѣтаетъ значенія, которыя слово *tost* никогда не имѣло во Французскомъ языкѣ: „вначалѣ, —говорить онъ,—это слово значило: уничтоженный, разрушенный, оконченный, готовый (соотвѣтствующее русскому *готовый*, въ смыслѣ оконченный, быстро оконченный), потомъ сохранило только значеніе быстроты, отсюда *tôt* употребляется въ смыслѣ живо, быстро, скоро, рано“ (т. IV, стр. XLII). Промежуточныя значенія указаны здѣсь невѣрно. Далѣе, г. Таккелля разсматриваетъ глаголь *friper* и ставитъ на первомъ мѣстѣ его переносное, простонародное значеніе—„жрать, скоро ѣсть“, принимая его за основное. Значеніе *fripon*: воръ, объясняется авторомъ слѣдующимъ образомъ: „воръ, то-есть, человѣкъ, прячущій быстро то, что онъ похитилъ“—по аналогіи съ быстротой ѣды? Но это невѣроятно. Переходъ значенія какъ-разъ обратный, то-есть, *friper* (др. фр. *frere* и *ferre*, вѣроятно, отъ латинскаго *fibra* въ искаженной формѣ **ferpa* и **frera*) — тряпка, лохмотья, откуда производная форма: *fripon*—человѣкъ въ лохмотьяхъ, бродяга, воръ; *friper*—мять, обращать въ лохмотья, износить (платье), испортить, растратить (состояніе); переносныя значенія: воровать и ѣсть съ жадностью (то-есть, глотая куски, словно торопясь похитить ихъ, украсть; или можетъ быть: ѣсть съ поспѣшностью бродяги, то-есть, голоднаго человѣка) ¹⁾.

Примѣрные объясненія перехода значеній, предложенныя г. Таккелля, могутъ служить лишь доказательствомъ, что безъ специальной подготовки весьма рискованно браться за такія объясненія. Они немислимы безъ знанія исторіи языка и филологическаго образованія, то-есть, прежде всего безъ знанія фонетическихъ и морфологическихъ

¹⁾ Г-нъ Таккелля отмѣчаетъ въ Словарѣ (стр. 382) подъ словомъ *friper*: „происхожденіе неизвѣстно“. Дѣйствительно Литтрэ, затрудняясь объяснить переходъ значеній *friper*, ставитъ подъ вопросомъ: „*friper*: user et *friper*: manger est-ce un seul mot ou bien y a-t-il deux mots? L'histoire de *friper* est obscure“. Но все-таки этимологія назъ *fibra* имѣетъ нѣкоторыя преимущества, хотя и не безупречна. Во всякомъ случаѣ объясненія г. Таккелля вызваны тѣмъ, что онъ, повидимому, не понялъ замѣчанія Литтрэ, замѣчанія крайне тонкаго и осторожнаго, свидѣтельствующаго объ обычной осторожности и осмотрительности маститаго лингвиста въ его объясненіяхъ производства слова. Для г. Таккелля, повидимому, эти затрудненія не существуютъ....

процессовъ, обусловившихъ переходы словъ въ ихъ историческомъ развитіи. Г-нъ Таккелля обнаруживаетъ весьма смутныя представленія объ этихъ процессахъ и хотя выписываетъ въ Приложеніи къ своему труду рядъ таблицъ о происхожденіи французскихъ звуковъ, но выписки эти сдѣланы безо всякой критики и крайне сбивчиво изложены. Авторъ не обращаетъ никакого вниманія на зависимость того или другого перебоя отъ положенія звука въ словѣ, не различаетъ непосредственныхъ перебоевъ отъ посредственныхъ, въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ, и въ общемъ даетъ картину, оставляющую впечатлѣніе (вполнѣ ложное), что всякая буква можетъ перейти во всякую другую. Считаемо излишнимъ входить въ разборъ этихъ таблицъ, такъ какъ пришлось бы дать взамѣнъ ихъ другія таблицы и изложить курсъ французской фонетики, но, чтобы составить себѣ понятіе о лингвистическихъ познаніяхъ автора, достаточно прочесть слѣдующія двѣ, три фразы изъ его Послѣсловія: „представимъ себѣ,—говорить г. Таккелля.—латинскій разговорный языкъ въ устахъ германцевъ, привыкшихъ къ грубымъ звукамъ своего роднаго языка, и тотъ же самый языкъ въ устахъ галловъ, народа любознательнаго, остроумнаго, ловкаго и общественнаго, привыкшаго говорить очень быстро, кратко и гиперболично(?), и мы тогда поймемъ, какимъ образомъ съ одной стороны изъ мягкихъ звуковъ образовались болѣе грубые, какимъ образомъ *p* замѣнило *b* и *v* ¹⁾, какимъ образомъ вмѣсто мягкаго *d* встрѣчается твердое *t* ²⁾, почему *f* замѣняется *v* (и это тоже „огрубѣніе“?), и почему вмѣсто *g* и *j* часто равняется (вѣроятно, опечатка вмѣсто развивается) *ch*; таково германское вліяніе на языкъ“.... (т. IV, стр. XIV). Мы воздержимся, изъ опасенія поставить автора въ слишкомъ затруднительное положеніе, отъ вопроса, на чемъ основаны его столь замѣчательные выводы о германскомъ вліяніи на французскую фонетику, которые рѣзко расходятся съ фактами, установленными современною наукой. Авторъ заявляетъ намъ на слѣдующей страницѣ, что „въ IX вѣкѣ Франція, Италія и Испанія не имѣютъ, собственно говоря, языка; они употребляютъ какую-то смѣсь(?) разныхъ діалектовъ, между которыми однакожъ латинскій занимаетъ самое главное мѣсто“, и вслѣдъ за тѣмъ даетъ

¹⁾ Какъ разъ наоборотъ между гласными: глухой звукъ переходитъ въ звонный, и только на концѣ словъ звонные получаютъ глухое произношеніе и затѣмъ отпадаютъ. Не знаемъ, о какомъ языкѣ говоритъ авторъ въ данномъ случаѣ.

²⁾ Также невѣрно по отношенію къ судьбѣ звуковъ между гласными и въ началѣ словъ.

столь неожиданное объяснение происхождения „романскаго“ языка, который будто бы возникъ „изъ обломковъ, представлявшихъ изъ себя простые элементы(!) языковъ латинскаго, кельтическаго, германскаго и иберскаго“, что мы поспѣшимъ разстаться съ этимъ введеніемъ-послѣсловіемъ, такъ какъ разсужденія автора слишкомъ наивны, чтобы подлежать серіозному разсмотрѣнію. Однако, г. Таккелля дѣлаетъ фонетическіе экскурсы и въ своемъ Словарѣ, пытается мотивировать переходъ латинской формы въ романскую (то-есть, французскую). Замѣтки, помѣщенные въ самомъ Словарѣ, отличаются поверхностностью, носятъ характеръ случайности и часто ошибочны. Въ большинствѣ случаевъ авторъ ограничивается указаніемъ такихъ явленій, которыя очевидны сами собой (напримѣръ, выпаденіе зубной *t* и гортанныхъ *s*, *g*, между гласными), и не касается гласнаго элемента слова (исключеніе стр. 897). Перебой же согласныхъ отмѣчается авторомъ зачастую невѣрно: онъ допускаетъ невозможные, по законамъ фонетики, переходы зубныхъ въ губные и обратно: *d* въ *v* (стр. 129), *t* въ *v* (315), *v* въ *d* (797), *pt* въ *s* (860) и т. д. ¹⁾; даетъ сбивчивыя объясненія, допуская въ однихъ случаяхъ чередованіе *s* (то-есть, *k*) и *t* (633; собственно въ сочетаніяхъ *cr* = *tr*, *gr* = *dr*, что правильно), въ другихъ почему-то изыскивая сложное и невѣроятное объясненіе: выпаденіе гортанной передъ *r* и вставной *d* (стр. 1033: „*tor(q)'re* съ проп. *q* = *tor're* + *d* *épenh*“. Это объясненіе

¹⁾ Такъ, *charivari* выводится авторомъ изъ латинскаго *calidarium*, „съ переменной *l* въ *r* и *d* въ *v* (129)“: это объясненіе ошибочно, ибо данное слово составное; вторая часть его — *vari* объясняется изъ германской основы (нѣмецкое *wiggen*), такъ что *v* французское не служитъ замѣной латинскаго *d*, долженствовавшаго, по общему правилу французской фонетики, выпасть между двумя гласными. Точно также и въ *rouvoir* отъ латинскаго *potere* нѣтъ перехода *t* въ *v* (315): за *выпадениемъ t* между гласнымъ и растяженіемъ *e* (*ē*), *potere* дало другія формы—*roer* и *rooir*; впоследствии, по вѣроятной аналогіи съ глаголами—*saivoir*, *rouvoir*, *gesevoir* и пр. (гдѣ *v* = латинскому *p*), образована форма *rouvoir* вмѣсто *rooir* (или *rouoir*); и въ *roudre* изъ латинскаго *pul'vem* (797) нѣтъ *перехода v* въ *d*, ибо *d* вставное (*euphon*). И *pt* не переходить въ *s*, какъ заявляетъ г. Таккелля, объясняя французское *cougoucer* изъ латинскаго *coquptus* (860); дѣло въ томъ, что отъ послѣдней основы образованъ народно-латинскій глаголъ **coquptiare*: *coquossier*, ново-французское *cougoucer* и отглагольное существительное *cougoucx*. Свистящій *s* (*ss*) произошелъ отъ йотированной зубной *t* (то-есть, *tj*), а не отъ сочетанія *pt*. Иначе объясняются и формы *veuf*, *voif*, *juif*, *fiel* и проч. (См. Грамматику романскихъ народовъ *Мейера-Любке*, стр. 469 слх.), но исправленіе всѣхъ ошибочныхъ объясненій г. Таккелля завело бы насъ слишкомъ далеко.

ошибочно, ибо *torg're* дало послѣдовательно **torgre* и *tordre*, съ правильной замѣной *dr* вмѣсто *gr*, какъ *feindre* изъ *fiŋg're*, *joindre* изъ *juŋg're* и т. д.).

Незнаніемъ фонетики объясняются такія вполне ошибочныя производствa, какъ французское *âge* изъ латинскаго *aevum* „съ перемѣной *v* въ *g*“ (стр. 16), тогда какъ на самомъ дѣлѣ *âge* (древне-французское *eage*) восходитъ къ латинской основѣ **aetaticum* изъ *aetas*,—*tem* (возрастъ, время жизни). Морфологическія образованія также не даются нашему автору: *celui* онъ выводитъ изъ *esse-illius*, но изъ *illius* мы не можемъ получить формы *lui* (основа *lui* образована по аналогіи съ *huic*—**illuic*). Французское *feu* (= *defunt*) г. Такелля выводитъ изъ *fuit*, тогда какъ вѣроятнѣе происхожденіе этого слова отъ **fatutum* изъ *fatum*, ибо *fuit* дало *fu*—*t* и т. д.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію состава Словаря и усвоенной авторомъ классификаціи словъ, „разобранныхъ и группированныхъ по корнямъ“, какъ указано въ заглавіи книги. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что *корней* авторъ не приводитъ, а ограничивается указаніемъ болѣе древнихъ формъ (латинскихъ, иногда греческихъ, арабскихъ, германскихъ и т. д., иногда просто старо-французскихъ) словъ, объединенныхъ общностью основы. Говоримъ это не въ укоръ автору, ибо для его задачи практическаго пособія вполне возможно было обойтись безъ дальнѣйшихъ розысковъ о *корняхъ* словъ, но не слѣдовало бы вводить читателя въ заблужденіе ошибочнымъ заглавіемъ и точнѣе выражаться, говоря о *корнѣ* и объ основѣ слова, которыя г. Такелля неоднократно смѣшиваетъ. Группировка словъ по семействамъ, конечно, представляетъ удобства для педагогическихъ цѣлей, и г. Такелля могъ бы съ успѣхомъ принять за образецъ для составленія своего словаря латинскій словарь М. Бреала: „*Les mots latins groupés d'après le sens et l'étymologie*“, оставшійся, повидимому, неизвѣстнымъ автору ¹⁾. Онъ могъ бы также воспользоваться добросовѣстнымъ, хотя и компилятивнымъ трудомъ Кёртинга—*Lateinisch-Romanisches Wörterbuch*, знакомство съ которымъ избавило бы г. Такелля отъ многихъ ошибочныхъ этимологій, которыя онъ заимство-

¹⁾ Впрочемъ, можетъ быть, авторъ и зналъ его, но не достаточно имъ проникся. Два года тому назадъ вышелъ и небольшой („карманный“) французскій этимологическій словарь, составленный Laurent и Richardot, въ которомъ слова тоже сгруппированы „по семействамъ“. Хотя и это краткое пособіе, которому авторы не придаютъ научнаго значенія, не чуждо погрѣшностей, но въ несравненно меньшей мѣрѣ, чѣмъ объемистый трудъ г. Такелля.

валъ изъ старыхъ или устарѣвшихъ книгъ, не принимая въ расчетъ новѣйшихъ изслѣдованій. Но прежде всего, при группировкѣ словъ, автору слѣдовало принять болѣе цѣлесообразную систему, строго выдѣляя природныя французскія слова отъ словъ заимствованныхъ (хотя бы изъ того же латинскаго языка, но заимствованныхъ книжнымъ, литературнымъ путемъ (такъ называемымъ *mots savants* или *sémi-savants*), или изъ другихъ романскихъ нарѣчій). Г. Таккелля указываетъ въ послѣсловіи (стр. XXVII—XXVIII), что „старинный французскій языкъ происходитъ почти исключительно отъ латинскаго народнаго разговорнаго языка, тогда какъ слова, происшедшія отъ латинскаго литературнаго (ученаго) языка вошли въ составъ его позже“¹⁾, но устанавливаетъ въ своемъ Словарѣ производство французскихъ природныхъ словъ не отъ народныхъ, а отъ книжныхъ, заимствованныхъ²⁾. Такимъ образомъ, порядокъ изложенія—обратный исторіи языка: *mots savants* поставлены вначалѣ; природныя французскія слова представляются ихъ „искаженіями“; заимствования изъ другихъ романскихъ нарѣчій не указаны (за весьма рѣдкими исключеніями немногихъ итальянскихъ формъ). Возьмемъ для примѣра несложную „семью“ производныхъ отъ латинскаго *cohors*,—*tem*, въ стяженной формѣ *cors*,—*tem* (отгороженное мѣсто). Г. Таккелля ставитъ почему-то впереди греческое *χόρτος*, что излишне, ибо *χόρτος* сближается лишь со второй половиной слова *co-hortem*, и отдѣльно съ латинскимъ *hortus* (садъ), готское *gards* (нѣмецкое *garten*; французское *jardin* отъ нѣмецкой основы, что въ своемъ мѣстѣ указано г. Таккелля (463), но въ такомъ случаѣ слѣдовало помѣстить это слово подъ основой *gard*-, а не подъ *hortus*). Французскія формы отъ основы *cortem* приведены авторомъ въ слѣдующемъ превратномъ порядкѣ: *cohorte*, *cortège*, *cortès*, *cour* (*arrière-cour*, *avant-cour*, *basse-cour*), *courtisan* (-*nerie*, -*nesque*), *courtiser*, *courtois* (-*sie*), *discourtois*

¹⁾ Авторъ говоритъ: „послѣ XII вѣка“, что невѣрно, ибо заимствования изъ латыни начались гораздо раньше и уже встрѣчаются въ памятникахъ IX и X вв.

²⁾ Въ предисловіи авторъ говоритъ: „предлагая коренное слово съ его значеніями и группируя вокругъ него всѣ производныя слова въ постепенномъ, а не въ алфавитномъ порядкѣ, можно легко сдѣлать яснымъ смыслъ и значеніе этихъ послѣднихъ“ и пр. Но „коренными словами“ у него приняты книжно-литературныя формы, и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ указана форма („*bas-lat.*“).

³⁾ Даже такое общеизвѣстное слово, какъ *habler*, заимствованное французами отъ испанскаго *hablar*, принято авторомъ за французское производство „съ перемѣною *f* въ *h*“ (стр. 339).

(sie), courtine (отъ латинскаго cortina) и courtil, -liere (отъ „bas-lat.“ curtile). Между тѣмъ правильнѣе и вразумительнѣе казался бы намъ слѣдующій порядокъ изложенія: на первомъ мѣстѣ поставить природное французское слово cour отъ cortem, съ сохраненіемъ первоначальнаго значенія—отгороженное мѣсто, дворъ; cour—древне-французское court, откуда производные—courtois, -toisie и пр.; заимствованными, полу-научными словами являются *courtil (нынѣ не употребительное), courtilière (изъ породы кротовъ, то-есть, звѣрь, рокошійся въ отгороженномъ мѣстѣ, во дворѣ, въ саду) и courtine отъ cortina. Изъ итальянскаго языка заимствованы слова—cortège (изъ cortegio) и courtisan (отъ cortegiano), съ особымъ значеніемъ. Изъ испанскаго языка заимствовано слово cortes (отъ формы множественнаго числа испанскаго corte, cortes), въ специальномъ значеніи. Наконецъ, изъ латинскаго литературнаго языка заимствована „ученая“ форма cohorte, сохранившая значеніе классической латинской—когорты, отряда.

Незнаніе производства природныхъ французскихъ словъ привело автора не только къ сбивчивой системѣ перечисленія словъ въ произвольномъ порядкѣ (или вѣрнѣе беспорядкѣ), но также къ ошибочнымъ этимологіямъ. Такъ, напримѣръ, латинское caput дало совершенно правильную (фонетически) французскую форму chef (старо-французское chief). съ легко объяснимымъ перебоемъ значенія (ср. русскій „голова“ въ значеніи старшаго, старосты). Слѣдовало бы поставить chef на первомъ мѣстѣ въ числѣ производныхъ отъ caput, но г. Таккелля открываетъ рядъ съ формы, заимствованной изъ прованскаго языка—сар, за которой слѣдуютъ другія заимствованныя формы, а природное, французское chef авторъ невѣроятнымъ образомъ выводитъ изъ: „suff. lat...cers (вмѣсто caput, -tis), какъ въ rcae(cers), головою впередъ (стр. 152)“... Это не имѣетъ смысла ни по законамъ фонетики, ни даже—логики. Далѣе, г. Таккелля относитъ къ той же основѣ (то-есть, латинск. caput) и французское achat, acheter и пр., тогда какъ эти слова слѣдовало помѣстить въ другомъ отдѣлѣ, то-есть, подъ основой sarère—frequent. captare, а captare: acheter (первоначально achater, откуда отглагольное существительное achat); глаголь achever дѣйствительно составленъ изъ ad и caput, но произошелъ не „черезъ bas-lat. acapita“, какъ пишетъ г. Таккелля, а черезъ народно-латинскую форму *ассараге. Если мы посмотримъ отдѣлъ производныхъ отъ основы sarère (143—148), то окажутся подобные же недочеты: авторъ даетъ сперва рядъ заимствованныхъ словъ—carper, captateur, captation и т. д. отъ captare.

затѣмъ—тоже заимствованныя формы *captif*, *captiver* и пр. отъ *captivus*, при чемъ, когда онъ, наконецъ, доходитъ до природной французской формы — *chetif*, то дѣлаетъ слѣдующую странную замѣтку: „вмѣсто *captif* съ перемѣной с въ ch и пропажей р (144)“. Почему природное слово считать *замѣной* искусственной, заимствованной формы? Далѣе, формы *chasser* и отглагольное существительное *chasse* г. Такелля выводитъ непосредственно изъ *captare* и изъ **captatio*, что немисливо (особенно—*chasser* отъ *captatio*; вмѣсто *captare* нужно принять основой *chasser* народно-латинскую форму **captiare*).

Не вникая въ опредѣленіе ближайшей основы романской (герм. французской) формы, авторъ оказывается не въ состояніи разобраться въ нѣскольکو сложныхъ или спорныхъ этимологіяхъ. Такъ, напримеръ, принявъ за „коренное“ слово французское *bois*, съ оговоркой: „(bas-lat.) *Boscum* (отъ нѣмецкаго) *Busch*, кустарникъ, кустъ“ (89), авторъ перечисляетъ производныя отъ этой основы въ слѣдующемъ порядкѣ: *bois*, *boisage*, *boisé*, *boiser*, *boisement*, *boiseux*, *boiserie*, *bosquet* и „съ пропускомъ s“ — *bouquet* (*bouquetier*, *bouquetière* и *boquillon*); далѣе приведены производныя отъ предполагаемой народно-латинской основы **boscaticum*—*bosage*, *bosager* и тутъ же слѣдомъ—*bûche*, *bûcher*, *bûcheron* и пр., потомъ—*bouchon*, *boucher* и пр., наконецъ, рядъ производныхъ отъ разныхъ основъ—*deboiser*, *reboiser* и пр., тутъ же слѣдомъ—*debucher* и *debusquer* и *deboucher* и т. д. Ни происхожденіе указанныхъ формъ, ни ихъ значеніе отнюдь не выяснены при такомъ беспорядочномъ перечнѣ словъ, и, кромѣ того, подъ одну категорію сообщены слова, которыя, вѣроятно, восходятъ къ разнымъ основамъ. Говоримъ, —вѣроятно, ибо, какъ указано, этимологія данныхъ формъ не вполне еще установлена, но все-таки имѣются достаточныя основанія, чтобы представить исторію данныхъ словъ въ иномъ производствѣ. Литтрэ и другіе считали основой французскаго *bois* германское *bosk* или *busk* (нѣмецкое *Busch*), при этомъ предполагая, что нѣмецкая форма подверглась перестановкѣ. подъ влияніемъ латинскаго *buxum* (то-есть, *boks* вмѣсто *bosk*), иначе форма *bois* представилась бы непонятной. Въ настоящее время существованіе исконной германской основы *bosk* заподозрѣна; нѣмецкое *Busch* (какъ и англійское *box*) представляется заимствованіемъ изъ латыни и изъ романской формы. Въ такомъ случаѣ латинское *buxus*, -um должно быть принято за общую основу романскихъ производныхъ отъ формы *buksu*-m (и **buksónem* — французское *buisson* (у

Таккелля. стр. 118) и *buksta (а не bustia, какъ пишетъ г. Таккелля, ибо форма buxtula, искаженное греческое *πόξδα*, засвидѣтельствована у Павла Дьякона), давшая французское **bocste-boiste-bofte*) и народно-латинское **boscum*. Французское *bûche* происходитъ отъ *bûsca* (параллельной формѣ *böscum*); отъ *bûche* глаголь *débucher* и друг. Что касается глагола *débusquer*, то онъ заимствованъ изъ итальянскаго *diboscare*, такъ же какъ и *bosquet* заимствованъ отъ итальянскаго *boschetto* (уменьшительное отъ *bosco*); *bouquet*—діалектизмъ (норманно-пикардскій), принятый литературнымъ языкомъ съ перебоемъ значенія (группа деревьевъ, растений, цвѣтовъ). Слово *bouchon* Литтрэ сближалъ съ старо-французскимъ *bousche* (отъ **böscsa*) въ значеніи: корзина, сплетенная изъ прутьевъ; но болѣе вѣроятно этимологія Дица, сближавшаго французскія формы *boucher* и *bouchon* съ итальянскою *bosccone* (гр. *boco*)—полный, набитый ротъ; далѣе—то, что наполняетъ, заслоняетъ ротъ (*bосса*— французское *bouche*); отсюда *boucher* могло получить значеніе—закрывать отверстіе вообще и въ частности—закрывать отверстіе какого нибудь сосуда; *bouchon* = пробка.

Погрѣшности въ производствѣ словъ весьма часты въ Словарѣ г. Таккелля (напримѣръ, *branche* выводится имъ изъ той же основы—*brachium*, что и *bras*, вмѣсто—изъ *branca* (102); *percser* изъ *percidere* (125) вмѣсто **pertusare* (изъ *pertusum* отъ *pertundere*), *cremaillère* отъ *cremo*, -*age* (231), съ непонятнымъ перебоемъ значенія, вмѣсто германскаго *krash* и т. д.), но считаемъ излишнимъ ихъ всѣ подробно выписывать, такъ какъ авторъ въ большинствѣ случаевъ не самостоятеленъ даже въ своихъ ошибкахъ: его трудъ въ общемъ представляется компиляціей, исполненной безъ критики, къ которой авторъ отнюдь не былъ подготовленъ, какъ явствуетъ изъ вышеприведенныхъ замѣчаній.

Выше было упомянуто, что авторъ выступаетъ поборникомъ теоріи „о природномъ происхожденіи языка“, изложенію которой посвящена отдѣльная глава въ приложеніи—„Общія этимологическія замѣчанія“ (XX—XXVII). Отстаивая положеніе, что „звукподражанія составляютъ основаніе языковъ“, г. Таккелля приводитъ аргументы, которые съ одной стороны, конечно, свидѣтельствуютъ о чрезвычайной живости воображенія автора, но съ другой... Впрочемъ, приведемъ нѣсколько выписокъ, которыя достаточно краснорѣчивы сами по себѣ, безъ комментаріевъ:

„Чтобы составить себѣ понятіе о праязыкѣ“, авторъ приглашаетъ

читателя перенестись „въ первый моментъ появленія человѣка на землѣ“!—„Царь природы, какъ его называютъ, вступаетъ въ свое царство, будучи одаренъ языкомъ, какъ орудіемъ для передачи своихъ мыслей, бѣднѣе, чѣмъ всѣ животныя, которыя существовали до него“. Г. Таккелля разъясняетъ далѣе, что у животныхъ имѣется „въ своемъ распоряженіи готовый языкъ,... на которомъ они и разговариваютъ съ однородными существами, безъ всякой предварительной разработки“. Откуда же,—спрашиваетъ авторъ,—человѣкъ возьметъ тѣ образовательные элементы, изъ которыхъ можно было бы его составить?—и отвѣчаетъ—„отъ предметовъ и существъ, окружающихъ человѣка“, или „отъ восклицаній, которыя невольно вырываются у него, какъ выраженія ощущенія, произведеннаго на него этими предметами“.

Приводимъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ объясненій г. Таккелля происхожденія индоевропейскихъ корней, выписывая послѣдніе, для большей наглядности изъ словаря Vanicek, такъ какъ г. Таккелля не сообщаетъ корней:

индоевропейскій корень *ak*: видѣть; зендск. (*ak-s) akh-sh, санскритск. ik-sh (кажется вѣрнѣе—ок) латинск. *oculus* — санскритск. *aksha*, греческ. *ὀκτι-α*, *ὄσσε*, готск. *augô*, старо-верхне-нѣмецк. *auga*, церковнославянск. *око*, литовск. *akī-я* и т. д.

Г. Таккелля: „Почему слово *око* имѣетъ, какъ характерную особенность, букву *о*? Конечно, отъ своей круглой формы, представляющей видъ *о*, стр. XXIII (значитъ, по мнѣнію автора, письменность предшествовала періоду возникновенія корней словъ?....). Авторъ сообщаетъ далѣе, что и буква *о* произошла отъ той круглой формы, которую принимаютъ губы, произнося это естественное восклицаніе, и приходитъ къ заключенію, что буква *о* служить корнемъ (а не *ok*?) латинской, греческой, кельтской, германской и прочихъ основъ...

Корень *su* — производить, рожать—санскритск. *su* (*sū*), греческ. *υί-δ-ς*, санскритск. *sū-пу*, зендск. *hu-пу*, литовск. *su-пуs*, церковно-славянск. *сынѣ*, готск. *supus* и т. д.

Латинск. *su-s*, греческ. *σῦ*; *ῥ-ς*, зендск. *hu*, старо-верхне-нѣмецк. *su*, англійск. *sow*, готск. **su-ino swēin*, старо-нѣмецк. *swin*, церковно-славянск. *свинья* и т. д.

Г. Таккелля: „Свинья, которая, кромѣ своего хрюканья, чаще всего на ходу издаетъ звукъ *су... су... су...* (никогда не слышали такого звука у свиньи!), получила свое названіе отъ этого звука; греческій языкъ ее называетъ *σῦ*; (*ῥς*) и т. д. (стр. XXV).

Едва ли нужно продолжать выписки... Г. Таккелля, въ защиту

теоріи „криковъ и восклицаній“, объясняющихъ происхожденіе корней, которые не поддаются „объясненію звукоподражанія“, высказываетъ между прочимъ слѣдующую неожиданную гипотезу происхожденія основы слова *more*, „которое почти у всѣхъ народовъ передается одними и тѣми же звуками“: „нельзя ли видѣть въ немъ звука *mrr...*, соотвѣтствующаго звуку *br...* и выражающаго также отвращеніе, которое первые люди должны были испытать при питьѣ горькой морской воды (стр. XXIV)?“... Авторъ пускается даже въ область сравнительной народной психологіи, по поводу корней, сообщая намъ между прочимъ, что „кельты, германцы, славяне и татары обнаруживаютъ больше равнодушія въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ (чѣмъ греки, римляне, персы и турки)—тѣмъ, что не схватываютъ, какъ отцы у остальныхъ народовъ, втораго звука, произносимаго ребенкомъ (то-есть, по наблюденію г. Таккелля этотъ *второй* звукъ: па, ба, аб), но терпѣливо ждутъ, пока, посредствомъ зубовъ, явится болѣе трудный звукъ *ат, та*, и вотъ получаютъ слѣдующія слова: кельтское *ат*, германское *атта*, татарское *ата* и *атаі*, славянское отецъ (тата, дядя) (стр. XXII)“. Авторъ упустилъ изъ виду для своихъ сравнительныхъ наблюденій о степени равнодушія или нѣжности „первобытныхъ отцовъ“ у разныхъ народностей, что корень *ата* (дѣйствительно, быть можетъ, первоначальный лепетъ)—индоевропейскій. и что въ санскритскомъ *атта* значитъ мать и старшая сестра; что та же основа имѣется въ греческомъ *ἄττα*, латинскомъ *атта* (отецъ) и т. д. Читая данную главу въ трудѣ г. Таккелля, новольно задумываешься надъ вопросомъ — зачѣмъ авторъ напечаталъ ее? Своими разсужденіями онъ положительно губитъ теорію „звукоподражанія“ и „криковъ“, которая, хотя и не раскрываетъ съ точностью таинственнаго процесса зарожденія человѣческой рѣчи, все же даетъ ключъ къ объясненію происхожденія весьма многихъ общеиндоевропейскихъ корней и отдѣльныхъ основъ у разныхъ народностей...

Мы высказали, въ началѣ этого разбора труда г. Таккелля, нѣсколько замѣчаній по вопросу о пригодности въ дѣлѣ преподаванія французскаго языка ¹⁾ приѣма—указывать корни (или точнѣе—основныя формы словъ) и затѣмъ предоставлять учащимся самимъ догадываться о значеніи производныхъ словъ. Склоняясь къ мнѣнію, высказанному М. Бреалемъ, мы считаемъ, что группировка словъ по значенію („*le classement par matière*“) представляетъ несомнѣнный

¹⁾ Французскаго, какъ и всякаго другаго.

преимущества для начинающихъ обучаться какому нибудь новому языку. Но отсюда, разумѣется, не слѣдуетъ, чтобы мы не признавали несомнѣнной пользы, которую можетъ оказать осмысленное, этимологическое разъясненіе исторіи словъ и ихъ значеній. Чтобы вполнѣ овладѣть значеніемъ слова, часто подверженныхъ колебаніямъ, этимологія является незамѣнимымъ подспорьемъ, на ряду съ комментаріями историко-культурнаго характера. По отношенію къ романскимъ нарѣчіямъ еще болѣе, чѣмъ къ другимъ языкамъ, пра-основа которыхъ гадательна, преимущества этимологій особенно рельефно выступаютъ, благодаря прозрачной исторіи происхожденія романскихъ языковъ изъ латыни. Французско-русскій этимологическій словарь могъ бы оказать весьма существенныя услуги лицамъ, желающимъ пріобрѣсти болѣе основательное, или скажемъ — болѣе сознательное усвоеніе французскаго языка. Правда, предполагая, что такія лица уже пріобрѣли бѣглое знакомство съ французскимъ языкомъ, мы могли бы поставить на видъ, что въ ихъ пользованіи имѣется рядъ трудовъ иностранныхъ, то-есть, прежде всего французскихъ же ученыхъ, трудовъ, доступныхъ ихъ пониманію. Труды эти разнаго достоинства. Но и въ самыхъ почтенныхъ изъ нихъ (даже въ словарь Литтрэ) нѣкоторыя объясненія устарѣли. Автору, задумавшему облегчить русскимъ читателямъ пользованіе иностранными этимологическими словарями, надлежало соблюсти прежде всего два основныя условія: во-первыхъ, компилируя по наиболѣе авторитетнымъ пособіямъ, отнести критически къ сообщаемому матеріалу съ точки зрѣнія современной науки; во-вторыхъ, обратить особое вниманіе на русскій переводъ французскихъ словъ, различныя значенія которыхъ должны быть тщательно отмѣчены и разъяснены. Лишь въ такомъ случаѣ „французско-русскій этимологическій словарь“ представился бы полезнымъ вкладомъ въ нашу школьно-научную литературу. Мы видѣли, что г. Таккелля не выполнилъ перваго условія. Что касается втораго — то-есть, объясненій, даваемыхъ на русскомъ языкѣ, то г. Таккелля, по странному недоразумѣнію, счелъ ихъ „второстепеннымъ дѣломъ“ и, по собственному признанію, „почти цѣликомъ заимствовала русскія значенія изъ словаря Рейфа“ (т. I. стр. VIII). Въ виду этого мы сочли излишнимъ подвергать разбору эту часть труда г. Таккелля, ибо наши упреки относились бы не къ нему, а къ Рейфу.

Ф. Батюшковъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Бинэ, В. Амри, Куртэ, Филипп. Введение въ экспериментальную психологию. Переводъ съ французскаго *Е. И. Максимовой*, подъ редакціей профессора *А. И. Введенскаго* по тексту, исправленному и дополненному *В. Амри* для русскаго изданія. С.-Пб. 1895 г. 212 стр. in 12. Цѣна 1 р. 25 к.— „Введение въ экспериментальную психологию“ Бинэ, только что вышедшее въ прекрасномъ переводѣ *Е. И. Максимовой*, заслуживаетъ особеннаго вниманія и нашей учащейся молодежи, и всей вообще читающей публики. Экспериментальная психологія занимаетъ настолько видное мѣсто въ работахъ современныхъ психологовъ, что, по замѣчанію проф. *А. И. Введенскаго*, въ настоящее время ее уже невозможно обходить молчаніемъ при университетскомъ преподаваніи. Разъяснить съ университетской кафедры истинное значеніе главнѣйшихъ приемовъ экспериментальной психологіи необходимо, между прочимъ, и потому; что въ нашемъ обществѣ распространены самыя неясныя, самыя сбивчивыя представленія объ экспериментальной психологіи: „ея значеніе,—говоритъ проф. Введенскій въ своемъ предисловіи къ русскому переводу Бинэ,—то чрезъ мѣру преувеличиваютъ, смѣшивая желаемое будущее съ настоящимъ, то, въ виду ея кропотливости, чрезъ мѣру уменьшаютъ; а при всемъ этомъ сплошь да рядомъ ее еще смѣшиваютъ съ физиологіей нервной системы“. Отсюда вполне понятна важность появленія на русскомъ языкѣ небольшой и, при томъ, въ высшей степени просто изложенной книжки, описывающей въ самыхъ существенныхъ чертахъ всѣ достоинства и недостатки экспериментальной психологіи. Обладая такими качествами и отличаясь, кромѣ того, строго научнымъ характеромъ, „Введение“ Бинэ является очень полезною книгой. Первая глава предлагаемаго сочиненія посвящена описанію психологическихъ кабинетовъ Франціи и Германіи, съ указаніемъ ихъ главнѣйшихъ особенностей. Въ дополненіе къ этому, въ русскомъ изданіи прибавлено еще описаніе наиболѣе интересныхъ психологическихъ кабинетовъ въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, извлеченное изъ статьи проф. Делабарра (*L'annee psychologique*, 1894). Въ остальныхъ главахъ, послѣ общаго разсужденія о психологическихъ методахъ, предлагается описаніе важнѣйшихъ приемовъ экспериментальнаго изслѣдованія ощущеній, воспріятій, вниманія, движеній, памяти и представленій. Насколько важно для объясненія душевной жизни точное, экспериментальное изученіе этихъ явленій, настолько же могутъ имѣть значеніе и работы по экспериментальной психологіи. Описывая различныя виды психологическихъ экспериментовъ, авторъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, старается выставить двѣ основныя мысли: во-первыхъ, что всякій психологическій экспериментъ необходимо предполагаетъ *самоаблюденіе*, которое собственно, и является характернымъ признакомъ истинно-психологическаго изслѣдованія, и, во-вторыхъ, что всѣ психологическіе эксперименты получаютъ свой смыслъ и значеніе только благодаря какой нибудь опредѣленной, руководящей *идеи*, истинность которой стремятся доказать. Разъясненіе этихъ положеній для многихъ будетъ очень

полезно. Понявъ отношеніе психологическихъ экспериментовъ къ самонаблюденію, мы уже не станемъ смѣшивать экспериментальной психологіи съ физиологіей нервной системы, а, помня зависимость указанныхъ экспериментовъ отъ общей, руководящей идеи, мы не станемъ называть наблюденіемъ „вѣдѣную работу, состоящую только въ вымѣриваніи и въ дѣланіи вычислений“ (стр. 97). Въ результатѣ получается, что экспериментальная психологія—наука, хотя и независимая отъ метафизики, но вовсе не исключающая метафизическихъ изысканій. Она—наука о фактахъ природы, и больше ни о чемъ. Она можетъ доставить намъ не мало драгоценнаго матеріала, но уже отъ насъ и отъ нашихъ способностей будетъ зависѣть, какъ воспользоваться этими драгоценностями.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Ленцъ, Э.*—Опись собранія оружія графа С. Д. Шереметева. Съ приложеніемъ 26 фототипическихъ таблицъ. С.-Пб. 1895.

— Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.—Изданіе подъ редакцію *К. Я. Грота*, ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета. Томъ первый. Съ приложеніемъ портретовъ Грота и Плетнева. С.-Пб. 1896.

— *Ивановъ, К. А.*—Средневѣковой монастырь и его обитатели. С.-Пб. 1895.

— *Адамовичъ, В. И.*, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета.—Очеркъ русскаго гражданскаго процесса.—Второе изданіе, исправленное и дополненное. Выпускъ первый. С.-Пб. 1895.

— *Штейнхауеръ, И. С.*—Земля и небо. Общедоступныя бесѣды о мірозданіи для грамотнаго народа и публичныхъ чтеній. Изданіе второе, исправленное. С.-Пб. 1895.

— *Листъ, Ф.*—Наказаніе и его цѣли. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе *И. Юровскаго*. С.-Пб. 1895.

— *Царевскій, А. А.*, проф.—С. Я. Надсонъ и его поэзія „мысли и печали“. Казань. 1895.

— *Пятуховъ, Е. В.*—О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русскою литературу XVIII и первой четверти XIX вѣка. Вступительная лекція въ Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Юрьевъ. 1895.

— *Карскій, Е. Ѳ.*—Особенности письма и языка Мстиславова Евангелія. Варшава. 1895.

— *Зюршаръ и Марюлле.*—Микроскопъ и телескопъ. Перевелъ и дополнилъ *И. Святскій* (съ 42 рисунками). (Полезная бібліотека). Изданіе *П. П. Сойкина*. С.-Пб. 1895.

— *Левазель, Е.*—Чудеса полярнаго міра. Переводъ *Е. Костко* (съ 35-ю рисунками). (Полезная бібліотека). Изданіе *П. П. Сойкина*. С.-Пб. 1895.

— *Бизэ, В. Ари, Куртэ, Филиппъ.*—ВВЕДЕНІЕ въ экспериментальную психологию. Переводъ съ французскаго *Е. И. Максимовой*, подъ редакціей профессора *А. И. Введенскаго*, по тексту, исправленному и дополненному *В. Ари* для русскаго изданія С.-Пб. 1895.

— *Спиридоновъ, А.*—ГЕОГРАФІЯ Россійской имперіи для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Съ приложеніемъ картъ Европейской и Азіатской Россіи. С.-Пб. 1895.

— *Смирновъ В. В.*—О ВНУТРЕННОСТИ ЗЕМЛИ. Москва. 1895.

— ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ за 1895 годъ, книга 4-я, томъ 175. Москва. 1895. Содержаніе: объявленіе о четвертомъ соисканіи преміи имени *Г. Ѳ. Карпова*.—*Зерцаловъ, А. Н.*, О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ 7136 г.—*Мурашевъ, С. Д.*—Письма митрополита московскаго Платона къ Высочайшимъ особамъ.—*Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И.*, Декабристы въ Западной Сибири.—*Титовъ, А. А.*, Письма А. Н. Шемакина къ О. М. Бодянскому.—*Эйнторнъ, В. С.* Рѣчи, произнесенныя Іоанникомъ Голятовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г.—*Чумаковъ, А. А.*, О перемиріи между Швеціей и Россіей въ 1537 г., переводъ со шведскаго.—*Копоневъ, Николай*, Святые Вологодскаго края. Изслѣдованіе.—Смѣсь.

— *Терновскій, А. А.*, помощникъ бібліотекаря Тобольскаго губернскаго музея.—КЪ БИБЛІОГРАФІИ СИБИРИ. УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И ГЛАВНѢЙШИХЪ ЗАМѢТОКЪ, КАСАЮЩИХСЯ СИБИРИ И ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ СИБИРСКИХЪ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ 1893 г. Тобольскъ. 1894.

— *Терновскій, А. А.*—БИБЛІОГРАФІЯ И ИКОНОГРАФІЯ ТОВОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ. Съ 1886 по августъ 1894. Тобольскъ. 1894.

— Отчетъ о тридцати шестомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Записки Императорской Академіи Наукъ. VIII серія. По историко-филологическому отдѣленію, т. I, № 2. С.-Пб. 1895.

— Отчетъ о дѣятельности Новочеркасской комиссіи народныхъ чтеній за 1893—1895 годы. Новочеркасскъ. 1895.

— МАЛЕНЬКАЯ АНТОЛОГІЯ. № 1.—Китай и Японія въ ихъ поэзи. С.-Пб. 1896.

ПОПРАВКА.

Въ книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за октябрь мѣсяцъ 1895 г., на 3-ей строкѣ 384 стран. слѣдуетъ читать вмѣсто „ламайскіе“—„шаманскіе“.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾).

Н. Н. Мироновъ. Изъ „Методики роднаго слова“. Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку. Рига. 1894. Стр. 87. Цѣна 75 коп.

Г. Мироновъ въ поименованной брошюрѣ касается гимназическаго курса отечественнаго языка гораздо шире, чѣмъ можно предположить по заглавію. Онъ говоритъ въ ней о подготовкѣ, нужной преподавателю для разумнаго веденія объяснительныхъ чтеній, о выборѣ матеріала для класснаго и внѣкласснаго чтенія, а при этомъ и о типахъ хрестоматіи, желательныхъ для разныхъ видовъ школы и для различныхъ возрастовъ; затѣмъ указываетъ на методы занятія сознательнымъ чтеніемъ во всѣхъ классахъ отъ младшаго до старшаго: отъ катехизаціи при чтеніи самой легкой басни (вродѣ „Чижъ и Голубъ“) до веденія литературныхъ бесѣдъ и выразительнаго чтенія, возведеннаго на степень искусства. Въ заключеніи авторъ старается прослѣдить связь занятій сознательнымъ чтеніемъ съ теоретическимъ курсомъ по отечественному языку въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: съ курсомъ грамматики, съ данными по исторіи словесности древней и новой, съ теоріею словесности.

Самая обширность задачи указываетъ, что она — особенно при иллюстраціи приводимыхъ положеній образцами бесѣдъ, задачъ и т. п. — на 85-ти страницахъ могла быть выполнена только весьма поверхностно.

Дѣйствительно г. Мироновъ излагаетъ свои взгляды, не развивая, не разслѣдуя, не доказывая ихъ... Трудъ его представляетъ какъ бы

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

рядъ тезисовъ, оставленныхъ безъ надлежащаго развитія. Между тѣмъ многіе изъ нихъ довольно сомнительны. Напримѣръ, врядь ли можно согласиться съ г. Мироновымъ въ томъ, что при разумномъ курсѣ элементарной грамматики должно быть отведено „преобладающее“ мѣсто занятіямъ по словообразованію и рѣшенію (?) письменныхъ грамматическихъ задачъ; врядь ли можно признать хорovou пересказъ пріемомъ удобнымъ для классныхъ занятій; врядь ли можно согласиться съ тѣмъ, чтобы правильное веденіе классныхъ письменныхъ работъ „въ прахъ разбивало принципы гуманной школы“ и т. д.

Далеко не всегда удаченъ и выборъ статей, предлагаемыхъ г. Мироновымъ для изученія въ различныхъ классахъ. Къ тому же онъ рѣдко указываетъ, почему именно признаетъ то или другое произведеніе удобнымъ для намѣченной цѣли. Тѣмъ не менѣе брошюра свидѣтельствуетъ, что авторъ задумывался надъ вопросами преподаванія отечественнаго языка и знакомъ съ литературою этого предмета.

Пособіе для историческаго изученія главнѣйшихъ произведеній древне-русской словесности—устной и письменной. (Для средне учебныхъ заведеній). Составилъ *Вл. Штепенко*. Керчь. 1895. Стр. 180 + 4. Цѣна не обозначена.

Пособіе это касается лишь архаической литературы и народной словесности. Оно, какъ справедливо утверждаетъ и самъ авторъ въ предисловіи, дѣйствительно приспособлено къ учебнымъ планамъ гимназій 1890 года и для преподавателей можетъ быть хорошимъ пособіемъ, какъ нѣчто готовое и обработанное,—но главнымъ образомъ для преподавателей; для учениковъ же лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, какъ напримѣръ въ опредѣленіяхъ родовъ народной словесности и проч. Планы 1890 не предполагаютъ учебника при чтеніи въ классѣ образцовъ древней русской словесности и народной поэзіи. Тутъ все основано на поясненіяхъ и самомъ изученіи образцовъ со стороны языка; историко-литературныя свѣдѣнія сообщаются попутно и не по учебнику.

Сама по себѣ книга г. Штепенко хорошо составлена и имѣетъ лишь малые, скорѣе редакціонные, недостатки. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

Стр. 6—„фантазія первобытнаго человѣка, не сдерживаемая разсудкомъ, создаетъ множество мѣвовъ“... фантазія есть сила ума, она сдерживается познаніями, очевидностью и наконецъ логикой науки, а не разсудкомъ. Безразсудной фантазіи въ мѣвахъ не бываетъ, а

напротивъ того въ нихъ свой смыслъ и свой разумъ. Въ противномъ случаѣ мѣръ фантазіи не имѣлъ бы строя и не былъ бы зеркаломъ народныхъ воззрѣній. Сверхъ того *первобытный* человѣкъ имѣетъ слабую фантазію, и созданіе миеовъ, въ которыхъ отражается историческая жизнь, не относится къ эпохѣ *первобытнаго* человѣка.

Опредѣленіе героическаго періода не совсѣмъ вѣрно и не ясно выражено (стр. 7).

На стр. 14—слово *богатырь* по происхожденію выдается за догму. Съ этимъ можно спорить.

На стр. 16—При опредѣленіи „старшихъ богатырей“ нужно поясненіе. Примѣръ подь *облаку ходячую* не удаченъ, какъ вариантъ, и при томъ еще и рѣдко встрѣчающійся.

На стр. 19 *омежки*—безъ поясненія. Тоже слово *омѣжки* на стр. 59 написано черезъ *ъ*.

На стр. 20 не совсѣмъ точно говорится о происхожденіи старшихъ богатырей.

Параграфъ о *рѣчныхъ богатыряхъ* неудачно изложенъ и даетъ смутное понятіе.

На стр. 22—вмѣсто того, чтобы сказать, что сила богатыря имѣла своимъ источникомъ высшую, нездѣшную силу—авторъ учебника нѣсколько запуталъ смыслъ излишнимъ въ этомъ мѣстѣ сопоставленіемъ старшаго богатыря съ младшими.

Неудаченъ выборъ вариантовъ въ собственныхъ именахъ: Никола *Заручевской* вм. Зарайскій; Катюшенька—дочь Соловья разбойника.

Когда рѣчь зашла о концѣ богатырей, авторъ опустилъ третій и весьма важный исходъ: богатырь уходитъ въ пещеры и схимится.

Конецъ этотъ развитъ въ цѣломъ рядѣ былинъ, гдѣ молодой богатырь племянничекъ Ильи Муромца (Данило Ловчанинъ, Ермакъ) спускается въ пещеру и тамъ получаетъ благословеніе отъ старца, посхимившагося Ильи Муромца.

Къ былиннамъ о *Садкѣ* прибавлено о томъ, что въ нихъ сохранилась память о божествѣ водномъ, водяникѣ царѣ, но почему же нѣтъ намека на громовника тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ Ильѣ Муромцѣ и о посвистѣ соловьиномъ?

При опредѣленіи пословицъ вмѣсто того, чтобы сказать, что въ нихъ надо отмѣчать слѣды языческихъ понятій и нѣкоторыхъ историческихъ событій, говорится, что „пословицы можно раздѣлить на миеическія, бытовыя, нравственныя, поучительныя и историческія“. Такое подраздѣленіе пора бы оставить. Нѣтъ ни одной пословицы

со слѣдомъ миѳическаго воззрѣнія или съ отпечаткомъ историческаго событія, которая бы при этомъ не была бы бытовою, или поучительною.—Статьи объ особенностяхъ языка памятниковъ и о складѣ народной рѣчи въ произведеніяхъ безыскусственной поэзіи вполне удовлетворительно составлены. Указывая на нѣкоторыя особенности языка былинъ, г. Штепенко долженъ бы былъ добавить, что и донинѣ такъ говорятъ на сѣверѣ, въ Олонецкой, Архангельской и нѣкоторыхъ уѣздахъ Новгородской губерніи—и что былины записаны именно въ этихъ мѣстностяхъ.

На стр. 65—корректурная ошибка, но могущая сбить читателя: при исчисленіи рубрикъ—цыфры, а самыя рубрики озаглавлены буквами.

Арифметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. Малитинъ*, исправляющій обязанность инспектора Московскаго реальнаго училища. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва 1895. Стр. 1 + 232 + II. Цѣна 90 коп.

На заглавной страницѣ рассматриваемой книги напечатано: „Изданіе, второе, *исправленное* и дополненное“; между тѣмъ остались не исправленными даже такіе промахи, какъ § 85 („дѣленіе числа на произведеніе нѣсколькихъ чиселъ“) и § 89 („измѣненіе частнаго“). Въ этихъ параграфахъ авторъ говоритъ о дѣленіи цѣлыхъ чиселъ вообще, слѣдовательно не исключаетъ того случая, когда дѣленіе не совершается безъ остатка, и подъ словомъ „частное“ подразумѣваетъ цѣлую часть частнаго, а между тѣмъ присвоиваетъ дѣлимому. дѣлителю и частному такія свойства, какія они имѣютъ исключительно лишь въ случаѣ равенства остатка нулю, то-есть—впадаетъ въ рядъ грубыхъ ошибокъ, долженствующихъ привести учениковъ въ крайнее недоразумѣніе. Напримѣръ онъ говоритъ:

(Стр. 53) „Дѣлимое можно рассматривать, какъ сумму равныхъ слагаемыхъ, дѣлитель—какъ одно изъ слагаемыхъ, и частное—какъ число слагаемыхъ“. „Если дѣлимое уменьшимъ въ нѣсколько разъ, то частное уменьшится во столько же разъ“; (стр. 54) „Если дѣлитель уменьшимъ въ нѣсколько разъ, то частное увеличится во столько же разъ“.

При изложеніи дѣйствій надъ цѣлыми числами не указаны тѣ теоремы, или тѣ начала, на которыхъ основаны правила дѣйствій; вслѣдствіе этого, изложеніе правила дѣйствій оказывается бездоказательнымъ, догматическимъ.

Нѣкоторымъ статьямъ, весьма простымъ и мало поучительнымъ, отведено весьма много мѣста въ книгѣ. Напримѣръ, статья о процентахъ и объ учетѣ векселей занимаетъ около 15-ти страницъ (172—186), хотя вся сущность содержанія этихъ страницъ могла бы быть изложена на одной страницѣ; изложенію свойствъ ариметическаго и геометрическаго отношеній удѣлено 6 страницъ (145—150), а свойству пропорцій—13 страницъ (150—163).

Встрѣчаются доказательства теоремъ, которыя основаны на имѣющемъ быть сказаннымъ впоследствии. А именно, въ доказательствѣ теоремы 2-й параграфа 12-го дополненія (стр. 210) сдѣлана ссылка на § 13-й.

Постулату авторъ даетъ такое опредѣленіе (стр. 208): „Такая истина, которая менѣе очевидна нежели аксіома, но можетъ быть признаваема безъ доказательства, называется *требованіемъ* или *постулатомъ*“, и приводитъ такой примѣръ постулата: „Если къ двумъ неравнымъ величинамъ прибавимъ поровну, то неравенство не нарушится“.

Нѣкоторые параграфы изложены съ надлежащею удовлетворительностью, но такіе параграфы представляютъ, по большей части, заимствованія изъ „Теоретической ариметики Жозефа Бертрана, переводъ съ 7-го изданія съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями Н. Библина“. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно сравнить страницы 209—220 (теоремы: 1-я § 11; 2-я, 3-я, 4-я и слѣдствія 1-е и 2-е § 12; 5-я § 12; § 17; 1-я, 2-я, 3-я, 4-я § 18) разсматриваемаго учебника съ страницами 51, 83—84, 86, 61, 129—130, 136—141 упомянутаго перевода „Теоретической ариметики Ж. Бертрана“. Авторъ, однако, не упоминаетъ ни объ одномъ изъ этихъ заимствованій, ни о другихъ—менѣе явныхъ.

Систематическій курсъ древней исторіи. Курсъ IV класса мужскихъ гимназій и прогимназій. Составилъ примѣнительно къ новымъ учебнымъ планамъ преподаватель Ригельевской гимназій *Николай Энойко*. Изданіе второе, исправленное. Одесса. 1895. Стр. VIII + 240 + X. Съ 2-мя картами. Цѣна 1 рубль.

Во второмъ изданіи сравнительно съ первымъ произведены значительныя измѣненія. Впервыхъ, исправлены всѣ погрѣшности, какія были указаны въ отзывахъ ученой критики о первомъ изданіи этой книги. Вовторыхъ, авторъ нашелъ полезнымъ расширить отдѣлъ исторіи Древней Грузіи и сократить отдѣлъ исторіи Древ-

няго Рима. Сверхъ того къ каждому изъ трехъ отдѣловъ прибавлены вопросы для повторенія, а прежнія карты замѣтны новыми, болѣе отчетливыми и болѣе соотвѣтствующими тексту учебника.

Всего ошутительнѣе улучшенію учебника послужилъ именно внимательный пересмотръ текста съ цѣлю устраненія частныхъ ошибокъ и промаховъ. При провѣркѣ сдѣланныхъ измѣненій въ отношеніи къ первоначальной редакціи намъ встрѣтились только два случая, гдѣ благія намѣренія автора не сопровождались полнымъ успѣхомъ. На стр. 72 г-нъ Знойко привелъ теперь подлинныя греческіе термины для обозначенія солоновскихъ классовъ, чего прежде не было; но объясненія слова „*зевгиты*“ въ свою очередь возбуждаетъ недоумѣніе. „Зевгиты, то-есть. *двукошники*, такъ какъ они имѣли столько земли, что могли содержать на доходы съ нея по прежней мѣрѣ *пару воловъ*“. Обыкновенно предполагается, что не земля служила для содержанія воловъ, а воны для ея обработки. На стр. 94—вмѣсто преувеличенной цифры въ 80 милліоновъ рублей, находившихся будто бы въ аѳинской государственной казнѣ во время Перикла, мы теперь находимъ болѣе правдоподобныя 10 милліоновъ; но за то сомнительнымъ и неяснымъ представляется показаніе, что *населеніе аѳинскаго государства* возросло за этотъ періодъ тоже до 10 милліоновъ чело-вѣкъ. Что тутъ слѣдуетъ разумѣть подъ аѳинскимъ государствомъ—одну ли Атику или же весь аѳинскій союзъ?—Діана исчезла изъ среды греческихъ богинь и фигурируетъ уже только въ средѣ латинскихъ божествъ, но въ такомъ разрядѣ, которому придано довольно неудачное обозначеніе „*житейскихъ*“ (стр. 135).

Противъ вопросника, главное назначеніе котораго—дать ученикамъ возможность провѣрять каждый разъ, на сколько ими усвоенъ урокъ, нѣтъ основаній вооружаться, хотя нѣкоторые изъ вопросовъ и не вполне соотвѣтствуютъ цѣли. Цѣлый рядъ главъ начинается требованіемъ: укажите на картѣ такія-то и такія-то земли или города... Развѣ это не даетъ прямой возможности провѣрять усвоенное изъ книги. Слѣдуетъ при этомъ обратить вниманіе на неудобный слишкомъ мелкій шрифтъ вопросника.

Карта для своей простѣйшей первоначальной цѣли могутъ быть признаны достаточными. Но на первой, сопровождающей страницу 42, поражаютъ неправильныя написанія: скифы (хотя вообще буква *ѳ*—не искажается), Анцира, Трапезундъ, Арбела, Гавгимела... Не хорошо также написаніе Діоклеціанъ на стр. 231 текста.

Курсъ общей географіи въ объемъ гимназической программы. Составилъ по Гевальду, Даніелю, Кледену, Реклю, Сушану и другимъ источникамъ Л. П. Весинъ. Азія, Африка, Америка и Австралія. (100 рисунковъ въ текстъ). Изданіе второе. С.-Пб 1895. Стр. 143. Цѣна 80 коп.

Какъ значитса на заглавномъ листѣ, курсъ составленъ по авторитетнымъ, преимущественно нѣмецкимъ, сочиненіямъ, и поэтому свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, за небольшимъ исключеніемъ, достовѣрны. По объему книжка нѣсколько пространнѣе другихъ учебниковъ, но обширною ее нельзя назвать. Напечатана она хорошо, четко и на прочной бумагѣ; но какихъ-либо особенныхъ достоинствъ, которыя бы ставили ее выше распространенныхъ нынѣ учебниковъ, не имѣетъ. Можетъ быть, составитель придавалъ значеніе рисункамъ, которыхъ онъ внесъ болѣе, чѣмъ мы находимъ въ другихъ учебникахъ подобнаго рода, но рисунки эти, по нашему мнѣнію, скорѣе ослабляютъ значеніе книги, какъ учебника, чѣмъ усиливаютъ ее. Во-первыхъ, ихъ слишкомъ много для такой небольшой книжки и мѣстами они какъ бы заслоняютъ текстъ; во-вторыхъ, въ числѣ 100 рисунковъ не мало такихъ, которые не даютъ почти никакой идеи о предметѣ, изображаемомъ ими; таковы: Охота на тигра въ Остѣ-Индіи, Рѣка Іорданъ, Мертвое море, Іерусалимъ и его окрестности, Видъ на Евфратѣ, Гора Гауризанкаръ, Уличная жизнь въ Китаѣ. Пекинъ, Нагасаки, Катаракты на Нилѣ, Финиковая роща въ Египтѣ, г. Каиро, Тимбукту, Хребетъ Руэнцори, Видъ въ Конго, Капштадтъ, Сцены изъ жизни сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, Чимборасо, Передвиженіе въ Андахъ, Видъ въ юго-восточной Австраліи, Австралійская степь; въ 3-хъ, между бытовыми рисунками есть такіе, которые никакъ нельзя допустить въ учебникѣ, таковы: Наказанія въ Персіи (стр. 22), Голодь въ Остѣ-Индіи (стр. 32), Наказанія въ Китаѣ (стр. 39) и Партія невольниковъ въ пути (стр. 64).

Снабдивъ учебникъ въ изобиліи рисунками, составитель, однакоже, не даетъ ни одной карты, между тѣмъ какъ въ наиболѣе распространенныхъ учебникахъ, какъ напр., Смирнова, Янчина, таковыхъ не мало, а первый, сверхъ того, даетъ въ большомъ количествѣ разные чертежи въ текстѣ въ видѣ профилей горъ, озеръ, цѣлыхъ странъ, разныя таблицы, которыя такъ или иначе облегчаютъ запоминаніе учениками предмета. Въ общемъ, съ методической точки зрѣнія, курсъ меньше разработанъ, чѣмъ другіе, но стоитъ значительно дороже (80 коп.).

Краткій Историко-географическій словарь. Составилъ *Н. Веригинъ*, преподаватель Рыбинской гимназіи. Тверь. 1895. Стр. IV + 161. Цѣна 50 к.

Предлагаемый словарь, какъ видно изъ предисловія, составленъ примѣнительно къ наиболѣе распространеннымъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ руководствамъ. Источниками при составленіи его, кромѣ общихъ историческихъ сочиненій Соловьева, Костомарова, Карамзина, Бестужева-Рюмина, Иловайскаго и др., служили нѣкоторыя монографіи по русской исторической географіи, энциклопедическіе словари, атласы историческіе и географическіе, какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на нѣмецкомъ.

Въ томъ же предисловіи обозначается и цѣль словаря, именно: „1) облегчить учащимся трудъ отыскиванія на картѣ и точнаго опредѣленія важнѣйшихъ географическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ курсѣ всеобщей и русской исторіи, 2) научить ихъ наиболѣе правильному произношенію географическихъ именъ, которыя въ русской транскрипціи съ этою цѣлью снабжены удареніями, 3) возобновить въ ихъ памяти историческія факты, удобно ассоціируемые по единству мѣста, и 4) содѣйствовать болѣе основательному и ясному пониманію ими территоріальнаго роста главныхъ культурныхъ государствъ“.

Первыя три цѣли, преслѣдуемыя составителемъ, болѣе или менѣе могутъ быть осуществлены при помощи этой книжки. Что же касается до послѣдней, именно о томъ, что словарь долженъ содѣйствовать болѣе основательному и ясному пониманію территоріальнаго роста главныхъ культурныхъ государствъ, то эта задача не такъ проста, чтобы разрѣшить ее въ короткомъ словарѣ, такъ какъ для этого требуется не только перечислить пріобрѣтенія того или другаго государства, но и выдвигать, смотря по странѣ, и другія условія то географическія, то религіозныя, то экономическія, а иногда и всѣ вмѣстѣ, —ничего подобнаго словарь не даетъ.

Алфавитный списокъ географическихъ названій повидимому полонъ, то-есть, совпадаетъ съ поименованнымъ предисловіемъ учебника. Подъ каждымъ словомъ составитель сообщаетъ прежде всего названіе или латинское или греческое, если названіе древнее, затѣмъ названіе современное и топографію, далѣе пріурочиваются въ хронологическомъ порядкѣ знаменитые люди, событія, договоры съ показаніемъ годовъ, мѣсяцевъ и даже чиселъ, хотя послѣднія данныя и не всегда находятся въ учебникахъ; мѣстами встрѣчаются ссылки на другія названія, важныя для географическихъ сближеній.

Событія, перечисляемыя подъ каждымъ названіемъ, не всегда соображены со степенью важности или, точнѣе говоря, подъ нѣкоторыми названіями заносится маловажное, а подъ другими опускается важное. Вотъ примѣры:

Подъ Госларомъ отмѣчена осада въ этомъ городѣ Генриха Птицелова венграми; но подъ Выборгомъ не указано о присоединеніи этого города къ великому княжеству Финляндскому.

Подъ г. Аверса показано, когда и при комъ возведенъ этотъ городъ въ графство, а подъ Витичевымъ показанъ только „сѣздъ князей“, безъ поименованія даже великаго князя.

Мѣстами встрѣчаются мелкія неточности, недомолвки или противорѣчія. Напримѣръ,

объ Австрійской маркѣ сказано, что она сдѣлалась герцогствомъ въ X вѣкѣ вмѣсто XII.

Подъ Альмою отмѣчено, что будто въ пораженіи русскихъ въ 1854 г. участвовали сардинцы.

О Багдадѣ говорится, что онъ „особенно процвѣталъ при халифѣ Гарунъ-аль-Рашидѣ“, тогда какъ не менѣе былъ извѣстенъ и его сынъ.

Побѣжденный при Бѣлой горѣ курфюрстъ Фридрихъ V названъ Фердинандомъ II.

При Ганзѣ сказано, что въ Новгородѣ была только ганзейская контора, а при Новгородѣ говорится, что этотъ городъ былъ участникомъ въ Ганзейскомъ союзѣ.

Мараонъ и Немея названы городами.

Маймачень—неискаженное китайское названіе и, слѣдовательно, такая транскрипція была бы вѣрнѣе, но у насъ на картахъ и въ географіяхъ уже принято называть Маймачинъ.

Массилія названа финикійскою колоніею вмѣсто фокейской; конечно, опечатка.

Фурин—на мѣстѣ разрушеннаго Сибариса, въ дѣйствительности же слѣдовало сказать—неподалеку отъ Сибариса.

Мѣстами встрѣчаются неудобныя выраженія:

Подъ Варшавою замѣчено: „Возъ плѣннаго царя Василія Шуйскаго Жолкѣвскимъ“.

При Саламинѣ замѣтка: „Завоеваніе острова у Мегары Солонимъ“.

Опечатокъ въ книгѣ не мало, но нѣкоторыя изъ нихъ перечислены въ приложенномъ къ концу книги спискѣ.

Очередь физическихъ основаній электротехники въ общепонятномъ изложеніи
Шесть популярныхъ опытныхъ чтеній *Эпштейна*. Переводъ съ 2-го
изданія *Н. С. Дрентельна*. Съ 39-ю рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Изда-
ніе Эггерсъ и К^о. (Годъ не обозначенъ). II + 95 стр. Цѣна не обо-
значена.

Книга содержитъ шесть лекцій, прочитанныхъ г. Эпштейномъ въ
физическомъ обществѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ о физическихъ осно-
ваніяхъ современной электротехники. Авторъ задался цѣлью пред-
ставить кружку не-специалистовъ (членамъ *физическаго общества*?)
наиболѣе важныя явленія, служація основаніемъ электротехники,
вовсе не входя въ ихъ теоретическое объясненіе. Всѣ эти явленія
выводятся исключительно на основаніи опытовъ, придуманныхъ весьма
цѣлесообразно и отчасти оригинально.

Въ первомъ чтеніи говорится о нѣкоторыхъ простѣйшихъ дѣй-
ствіяхъ электрическаго тока, вводится понятіе о направленіи и силѣ
тока и объ электрическомъ напряженіи; здѣсь же указаны единицы
амперъ и вольтъ.

Второе чтеніе посвящено электрическому сопротивленію и хими-
ческимъ дѣйствіямъ тока.

Третье чтеніе трактуетъ объ электромагнитахъ, телеграфѣ и те-
лефонѣ.

Въ четвертомъ чтеніи авторъ разсматриваетъ устройство кольца
Грамма, динамо-электрической машины съ постояннымъ токомъ и
электродвигателей.

Въ пятомъ чтеніи говорится о машинахъ переменнаго тока, объ
электрическомъ освѣщеніи и о трансформаторахъ.

Наконецъ, шестое и послѣднее чтеніе посвящено электрическому
эффекту, устройству распредѣлительной цѣпи и такъ-называемому
вращающемуся магнитному полю.

Какъ приложение къ русскому изданію, помѣщена табличка для
приблизительнаго перевода нѣкоторыхъ метрическихъ мѣръ на рус-
скія и замѣчаніе о практическихъ электрическихъ единицахъ.

Нельзя не порадоваться, что эта полезная книга переведена на
русскій языкъ и пожелать ей возможно широкаго распространенія.
Переводъ можно назвать безукоризненнымъ, какъ и всѣ вообще пе-
реводы *Н. С. Дрентельна*. Лишь весьма немногія мѣста вызываютъ
замѣчанія.

На стр. 11 говорится о „стрѣлкѣ“; между тѣмъ не ясно, о какой
стрѣлкѣ идетъ рѣчь.

Во второй лекціи авторъ слишкомъ поспешилъ на подробности объ электрическомъ сопротивленіи и даже не указалъ на обычное опредѣленіе ома, какъ сопротивленіе ртутнаго столба извѣстныхъ размѣровъ при 0°.

Не вполне удачно редактированы слѣдующія мѣста:

Стр. 5: „а магнитная стрѣлка отклоняется въ обоихъ случаяхъ въ противоположныя стороны“.

Стр. 11: „... за желѣзнымъ стержнемъ, *вдаюцимся въ катушку*...“.

Стр. 63: „... измѣняетъ ее (силу) изъ одного момента въ другой...“.

Въ добавленіи приведена длина ртутнаго столба равною 106 см. вмѣсто 106,3 см.

Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. VOLTAIRE, *HISTOIRE DE CHARLES XII, ROI DE SUÈDE*. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ и географическою картою. Объяснилъ В. С. *Иматовичъ*. Изданіе С. А. *Манштейна*. С.-Пб. 1894. Стр. въ 16-ую д. л. 157 + 53. Цѣна со словаремъ 50 коп.

Новый выпускъ издаваемой С. А. Манштейномъ коллекціи „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей“ распадается, какъ и всѣ предыдущіе выпуски, на введеніе, текстъ и отдѣльно прилагаемый словарь.

Во введеніи дается краткая и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно полная, написанная хорошимъ, понятнымъ языкомъ біографія Вольтера и перечень главныхъ его произведеній.

Текстъ раздѣленъ на главы, причемъ выпущены всѣ мѣста подлинника, неудобныя для чтенія въ классѣ (невѣрные сужденія Вольтера о Россіи, Польшѣ и Турціи), или же представляющія отклоненія отъ разказа непосредственнаго хода событій и не вносящія никакихъ новыхъ чертъ въ изображеніе характера и дѣятельности двухъ главныхъ героевъ разказа, Петра Великаго и Карла XII. Выпуски сдѣланы весьма удачно—нить разказа нигдѣ рѣзко не прерывается. Распредѣленіе и названія главъ тоже удачны.

Словарь составленъ очень хорошо: повѣрка его показала, что не только не забыто ни одного слова, которое можно было предполагать незнакомымъ, но главное, что данныя значенія словъ всегда соотвѣтствуютъ ихъ смыслу въ текстѣ.

Все остальное, что требовало объясненія и что не удобно было бы помѣстить въ словарь, помѣщено подъ текстомъ, въ примѣчаніяхъ, составленныхъ умѣло и свидѣтельствующихъ о большомъ пониманіи

нуждѣ учениковъ. Объяснено все могущее быть непонятнымъ: отдѣльныя слова, получающія въ данной фразѣ необычное имъ значеніе, галлицизмы, обороты, трудные для передачи на русскій языкъ, переведены; подробности географическія, имена собственныя, грамматическія особенности объяснены кратко и ясно.

Болѣе живому представленію разказываемыхъ событій способствуетъ недурно исполненная карта, приложенная въ концѣ книжки. Черная линія съ надставленными надъ нею стрѣлками и датами наглядно показываетъ время и направленіе пути Карла XII.

Жизнь и сочиненія главнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ XVIII вѣка. (На нѣмецкомъ языкѣ). Руководство для преподаванія нѣмецкой литературы въ VII классѣ реальнхъ училищъ согласно учебнымъ планамъ составилъ Э. С. Москва. Изданіе *К. И. Тихомирова*. 1895. Стр. 70. Цѣна 25 коп.

Вышепоименованная книжка заключаетъ въ себѣ краткія жизнеописанія пяти извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ писателей XVIII вѣка, а именно: Виланда, Лессинга, Гердера, Гете и Шиллера. Въмѣстѣ съ главнѣйшими биографическими данными дается и перечень наиболѣе извѣстныхъ сочиненій съ изложениемъ ихъ содержанія. Въ концѣ каждой біографіи говорится о значеніи писателя и его сочиненій въ нѣмецкой литературѣ, а также о влияніи ихъ на литературу другихъ народовъ. Все это изложено коротко, ясно и прекраснымъ нѣмецкимъ языкомъ. Въ концѣ книжки помѣщены еще 26 примѣчаній, дающихъ въ сжатой формѣ необходимыя свѣдѣнія о тѣхъ извѣстныхъ въ литературѣ или искусствѣ лицахъ, о которыхъ приходилось упомянуть въ жизнеописаніяхъ названныхъ нѣкоторыхъ писателей. Типографская сторона книжки удовлетворительна: бумага и печать хороши, опечатокъ нѣтъ.

Нѣмецкая Хрестоматія. Составилъ *Ө. Ө. Ясковскій*. Рига. 1895. Стр. XIV + 186. Цѣна 60 коп.

Предлагаемый въ нѣмецкой хрестоматіи г. Ясковскаго матеріалъ для чтенія раздѣленъ на 12 болѣе или менѣе равныхъ частей, подъ слѣдующими заглавіями: I. Школа; II. Дома; III. Человѣкъ; IV. Городъ; V. Усадьба; VI. Домашнія животныя; VII. Садъ; VIII. Деревня; IX. Лѣсъ; X. Утро, полдень, вечеръ, ночь; XI. Времена года; XII. На бѣломъ свѣтѣ.

Такимъ дѣленіемъ матеріала на части, называемыя самимъ авторомъ „кругами“, имѣющими каждый свою руководящую основную

мысль, имѣлось въ виду „доставлять пониманію дитяти значительное облегченіе. Что же касается выбора статей для чтенія (ихъ всего 379), то составитель хрестоматіи самъ заявляетъ, что прежде всего руководствовался точкой зрѣнія національною и нравоучительною.

„Изображеніе, говоритъ онъ, благородныхъ чертъ характера нашихъ великодушныхъ монарховъ, картины жизни русскаго народа, описанія нѣкоторыхъ областей нашего отечества дополняютъ собою, въ надлежащей мѣрѣ, тотъ научный матеріалъ, который предложенъ по различнымъ отраслямъ знанія, — участвуя такимъ образомъ въ воспитательномъ трудѣ школы и сѣя сѣмена любви къ отечеству въ юныя сердца“.

Изъ статей, преслѣдующихъ такую благую цѣль особенно выдаются искренностію тона и красотой изложенія первыя 12 послѣдняго отдѣла: „На бѣломъ свѣтѣ“, какъ, напримѣръ: *Mein Vaterland* (№ 307), *Die Macht des Gesanges* (№ 308); *Die Krim* (№ 310); *Die Cholera in Petersburg* (№ 312); *Heldenmuth der alten Russen* (№ 315); *Der Unbehannte* (№ 316); *Lomonossow* (№ 317) и другія.

Большинство статей, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ, заимствовано изъ другихъ нѣмецкихъ хрестоматій, признанныхъ хорошими для чтенія въ школѣ. При этомъ, по возможности, избраны только произведенія лучшихъ нѣмецкихъ писателей для юношества, и, какъ говоритъ самъ авторъ книги, именно такія, которыя могутъ заинтересовать собою учениковъ даже старшаго возраста.

Другія статьи представляютъ собою вольный переводъ или цѣлыхъ статей, или же отрывковъ изъ русскихъ хрестоматій, какъ напримѣръ, вышеприведенная статья 12 отдѣла, № 316 „*Der Unbehannte*“.

1. Нѣмецкая Азбука. Составили *K. Grube, W. Donner, Fr. Dohne, N. Friedenberg*. *LESEFIBEL. VORSTUFE ZUM DEUTSCHEN LEBEBUCH „JUGENDSCHATZ“*. Herausgegeben von *K. Grube, W. Donner, Fr. Dohne, N. Friedenberg*. Riga. 1895. Verlag von W. Mellin & Co. Стр. 96. Цѣна въ переплетѣ 36 коп.
2. Книга для нѣмецкаго чтенія въ начальныхъ училищахъ и низшихъ классахъ опредѣнныхъ учебныхъ заведеній. *JUGENDSCHATZ. DEUTSCHES LEBEBUCH FÜR ELEMENTARSCHULEN UND UNTERE KLASSEN MITTLERER LEHRANSTALTEN*. Herausgegeben von *K. Grube, W. Donner, Fr. Dohne, N. Friedenberg*. I. Theil. Riga. 1895. Verlag von W. Mellin & Co. Стр. VIII + 168. Цѣна въ переплетѣ 50 коп.

Первая изъ вышепоименованныхъ книжекъ, „Нѣмецкая Азбука“, составленная по такъ-называемому методу „образцовыхъ словъ“, слу-

жить подготовительною степенью для второй книжки—*Jugendschatz*, книга для нѣмецкаго чтенія. Обѣ книжки изданы весьма исправно и уже внѣшнимъ своимъ видомъ производятъ самое пріятное впечатлѣніе.

Особою изящностію отличается не только начертаніе буквъ въ Нѣмецкой Азбукѣ, но и всѣ заключающіяся въ ней картинки. Эта книжка распадается на двѣ ступени и каждая ступень на нѣсколько частей. Первая ступень предлагаетъ для упражненія въ чтеніи только отдѣльныя слова и коротенькія фразы; вторая же ступень сперва даетъ также отдѣльныя предложенія съ цѣлью познакомить учениковъ съ главными частями рѣчи, какъ существительное, глаголъ, прилагательное, а потомъ уже до 50 связанныхъ статей, частію прозаическихъ, частію стихотвореній, изъ которыхъ однѣ напечатаны нѣмецкимъ, другія латинскимъ шрифтомъ. Въ концѣ книжки, послѣ нѣкоторыхъ молитвъ, помѣщены еще 30 пословицъ и столько же загадокъ.

Вторая изъ разсматриваемыхъ книжекъ — *Jugendschatz*, книга для нѣмецкаго чтенія. Первая часть раздѣляется на двѣ ступени, первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ 97, вторая 111 статей. Почти половина всѣхъ этихъ статей—стихотворенія. Какъ выборъ, такъ и распредѣленіе предлагаемаго для чтенія матеріала можно назвать вполне удачнымъ. Въ составъ этого матеріала входятъ сказки, рассказы, басни, стихотворенія, пословицы, загадки и описанія. И эти книжки составлены весьма умѣло и напечатаны, какъ уже выше сказано, вполне исправно.

DEUTSCHES LEBEBUCH FÜR MENNONITISCHE UND LUTHERISCHE ELEMENTARSCHULEN IN RUSSLAND, herausgegeben von K. Unruh и K. Wilhelm. Erste Abteilung. Стр. VII + 88. Zweite Abteilung. Стр. VIII + 180. Цѣна не обозначена.

Трудъ господъ Unruh и Wilhelm'a напечатанъ въ двухъ отдѣльныхъ книжкахъ. Первая изъ нихъ, назначенная для школъ грамотности меннонитскихъ и лютеранскихъ, то-есть, для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ, предлагаетъ матеріалъ для первыхъ трехъ лѣтъ ученья.

Вторая книжка, назначенная для меннонитскихъ и лютеранскихъ училищъ въ Россіи, имѣетъ въ виду послѣдніе четыре года ученья, то-есть дѣтей отъ 11 до 14 лѣтъ.

Первая книжка заключаетъ въ себѣ всего 217 статей, раздѣленныхъ на три различныя группы, подъ слѣдующими названіями: I. Aus

dem Menschenleben, II. Aus der Natur и III. Aus der Nähe und Ferne. Въ числѣ этихъ 217 статей—99 стихотвореній.

Вторая книжка значительно объемистѣ первой: число статей здѣсь 241, изъ которыхъ 154 статьи — прозаическія, а остальные 87 — стихотворенія. Кромѣ того она еще различается отъ первой и тѣмъ, что въ ней къ тремъ группамъ статей первой книжки прибавлена еще четвертая, дающая разныя свѣдѣнія изъ исторіи, преимущественно изъ отечественной.

Считаемъ нужнымъ здѣсь еще указать на прекрасный планъ, по которому составлены обѣ книжки. Предлагаемый для чтенія матеріалъ съ большимъ умѣньемъ размѣщенъ такимъ образомъ, что къ первымъ группамъ обонхъ отдѣловъ отнесены статьи, имѣющія цѣлью ознакомить дѣтей прежде всего съ обязанностями человѣка по отношенію къ Богу и своимъ ближнимъ, и такимъ путемъ содѣйствовать ихъ нравственно-религіозному воспитанію. Статьи же географическаго и историческаго содержанія имѣютъ въ виду пополнять и оживлять матеріалъ, сообщаемый ученикамъ объ отечествѣ на урокахъ географіи, и, наравнѣ со статьями, трактующими о поселеніи нѣмцевъ въ Россіи, познакомить дѣтей съ обязанностями ихъ предъ отечествомъ.

Вообще матеріалъ, предлагаемый книгою: „Deutsches Lesebuch“ и т. д., весьма богатый, выборъ статей вполне удачный. Весьма значительная часть ихъ принадлежитъ авторамъ, пользующимся заслуженною репутаціею въ нѣмецкой литературѣ.

И въ типографскомъ отношеніи разсматриваемыя книжки не оставляютъ желать ничего лучшаго: бумага и печать прекрасны—опечатки есть, но число ихъ не велико и притомъ онѣ вполне добросовѣстно приведены въ особыхъ спискахъ въ концѣ книги.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О ТРИДЦАТИ СЕДЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ¹⁾).

На соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено восемь сочиненій.

Согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена коммиссія, подъ предѣтельствомъ непремѣннаго секретаря, изъ вице-президента академіи Л. Н. Майкова и гг. академикомъ А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. Г. Васильевскаго и А. А. Куника.

Ознакомившись съ представленными сочиненіями, коммиссія, для подробнаго размотра ихъ, избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить свое заключеніе и оцѣнку къ назначенному для того сроку.

По полученіи отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя трудъ разсмотрѣнія преданныхъ имъ сочиненій, и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства ихъ, коммиссія положила присудить малыя Уваровскія преміи, по 500 руб. каждая, нижеслѣдующимъ сочиненіямъ:

І. Лазаревскій — „Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія“. Томъ II. Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ, 1893 г.

¹⁾ Прочитанъ въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1895 г. непремѣннымъ секретаремъ академикомъ *Н. Ѳ. Дубровинимъ*.

Для оцѣнки достоинства этого сочиненія академія обратилась къ содѣйствію преподавателя Императорскаго Александровскаго лицея Венедикту Александровичу Мякотину.

Въ обширной рецензіи, составляющей весьма цѣнное и, можно сказать, самостоятельное изслѣдованіе, рецензентъ прежде всего обращается къ указанію той тѣсной связи, въ которой стоитъ новый трудъ г. Лазаревскаго съ общимъ положеніемъ современной малорусской исторіографіи и въ частности съ прежними работами автора. „Указаніе этой связи, говоритъ В. А. Мякотинъ, думается, не будетъ здѣсь лишнимъ, такъ какъ оно поможетъ разобраться въ особенностяхъ послѣдняго труда почтеннаго ученаго и найти правильную точку зрѣнія для его оцѣнки“.

Исторія гетманской, или старой Малороссіи представляется еще весьма мало разработанною въ научной литературѣ. Наиболѣе выясненною стороною ея является внѣшняя политическая исторія страны, давшая содержаніе довольно длинному ряду трудовъ; но едва мы обращаемся отъ внѣшней исторіи къ внутренней, едва переходимъ изъ области военныхъ событій и дипломатическихъ переговоровъ въ болѣе спокойную область мирной народной жизни, какъ попадаемъ въ темный лабиринтъ запутанныхъ вопросовъ, лишь не многія части котораго освѣщены свѣтомъ научнаго изслѣдованія. Даже административное дѣленіе территоріи гетманской Малороссіи извѣстно лишь въ общихъ и не всегда вѣрныхъ чертахъ. Еще менѣе извѣстна исторія заселенія этой территоріи. Формы землевладѣнія, существовавшія на ней, лишь недавно нашли себѣ перваго изслѣдователя въ лицѣ проф. Лучицкаго. Экономическія условія жизни населенія составляютъ вопросъ едва затронутый въ литературѣ, равно какъ и исторія государственнаго хозяйства гетманщины.

Самые источники для исторіи Малороссіи разбросаны невѣроятнымъ образомъ. Не только Кіевъ, Черниговъ, Полтава, Екатеринославъ, но и Харьковъ, Москва и Петербургъ явились хранителями архивныхъ богатствъ старой Малороссіи. Такая раздробленность главнѣйшихъ источниковъ должна была отразиться и на ходѣ ученыхъ работъ по исторіи Малороссіи, крайне затрудняя разработку сколько нибудь широко поставленной темы. Если въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ, посвященной изслѣдованію жизни гетманской Малороссіи, встрѣчается очень мало цѣльныхъ эпизодовъ, то причину такого явленія приходится искать въ условіяхъ пользованія источниками, ставящими изслѣдователя въ крайне затруднительное положеніе.

Въ ряду этихъ изслѣдователей А. М. Лазаревскому давно уже принадлежитъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Выступая на поприще научныхъ занятій, онъ сумѣлъ не только сохранить полную самостоятельность по отношенію къ господствовавшимъ въ литературѣ взглядамъ, но и перенести дѣло изученія историческаго прошлаго Малороссіи на совершенно новую и во многихъ случаяхъ гораздо болѣе плодотворную почву. Уже въ первомъ своемъ большомъ и серьезномъ трудѣ „Малороссійскіе посполитные крестьяне“ онъ выступилъ съ оригинальнымъ взглядомъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней жизни Малороссіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. На мѣсто исторіи политики выдвигалась исторія внутренней жизни народа и, слѣдя за этою послѣднею, историкъ старался уловить въ ней главнымъ образомъ соціальныя интересы.

„М. А. Лазаревскаго, говоритъ рецензентъ, можно назвать по преимуществу историкомъ двухъ малорусскихъ сословій, изслѣдователемъ того процесса, въ силу котораго посполитые XVII вѣка обратились въ крѣпостныхъ крестьянъ, а казацкая старшина—въ благородное дворянство. Но изслѣдуя этотъ процессъ въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ жизни и особенно съ развитіемъ административныхъ порядковъ, онъ долженъ былъ постоянно касаться и другихъ сторонъ малорусскаго быта, матеріалъ для изученія которыхъ въ изобиліи доставляли ему его источники, а въ результатъ своей долготѣльной дѣятельности на поприщѣ изученія исторіи гетманской Малороссіи приобрѣлъ справедливо заслуженную репутацію одного изъ лучшихъ знатоковъ этой исторіи“.

Послѣдній трудъ почтеннаго историка является естественнымъ плодомъ всей предъидущей его дѣятельности. Относительно характера своего труда г. Лазаревскій говоритъ, что онъ составляетъ попытку „соединить въ нѣчто цѣлое собранныя въ продолженіе многихъ лѣтъ матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія Малороссіи“ отъ присоединенія ея къ русскому государству въ 1654 году до введенія въ ней общерусскихъ формъ гражданскаго управленія въ 1782 году. Авторъ полагаетъ, что книга даетъ нѣкоторые матеріалы для изученія народной жизни, которая въ написанныхъ до настоящаго времени исторіяхъ Малороссіи такъ сильно заслонена пересказомъ событій внѣшней исторіи. Сообразно съ этимъ и книга озаглавлена: „Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія“ и заключаетъ въ себѣ массу свѣжаго и разнообразнаго матеріала. Пользуясь и печатными источниками, г. Лазаревскій преиму-

щественно, однако, основываетъ свое изложеніе на неизданныхъ матеріалахъ, извлекая изъ нихъ множество въ высшей степени важныхъ свѣдѣній. Въ книгѣ г. Лазаревскаго мы находимъ новыя данныя для внѣшней политической исторіи страны и свѣдѣнія, относящіяся до исторической географіи и особенно богатый матеріаль сгруппированъ имъ по вопросамъ внутренней жизни Малороссіи, той жизни, которую самъ онъ противопоставляетъ событіямъ внѣшней исторіи.

„Въ виду общей задачи книги, говоритъ рецензентъ, и принятаго авторомъ плана этотъ матеріаль излагается имъ въ формѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, но и при такой формѣ изложенія авторъ даетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ простое собраніе матеріаловъ. Онъ не только предпринимаетъ критическое обследованіе отдѣльныхъ фактовъ, входящихъ въ составъ его разказа, но и устанавливаетъ нѣкоторую связь между ними, намѣчаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя общія черты въ рядѣ явленій, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, черты, придающія этимъ явленіямъ характеръ показателей опредѣленнаго историческаго процесса“.

Въ результатѣ знакомства съ фактами, которые даетъ книга Лазаревскаго, у читателя складывается опредѣленное представленіе о характерѣ администраціи, о развитіи землевладѣнія и сословныхъ группъ въ гетманской Малороссіи.

Переходя къ частностямъ разбора сочиненія г. Лазаревскаго, рецензентъ слѣдитъ за нимъ шагъ за шагомъ и сводитъ содержаніе разбираемой книги въ три крупныя рубрики: 1) Администрація, 2) Заселеніе и землевладѣніе и 3) Сословія. Разбирая каждый отдѣль подробно, указывая на нѣкоторыя неточности и дополняя факты нѣкоторыми новыми матеріалами, В. А. Мякотинъ приходитъ къ слѣдующему общему заключенію.

„Работа г. Лазаревскаго, говоритъ онъ, какъ систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ исторіи гетманской Малороссіи, должна имѣть большое значеніе уже въ виду состоянія литературы и положенія источниковъ этой исторіи. Задумана и поставлена авторомъ работа очень широко. Цѣлый рядъ разнообразныхъ и весьма важныхъ темъ введенъ авторомъ въ его описаніе и онъ собралъ для нихъ громадный и свѣжій матеріаль, въ весьма значительной мѣрѣ имъ же самимъ и обработанный. Исторія управленія и исторія высшихъ сословій лѣвобережной Малороссіи, составившихъ въ ней владѣльческой классъ, являются самыми блестящими, наиболѣе обработанными и наибольшимъ количествомъ фактовъ представлен-

ными отдѣлами книги г. Лазаревскаго, но и для другихъ затронутыхъ имъ темъ, онъ собралъ въ своемъ трудѣ массу цѣнныхъ свѣдѣній. При той широкой постановкѣ, какую придалъ авторъ своей работѣ, вполне естественно является сравнительная неполнота нѣкоторыхъ отдѣловъ. Въ значительной степени такая неполнота объясняется неразработанностью специальной литературы и хаотическимъ состояніемъ источниковъ и врядъ-ли она можетъ быть обращена въ упрекъ автору.

„Мнѣ приходилось, говорить рецензентъ далѣе, отмѣчать при разборѣ труда А. М. Лазаревскаго нѣкоторыя его слабыя стороны. Главною изъ нихъ я считаю недостаточное пользованіе автора генеральнымъ слѣдствіемъ о маестностяхъ, не позволявшее ему описать формы держанія имѣній въ гетманской Малороссіи и ихъ исторію съ тою точностью и обстоятельностью, какія были бы въ данномъ случаѣ желательны. Но отмѣчая эту сторону въ работѣ автора, я долженъ оговориться, что въ данномъ вопросѣ остаются еще нѣкоторые не вполне разъясненные пункты, мнѣнія своего по поводу которыхъ я не могу выдавать за безспорное, пока оно въ свою очередь не подвергнется обсужденію.

„Во всякомъ случаѣ недостатки книги блѣднѣютъ передъ ея крупными достоинствами, дѣлающими ее необходимымъ настольнымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося изученіемъ малорусской исторіи XVII—XVIII вѣковъ, и критику остается только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свой трудъ, долженствующій сильно подвинуть впередъ дѣло изслѣдованія пока еще во многихъ отношеніяхъ темной внутренней исторіи гетманщины. Въ виду этихъ крупныхъ достоинствъ своихъ, книга А. М. Лазаревскаго можетъ быть признана вполне заслуживающею преміи графа Уварова.

II. **Ө. И. Леонтовичъ**—„Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территорій Литовскаго государства“. С.-Петербургъ 1894 года.

Оцѣнку этого труда принялъ на себя ординарный академикъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Ө. И. Леонтовичъ пользуется давно и вполне заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Еще въ 1863 году появились его статьи по Литовскому праву, длинный списокъ которыхъ помѣщенъ въ „Биографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета св. Владиміра“ и въ „Двадцатипятилѣтіи Императорскаго Новороссійскаго университета“.

Представленный на конкурсъ трудъ автора начинается съ изложенія образованія территоріи Литовскаго государства, обозначенія разныхъ составныхъ частей этой территоріи, указанія народностей ее населявшихъ и исторической судьбы составляющихъ ее частей. Характеръ своего изложенія авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Мы намѣрены въ настоящемъ очеркѣ свести въ одно мѣсто то, что сдѣлано по нашему вопросу въ трудахъ русскихъ и польскихъ историковъ и по возможности провѣрить избранный вопросъ документальными данными по источникамъ и монографіямъ, изданнымъ въ послѣднее время“. Такіе своды необходимы для начинающихъ работниковъ.

Еще не приступая къ своей задачѣ, авторъ представляетъ обширное библиографическое обзорніе источниковъ и пособій для изученія внутренней исторіи Литовскаго государства. Это обзорніе само по себѣ составляетъ важную услугу и даетъ возможность слѣдующимъ изслѣдователямъ имѣть подъ рукою готовый собранный матеріалъ.

Самое сочиненіе автора начинается указаніемъ на племенной составъ Литовскаго государства вообще и въ частности на литовское племя. Онъ останавливается на условіяхъ образованія территоріи, полемизируетъ съ мнѣніемъ о феодализмѣ въ литовско-русскомъ государствѣ.

Представивъ общія соображенія объ образованіи Литовскаго государства, Э. И. Леонтовичъ переходитъ къ подробному обзору отдѣльныхъ его частей и начинаетъ съ Литвы, указываетъ владѣнія князей въ Литвѣ и въ Жмуди, роды князей Гедиминовичей и другихъ.

„Такое обзорніе, — говоритъ рецензентъ, очень нужно для болѣе яснаго представленія о странѣ, столь далекою отъ нашихъ понятій о государствѣ и часто темною для насъ. Конечно, критика не безъ основанія указываетъ на недостаточность нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ авторомъ генеалогій, въ особенности родословія Радзивиловъ; но надо припомнить трудности, представляемыя памятниками литовской исторіи, особенно генеалогіями. Указывая часто на ихъ недоброкачественность, Э. И. Леонтовичъ не вездѣ оградилъ себя отъ ихъ вліянія“.

Послѣ обзорнія литовскихъ земель, авторъ переходитъ къ обзорнію земель русскихъ, вошедшихъ въ составъ Литовскаго государства, и указываетъ на причину, по которой русское начало владело надъ литовскимъ. Входя въ подробности разбора сочиненія и указывая на нѣкоторыя обмолвки, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ нахо-

дять, что для начинающихъ заниматься литовскою исторіей едва-ли не слѣдуетъ указать на „Образованіе территории Литовскаго государства“ какъ книгу, подъ руководствомъ которой они могутъ познакомиться съ литературою и съ главными мнѣніями по вопросамъ, входящимъ въ составъ изслѣдованія. Литературою авторъ пользуется полно; такъ въ статьѣ о Сѣверщинѣ встрѣчаются указанія не только на старыя изслѣдованія о Любецкомъ синодикѣ, важномъ матеріалѣ для генеалогіи сѣверскихъ князей, но и на изслѣдованіе покойнаго Р. В. Зотова. Вообще, относясь очень внимательно къ литературѣ, г. Леонтовичъ далъ намъ книгу, которая, составляя плодъ многолѣтней усиленной работы, свидѣтельствуетъ, что авторъ ея принадлежитъ къ хорошей исторической школѣ. „Книга эта, говоритъ рецензентъ, должна принести несомнѣнную пользу и своими общими замѣчаніями и библиографическими указаніями. Если замѣчанія автора не вездѣ безусловно вѣрны, то они всегда вызываютъ мысль и побуждаютъ къ новой работѣ надъ предметомъ.“

„Къ недостаткамъ принадлежитъ достаточное количество ошибокъ и обмолвокъ, часто даже опечатокъ. Этотъ недостатокъ редакціи можетъ быть устраненъ при второмъ изданіи, котораго искренно желаемъ проф. Леонтовичу.“

„Вотъ почему, говоритъ рецензентъ, считаемъ обязанностію ходатайствовать о награжденіи автора малою Уваровскою премією“.

III. И. Н. Миклашевскій.—„Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства“. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. Москва. 1894 г.

Оцѣнку этого сочиненія по просьбѣ Академіи принялъ на себя профессоръ Харьковскаго университета Дмитрій Ивановичъ Багалъй.

Изслѣдованіе г. Миклашевскаго имѣетъ цѣлью изучить процессъ возникновенія и развитія земледѣлія въ небольшой части южной окраины Московскаго государства XVII столѣтія, составляющей въ настоящее время части губерній Курской и Воронежской и части мѣстностей, къ нимъ прилегающихъ. Въ обширной своей рецензій Д. И. Багалъй дѣлитъ обзоръ книги И. Н. Миклашевскаго на три отдѣльныя главы. Въ первой онъ опредѣляетъ планъ автора и его задачу, источники и пособія, которыми онъ пользовался, и приемы изложенія. Во второй главѣ своей рецензій г. Багалъй разказываетъ вкратцѣ содержаніе труда автора и сдѣланные имъ выводы. Въ третьей главѣ рецензентъ указываетъ на недостатки и пробѣлы въ трудѣ г. Миклашевскаго и дополняетъ ихъ своими примѣчаніями и

приложеніями. Слѣдя почти по страницамъ за разказомъ автора, рецензентъ приходитъ къ такому общему выводу:

„Разбираемая книга, говоритъ г. Багал'ѣй, обладаетъ и крупными достоинствами и нѣкоторыми недостатками.

„Къ достоинствамъ нужно отнести: удачный выборъ мѣстности для изслѣдованія, рациональную постановку вопроса, выводимаго изъ узкой области хозяйственной политики въ болѣе обширную сферу исторіи и экономики; знакомство съ важнѣйшими печатными источниками и пособіями, обиліе архивнаго неизданнаго матеріала, положеннаго въ основу книги, первоначальную сводку и разработку этого матеріала, отдѣльныя критическія изслѣдованія по разнымъ частнымъ вопросамъ и, наконецъ, богатство фактическаго содержанія, въ особенности начиная со второй главы; тутъ мы находимъ и описаніе городовъ, и описаніе уѣздовъ, и данныя о выходцахъ изъ-за Днѣпровья, о землевладѣніи и, наконецъ, о хозяйствѣ (земледѣліи, скотоводствѣ, пчеловодствѣ и винограденіи).

„Недостатками книги слѣдуетъ признать: слабое эксплуатированіе печатныхъ источниковъ и пособій, неполноту въ извлеченіи архивныхъ матеріаловъ, и, какъ естественный результатъ ихъ, пробѣлъ въ содержаніи, неясность, невыдержанность и несистематичность плана и недостаточную обработку матеріаловъ въ общей ихъ совокупности. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, книга г. Миклашевскаго представляетъ нѣчто среднее между изслѣдованіемъ и историко-статистическимъ описаніемъ.

„Изъ трехъ намѣченныхъ себѣ авторомъ вопросовъ—колонизації, землевладѣнія и хозяйства южной окраины—авторъ во всей полнотѣ не рѣшаетъ ни одного, но даетъ массу данныхъ для перваго, довольно много для третьяго и нѣсколько меньше для втораго.

„Въ виду всего этого, а также принимая во вниманіе значительный трудъ, положенный авторомъ на разысканіе и первоначальную сводку архивнаго матеріала, вполне добросовѣстное, строго-научное отношеніе его къ дѣлу, мы бы считали справедливымъ поощрить г. Миклашевскаго къ продолженію его работы присужденіемъ неполной Уваровской преміи“.

IV. Подъ девизомъ: *„И дымъ отечества намъ сладокъ и приятенъ“*. Одинъ изъ пестрыхъ XVII столѣтія, часть I и II (рукопись).

По вскрытіи конверта оказалось, что сочиненіе это принадлежитъ С. М. Браиловскому.

Разборъ этого труда, по просьбѣ Академіи, принялъ на себя уче-

ный хранитель рукописей Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, Семень Осиповичъ Долговъ.

Рукопись подъ заглавіемъ: „Одинъ изъ пестрыхъ XVII вѣка“ есть изслѣдованіе объ одномъ довольно видномъ дѣятелѣ русской литературы и русскаго просвѣщенія въ исходѣ XVII столѣтія, іеромонахѣ Чудова монастыря Каріонѣ Истоминѣ. Какъ извѣстно, въ то время опредѣленно обозначились въ ходѣ русской образованности два направленія: западное, искавшее себѣ пособій преимущественно у католическихъ писателей западной Европы, и восточное, строго державшееся греческаго православнаго преданія. Но рядомъ съ представителями обѣихъ этихъ партій были и такіе книжные люди, которые занимали между ними среднее положеніе и не пренебрегали ни западными, ни восточными источниками просвѣщенія. Такихъ людей умѣреннаго образа мыслей одинъ изъ тогдашнихъ писателей іеродіаконъ Дамаскинъ назвалъ „пестрыми“. Каріонъ Истоминъ былъ однимъ изъ такихъ „пестрыхъ“, и авторъ разсматриваемаго сочиненія, посвященнаго обзорѣннѣю жизни и трудовъ Истомина, примѣнилъ къ нему это прозваніе. Рецензентъ признаетъ, что названіе „пестраго“ вполне подходитъ къ Каріону Истомину, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что характеристика противоположныхъ партій—западной и восточной, сдѣлана авторомъ не вполне безпристрастно, съ нѣкоторымъ излишнимъ усиленіемъ красокъ. Это обстоятельство не повредило, однако, по мнѣнію г. Долгова, достоинству сочиненія, въ которомъ жизнь и литературная дѣятельность Каріона Истомина разсмотрѣны весьма обстоятельно.

Изслѣдованіе состоитъ изъ двухъ частей: біографической и собственно историко-литературной. Кромѣ того біографіи предшествуетъ введеніе, въ которомъ авторъ разсматриваетъ все, что до сихъ поръ было писано о Каріонѣ Истоминѣ. Соотвѣтственно такому содержанию сочиненія составлена и прекрасная рецензія г. Долгова.

По замѣчанію рецензента, до автора настоящаго сочиненія никто не задавался изученіемъ жизни и трудовъ Каріона Истомина; авторъ же, какъ признаетъ и г. Долговъ,—„умѣло сводитъ всё появившіяся до его труда свѣдѣнія“ и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ проявляетъ нѣкоторую излишнюю придирчивость къ сужденіямъ тѣхъ, кому прежде него случалось говорить объ этомъ лицѣ. Въ заключеніе введенія авторъ представляетъ списокъ сочиненій Истомина, съ означеніемъ ихъ хронологіи, при чемъ въ особенности пользуется мало извѣстными доселѣ рукописями Чудова монастыря. По мнѣнію

г. Долгова, „автору принадлежитъ заслуга ознакомленія русскаго общества съ содержаніемъ этихъ интересныхъ и во многихъ отношеніяхъ весьма важныхъ рукописей“, а „хронологическій указатель сочиненій Каріона Истомина, составленный авторомъ, будетъ всегда важнымъ пособіемъ для историковъ нашей литературы при обзорѣнн сочиненій этого писателя“.

Источники для біографіи Каріона Истомина немногочисленны и скудны. О немъ сохранились только отдѣльныя замѣтки, разсѣяныя по разнымъ документамъ. Чтобы привести ихъ въ порядокъ, авторъ былъ принужденъ прибѣгать иногда къ предположеніямъ, и если нѣкоторыя изъ послѣднихъ должны быть признаны вѣроятными, за то другія представляются излишними и неосновательными. Къ числу такихъ произвольныхъ догадокъ автора г. Долговъ относить. между прочимъ, примѣненіе къ личности Каріона Истомина нѣкоторыхъ извѣстій о другихъ, современныхъ ему лицахъ духовнаго званія, носившихъ то же имя.

Опредѣливъ, въ первой главѣ біографіи, происхожденіе Каріона Истомина, авторъ говоритъ о полученномъ имъ образованіи и по этому поводу распространяется о московскихъ школахъ XVII вѣка. Автору хорошо извѣстна литература по этому важному вопросу, но, какъ замѣчаетъ г. Долговъ, — онъ „при этомъ является не простымъ излагателемъ трудовъ, ранѣе появившихся, а относится къ взглядамъ другихъ критически, предлагаетъ свои соображенія и отчасти на основаніи новыхъ матеріаловъ, открытыхъ имъ, подтверждаетъ или отрицаетъ выводы послѣднихъ работъ по этому вопросу“.

Вторая глава біографіи Истомина посвящена его службѣ на Московскомъ печатномъ дворѣ съ 1679 по 1701 годъ. Рецензентъ находитъ эту главу одною изъ самыхъ лучшихъ во всемъ сочиненіи. Авторъ обстоятельно воспользовался новымъ богатымъ матеріаломъ — указными и расходными книгами Печатнаго двора, и на основаніи этого источника не только представилъ общую картину его дѣятельности и очеркъ трудовъ Истомина по печатному дѣлу, но и сообщилъ свѣдѣнія о рядѣ книгъ, выпущенныхъ въ это время московскою типографіей, о которыхъ до сихъ поръ не было ничего извѣстно. По поводу этой главы критикъ обращаетъ вниманіе на умѣнье автора пользоваться своимъ матеріаломъ и замѣчаетъ, что бібліографы будутъ благодарны автору за собранныя имъ указанія. Къ недостаткамъ этой главы г. Долговъ относитъ то, что авторъ недостаточно справлялся съ бібліографическимъ указателемъ Ундоль-

скаго, дополненнымъ А. Е. Викторовымъ и академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ, и что авторъ допустилъ предположеніе, будто бы при Печатномъ дворѣ существовала школа еще прежде открытія греческаго училища іеромонахомъ Тимошеемъ, и что Каріонъ Истомина былъ учителемъ греческаго языка въ этой проблематической школѣ. Убѣдительныя доказательства г. Долгова заставляютъ отвергнуть эти предположенія.

Въ видѣ приложенія къ I-й части изслѣдованія помѣщено авторомъ описаніе рукописныхъ сборниковъ Чудова монастыря, содержащихъ въ себѣ, между прочимъ, сочиненія Каріона Истомина. Описаніе это составляетъ болѣе 200 листовъ весьма убористаго письма. Кромѣ сочиненій Истомина, въ обширныхъ чудовскихъ сборникахъ помѣщены письма патріарховъ Іоакима и Адріана къ царю Петру и къ разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, письма особъ царскаго семейства и письма многихъ другихъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ. Авторъ справедливо понялъ важность этихъ сборниковъ и съ одинаковымъ вниманіемъ отнесся ко всему ихъ составу. Въ своемъ описаніи онъ приводитъ иногда цѣлыя, доселѣ не изданные документы, а изъ остальныхъ сообщаетъ выдержки. Составленіе такого описанія потребовало долговременнаго и упорнаго труда, и это является несомнѣнною заслугой автора. Г. Долговъ, провѣрившій описаніе по подлинникамъ, приходитъ къ заключенію, что тщательно исполненный трудъ автора „заслуживаетъ большой признательности со стороны изслѣдователей русской исторіи и литературы“.

Вторая часть разсматриваемаго сочиненія, посвященная историко-литературной оцѣнкѣ произведеній Каріона Истомина, состоитъ изъ пяти главъ: въ первой говорится о составленномъ имъ катехизисѣ, во второй—объ его проповѣдяхъ и стихотвореніяхъ правоучительнаго содержанія, въ третьей—о букваряхъ и грамматическихъ отрывкахъ, въ четвертой—о сочиненіяхъ историческихъ, и въ пятой—о переводахъ Каріона. Авторъ излагаетъ содержаніе его произведеній, сравниваетъ ихъ съ однородными произведеніями его современниковъ и тѣмъ опредѣляетъ достоинство трудовъ Каріона, наконецъ, старается выяснитъ высказанныя имъ идеи. По замѣчанію г. Долгова „все это обследовано авторомъ съ достаточнымъ знаніемъ и необходимымъ для историка литературы навыкомъ... Въ большинствѣ случаевъ его освѣщеніе литературныхъ трудовъ Каріона не оставляетъ желать лучшаго, если не считать отсутствіе указаній на распространенность ихъ въ народной массѣ, чего онъ сдѣлать не былъ въ со-

стояніи, потому что не нашелъ достаточныхъ для этого указаній въ существующихъ библиографическихъ трудахъ“.

Но высказывая это вслѣдѣ благоприятное сужденіе объ историко-литературной части изслѣдованія, почтенный рецензентъ дополняетъ свое сужденіи нѣсколько отдѣльными замѣчаніями по вопросамъ, въ которыхъ расходится съ авторомъ. Такъ, г. Долговъ сомнѣвается въ принадлежности Истомину приписываемыхъ ему катехизиса и „Малой грамматики“. Говоря о зависимости стихотвореній Каріона отъ южно-русскихъ образцовъ, критикъ указываетъ, что нѣкоторыя его вирши суть прямо переложенія малорусскихъ кантовъ: обстоятельство, не замѣченное самимъ изслѣдователемъ. Мнѣніе послѣдняго о достоинствахъ педагогическихъ сочиненій Истомина встрѣчаетъ возраженіе со стороны критика. Важнѣйшими изъ сочиненій Каріона г. Долговъ считаетъ его историческія замѣтки, и по спорному вопросу о томъ, кого слѣдуетъ считать составителемъ извѣстнаго „Созерцанія краткаго лѣтъ 7190. 7191 и 1792“—Каріона Истомина или Сильвестра Медвѣдева, критикъ склоняется къ мнѣнію изслѣдователя и подкрѣпляетъ его новыми соображеніями.

Общее заключеніе г. Долгова вполне въ пользу рассмотрѣннаго имъ сочиненія. Критикъ видитъ въ немъ полное и всестороннее обзорѣніе дѣятельности Каріона Истомина, и вмѣстѣ съ тѣмъ вкладъ новыхъ и важныхъ матеріаловъ въ культурную исторію конца XVII вѣка. Недосмотры автора г. Долговъ объясняетъ скудостью источниковъ по данному предмету и нѣкоторыми увлеченіями автора, которыя, однако, происходятъ не отъ легкаго отношенія къ своей задачѣ. Многолѣтній и усидчивый трудъ автора г. Долговъ признаетъ заслуживающимъ Уваровской преміи.

V. С. Рункевичъ — „Исторія Минской архіепископіи (1793 — 1832 гг.) съ подробнымъ описаніемъ хода воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью въ 1794—1796 гг.“ С.-Петербургъ, 1893 года.

Разборъ этого сочиненія обязательно принялъ на себя профессоръ С.-Петербургской духовной академіи Владиміръ Николаевичъ Жуковичъ.

Въ предисловіи къ своему сочиненію г. Рункевичъ объясняетъ причину раздѣленія своего труда на три періода, опредѣляетъ задачу своего изслѣдованія и сообщаетъ краткія свѣдѣнія о рукописныхъ и печатныхъ источникахъ, которыми онъ пользовался. — Гранью между первымъ періодомъ исторіи Минской епархіи и послѣ-

дующими служить 1834 годъ, когда состоялось назначеніе на минскую кафедру епископа Евгенія Божанова.— Впрочемъ, говорить авторъ „назначеніе въ Минскъ преосвященнаго Евгенія само по себѣ не составляетъ въ исторіи Минской епархіи событія выдающейся важности, ... но его историческое значеніе заключается въ томъ, что оно явилось прямымъ результатомъ тѣхъ мѣръ, какія стало предпринимать въ это время высшее правительство по отношенію къ церковной жизни западнаго края Россіи, съ цѣлью подготовить почву для назрѣвавшаго воссоединенія униатовъ 1839 года“.

Это важное событіе со всеми его послѣдствіями внесло значительныя перемѣны въ епархіальную жизнь и замѣтно отдѣляетъ ее отъ прежняго времени.

При составленіи своего труда г. Рункевичъ, сравнительно, имѣлъ въ своемъ распоряженіи не много печатныхъ источниковъ и бѣлая часть книги основана на неизданныхъ матеріалахъ, заимствованныхъ изъ разныхъ архивовъ: Синодальнаго, канцеляріи оберъ-прокурора Синода и, въ особенности, архива униатскихъ митрополитовъ.— Для большей полноты своего изслѣдованія авторъ извлекъ много интересныхъ свѣдѣній изъ Минскихъ архивовъ: консисторскаго и семинарскаго.— Нѣсколько новыхъ данныхъ, преимущественно относящихся къ ранней порѣ жизни и дѣятельности Виктора Садковскаго, ему удалось почерпнуть изъ дѣлъ, находящихся въ Кіевскихъ архивахъ: консисторскомъ и академическомъ, а также въ Могилевскомъ и Черниговскомъ консисторскомъ архивахъ. Наконецъ, изъ архивовъ Сенатскаго и Военно-ученаго главнаго штаба авторъ заимствовалъ нѣсколько очень важныхъ данныхъ для уясненія общихъ политическихъ и военныхъ дѣлъ разсматриваемой эпохи.

„Обиліе бывшаго у г. Рункевича подъ руками архивнаго матеріала, говоритъ рецензентъ, дало ему возможность обставить свое историческое повѣствованіе цѣлымъ рядомъ точныхъ, часто малоизвѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ фактовъ, сообщило всему его труду большую хронологическую точность, помогло ему съ успѣхомъ разобраться въ нѣсколькихъ запутанныхъ вопросахъ Минскаго церковнаго прошлаго. Г-нъ Рункевичъ еще до выпуска въ свѣтъ настоящей своей книги, напечаталъ въ Минскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ „Письма къ разнымъ лицамъ преосвященнаго Виктора Садковскаго“ и „Дѣло объ арестованіи его поляками“, найденныя имъ въ Синодальномъ архивѣ“.

Хотя значительная часть этихъ дѣлъ была предметомъ изученія многихъ лицъ, но г. Рункевичъ подмѣтилъ въ нихъ не мало новыхъ

деталей и вообще съ фактической стороны книга его представляет образецъ полноты.

„Заслуживаетъ полнаго сочувствія, говоритъ профессоръ Жуковичъ, и то вниманіе, съ какимъ отнесся г. Рункевичъ ко всей предыдущей русской печатной литературѣ, имѣвшей какое либо отношеніе къ предмету его изслѣдованія.—Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ онъ даетъ полный и точный указатель всей этой разсѣянной по разнымъ провинціальнымъ изданіямъ литературы, и, не смотря на множество встрѣчающихся въ ней ошибокъ, неточностей и невѣрныхъ догадокъ, умѣетъ уловить все, что въ ней есть вѣрнаго и важнаго.—Что касается польской исторической литературы, нужно сказать вообще, что авторъ воспользовался въ своимъ трудѣ всѣми важнѣйшими печатными на польскомъ языкѣ церковно-историческими матеріалами, на сколько они могли быть ему полезны“.

Указавъ на нѣкоторые неточности и недосмотры въ книгѣ г. Рункевича, рецензентъ находитъ, что авторъ ея заслуживаетъ награжденія одною изъ премій графа Уварова.

При общей оцѣнкѣ сочиненій, представленныхъ на соисканіе премій графа Уварова комиссія признала заслуживающими поощренія сочиненія гг. А. А. Дмитріева, В. А. Теплова и А. М. Павлинова и признала справедливымъ присудить имъ почетные отзывы.

А. А. Дмитріевъ—„Пермская Старина“, сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Выпускъ I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь, 1889. Выпускъ II. Пермь Великая въ XVII вѣкѣ. Пермь, 1890 г. Выпускъ III. Экономическіе очерки Перми Великой. Чердынскій и Соликамскій край на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ Пермь, 1892 г. и Выпускъ V. Покореніе Угорскихъ земель и Сибири. Пермь, 1894 г.

Для разсмотрѣнія этого сочиненія академія обратилась къ содѣйствію преподавателя С.-Петербургской 1-й прогимназіи Сергѣя Александровича Адрианова.

Представленное на соисканіе премии сочиненіе г. Дмитріева представляетъ только часть обширнаго труда, въ которомъ авторъ задумалъ изложить исторію Пермскаго края съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Находя неудобнымъ описывать заразъ прошлая судьбы всей территоріи, заключающейся въ границахъ современной Пермской губерніи, г. Дмитріевъ дѣлитъ эту территорію на районы и предполагаетъ посвятить каждому изъ нихъ по особому тому. Въ настоящее время законченъ только первый томъ (выпуски I—IV),

который посвященъ сѣверо-западной части губерніи и доводитъ исторію этой области до конца XVII вѣка. Пятымъ выпускомъ начинается второй томъ, въ которомъ авторъ намѣренъ дать исторію Пермскаго Зауралья.

„Принятое г. Дмитриевымъ раздѣленіе, говоритъ рецензентъ, несомнѣнно имѣетъ подъ собою извѣстную почву и, какъ планъ изложенія, можетъ быть признано довольно удачнымъ. Но, къ сожалѣнію, г. Дмитриевъ на томъ же раздѣленіи основалъ и систему своихъ занятій по исторіи Пермскаго края. Дѣло въ томъ, что углубившись первоначально въ изученіе сѣверо-западной части губерніи и ея прежнихъ обитателей—пермяковъ, авторъ оставилъ въ сторонѣ остальные части Пермскаго края и ихъ древнѣйшее населеніе. Такое чрезмѣрное суженіе поля зрѣнія, конечно, не могло не отразиться крайне невыгодно на прочности выводовъ г. Дмитриева и, дѣйствительно, съ первыхъ же страницъ „Пермской Старины“, мы можемъ наблюдать тѣ грустныя послѣдствія, къ которымъ привело г. Дмитриева нежеланіе нѣсколько расширить рамки своихъ занятій“.

Въ предисловіи ко второму выпуску „Пермской Старины“ авторъ говоритъ: „Пермская Старина составитъ собою сплошное систематическое изложеніе исторіи всего Пермскаго края“. Нѣсколько ниже сказано, что „доселѣ не было предпринято ни одного новаго строго научнаго систематическаго изложенія исторіи Пермскаго края“ и что авторъ имѣетъ въ виду пополнить этотъ пробѣлъ. Г. Дмитриевъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ сосѣднихъ губерніяхъ историческія работы принимали такое же универсальное направленіе, какъ и „Пермская Старина“. Изъ этого ясно, что г. Дмитриевъ считаетъ свой трудъ строго научнымъ, новымъ, систематическимъ и всестороннимъ изложеніемъ исторіи Пермскаго края. Такое заявленіе автора даетъ право и рецензенту предъявить къ разбираемому труду довольно серьезныя требованія.

Смотря съ этой точки зрѣнія, С. А. Адриановъ въ своей обширной рецензії слѣдитъ шагъ за шагомъ за сочиненіемъ Дмитриева, указываетъ на его достоинства, неточности и недостатки и даже составилъ двѣ карты: Пермскій край въ 1579 г. и Чердынскій уѣздъ въ 1579 г. Капитальная работа г. Адрианова будетъ напечатана въ Запискахъ Академіи, и мы приведемъ здѣсь лишь общій выводъ рецензента о сочиненіи г. Дмитриева.

„Я отнесся къ труду г. Дмитриева, говоритъ онъ, довольно строго, но онъ самъ далъ право на это, поставивъ себѣ слишкомъ широкія

задачи. Однако ему не удалось дать намъ систематическую, полную всестороннюю и строго научную исторію Пермскаго края. Уже одно то обстоятельство, что при оцѣнкѣ воззрѣній Дмитріева на тотъ или другой вопросъ, мнѣ часто приходилось разыскивать и собирать данныя по различнымъ выпускамъ, уже одно это показываетъ, какъ слабо выдержана система въ „Пермской Старинѣ“. Что касается до полноты и всесторонности, то мнѣ приходится отмѣчать уже крупныя пробѣлы въ трудѣ г. Дмитріева: онъ совершенно не занялся инородческою культурой, уклонился отъ исторіи церковнаго и гражданскаго управленія, исторію землевладѣнія охарактеризовалъ болѣе съ виѣшней, территоріальной стороны, чѣмъ съ внутренней, юридической и т. д. Нельзя назвать Пермскую Старину и строго научнымъ трудомъ: методы изслѣдованія и историко-критическіе приемы г. Дмитріева оставляютъ желать очень многого, да кромѣ того онъ часто берется за рѣшеніе вопросовъ, съ которыми мало знакомъ, и, не изучивъ достаточно источники и пособія, дѣлаетъ слишкомъ поспѣшные выводы.

„Всѣ эти качества заставляютъ признать Пермскую Старину не исторіей Пермскаго края, а только сборникомъ матеріаловъ, весьма различныхъ и по цѣнности, и по степени обработки. Наиболѣе удачными являются III и IV главы втораго выпуска, которыя почти цѣликомъ могутъ быть внесены въ будущую исторію Пермскаго края. Цѣнно также опредѣленіе границъ Чердынскаго воеводства въ первомъ выпускѣ. Нѣкоторое значеніе можетъ имѣть сводъ извѣстій о русско-угорскихъ отношеніяхъ въ пятомъ выпускѣ. Спорнымъ слѣдуетъ признать рѣшеніе вопроса о мѣстоположеніи древней Югры и объ отношеніяхъ Ермака къ Строгоновымъ. Совершенно неудовлетворительно изложена древнѣйшая исторія Пермскаго края и пермяцкаго племени. Матеріалы по экономическому быту Пермскаго края на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ приведены болѣею частію въ такомъ видѣ, что пользоваться ими крайне рискованно. За то несомнѣнную цѣнность представляютъ подлинныя тексты Усольской писцовой книги Яхонтова и Кайсаровской писцовой книги по вотчинамъ Строгоновыхъ“.

Въ виду всего изложеннаго рецензентъ полагаетъ, что Академія Наукъ могла бы почетнымъ своимъ отзывомъ поощрить г. Дмитріева къ дальнѣйшему собранію матеріаловъ по исторіи Пермскаго края.

VI. В. Телловъ—Графъ Іоаннъ Каподистрія Президентъ Греціи. С.-Петербургъ 1893 года.

Для оцѣнки этого сочиненія академія обратилась къ содѣйствію

секретаря Археологическаго института въ Константинополѣ Петра Дмитриевича Погодина.

Авторъ имѣлъ въ виду изобразить дѣятельность Каподистріи въ широкой исторической рамкѣ въ связи съ общимъ ходомъ борьбы Греціи за независимость. „Мысль, со справедливостью которой нельзя не согласиться, говоритъ рецензентъ, и которой нельзя не привѣтствовать; но съ сожалѣніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ нужно сказать, что въ рукахъ г. Теплова находились средства далеко къ тому недостаточныя. Вся обширная печатная литература предмета осталась ему почти неизвѣстною“.

Не перечисляя специальныхъ работъ или источниковъ, появлявшихся въ малодоступныхъ греческихъ изданіяхъ, г. Погодинъ указываетъ только на главнѣйшіе, которые можно было бы найти безъ особыхъ затрудненій. Въ числѣ ихъ рецензентъ указываетъ на переписку графа Каподистріи съ Н. М. Карамзиннымъ, изданную два раза и разъясняющую многіе важные вопросы въ политической его дѣятельности. Указывая на записки графини Эделингъ, рожденной Стурдзы, на соч. Е. Ковалевскаго „Графъ Блудовъ и его время“ и другія, г. Погодинъ приводитъ 23 сочиненія иностранныхъ писателей, которыя остались неизвѣстными г. Теплову. По мнѣнію рецензента авторъ потерялъ много, не познакомившись съ обширнымъ сочиненіемъ Мендельсона Бартольди „Graf Johann Kapodistrias“, изданнымъ въ Берлинѣ въ 1864 году.

Представленныя послѣднимъ соображенія остались не опровергнутыми, доводы не оспоренными, и отрицательный взглядъ на Каподистрію, высказанный Гервинусомъ и развитый до крайности его послѣдователемъ, не нашелъ себѣ критика въ лицѣ г. Теплова. Большинство источниковъ, которые авторъ положилъ въ основу своей работы, принадлежать перу сторонниковъ Каподистріи, и затѣмъ рядомъ съ первоклассными приведены сочиненія сомнительнаго свойства, что придаетъ сочиненію г. Теплова характеръ неравномѣрности и отчасти случайности.

Слѣдя подробно за сочиненіемъ г. Теплова и указывая на нѣкоторыя неточности и недомолвки, г. Погодинъ въ обширной своей рецензіи останавливается на главахъ IV и V, посвященныхъ описанію событій отъ отреченія принца Леопольда отъ греческаго престола и до кончины Каподистріи. Эти главы, по мнѣнію г. Погодина, составляютъ лучшую часть сочиненія, по обилію сообщаемыхъ въ нихъ архивныхъ документовъ и другихъ фактовъ, заимствованныхъ хотя

и изъ изданныхъ раѣе, но оставшихся не эксплуатированными, какъ напримѣръ записка объ убіеніи Каподистріи, составленная полковникомъ Райкомъ.

Подводя итогъ, рецензентъ находитъ, что слабую сторону сочиненія г. Теплова составляютъ: малые размѣры при широкомъ планѣ и недостаточное знакомство съ литературой предмета, влекушіе за собою, въ свою очередь, случайность и несистематичность изложенія; большіе пробѣлы, какъ напримѣръ умолчаніе о дѣятельности Каподистріи въ Женевѣ, и отдѣльныя неточности, какъ напримѣръ отправленіе Франціей и Англіей пословъ въ Константинополь въ ноябрѣ 1828 г.

Положительныя стороны этого сочиненія составляютъ четвертая и пятая главы, вводящія въ науку много новаго матеріала, какъ печатнаго, такъ и рукописнаго, и вообще самая мысль сочиненія, заполняющаго ощутительный пробѣлъ въ русской исторической литературѣ.

На основаніи всего изложеннаго Академія постановила удостоить сочиненіе г. Теплова почетнаго отзыва.

VII. А. М. Павлиновъ — 1) „Исторія русской архитектуры“. Москва 1894 г., 2) „Древности Ярославскія и Ростовскія“, Москва 1892 г., и 3) „Древніе храмы въ Витебскѣ и Полоцкѣ и деревянныя церкви въ г. Витебскѣ“, 1894 г.

Оцѣнку этихъ трудовъ, по просьбѣ академіи, принявъ на себя преподаватель института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I Николай Владиміровичъ Султановъ.

Сдѣлавъ краткій обзоръ литературы, предшествовавшей появленію въ свѣтъ сочиненія г. Павлинова, рецензентъ дѣлитъ всю исторію нашего зодчества на два главныхъ отдѣла:

- 1) Византійское зодчество удѣльно-вѣчевой Россіи и
- 2) Русское зодчество Московской Руси.

Первый отдѣлъ распадается на три части: а) архитектура въ Кіевѣ; б) въ Новгородѣ и в) въ Суздаль.

Во второмъ отдѣлѣ различаются двѣ части: а) Московская архитектура и б) Русскій барокко.

Приблизительно тѣмъ же видоизмѣненіямъ слѣдуетъ и русская орнаментика, а слѣдовательно и все русское искусство (за исключеніемъ иконописи).

Г-нъ Павлиновъ отбрасываетъ старое общепринятое дѣленіе исторіи русскаго зодчества и взамѣнъ того даетъ свое. новое. Всю свою исторію русской архитектуры авторъ раздѣлилъ на пять слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Домонгольскій періодъ, 2) Монгольскій періодъ, 3) Періодъ процвѣтанія, 4) Деревянное зодчество и 5) О гражданскихъ сооруженіяхъ.

„На сколько логично подобное дѣленіе, говоритъ рецензентъ, не говоря уже о томъ, на сколько оно научно, видно изъ слѣдующихъ соображеній:

„Первыя два подраздѣленія сдѣланы на основаніи вѣшняго историческаго факта (вторженія монголовъ).

„Третье — на основаніи внутренняго развитія искусства (процвѣтанія).

„Четвертое—на основаніи свойства матеріала (дерево).

„И наконецъ пятое—на основаніи назначенія зданій (гражданскія постройки).

„И такъ въ пяти отдѣлахъ г. Павлинова мы видимъ четыре разныхъ основы для дѣленія: по времени, по внутреннему развитію, по матеріалу и назначенію. Ясно, что такого рода дѣленія не могутъ быть допускаемы въ научныхъ сочиненіяхъ“.

Не соглашаясь съ планомъ сочиненія и слѣдя подробно за изложеніемъ автора, рецензентъ приходитъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ:

1) Заглавіе сочиненія г. Павлинова не соотвѣтствуетъ ни его содержанію, ни размѣрамъ.

2) Дѣленіе на части не согласуется съ данными, представляемыми самими памятниками.

3) Распредѣленіе матеріала не равномерно: одни отдѣлы разсмотрѣны довольно подробно, другіе изложены слишкомъ кратко.

3) Фактическая сторона не всегда вѣрна и

4) Многіе вопросы, уже рѣшенные въ нашей археологической литературѣ, остались незатронутыми.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію сочиненія Павлинова „Древности Ярославскія и Ростовскія“, Н. В. Султановъ говоритъ, что хотя сочиненію автора и предшествовали труды Снегирева, архимандрита Амфилохія, В. В. Сулова, Прохорова, Борщевскаго и другихъ—тѣмъ не менѣе изслѣдованіе Павлинова является наиболѣе цѣннымъ.

Изъ ярославскихъ церквей г. Павлиновъ разсматриваетъ три: 1) Іоанна Предтечи въ Толчковѣ; 2) Іоанна Златоуста въ Коровникахъ и 3) Ильи Пророка на Площади. Изъ ростовскихъ церквей — 1) церковь Іоанна Богослова, поставленную между двухъ башенъ на стѣнѣ и 2) церковь Воскресенія. Въ отдѣлѣ деревяннаго зодчества

г. Павлиновъ разсматриваетъ тѣ произведенія рѣзнаго и столярнаго дѣла, которыя сохранились въ нѣкоторыхъ церквахъ Ярославской губерніи, то-есть царскія врата, надпрестольныя сѣны, царскія и патриаршія мѣста. По мнѣнію рецензента, авторъ справедливо отмѣчаетъ ихъ общій характеръ и слѣды западнаго вліянія. Вообще очеркъ г. Павлинова „Древности Ярославскія и Ростовскія“ представляетъ первую попытку архитектурно-археологическаго обслѣдованія ростовско-ярославской архитектуры. Рисунки хороши и въ значительной степени пополняютъ текстъ и, наконецъ, большинство выводовъ по характеристикѣ мѣстной архитектуры вѣрно.

Что касается до изслѣдованій г. Павлинова „Древніе храмы Витебска и Полоцка“ и „Деревянныя церкви г. Витебска“, то въ двухъ этихъ очеркахъ авторъ сообщаетъ много новыхъ данныхъ. Обѣ статьи являются одною изъ первыхъ попытокъ архитектурнаго обслѣдованія храмовъ древняго Полоцкаго княжества. Хотя разсматриваемые въ первой статьѣ памятники мало интересны по своей искаженности, тѣмъ не менѣе г. Павлиновъ даетъ новыя данныя въ смыслѣ историческаго матеріала, ибо указываетъ на распространеніе византійскаго церковнаго стиля на сѣверо-западѣ Россіи. Второй очеркъ устанавливаетъ существованіе также деревянныхъ церквей крестоваго плана.

На основаніи всего изложеннаго Академія постановила труды г. Павлинова увѣнчать почетнымъ отзывомъ.

По присужденіи премій комиссія, въ изъявленіе глубокой признательности, положила благодарить гг. рецензентовъ и назначить отъ имени Академіи золотыя Уваровскія медали: преподавателю Императорскаго Александровскаго лицея Венедикту Александровичу Мякотину, преподавателю С.-Петербургской 1-й прогимназіи Сергѣю Александровичу Адрианову, профессору Императорскаго Харьковскаго университета Дмитрію Ивановичу Багалѣю, секретарю Археологическаго института въ Константинополѣ Петру Дмитріевичу Погодину, преподавателю Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I Николаю Владиміровичу Султанову, хранителю рукописей Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ Семену Осиповичу Долгову и профессору С.-Петербургской духовной академіи Платону Николаевичу Жукovichу.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

СРЕДНІЯ И НИЗШІЯ ШКОЛЫ КІЕВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА ВЪ 1894 ГОДУ.

Всѣхъ классическихъ среднеучебныхъ заведеній въ Кіевскомъ округѣ было въ 1894 году, какъ и въ предыдущемъ, 23, въ томъ числѣ 17 гимназій, 2 прогимназіи шестиклассныя и 4 прогимназіи четырехклассныя. Общее число нормальныхъ классовъ было, слѣдовательно, 164. Параллельныхъ классовъ къ концу отчетнаго года было 43, то-есть, на два больше, нежели въ 1893 г. Между отдѣльными гимназіями число параллельныхъ классовъ распредѣлялось такъ: Кіевская 1-я, Кіевская 2-я и Житомирская гимназіи имѣли по 8 параллельныхъ классовъ, Кіевская 3-я—6, Каменецъ-Подольская—5, Немировская—4, Полтавская и Кіевская 4-я—по 2. Приготовительныхъ классовъ было 20. Безъ приготовительныхъ классовъ остаются по прежнему гимназіи Нѣжинская и Лубенская и прогимназія Острожская. Такимъ образомъ, общее число нормальныхъ, параллельныхъ и приготовительныхъ классовъ къ концу отчетнаго года было 227, на два больше противъ предыдущаго года. Такъ какъ всѣхъ учащихся къ 1-го января 1895 года было 7.506, то на каждый классъ среднимъ числомъ приходится свыше 33 учениковъ.

Въ фундаментальныхъ бібліотекахъ всѣхъ гимназій и прогимназій къ концу отчетнаго года состояло 86.835 названій книгъ и журналовъ въ 206.227 томахъ, въ томъ числѣ въ отчетномъ году было приобрѣтено 1.598 названій въ 4.591 томѣ, на что израсходовано 7.995 р. 59 к. (на 864 р. 6 к. меньше прошлагодняго). Богаче другихъ бібліотека Житомирской гимназіи, гдѣ числится 7.584 названія 17.493 томахъ; за нею слѣдуетъ Новгородсѣверская (6.451

названіе), затѣмъ Кіевская 3-ья, Полтавская, Бѣлоцерковская и Немировская (свыше 5.000 названій въ каждой). Бѣднѣе всѣхъ гимназія Кіево-Печерская (1.317 названій) и прогимназія Острожская (1.126 названій). Наибольшіе расходы на исполненіе фундаментальныхъ бібліотекъ произведены были въ 1894 г. Суражскою прогимназіей (702 р. 94 к.) и Немировскою гимназіей (696 р. 57 к.). Меньше другихъ израсходовала Златопольская гимназія, а именно 113 р.

Въ бібліотекахъ ученическихъ числилось 21.032 названія въ 44.276 томахъ, въ числѣ коихъ въ 1894 г. приобрѣтено 842 названія въ 1.810 томахъ, на что израсходовано 2.283 р. 98 к. (на 30 р. 84 к. меньше противъ предыдущаго года). Наибольше богатыми оказываются, по прежнему, Кіевская 2-я (5.007 томовъ), Житомирская (3.412 томовъ) и Прилукская (3.175 томовъ). Бѣднѣе прочихъ гимназіи: Кіевская 4-я (1.175 томовъ) и Бѣлоцерковская (1.213 т.), а изъ прогимназій—Суражская (596 т.). На пополненіе ученическихъ бібліотекъ наибольшіе расходы произведены были Уманскою прогимназіей, именно 283 р. 52 к., а затѣмъ Прилукскою гимназіей (277 р. 69 к.). Кіево-Печерская гимназія вовсе не пополняла своей ученической бібліотеки.

Въ физическихъ кабинетахъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій состояло къ концу 1894 года 5.184 прибора и инструмента, въ числѣ коихъ 112 приобрѣтены въ отчетномъ году, на что истрачено 1.700 р. 14 к. (на 713 р. 59 к. меньше прошлагодняго). Болѣе всего приобрѣтеній произведено было въ Уманской прогимназіи (59 предметовъ на 668 р. 10 к.), совсѣмъ не пополняли своихъ физическихъ кабинетовъ 9 гимназій: Кіевская 3-я и 4-я, Кіево Печерская, Житомирская, Прилукская, Черниговская, Нѣжинская, Новгородсѣверская, Глуховская.

13 гимназій имѣютъ кабинеты естественныхъ наукъ. Общее число предметовъ въ этихъ кабинетахъ осталось въ 1894 г. безъ измѣненія и выражается цифрою 13.076. Не имѣютъ такихъ кабинетовъ гимназіи: Кіево-Печерская, Немировская, Прилукская и Глуховская.

Учебныхъ пособій, то-есть, географическихъ картъ, глобусовъ, моделей, лексиконовъ и т. д., во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа числилось къ 1-го января 1895 г. 15.182, то-есть, на 279 больше прошлагодняго.

Бібліотеки учебниковъ для недостаточныхъ учениковъ существуютъ въ 7 гимназіяхъ: Кіевскихъ 1-й, 2-й и 3-й, Прилукской, Черниговской, Житомирской и Златопольской.

На содержаніе всѣхъ 23 гимназій и прогимназій поступило въ отчетномъ году 1.125.508 р. 28³/₄ к., на 33.616 р. 28¹/₂ к. меньше, чѣмъ въ 1893 г. Изъ суммъ государственнаго казначейства отпушено 518.312 р. 11 к. (46⁰/₁₀₀ общей суммы), сбора за ученіе поступило 310.312 р. 95³/₄ к. (27,5⁰/₁₀₀), сбора за содержаніе воспитанниковъ въ пансіонахъ 137.116 р. 95 к. (12,2⁰/₁₀₀), процентовъ съ пожертвованныхъ и иныхъ капиталовъ 41.897 р. 37 к. (3,7⁰/₁₀₀), изъ суммъ земствъ 28.853 р. 37 к. (2,6⁰/₁₀₀), различныхъ пожертвованій 54.310 р. 32 к. (4,9⁰/₁₀₀), изъ суммъ городскихъ обществъ и приказовъ общественнаго призрѣнія 23.970 р. 28 к. (2,1⁰/₁₀₀). На средства земствъ и городскихъ обществъ, съ пособіемъ отъ казны, содержатся гимназіи: Лубенская, Прилукская, Глуховская и прогимназіи: Черкасская, Стародубская, Суражская. На эти заведенія земства и общества отпускали 51.258 р. 65 к., а казна 64.521 р. 9 к., то-есть, расходы казны составляли около 55⁰/₁₀₀ общей суммы, а расходы земствъ и городскихъ обществъ — 45⁰/₁₀₀.

Наибольшія цифры назначенія изъ суммъ государственнаго казначейства приходятся на гимназію Нѣжинскую—37.025 р. 80 к. За нею слѣдуютъ: Кіевская 2-я — 34.237 р. 60 к., Кіевская 1-я — 31.874 р. 5 к., Черниговская—28.942 р. 30 к., Бѣлоцерковская—28.602 р. 80 к., Житомирская и Златопольская—свыше 28.000 р. На обѣ шестиклассныя прогимназіи вмѣстѣ идетъ 38.820 р., приблизительно поровну на каждую. Наименьшія затраты казна дѣлаетъ на гимназію Глуховскую (7.845 р.) и на прогимназію Черкасскую (4.369 р. 42 коп.).

Остатки содержанія составляли къ 1-го января 1895 г. сумму въ 579.257 р. 3¹/₄ к., то-есть, на 48.045 р. 9 к. болѣе противъ предыдущаго года. Болѣе трехъ пятыхъ этой суммы составляютъ капиталы, пожертвованные разными общественными учрежденіями и частными лицами, именно 349.602 р. 34¹/₂ коп. Наибольшія суммы въ этой рубрикѣ принадлежатъ Кіевской 2-й гимназіи (107.331 р. 8 к.); за нею слѣдуетъ: Златопольская гимназія (59.340 р.), Каменецъ-Подольская и Бѣлоцерковская (свыше 50.000 р.). Сбереженія гимназій по суммамъ сбора за право ученія составляли 174.340 р. 18¹/₄ к., на 32.004 р. 24 к. болѣе чѣмъ въ 1893 г. Неизрасходованныхъ суммъ изъ назначеній государственнаго казначейства оказалось 9.607 р. 21 к.

Общая сумма расхода по всѣмъ 23 гимназіямъ и прогимназіямъ въ 1894 г. составляла 1.043.104 р. 32 к., на 19.130 р. 56 к. болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году. Наибольшая сумма расходовъ падаетъ

на содержаніе личнаго состава—579.479 р. 69 к. (55,5% общей суммы расхода). Расходы на наемъ помѣщеній, на ремонтъ и содержаніе зданій составляли 12,7%, на содержаніе параллельныхъ классовъ — 7,5%, на стипендіи и пособія учащимся — 2,1%, на награды и пособія служащимъ—1,06%, на канцеляріи 2,04%, на служителей — 4,4%, санитарные расходы — 1,06%, на пополненіе библиотекъ и кабинетовъ—1,8%. Кромѣ того 10,4% общей суммы расхода пошло на разнаго рода единовременныя затраты, на суммы, перечисляемыя въ доходъ казны, министерства и учебнаго округа, и на расходы переходящихъ суммъ.

14 гимназій и 2 прогимназій имѣютъ свои церкви. Расходы по этой статьѣ составляли въ отчетномъ году 9.785 р. 84 к., на 2.024 р. 44 к. больше противъ 1893 г., благодаря, главнымъ образомъ, открытію домовою церкви при Острожской прогимназій, которая затратила на этотъ предметъ 1.675 р. 55 к. Менѣе другихъ стоила церковь Нѣжинской гимназій (95 руб.).

Средняя стоимость обученія одного воспитанника обошлась въ 114 р. 54 к., на 72 к. меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году. Въ отдѣльности на гимназій приходится 110 р. 17 к., а на прогимназій 150 р. 60 к. Изъ числа гимназій цифра средней стоимости обученія ниже другихъ въ Бѣлоцерковской гимназій (67 р. 30 к.); за нею слѣдуютъ: Кіевская 2-я (87 р. 85 к.), Житомирская (88 р.) и Кіевская 1-я (96 р. 61²/₃ к.). Во всѣхъ остальныхъ средняя стоимость выше 100 р., а наивысшая—въ Златопольской гимназій—187 р. 89 к. Изъ числа прогимназій эта цифра ниже другихъ въ Уманской (108 р. 14 к.) Житомирской (109 р. 44 к.); наоборотъ, въ Стародубской она доходитъ до 203 р. 28 к. (меньше противъ 1893 г. на 20 р. 7 к.) а въ Суражской до 322 р. 4 коп. (въ 1893 г.—349 р. 60 к.).

Плата за ученіе взималась въ отчетномъ году прежняя: въ Кіевскихъ 1-й и 2-й гимназійхъ по 60 р., въ Кіевской 3-й 56 р., въ Кіевской 4-й, Кіево-Печерской, Немировской, Каменецъ-Подольской, Полтавской, Черниговской и въ Уманской прогимназійхъ—по 50 р., въ Житомирской гимназійхъ—45 р., въ гимназійхъ: Бѣлоцерковской, Златопольской, Лубенской, Прилукской, Нѣжинской, Новгородсѣверской, Глуховской и въ прогимназійхъ: Острожской, Черкасской, Житомирской, Стародубской и Суражской—по 40 р. Сумма сбора за ученіе во всѣхъ гимназійхъ и прогимназійхъ составила 310.312 р. 95³/₄ к., на 2.066 р. больше противъ прошлаго года. Свыше 30.000 р. сбора имѣли гимназій Кіевская 2-я и Кіевская 1-я, на оборотъ, въ Глу-

ховскую гимназію поступило всего 4.065 р. 60 коп., а въ Суражскую прогимназію—1.500 р.

Важнѣйшія пожертвованія въ отчетномъ году были слѣдующія. 1) Почетные попечители: Кіевской 2-й гимназіи *Θ. А. Терещенко*, Кіевской 3-й *А. Н. Терещенко* и Кіево-Печерской *М. Θ. Мерингъ* пожертвовали по 1.000 р. на нужды сихъ заведеній. 2) Почетный попечитель Бѣлоцерковской гимназіи, графъ *Браницкій*, содержитъ на свои средства, какъ и въ прежніе годы, общую квартиру, въ которой бесплатно пользовались содержаніемъ 24 ученика. 3) Почетный попечитель Златопольской гимназіи и Черкасской прогимназіи, графъ *Бобринскій*, пожертвовалъ по 300 р. на нужды сихъ заведеній. 4) Почетный попечитель Житомирской прогимназіи, баронъ *де-Шодуаръ*, пожертвовалъ въ пользу означеннаго заведенія 300 руб. 5) Почетный попечитель Стародубской прогимназіи, *С. А. Ширай*, пожертвовалъ въ пользу учениковъ сего заведенія 500 р. и Стародубское уѣздное земское собраніе—200 р. 6) Полтавское городское управленіе внесло, какъ и въ прежніе годы, 500 р. въ плату за право ученія 10 учениковъ Полтавской гимназіи и Полтавское благотворительное общество—690 р. 7) Отъ Лубенскаго уѣзднаго земства поступило 200 р. въ пользу Лубенской гимназіи. 8) Купецъ *Л. Б. Гинсбургъ* произвелъ безвозмездно дополнительныя работы по окраскѣ зданія Кіевской 1-й гимназіи на сумму 1.750 р. 9) Купецъ *И. А. Рыбаковъ* произвелъ безвозмездно, на сумму 250 р. работы по устройству тротуаровъ изъ цементныхъ плитъ противъ трехъ подъѣздовъ Кіевской 1-й гимназіи. 10) Купецъ *Д. С. Марголинъ* пожертвовалъ на устройство электрическаго освѣщенія въ Кіевской 1-й гимназіи 250 р.

Общества вспомошествованія недостаточнымъ ученикамъ существуютъ почти при всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, но средства и расходы ихъ, по прежнему, весьма различны. Такъ общество, состоящее при Кіевской 2-й гимназіи, имѣло дохода въ отчетномъ году 2.982 р. 87 к. и израсходовало 1.865 р. 77 коп. Въ общество при Кіевской 1-й гимназіи поступило въ отчетномъ году 4.343 р. 32 к., а израсходовано имъ 1.585 р. Общество *Немировской* гимназіи имѣло къ началу 1895 г. основной капиталъ въ 6.818 р. 84 к., и въ теченіе отчетнаго года израсходовало 668 р. 38 к. Меньше всѣхъ израсходовало общество *Новгородской* гимназіи—160 р.

Изъ числа 17 гимназій Кіевского округа не имѣетъ собственнаго зданія только Кіевская 4-я гимназія, которая помѣщается въ наем-

номъ домѣ съ платою 5.300 р. въ годъ. Впрочемъ, въ настоящее время получено уже министерское разрѣшеніе на сооруженіе зданія на мѣстѣ, окончательно отведенномъ городомъ, заготовлены смѣты, чертежи, планы. Гимназія располагаетъ достаточною суммой для постройки зданія и, быть можетъ, удастся приступить къ работамъ еще въ 1895 г. Въ прочихъ гимназіяхъ были произведены различные ремонтъ и улучшения. Въ Кіевскихъ гимназіяхъ 1-й, 2-й и 3-й устроено электрическое освѣщеніе; кромѣ того въ Кіевской 1-й гимназіи произведенъ значительный ремонтъ по приведенію зданія въ надлежащій видъ съ внѣшней стороны: всѣ наружныя стѣны перетерты и перекрашены, исправлены ограды, обширный дворъ превращенъ въ садъ. Въ Бѣлоцерковской гимназіи всѣ зданія были капитально и даже роскошно отремонтированы, при чемъ особенное вниманіе обращено на гигиеническую сторону жилыхъ помѣщеній. Въ Житомирской гимназіи пристроено особое помѣщеніе для приготовительнаго класса, обошедшееся въ 4.438 р. Въ Каменецъ-Подольской гимназіи сдѣланы значительныя затраты на устройство аэрклизетовъ (2.175 р. изъ специальныхъ суммъ) и на обновленіе классныхъ скамеекъ по системѣ проф. Эрисмана (560 р. изъ специальныхъ суммъ). При Черниговской гимназіи открытъ пансіонъ, что потребовало значительнаго расхода на капитальную ремонтировку одного изъ домовъ означенной гимназіи.

Несмотря на произведенныя уже затраты, многія гимназіи все еще не располагаютъ вполне удобными помѣщеніями. Такъ, въ Черниговской гимназіи классы тѣсны и не приспособлены для занятій, при пансіонѣ нѣтъ ни больницы, ни бани. Въ Новгородѣверской гимназіи нѣтъ вентиляціи, мало простора и свѣта въ корридорахъ, полы ветхи, мѣстами сгнили балки. Отъ недостатка вентиляціи страдаетъ также Каменецъ-Подольская гимназія. Глуховская гимназія нуждается въ капитальномъ переустройствѣ печей, такъ какъ отопленіе нагрѣтымъ воздухомъ, практикующееся въ ней, оказывается неудовлетворительнымъ.

Прогимназіи также всѣ имѣютъ собственныя зданія. Острожская прогимназія до половины 1894 года временно помѣщалась въ зданіи учительской семинаріи, но затѣмъ это помѣщеніе перешло въ полную собственность прогимназіи, при которой теперь устроенъ пансіонъ, а 14-го декабря, въ присутствіи г. попечителя Кіевского округа, освящена была и церковь. Въ Уманской прогимназіи сдѣлана пристройка, предназначенная для бібліотеки, физическаго кабинета, гимнастическаго зала и для двухъ классовъ; средства были даны

Уманскимъ городскимъ управленіемъ. Въ виду переполненности Житомирской гимназіи, открытіе въ тамошней прогимназіи еще двухъ классовъ является настоятельною необходимостью. Это желательное преобразование давно было бы свершившимся фактомъ, если бы къ двумъ тысячамъ, жертвуемымъ городскимъ обществомъ на содержаніе V-го и VI-го классовъ, присоединено было необходимое пособие изъ государственнаго казначейства. Еще въ отчетѣ за 1893 г. было упомянуто объ обязательствѣ, принятомъ на себя городомъ Черкасами, возвести нѣкоторыя дополнительныя сооруженія къ зданію тамошней прогимназіи; въ отчетномъ году городъ, дѣйствительно, ассигновалъ 8.000 р., а окружной архитекторъ составилъ уже вѣдомость работамъ, нѣкоторые смѣты и чертежи; такимъ образомъ, дѣло полнаго устроенія Черкасской прогимназіи близится къ своему осуществленію.

Изъ болѣе или менѣе выдающихся событій въ жизни отдѣльныхъ гимназій и прогимназій слѣдуетъ указать на открытіе пансіоновъ въ Черниговской гимназіи и Острожской прогимназіи. Оба открытія произошли въ присутствіи г. попечителя округа. Что касается развлеченій, имѣющихъ воспитательныя цѣли и являющихся событіями въ жизни учебныхъ заведеній, то въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, съ разрѣшенія г. попечителя округа и по утвержденнымъ имъ программамъ, были устраиваемы музыкально-литературные вечера. Такіе вечера имѣли мѣсто въ гимназіяхъ: Черниговской, Новгородсѣверской, Кіевской 3-й, Житомирской и Глуховской. Въ Кіево-Печерской гимназіи было два вечера — одинъ литературный, другой музыкальный. Въ Кіевскихъ 1-й и 2-й были музыкальные вечера. Благодаря любезности пароходнаго общества, Кіевской 1-й гимназіи удалось устроить майскую прогулку на пароходѣ. Военныя прогулки устраивались въ Черниговской гимназіи и Стародубской прогимназіи.

Въ теченіе отчетнаго года г. попечителемъ округа были посѣщены и обревизованы, со стороны учебной и хозяйственной части, кромѣ Кіевскихъ, еще слѣдующія гимназіи: Глуховская, Житомирская 2 раза, Немировская, Новгородсѣверская, Черниговская, и прогимназіи: Черкасская, Острожская и Житомирская.

Къ 1 января 1895 года число лицъ, состоявшихъ на службѣ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа, было 546, въ томъ числѣ: почетныхъ попечителей 15, директоровъ 19, инспекторовъ 20, законоучителей 45, учителей наукъ и языковъ 266, учителей чистописанія и рисованія 23, помощниковъ классныхъ наставниковъ 51,

воспитателей и надзирателей 17, другихъ должностныхъ лицъ (врачей, письмоводителей и пр.) 90. Такъ какъ къ началу отчетнаго года число лицъ, состоявшихъ на службѣ, было 553, то въ теченіе года оно уменьшилось на 7. Перемѣщеній служащихъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое было 11, новыхъ назначеній—10. Перемѣщены одинъ на мѣсто другаго, по распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія, директора Златопольской гимназіи и Острогской прогимназіи (Харьковскаго учебнаго округа). Уволенъ, за выслугою срока, инспекторъ Новгородсѣверской гимназіи, и на его мѣсто назначенъ наставникъ Дедеркальской учительской семинаріи. Остальныя 10 перемѣщеній и 9 новыхъ назначеній распределяются между преподавателями. Вновь назначены: 2 законоучителя, 2 учителя древнихъ языковъ, 1 учитель русскаго языка и словесности, 2 учителя исторіи и географіи и 2 учителя искусствъ.

Изъ общаго числа 19 директоровъ 10 преподавали древніе языки, а 1 директоръ во второмъ полугодіи соединялъ преподаваніе древнихъ языковъ съ другими предметами. Русскій языкъ преподавали 2 директора въ первомъ полугодіи и 3 во второмъ, исторію и географію—4 директора въ оба полугодія, математику и физику—2 директора. Изъ четырехъ инспекторовъ четырехклассныхъ прогимназій 3 преподавали древніе языки, 1—исторію съ географіей. Преподавателей, соединявшихъ преподаваніе различныхъ предметовъ, было въ первомъ полугодіи 124 и во второмъ 131, въ томъ числѣ, соединявшихъ преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ было 55 въ первое полугодіе и 62 во второе, преподававшихъ латинскій и русскій языки въ первомъ полугодіи было 14, во второмъ—11, греческій и русскій языки—3 въ первомъ полугодіи и 4 во второмъ, древніе языки и одинъ изъ новыхъ—4 въ первомъ полугодіи и 2 во второмъ, исторію и географію соединяли въ первомъ полугодіи 24 преподавателя, а во второмъ—23, математику и физику въ первомъ—21, во второмъ—22; наконецъ, 1 преподаватель занималъ въ оба полугодія уроки по русскому языку и исторіи.

Классными наставниками состояли всѣ 19 директоровъ и 20 инспекторовъ въ теченіе обоихъ полугодій. Изъ числа заслуженныхъ преподавателей несли эти обязанности 8 учителей въ первомъ полугодіи и 7 во второмъ. Изъ прочихъ преподавателей въ первомъ полугодіи было 156 классныхъ наставниковъ, а во второмъ—157. Изъ этого числа на преподавателей классическихъ языковъ падало 70 классныхъ наставниковъ въ первомъ полугодіи и 69 во второмъ. Изъ

преподавателей, соединявшихъ классическіе языки съ другими предметами, классными наставниками состояли 14 въ первомъ полугодіи и 15 во второмъ. На преподавателей русскаго языка классныхъ наставничествъ приходилось по 34 въ оба полугодія. Учителя математики и физики были классными наставниками въ числѣ 24 въ первомъ полугодіи и 26 во второмъ; изъ преподавателей исторіи и географіи были классными наставниками по 17 въ оба полугодія. Наконецъ, обязанности класснаго наставника исполнялъ 1 преподаватель новыхъ языковъ.

Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ выражается въ отчетномъ году цифрою 8.081, то-есть на 1.116 уроковъ меньше противъ 1893 г. и на 1.887 меньше противъ 1892 г. По болѣзни пропущено 5.225 уроковъ и по уважительнымъ причинамъ—2.856. Наибольшее число уроковъ пропущено было, какъ и въ предыдущемъ году, въ Немировской гимназіи (1.025); за нею слѣдуетъ Златопольская (631). Наименьшее число пропущенныхъ уроковъ было въ Новгородсѣверской гимназіи (209). Изъ прогимназій больше всего пропущено уроковъ въ Острожской (225), меньше всего — въ Черкасской (147). Наибольше пропущено уроковъ по древнимъ языкамъ, а именно 2.546. Въ частности, изъ гимназій высшая цифра падаетъ на Немировскую (347, а въ 1893 г.—834), низшая—на Нѣжинскую (5). Изъ прогимназій—въ Суражской не было пропущено ни одного урока по древнимъ языкамъ, а въ Черкасской всего 8. По Закону Божію пропущено 1.287 уроковъ; наиболѣе—въ гимназіи Златопольской (202), наименѣе — въ Житомирской (5), Лубенской (8) и Прилукской (9). Изъ прогимназій больше всего пропущено въ Уманской (113), меньше всего—въ Стародубской (6). Въ гимназіи Новгородсѣверской, какъ и въ предыдущіе два года, не было пропущено ни одного урока по Закону Божію. По русскому языку пропущено было 808 уроковъ; наибольше въ Каменецъ-Подольской гимназіи (117), наименьше—въ Кіево-Печерской (6). Ни одного урока по русскому языку не было пропущено въ Острожской прогимназіи. По математикѣ и физикѣ пропущено было 1.071 урокъ; наибольшее число уроковъ по этимъ предметамъ пропущено въ Каменецъ-Подольской гимназіи (162), потомъ въ Немировской (125); наоборотъ, въ Кіевской 1-й гимназіи и Житомирской прогимназіи пропущено всего по 2 урока. По исторіи и географіи пропущено было 895 уроковъ. Наибольшее число, какъ и въ прошломъ году, падаетъ на Немировскую гимназію (232), наименьшее—на Черпиговскую (3). Ни одного урока не пропущено въ гимназіяхъ

Бѣлоцерковской и Кіево-Печерской, и прогимназіи Уманской. По новымъ языкамъ пропущено 1.321 урокъ; болѣе другихъ—въ Лубенской гимназіи (253), менѣе всего—въ Житомирской гимназіи (28) и Уманской прогимназіи (12). Въ большинствѣ гимназій и прогимназій принимаются мѣры къ замѣщенію пропущенныхъ уроковъ тѣмъ или инымъ способомъ. Наиболѣе распространенный способъ — назначеніе письменныхъ работъ, которыя исполняются подъ надзоромъ помощника классныхъ наставниковъ. Но многіе директора считаютъ, совершенно справедливо, этотъ способъ недостаточнымъ и принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы пропущенный урокъ былъ замѣненъ также урокомъ. Такъ, въ Глуховской гимназіи изъ общаго числа 319 пропущенныхъ уроковъ 142 были замѣнены директоромъ, инспекторомъ и нѣкоторыми преподавателями и только 129 письменными работами. Въ Стародубской прогимназіи всѣ 174 пропущенныхъ урока были замѣнены инспекторомъ и преподавателями. Наоборотъ, въ Прилукской гимназіи изъ 308 уроковъ только 6 были заняты инспекторомъ и преподавателями и всего 15—письменными работами.

Педагогическіе совѣты всѣхъ гимназій и прогимназій имѣли въ отчетномъ году 2.324 засѣданія, въ томъ числѣ было 667 засѣданій въ полномъ составѣ, 117 засѣданій предметныхъ комиссій, 544 классныхъ комиссій и 996 засѣданій хозяйственнаго комитета. Среднимъ числомъ на каждое учебное заведеніе приходится первыхъ 29, вторыхъ около 5, третьихъ около 23, четвертыхъ около 43. Наибольшее число всѣхъ засѣданій имѣла, какъ и въ прошломъ году, Житомирская гимназія (231), наименьшее—Немировская (55). Предметомъ общихъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ были текущіе вопросы по административной, учебной и воспитательной части, а также испытанія на разныя учительскія должности, на первый классный чинъ и на званіе вольноопредѣляющихся втораго разряда.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о дѣятельности педагогическаго персонала надлежитъ упомянуть о существованіи трехъ метеорологическихъ станцій, состоящихъ при гимназіяхъ Златопольской, Лубенской и Нѣжинской. Станціями завѣдуютъ и производятъ въ нихъ наблюденія преподаватели математики въ этихъ гимназіяхъ, въ производствѣ же наблюденій имъ оказываютъ дѣятельную помощь учащіеся.

Всѣхъ, подавшихъ прошеніе о допущеніи къ экзамену по приѣмѣ въ различныя классы во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Кіевского округа, было въ отчетномъ году 2.428 человекъ, то-есть, на 220

больше, чѣмъ въ 1893 г. Не явилось на испытаніе 131 человекъ. не выдержало испытаній 373, не приняты за комплектъ или недостаткомъ помѣщенія 281. Число выдержавшихъ испытаніе и принятыхъ въ соотвѣтственные классы было 1.245; безъ экзамена, на основаніи § 27 устава гимназій, принято было 405, что составляетъ вмѣстѣ 1.650, или около 68% общаго числа подавшихъ прошенія (въ 1893 г. было 72%, въ 1892 г.—73,4%, въ 1891 г.—74,8%). Наибольшее число прошеній подано было, какъ и въ прошломъ году, въ Кіевскую 1-ю гимназію (309); за нею слѣдуетъ Житомирская гимназія (216 прошеній). Наименьшее число прошеній приходится на гимназію Новгородсѣверскую (42) и на прогимназію Суражскую (26). Наибольшее число непринятыхъ за комплектъ было въ гимназіяхъ Кіевской 1-й (76) и Кіево-Печерской (47).

Общее число учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ къ 1-му января 1895 года было 7.506 (на 100 больше противъ 1893 г.; въ 1892 г. было 7.352, въ 1891 г.—7.210, въ 1890 г.—7.172). Изъ этого числа въ гимназіяхъ состояло 6.694 ученика, въ прогимназіяхъ 812, что составляетъ среднимъ числомъ 390—391 учениковъ на гимназію и 135—136 на прогимназію. Въ частности, между отдѣльными заведеніями количество учениковъ распредѣлялось приблизительно также, какъ и въ 1893 г., а именно: А. Гимназіи: 1) Кіевская 1-я—780 учениковъ, 2) Житомирская—752, 3) Кіевская 2-я—738, 4) Кіевская 3-я—470, 5) Каменецъ-Подольская—461, 6) Немировская—412, 7) Полтавская—380, 8) Бѣлоцерковская—363, 9) Кіево-Печерская—359, 10) Кіевская 4-я—358, 11) Черниговская—348. 12) Нѣжинская—259, 13) Златопольская—231, 14) Новгородсѣверская—204, 15) Глуховская—200, 16) Прилукская—199, 17) Лубенская—180; Б. Прогимназіи: 1) Уманская—227, 2) Житомирская—202, 3) Острожская—172, 4) Стародубская—91, 5) Черкасская—74, 6) Суражская—46.

По вѣроисповѣданіямъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: православныхъ 4.951 (66% общаго числа учащихся), римско-католиковъ 1.679 (22,5%), іудейскаго вѣроисповѣданія 698 (9,5%), лютеранъ 146 (1,4%), магометанъ 5, прочихъ исповѣданій 27. Число учащихся римско-католическаго вѣроисповѣданія распредѣляется, въ связи съ этнографическимъ составомъ населенія юго-западнаго края, крайне неравномѣрно между учебными заведеніями праваго и лѣваго берега Днѣпра. На гимназіи и прогимназіи Полтавской и Черниговской губерніи приходится изъ общей цифры 1.679 учащихся римско-католи-

ческаго вѣроисповѣданія только 71 ученикъ; остальные распредѣляются между гимназіями и прогимназіями правобережныхъ губерній. Какъ и въ прошломъ году число римско-католиковъ превосходитъ число православныхъ только въ двухъ гимназіяхъ: Бѣлоцерковской (217 католиковъ и 107 православныхъ) и Немировской (183 католика и 168 православныхъ). Близко къ равенству отношеніе въ Житомирской гимназіи, гдѣ 328 православныхъ учениковъ и 317 католиковъ. Наибольшая цифра учащихся іудейскаго исповѣданія приходится, какъ и въ прошломъ году, на Житомирскую гимназію, а именно 88 человекъ, что составляетъ 11,7% общаго числа учениковъ. Судя же по процентному отношенію, первое мѣсто принадлежитъ Немировской гимназіи (13%); затѣмъ идутъ гимназіи: Житомирская, Киево-Печерская, Златопольская и Прилукская (около 12%), гимназія Полтавская и прогимназіи: Уманская, Острожская, Стародубская, Суражская (около 11%). Менѣе всего іудеевъ въ гимназіяхъ: Киевской 1-й, Лубенской и Черниговской (около 6%).

По сословіямъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 4.402 (58,6%), почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-ой гильдіи 367 (4,9%), дѣтей духовнаго званія 382 (5,09%), мѣщанъ, купцовъ и ремесленниковъ 1,776 (23,6%), крестьянъ 336 (4,4%), казачьяго сословія 60 (0,8%), иностранцевъ 183 (2,4%). Наибольшій процентъ дѣтей мѣщанъ, купцовъ 2-ой гильдіи и ремесленниковъ приходится на Черкасскую прогимназію (44%) и Киевскую 3-ью гимназію (41%), наименьшій — на Лубенскую гимназію (10%). Наибольшее число дѣтей крестьянскаго сословія обучалось, въ отчетномъ году, въ Киевской 3-й гимназіи, именно 33, что составляетъ 7% общаго числа учащихся въ этой гимназіи. Наибольшее число иностранцевъ обучается, по прежнему, въ Киевской 1-й гимназіи (31); за нею слѣдуютъ: Киевская 2-я (26) и Бѣлоцерковская (21).

Распредѣленіе учащихся по отдѣльнымъ классамъ къ концу отчетнаго года было таково: въ приготовительномъ классѣ—687 учениковъ или 9,1%, въ I классѣ—1.167 (15,5%), во II—1.106 (14,7%), въ III—1.069 (14,2%), въ IV—944 (12,5%), въ V—836 (11,1%), въ VI—669 (8,9%), въ VII—552 (7,3%), въ VIII—476 (6,3%).

Выбыло изъ гимназій и прогимназій за окончаніемъ курса 561 ученикъ, что составляетъ около 7,6% общаго числа учащихся ко времени выпускныхъ экзаменовъ (7.330). Изъ гимназій выбыло 490 учениковъ, или 7,4% общаго числа учащихся въ гимназіяхъ (6.547),

изъ прогимназій выбыло по окончаніи курса 71, то-есть 9,3% общаго числа учащихся въ прогимназіяхъ (783).

Число учениковъ, выбывшихъ въ теченіе отчетнаго года до окончанія курса, было 1.015 то-есть 13,5% общаго числа учащихся къ 1 января 1895 года. Число выбывшихъ до окончанія курса въ отношеніи къ общему числу учениковъ соотвѣтственныхъ классовъ выражается въ слѣдующихъ процентахъ: для приготовительнаго класса—13,8%, для I класса—14,05%, для II—14,3%, для III—12,1, для IV—12,3, для V—18,2, для VI—16,9, для VII—9,4, для VIII—6,8%. Наименьшій % выбывшихъ до окончанія курса, какъ абсолютно, такъ и относительно, былъ въ VIII классѣ, — явленіе естественное, а потому обычное и повторяющееся ежегодно. Наибольшій процентъ выбывшихъ приходится, какъ то случилось и въ два предыдущіе года (въ 1893 г. — 18,4%, въ 1892 г. — 15,9%), на V классъ. Въ прежніе же годы процентъ этотъ приходился обыкновенно на IV классъ. Это явленіе объясняется перемѣною въ программахъ преподаванія и измѣненіями въ организациі экзаменовъ. Болѣе половины числа выбывшихъ до окончанія курса предполагали поступить въ другія учебныя заведенія; такихъ именно было 527, то-есть 51,8% всѣхъ выбывшихъ; для поступленія на службу выбыло 92 ученика (9,06%), по различнымъ причинамъ выбыло 361 ученикъ (35,5%). Умерло въ теченіе года 35 учениковъ, что составляетъ 3,4% общаго числа выбывшихъ; наиболѣе умерло въ Житомирской гимназіи, именно 6 человекъ.

Число учениковъ во всѣхъ 23 гимназіяхъ и прогимназіяхъ къ концу перваго полугодія 1894 года, то-есть передъ началомъ переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ истекшаго года было 7.330. Переводныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ имѣли 5.151 ученикъ, то-есть 70,2%. Всѣхъ переведенныхъ въ соотвѣтствующіе классы и удостоенныхъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса и аттестатовъ зрѣлости было 5.678, то-есть 77,4%. Соотвѣтствующія цифры предыдущахъ лѣтъ¹ были: въ 1893 г.—70,6% и 78,8%, въ 1892 г.—69,07% и 77,4%, въ 1891 г.—72,38% и 78,07%, въ 1890 г.—70% и 75,6%. Особо въ гимназіяхъ процентъ имѣвшихъ переводныя отмѣтки былъ 71,05%, а процентъ переведенныхъ—78,5%; въ прогимназіяхъ первыхъ было 63,6%, а вторыхъ—74,8%. Слѣдовательно въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущихъ успѣшность въ гимназіяхъ была, въ общемъ, больше, чѣмъ въ прогимназіяхъ.

Процентное число учениковъ, имѣвшихъ переводныя отмѣтки по

всѣмъ предметамъ, а также удостоенныхъ перевода въ соответствующіе классы, по отдѣльнымъ заведеніямъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ ¹⁾: А. Гимназіи: 1) Кіевская 1-я 83,4% и 85%, 2) Черниговская—80,9% и 83,2%, 3) Кіевская 2-я—75,2% и 82,6%, 4) Житомирская—75,3% и 82,3%, 5) Полтавская—70,2% и 80,7%, 6) Златопольская—70,2% и 80%, 7) Новгородсѣверская—74,7% и 79,9%, 8) Каменецъ-Подольская—72,1% и 78, 8%, 9) Глуховская—70,3% и 78,1%, 10) Кіевская 4-я—72,9% и 77,7%, 11) Бѣлоцерковская—64,5% и 77,2%, 12) Прилукская—59,8% и 76,4%, 13) Лубенская—69,1% и 73,8%, 14) Нѣжинская—67,1% и 71,4%, 15) Кіевская 3-я—66,5% и 71,3%, 16) Кіево-Печерская—60,9% и 71,1%, 17) Немировская—48,8% и 61,5%; Б. Прогимназіи: 1) Стародубская—68,9% и 81,9%, 2) Уманская—76,9% и 81,2%, 3) Житомирская—51,2% и 77,1%, 4) Черкасская—65,8% и 69,4%, 5) Острожская—62,9% и 68,8%, 6) Суражская—45% и 55%. Таковы данныя относительно успѣшности учащихся. Если судить по нимъ, процентъ успѣшности, какъ и въ прошлые годы, вполне удовлетворителенъ, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ даже высокъ. Цифра наименьшей успѣшности оказывается въ учебномъ заведеніи съ наименьшимъ числомъ учениковъ (Суражская прогимназія), гдѣ уже въ силу одного этого обстоятельства можно было бы ожидать значительно лучшихъ результатовъ. Инспекторъ этой прогимназіи объясняетъ показанную малоуспѣшность отсутствіемъ интеллигентности въ семьяхъ и полнѣйшею безучастностью родителей къ дѣлу образованія ихъ дѣтей. Въ отчетномъ году, какъ и въ предшествовавшіе, процентъ переведенныхъ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ былъ выше, нежели процентъ учениковъ, имѣвшихъ переводныя отмѣтки передъ наступленіемъ экзаменовъ. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ разница эта слишкомъ бросается въ глаза. Такъ, въ прогимназіи Житомирской она достигаетъ 26%, въ Прилукской гимназіи—17%, въ Бѣлоцерковской и Немировской—по 13%. Подобное колебаніе даетъ основаніе предполагать излишнюю снисходительность на экзаменахъ; между тѣмъ такая снисходительность можетъ вредно вліять на прилежаніе учащихся въ теченіе учебнаго года.

Процентъ успѣшности учениковъ по отдѣльнымъ классамъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ, показывающихъ процентное отно-

¹⁾ Первая цифра показываетъ процентъ имѣвшихъ переводныя баллы, а вторая—процентъ переведенныхъ.

шеніе переведенныхъ къ общему числу учащихся въ классѣ. Въ приготовительныхъ классахъ переведено 86,3%, въ I-хъ классахъ—77,9%, во II—81,8%, въ III—73,6%, въ IV—73,06%, въ V—70,6%, въ VI—74,6%, въ VII—86,8%, въ VIII—90,7%. Наибольшій процентъ успѣшности представляетъ, по обыкновенію, VIII классъ, а за нимъ слѣдуютъ VII и приготовительный. Наименьшій процентъ, который въ прежніе годы держался обыкновенно на IV классѣ, въ послѣдніе три года оказывается въ V классѣ.

Успѣшность изученія главныхъ предметовъ въ первое полугодіе отчетнаго года можетъ быть представлена въ слѣдующей табличкѣ:

	Русскій языкъ.	Латинскій языкъ.	Греческій языкъ.	Математика.
Имѣли переводные баллы въ концѣ 1893—1894 уч. года.	84,9%	80,5%	80,8%	82,3%
Получили переводные баллы на экзаменахъ	83,9%	80,1%	78,6%	82,3%

Надо замѣтить, что по математикѣ процентъ успѣшности въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ представляетъ незначительныя колебанія, но по остальнымъ главнымъ предметамъ онъ безусловно уступаетъ четыремъ предыдущимъ годамъ.

Во второй половинѣ отчетнаго года число учениковъ, имѣвшихъ удовлетворительныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ было 4.593, то есть 61,1% наличнаго состава учащихся къ 1 января 1895 года (7.506). Въ гимназіяхъ, въ частности, этотъ процентъ равнялся 61,9%, и въ прогимназіяхъ — 55,5%. Соотвѣтственныя цифры прошлаго года была: 64,1% и 63,6%. Въ отдѣльныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ процентъ успѣшности за вторую половину 1894 года выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: А. Гимнази: 1) Кіевская 1-я—79,6%, 2) Кіевская 4-я—75,5%, 3) Житомирская—75,2%, 4) Бѣлоцерковская—69,4%, 5) Нѣжинская—68,6%, 6) Новгородсѣверская—62,2%, 7) Каменецъ-Подольская—61,8%, 8) Кіевская 2-я—61,3%. 9) Глуховская—59,5%, 10) Полтавская—59,2%, 11) Прилукская—56,2%, 12) Черниговская—54,8%, 13) Лубенская—50%, 14) Кіевская 3-я—47,2%, 15) Кіево-Печерская—45,4%, 16) Немировская—42,2%, 17) Златопольская—41,9%; Б. Прогимнази: 1) Суражская—76,08%, 2) Стародубская—65,8%, 3) Уманская—62,5%, 4) Черкасская—59,4%, 5) Острожская—52,9%, 6) Житомирская—39,6%. Сравнительно съ 1893 г. успѣшность понизилась въ 13 учебныхъ

заведеніяхъ, болѣе всего въ Полтавской гимназіи (на 21%) и въ Кіевской 3-й (на 16%), а изъ прогимназій—въ Житомирской (на 21%) и въ Черкасской (на 17%). Наибольшее повышение оказалось въ Суражской прогимназіи (на 22%) и въ Нѣжинской гимназіи (на 9%). Число учениковъ, получившихъ къ концу отчетнаго года удовлетворительныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ, распредѣляется по отдѣльнымъ классамъ слѣдующимъ образомъ: въ приготовительномъ классѣ—80,7%, въ I—61,9%, во II—55,09%, въ III—52,9%, въ IV—49,6%, въ V—59,09%, въ VI—57,2%, въ VII—69,5%, въ VIII—85,9%. Число учениковъ, имѣвшихъ удовлетворительныя отмѣтки по главнымъ предметамъ къ концу второго полугодія отчетнаго года, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: по Закону Божию 92,5%, по русскому языку—83,2%, по латинскому языку—77,3%, по греческому языку—82,07%, по математикѣ—79,6%. Вообще надо замѣтить, что къ концу отчетнаго года успѣшность была ниже, чѣмъ въ прошломъ году. Нѣкоторое повышение замѣчается только по греческому языку.

Экзамены на аттестатъ зрѣлости начались въ отчетномъ году 2-го мая и закончились къ 12 іюня. Всѣхъ учениковъ VIII класса состояло во всѣхъ 17 гимназіяхъ Кіевского округа къ началу испытаній 529 человекъ. Изъ этого числа 3 не были допущены къ экзамену по малоуспѣшности, 1 на основаніи пункта К § 63 правилъ объ испытаніи и 2 не держали экзамена по болѣзни. Такимъ образомъ испытанію подвергались 523 ученика гимназій. Постороннихъ лицъ было допущено къ испытаніямъ зрѣлости 36, изъ числа коихъ явилось на испытаніе 35. Выдержали экзамены 490 гимназистовъ и 13 постороннихъ лицъ, не выдержали—33 гимназиста и 22 постороннихъ лица. Общее число учениковъ, удостоенныхъ аттестата зрѣлости (490) составляетъ 92,6% общаго числа учениковъ VIII класса къ началу экзаменовъ и 6,8% общаго числа учениковъ всѣхъ гимназій и прогимназій къ тому же сроку. Въ прошломъ году соответственныя цифры были выше: 95% и 7,2%. Признанные зрѣлыми распредѣляются по возрастамъ слѣдующимъ образомъ: 17 лѣтъ—23 или 4,8%, 18 лѣтъ—107 или 21,8%, 19 лѣтъ—140 или 28,5%, 20 лѣтъ—107 или 21,8%, 21 года и болѣе—113 или 23,1%. Изъ постороннихъ лицъ 2 было въ возрастѣ 19 лѣтъ, 3 въ возрастѣ 20 лѣтъ, а 8 въ возрастѣ 21 и болѣе лѣтъ. Изъ числа учениковъ, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, 51 были награждены медалями (11,4% всѣхъ кончившихъ курсъ), изъ нихъ 26 золотыми и 25 сере-

бряными. Къ поступленію въ университетъ предназначали себя 89,8%, а именно: 22 человекъ на историко-филологическій факультетъ, 114 на физико-математическій, 165 на юридическій, 145 на медицинскій и 9 на факультетъ восточныхъ языковъ. Въ спеціальныя училища выразили желаніе поступить 57 человекъ (10,8%), 2 человекъ поступили на военную службу, 1 на гражданскую и 2 занялись сельскимъ хозяйствомъ.

Число учениковъ, обучавшихся обомъ новымъ языкамъ было въ 1894 году 1.543, что составляетъ 27,4% общаго числа тѣхъ классовъ, въ которыхъ эти языки преподаются. Одному нѣмецкому языку обучалось 2.144 человекъ, то-есть 38,2%, одному французскому языку—1.962, то-есть 34,4%. Изъ сопоставленія съ цифрами предыдущихъ годовъ оказывается, что процентъ обучающихся одному нѣмецкому языку изъ году въ годъ понижается.

Число обучающихся рисованію было къ концу 1894 г.—4.152 ученика, то-есть 55,3% общаго числа учащихся (въ 1893 г. рисованію обучалось 3.869 учен.). Въ тѣхъ классахъ, гдѣ рисованіе не есть обязательный предметъ, ему обучалось только 111 человекъ (въ 1893 г.—80). Въ гимназіяхъ: Кіевской 1-й, Бѣлоцерковской, Златопольской, Каменецъ-Подольской, Полтавской, Лубенской, Черниговской, Новгородсѣверской и во всѣхъ прогимназіяхъ, кромѣ Уманской, рисованію обучались только ученики тѣхъ классовъ, гдѣ оно обязательно.

Пѣнію обучалось къ концу отчетнаго года 2.736 человекъ (въ 1893 г.—2.986), то-есть 36,1% всѣхъ учениковъ. Въ большинствѣ гимназій и прогимназій пѣніе введено какъ обязательный предметъ въ курсъ пригготовительнаго, перваго и частію втораго классовъ. Нѣтъ этого въ гимназіяхъ: Кіевской 1-й и 4-й, Каменецъ-Подольской, Прилукской и Черниговской. Въ гимназіи Глуховской пѣнію обучались всѣ ученики, въ Лубенской—почти всѣ, въ Житомирской—всѣ ученики православнаго вѣроисповѣданія. Наименшій процентъ обучающихся пѣнію имѣетъ гимназія Каменецъ-Подольская—8,6%. Во всѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ имѣются свои церкви, существуютъ гимназическіе хоры пѣвчихъ. Обученіе музыкѣ для желающихъ было въ 1894 году, какъ и въ предыдущемъ, предметомъ серьезныхъ заботъ со стороны начальниковъ многихъ учебныхъ заведеній. Ученическіе оркестры существовали въ гимназіяхъ: Кіевской 2-й и 1-й, Кіево-Печерской, Златопольской, Житомирской, Каменецъ-Подольской, Лубенской, Прилукской, Черниговской, Новгородсѣверской и Глухов-

ской, а также въ прогимназіяхъ: Острожской, Житомирской и Стародубской, а всего въ 14 заведеніяхъ изъ 23. Лучше всего организованы оркестры въ гимназіяхъ: Кіевской 1-й и Кіевской 2-й.

Гимнастикѣ обучалось 7.027 учениковъ (свыше 93%), Отъ занятій гимнастикой освобождались лишь тѣ ученики, для здоровья коихъ она, по заключенію врача, могла бы оказаться вредною.

Въ отчетномъ году число всѣхъ уволенныхъ за безуспѣшность было 144, то-есть 1,9% общаго количества учащихся. По отдѣльнымъ классамъ число ихъ распредѣляется такъ: на V классъ приходится 21,5%, на VI—19,4%, на III—15,9%, на I, II и VII по 10,4%, на VI—6,9%, на VIII—3,5%, на приготовительный—1,3%. Наибольшее число уволенныхъ приходится въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущемъ, на Кіевскую 3-ю гимназію (28 учениковъ). За нею слѣдуютъ: Прилукская—15, Бѣлоцерковская и Немировская—по 14, Нѣжинская—10; изъ прогимназій болѣе другихъ уволено въ Уманьской—7. Наоборотъ, въ Стародубской и Суражской прогимназіяхъ не было уволено ни одного ученика, а въ гимназіяхъ Полтавской и Глуховской и въ прогимназіи Черкасской—по 1. На основаніи § 34 устава уволено было 122 человекъ, то-есть 1,6% общаго числа учениковъ передъ испытаніями. Изъ нихъ не оказали успѣховъ: по латинскому языку 81, по математикѣ 77, по русскому языку 64, по греческому языку 52, по исторіи и географіи 46, по Закону Божию 4. Не успѣвали по 3 главнымъ предметамъ 44 ученика. Наибольшее число уволенныхъ этой категоріи было, по прежнему, въ Кіевской 3-й гимназіи (12); за нею слѣдуетъ Немировская (5).

Поведеніе учащихся было въ отчетномъ году вполнѣ удовлетворительно: балль 2 былъ поставленъ только одному ученику Новгородсѣверской гимназіи за второе полугодіе, балль 3 имѣли 54 ученика въ первомъ полугодіи и 83 во второмъ. Балль 4 имѣли 7,5% общаго числа учащихся въ первомъ полугодіи и 8,5% во второмъ. Поведеніе остальныхъ (свыше 90%) было аттестовано балломъ 5. Всѣхъ взысканій въ теченіе отчетнаго года было 15.165, на 1.814 больше прошлагодняго. На учениковъ младшихъ классовъ приходится болѣе трехъ четвертей общаго числа взысканій (11.644). Случаевъ удаленія ученика изъ гимназіи съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія было 11, безъ права поступленія въ другія заведенія уволено 3 ученика. Наибольшее число взысканій въ процентномъ отношеніи къ числу воспитанниковъ даннаго заведенія было въ отчетномъ году, какъ и въ три предшествовавшіе, въ Прилукской

гимназіи (5—6 наказаній на ученика), а изъ прогимназій—въ Суражской (3—4 наказанія). Меньше другихъ наказывали учениковъ въ Нѣжинской гимназіи и Кіевской 1-й (по 0,18 наказаній). Случаевъ дерзкаго нарушенія дисциплины и проявленія порочныхъ наклонностей и испорченной нравственности было всего 4.

Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ выдерживалась система предоставленія опредѣленнымъ лицамъ вести свои классы, въ качествѣ классныхъ наставниковъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Цѣлесообразность подобной системы не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, потому что въ этомъ случаѣ достигается болѣе тѣсная связь между учителемъ и учениками, содѣйствующая успѣхамъ обученія и воспитанія. Важную роль въ этомъ отношеніи играетъ и степень интереса родителей къ воспитанію ихъ дѣтей; къ сожалѣнію, нѣкоторые начальники въ своихъ отчетахъ отмѣчаютъ печальный фактъ равнодушія къ школѣ многихъ родителей, 'которые, отдавая своихъ дѣтей въ учебное заведеніе, прекращаютъ всякія заботы о нравственномъ и умственномъ ихъ развитіи.

Въ санитарномъ отношеніи 1894 годъ можетъ быть признанъ менѣе благопріятнымъ, чѣмъ предыдущій: множество заболѣваній корью, скарлатиной, инфлуэнцой и бронхитомъ носило въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже эпидемическій характеръ. Общее число пропущенныхъ учениками уроковъ было 345.939, всего на 3.398 меньше предыдущаго года. Среднимъ числомъ на cadaго ученика приходится 46—47 уроковъ. Смертныхъ случаевъ между учениками было 35 (въ 1893 г.—21), въ томъ числѣ 33 умерли отъ болѣзней, 1 утонулъ, 1 погибъ отъ самоубійства. Болѣе всего смертныхъ случаевъ было отъ чахотки (14) и отъ тифа (5).

Съ открытіемъ пансіоновъ въ Черниговской гимназіи и Острожской прогимназіи число пансіоновъ увеличилось въ 1894 году на 2. При Острожской гимназіи пансіонъ учрежденъ вмѣсто закрытаго съ 1-го іюня прошлаго года общежитія крестьянскихъ дѣтей. Теперь пансіоны существуютъ при гимназіяхъ: Кіевской 1-й и 2-й, Златопольской, Бѣлоцерковской, Лубенской, Глуховской, Житомирской, Черниговской, и при прогимназіяхъ: Острожской и Житомирской. Общее число пансіонеровъ къ началу переводныхъ экзаменовъ было 441, а къ концу отчетнаго года—483. Между отдѣльными пансіонами эта послѣдняя цифра распредѣлялась такъ: А. Гимназіи: Кіевская 1-я—95, Кіевская 2-я—132, Златопольская—60, Бѣлоцерковская—34, Лубенская—40, Глуховская—38, Житомирская—21.

Черниговская — 20; Б. Прогимназіи: Острожская — 16, Житомирская—27.

Къ началу переводныхъ экзаменовъ процентъ успѣшности между пансіонерами былъ нѣсколько выше, чѣмъ соотвѣтствующій общій процентъ, но за то къ концу отчетнаго года пансіонеры лучше успѣвали только по математикѣ, а по остальнымъ главнымъ предметамъ они были ниже приходящихъ учениковъ (особенно по русскому языку). Въ теченіе отчетнаго года вышло изъ числа пансіонеровъ по окончаніи курса 32, а до окончанія—51, изъ нихъ 23 для поступленія въ другія гимназіи, 1—въ реальное училище, 5—въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, 5 на службу, 11 по разнымъ причинамъ и 2 умерло. За безуспѣшность было уволено 8 пансіонеровъ (1,7% общаго числа). На основаніи § 34 было уволено 5 человекъ. Поведеніе пансіонеровъ было вполнѣ удовлетворительно: баллъ 3 имѣли 5 пансіонеровъ въ первомъ полугодіи и 3 во второмъ, баллъ 4 имѣли 7,7% въ первомъ полугодіи и 5,6% во второмъ, поведеніе остальныхъ свыше 90% было аттестовано отмѣткой 5. Всѣхъ взысканій произведено 663, изъ коихъ 148 приходятся на старшіе классы и 515 на младшіе. По свидѣтельству начальниковъ учебныхъ заведеній, при коихъ состоятъ пансіоны, никакихъ особенно важныхъ проступковъ за пансіонерами замѣчено не было.

Состояніе здоровья воспитанниковъ было вообще удовлетворительно. Они пропустили 14.411 уроковъ, среднимъ числомъ 29—30 уроковъ на человека. Смертныхъ случаевъ было всего 2.

Пансіоны содержатся на суммы сбора съ воспитанниковъ, которыя взимаются въ прежнихъ размѣрахъ. Въ новыхъ пансіонахъ — Черниговскомъ и Острожскомъ — взимается по 300 руб. въ годъ и одновременно 50 руб. Общая сумма сбора въ отчетный годъ достигала 137.116 р. 95 коп., изъ коихъ израсходовано 136.591 р. 88 к., слѣдовательно, получился остатокъ въ 521 р. 7 коп. Дефицитъ былъ въ пансіонахъ при Киевской 2-й гимназіи (4.529 р. 3 к.), Черниговской (6.701 р. 44 к.) и Житомирской прогимназіи (1.201 р. 3 к.).

Общее число частныхъ ученическихъ квартиръ въ отчетномъ году было по прежнему около 300. Самая большая частная квартира въ Киевскомъ округѣ состоитъ при Бѣлоцерковской гимназіи; ее содержитъ на свои средства графъ Браницкій; въ ней живутъ 24 ученика. Вообще же частныя квартиры очень малолюдны: рѣдко на нихъ бываетъ 3—5 учениковъ, а обыкновенно 1—2. Почти во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ нѣкоторое число учениковъ живетъ у препо-

давателей или лицъ, принадлежащихъ къ штату даннаго учебнаго заведенія. Плата, взимаемая на такихъ квартирахъ, бываетъ обыкновенно выше, чѣмъ въ остальныхъ квартирахъ того-же города. Частныя квартиры находятся подъ непосредственнымъ контролемъ педагогическаго персонала.

Реальныхъ училищъ въ 1894 году состояло въ Киевскомъ округѣ восемь: Киевское, Ровенское, Кременчугское, Полтавское, Роменское, Новозыбковское, Винницкое и Киевское училище св. Екатерины, вновь открытое съ августа 1894 года при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины на средства Киевскаго евангелическо-лютеранскаго церковнаго совѣта. Въ реальныхъ училищахъ состояло къ 1-му января 1895 года 4 приготовительныхъ класса (при Кременчугскомъ, Роменскомъ, Винницкомъ и училищѣ св. Екатерины), 44 класса основнаго отдѣленія, 6 классовъ коммерческаго отдѣленія (въ Киевскомъ, Кременчугскомъ и Новозыбковскомъ), 6 дополнительныхъ классовъ (нѣтъ въ Винницкомъ) и 5 параллельныхъ отдѣленій (въ Киевскомъ при первыхъ пяти классахъ). Киевское училище св. Екатерины состоитъ пока изъ приготовительнаго класса и первыхъ двухъ классовъ основнаго отдѣленія. Всѣ училища помѣщались въ собственныхъ зданіяхъ, которыя, впрочемъ, не всегда соотвѣтствуютъ потребностямъ учебнаго заведенія. Такъ, при Винницкомъ училищѣ нѣтъ квартиръ для директора и служащихъ, хотя въ отчетномъ году городомъ уже приступлено къ постройкѣ таковыхъ. Для Киевскаго училища построена уже вчернѣ двухъ-этажная каменная пристройка къ главному зданію; тутъ будетъ помѣщаться актовъ залъ и 4 классныхъ комнаты. Въ Роменскомъ училищѣ недостаточно помѣщеніе для бібліотеки, и новые шкафы съ книгами приходится размѣщать въ классахъ. Въ Ровенскомъ училищѣ нѣтъ помѣщенія для гимнастическаго зала, для уроковъ Закона Божія римско-католическаго вѣроисповѣданія, уроковъ пѣнія и музыки, а также достаточнаго помѣщенія для бібліотеки. Киевское училище св. Екатерины имѣетъ помѣщеніе, которое по своимъ размѣрамъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ заведенія, въ виду чего церковный совѣтъ усиленно озабоченъ о скорѣйшемъ сооруженіи новаго зданія.

Для фундаментальныхъ бібліотекъ въ 1894 г. всеми училищами приобрѣтено 1.190 томовъ на сумму 2.394 р. 5 к. Болѣе всего приобрѣтеній сдѣлано было Новозыбковскимъ училищемъ (650 р. 30 к.), менѣе всего — Винницкимъ (167 р. 31 к.). По численности книгъ первое мѣсто занимаетъ бібліотека Ровенскаго училища (15.396 то-

мовъ), второе — Новозыбковскаго (6.869 т.); бѣднѣ всѣхъ въ этомъ отношеніи Винницкое училище (1.935 т.) и Кіевское училище св. Екатерины (113 т.). Всего къ 1-му января 1895 г. въ фундаментальныхъ библіотекахъ училищъ числилось 44.945 томовъ.

Для ученическихъ библіотекъ въ отчетномъ году приобрѣтено 1.088 томовъ на сумму 962 р. 8 к. Новозыбковское училище болѣе другихъ пополняло свою библіотеку (истратило 348 р. 15 к.). Менѣе другихъ израсходовало на этотъ предметъ Кіевское училище (12 р. 60 к.). По числу книгъ въ ученической библіотекѣ первое мѣсто принадлежитъ Кіевскому училищу (2.701 т.), затѣмъ идетъ Кременчугское (1.838 т.) и Полтавское (1.786 т.). Бѣднѣ другихъ библіотека Винницкаго училища (886 т.); Кіевское училище св. Екатерины успѣло приобрѣсти всего 3 тома. Всего къ 1-му января 1895 г. въ ученическихъ библіотекахъ числилось 11.241 томъ.

На учебныя пособія по физикѣ и естественной исторіи израсходовано въ 1894 г. всѣми училищами 3.951 р. 49 к. Химическая лабораторія и механическій кабинетъ при Кременчугскомъ училищѣ упразднены, а предметы изъ нихъ перешли въ физическій и естественно-историческій кабинеты. Учебныхъ пособій по черченію и рисованію къ 1-му января 1895 года числилось по всѣмъ училищамъ 3.915 предметовъ, по исторіи и географіи—1.093, по пѣнію, музыкѣ, моделированію, технологіи и строительному искусству—2.108. Выдающаяся цифра расхода на учебныя пособія принадлежитъ Ровенскому училищу, которое израсходовало 613 р. 50 к. на приобрѣтеніе нотъ и музыкальныхъ инструментовъ. Въ Кременчугскомъ училищѣ имѣется коллекція монетъ изъ 133 штукъ, на сумму 512 р., которая служитъ пособіемъ при прохожденіи коммерческихъ наукъ.

На содержаніе всѣхъ реальныхъ училищъ въ отчетномъ году имѣлась сумма 339.882 р. 83 к. Ассигнованная изъ государственнаго казначейства сумма 122.133 р. 14 к. составляетъ въ этой цифрѣ около 36%, суммы, отпускаемая земствами и городскими обществами—51.456 р. 89 к. или 15%, сумма сбора за ученіе 105.111 р. 84 к. или болѣе 30%. Прочія поступления—61.180 р. 96 к. составляютъ около 19%.

Всѣхъ расходовъ по училищамъ произведено на 247.678 к. 86 к., то-есть, на 9.899 р. 85 к. болѣе противъ предыдущаго года. Самый значительный расходъ составляетъ содержаніе личнаго состава — 154.051 р. 95 к., болѣе 62% всѣхъ расходовъ, затѣмъ на ремонтъ домовъ, наемъ ихъ и содержаніе пошло 22.584 р. 20 к. (болѣе 9%),

на жалованье служащим—8.248 р. 73 к. (3,33%), на содержаніе канцеляріи 5.306 р. 70 к. (2,1%), на награды служащим—3.624 р. 66 к. (1,4%), на выдачу стипендій и пособій ученикамъ—2.970 р. 2 к. (1,2%), на содержаніе церквей — 2.834 р. 35 к. (1,2%), на расходы по санитарной части 2.163 р. 91 к. (около 1%). Весьма значительная сумма расхода падаетъ на отчисленія въ ресурсы министерства, управленія округа, прогонныя деньги окружному архитектору и другіе расходы—38.868 р. 3 к., или около 15%.

Средняя стоимость обученія одного ученика въ 1894 г. равнялась 128 р. 86 к., на 11 р. 85 к. дешевле, чѣмъ въ предыдущемъ году. Плата за ученіе осталась прежняя, то-есть, въ Киевскомъ, Роменскомъ, Полтавскомъ и Винницкомъ училищахъ по 50 р., Кременчугскомъ—40 р., въ Новозыбковскомъ—36 р., въ Роменскомъ—25 р. въ годъ. Во вновь открытомъ Киевскомъ училищѣ св. Екатерины плата взималась въ приготовительномъ классѣ—40 р., а въ остальныхъ—60 р. въ годъ. Наибольшая сумма отъ сбора за право ученія получилась въ Киевскомъ училищѣ—36.837 р. 47 к., затѣмъ въ Винницкомъ—17.002 р. 89 к.; самыя бѣдныя училища въ этомъ отношеніи — Роменское, имѣвшее 7.560 р. 94 к., и Новозыбковское (4.747 р. 2 к.).

Пожертвованія слагались изъ суммъ, вносимыхъ въ нѣкоторыхъ училищахъ почетными попечителями, а также и частными лицами. Изъ сихъ послѣднихъ заслуживаютъ упоминанія: протоіерей Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадскій), пожертвовавшій 200 р. на устройство домової церкви въ Роменскомъ училищѣ, и вдова коллежскаго совѣтника Бастузевичъ, пожертвовавшая 500 р. для той же цѣли. Кромѣ того, полтавское губернское земство пожертвовало въ отчетномъ году 5.000 р. на устройство пансіона при Полтавскомъ реальномъ училищѣ.

При большинствѣ училищъ существуютъ общества для вспоможенія нуждающимся ученикамъ. Дѣятельность этихъ обществъ выразилась и въ отчетномъ году помощію учащимся во взносѣ платы за ученіе, по снабженію книгами, одеждой, пособиями на лѣченіе и т. п. При Киевскомъ и Ровенскомъ училищахъ существуютъ библіотеки учебниковъ и учебныхъ пособій, которыми и пользуются бесплатно бѣдные ученики.

Всѣхъ должностныхъ лицъ, служащихъ въ реальныхъ училищахъ. къ 1-му января 1895 года состояло 153, въ числѣ коихъ 5 почетныхъ попечителей, 7 директоровъ, 8 исполняющихъ обязанности инспектора, 15 законоучителей, 65 учителей предметовъ и языковъ.

10 учителей рисованія и чистописанія, 15 помощниковъ классныхъ наставниковъ и 28 другихъ должностныхъ лицъ (врачей, письмоводителей, учителей пѣнія и гимнастики). Въ личномъ составѣ служащихъ произошло 7 переименій и 3 новыхъ назначенія. Вновь назначены: 1 учитель исторіи и географіи и 2 законоучителя—одинъ православный и одинъ римско-католическій.

Директоры въ отчетномъ году преподавали слѣдующіе предметы: русскій языкъ—1, математику—2, физику—2, химию—1, черченіе и рисованіе—1. Исполняющіе обязанности инспектора преподавали: математику—1, естественную исторію—3, физику—1, исторію и географію—3. Всѣ директора и исполняющіе обязанности инспекторовъ были въ тоже время классными наставниками; сверхъ того классное наставничество занимали въ первомъ полугодіи 45 преподавателей и во второмъ—50. Заслуженныхъ преподавателей было 3, изъ коихъ 2 состоятъ исполняющими обязанности инспектора.

Въ теченіе отчетнаго года преподавателями пропущено 2.358 уроковъ, на 190 уроковъ менѣе, чѣмъ въ 1893 г. Болѣе всего пропущено уроковъ въ Новозыбковскомъ училищѣ (550), менѣе всего въ Роменскомъ (214) и въ Кіевскомъ училищѣ св. Екатерины (40). По болѣзни пропущено 1.466 уроковъ (62%), а остальные 892 (38%)—по другимъ уважительнымъ причинамъ.

Засѣданій педагогическихъ совѣтовъ въ полномъ ихъ составѣ было 177, классныхъ и предметныхъ комиссій—96, засѣданій хозяйственныхъ комитетовъ—246. Наибольшее число засѣданій педагогическаго совѣта и его отдѣленій въ отчетномъ году было въ Кременчугскомъ училищѣ (117), менѣе другихъ—въ Новозыбковскомъ (43) и, наконецъ, въ Кіевскомъ училищѣ св. Екатерины (4).

Во всѣхъ реальныхъ училищахъ къ 1-му января 1895 года было 1.954 ученика, на 244 ученика болѣе, чѣмъ къ 1-му января 1894 г. Такое увеличеніе произошло вслѣдствіе открытія Кіевского училища св. Екатерины, въ которомъ было 188 учениковъ. Кромѣ того увеличилось число учениковъ въ Кіевскомъ, Роменскомъ и Винницкомъ училищахъ, въ остальныхъ же оно уменьшилось. По количеству учениковъ училища располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Кіевское (532), Кременчугское (282), Винницкое (212), Полтавское (202), Ровенское (202), Кіевское училище св. Екатерины (188), Роменское (175), Новозыбковское (161).

По вѣроисповѣданіямъ ученики реальныхъ училищъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: православныхъ—1.189 (60,8%), като-

ликовъ—436 (22,3%), лютеранъ—122 (6,2%), евреевъ—174 (8,8%), магометанъ—1, прочихъ исповѣданій—32. Католиковъ больше всего въ Винницкомъ училищѣ (50,9%) и въ Ровенскомъ (50,5%); выше 20% католиковъ въ училищахъ: Кіевскомъ и Кіевскомъ училищѣ св. Екатерины, а въ остальныхъ этотъ процентъ колеблется между 10% и 3,5%. Наибольшій процентъ евреевъ въ Кіевскомъ училищѣ св. Екатерины (12,7%), затѣмъ въ Роменскомъ (12,6%), Винницкомъ (11,3%), Новозыбковскомъ (11,1%), Полтавскомъ (9,8%), Кременчугскомъ (9%), Ровенскомъ (7%), наименьшій—въ Кіевскомъ (4,7%).

По сословіямъ ученики реальныхъ училищъ распредѣлялись такъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—46,5%, городского сословія—36,5%, крестьянъ—6,8%, духовнаго званія—0,8%, казачьяго сословія—2%, иностранцевъ—5,5%, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи—около 2%. Дѣтей лицъ городскихъ сословій больше всего въ Роменскомъ училищѣ (43,9%), затѣмъ въ Новозыбковскомъ (37,2%), а менше всего—въ Ровенскомъ училищѣ (22,2%). Учениковъ изъ крестьянскаго сословія больше всего въ Ровенскомъ училищѣ (11,9%), а затѣмъ въ Винницкомъ и въ училищѣ св. Екатерины (по 9,9%); меньше всего ихъ въ Полтавскомъ училищѣ (2,5%).

Всѣхъ подавшихъ прошенія о поступленіи въ реальныя училища въ 1894 году было 949. Изъ нихъ не явились на испытанія 35, не выдержали испытаній 290, не приняты за комплектомъ или недостаткомъ помѣщенія 67. Приняты въ училища 549 или 57,8% всѣхъ подавшихъ прошенія. Изъ этого числа 480 или 87,2% приняты по экзамену изъ домашняго приготовленія, 8 или 1,4% по экзамену изъ учениковъ гимназій и прогимназій, 54 или около 10% безъ экзамена изъ другихъ училищъ (сюда же вошли и ученики VI класса, поступившіе въ VII классъ того же училища).

Выбывшихъ по окончаніи VI и VII классовъ было 126 человекъ, до окончанія курса выбыло 300 или 15,4% всѣхъ учащихся. Сравнивая эти цифры съ данными 1893 г., находимъ, что число выбывшихъ до окончанія курса въ отчетномъ году уменьшилось на 2,8%. Изъ числа выбывшихъ послѣдней категоріи 13,3% перешли въ другія реальныя училища, 12,6% поступили въ другія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, 13,6% поступили въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, 7,3% поступили на службу государственную, общественную и частную, 51% выбыли по разнымъ причинамъ и немного болѣе 2% умерли.

Учениковъ, имѣвшихъ къ концу 1893—1894 учебнаго года переводныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ, было 926, то-есть, 55,18% всѣхъ бывшихъ къ концу этого года учениковъ (1.678). Удостоены перевода въ высшіе классы, а также аттестатовъ объ окончаніи VI и свидѣтельствъ объ окончаніи VII классовъ 1.102 или 65,6%. Получили аттестаты объ окончаніи шести классовъ основнаго отдѣленія 90 учениковъ, объ окончаніи коммерческаго отдѣленія—11, и свидѣтельства объ окончаніи VII класса—75. Такимъ образомъ, окончили курсъ реальныхъ училищъ 175 или 10,6% учащихся, бывшихъ на лицо во время переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ. Постороннихъ лицъ окончательнымъ испытаніямъ подвергалось 8 изъ курса шести классовъ и 7 изъ курса седьмаго класса; изъ первыхъ выдержали экзаменъ 1, изъ вторыхъ—4.

По проценту успѣвшихъ отдѣльныя училища располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Винницкое—76,9%, 2) Новозыбковское—67,7%, 3) Полтавское—66%, 4) Кіевское—65,8%, 5) Ровенское—63,2%, 6) Роменское—62,9%, 7) Кременчугское—57,1%. Классы по числу успѣвшихъ идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: дополнительные классы имѣли успѣвшихъ 87,2%, VI классъ основнаго отдѣленія—78%, V классъ того же отдѣленія—68,3%, I—66%, приготовительный—64,4%, IV—61,2%, V коммерческаго отдѣленія—61,1%, VI того же отдѣленія—61%, II—60,9%, III—57,9%.

Всѣхъ учениковъ, имѣвшихъ во второй половинѣ отчетнаго года удовлетворительныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ, было 992 или 50,66%, а имѣвшихъ таковыя по главнымъ предметамъ—1.157 или 59,52% всего числа учениковъ къ 1-му января 1895 г. (1.954). При сравненіи этихъ данныхъ съ таковыми же за предыдущій годъ оказывается уменьшеніе успѣшности въ первомъ случаѣ на 1,03%, и увеличеніе успѣшности во второмъ случаѣ на 2,98%. По проценту успѣвшихъ во второмъ полугодіи училища располагаются такъ: 1) Кременчугское—64,4%, 2) Винницкое—60%, 3) Новозыбковское—60%, 4) Роменское—52,9%, 5) Кіевское—50%, 6) Ровенское—46,3%, 7) Полтавское—43%. Въ отдѣльныхъ классахъ успѣвшихъ было: въ приготовительномъ—70%, въ I—55%, во II—46,1%, въ III—46,5%, въ IV—44,1%, въ V основномъ отдѣленіи—59,2%, въ VI основномъ отдѣленіи—76,4%, въ V коммерческомъ отдѣленіи—72,2%, въ VI коммерческомъ отдѣленіи—77,7%, въ дополнительномъ—81,4%.

За безуспѣшность въ 1894 году уволено 73 ученика, на 13 менѣ сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Уволенные, относительно сред-

няго числа учениковъ, бывшихъ въ отчетномъ году, составляютъ 3,79% и были во всѣхъ классахъ, кромѣ приготовительнаго, и дополнительнаго и VI класса коммерческаго отдѣленія. Между отдѣльными классами они располагались въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ IV класса уволено 16 или 21,9%, изъ I—16 или 21,9%, изъ III—12 или 16,4%, изъ II—11 или 15%, изъ V—9 или 12,3%, изъ VI—6 или 8,3%, изъ V коммерческаго отдѣленія—1 или 1,3%. Наибольшее число уволенныхъ за безуспѣшность было въ Киевскомъ училищѣ (28). Въ Винницкомъ и Киевскомъ училищѣ св. Екатерины не было уволено за безуспѣшность ни одного ученика.

Поведеніе учащихся въ отчетномъ году можно признать удовлетворительнымъ. Всѣхъ взысканій было произведено 3.816, на 909 менѣе чѣмъ въ 1893 г. На каждого ученика приходилось среднимъ числомъ 1,95 наказаній въ годъ, при чемъ на каждого ученика низшихъ классовъ—2,57, и на каждого ученика высшихъ классовъ—0,38 взысканія. Ясно, что поддержаніе дисциплины въ реальныхъ училищахъ достигалось въ отчетномъ году помимо частаго употребленія взысканій, и только въ одномъ Полтавскомъ училищѣ признавалось необходимымъ прибѣгать къ нимъ гораздо чаще (3,2 взысканія на ученика). Для характеристики поведенія учениковъ важно также количество уроковъ, пропущенныхъ ими по неуважительной причинѣ. Такихъ манкировокъ въ 1894 году было 390, при чемъ на долю учениковъ младшихъ классовъ приходится 215 (то-есть 10 уроковъ на 72 ученика). Всего же учениками реальныхъ училищъ пропущено 73.063 урока, на 6.853 урока менѣе противъ 1893 г.

Что касается оцѣнки поведенія учащихся на основаніи полученныхъ ими отмѣтокъ, то въ первомъ полугодіи удовлетворительныя отмѣтки (5 и 4) получило 1.674 или 85,6%, а во второмъ—1.937 или 99,1%.

Всѣхъ уроковъ, пропущенныхъ учениками реальныхъ училищъ по болѣзни было 67.656; среднимъ числомъ на каждого учащагося приходится по 34,6 урока или почти по 7 учебныхъ дней. Въ частности, на каждого ученика низшихъ классовъ приходится болѣе 30,6 уроковъ, а на каждого ученика высшихъ классовъ—около 50, что указываетъ на уклоненіе старшихъ отъ аккуратнаго посѣщенія уроковъ подъ предлогомъ болѣзни. Смертныхъ случаевъ въ отчетномъ году было 7: 2 ученика умерли отъ скарлатины, 1 отъ чахотки, 1 отъ воспаленія спиннаго мозга, 1 утонулъ, 2 покончили жизнь самоубійствомъ—одинъ бросился подъ поѣздъ желѣзной дороги, другой

застрѣлился послѣ увольненія изъ Полтавскаго училища. При реальныхъ училищахъ Кіевскаго округа пансіоновъ нѣтъ; ученики живутъ у родителей и родственниковъ, либо же на ученическихъ квартирахъ, разрѣшенныхъ начальствомъ. Такихъ квартиръ въ 1894 году было 73. Число учениковъ, живущихъ на частныхъ квартирахъ, различно въ отдѣльныхъ училищахъ; болѣе всего ихъ въ Винницкомъ (94 челоѣка или 44,3%), въ Ровенскомъ (68 или 33,6%) и въ Новозыбковскомъ (52 или 32,3%). Изъ 73 квартиръ 30 содержатся преподавателями или другими служащими въ училищахъ. На этихъ квартирахъ живутъ 102 ученика или 32,1% живущихъ на квартирахъ. Всего на общихъ квартирахъ живутъ 307 учениковъ или 16,1% всего числа учащихся въ реальныхъ училищахъ. На большинство квартиръ за содержаніе платится 250—300 р. въ годъ. Высшая плата (въ Кіевѣ до 700 р. въ годъ) взимается преимущественно на квартирахъ, содержимыхъ учителями. Надзоръ за квартирами порученъ всему вообще учебно-воспитательному персоналу.

Въ 1894 году г. попечитель Кіевскаго округа осмотрѣлъ слѣдующія реальные училища: Кіевское, Новозыбковское, Ровенское, (два раза) и Винницкое; помощникъ попечителя постоянно посѣщалъ въ теченіе года, гдѣ Кіевское училище присутствовалъ на экзаменахъ, а также и Кіевское училище св. Екатерины.

Въ Кременчугскомъ и Новозыбковскомъ училищахъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, устраивались литературно-музыкальные вечера, на которыхъ ученики, подъ руководствомъ наставниковъ, и по утвержденной г. попечителемъ округа программѣ, играли литературные образцы и исполняли музыкальныя пьесы. Кромѣ того, въ Кременчугскомъ училищѣ, благодаря любезному одолженію мѣстнаго агента „Общества пароходства по Днѣпру“,—воспитанники VII дополнительнаго класса совершили, подъ руководствомъ преподавателя математики, пароходную даровую поѣздку въ село Каменское, гдѣ подробно осмотрѣли чугунно-плавильный, сталелитейный и рельсо-прокатный заводы и познакомились на дѣлѣ съ сущностью процессовъ выплавки желѣза изъ рудъ и полученія стали.

Женскихъ среднеучебныхъ заведеній въ Кіевскомъ округѣ было въ 1894 г. 24, а именно: въ первомъ полугодіи 13 гимназій, 10 прогимназій и Острожское графа Д. Н. Блудова училище; во второмъ полугодіи Глуховская прогимназія была преобразована въ полную гимназію съ VIII дополнительнымъ классомъ, такъ что гимназій стало 14, а прогимназій 9. Всѣхъ учащихся въ 14 гимназіяхъ къ 1 января

1895 г. было 3.783, въ прогимназіяхъ—922, въ Острожскомъ училищѣ—159, а всего 4.862 ученицы, на 217 ученицъ болѣе, чѣмъ въ концѣ 1893 г. Увеличилось количество ученицъ почти во всѣхъ заведеніяхъ, уменьшилось только въ Нѣжинской гимназіи (на 10 уч.) и въ прогимназіяхъ: Хорольской (на 9), Немировской (на 6) и Сосницкой (на 4). Цифра учащихся распредѣлялась между отдѣльными заведеніями такъ: А. Гимназіи: Полтавская—556, Киевская—553, Кременчугская—408, Черниговская—331, Роменская—290, Нѣжинская—257, Бѣлоцерковская—223, Новозыбковская—205, А. А. Бейтель—196, Ващенко-Захарченко—191, Прилукская—167, Лубенская—161, Глуховская—147, Новгородѣверская—88; Б. Прогимназіи: Немировская—135, Кролевецкая—128, Зѣньковская—127, Переяславская—107, Златопольская—96, Хорольская—93, Кобелякская—92, Золотоношская—81, Сосницкая—63. Малочисленность воспитанницъ въ Золотоношской прогимназіи объясняется отчасти тѣмъ, что это заведеніе еще не вполне развитшееся и состоитъ пока изъ приготовительнаго и трехъ первыхъ классовъ.

По вѣроисповѣданіямъ ученицы женскихъ учебныхъ заведеній распредѣлялись такъ: православнаго—3.452 (71,2⁰/о), римско-католическаго—291 (6,1⁰/о), лютеранскаго—92 (1,9⁰/о), іудейскаго—1.006 (20,4⁰/о), прочихъ исповѣданій—17 (0,3⁰/о) и раскольниковъ—6 (0,1⁰/о). Въ частности слѣдуетъ отмѣтить, что евреекъ болѣе всего въ гимназіяхъ: Кременчугской (38,2⁰/о), Бѣлоцерковской (34⁰/о), Роменской (32⁰/о), у г-жи Бейтель (30⁰/о), и въ прогимназіяхъ: Златопольской (40,5⁰/о), Кролевецкой (33,6⁰/о), Золотоношской (32,1⁰/о). Въ Острожскомъ училищѣ всѣ ученицы православнаго вѣроисповѣданія.

По сословіямъ или происхожденію ученицы распредѣляются по слѣдующимъ категоріямъ: потомственныхъ дворянокъ—726 (14,9⁰/о), личныхъ дворянокъ—1.814 (37,8⁰/о), духовнаго званія—244 (5⁰/о), купеческаго сословія—655 (13,5⁰/о), мѣщанскаго сословія—1.100 (22,6⁰/о), крестьянокъ—269 (5,5⁰/о), иностранокъ—56 (1,2⁰/о).

Въ теченіе отчетнаго года выбыло изъ женскихъ средне-учебныхъ заведеній 1.199 ученицъ, въ томъ числѣ по окончаніи курса 544 или 11,1⁰/о общаго числа воспитанницъ. Изъ окончившихъ 53 выбыли со званіемъ домашнихъ наставницъ и 185 со званіемъ домашнихъ учительницъ. До окончанія курса выбыло 655 ученицъ или 13,6⁰/о. Наибольшая цифра выбывшихъ приходилась на первые четыре класса. Значительный процентъ выбывшихъ до окончанія курса, преимуще-

ственно изъ младшихъ классовъ, заставляетъ думать, что курсъ женскихъ гимназій и преимущественно прогимназій по объему и направленію не вполнѣ соответствуетъ способностямъ учащихся, и въ тоже время не принаровленъ строго къ потребностямъ и матеріальнымъ средствамъ ихъ родителей и родственниковъ. Воспитанницы большею частью оставляютъ гимназію вслѣдствіе недостатка средствъ и невозможности посвятить цѣлыхъ восемь лѣтъ на обученіе въ гимназіи.

Вновь поступило въ 1894 г. 1.395 воспитанницъ, на 95 болѣе, чѣмъ въ 1893 г. Въ приготовительные классы поступило 423 ученицы (31% всѣхъ поступившихъ); значительная цифра поступившихъ приходится на I классъ, а именно 361 ученица (26%).

Число переведенныхъ въ высшіе классы, а также окончившихъ курсъ составляло 3.808 дѣвицъ, то-есть 78,3% всѣхъ учащихся. Въ частности, въ гимназіяхъ этотъ процентъ достигаетъ 80%, а въ прогимназіяхъ—70%. По проценту переведенныхъ учебныя заведенія располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: А. Гимназіи 1) г-жи Бейтель—97,4%, 2) Ващенко-Захарченко—90,8%, 3) Нѣжинская—89,9%, 4) Полтавская—87,4%, 5) Бѣлоцерковская—86,5%, 6) Черниговская—86,4%, 7) Кіевская—84,4%, 8) Кременчугская—77,4%, 9) Роменская—74,4%, 10) Прилукская—69,4%, 11) Новгородсѣверская—69,3%, 12) Лубенская—69%, 13) Новозыбковская—61%, 14) Глуховская—51,7%; Б. Прогимназіи: 1) Хорольская—87,5%, 2) Немировская—82,2%, 3) Сосницкая—81%, 4) Кобелякская—75%, 5) Златопольская—74%, 6) Переяславская—71%, 7) Золотоношская—60,5%, 8) Зѣньковская—56,1%, 9) Кролевецкая—50%; В. Острожское графа Д. Н. Блудова училище—70%. Въ отдѣльности по классамъ процентъ успѣшности выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ IV—93,1%, въ VII—90,7%, во II—85,1%; въ VIII—85%, въ VI—81,6%, въ V—77,8%, въ III—75,4%, въ I—73,1%, въ приготовительномъ—66%. Средній годовой баллъ для гимназій былъ въ отчетномъ году 3,8, для прогимназій 3,6 и для Острожскаго училища—3,5. Изъ гимназій наибольшій годовой баллъ имѣли: Прилукская (4,1) и Нѣжинская (4), наименьшій—Кременчугская (3,4). Изъ прогимназій наивысшій баллъ находимъ въ Кобелякской и Хорольской (3,9). низшій—въ Золотоношской (3,2).

Въ теченіе отчетнаго года преподавателями и преподавательницами было пропущено 6.894 урока или 6% общаго числа назначенныхъ уроковъ (114.533). Болѣе всего пропущено уроковъ въ Зѣньковской прогимназіи (12,1%) и Новозыбковской гимназіи (9,6%)

менѣ всего въ гимназіи Ващенко-Захарченко (2,5⁰/₀) и въ прогимназіяхъ: Золотоношской (2,1⁰/₀) и Хорольской (0,6⁰/₀). Значительное количество пропущенныхъ уроковъ отчасти объясняется тѣмъ, что преподавателями въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, по большей части, являются преподаватели мужскихъ гимназій и училищъ и по своимъ служебнымъ и другимъ обязанностямъ чаще вынуждены бываютъ пропускать уроки, чѣмъ преподавательницы, неимѣющія занятій въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Поведеніе воспитанницъ за отчетный годъ было вполне удовлетворительно. Средній годовой баллъ за поведеніе былъ 4,98, а въ Острожскомъ училищѣ—5. Тотъ же баллъ (5) былъ въ гимназіяхъ: Полтавской, Новозыбковской, Глуховской, Ващенко-Захарченко и г-жи Бейтель, и во всѣхъ прогимназіяхъ, кромѣ Немировской, Хорольской и Кролевецкой. Взысканій было произведено 750, въ томъ числѣ 607 въ гимназіяхъ и 143 въ прогимназіяхъ. Ни одного взысканія не налагалось въ гимназіяхъ: Ващенко-Захарченко и г-жи Бейтель, въ прогимназіяхъ: Золотоношской, Зѣньковской и Переяславльской и въ Острожскомъ графа Д. Н. Блудова училищѣ.

10 женскихъ гимназій помѣщались въ собственныхъ домахъ. Гимназіи Лубенская и Новгородсѣверская нанимали помѣщеніе, на что истрчено 2.189 р. 63 к. Гимназія Ващенко-Захарченко платила за наемъ зданія 6.800 р., а гимназія г-жи Бейтель—5.500 р. Изъ 9 прогимназій 7 имѣютъ собственные дома и только Хорольская и Золотоношская помѣщаются въ наемныхъ зданіяхъ, на что издержано въ отчетномъ году 1.175 р. Острожское училище также имѣетъ собственное зданіе.

Въ бібліотекахъ женскихъ гимназій къ 1-му января 1895 года состояло 28.160 томовъ на сумму 38.433 р. 8 к., въ томъ числѣ приобрѣтенныхъ въ отчетномъ году 2.522 тома на 2.947 р. 34 к. Весьма бѣдны бібліотеки гимназій: Кременчугской (1.804 тома на 224 р. 9 к.), г-жи Бейтель (237 т. на 257 р. 23 к.), Прилукской (435 т. на 570 р. 4 к.) и Новозыбковской (711 т. на 744 р. 30 к.). Въ бібліотекахъ прогимназій числилось къ 1-му января 1895 года 14.325 томовъ на сумму 21.624 р. 65 к. Бѣднѣ другихъ бібліотека Золотоношской прогимназіи (928 т. на 1.040 р. 89 к.). Вновь приобрѣтено прогимназіями въ отчетномъ году 439 т. на 583 р. 81 к. Въ Острожскомъ училищѣ имѣется бібліотека въ 2.525 томовъ, стоимостью въ 2.329 р. 36 к., въ томъ числѣ вновь приобрѣтенныхъ 112 т. на 109 р. 75 к. Бѣдность бібліотекъ въ значительной степени

зависитъ отъ того, что при учрежденіи многихъ земскихъ гимназій учредителями не было назначено опредѣленныхъ выдачъ на ежегодное пополненіе библиотекъ открываемыхъ ими заведеній.

Физическіе кабинеты женскихъ гимназій были крайне небогаты физическими инструментами, благодаря чему ощущался недостатокъ въ необходимыхъ приборахъ для опытовъ при прохожденіи физики. Достаточно снабжены только кабинеты гимназій: Кіевской (193 прибора), Кременчугской (152 прибора) и Ващенко-Захарченко (206 приборовъ). Совсѣмъ не имѣютъ кабинетовъ гимназій: Бѣлоцерковская и Глуховская. Крайне незначительными кабинетами располагаютъ гимназій: Новгородсѣверская (5 приборовъ) и Роменская (7). Во всѣхъ кабинетахъ при женскихъ гимназіяхъ состояло къ 1-му января 1895 г. 1.348 приборовъ на сумму 13.192 р. 82 к., въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 120 нумеровъ на сумму въ 946 р. 12 к., причемъ 8 гимназій совсѣмъ не пополняли своихъ кабинетовъ.

Пособій по естественной исторіи въ женскихъ гимназіяхъ къ 1-му января 1895 г. состояло 1.919 номеровъ на сумму въ 4.768 р. 38 к., въ томъ числѣ въ отчетномъ году двумя гимназіями (Бѣлоцерковской и Глуховской) приобрѣтено 107 номеровъ на сумму въ 422 р. 8 к.; остальные гимназій не пополняли своихъ естественно-историческихъ кабинетовъ. Между тѣмъ болѣе или менѣе достаточныя коллекціи имѣются только въ гимназіяхъ: Кіевской (127 номеровъ на 867 р. 36 к.), Ващенко-Захарченко (629 номер. на 1.645 р.) и Полтавской (153 номера на 503 р.). Въ остальныхъ гимназіяхъ естественно-историческіе кабинеты неудовлетворительны: въ гимназіи Бѣлоцерковской такого кабинета совсѣмъ нѣтъ, въ Черниговской имѣется всего 1 предметъ, въ Новозыбковской—4, въ Глуховской—7, въ Новгородсѣверской—11, въ Нѣжинской—19 и т. д.

Глобусовъ, географическихъ картъ и другихъ учебныхъ пособій къ 1-му января 1895 года въ гимназіяхъ состояло 2.848 на сумму 9.593 р. 37 к., въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 190 предметовъ на 346 р. 4 к. Въ прогимназіяхъ имѣлось 1.169 предметовъ стоимостью въ 3.952 р. 32 к., въ томъ числѣ вновь приобрѣтенныхъ 13 на сумму въ 53 р. 38 к. Въ Острожскомъ училищѣ было 568 учебныхъ пособій (вновь приобрѣтенныхъ 125 на 81 р. 99 к.).

Общій итогъ прихода суммъ по женскимъ средне-учебнымъ заведеніямъ вмѣстѣ съ остаткомъ предыдущаго года доходилъ въ 1894 г. до 425.134 р. 68¹/₄ к., въ томъ числѣ изъ суммъ государственнаго казначейства 61.689 р. 54 к. (14,2%), сбора за ученіе 183.612 р.

52 к. (43,2⁰/о), отъ городскихъ обществъ 18.370 р. (4,2⁰/о), отъ земствъ 36.540 р. 39 к. (8,6⁰/о), доходовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 9.332 р. 11 к. (2,2⁰/о), пожертвованій разныхъ лицъ 6.231 р. 24 к. (1,5⁰/о). изъ разныхъ источниковъ 13.423 р. 52¹/₂ к. (3,1⁰/о) и остатковъ отъ прошлаго года 95.935 р. 36 к. (23⁰/о). Суммъ расходовъ достигала 321.387 р. 94¹/₄ к. Изъ нихъ на гимназіи израсходовано 248.648 р. 9¹/₂ к. на прогимназіи — 48.784 р. 73 к., на Острожское училище—23.955 р. 14 к. Такимъ образомъ каждая ученица гимназіи обошлась въ 65 р. 75 к., то-есть дешевле прошлагодняго на 4 р. 25 к., а каждая ученица прогимназіи—въ 52 р. 91 к., дешевле прошлагодняго на 22 коп.; стоимость годичнаго содержанія пансіонерки въ Острожскомъ графа Д. Н. Блудова училищѣ обошлась въ 150 р. 65 к., то-есть на 28 р. 45 к. дешевле противъ прошлаго года. Въ общемъ итогѣ стоимость образованія одной воспитанницы въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и Острожскомъ училищѣ обходилась въ отчетномъ году въ 66 р. 7 к. (въ 1893 г.—69 р. 20 к.).

Всѣ упомянутыя учебныя заведенія расходуютъ, въ общей сложности, на жалованье служащимъ 67,8⁰/о всѣхъ расходовъ, на наемъ помѣщеній—5,1⁰/о, на содержаніе помѣщенія—10⁰/о, на учебныя пособия 2,5⁰/о, на стипендіи и пособия—1,2⁰/о, на прочія потребности—13,4⁰/о.

Въ теченіе отчетнаго года г. попечителемъ округа были посѣщены и осмотрѣны слѣдующія гимназіи: Кіевская, Черниговская, Новгородсѣверская, Глуховская и Новозыбковская, а также прогимназіи: Златопольская и Немировская, и кромѣ того Острожское графа Д. Н. Блудова училище. Помощникомъ попечителя были посѣщаемы весьма часто Кіевскія гимназіи: Министерская, Ващенко-Захарченко и г-жи Бейтель, гдѣ постоянно присутствовалъ онъ на урокахъ и экзаменахъ. Затѣмъ имъ была посѣщена въ отчетномъ году также и Нѣжинская гимназія.

Глуховскій учительскій институтъ помѣщается въ собственномъ домѣ; состоящая при институтѣ мастерская ручнаго труда помѣщается вмѣстѣ съ образцовымъ городскимъ училищемъ въ наемномъ зданіи. Средства на содержаніе института и училища при немъ поступали въ отчетномъ году изъ слѣдующихъ источниковъ: остатокъ отъ суммъ 1893 г.—476 р. 36 к., изъ суммъ государственнаго казначейства—27.806 р., платы съ своекоштныхъ пансіонеровъ—687 р. 50 к., сбора за ученіе въ городскомъ училищѣ—520 р. Всего поступило въ 1894 году 29.489 р. 86 к., изъ нихъ израсходовано 28.441 р.

65 к., слѣдовательно, къ 1-му января 1895 г. образовался остатокъ въ 1.048 р. 21 к. Въ отчетномъ году институтъ продовольствовалъ пищею и одеждою въ первомъ полугодіи 51 человекъ, а во второмъ—49. Расходъ на полное содержаніе воспитанниковъ составилъ 7.625 р., или среднимъ числомъ на cadaго воспитанника 152 р. 50 к. Библиотека института къ 1-му января 1895 г. состояла изъ 5.997 томовъ на сумму 8.132 р. 98 к., въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 403 тома стоимостью въ 493 р. 25 к. Разныхъ учебныхъ пособій къ тому же сроку состояло 633 названія на сумму 3.819 р. 65 к., въ томъ числѣ за послѣдній годъ приобрѣтено 9 названій за 46 р. 20 к.

Всѣхъ служащихъ въ институтѣ и училищѣ при немъ состояло 14 лицъ; въ томъ числѣ 7 съ высшимъ образованіемъ, 4 окончившихъ курсъ учительскаго института, 2 окончившихъ курсъ учительской семинаріи и 1 лицо съ низшимъ образованіемъ. Изъ общаго числа 2.264 положенныхъ по росписанію уроковъ преподавателями въ отчетномъ году пропущено по болѣзни 189 уроковъ. Засѣданій педагогическаго совѣта было 23. Затѣмъ, дѣятельность преподавателей выразилась также въ изданныхъ ими научныхъ педагогическихъ статьяхъ. Директоръ института И. С. Андреевскій напечаталъ вторую часть книги: „Генезисъ науки, ея принципы и методы“, а преподаватель естествовѣдѣнія М. И. Демковъ напечаталъ 6 статей педагогическаго характера.

Всѣхъ учащихся въ учительскомъ институтѣ къ началу учебнаго года состояло 53; въ теченіе года окончило курсъ 15 воспитанниковъ, уволено до окончанія курса 4, вновь поступило 16; такимъ образомъ къ 1-му января 1895 г. состояло на лицо 50 воспитанниковъ, изъ нихъ въ I классѣ 16, во II—20, въ III—14, въ томъ числѣ 46 казеннокоштныхъ пансіонеровъ, 3 своекоштныхъ и 1 приходящій. Означенные воспитанники раздѣлялись: а) по сословіямъ: дворянъ—9, купцовъ и мѣщанъ—16, крестьянъ и казаковъ—23, другихъ сословій—2; б) по предварительной подготовкѣ: изъ гимназій—1, изъ учительскихъ семинарій—13, изъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ—35, домашняго образованія—1. Средній возрастъ учащихся было около 20 лѣтъ. Успѣхи воспитанниковъ были вполнѣ удовлетворительны. На повторительный курсъ въ классѣ оставленъ всего 1 воспитанникъ, притомъ по малоуспѣшности, происходящей отъ молодости. Средній баллъ по всѣмъ предметамъ былъ 4,1, въ частности въ I классѣ 4, во II—4, 1 въ III—4,2. По поведенію баллъ 4 имѣли только 2 во-

спитанника, а прочіе—5. Въ цѣляхъ эстетическаго развитія учащихся особое вниманіе обращалось на обученіе ихъ музыкѣ, затѣмъ устроенъ былъ музыкально-литературный вечеръ, а кромѣ того велись литературно-научныя бесѣды. Занятія ручнымъ трудомъ преподавались ежедневно въ послѣобѣденное время, какъ предметъ необязательный: воспитанники занимались работами столярными, токарными, рѣзными и ажурными. Что касается до санитарной части въ отчетномъ году среди воспитанниковъ было 67 заболѣваній, требовавшихъ болѣе продолжительнаго лѣченія, и 62 заболѣванія требовавшихъ одновременнаго поданія помощи, но изъ всѣхъ этихъ случаевъ только въ 4 наблюдалась болѣе или менѣе тяжелая форма болѣзни.

Въ училищѣ при институтѣ къ началу 1894 г. состояло 89 учениковъ: въ теченіе года окончило курсъ 14 человекъ, вышло до окончанія курса—17, вновь поступило 40, такимъ образомъ, къ 1-му января 1895 г. состоитъ на лицѣ 98 человекъ, которые раздѣляются: а) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—69, католиковъ—4, иудеевъ—25; б) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—23, духовнаго званія—3, дѣтей купцовъ—7, мѣщанъ—41, крестьянъ—22, иностранцевъ—2. Успѣхи учащихся были удовлетворительны: средній годовою баллъ составлялъ 3,8, а окончило курсъ 15, 6% всѣхъ учащихся; общее число окончившихъ курсъ и переведенныхъ въ высшія отдѣленія было 77, или 86,6%. Средній баллъ по поведенію далъ высшую цифру 5; взсканіямъ подверглось 32 ученика, но лишь въ 5 случаяхъ были совершены крупныя проступки. На училище израсходовано было изъ суммъ государственнаго казначейства 2.052 р. 88 к.; сбора за право ученія (по 10 р. съ ученика) поступило 520 р., изъ коихъ къ 1-му января 1895 г. получился остатокъ въ 301 р. 42 к. Библиотека училища къ тому же сроку состояла изъ 769 томовъ стоимостью въ 1.139 р. 38 к., въ томъ числѣ въ 1894 г. приобрѣтено 57 томовъ на сумму 55 р. 80 к.

Въ отчетномъ году учительскій институтъ и состоящее при немъ училище были посѣщены г. попечителемъ учебнаго округа.

Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ имѣется двѣ учительскія семинаріи: одна—въ м. Коростышевѣ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи, другая—въ селѣ Большіе Дедеркалы, Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи. Обѣ семинаріи помѣщаются въ собственныхъ зданіяхъ. Средства на содержаніе семинарій поступили въ отчетномъ году изъ слѣдующихъ источниковъ: остатковъ отъ 1893 г.—20.574 р.

27 к., изъ суммъ государственнаго казначейства—30.817 р. 50 к., изъ другихъ источниковъ—185 р. 49 к., а всего 51.577 р. 26 к. Изъ этой суммы израсходовано: на жалованье служащимъ—16.317 р. 66 к., на содержаніе помѣщеній—2.839 р. 80 к., на содержаніе воспитанниковъ—9.176 р., на учебныя пособія и канцеляріи—2.360 р. 25 к., на разныя потребности (ремонтъ и пр.)—10.758 р. 14 к. За сямъ къ 1-му января 1895 г. оставалось 10.125 р. 41 к. Къ тому же сроку въ бібліотекѣ Коростышевской семинаріи состояло 7.207 томовъ на сумму 7.958 р. 67 к. (въ томъ числѣ въ 1894 г. приобрѣтено 166 томовъ на 237 р. 90 к.), а въ Дедеркальской—5.935 томовъ на сумму 7.474 р. 64 к. (въ 1894 г. приобрѣтено 177 томовъ на 225 р. 46 к.). Всѣхъ учебныхъ пособій по различнымъ предметамъ къ концу отчетнаго года состояло въ обѣихъ семинаріяхъ 5.316 номеровъ стоимостью въ 9.978 р. 62 к.

Всѣхъ служащихъ въ семинаріяхъ было 17, а именно: 2 директора, 2 законоучителя, 6 наставниковъ, 3 преподавателя искусствъ и ремесель, 2 учителя начальныхъ училищъ при семинаріи, 1 лѣкарскій помощникъ и 1 врачъ. Всѣхъ положенныхъ по росписанію уроковъ было 5.578, изъ коихъ пропущено преподавателями 108; въ начальныхъ училищахъ изъ 2.223 положенныхъ уроковъ пропущено 128 уроковъ въ Дедеркальскомъ училищѣ (въ Коростышевскомъ пропусковъ не было).

Учащихся состояло къ началу 1894 г.—146 (въ Коростышевской семинаріи 105 и въ Дедеркальской—41); въ теченіе года вновь поступило 57 воспитанниковъ, окончило курсъ—40, выбыло до окончанія курса—13; такимъ образомъ, къ 1-му января 1895 г. въ учительскихъ семинаріяхъ состояло 150 воспитанниковъ, въ томъ числѣ 104 въ Коростышевской семинаріи (изъ нихъ 40 казенныхъ стипендіатовъ, 6 частныхъ, 58 своекоштныхъ) и 46 въ Дедеркальской (изъ нихъ 40 казенныхъ стипендіатовъ и 6 своекоштныхъ). Всѣ воспитанники православнаго вѣроисповѣданія; по сословіямъ они распределяются такъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—4, потомственныхъ почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи—2, духовнаго званія—12, городского сословія 19, крестьянскаго—76, дѣтей казаковъ и солдатъ—28, сыновей народныхъ учителей и фельдшеровъ—9. Успѣхи учащихся по всѣмъ предметамъ и по всѣмъ классамъ выражаются среднимъ балломъ 3,76. Помимо обязательныхъ предметовъ, въ Коростышевской семинаріи введены особыя занятія музыкой, а также занятія мастерствами столярнымъ, токарнымъ и переплетнымъ; къ со

жалѣнію, за неимѣніемъ достаточно просторнаго помѣщенія въ этихъ занятіяхъ участвовали далеко не всѣ воспитанники. Въ Дедеркальской семинаріи помѣщеніе для мастерскихъ еще не устроено, а потому ремеслами въ отчетномъ году не занимались; за то, благодаря обширной семинарской усадьбѣ, оказалось возможнымъ ознакомить воспитанниковъ съ началами садоводства и пчеловодства.

Въ начальныхъ училищахъ при семинаріяхъ къ началу отчетнаго года состояло 153 учащихся; въ теченіе года вновь поступило 70 учащихся, выбыло до окончанія курса 44, окончило курсъ 23 (въ томъ числѣ 20 мальчиковъ и 3 дѣвочки); такимъ образомъ къ 1-му января 1895 г. состояло на лицо 156 учащихся, изъ нихъ въ Коростышевскомъ училищѣ 116 (мальчиковъ 89 и дѣвочекъ 27); а въ Дедеркальскомъ—40 (мальчиковъ 38 и дѣвочекъ 2). Изъ числа 156 учащихся въ этихъ школахъ 118 принадлежатъ къ сельскому сословію.

Въ отчетномъ году г. попечитель округа посѣтилъ обѣ семинаріи.

Ремесленныхъ училищъ въ Кіевскомъ округѣ состоитъ 3, а именно: одно—въ г. Кіевѣ, другое—въ с. Дегтяряхъ, Прилукскаго уѣзда. Полтавской губерніи, третье—въ г. Черниговѣ. Въ ближайшемъ будущемъ послѣдуетъ открытіе еще двухъ ремесленныхъ училищъ: въ г. Нѣжинѣ на средства, пожертвованныя Андреемъ Ѳеодоровичемъ Кушакевичемъ, и въ посадѣ Клинцахъ, Новозыбковскаго уѣзда. Въ отчетномъ году производились работы по сооруженію зданій для этихъ училищъ.

Въ Кіевскомъ Александровскомъ ремесленномъ училищѣ къ началу 1894 г. состояло 117 учениковъ, а къ концу того-же года—134. Такое увеличеніе объясняется отчасти возникновеніемъ V класса, открытаго вновь согласно уставу 1890 г.; но и помимо того число желающихъ поступить въ училище возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Учащіеся раздѣлялись: а) по мастерскимъ: въ слесарной 67 (50⁰/₁₀), въ столярной 44 (32,8⁰/₁₀), въ токарной 9 (6,8⁰/₁₀), въ шорной 10 (7,5⁰/₁₀), въ сапожной 4 (2,9⁰/₁₀); б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 119 (88,8⁰/₁₀), старообрядцевъ 4 (2,9⁰/₁₀), католиковъ 9 (6,8⁰/₁₀), лютеранъ 2 (1,5⁰/₁₀); в) по сословіямъ: дворянъ 24 (17,8⁰/₁₀), духовнаго званія 5 (3,8⁰/₁₀), купеческаго 2 (1,5⁰/₁₀), мѣщанскаго 72 (53,8⁰/₁₀), крестьянскаго 29 (21,6⁰/₁₀), иностранныхъ подданныхъ 2 (1,5⁰/₁₀). Въ состоящемъ при училищѣ пансіонѣ находились 81 воспитанникъ, изъ коихъ 43 стипендіата. Общій расходъ училища въ 1894 году составлялъ 35.834 р. 50 к.; расходъ на одного ученика по общеобразовательному обученію достигалъ 70 р., по обученію ремесламъ—

56 р. 50 к., по содержанію пансіона—155 р. 45 к. Въ мастерскихъ было изготовлено различныхъ издѣлій на 6.041 р. 49 к.; продано было на 5.376 р. 79 к.

Дегтяревское ремесленное училище располагаетъ ежегодно суммой около 30.000 р., изъ коихъ 20.000 р. ассигнуется губернскимъ земствомъ. Училище имѣетъ свои мастерскія: столярную, слесарную, кузнечную и литейную. Всѣхъ служащихъ при училищѣ къ концу отчетнаго года состояло 21 лицо. Учащихся къ 1-му января 1894 г. было 112, въ теченіе года поступило 43, выбыло до окончанія курса 13, окончило курсъ 15; слѣдовательно, къ концу года состояло 124 ученика, въ томъ числѣ 96 интерновъ.

Черниговское Александровское ремесленное училище содержится на средства городского общества. По смѣтѣ 1894 г. было назначено 3.866 р., изъ коихъ израсходовано 3.848 р. 48 к. Служащихъ въ училищѣ 10 лицъ. Изъ ремесль преподаются: столярное, слесарное, кузнечное и токарное, при чемъ два послѣднія ремесла не имѣютъ самостоятельнаго характера, а служатъ только вспомогательными для первыхъ двухъ. Общее число учащихся къ 1-му января 1895 года составляло 41, изъ коихъ 26 были на кузнечно-слесарномъ отдѣлѣ и 15 на токарно-столярномъ. Затѣмъ ученики дѣлились: а) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—35 и іудеевъ—6; б) по сословіямъ: дворянъ—8, городскихъ сословій—27, сельскихъ сословій—6. Всѣ ученики приходящіе.

Кромѣ указанныхъ трехъ ремесленныхъ училищъ существуютъ еще ремесленные классы при нѣкоторыхъ низшихъ школахъ, а именно: въ Киевской губерніи—при 8 школахъ, въ Волынской—при 6, въ Подольской—при 5, въ Полтавской—при 5, въ Черниговской—при 2, а всего при 26 школахъ. Изъ этихъ классовъ наиболѣе удовлетворительно поставлены слѣдующіе.

А. Киевская губернія. 1) При Бердичевскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ имѣются столярно-токарный и кузнечно-слесарный классы, которые помѣщаются въ особомъ для нихъ приспособленномъ зданіи. Содержатся они, главнымъ образомъ, на средства мѣстнаго городского общества. Въ отчетномъ году на приходѣ было 3.283 р. 44 к., изъ коихъ израсходовано 2.627 р. 45 к.; къ 1-му январю 1895 г. оставалось 655 р. 99 к. Учащихся къ концу отчетнаго года состояло 31; они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 21, католиковъ 6, іудеевъ 4; б) по сословіямъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 2, городского

сословія 23, сельскаго 6; в) по мастерскимъ: въ столярно-токарной 11, въ кузнечно-слесарной 20.

2) При Бердичевскомъ двухклассномъ начальномъ еврейскомъ училищѣ состоитъ столярно-токарный ремесленный классъ. Въ отчетномъ году онъ располагалъ суммой въ 3.118 р. 97 к.; израсходовано въ теченіе года 1.285 р. 50 к.; къ 1-му января 1895 г. осталось 1.833 р. 47 к. Учащихся къ тому-же сроку состояло 20, всѣ іудейскаго вѣроисповѣданія и мѣщанскаго сословія.

3) При Смѣлянскомъ частномъ двухклассномъ начальномъ училищѣ, состоящемъ при сахарорафинадномъ заводѣ графовъ Бобринскихъ существуютъ классы техническихъ и конторскихъ знаній, а также мастерская для ремесленнаго отдѣленія; воспитанники обучаются мастерствамъ: слесарному, столярному, переплетному, рѣзчицкому, кровельному, токарному и выпилочному. Къ 1-му января 1895 года на коммерческомъ отдѣленіи было 14 учениковъ, а на техническомъ—20.

Кромѣ того въ Кіевской губерніи еще при 3 школахъ преподается столярное ремесло, при одной—столярное и сапожное и при одной—переплетное и картонажное.

Б. Подольская губернія. 1) При Мурафскомъ двухклассномъ сельскомъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія преподаются кузнечно-слесарное и столярно-токарное ремесла, для занятій коими имѣется отдѣльная кузница и теплое зданіе для слесарныхъ и столярно-токарныхъ работъ. Производство мастерскихъ состоитъ изъ предметовъ, необходимыхъ въ крестьянскомъ быту. Свѣдѣнія учащихся по мастерству слѣдуетъ признать достаточными. Въ отчетномъ году столярно-токарному ремеслу обучалось 10 человекъ, а кузнечно-слесарному—12.

Кромѣ того въ Подольской губерніи при 6 школахъ преподавалось столярное ремесло, при одной—переплетное и при одной—столярное и слесарно-кузнечное.

В. Въ Волинской губерніи преподается при 1 школѣ столярно-токарное и кузнечно-слесарное ремесла, при 1—столярно-токарное, при 1—переплетное, при 1—сапожное, при 1—слесарно-кузнечное, при 1—столярно-токарное и переплетное. Лучше всѣхъ поставлено дѣло въ Ровенскомъ и Острожскомъ одноклассныхъ начальныхъ еврейскихъ училищахъ; въ первомъ преподаются столярно-токарное и переплетное ремесла, а во второмъ—слесарно-кузнечное.

Г. Въ Черниговской губерніи при одной школѣ преподается столярное мастерство и при одной—сапожное.

Д. Въ Полтавской губерніи при двухъ школахъ преподается столярное ремесло и при трехъ—портняжное.

Всѣхъ народныхъ училищъ въ Кіевскомъ округѣ къ 1-му января 1895 года состояло 2.115; учащихся въ нихъ—167.053. Сравнительно съ прошлымъ годомъ число училищъ увеличилось на 27, а число учащихся—на 4.244. По различнымъ типамъ училища распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

35	городск. двухкл. мужск.,	по Полож. 1869 года съ	5.050	уч.
34	" " женск..	" " " " "	3.217	"
1	" однокл. мужск.,	" " 1872 " "	58	"
21	" двухкл.	" " " " "	2.254	"
6	" трехкл.	" " " " "	901	"
5	уѣздн.	по Уставу 1828 года.	353	"
4	приходск. двухкл.	" " " " "	751	"
94	" однокл.	" " " " "	7.253	"
62	сельск. двухкл. министерства народ. проsv.	"	10.228	"
640	" однокл.	" " " "	43.521	"
52	начальн. городск.	" " " "	4.707	"
1161	" сельск.	" " " "	88.760	"

Ремесленныхъ и руководѣльныхъ классовъ при означенныхъ училищахъ состояло 131 (на 3 болѣе сравнительно съ 1893 г.), классовъ для взрослыхъ—84. Въ собственныхъ зданіяхъ помѣщалось 1.984 училища, въ наемныхъ—131.

Всѣхъ учащихся въ народныхъ училищахъ въ отчетномъ году состояло 5.971 лицо; они раздѣлялись: а) по занимаемымъ должностямъ: штатныхъ смотрителей и учителей инспекторовъ 67, запопучителей 2.037, учителей 1.820, учительницъ 1.141, учителей пѣнія 232, учительницъ руководѣлія 55, учителей ремеслъ 20, учителей военной гимнастики 599; б) по вѣроисповѣданію: православныхъ 5.953, католиковъ 17, протестантовъ 1; в) по образованію: окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній 40 (0,7%), среднихъ—2.949 (49,4%), получившихъ специальную подготовку 817 (13,7%), выдержавшихъ соотвѣтственное испытаніе 1.380 (23,1%), не имѣющихъ правъ на преподаваніе 785 (13,1%); г) по содержанію: обучающихся бесплатно 212 (3,5%), получающихъ менѣе 50 р. въ годъ—950 (15,9%), отъ 50 до 100 р.—1.366 (22,9%), отъ 100 до 150 р.—444 (7,4%), отъ 150 до 200 р.—589 (9,9%), отъ 200 до 300 р. и болѣе—2.410 (40,4%).

Всѣхъ учащихся къ 1-му января 1895 г. состояло 167.053 че-

ловѣка; они раздѣлялись: а) по поламъ: мальчиковъ 141.919 (85⁰/₀) и дѣвочекъ 25.134 (15⁰/₀); б) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 156.975 (94⁰/₀), католическаго 4.064 (2,5⁰/₀), протестантскаго 403 (0,3⁰/₀), іудейскаго 4.852 (2,7⁰/₀), прочихъ исповѣданій 759 (0,5⁰/₀); в) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 3.743 (2,2⁰/₀), духовнаго званія 1.960 (1,2⁰/₀), городского сословія 19.254 (11,5⁰/₀), сельскаго сословія 141.341 (84,6⁰/₀), другихъ сословій 755 (0,5⁰/₀).

На содержаніе всѣхъ училищъ поступило 1.646.067 р. 44 к. въ томъ числѣ: изъ суммъ государственнаго казначейства 376.923 р. 32 к., отъ городскихъ обществъ 167.605 р. 18¹/₂ к., отъ сельскихъ обществъ 351.256 р. 16 к., отъ земствъ 444.728 р. 29 к., отъ удѣльнаго вѣдомства 6.256 р. 53 к., изъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ 23.341 р. 93 к., платы за ученіе 117.731 р. 92³/₄ к., разныхъ пожертвованій 125.726 р. 55¹/₄ к., ⁰/₀ съ капиталовъ и фондушей 32.497 руб. 54¹/₂ коп. Израсходовано въ теченіе года 1.481.459 р. 21 к. Остатокъ къ 1-му января 1895 года составлялъ 164.608 р. 23 к. Къ тому же сроку въ училищахъ состояло книгъ и брошюръ 1.430.445 томовъ, въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 103.592 тома на сумму 37.171 р. 88 к. Разныхъ учебныхъ пособій состояло 210.563 предмета, въ томъ числѣ въ теченіе года приобрѣтено 12.463 предмета.

Для болѣе подробнаго обзора народныхъ школы Кіевскаго округа раздѣляются на двѣ группы: 1) училища Юго-Западнаго края (губерніи Кіевская, Подольская и Волынская) и 2) училища губерній Черниговской и Полтавской.

Всѣхъ народныхъ училищъ въ трехъ губерніяхъ Юго-Западнаго края къ началу отчетнаго года состояло 789, въ томъ числѣ на Кіевскую губернію приходилось 205, на Подольскую—281 и на Волынскую—303. При училищахъ было 102 ремесленныхъ класса и 71 классъ для взрослыхъ. Въ теченіе года прибавилось 4 сельскихъ одноклассныхъ училища (по 1 въ Волынской и Кіевской губерніяхъ и 2 въ Подольской) и 1 руководѣльный классъ, а число классовъ для взрослыхъ уменьшилось на 1. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1895 г. состояло 793 училища (206 въ Кіевской губерніи, 283—въ Подольской и 304 въ Волынской), 103 ремесленныхъ и руководѣльныхъ класса и 70 классовъ для взрослыхъ. По типамъ училища распредѣляются слѣдующимъ образомъ: городскихъ двухклассныхъ мужскихъ 35, такихъ же женскихъ 34, приходскихъ 81, сельскихъ двухклассныхъ 25, сельскихъ одноклассныхъ 618. При нѣкоторыхъ учи-

лицахъ, въ виду переполненія ихъ учащимися, устроены параллельные классы; всѣхъ параллельныхъ классовъ въ отчетномъ году было 13.

Города Юго-Западнаго края въ отношеніи числа низшихъ учебныхъ заведеній обставлены весьма различно. Въ общемъ слѣдуетъ признать, что наличное число школъ не вполне удовлетворяетъ потребности городского населенія Юго-Западнаго края; довольно богаты школами Кіевъ, гдѣ имѣется 38 низшихъ учебныхъ заведеній; затѣмъ по порядку идутъ города: Каменецъ-Подольскъ (6 школъ), Житомиръ и Бердичевъ (по 4) и Каневъ (3). Въ 29 городахъ имѣется по одному двухклассному училищу мужскому и по одному женскому, а Ровно и Острогъ имѣютъ лишь по одному одноклассному приходскому училищу. Что касается уѣздовъ Юго-Западнаго края, то наибольшимъ количествомъ школъ располагаютъ уѣзды: Новоушицкій и Балтскій, Подольской губерніи (по 33 школы), Житомирскій, Волинской губ. (31) и Каменецкій, Подольской губ. (30); затѣмъ 4 уѣзда имѣютъ по 29—26 школъ, 9 уѣздовъ—по 24—21 школъ, 6 уѣздовъ—по 19—16 школъ, 9 уѣздовъ—по 14—10 школъ, наконецъ, менѣе 10 школъ имѣютъ 4 уѣзда Кіевской губерніи: Бердичевскій (9), Сквирскій (7), Таращанскій (6) и Уманскій (5). Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что въ большинствѣ уѣздовъ Юго-Западнаго края число народныхъ училищъ далеко не соответствуетъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ; еще нагляднѣе становится это несоответствіе при сравненіи числа училищъ съ количествомъ народонаселенія; отношеніе это, по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, не измѣнилось къ лучшему, а скорѣе ухудшилось, такъ какъ открытіе новыхъ училищъ не поспѣваетъ даже за естественнымъ ростомъ населенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ Кіевской губерніи 1 школа приходится, среднимъ числомъ, на 20.622 чел., въ Подольской—на 9.613 ч., въ Волинской—на 8.346 ч. Въ частности по уѣздамъ эта цифра варьируется слѣдующимъ образомъ. Бѣднѣе всѣхъ школами 3 уѣзда Кіевской губерніи: въ Уманскомъ 1 школа приходится на 54.238 ч., въ Таращанскомъ—на 36.642 ч., въ Сквирскомъ—на 30.612 ч. Затѣмъ, въ 7 уѣздахъ на каждую школу приходится по 25—20 тысячъ чел., въ 10 уѣздахъ—по 16—10 тысячъ, въ 4 уѣздахъ—свыше 9 тысячъ, въ 4 уѣздахъ—свыше 8 тысячъ, въ 2 уѣздахъ—свыше 7 тысячъ, въ 5 уѣздахъ—свыше 6 тысячъ. Богаче другихъ школами Винницкій уѣздъ, Подольской губерніи, гдѣ на каждую школу приходится по 5.937 человекъ. Не менѣе краснорѣчивы цифры,

показывающія отношеніе числа сельскихъ училищъ къ пространству отдѣльныхъ губерній: въ Кіевской губерніи 1 школа приходится на 313 квадр. версть, въ Подольской—на 145 квадр. версть, въ Волинской—на 225 квадр. версть, а среднимъ числомъ во всемъ Юго-Западномъ краѣ приходится по одной школѣ на 214 квадр. версть. Въ значительномъ числѣ волостей нѣтъ ни одного училища министерства народнаго просвѣщенія; такихъ волостей въ Кіевской губерніи 101 изъ 203, въ Подольской—17 изъ 153 и въ Волинской—22 изъ 204, а въ общемъ изъ 560 волостей Юго-Западнаго края министерскихъ школъ нѣтъ въ 140, что составляетъ ровно 25%.

Недостаточное число народныхъ школъ составляетъ явленіе весьма прискорбное, въ особенности въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ школа, кромѣ общаго религіозно-нравственнаго воспитанія народа, призвана еще служить слянію въ одну русскую народность всѣхъ разнообразныхъ вѣроисповѣдныхъ и племенныхъ элементовъ края. Эта задача, которая можетъ быть успѣшно разрѣшена только путемъ школы, и притомъ школы Министерства Народнаго Просвѣщенія, настолько важна, что для выполненія ея не слѣдовало-бы останавливаться передъ необходимыми затратами изъ средствъ государственнаго казначейства. Для этого важнаго государственнаго назначенія не примѣнима школа церковно-приходская, которая по самому характеру своему не можетъ привлекать иновѣрное населеніе, составляющее болѣе 18% всего населенія Юго-Западнаго края, а въ частности въ пограничной съ Австрією Волинской губерніи болѣе 23%. Увеличеніе числа народныхъ школъ въ Юго-Западномъ краѣ встрѣчаетъ затрудненіе не только въ недостаткѣ средствъ. Довѣріе мѣстнаго населенія къ министерской школѣ настолько укрѣпилось, что весьма часто незначительною поддержкой со стороны казны можно вызвать со стороны крестьянскаго населенія значительныя матеріальныя жертвы въ пользу школы. Но дѣло тормозится постоянно несогласіемъ на открытіе училищъ со стороны мѣстнаго епархіальнаго начальства. Между тѣмъ, казалось-бы, недостатокъ въ школахъ такъ великъ, что даже при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ двухъ вѣдомствъ трудно было бы удовлетворить существующей потребности. Поэтому весьма желательно, для оживленія и ускоренія дѣла открытія новыхъ школъ, предоставить учебному вѣдомству право открывать школы, гдѣ къ тому представится возможность и необходимость, безъ предварительнаго сношенія съ другимъ вѣдомствомъ, что замедляетъ и усложняетъ дѣло.

Изъ наличнаго числа училищъ въ собственныхъ зданіяхъ помѣ-

щается 717, а въ наемныхъ 76. Значительная часть собственныхъ училищныхъ зданій можетъ быть названа удовлетворительною; тѣмъ не менѣ встрѣчаются не только въ селахъ, но и въ городахъ собственные зданія, неудовлетворяющія требованіямъ школы. По этому строительная дѣятельность въ училищахъ выражается не только ежегоднымъ увеличеніемъ числа собственныхъ зданій, но и ремонтомъ уже существующихъ. Въ отчетномъ году въ собственные дома переведено 6 школь.

На содержаніе народныхъ училищъ Юго-Западнаго края въ отчетномъ году поступило изъ разныхъ источниковъ 829.814 р. 32¹/₄ к.; изъ нихъ израсходовано 711.052 р. 3 к.; въ остаткѣ къ 1 Января 1895 г. состояло 118.762 р. 29¹/₄ к. Въ частности приходъ, расходъ и остатокъ по каждому типу учебныхъ заведеній представляется въ слѣдующемъ видѣ: городскія двухклассныя училища мужскія и женскія—приходъ 325.827 р. 18¹/₄ к., расходъ 218.322 р. 1 к., остатокъ 107.505 р. 17¹/₄ к.; приходскія училища двухклассныя—приходъ 976 р., расходъ 976 р., одноклассныя—приходъ 99.775 р. 38 к., расходъ 98.468 р. 99 к., остатокъ 1.306 р. 39 к.; сельскія двухклассныя—приходъ 52.711 р. 86 к., расходъ 50.443 р. 86 к., остатокъ 2.268 р., одноклассныя—350.523 р. 90 к., расходъ 342.841 р. 17 к., остатокъ 7.682 р. 73 к. Средства на содержаніе народныхъ училищъ поступили въ отчетномъ году изъ слѣдующихъ источниковъ: отъ государственнаго казначейства 271.788 р. 60 к., или 32,75% отъ городскихъ обществъ 112.616 р. 77¹/₂ к. (13,57%), отъ сельскихъ обществъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ 249.507 р. 17 к. (30,07%), отъ удѣльнаго вѣдомства 6.256 р. 53 к. (0,75%), платы за ученіе 72.825 р. 83¹/₂ к. (8,77%), разныхъ пожертвованій 97.043 р. 46³/₄ к. (11,7%), доходовъ съ капиталовъ 19.775 р. 94¹/₂ к. (2,39%). Такимъ образомъ, какъ и въ прежніе годы, главными источниками средствъ содержанія народныхъ училищъ являются государственное казначейство и сельскія общества. Средняя стоимость содержанія одного училища каждаго типа выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: городскія двухклассныя 3.164 р. 8 к., приходскія двухклассныя 976 р., приходскія одноклассныя 1.262 р. 42 к., сельскія двухклассныя 2.017 р. 75 к., сельскія одноклассныя 554 р. 75 к. Въ частности по губерніямъ, двухклассныя сельскія училища лучше всего обеспечены въ Волынской губерніи, нѣсколько хуже въ Подольской, и всего бѣднѣе—въ Киевской; по отношенію же обеспечения одноклассныхъ сельскихъ училищъ первое мѣсто принадлежитъ Подольской губерніи, а послѣднее—Киевской.

Во всѣхъ народныхъ училищахъ Юго-Западнаго края къ 1 Января 1895 г. состояло книгъ и брошюръ 667.810 томовъ и учебныхъ пособій 109.211 предметовъ; въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено книгъ и брошюръ 43.238 томовъ на сумму 16.424 р. 67 к. и учебныхъ пособій 6.182 предмета. Въ частности, при 35 городскихъ двухклассныхъ мужскихъ училищахъ состояло книгъ и брошюръ 84.007 томовъ и учебныхъ пособій 10.506 предметовъ; при 3 двухклассныхъ приходскихъ училищахъ—7.656 томовъ и 935 предметовъ; при 78 одноклассныхъ приходскихъ училищахъ—51.165 томовъ и 9.057 предметовъ; при 25 сельскихъ двухклассныхъ—28.071 томъ и 6.574 предмета; при 618 сельскихъ одноклассныхъ—496.911 томовъ и 82.139 предметовъ. Изъ всѣхъ типовъ училищъ самыми богатыми библіотеками пользуются городскія и приходскія двухклассныя училища. Въ приходскихъ одноклассныхъ и въ сельскихъ училищахъ библіотеки состоятъ какъ изъ книгъ для чтенія, такъ и изъ учебниковъ; учебники особенно преобладаютъ въ сельскихъ одноклассныхъ училищахъ, гдѣ они выдаются бесплатно всѣмъ учащимся. Источникомъ содержанія библіотекъ въ сельскихъ одноклассныхъ школахъ служить ежегодно ассигнуемая казной сумма въ размѣрѣ отъ 20 до 26 р. на училище; но изъ этой же суммы приобрѣтаются и руководства для дѣтей, такъ что на покупку книгъ для внѣкласснаго чтенія почти не остается свободныхъ денегъ. При нѣкоторыхъ училищахъ устроены библіотеки для взрослыхъ; онѣ находятся въ непосредственной связи со школой и для той части населенія, которая прошла черезъ школу, въ высшей степени полезны, но лишь при условіи правильнаго и строгаго подбора книгъ.

Ближайшій надзоръ за народными училищами Юго-Западнаго края порученъ инспекціи, которая въ отчетномъ году состояла изъ 14 инспекторовъ (4 для Кіевской губерніи, 4 для Подольской и 6 для Волынской). Затѣмъ. почетныхъ служащихъ при школахъ состояло 31 лицо, а именно: 8 почетныхъ смотрителей и 23 почетныхъ блюстителя и блюстительницы. Всѣ почетные служащіе оказываютъ значительное содѣйствіе школѣ какъ постоянными взносами, такъ и единовременными пособиями.

Всѣхъ учащихся въ народныхъ училищахъ Юго-Западнаго края къ 1-му января 1895 года состояло 2.414 лицъ, въ томъ числѣ: 34 штатныхъ смотрителя, 776 законоучителей, 810 учителей, 194 учительницы, 136 учителей пѣнія, 48 учительницъ рукодѣлія, 15 учителей ремесля, 401 учитель военной гимнастики. Изъ нихъ 2.397

лицъ православнаго вѣроисповѣданія, 16—римско-католическаго и 1 протестантскаго (учащіе не православнаго вѣроисповѣданія преподають военную гимнастику). По образованію учащіе распредѣляются слѣдующимъ образомъ: окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній 34 или 1,4%, получившихъ специальную подготовку 494 или 20,5%, окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній 992 или 41,1% (въ томъ числѣ 750 законоучителей, окончившихъ семинаріи), выдержавшихъ надлежащее испытаніе 389 или 16,1%, неимѣющихъ правъ на преподаваніе 505 или 20,9% (въ томъ числѣ 119 учителей пѣнія, 34 учительницы рукодѣлія, 7 учителей ремесель и 337 учителей военной гимнастики). По размѣрамъ получаемаго содержанія учащіе распредѣляются на слѣдующія группы: получающихъ въ годъ менѣе 50 р. 369 лицъ или 15,3%, получающихъ отъ 50 до 100 р.—556 или 23%, получающихъ отъ 100 до 150 р.—246 или 10,2%, получающихъ отъ 150 до 200 р.—97 или 4%, получающихъ свыше 200 р.—1.005 или 41,6%, обучающихся бесплатно—141 или 5,9%. Необходимо замѣтить, что въ числѣ лицъ, получающихъ менѣе 100 р., входятъ преимущественно лица, для которыхъ это содержаніе не представляетъ единственныхъ средствъ къ жизни (законоучителя, учителя гимнастики и т. п.). Если же принять во вниманіе только учителей и учительницъ, которые должны довольствоваться исключительно получаемымъ на службѣ въ училищахъ содержаніемъ, то окажется, что 90,4% ихъ получаютъ свыше 200 р. въ годъ. Тѣмъ не менѣе окладъ въ 200—250 р. нельзя признать достаточнымъ, ибо для семейнаго человѣка прожить на такія средства крайне трудно.

Къ началу отчетнаго года въ народныхъ училищахъ Юго-Западнаго края состояло всѣхъ учащихся 57.661, въ томъ числѣ 46.817 мальчиковъ и 10.844 дѣвочки. Въ теченіе года поступило 21.542, въ томъ числѣ 17.008 мальчиковъ и 4.534 дѣвочки; слѣдовательно, обучалось всего 79.203. Выбыло до окончанія курса 12.321 (мальчиковъ 9.371 и дѣвочекъ 2.949), окончило курсъ 6.804 (мальчиковъ 5.719 и дѣвочекъ 1.085). За симъ, къ 1-му января 1895 г. состояло мальчиковъ 48.736 и дѣвочекъ 11.342, а всего 60.078, то-есть. на 2.417 болѣе прошлогодняго. Удостоено свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности 5.758, въ томъ числѣ: 3-го разряда—996 и 4-го разряда—4.762. Наличная цифра учащихся къ 1-му января 1895 г. распредѣлялась: а) по училищамъ разныхъ типовъ: въ двухклассныхъ городскихъ училищахъ—5.050 мальчиковъ и 3.217 дѣвочекъ, всего 8.267 или 13,8% всѣхъ учащихся, въ приходскихъ

двухклассныхъ—540 мальчиковъ и 138 дѣвочекъ, всего 678 или 1,1⁰/₀. въ приходскихъ одноклассныхъ—3.845 мальчиковъ и 1.667 дѣвочекъ, всего 5.512 или 9,2⁰/₀, въ сельскихъ двухклассныхъ—3.454 мальчика и 703 дѣвочки, всего 4.157 или 6,9⁰/₀, въ сельскихъ одноклассныхъ—35.847 мальчиковъ и 5.617 дѣвочекъ, всего 41.464 или 69⁰/₀; б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—52.443 или 87,3⁰/₀, католиковъ—3.943 или 6,6⁰/₀, протестантовъ—368 или 0,6⁰/₀, евреевъ—3.128 или 5,2⁰/₀, другихъ исповѣданій—196 или 0,3⁰/₀; в) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—1.991 или 3,3⁰/₀, духовнаго званія—813 или 1,4⁰/₀, городскихъ сословій—10.280 или 17,1⁰/₀, сельскихъ сословій—46.365 или 77,2⁰/₀, другихъ сословій—629 или 1⁰/₀.

Количество обучающихся дѣвочекъ составляетъ менѣе $\frac{1}{5}$ всего числа учащихся (18,9⁰/₀); въ частности по губерніямъ, количество дѣвочекъ въ Киевской губерніи составляетъ 20,7⁰/₀, въ Подольской—18,7⁰/₀ и въ Волынской—17,4⁰/₀. Въ городахъ дѣвочекъ обучается гораздо больше, чѣмъ въ селахъ, такъ что въ городскихъ и приходскихъ школахъ процентъ дѣвочекъ достигаетъ 34,7⁰/₀, а въ сельскихъ падаетъ до 13,8⁰/₀.

При сравненіи числа выбывшихъ изъ училищъ до окончанія курса и числа окончившихъ курсъ съ общимъ числомъ учащихся, получаются слѣдующія отношенія, которыя до извѣстной степени могутъ служить показателями успѣшности обученія.

У Ч И Л И Щ А.	Выбыло до окончанія курса:		Окончало курсъ:			
	Мальч.	Дѣвоч.	Всѣхъ.	Мальч.	Дѣвоч.	Всѣхъ.
Городскія двухклассныя мужскія	17,6 ⁰ / ₀	—	17,6 ⁰ / ₀	13,4 ⁰ / ₀	—	13,4 ⁰ / ₀
Городскія двухклассныя женскія	—	16,6 ⁰ / ₀	16,6 ⁰ / ₀	—	8,6 ⁰ / ₀	8,6 ⁰ / ₀
Приходскія двухклассн.	21,1 ⁰ / ₀	16 ⁰ / ₀	20 ⁰ / ₀	8,5 ⁰ / ₀	3,6 ⁰ / ₀	7,5 ⁰ / ₀
Приходскія одноклассн.	16 ⁰ / ₀	23 ⁰ / ₀	18,1 ⁰ / ₀	15,1 ⁰ / ₀	13,6 ⁰ / ₀	14,6 ⁰ / ₀
Сельскія двухклассныя.	18,4 ⁰ / ₀	30,7 ⁰ / ₀	20,5 ⁰ / ₀	9,2 ⁰ / ₀	5,5 ⁰ / ₀	8,5 ⁰ / ₀
Сельскія одноклассныя.	19,8 ⁰ / ₀	31,9 ⁰ / ₀	21,4 ⁰ / ₀	11,4 ⁰ / ₀	9,5 ⁰ / ₀	11,1 ⁰ / ₀

Въ постановкѣ учебнаго дѣла въ школахъ Юго-Западнаго края слѣдуетъ отмѣтить усиленное преподаваніе Закона Божія и русскаго языка—этихъ двухъ главныхъ рычаговъ въ дѣлѣ обрусенія края и культурнаго закрѣпленія его за русской народностью. Церковное

пѣніе съ каждымъ годомъ дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи. Обучение сельскому хозяйству и его отраслямъ, а также ручному труду и ремесламъ понемногу начинаетъ вступать въ обиходъ народной школы края, но быстрому развитію этого обученія препятствуетъ недостатокъ средствъ, а также и малый возрастъ учащихся, неспособныхъ еще къ тяжелой физической работѣ.

Въ отчетномъ году г. попечителемъ округа были посѣщены и осмотрѣны 3 народныхъ училища въ Киевской губерніи, 7 въ Подольской и 22 въ Волынской, а всего 32 училища.

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской къ 1-му января 1895 г. состояли 1.322 народныхъ училища (608 въ первой и 714 во второй), въ томъ числѣ: въ непосредственномъ вѣдѣніи дирекцій народныхъ училищъ 109, въ вѣдѣніи дирекцій и училищныхъ совѣтовъ 1.213. Къ училищамъ первой категоріи относятся слѣдующія: 28 городскихъ по Положенію 1872 г. (6 трехклассныхъ, 21 двухклассное и 1 одноклассное), 5 уѣздныхъ по Уставу 1828 г., 17 приходскихъ по Уставу 1828 г. (1 двухклассное и 16 одноклассныхъ), 59 сельскихъ по Инструкціи 1875 г. (37 двухклассныхъ и 22 одноклассныхъ). Къ училищамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи дирекцій и училищныхъ совѣтовъ, относятся слѣдующія: 52 городскихъ начальныхъ и 1.161 сельское начальное. Въ отчетномъ году число училищъ увеличилось на 23, въ томъ числѣ въ Черниговской губерніи на 18, а въ Полтавской на 6.

По отдѣльнымъ уѣздамъ школы распределяются слѣдующимъ образомъ. Больше всего школъ въ двухъ уѣздахъ Полтавской губерніи: въ Константиноградскомъ (75) и Пирятинскомъ (60); затѣмъ 10 уѣздовъ имѣютъ по 56—50 школъ, 4 уѣзда по 45—40 школъ, 12 уѣздовъ по 39—30 школъ; меньше 30 школъ въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи (28) и Суражскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи (22). Если же сравнить число школъ съ цифрой народонаселенія, то окажется, что въ Черниговской губерніи 1 школа приходится, среднимъ числомъ, на 3.449 жителей, а въ Полтавской—на 3.814. Въ частности по уѣздамъ, въ Суражскомъ на каждую школу приходится 8.738 человекъ населенія, а въ Кобелякскомъ, Полтавской губерніи—6.544 человекъ; затѣмъ въ 8 уѣздахъ на одну школу приходится свыше 4.000, въ 13 уѣздахъ—свыше 3.000, въ 7 уѣздахъ—свыше 2.000; наиболѣе богатъ школами Глуховскій уѣздъ, Черниговской губерніи, гдѣ на каждыя 2.288 человекъ приходится по школѣ. Изъ этихъ цифръ видно, что количество школъ по лѣвую сторону

Днѣпра гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Юго-Западномъ краѣ, однако нельзя не отмѣтить, что и въ лѣвобережныхъ губерніяхъ есть еще волости, въ которыхъ нѣтъ ни одной министерской школы.

Изъ общаго числа 1.322 училищъ къ концу отчетнаго года въ собственныхъ зданіяхъ помѣщалось 1.267, а въ наемныхъ—55. Въ виду того, что многія школы имѣютъ крайне неудовлетворительныя помѣщенія, учебное начальство заботится постоянно о возведеніи новыхъ зданій и о ремонтнровкѣ старыхъ. Въ отчетномъ году было выстроено вновь 20 зданій въ Черниговской губерніи и 13 въ Полтавской, а всего 33 зданія; капитальный ремонтъ былъ произведенъ въ 5 школахъ Черниговской губерніи. Стоимость новыхъ построекъ колеблется между 1.000 и 4.000 руб.

На содержаніе народныхъ училищъ Черниговской и Полтавской губерній въ 1894 г. поступило изъ разныхъ источниковъ 816.253 р. 11³/₄ к.; изъ этой суммы израсходовано 770.407 р. 18 к.; къ 1-му января 1895 г. образовался остатокъ въ 45.845 р. 93³/₄ к. Въ частности приходъ, расходъ и остатокъ суммъ по каждому типу училищъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) въ городскихъ училищахъ: одноклассныхъ—приходъ 2.238 р. 95 к., расходъ 2.086 р. 45 к., остатокъ 152 р. 50 к., двухклассныхъ—приходъ 78.787 р. 13³/₄ к., расходъ 62.512 р. 91 к., остатокъ 16.247 р. 22³/₄ к., трехклассныхъ—приходъ 34.873 р. 3 к., расходъ 27.799 р. 23 к., остатокъ 7.073 р. 80 к.; въ уѣздныхъ училищахъ—приходъ 16.910 р. 99 к., расходъ 13.104 р. 54 к., остатокъ 3.806 р. 45 к.; въ сельскихъ: двухклассныхъ—приходъ 54.460 р. 84 к., расходъ 52.337 р. 29 к., остатокъ 2.123 р. 55 к., одноклассныхъ—приходъ 16.917 р. 80 к., расходъ 16.199 р. 47 к., остатокъ 718 р. 33 к.; въ приходскихъ училищахъ: двухклассныхъ—приходъ 1.513 р., расходъ 1.513 р., одноклассныхъ—приходъ 20.423 р. 22 к., расходъ 20.257 р. 44 к., остатокъ 165 р. 78 к.; б) въ городскихъ начальныхъ училищахъ—приходъ 46.614 р. 81 к., расходъ 45.452 р. 30 к., остатокъ 1.162 р. 51 к., въ сельскихъ начальныхъ—приходъ 543.513 р. 34 к., расходъ 529.144 р. 55 к., остатокъ 14.368 р. 79 к. Общая цифра прихода слагалась изъ слѣдующихъ поступленій: изъ суммъ государственнаго казначейства 105.134 р. 72 к. или 12,9% отъ городскихъ обществъ 54.988 р. 41 к. или 6,7%, отъ сельскихъ обществъ 125.090 р. 92 к. или 15,3%, отъ земствъ 444.728 р. 29 к. или 54,5%, отъ платы за ученіе 44.906 р. 9¹/₄ к. или 5,5%, разныхъ пожертвованій 28.683 р. 8¹/₂ к. или 3,5%, процентовъ съ капиталовъ 12.721 р. 60 к. или

1,6%. Училища, состоящія въ непосредственномъ завѣдываніи дирекцій, содержались главнымъ образомъ на суммы, отпущенныя изъ государственнаго казначейства (46,5% общаго прихода), суммы вырученныя отъ платы за право ученія (15,9%) и суммы отъ земствъ (10,7%); наоборотъ, училища, находящіяся въ вѣдѣніи дирекцій и училищныхъ совѣтовъ, получали средства почти исключительно отъ земствъ (71,3%), отъ сельскихъ обществъ (18,7%) и отъ городскихъ обществъ (5,6%), а отъ казны совсѣмъ не получали пособій. Въ частности надо замѣтить, что школы Полтавской губерніи обезпечены гораздо лучше, чѣмъ школы Черниговской губерніи.

Въ библіотекахъ народныхъ училищъ лѣвобережныхъ губерній къ 1-му января 1895 года состояло 762.635 книгъ и брошюръ и 101.352 разныхъ пособій, въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 60.354 тома на 20.747 р. 21 к. и учебныхъ пособій 6.281 экземпляръ. Въ частности по училищамъ различныхъ типовъ указанныя цифры распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ 28 городскихъ училищахъ 83.575 томовъ (въ 1894 г. приобрѣтено 2.164 томовъ на 1.804 р. 79 к.) и 10.760 учебныхъ пособій (вновь приобрѣтено 117), въ 5 уѣздныхъ училищахъ 14.288 томовъ (вновь приобрѣтено 392 тома на 319 р. 52 к.) и 1.015 экземпляровъ учебныхъ пособій (вновь приобрѣтено 11), въ 17 приходскихъ—8.689 томовъ (вновь приобрѣтено 595 томовъ на 267 р. 34 к.) и 1.323 экземпляра (вновь приобрѣтено 85), въ 59 сельскихъ министерскихъ училищахъ 84.356 томовъ (вновь приобрѣтено 4.349 томовъ на 2.263 р. 93 к.) и 10.073 экземпляра (вновь приобрѣтено 451), въ 1.213 начальныхъ училищахъ 571.727 томовъ (вновь приобрѣтено 52.854 тома на 16.091 р. 63 к.) и 78.181 экземпляръ (вновь приобрѣтено 5.617). Какъ въ отношеніи книгъ, такъ и въ отношеніи учебныхъ пособій школы въ Полтавской губерніи нѣсколько лучше обставлены, чѣмъ въ Черниговской. Наиболѣе богаты книгами и пособиями училища городскія и уѣздныя, менѣе полны библіотеки училищъ низшихъ типовъ, городскихъ и сельскихъ.

Учебная администрація состоитъ въ Черниговской губ. изъ 1 директора и 5 инспекторовъ, а въ Полтавской—изъ 1 директора и 7 инспекторовъ. Въ Черниговской губ. имѣется 1 губернский училищный совѣтъ и 15 уѣздныхъ, въ Полтавской—то же количество. Всѣхъ учащихъ въ обѣихъ губерніяхъ въ отчетномъ году было 3.557 лицъ, на 115 болѣе сравнительно съ прошлымъ годомъ. Это число раздѣлялось: а) по должностямъ: инспекторовъ и штатныхъ смотри-

телей 33, законоучителей 1.261, учителей 1,010, учительницъ 947, учителей пѣнія 96, учительницъ руководѣлія 7, учителей ремесль 5, учителей военной гимнастики 198; б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 3.556 и католиковъ 1 (учитель военной гимнастики); в) по образованію: съ высшимъ—6 (0,2%), со среднимъ—1,957 (55%), въ томъ числѣ 1.182 священника, со специальной подготовкой—323 (9,1%), выдержавшихъ соотвѣтственное испытаніе—991 (27,8%), не имѣющихъ правъ на преподаваніе—280 (7,9%), въ томъ числѣ учителей военной гимнастики 185 и учителей пѣнія 76; г) по размѣрамъ содержанія: обучающихся бесплатно 71 (2%), получающихъ въ годъ менѣе 50 р.—581 (17%), получающихъ отъ 50 до 100 р.—810 (22,7%), получающихъ отъ 100 до 150 р.—198 (5,5%), получающихъ отъ 150 до 200 р.—492 (13,8%), получающихъ отъ 200 до 300 р. и свыше—1.405 (39%). Въ частности учителя и учительницы получаютъ обыкновенно 150—300 р. въ годъ, но такое содержаніе врядъ ли можно признать достаточнымъ: для учителя семейнаго содержаніе ниже 300 р. не можетъ представлять полного обезпеченія.

Значительное число учащихся, неполучившихъ специальной подготовки, и происходящія отъ того недостатки школьнаго обученія побудили черниговское губернское земство испросить разрѣшеніе на устройство лѣтомъ 1894 г. временныхъ педагогическихъ курсовъ. Такіе курсы и состоялись въ іюлѣ мѣсяцѣ въ г. Черниговѣ для учителей и учительницъ 5 уѣздовъ: черниговскаго, сосницкаго, остерскаго, козелецкаго и городнянскаго. Всѣхъ участвовавшихъ на курсахъ было 60 лицъ, и руководило занятіями два лица.

Къ началу отчетнаго года всѣхъ учащихся въ школахъ обѣихъ губерній состояло 91.339 м. и 13.809 д., а всего 105.148. Изъ нихъ выбыло до окончанія курса 21.437 м. и 5.077 д., всего 26.514. Поступило въ теченіе года 32.228 м. и 6.126 д., всего 38.354. Окончило курсъ 8.947 м. и 1.066 д. всего 10.013. Состояло къ 1 января 1895 г. 93.183 м. и 13.792 д., всего 106.975. Такимъ образомъ мальчики составляютъ 87% всего числа учащихся, а дѣвочки лишь 13%. Число выбывшихъ до окончанія курса составляетъ 18,4% общей цифры, а число окончившихъ курсъ—6,9%. Изъ числа окончившихъ удостоены льготныхъ свидѣтельствъ по отбыванію воинской повинности: III разряда 721 м. и IV разряда 8.226 м.; сверхъ того льготныя свидѣтельства IV разряда получили 52 м. изъ числа неокончившихъ курсъ въ двухклассныхъ училищахъ. Общая цифра 106.975

учащихся распадается: а) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 104.552 или 97,7%, католиковъ 121, протестантовъ 35, евреевъ 1.724 (1,6%), прочихъ исповѣданій 563; б) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 1.752 (1,6%), духовнаго званія 1.147 (1,1%) городскихъ сословій 8.975 (8,4%), сельскихъ 94.976 (88,8%), прочихъ сословій 126 (0,1%).

Вопросъ о томъ, какая часть населенія проходитъ черезъ начальную школу выясняется изъ слѣдующаго расчета: общее количество населенія въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ составляетъ 4.842.637 человекъ; изъ нихъ обучаются 106.975 или 2,2%, а въ частности въ Черниговской губ. 2,36% и въ Полтавской 2,08%. Принимая, приблизительно, что число дѣтей школьнаго возраста составляетъ 8% наличнаго населенія, мы найдемъ, что при современномъ положеніи дѣлъ, народная школа вмѣщаетъ менѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Такой результатъ нельзя назвать удовлетворительнымъ. Необходимо замѣтить, что недостаточное распространеніе школьнаго обученія сильнѣе всего отзывается на женскомъ населеніи.

Въ отчетномъ году г. попечитель округа посѣтилъ городскія и приходскія училища въ гг. Черниговѣ, Глуховѣ, Кролевецѣ, Новгородѣверскѣ, Новозыбковѣ и въ посадѣ Клинцахъ, а помощникъ г. попечителя посѣтилъ Нѣжинское городское училище.

Всѣхъ частныхъ училищъ второго и третьяго разрядовъ въ Киевскомъ округѣ къ 1-му января 1895 г. состояло 58, въ томъ числѣ 2-го разряда женскихъ—7, а 3-го разряда: мужскихъ—7, женскихъ—7 и обоего пола—39. Наибольшее число частныхъ училищъ приходится на г. Киевъ и на Киевскую губернію (24 изъ 58). Пансіоновъ при частныхъ школахъ состояло 5. Всѣхъ содержателей и содержательницъ, а также учителей и учительницъ было 170. Учащихся къ 1-му января 1895 г. насчитывалось 1.724, въ томъ числѣ 753 м. и 971 д. Учашіеся распредѣлялись: а) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 462 (26,8%), духовнаго званія 31 (1,7%), городского сословія 766 (44,5%), сельского сословія 465 (27%); б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 1.352 (78,4%), католиковъ 109 (6,3%), протестантовъ 25 (1,5%), іудеевъ 146 (8,5%), прочихъ исповѣданій 92 (5,3%). Въ большинствѣ частныхъ школъ учебно-воспитательное дѣло поставлено хорошо; въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаютъ училища: женское 2-го разряда г-жа Лятошинской въ г. Ровно (Волынской губ.), училище г-жи Кулицкой въ Киевѣ и училище

при рафинадномъ заводѣ графовъ Бобринскихъ въ м. Смѣлѣ, Черкаскаго уѣзда, Кіевской губ.

Училище г-жи Кулицкой представляетъ учебное заведеніе вполне благоустроенное и весьма полезное для городского населенія, благодаря чему и пользуется субсидіей какъ отъ казны, такъ и отъ города. Училище состоитъ изъ двухъ отдѣленій: младшаго, представляющаго элементарную школу съ преподаваніемъ разныхъ видовъ ручнаго труда, и старшаго или женскихъ ремесленныхъ классовъ, гдѣ ученицы, прошедшія курсъ начальной школы, не оставляя общаго образованія, занимаются преимущественно разнаго рода рукодѣліями, начиная съ простаго шитья и вязанья и переходя постепенно къ разнымъ видамъ моднаго мастерства; ученицы занимаются также веденіемъ домашняго хозяйства по мастерской и кухнѣ, а лѣтомъ переѣзжаютъ вмѣстѣ съ содержательницей школы на ферму и приучаются къ домашнему сельскому хозяйству. При училищѣ устроена особая мастерская для ученицъ, окончившихъ полный курсъ и оставшихся при школѣ; эти бывшія ученицы, совершенствуясь въ работѣ, получаютъ въ то же время 70% платы за выполненные ими заказы. По окончаніи курса воспитанницы г-жи Кулицкой обыкновенно сразу получаютъ мѣста въ различныхъ модныхъ мастерскихъ, и спросъ на такихъ мастерицъ съ каждымъ годомъ увеличивается.

Нельзя еще не упомянуть о своеобразномъ явленіи—существованіи въ Острожскомъ уѣздѣ, Волынской губ., особаго частнаго училища, въ которомъ и учащіе, и дѣти—исключительно магометане; помѣщается это училище въ татарскомъ поселкѣ Ювковцахъ, населеніе котораго исповѣдуетъ магометанскую вѣру, но по языку, обычаямъ и вообще по внѣшнему виду ничѣмъ не отличается отъ сосѣднихъ крестьянъ. Все обученіе въ училищѣ ведется по русски, при чемъ преподается даже церковно-славянское чтеніе; магометанское вѣроученіе сообщается дѣтямъ также по русски, такъ какъ ученики ни съ татарскимъ, ни съ арабскимъ языкомъ незнакомы.

Еврейскихъ училищъ въ Кіевскомъ округѣ къ началу отчетнаго года состояло 1.019, а именно: начальныхъ двухклассныхъ 3, одноклассныхъ 14, частныхъ мужскихъ 44, частныхъ женскихъ 38, талмудторъ 11, хедеровъ 909. Въ теченіе года Кременчугское одноклассное училище преобразовано въ двухклассное, число частныхъ училищъ мужскихъ увеличилось на 6, а женскихъ—уменьшилось на 1, талмудторъ прибавилось 4, а хедеровъ—2.238. Такимъ образомъ къ 1-му января 1895 г. было 2.247 еврейскихъ школъ, въ томъ числѣ: на-

чальныхъ двухклассныхъ 4, начальныхъ одноклассныхъ 13, частныхъ мужскихъ 50, частныхъ женскихъ 37, талмудъ-торъ 15, хедеровъ 3.147 (то-есть почти $3\frac{1}{2}$ раза больше чѣмъ въ 1893 г.). Въ частности, въ Киевской губерніи находится 641 еврейская школа, въ Подольской—900, въ Волынской—1.151, въ Черниговской—164 и въ Полтавской—410. Всѣ еврейскія училища помѣщаются въ наемныхъ зданіяхъ. Двуклассныя и одноклассныя школы содержатся на ежегодно отпускаемую министерствомъ народнаго просвѣщенія сумму изъ свѣчнаго сбора съ евреевъ, которой въ отчетномъ году поступило 56.069 р. 45 к. Талмудъ-торы, представляя изъ себя частью учебныя, частью благотворительныя учрежденія, содержатся на мѣстныхъ средства. Частныя училища и хедеры имѣютъ единственнымъ источникомъ содержанія плату за ученіе; впрочемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ они пользуются субсидіей отъ мѣстныхъ еврейскихъ обществъ и отъ С.-Петербургскаго общества распространенія среди евреевъ просвѣщенія и ремесленнаго труда.

Всѣхъ учащихся въ еврейскихъ школахъ къ концу отчетнаго года состояло 3.451 мужчинъ и 68 женщинъ, а всего 3.519. По образованію своему учащіе дѣлятся сообразно различнымъ типамъ училищъ: въ двухклассныхъ и одноклассныхъ училищахъ преподаютъ питомцы бывшаго Житомирскаго или Виленскаго еврейскихъ институтовъ; преподаватели частныхъ училищъ имѣютъ установленное свидѣтельство на учительское званіе; въ талмудъ-торахъ и хедерахъ преподаютъ лица безъ специальной подготовки, но снабженные меламедскими свидѣтельствами на основаніи закона 1-го марта 1893 г.

Всѣхъ учащихся къ началу года состояло 16.177, въ томъ числѣ 14.873 мальч. и 1.304 дѣв.; въ теченіе года поступило 29.053 мальч. и 997 дѣв., всего 30.050; вышло 2.398 мальч. и 446 дѣв., всего 2.844. Къ 1-му января 1895 г. состояло 41.528 мальч. и 1.855 дѣв., всего 43.383. Такое быстрое увеличеніе числа учащихся вызвано необычайнымъ увеличеніемъ числа хедеровъ: изъ общаго числа вновь поступившихъ мальчиковъ (29.053) подавляющее большинство приходится на хедеры (27.775). Вообще же учащіеся распредѣлялись по различнымъ типамъ училищъ слѣдующимъ образомъ: въ двухклассныхъ училищахъ 875 мальч., въ одноклассныхъ—1.104 мальч., въ частныхъ мужскихъ—1.267 мальч., въ частныхъ женскихъ—1.507 дѣв., въ талмудъ-торахъ—3.256 мальч., въ хедерахъ—36.026 мальч. и 348 дѣв. Всѣ учащіеся іудейскаго вѣроисповѣданія и за незначительными исключеніями (69 лицъ) принадлежатъ къ мѣщанскому сословію.

По постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла еврейскія школы рѣзко распадаются на двѣ группы: начальныя и частныя училища съ одной стороны, талмудь-торы и хедеры—съ другой. Первыя школы выпускаютъ воспитанниковъ, которые обыкновенно правильно и чисто говорятъ по русски, вполне понимаютъ литературный языкъ и пишутъ легко и правильно. По внѣшнему виду, по привычкамъ, по складу понятій эти ученики почти ничѣмъ не отличаются отъ своихъ товарищей христіанъ. Наоборотъ, талмудь-торы и хедеры, вполне ускользая отъ правительственнаго контроля, являются разсадниками фанатизма и обособленности. Въ виду этого крайне желательно, чтобы количество казенныхъ еврейскихъ школъ по возможности возросло, а количество хедеровъ свелось до minimum'a.

Всѣхъ иновѣрческихъ школъ въ Киевскомъ округѣ къ концу отчетнаго года было 350, на 9 мѣнѣ чѣмъ въ 1893 г., въ томъ числѣ въ Киевской губерніи 14 школъ, въ Полтавской—3, въ Волинской 323, въ Черниговской—5, и въ Полтавской—5. Центромъ иновѣрческихъ школъ служатъ уѣзды Волинской губерніи: Житомирскій (66 школъ), Новоградволинскій (76), Ровенскій (60), Владиміръ-Волинскій (31) и Луцкій (67); на эти уѣзды приходится свыше 85% всего числа иновѣрческихъ школъ въ округѣ, что зависитъ отъ значительнаго количества расположенныхъ въ этихъ мѣстностяхъ нѣмецкихъ колоній. Нижеслѣдующая таблица наглядно показываетъ отношеніе между количествомъ населенія и числомъ школъ православныхъ и иновѣрческихъ въ названныхъ уѣздахъ.

Уѣзды.	Православные.			Иновѣрческіе.		
	населенія.	школь.	населенія на 1 школу.	населенія.	школь.	населенія на 1 школу.
Житомирскій . . .	187.538	31	6.050	97.556	66	1.478
Новоградволинскій .	175.673	23	7.638	78.830	76	1.037
Ровенскій	142.285	22	6.695	64.729	60	1.079
Луцкій	145.975	29	5.034	54.730	67	817
Владиміръ-Волинскій.	165.408	24	6.892	44.834	31	1.446

Такимъ образомъ въ названныхъ уѣздахъ иновѣрческая школа численностью значительно превышаетъ народную школу; въ частности же въ отдѣльных мѣстностяхъ это преобладаніе выражается еще рѣзче: въ Житомирскомъ уѣздѣ, въ Барашевской волости при 1 народномъ училищѣ имѣется 15 иновѣрческихъ школъ, въ Горошковской волости на 2 народныхъ училища приходится 15 иновѣрче-

скихъ, въ Пулянской волости — 1 народное и 16 нѣмецкихъ, въ Черняховской—нѣтъ ни одного народнаго училища и имѣется 4 ино-вѣрческихъ.

Помѣщенія иновѣрческихъ школъ улучшаются медленно; классная обстановка почти во всѣхъ школахъ тоже далеко неудовлетворительна. Содержатся школы исключительно на средства самихъ колонистовъ.

Всѣхъ учащихся было въ 1894 г. 328 лицъ; такимъ образомъ по недостатку подходящихъ кандидатовъ на учительскія мѣста изъ 350 школъ въ 22 не было преподавателей, и ученія не производилось. Изъ числа учащихся 267 лицъ не имѣли правъ на преподаваніе, и только 61 лицо или 19% имѣли законныя свидѣтельства на учительское званіе. Православныхъ учителей было 7 или 2%, лютеранъ 321 или 98%.

Учащихся къ началу отчетнаго года было 10.247, въ томъ числѣ 6.186 мальч. и 4.088 дѣв.; выбыло въ теченіе года до окончанія курса 1.586 мальч. и 1.237 дѣв., всего 2.823; окончило курсъ 120 мальч. и 53 дѣв., всего 173; поступило вновь 1.463 мальч. и 946 дѣв., всего 2.409. Къ 1-му января 1895 г. состояло 5.943 мальч. и 3.744 дѣв., а всего 9.687, то-есть на 587 менѣе противъ предшествовавшаго года. Это уменьшеніе зависитъ какъ отъ закрытія нѣкоторыхъ школъ, такъ и отъ нежеланія нѣкоторыхъ родителей обучать своихъ дѣтей русской грамотѣ. По вѣроисповѣданію среди учащихся преобладали лютеране (9.528 или 98,4%), а по сословію—крестьяне (9.480 или 97,9%). Какъ весьма отрадное явленіе слѣдуетъ отмѣтить въ отчетномъ году значительное, сравнительно съ прошлыми годами, число учениковъ, удостоенныхъ свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности: такихъ мальчиковъ въ 1892 г. было 16, въ 1893 г.—17, а въ отчетномъ году—63. Такимъ образомъ, если реформа иновѣрческой школы уменьшаетъ количество учащихся, то за то увеличиваетъ количество успѣвающихъ.

Что касается до учебно-воспитательной части, то согласно особому значенію иновѣрческой школы, преимущественное вниманіе въ ней сосредоточено на русскомъ языкѣ, на которомъ преподаются всѣ предметы, кромѣ Закона Божія лютеранскаго вѣроисповѣданія. Успѣхи учащихся по русскому языку весьма различны, въ зависимости отъ свойствъ учащихся: въ школахъ, гдѣ обучаютъ лица, имѣющія учительское званіе, а слѣдовательно вполне свободно владѣющіе русскимъ языкомъ, получаютъ прекрасные результаты: дѣти послѣ 2—3 лѣтъ ученія научаются не только понимать, но и говорить по русски;

къ сожалѣнію такихъ хорошихъ учителей весьма мало, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ дѣти едва научаются понимать обиходную русскую рѣчь, но объясняться по русски не могутъ. Есть и такія училища, гдѣ дѣти обнаруживаютъ даже непониманіе читаемаго русскаго текста. Успѣхи по ариметикѣ находятся въ прямой зависимости отъ успѣховъ по русскому языку, такъ какъ дѣти должны пользоваться при производствѣ дѣйствій и рѣшеніи задачъ русскими терминами и русскимъ текстомъ.

Е. А. БѢЛОВЪ.

(некрологъ).

2-го ноября 1895 г. скончался на семидесятомъ году жизни (род. въ 1826 г.), послѣ тяжелой болѣзни, извѣстный учитель и педагогъ Евгений Александровичъ БѢловъ. Первое мое воспоминаніе о немъ относится къ очень давней порѣ. Въ концѣ 1840 г. привезъ меня отецъ въ Нижній и помѣстилъ въ благородномъ пансіонѣ при гимназіи. Толпа школьниковъ, по обыкновенію, осадила новичка, кто билъ, кто щипалъ. Въ этой толпѣ оказался одинъ только человѣкъ, который принялъ меня подъ свою защиту и ласково отнесся ко мнѣ—это былъ ученикъ шестаго класса, БѢловъ. Къ сожалѣнію, при мнѣ онъ не долго оставался въ пансіонѣ: въ началѣ 1841 г. онъ, по обстоятельствамъ, вышелъ изъ гимназіи и началъ готовиться къ поступленію въ университетъ. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его много лѣтъ и, встрѣтившись, мы стали близки другъ другу. Въ 1842 г. онъ поступилъ въ Казанскій университетъ по первому отдѣленію философскаго факультета (нынѣ историко-филологическій). Факультетъ этотъ, въ университетскіе годы БѢлова, имѣлъ нѣсколько хорошихъ профессоровъ, между прочимъ Н. М. Благовѣщенскаго. Но выше всѣхъ ихъ стоялъ Н. А. Ивановъ, профессоръ русской исторіи. Ивановъ отличался обширнымъ образованіемъ (кромѣ русской исторіи онъ преподавалъ всеобщую, русскія древности, а иногда и исторію философіи). Ивановъ владѣлъ прекраснымъ даромъ слова: лекціи его были временами увлекательны; но въ печати онъ оставилъ мало по себѣ слѣдовъ, и лучшее его произведеніе вышло подъ чужимъ именемъ („Россія“, изд.

Булгаринымъ). Когда онъ писалъ эту книгу, обнимающую древнѣйшую исторію Россіи, онъ учился въ Дерптскомъ профессорскомъ институтѣ. Обиліе университетскихъ занятій и безалаберность тогдашней губернской жизни помѣшали Иванову занять подобающее мѣсто въ кругу русскихъ ученыхъ, а тяжелый личный характеръ дѣлалъ его страшилищемъ для студентовъ. Е. А. Бѣловъ, еще въ гимназін, подъ руководствомъ нашего незабвеннаго учителя, П. И. Мельникова, получившій склонность къ занятіямъ исторіей, сдѣлался ревностнымъ посѣтителемъ лекцій Иванова, и до конца жизни сохранялъ о немъ благодарное воспоминаніе. Къ сожалѣнію домашнія обстоятельства вызвали Е. А. Бѣлова въ Нижній, отчего послѣдоваль перерывъ въ его университетскихъ занятіяхъ. Снова возвратясь въ университетъ, онъ кончилъ курсъ въ 1849 г. Кончилъ онъ дѣйствительнымъ студентомъ, кажется, благодаря неблаговоленію профессоровъ классическихъ языковъ. Кончивъ курсъ, онъ былъ назначенъ учителемъ географіи въ Пензенскій дворянскій институтъ, оттуда перешелъ учителемъ того же предмета въ Саратовскую гимназію въ 1852 г., гдѣ и преподавалъ до 1862 г., а до 1864 г. былъ инспекторомъ въ Саратовскомъ институтѣ и учителемъ исторіи и географіи. Годы жизни въ Саратовѣ оставили глубокое впечатлѣніе на Е. А. Бѣловѣ. Къ ту пору въ Саратовѣ жило много людей, занимавшихся литературой. Къ кругу, въ которомъ жилъ тогда Бѣловъ, принадлежали Н. И. Костомаровъ, А. Н. Пыпинъ, Д. Л. Мордовцевъ и нѣкоторые другіе. Тогда Костомаровъ писалъ своего Хмѣльницкаго и издавалъ съ Мордовцевымъ сборникъ, въ которомъ помѣщались собранныя имъ малороссійскія пѣсни. Тогда же начиналось изданіе перевода Шлоссеровой исторіи XVIII вѣка, въ которомъ принялъ участіе и Бѣловъ. Въ кружкѣ велись живые разговоры, передавались свѣдѣнія, приобрѣтенныя каждымъ, и вообще время проводилось и весело и полезно. Оставивъ Саратовъ въ 1864 г. и переселясь въ Петербургъ, Бѣловъ сдѣлался преподавателемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ: онъ училъ въ нѣсколькихъ женскихъ гимназіяхъ, въ артиллерійскомъ училищѣ, преподавалъ исторію Великому Князю Петру Николаевичу, но большая часть его педагогической дѣятельности была посвящена Императорскому Александровскому лицію, гдѣ онъ служилъ съ 1867 по 1892 г.—Литературная дѣятельность Е. А. Бѣлова выразилась частью въ критическихъ и публицистическихъ статьяхъ, помѣщавшихся въ разныхъ журналахъ (*Журналъ Мини-*

стерства Народнаго Просвѣщенія, Древняя и Новая Россія) и въ нѣкоторыхъ газетахъ, частью въ отдѣльно изданныхъ имъ историческихъ трудахъ. Сверхъ того въ „Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ“, издаваемой подъ редакціей Г. А. Леера, всѣ статьи по русской и всеобщей исторіи (кромѣ военныхъ) написаны были Бѣловымъ. Изъ этихъ статей въ особенности замѣчательна статья „Россія“ (исторія)—сжатый, но весьма оригинальный очеркъ русской исторіи не только внѣшней, но и внутренней. Изъ статей журнальных заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія: „О смерти царевича Дмитрія (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1873 года, №№ 7—8). Это очень остроумный разборъ слѣдственнаго дѣла о смерти царевича, имѣющій въ виду доказать невинность Годунова. Быть можетъ будущій историкъ, принявъ во вниманіе массу свѣдѣній, косвенно объясняющихъ это событіе, но не попавшихъ пока въ историческій обиходъ, не приметъ выводовъ Бѣлова, но долженъ будетъ сознаться, что, при извѣстныхъ тогда источникахъ, выводъ Бѣлова, согласный съ слѣдственнымъ дѣломъ, былъ вѣроятенъ. Въ трехъ первыхъ номерахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1886 г. помѣщена статья „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII вѣка, гдѣ прежде всего встрѣчаемъ остроумную характеристику отношенія Грознаго къ боярамъ. Въ подтвержденіе своей мысли, авторъ слѣдитъ за стремленіями боярства до Петра Великаго. Въ 1887 г., по случаю изданія слѣдственнаго дѣла Шакловитаго, *Бѣловъ* помѣстилъ въ томъ же журналѣ (№№ 1 и 2) статью „Московскіи смуты конца XVII вѣка“. Здѣсь авторъ, съ полнымъ безпристрастіемъ историка, разбираетъ дѣйствія и Милославскихъ и Нарышкиныхъ и доказываетъ, въ противность историковъ, защищающихъ ту или другую партію, что дѣятельность обѣихъ сторонъ равно не безупречна съ нравственной точки зрѣнія. Въ отвѣтъ на появившуюся въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ обвинительную статью противъ Грознаго царя, г. Явинскаго, *Бѣловъ* напечатанъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1890 г. № 12, статью „Предварительныя замѣчанія къ исторіи царя Ивана Васильевича Грознаго“, гдѣ встрѣчаются любопытныя поправки къ сказаніямъ князя Курбскаго и остроумное соображеніе о происхожденіи такъ-называемыхъ синодиковъ. Если бы эти указанія оправдались, то многое въ исторіи того вѣка представилось бы намъ въ иномъ видѣ. Въ сборникѣ, изданномъ П. Н. Полевымъ въ 1875 г.,

подъ названіемъ „Необходимый кругъ знаній“, Бѣловъ помѣстилъ всеобщую и русскую исторію. Хотя авторъ въ изложеніи былъ сильно стѣсненъ программю для вольноопредѣляющихся—сборникъ былъ изданъ съ цѣлью помочь ихъ приготовленію,—онъ счумѣлъ написать оригинальную книгу, ибо его исторія есть плодъ многихъ чтеній и долгихъ занятій. Мѣстами даже онъ вдается въ критику: такъ въ одномъ примѣчаніи онъ опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые толкуютъ о безкорыстіи Гуктава Адольфа. Вообще Бѣловъ не подчинился ходячимъ мнѣніямъ, а руководился собственнымъ умомъ. То, что имъ было сказано въ этой статьѣ о средней исторіи, развито имъ было въ 1878 г. въ обширномъ, богатомъ фактами курсѣ средней исторіи. Къ сожалѣнію, курсъ этотъ оказался слишкомъ обширенъ для нашихъ гимназій и былъ употребляемъ только самимъ авторомъ при его преподаваніи въ лицей. Въ послѣдній скорбный годъ своей жизни, несмотря на тяжелую болѣзнь, Бѣловъ напечаталъ и издалъ книгу „Русская исторія до реформъ Петра Великаго“. Быть можетъ, работа надъ этою книгой, а особенно за корректурами, много способствовала его печальному концу. Книга эта, не смотря на нѣкоторую неровность изложенія, результатъ его болѣзненного состоянія, все-таки явленіе замѣчательное. Это сводъ всѣхъ его работъ по русской исторіи, какъ бы развитіе того, что имъ было сказано въ статьѣ, помѣщенной въ „Энциклопедіи военныхъ наукъ“. Авторъ не только счумѣлъ оригинально взглянуть на явленія русской исторической жизни, но и охватить эту жизнь въ ея многообразіи. Онъ счумѣлъ соединить и политическую, и церковную, и литературную, и юридическую исторію въ одно цѣлое, и такимъ образомъ обозначить связь и взаимную зависимость этихъ сторонъ жизни.

Кто зналъ Бѣлова, тѣ помнятъ какимъ неистоцимымъ и приятнымъ собесѣдникомъ былъ онъ. Его необыкновенно самостоятельный умъ всегда указывалъ ему такую сторону дѣла, которая другими не всегда была и замѣчена. Ничего не принимая на вѣру, онъ все пересматривалъ и передумывалъ. Въ его разговорѣ, какъ и въ его умѣ, никогда не было ничего шаблоннаго. Съ нимъ можно было не соглашаться, но послѣ разговора съ нимъ всегда приходилось снова пересматривать и передумывать то, о чемъ онъ говорилъ. Оптимистомъ онъ никогда не былъ. Онъ много жилъ, много встрѣчалъ въ жизни невеселаго, и отъ того на его разсужденіяхъ лежала нѣкоторая печать пессимизма. Умъ его, безпристрастный и широкій, мѣшалъ ему

вдаваться въ крайности и принадлежать къ какой нибудь партіи. Пылкій и раздражительный отъ природы, онъ тѣмъ не менѣе былъ готовъ на всякое доброе дѣло и умѣлъ относиться благосклонно къ людямъ, оттого, какъ ни былъ онъ строгъ къ своимъ ученикамъ, онъ пользовался всегда ихъ любовью. Грустно хоронить близкихъ людей, но отраднo думать, какихъ людей пришлось встрѣчать въ жизни. Евгенийъ Александровичъ относится къ числу лучшихъ людей, которыхъ я зналъ. Въ скорби объ этой смерти можетъ послужить утѣшеніемъ то сочувственное отношеніе къ нему, которое заявлялось и устно и печатно.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

AD PAPYRUM MAGICAM BIBLIOTHECAE PARISINAE NATIONALIS ADNOTATIONES PALAEOGRAPHICAE.

Aestate anni 1894, cum Parisiis essem, inter ceteros libros manuscriptos papyrum, quae in Bibliotheca Nationali adservatur (Suppl. grec № 574), a C. Wesselyo editam contuli. In qua cum aliquot locos melius mihi quam editori doctissimo legere contigerit, varias lectiones publici iuris facere non inutile esse arbitror; nam haec papyrus et ad superstitiones iam labefactae paganorum fidei cognoscendas et ad carminum Orphicorum historiam illustrandam magni est momenti, nec quisquam, qui opera Orphica tractaturus sit, eam sine damno neglegere poterit.

Haud paucis locis, ut infra videbimus, Wesselyi lectiones corrigendae sunt, quam rem negligentiae viri optime de litteris meriti tribuere nolim, nam operam sane difficilem Wesselyo omnino accurate confecit multaque a viris doctis in suspicionem vocata²⁾ rectissime a Wesselyo lecta esse, papyro examinato, persuasum habeo.

His praemissis ad rem adgredior.

1. 2 *νικάτουταρχ* W., *κικάτουταρχ* c. ³⁾.

¹⁾ Denkschriften d. Akademie d. Wissensch. zu Wien, Philos.-hist. Classe, XXXVI, 44 sqq. et separata editio, quae „Griechische Zauberpapyrus v. Paris u. London, von C. Wessely, Wien, 1888“ inscribitur.

²⁾ Velut l. 607 sq., ubi W. Kroll, Adv. crit., Philol. LIII 421 *δαρθρώσει* in papyro inesse suspicatus est, re vera *διαθρώσει*, haud dubie ex ΔΙΑΡΘΡΩΣΕΙ ortum, in codice nunc legitur. L. 2535 sq. *ταρτάρου χάσμα φαινόν*, quod Tartari epitheton H. van Herwerden absurdum esse existimavit (Mnemosyne XVI, 1888, p. 330) et optime defendit A. Dieterich (Abraxas p. 35), non est dubium.

³⁾ Hoc in vocabulo mihi obscuro codicis accentum retineo, aliis in locis ubi Wesselyi lectiones adfero, editoris scribendi morem retineo, meis autem emenda-

1. 5 αώου W., δωου c.
 1. 28 το περι | ροτων W., ἡ περιούτων c.
 1. 46 χολην απ W., post απ in fine lineae quattuor litterarum vestigia extant, quarum prima fuit α, reliquas certo dignoscere non potui.
 1. 47 του οφθαλμου W., τούς όφθαλμούς c.
 1. 50 και γαρ.ξ... W., και παρ.θ. c., unde και πάρ(ι)θ(ι) in papyro scriptum fuisse conicio.
 1. 51 ουπω εγχρειαμενος W., ούτω εγχρειαόμενος c.
 1. 60 και ουτως. . . . W., και ούτως ο. . . ως c¹⁾.
 1. 65 ταυρομορφ W., ταυρομορφ c.
 1. 87 βαρβαρουχε W., βαρβαρχαυχε c.
 1. 91 πε σκοντ' W., πεσκουτ c.
 1. 92 ειαζο W., ante hanc vocem unius litterae spatium in codice est, ipsa littera omnino perit.
 1. 133 νοσει W., νοσει c.
 1. 145 λεγειν εναλλαξ W., λέγε εναλλάξ c.
 1. 182 sq. νυκταστραπτοφυχη | θερμοφύσησε W., νυκταστράπτα, ψυχο|θερμοφύσησε c.
 1. 196 αεμοναεβαρω W., αεμινεβαρω c.
 1. 197 θερρεθωραβεανειμεα W., θερρεθωραβε ανειμεα c.
 1. 206 μαι W., μαι c.
 1. 214 θυμιαστηριου W., θυμιατηρίου c.
 1. 232 εαν δε ειπη η απολυε αυτον W., εαν δε ειπη, άπόλυε αυτόν c.
 Post ειπη litterae η nulla vestigia, ne locum quidem in papyro invenire potui.
 1. 257 καϊστανομενος W., και ιστανόμενος c.
 1. 274 οτις σε W., οτι σε c.²⁾.
 1. 337 υεσεμιγαδων W., υεσεμιγάδων c.
 1. 385 εγω παρειμι W., εγώ γάρ ειμι c., quod Wessely ipse suspicatus est, v. adnot. ad l. c.
 1. 392 μαραθθα W., μαραθθα c.

tionibus accentum et iota subscriptum, quorum hoc in papyro omittitur, ille supra pauca verba perverse positus occurrit, ubique, praeter voces mysticas, addo et emendo.

¹⁾ An ό(κέ)ως pro ώκέως? Cf. l. 2038: όκέως.

²⁾ Perperam igitur Wessely οτις σε pro οτι σε et και σταμενος (!) pro και ιστανόμενος inter notabilia grammatica („Grammatikalisches“) collocavit (Griech. Zauberpap. p. 16).

- l. 448 λιψανων W., λίψανον c.
- l. 499 ειωιτε W., ειωιτε c.
- l. 507 ερουουίπαρακουνηθ W., ερονου ίπαρακουνηθ c.
- l. 508 εϊοδηφenaβωθ W., εϊοσηφenaβωθ c.
- l. 595 πεπερ W., πεπερ c.
- l. 675 sq. διαδηματα χρυ|σας W., διαδήματα χρυ|σᾶ c.
- l. 677 ως δει σε ασπασασθαι W., οὐς δει σε ἀσπᾶσασθαι c.
- l. 697 χρυσοκομαν W., χρυσοκόμαν c.
- l. 782 sq. οκτογραμ|μιατον ονομα W., ὀκτωγράμ|μιατον ὄνομα c¹⁾.
- sic
- l. 942 εξαναβλυδων W., ἐξαναβλύζων c.
- l. 946 ιων W., ἰωη c.
- l. 1305 πλινθιου W., πλινθίον c.
- l. 1327 ονομα θιωηιαρβαθιαω W., ὄνομα ιθιω ηιαρβαθιαω c.
- l. 1474 το ειδωλα W., τὰ εἶδωλα c.
- l. 1492 αβερ'φνουβα W., αβεριφνουβα c.
- l. 1959 αμφις ελισσων W., ἀμφιελίσσων c.
- l. 2256 ψυγειν W., φυγεῖν c.
- l. 2268 προθμεισδαυγη W., προθμηεισδαύγη c.
- l. 2289 αρχηγηνης W., ἀρχηγέτης c²⁾.
- l. 2310 θωρουμενη W., θεωρουμένη c.
- l. 2320 βελος πετηνου ταχυτατου W., βέλος πετηνοῦ ταχύτατον c.
- l. 2336 κυανος W., κυάνεος c.
- l. 2339 εριννος W., ἐριννός c.
- l. 2402 φνεινα W., φνεωα c.
- l. 2412 αιπ W., αιι c., unde mysticum nomen αἰή hoc loco scriptum esse coniclo. Cf. l. 1986, 1987.
- l. 2430 φννν W., φουου c.
- l. 2462 sq. μc(νο) | γενες W., μονο|γενές c.
- l. 2483 η ειπουσα εγω . . . (frei) W., sed post ἐγώ η littera in papyro conspicui potest; quod cum ita sit, ἡ εἰποῦσα ἐγώ ἢ ⟨Δ⟩, i. e. δεῖνα, in codice hic legendum esse puto.
- l. 2485 νεβουτοσουληθ W., νεβουτοσουαληθ c. Cf. l. 2603.

¹⁾ An ὀκτώ γραμμάτων ὄνομα in archetypo scriptum fuit? Cf. A. Dieterich, *Abraxas*, p. 194, l. 1: τὸ ⟨η⟩ γραμμάτων ὄνομα.

²⁾ Id quod H. van Herwerden coniectura egregia assecutus est, *Mnemosyne* XVI p. 339.

- l. 2486 χοιριξιν W., χοιριζίη c¹).
- l. 2500 ομοιωθεις W., όμοιωθεΐσα c.
- l. 2531 εξ ατονων πεμπεις οζεάνϊων W.²), εξατονον πεμπεις οξεανϊων c..
- l. e. εξάτονον πέμπεις οζε(ϊ)αν ίω(ή)ν.
- l. 2536 sq. αθαΐναται W., άθά|νατοι c³).
- l. 2560 τετραπροσωπε τλιη W., τετραπρόσωπε γνη c⁴).
- l. 2569 νυκτος ποιαι W., νυκτός δέ ποΐαι c.
- l. 2619 sq. την ηναντασαφως· θεα ατος ελεγξω W., νυν πάν|τα σαφώς θεά αύτος έλέγξω c.
- l. 2620 οσας W., όσα c.
- l. 2630 σκευε W., σκεύη c.
- l. 2636 γραφόμενον W., γραφόμενον c.
- l. 2647 οζους W., όξους c.
- l. 2662 τον ηλιου θεμιτον W., quae nequaquam ita, ut Wessely legit, legi possunt, sed γονήν ού θεμιτόν in codice procul dubio scriptum est. Cf. 2599, ubi Wessely eadem fere dicta (γονήν άθέμιτον) recte lecta rettulit. Unde Wesselyi error ortus sit, facile intellegemus, si eadem verba maiusculis, quo magis ad papyri litterarum typum accedant, tradiderimus: ΙΟΝΗΝΟΙΘΕΜΙΤΟΝ. Wessely, prima littera Γ pro T accepta, cum articulum τόν ante oculos se habere esset ratus, ex ΗΝΟΙ ήλίου admodum libere fabricatus est.
- l. 2695 ει (sic) φυλορινον (φο corr. in φι) W., εις φυλόρινον c.
- l. 2717 αδαματωρ W., άδαμάστωρ c.

¹) Χοιριδίη? Cf. κοζαλέουσα l. 2765 pro κοδαλέουσα.

²) Ex his perverse lectis verbis, quae H. van Herwerdeno non sine causa insanabilia visa sunt (Mnemosyne, XVI, 329 sq.), Wessely versum sensu carentem, cum hymnum in Dianam componeret, fecit: δεινήν έξ άτόνων πετεηνών (?) όσσαν ίεΐσα (Griech. Zauberpap. p. 6, v. 8). Etiam magis admiratus sum, cum in indice verborum, quae in papyro occurrunt, ad calcem editionis Wesselyanae adposito, verbum όζεανϊων, quasi *non dubium*, collocatum inveni.

³) Quibus in verbis hunc versum latere W. opinatus est: και πάντες θεοι ήδε θεαι θνητοί τ' άνθρωποι (Griech. Zauberp. p. 6, v. 13). A. Dieterich coniectura optime versum restauravit: ήν θεοι άθάνατοι πάντες θνητοί τ' άνθρωποι, Prolegomena ad papyrum magicam Musei Lugd. Batavi (Jahrb. f. Philol., XVI Suppl. p. 775).

⁴) Wessely, Griech. Zauberp. p. 6, v. 33: τετραπρόσωπε διη, neglecto metro, coniecit. H. van Herwerden όδίη subesse existimat (Mnemosyne, XVI, p. 332); sed γνη vix quidquam esse potest praeter (ά)γνή, unde versum ita constituendum esse putō: τετραπρόσωφ' άγνή, τετραώνομε, τετραοδίτι.

- l. 2735 sq. αφειλεισθε W., ἀφέλεισθε c.
 l. 2740 ει δε τιν' άλλον εχουσι εν κόλποις κατακειται W., ει δέ τιν' άλλον εχουσι¹⁾ εν κόλποις κατάκειται c.
 l. 2824 αματων W., ἀκάματων c.
 l. 2838 ανασει W., ἀνάσει c.
 l. 2867 κοπετοκυπε W., κοπετοκτόπε c.
 l. 2904 ευθυ δραμενη δη τουτον εγω δησω W.. εὐθύ δραμων^ω (correctum in codice) ἤδη τοῦτον ἐγὼ δῆσω c²⁾.
 l. 2909 ου η Δ W., ον ἡ Δ c.
 l. 2931 ου η Δ W., ον ἡ Δ c.
 l. 2944 ζωσον αυτην απολυσον W., ζῶσαν αὐτὴν ἀπόλυσον c.
 l. 3027 sq. παροδευισω W., παραδείψω c.
 l. 3033 σημανθεντα W., ὀπανθέντα c.
 l. 3260 χοιρίου W., χορίου c.

Haec habui nulli dubitationi obnoxia, quae ad eorum, qui aliquando hanc papyrum tractaturi sint, usum in lucem ederem. Etiam nonnullis aliis locis Wesselyi lectiones cum codice non consentire mihi visae sunt, quae tamen afferre et incerta incertis subicere inutile esse puto.

¹⁾ Quantum curae hoc participium prave lectum viris doctis adtulerit, ex multis coniecturis, quibus versum sanare voluerunt, perspicuum est. *E. Miller*, qui primus hoc carmen magicum in *Mélanges de littérature grecque* (Par. 1868), p. 442, edidit, εἰ δέ τιν' άλλον εχουσι εν κόλποις, (δς) κατάκειται scribendum esse coniecit. *A. Meineke*, *Herm.* IV, 56: εἰ δέ τιν' άλλον ελοιτ' εν κολποισιν (sic) κατακεισθαι proposuit. *K. Dilthey*, *Rhein. Mus.* XXVII, 404 εἰ δέ τις άλλος εοις εν κόλποισιν κατάκειται suspicatus est, quam coniecturam *E. Abel*, *Orphica*, p. 290, v. 19 recepit. Sed si codicis fides servanda est, versum ita constituendum censeo:

εἰ δέ τιν' άλλον εχουσι εν κόλποισιν κατάκειται κτέ.

²⁾ In *Griech. Zauberpap.* p. 5 hunc versum a Wesselyo ita restitutum videmus:

ἐνδραμένη τοῦτον δῆσω δεσμοῖς ἀδάμασιν.

Quid sibi velit istud ἐνδραμένη, non posse me intellegere libenter fateor. *H. van Herwerden* emendare hunc locum coniectura doctissima conatus est:

ἐμβραμένης τοῦτον δῆσω δεσμοῖς ἀδάμασιν,

qua de re ita disputat: „Genuinam lectionem mihi suppeditavit glossa Hesychiana ἐμβραμένη εἰμαρμένη, quae forma metathesi nata est, inserta euphonica littera B. Cf. δεσμά ἀνάγκης v. 2312“ (*Mnemosyne*, XVI, 326 sq.). Sed si codicem recte legeris, sensus est simplicissimus:

εὐθύ δραμών [ἤδη] τοῦτον δῆσω δεσμοῖς ἀδάμασιν.

Nunc pauca, quae coniectura emendare possum, addam.

L. 289 legitur: ειστηγτινακρειαν, quae Wessely parum feliciter in εἰς τὴν τρινακρειαν (!) correxit. W. Kroll (Philol. LIII (1894), p. 421) nihil in his verbis nisi εἰς ἦντινα χρεῖαν latere opinatur. Mihi vero εἰς τὴν <δ>ῖνα <χ>ρεῖαν legendum esse videtur¹⁾.

L. 2287 sq.: δολουτεμουσαν | καιφοβουσωτηριην, unde hunc versum Wessely composuit:

δόλον τεμοῦσα καὶ φόβου σωτηρίη.

H. van Herwerden Wesselyi coniecturam ita corrigendam esse putavit:

δόλου τέ μοι σὸ καὶ φόβου σωτηρίαν [διδούσα] κτέ.²⁾

Sed pro ΔΟΔΟΥΤΕΜΟΥΣΑ in archetypo, ex quo codex descriptus est, ΔΟΔΟΥΓΕΜΟΥΣΑ exaratum fuisse suspicor totumque versum ita restituo:

δόλου γέμουσα καὶ φόβου, σωτηρίη.

Si quis admiratus erit tam adversas res de eadem dea praedicari,—hymnus in Lunae honorem compositus est,—meminerit tales contradictiones saepissime in Orphicis scriptis occurrere. Cf. Orphica, Hymn. LI, 7 Ab.: φαινόμεναι, ἀφανείς. Herm. Trismeg. Poemand. c. 5, 10, p. 46 Parthey: οὗτος ὁ ἀσώματος, ὁ πολυσώματος. Quin etiam haec ipsa contraria epitheta, quae in l. 2287 papyri copulata invenimus, prope iisdem verbis expressa in Orphico hymno 'Ρέας (XIV, 8) videmus:

Ψευδομένη, σώτειρα, λυτηριάς, ἀρχιγένεθλε.

L. 2634 sq.: εἶτα το εικοσαγραμματον το φωνα εγχαραξεν W., nequam Wesselyi coniectura accipienda est τυφῶνος ὄνομα, sed altera eiusdem viri docti simplicissima emendatio est probanda: τὸ φωνᾶεν³⁾

L. 2905 sq. scriptum est: φρουρησας σφιγξω ἰξιονιον | τροχον αλλον. quae Wessely versu herotico sic reddidit:

φρουρήσας σφιγξω τ' Ἰξιόνιον τρόχον (sic) ἄλλον⁴⁾.

¹⁾ Perpetuus verborum ordo hic erit: αἶρω σε, ἥτις βοτάνη (εἶ), χεῖρι πενταδακτύλῃ ἐγὼ | ὁ δαίνα καὶ φέρω παρ' ἑμαυτὸν, ἵνα μοι ἐνεργήσῃς | εἰς τὴν <δ>ῖνα <χ>ρεῖαν. Forma δῖνα pro δαίνα saepius in papyro occurrit, velut l. 2841: τῷ δῖνα ἐχθρῷ.

²⁾ Mnemosyne XVI, 339.

³⁾ Vide adnot. ad l. c.

⁴⁾ Griech. Zauberpap. p. 5, v. 4.

H. van Herwerden istam structuram non satis se expedire fatetur, qua in re cum viro doctissimo assentiar, ex coniecturis ab eo propositis Ἰξιόνιφ τροχῶ ἄλλφ, Ἰξίονος εἰς τροχὸν ἄλλον, Ἰξίονα εἰς τροχὸν ἄλλον¹⁾ vix ullam probaverim. Verba papyri ἰξιονιοντροχοναλλον εκ ΙΞΙΟΝΙΩΝΤΡΟΧΩΑΛΛΩ sive ΙΞΙΟΝΙΩΝΤΡΟΧΩΙΑΔΔΩΙ, quae in archetypo inessent, exorta esse mihi videntur; quod cum ita sit, verum hoc modo constituendum propono:

φρουρήσας σφίγξω τ' Ἰξιόνιφ ἴν τροχῶ ἄλλφ.

Notandum est denique multas voces, praesertim mysticas, quae in papyro coniunctae a Wesselyo disiunctae sunt (velut l. 95 χα εμρη W., χαεμρη c.), aut in codice divisae a Wesselyo sunt copulatae (velut l. 279 ἰωπακερβηθ W., ἰωπα κερβηθ c.), hic non esse a me correctas, cum hanc rem alias tractaturus sim.

N. Novossadsky.

¹⁾ *Mnemosyne* XVI, 327.

НОВАЯ КНИГА О ДЕЛЬФАХЪ.

Александръ Никитскій, Дельфійскіе эпиграфическіе этюды, Одесса 1894—1895.

А. В. Никитскому принадлежит цѣлый рядъ работъ въ той области изученія древняго міра, которая всего ближе приводитъ насъ къ точному знанію, — въ эпиграфикѣ. Начиная съ первыхъ статей даровитаго молодого ученаго, мы встрѣчаемъ точность, осторожность, твердость изслѣдованія, свойства, придающія особую цѣнность его трудамъ. Временемъ командировки въ Грецію, полученной имъ вскорѣ по окончаніи курса, онъ воспользовался наилучшимъ образомъ. Онъ работалъ по истинѣ изо всѣхъ силъ, не покладая рукъ, чтобы въ одно и то же время дополнить неизбежныя пробѣлы своихъ знаній, изучать памятники Эллады и достойнымъ образомъ, во всеоружіи науки обрабатывать тѣ надписи, которыя ему удавалось найти или въ первый разъ издать. Само собою разумѣется, онъ не имѣлъ средствъ, чтобы производить самостоятельныя раскопки.

Между надписями, найденными въ Олимпіи при нѣмецкихъ раскопкахъ, одна въ 40 строкъ и съ необыкновенно большимъ количествомъ буквъ въ каждой строкѣ (первоначально было болѣе 90 буквъ въ строкѣ), слѣдовательно весьма значительный документъ, оставалась долгое время неизданною и даже непрочитанною. По словамъ г. Никитскаго, „вслѣдствіе качества камня, буквы во многихъ мѣстахъ исчезли совершенно, въ нѣкоторыхъ отъ нихъ остались только незначительныя слѣды, которые легко смѣшались съ посторонними царапинами, и даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по видимому, сохранились всѣ буквы, послѣднія такъ сливаются одна съ другою, что надпись читается съ большимъ трудомъ“. Должно быть, трудно читается, если нѣмецкіе

ученые не хотѣли читать и позволили г. Никитскому издать первому! Надпись оказалась благодарственнымъ, во славу императора Августа, постановленіемъ одного изъ малоазійскихъ городовъ, возстановленныхъ щедротами императора послѣ страшнаго землетрясенія, и относится къ 20-мъ годамъ до Р. Х. Въ текстѣ встрѣчаются любопытныя хвалы Августу не только какъ благодѣтелю вселенной и спасителю, но также какъ *πολιότορι καὶ τὰς τῶν ἰσοθέων καὶ θεῶν χηρόσσοι[τι ἀρετάς?]*. (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1884, сентябрь).

Эпиграфическіе памятники первой святыни древней Эллады, Дельфъ тогда-же привлекли вниманіе г. Никитскаго. И въ 1884 году Дельфы уже были богаты надписями. Главная масса ихъ, акты освобожденія рабовъ посредствомъ формальной продажи богу Аполлону и амфиктіоновскіе акты, вырѣзана на стѣнахъ террасы, на которой стоялъ храмъ Аполлона пивійскаго, сложенныхъ изъ полигональныхъ камней, и особенно на южной стѣнѣ. Какъ извѣстно, первыя раскопки этой стѣны и первыя списанныя съ нея надписи стоили жизни знаменитому К. О. Мюллеру. Наибольшее число надписей ея списано и издано Вешеромъ и Фукаромъ (*Inscriptions recueillies à Delphes*, 1863), а именно 480 актовъ, составляющихъ болѣе 300 страницъ курсивнаго текста, безъ всякихъ примѣчаній. Г-нъ Никитскій совершенно справедливо защищаетъ французскихъ ученыхъ отъ чрезмѣрныхъ нападокъ г. Помтова и выставяетъ въ должномъ свѣтѣ большую заслугу Вешера и Фукара передъ наукою, сколько бы ни встрѣтилось ошибокъ въ ихъ копіяхъ. Они дали богатый матеріалъ ученымъ, и Августъ Моммзенъ вскорѣ затѣмъ положилъ прочное хронологическое основаніе для изученія актовъ. Черезъ 20 лѣтъ послѣ Вешера и Фукара Оссулье раскопалъ еще часть стѣны и нашелъ много новыхъ актовъ. Естественно явилось у ученыхъ желаніе, „чтобы кто нибудь взялся обработать въ связи многочисленныя дельфійскія надписи, разбросанныя по разнымъ публикаціямъ“ (приведенныя г. Никитскимъ въ предисловіи диссертации слова Бергка). Эту работу рѣшился предпринять г. Никитскій и сталъ тщательно изучать южную стѣну, составилъ для себя планъ ея, отмѣтивъ мѣсто, занимаемое каждымъ актомъ, — на сколько было возможно, потому что раскопанное учеными было частію снова засыпано. При первомъ посѣщеніи Дельфъ г. Никитскій списалъ нѣсколько новыхъ надписей, и изданіе ихъ было предметомъ *второй* его статьи, присланной въ министерство народнаго просвѣщенія изъ Греціи (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣще-*

ня 1884, ноябрь; см. также 'Εφημερίς 'Αρχαιολογική, 1884, τὸχος 4). Въ 1885 году г. Никитскій десять дней къ ряду работаль въ Дельфахъ.

Поѣздка г. Никитскаго въ Навпактъ имѣла результатомъ блестящее открытіе остатковъ храма „Асклипія что въ ключахъ“—'Ασκληπιῶ τοῦ ἐν Κροωνοῖς—недалеко отъ Навпакта внутри страны, храма, оставшагося совершенно неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, и надписей, содержащихъ такія же манумиссіи рабовъ посредствомъ фиктивной продажи этому Асклипію. Эти открытія были предметомъ *третьей* статьи—„Надписи изъ Западной Локриды“—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1884, декабрь.

Въ числѣ надписей Вешера-Фукара первое по важности мѣсто занимаетъ такъ называемый *хронологическій* списокъ *дельфійскихъ* проксеновъ; а Осулье нашель *географическій* списокъ проксеновъ, также весьма любопытный. Г-нъ Никитскій напечаталъ въ Mittheilungen des deutschen archaеol. Inst. zu Athen за 1885 годъ исправленія ошибочныхъ чтеній Вешера-Фукара въ хронологическомъ спискѣ и новый найденный имъ обломокъ географическаго списка, съ болѣе вѣрнымъ расположеніемъ другихъ обломковъ.

Въ Аѣннахъ нашель г. Никитскій обломокъ надписи IV вѣка до Р. X. съ именемъ Клеомиса, тиранна Меѣимны, упоминаемаго въ одномъ изъ писемъ Исократъ. Исократъ отзывается о Клеомисѣ съ похвалою; и аѣнныне имѣли причину издать постановленіе въ честь Клеомиса. Кѣлеромъ былъ изданъ уже одинъ обломокъ этой надписи и по виду начертаній отнесенъ къ періоду съ 356 до 336 (по содержанию нельзя было изъ обломка ничего вывести). Находка г. Никитскаго блистательно подтвердила опредѣленіе знаменитаго эпиграфика: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1885, августъ.

Со времени двухлѣтняго пребыванія въ Греціи г. Никитскій постоянно продолжалъ обрабатывать и умножать собранный дельфійскій матеріалъ. Въ 1889 году вышла книга Помтова—Beiträge zur Topographie von Delphi, и г. Никитскій узналъ, что этотъ нѣмецкій ученый поставилъ себѣ ту же самую задачу, но въ изслѣдованіяхъ Дельфъ и надписей былъ снабженъ несравненно большими денежными средствами. Въ томъ же 1889 году вышли статьи Помтова въ Jahrbücher für classische Philologie, составляющія первую часть его Fasti Delphici. (Вторая часть въ Jahrbücher за 1894 годъ. См. также Philologus, томъ LIV, 1895). Работы Помтова чрезвычайно старательны, его копія надписей свободны отъ ошибокъ. „Топографія Дельфъ“

результатъ большаго труда и въ высшей степени полезная книга. Къ ней приложены превосходные планы и снимки. Помтовъ даетъ полный планъ всей южной полигональной (то-есть, сложенной изъ полигоновъ) стѣны, съ указаніемъ мѣстъ всѣхъ надписей, а также планъ восточной стѣны и стѣны театра, съ такимъ же указаніемъ. Конечно, планы Помтова будутъ и впредь служить основнымъ руководствомъ для изслѣдователей, и А. В. Никитскій признаетъ это.—Одно время г. Никитскій хотѣлъ бросить свою работу надъ дельфійскими надписями; но сдѣлано имъ было уже много, у него образовались самостоятельные взгляды на предметъ, изучаемый имъ не съ одной только внѣшней стороны эпиграфической точности, но и въ широкомъ объемѣ изслѣдованія всѣхъ дельфійскихъ учреждений, а также амфиктионіи и этолійской симполитіи; наконецъ, онъ находилъ разногласіе между своимъ рисункомъ южной стѣны и планомъ Помтова. — Ожидался большія раскопки, предпринятыя въ Дельфахъ французскими учеными, „ожидалось огромное приращеніе матеріала“. Г-нъ Никитскій „рѣшился представить въ рядѣ этюдовъ положеніе дельфійскихъ эпиграфическихъ изслѣдованій до новыхъ раскопокъ“, за три мѣсяца до раскопокъ побывалъ въ Дельфахъ лѣтомъ 1892 года, работалъ тамъ опять десять дней, на этотъ разъ раскопалъ и ту часть стѣны, которая была засыпана въ 1885 году, раскопана Помтовымъ и потомъ Баунакомъ, и послѣ всякой раскопки снова засыпаема разными отбросами. Въ хижинѣ, носившей названіе музея, А. В. нашелъ нѣсколько новыхъ надписей. Одну изъ нихъ онъ издалъ въ превосходной статьѣ въ *Revue*, томъ XXVIII. Это списокъ аѳинскихъ пиеаистовъ, то-есть коллегіи, завѣдывавшей культомъ Аполлона пидейскаго. Надпись вырѣзана за сто лѣтъ до Р. X. и драгоцѣнна упоминаніемъ о нѣсколькихъ родахъ аѳинскихъ и между прочимъ о родѣ Евпатридовъ.—Г-нъ Никитскій списалъ въ Дельфахъ много и другихъ обломковъ. На одномъ упоминается Тлиполемъ, сынъ Артапата, ликіецъ. Въ юньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ г. Никитскій издалъ эту надпись: Тлиполемъ, какъ доказываетъ нашъ ученый, есть упоминаемый Поливіемъ регентъ Египта, правившій короткое время въ малолѣтство Птолемѣя V, послѣ сверженія Агаеокла. Снимокъ съ этого обломка находится въ числѣ приложений къ настоящей диссертации. — Въ VII томѣ „Филологическаго Обзорнія“ находится статья г. Никитскаго объ одной архаической дельфійской надписи. — Въ аѳинскихъ *Mittheilungen* за 1894 годъ

помѣщена его статья: Chios in der delphischen Amphiktyonie. Несомнѣнный фактъ участія хіосцевъ въ дельфійской амфиктіоніи отрицается Помтовымъ даже и послѣ статьи г-на Никитскаго. Помтовъ призналъ хіосцевъ въ числѣ іеромнимоновъ во многихъ амфиктіоновскихъ актахъ, какъ въ настоящее время признаютъ и французскіе ученые; и тѣмъ не менѣе какъ-то выходитъ у Помтова, что хіосцы не участвовали въ амфиктіоніи. Этоліицы давали хіосцамъ мѣсто въ числѣ іеромнимоновъ aus Courtoisie, по его мнѣнію, и хіосецъ подавалъ голосъ въ числѣ этолійскихъ іеромнимоновъ—unter den Aitolern mitstimmte—Jahrb. 1894, p. 514. Еслибъ хіосцы были членами амфиктіоніи, то тогда въ надписяхъ передъ именемъ (или при имени) хіосскаго іеромнимона (который, надобно замѣтить, былъ всегда *одинъ*) стояло бы не Χίος въ единственномъ числѣ, а Χίων, во множественномъ. Странное требованіе! И однако судьба и ему удовлетворила: найдены надписи, гдѣ при имени хіосскаго іеромнимона стоятъ какъ разъ Χίων! Bulletin de Corr. Hell., томъ XVIII. — Помтовъ ищетъ опоры въ старой статьѣ Росса: („ровно сорокъ лѣтъ назадъ“, какъ сосчиталъ самъ Помтовъ) Россъ полагалъ, что хіосцамъ этоліицы дали мѣсто между іеромнимонами потому, что Χіосъ былъ во время составленія этихъ актовъ въ *этолійской симполитіи*; при чемъ Россъ ссылается на извѣстное постановленіе этолійцевъ въ пользу кеосцевъ (С. I. G. 2350) и на слова ὡς Αἰτωλῶν ὄντων τῶν Κείων.

Для характеристики Помтова и отношенія его къ работамъ другихъ, не нѣмецкихъ ученыхъ, интересно будетъ привести слѣдующія слова (Jahrbücher 1894, p. 836): wenn Nikitsky dann weiterhin aus dem nichtzusammenfungieren von chiischen und euboischen hieromnemonen auf einem dem dorisch—peloponnesischen analogen turnus unter den „nesioten“ bei besetzung der einen ionischen halbstimme schliesst, so ist diese vermuthung jetzt nach den schlussworten von Ross und dem auftauchen eines hieromnemon aus Magnesia am Maiandros als unhaltbar zu bezeichnen, ja selbst seine überschrift „Chios in der delphischen Amphiktyonie“ basiert auf irriger voraussetzung, wie die einleitung zum zweiten historischen teil dieses artikels darthun wird.—*Jetzt*, nach den schlussworten von Ross! И такъ Помтовъ признаетъ неопровержимымъ соображеніе Росса и не видитъ того, что если бы хіосцы были въ этолійской симполитіи, то въ амфиктіоновскихъ актахъ и назывались бы просто *этолійцами*. Этоліицы не были первоначально членами амфиктіоніи, а присвоили себѣ

голоса малыхъ амфиктионовскихъ племенъ (локрийцевъ, эниановъ, феитовъ и др., по временамъ и фокейцевъ), и вотъ такимъ образомъ и явились этолійскіе амфиктионы. Чтобы Хиосъ былъ въ этолійской симполитіи, да притомъ продолжительное время (потому что надписей амфиктионовскихъ съ хиосцами много)—это неслыханная вещь, это было бы непременно упомянуто Полиемъ. Хиосъ былъ богатый, важный островъ. Россъ говоритъ: „Хиосъ былъ, значить, въ этолійской симполитіи, какъ это мы знаемъ о Кеосѣ, Кіосѣ, Халкидонѣ и Лисимахи“. Но Полиій XV 23) говоритъ: φίλων ὑπαρχόντων καὶ συμμάχων Αἰτωλῶν Δουραχέων, Καρχηδονίων, Κιανῶν. Россу было простительно смѣшивать *друзей и союзниковъ* этолійцевъ съ членами ихъ симполитіи; но къ чему же послужили сорокъ лѣтъ работъ съ надписями, если Помтовъ не видитъ ничего крѣпче этихъ Schlussworte Росса? Мало того, не только кіанцы, халкидонцы и лисимахійцы, но даже и кеосцы не были въ этолійской симполитіи; и слова ὡς Αἰτωλῶν ὄντων τῶν Κείων значать „какъ бы кеосцы были этолійцами“. Кеосцамъ обѣщается безопасность отъ этолійскихъ грабежей и больше ничего. Любопытная надпись, гдѣ является іеромнимонъ изъ Магнисіи что при Мэандрѣ. прямо говоритъ противъ Помтова. Понять даже нельзя, почему онъ думаетъ, что она сколько-нибудь помогаетъ его мнѣнію. Дѣло въ томъ, что не было никакой очереди (turnus) ни въ занятіи мѣста дорійскаго іеромнимона между дорійскими пелопоннискими городами, ни въ занятіи мѣста іонійскаго іеромнимона между іонійскими. Все зависѣло отъ обстоятельствъ, отъ отношенія къ этолійцамъ (во время этолійскаго преобладанія), отъ усердія городовъ: амфиктионовскія дѣла были неважны (ἢ ἐν Δελφοῖς σκιά еще при Демосеенѣ), племена часто манкировали посылками іеромнимоновъ, стѣснялись расходами. Какъ рѣдко встрѣчаются въ надписяхъ полные 24 голоса! Собственно—въ одной только надписи Вешера—monument bilingue. Въ письмѣ амфиктионовъ аэинянамъ (130-хъ годовъ) оставлено на камнѣ пустое мѣсто въ спискѣ іеромнимоновъ, вѣроятно потому, что не было нѣсколькихъ на лицо. Аэиняне присвоили себѣ одинъ изъ двухъ іонійскихъ голосовъ, потому что они были нѣкогда сильнѣе всѣхъ, а потомъ во всякомъ случаѣ богаче многихъ другихъ іонійцевъ. Хиосцы часто посылали депутата, потому именно что были богаты, имъ ничего не стоило. Если они изъявляли желаніе послать іеромнимона въ качествѣ іонійцевъ, конечно не было отказа. Тутъ и Courtoisie имѣетъ мѣсто, но Courtoisie не противорѣчила амфиктионовскимъ преданіямъ. Изъ

Courtoisie дали и царю Персею два голоса въ амфиктионовскомъ собраніи, при чемъ вспомнили, что два голоса нѣкогда были даны Филиппу сыну Аминта. Персей вздумалъ однажды послать своихъ іеромнимоновъ на пилэю; и амфиктионы охотно согласились, и фокейцы даже не обидѣлись, изъ Courtoisie. То же самое случилось и съ Магнисіей. Она конечно сослалась на свое происхожденіе отъ *магнитовъ* еессалійскихъ, и ей дали голосъ изъ числа двухъ голосовъ магнитовъ (или и *оба голоса*, надписи еще не напечатаны, а Помтовъ, по видимому, путаеть—pag. 658 (Sosicles) *und seinen Bruder*). Магнисія вызвалась взять на себя въ данномъ случаѣ іеромнимонію и сопряженныя съ нею расходы; этолийцы, распорядители амфиктионіи (дѣло было въ 194 году), были очень рады. Этолийцы захватили амфиктионію и пользовались ею весьма искусно: для нихъ она была важнымъ дѣломъ. Между прочимъ въ той же самой кеосской надписи этолийцы обѣщаютъ не грабить кеосцевъ ни по ἀμφικτιονικὸν ἔγκλημα, ни по какому-либо другому обвиненію: тутъ этолийцы для насъ проговариваются. Нельзя же было грабить Элладу безъ всякаго повода. А тутъ стоило только передъ каждымъ грабительскимъ походомъ отыскать какую-нибудь амфиктионовскую манкировку — ἀμφικτιονικὸν ἔγκλημα. Въ актахъ хіосскій іеромнимонъ встрѣчается и отдѣльно отъ этолийцевъ, послѣ виотійцевъ, послѣ дельфійцевъ. Помтовъ полагаетъ, что въ такихъ случаяхъ ошибся рѣзчикъ. Эсхинъ упоминаетъ (de falsa leg. 116), что іеромнимонъ могъ быть *принецъ*. Не ясно ли дѣло? Если маленькая Прина могла послать іеромнимона за іонійцевъ, тѣмъ паче Хіосъ. И участіе Хіоса нисколько не зависитъ отъ этолийскаго преобладанія. Хіосецъ, какъ принецъ, могъ быть іеромнимономъ въ IV вѣкѣ, могъ быть и послѣ сверженія этолийской власти.

Итакъ, Помтовъ потерялся въ кропотливомъ изученіи строкъ и буквъ надписей, въ хронологическомъ распредѣленіи жрецовъ и архонтовъ дельфійскихъ и не понимаетъ главныхъ и существенныхъ политическихъ отношеній изучаемаго имъ времени. Слѣдовательно, А. В. Никитскій имѣлъ полное основаніе не бросать своихъ дельфійскихъ изслѣдованій, не смотря на появленіе работъ Помтова.

Труды Помтова имѣютъ однако громадное значеніе для настоящей диссертациі г. Никитскаго; Помтова онъ постоянно имѣетъ въ виду, съ нимъ полемизируетъ и подвергаетъ подробнѣйшему разбору, до отдѣльныхъ буквъ, всѣ хронологическіе расчеты, всѣ выводы и соображенія Помтова. Въ дельфійскихъ актахъ отмѣчаются имена двухъ

пожизненныхъ жрецовъ, одного *ежегодно* архонта и нѣсколькихъ *полугодовыхъ* совѣтниковъ. Авг. Моммзенъ замѣтилъ, что изъ двухъ жрецовъ второй въ документахъ послѣдующихъ годовъ становится первымъ, а на второмъ мѣстѣ является новое имя: соблюдается старшинство. На такомъ соображеніи, по сравненію съ именами этолійскихъ стратиговъ, Авг. Моммзенъ и установилъ *жреческія эпохи*. Такъ, акты съ именами жрецовъ Εὐχλῆς Ζέων—первая эпоха; съ именами Ζέων Ἀθαμβος—вторая, Ἀθαμβος Ἀμόντας—третья, Ἀμόντας Ταραντίος—четвертая. Иной жрецъ переживалъ младшаго товарища: такъ, Ἀμόντας Ἀδρόνικος—пятая эпоха. Число эпохъ умножено Помтовымъ и Никитскимъ; число документовъ возросло. Первая эпоха начинается приблизительно съ 200-го года до Р. X.

Переберемъ теперь содержаніе диссертациі г. Никитскаго. Она состоитъ изъ шести главъ или отдѣловъ. Первая—*Дельфійскій эпиграфическій матеріалъ и изслѣдованія*—превосходнѣйшее изложеніе литературы предмета, съ вѣрною оцѣнкою всякаго отдѣльнаго труда. Какъ въ этой главѣ, такъ и во всей книгѣ видно глубочайшее знаніе предмета. Въ настоящее время французскія раскопки дали сотни новыхъ надписей; но напечатано еще очень немного, и печатаніе этого немногаго было поручено людямъ совершенно неопытнымъ. Какъ мы видѣли, г. Никитскій поставилъ себѣ задачею изложить все, что можно сказать о Дельфахъ теперь, до публикаціи новѣйшихъ открытій. Пять слѣдующихъ главъ составляютъ только часть общей задачи.

Вторая глава—*Южная полигональная стѣна*. Здѣсь идетъ подробнѣйшій разборъ плана этой стѣны, изданнаго Помтовымъ, и провѣрка плана по рисунку и копіямъ надписей, сдѣланнымъ г. Никитскимъ. Г. Никитскій разбираетъ каждый столбецъ актовъ, начиная съ запада и подвигаясь на востокъ, и находитъ много неточностей на планѣ Помтова. Но все остается для читателей невразумительнымъ, потому что г. Никитскій не даетъ своего плана. По словеснымъ его описаніямъ чрезвычайно трудно прослѣдить и запомнить, гдѣ Помтовъ пропустилъ, на примѣръ, отмѣтить бѣлую полосу. Должно сознаться, что часто г. Никитскій несправедливъ къ Помтову; замѣчаетъ, на примѣръ, что у Помтова одинъ актъ отмѣченъ просто подъ другимъ, между тѣмъ какъ первые строки нижняго идутъ рядомъ съ послѣдними верхняго. Но у Помтова не фотографическій миниатюрный снимокъ; онъ отмѣчаетъ только мѣсто каждаго акта, не отмѣчаетъ вовсе строкъ. Охотно вѣримъ, что всѣ замѣчанія г. Никитскаго о размѣщеніи актовъ вѣрны;

но все-таки, пока плана г. Никитскаго нѣтъ, приходится смотрѣть на планъ Помтова. Въ приложеніи (таблица 1-я) помѣщенъ г. Никитскимъ одинъ снимокъ конца одного акта и начала другаго и два рисунка частей стѣны; тутъ дѣло становится вполне нагляднымъ. Послѣ разбора всѣхъ столбцовъ или группъ актовъ стѣны слѣдуетъ подробное изложеніе тѣхъ различныхъ соображеній, которыми, по внѣшнимъ признакамъ, можетъ быть опредѣляема хронологія актовъ: какой актъ раньше написанъ, какой позже.

Третья глава—*Жрецы Аполлона пивійскаго*. Помтовъ опредѣляетъ тридцать двѣ жреческихъ эпохи съ начала II вѣка до Р. Х. до 126 года (приблизительно) по Р. Х. Но послѣднія десять эпохъ собственно фикціи Помтова: надписей нѣтъ, имена жрецовъ взяты изъ авторовъ. Перечисляя эпохи въ своихъ *Fasti Delphici*, Помтовъ даетъ только *compendium*, а именно: число эпонимовъ, то-есть годовыхъ архонтовъ, и число надписей для каждой эпохи. Напримѣръ, „VI жреческая эпоха. Не менѣе десяти архонтовъ, 88 надписей, изъ которыхъ 6 неизданы, нумера неизданныхъ такіе-то“ (*Jahrbücher*, 89-й годъ, pag. 517)—слѣдуютъ нумера неизданныхъ надписей, произвольно самимъ Помтовымъ данные. Надписи издаетъ Помтовъ по временамъ, въ случаѣ крайней необходимости. Г. Никитскій по своимъ реэстрамъ и копіямъ отсчитываетъ архонтовъ и надписи каждой эпохи. Г. Никитскій замѣчаетъ: „Помтовъ предоставляетъ тому, кто хочетъ провѣрить его, отправиться въ Дельфы“. Но и съѣздивъ въ Дельфы, г. Никитскій не нашелъ нумеровъ Помтова на неизданныхъ камняхъ, а совсѣмъ другіе нумера, поставленные греческими хранителями. Г. Никитскій все-таки могъ поймать всю или почти всю сумму актовъ, называемую Помтовымъ, но именно потому, что онъ продѣлалъ всю работу независимо отъ Помтова и въ одно время съ нимъ. Такъ, о VI-й эпохѣ г. Никитскій говоритъ, что у него 87 надписей; „разница въ одной манумиссіи касается старыхъ надписей, такъ какъ всѣ относящіяся сюда девять неизданныхъ теперь уже изданы и въ свое время были извѣстны мнѣ“. Изданы надписи (найденныя до послѣднихъ раскопокъ) въ *Bull. de Cong. Hell.*, томъ XVII. Первые двадцать двѣ эпохи Помтова г. Никитскій принимаетъ, хотя относительно нѣкоторыхъ пунктовъ существуютъ сомнѣнія. Затѣмъ г. Никитскій переходитъ къ общимъ вопросамъ о жрецахъ дельфійскихъ, о замѣщеніи жреческихъ вакансій, ихъ положеніи и функціяхъ и пр. Въ этихъ вопросахъ источниками являются и авторы. Г. Никитскій принимаетъ тождество *ἱερατῆς*

и *προφήται*. "Οσοι и профитъ присутствовали при отвѣтахъ Пιοείи и, по мнѣнію г. Никитскаго, ὅσοι придавали форму (поэтическую?) предсказанію, а профитъ сообщалъ отвѣтъ вопрошавшимъ. Едва ли было такъ. Плутархъ отвергаетъ посредничество (то-есть прямое и явное) между Пιοείею и вопрошавшими. Во время Плутарха Пιοείа не давала отвѣтовъ въ стихахъ. А прежде, вѣроятно, она заучивала предварительно стихи отвѣта наизусть, но во время доступа къ оракулу вопрошавшіе слышали отвѣтъ только отъ самой Пιοείи.

Четвертая глава—*Древнѣйшій нескорать*.

Пятая глава—*Разные представители храмовой службы*. Обѣ главы заключаютъ въ себѣ точный и обстоятельный сборъ свѣдѣній о различныхъ второстепенныхъ чиновникахъ и служащихъ храма, между прочимъ объ архитекторахъ, врачахъ, хоронидаскалахъ и пр.

Шестая глава—*Архонты-эпонимы и архонты-совѣтники съ конца 3-ю вѣки до Р. Х.* Прежде всего въ этой главѣ находятся подробнѣйшія хронологическія таблицы по годамъ и годичнымъ архонтамъ съ 201/200 года, съ показаніемъ жрецовъ и совѣтниковъ и съ перечисленіемъ всѣхъ извѣстныхъ г. Никитскому документовъ за каждый годъ. Таблицы эти гораздо нагляднѣе, чѣмъ Fasti Помтова. У Помтова для амфиктіоническихъ актовъ составлены подобныя же наглядныя таблицы. Таблицы г. Никитскаго — *tabulae magistratuuum*—занимаютъ 83 страницы, объясненія къ нимъ 22 страницы мелкаго шрифта.—Дельфійскіе годичные архонты и полугодичные совѣтники (*βουλευταί*) главные чиновники Дельфъ вмѣстѣ съ жрецами. Г. Никитскій входитъ въ самый обстоятельный разборъ источниковъ по этому предмету. По поводу упоминанія о пританѣ въ Дельфахъ вмѣсто архонта у Павсанія X 2, Г. Никитскій полагаетъ, что вмѣсто архонта эпонимомъ былъ пританъ въ древнѣйшія времена.—Во второмъ вѣкѣ до Р. Х. отмѣчаются въ актахъ три *βουλευόντες* за первое полугодіе и три за второе.—Эти *βουλευόντες* называются также постоянно *ἄρχοντες*.—Секретарь — *γραμματεὺς*, или *γραμματεὺς τῆς βουλῆς*, или *γραμματεὺς τῶν ἀρχόντων* былъ одинъ изъ этихъ-же трехъ совѣтниковъ и тоже былъ полугодичнымъ.—Установивъ эти факты, г. Никитскій замѣчаетъ: „Если такимъ образомъ съ одной стороны οἱ βουλευταί (всѣ трое) вполнѣ послѣдовательно отождествляются съ οἱ ἄρχοντες, съ другой—въ опредѣленіи секретаря вмѣсто τῆς βουλῆς появляется одинъ разъ τῶν ἀρχόντων, то естественно было бы сдѣлать заключеніе, что дельфійскій совѣтъ въ каждое полугодіе и состоялъ только изъ этихъ трехъ лицъ

и что слѣдовательно нѣтъ необходимости видѣть въ нихъ только βούλαρχοι“. Именно такая мысль приходитъ при чтеніи дельфійскихъ актовъ. Дельфійская община обозначается какъ ἡ πόλις, иногда ὁ δᾶμος.—Народное собраніе означаетъ словами — ἐν ἀγορᾷ τελείφ (или τελεία) οὖν ψάφοις ταῖς ἐννόμοις. Съ точностью это выраженіе не можетъ быть объяснено.—По поводу пункта объ ἀναγραφὴ τῶν ψηφισμάτων г. Никитскій приводитъ примѣръ поразительныхъ ошибокъ новѣйшихъ французскихъ издателей—Кува—въ XVIII томѣ Bulletin de soci. hell.: [ἐν ἐπιφανε]στάτφ τόπφ. Τροφεροῦ ἀποστεί[λαντος. „Можно, не видя камня, съ увѣренностью сказать, что на камнѣ должно быть: ἐν τῷ ἐπιφανε]στάτφ τόпφ τοῦ ἱεροῦ ἀποστεί[λαι δὲ и т. д.“. Относительно значенія αἴνος въ законѣ о дарахъ Аттала (заключающемъ много затруднительнаго для насъ) г. Никитскій принимаетъ предположеніе Диттенбергера, что αἴνος—consilium a senatu magistratibus datum.—Прόβουλοι закона о дарахъ Аттала приходится отождествить съ βουλή.—Προαλιῶται надписи IV вѣка (Mitthell. томъ V) признаетъ г. Никитскій за магистратъ еурійцевъ, а не дельфійцевъ (о еурійцахъ идетъ рѣчь въ декретѣ). Προταγεόντες элатейской надписи и προτάνας двухъ важныхъ дельфійскихъ надписей приходится, вмѣстѣ съ г-номъ Никитскимъ, считать за одно и то-же съ βουλευόντες или ἄρχοντας. Въ I столѣтіи до Р. Х., или съ XIV жреческой эпохи прекращается дѣленіе совѣтниковъ на семестры, и число совѣтниковъ уменьшается. Въ III вѣкѣ напротивъ было по пяти совѣтниковъ въ полугодіе. Помтовъ не высказывается по вопросу о томъ, составляли ли упоминаемые въ актахъ совѣтники весь совѣтъ, или были только председателями совѣта (Диттенбергеръ принимаетъ второе мнѣніе); но о всѣхъ переменѣхъ въ числѣ совѣтниковъ Помтовъ дѣлаетъ по актамъ тѣ же самыя наблюденія, какъ и г. Никитскій. Итакъ, во всякомъ случаѣ наука выиграла отъ одновременной работы двухъ трудолюбивыхъ ученыхъ: дельфійскіе акты распределены по годамъ и приведены въ порядокъ. Новѣйшія открытія (какъ видно по Bull. XVIII) подтверждаютъ этотъ установленный порядокъ.

Къ книгѣ г. Никитскаго приложены копии 80-и найденныхъ имъ обломковъ надписей. Изъ нихъ интересенъ № X, жречества Архона и Аоама (130-хъ годовъ до Р. Х.): Φιλῶ и Νικόστρατος, можетъ быть мать и сынъ, освобождаютъ Сопатра и къ обычной манумиссіи прибавляютъ, что по кончинѣ ихъ „Сопатръ долженъ исполнить все, что полагается въ отношеніи къ землѣ“ и наслѣдуетъ все ихъ имуще-

ство: ἐπεὶ δὲ καὶ τὰ πάθων[τι] ἀνθρώπινον Φιλῶ ἢ Νικόστρατος [π]οιησάτω τὰ ποτὶ γὰρ νομιζόμε[να] πάντα Σώπατρος καὶ λαβέτω [τὰ] ὑπάρχοντα τὰ Φιλοῦς καὶ Νικοστράτου πάντα. — Любопытно также въ № XVI τιμὰν ἀπέχῳ πᾶσαν—по видимому, первое лицо. Транскрипцію и объясненіе найденныхъ ииъ обломковъ г. Никитскій отлагаетъ до слѣдующаго тома „Дельфійскихъ этюдовъ“. Мы можемъ говорить о слѣдующемъ томѣ съ такою увѣренностью, потому что имѣемъ такое обѣщаніе нашего уважаемаго ученаго (стр. 212): „въ настоящемъ выпускѣ моихъ этюдовъ мнѣ приходится ограничиться приблизительно одной третью моего изслѣдованія, въ которую амфиктіоновскіе вопросы не входятъ“, — „до слѣдующаго выпуска, къ изданію котораго будетъ приступлено въ самомъ непродолжительномъ времени“.

Ф. Соколовъ.

ЛЕГЕНДА О РИМСКИХ ЦАРЯХЪ.

Ея происхождение и развитие ¹⁾.

Данныя, только что нами разсмотрѣнныя, даютъ полное право утверждать, что Сервій Туллій былъ мифологическою личностью, близкою къ Фортунѣ и ея культу. Не говоря о личныхъ связяхъ, получившихъ въ пересказахъ вполнѣ романтическую окраску, особенно важное значеніе имѣетъ фактъ постановки въ древнее время статуи Сервію Туллію въ самомъ храмѣ богини. Голова статуи Сервія была закрыта, какъ и у статуи самой богини ²⁾. Эта общность симво-

¹⁾ *Продолженіе*. См. ноябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ Одна статуя Фортуны, закрытая двумя тогами, упоминается въ слѣдующихъ свидѣтельствахъ: Варронъ *De vita pop. rom.* у Нонія стр. 189 в. в. *undulatis; et a quibusdam dicitur esse Virginis Fortunae, ab eo quod duabus undulatis togis est opertum, proinde ut olim reges nostri et undulatas et praetextatas togas soliti sint habere.* Плиній *Nat. hist.* 8, 194 *factamque ab ea (scil. Tanaquile) togam regiam undulatam in aede Fortunae, qua Ser. Tullius fuerat usus; 8, 197 Ser. Tullii praetextae, quibus signum Fortunae ab eo dicatae coopertum erat, duravere ad Seiani exitum, mirumque fuit neque defluxisse eas neque teredinum iniurias sensisse annis DLX.* Въ одномъ изъ храмовъ Фортуны, сооруженіе которыхъ приписывалось Сервію Туллію, находилась статуя богини, закрытая двумя тогами *praetextae* и *undulatae*. Тогѣ, обшитую пурпуромъ, какъ извѣстно, носили высшія должностныя лица и малолѣтніе, какъ мальчики и отроки, такъ и дѣвочки и дѣвицы, въ тѣ времена, когда тога еще носилась женщинами. Тогѣ претексты Фортуны *Virgo*, какъ видно изъ нашихъ цитатъ, принимались за царскій атрибутъ, за одежду того царя Сервія, которому приписывалось посвященіе храма и идола богини. На самомъ же дѣлѣ объясненіе происхожденія тоги претексты на Фортунѣ „Дѣвицѣ“ совершенно ошибочно: очевидно, это была принадлежность дѣвичьяго костюма, а не царскаго. Фортуна *Virgo* Варрона, безъ со-

лики даетъ право на заключеніе объ извѣстномъ сходствѣ между представленіями о богинѣ и миѣическомъ ея служителѣ. Прибавимъ еще показаніе Діонисія о религіозномъ поклоненіи римлянъ Сервію Туллію и его статуѣ въ храмѣ на форумѣ *boarium*. Несомнѣнно

миѣнія, есть та же самая, которая у Ариобія (2, 67 *puellarum togulas Fortunam defertis ad Virginalis*) названа *Virginalis*. Ей дѣвицы, вѣроятно, по достиженіи совершеннолѣтія, посвящали свои тоги претексты, а двумя такими-то тогами и было закрыто само изображеніе богини. Одна тога, полагаемъ, была на нее надѣта, а другою закрыта голова, совершенно такъ же, думаемъ, какъ и у статуи Сервія Туллія. Это сходство вызвало въ современной наукѣ, сначала у Швеглера (*R. G.* 1, 712), странную мысль, что закрытая тогою статуя Сервія Туллія въ храмѣ Фортуны на форумѣ *boarium* на самомъ дѣлѣ изображала не царя, а именно ту Фортуну *Virgo*, о которой сообщается у другихъ авторовъ. Догадка Швеглера нашла себѣ горячаго послѣдователя въ лицѣ Р. Петера въ миѣологическомъ словарѣ Рошера 1, 1540. *Aedes Virginis Fortunae* у Нонія, по миѣнію Петера, слѣдуетъ отождествить съ храмомъ Фортуны на форумѣ *boarium*, а статую „дѣвицы“, закрытую тогами, съ закрытою статуей Сервія Туллія. Мы считаемъ и то, и другое отождествленіе совершенно неосновательнымъ. Почитаемая на форумѣ *boarium* Фортуна никѣмъ не называется *Virgo*, да и вообще не носила, кажется, никакого особеннаго прозвища, кромѣ мѣстнаго— „*in foro boario*“. Мѣстоположеніе святилища Фортуны *Virgo* указано Плутархомъ (*de fort. Roman.* 10) словами *παρά δὲ τῆν Μοσχόσαν καλομένην κρήνη ἐστὶ Παρθένου Τούης ἱερὸν ἐστὶ*. Хотя мѣстонахожденіе этого *fons Muscosus* неизвѣстно, во всякомъ случаѣ было бы странно такъ обозначить столь общезвѣстное и не требующее болѣе точнаго обозначенія мѣсто, какъ *forum boarium*. Гораздо вѣроятнѣе, что *Fortuna Virgo ad fontem Muscosum* не была тождественна съ *Fortuna in foro boario*. Что касается предполагаемаго смѣшенія статуи Сервія Туллія съ статуей Фортуны, то это предположеніе, намъ кажется, довольно необдуманно. Изъ словъ Овидія (*Fast.* 6, 579 *vultus velamine celat amatos; oraque sunt multa regia tecta toga*; 615 *vultus abscondite nostros*, 619 *ore revelato*; 623 *sitque caput semper Romano tectus amictu, qui rex in nostra septimus urbe fuit*; 613 *signum erat in solio recubans sub imagine Tulli*) прямо видно, что закрыто было только лицо или голова, остальная же часть статуи была видна. Въ особенности было видно, что она представляла царя, сидящаго на престолѣ. Діонисій (4, 40) замѣчаетъ, что всѣ предметы въ храмѣ, реставрированные послѣ пожара, очевидно (*φανερά*), новой работы, и только статуя Сервія была прежней старинной работы. Статуя царя, слѣдовательно, во всѣхъ подробностяхъ была видна, за исключеніемъ только головы. Предположеніе Швеглера, что статую Фортуны, всю завѣшанную тогами, по одной догадкѣ принимали за царя, слѣдовательно, лишено всякаго основанія. Основаніемъ на выводѣ, что на *forum boarium* въ храмѣ Фортуны находилась статуя Сервія Туллія, голова котораго была закрыта тогою. Кромѣ того въ томъ же святилищѣ, вѣроятно, находилась статуя самой богини, также закрывавшей голову. О ней свидѣтельствуетъ Фестъ (стр. 242), сообщая, что иные принимали эту статую-Фортуны „*in foro boario*“ за изображеніе Пудициціи, потому, вѣроятно, что и послѣдняя изображалась съ завутанною головою.

близкія религіозныя отношенія богини къ легендарному царю навели одного ученаго, Гильберта (Торогг. 2, 259, 390), на мысль, что Сервія Туллія слѣдуетъ признать просто божествомъ, тѣсно связаннымъ съ Фортуною. Хотя такое опредѣленіе, намъ кажется, неточно и преувеличено, оно все-таки ближе къ истинѣ, чѣмъ ходячее объясненіе древнихъ авторовъ, задавшихся вопросомъ о причинѣ особенной привязанности царя къ Фортунѣ. Объясненіе это сводится къ случайной исторической причинѣ. Сервію Туллію особенно улыбалось счастье или въ общемъ ходѣ правленія, или въ томъ отношеніи, что онъ, родившись отъ невольницы, возвысился до царскаго сана¹⁾. Не говоря о позднѣйшемъ происхожденіи самого преданія о рожденіи отъ невольницы, объясненія древнихъ нельзя не назвать довольно поверхностнымъ. Оно объясняетъ, почему Сервіи Тулліи могъ почувствовать настолько благодарности, чтобы посвятить Фортунѣ свои храмы. Зато остается необъясненною причина присутствія въ храмѣ Фортуны статуи царя, аналогичной изображенію самой богини. Не понятенъ далѣе фактъ поклоненія царю въ томъ же храмѣ, то-есть, на подобныхъ условіяхъ съ Фортуною. Считая наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ какъ этихъ двухъ фактовъ, такъ и легенды объ основаніи древнѣйшихъ культовъ римской Фортуны Сервіемъ Тулліемъ какое-то сакрально-этіологическое представленіе, связывающее образъ царя съ культомъ Фортуны, мы видимъ свою задачу въ возможно болѣе точномъ опредѣленіи этой связи.

Каждая попытка выяснить первоначальное значеніе любимица Фортуны должна считаться съ двумя затрудненіями. Трудно, во-первыхъ, опредѣлить, къ какимъ реальнымъ даннымъ относились міеологическіе элементы преданія. Если положить, что подкладку міеа составляли извѣстныя данныя, относившіяся къ культу Фортуны, передъ нами встанетъ второе затрудненіе,—недостаточное знакомство наше съ условіями, которыми пользовался этотъ культъ въ древнѣйшемъ Римѣ. Очень возможно, что условія эти съ историческихъ временъ значительно измѣнились, а затемнилась вслѣдствіе этого и этиологи-

¹⁾ Дионисій 4, 27 ταῦτα διαπραξάμενος ἐν εἰρήνῃ τε καὶ κατὰ πολέμους, καὶ κατὰ τοὺς δούλους κατασκευασάμενος Τύχης, ἣ παρὰ πάντα τὸν βίον ἔδοξεν ἀγαθῇ κεχρησθαι. Плут. de fort. Rom. 10 ἡ Σερούϊου βασιλεία παντάπασι τῆς τύχης ἦν ἐλαβὲ τε μὴ προσδοκῆσας καὶ μὴ βουλόμενος διεφύλαξεν. Quaest. Rom. 106 διὰ τί Ῥωμαῖοι Τύχην σέβονται. Примιγένησαν;—ἀρα οἱ Σερούϊω κατὰ τύχην, ὡς φασιν, ἐκ θεραπεινίδος γενομένην βασιλεύσαι τῆς Ῥώμης ἐπιφανῶς ὑπῆρξεν. Val. Max. 3, 4, 3 in Servio autem Tullio fortuna praecipue vires suas ostendit.

ческая обусловленность мѣна. При скудости прямыхъ указаній не только позволительно, но и обязательно обратить вниманіе на аналогичные культы и мѣны Италіи, а въ особенности Лаціа. Изъ нихъ прольется хоть немного свѣта на занимающій насъ римскій мѣнъ.

Если взглянемъ на самые старинные и наиболѣе уважаемые изъ латинскихъ культовъ Фортуны, особенно на процвѣтавшіе до позднѣйшихъ временъ въ Пренестѣ и Анціѣ, то мы замѣтимъ, что самую выдающуюся сторону этихъ культовъ составляли оракулы. Богиня, отъ которой зависѣло опредѣленіе человѣческой судьбы, лучше всякой другой могла давать отвѣты на вопросы о будущемъ. Воля ея узнавалась посредствомъ выниманія жребіевъ. Этотъ простой, быстрый и, по видимому, безошибочный способъ гаданія практиковался у всѣхъ европейскихъ народовъ съ самой глубокой древности. О значеніи его въ исторіи греческаго вѣдовства, напримѣръ, свидѣтельствуетъ глаголѣ *χράω*, изрекать оракулъ, буквально означающій „дѣлать зарубки“ на палочкахъ, косточкахъ, дощечкахъ или другихъ жребіяхъ. Отъ того же корня произошло и существительное *χρησμός*, оракулъ. Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ гаданіе по жребіямъ было распространено среди германскихъ народовъ. Въ Италіи жребіи, вѣроятно, съ глубокой древности служили орудіемъ вѣдовства, на что указываетъ слово *sorts*, обозначающее и жребій, и изреченіе оракула. Оракулы Фортуны съ предска́зываніемъ будущей судьбы по жребіямъ суть единственные національные оракулы, какіе когда-либо произвела сама Италія ¹⁾.

Объ употребленіи, по крайней мѣрѣ, официальномъ, вѣдовства посредствомъ жребіевъ не сохранилось никакого историческаго извѣстія, не смотря на то, что та же богиня, въ вѣдѣніи которой находились оракулы Пренесты и Анціа, въ Римѣ издревле пользовалась высокимъ почетомъ. Этимъ не исключается возможность, что въ древнѣйшія времена въ Римѣ существовалъ оракулъ Фортуны. „Жизнь, говоритъ Цицеронъ (*De divin.* 2, 41), забрала этотъ способъ гаданія. Красота храма и древность института сохраняютъ за жребіями Пренесты еще нѣкоторую извѣстность, но только среди простаго класса народа; а какое должностное лицо или какой знатный человѣкъ еще прибѣгнетъ къ жребіямъ?“²⁾ Подобное же пре-

¹⁾ Cp. Bouché-Leclercq, *Histoire de la divination dans l'antiquité* 4, 146: les rustiques populations du Latium—firent avec les sorts des oracles véritables, les seuls qu'ait enfantés le sol de l'Italie.

небреженіе, можетъ быть, нѣкогда овладѣло официальнымъ міромъ и знатію по отношенію къ жребіямъ римской Фортуны, въ особенности въ виду все возрастающаго официального значенія сибиллинскаго оракула. Это предположеніе, думаемъ, само по себѣ не имѣетъ ничего невѣроятнаго; мы позволяемъ себѣ имѣть его въ виду потому, что оно поможетъ намъ до извѣстной степени разъяснить затемнившееся сказаніе о Сервіѣ Туллѣ, въ особенности же понять нѣкоторыя поразительныя параллели римскаго сказанія съ легендою о сказочномъ царѣ Пренесты, Цекулѣ (Caeculus). Въ Пренестѣ жили два брата, которыхъ звали Digidii и отождествляли съ Divi Indigetes. Вели они пастушескую жизнь, вмѣстѣ съ сестрами. Одна изъ послѣднихъ разъ сидѣла у очага, изъ огня котораго вылетѣла искра прямо въ ея утробу. Отъ этого она сдѣлалась беременною и родила младенца, котораго положила на очагъ, гдѣ его и нашли другія сестры. По чудесному рожденію и мѣсту находки, его считали сыномъ Вулкана, а наименовали Цекуломъ, „слѣпымъ“, такъ какъ отъ дыма очага, на которомъ его нашли, пострадали его глаза. Выросши среди пастуховъ, занимавшихся по временамъ и разбоями, онъ собралъ изъ товарищей и другихъ юношей толпу и съ нею основалъ городъ Пренесту. По случаю освященія вновь построеннаго города онъ устроилъ торжество и пригласилъ на него всѣхъ сосѣдей. Между послѣдними нашлись люди, выражавшіе сомнѣніе относительно божественности Цекула. Тогда царь упросилъ своего отца Вулкана подтвердить знаменіемъ правдивость разказа, и вдругъ всю толпу окружилъ пылающій огонь. Послѣ этого никто уже болѣе не сомнѣвался въ божественномъ происхожденіи Цекула, и всѣ пожелали селиться въ новомъ городѣ (Preller R. M. 2, 339).

Если поставить вопросъ о происхожденіи и развитіи легенды о Цекулѣ, то придется отмѣтить въ немъ двѣ части или два наслоенія. Одна изъ этихъ частей сходится съ легендою о Ромулѣ. Сюда относится воспитаніе героя среди пастуховъ, его разбойничья жизнь, собраніе толпы народа изъ товарищей-пастуховъ и бродячихъ людей, изъ которыхъ составляется первое населеніе вновь основаннаго города, наконецъ отправленіе игръ по случаю торжества освященія города и приглашеніе на игры обитателей сосѣднихъ городовъ. Такъ какъ легенда дошла до насъ въ переработкѣ римскихъ историковъ, въ особенности Катона, то слѣдуетъ думать, что ими же она была украшена чертами, заимствованными изъ установившагося разказа объ основаніи Рима. Прибавки эти отчасти показались необходимыми въ интересахъ исторической вѣроятности, для уразумѣнія факта осно-

ванія города однимъ человѣкомъ. Итакъ въ этомъ лжеисторическомъ словѣ преданія Цекулъ изображался первымъ царемъ и основателемъ города Пренесты. Другая часть легенды поразительно близко сходится съ легендою о Сервіѣ Туллиѣ, на что уже обратилъ вниманіе Шwegлеръ (R. G. 1, 430; 714). Какъ мать Цекула, такъ и мать Сервія дѣлаются беременными отъ огня, сидя передъ очагомъ. Отцомъ того и другаго считается Вулканъ. Происхожденіе обонхъ затѣмъ подтверждается огненнымъ знаменіемъ, хотя различнымъ образомъ. У Цекула огнемъ окружается невѣрующая толпа, у Сервія Туллія окружается его голова во снѣ огненнымъ сіяніемъ. Затѣмъ идутъ другія разногласія. Цекулъ найденъ на очагѣ, чего нѣтъ въ легендѣ о Сервіѣ. У послѣдняго упоминается объ одной матери, у матери Цекула неизвѣстно откуда, во всякомъ случаѣ не изъ легенды о Сервіѣ, являются два брата, *divi fratres*, носящіе нелишенное значенія имя *Digidii*. Хотя нельзя съ полною увѣренностью утверждать о невозможности вліянія римской легенды на развитіе нѣкоторыхъ подробностей пренестинской, но съ другой стороны невозможно не допустить существованія подлинной легенды о Цекулѣ. Эта легенда могла въ нѣкоторыхъ пунктахъ соприкаться съ римскою и безъ заимствованій изъ послѣдней. Причина сходства, конечно, и въ этомъ случаѣ не случайна, а обусловлена, можетъ быть, аналогичною этиологіею, выходявшею изъ одной общей основы, изъ одинаковыхъ фактическихъ данныхъ.

На подлинный характеръ легенды о Цекулѣ или, говоря точнѣе, того слоя легенды, который еще не былъ прикрашенъ лжеисторическими элементами, бросаютъ довольно яркій свѣтъ два указанія. Изъ разказа, что младенца нашли на мѣстѣ близкомъ къ храму Юпитера, позволительно заключить, что легенда относилась къ опредѣленному священному мѣсту. Затѣмъ важная роль, отводимая братьямъ *Digidii*, прямо вводитъ насъ въ область жреческой этиологіи. Въ комментарий Сервія къ Энеидѣ 7.678 сказано о Пренестѣ: *ibi erant pontifices et Dii Indigetes sicut etiam Romae. Erant enim duo fratres, qui Divi appellabantur. Norum soror* и т. д. Въ этихъ словахъ одно, кажется, ясно, что два божественныхъ брата (*divi fratres*), по мнѣнію автора, которымъ пользовался комментаторъ, соответствовали римскимъ *dii Indigetes*. При чемъ однако тутъ *pontifices*, почему они у Сервія сопоставлены съ индигетами, это непонятно. По видимому, попифексы такъ или иначе ставились въ связь съ индигетами. Братья-индигеты, по показанію Варрона, носили имя *Digidii*. Едва ли подлежитъ со-

мнѣнію, что слово *dig-idius* (съ суффиксомъ *idius*, служащимъ признакомъ родовыхъ именъ) производится отъ той же основы, что *in-dig-etes*. Основа эта встрѣчается въ словахъ *digitus*, буквально „указатель“, *δαίμωνι*, герм. *zeihen* и т. п. *Indiges* сближается съ *indigitare*, *indigitamentum* „указаніе, объясненіе“. *Digidii* или *indigetes*, „указатели, объяснители“, дѣйствительно могутъ быть сближаемы съ понтифексами, отъ указаній которыхъ зависѣлъ ходъ богослуженія. Не сомнѣваемся, что подъ легендарными индигетами и Дигидіями Пренесты скрывается этиологическій первообразъ пары жрецовъ, въ самомъ дѣлѣ принадлежащихъ къ мѣстной іерархіи. Имя собственное этихъ прототиповъ жрецовъ-индигетовъ, *Digidii*, придумано въ такомъ же родѣ, какъ и имена Фертора Резія и другихъ царскихъ прототиповъ жреческихъ обязанностей. Причисленіе пренестинскихъ братьевъ къ *dii indigetes* основано на смѣшеніи двухъ омонимовъ, такъ какъ *dii indigetes* составлено или изъ предлога *indu* и *gens* (ср. форму *Indigens* C. I. L. 1, перв. изд. pg. 283) или же, что вѣроятнѣе, изъ *indu* и *agere* „жить“, какъ бы *intus [terra] agentes*, θεοὶ ἐπιχώριοι.

Не желая обращать особенное вниманіе на показаніе веронскаго схоластика къ Энеидѣ 7,681, что и имя самого Цекула было *Deridius* (то-есть *Digidius*), мы не сомнѣваемся, что образъ самого героя легенды коренится въ жреческой этиологіи или, точнѣе, въ этиологіи пренестинскаго оракула Фортуны. Доводами намъ служатъ, во первыхъ, то показаніе легенды, что Цекула нашли *iuxta templum Iovis*¹⁾: рядомъ съ храмомъ Юпитера въ Пренестѣ какъ разъ находилась знаменитая святиня Фортуны Примигеніи, перворожденной дочери Юпитера (*Fortuna Iovis puer primigenia*)²⁾. Во вторыхъ, мы можемъ сослаться на имя *Caeculus*. Нѣтъ сомнѣнія, что оно производится отъ *caecus*, „темный, слѣпой“³⁾. Легенда объясняетъ это имя не

¹⁾ Сервій ad Aen. 7, 678.

²⁾ См. Петера въ миеологическомъ словарѣ Рошера 1, 1542. ст. *Fortuna*. Здѣсь собраны и разобраны свидѣтельства древнихъ авторовъ о двухъ пренестинскихъ святиняхъ Фортуны. Одна состояла изъ священной ограды (*locus sacertus religiose*, по словамъ Цицерона), другая изъ настоящаго храма (*aedes Fortunae*). Обѣ прилежали къ храмамъ Юпитера, первая къ храму Юпитера *Puer*, вторая къ храму Юпитера съ прозваніемъ *Aganap*.

³⁾ Виссова въ слов. Рошера 1, 844 сближаетъ *Caeculus* съ *καίω*. Кромѣ необходимости, эта этимологія грѣшитъ противъ фонетики. *Καίω* (*καίωω*, *ἐκείωα*) происходитъ отъ осн. *καλ-*, *κατ*, слѣдовательно не можетъ быть сближаемо съ латинскимъ *caī*, *cae*.

особенно остроумно тѣмъ, что глаза у младенца сдѣлались слѣповатыми отъ дыма, когда онъ лежалъ у огня на очагѣ. „Слѣповатый“ герой пренестинскій однако является также и въ другой легендѣ, прямо относящейся къ началамъ оракула Фортуны въ той же Пренестѣ. Сказаніе это сохранилось у Цицерона (*De divin.* 2, 41, 85): „Въ памятникахъ Пренесты разказывается, что Нумерію Суффустію, человѣку честному и знатному, приказывалось частыми сновидѣніями, доходившими до угрозъ, въ опредѣленномъ мѣстѣ расколоть скалу. Устрашенный этими видѣніями, онъ, не смотря на насмѣшки своихъ согражданъ, взялся за дѣло. Изъ расколотой скалы выпали жребіи, сдѣланные изъ дубоваго дерева, а на нихъ были старинными буквами вырѣзаны помѣты. Въ этомъ же мѣстѣ теперь находится священная ограда подлѣ святыни Юпитера-Младенца, который вмѣстѣ съ Юноною сосетъ грудь Фортуны, сидя на ея колѣнахъ, и ему цѣломудренно поклоняются матери. Говорятъ, что въ то же время въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится храмъ Фортуны, съ масличнаго дерева стекалъ медъ, а вѣщуны предсказывали, что жребіямъ предостойтъ величайшая слава, и по приказанію вѣщуну изъ этого масличнаго дерева приготовили ящикъ и положили въ него жребіи, которые до сихъ поръ поднимаются (*tolluntur*) по внушенію Фортуны“. Родовое имя героя этой этиологической легенды о началахъ оракула Фортуны по лучшимъ рукописямъ Цицерона *Suffustus*, совершенно бессмысленное слово. Мы предлагаемъ небольшую орфографическую поправку *Suffuscus* вмѣсто *Suffustus*. Тогда имя героя при помощи суффикса *ius*, правильнаго признака родовыхъ именъ, производится отъ *subfuscus suffuscus*, „темноватый“. Передъ нами двѣ пренестинскія легенды,—одна относилась къ священной оградѣ Фортуны близъ храма Юпитера-Младенца, а въ другой играетъ важную роль, какъ мы видѣли, мѣсто, прилегавшее также къ одному храму Юпитера, — вѣроятно, мѣсто, занятое храмомъ Фортуны Примигеніи. Герои той и другой легенды носятъ различныя имена, которыя однако совершенно совпадаютъ по своему значенію. *Suffuscus*—только видоизмѣненіе, такъ сказать, второе изданіе Цекула. Легенда о первомъ, думается намъ, сочинена въ интересахъ конкуренціи одной святыни Фортуны, священной ограды близъ храма Юпитера-Младенца, съ другою, храмомъ Примигеніи. Въ послѣднемъ находился оракулъ и священный ларь (*arca*) съ жребіями. Въ этомъ храмѣ, полагаемъ, образовалась этиологическая легенда, связывающая происхожденіе оракула съ темнымъ *Saeculus*. Въ конкурирующей легендѣ о Суф-

фусціѣ, придуманномъ въ подражаніе Цекулу, ясно видно стараніе связать происхожденіе оракула съ другою святынею Фортуны. Чудесное открытіе жребіевъ поэтому происходитъ въ мѣстѣ священной ограды, а потомъ только они переносятся въ храмъ Примигеніи. Если *Prænestini libri*, въ которыхъ, по Солину или Варрону, встрѣчалось сказаніе о Цекулѣ, и *Prænestinorum monumenta* у Цицерона, въ которыхъ разказывалось о Нумеріѣ Суффусціѣ, одно и то же сочиненіе, то въ этихъ анналахъ Пренесты состоялось сліяніе двухъ противоположныхъ легендъ. Суффусцію было приписано открытіе оракула, а Цекулу досталась болѣе обширная роль основателя всего „города Фортуны“.

Передъ нами теперь вопросъ, почему легендарная личность, связанная съ основаніемъ оракула Фортуны въ Пренестѣ, непременно носила названіе „темнаго“. На это отчасти отвѣтитъ второй вопросъ, почему и основателя культа Фортуны въ Римѣ, Сервія Туллія, въ храмѣ богини изобразили съ закрытою головою, наконецъ въ такомъ же видѣ также и Фортуны. Мы не думаемъ, что причиною служить одна аллегорія слѣпотаго счастья. Съ покрытою головою давала свои оракулы римская Сивилла ¹⁾). Оракулы Фортуны также происходили, по вѣрованію, отъ самой богини, какъ сивиллинскіе отъ Сивиллы. *Sortes*.—говоритъ Цицеронъ,—*Fortunae monitu tolluntur—Fortunae monitu pueri manu miscuntur atque ducuntur*. Сивиллу и Фортуны представляли себѣ, думаемъ, одинаково, закрывающими голову во время прорицанія. Закрываніе головы Сервія Туллія и слѣпота Цекула едва ли допускаютъ другое объясненіе. Мы не останавливаемся передъ заключеніемъ, что и они, по первоначальному представленію, такимъ или инымъ образомъ были причастны къ вѣдовству посредствомъ жребіевъ, производившемуся не только въ храмѣ пренестинской Фортуны, но также, надо думать, въ старину и въ храмѣ римской Фортуны на форумѣ *boarium*. Относительно Цекула мы уже высказали догадку, что образъ его коренился въ этиологіи оракула Фортуны и дѣйствовавшей при немъ жреческой корпораціи. Пренестинскаго героя можно присоединить къ многочисленной толпѣ *des fondateurs et éponymes d'oracles*, о которыхъ говоритъ Буше-Леклеркъ, остроумный и ученѣйшій историкъ древняго вѣдовства: *ces initiateurs sont des personnages légendaires créés*

¹⁾ См. слова Сивиллы въ оракулѣ у Флегонта ἀμφὶ καλόπτερον ἴμμερ' ἕσσ' ἔβαλον, то-есть, ἀμφέβαλον ἕσσε καλόπτερον (Дилхъ *Sibyllinische Blätter* стр. 124).

en vertu du principe de causalité, pour expliquer l'existence des cor-
porations sacerdotales ¹⁾).

О жреческомъ персоналѣ пренестинскаго оракула сохранилось мало свѣдѣній, также какъ и о техническихъ приемахъ, посредствомъ которыхъ получались самыя предсказанія. Во время Цицерона жребіи изъ ларя вынимались мальчикомъ. Съ припискою Sors этотъ мальчикъ вмѣстѣ съ ящикомъ изображенъ на монетахъ М. Плеторія Цестіана, когномень котораго напоминалъ слово cista, ящикъ. Съ другой стороны, въ одной пренестинской надписи (C. I. L. XIV 2989) упоминается sortilegus Fortunae Primigeniae, Секстъ Мезій Цельсъ, занимавшій между прочимъ должности квестора, эдила и дуввира. Въ другой надписи пренестинской (ibid. 3003) является sacerdos Fortunae Primigeniae lectus ex senatus consulto. Слѣдовательно не только мальчики, но и взрослые жрецы исполняли обязанность вынимателя жребіевъ (sortilegus). Какимъ образомъ они между собою раздѣляли свою обязанность, остается открытымъ вопросомъ. Замѣтимъ только, что соучастіе мальчиковъ въ производствѣ оракуловъ объясняется требованіемъ полной чистоты души и непорочности того человѣка, который служить органомъ откровенія. Такому требованію соответствовало священное лицо жреца, а по чисто человѣческому чувству еще болѣе подходили чистая дѣва или невинный мальчикъ ²⁾). По доводамъ Дильса (Sib. Bl. 123), закрываніе головы въ мистеріяхъ, при люстраціяхъ и прорицаніи имѣло ту же цѣль—способствовать очищенію души отъ навожденій нечистаго внѣшняго міра. „Темныхъ“ Цекула и Суффусція мы считаемъ первопредставителями должности сортилега пренестинской Фортуны. Изъ этого же этиологическаго представленія является возможность объяснить и происхождение образа Сервія Туллія, съ его закрытой, какъ у римской Фортуны, головой. Тутъ позволимъ себѣ предложить также объясненіе его имени. Они, по нашему мнѣнію, подобраны къ главной обязан-

¹⁾ Histoire de la divination dans l'antiquité 2, 227.

²⁾ Изъ статьи Вахтера въ Энциклопедіи Эрша и Грубера (секц. 3, т. 4 стр. 350) п. сл. Orakel приведемъ слѣдующую интересную аналогію къ оракулу Фортуны. У Фризовъ Сѣверной Германіи въ теченіе среднихъ вѣковъ производились въ церквахъ оракулы посредствомъ выниманія жребія, деревянной палочки съ зарубкою въ видѣ креста. „Жребій съ алтара поднимался священникомъ или, за его отсутствіемъ, невиннымъ мальчикомъ“. Очень возможно, что и въ Пренестѣ мальчикъ сначала въ извѣстныхъ случаяхъ замѣнялъ жреца, пока это не стало правиломъ.

ности того жреца, типъ котораго представляется миѳическимъ царскимъ иниціаторомъ. Имя Tullus въ трактатѣ de praenominibus (pag. 630) производится а tollendo, отъ подниманія новорожденнаго ребенка отцомъ, въ знакъ легитимациі. Отъ tollo или tulo, безъ сомнѣнія, происходитъ слово tullius, фонтанъ, собственно струя воды, „поднимающаяся“, бьющая ключемъ (ср. нѣм. Heber). Глаголь tollere ἀναρρεῖν ἀνελεῖν, съ другой стороны, одинъ изъ самыхъ употребительныхъ терминовъ для обозначенія дѣйствія выниманія жребіевъ въ оракулахъ¹⁾. Итакъ подъ Tullius можно разумѣть „поднимателя“, „вынимателя“ жребіевъ. Другое имя Servius едва ли допускаетъ иное производство, чѣмъ отъ servare—или въ смыслѣ observare наблюдать, или въ значеніи присматривать за чѣмъ, хранить (conservare). Для безукоризненнаго производства оракула, конечно, важно было храненіе его орудія, жребіевъ, въ полной неприкосновенности. Если предположить, что въ храненіи жребіевъ и выниманіи ихъ для гаданія заключались двѣ главныхъ обязанности сортилеговъ Фортуны какъ въ Пренестѣ, такъ и въ Римѣ. — пока римскій оракуль не пришелъ въ забвеніе,—то два имени, praenomen и nomen gentilicium, миѳическаго основателя римскаго культа Фортуны обусловлены такимъ же соображеніемъ, какъ и имена Фертора Резія и другихъ царскихъ иниціаторовъ жреческихъ корпорацій.

Къ корпораціи жрецовъ Фортуны въ Пренестѣ принадлежали еще какіе-то diumviri, упомянутые въ одномъ мѣстѣ пренестинскаго календаря Верріа Флакка²⁾, Не сомнѣваемся, что легендарнымъ отраженіемъ ихъ нужно считать двухъ братьевъ Digidii или Indigetes, встрѣчающихся въ сказаніи о Цекулѣ. Дѣло гаданія посредствомъ жребіевъ не могло ограничиваться однимъ ихъ выниманіемъ. Для полученія складнаго отвѣта необходимо было составить буквы или слова, вырѣзанныя на отдѣльныхъ жребіяхъ такъ, чтобы вышелъ какой-нибудь смыслъ. Это осмысленіе оракула, указываніе смысла (indigitatio = indicatio) лежало на обязанности, по нашему предположенію, двухъ ин-

¹⁾ Лобекъ Aglaophamus 814 antiquissimum esse sortium divinarum usum et ratio dicitur et verbum ἀναρρεῖν docet, sortes tollere significans; Буше-Левлеркъ 1, 192 les méthodes cléromantiques ont donné naissance aux expressions les plus générales employées dans l'art divinatoire,—l'on a dit de tout temps, que la Pythie „tirait“ (ἀναρρεῖν) ses révélations comme on tire au sort.

²⁾ С. I. L. I, перваго изданія, стр. 316: полъ 9-мъ и 10-мъ апрѣля помѣчено [hoc biduo sacrificium maximum Fortunae Prim[i]g(eniae), utro eorum die oraculum patet, Plviri vitulum || i[n]molant].

дигетовъ, приблизительно соответствовавшихъ экзегетамъ греческихъ оракуловъ. Кромѣ двухъ Дигидіевъ въ легендарной роднѣ Цекула являются ихъ сестры, изъ которыхъ одна сдѣлалась матерью Цекула. У насъ нѣтъ данныхъ перевести и ихъ въ дѣйствительность и увидѣть въ нихъ первообразы какихъ-нибудь жриць Фортуны. Онѣ могутъ принадлежать къ чисто повѣствовательному аксессуару легенды. Съ матерью Цекула, Дигидією, все-таки позволительно сравнить мать Сервія Туллія, Окрисію. Имя послѣдней нѣкоторые нѣмецкіе ученые сближали съ умбрійскимъ словомъ *okri*,—соответствующимъ лат. агх. Мать Сервія такимъ образомъ превратилась въ романтическую *Burgjungfrau* или *Burgfräulein*. Почему римскому автору легенды такъ понравилась умбрійская форма, а не свое родное слово агх, этимъ вопросомъ, кажется, забыли задаться почтенные этимологи. Правда, у лексикографовъ приводится и латинское слово *ocris*, съ объясненіемъ *mons confragosus*, не имѣющее, конечно, ничего общаго съ умбрійскимъ *okris*. Мы, конечно, не намѣрены пускаться въ догадки о возможности связи между матерью Сервія Туллія и каменистою горою,—это имѣло бы слишкомъ мало смысла,—но предлагаемъ другой выходъ. По старой дозніевой орографіи, традиціонное писаніе *Ocrisia* *Ocresia* можетъ быть читаемо какъ *Occrisia* *Occresia*. Въ послѣдней формѣ не трудно признать усиливающій дѣйствіе глагола предлогъ *ob* и глагольную основу *seg* *sgē* *sgī* (см. *segeo* *sgēvi* *sgētus*, *crimen* *discrimen* *scribrum*, греч. κρίνω) отдѣлять, разбирать, судить, рѣшать, познавать, толковать, объяснять. *Occresia*, какъ бы *obscerpens*,—„разбирательница“ и, по нашему толкованію, вымышленная личность, подобная дигидіямъ или индигетамъ пренестинскаго оракула. Она олицетворяетъ второе дѣйствіе необходимое для полученія отвѣтовъ при гаданіи посредствомъ жребіевъ, дѣйствіе разбиранія вынимаемыхъ буквъ или словъ. Нельзя разстаться съ семействомъ Сервія Туллія, не бросивъ взгляда еще на его супругу Геганію, упомянутую у Плутарха (*de fortuna Roman.* 10). Согласно другому варианту преданія (Діонисій 4, 7), Геганія была супругою не Сервія, а Тарквинія Старшаго, и занимала слѣдовательно мѣсто „темной“ Гаи Цециліи или пророчествующей Танаквили. Намъ думается, что и имя *Gegania* относилось къ дѣйствію прорицанія или познания скрытой истины. *Gegania* производится отъ основы *gag* *gnā*, сохранившейся въ *gnārus* и отдѣлившейся отъ индо-европейской основы *gep* познавать.

Остается весьма затруднительная задача объяснить сказаніе о чудесномъ рожденіи и нахожденіи двухъ нашихъ героевъ, Сервія

Туллія и Цекула. Мы остановились на томъ заключеніи, что сходство легенды о томъ и другомъ скорѣе объясняется зависимостью отъ общаго этиологическаго фактора, чѣмъ влияніемъ одной легенды на другую. Какъ въ большинствѣ мифовъ, такъ и въ этомъ, самое главное затрудненіе заключается въ томъ, какъ бы уловить исходную точку его и выдѣлить первоначальные этиологическіе элементы изъ позднѣйшихъ, чисто повѣствовательныхъ. Если судить по первому взгляду, всего болѣе бросается въ глаза божественное происхожденіе Сервія и Цекула и чудесное зачатіе ихъ отъ присутствовавшего въ огнѣ очага бога,—яли Вулкана, или лара. Этимъ фактомъ обусловлены другія подробности сказанія. Въ римской повѣсти напримѣръ говорится, что Окрисія—по обычаю римскихъ служанокъ—каждый день подходила къ очагу и бросала въ огонь лару крошки и остатки съ господскаго стола. Подробнѣе эта имѣеть, кажется, значеніе чисто повѣствовательное, ею только мотивируется сближеніе дѣвницы съ ларомъ. Швеглеръ (R. G. I, 715), между тѣмъ, въ этой чертѣ находилъ одну изъ существенныхъ частей сказанія. Изъ жертвоприношеній Окрисіи, говорятъ онъ, явствуетъ, что она представляла собою жрицу городского очага, весталку. Очагъ, продолжаетъ онъ, символъ осѣдлой жизни, поселенія. Происхожденіе Сервія Туллія отъ пламени очага или божества очага, слѣдовательно, имѣло тотъ смыслъ, что царю хотѣли придать значеніе втораго основателя, преобразователя римскаго государства. На подобной же мысли остановился также Виссова (Миф. слов. Рошера, 1, 844) по отношенію къ Цекулу. При нерѣшительности римскихъ авторовъ, кого считать отцомъ Сервія Туллія, Вулкана или лара, дѣйствительно, кажется, важно только то, что это былъ богъ, присутствующій въ огнѣ очага. Въ пренестинской же легендѣ прямо указано, что фактъ происхожденія Цекула отъ Вулкана былъ связанъ съ находеніемъ младенца на очагѣ. По нѣскольکو рационалистическому пересказу Катона, его потому только сочли сыномъ Вулкана, что нашли его на очагѣ, у огня, то-есть около присутствующаго въ послѣднемъ Вулкана. Такъ какъ мать сына положила своего на очагъ не безъ основанія, а основаніе это, очевидно, было то, что владѣтель или обитатель очага, Вулканъ, былъ отцомъ младенца, то необходимо заключить, что уже въ первоначальной формѣ легенды два факта, положеніе младенца на очагъ и рожденіе его отъ бога огня, находились между собою въ причинной связи. Въ легендѣ второй фактъ является причиною перваго. На самомъ же дѣлѣ основнымъ фактомъ нужно признать разказываемое въ мифѣ

прикладываніе младенца къ огню очага. Въ основаніе этого мнѣшческаго факта, по нашему мнѣнію, легъ дѣйствительный обрядъ прикладыванія младенцевъ къ огню очага, очень распространенный и практикующійся до сихъ во многихъ мѣстахъ Европы и другихъ частей свѣта. Объ этомъ обрядѣ мы позволимъ себѣ вставить нѣсколько словъ, а потомъ будемъ продолжать разборъ легенды о Сервіѣ Туллиѣ.

На той ступени умственнаго развитія, на которой не только находятся всѣ нецивилизованные народы, но и пребываютъ теперь, и пребывали въ древности нижніе слои культурныхъ народовъ, большая смертность дѣтей въ ранней жизни объясняется влияніемъ злыхъ демоновъ или нечистой силы, избирающихъ себѣ любимыми предметами нападенія малыхъ дѣтей. Для защиты послѣднихъ прибѣгаютъ къ множеству средствъ, въ особенности же къ защитѣ огня, который почти у всѣхъ народовъ на земномъ шарѣ съ самыхъ раннихъ эпохъ считается и считался самымъ дѣйствительнымъ средствомъ отъ навожденій нечистой силы. Спасательное значеніе огня сказывается уже во время родовъ, когда рождающемуся ребенку со стороны демоновъ грозитъ задушеніе. Малайскіе народы помѣщаютъ роженицъ вблизи огня и не гасятъ его въ продолженіе всего родильнаго періода. У нѣмецкихъ сельчанъ около новорожденнаго ночью горитъ одна или по нѣскольку свѣчекъ для защиты его отъ нечистой силы. Это продолжается или до крестинъ, или до сороковаго дня отъ рожденія. Во всей Скандинавіи огонь очага или печки не гасится до самыхъ крестинъ, чтобы троллы не похитили ребенка. На Гебридскихъ островахъ съ тою же цѣлью обносятъ огнемъ и мать, и новорожденнаго. Въ Индіи обращались съ молитвою къ Агни, богу огня, чтобъ онъ уничтожилъ огнемъ всѣхъ демоновъ, въ особенности же защищалъ во время родовъ ребенка отъ угрожающаго ему смертью злаго духа. Современные индусы еще во время родовъ въ видѣ жертвы бросаютъ въ огонь зерна и при этомъ приказываютъ удалиться злымъ демонамъ. Римляне по обычаю, сохранившемуся у многихъ христіанскихъ народовъ, во время родовъ зажигали свѣчу и одну изъ божественныхъ покровительницъ родовъ называли *dea Candelifera*. Не менѣе распространено прикладываніе ребенка къ огню. Обычай класть дѣтей въ печь упоминается уже въ англосаксонскихъ исповѣдныхъ книгахъ восьмага столѣтія и теперь еще въ ходу въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи. Какъ многіе языческіе обряды, такъ и этотъ къ концу среднихъ вѣковъ приписывался вѣдмамъ. По увѣренію авторовъ пятнадцатаго столѣтія, вѣдмы ночью приходятъ къ колыбелямъ, вынимаютъ изъ

нихъ дѣтей и жарятъ ихъ на огнѣ. Въ современной Греціи дѣтей, которыя рождаются на святкахъ, прикладываютъ къ кострамъ, зажигаемымъ на общественныхъ площадяхъ. Глубокая древность этого обычая видна изъ мѣологическихъ разказовъ объ Ахиллѣ и элевсинскомъ Демонфонтѣ. Изъ древняго освященія дѣтей огнемъ развился обрядъ амфидромій, справлявшихся обыкновенно въ седьмой день послѣ рожденія. Ребенка носили вокругъ огня домашняго очага и давали ему имя. Въ седьмой день, явились къ матери Мелеагра три Моїра и предсказали ей будущую судьбу сына. Благополучіе и жизнь его будетъ зависѣть отъ полѣна, горящаго на очагѣ. До сихъ поръ еще греческія роженицы со страхомъ ожидаютъ посѣщенія тѣхъ же Моїра, называемыхъ *καλαί*, *χρσαί*, *γλοχορίληται*. Имъ зажигаютъ три свѣчи, дарятъ ихъ золотомъ и угощаютъ медомъ, тогда онѣ три раза прикасаются къ новорожденному волшебною палочкою и предсказываютъ ему будущее ¹⁾).

Амфидроміямъ въ Римѣ соотвѣтствовалъ *dies lustricus*, день очищенія, или *dominalia*. Справляли его, если дитя было мужскаго пола, въ девятый день послѣ родовъ, почему и покровительницею дня считалась *dea Nundina*. Ребенку въ этотъ день давали имя, и надъ нимъ совершалось очищеніе (*lustratio*), откуда произошло названіе *dies nominalium* или *lustricus*. Какимъ способомъ производилась люстрація ребенка, не видно изъ дошедшихъ до насъ немногочисленныхъ показаній древнихъ авторовъ. Кромѣ нея въ *dies lustricus* примѣняли еще другое средство для защиты ребенка отъ наводненія нечистой силы: вѣшали на шею круглую сумочку (*bullae*) съ амулетами (*praebula*), изъ которыхъ обращаетъ на себя особенное вниманіе имѣющій фаллическую форму (*fascinum*). Затѣмъ въ тотъ же день гадали о будущемъ счастьи ребенка, взывая къ Фортунѣ, Каменамъ, *Fata Scribunda*, однимъ словомъ къ разнымъ божествамъ судьбы и прорицанія ²⁾). О способѣ гаданія до насъ не сохранилось также никакихъ показаній. Изъ факта взыванія къ *Fata Scribunda*, „пишущей“ богинѣ судьбы, становится однако вѣроятнымъ, что употребляли письменныя орудія гаданія, что невольно напоминаетъ письменна жребіевъ Фортуны. Относительно же люстраціи мы позволимъ себѣ высказать мысль, что она по крайней мѣрѣ въ старину производилась у италійскихъ народовъ такимъ

¹⁾ Э. Г. Мейеръ *Indogerm. Mythen* II, 497—525.

²⁾ Тертуліанъ, *De anima* 39.

же способомъ, какъ и въ греческія амфидроміи, прикладываніемъ ребенка къ огню. Объ этомъ полузабытомъ вполнѣдствіи обрядѣ также, какъ и въ Греціи, память удѣлѣла главнымъ образомъ въ миеологіи боговъ и героевъ. Важнѣйшимъ свидѣтельствомъ для насъ служить одна миеологическая сцена, изображенная на бронзовой цистѣ, найденной въ развалинахъ древняго города Фортуны. Пренесты, и принадлежащей теперь къ сокровищамъ берлинскаго музея ¹⁾). Въ этой сценѣ представленъ богъ Марсъ ребенкомъ. Его держитъ на рукѣ Минерва надъ сосудомъ, въ которомъ горитъ огонь. Другою рукою богиня посредствомъ палочки мажетъ ротъ ребенка. При этомъ обрядовомъ дѣйствіи присутствуютъ боги и богини: Юпитеръ (Jovis), Юнона, Меркурій, Геркулесъ, Аполлонъ, Либерь, Діана, Викторія и Фортуна. Послѣдняя находится въ сторонѣ отъ другихъ и отличена еще тѣмъ, что одна изъ всѣхъ держитъ въ рукѣ скипетръ. Уже первый толкователь памятника, Михаэлисъ, догадался, что здѣсь представлена семейная сцена изъ быта боговъ. Послѣдній толкователь, Ф. Марксъ ²⁾), переноситъ всю картину въ область какого-то индивидуальнаго миеа. Для сравненія съ пренестинскимъ памятникомъ онъ приводитъ изображеніе на двухъ этрусскихъ зеркалахъ. На одномъ представлена опять Минерва, держащая надъ амфорою младенца *Maris husnana*, отмахивающагося ручками и ножками. На одной сторонѣ стоитъ Афродита (*Turan*), а рядомъ съ нею сидитъ юноша *Leinth*, держащій на колѣнѣ другаго раздѣтаго ребенка, на которомъ, какъ и на первомъ младенцѣ, виситъ булла. На другой сторонѣ стоятъ безымянный юноша. Второе зеркало показываетъ Минерву, погружающую въ амфору младенца уже по грудь. Присутствуютъ опять съ одной стороны Туранъ и юноша, затѣмъ женщина *Amatutunia* и Гермесъ (*Turms*). Послѣдніе два держатъ на рукахъ каждый по ребенку, украшенному, какъ и первый, буллою. Прибавимъ въ заключеніе, что на краю третьей картины изображенъ богъ солнца, а на краю первой, пренестинской, трехглавый Церберъ. Марксъ изъ этого выводитъ заключеніе, что одна сцена происходитъ на землѣ, а другая въ подземномъ царствѣ. Пылающее въ урнѣ вещество, по его объясненію, огненная влага Пирифлегонта или Кокита или же вода Стикса. Въ основаніе трехъ изображаемыхъ сценъ, по догадкѣ Маркса, легъ индивидуальный миеъ

¹⁾ Monumenti inediti T. 9 tav. 58. Михаэлисъ *Annali dell'inst. arch.* 45, 221 сл.

²⁾ *Archaeol. Zeitung* 45 (1885), 169 сл.

приблизительно такого содержания: Афродита, обиженная недоступною дѣвственностью Минервы, вызываетъ въ ея сердцѣ любовь къ смертному юношѣ. Отъ этой связи рождаются три младенца, — Марксъ напоминаетъ о Палладѣ *Tricorymbes*, — изъ которыхъ старшій — богъ войны. Желая сдѣлать своихъ дѣтей безсмертными, мать подобно Фетидѣ купаетъ ихъ въ огненной влагѣ Стикса и натираетъ амброзією. Думаемъ, что главный сюжетъ объясняется и безъ такого фантастичнаго мифа, — толкователю для этого слѣдовало бы обратить болѣе вниманія на бытовую сторону предмета. Считаемъ не такъ важнымъ, какія божества въ отдѣльности избраны художниками для роли свидѣтелей; достаточно того, что они представлены свидѣтелями дѣйствія, происходящаго въ семейномъ кругу. Значеніе дѣйствія едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, если обратить только вниманіе на одну характерную подробность, на буллы, надѣваніе которыхъ, очевидно, только-что предшествовало совершенію представляемаго дѣйствія. Обрядъ надѣванія буллы происходилъ въ „день люстраціи“, очищенія дѣтей, а это-то очищеніе новорожденнаго Марса и трехъ другихъ, вѣроятно, божественнаго происхожденія младенцевъ, составляетъ главный сюжетъ трехъ изображеній. Минерва взяла на себя роль няньки, въ качествѣ богини-покровительницы дѣтскаго возраста. Люстрація производится посредствомъ держанія ребенка надъ огнемъ. Если огонь дѣйствительно почерпнуть изъ какой-нибудь огненной рѣки ада, — конечно, только не изъ холодной какъ ледъ воды Стикса, какъ думается Марксу, — то и этотъ фактъ нисколько не противорѣчитъ нашему объясненію. Быть боговъ въ общемъ представлялся по примѣру человѣческаго; есть, однако, и у него свои особенности. Когда богамъ требуется вода для совершенія обряда, на примѣрѣ, клятвы, то эту воду достаютъ изъ Стикса. Также и огонь, необходимый для обряда очищенія божественныхъ младенцевъ, не обыкновенный огонь, употребляемый смертными, а особенно священный адскій огонь. Добавимъ, что помазаніе новорожденнаго Марса также имѣетъ свою аналогію въ человѣческомъ обрядѣ, многочисленныя примѣры котораго приводятся Э. Г. Мейеромъ ¹⁾).

Мы остановились на италійскихъ памятникахъ искусства, представляющихъ мифическіе примѣры освященія огнемъ новорожденнаго ребенка, потому что они вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить свидѣтельствами объ исполненіи этого обряда въ семейномъ бытѣ италійскихъ

¹⁾ Indogermanische Mythen II, 515 сл.

народовъ. Если наше заключеніе вѣрно, то изъ него вполне возможно объяснить происхожденіе загадочной легенды о рожденіи Сервія Туллія и Цекула. Последняго нашли у огня на очагѣ, куда его положила сама мать. Въ этой чертѣ мы видимъ попытку объяснить при помощи легендарнаго первопримѣра, почему установился обрядъ прикладыванія поворожденныхъ къ огню домашняго очага, что дѣлалось, по нашему предположенію, въ *dies lustricus*. По извѣстному обычаю, новорожденнаго клали передъ отцомъ на землю для того, чтобы отецъ его поднялъ и этимъ призналъ законнымъ сыномъ. Аналогично этому легендарный младенецъ, въ первый разъ положенный на очагъ, какъ будто лежалъ у ногъ воображаемаго въ огнѣ бога, Вулкана или Лара. Только признаніе сыномъ со стороны бога происходитъ не тотчасъ, а впоследствии, посредствомъ чуда, когда возникаютъ сомнѣнія въ законности рожденія. Оставалось только разказать, какъ богъ огня сочетался любовью съ матерью ребенка. Въ легендѣ о Цекулѣ это происходитъ путемъ вылетанія изъ огня искры. Рожденіе Сервія Туллія придумано уже немного искусственнѣе. Изъ огня высовывается по направленію къ дѣвицѣ настоящее *fascinum*. Последнее, въ видѣ амулета играло извѣстную роль при обрядахъ дня очищенія. Возможно, что автору разказа о появленіи *fascinum* не чужда была мысль объяснить также употребленіе этого символа. Мы приходимъ къ заключительному выводу, что въ основаніе легенды о рожденіи Сервія Туллія и Цекула легла этиологія важнѣйшихъ обрядовъ такъ называемаго *dies lustricus*. Причину, почему начало этихъ обрядовъ приурочили къ инициаторамъ культа Фортуны въ Римѣ и Пренестѣ, мы объясняемъ себѣ тѣмъ, что въ обрядахъ этого дня поклоненіе Фортунѣ и гаданіе посредствомъ жребіевъ занимали особенно видное мѣсто. Легендарная царская личность, придуманная для объясненія происхожденія культа богини счастья и священной обстановки культа, превратилась въ живой примѣръ перваго примѣненія обрядовъ, столь тѣсно связанныхъ съ чествованіемъ той же богини.

А. Эрманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

HYGIN. POET. ASTRONOM. III 24

р. 92, 1 ed. Bunte.

Praeterea habet in utrisque manibus singulas stellas, quarum una, quae est in dextra manu maior et clarior, cum spicis conspicitur—такъ читается это мѣсто Гигина въ изданіи Бунте, который въ „Addenda et corrigenda“ р. 130 рекомендуетъ вставить еще *ea* передъ *cum spicis*. Не мѣшаетъ пояснить, что рѣчь идетъ о созвѣздіи Дѣвы.

Обращаясь къ рукописному преданію, имѣющемуся въ нашемъ распоряженіи ¹⁾, видимъ, что одна группа рукописей—именно *DHTW*, къ которымъ примыкаетъ и венеціанское изданіе Гигина, вышедшее въ 1482 году, даетъ *ea* ²⁾ *conspicitur* (безъ *cum spicis*), а въ другой, болѣе многочисленной группѣ, именно въ *BLMNPQRV* и мункеровскихъ ³⁾—вмѣсто *conspicitur* находимъ цѣлую фразу: *cum* ⁴⁾ *spicis* ⁵⁾ *esse dicitur*. Особнякомъ стоитъ *G*, гдѣ читается: *ubi spicae sunt esse dicitur*,—несомнѣнная интерполяція.

¹⁾ B = cod. Bruxellensis, XII вѣка, слѣч. Бурзіаномъ; D = cod. Dresdensis, IX—X вѣка, слѣч. Бунте; G = cod. Guelpherbytan., XIV вѣка (?), слѣч. Бунте; H = cod. Ambrosian. H 139 inf., XV вѣка; L = cod. Leidens. (Vossianus), IX—X вѣка, слѣч. Робертонъ; M = cod. Montepessulan., X вѣка, слѣч. Бурзіаномъ; N = cod. Vatic.-Palatin. 1363, XIII вѣка; P = cod. Parisin., XII—XIII вѣка, слѣч. Бурзіаномъ; Q = cod. Vatic.-Regin. 1207, XIII—XIV вѣка; R = cod. Vatic.-Regin. 1260, IX вѣка; T = cod. Vatic.-Regin. 1324, XV вѣка, V = cod. Vatic. lat. 3110 (первой), XV вѣка; W = cod. Vatic. lat. 3110 (второй) XV вѣка. Курскіе отмѣчены рукописи, слѣченныя нами самими.

²⁾ Это слово въ венеціанскомъ изданіи, какъ и въ *H*, пропущено.

³⁾ *Mythogr. Lat.* ed. Th. Muncker, Amstel. 1681.

⁴⁾ Въ *M* т. рг. написано *con*.

⁵⁾ Въ *VQ* читается *pistis*.

Изъ только что перечисленныхъ рукописей самая древняя — *DLMR*—по справедливости признаются и самыми авторитетными для критики текста Гигина.

Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Эратосееновскихъ *Catasterismōn*, которыми Гигину, несомнѣнно, приходилось пользоваться при составленіи своего труда, говорится слѣдующее: ἔχει δὲ ἀστέρας — — — ἐπὶ χειρὸς ἄκρας ἐκατέρας α'. ὁ δ' ἐπὶ τῆς εὐωνόμου λαμπρὸς καλεῖται Στάχος ¹⁾. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ базельско-парижскихъ схолий къ Германику читается: in *sinistra* clavior (sc. stella), quae vocatur spica ²⁾. На основаніи обоихъ этихъ мѣстъ уже Робертъ предложилъ исправить *dextra* гигиновскаго текста на *sinistra* ³⁾.

Для исправленія же явно испорченнаго переписчиками конца вышеприведеннаго мѣста Гигина разными издателями послѣдняго и другими учеными было предложено нѣсколько конъектуръ, изъ которыхъ упомянемъ слѣдующія, придерживаясь хронологическаго порядка. Мункеръ думалъ о чтеніи *et spica dicitur*, предлагая (въ своемъ комментарий) замѣнить словами *et spica* фразу *ea cum spicis esse*, находившуюся въ его рукописяхъ и удержанную имъ въ текстѣ ⁴⁾; онъ не объясняетъ однако процесса порчи этого *et spica* въ *ea cum spicis esse*.

Бунте, какъ мы уже видѣли выше, остановился на комбинаціи чтеній обѣихъ группъ рукописей—*ea cum spicis conspicitur*, но такого чтенія нельзя одобрить хотя бы въ виду разногласія этой его редакціи текста Гигина съ вышеприведенными параллельными мѣстами *Catasterismōn* и парижско-базельскихъ схолий къ Германику; правда, трудъ Эратосеена дошелъ до нашего времени не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ позднѣйшей, сокращенной переработкѣ, но и отсюда нельзя почерпнуть аргумента въ пользу чтенія, предложеннаго Бунте.

Бурзианъ ⁵⁾ предположилъ существованіе лакуны, замѣчая, что у Гигина могло стоять приблизительно слѣдующее: *ea* <στάχος vocatur quia manus ea> *cum spicis esse dicitur*, но, едва-ли кто будетъ сомнѣваться, что эта конъектура почтеннаго ученаго, при всей своей палеографической обоснованности (*ea* — *ea*), все же слишкомъ „*languet*“.

¹⁾ Eratosthen. *Catasterism.* IX p. 84, 14 Robert.

²⁾ *Schol. BP in Germanic.* p. 67, 19 Breysig.

³⁾ Eratosth. *l. c.* p. 85.

⁴⁾ Фанъ-Ставеренъ (*Auctores mythogr. Lat.*, Lygd. Bat. et Amstel. 1742) p. 526 удерживаетъ текстъ Мункера, сообщая догадку послѣдняго лишь въ примѣчаніи.

⁵⁾ *Sitzungsberichte der k. bayr. Akad. der Wiss., Histor.-philol. Classe*, 1876, p. 44.

Наконецъ, Вилламовицъ-Мёллендорфъ предложилъ читать *ea* Στάχυς *dicitur*, что и принялъ въ свой текстъ Гигина Робертъ ¹⁾, поясняя въ примѣчаніи; „in archetypo СТАХΥС scriptum erat: librarius *C con vel cum esse stollide putavit*“. Ни тотъ, ни другой ученый однако не разъясняютъ причины, почему это Гигинъ,—который надо замѣтить, никогда не употребляетъ безъ особенной надобности греческихъ выраженій,—счелъ необходимымъ предпочесть въ данномъ мѣстѣ греческое στάχυς латинскому *spica* ²⁾.

Мы полагаемъ, что всего проще и всего ближе къ рукописному преданію будетъ слѣдующее чтеніе разбираемаго мѣста:

*stellas, quarum una, quae est in sinistra
manu, maior et clarior est ac spica
dicitur.*

Дѣло въ томъ, что неправильное перемѣщеніе одной черточки, надписанной надъ словомъ и обозначающей сокращеніе послѣдняго, могло превратить подлинное чтеніе *est ac*—написанное сокращенно *ē ac*—въ *ea ē*, то-есть въ *ea con* ³⁾. Дальнѣйшими ошибками переписчиковъ были въ одной группѣ рукописей или, выражаясь точнѣе, въ архетипѣ этой группы—слитіе словъ *ē spica dicitur* (*ē spica dīr*) въ одно слово *conspicitur*, а въ архетипѣ другой группы—передѣлка тѣхъ словъ въ *cum spicis esse dicitur*.

Послѣдняя передѣлка какъ будто отзывается интерполяціей, и это обстоятельство, естественно, должно набросить тѣнь на критическую благонадежность вышеупомянутой второй группы рукописей: можно предположить, что въ ихъ архетипѣ читалось:

ē spicis dicitur,

при чемъ *a* было надписано надъ строкой, какъ поправка ошибочнаго *is* въ *spicis*, а переписчики (не безъ воздѣйствія предыдущаго „*cum*“⁴⁾) приняли это *a* за *ēe*, то-есть за *esse*, откуда и получилось ихъ чтеніе *cum spicis esse dicitur*.

М. Крашенинниковъ.

¹⁾ См. выше, стр. 119, примѣч. 3.

²⁾ Иное дѣло — *protrygeter*, стоящее строкой выше у Гигина (*Poet. Astronom.* III р. 24, р. 91, 24 Bunte = р. 85, 17 Robert) и, къ слову сказать, напрасно сообщаемое издателями (Мункеръ, Бунте, Робертъ) не въ латинской транскрипціи, а по гречески.

³⁾ Ср. выше, стр. 118, примѣч. 4.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРИСТА-ВТОРОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(ноябрь и декабрь 1895 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (18-го августа 1895 года). Обь опредѣленіи врача при Пинскомь еврейскомь начальномь училищѣ.	3
2. (18-го августа 1895 года). Обь учрежденіи шести стипендій имени въ Бозѣ почившаго Государа Императора Александра III-го при Житомирскомь двухклассномь городскомь училищѣ.	—
3. (9-го іюня 1895 года). О присвоеніи наименованія „пенсій и пособій Имени Императора Николая II“ воспособленіямъ, производимымъ нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ	21
4. (30-го сентября 1895 года). Обь учрежденіи при Устюженскомь городскомь училищѣ стипендіи въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.	—
5. (30-го сентября 1895 года). Обь учрежденіи стипендіи Имени въ Бозѣ почивающаго Государа Императора Александра III при Устюженскомь городскомь училищѣ	22
6. (30-го сентября 1895 года). Обь учрежденіи при Козьмодемьянскомь городскомь училищѣ стипендіи Имени Его Императорскаго Величества Государа Императора	—
7. (30-го сентября 1895 года). О присвоеніи учреждаемой въ городѣ Кустанаѣ Тургайской области, русско-киргизской женской прогимназіи наименованія „Александринской“	—

8. (30-го сентября 1895 года). О присвоении трех киргизским стипендіямъ при Троицкой гимназій Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III.	23
9. (30-го сентября 1895 года). О разрѣшеніи учреждать при приходскихъ и начальныхъ училищахъ Закаспійской области должности почетныхъ блюстителей.	—
10. (30-го сентября 1895 года). Объ учрежденіи при Симбирской мужской гимназій двухъ стипендій Имени въ Бозѣ почивающихъ Императоровъ Александра II и Александра III.	24
11. (30-го сентября 1895 года). О переводѣ изъ Оренбургской гимназій въ Астраханскую шести стипендій, назначенныхъ для дѣтей киргизовъ Внутренней Орды	—
12. (13-го октября 1895 года). Объ учрежденіи Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III	—
13. (19-го октября 1895 года) Объ учрежденіи Саратовскаго Общества естествоиспытателей и любителей естествознанія и Туркестанскаго кружка любителей археологій.	25

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. 25

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

19-го сентября 1895 года	4
23-го сентября 1895 года	—
3-го октября 1895 года.	—
26-го октября 1895 года	38
1-го ноября 1895 года	39
4-го ноября 1895 года	—
11-го ноября 1895 года	—
15-го ноября 1895 года	—

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (24-го августа 1895 года). Положеніе о шести стипендіяхъ Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III при Житомирскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ	10
2. (6-го сентября 1895 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Ивановича Шипова при Нижегородской Марининской женской гимназій	11
3. (8-го сентября 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Семсона и Пелагеи Федоровскихъ и Марыи Мельниковой, при Сумской женской гимназій.	12
4. (19-го сентября 1895 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ относительно порядка представленій о повышеніи платы за ученіе въ среднихъ заведеніяхъ	13

5. (10-го октября 1895 года). Положеніе о стипендіи имени Александра Романовича фонъ-Эссенъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	40
6. (10-го октября 1895 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы генераль-маіора Августы Николаевны Бекманъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.	41
7. (28-го октября 1895 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ обмѣнѣ учебными заведеніями облигацій 4% внутреннихъ займовъ на свидѣтельства государственной 4% ренты	—
8. (31-го октября 1895 года). Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ имени бывшаго заслуженнаго ординарнаго профессора сего университета, нынѣ покойнаго статскаго совѣтника Ивана Ивановича Федоренко	42
9. (31-го октября 1895 года). Правила о одновременныхъ пособіяхъ имени Федора Тихоновича Смирнова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	43
10. (31-го октября 1895 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Ивана Марковича Гаюса при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.	44
11. (2-го ноября 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Варвары Андреевны и Андрея Алексѣевича Алексѣевыхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ для окончившихъ въ немъ курсъ и пожелавшихъ посвятить себя дальнѣйшему усовершенствованію въ наукахъ въ Россіи и за границей	45
12. (2-го ноября 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Варвары Андреевны и Андрея Алексѣевича Алексѣевыхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	—
13. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о приѣмѣ золотой монеты въ платежи кассами учебныхъ заведеній.	46

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ 48

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ 13 и 55,

Открытіе училищъ	15✓
Офиціальныя извѣщенія	69

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

	СТРАН.
П. Э. Лейфельдъ. Логическое учение объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки (<i>продолженіе</i>)	1
С. О. Ольденбургъ. Первый полный переводъ Палійскаго сборника джатакъ	36
В. О. Миллеръ. Къ быліиѣ о Соловьѣ Будимировичѣ	57
Н. Н. Дебольскій. Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ	77
А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи эпитета	179
А. С. Хахановъ. Грузинскій поэтъ XII вѣка Ш. Руставели и его поэма „Барсова кожа“	200
Н. В. Ястребовъ. Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Петра Хельцицкаго	224
Э. Л. Радловъ. Ученая дѣятельность профессора М. И. Каринскаго (<i>окончаніе</i>)	281
В. И. Курдиновскій. Губныя учрежденія Московскаго государства (<i>окончаніе</i>)	309

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Э. Л. Радловъ. <i>Минто, В.</i> Логика дедуктивная и индуктивная. Переводъ С. А. Котляревскаго, подъ редакціей В. Н. Ивановскаго. Москва. 1895	115
А. П. Нечаевъ. <i>Фридрихъ Кирхнеръ.</i> Исторія философіи съ древнѣйшаго до настоящаго времени (<i>Geschichte der Philosophie</i>). Переводъ съ нѣмецкаго В. Д. Вольфсона. Съ дополнительною статью „Русская философія“ В. Чуйко. С.-Пб. Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго. 1895	119
М. Н. Крашенинниковъ. <i>Istituto storico italiano. Fonti per la storia d'Italia. Scrittori, secolo VI.—La guerra Gotica di Procopio di Cesarea. Domenico Comparetti.</i> Vol. I. Roma. 1895	123
А. М. Позднѣевъ. Еще по вопросу о послѣднихъ изданіяхъ Православнаго Миссіонерскаго Общества на калмыцкомъ языкѣ	158
А. С. Лапко-Данилевскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. <i>А. И. Никитскаго</i>	343
Ө. Ө. Зигель. „Россія“. <i>В. Р. Морфилля</i>	397
Ө. Д. Бятушковъ. Французско-русскій этимологическій словарь, содержащій въ постепенномъ порядкѣ всѣ слова французскаго языка, разобранныя и группированныя по корнямъ. Составилъ <i>И. Такеллы</i> . С.-Пб. 1893—1894.	404
Книжныя новости	172 и 418

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

СТРАН.

Ө. Д. Батюшковъ. О французскомъ языкѣ и его преподаваніи въ университетѣ	1 ✓
М. Столяровъ. Православныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ (<i>окончаніе</i>)	24
Наша учебная литература (разборъ 18 книгъ и изданій).	72 и 45
	✓ 87

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНИСЬ.

Отчетъ о шестомъ присужденіи Академіею Наукъ премій митрополита Макарія въ 1895 году.	1 ✓
Отчетъ о тридцати седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова.	25
Наши учебныя заведенія: Среднія и низшія школы Кіевского учебнаго округа въ 1894 году	45
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Е. А. Ёфловъ (<i>некрологъ</i>)	102 ✓

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

А. Ө. Эрманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (<i>продолженіе</i>).	33 и 100 ✓
В. В. Латышевъ. Эпиграфическіе этюды (<i>продолженіе</i>)	32 ✓
В. И. Модестовъ. Замѣтки по Тациту (<i>продолженіе</i>)	47 ✓
N. Novossadsky. Ad papulum magicam bibliothecae parisinae nationalis adnotationes palaeographicae	81 ✓
Ө. Ө. Соколовъ. Новая книга о Дельфахъ	88
М. Н. Крашенинниковъ. Нугин.	118 ✓

Въ приложеніи.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики.	81 — 122 ✓
---	------------

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

RETURN TO

CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

LOAN PERIOD 1

HOME USE

4

2

3

5

6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
1-month loans may be renewed by calling 642-3405

6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

OCT 22 1977 02

REG. CIR. APR 23 77

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

FORM NO. DD 6,

TU 2267

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C032013978

855877

L451
A4
v. 302

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

01

